

В.И. Столяров

**ФИЛОСОФИЯ СПОРТА  
И  
ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

**Книга I.**

**ВВЕДЕНИЕ В МИР  
ФИЛОСОФИИ СПОРТА  
И ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Издательство «Университетская книга»  
Москва  
2011

**УДК 796.5(075.8)**  
**ББК 75.81я73**  
**С 81**

**ISBN 978-5-91304-239-2**

**Столяров В.И.**

Философия спорта и телесности человека: Монография. В 2-х кн. – Кн. 1. Введение в мир философии спорта и телесности человека. – М.: Издательство «Университетская книга», 2011. – 766 с.

Монография посвящена философии спорта и телесности человека. Не претендуя на систематическую и полную характеристику, автор прежде всего ставит своей задачей ввести читателя в мир этой философской дисциплины: ознакомить с ее наиболее важными, а вместе с тем сложными проблемами, различными подходами к их решению, показать значение философии спорта и телесности человека, ее место в философии, в структуре «спортивной науки» и т.д.

В книге ставится задача подвести итоги многолетней (с 1972 г.) разработки автором философских проблем физической культуры и спорта, на основе обобщения и систематизации полученных результатов изложить свою позицию в отношении решения этих проблем и соответствующей философской дисциплины, а вместе с тем как можно более полно представить взгляды и аргументы других философов. В книге, пожалуй, впервые сделана попытка дать более или менее полное представление о подходах к разработке философских проблем спорта и телесности человека, а также соответствующей философской дисциплины исследователей стран Западной и Восточной Европы, Канады и Америки. Впервые представлена и соответствующая библиография публикаций. Книга снабжена именным указателем.

Признавая возможность различных подходов к разработке философии спорта и телесности человека, автор обосновывает возможность и целесообразность ориентации при этом в первую очередь на принципы научной диалектической методологии, а также на идеи, идеалы и ценности гуманизма.

Монография носит междисциплинарный характер и адресована как научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, так и широкому кругу читателей – всем, кто, интересуясь либо философией, либо спортом и физической (телесной) культурой, пытается понять смысл и значение соответствующих философских проблем. Она может быть использована как учебное пособие по философии спорта и телесности человека для тех, кто изучает или преподаёт эту дисциплину. Содержащаяся в книге обширная информация, а также библиография по различным философским проблемам спорта и телесности человека будут полезны и тем, кто занимается разработкой этих проблем.

Текст работы разбит на две книги. В данной книге представлен теоретический анализ философских проблем спорта и телесности человека. Вторая книга будет посвящена прикладным аспектам философии спорта и телесности человека.

**ISBN 978-5-91304-239-2**

© Столяров В.И., 2011

## **СОДЕРЖАНИЕ**

### **ВВЕДЕНИЕ**

#### **Раздел I.**

### **МЕТАФИЛОСОФИЯ СПОРТА И ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

#### **Глава 1. Философия и философские проблемы**

- 1.1. Что такое философия
- 1.2. Типология философских проблем

*Литература*

#### **Глава 2. «Природа» и предмет философии спорта и телесности человека**

- 2.1. Авторская концепция
- 2.2. Аналитический обзор публикаций

*Литература*

#### **Глава 3. Парадигмальные, общеметодологические основания анализа философских проблем спорта и телесности человека**

- 3.1. Научный подход к решению философских проблем
- 3.2. Принципы и законы диалектики, правила диалектического метода
- 3.3. Идеи, идеалы и ценности гуманизма
- 3.4. Другие парадигмальные, общеметодологические основания

*Литература*

#### **Глава 4. Становление, развитие и структура философии спорта и телесности человека**

- 4.1. Становление и развитие философской рефлексии спорта и телесности человека
- 4.2. Структура философии спорта и телесности человека, ее взаимоотношение с другими философскими дисциплинами и спортивными науками

*Литература*

#### **Раздел II.**

### **ЛОГИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ СПОРТА И ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

#### **Глава 5. Логико-методологические проблемы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного познания спорта и телесности человека**

- 5.1. Понятие и логический прием определения понятий
- 5.2. Логико-методологическое требование эффективности определений
- 5.3. Логико-методологический принцип различения содержательного и терминологического аспектов определения
- 5.4. Необходимость анализа системы понятий

*Литература*

#### **Глава 6. Диалектический принцип единства логического и исторического и его методологическое значение в научном познании спорта и телесности человека**

- 6.1. Соотношение реального исторического процесса и научных знаний о нем
- 6.2. Должна ли логическая последовательность изучения явлений соответствовать реальной хронологии их появления?
- 6.3. Взаимосвязь изучения внутренней «логики» исторического процесса и конкретных форм ее проявления
- 6.4. Абстрактно-теоретический и конкретно-хронологический способы изображения исторического процесса

- 6.5. Логический и исторический методы научного познания
- 6.6. Логический и исторический способы критического анализа концепций

*Литература*

## **Глава 7. Философско-методологические проблемы дифференциации и интеграции наук о спорте**

- 7.1. Философско-методологические проблемы дифференциации наук о спорте
- 7.2. Философско-методологические проблемы интеграции наук о спорте

*Литература*

## **Раздел III. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «СОПЕРНИЧЕСТВО», «СПОРТ» И КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОЛИМПИЗМА**

### **Глава 8. Соперничество как социальный феномен**

- 8.1. Понятие соперничества
- 8.2. Виды соперничества
- 8.2. Свойственно ли соперничество природе человека?

*Литература*

### **Глава 9. Спорт как социальный феномен**

- 9.1. Понятие спорта
- 9.2. Многообразные виды, разновидности и исторические формы спорта

*Литература*

### **Глава 10. Спорт и другие социальные явления: сходство и различие**

- 10.1. Спорт и игра
- 10.2. Спорт и труд
- 10.3. Спорт и искусство

*Литература*

### **Глава 11. Философские основы олимпийского движения**

- 11.1. Кубертеновская философская концепция олимпийского движения
- 11.2. Современные философские интерпретации олимпийского движения

*Литература*

## **Раздел IV. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СПОРТА (общие проблемы)**

### **Глава 12. Необходимость разработки, предмет и значение гуманистической теории спорта**

- 12.1. Необходимость разработки гуманистической теории спорта
- 12.2. Предмет, значение и состояние разработки гуманистической теории спорта

*Литература*

### **Глава 13. Содержание и методологические принципы дискуссий о гуманистическом значении спорта**

- 13.1. Содержание дискуссий
- 13.2. Методологические принципы решения проблемы

*Литература*

### **Глава 14. Социальный потенциал спорта**

- 14.1. Гуманистический потенциал спорта
- 14.2. Диалектически-противоречивый характер социального потенциала спорта

*Литература*

### **Глава 15. Диалектически - противоречивые реалии спорта**

- 15.1. Реальные проявления гуманистической функции спорта
- 15.2. Противоречивость социальных функций и социального использования спорта

*Литература*

## **Глава 16. Гуманистическая оценка перемен в современном спорте и олимпийском движении**

16.1. Позитивные изменения

16.2. Противоречивость современного спорта и олимпийского движения в реализации гуманистических идеалов и ценностей

*Литература*

## **Глава 17. Факторный анализ социального значения спорта**

17.1. Эклектика и диалектика в понимании социального значения спорта

17.2. Субъективные факторы

17.3. Объективные факторы

*Литература*

## **Раздел V. ОСНОВЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕТСКОГО СПОРТА**

### **Глава 18. Что такое гуманистическая теория детского спорта и зачем она нужна**

18.1. Обоснование необходимости гуманистической теории детского спорта

18.2. Предмет и состояние разработки гуманистической теории детского спорта

*Литература*

### **Глава 19. Проблема социального смысла и значения детского спорта**

19.1. Противоположные мнения о социальном смысле и значении детского спорта

19.2. Диалектическая оценка с позиций гуманизма социального значения детского спорта

*Литература*

## **Раздел VI. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПОРТА И ПОЛИТИКИ**

### **Глава 20. Постановка проблемы и методология ее решения**

20.1. Дискуссии по проблеме

20.2. Методологические принципы разрешения проблемы

20.3. Понятийный аппарат

*Литература*

### **Глава 21. Изначальные проблемы социально-философской концепции взаимоотношения спорта и политики**

21.1. Является ли спортивная деятельность политической?

21.2. Существует ли связь спорта с политикой?

21.3. Можно ли избежать негативного влияния политики на спорт и олимпийское движение?

*Литература*

### **Глава 22. Типология форм связи спорта и политики**

22.1. Использование спорта в политических целях

22.2. Спортивная политика. Спорт как сфера деятельности субъектов политики

22.3. Политическая активность спортсменов

22.4. Политическое воспитание спортсменов и роль спорта в этом воспитании

22.5. Влияние социально-политической структуры общества на спорт и спортивную политику

*Литература*

## **Раздел VII. СПОРТ И КУЛЬТУРА**

### **Глава 23. Постановка проблемы**

23.1. Различия и противоречия в оценке взаимоотношения спорта и культуры

23.2. Понятие культуры

*Литература*

## **Глава 24. Спортивная культура и ее разновидности**

- 24.1. Понятие и структура спортивной культуры
- 24.2. Разновидности спортивной культуры (общая характеристика)
- 24.3. Понятие, структура и значение спортивно-гуманистической культуры
- 24.4. Понятие, структура и значение олимпийской культуры
- 24.5. Понятие, структура и значение спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры
- 24.6. Базис и надстройка спортивной культуры

*Литература*

## **Раздел VIII. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

### **Глава 26. Телесность человека и «физическая культура» как объекты философского исследования**

- 26.1. Тело человека
- 26.2. Социальные функции и социокультурная модификация тела человека
- 26.3. Проблемная ситуация философского анализа «физической культуры»

*Литература*

### **Глава 27. Физкультурная двигательная деятельность как объект философского анализа**

- 27.1. Физкультурная деятельность как особая форма двигательной активности человека
- 27.2. Социокультурное значение физкультурной двигательной деятельности
- 27.3. Социальные барьеры физкультурно-двигательной активности (философско-социологический анализ)

*Литература*

### **Глава 28. Телесная культура как объект философского исследования**

- 28.1. Понятие и структура телесной культуры
- 28.2. Проблематика философско-культурологического исследования телесной культуры (общая характеристика)
- 28.3. Типология социокультурных ценностей тела человека и сфер их реализации
- 28.4. Основные формы (модели) телесной культуры
- 28.5. Исторический подход к анализу телесной культуры
- 28.6. Развитие фитнес-движения как показатель изменения отношения современного человека к телесности
- 28.7. Взаимоотношение телесной культуры с другими элементами культуры
- 28.8. Особенности авторской концепции «физической культуры»

*Литература*

**Вместо Заключения:**

## **АВТОРСКАЯ ШКОЛА ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА СПОРТА И ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

*Литература*

*Именной указатель*

## ВВЕДЕНИЕ

В данной книге обсуждаются проблемы философской дисциплины, которую автор называет *«философией спорта и телесности человека»*.

Хотя это относительно молодая философская дисциплина, но она приобретает все более важное значение в системе философии и «спортивной науки» (научных дисциплин, делающих предметом своего исследования сферу спорта и телесности человека).

Повышение значимости философии спорта и телесности человека определяется прежде всего сложным и противоречивым характером развития спорта, его неразрывной связью со всеми сторонами общественной жизни (экономикой, политикой, культурой и др.), интенсивным развитием научных исследований в области спорта и необходимостью существенного повышения их эффективности. На важное значение осмысления философских проблем спорта еще в 1927 г. обращал внимание известный философ Макс Шелер: «Вряд ли какой другой феномен в мире заслуживает сегодня в такой же степени глубокого социально-философского и психологического изучения, как спорт» [цит. по: Guttman, 1978, р. VII]. Когда на собрании, посвященном 25-летию Немецкого спортивного союза, тогдашний федеральный канцлер в начале своего доклада заявил: «О спорте всегда слишком много философствовали, а лучше им нужно просто больше заниматься», известный немецкий философ и олимпийский чемпион Ганс Ленк, возражая ему, сказал: «Напротив, в последние годы о спорте слишком мало философствовали» [цит. по: Court, 1988, s. 230]. Некоторые исследователи [см., например: Approaches... 1973, р. 523] указывают на то, что спорт представляет собой для философов интерес не только сам по себе, но и как идеальный феномен, на основе изучения которого можно проверить основные философские концепции.

Все большее внимание философов привлекают и проблемы телесности человека. Во многом это связано с тем, что в последнее время в общественном сознании формируется настоящий культ тела, что служит основанием для вывода о кардинальных изменениях (и даже «революции») в отношении современного человека к своей телесности.

Специфика предмета (проблематики, исследовательских проблем и задач) философии спорта и телесности человека, как видно из самого ее названия, связана с тем, что она при анализе спорта и телесности человека ориентируется на цели и задачи *философского* исследования, использует соответствующий понятийный аппарат и методы. В ряде случаев автор уточняет свое понимание философии, тех или иных философских понятий и методов, но не ставит задачей дать их детальную характеристику, предполагая, что читатель уже имеет достаточно полное и глубокое представление о философии.

Основной акцент в данной книге делается на анализ проблем *философии спорта и телесности человека*. При этом автор не претендует на ее систематическое и полное изложение. Главная цель книги – *ввести читателя в мир данной философской дисциплины*. Этот мир имеет свой специфический и сложный язык, свою систему понятий, множество разнообразных подходов к решению тех или иных проблем и т.д.

В связи с этим решаются три основные задачи.

Первая задача – помочь читателю в осмыслении основных аспектов *философии спорта и телесности человека*:

- обосновать применимость и целесообразность философского подхода к исследованию спорта и телесности человека;

- на основе этого определить проблематику философского исследования спорта и телесности человека, познакомить читателя с теми наиболее важными, а вместе с тем сложными проблемами той философской дисциплины, в рамках которой проводится это исследование;

- уточнить место философии спорта и телесности человека в системе философии и «спортивной науки»;

- показать ее теоретическое и практическое значение.

Вторая задача – как можно более полно представить взгляды *различных философов*, чтобы читатели могли получить информацию об огромной палитре разнообразных мнений, подходов, концепций по обсуждаемым сложным и дискуссионным философским проблемам спорта и телесности человека.

В данной работе, пожалуй, впервые сделана попытка изложить подходы к разработке этих проблем, а также соответствующей философской дисциплины, исследователей *различных стран* (прежде всего стран Западной и Восточной Европы, Канады и Америки). В ранее опубликованных работах по философским проблемам спорта и телесности человека, как правило, отсутствует (или почти отсутствует) анализ (и даже упоминание) публикаций по этим проблемам либо в странах Западной Европы, Канады и Америки, либо в России и других странах Восточной Европы.

Этим стремлением автора объясняются многочисленные ссылки в тексте на публикации отечественных и зарубежных авторов по философским проблемам спорта и телесности человека. Для удобства читателей список упоминаемых в тексте публикаций приводится *после каждой главы* книги. Каждый такой список – *библиография* работ по теме соответствующего раздела книги, а в своей совокупности эти списки – *общая библиография* публикаций по философским проблемам спорта и телесности человека.

Такой библиографии до сих пор не было не только в отечественной, но и в зарубежной философии. В отечественной философии ранее вообще не предпринимались попытки разработать библиографию публикаций по проблемам философии спорта и телесности человека, а в зарубежных публикациях [см., например: Osterhoudt, 1998; Osterhoudt, Simon, Volkwein, 2000; *Philosophic inquiry...* 1995], как правило, полностью отсутствуют ссылки на работы отечественных философов и других стран Восточной Европы.

Библиография, представленная в данной книге, поможет читателям войти в мир философии спорта и телесности человека, познакомиться с проблемами этой философской дисциплины и решениями данных проблем. Кроме того, библиографические ссылки позволяют автору не анализировать все аспекты этих философских проблем. При желании читатель может обратиться к рекомендуемым публикациям. Тем самым книга предоставляет ему возможность оценить различные аргументы и сформировать собственную позицию по обсуждаемым философским проблемам.

Книга снабжена именным указателем. Он дает представление о том, что философские проблемы спорта и телесности человека привлекали и привлекают внимание многих философов различных стран, а кроме того позволяет читателю найти те страницы книги, на которых речь идет о том или ином философе.

Третья задача, которую ставит перед собой автор книги, – представить на суд читателей свое *собственное представление* о философии спорта и телесности человека, о тех проблемах, которые она ставит и пытается решить. В основе данной книги – многолетняя разработка автором логико-методологических и других проблем общей философии (в период работы с 1959 по 1972 г. в Институте философии АН СССР), а также философских проблем спорта и телесности человека (в период работы с 1972 г. по настоящее время в ГЦОЛИФК). Результаты этой исследовательской философской деятельности отражены более чем в 700 научных публикациях (монографиях, статьях и т.д.) автора, а также в публикациях и диссертациях его многочисленных учеников. В данной работе предпринимается попытка *обобщить, систематизировать, а также конкретизировать и дополнить* полученные ранее автором и его учениками результаты разработки философии спорта и телесности человека. Эти результаты автор, естественно, рассматривает не как единственно возможные, окончательные, а как подлежащие дальнейшему обсуждению.

Текст работы разбит на две книги. В первой книге представлен *теоретический* анализ философских проблем спорта и телесности человека. Вторая книга будет посвящена *прикладным* аспектам философии спорта и телесности человека.

Книга ориентирована не только на философов-профессионалов, но и на всех, кто интересуется философией и пытается понять смысл и значение философских проблем спорта и телесности человека. Этим во многом определяется ее стиль и язык изложения.

И несколько слов относительно терминологии. Как отмечено выше, обсуждаемую в данной книге философскую дисциплину автор называет *«философией спорта и телесности человека»*. Для ее обозначения часто используются другие термины. Поэтому сделаем некоторые пояснения, почему автор выбрал именно такое название.



Прежде всего укажем на то, что, как будет обосновано ниже, более точным названием обсуждаемой философской дисциплины было бы «*философия физкультурно-спортивной деятельности и телесности человека*». Но термин «*спорт*» часто применяется в широком смысле, при котором он заменяет термин «*физкультурно-спортивная деятельность*».

Такой терминологический вариант характерен для зарубежных публикаций. Например, С. Кретчмар в книге «Практическая философия спорта» пишет: «Под спортом будут пониматься и соревнования по отдельным видам спорта наподобие баскетбола или волейбола, однако понятие “спорт” чаще будет использоваться в широком смысле, включая многие виды двигательных действий» [Kretchmar, 1994, р. XVIII]. Поэтому для обсуждаемой философской дисциплины вместо длинного названия «*философия физкультурно-спортивной деятельности и телесности человека*» используется более короткое название «*философия спорта и телесности человека*».

В отечественных публикациях вместо этого названия чаще всего применяется другое – «*философия спорта и физической культуры*». Автор отказался от использования термина «*физическая культура*», заменив его на термин «*телесность человека*», по следующим причинам: понятие «*физическая культура*» относится к числу наиболее неопределенных и дискуссионных понятий; оно практически не употребляется в зарубежных публикациях; понятие «*телесность человека*» как более широкое понятие характеризует и те социальные явления, о которых идет речь в понятии «*физическая культура*».

И еще одно соображение терминологического плана. В последующем тексте иногда – опять-таки для краткости – вместо длинного термина «*философия спорта и телесности человека*» будет использоваться (разумеется, лишь в том случае, если это не препятствует правильному пониманию текста) более короткий термин «*философия спорта*», что часто практикуется в зарубежных публикациях.

## Раздел I

# МЕТАФИЛОСОФИЯ СПОРТА И ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Раздел посвящен метафилософии спорта и телесности человека.

Понятие «*метафилософия*» вводится автором и используется в данной работе по аналогии с принятыми в логике и методологии науки понятиями «метаязык» и «метатеория». *Метаязык* (греч. meta – после, за, позади) – это язык, средствами которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка. *Метатеория* – это теория, делающая предметом своего изучения другую теорию. Например, метатеория спорта – теория, изучающая теорию спорта – ее особенности, методы и т.д.

В соответствии с этим «*метафилософия*» – это философский (теоретический) анализ какой-то другой философской дисциплины. Предметом изучения *метафилософии спорта и телесности человека* является философия спорта и телесности человека.

Значит, цель данного раздела – дать характеристику философии спорта и телесности человека, т.е. ответить на вопросы, что представляет собой эта философская дисциплина, что она изучает, какие проблемы ставит и решает, какое значение имеет, какое место занимает в системе философских дисциплин, а также «спортивных наук» и т.д.

## Глава 1. Философия и философские проблемы

О философии спорта и телесности человека прежде всего можно сказать, что это *философская* дисциплина, которая изучает данные социальные явления с позиций *философии*, стремится выявить и подвергнуть анализу связанные с ними *философские* проблемы. Поэтому для конкретизации представления о философии спорта и телесности человека в первую очередь важно уточнить, что такое философия и философские проблемы вообще.

### 1.1. Что такое философия

Вопрос о том, что такое философия, что она изучает, является сложным и дискуссионным.

Как отмечают авторы опубликованного в 2011 г. «Философского энциклопедического словаря» [Философский энц. словарь, 2011], «вопрос о том, что такое философия и в чем заключена ее ценность, является спорным». Разъясняя данное положение, они ссылаются на то, что одни люди «ожидают чрезвычайных откровений» от философии, тогда как другие «позволяют равнодушно игнорировать ее как беспредметное мышление». В подтверждение упомянутого положения приводятся и различные мнения о философии самих философов: «Согласно Платону, философия – познание сущего, или вечного, непреходящего; по Аристотелю, философия – исследование причин и принципов вещей. Стоики определяют философию как стремление к теоретической и практической обстоятельности, эпикурейцы – как путь для достижения счастья посредством разума... Фрэнсис Бэкон и Декарт понимают под философией целостную, единую науку, облеченную в понятийную форму. Христиан Вольф называет философию наукой о всех возможных вещах – как и почему они возможны. Кант отличает философию в ее школьном понимании – как систему всех философских знаний – от философии, рассматриваемой с точки зрения понимания ею мира, как науку об отношении всего познания к существенным целям человеческого разума... Гегель называет философией мысленное рассмотрение предметов, науку о разуме, постигающем самого себя. Согласно Шопенгауэру, перед философией стоит задача повторить всю сущность мира в понятиях – в абстрактной, всеобщей и отчетливой форме. Гёте признает себя философом, поскольку философия возвышает, упрочивает и превращает в глубокое, спокойное созерцание наше первоначальное ощущение того, что мы составляем с природой единое целое. Согласно Н. Гартману, философия является мировым сознанием, в котором человек, находящийся в мире, пытается уяснить себе и при и самого себя» [Философский энц. словарь, 2011, с. 481–483].

В этом обширном списке различных подходов к пониманию философии перечислены, конечно, не все, на что и не претендовали авторы указанной работы.

При обсуждении вопроса о предмете философии часто он не выделяется четко и однозначно. Так, иногда к философским причисляются те или иные проблемы, изучаемые другими науками. Например, в начальный период дифференциации наук под философией нередко понимались *наиболее важные, фундаментальные положения той или иной науки.*

Такая трактовка философии лежит в основе работы «Философия ботаники» (1751) шведского естествоиспытателя, создателя системы растительного и животного мира Карла Линнея (1707–1778) и работы «Философия зоологии» (1809) французского естествоиспытателя, предшественника Ч. Дарвина Жана Батиста Ламарка (1744–1829).

Проявления *«расширительного»* подхода к пониманию предмета философии имеют место и в настоящее время. Вот две иллюстрации такого понимания ее предмета. Анжела Лампкин, проф. университета Северной Каролины (США), так определяет предмет философии: «Философию можно определить как любовь к мудрости или более широко как поиск истины» [Lumpkin, 1990, p. 22]. Таким же образом философию характеризуют и авторы упомянутого выше «Философского энциклопедического словаря». Они пишут: «Философия (от греч. *phileo* – люблю, *sophia* – мудрость) – любовь к истине» и отмечают, что «в этом смысле слово “философия” употреблялось впервые в сократической школе» [Философский энц. словарь, 2011, с. 481]. Бывший президент международного Философского общества по исследованию спорта Р. Остерхаудт, считает, что «философия – это наиболее общая форма человеческого знания» [Osterhoudt, 1998, P. 39].

Вместе с тем иногда предмет философского исследования сводится к очень узкому кругу проблем. Так, представители марксистской философии чаще всего сводили ее к науке о наиболее общих законах природы, общества и мышления. Но некоторые из них понимали философию лишь как науку о познании (гносеологию). В 20-х гг. XX в. возник логический позитивизм – философское направление, представители которого (Р. Карнап, О. Нейрат, Х. Рейхенбах и др.) считали, что подлинно научная философия возможна только как логический анализ языка науки. В. Виндельбанд отстаивал точку зрения, согласно которой под философией следует понимать «только критическую науку об общеобязательных ценностях: это определяет предмет философии, критическую науку, это определяет ее метод» [Виндельбанд, 1904, С. 23].

В современной философии (прежде всего в философской антропологии) наиболее широко представлена точка зрения, согласно которой ее основной предмет – человек и его отношение (познавательное, ценностное, практическое и т.д.) к миру. Высказываются и другие мнения о предмете философии. Например, первый вице-президент Российского философского общества А.Н. Чумаков так характеризует философию: «Философия – историческая форма общественного сознания, особый тип мировоззрения, формирующийся на основе личностного, преимущественно рационального, критически осмысливаемого постижения объективной и субъективной реальности» [Чумаков, 2005, с. 103].

Следует отметить, однако, что такого рода острые дискуссии относительно предмета изучения той или иной дисциплины характерны не только для философии, но и для большинства современных наук. Пирс говорил, например, что он может указать по меньшей мере сотню определений логики. Звегинцев приводил несколько десятков определений языкознания, Мервик в конце своей монографии дает длинный список определений истории, а Сойер в популярной книжке «Прелюдия к математике» не без иронии замечает, что дать определение математике, самой точной из всех существующих наук, практически невозможно, а на вопрос, что же такое математика, он предлагает такой ответ: «Все то, чем занимаются математики» [см.: Ракитов, 1983, с. 60].

Важным является вопрос *об отношении философии и науки*. При его обсуждении важно учитывать существенное изменение понимания философии в ходе развития общества, культуры, науки.

На первых этапах (например, в античный период развития) философия не выступала как нечто отличное от возникавшей в то время науки, фактически *отождествлялась* с ней, понималась (наравне с наукой вообще) как *«любовь к мудрости»* (об этом свидетельствует и само ее название – *«философия»*, от греч. *philêō* – любовь, *sophia* – мудрость).

Процесс дифференциации наук, отпочкования из рамок единой ранее науки различных дисциплин – физики, химии, биологии и др. – выдвинул на повестку дня вопрос о взаимоотношении философии с другими науками и наукой вообще. Особенно дискуссионным этот вопрос является в настоящее время.

Можно выделить два противоположных подхода к пониманию философии в ее отношении к науке.

При первом подходе философия рассматривается как *особая наука*, отличающаяся от так называемых частных наук. Такое понимание философии широко представлено в исто-

рии философии. Именно таким образом она понималась, например, в марксистской философии.

При втором подходе философия *не относится к сфере науки*, рассматривается как нечто *отличное* от нее.

Такое представление о философии в первую очередь характерно для людей, которые специально не занимались ее изучением и потому имеют о ней крайне поверхностное представление. На этой основе под философией нередко ошибочно понимают туманные, неопределенные, расплывчатые рассуждения на любую (особенно отвлеченную) тему. При этом полагают, что для такого (философски окрашенного) способа рассуждений не требуется какой-то специальной подготовки: нужен лишь хорошо «подвешенный язык». Наиболее образно эту мысль выразил Гегель в предисловии к «Феноменологии духа»: «Относительно всех наук, изящных и прикладных искусств, ремесел распространено убеждение, что для овладения ими необходимо затратить большие усилия на их изучение и на упражнение в них. Относительно же философии, напротив, в настоящее время, видимо, господствует предрассудок, что, – хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что он сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, – тем не менее каждый непосредственно умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в виде своего природного разума, как будто он не обладает точно такой же меркой для сапога в виде своей ноги» [Гегель, 1959, с. 36–37].

Поводом для такого понимания философии в некоторой степени являются особенности философских проблем. Человеку, который впервые знакомится с ними, они представляются очень странными, необычными. Вот что писал М.А. Антонович (соратник Н.Г. Чернышевского) по поводу состояния человека, начинающего изучать философию: «Философский туман охватывает его со всех сторон и придает окружающим предметам какой-то странный колорит, так что они представляются ему совершенно в неестественном виде и положении... Конечно, и в храмах других наук непосвященные и профаны чувствуют себя в первый раз тоже очень неловко; в математике, например, так же очень странно и дико звучат для них разные гиперболы да параболы, тангенсы да котангенсы, и тут они точно в лесу. Но первое знакомство с философией включает в себе еще больше странных особенностей и оригинальных положений. Профан в математике воспринимает одни только звуки математических терминов, а смысл их для него закрыт и недоступен; он слышит слова и фразы, но не понимает, что именно и какое реальное содержание в них заключается, а потому ему остается только пожалеть о своем неведении и проникнуться благоговением к математическому языку, который, как он уверен, должен выражать собою очень здравый и даже глубокий смысл. Так иногда случается и с профанами в философии, но иногда выходят истории позабавней.

Читающий в первый раз философскую книгу или слушающий философскую беседу видит, что в них терминов совершенно уже непонятных не так много, а то все такие же слова и выражения, которые попадают везде, во всякой книге, употребляются даже в устном разговоре: рассуждается о сущности, но читающий, может быть, сам на своем веку сделал тысячи экстрактов и извлечений, в которых заключались все «сущности дел»; о субъекте, но он сам видал множество нервных и раздражительных субъектов... Одним словом, ему попадает в философском сочинении целая страница, а пожалуй, и больше, где употребляются слова и выражения, для него ясные, каждое слово не остается для него пустым звуком, как гипербола или абсцисса, но вызывает в его голове известную мысль, известное понятие; он понимает содержание отдельных фраз и предложений, видит их логическую связь и последовательность, ему доступен самый смысл речи; вследствие этого он получает возможность судить об этом смысле, определять его значение, степень его вероятности и сообразности с сущностью дела и предмета, о которых идет речь. И вот в таких-то случаях новичок в философии часто находит, что смысл философских речей чрезвычайно странный, что в них высказываются мысли хоть и понятные, но часто в высшей степени дикие и ни с чем не сообразные» [цит. по: Столяров, 1965, с. 5–6].

В данной работе автор стремится хотя бы в некоторой степени поколебать столь образно описанное М.А. Антоновичем отношение к вопросам, рассматриваемым в философии. Он считал бы свою задачу выполненной, если бы после знакомства с данной книгой ее читатели стали лучше представлять, что такое философия, в том числе философия спорта и телесной культуры. Как и М.А. Антонович, автор надеется, что читатель «войдет во вкус философии и философских рассуждений и через какое-то время, к изумлению сво-

ему, заметит, что мысли разных философов, казавшиеся ему с самого начала нелепостью, несообразно с здравым смыслом, напротив, имеют очень серьезный смысл и важное значение... Все вопросы, казавшиеся новичку до знакомства его с философией неинтересными и не требующими решения, теперь представляются ему во всей своей заманчивой прелести и во всей многосложной запутанности, представляющей лишь слабую надежду на их решение, и, чем больше он занимается философией, тем яснее понимает трудность философствования, тем больше уважения он чувствует к философам...» [цит. по: Столяров, 1965, с. 6].

Помимо указанного выше иногда приводятся другие поводы для исключения философии из сферы науки, научных дисциплин.

Так, представители частных (особенно естественных) наук различные философские дисциплины, как и философию вообще, нередко не относят к науке, опираясь на мнение о их чисто популяризаторской функции. «Философия физики, – замечает по этому поводу А.И. Ракитов, – часто рассматривается как простая популяризация или общедоступная интерпретация труднопонятных физических результатов» [Ракитов, 1983, с. 67].

Точка зрения, отказывающая философии в статусе науки, высказывается и философами-профессионалами, представителями различных философских направлений (например, постмодернизма), причем не только зарубежными, но и отечественными. При обосновании этого положения используются разные аргументы: философия в отличие от других наук якобы не имеет четко очерченного предмета; формулируемые в ней положения не отвечают общепризнанным научным критериям; по обсуждаемым в философии проблемам могут быть высказаны и высказываются различные мнения, каждое из которых имеет право на существование, а потому в философии в отличие от науки якобы не существует единой, общепринятой системы знаний и т.д. [см.: Ленкевич, 2006; Мамардашвили, 2000; Морфология культуры... 1994; Философский энциклопедический словарь, 2011 и др.].

Распространенным является и такой аргумент. Сопоставляют философию с физикой, химией, биологией или какими-то другими (т.н. частными) науками, указывают на наличие ее существенного отличия от *этих* наук (по предмету, методам и т.д.) и на *этом основании* делают вывод, что философия – не наука.

Наряду с указанными противоположными мнениями об отношении философии и науки высказывается *промежуточная* (несколько эклектическая и даже противоречивая) точка зрения. Так, по мнению В.В. Миронова, «между наукой и философией имеется ряд серьезных различий», но есть также и «сущностное родство»: «С одной стороны, философия, безусловно, попадает под ряд научных критериев, и некоторые ее формы достаточно близко располагаются к наукам. С другой стороны ... философия – это специфическая разновидность рационально-теоретического познания, которая не подчиняется полностью ни одному критерию научности» [Миронов, 2006, с. 5, 7, 9].

В методологическом плане следует отметить, что тот или иной ответ на вопрос об отношении философии и науки в первую очередь зависит от того, *как понимается сама философия*.

Так, например, при том упрощенном понимании философии, когда она рассматривается как туманные, неопределенные, расплывчатые рассуждения на любую (особенно отвлеченную) тему, ее, разумеется, никак нельзя отнести к сфере науки. Или взять, к примеру, то понимание философии, которого придерживался известный философ М.К. Мамардашвили. По его мнению, философия состоит в том, чтобы «волевым сознательным актом» создавать особую ситуацию – «привести себя в состояние такого, ну, условно скажем, одиночества, в котором ты один на один с миром». С этой ситуацией связано философское сознание, философское мышление, «которое состоит в том, чтобы посмотреть на видимый или представляемый мир как на только представляемый или только видимый». По мнению М.К. Мамардашвили, именно этим философия отличается от «нефилософии», «когда рассуждают в терминах представляемого или известного мира». Опираясь на такое понимание философии, он, естественно, отказывает философии в научном статусе. «Философия не есть наука, – пишет М.К. Мамардашвили. – Ведь мы никогда упражнялись в каком-нибудь навыке или способности не называем наукой. Наука есть прежде всего систематическое описание какой-нибудь предметной области. А тут мы имеем дело с таким учением, которое есть средство путем определенных понятий укрепления, усиления некоего сознания» [Мамардашвили, 2000, с. 68-70].

Автор данной работы признает *возможность различного понимания философии и ее предмета*. В этом отношении он полностью солидарен с позицией В. Виндельбанда, который писал: «Я не отрицаю исторической подвижности значения слова “философия” и не отнимаю ни у кого права называть философией все, что ему угодно» [Виндельбанд, 1904, с. 23]. Признание возможности различного понимания философии, ее предмета, предполагает соответственно и возможность ее разного отношения к другим наукам и науке вообще. Но в данной работе и в других своих публикациях автор стремится обосновать возможность и правомерность такого подхода в данном вопросе, который включает в себя следующие основные положения.

1. Философские проблемы возникают тогда, когда пытаются, выйдя за пределы непосредственно воспринимаемых явлений, фиксирования данных эмпирического опыта в отношении сознания, культуры, поведения человека, научной, трудовой, политической, экономической, спортивной или какой-то иной человеческой деятельности, осознать и осмыслить их *фундаментальные предпосылки, предельные (конечные) основания*. Такими основаниями являются те *ценности, идеалы, смыслы, целевые установки* и т.п., которые определяют характер, содержание, значение и даже само существование этих форм социального бытия и жизнедеятельности людей.

В этом плане можно согласиться с тем разграничением науки (если иметь в виду частные ее отрасли) и философией, которое между ними проводит канадский философ Э. Цейглер: «Сами научные факты проводят разграничительную линию между наукой и философией. Безусловно, именно наука устанавливает факты, однако решения людей в большей степени зависят от того, что они думают об этих фактах и как поступают с ними. Философия начинается с фактов, но продолжается их синтезом. Мы вступаем в царство философии – царство смысла и значения – когда нас интересует окончательное значение этих фактов» [Zeigler, 1982, p. 1]. Э. Цейглер рассматривает философов как ученых, «несущих, возможно, главную ответственность за мировоззрение и ценности тех обществ и культур, в которых они живут» [Zeigler, 1982, p. 11].

2. Проблемы, касающиеся ценностей, идеалов, смысла, целевых установок различных форм социального бытия и жизнедеятельности людей, могут возникать и действительно возникают перед *каждым* человеком – по крайней мере применительно к тем или иным аспектам его жизни. Однако эти проблемы очень сложные, и потому попытки их решения на основе интуиции, «здравого смысла», с позиций веры и т.д. способны привести лишь к ошибкам. Необходимо *теоретическое* осмысление предельных (конечных) оснований, фундаментальных предпосылок жизнедеятельности человека, *научно обоснованный* подход к решению соответствующих проблем. Кроме того, важно ставить и пытаться решать их применительно не только к каким-то *частным* случаям, *конкретным формам* этой жизнедеятельности, но и в *логически обобщенном* виде.

Именно такой подход и стремится реализовать философия. Кратко о ней можно сказать, что *философия* – это *научно обоснованная рефлексия (осознание и осмысление) предельных оснований, фундаментальных предпосылок социального бытия и жизнедеятельности (научной, трудовой, политической, экономической, спортивной или какой-то иной) людей, их сознания, культуры, поведения и т.д.*

3. При таком понимании философии она *отличается от «частных» наук*, рассматривается как *особая наука*, но именно как *наука* (а не как обыденные рассуждения, мифология, литературное художественное творчество и т.п.), поскольку удовлетворяет основным требованиям, которые предъявляют к любой науке:

- философия имеет собственную область исследования, свой особый, специфический *предмет исследования*, комплекс проблем, требующих научного обоснования;
- при постановке и решении этих проблем она использует свой *понятийный аппарат* – понятия (категории), а также комплекс *научных методов*;
- понятия, положения и законы, формулируемые в философии, не принимаются просто на веру; при их обосновании считается недостаточным и простая ссылка на интуицию, здравый смысл и т.д.; к ним предъявляется требование *научной обоснованности, доказательности* (в соответствии с принципами и положениями современной логики и методологии науки) и т.д.

Таков краткий ответ на вопрос о том, что такое философия, каков ее предмет. Конечно, следует иметь в виду, что полное очерчивание границ философии может дать только ее подробное изложение.

В связи с этим напомним слова Гегеля, который, касаясь вопроса о предмете логики как одной из философских дисциплин, писал: логика «не может сказать наперед, что она такое, а лишь все ее изложение рождает впервые это знание о ней» [Гегель, 1937, с. 19].

Кратко охарактеризованный выше предмет философии определяет комплекс проблем, которые она ставит и пытается решить, используя *научные* методы. Дадим краткую характеристику этих проблем.

## 1.2. Типология философских проблем

К числу важных философских проблем относятся прежде всего проблемы, связанные с выяснением предельных оснований *социального бытия человека и его отношения к миру*: что такое человек как социальное существо, каково его место в мире, каковы фундаментальные характеристики этого мира, в чем заключается смысл человеческой жизни и т.п. На основе постановки этих вопросов и ответа на них у человека формируется мировоззрение. *Мировоззрение* – «система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами осн. жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 375].

Мировоззренческие предельные основания жизнедеятельности людей в философии называют также «*мировоззренческими универсалиями*» и «*универсалиями культуры*». Имеются в виду такие категории, «которые в своем взаимодействии создают целостный обобщенный образ человеческого мира... аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [Глобалистика, 2003, с. 1040].

Мировоззренческие универсалии могут функционировать и развиваться и вне философской рефлексии. Мифология и религия пытаются решить мировоззренческие вопросы, опираясь на веру и фантастические представления о мире. Философия стремится осмыслить мировоззренческие предельные основания жизнедеятельности людей, используя *научные критерии* обоснования выдвигаемых положений. Она обосновывает такое мировоззрение, в основе которого лежит не только житейский эмпирический опыт, но и научно обоснованные знания. Формированием и обоснованием таких научно обоснованных знаний относительно мировоззренческих предельных оснований жизнедеятельности людей занимается философская дисциплина, которую чаще всего называют «*философской антропологией*» – философское учение о природе (сущности) человека [Губин, Некрасова, 2000; Гуревич, 1997; Мареев, Мареева, Арсланов, 2001; Марков, 1997; Степин, 1992; Шеллер, 1994, 1999 и др.]. Близкой к ней по проблематике является «*социальная философия*» [Крапивенский, 1998].

Можно выделить **две** больших группы мировоззренческих универсалий (универсалий культуры).

К первой группе относятся представления человека о мире, находящие свое отражение в таких понятиях, как «предмет», «процесс», «изменение», «развитие», «случайность», «закономерность», «качество», «количество», «отношение», «связь», «система», «причина» и др., которые он относит к тем или другим интересующим их явлениям. Этими понятиями люди пользуются в повседневной жизни. Их применяют и в научном исследовании ученые разных специальностей. Но в обыденном сознании все эти понятия имеют не совсем четкое содержание, а ученые часто понимают их по-разному. В философии указанные понятия относятся не к тем или иным конкретным, частным объектам, а фиксируют *наиболее общие (всеобщие) характеристики* предметов и явлений окружающего мира. В таком виде они выступают как философские категории «предмет», «процесс», «изменение», «развитие» и т.д. Философия, опираясь на логико-методологические принципы определения понятий, стремится уточнить и обосновать содержание этих категорий. Такая исследовательская работа проводится прежде всего в *онтологии*, философской науке о бытии, о его наиболее общих свойствах и законах.

Вторая группа мировоззренческих универсалий (универсалий культуры) – это определенные *ценности*, т.е. такие социальные явления, которые социальный субъект (индивид, социальная группа или общество в целом) оценивает позитивно, рассматривает как значимые, важные, полезные, привлекательные, а потому поддерживает, сохраняет, пере-

дает из поколения в поколение. Ценности характеризуют определенные представления людей о том, каким должен быть мир и человек. Они фиксируются в таких категориях, как «добро», «зло», «красота», «истина», «долг», «совесть» и т.п., и выступают для человека как *идеалы, символы и смыслы*, на которые он ориентируется в своей деятельности.

Процесс, средства и результаты деятельности социального субъекта по созданию, освоению и потреблению сложного и многообразного мира ценностей составляют мир *культуры*. Его компонентами являются социальные нормы, идеалы, образцы, модели поведения, смыслы, символы, которые регулируют, определяют характер и направленность различных форм и областей социальной практики, общественных отношений, конкретных видов деятельности.

Человек, сформировавшийся в условиях определенной культуры, ориентирован на соответствующие мировоззренческие универсалии. Чаще всего они выступают для него «как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою жизнедеятельность» [Глобалистика, 2003, с. 1042]. Философия, напротив, пытается *осмыслить* и *обосновать* мировоззренческие универсалии. Анализом комплекса проблем, связанных с их философской рефлексией, с осмыслением сложного и многообразного ценностей мира культуры, занимается дисциплина, которую чаще всего называют «*культурологией*», а также «*аксиологией*» [Александрова, Быховская, 1996; Бронский, 2001; Зеленев, Дахин, Ананьев, Кутырев, 1993; Основы культурологии, 2005; Розин, 1994].

Культурологические и аксиологические проблемы приобретают особенно важное значение в такие переломные периоды развития общества, когда ранее сложившаяся система ценностей, традиционные жизненные идеалы и смыслы (представления о человеке, добре и зле, жизни и смерти, свободе и необходимости и т.д.) перестают удовлетворять новым социально-экономическим, политическим условиям и потому начинают подвергаться сомнению, критической оценке. Возникает потребность поиска новых ценностей, жизненных идеалов и смыслов, призванных сориентировать человека в этих новых условиях. Решению этой задачи призвана содействовать философия путем теоретического (научно обоснованного) анализа этих проблем, рационального осмысления новых ценностей и формирования новых мировоззренческих ориентиров жизнедеятельности человека и общества в целом [Степин, 2003, 2006]. Этим обусловлена ее важная *мировоззренческая функция*.

С культурологическими и аксиологическими проблемами тесно связаны эстетические и этические проблемы. *Эстетические* проблемы касаются эстетического отношения человека к миру, в основе которого лежат такие эстетические ценности, как красота, возвышенное, героизм и др., а также содержания и значения эстетической деятельности человека. *Этические* проблемы возникают при анализе функционирования и развития сферы морального сознания, нравственных отношений и нравственного поведения. Анализом этих эстетических и этических проблем занимаются соответственно такие философские дисциплины, как *эстетика* и *этика*.

Важное место в философии занимает анализ проблем предельных оснований *познавательной деятельности* человека и особенно *научного* познания. Этот анализ предполагает получение ответов на вопросы о том, существуют ли познаваемые предметы вне и независимо от ощущений, восприятий, представлений, понятий и других форм сознания человека, способен ли он познать их, и если да, то каким образом, с помощью каких методов и т.д. Эти проблемы обсуждаются в таких разделах философии, как *гносеология (эпистемология, теория познания)* – наука о познании в его отношении к миру, *логика и методология научного познания* (поскольку речь идет о логических средствах познания, о методах познания).

Понятие метода и другие связанные с ним понятия в научной литературе трактуются неоднозначно. Например, метод познания понимается как способ решения определенной задачи, как правила познавательной деятельности, как теория, позволяющая выбрать правильный способ исследования и т.д. Как показано в работах автора [Столяров, 1969, 1975, 1984 г; Столяров, Попов, 2008], чтобы избежать бесплодных терминологических споров и сосредоточить основное внимание на содержательной стороне дела, необходима *система понятий*, учитывающая все те явления, которые указываются в разных определениях метода познания. Ниже дается краткая характеристика основных понятий этой системы.



Исходными являются понятия «*познавательная операция*» – оно характеризует отдельное познавательное действие (при отвлечении от его внутренней структуры) и «*познавательный прием*» – характеризует совокупность (систему) познавательных операций, связанных между собой и осуществляемых в определенном порядке.

*Метод познания* – познавательные операции (приемы), используемые в качестве средства (способа) решения исследовательских задач.

Познавательные действия (операции) и приемы носят различный характер в зависимости от того, какие явления изучаются, какие средства используются для этого и т.д. Ученый может изучать, например, только внешние свойства предмета или его внутреннюю структуру; он может абстрагироваться от изучения изменений или сделать их объектом специального анализа; может рассматривать качественные и количественные характеристики какого-либо процесса, не учитывая до поры до времени их связи, или подвергнуть ее тщательному анализу и т.д. Для получения знаний исследователь может использовать логические рассуждения или изучение реальных явлений с помощью органов чувств или приборов. Эти явления могут рассматриваться отдельно или в сопоставлении, сравнении друг с другом. Отвлечение от какого-либо из них может осуществляться реально – в эксперименте или мысленно и т.д. Различным может быть и порядок осуществления тех или иных познавательных действий (получения различных знаний, рассмотрения и сопоставления различных явлений и т.д.). Познавательные действия могут быть сложными или простыми. Сложные действия включают в себя более простые. Так, воспроизведение структуры предмета включает в себя получение знаний об элементах этой структуры и отражение связей данных элементов.

Далеко не всякие познавательные действия – операции и приемы, которые исследователь может осуществить при решении тех или иных задач, а следовательно, методы познания приемлемы в научном исследовании и дают нужный эффект. Выбор правильного метода (наряду с богатством и разносторонностью знаний) имеет огромное значение для успешной работы ученого. Если он будет действовать методом проб и ошибок, то едва ли достигнет успеха, а если и достигнет, то ценой огромных усилий, затраченных на преодоление лишних препятствий и трудностей. Напротив, применение правильного метода, правильного способа действий помогает ученому кратчайшим путем прийти к истинному знанию.

Учитывая огромное значение выбора правильного метода познания, исследователь вынужден решать не только непосредственно интересующие его вопросы о том, что представляют собой изучаемые им предметы и явления, какие свойства связи, законы им присущи и т.д. (т.е. теоретические проблемы), но и *методологические проблемы*, связанные с ответом на вопрос, что и как ему нужно делать в процессе научного исследования, какой метод следует использовать.

При решении методологических проблем, выборе правильного метода познания, как правило, используется научная теория: обосновываемые в ней положения и законы помогают ученому получить ответ на вопрос о том, каким образом ему лучше действовать в процессе познания. В этом состоит *методологическая функция научной теории*. Ее может выполнять любая теория. Но особенно важное *методологическое значение* имеют *гносеология* (эпистемология, теория познания) и *логика* – философские науки, которые специально изучают закономерности функционирования и развития познания и мыслительной деятельности человека.

Для правильной ориентации ученого в процессе познания важное значение имеют *методологические принципы*: определенные правила, предписания, требования, рекомендации относительно того, что и как ему надо делать при изучении тех или иных предметов и явлений, в ходе решения каких-то познавательных задач. Эти принципы могут формулироваться и встречаются при разработке различных научных теорий. Но специально их анализом занимается *методология научного познания* – наука, которая изучает методы научного исследования и ставит своей целью выявить те из них, которые являются наиболее правильными и эффективными.

Разработка таких философских дисциплин, как гносеология, логика и методология научного познания, позволяет философии эффективно выполнять свою *методологическую функцию*.

Как отмечено выше, научно обосновываемая в философии при анализе мировоззренческих предельных оснований жизнедеятельности людей система обобщенных взглядов

на мир предполагает введение, уточнение и обоснование таких философских категорий онтологии (философской науки о бытии, его наиболее общих свойствах и законах), как «предмет», «процесс», «изменение», «развитие», «качество», «количество», «связь», «система», «структура», «причина», «случайность», «необходимость», «закономерность», «возможность», «действительность» и др. Анализ предельных оснований познавательной деятельности также предполагает учет тех свойств, параметров, характеристик, которые имеют изучаемые объекты и фиксирование их в логически обобщенной форме в философских категориях. Эти категории задают не только *мировоззренческие* ориентиры (каковы наиболее общие характеристики объектов того мира, в котором живет и действует человек), но также *познавательные* и *методологические* ориентиры (что и как надо познавать, исследовать). На основе указанных категорий и связанных с ними познавательных действий в философии осуществляется анализ методов научного познания – логического и исторического методов, системно-структурного метода и др. В *диалектике*, которая представляет собой не только онтологию, но также логику и методологию научного познания, эти методы выступают как элементы *диалектического метода*. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в разделе 3.2.

Таким образом, можно выделить три основных группы философских проблем:

- о предельных основаниях социального бытия человека – *социально-философские, философско-мировоззренческие, аксиологические (культурологические, семиотические, эстетические, этические, экологические)* проблемы;

- о предельных основаниях познавательной деятельности человека – *гносеологические и логико-методологические* проблемы;

- о фундаментальных основаниях бытия, его всеобщих свойствах и законах – *онтологические* проблемы.

Эти три относительно самостоятельных группы философских проблем тесно связаны между собой.

Данной проблематике соответствует *структура* философского знания.

Основные элементы этой структуры – фундаментальные философские дисциплины (философская антропология, социальная философия, аксиология, культурология, семиотика и др.) – отмечены выше.

Предлагаются и другие варианты их типологии. Так, авторы «Философского энциклопедического словаря» пишут: «Философия как система обычно делится на теорию познания, метафизику (онтологию, космологию, философскую антропологию, философию существования, теологию), логику (логику, математику), этику, философию права, эстетику и философию искусства, натурфилософию, философию искусства, натурфилософию, философию истории и культуры, социальную и экономическую философию, религиозную философию, психологию» [Философский энциклопедический словарь, 2011, с. 483]. Однако в этой систематизации философских дисциплин отсутствует четкий критерий их типологизации, фундаментальные дисциплины указаны наряду с более «частными», из числа последних почему-то исключена, например, не только философия спорта, но и философия науки, а вместе с тем в структуру философии включена психология.

Такова краткая характеристика философии, ее предмета (философской проблематики) и взаимоотношения с наукой.

### Литература к введению и гл. 1

1. Александрова Е.А., Быховская И.М. (1996). Культурологические опыты. – М. – 115 с.
2. Бронский М.В. (2001). Философский анализ научного статуса аксиологии: Монография. – Н. Новгород. – 140 с.
3. Виндельбанд В. (1904). Прелюдии. – СПб.
4. Гегель Г.В.Ф. (1937). Соч. – М., т. 5.
5. Гегель Г.В.Ф. (1959). Феноменология духа. – М.
6. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.
7. Губин В., Некрасова Е. (2000). Философская антропология. – М.
8. Гуревич П.С. (1997). Философская антропология. – М.
9. Зеленов Л.А., Дахин А.В., Ананьев Ю.В., Кутырев В.А. (1993). Культурология: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та. – 92 с.
10. Крапивенский С.Э. (1998). Социальная философия: Учебник для студентов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 416 с.

11. Ленкевич Т.Г. (2006). *Философия науки: Учеб. пос.* – М.: ИНФРА-М. – 272 с.
12. Мамардашвили М.К. (2000) Из краткого введения в философию // *Вопросы философии.* – № 12. – С. 64–73.
13. Мареев С.Н., Мареева Е.В., Арсланов В.Г. (2001). *Философия XX века (истоки и итоги). Учебное пособие.* – М.: Академический проект. – 464 с.
14. Марков Б.В. (1997). *Философская антропология.* – СПб.
15. Миронов В.В. (2006). Предисловие // *Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник.* – М.: Гардарики. – С. 5–12.
16. Морфология культуры. Структура и динамика / Г.А. Аванесова, В.Г. Бабаков, Э.В. Быкова и др. Учеб. пособие для вузов. – М.: Наука, 1994. – 415 с.
17. Основы культурологии: Учеб. пособие / Отв. ред. И.М. Быховская. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 496 с.
18. Ракитов А.И. (1983). О смысле философских проблем физики // *Вопросы философии.* – № 6. – С. 58–68.
19. Розин В.М. (1994). *Введение в культурологию.* – М.: Междунар. педагогическая академия. – 104 с.
20. Степин В.С. (1992). *Философская антропология и философия науки.* – М.: Высшая школа. – 190 с.
21. Степин В.С. (2003). *Философия // Социология: Энциклопедия.* – Мн.: Книжный дом. – С. 1161–1163.
22. Степин В.С. (2006). *Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук.* – М.: Гардарики. – 384 с.
23. Столяров В.И. (1965). *Наука о развитии (Первое знакомство с диалектикой).* – М.: Политиздат. – 143 с.
24. Столяров В.И. (1969). Метод познания в свете теории отражения // *Ленинская теория отражения и современность.* – София: Наука и искусство. – С. 448–475.
25. Столяров В.И. (1975 а). *Диалектика как логика и методология науки.* – М., Политиздат. – 247 с.
26. Столяров В.И. (1984 г). *Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа.* – М. – 99 с.
27. Столяров В.И., Попов Г.И. (2008). *Глоссарий инновационной образовательной и научно-исследовательской деятельности.* – М.: Физическая культура. – 68 с.
28. *Философский энциклопедический словарь.* – М., 1983. – 840 с.
29. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: ИНФРА-М., 2011. – 570 с.
30. Чумаков А.Н. (2005). *Глобализация. Контуры целостного мира: монография.* – М.: ТК Велби, Проспект. – 432 с.
31. Шелер М. (1994). *Избранные произведения.* – М.
32. Шелер М. (1999). *Ресентимент в структуре моралей.* – СПб.
33. Approaches to an interpretation of high-performance sport // *Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972.* – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 523–536.
34. Court J. (1988). «Darf die Gegenwart der Zukunft geopfert werden». Kants und Schleiermachers Beitrag zu einer paedagogischen Antinomie im Kinderleistungssport // *Brennpunkte der Sportwissenschaft. Herausgegeben von der Deutschen Sporthochschule Köln.* – N 2. – S. 229–238.
35. Guttman A. (1978). *From ritual to record: The nature of modern sports.* – N.Y.: Columbia university press. – 198 p.
36. Kretchmar R. S. (1994). *Practical philosophy of sport.* – Human Kinetics. – 281 p.
37. Lumpkin A. (1990). *Philosophy and Physical Education and Sport // Lumpkin Angela. Physical Education and Sport: A Contemporary Introduction.* – Toronto, Boston: Times Mirror/Mosby College Publishing. Second Edition. – P. 22–42.
38. Osterhoudt R. (1998). *Philosophy of sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. First Edition.* – P. 39–44.
39. Osterhoudt R. G., Simon B., Volkwein K. (2000). *Philosophy of sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2<sup>nd</sup> Edition.* – P. 107–121.
40. *Philosophic inquiry in sport (Second Edition) / William J. Morgan, Klaus V. Meier (Eds.).* – Human Kinetics, 1995. – 456 p.
41. Zeigler E. F. (1982). *Philosophy of Sport and Developmental Physical Activity: A paper prepared for the 1982 Annual Meeting of the Canadian Association for Sport Sciences.* – 14 p.

## Глава 2. «Природа» и предмет философии спорта и телесности человека

Спорт и телесность человека, а также связанные с ними социальные явления, изучаемые обсуждаемой философской дисциплиной, являются объектом исследования и многих других наук – например, теории спорта и физической культуры, психологии спорта, педагогики физического воспитания и спорта и др.

Такая ситуация типична для научного исследования. Обычно один и тот же объект изучают разные науки (например, человек является объектом научного исследования ряда наук – физиологии, биологии, анатомии, педагогики, психологии и др.). Однако каждая из них при его исследовании, используя определенные методы, понятийный аппарат и связанные с ними абстракции, идеализации, выделяет свой особый, специфический **предмет исследования**: изучает определенные стороны данного объекта, рассматривает его под определенным углом зрения, создает определенный теоретический «конструкт» – идеализированную модель изучаемого объекта, в которой он отображен лишь какими-то отдельными своими аспектами, сторонами, элементами и т.д., и на основе этого ставит и решает особые задачи, проблемы. Это позволяет одной науке не дублировать другие и успешно сотрудничать с ними в ходе исследования какого-либо объекта.

Науки, изучающие спорт и телесность человека, также стремятся рассматривать их под определенным углом зрения, ставить и решать особые проблемы, т.е. определить свой особый **предмет** исследования.

Это всегда сложная и дискуссионная задача [Виленский, 1996; Столяров, 1984 а, 1985 в]. При ее решении применительно к философии спорта и телесности человека возникают и дополнительные трудности.

Прежде всего они связаны с указанными выше разными интерпретациями «природы» философии. Такого же рода разногласия имеют место в отношении философии спорта и телесности человека. Вот что пишет по этому вопросу У. Морган: «Следует сказать, что попытки ответа на вопрос об определении того, что же такое философия спорта, почти всегда оказывались такими же безуспешными, как и попытки дать определение собственно философии. Причина этого понятна даже из нашего краткого исторического обзора: философы больше склонны беспокоиться о природе, масштабе и цели своего интеллектуального дела, о том, чем именно они занимаются, чем другие интеллектуальные работники в своих сферах деятельности, и именно поэтому они больше склонны оспаривать, чем принимать предлагаемые определения философии. Но, к счастью, такие разногласия относительно определения философии не должны беспокоить нас здесь, поскольку, несмотря на споры о понятии философии, почти не вызывает возражений содержание вопросов, которые ставят философы и на которые они пытаются найти ответ. Это значит, что лучшим способом объяснения того, что же такое философия спорта, может служить прежде всего привлечение внимания к этим основным философским вопросам, а затем уже рассмотрение их следствий для культурных практик наподобие спорта» [Морган, 2006].

Однако среди философов существует различное понимание не только того, что такое философия спорта и телесности человека, но и тех проблем, которыми она должна заниматься.

Иногда в этом вопросе опираются на понимание философии как изложения наиболее важных, фундаментальных положений той или иной науки. Например, Р. Остерхаудт считает, что «как наиболее общая форма человеческого знания, касающаяся спорта, философия спорта характеризует фундаментальные особенности и цели спорта». Ее основную задачу он усматривает в том, чтобы «объяснить наиболее фундаментальные положения, основополагающие принципы спорта», дать анализ «основных понятий и знаний относительно спорта» [Osterhoudt, 1998, p. 39, 41].

Некоторые авторы предмет философии спорта сводят только к гносеологическим или только к социальным, например, мировоззренческим проблемам спорта [см., например: Пешков, 2005]. По мнению М.М. Ибрагимова, «философия спорта – это междисциплинарная область знания о сущности и смысле спорта как социокультурного феномена, создающего и воссоздающего в образе физической культуры эталоны человеческой телесности» [Ибрагимов, 2010, с. 94]. А.И. Тимофеев полагает, что «если определять место философии спорта в системе философского знания, то, скорее всего, ее можно рассматривать как раздел философской антропологии, в которой исследуется проблема человека в его

спортивной деятельности» [Тимофеев, 2007, с. 389]. Г.А. Кузьменко считает, что «философия физической культуры личности рассматривает основные проблемы и разрешает противоречия, связанные с этим элементом культуры» [Кузьменко, 2005, с. 590].

Ниже будут рассмотрены и другие подходы к пониманию предмета философии спорта и телесности человека. Но сначала изложим авторскую концепцию применительно к данному вопросу.

### 2.1. Авторская концепция

Авторское понимание предмета философского исследования спорта и телесности человека непосредственно вытекает из изложенного выше понимания предмета философии в целом.

В соответствии с таким пониманием основная цель философской рефлексии спорта, телесности человека и других связанных с ними явлений (например, олимпийского движения), а также процесса их осознания и познания усматривается в том, чтобы, выйдя за пределы созерцания, фиксирования этих явлений, выявить их *предельные основания*, т.е. обосновать их объективность и возможность познания, раскрыть их социальную природу, социальный смысл и значение, фундаментальные принципы, идеалы, целевые установки, место и роль в системе общечеловеческой культуры и т.д.

В этом плане автор согласен с пониманием философии олимпийского движения Н. Ниссиотиса, по мнению которого, олимпийская философия не может ограничиваться внешними и легко различимыми – даже на уровне обыденного сознания – проявлениями Олимпийских игр. Она должна «проникнуть в ту систему ценностей и постичь те корни, которые лежат в природе Игр» и тем самым понять подлинный смысл олимпийской идеи, «истину олимпизма». Эта истина объединяет «все ценностные принципы» Олимпийских игр [Nissiotis, 1979, p. 170–171].

Такой же подход к пониманию философии олимпизма отстаивает в своих работах А.Г. Егоров, понимая ее как метафизическое знание «о предельных основаниях спорта». В философии спорта, по его мнению, речь идет о «*метафизике спорта*, выходящей за сущее спорта, вопрошающей поверх этого сущего, определяющей абсолютные предпосылки спорта и транслирующей ценности культуры и мировоззрение эпохи в сферу спорта». При этом он подчеркивает, что речь идет о восходящем к Андронику Родосскому пониманию метафизики как философского учения о предельных, сверхопытных принципах и началах бытия, знания и культуры [Егоров, 1996б, с. 73; 2005б, с. 137]. Р. Остерхаудт наряду с указанной выше характеристикой задач философии спорта указывает на то, что она занимается изучением «метафизической сущности спорта», что предполагает его эпистемологический, логический, аксиологический и социально-политический анализ [Osterhoudt, 1998, p. 39, 40].

Итак, *философия спорта и телесности человека* – это научно обоснованная рефлексия (осознание и осмысление) предельных оснований, фундаментальных предпосылок тех форм социального бытия и жизнедеятельности людей, их сознания, культуры, поведения и т.д., которые связаны со спортом и телесностью человека.

К числу предельных, фундаментальных оснований бытия, познания, жизнедеятельности человека, как отмечено выше, относятся:

- *мировоззренческие и аксиологические* – о мире и месте человека в нем, об отношении людей к окружающей их действительности и самим себе, о тех ценностях (эстетических, нравственных, экологических и др.), на которые должен ориентироваться человек в своей жизни и деятельности;

- *гносеологические и логико-методологические* – относительно возможности и методов познания окружающего мира;

- *онтологические* – относительно существования мира вне сознания человека, самых общих свойств и законов бытия и т.д.

В соответствии с этим предметом философского анализа являются философско-мировоззренческие, социально-философские, аксиологические (культурологические, семиотические, эстетические, этические, экологические), гносеологические, логико-методологические и онтологические проблемы. Эти проблемы возникают и при философском осмыслении предельных оснований, фундаментальных предпосылок тех *форм социального бытия и жизнедеятельности, которые связаны со спортом и телесностью человека*.

**Философско-мировоззренческие и социально-философские проблемы спорта и телесности человека.** Конкретизацией общих философско-мировоззренческих и социально-философских проблем применительно к спорту и телесности человека являются вопросы, касающиеся прежде всего их *социальной сущности, целевых установок и смысла*.

Поясним это положение на примере деятельности тренера в спорте высших достижений. В этой деятельности возникает комплекс различных вопросов: кого из спортсменов отобрать для подготовки из них высококлассных спортсменов, каковы права и обязанности тренера, каким образом он должен строить тренировочный процесс, чтобы добиться поставленной цели, какой должна быть его зарплата, какие условия должны быть созданы для его деятельности и т.д. Эти вопросы являются не философскими, а педагогическими, экономическими, правовыми и т.д. *Социально-философские* проблемы применительно к деятельности тренера возникают прежде всего тогда, когда речь идет о *социальном смысле и значении* его деятельности.

Другая иллюстрация. Зрителям, собравшимся на стадионе, спортивной площадке, иногда доводится наблюдать, как спортсмен прыгает выше (дальше), или пробегает быстрее, или поднимает больше, чем это делал кто-либо раньше. А средства массовой информации – газеты, радио, телевидение – тут же разносят весть об этом по всему миру, сообщая ее тем, кто не мог непосредственно наблюдать за этим событием. Тысячи людей с восторгом и радостью относятся к установлению спортивного рекорда. Многие из них при этом даже не задают себе вопрос: а *зачем* это надо? Какой *социальный смысл* имеют спортивные рекорды? Вместе с тем немало людей ставит не только этот, но и более широкий вопрос: а стоит ли вообще «большой» спорт того, чтобы посвящать ему так много сил и энергии? Вопрос о социальном смысле и значении деятельности человека в спорте возникает еще и потому, что всякий спорт предполагает соревнование. Но зачем нужно соперничество, какой смысл оно имеет? Так как соперничество может иметь негативные последствия, то, может быть, от него, а значит, и от спорта следует отказаться? Указанные проблемы – философские, так как в них речь идет о предельных основаниях деятельности человека, направленной на победу, установление рекорда в спортивных соревнованиях.

По мере все более интенсивного развития спорта и увеличения затрат сил и энергии, необходимых для установления спортивных рекордов, эти вопросы становятся все более актуальными. Увеличивается число людей, которые весьма скептически, а то и резко негативно настроены по отношению к рекордам. Для иллюстрации этой точки зрения показательна сцена, описанная в книге А. Крона «Бессонница». Журналистка беседует с главным героем романа – ученым-физиологом Юдиным. Она задает ему вопрос: почему он выступает против всяких рекордов, в том числе в тяжелой атлетике. Отвечая на этот вопрос, ученый заявляет, что, по его мнению, он не находит ничего привлекательного и полезного в том, что в век шагающих экскаваторов и электрических кранов кто-то, надуваясь и пытаясь, пытается поднять на одну секунду 200 или 300 кг. Как будет показано ниже, особенно актуальными указанные вопросы являются применительно к спорту высших достижений, олимпийскому и детскому спорту.

Важное значение имеют также философские проблемы, касающиеся социальных функций, социальной роли и значения занятий физкультурой и «спорта для всех» в образе жизни людей, в различных сферах общественной жизни – в производственной сфере, в быту, в системе воспитания, образования и организации досуга населения, в области культуры, экономики, политики и т.д.

К числу значимых социально-философских проблем относятся вопросы о взаимосвязи спорта и телесной (физической) культуры с другими социальными явлениями: существует ли спорт независимо от политики, идеологии, социально-классовой структуры, системы экономических отношений общества или же он неразрывно связан с ними, о зависимости функций телесной (физической) культуры, физкультурно-спортивной деятельности, спортивного и олимпийского движения от той социальной системы, в рамках которой они функционируют и развиваются, о влиянии спорта и олимпийского движения на систему международных отношений и т.д.

Указанные философско-мировоззренческие и социально-философские проблемы являются крайне сложными. Поэтому попытка ответить на них, опираясь на «здоровый смысл» и интуицию, как правило, приводит к ошибочным выводам. Олимпийский чемпион В. Борзов в одном из своих выступлений на страницах «Литературной газеты» расска-

зал о том, что после спортивного вечера к нему подошел молодой парень и спросил: «Признайся, Валера, откровенно: у тебя иногда не появляется чувство, что вся твоя беготня впустую? Что ты понапрасну расходуешь драгоценную энергию?» В. Борзов привел высказывания многих людей, которые считают, что погоня за рекордами и вообще спорт отвлекают молодых здоровых людей от важного производительного труда, обрекают их на ненужную обществу растрату энергии. Какие блага получает человек от спортивных соревнований по бегу, прыжкам в высоту, плаванию и т.д.? – рассуждают они. Не разумнее ли было бы вместо этих бесполезных забегов и заплывов привлечь тех же людей к важной производительной деятельности: например, к соревнованиям в строительстве домов, изготовлении одежды и продовольствия и т.д. Вот такого рода состязания, полагают сторонники обсуждаемой точки зрения, действительно имели бы огромную пользу. Провели чемпионат мира или какое-то другое крупное соревнование строителей – готов новенький город. Закончилось соревнование на кубок среди портных – получите прекрасный костюм и т.д. Конечно, это очень упрощенный взгляд на ценность той или иной деятельности (спорта в том числе) и ее результатов. При таком подходе к разряду «бесполезных» придется отнести музыку, театр, поэзию и многие другие виды деятельности, ценность которых для человека и человечества не подлежит никакому сомнению, хотя они и не создают материальных благ и ценностей.

Философско-мировоззренческие и социально-философские проблемы спорта и телесности человека эффективно могут быть решены лишь на основе строго научного подхода, использования научных методов. Как будет показано ниже, эти философские проблемы постоянно обсуждаются на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, их анализу посвящены многочисленные публикации ученых разных стран.

**Культурологические проблемы спорта и телесности человека.** При анализе социального смысла и значения спорта и телесности человека возникает комплекс важных проблем, связанных с осмыслением их места в системе ценностей культуры, связей с другими элементами данной системы и т.д., т.е. культурологические проблемы.

Применительно к спорту это, например, следующие проблемы:

- относится ли он к миру явлений культуры;
- какие специфические культурные ценности складываются в области спорта, в каком отношении они находятся с другими ценностями культуры;
- имеет ли культурную ценность спорт высших достижений, международный и олимпийский спорт;
- какие возможности заключены в спорте для воздействия на духовную (нравственную, эстетическую, интеллектуальную) культуру человека;
- в какой мере эти возможности реализуются на разных этапах общественного развития;
- какое место спорт как социокультурный феномен занимает в эпоху глобализации и т.д.

В силу сложности данных проблем по ним, как будет показано ниже, высказываются различные и даже противоположные мнения: например, культурное значение спорта оценивается либо очень высоко, либо незначительно, а иногда и совсем отрицается [Выдрин, 1986; Сараф, 1997, 2004; Столяров, 1988 г, д, к, л, 1997 а, 2004 д, 2005 з, 2010 ж; Хейзинга, 1992; Grupe, 1987, 1991; Kosiewicz, 2000b; Krawczyk, 1984 d, 1990 b, 2005 a; Kretchmar, 1994; Ortega y Gasset, 1955; Steinitzer, 1910; Volkwein, 2004b и др.].

Изучение телесности человека как феномена культуры предусматривает постановку и решение комплекса таких проблем:

- о соотношении социального и биологического в физическом и психофизическом развитии человека, о соотношении стихийных и сознательных социальных воздействий на его физическое и психофизическое состояние;
- о взаимоотношении различных средств такого воздействия – педагогических, гигиенических, хирургических, основанных на «генной инженерии» и др., и их роли в целенаправленном формировании физических, психофизических и других способностей и функций тела человека на разных этапах развития общества;
- об изменении отношения человека, разных социальных групп к физическим качествам человека, к телу и телесности в связи с конкретными историческими условиями функционирования и развития общества;

- об основных идеалах и ценностях, на которые ориентируется человек, разные социальные группы, пытаясь целенаправленно воздействовать на физическое состояние, на свою телесность и др. [Быховская, 1993 а, 1997; Визитей, 1986, 1989; Косяк, 2002; Столяров, 1984 а, 1985 в, 1988 г, д, к, л, м, 1997 г, 2004 д, 2010 ж; Heinemann, 1980 b; Krawczyk, 1974, 1978 с, 1981, 1983 а, b, 1984 а, с, 1989, 1990 а, 1995; Shilling, 1993; Spiker, 1970; Stolyarov, 1986 с, 1990 b; Turner, 1984 и др.].

В течение длительного времени эти проблемы находились вне поля зрения ученых. На первый взгляд это утверждение может показаться спорным. Ведь телесность человека и связанные с ней формы двигательной активности давно изучаются в «спортивной науке». Для их характеристики введено понятие «физическая культура», в котором фигурирует термин «культура».

Следует учитывать, однако, что любое явление (например, искусство, язык, спорт, двигательная деятельность и т.д.), даже если оно относится к миру культуры, может рассматриваться не в культурологическом, а в других аспектах – педагогическом, лингвистическом, экономическом, психологическом и т.д. Именно такая ситуация была характерна для анализа тех форм двигательной активности и телесности человека, которые обозначались термином «физическая культура». Ученые рассматривали их в различных аспектах: педагогическом, психологическом, физиологическом и др., но только не в культурологическом, хотя при этом использовался термин «физическая культура» и вводилось соответствующее понятие. С их помощью выделялись определенные формы двигательной активности и телесности человека, занимающие важное место в мире культуры – но лишь в качестве *объекта* исследования. Не выделялся тот специфический *предмет*, который характерен именно для культурологического исследования.

Что же касается философов, социологов и других ученых, специально занимавшихся проведением культурологического исследования, разработкой общей теории культуры, то они вплоть до недавнего времени, как правило, совершенно обходили стороной такие важные явления культуры, как двигательная активность и телесность человека. Основанием для этого служило ошибочное сведение телесности человека к его биологической природе и представление о том, что организм человека, особенно его морфофизиология и моторика – в отличие от психических, нравственных, эстетических и других явлений духовного мира человека, которые носят ярко выраженный социальный характер, – относятся якобы к сфере «чистой» биологии. Тело человека, рассматриваемое само по себе и в той мере, в какой оно биологически детерминировано, дано ему от природы, конечно, не относится к миру социальных явлений. В случае изоляции человека от общества, как показывают случаи «диких детей», оно так и остается «чистым организмом», биологическим феноменом. Иначе обстоит дело, когда человек включается в систему социальных отношений, в социальную жизнедеятельность. Его тело начинает выполнять важные социальные функции в жизни людей. Вместе с тем, под воздействием социальной среды, как стихийным, так и сознательным, целенаправленным (в соответствии с определенными образцами, нормами, традициями, идеалами, на основе использования специально выработанных для этой цели средств), оно определенным образом видоизменяется, модифицируется. В результате оно приобретает культурный статус (характер), становится элементом мира культуры (подробнее см. раздел 26.2).

С наиболее важными теоретическими концепциями, методологическими подходами, прикладными программами, проектами, технологиями, которые связаны с осмыслением спорта как социально-культурного феномена и его воздействием на мир духовных ценностей, а также с выяснением места телесности человека в мире явлений культуры, читатель может ознакомиться в сборниках тематической серии «Духовность. Спорт. Культура» [Духовность. Спорт. Культура, 1996, 1997] и «Спорт, духовные ценности, культура» [Спорт, духовные ценности, культура, 1997, 1998], которые в 1997–1998 гг. подготовил автор и издал Гуманитарный центр «СпАрт» ГЦОЛИФК.

С культурологическими проблемами тесно связаны *эстетические и этические* проблемы спорта и телесности человека.

**Эстетические и этические проблемы спорта и телесности человека.** Как известно, на протяжении многих столетий эстетика ограничивала себя областью искусства. Но мир эстетических явлений значительно шире и многообразнее. Эстетические ценности создаются и воспринимаются людьми не только в искусстве, но и в процессе труда, в быту, в ходе общения с другими людьми, т.е. в самых различных сферах человеческой жизни



и деятельности. В наше время особое внимание уделяется таким видам эстетической деятельности, как художественное конструирование (дизайн), декоративно-прикладная деятельность, направленная на эстетическое формирование окружающей человека природы и бытовой среды, появляются новые виды искусства, эстетические аспекты все шире внедряются в различные сферы труда и жизни. Вот почему в последнее время интересы эстетики стали выходить далеко за пределы искусства, художественного творчества. Представители этой науки все более склоняются к выводу, что и труд, и быт, и окружающая среда, различные виды человеческой деятельности, поведение человека, его внутренний мир и внешний облик – все может быть предметом эстетического анализа.

Изучение под этим углом зрения физкультурно-спортивной деятельности предусматривает постановку и решение комплекса *эстетических проблем*:

- в какой мере различные эстетические ценности – прекрасное, возвышенное, героическое присущи этой деятельности;
- какие объективно существующие особенности, стороны, аспекты спорта в определенных условиях приобретают эстетическую значимость для человека, вызывают у него эстетическое удовольствие;
- каковы критерии их эстетической оценки;
- какие эстетические чувства и потребности порождают занятия физкультурой и спортом;
- какое влияние на эстетическую культуру они оказывают и др.

По мере развития и повышения роли спорта в жизни общества его эстетические аспекты приобретают все более важное значение. Об этом свидетельствует возникновение и быстрое развитие так называемых художественных видов спорта (например, художественной гимнастики), в которых ведущая роль принадлежит именно эстетическому аспекту движения. Усиливается внимание к эстетическому компоненту и в других видах спорта: футболе, баскетболе и т.д. Спортивные состязания смотрят миллионы людей, для многих из которых существенным является эстетический аспект спорта. В системе воспитания и социализации подрастающего поколения занятия спортом рассматриваются и используются как важное средство формирования эстетической культуры личности. Для занятий спортом необходима, наконец, особая предметная среда, которая требует эстетического осмысления и освоения.

Все это объясняет, почему эстетические проблемы физкультурно-спортивной деятельности привлекают значительное внимание ученых.

В нашей стране интересные и оригинальные мысли об эстетическом содержании физкультуры и спорта еще в 20-е г. высказывал ученик и последователь П.Ф. Лесгафта В.В. Гориневский [Гориневский, 1928]. В последующий период эстетическим проблемам физкультурно-спортивной деятельности, физических упражнений, тела человека посвящены публикации и других отечественных авторов [Визитей, 1982; Лобжанидзе, 1980; Милеев, 1931; Назаренко, 2004; Полетаева, 1984; Праздников, 1981; Самусенкова, 1996; Сараф, 1978, 1981, 2004; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, 1984 а, 1998 н, о, 2011; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Лазарев, Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Столяров, Сараф, 1982; Френкин, 1963; Шумакова, 2010; Stolyarov, 1984 b, 1985 a, b и др.]. Эстетическим проблемам спорта посвящены многие работы и зарубежных ученых [Лоу, 1984; Takacz, 1973, 1981, 1986; Readings... 1974; Witt, 1982 и др.].

В последние годы особенно важное не только теоретическое, но и практическое значение приобрели вопросы, касающиеся отношения спорта и искусства (в чем их сходство и различие, как они связаны между собой, правомерно ли рассматривать спорт как искусство и т.д.), а также возможности, необходимости, конкретных путей и значения их интеграции. Автор с 1990 г. поднимает эту проблему и предлагает конкретные пути ее решения [Столяров, 1990 е, 1991 б, в, г, 1998 н; Столяров, Самусенкова, 1996; Stolyarov, 1991 d, 1993].

С эстетическими проблемами сферы физкультурно-спортивной деятельности тесно связаны *этические* проблемы функционирования и развития в этой сфере морального сознания, нравственных отношений и нравственного поведения.

Мораль (лат. *moralis* – нравственный, от *mos*, *mn.* число *mores* – обычаи, нравы, поведение), нравственность – это один из способов нормативной оценки и регуляции действий человека в обществе. Возникновение морали связано с тем, что в процессе исторического усложнения социальной жизни «естественнодействующие» факторы человеческо-

го поведения (собственно природные, а также те, которые стали «второй», «внутренней природой» индивида» на основе частных интересов или стихийного сочетания множества воль) становятся недостаточными для обеспечения социально необходимых действий. Возникает потребность в создании особых норм, системы предписаний и ограничений, запретов, а также социальных санкций, призванных согласовать поведение людей с общественными потребностями [Дробницкий, 1974, с. 239].

В этом своем качестве мораль представляет собой прежде всего определенную систему норм, ценностей, принципов, которыми люди должны руководствоваться в своем реальном поведении. Именно на основе этих норм, ценностей, принципов оцениваются, одобряются или порицаются поступки, мысли, отношения людей.

При оценке действий (поступков) человека используются различные оценочные предикаты, которые указывают на то или иное их значение (ценность). На основе такой оценки действие (поступок) может рассматриваться как: полезное, бесполезное или вредное; красивое, некрасивое или безобразное; эффективное или неэффективное, целесообразное или нецелесообразное, умелое или неумелое, умное или глупое, правильное или неправильное; законное или противоправное; хорошее или дурное и т.д. В зависимости от того, с чем соотносится ценность действия (поступка), все оценочные предикаты такого рода могут быть разделены на две большие группы [Анисимов, 1985, с. 17–18].

Первая группа включает в себя все те предикаты, которые устанавливают ценность действия (поступка) путем его сопоставления с определенной *целью*. К числу таких предикатов относятся, например, такие: «целесообразно», «полезно», «эффективно», «умело», а также противоположные им понятия. Такой подход к оценке действий (поступков) человека обычно называют «операционным» или «праксиологическим». Этот подход представлен, например, в книге польского философа Т. Котарбиньского «Трактат о хорошей работе» [Котарбиньский, 1975], а также в работах англо-американских авторов, посвященных теории «побуждений к действию» или «принципов действия». Так, английский этик Д. Ричардс [Richards, 1971] в книге «Теория побуждений к действию» среди разнообразных побуждений особо выделяет четыре «принципа рационального выбора действия»: принцип эффективности средств – выбор действия, которое наиболее эффективно ведет к поставленной цели; доминирующий принцип – выбор, который приводит к наилучшему из возможных результатов; принцип лотереи – выбор, при котором достижение предпочтительного результата наиболее эффективным способом всего вероятнее; принцип откладывания действия, когда нет достаточной адекватной информации об ожидаемых результатах или путях к ним.

Во вторую группу входят оценочные предикаты, посредством которых ценность действия (поступка) устанавливается в результате его соотнесения с каким-либо *правилом, нормой, идеалом* или другим *образцом*, имеющим более общее значение. Таковыми являются, например, предикаты: «правильно», «красиво», «правомерно» (или противоположные им понятия), с помощью которых оценивается *логическая* правильность рассуждений, *эстетическая* ценность действий, их значение с точки зрения соответствия *праву* и т.п. [Анисимов, 1985].

К числу такого же рода предикатов относятся и оценочные предикаты, указывающие на *нравственную* ценность (или неценность) действия (поступка). Основными из них являются понятия «доброе» и «злое» или в разговорном языке «хороший» и «дурной» (поступок). При оценке какого-либо действия (поступка) эти слишком абстрактные понятия конкретизируются, разъясняются с учетом тех или иных *зафиксированных в общественном сознании моральных норм*.

Существуют и другие способы (формы) нормативной регуляции действий человека, такие как право, обычаи, традиции и т.д. Особенность регулирования посредством различных социальных норм в первую очередь связана не с тем, *что* и *для чего* регулируется, а с тем, *какими средствами* это осуществляется. В религиозной сфере такими специфическими средствами ориентации человеческого поведения является совокупность идей, переживаний, действий, относящихся к сверхъестественному миру или к священным объектам. Правовое регулирование общественных отношений и человеческого поведения проводится с помощью государственных органов. Реализация *нравственных* норм в первую очередь связана с ролью *общественного мнения* и *совести* личности. «Общественное мнение играет роль внешнего, социального контроля, совесть – внутреннего» [Момов, 1975, с. 76].

Значит, нравственные санкции в отличие от правовых имеют *идеально-духовный характер*. Они выступают не как действенно-материальные меры общественного воздействия (награды или наказания), а в виде определенной оценки тех или иных поступков и мыслей, их одобрения или осуждения.

Нормы, ценности и принципы морали всегда необходимы при совместной деятельности. Они призваны регулировать поведение и сознание человека во всех сферах общественной жизни – в труде, в быту, в политике, в науке, в семейных, личных, внутригрупповых и других отношениях.

Применительно к физкультурно-спортивной деятельности наиболее важными являются вопросы о том, какие возможности заключены в ней для приобщения человека к нравственным ценностям и от каких факторов зависит их реализация. Особенно острой и дискуссионной является проблема нравственной ценности современного спорта и олимпийского движения: содействуют ли они формированию и развитию нравственного сознания, нравственных убеждений и отношений, нравственного поведения, нравственной культуры в целом. Эта проблема постоянно поднимается на научных конференциях, симпозиумах, конгрессах, а также в научных публикациях [Егоров, Захаров, 2006; Люкевич, 1991; Незвецкий, 1982; Нравственный потенциал... 1989; Родиченко, 2007; Heinilä, 1974; Loland, 2002; Loland, McNamee, 2000; McIntosh, 1979; Meinberg, 1991, 2001; Niedermann, 1996; Przyluska-Fischer, 1990, 2001; Przyluska-Fischer, Misiuna, 1993 и др.]. Этическим проблемам спорта, в том числе олимпийского, посвящен специальный выпуск международного журнала по социологии спорта [Ethics and sport, 1995], а также сборники: «Этика и спорт» [Ethics and Sport, 1998], «Этика в спорте» [Ethics in Sport, 2001], «Существует ли собственная этика олимпийского спорта» [Gibt es... 2001] и др.

В последнее время эстетические и нравственные проблемы спорта приобретают все более важное значение в связи с его противоречивым развитием, попытками найти пути гуманизации спорта, укрепления его связи с искусством и т.д.

**Гносеологические и логико-методологические проблемы познания спорта и телесности человека.** Как отмечено выше, важное место в философской проблематике занимают проблемы предельных оснований *познавательной* деятельности человека и особенно научного познания, т.е. проблемы *гносеологии (эпистемологии, теории познания), логики и методологии научного познания*.

*Гносеологические проблемы* занимают важное место в проблематике философии спорта и телесности человека. К ним относится широкий круг проблем. Как отмечает Й. Липец, эпистемология спорта «должна определить правомочность и правдивость знания о спорте и о человеке, понятым в перспективе спорта», «проверить, насколько спорт может быть областью *специального знания* (или комплекса знаний)», изучить «*генезис и методы познания* в спорте и посредством спорта», проблемы *истины* и «*границ познания* – вопрос о том, как далеко способно достигать познание в сфере спорта. Является ли оно имманентной или инструментальной конструкцией субъекта, или же преодолевает границы субъективности и касается самой объективной реальности. Как возможна объективная оценка хода и результата состязания с точки зрения особой заинтересованности в борьбе? Может ли проявлять объективность спортивная общественность, или же неизбежно "ложное сознание" эмоциональной заинтересованности в "наших" и "не наших"? Имеются ли шансы на формирование объективного судейства, безусловно свободного от давления познавательных вырождений, призванного только служить анклавом спорта?» [Lipiec, 1999 а, р. 17-18].

Важное значение в любой науке, в любом научном исследовании имеют *логико-методологические проблемы*. Их анализ позволяет ученому выбирать наиболее эффективные пути и средства, методы решения стоящих перед ним исследовательских задач. А выбор правильного метода имеет огромное значение для успешной работы ученого. Но в «спортивной науке» анализ логико-методологических проблем является актуальным и в силу ряда особых причин.

*Во-первых*, в ходе познания спорта и телесности человека ученые имеют дело со специфическими и крайне сложными объектами, которые обладают многообразными и противоречивыми свойствами – как социальными, так и биологическими.

*Во-вторых*, научные дисциплины, входящие в состав «спортивной науки», – относительно молодые и интенсивно развивающиеся. В них проводится большая работа, направленная на уточнение их предмета и методов познания, места в системе других наук. Зна-

чительное внимание уделяется разработке понятийного аппарата, необходимого для научного анализа спорта и телесности человека. Предпринимаются попытки построения теорий на основе перехода с эмпирического на теоретический уровень их научного познания, а также путем введения новых понятий, терминов и т.д.

Чтобы вся эта работа была эффективной, не превращалась в пустопорожнюю «игру в понятия», не сводилась к терминологическим спорам, не приводила к простой замене одних терминов другими, созданию надуманных «новых» научных дисциплин, не имеющих ни практического, ни теоретического значения, требуется *высокий методологический уровень* научного исследования, основанный на постановке и решении логико-методологических проблем. Имеются в виду проблемы, касающиеся структуры, генезиса и методов исследования спорта и телесности человека: основные уровни и этапы их научного познания; наиболее эффективные методы изучения; как правильно оперировать понятиями, выдвигать гипотезы и осуществлять другие познавательные процедуры в ходе научного исследования этих явлений.

В последнее время в науках о спорте за счет широкого использования все более совершенных технических средств наблюдения, измерения, эксперимента, применения современных математических методов обработки полученных данных и т.д. значительно повысился методологический уровень *эмпирических* исследований. Однако остается весьма низким (по крайней мере в таких основных научных дисциплинах этой сферы, как теория спорта, теория физической культуры, теория физического воспитания) методологический уровень решения многих вопросов на *теоретическом* уровне – при разработке научных теорий, введении, оценке и унификации понятий и т.д.

Например, разработка понятийного аппарата этих наук не опирается на осознанную постановку и решение методологических проблем введения, оценки и унификации понятий. Это приводит к бесплодным спорам о понятиях, грубым ошибкам при их введении и в конечном итоге – к *понятийному кризису* в «спортивной науке» [Столяров, 2007 е]. Как уже ранее отмечал автор, основные причины этого кризиса – *отсутствие внимания к логико-методологическим принципам введения, оценки и унификации понятий, ошибочное или неполное представление об этих принципах, непонимание их важной роли при оперировании понятиями, нежелание или неумение* применять в процессе научного исследования спорта и телесности человека. Для преодоления понятийного кризиса в изучающих их науках в первую очередь необходимо :

1) осознание каждым ученым значимости логико-методологических проблем введения, оценки и унификации понятий: как правильно определить то или иное понятие; можно ли и каким образом из множества возможных и реально встречающихся определений понятия выбрать его «правильное» определение; как, ориентируясь на какие критерии, следует оценивать то или иное определение; можно ли и каким образом добиться унификации различных определений понятия, т.е. его единообразного истолкования;

2) ориентация при решении этих проблем не только на здравый смысл, личный опыт оперирования с понятиями, но в первую очередь на научно обоснованные логико-методологические принципы введения, оценки и унификации понятий [Столяров, 2007 е, с. 60-61].

В связи с разработкой в «спортивной науке» новых теорий, таких, например, как общая теория физической культуры, общая теория спорта, теория спортивной медицины и др., которые претендуют на статус *«общей»*, *«интегративной»*, *«комплексной»* теории, возникают сложные логико-методологические проблемы: как правильно осуществить переход с эмпирического на теоретический уровень познания для разработки данной теории; в какой мере оправданно ее построение; какие принципы важно учитывать при уточнении ее объекта и предмета; каковы возможные пути интеграции научных знаний, комплексного подхода к построению научной теории и др. Лишь в том случае, если ученый имеет четкие и ясные представления по этим методологическим вопросам, попытка разработки указанных научных теорий приведет к положительным результатам. Часто это не учитывается в практике научных исследований спорта и телесности человека.

Отсутствие внимания к логико-методологическим проблемам при разработке теорий в «спортивной науке» приводит к такой упрощенной трактовке самого понятия «теория», когда она понимается как научно обоснованные знания, система научных знаний и т.п., т.е. когда термин *«теория»* используется лишь в широком значении как синоним термина *«наука»*, *«научная дисциплина»*. Вот лишь один пример: «Теория – это систематизирован-

ное в историко-логической связи знание в отличие от обыденного несистематизированного» [Ибрагимов, 2011, с. 97]. При таком понимании теории не учитывается сформулированное в современной логике и методологии науки ее понимание как высшего уровня научного знания, связанного с результатами анализа идеальных объектов и выяснения внутреннего «механизма» эмпирически установленных связей и зависимостей. В качестве специфических методов построения теории вместо идеализации, логического эксперимента, гипотетико-дедуктивного метода и т.п. часто ошибочно рассматривают такие мыслительные процедуры, как индукция, дедукция и другие методы, которые применяются и на эмпирическом этапе научного исследования. Не принимаются во внимание многообразные способы интеграции научных знаний, комплексного подхода при построении научной теории.

При разработке любой научной теории важно определить ее *объект и предмет*. Однако нередко указывается только объект теории. Уточняя предмет научной теории, исследователь имеет возможность выбрать в качестве такового различные аспекты изучаемого объекта, сформулировать те или иные задачи его исследования и т.д. Поэтому часто возникают споры о предмете той или иной научной дисциплины. Такие споры ведутся, например, о предмете таких наук, как теория физической культуры, теория спорта, теория спортивной медицины, спортивная педагогика, социология спорта и др. Для эффективного решения этих споров требуется обсуждение ряда методологических проблем: с чем связаны существующие разногласия в истолковании предмета обсуждаемой научной теории; как правильно определить ее предмет, какие методологические принципы при этом должны соблюдаться; как обосновать правомерность одного понимания предмета теории и ошибочность других и т.д. Однако часто ученые, характеризуя предмет теории, исходят лишь из интуитивных, четко не формулируемых соображений, не приводят научной аргументации в обоснование своего понимания этого предмета и ошибочности других. Это приводит к произвольному истолкованию предмета теории, к бесплодным спорам по данному вопросу.

Огромное значение при изучении объектов, которые представляют собой сложную изменяющуюся и развивающуюся систему, имеет *диалектический метод*. Но именно с такими объектами имеют дело науки о спорте и телесности человека. Поэтому в этих науках, как будет показано ниже, крайне важными и актуальными являются проблемы применения диалектического метода и таких его компонентов, как метод восхождения от абстрактного к конкретному, системный и комплексный методы, логический и исторический методы и т.д.

Правильная и эффективная методология исследований спорта и других связанных с ним явлений вряд ли может сложиться стихийно. Если это и возможно, то в течение очень длительного периода времени. Чтобы ускорить этот процесс и сделать его максимально эффективным, требуется четкая постановка и специальный анализ обсуждаемых гносеологических и логико-методологических проблем. Данные проблемы – сложные и трудные для решения. Чтобы правильно ориентироваться в них, недостаточно одной лишь интуиции и здравого смысла. Опираясь только на них, легко допустить самые серьезные ошибки. Избежать таких ошибок можно лишь в том случае, если опираться на гносеологию, логику и методологию науки.

Анализ гносеологических и логико-методологических проблем познания спорта и телесности человека может осуществляться, конечно, каждым ученым в рамках той научной дисциплины, которую он разрабатывает, по мере того, как они возникают перед ним в ходе исследования. Но это *малоэффективный* путь их решения. Более эффективным является другой путь: их анализ в рамках специализированной философской дисциплины – ***гносеологии, логики и методологии научного познания спорта и телесности человека***.

Предметом данной дисциплины является изучение проявления в специфической области – в сфере познания спорта и телесности человека – общих гносеологических закономерностей, определение возможности применения для решения возникающих здесь логико-методологических проблем тех общих принципов и положений, которые выработаны в современной логике и методологии науки. Сами эти проблемы обсуждаются здесь в их логически-обобщенном виде, т.е. в той форме, в какой они выступают во всех науках о спорте и телесности человека, при изучении последних в любом аспекте. Это дает возможность *сопоставить* решение аналогичных гносеологических и логико-методологических проблем в различных науках (не только входящих в состав «спортив-

ной науки», но и других) и использовать *опыт* их решения, накопленный за всю историю человеческого познания. Возможна, разумеется, разработка и ряда других аналогичных теорий, но менее общего характера, т.е. рассматривающих гносеологические и логико-методологические проблемы в той их частной форме, в какой они выступают применительно к тем или иным аспектам и направлениям исследования физкультурно-спортивной деятельности и телесности человека.

Итак, как показано выше, **проблематика философии спорта и телесности человека** охватывает комплекс относящихся к ним взаимосвязанных проблем: *философско-мировоззренческих, социально-философских, аксиологических (культурологических, семиотических, эстетических, этических, экологических), гносеологических, онтологических и логико-методологических*.

Это дает основание оценить ее как *комплексную, интегративную, междисциплинарную философскую дисциплину*. Указанные, казалось бы, разнородные проблемы этой дисциплины объединяет не только их тесная *взаимосвязь*, но и то, что все они предусматривают осмысление *предельных оснований, фундаментальных предпосылок тех форм социального бытия и жизнедеятельности, которые связаны со спортом и телесностью человека*.

Тот факт, что в центре внимания философии спорта и телесности человека находятся именно эти проблемы, вовсе не означает, что они совсем не затрагиваются в других науках, которые изучают те же самые социальные явления. Но при этом важно четко различать, не смешивать две вещи:

1) *специальное* рассмотрение каких-то проблем в определенной науке, когда эти проблемы являются *главным и основным* предметом ее анализа;

2) *«вспомогательное»* обращение к данным проблемам в других науках, когда они затрагиваются лишь в силу их определенной связи с теми проблемами, которые составляют основную предмет изучения последних.

Одно дело, например, что педагогика физического воспитания при анализе его как определенного педагогического процесса (это составляет специфический предмет ее исследования) не может не касаться, допустим, вопросов социальных функций и социального значения физического воспитания. Но эти проблемы на современном этапе ее развития не составляют *специфический и систематический* предмет ее исследования. Специально и систематически они должны изучаться и изучаются в философии и теоретической социологии физического воспитания.

Выбор философией спорта и телесности человека для исследования указанных выше проблем определяет ее *специфику, теоретическую и прикладную значимость*, а также ее важные *функции*: мировоззренческую, гносеологическую, методологическую и т.д.

Подробная характеристика всех этих аспектов философии спорта и телесности человека содержится в разделах данной работы, посвященных отдельным проблемам этой философской дисциплины. Поэтому здесь ограничимся ссылкой на мнение по данному вопросу двух известных философов спорта.

Бывший президент Международного философского общества Роберт Остерхаудт, касаясь роли и значения философии спорта, указывает на то, что «она увеличивает и обогащает наше понимание, нашу оценку и опыт относительно спорта так, как это не делает и не может сделать никакая другая дисциплина». Разъясняя это ее значение он пишет: «Как проводник наиболее основных понятий и знаний относительно спорта, философия спорта расширяет и углубляет наше восприятие спорта по сравнению с представлением о нем естественнонаучных, социальных, религиозных, художественных и исторических знаний. Философия спорта интегрирует эти взгляды во всестороннее и интегративное представление о спорте, и тем самым раскрывает нам его подлинный смысл, уникально гуманистический характер спорта. Философия спорта показывает, что есть и должно больше всего быть в спорте; она показывает фундаментальные основы наших самых высоких и самых глубоких мыслей, наших наиболее желанных значений и наших наиболее лелеемых обязательств в спорте; она вдохновляет, лелеет, поучает, и регенерирует наше непосредственное самоощущение как людей, принадлежащих спорту. Так как философия спорта открывает нам "все" главные альтернативы, связанные с фундаментальными основами спорта, она сообщает нам всю внутреннюю силу и слабость этих альтернатив... Кроме того, философия спорта знакомит нас с пределами человеческих возможностей в спорте, со всеми степенями в развитии этих возможностей. Это обеспечивает нас глубоким основанием для

интерпретации исторического феномена спорта, для оценки текущего состояния спорта и для трансплантации нашими просвещенными математическими ожиданиями спорта будущего» [Osterhoudt, 1998, p. 40-41].

Анжела Лампкин, глава департамента физического воспитания университета Северной Каролины (Канада), полагает что философия спорта помогает каждому человеку, причастному к сфере физического воспитания и спорта, выработать свою собственную философскую позицию, которая оказывает существенное влияние на все его поведение в этой сфере. Обращаясь к специалистам в области физического воспитания и спорта, она пишет: «Каждый, кто планирует работать в области физического воспитания и спорта, должен сформировать собственную философию как руководящий принцип своих позиций и действий. Например, если принцип честной игры занимает существенное место в Вашей философии, то Вы должны пропагандировать его собственным поведением и высказываниями. Наличие собственной философии является необходимым условием Вашего логического и аналитического мышления, формулирует Вашу систему ценностей в физическом воспитании и спорте. Ваша философия будет постоянно развиваться, поможет глубже понять различные связи физического воспитания и спорта с образованием в целом и ускорит Ваш профессиональный рост» [Lumpkin, 1990, p. 35].

Итак, выше изложена авторская концепция «природы» и предмета философии спорта и телесности человека. Дана *краткая характеристика* основных направлений и проблем философского исследования спорта и телесности человека, а также соответствующих философских дисциплин. Чтобы дать читателю *более развернутое, детализированное* представление по этим вопросам, ниже приводится их анализ в работах других авторов. Такой подход, во-первых, позволяет избежать *дублирования* в изложении одних и тех же вопросов, и, во-вторых, дает возможность читателю *сравнить* авторскую концепцию с позицией других авторов.

## 2.2. Аналитический обзор публикаций

Первоначально будет рассмотрена антология «*Философские исследования спорта*», которую составили В. Морган и К. Майер [Philosophic... 1988, 1995]. В нее включено 56 работ по философским проблемам спорта, изданным после 1979 г., т.е. она претендует на широкий обзор исследований в области философии спорта. Как пишут составители, в антологии представлен «баланс аналитических, экзистенциалистско-феноменологических и критических научных очерков, отражающих философию спорта во всем ее разнообразии, англо-американских и европейских научных школ», и она «является соединением работ, выполненных научными авторитетами в данной области философии, а также современных исследований молодых ученых, проникнутых категоричностью и остротой суждений» [Philosophic... 1988, p. IX].

Текст сборника поделен на шесть разделов. Три первых раздела являются введением в задачи концептуального анализа спорта и игры. В разделах 4, 5 и 6 обсуждаются связанные со спортом социально-философские проблемы, проблемы этики, эстетики и политической философии.

Раздел 1 «*Природа спорта и игры*» посвящен характеристике «самых важных характеристик спорта» [Philosophic... 1988, p. 1]. В связи с этим здесь опубликованы работы: **Ф. Д'Агостиньо** «Этос игр» [D'Agostino, 1988], **Р. Кайлуа** «Структура и классификация спортивных игр» [Caillois, 1988], **Й. Хёйзинга** «Природа игры» [Huizinga, 1988], **Ф. Мак-Брайд** «Критика определения, данного господином Сьютсом процессу спортивных игр» [McBride, 1988], **К. Шмитц** «Спорт и игра: поддержка обыденного» [Schmitz, 1988], **Б. Сьютс** «Элементы спорта» и «Относительно определения Мак-Брайда, данного им спортивным играм» [Suits, 1988 a, b], в которых предлагаются различные определения спорта и игры. Несмотря на отсутствие в данном разделе какого-то прямого ответа на вопрос «Что есть спорт?», читатель имеет возможность ознакомиться со сложностями решения проблем и понятийного анализа философии спорта.

Во втором разделе «*Спорт и телесность* (Sport and Embodiment)» анализируются (в основном с позиций феноменологии и экзистенциализма) философские проблемы телесности человека. Они обсуждаются в работах: **А. Лингис** «Орхидеи и мускулы» [Lingis, 1988] (дается анализ культурной эволюции бодибилдинга), **К. Майер** «Телесность, спорт и значение» [Meier, 1988b], **Ж.П. Сартр** «Тело» [Sartre, 1988b], **Франс де Вахтер** «Символизм здорового тела» [Wachter, 1988], **П. Вейс** «Вызов тела» [Weiss P., 1988].

В разделе 3 «Спорт, игра и метафизика» опубликованы работы, посвященные онтологическому анализу (в основном с позиций экзистенциализма) спорта и игры, выяснению их экзистенциальной сущности, места и роли в человеческом бытии: **К. Алгозин** «Человек и спорт» [Algozin, 1988], **Р. Бёрк** «Воспринимая игру серьезно» [Burke, 1988], **Дж. Эспозито** «Игра и возможность» [Esposito, 1988], **Э. Финк** «Онтология игры» [Fink, 1988], **Ж.П. Сартр** «Игра и спорт» [Sartre, 1988a]. В этих работах обосновывается положение о том, что игра является фундаментальным способом человеческого бытия. В работе **К. Майера** «Флейты поют: апология игры» [Meier, 1988a] это общее положение дополняется аргументом в пользу того, что игра есть центр жизни, дающий возможность для прозябания в роскоши при сопутствующем взрыве субъективизма.

Раздел 4 «Спорт и этика» – самый объемный раздел антологии. В нем обсуждается вопрос о том, как «люди должны вести себя в сфере спорта» [Philosophic... 1988, p. 219]. Среди множества работ, опубликованных в этом разделе, следует отметить работы: **Э. Делатре** «Некоторые наблюдения относительно успеха и поражения в спортивных соревнованиях» [Delattre, 1988], **Р. Физелл** «Спортивное благородство» [Feezell, 1988], **У. Фралеи** «Почему правильный фол является неправильным» [Fraleigh, 1988], **Дж. Хоберман** «Спорт и технологический облик человека» [Hoberman, 1988], **Д. Хиланд** «Состязание и дружба» [Hyland, 1988], **Дж. Китинг** «Спортивное благородство – моральная категория» [Keating, 1988], **Р. Кретчмар** «От испытания к состязанию» [Kretchmar, 1988], **О. Лиман** «Обман и честная игра в спорте» [Leaman, 1988] и **К. Пирсон** «Обман, спортивное благородство и этика» [Pearson, 1988]. В некоторых работах [Brown, 1988; Perry, 1988; Simon, 1988; Thompson, 1988] данного раздела обсуждается философская проблематика, связанная с применением наркотиков и других запрещенных медицинских препаратов в спорте.

Еще одна группа статей, включенных в данный раздел, посвящена проблеме равенства полов в спорте. Эта проблематика обсуждается, например, в статье **Дж. Инглиш** «Равенство полов в спорте» [English, 1988]. В ней обосновывается положение о том, что традиционное восприятие полового равенства, предполагающее равные возможности для мужчин и женщин, неприемлемо для спорта, поскольку такие возможности крайне маловероятно обнаружить в обществе, в котором большинство спортивных дисциплин удовлетворяет физическому статусу мужчин. Автор статьи считает, что поскольку женщины могут рассчитывать примерно лишь на половину и без того немногочисленных преимуществ спорта (такие как слава и богатство), то с моральной точки справедливым является создание в обществе альтернативных видов спорта, рассчитанных на физический статус женщин-спортсменов. **Р. Беллиотти** в статье «Женщины, пол и спорт» [Bellioti, 1988], критикует аргументы Дж. Инглиш с позиций самоуважения и полагает, что ни женщины, ни мужчины не должны искать источники самоуважения в профессиональных спортивных достижениях, разнесенных по соответствующим половым группам. **И. Янг** в статье «Исключение женщин из спорта: концептуальные и экзистенциальные параметры» [Young, 1988] выступает против исключения женщин из спорта, полагая, что такое исключение ограничивает потенциальные человеческие качества женщин, а также потенциальные гуманные свойства спорта. Аналогичной является позиция **П. Венца** в статье «Равенство людей в спорте» [Wenz, 1988]. В заключительной статье данного раздела **Б. Постов** выступает за равенство полов в спорте, рассматривая эту проблему с моральной точки зрения [Postow, 1988]. Проблема равенства полов в спорте обсуждается также в сборнике статей «Женщины, философия и спорт» [Women... 1983].

Раздел 5 «Спорт и социально-политическая философия» включает в себя статьи, в которых «во главу угла ставится роль спорта в поддержании или оспаривании социальных и политических структур буржуазного общества» [Philosophic... 1988, p. 375]. Раздел начинается с представления игровой теории происхождения государства. **Ортега-и-Гассет** в статье «Спортивное происхождение государства» [Ortega, 1988] обосновывает положение о том, что первые социальные организации и государства возникли на основе созидательного потенциала игры. Во второй статье **М. Хоркхаймер** [Horkheimer, 1988] с марксистских позиций анализирует «новые образцы в социальных взаимоотношениях», но вместе с тем подвергает критике ряд положений неомарксизма.

**Г. Ленк** в статье «К социальной философии достижений в атлетике» [Lenk, 1988] поддерживает эту позицию, выступая против положения неомарксистов о том, что спорт является точным отражением принципов деятельности капиталистического общества. Согласно Г. Ленку, такой взгляд на спорт уменьшает его потенциальные возможности в области



индивидуального развития и самоутверждения личности. **К. Лаш** в статье «Деградация спорта» [Lasch, 1988] занимает позицию, отличную от позиции Г. Ленка. По его мнению, в обществе, в котором имеются предпосылки для деградации труда, рождается потребность к развлечениям, что приводит к деградации современного спорта до уровня массового зрелища. **У. Морган** в статье «Игра, утопия и дистопия» [Morgan, 1988] делает акцент на раскрепощающих потенциалах игры и подвергает критике преобладающую мотивацию в спорте капиталистического общества на получение прибыли. Автор заключительной статьи раздела **С. Пэрри** посвящает ее теме «Гегемония и спорт» [Parry S., 1988].

Последний раздел – «Спорт и эстетика» содержит восемь статей, обсуждающих проблему включения спорта в сферу эстетики. В частности, обсуждаются вопросы о том, является ли спорт формой искусства, «отвечает ли он критериям, применимым к таким художественным формам, как, например, изобразительное искусство или танец?» [Philosophic... 1988, p. 447]. Составители сборника дают утвердительный ответ на эти вопросы, опираясь на положение о том, что игра посредством ее потенциальных творческих и познавательных возможностей является как основой искусства, так и важным компонентом художественного процесса. Однако **Д. Бест** в статье «Эстетика в спорте» [Best, 1988 a] придерживается другого мнения по данному вопросу. По его мнению, спорт – не вид искусства, и при проведении большинства спортивных состязаний, например, по футболу, эстетический элемент является не более чем случайным. Эта позиция с разных сторон подвергается критике авторами других статей данного раздела. **Дж. Купфер** в статье «Спорт – электрика тела» [Kupfer, 1988], так и **Т. Робертс** в статье «Спорт, искусство и специфика» [Roberts, 1988] считают, что спорту присущи эстетические ценности и потому он является предметом эстетического исследования. **Дж. Боксхилл** в статье «Красота, спорт и пол» [Boxill, 1988] утверждает, что спорт является не только благодатным источником эстетической ценности, но и разновидностью искусства. Эту оценку спорта поддерживает и **С. Верц** в статье «Контекст и намерение в спорте и искусстве» [Wertz, 1988]. В заключительной статье данного раздела «Спорт не есть искусство» [Best, 1988 b] **Д. Бест**, отвечая на эту критику, высказывает мнение о том, что спорт может быть великолепным с эстетической точки зрения, но все равно не является искусством.

Анализ работ, представленных в антологии, показывает, что свое обещание дать широкий обзор исследований в области философии спорта составителям удалось выполнить не в полной мере – например, с точки зрения объектной области и проблематики этой философской дисциплины. Так, в сборнике отсутствуют работы, анализирующие философские проблемы олимпийского движения, а также гносеологические и логико-методологические проблемы научного исследования физкультурно-спортивной деятельности и телесной (физической) культуры.

В сборник не включены работы философов многих стран, в том числе таких, которые имеют давнюю традицию разработки проблем философии спорта.

К ним относится, например, **Польша. Е. Косевич** [Kosiewicz, 1989], характеризующая историю и современное состояние разработки философии физической культуры (в определенной степени и спорта) в этой стране, выделяет три этапа и направления этой философской рефлексии, а также соответствующие группы исследователей:

1. историческая и современная философская рефлексия физической культуры и спорта на периферии других исследовательских тем, составляющих главный предмет исследования: например, философия тела в концепциях **С. Бржозовского** (S. Brzozowski) и **Э. Абрамовского** (E. Abramowski), идеи **Иоанна Павла II**, проблематика физической культуры в философии **Е. Снядецкого** [J. Śniadecki], **С. Гессена** (S. Hessen) и **Ф. Знанецкого** (F. Znaniecki);

2. философские аспекты работ теоретиков физического воспитания, гигиенического движения, туризма, альпинизма и т.п.: а) на рубеже XIX и XX столетий, когда свои концепции формулировали **Г. Джордан** (H. Jordan), **М. Заруский** (M. Zaruski) и **Э. Пясецкий** (E. Piasecki); б) периода межвоенного двадцатилетия, когда формировалась концепция **В. Осмольского** (W. Osmolski); в) современного периода, в частности, взгляды **З. Гилевича** (Z. Gilewicz), **М. Демеля** (M. Demel), **А. Павлуцкого** (A. Pawlucky) и **К. Зухоры** (K. Zuchora);

3. философские концепции физической культуры и спорта *sensu stricto* (в строгом значении этого слова – В.С.) – **А. Воля** [Wohl, 1962, 1970, 1973 a, b, 1977, 1984a,b, 1986, 1987], **З. Кравчика** [Krawczyk, 1970, 1978 a, b, 1983, 1984], **Й. Липьеца** [Lipiec, 1980,

1984], **Б. Урбанковского** [Urbankowski, 1975, 1976, 1981, 1984], **А. Пишлуска-Фишер** [Przyluska-Fischer, 1990], **Я. Моша** [Mosz, 1990].

Опубликован ряд сборников, в которые включены работы указанных исследователей [см., например: *Filozofia kultury...* 1990; *Kultura fizyczna i społeczeństwo*, 1976; *Kultura fizyczna*, 1989; *Sport, Culture and Society*, 2005; *Sport i Kultura*, 1981 и др.].

Среди польских философов особо следует выделить **З. Кравчика**, в многочисленных работах которого [их библиографию см. в: Zbigniew Krawczyk, 2005] внесен существенный вклад в разработку философии физической культуры и спорта с позиций гуманизма и холистической философии [см.: Cynarski, 2005; Kosiewicz, 1989; Kowalczyk, 2005].

Иллюстрацией тех философских проблем физической культуры и спорта, которые составляют предмет его анализа, может служить работа «Очерки философии и социологии физической культуры» [Krawczyk, 1978 с]. Она подразделена на четыре части. Первая часть посвящена теме «*Человек и физическая культура*» (проблемы: очеловечивание природы, антиномия природы и культуры; тенденция цивилизации и гуманизации физической культуры), вторая часть – теме «*Спорт в перспективе преобразования общества*» (проблемы: диалектика социального преобразования спорта, эволюция игры и труда и социальные изменения спорта, спорт и социальные образцы культуры, спорт как средство аккультурации), третья часть – теме «*Процесс институционализации и профессионализации физической культуры*» (проблемы: генезис институционализации физической культуры, структура процесса физического воспитания и т.п.); четвертая часть «*Физическая культура как предмет социально-философского исследования*» (проблемы: Ното *physicus* в социально-философской перспективе, теория и эмпирия в общественных науках о физической культуре, гуманистические ценности спорта).

Монография З. Кравчика «Спорт в изменяющемся обществе» [Krawczyk, 2000] также включает в себя четыре части: первая часть «*Спорт как феномен символической культуры*» (разделы: «Спорт как символ» и «Спорт и *sacrum*»); вторая часть «*Основные ценности спорта*» (разделы: «Спорт и гуманизм»; «Категории этики спорта»; «Проблема справедливости в спорте»); третья часть «*Спорт с позиций массового потребления*» (разделы: «Спорт и структурные изменения общества»; «Изменения физической культуры в Европе»; «Структура преобразований спортивных организаций в Польше»).

Комплекс проблем философии физической культуры, спорта и олимпийского движения обсуждается в работах польского философа **Е. Косевича**. Определенное представление о характере этих проблем дает его монография «Физическая культура и спорт в перспективе философии» [Kosiewicz, 2000 b]. Она включает в себя три раздела. Первый раздел – «Антропологические и аксиологические основания физической культуры» подразделяется на три части. В первой анализируются понятие и методология физической культуры, во второй – физическая культура как сфера проявления и средство формирования ценностей, в третьей – теория физической культуры в свете философской концепции человека, педагогические перспективы этой теории. Во втором разделе монографии обсуждается комплекс философских проблем спорта и олимпийского движения: универсальные ценности спорта (с позиций реализма и номинализма), спорт и здоровье, Олимпийские игры в перспективе религиозной и философской концепции тела, проблемы педагогики спорта и олимпийского образования, концепция Фэйр Плэй (честной игры), эстетические проблемы спорта. Третий раздел посвящен анализу философских проблем туризма и рекреации.

Взгляды **З. Кравчика** и **Е. Косевича** на предмет и структуру философского исследования спорта и философии спорта представлены в их статье «*Философия спорта или философская рефлексия над спортом*» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997]. Прежде всего авторы обращают внимание на то, что специалисты (не философы) в области физической культуры и спорта, как правило, используют философские понятия и теории для решения возникающих перед ними проблем «чисто интуитивно или весьма поверхностно. Поэтому их рассуждения, слишком простые и обыденные, далекие от стандартов подлинной философии, не вызывают интереса у философов *sensu strictu* (в строгом значении этого слова. – В.С.)». С другой стороны, философы при анализе философских проблем используют факты, относящиеся к основной сфере их интереса, например к философии культуры, философии человека, философии природы, аксиологии (этике, эстетике) и т.д. Эти факты часто непонятны для представителей наук о спорте, которые не имеют философского образова-

ния. «Следствием этого является отсутствие координации и понимания между представителями наук о спорте (не философами) и философами» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 9].

Характеризуя поиск предмета философии спорта, З. Кравчик и Е. Косевич указывают на ее тесную генетическую и функциональную связь с четырьмя областями знания. «Философия спорта – элемент философии культуры, философии природы, аксиологии (науки о ценностях – эстетических и этических) и науки о физической культуре». Вместе с тем подчеркивается, что «она является относительно самостоятельной областью знаний» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 10].

На основе такого понимания философии спорта З. Кравчик и Е. Косевич характеризуют ее как «интегративную дисциплину, синтезирующую проблемы культуры, аксиологии и природы и решающую их с позиций онтологии и гносеологии тела, теории спортивной тренировки и спортивного соревнования, теории здоровья человека как залога достижения спортивных успехов и культурных ценностей. Философия спорта должна затрагивать как внешние, так и внутренние ценности (человеческая активность рассматривается как создание и трансформация внутренних и внешних возможностей плюс влияние социальной окружающей среды и природы)». При таком подходе, считают З. Кравчик и Е. Косевич, «философия спорта, затрагивая проблемы культуры, формируется из суммы взглядов философов различных ориентаций (W. Dilthey, O. Spengler, S. Freud, E. Cassirer, B. Croce, F. Znaniecki, S. Hessen, A. Toynbe, H. Marcuse, C. Levi-Strauss)». И если смотреть на ценности философии спорта по нисходящей линии, то она «выглядит набором взглядов великих философов, таких как: Р. Декарт, Т. Гоббс, П.А. Гольбах, К.А. Гельвеций, Ж.Ж. Руссо, Ж.О. де Ламетри и др., обсуждавших биологическую природу человека; Х. Вольф, И. Кант, Ф.В. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель, размышлявших о философии природы человека; А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, рассматривавших человека в неразрывной связи с окружающим миром; наконец, A.G. Melsen, M.A. Krapiec, T. Slipko, J. Maritain, K. Klisak, M. Heller, веривших в то, что философия человеческой природы – это каркас всей теории существования» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 10].

По мнению авторов обсуждаемой статьи, философия спорта синтезирует исследования комплекса фундаментальных дисциплин, таких, как биология, физиология, антропология, теория культуры, социология, различных отраслей философии, истории и т.д., а также прикладных наук (например, спортивной медицины, педагогики, теории тренировки и спортивного соревнования) и специальных наук (например, теории спорта, теории двигательной активности). Вместе с тем предметом ее исследования являются различные аспекты спорта – онтологического, аксиологического (этического, эстетического), эпистемологического (когнитивного), социального и антропологического характера. «В онтологический аспект спорта обычно включают такие его элементы, как элемент игры, активности, соперничества (с соперником, с противостоящими силами природы), борьба за победу. Этический аспект спорта – честь, честная игра, удовольствие как мотивация, спортивность. Эстетический аспект – красота природы, красота человеческого тела во время и в результате спортивных усилий. Когнитивный аспект – постоянное изучение и познание мира: а) через тренировки и различные жизненные функции, связанные со спортом; б) через отход от повседневной жизни, прозы жизни, известной как сфера *profanum*, и переход к *sacrum* – сфере фестивальности, праздничности и церемониальности. Социальный аспект – явления из области онтологии социального существования, касающиеся социальных механизмов функционирования спорта, места спорта в социальной жизни и влияния общества на спорт... Антропологический аспект – совершенствование физической подготовленности, желание преодолеть психофизические барьеры (часто это противоречит этическим соображениям, заботе о собственном здоровье и здоровье других), а также образовательные ценности, связанные с профессионализмом» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 12].

З. Кравчик и Е. Косевич, опираясь на изложенное выше, выделяют три основные формы презентации философских проблем спорта, а значит, философии спорта:

➤ исторические или современные философские проблемы, связанные с другими предметами исследования, которые находятся в центре внимания философов, таких, к примеру, как Платон, К.Л. Шмитц, К. Ясперс, Дж. Сантаяна, а в Польше – J. Kuczynski, I.S. Fiut, M. Golaszewska, J. Wolanski, M. Zawislo, P. Perkins, S. Kowalczyk;

➤ философские аспекты, затрагиваемые теоретиками физического воспитания и спорта, например, в работах таких польских ученых, как H. Jordan, W. Osmolski и др.;

➤ работы философов, которые ставят проблемы спорта в центр своего внимания (в Польше, например, это Z. Krawczyk, A. Wohl, J. Lipiec, Rev. J. Cygan, J. Kosiewicz, B. Urbankowski, S. Rudzinski, A. Przyłuska-Fischer, J. Mosz, B. Misiuna, A. Gryglewicz, J. Waligora) [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 13].

Особо в структуре философии спорта З. Кравчик и Е. Косевич выделяют проблематику, касающуюся Олимпийских игр и олимпийского движения. По их мнению, концепция олимпийского движения в его традиционной и современной формах – один из наиболее существенных элементов философии спорта. «Она подчеркивает, что олимпийское соревнование – восходящее к своему архетипу, которое имеет мифологическое происхождение, – имеет глобальное значение, поскольку является выражением врожденного желания человека к достижению совершенства и преодолению присущих ему психофизиологических и социальных границ. Философия спорта показывает, что в ходе исторического развития олимпийская идея претерпевает существенные трансформации, меняются и ее культурно-творческие функции: от национального универсализма Древней Греции через европейский универсализм неоолимпизма Пьера де Кубертена к современному глобальному универсализму» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 13].

Завершая статью, З. Кравчик и Е. Косевич обращаются к тому вопросу, который звучит в ее названии: «Философия спорта или философская рефлексия над спортом?» По их мнению, пока философия спорта в полной мере еще не сформировалась как самостоятельная дисциплина и потому «до тех пор, пока не завершится формирование этой новой дисциплины, мы будем иметь дело скорее с философской рефлексией над спортом, нежели с философией спорта *sensu stricto* (в строгом значении этого слова. – В.С.)» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 14]. Основанием именно такого ответа на указанный вопрос, как полагают З. Кравчик и Е. Косевич, является следующее: в философии спорта «лишь сравнительно недавно сформировались механизмы постановки, анализа и решения проблем, а также различные точки зрения и направления исследования. И само направление философии спорта сравнительно недавно стало автономным... Философия спорта направляет свои усилия на самодетерминацию, определение собственных методов и форм исследования. Кооперация с другими областями философии (и не только философии) направлена на использование разработанных и проверенных образцов для формирования собственного языка, понятийного аппарата, специфической методологии, чтобы описать и объяснить источники, содержание и смысл практических и теоретических проявлений спорта» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, p. 14].

В течение многих лет анализом философских проблем спорта и олимпийского движения занимается польский философ **Й. Липец** [Lipiec, 1980, 1984, 1994, 1997, 1999 a, b, 2005].

В одной из ранних своих статей – «Как возможен спорт?» [Lipiec, 1984] он обсуждает ряд философских проблем спорта: «проблему много и однопредметности» развития личности спортсмена [см. также: Lipiec, 1994]; «спорт как опыт человека»; проблему диалектики свободы и необходимости в спортивной деятельности.

Но наиболее полно его понимание философии спорта представлено в книге «Философия олимпизма» [Lipiec, 1999]. В исходном пункте анализа этой философской дисциплины Й. Липец указывает на то, что «философия по своей сущности, по авторитету традиции универсальна, относящаяся ко всему вообще, ищущая общих проблем и решений. Поэтому она не может уходить в частные вопросы и должна избегать необоснованной специализации». Однако, по его мнению, «нельзя исключить и такой возможности, что общая философия распадется на совокупность региональных философий и окажется в такой же раздробленности, как это стало с наукой (или гетерогенной совокупностью научных дисциплин)». Следует признать возможной и «концепцию много или двухуровневой философии, когда рядом с философией “как таковой” будет существовать ветвь *философий частных*, “предикативных” (философия “чего” “или какая”), определенных тематически и аспектно, вроде философии человека, философии науки и т.п.». Как замечает Й. Липец, собственно, это давно уже происходит не только с философией, но и с разделами философии, например с онтологией. «Уже есть онтология организма, онтология общества, онтология свободы, онтология времени; не исключая и возможности онтологии спортивного зрелища. То же самое в этике, эстетике, аксиологии и даже в эпистемологии» [Lipiec, 1999, p. 14].

Под философией спорта Й. Липец понимает анализ этических, эстетических и антропологических проблем спорта [Lipiec, 1999, p. 12]. Своеобразно он трактует значение философского осмысления спорта: «Философия спорта возникает как осмысление спорта уже существующего, выводя из него свои первоначальные рефлексии и обобщения. Потом она обращается к спорту, предлагая ему свои теории и открывая через себя более глубокие, неочевидные уровни его значения. Проникнутый философским пониманием спорт получает таким образом свое осознание или самосознание своего места и ранга, а в последующем и понимание возможностей перегруппировать свои силы новым способом, (если захочет и сможет). Преображенный спорт становится темой и источником философской мысли. Философия начинает новый этап своего развития, формируя свежие и оригинальные импульсы и решения спортивной действительности. И так далее, в диалектическом движении формирования *логоса* спорта» [Lipiec, 1999, p. 15].

Исходя из изложенного выше понимания философии спорта, Й. Липец характеризует разделы и соответствующую проблематику этой философской дисциплины.

К числу философских проблем спорта прежде всего он относит проблемы *онтологические*. Он разделяет эти проблемы на *эссенциальные* ("esencjalny"), касающиеся основных характеристик и уровней как понятия «спорт», так и самого реального спорта, и *экзистенциальные* – рассмотрение «способа существования спорта», его связей с ценностями, идеалами, смыслами, образцами поведения, а также структуры, функций и генезиса спорта [Lipiec, 1999, p. 15-16].

Вторым подразделом философии спорта Й. Липец считает *эпистемологию* спорта, которая «должна определить правомочность и правдивость знания о спорте и о человеке, понятым в перспективе спорта», «проверить, насколько спорт может быть областью *специального знания* (или комплекса знаний)», изучить «*генезис и методы познания* в спорте и посредством спорта», проблемы *истины* и «*границ познания* – вопрос о том, как далеко способно достигать познание в сфере спорта. Является ли оно имманентной или инструментальной конструкцией субъекта, или же преодолевает границы субъективности и касается самой объективной реальности. Как возможна объективная оценка хода и результата состязания с точки зрения особой заинтересованности в борьбе? Может ли проявлять объективность спортивная общественность, или же неизбежно "ложное сознание" эмоциональной заинтересованности в "наших" и "не наших"? Имеются ли шансы на формирование объективного судейства, безусловно свободного от давления познавательных вырождений, призванного только служить анклаву спорта?» [Lipiec, 1999 a, p. 17-18].

С указанными выше проблемами тесно связаны проблемы семиотики спорта, которые Й. Липец называет *семиологическими*: вопросы сущности, значения и функционирования различных спортивных знаков в сфере культуры, а также «самого спорта как особого знака (или системы знаков)» [Lipiec, 1999, p. 19].

В качестве следующего раздела философии спорта Й. Липец выделяет *аксиологию* спорта, которая связана с философской теорией *ценностей*. Задачу аксиологии спорта он усматривает прежде всего в том, чтобы выяснить, «является ли спорт генератором и фундаментом ценностей, каких именно и является ли он сам ценностью или их совокупностью? ... Стоит ли заниматься спортом и зачем, стоит ли болеть за него и зачем, стоит ли его инвестировать и для чего? Такие же вопросы следует ставить и в отношении различных видов и областей спорта». Подразделами аксиологии спорта он считает такие специальные дисциплины (традиционные и новые), как *этика* спорта, *эстетика* спорта, *практиология* спорта, *экономика* спорта, теория *спортивного права*, *спортивная медицина* (как теория ценности здоровья), *спортивная экология* и т.п. [Lipiec, 1999, p. 19–20].

К числу важных разделов философии спорта Й. Липец относит *этику* и *эстетику* спорта. При этом он подчеркивает, что хотя они по сути своей относятся к аксиологии спорта, но все же их целесообразно выделить в особые философские дисциплины о спорте.

В этике спорта Й. Липец выделяет:

«– *описательную этику*, которая указывает, какова была и есть мораль в действительном спорте;

– *нормативную этику*, указывающую, каким должен быть спорт и люди спорта, смысл и обязательность спортивных правил;

– педагогическую этику, трактующую вопросы относительно методов и средств, обуславливающих переход в спорте от данного состояния к состоянию, предписываемому правилами, нормами, образцами и идеалами» [Lipiec, 1999, p. 23].

Предметом рефлексии в этике спорта являются «фундаментальные вопросы *этической субъективности*, в том числе проблема этической интенции, отношения индивидуальной свободы к сознательно принятому подчинению нормам, а также *ответственности* за каждый спортивное действие и этический результат. Важен также анализ объективного отношения человек – человек в сфере спорта как способ и место проявления и реализации многих этических ценностей». Область этики спорта включает в себя также «проблематику *моральных конфликтов*, дисгармонии между ценностями и методами правильного рационального решения этических противоречий в спорте» [Lipiec, 1999, p. 23].

Что касается *эстетики* спорта, то ее первой задачей Й. Липец считает анализ *красоты тела* человека. Одна из проблем в ходе этого анализа состоит в следующем: «Существует ли идеал человеческой красоты, которого могут достичь люди с прирожденными естественными пропорциями и сложением, корректируя их посредством спорта и достигая конечной скульптурности своей физической конструкции?» [Lipiec, 1999, p. 26]. Другой важной проблемой эстетики спорта является проблема *красоты движения*. Как отмечает Й. Липец, «речь здесь идет о ценностях, возникающих на основе динамики тела в разных задаваемых формах деятельности» [Lipiec, 1999, p. 28]. В качестве особой группы проблем он выделяет также проблемы *эстетики спортивного зрелища*. Он разделяет их на три группы. Первая из них охватывает вопросы специфики и ценностей всякой спортивной зрелищности. Вторая связана с анализом различных проявлений зрелищности, красоты определенного матча (боя, гонки и т.п.). Третья группа проблем касается вопроса об эстетическом субъекте в спорте. Имеется в виду та роль, которую играет человек в конструировании и переживании эстетических ценностей спортивного зрелища. Наиболее простыми и практическими в этом плане являются такие вопросы: «требуется ли спортивное зрелище подготовленного зрителя, или любой способен воспринимать его очарование независимо от обстоятельств, независимо от того, понимает он в этом что либо или нет?» [Lipiec, 1999, p. 29]. Особым предметом эстетики спорта, как считает Й. Липец, является *эстетика предметности спорта*: сценарии зрелища, реквизиты, костюмы участников. Сюда же он относит вопросы отношения спорта с природой, спортивной архитектуры и т.д. К числу важных задач эстетики спорта Й. Липец относит также анализ комплекса различных *эстетических ценностей* и *эстетических образов* в спорте [Lipiec, 1999, p. 30].

Помимо указанных выше разделов философии спорта Й. Липец выделяет и некоторые другие, более частные, относящиеся прежде всего к аксиологии спорта. К их числу он относит, например, *философию здоровья и физической исправности* (sprawności), а также *праксиологию спорта*. По его мнению, «праксиология спорта может быть общей теорией обеспечения успеха. С другой стороны, она представляет знание о затратах, формируемое анализом ценностей, опирающееся на эмпирические сравнительные исследования. Из них может следовать, какую цену нужно платить за медаль, а какая и не стоит того» [Lipiec, 1999, p. 33-34].

Важное значение Й. Липец придает философским проблемам спорта, связанным с отношением человека с природой. Он указывает на то, что в настоящее время в сфере философии появилась новая дисциплина, которую называют «философией среды» или «экофилософией». Соответственно этому, по его мнению, возможна *экофилософия спорта*, *экофилософия олимпизма* и т.п. «Наиважнейшая проблема здесь – определение позиции спорта в широком аспекте отношения культура – природа и указание на общие или расходящиеся точки зрения спортивно олимпийской и экоаксиологической. Ключевой категорией здесь является гармония, понимаемая или в плане руссоистском как первоначальное состояние, которое нужно возратить, или как состояние последовательного совершенствования, которое еще никогда не было достигнуто» [Lipiec, 1999, p. 35-36].

Особо Й. Липец выделяет проблемы спорта, связанные с *философской антропологией*. По его мнению, «философская антропология весьма заинтересована в исследовании человека спорта. С некоторым преувеличением можно было бы сказать, что спорт стал сферой построения философской модели человека и проверки новейших антропологических гипотез. Ответ на вопрос, кто есть человек, может быть дан на основе ознакомления со всеми формами его бытийного выражения. Спорт может быть признан привилегиро-

ванной областью. В нем соединяется столь много важных факторов, что он сам мог бы быть признан фундаментом антропологических надежд. Прямо говоря, то, что получаем из анализа человека спорта, может быть признано обязательным для философской антропологии в целом. Или по другому: то, что в философской антропологии наиболее интересно и важно, вполне может быть найдено в анклав спорта, который как бы специально и создан для этих целей» [Lipiec, 1999, p. 37–38]. Как считает Й. Липец, предметом философской антропологии спорта является, например, вопрос о том, «что есть человек спорта и прежде всего что он есть относительно человека вообще». Она может принять непосредственное участие в диспутах между *антропологическим монизмом и дуализмом*. Однако основным ее вопросом является проблема *состязания*. Ведь «спорт чаще всего определяется как сфера интенсивного соревнования между людьми, даже более: в каждом времени, в каждой сфере и относительно каждого другого этот "другой" всегда выступает как соперник. Это касается индивидов и целых групп. Если фактически человек по своей сущности является соревнующимся за приоритет, то спорт дает непосредственный и культурно выраженный образ этой первичной врожденной потребности». «Спорт, – пишет Й. Липец, – является продолжением инстинкта индивидуальной, родовой, социальной агрессии. Одновременно это есть явление культурного, то есть символического, сублимационного преобразования первичной воли бытия. Спорт – это интенциональная агрессия, но она имеет ореол возвышенности, направленной к символизированной позиции первенства и к его атрибутам – “лаврам, медалям”, где неизбежная жестокость настоящей войны уступает место регламентированной условности, позволяющей последующий реванш» [Lipiec, 1999, p. 39–40].

Анализ спорта как сферы соперничества, полагает Й. Липец, выводит и на противостоящую ей концепцию *совершенствования*, которую развивали Платон и Аристотель. «Первый требовал, чтобы человек стремился к идеалу добра и красоте посредством упражнения души и тела, чтобы государство приобрело образ разумной политеии (*politei*)... Стагирит же встраивал совершенствование в программу индивидуального бытия. Но тогда должно быть, так сказать, поле верификации, где бы проверялись эти процессы. Спорт в этом отношении верификация и гарантия совершенствования. В крайних случаях спорт может обойтись и без соревнования, а именно в актах самостоятельного совершенствования» [Lipiec, 1999, p. 40].

Еще одну плоскость антропологической проблематики философии спорта Й. Липец связывает с *игровым* характером спорта. Кроме того, по его мнению, раскрытие сущности человека через спорт должно вести и к вопросам *субъективности*. «Раскрытие субъективности – это одновременно определение сферы свободы и ответственности человека. Это касается в первую очередь самого спортсмена, который свой старт может легко признать за манифестацию необузданной свободы, одновременно придерживаемой сознательно принятыми правилами и моральными принципами... Основные угрозы выступают, с одной стороны, в форме придавливания свободы (даже в дословном смысле – использование недозволенных способов, фолов), с другой – как продукт фактического опредмечивания, когда человек спорта оказывается просто марионеткой» [Lipiec, 1999, p. 41–42].

Ряд проблем, считает Й. Липец, связан с анализом роли спорта в процессе *воспитания и самовоспитания человека*. В первую очередь речь идет о месте спорта в общем процессе воспитания, а также «об особом образце воспитания, имманентно присущего идеалу спорта». «Длительная цивилизационная практика, – пишет Й. Липец, – постоянно поднимающая ранг психического, последовательно привела к преувеличению первичности духовного за счет физического, понимаемого подчас статично и даже ущербно». В этом плане спорт, полагает он, может содействовать реабилитации и даже усилению антропологической гармонии: «Хотя гладиаторский спорт становится явным антагонистом калократии в действительно глубоком понимании спортивной идеи, в олимпизме как ее наиболее чистом виде обязателен образ всесторонней развитости. Эта последняя, правда, может быть понята двояко: как физическая всесторонность, противостоящая «односторонней специализации», и как психофизическая «в смысле преодоления первенства мышц или, напротив, гипертрофирования мозговой деятельности» [Lipiec, 1999, p. 42].

К числу наиболее важных проблем философии спорта Й. Липец относит связанные с ним *социально-философские* проблемы, полагая, что тому есть ряд причин: «Во-первых, спорт – явление по преимуществу социальное. Во вторых, он, без сомнения, социально важен. Здесь возникают многие проблемы социологического, социально психологическо-

го, культурологического, экономического и политологического планов. Наука о спорте органично соединена и с историческими исследованиями». Кроме того, «спорт в своих знаковых, символических и аксиологических свойствах относится к *культуре*. Если говорить онтологически, он укоренен в системной структуре общества. В целом он относится к *универсальной массовой культуре*, опираясь тем самым на многообразие народных, континентальных или локальных культур, а вместе с тем создавая систему знаков и ценностей общих для всех. Это означает, что спорт является одним из немногих проявлений подлинно *мировой культуры*, опережающих своей универсальностью объективное организационное состояние человечества как "мировой деревни"» [Lipiec, 1999, p. 43–44].

Как считает Й. Липец, социально-философские проблемы спорта включают в себя комплекс проблем. Прежде всего это «вопрос о *структуре спорта как социального движения и как социального института*. В разных планах историческом, организационном, правовом и т.п. Речь идет здесь об ответе на два вопроса: возможно ли и каким образом спортивное движение в качестве спонтанной или управляемой коллективной инициативы; каким образом возможно функционирование спорта в его специфической, порой эксцентричной, программе, обеспечивающей не только более или менее случайные выступления любителей, но и создающей огромную прекрасно организованную и профессионализированную систему, которая пользуется чрезвычайным общественным интересом?» Другой круг проблем касается тех *социальных потребностей*, которые удовлетворяет спорт по своей внутренней структуре [Lipiec, 1999, p. 44]. И, конечно, социальная философия спорта должна рассмотреть и оценить спорт, используя «классическую схему *взаимозависимости между индивидом и сообществом*»: «Спортсмен только в исключительных моментах может выступать в качестве "свободного члена". Как правило, он выступает как представитель какого либо общества или группы». То же касается и общества, «которое всегда рассматривает спортсменов как элемент собственной структуры, перенося на индивиды состояние переживаний сообщества и подтверждая коллективную тождественность в актах спортивных выступлений». В этом плане интерес представляет анализ отношения в сфере спорта «к "иному" человеку, часто понимаемому как "чужой", "враг", и с шовинистической черствостью лишаемому заранее права на свой успех. Спорт может быть трактован как весьма подходящий субститут острой социальной борьбы и наиболее правдоподобных военных игр. Он неоднократно играл такие роли, хотя нужно признать, что в границах автономии и значения, он может выполнять функции *компенсаторные* и способствовать снятию ненависти и подлинной агрессии». Вместе с тем, подчеркивает Й. Липец, «существует и другая сторона медали. Эта двойственность существовала от начала спорта в его природе, хотя и не всегда себя проявляла. Речь идет о том, что двусмысленная роль спорта проявляется тогда, когда он, вместо того чтобы сглаживать конфликты, сам их вызывает и усиливает, доводя подчас до действительных военных столкновений, как, например, в случае известной футбольной войны между Гондурасом и Сальвадором. Подобные размышления вызывает и проблема повторяющихся волн агрессии, а бывает, и преступлений толп болельщиков» [Lipiec, 1999, p. 45–46].

Важной социально-философской проблемой спорта Й. Липец считает также проблему изучения «инструментальной роли спорта для достижения целей *политических и экономических* и вообще выходящих за пределы спортивных ценностей». Эта проблема связана с тем, что спорт, как и другие элементы социальной сферы, «дает возможность себя инструментализовать и порой довольно легко. Тогда мы говорим, что спорт помимо своей воли стал на службу политике, или стал товаром для продажи, или средством рекламы. Это означает, что его роль в обществе сильно выросла, коль скоро в нем так заинтересованы. Но, с другой стороны, нельзя и не усомниться в действительной полезности таких связей. Аргументы говорят за то, что спорт многое теряет при соприкосновении с миром власти и денег, и конъюнктурные выгоды (достающиеся прежде всего немногим звездам) не уравновешивают нравственных утрат и упадка свободной и радостной субъективности» [Lipiec, 1999, p. 46].

Й. Липец полагает, что социальная философия спорта призвана не только описывать, но также «делать *диагнозы, прогнозы, предостережения или программы развития*». В этом плане, по его мнению, она должна ответить на три вопроса: «Во-первых, как могло получиться, что спортивное движение возникло и сохраняется, особенно в оправе олимпийской идеи. Во-вторых, как оно реализуется, благодаря каким механизмам и силам, а также какие социальные потребности оно выражает. И наконец, в-третьих, какое



будущее его ждет, каким оно может быть и каким должно быть, судя по нынешним симптомам. В случае угрозы сущности спорта или тому, каким он должен быть, может быть, у нас еще есть время для принятия профилактических мер» [Lipiec, 1999, p. 46–47].

Опираясь на изложенное выше понимание философии спорта, И. Липец ставит и обсуждает комплекс проблем этой философской дисциплины. Им посвящены такие разделы книги: «Сущность спорта», «Логос современного олимпизма», «В поисках идеала многосторонности», «Олимпизм и проблема свободы», «Аксиологические аспекты олимпийской архитектуры», «Философия честной игры», «Человек и природа. Культура физическая и экологическая», «Основы олимпийского воспитания», «Олимпизм и культура» [Lipiec, 1999].

Во многих работах польских философов, как уже отмечено выше, обсуждаются проблемы этики спорта. Одной из них является, например, монография *«Этические аспекты спорта»* [Przyluska-Fischer, Misiuna, 1993]. В книге два раздела.

Автор первого раздела – *«Спортивная этика – концепции и проблемы»* – **А. Пишлуска-Фишер** (A. Przyluska-Fischer). В разделе анализируются следующие темы: «Спорт в категориях этики» (спорт и этика; две модели спортивной этики); задачи этики спорта как отрасли моральной философии; существует ли потребность управления философской этикой (спорта); «Идеал спортивного совершенствования» (история этики спорта; задачи традиционной этики спорта; идеал спортивного совершенствования как наиболее популярный образец моральности; спортивная этика как система морального совершенствования); «Спортивная этика и утилитаризм» (деонтологические и телеологические теории; концепция Китинга /Keating/; утилитаризм правил; критика взглядов Китинга); «Этические аспекты допинга» (допустим ли допинг с моральной точки зрения; идеал спорта и допинг; допинг и патернализм; предпосылки антидопинга).

Автор второго раздела *«Задачи и ценности традиционной этики спорта»* – **Б. Мисьюна** (B. Misiuna). Раздел включает следующие темы: «Этос спортивной деятельности» (этические и праксиологические аспекты спортивной деятельности; определение понятия спортивной деятельности; исторические изменения в этике деятельности; рыцарский этос и принципы Фэйр Плэй в спорте; этос спортивной деятельности в античной Греции; общие задачи этики спортивной деятельности; формы мотивация в спорте); «Основные ценности спорта» (понятие ценности способа жизни; моральный кризис спорта в рамках общего кризиса культуры; этические ценности спорта; эстетические ценности спорта; познавательные ценности, связанные со спортом; спорт и онтологические ценности).

Продолжая характеристику подхода разных авторов к пониманию проблематики философского исследования спорта, предмета философии, рассмотрим публикации философов некоторых других стран.

Один из первых исследователей философских проблем физического воспитания и спорта – **У. Фралеи** [Frleigh, 1970, 1975, 1983, 1984, 1986, 1988]. В своей работе «Теория и замысел философских исследований в физическом воспитании» [Frleigh, 1970] он выделяет четыре типа философских размышлений, касающихся физического воспитания и спорта: теория строения (конструкции) оригинальных мыслительных структур, структурный, феноменологический и лингвистический разновидности анализа физического воспитания и спорта.

К числу первых исследователей философских проблем физического воспитания и спорта относится и канадский философ **Э. Цейглер** [Zeigler, 1964, 1968, 1977, 1982 и др.]. В 1977 г. он опубликовал книгу «Философия физического воспитания и спорта» [Zeigler, 1977]. Содержание книги разделено на три части. Первая часть – «Введение». Здесь уточняются основные понятия («физическое воспитание», «спорт» и др.), дается характеристика философии и ее отраслей, а также наук, изучающих спорт. Вторая часть включает в себя следующие разделы: «Ценности физического воспитания и спорта»; «Влияние политики»; «Влияние национализма»; «Влияние экономики»; «Влияние религии»; «Влияние экологии». В третьей части сначала дается исторический очерк развития физического воспитания, а затем обсуждаются следующие проблемы: методы физического воспитания; подготовка специалистов в области физического воспитания; здоровое тело; женщины в физическом воспитании и спорте; танцы в физическом воспитании; использование свободного времени; любители и профессионалы в спорте; роль менеджмента в спорте; концепция прогресса в спорте. Как видно даже из перечня проблем, обсуждаемых в книге, многие из них относятся к сфере не философии, а общей теории физического воспитания.

Общепризнано, что существенный вклад в разработку проблем философии спорта и олимпийского движения внес известный немецкий философ и олимпийский чемпион **Г. Ленк** [Ленк, 1979, 1997; Lenk, 1964 a, b, 1970, 1971 a, b, 1972 a, b, 1973 a, b, 1974, 1976 a, b, c, 1978, 1979, 1980 a, b, 1981 a, b, c, 1982 a, b, 1983 a, b, c, d, e, 1984 a, b, 1985 a, b, c, d, e, 1986, 1987, 1988, 1990, 2007 и др.].

В своих работах он указывает на необходимость разработки различных проблем философии спорта. Так, например, в статье «Статус, развитие, исследовательские тенденции и основные аспекты философии спорта» [Lenk, 1984a] к числу таковых он относит следующие:

- «аналитическая научная теория спортивной науки (теория развития, эмпирический аспект, проблемы проверки, методологические принципы, связь теории с практикой, нормы и реалии...);
- развитие единой концепции плюралистической междисциплинарной спортивной науки, равно как и теоретической области философии спорта;
- связь со всеми имеющими отношение к делу гуманитарными науками для теоретической интеграции результатов и координации методов;
- связь спорта с окружающей средой и другие пересечения с социальной сферой;
- социальная антропология и культурная антропология спорта;
- социальная и культурная философия достижений, в особенности спортивного;
- основы и этической оценки в спорте (особенно в связи с проблемами жестокости); формальные правила против неформальных; может ли идея подобная Фэйр Плэй ограничить почти тотальную ориентацию на победу;
- личностные и социальные проблемы образования в отношении ценности спортивной деятельности, в особенности спорта высших достижений;
- социальные и культурно-философские проблемы общества рекреации и телевидения;
- развитие социально и воспитательно ответственной позитивной культуры достижений, которая может быть одобрена молодежью (личностное отношение к пассивному потреблению и к нереальному, созданному кинематографом опыту);
- развитие точной аналитической философии спорта без упущения аспектов содержательной теории и критики в отношении к материалу» [Lenk, 1984 a, P. 36].

Г. Ленк отмечает, что все более важное значение приобретает *оценка* спорта, прежде всего спорта высших достижений, в связи с их все более широким развитием и возрастанием роли в современном телекратическом и потребительском обществе, а также *этические* проблемы в связи с проявлениями насилия в игровых видах спорта. По его мнению, к важным философско-культурологическим сравнениям и различным точкам зрения может привести философская антропология «посредством пересмотра евроцентризма в интерпретации спорта (преимущественная ориентация на соревнование, выявление единственного победителя и т.д.)» [Lenk, 1984 a, p. 36]. Г. Ленк обращает внимание и на то, что философия спорта, равно как и междисциплинарная спортивная наука в целом, представляет собой «теоретическое поле со множеством перспектив, различных теоретических построений и методов. Необходимо реализовывать более точную структуризацию или, если возможно, теоретическую унификацию этой интегративной дисциплины» [Lenk, 1984 a, p. 34].

Как показывает анализ работ Г. Ленка, на первый план среди многообразной проблематики философских исследований спорта он выдвигает две проблемы.

Первая из них касается *олимпийского движения*. В своих многочисленных работах Г. Ленк обосновывает важное социальное и личностное значение спорта, особенно спорта олимпийского, а значит, и олимпийского движения. Этому, безусловно, содействует и то обстоятельство, что в составе восьмерки он стал олимпийским чемпионом по гребле на Олимпийских играх 1964 г. Г. Ленк выступает против неомарксистских критиков спорта, так называемых «новых левых» (J. Habermas, J. Hargreaves, B. Rigauer и др.), которые высказывали мнение о том, что современный спорт воплощает в себе бесчеловечность социальной организации нашего времени и является врагом свободы [см.: Ленк, 1979; Lenk, 1973 a, b, 1981 c, 1985 c, e и др.]. Вместе с тем с позиций гуманистической философии Г. Ленк подвергает критике ряд негативных явлений современного спорта и олимпийского движения. Он считает, что нужна существенная модификация многих компонентов этого

движения. В определенной степени они требуют «институциональной регуляции, внешне проявляющейся в определенных формах, знаках и символах, выраженных в церемониях и протоколах», даже «мифические факторы» олимпийского движения [Lenk, 1982 a, p. 98]. Но не это должно быть на первом плане: «Наиболее важно переосмыслить философский аспект олимпийской идеи... Речь идет о пересмотре философских оснований олимпийской идеи, об обновлении олимпийской философии» [Lenk, 1984 b, p. 10]. Актуальной является «потребность в обновленной олимпийской философии, в новой формулировке философской основы олимпийского движения» [Ленк, 1981, с. 2].

Как считает Г. Ленк, с позиций этой новой философии олимпийского движения необходима определенная модификация даже официального олимпийского девиза «*Citius, altius, fortius*» («Быстрее, выше, сильнее!»). Он «может и должен быть дополнен словами “*pulchrius*” (“more beautiful”) («красивее») и “*humanius*” (“more human(e)”) («человечнее»), несущими эстетические и гуманистические цели олимпийского движения» [Lenk, 2007, p. 43]. Однако, по мнению Г. Ленка, «недостаточно воплощения символов и институционализации, даже реформирования протоколов и церемоний. Олимпийский дух должен быть возрожден и адаптирован к современным требованиям, в том числе к непредубежденной интеллектуальности современной молодежи. Некоторые устаревшие элементы олимпийской идеи, например раздутый национализм, победа любой ценой, принудительная манипуляция, тотально авторитарный стиль тренерской деятельности, диктаторское поведение официальных лиц и т.д., должны быть полностью исключены из нее, или по крайней мере их надо как-то смягчить. Изменение церемоний само по себе не может привести к необходимым реформам в этом плане». По мнению Г. Ленка, «вряд ли можно ожидать каких-то новых позитивных концепций, формирующих и развивающих новые общие установки и идеалы, от эмпирически ориентированного ученого, который обычно ограничен своей узкой дисциплиной. Интеллектуальная реформа олимпийского движения и спорта – это в первую очередь и главным образом философская задача... Значит, новой олимпийской идее еще предстоит родиться. Самая главная переориентация еще не произошла. Это должна быть реформа философских оснований, обновление олимпийской философии [Lenk, 1982 a, p. 98-99; 1984 b, p. 9; 2007, p. 39-40].

Касаясь содержания этой реформы, Г. Ленк отмечает, что олимпийская философия «должна отражать современные достижения культуры, а не только спортивные составляющие. Олимпийцам необходимо более точное и сжатое описание интеллектуального и философского содержания, также как и гуманистической концепции Олимпийских игр. Олимпийская философия и олимпийская антропология должны быть разработаны в дальнейшем для того, чтобы иметь возможность справляться с внешней опасностью коммерциализации и национализма, а также адекватно отражать важнейший вклад олимпийской идеи, спорта и общей идеи активной жизни» [Lenk, 2007, p. 43]. Вместе с тем, подчеркивает Г. Ленк, «неуместно нагружать идею Олимпийских игр чрезмерным требованием существенной и значительной миссии мира и прямыми политическими функциями. Такое сомнительное нововведение, возможно, даже снизит его фактическую социальную эффективность. Ее вклад должен проявляться косвенно в качестве эффективного показательного символа политической нейтральности, повсеместно развивающей приемлемую систему ценностей, которая до сих пор оказывала и могла бы оказывать значительное влияние на “единство” целей и традиций, понимаемых на международном уровне, а также предлагала общественные возможности для развития понимания среди представителей разных народов и культур. Благодаря Олимпийским играм юные атлеты со всего мира имеют возможность по крайней мере встречаться и учиться понимать друг друга. В этом смысле Олимпийские игры и, более того, олимпийское движение играет важную символическую роль и функцию единения человечества. Олимпийское движение должно оставаться верным гуманистическим, воспитательным и философским целям и идеям, для того чтобы поддерживать свои исторические корни даже в такое тяжелое время, как теперь» [Lenk, 2007, p. 43, 44].

В большинстве своих работ Г. Ленк подчеркивает, что определение содержания и направленности реформы современного олимпийского движения возможно лишь на базе философской антропологии человека как творческого достигающего существа: «Философия и философская антропология достижений и творчества человека имеют огромное значение, особенно для будущей интерпретации спорта высших достижений, наиболее значимого для сферы олимпизма» [Lenk, 1984 b, p. 10].

Особенно важную задачу философии спорта и олимпийского движения он усматривает в том, чтобы содействовать разработке указанной философской концепции. «Мы должны разработать новую философию ненавязчивого, свободного выбора достиженческой деятельности и творческого достигающего существа, – пишет Г. Ленк. – Короче говоря, мы должны разработать новую философскую антропологию творческих и личностных достижений. Эту философскую антропологию следует применить к спорту, науке, искусству, игре, ко всякой творческой деятельности, а также к воспитанию» [Lenk, 1982 а, р. 98; 2007, р. 46].

При обосновании необходимости постановки и решения данной проблемы Г. Ленк обращается к философской рефлексии природы человека и обращает внимание на недостаточность тех ее характеристик, которые встречаются у разных философов. «Человек это не только – как подчеркивали европейские философы-антропологи – “действующее существо” (Шуц, Гелен), или “существо, производящее орудия труда” (Франклин), или “символическое существо” (Cassirer, Langer), или “полиморфное культурное существо” (Гелен, Marquard). Недостаточно и характеристики человека как рационального животного или как социального существа (Аристотель). Этих определений оказывается явно недостаточно, как и иронического определения Платоном человека как двуногого существа, но без перьев. Такие характеристики человека, как “существо, принимающее решение” (Ясперс), “приговоренный к свободе” (Сартр), как производящее (Маркс) или говорящее животное, или как то существо, которое знает и которому приходится строить свою жизнь с признанием того, что оно должно умереть (Хайдеггер), или как постоянно рискующее существо, также не позволяют в полной мере выразить сущность человека». Для полноценной характеристики человека, полагает Г. Ленк, нужно учитывать его качества как «эксцентрического существа» и существа, способного смеяться и плакать (Плеснер). «К этим качествам следует добавить перманентную функциональную “трансценденцию” (Келлер) или биологическую характеристику существа преждевременно рожденного и у которого почти отсутствует какая-либо естественная инстинктивная диспозиция и детерминация (Портманн, Гелен после Гердера и даже Протагора), т.е. существа податливого, зависимого от самосовершенствования, приумножения, культуры и институтов (Гелен). Человек рассматривается также как существо, всегда стремящееся навести порядок, привести в порядок свои вещи и самого себя (Левин-Строс) для снижения сложности (Луманн), а также для того, чтобы компенсировать (Marquard) свою неудовлетворенность, недовольство и страдания, как существо в действии, которое всегда делает из себя того, кем оно является (Сартр)». Помимо этого, указывает Г. Ленк, человек характеризуется и другими важными особенностями, выступая как *homo faber*, *homo cogitans*, *homo agens*, *homo loquens*, *homo ludens* (Хейзинга), *homo laborans*, *homo creator*, *homo compensator*. Однако каждая из этих характеристик выделяет лишь один аспект целостной реальности человека. «Философская антропология должна преодолеть односторонний подход, развить многофакторную теорию или интерпретационную модель. Она не может быть и простым суммированием результатов эмпирических и гуманитарных наук. Она с необходимостью должна включать в себя указанные выше идеализированные характеристики человека и его нормативные функции, связанные с идеальным представлением о том, что должен представлять собой человек с точки зрения его перманентных ориентаций, целей, задач, надежд на добро, жизненных планов» [Lenk, 1982 а, р. 100].

Но при этом, особо подчеркивает Г. Ленк, следует обратить внимание еще на одну специфическую черту человека, которая не указана выше: «Человек – это не только активное существо (Schütz, Gehlen), т.е. существо, сознательно ориентированное на определенные цели, но в еще большей степени это существо, которое стремится достичь их *лучшие и лучшие* посредством своей активной деятельности. Это активная и действующая личность, так сказать, «достигающее существо» (“achieving being”). *Подлинное действие* (proper action), *личное творческое исполнение и достижение* – необходимые идеальные черты реального человеческого существа» [Lenk, 1982 а, р. 100; 1984 b, р. 10]. «Человек активен при достижении своей лучшей формы. Он – достигающее и совершенствующееся существо... Именно благодаря личным действиям и достижениям и только потому, что я действую и лично сам добиваюсь достижений, я представляю из себя индивидуальную личность» [Lenk, 1985 с, р. 13, 15, 17].

Личное достижение, указывает Г. Ленк, является «фундаментальной ценностью всей жизни человека, выражением свободы, самоувлечения, самопредставления, самоутвер-

ждения» [Lenk, 1985 с, р. 17]. Ведь «человек живет не только хлебом насущным. Ему нужны полные значимости задачи и цели, отвечающие смыслу. Любая творческая деятельность и реальность в принципе могут составить подобное значение и подобную цель» [Lenk, 1985 с, р. 10].

Как считает Г. Ленк, принцип ориентации человека на личные достижения «может выполнять очень важную воспитательную функцию, особенно в обществе, основанном на пассивном потреблении, на сфабрикованных продуктах производства, на администрации и казенщине, имеющих тенденцию к попиранию любой индивидуальной активности, в мире кино и телевидения, поддерживающих пассивное отношение к всеобщей ориентации».

Действительно, в промышленном обществе благоденствие для существа человека представляет реальную опасность. Оно соблазняет его и уводит в сторону пассивности, гедонизма и к жизни, полной шаблонов и повсеместных форм сфабрикованной ленивой жизни с ее праздностью и роскошью. Но страна утопия, изобилующая молоком и медом, не является обещанием для человека и гуманным раем – это проблема, действительно явно возникающая в обществе растущего досуга» [Lenk, 1985 с, р. 11]. Уже в детском возрасте все умножающиеся продукты массовой информации, телевидения, компьютеров и даже «виртуальной реальности» склоняют детей, для которых бег и движение естественны, «к образу жизни бездельника, валяющегося перед экраном». В более позднем возрасте разнообразные механизмы отчуждения и манипуляции современного «управляемого» мира «приводят к институционализации, бюрократии (канцеляризму), функционализации, разделению, символизации, неестественности, делегированию, организационизму и даже к «реалити-шоу» или к страсти выставления себя на публике, на экране, в газетах и т.д., не имея при этом никаких достижений, не сделав никаких попыток и не приложив никаких физических или умственных усилий. Рисоваться, хвастаться, пытаться доказать, что чего-то достиг, а в действительности не сделав ничего подобного, стало, к сожалению, очень распространенной тактикой в нашем обществе, больше ценящем публичный образ кажущейся успешности, нежели чего-то, достигнутого действительно тяжелым трудом, энергичными попытками и усилиями».

Вот почему в современный век массовой информации, телевидения, компьютеров и даже «виртуальной реальности» людям больше, чем когда-либо, «нужно активно включать свое тело и пока еще не развитую личность для того, чтобы получить реальную пользу от предлагаемых цветных телевизионных образов и компьютерных игр, которые так легко затягивают и на самом деле не требуют никаких физических, активных или напряженных действий, которые столь необходимы молодым людям для развития и хорошего самочувствия». «Нужно быть чем-то реальным и активным, а не просто прятаться за внешностью», – пишет Г. Ленк, напоминая в связи с этим старую латинскую поговорку “*Esse quam videri*” («Быть, а не казаться» В.С.) [Lenk, 2007, р. 41].

На эту ситуацию, указывает Г. Ленк, обращает внимание и американский философ Альберт Боргман, который пишет: «Наш досуговый контакт с миром сужается до простого потребления, необремененного применения предметов потребления, которые не требуют никакого приготовления, не способствуют никакой ориентации, не оставляют никаких следов... Отвлечение будет вести все более и более к развлечению, рассеиванию нашего внимания и атрофии наших способностей. Уже очевидно, что новая видеотехника не используется людьми в качестве решающего средства, способного в конечном счете помочь или перерасти в историков, критиков, музыкантов, скульпторов или спортсменов, т.е. в тех людей, которыми они всегда сами хотели стать» [цит. по: Lenk, 1985 с, 11]. По мнению Г. Ленка, осознанию огромного личностного и социального значения ориентации на достижения препятствует, однако, тот факт, что «мы живем не в публично декларируемом идеальном обществе достижений (идеальном обществе, открыто провозглашающем ориентацию на достижения), а в *обществе успеха*. Завоевание социального статуса определяют не столько личные достижения, сколько социальное представление об этих достижениях, успехах, иногда – ложных успехов и талантов, а при некоторых обстоятельствах – рекламирование (паблисити) псевдостижений (например, при голосовании)» [Lenk, 1971 а, р. 14].

Г. Ленк считает, что особенно важную роль в разработке философской антропологии творческого достигающего существа может и должна сыграть философия спорта, так как «спорт в мире таких институтов, как администрация, делегация, бюрократия и т.п., явля-

ется, по-видимому, одной из немногих кладовых подлинных действий, личных поступков и полноценной жизни вообще... Спорт является той сферой деятельности, в которой настоящие личностные действия, в подлинном психофизическом смысле, – это не только возможные, но и идеальные случаи. Спортивное действие и достижение не могут быть переданы, выполнены за кого-то другого, подделаны или получены тайно. В этом смысле нормальное спортивное достижение совершается с помощью личных стараний и усилий, и это, в идеальном плане, является подлинным и честным действием, получающим адекватную оценку» [Lenk, 1982 а, р. 100, 102].

К числу известных философов спорта относится уже упомянутый выше **У. Морган**. Ему принадлежит множество публикаций по философским проблемам спорта [Morgan, 1973, 1976 а, b, 1977, 1978, 1980, 1982, 1983 а, b, 1985, 1988; Morgan, Meier, 1988 и др.]. Отметим одну из последних его работ – «Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего» [Морган, 2006; Morgan, 2003].

При характеристике проблематики философского исследования спорта и предмета соответствующей философской дисциплины У. Морган исходит из определенного понимания философии ее отраслей. К числу таковых он относит:

- *метафизику* (пытается ответить на вопрос, «что такое реальность?»), но саму эту реальность понимает по-разному, то как космологию, то как теологию, то как онтологию);

- *эпистемологию* (стремится выяснить, что такое знание, анализируя в связи с этим вопросы о том, что такое обоснованное знание, как его отделить от простых верований, с помощью каких средств можно получить знания, информирующие нас о том, каков мир на самом деле, и т.д.);

- *аксиологию* (ставит вопрос о том, что такое ценность, рассматривая в связи с этим двоякого рода ценности – этические и эстетические).

Опираясь на такое понимание предмета философии, У. Морган выделяет три соответствующих отрасли философии спорта.

1. *Метафизика спорта*. Она призвана решить ряд задач. Основная из них – выявить черты сходства и различия между спортивной и другими видами человеческой деятельности. При этом, как отмечает У. Морган, имеют место два подхода к решению этой проблемы: сторонники одного из них стремятся уточнить и определить понятие спорта, сторонники второго [например: MacAloon, 1991] выступают против, считая это бесполезным занятием. Концептуальный анализ спорта предполагает также определение соответствующих «культурных практик» – либо посредством рассмотрения их формальных правил [Suits, 1988b], либо на основе контекстуального объяснения спорта – учета тех социальных конвенций, которые определяют суть и содержание спорта [D'Agostino, 1988; Leaman, 1981]. Еще одна сфера концептуального анализа спорта – выяснение отношения спорта и игры. По данному вопросу, указывает У. Морган, ссылаясь на ряд работ [Kretchmar, 1989; Meier, 1988 с; Suits, 1988 с, 1989], также высказываются различные мнения.

2. *Эпистемология спорта*. Основной ее вопрос, указывает У. Морган, связан с тем, каким образом человек познает спорт – посредством деятельного переживания, на основе интеллектуальных средств или через осмысление опыта самих спортсменов. Эту отрасль философии спорта он считает наименее разработанной, упоминая лишь две работы [Kretchmar, 1982; Steel, 1977], в которых анализируются две разновидности знаний о спорте – «молчаливого» знания и абстрактной мысли. Одну из основных причин такого отношения к разработке проблем эпистемологии спорта У. Морган усматривает в том, что многие философы спорта согласились с тезисом **П. Зиффа** [Ziff, 1974] о том, что спорт не представляет какой-то особой или сколько-нибудь существенной эпистемологической проблемы.

3. *Этика спорта*. Как отмечает У. Морган, литература по этическим проблемам спорта (в отличие от эпистемологических) весьма обширна и стремительно растет по нескольким направлениям.

*Первое* из них, связанное с попытками дать анализ поведения спортсменов и ответить на вопрос «о ценимых добродетелях и об особых формах предписываемого поведения», представлено работами **П. Арнольда** [Arnold, 1983], **Н. Диксона** [Dixon, 1992], **Дж. Китинга** [Keating, 1988] и **Р. Физелла** [Feezel, 1988].

*Второе* направление основным предметом анализа делает моральное обоснование соперничества, пытаясь ответить на вопросы о том, «что делают определенные виды со-

перничества морально неприемлемыми», что считать нарушением моральных норм и как к ним относиться. Этим вопросам посвящены работы *Э. Делатре* [Delattre, 1988], *К. Пирсона* [Pearson, 1988], *О. Лимана* [Leaman, 1981, 1988], *У. Фралея* [Frleigh, 1988] и *Д. Хиланда* [Hyland, 1984 b].

*Третье* направление связано с анализом гендерных проблем в спорте (вопросы идентичности и восприятия себя женщинами в спорте, проблема равенства женщин в спорте и т.п.). Оно представлено статьями *Р. Беллиотти* [Bellioti, 1988], *М. Данкан* [Duncan, 1994], *Дж. Инглиш* [English, 1988], *М. Месснер* [Messner, 1988], *Р. Саймон* [Simon, 1993–1994], *Л. Франкис* [Francis, 1993–1994], *И. Янг* [Young, 1988].

В рамках *четвертого* направления – работы таких авторов, как *Р. Кинг* [King, 1991], *Т. Риган* [Regan, 1983], *П. Сингер* [Singer, 1973] и *Д. Шерер* [Scherer, 1991] – обсуждается «моральное значение животных (обладают они или нет особыми правами или особыми свойствами, которые влияют на наше отношение к ним) для оценки морального значения спорта, который использует их в качестве объектов спортивной эксплуатации».

Основная проблема публикаций *пятого* направления – статьи *У. Брауна* [Brown, 1988], *Р. Гарднера* [Gardner, 1989], *М. Лавина* [Lavin, 1987], *К. Перри* [Perry, 1988], *Р. Саймона* [Simon, 1988] и *П. Томпсона* [Thompson, 1988] – использование спортсменами фармацевтических средств для улучшения своих показателей.

4. *Эстетика* спорта. Это направление философии спорта, как отмечает У. Морган, представлено работами *Д. Беста* [Best, 1988 a, b], *К. Корднера* [Cordner, 1984, 1988], *Дж. Купфера* [Kupfer, 1983] и *Т. Робертса* [Roberts, 1986]. В них обсуждаются две основных проблемы: вопрос о том, «требуется или нет спорт эстетического восприятия, т.е. качественного рассмотрения своих форм движения, грации и стиля для адекватного понимания и оценки его сущности», и вопрос о том, «почему некоторые виды спорта могут не только требовать эстетического рассмотрения, но и считаться настоящим искусством».

Затрагивая вопрос о перспективах философии спорта, У. Морган высказывает мнение о том, что она должна принять участие в разрешении социальных проблем посредством критического рассмотрения различных аспектов общественной жизни, включая спорт. «И хотя философия, – пишет он, – не обладает особыми понятиями, методологией или привилегированным положением, она способна критически осмыслить развитие общества посредством сравнения, противопоставления и указания сильных и слабых сторон, доводов, убеждений и ценностей, существующих в обществе в данный момент времени» [Морган, 2006]. В этом плане он выражает согласие с замечанием *Р. Рорти* о том, что «философия всегда паразитирует на результатах развития культуры и общества – всегда является реакцией на эти результаты» [Rorty, 1982, p. 31].

Теперь обратимся к работам американского философа, бывшего президента Международного философского общества *Р. Остерхаудта* [Osterhoudt, 1973, 1974, 1978, 1998].

Сначала рассмотрим его книгу «Введение в философию физического воспитания и спорта» [Osterhoudt, 1978].

В первом разделе книги – «*Природа, значение и методы философии*» он указывает на трудности в определении природы философии, пытается дать собственную характеристику философии, ее предмета, значения и метода. По мнению Р. Остерхаудта, философия – это гуманистическая дисциплина, получающая знания о реальности в наиболее общей форме; это «понятия и принципы, посредством которых мы понимаем и проживаем наиболее общие и фундаментальные аспекты нашей жизни» [Osterhoudt, 1978, p. 2].

Второй раздел книги – «*Основные философские понятия и направления*» посвящен краткой характеристике таких отраслей философии, как логика, метафизика (ее форм – космологии, онтологии и теологии), эпистемологии, аксиологии (этике, эстетике и политике), философии религии, философии истории, философии образования, а также философии физического воспитания и спорта. Последнюю Р. Остерхаудт характеризует как «рефлексивное понимание природы и значения физического воспитания и спорта, т.е. она ориентирована на исследование метафизического, эпистемологического и аксиологического статуса физического воспитания и спорта» [Osterhoudt, 1978, p. 20].

Третий раздел книги – «*Понятия и разделы философии физического воспитания и спорта*» начинается с изложения становления и развития философии физического воспитания и спорта. Затем Р. Остерхаудт характеризует основные проблемы философской дисциплины. К числу таковых он относит следующие.

1) *Метафизические* проблемы:

1.1. космологический статус физического воспитания и спорта:

- роль случайностей в физическом воспитании и спорте;
- роль времени и пространства в физическом воспитании и спорте;
- роль случайности и необходимости в физическом воспитании и спорте;
- роль эволюции и творчества в физическом воспитании и спорте;
- роль постоянства и перемен в физическом воспитании и спорте;
- роль цели и механизма в физическом воспитании и спорте;

1.2. онтологический статус физического воспитания и спорта:

- отношение мысли и тела в физическом воспитании и спорте;
- проблема свободы в физическом воспитании и спорте;

1.3. теологический статус физического воспитания и спорта.

2) *Эпистемологические* проблемы:

- барьеры на пути формирования знаний о физическом воспитании и спорте;
- механизмы, при помощи которых достигаются знания в физическом воспитании и спорте;
- система знаний, касающихся физического воспитания и спорта.

3) *Аксиологические* проблемы:

3.1. этический статус физического воспитания и спорта (формы и содержание морального поведения в сфере физического воспитания и спорта):

- высшее добро в физическом воспитании и спорте;
- критерий морального поведения физического воспитания и спорта;
- мотивация морального поведения в физическом воспитании и спорте;

3.2. эстетический статус физического воспитания и спорта:

- критерии эстетического суждения о физическом воспитании и спорте;
- роль размышления, созерцания и эмоций в физическом воспитании и спорте;
- роль техники и выражения в физическом воспитании и спорте;
- эстетический процесс и его результаты в физическом воспитании и спорте;
- среда и формы в физическом воспитании и спорте;
- эстетическая интенсивность и физическое воспитание и спорт;
- соревнования и рекорды в физическом воспитании и спорте;
- насилие и грубость в физическом воспитании и спорте;
- художественное величие и физическое воспитание и спорт;
- роль тренера и зрителей в физическом воспитании и спорте;
- эстетические опыты в спорте;

3.3. социально-политический статус в физическом воспитании и спорте:

- отношение в физическом воспитании и спорте к другим формам социально-политических институтов;
- общая роль закона, юстиции, политической силы в физическом воспитании и спорте;
- физическое воспитание и спорт, общая добродетель и общественный интерес [Osterhoudt, 1978, p. 28–29].

Свою позицию в отношении философии спорта, а также общее состояние ее разработки Р. Остерхаудт излагает в более поздней работе – статье «Философия спорта», которая написана для «Vade Mecum. Справочник спортивной науки» [Osterhoudt, 1998]. «Поскольку философия – наиболее общая форма человеческого знания, – пишет он, – то философия спорта – наиболее общая форма человеческого знания относительно спорта. Тем самым она исследует фундаментальные особенности и цели спорта, т.е. метафизический, эпистемологический и аксиологический статусы спорта». Анализ «метафизического статуса спорта» предполагает изучение таких его фундаментальных характеристик, как космологические (естественные), онтологические (человеческие) и теологические (божественные), «эпистемологический анализ затрагивает существенные особенности знаний о спорте», а «аксиологический анализ связан с выяснением этической, эстетической и общественно-политической ценности спорта» [Osterhoudt, 1998, p. 39]. Как отмечает Р.



Остерхаудт, философия рассматривает и «логические проблемы». Но в основе своей это «метафилософские» проблемы, так как они относятся к философии спорта, а не к спорту. К числу таких логических проблем он относит проблемы, касающиеся природы философского познания спорта, значения и метода (или пути) этого познания» [Osterhoudt, 1998, p. 39–40].

По мнению Р. Остерхаудта, в философской литературе при анализе «логических», метафизических, эпистемологических и аксиологических проблем встречаются два основных подхода: *концептуальный*, или прямой, и *импликация*, или косвенный подход. При концептуальном подходе анализируются проблемы, касающиеся спорта, и результаты этого анализа индуктивно вводятся в рамках общефилософских концепций. При втором подходе, наоборот, исходят из общефилософских концепций и на их основе пытаются осмыслить метафизическую, эпистемологическую и аксиологическую сущность спорта [Osterhoudt, 1998, p. 40].

К числу основных проблем философии спорта Р. Остерхаудт относит:

«1. *Метафизический* статус спорта:

- космическо-онтологический статус спорта:
- спорт в контексте взаимоотношения игра – труд: фундаментальные особенности игры, труда и спорта, внутренний облик спорта, его историческое развитие;
- проблема любительского и профессионального спорта; роль тренера и зрителей в спорте; отношение спорта, рекреации и физического воспитания;
- спорт в контексте интерпретации состязания как сотрудничества и противоборства: основной характер состязательного мотива в спорте; аспект конкуренции как сотрудничества или противоборства; подлинные отношения в спорте; роль стандартизации и рекордов в спорте;
- спорт в контексте внутренних и внешних интерпретаций телесного движения; фундаментальная особенность этого движения, отношения разум – тело и спорта; подлинный телесный опыт в спорте; роль техники и тренировки в спорте; роль умения и случая в спорте; роль здоровья в спорте; роль наследственности в спорте; отношение спорта, танца и упражнения;

- теологический статус спорта.

2. *Эпистемологический* статус спорта:

- типология знаний о спорте;
- организация знаний о спорте;
- теория деятельности относительно спорта.

3. *Аксиологический* статус спорта:

3.1. *этический* статус спорта:

- отношение этической и метафизической составляющих спорта;
- спорт с точки зрения морали;
- моральный статус спорта в контексте различия труд – игра;
- нравственное значение использования допинга в спорте;

3.2. *эстетический* статус спорта:

- спорт как эстетический и художественный феномен;
- спорт как квази-художественный и квази-эстетический феномен;
- спорт как эстетический, но не художественный феномен;
- спорт как не эстетический, так и не художественный феномен;

3.3. *социально-политический* статус спорта:

- отношение формального характера (природы) спорта; и его социальной реальности;
- капиталистическая, марксистская, и неомарксистская интерпретации; спорта как социально-политического феномена;
- справедливость и равенство в спорте» [Osterhoudt, 1998, p. 40].

Такая характеристика основных проблем философии спорта лишь незначительно отличается от характеристики, которую Р. Остерхаудт дал в книге «Введение в философию физического воспитания и спорта».

К числу основных философских систем, имеющих значение при анализе философских проблем спорта, он относит натурализм, идеализм, реализм, прагматизм, аналитические традиции, экзистенциализм, феноменологию и философскую антропологию [Osterhoudt, 1998, p. 40].

Р. Остерхаудт выделяет следующие основные этапы эволюции философии и соответствующих философов с точки зрения их значения для разработки философии спорта:

Древняя философия: Будда, Лао-цзы, Конфуций, Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Пифагор, Гераклит, Парменид, Зенон Элейский, Эмпедокл, Анаксагор, Левкипп, Демокрит, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Пиррон, Цицерон, Сенека, Плотин.

Средневековая философия: Филон, Тертуллиан, Августин, Эриугена, Авиценна, Ансельм, Абеляр, Фома Аквинский, Дунс Скот, Оккам, Экхарт.

Современная философия: Бруно, Кампанелла, Бэкон, Гоббс, Декарт, Лейбниц, Спиноза, Локк, Беркли, Юм, Руссо, Кант.

Философия XIX столетия: Фихте, Шеллинг, Шлейермахер, Гегель, Маркс, Гербарт, Шопенгауэр, Кьеркегор, Ницше, Камю, Бентам, Милль, Спенсер.

Философия XX столетия: Грин, Кроче, Бергсон, Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Марсель, Гуссерль, Мерло-Понти, Шелер, Мур, Рассел, Сантаяна, Уайтхед, Джемс, Витгенштейн [Osterhoudt, 1998, p. 40–41].

Фактически та же самая (лишь с некоторыми стилистическими поправками) характеристика философии спорта, ее основных проблем дается и в статье «Философия спорта», которую Р. Остерхаудт, Б. Саймон и К. Фольквейн (президент международного Философского общества по исследованию спорта) написали для второго выпуска «Vade Mecum. Справочник спортивной науки», опубликованного в 2000 г. [Osterhoudt, Simon, Volkwein, 2000].

Особое место среди работ по философии спорта занимает книга **С. Кретчмера** «Практическая философия спорта» [Kretchmar, 1994], автор которой стремится показать *прикладное значение* этой философской дисциплины. «В этой книге я пытаюсь поддерживать баланс между идеализмом и практичностью, – пишет С. Кретчмер. – Я полностью уверен, что философия играет важную роль в решении многих ежедневных проблем» [Kretchmar, 1994, p. XVIII]. В соответствии с таким подходом книга ориентирована на решение трех основных задач: «1) помочь читателям развить свои философские умения, 2) помочь им в поиске ответа на философские вопросы и 3) оказать помощь в развитии собственной философии спорта и физического воспитания» [Kretchmar, 1994, p. XIII].

Книга подразделяется на три части.

Первая часть – *вводная*. Она имеет три главы. Глава 1 призвана помочь читателям развить свои философские умения: ставить философские проблемы, осознавая их отличие от других проблем, находить и обосновывать правильный ответ на них. Глава 2 называется «Дуализм: тело отделенное от личности». В ней обсуждаются вопросы о том, что такое личность, и четыре варианта дуалистской позиции в трактовке взаимоотношения тела и личности (объективный дуализм, ценностный дуализм, поведенческий дуализм и лингвистический дуализм). Глава 3 «Холизм: тело, объединенное с личностью» характеризует иной философский подход – с позиций холизма – к пониманию указанного взаимоотношения: показывается значение и различные варианты такого подхода.

Вторая часть книги «*Ценности спорта и физического воспитания*» включает в себя четыре главы. Глава 4 «Спорт и потребности общества» знакомит читателей с тем, что такое общество, а также с различными типами ценностных ориентаций человека в современном обществе по отношению к самому себе. В главе 5 рассматриваются ценности спорта, танца и физического упражнения, в главе 6 – внешние, а в главе 7 – внутренние ценности знаний, умений и эмоций, связанных с фитнесом.

Третья часть книги посвящена вопросам применения философского мышления к своей профессии. В главе 8 содержится призыв к читателям сделать важные для них изменения в отношении к физическому воспитанию, критически подходя к нему с позиций дуалистического идеализма, либерального воспитания, гуманизма, высокой культуры и искусства. В главе 9 дается характеристика особенностей и значения игры и показывается прикладное значение этих знаний. Глава 10 делает акцент на проблеме принятия этических решений в сфере физического воспитания и спорта. Последняя – 11-я глава – призвана помочь читателям «написать собственную философию», в том числе применительно к той же сфере.

Выше был дан обзор проблематики, обсуждаемой в публикациях по философии спорта, физического воспитания и телесной (физической) культуры исследователей различных стран. Упомянутые публикации исследователей будут дополнены другими в последующем тексте при анализе различных проблем этой философской дисциплины. Да и

вообще автор не ставит своей задачей дать характеристику *всех* или хотя бы *большинства* весомых публикаций такого рода. В одной работе это просто невозможно сделать.

Основная цель обзора, как было отмечено выше, – дать возможность читателям сравнить *авторскую* концепцию проблематики философии спорта и телесности человека с позицией *других* авторов по этому вопросу. Это сопоставление показывает, что предлагаемые в приведенных работах подходы к проблематике этой философской дисциплины *соответствуют* предложенной автором типологии ее проблем и лишь несколько *детализируют* эти проблемы, *конкретизируют* и *дополняют* данную автором краткую характеристику основных направлений философского исследования спорта и телесности человека, а также соответствующих философских дисциплин.

## Литература к гл. 2

1. Анисимов С.Ф. (1985). Мораль и поведение. 2-е изд., доп. – М.: Мысль. – 155 с.
2. Быховская И.М. (1993 а). Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М. – 180 с.
3. Быховская И.М. (1997). «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). – М. – 209 с.
4. Визитей Н.Н. (1982). Спорт и эстетическая деятельность. – Кишинев: Штиинца. – 183 с.
5. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишинев: Штиинца. – 164 с.
6. Визитей Н.Н. (1989). Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты). Кишинев: Штиинца. – 110 с.
7. Виленский М.Я. (1996). Лабиринты методологии // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 40–42.
8. Выдрин В.М. (1980 б). Культура, физическая культура, спорт // Спорт в современном обществе. – М.: ФиС. – С. 3–45.
9. Гориневский В.В. (1928). Культура тела. – М.: Изд-во Наркомздрава.
10. Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй. Ценности спорта и пути его гуманизации: Сб. / Сост. и ред. В.И. Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 187 с.
11. Духовность. Спорт. Культура. Вып. третий. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез? Сб. / Сост. и ред. В.И. Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 180 с.
12. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I. Проекты, программы, технологии: Сб. / Сост. и ред. В.И. Столяров и А.Г. Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 197 с.
13. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II. Проекты, программы, технологии: Сб. / Сост. и ред. В.И. Столяров и А.Г. Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 195 с.
14. Егоров А.Г. (1996 б). Олимпизм как метафизика спорта // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всерос. научно-практич. конф. Сентябрь, 25–27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 73–76.
15. Егоров А.Г. (2005 б). Социокультурный смысл спартианской ревизии основ современного спорта (от технократической к антропогенной и мультикультурной версии олимпизма) // Спартианская библиотека. Вып. 1: Сб. ст. / Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – С. 129–144.
16. Егоров А.Г., Захаров М.А. (2006). Фэйр Плэй в современном спорте: Учеб. пособие. – Смоленск. – 188 с.
17. Ибрагимов М.М. (2010). «Философия спорта»: предмет, структура и проблемы методологии / М.М. Ибрагимов // Актуальні проблеми фізичної культури і спорту. – № 3 (19). – С. 93–103.
18. Ибрагимов М.М. (2011). Сова Минервы и Аполлон, или Два способа философского осмысления спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 94–100.
19. Косяк В.А. (2002). Эпистемология человеческой телесности. – Сумы: ИТД «Университетская книга». – 362 с.
20. Котарбиньский Т. (1975). Трактат о хорошей работе. – М.
21. Кузьменко Г.А. (2005). Философские аспекты физической культуры личности ребенка // Философия и будущее цивилизации: Тез. докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. – М.: Современные тетради. – С. 590–591.
22. Ленк Г. (1979). Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни: Сб. ст. / Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. – М., ФиС. – С. 112–125.

23. Ленк Ганс (1997). Спорт как современный миф? // Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования. – М.: УРСС. – С. 156–179.
24. Лобжанидзе М.М. (1980). Эстетика спортивного зрелища. – Тбилиси. – 140 с.
25. Лоу Б. (1984). Красота спорта / Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Столярова. – М.: Радуга. – 256 с.
26. Люкевич У.П. (1991). Спортивная этика. – Брест.
27. Милеев С.В. (1931). Искусство и физическая культура. – М.-Л.
28. Морган У. (2006). Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // Логос. – № 3 (54). – С. 147–159.
29. Назаренко Л.Д. (2004). Эстетика физических упражнений. – М. – 249 с.
30. Незвецкий Р.Ф. (1982). Советская спортивная этика. – М.: Знание. – 63 с.
31. Нравственный потенциал современного спорта: Материалы IV Всесоюз. методол. сем., г. Суздаль, 10–12 марта 1988 г. – М.: Сов. спорт, 1989.
32. Пешков А.И. (2005). Философия спорта, ее особенности и место в общей структуре философского знания // Философия и будущее цивилизации: Тез. докл. и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. М.: Современные тетради. – С. 604–605.
33. Полетаева Н.Н. (1984). Учебное пособие по спортивной эстетике. – Алма-Ата. – 100 с.
34. Праздников Г.Л. (1981). Искусство и спорт. – Л.: Знание. – 154 с.
35. Родиченко В.С. (2007). Спорт и совесть: Учебно-методическое пособие для системы олимпийского образования. – М.: ФиС. – 144 с.
36. Самусенкова В.И. (1996). Интеграция спорта и искусства как социально-педагогическая проблема: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 27 с.
37. Сараф М.Я. (1978). Эстетика спорта. – М.: Знание. – 63 с.
38. Сараф М.Я. (1981). Эстетические компоненты спортивной деятельности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.: МГУ. – 41 с.
39. Сараф М.Я. (1997). Спорт и культура (исторический анализ) // Спорт. Духовные ценности. Культура. Вып. 1: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – С. 51–83.
40. Сараф М.Я. (2004). Спорт в системе культуры. – Голицыно.
41. Сараф М.Я., Столяров В.И. (1984). Введение в эстетику спорта: Учеб. пособ. для ИФК. – М.: ФиС. – 103 с.
42. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. ст. М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1997. – 210 с.
43. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 316 с.
44. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 349 с.
45. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 280 с.
46. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 266 с.
47. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 285 с.
48. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой. Детский спорт (концепции, программы, технологии): Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 319 с.
49. Спорт, духовные ценности, культура (1998 ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 255 с.
50. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый. Обобщающий анализ проблемы (итоги и перспективы): Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 216 с.
51. Столяров В.И. (1984 а). Актуальные проблемы истории и философско-социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
52. Столяров В.И. (1985 в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44; № 7. – С. 45–49.
53. Столяров В.И. (1988 г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.
54. Столяров В.И. (1988 д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.

55. Столяров В.И. (1988 к). Спорт, культура, гуманизм // *Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник)*. Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М. – С. 11–27.
56. Столяров В.И. (1988 л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // *Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр.* – М. – С. 126–142.
57. Столяров В.И. (1988 м). Философско-культурологический анализ физической культуры // *Вопросы философии*. – № 4. – С. 78–92.
58. Столяров В.И. (1990 е). Проект «СпАрт» // *Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы*. – М. – С. 13–16.
59. Столяров В.И. (1991 б). Проект «СпАрт». – М. – 69 с.
60. Столяров В.И. (1991 в). Синтеза спорта и уметности // *Годишник университета у Београду*. – № 2. – С. 103–105.
61. Столяров В.И. (1991 г). Международный проект «СпАрт» программа повышения духовно-культурного потенциала современного спорта на основе укрепления его связи с искусством // *Тезисы Всес. научн. конф. по проблемам олимпийского спорта: Челябинск, 22–26 мая 1991 г.* – М. – С. 50–51.
62. Столяров В.И. (1997 а). Инновационный вклад Академии в реализацию, сохранение и развитие духовных ценностей спорта на основе новой гуманистической программы: Актовая речь. – М.: РГАФК. – 72 с.
63. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // *Спорт, духовные ценности, культура*. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84–209.
64. Столяров В.И. (1998 н). Спартианские игры – новая гуманистически ориентированная модель спорта в его интеграции с искусством // *Спорт, духовные ценности, культура*. Вып. четвертый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–279.
65. Столяров В.И. (1998 о). Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // *Спорт, духовные ценности, культура*. Вып. 5: Сб. ст. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – С. 101–265.
66. Столяров В.И. (2004 д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
67. Столяров В.И. (2005 з). Спорт и культура мира // *Проблемы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи и детей дошкольного возраста: материалы республиканской научно-практич. конф. г. Красноярск, 17 ноября 2005 г.* – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск. – С. 3–21.
68. Столяров В.И. (2007 е). Понятийный кризис в науках о физической культуре и спорте: показатели, причины и пути преодоления // *Теория и практика физ. культуры*. – № 12. – С. 59–62.
69. Столяров В.И. (2010 ж). Культурологические проблемы физической культуры и спорта // *Философия науки: методические материалы для аспирантов*. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 69–88.
70. Столяров В.И. (2011 в). Проблема интеграции спорта и искусства // *Вестник Российского Философского общества*. – №1 (57). – С. 139–143.
71. Столяров В.И., Басин А.Е. (1989). Спорт и эстетическое воспитание // *Пути и средства эстетического воспитания*. – М.: Наука. – С. 163–179.
72. Столяров В.И., Лазарев П.В., Самусенкова В.И. (1996). Спорт, эстетическая культура и искусство // *От идей Кубертена к модели спорта XXI века (Духовность. Спорт. Культура*. Вып. первый). Сб. – М. – Смоленск: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 84–102.
73. Столяров В.И., Самусенкова В.И. (1996). Современный спорт как феномен культуры и пути его интеграции с искусством (теория, методологические подходы, программы) // *Духовность. Спорт. Культура*. Вып. 3: Сб. ст. – М.: РАО, Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – С. 49–178.
74. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1982). Эстетические проблемы спорта: учеб. пособие для студентов ИФК и слушателей ВШТ. – М. – 67 с.
75. Тимофеев А.И. (2007). Истолкование телесности в гуманитарной мысли нового времени // *Доклады первого межд. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры»*, 20–22 декабря 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 389–393.
76. Френкин А.А. (1963). Эстетика физической культуры. – М.: ФиС. – 151 с.
77. Хейзинга Йохан (1992). *Homo Ludens*. Опыт определения игрового элемента культуры // *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия. – С. 5–240.
78. Шумакова Н.Ю. (2010). Артпедагогика: гуманизация образования в области физической культуры: монография. – Ставрополь: «Илекса». – 308 с.
79. Algozin K. (1988). *Man and Sport // Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 183–187.

80. Arnold P. (1983). Three approaches toward an understanding of sportsmanship // *Journal of Philosophy of Sport*. – X. – P. 61–70.
81. Beckers E. (1988). Körperfassaden und Fitness-Ideologie. Wiederkehr des Körpers in der Fitness-Bewegung? // *Brennpunkte der Sportwissenschaft*. – N 2. – S. 153–175.
82. Belliotti R.A. (1988). Women, Sex and Sports // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 343–347.
83. Best D. (1988 a). The Aesthetic in Sport // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 477–493
84. Best D. (1988 b). Sport is Not Art // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 527–539.
85. Borgers W. (1988). Von der Motionsmaschine zum Fitness-Studio. Aspekte des apparativen Zugriffs auf den Körper // *Brennpunkte der Sportwissenschaft*. – N 2. – S. 130–152.
86. Boxill J.M. (1988). Beauty, Sport, and Gender // *Philosophic Inquiry in Span*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 509–518.
87. Brown W.M. (1988). Paternalism, Drugs, and the Nature of Sports // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W.J. Morgan and K.V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 297–305.
88. Burke R.J. (1988). Taking Play Seriously // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W.J. Morgan and K.V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 159–167.
89. Caillois R. (1988). The Structure and Classification of Games // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W. I. Morgan and K.V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 7–15.
90. Cordner C. (1984). Grace and functionality // *British Journal of Aesthetics*. – V. 24. – P. 301–313.
91. Cordner C. (1988). Differences between sport and art // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XV. – P. 31–47.
92. Cynarski W.J. (2005). Physical Culture in Holistic Perspective // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 196–206.
93. D'Agostino F. (1988). Ethos of Games // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W.J. Morgan and K.V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 63–72.
94. Delattre E.J. (1988). Some Reflections on Success and Failure in Competitive Athletics // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W.J. in and K.V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 271–276.
95. Dixon N. (1992). On sportsmanship and “running up the score” // *Journal of Philosophy of Sport*. – V. XIX. – P. 1–13.
96. Duncan M. (1994). The politics of women's body images and practices: Foucault, the Panopticon, and Shape magazine // *Journal of Sports and Social Issues*. – V. 18. – P. 48–65.
97. English J. (1988). Sex Equality in Sports // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W.J. Morgan and K.V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 329–334.
98. Esposito J. (1988). Play and Possibility // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by W.J. Morgan and K.V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 175–181.
99. Ethics and Sport/ M.J. McNamee, J. Parry (Eds.). – London: E&FN Spon, 1998.
100. Ethics and sport. Special Issue. *International Review for the Sociology of Sport*. 1995.vol. 30, N. 3/4., – 456 p.
101. Ethics in Sport/W. J. Morgan, K.V. Meier, and A.J. Schneider (Eds.). – Champaign, IL: Human Kinetics, 2001.
102. Feezell Randolph M. (1988). Sportsmanship // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 251–261.
103. Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Wybór tekstów i opracowanie naukowe Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa, 1990. Tom I. – 310 p.; Tom II. – 307 p.
104. Fink Eugen (1988). The Ontology of Play // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 145–157.
105. Firth R. (1930). A Dart Match in Tikopia. A Study in the Sociology of Primitive Sport // *Oceania*. – vol. 1. – P. 64–96.
106. Fraleigh Warren P. (1970). Theory and Design of Philosophic Research in Physical Education. 74<sup>th</sup> Proceedings of the National College Physical Education Association for Men, Annual Meeting, Portland, OR, December 1970. – P. 28–52.
107. Fraleigh Warren P. (1975). Sport-Purpose // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. II. – P. 74–82.
108. Fraleigh Warren P. (1983). An Examination of Relationships of Inherent, Intrinsic, Instrumental, and Contributive Values of the Good Sports Contest // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. X. – P. 52–60.
109. Fraleigh Warren P. (1984). Right Actions in Sport: Ethics for Contestants. Champaign, IL: Human Kinetics.

110. Fraleigh Warren P. (1986). The Sports Contest and Value Priorities // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. XIII. – P. 65–77.
111. Fraleigh Warren (1988). Why the Good Foul is Not Good // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 267–270.
112. Francis L. (1993-1994). Title IX: Equality for Women's Sports // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XX-XXI. – P. 32–47.
113. Gardner R. (1989). On performance-enhancing substances and the unfair advantage argument // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XVI. – P. 59–73.
114. Garrett R. (1976). The Metaphysics of Baseball // *Philosophy Today*. – b. 20. – P. 209–226.
115. Gibt es eine eigene Ethik des olympisches Sports?: DOI-Symposium am 26. und 27. Januar 2000. 1. Auflage/Fischer Kai, Güldenpfennig Sven, Kayser Dietrich /Red./. – Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn: Sport und Buch Strauß, 2001. – 263 S.
116. Grupe Ommo (1987). Sport als Kultur. – Zurich: Edition Interfrom.
117. Heinemann K. (1980b). Sport and the Sociology of the Body // *Int. Review of Sport Sociology*. – V. 3-4 (15). – P. 41–57.
118. Heinilä K. (1974). Ethics of sport. – University of Jyväskylä. Department of Sociology and Planning for Physical Culture. Finland, N. 4. Jyväskylä. – 72 p.
119. Hoberman John M. (1988). Sport and the Technological Image of Man // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 319–327.
120. Horkheimer Max (1988). New Patterns in Social Relations // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. P. 385–392.
121. Huizinga J. (1988). The Nature of Play // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 3–6.
122. Hyland Drew A. (1984b). Review of Warren Fraleigh, 'Right Actions in Sport: Ethics for Contestants' // *Journal of the Philosophy of Sport*. – V. XI. – P. 83–88.
123. Hyland Drew A. (1988). Competition and Friendship // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 231–239.
124. Keating James W. (1988). Sportsmanship as a Moral Category // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. P. 241–250.
125. King R. (1991). Environmental ethics and the case against hunting // *Environmental Ethics*. – V. 13. – P. 59–85.
126. Kosiewicz Jerzy (1989). Filozofia kultury fizycznej w Polsce // *Roczniki naukowe AWF w Warszawie*. – Tom XXXII. – s. 5–26.
127. Kosiewicz Jerzy (2000b). Kultura fizyczna i sport w perspektywie filozofii: Warszawa. – 234 p.
128. Kosiewicz Jerzy (2001). Fair play as a normative postulate and subject of study // *Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.)*. – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 82–85.
129. Kosiewicz Jerzy (2004a). Internal Balance – Personality, Health and Sport Activity // Kosiewicz Jerzy, Obodyński Kazimierz /eds./. *Sport and Society*. – Rzeszów. – P. 127–136.
130. Kosiewicz Jerzy (2004b). Is the principle of fair play the highest value in sport? // *Fair play – 2004. Challenges for theory and practice*. 10<sup>th</sup> European Fair Play Congress. Vienna, September 22<sup>nd</sup>-26<sup>th</sup>, 2004. – P. 9–13.
131. Kosiewicz Jerzy (2005). Philosophical and axiological aspects of physical culture and sport // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 222–245.
132. Kosiewicz J., Krawczyk Z. (1997). Philosophy of Sport or Philosophical Reflection over Sport // *Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996 / Svatopluk Horak (Ed.)*. – Olomouc. – P. 9–15.
133. Kowalczyk Stanisław (2005). Zbigniew Krawczyk's Humanistic Concept of Sport // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 165–171.
134. Krawczyk Zbigniew (1970). Natura, kultura, sport. – PNN, Warszawa. – 387 p.
135. Krawczyk Zbigniew (1974). Philosophie und allgemeine Theorie der Körperkultur in Polen // *Sportwissenschaft*. – N. 4. – S. 372–383.
136. Krawczyk Z. (1978a). Difficulties and Chances of the General Theory of Physical Culture // *Physical activity and Human Well-being. The International Congress of Physical Activity Sciences, book 2*. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 663–679.
137. Krawczyk Z. (1978b). Humanistyczne wartości sportu // *Humanistyczne wartości sportu: Materiały z seminarium polsko-radzieckiego Warszawa 5-7 kwietnia 1976*. – Warszawa: AWF. – P. 14–23.
138. Krawczyk Z. (1978c). Studia z filozofii i socjologii kultury fizycznej. – Warszawa. 180 p.

139. Krawczyk Z. (1981). *Kultura fizyczna – ciągłość i zmiana* // *Sport i kultura*. – Warszawa: PWN. – P. 23–39.
140. Krawczyk Z. (1983a). *O kulturze fizycznej. Studia i szkice*. – Warszawa. – 153 p.
141. Krawczyk Z. (1983b). *Kultura fizyczna a sposób i styl życia* // *Sport w kształtowaniu kultury i osobowości*. – Warszawa. – P. 296–310.
142. Krawczyk Z. (1984a). *The Human Body as a Value* // *Contribution of sociology to the study of sport*. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 101–117.
143. Krawczyk Z. (1984c). *The ontology of the body: a study in philosophical and cultural anthropology* // *Dialectics and Humanism*. V. XI, N. 1. – P. 59–75.
144. Krawczyk Z. (1984d). *Sport, Kultur, Gesellschaft. Sozialphilosophische Beiträge*. – Verlag Karl Hofmann: Schorndorf. – 125 p.
145. Krawczyk Z. (1986). *Wzory kultury somatycznej* // *Humanistyczne wartości kultury fizycznej: Raport syntetyczny*. – Warszawa. – S. 16–23.
146. Krawczyk Z. (1988a). *Physical Culture from the Perspective of Values – a General and Selective approach to Physical Culture* // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 23, N° 2. – P. 97–107.
147. Krawczyk Z. (1988b). *Two Faces of the Olympism: Ideology and Utopia* // *Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Gotenba. – P. 238–255.
148. Krawczyk Z. (1990a). *Aksjologia ciała* // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy*, b.I, Warszawa. – P. 99–122.
149. Krawczyk Z. (1990b). *Sport i kultura – orientacje teoretyczne* // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy*, b.II, Warszawa. – P. 161–175.
150. Krawczyk Zbigniew (1996). *Sport as Symbol* // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 31, N. 4. – P. 429–438.
151. Krawczyk Zbigniew (2000). *Sport w zmieniającym się społeczeństwie*. – Warszawa. – 169 p.
152. Krawczyk Zbigniew (2001). *Sport in the changing society* // *Physical Culture as a Component of Culture* / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 184–191.
153. Krawczyk Zbigniew (2004). *Sport in the changing society* // Kosiewicz Jerzy, Obodyński Kazimierz /eds./. *Sports Involvement in Changing Europe*. – Rzeszów. – P. 11–23.
154. Krawczyk Zbigniew (2005a). *Sport and Culture* // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 82–91.
155. Krawczyk Zbigniew (2005b). *Sport and Sacrum* // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 99–108.
156. Krawczyk Z., Jaworski Z., Ulatowski T. (1973). *The Dialectics of Transformation in Modern Sport* // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, Results, Materials Scientific Congress Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin etc.: Springer. – P. 55–60.
157. Kretchmar S. (1982). *Distancing: an essay on abstract thinking in sport performances* // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. IX. – P. 6–18.
158. Kretchmar R. Scott (1988). *From Test to Contest: An Analysis of Two Kinds of Counterpoint in Sport* // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 223–229.
159. Kretchmar S. (1989). *On beautiful games* // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XVI. – P. 34–43.
160. Kretchmar R. Scott (1994). *Practical philosophy of sport*. – Human Kinetics. – 281 p.
161. *Kultura fizyczna i społeczeństwo. Studia teoretyczno-metodologiczne*. – Warszawa, 1976. – 347 p.
162. *Kultura fizyczna w kategoriach wartości/Praca zbiorowa pod red. Z. Krawczyka*. – Warszawa, 1989. – 131 p.
163. Kupfer J. (1983). *Experience as Art: Aesthetics in Everyday Life*. – Albany, NY: State University of New York Press.
164. Kupfer Joseph N. (1988). *Sport – The Body Electric* // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 455–475.
165. Lasch Christopher (1988). *The Degradation of Sport* // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 403–417.
166. Lavin M. (1987). *Sports and drugs: are the current bans justified?* // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XIV. – P. 34–43.
167. Leaman O. (1981). *Can cheaters play the game?* // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. VIII. – P. 41–46.
168. Leaman Oliver (1988). *Cheating and Fair Play in Sport* // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 277–281.
169. Lenk Hans (1964a). *Values, aims and reality of the Modern Olympic Games* // *Report of the 4th Summer Session of the IOA*. – Athens. – P. 205–211.



170. Lenk H. (1964b). Werte, Ziele, Wirklichkeit der modernen Olympischen Spiele. – Verlag Karl Hofman, Schorndorf. Stuttgart. – 376 S.
171. Lenk H. (1970). Leistungsmotivation und Mannschaftsdynamik. – Schorndorf.
172. Lenk Hans (1971a). Sport, Achievement, and the New Left Criticism (Including Remarks Concerning the Co-operation of Philosophy and Sociology of Sport): Paper presented at the Third Int. Symposium on the Sociology of Sport "Socialization Via Sport – Culture and Society", University of Waterloo, Canada, August 22-24, 1971. – 21 p.
173. Lenk H. (1971b). Sport – Gesellschaft – Philosophie. Zur Sozialkritik an der sportlichen Leistung und zur Programmatik einer Philosophie des Sports // Sportwissenschaft. Nr. 1. – P. 19–32.
174. Lenk H. (1972a). Perspectives of the Philosophy of Sport // The Scientific View of Sport, ed. O.Grupe et al. – Heidelberg–New York. – P. 30–58.
175. Lenk H. (1972b). Sport in philosophischer Sicht // Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse. – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag. – S. 15-42.
176. Lenk H. (1973a). Alienation, Manipulation and the Self of the Athlete // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 8-18.
177. Lenk H. (1973b). «Manipulation» oder «Emanzipation» im Leistungssport. Die Entfremdung und das Selbst des Athleten // Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.). Philosophie des Sports. – Schorndorf. – S. 67-108.
178. Lenk H. (1974). Leistungssport: Ideologie oder Mythos? – Stuttgart: Verlag W.Kohlhammer.
179. Lenk H. (1976b). Sozialphilosophie des Leistungshandels. – Stuttgart: Kohlhammer.
180. Lenk H. (1976c). Towards a social philosophy of the Olympics: Values, aims and reality of the modern Olympic movement // P.Graham and H.Ueberhorst (eds.). The Modern Olympics. – Cornwall, N.Y.: Leisure Press.
181. Lenk Hans (1978). Some Problems of Sociopedagogical Elitism and Competition as Reflected in the Olympic Movement // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 419-435.
182. Lenk H. (1979). Social philosophy of Athletics. A Pluralistic and Practice-Oriented Philosophical Analysis of Top Level and Amateur Sport. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – 227 p.
183. Lenk H. (1980a). Auf dem Wege zu einer analytischen Sportphilosophie // Sportwissenschaft. – Nr. 10. – S. 417-436.
184. Lenk H. (1980b). Sport International in Search for Renovated Olympic Idea: Essay on the Insufficiency of Philosophy Concepts and Scientific Approaches Concerning the Olympic Games // International Journal of Physical Education. – v. XVII. – P. 26-31.
185. Lenk Hans (1981a). Eigenleistung: eine sozialphilosophische Analyse und ein «adamitisches» Plädoyer für eine positive Leistungskultur // Olympische Leistung. Ideal, Bedingungen, Grenzen. Begegnungen zwischen Sport und Wissenschaft: Eine Dokumentation. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaften. – S. 279-306.
186. Lenk H. (1981b). Humanite! = Humanity! = Гуманность! // Bulletin «Les Limites des Sports» (11-e Congrès olympique. Baden-Baden 1981). – N. 4. – P. 30-33, 53-54.
187. Lenk H. (1981c). Sport, achievement and social criticism // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 369-382.
188. Lenk Hans (1982a). Presidential Address – 1981. Tasks of the Philosophy of Sport: Between Publicity and Anthropology // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. IX. – P. 94-106.
189. Lenk Hans (1982b). Prolegomena Toward an Analytic Philosophy of Sport // International Journal of Physical Education. – N 19. – P. 15-18; 27.
190. Lenk H. /Hrsg/ (1983a). Aktuelle Probleme der Sportphilosophie. – Verlag Karl Hofman Schorndorf. – 437 S.
191. Lenk H. (1983b). Eigenleistung. – Zürich-Osnabrück: Interfrom.
192. Lenk H. (1983c). In search of a renovated Olympic Idea // Olympic Review. – N. 187. – P. 289-293.
193. Lenk Hans (Ed.). (1983d). Topical Problems of Sport Philosophy. Proceedings of the Workshop in the Philosophy of Sport. In connection with the XIII<sup>th</sup> Annual Meeting of the Philosophic Society for the Study of Sport, Karlsruhe, 1980. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaft.
194. Lenk Hans (1983e). The Achieving Being and Athletics. Toward an Anthropology and Analytic Philosophy of Achievement // Topical Problems of Sport Philosophy. Edited by Hans Lenk. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaft.
195. Lenk H. (1984a). Status and development as well as research tendencies and central aspects of sport philosophy // Int. Journal of Physical Education. – vol. XXI, N. 2. – P. 33-36.
196. Lenk H. (1984b). The Essence of Olympic man: Toward an Olympic philosophy and anthropology // Int. Journal of Physical Education. – vol. XXI, N. 2. – P. 9-15.

197. Lenk H. (1985a). Aspekte einer Pragmatisierung der Ethik – auch für die Sportethik // K. Cachey etc. /eds./. Sport und Ethik. dvs-Protokolle 6, Clausthal-Zellerfeld, DVS. – P. 1-20.
198. Lenk H. (1985b). Die achte Kunst. Leistungssport – Breitensport. – Osnabrück. Zürich.
199. Lenk Hans (1985c). Genuinely Personal Achievement, Sport, Educational Program and Beyond // International Journal of Physical Education. – Nr. 22. – P. 9-17.
200. Lenk H. (1985d). Persönliche Leistung, Sport und Erziehungsprogram // Internationale Zeitschrift für Sportpädagogik. – Nr. 2. – S. 9-17.
201. Lenk H. (1985e). Towards a Philosophical Anthropology of the Olympic Athletes and/as the Achieving Being. Can and/or How Can a Philosopher Understand Athletes and Olympic Athletes? // IOA. Report of the 22nd Session. – Lausanne. – P. 163-177
202. Lenk Hans (1986). Notes Regarding the Relationship Between the Philosophy and the Sociology of Sport // Int. Review for the Sociology of Sport. – v. 21. – P. 83-91.
203. Lenk H. (1987). Leistung im Brennpunkt. – Frankfurt a. M.: DSB.
204. Lenk Hans (1988). Toward a Social Philosophy of Achievement and Athletics // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 393-402.
205. Lenk H. (1990). Zadania filozofii sportu // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Tom I. Wybor tekstow i opracowanie naukowe Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa: Opracowanie nauczycze. – s. 20-30.
206. Lenk Hans (2007). An Anthropology of the Olympic Athlete Towards a Modernised Philosophy of the Olympic Games and Athletes // Journal of Olympic History. – vol. 15, N. 1. – P.39–47.
207. Liebau Eckart (1989). “In-Form-Sein” als Erziehungsziel? Pädagogische Überlegungen zur Sportkultur // Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 139-153.
208. Lingis Alphonso (1988). Orchids and Muscles // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 125-136.
209. Lipiec Józef (1980). (red.) Duch sportu. – Warszawa, KAW.
210. Lipiec Józef (1984). How is Sport Possible? // Dialectics and Humanism. – v. XI, N. 1. – P. 115-124.
211. Lipiec Jozef (1994). The Olympic Movement in Search of the Ideal of Versality // Almanack 1994, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy. – P. 79–98.
212. Lipiec J. (1997). The Fair Play philosophy // Fair play – Sport – Education. European Congress of Fair Play. 2<sup>nd</sup> General Assembly of the European Fair Play Movement. Warsaw, September 12–14, 1996. – Warszawa. – P. 99–110.
213. Lipiec Józef (1999a). Filozofia olimpizmu. – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Sportowe SPRINT. – 234 p.
214. Lipiec Józef (1999b). Philosophical Sources of Modern Olympism // Proceedings of the 3-rd International Scientific Congress on Modern Olympic Sport. – Warsaw. – P. 50–52.
215. Lipiec Józef (2005). On the Human Physical Activity // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 207–221.
216. Loland S. (2002). Fair Play: A Moral Norm System. – London: Routledge.
217. Loland, S., McNamee M.J. (2000). Fair Play and the Ethos of Sports: An Eclectic Philosophical Framework // Journal of the Philosophy of Sport. – v. 27. – P. 63-80.
218. Lumpkin Angela (1990). Philosophy and Physical Education and Sport // Lumpkin Angela. Physical Education and Sport: A Contemporary Introduction. – Toronto, Boston: Times Mirror/Mosby College Publishing. Second Edition. – P. 22-42.
219. MacAloon J. (1991). Are Olympic athletes professionals? Cultural categories and social control in US sport // The Business of Professional Sports / P. Staudohar, J. Mangan (eds.). Urbana and Chicago: University of Illinois Press. – P. 264-297.
220. McBride Frank (1988). A Critique of Mr. Suits' Definition of Game Playing // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 49-54.
221. McIntosh P. (1979). Fair play. Ethics in sport and education. – London. – 213 p.
222. Meier Klaus V. (1988a). An Affair of Flutes: An Appreciation of Play // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 189-209.
223. Meier Klaus V. (1988b). Embodiment, Sport and Meaning // Philosophic Inquiry in Sport. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 93-101.
224. Meier K. V. (1988c). Triad trickery: playing with sports and games // Journal of Philosophy of Sport. – v. XV. – P. 11-30.
225. Meinberg E. (1991). Die Moral im Sport. Bausteine einer neuen Sportethik. – Meyer & Meyer Verlag. – 232 S.
226. Meinberg Eckhard (2001). Trainerethos und Trainerethik. – Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn: Sport und Buch Strauß GmbH. – 179 S.

227. Messner M. (1988). Sports and male domination: the female athlete as contested ideological terrain // *Sociology of Sport Journal*. – v. 5. – P. 197-211.
228. Morgan William J. (1973). An Existential Phenomenological Analysis of Sport as a Religious Experience // *The Philosophy of Sport: A Collection of Original Essays*. Edited by Robert G. Osterhoudt. – Springfield, IL: Charles C Thomas.
229. Morgan William J. (1976a). An Analysis of the Futural Modality of Sport // *Man and World: An International Philosophical Review*. – v. 9. – P. 418-434.
230. Morgan William J. (1976b). On the Path Toward an Ontology of Sport // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. III. – P. 25-34.
231. Morgan William J. (1977). Some Aristotelian Notes on the Attempt to Define Sport // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. IV. – P. 15-35.
232. Morgan William J. (1978). Preliminary Discourse Concerning Sport and Time // *Journal of Sport Behavior*. – N 3. – P. 139-146.
233. Morgan William J. (1980). Play and Technology: Some Preliminary Musings // *Sport and the Humanities: A Collection of Original Essays*. Edited by William J. Morgan. – Knoxville: The University of Tennessee. – P. 28-30.
234. Morgan William J. (1982). Play, Utopia, and Dystopia: Prologue to a Ludic Theory of the State." *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. IX. – P. 30-42.
235. Morgan William J. (1983a). Social Philosophy of Sport: A Critical Interpretation // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. X. – P. 33-51.
236. Morgan William J. (1983b). Toward a Critical Theory of Sport // *Journal of Sport and Social Issues*. – N 7. – P. 24-34.
237. Morgan William J. (1985). 'Radical' Social Theory of Sport: A Critique and a Conceptual Emendation // *Sociology of Sport Journal*. – v. 2. – P. 56-71.
238. Morgan William J. (1988). Play, Utopia, and Dystopia: Prologue to a Ludic Theory of the State // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 419-430.
239. Morgan William J. (2003). The Philosophy of Sport: A Historical and Conceptual Overview and a Conjecture Regarding Its Future // Jay Coakley and Eric Dunning (eds.) *Handbook of Sports Studies*. – London: Sage. – P. 205-212.
240. Mosz J. (1990). Sport w kategoriach estetyki // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Wybór tekstów i opracowanie naukowe* Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa. Tom II. – P. 250–264.
241. Niedermann Erwin (1996). Sportethik. Über die relative Absolutheit der Ethik im Sport. – Wien: ÖBV Pädagogischer Verlag. – 117 S.
242. Nissiotis Nikolaos (1979). Philosophy of Olympism // Report of the 18<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 170-184.
243. Ortega y Gasset J. (1955). Über des Lebens sportlich-festlichen Sinn. – Frankfurt/M.
244. Ortega y Gasset Jose (1988). The Sportive Origin of the State // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics.– P. 377-383.
245. Osterhoudt R. (1973). The Philosophy of Sport. – Springfield (III.): Charles Thomas.
246. Osterhoudt Robert G. (1974). Modes of Philosophic Inquiry Concerning Sport: Some Reflections on Method // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. I. – P. 137-141.
247. Osterhoudt R. (1978). An Introduction to the Philosophy of Physical Education and Sport. – Champaign (III.): Stipes publishing Co. – 260 p.
248. Osterhoudt R. (1998). Philosophy of sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. First Edition. – P. 39-44.
249. Osterhoudt Robert G., Simon Bob, Volkwein Karin (2000). Philosophy of sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2<sup>nd</sup> Edition. – P. 107-121.
250. Parry S.J. (1988). Hegemony and Sport // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 431-442.
251. Pearson Kathleen (1988). Deception, Sportsmanship, and Ethics // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics.– P. 263-265.
252. Perry Clifton (1988). Blood Doping and Athletic Competition // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics.– P. 307-311.
253. *Philosophic Inquiry in Sport/* William J. Morgan, Klaus V. Meier (Eds.). – Champaign, IL.: Human Kinetics, 1988.
254. *Philosophic inquiry in sport (Second Edition)* /William J. Morgan, Klaus V. Meier (Eds.). – Human Kinetics, 1995. – 456 p.
255. Postow Betsy C. (1988). Women and Masculine Sport // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 359-365.

256. Przyłuska-Fischer A. (1990). Sport w kategoriach etyki // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Wybor tekstow i opracowanie naukowe* Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa. Tom II. – P. 233–242.
257. Przyłuska-Fischer A. (2001). Ethics and the limits of the instrumental treatment of the body // *Physical Culture as a Component of Culture* / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 137–144.
258. Przyłuska-Fischer A., Misiuna B. (1993). *Etyczne aspekty sportu*. – Warszawa. – 155 p.
259. Readings in the Aesthetics of Sport/Whiting H.T., Masterson D.W. /Eds./. – London: Lepus Books.
260. Regan T. (1983). *The Case for Animal Rights*. – Berkley, CA: University of California Press.
261. Richards D.A.J. (1971). *A theory of reasons for action*. – Oxford.
262. Roberts Terence J. (1986). Sport and Representation: A Response to Wertz and Best // *Journal of the Philosophy of Sport*. – vol. XIII. – P. 89–94.
263. Roberts Terence J. (1988). Sport, Art and Particularity // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 495-507.
264. Rorty R. (1982). *Consequences of Pragmatism*. – Minneapolis: University of Minnesota Press.
265. Rymarczyk Piotr (2005). From the performance principle to the fitness principle – the human body in the contemporary Western culture // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 323-327.
266. Sartre Jean-Paul (1988a). Play and Sport // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 169-173.
267. Sartre Jean-Paul (1988b). The Body. Being and Nothingness // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 103-105.
268. Scherer D. (1991). Existence, breeding, and rights: the use of animals in sports // *Between the Species*. Summer. – P. 132-137.
269. Schulz N., Allmer H. (1988). Fitness-Studios: Anspruch und Wirklichkeit // *Brennpunkte der Sportwissenschaft*. – N. 2. – S. 126–229.
270. Shilling Chris (1993). *The Body and Social Theory*. – London: Sage Publications. – 232 p.
271. Shmitz Kenneth L. (1988). Sport and Play: Suspension of the Ordinary // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL. – P. 29-38.
272. Simon Robert L. (1988). Good Competition and Drug-Enhanced Performance // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 289-296.
273. Simon R. (1993-1994). Gender equity and inequity in athletics // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XX-XXI. – P. 6-22.
274. Singer P. (1973). Animal liberation // *The New York Review of Books*. 5 April.
275. Slusher Howard S. (1967). *Man, Sport and Existence: A Critical Analysis*. – Philadelphia: Lea & Febiger.
276. Spiker Stuart F. (Ed.) (1970). *The Philosophy of the Body*. – Chicago: Quadrangel Books.
277. Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk/Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw, 2005. – 432 p.
278. Sport i Kultura/red. Krawczyk Z. – Warszawa: Panstwowe Wydownictwo naukowe, 1981. – 240 p.
279. Steel M. (1977). What we know when we know a game // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. IV. – P. 96-103.
280. Steinitzer H. (1910). *Sport und Kultur*. – München.
281. Stolyarov V.I. (1984b). The Aesthetic Value of Sport // *Contribution of sociology to the study of sport*. – Jyväskylä: University of Jyväskylä. – P. 83-99.
282. Stolyarov V.I. (1985a). A sport mint az ifjusag esztetikai kulturajanak eguik tenyezoje // *Sport a valtozo vilagbau*. – Budapest. – P. 105–119.
283. Stolyarov V.I. (1985b). Sport as an element of developing an aesthetic culture among the youth // *Review. Sport science periodical. International Council of Sport Science and Physical Education*. – P. 36–41.
284. Stolyarov V.I. (1986c). Wokół problemu teorii kultury fizycznej // *Sport wyczynowy*. – rok XXIV. N 10. – P. 43–47.
285. Stolyarov V. (1990b). Problemy teorii kultury fizycznej. Analiza metodologiczna // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy*, b. I. – Warszawa. – P. 302-308.
286. Stolyarov V.I. (1991d). The International Project "SpArt" – a program of increasing spiritual-and-cultural potential of modern sport on the basis of strengthening its connection with art // *Second IOC World Congress on Sport Sciences, Barcelona, 26 to 31 October 1991*. – Barcelona. – P. 341–342.
287. Stolyarov V. (1993). The "SpArt" Olympic Project the program of realization and further development in present-day conditions the Coubertin' ideas about personality of an Olympian, unity sport

- and art: Paper presented at the 1<sup>st</sup> Joint International Session for Educators and Responsibles of Higher Institutes of Physical Education, International Olympic Academy, 24–31 July 1993. Olympia. – 30 p.
288. Suits Bernard (1988a). On McBride on the Definition of Games // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 55-61.
289. Suits Bernard (1988b). The Elements of Sport // W.J. Morgan/K. Meier (Ed.). *Philosophy Inquiry In Sport*. – Champaign. – P. 39-48.
290. Suits B. (1988c). Tricky triad: games, play, and sport // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XV. – P. 1-9.
291. Suits B. (1989). The trick of the disappearing goal // *Journal of Philosophy of Sport*. – v.XVI. – P. 1-12.
292. Takacz F. (1973). Die Aesthetik der Körperkultur. Die Erscheinung des Aesthetischen in der Körperkultur und in der menschlichen Bewegung. – Budapest.
293. Takacz F. (1981). Ästhetische Kategorien und ihre spezifischen Manifestationen in der Körperkultur // *Beiträge zur Ästhetik des Sports*. – Leipzig. – S. 59-88.
294. Takacs F. (1986). The Theoretical Foundations of Sport Aesthetics // *Review of the Hungarian University of Physical Education*. – Budapest. – P. 233-250.
295. Thompson Paul B. (1988). Privacy and the Urinalysis Testing of Athletes // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 313-318.
296. Turner B.S. (1984). *The Body and Society*. – Oxford: Basil Blackwell.
297. Urbankowski Bohdan (1975). Metafizyka ciała – krytyka i inspiracja // *Studia Filozoficzne*. – Nr 2 (111). – s. 99-121.
298. Urbankowski B. (1976). Homo Creator – filozoficzne koncepcje człowieka aktywnego // *Humanistyczne wartosci sportu: Materiały z seminarium polsko-radzieckiego*, Warszawa 5-7 kwietnia 1976. – Warszawa: AWF. – P. 74-95.
299. Urbankowski B. (1981). Etyka i mitologia sportu // *Sport i kultura / Praca zbiorowa pod red. Z.Krawczyka*. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. – P. 129-144.
300. Urbankowski B. (1984). General theory of the reality of sport (some trends in research) // *Dialectics and Humanism*. – N 1. – P. 125-136.
301. Volkwein Karin A.E. (1994). Fitness development in postmodern societies – a crosscultural comparison between the USA and Germany: The paper presented at the ISA – XIII World Congress of Sociology, Bielefeld, Germany, July 1994. – 10 p.
302. Volkwein-Caplan Karin (2004a). Body Image and Physical Activity // Volkwein-Caplan Karin A.E. *Culture, Sport and Physical Activity*. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P.182-204.
303. Volkwein-Caplan Karin A.E. (2004b). *Culture, Sport and Physical Activity*. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – 240 p.
304. Volkwein-Caplan Karin (2004c). Fitness – The Global Sport for All? // Volkwein-Caplan Karin A.E. *Culture, Sport and Physical Activity*. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 46-53.
305. Wachter Frans de (1988). The Symbolism of the Healthy Body: a Philosophical Analysis of the Sportive Imagery of Health // *Philosophic Inquiry in Sport*. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 119-124.
306. Weiss Paul (1988). The Challenge of the Body // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 89-92.
307. Wenz Peter S. (1988). Human Equality in Sports // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 349-357.
308. Wertz Spencer K. (1988). Context and Intention in Sport and Art // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P.523-525.
309. Witt Gunter (1982). *Aesthetik des Sports*. Berlin: Sportverlag.
310. Wohl A. (1962). Die Bedeutung des Bewegungssystems für die Entwicklung der menschlichen Erkenntnis // *Theorie und Praxis der Körperkultur*. – XI. – S. 698-715.
311. Wohl A. (1970). Competitive Sport and its Social Functions // *International Review of Sport Sociology*. – vol. 5. – P. 117-130.
312. Wohl A. (1973a). Die Selbststeuerung des menschlichen Bewegungssystems in informationstheoretischer Sicht // *Sportwissenschaft*. – N. 2. – S. 109-137.
313. Wohl A. (1973b). Physical Culture as a Social Product and a Social Value // *Int. Review of Sport Sociologie*. – v. 8.
314. Wohl A. (1977a). *Bewegung und Sprache*. – Schorndorf.
315. Wohl A. (1984a). Sport as a contemporary form of cultural motor activity // *Dialectics and Humanism*. – vol. XI, N. 1. – P. 75-87.
316. Wohl A. (1984b). The Integrational Functions of Competitive Sport and Its Role in Shaping International Competition, Co-operation and Mutual Understanding // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 99-103.

317. Wohl A. (1986). Wychowanie fizyczne dla wojny czy dla pokoju // *Kultura fizyczne*. – N. 7-8. – P. 6-10.
318. Wohl A. (1987). Controversies as to the role of sport and its significance for contemporary civilization // *Scientific Yearbook: Studies in the Theory of Physical Education and Sport*. Vol. 1. – Polish Scientific Publishers. – P. 97-115.
319. *Women, Philosophy and Sport: A Collection of New Essays* / Betsy C. Postow /Ed./.. – Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1983.
320. Young Iris Marion (1988). The Exclusion of Women From Sport: Conceptual and Existential Dimensions // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 335-341.
321. Zbigniew Krawczyk: *Scientific Bibliography // Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk/Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 150–161.
322. Zeigler Earle F. (1964). *Philosophical Foundations for Physical Education, Health, and Recreation Education*. – Englewood Cliffs, N.Y: Prentice-Hall.
323. Zeigler, Earle F. (1968). *Problems in the History and Philosophy of Physical Education and Sport*. – Englewood Cliffs, N.Y: Prentice-Hall. – 119 p.
324. Zeigler Earle F. (1977). *Physical Education and Sport Philosophy*. – New Jersey: Prentice-Hall. – 260 p.
325. Zeigler Earle F. (1982). *Philosophy of Sport and Developmental Physical Activity: A paper prepared for the 1982 Annual Meeting of the Canadian Association for Sport Sciences, 1982*. – 14 p.
326. Ziff P. (1974). A fine forehead // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. I. – P. 92-109.

### Глава 3. Парадигмальные, общеметодологические основания анализа философских проблем спорта и телесности человека

К постановке и анализу философских проблем спорта и телесности человека, а, значит, и к разработке соответствующей философской дисциплины, можно подходить с различных позиций: здравого смысла, интуиции, науки, искусства, определенных общепарадигмальных концепций, их сочетания и т.д. Выбор той или иной позиции задает определенную *парадигму*, постановки и решения проблем философии спорта и телесности человека.

Под «*парадигмой*» в логике и методологии науки понимают общую установку, исходную концептуальную схему, модель постановки проблем и их решения, господствующую в течение определенного исторического периода в научном сообществе [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 477]. Понятие парадигмы получило широкое распространение в сфере научного исследования после работ американского историка физики Т. Куна. В системе понятий, использованных при построении теории научных революций, он важное место отводил понятию парадигмы, т.е. «...признанным всеми научными достижениями, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Кун, 1975, с. 11].

Значит, речь идет о выборе общей установки, исходной концептуальной схеме, модели постановки и решения проблем философии спорта и телесности человека, общеметодологических основ этой философской дисциплины.

Вопрос о том, какой должна быть эта парадигма, общеметодологические основания философии спорта и телесности человека, является дискуссионным. А. Лампкин полагает, например, что философские проблемы спорта могут разрабатываться на основе таких философских концепций, как эссенциализм, экзистенциализм, экспериментализм, гуманизм, идеализм, натурализм, прагматизм, прогрессивизм и реализм [Lumpkin, 1990, p. 23]. Как будет показано ниже, предлагаются и другие подходы.

Но сначала разясним *авторскую* позицию по данному дискуссионному вопросу.

#### 3.1. Научный подход

Как следует из изложенного выше понимания автором философии, его позиция в отношении парадигмальных оснований анализа философских проблем спорта и телесности человека в первую очередь предполагает *научный подход* к постановке и решению этих проблем.

Данное положение нуждается в дополнительном уточнении и разяснении – хотя бы потому, что наука и научный подход понимаются *неоднозначно*. Например, наукой называют всякую более или менее систематизированную совокупность знаний, на овладение которыми нужно профессиональное обучение. Но в таком случае в число наук попадают и алхимия, и астрология, и теология, и т.д. Да и вообще, как отмечает по этому поводу всемирно известный логик, философ и социолог А.А. Зиновьев, «в наше время расцвета науки и ее колоссальной роли в жизни человечества найти человека, который был бы против такого (научного – В.С.) подхода и который считал бы свои суждения ненаучными, вряд ли возможно. Важно, как именно понимается этот подход и как он реализуется фактически» [Зиновьев, 2000, с. 34–35].

*Научный подход* к получению знаний, *научное познание* (научное исследование) – особый вид познавательной деятельности, направленный на получение обоснованных и системно организованных знаний о мире, описание, объяснение и предсказание (прогнозирование) процессов и явлений действительности на основе открываемых законов этих процессов и явлений. Научное познание существенно отличается от других видов познавательной деятельности, таких, например, как обыденное, художественное, религиозное, мифологическое познание.

К числу существенных признаков научного познания относятся:

а) изучение объектов независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения (научные знания всегда относятся к широкому классу практических ситуаций настоящего и будущего, который никогда заранее не задан);

б) получение максимально полных знаний об изучаемых объектах (об их свойствах, структуре, развитии, законах и т.д.);

в) разработка специальных методов получения и обоснования истинности знаний;

г) фиксирование полученных знаний не только в обыденном, но и специально разработанном языке (напр., математическом) и т.д.

Как отмечает А.А. Зиновьев, научный подход – это специфический способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он имеет ряд особенностей. Одна из них – «принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет» [Зиновьев, 2000, с. 36].

Еще одна особенность научного подхода состоит в том, что «исследователь познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т.д., независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть, по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная» [Зиновьев, 2000, с. 39]. При научном подходе положения, формулируемые при постановке и решении проблем, не принимаются просто на веру. При их обосновании считается недостаточным и простая ссылка на интуицию, здравый смысл и т.д. К ним предъявляется требование научной обоснованности, доказательности.

Важным компонентом научного подхода является также соблюдение принципов и правил, которые формулируются и обосновываются в современной логике и методологии науки. Но, как справедливо указывает А.А. Зиновьев, «мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания» [Зиновьев, 2000, с. 41].

В этом отношении можно отметить проблемы и трудности двоякого рода. Во-первых, нередко принципы и правила, выявленные и обоснованные в логике и методологии науки, понимаются исследователями очень упрощенно. Во-вторых, некоторые важные принципы и правила методологии научного исследования не выявлены или разработаны недостаточно, неполно.

Такая ситуация, связанная с соблюдением в процессе научного исследования правил логики и методологии науки, имеет место в отношении даже тех правил образования терминологии науки (оперирования языковыми конструкциями как особыми объектами, отличными от объектов, к которым они относятся), правил определения понятий, обобщения, умозаключений, которые изучает и обосновывает *традиционная логика* (формальная логика). Как будет показано ниже, особенно это касается логико-методологических принципов введения, оценки и унификации понятий.

Еще более сложная ситуация связана с соблюдением в процессе научного исследования ряда принципов и правил познавательных действий, которые сформулированы и обоснованы в *современной методологии научного познания*. Правда, с соблюдением некоторых из них – например, таких, как правила наблюдения, выдвижения и проверки научных гипотез и т.п. – у исследователей, как правило, не возникает особых трудностей и проблем. Но познавательная деятельность ученого не ограничивается этими процедурами. Она предполагает активное вмешательство исследователя в изучаемую действительность, целесообразное расчленение ее, извлечение отдельных явлений, включение их в желаемые связи с целью выяснения результатов этих связей, изучение связей и зависимостей «в чистом виде» и т.д. Для этого требуются особые приемы исследования. «Самыми фундаментальными из них являются приемы лабораторного эксперимента, т.е. искусственное создание условий, при которых имеет силу закон в "чистом виде", приемы отбора ситуаций, близких к условиям лабораторного эксперимента, и приемы мысленного эксперимента» [Зиновьев, 2002 б, с. 27].

В философии спорта и телесности человека затруднен и, как правило, вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в эмпирических (опытных) науках. Поэтому здесь деятельность ученого, воплощающаяся в реальном эксперименте в вещественных действиях, в приборах, в искусственно созданных ситуациях, в организации порядка опытов и т.д., должна быть проделана мысленно, т.е. принять форму мысленного эксперимента. Он предполагает мысленное извлечение объектов из связи с другими, помещение их в связи с другими, расчленение на части и объединение частей в целое, упрощение, требует рассмотрения объектов в определенной последовательности и т.д. В ходе этой сложной познавательной деятельности исследователь также должен соблюдать определенные правила, которые определяют пределы абстракций и допущений,



порядок рассмотрения изучаемых объектов, их определенных сторон, элементов, состояний и т.д.

Особенно важное значение в этом плане имеют принципы и законы *диалектики*, правила и требования *диалектического метода* познания.

### **3.2. Принципы и законы диалектики, правила диалектического метода**

Данное положение также нуждается в некотором уточнении и разъяснении, так как возможно различное понимание и диалектики, и диалектического метода.

Так, например, в обыденном представлении диалектика нередко отождествляется с туманными абстрактными рассуждениями. У представителей постмодернизма можно встретить псевдодиалектические рассуждения по какому-либо вопросу, заменяющие его строго научный анализ. Естественно, подчеркивая важное значение диалектики и диалектического метода в процессе научного познания, автор имеет в виду совсем иное их понимание.

Как известно, «диалектика» первоначально означала искусство вести беседу, т.е. *диалог*. По имеющимся сведениям, основоположником диалектики в таком ее понимании является Сократ, который, правда, свой метод ведения диалога именовал «майевтическим, т.е. облегчающим рождение истины» [История... 1972, с. 37]. Платон, по свидетельству Диогена Лаэртского, в своих диалогах «первый ввел в рассуждение вопросы и ответы» и первым употребил в философии понятие «диалектика» [Диоген, 1979, с. 157]. «Диалектик», по Платону, – это тот, «кто умеет ставить вопросы и давать ответы» [Платон, 1968, с. 425]. Диалектика помогает «рассуждать и мыслить». Диалектик обладает способностью «охватывать взглядом единое и множественное» [Платон, 1970, с. 205]. Аристотель отмечает универсальность диалектики: «диалектика имеет дело со всеми [науками]», «ибо, будучи способом исследования, она прокладывает путь к началам всех учений» [Аристотель, 1978, с. 277, 351]. Особое внимание он уделяет противостоянию диалектики софистике: «Диалектика делает попытки исследовать то, что познает философия, а софистика – это философия мнимая, а не действительная» [Аристотель, 1976, с. 123].

В работах большинства зарубежных философов диалектика также понимается как определенный способ ведения дискуссии, спора, диалога. Именно так ее характеризует, например, Гадамер в работе «Истина и метод»: «Искусство диалектики не есть искусство выдвигать победоносные аргументы, опровергая всех и каждого»; «искусство диалектики, то есть искусство вопрошания и искания истины» «доказывает себя лишь тем, что тот, кто умеет спрашивать, держится за свое спрашивание, то есть удерживает свою направленность в открытое. Искусство вопрошания есть искусство спрашивания дальше, то есть искусство мышления. Оно называется диалектикой, потому что является искусством ведения подлинного разговора» [Гадамер, 1988, с. 431].

Понимаемые таким образом диалектика и диалектический метод имеют важное значение для правильной постановки и решения проблем философии спорта. На это обращает внимание ряд философов [см., например: Osterhoudt, 1978, p. 8].

Но наряду с сократовским и платоновским пониманием диалектики как определенного способа ведения дискуссии, спора, диалога в истории философии – сначала в работах Гегеля, а потом в работах Маркса и его последователей – сформировалось понимание *диалектики как логики и методологии научного познания*.

Важное значение в научном исследовании диалектического метода в таком его понимании постоянно подчеркивалось представителями марксистской философии – не только отечественными, но и зарубежными [см., например: Krawczyk, Jaworski, Ulatowski, 1973].

Однако в настоящее время под влиянием критики марксистской философии часто наблюдается скептическое и даже негативное отношение к диалектике, а диалектический метод как «одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта было забыто, извращено, опошлено, во всяком случае – было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений» [Зиновьев, 2002 б, с. 37].

Можно указать несколько причин этого: идеалистическая мистификация диалектики в учении Гегеля, идеологическая интерпретация материалистической диалектики как «оружия пролетариата», «алгебры революции», а также различные варианты ее примитивного истолкования. Один из них – отождествление диалектики с онтологическим уче-

нием о всеобщих свойствах и законах бытия и упрощенное понимание самих этих законов.

Иллюстрацией может служить сведение закона единства и борьбы противоположностей к примерам типа отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии и т.д. Еще одним примером не только упрощенного, но даже ошибочного понимания диалектики является ее характеристика в уже упоминавшемся новом «Философском энциклопедическом словаре»: «Для марксистского диалектического материализма диалектика есть прежде всего внутренняя закономерность экономического развития и – поскольку от последнего зависит все остальное – закономерность всего происходящего вообще. В законах диалектики марксистская утопия видит гарантию прогресса в направлении к всеобщему счастливому благополучию человечества» [Философский энциклопедический словарь, 2011, с. 481]. Создается впечатление, что авторы этого философского словаря вообще не знакомы с реальными и значимыми публикациями по диалектике.

Немаловажное значение для понимания скептического отношения к диалектике имеет и следующее обстоятельство. Ее категориальный аппарат включает в себя такие понятия, как «существование», «состояние», «качество», «количество», «процесс», «изменение», «переход», «развитие», «деградация», «простое», «сложное», «целое», «система», «структура», «необходимость», «случайность», «возможность», «действительность», «связь», «причина», «следствие», «тождество» и т.п. Однако эти понятия, имеющие важное методологическое значение, так как необходимы для описания любых изучаемых объектов, разработаны неудовлетворительно, нуждаются в уточнении и экспликации. Это, естественно, затрудняет и понимание и реализацию методологической функции диалектики [Зиновьев, 2000, с. 54; Столяров, 1975а, 1983].

Однако пренебрежительное отношение к диалектике не имеет никакого разумного оправдания. «В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем порою так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою – противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, – происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на реальные явления жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания» [Зиновьев, 2002б, с. 37–38].

Скептическому, а часто и негативному отношению к методологической роли диалектики в научном познании содействует и такое упрощенное понимание этой роли: «как и всякая научная теория в своей области становится методом решения проблем, так и материалистическая диалектика, будучи научной философской теорией, становится всеобщим научным методом решения проблем. Это означает, что наиболее общие закономерные связи объективного мира, отображенные в соответствующих понятиях, категориях, становятся средством решения вопросов, задач и т. д.» [Черкесов, 1962, с. 313]. При таком понимании многое остается неясным и непонятным: в каком смысле диалектика выступает как средство решения тех или иных вопросов, задач; каким образом она это делает; на чем основывается возможность и необходимость использования диалектики в научном исследовании; каковы пути ее применения в науке и т.д. [Столяров, 1983, с. 86].

Эта трудность в понимании функции диалектики как метода познания устраняется, если учитывать, что *диалектический метод не сводится к онтологическому учению о всеобщих свойствах и законах бытия, а представляет собой систему взаимосвязанных и осуществляемых в определенной последовательности познавательных действий (приемов) исследователя.*

Важно отметить, что в данном случае речь идет о таких познавательных действиях, которые, как показано в работах автора данной работы, связаны с *познавательным (мысленным) движением по объекту*: в процессе познания исследователь изучает объект в раз-

личных аспектах, в определенном порядке, делает предметом познания различные его стороны, получает о них некоторые знания. Например, в ходе познания какого-либо предмета исследователь от изучения свойств данного предмета может перейти к анализу его структуры, а затем к рассмотрению его генезиса и т.д. Предметом изучения становятся разные стороны объекта, и рассматривать их можно в различном порядке. Так, исследователь может изучать, например, только внешние свойства объекта или его внутреннюю структуру; абстрагироваться от изучения его изменений или, наоборот, сделать эти изменения объектом специального анализа; рассматривать качественные и количественные характеристики какого-либо процесса, не учитывая их связи, или, напротив, подвергнуть ее тщательному анализу и т.д. Различным может быть и порядок познавательных действий. В зависимости от того, какие стороны объекта изучает исследователь и в каком порядке он это делает, имеет место тот или иной способ мысленного (познавательного) движения по объекту [Столяров, 1972, 1983].

*Диалектический метод* как особый способ «мысленного (познавательного) движения по объекту – это система взаимосвязанных и осуществляемых в определенной последовательности познавательных действий (приемов) исследователя, которая зависит от особенностей изучаемых объектов, фиксируемых в обобщенной форме в категориях и положениях диалектики [Столяров, 1966 а, 1971 а, б, 1973 б, 1975 а, 1980 д, 1982 б, 1983; Stolyarov, 1979 а].

В работах А.А. Зиновьева [Зиновьев, 1962, 2000, 2002 а, б, 2006 б] дан научно обоснованный анализ *диалектических приемов мышления*. Впервые это сделано в его кандидатской диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному», которая защищена в 1954 г. «Требование “подходить к предметам диалектически” означает лишь самую общую и простую формулировку задач диалектического мышления. Оно говорит о том, что в предметах должен выявиться диалектик: “происхождение, противоречия, изменение” и т.д. Но задача эта может быть реализована лишь посредством обусловленных ею и специфических ей приемов (форм) мышления» [Зиновьев, 2002 а, с. 12]. В более поздней работе он эту же мысль выразил следующим образом: «Диалектика не сводится к учению о бытии. Она возникла и как совокупность приемов исследования, образующих целостный метод познания реальности. Что собой представляют эти приемы, фиксируется в серии онтологических терминов: органическое целое, клеточка, орган, простое, сложное, абстрактное, конкретное, закон, проявление, тенденция, развитие, качество, количество, мера, содержание, форма, сущность, явление, связь, взаимодействие, система и т.д. Частично эта терминология рассматривается в философии (как философские категории). Но при этом игнорируется почти полностью то, что с ними связаны определенные познавательные действия. Для описания этих действий помимо упомянутых понятий требуются также понятия, обозначающие эти действия как действия исследователей» [Зиновьев, 2006, с. 96–97].

Развернутое обоснование, конкретизация и дальнейшее развитие такого подхода к разработке диалектики как логики и методологии науки, а также анализ диалектических приемов мышления содержатся в докторской диссертации и публикациях автора данной работы [Столяров, 1966 а, 1971 а, б, 1973 б, 1975 а, 1980 д, 1982 б, 1983; Stolyarov, 1976 а, б, 1978 а и др.].

Логической формой, в которой реализуется применение диалектики в качестве метода исследования объективно данной действительности и средства построения соответствующей ей науки, является *метод восхождения от абстрактного знания к конкретному*. Система составляющих его приемов диалектического мышления впервые проанализирована в указанной диссертации А.А. Зиновьева [Зиновьев, 2002 а]. Характеристика этого метода дается и в его последующих работах [Зиновьев, 1962, 2000, 2002 б, 2006 б; Zinovev, 1958]. Важными составляющими метода восхождения от абстрактного к конкретному являются логический и исторический методы. В работе Б.А. Грушина «Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения)» [Грушин, 1961] дан анализ приемов диалектического мышления, используемых в процессе исторического исследования. Этот анализ продолжен в публикациях автора [Столяров, 1963, 1964 б, 1966 б, 1973 а, 1975 а, 1987 д; Stolyarov, 1971 и др.].

Как обосновано в указанных работах, диалектический метод имеет огромное значение при изучении объектов, которые представляют собой сложную изменяющуюся и раз-

вивающуюся систему. Но именно с такими объектами имеет дело философия спорта и телесности человека (равно как и другие науки, изучающие эти социокультурные феномены). Поэтому при анализе проблем этой философской дисциплины крайне важным и актуальным является применение диалектического метода и таких его компонентов, как метод восхождения от абстрактного к конкретному, системный и комплексный методы, логический и исторический методы и т.д.

Забвение основных положений и принципов этого метода приводит к существенным ошибкам в понимании спорта и телесности человека, их *социальной сущности*. Не учитывая диалектический принцип историзма, нередко считают, например, что социальные функции, роль и значение спорта предопределены его извечной, независимой от каких-либо обстоятельств и условий «природой», что спортивная деятельность всегда, безотносительно к конкретным условиям, в силу самой своей «природы» имеет гуманистическую ценность, что спорт обладает такими имманентными, внутренне присущими ему качествами, которые автоматически делают его фактором укрепления мира, что гуманистический культурный потенциал спорта всегда реализуется в полной мере и т.д. Такого рода *антиисторизм*, как будет показано ниже, проявляется и в понимании телесной (физической) культуры.

Несоблюдение принципов диалектического метода приводит и к другим ошибкам в понимании спорта. Так, не учитывая диалектический принцип, требующий разграничения «*возможности*» и «*действительности*», не различают потенциальные возможности спорта (с точки зрения его воздействия на личность и социальные отношения) и то, насколько эти возможности практически реализуются, т.е. его реальную значимость. Несоблюдение диалектического требования *всесторонности рассмотрения* при оценке социальной значимости спорта приводит к тому, что абсолютизируют отдельные аспекты такого крайне сложного и противоречивого социально-культурного феномена, каким является спорт: из всего многообразия фактов и событий его реальной истории выхватывают лишь те, которые свидетельствуют о позитивной роли спорта, или, наоборот, акцент делают лишь на негативных, дисфункциональных явлениях в сфере спорта, связанных с насилием, агрессивностью, межнациональными конфликтами и т.п. Вместе с тем нередко встречается *эксцентрический подход* к оценке социального значения спорта: констатируется, с одной стороны, его позитивная (в гуманистическом плане) роль для личности и социальных отношений, а с другой стороны – связанные с ним антигуманные явления, и ограничиваются этой констатацией без дальнейшего анализа, не пытаясь, как это вытекает из требований диалектического метода, объяснить, почему, под воздействием каких факторов спорт может играть и действительно играет столь противоположную роль.

Таким образом, в данной и других публикациях автора отстаивается положение о том, что процесс анализа предельных оснований спорта и телесности человека, формулируемые понятия, гипотезы, положения, теории и т.д. прежде всего должны соответствовать *научным принципам, требованиям современной логики и методологии научного познания*, особенно *диалектического метода* и таких непосредственно связанных с ним методов, как *метод восхождения от абстрактного к конкретному, системный метод, логический и исторический методы*.

### 3.3. Идеи, идеалы и ценности гуманизма

Философский анализ предельных оснований спорта и телесности человека предполагает определенную *оценку* постановки и решения тех проблем, которые связаны с этим анализом.

Авторская позиция в этом плане состоит в том, что при такой оценке в первую очередь должны приниматься во внимание идеи, идеалы и ценности *гуманизма*.\*

Само понятие гуманизма нуждается в разъяснении и уточнении, так как на протяжении веков термин «гуманизм» имел массу значений и весьма неопределенно использовал-

---

\* Характеристику гуманизма, его исторических форм и современных проблем см. в: Бердяев, 1997; Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2002; Волков, 1995; Гивишвили, 2001, 2003; Гуманизм... 1997; Кормазева, Передельский, 2010; Манифест, 2000; Маритен, 1994; Наука и гуманизм, 2000; Современный гуманизм... 2000; Фролов, 1989; Фромм, 1986, 1994; Хайдеггер, 1994; Человек... 1990; Человеческое развитие... 2000; Braisted, 1975. Проблемы гуманизма в современный период постоянно обсуждаются на страницах журнала «Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов».

ся многими философами, социологами, психологами, педагогами в гуманитарных науках, политике, образовании. «Гуманизм, – пишет по этому поводу А.В. Прокофьев, – может быть самое значительное и при этом наименее определенное понятие из идейного арсенала продолжающейся и поныне исторической эпохи. Многообразие интерпретаций говорит не столько о смысловой пустоте слова, сколько о той его магической притягательной силе, что властно понуждает мыслителей самоопределяться в попытках уловить его истинное значение» [Прокофьев, 2001, с. 55].

С учетом различных подходов к пониманию гуманизма выделим и уточним то его понимание, которое в органической связи с научным подходом используется автором в философском анализе предельных оснований физкультурно-спортивной деятельности и телесной культуры.

Как отмечает польский философ и социолог спорта З. Кравчик, неопределенность и многозначность термина «гуманизм» в определенной степени связана с тем, что в его основе лежат четыре слова: греческое слово *“homo”* и латинские – *“humanus”*, *“humanitas”* и *“humaniora”*. Все эти слова весьма многозначны, а кроме того, могут употребляться в двух вариантах – описательном (аксиологически нейтральном) и нормативном (оценочном). Слово *“homo”* означает «человек» и может пониматься как часть рода человеческого или как индивид, принадлежащий к этому роду. Слово *“humanus”* означает «человеческий». Оно может употребляться в нейтральном смысле и в этом случае обозначает «принадлежащий к роду человеческому», «являющийся элементом этого рода», «являющийся продуктом или проявлением деятельности людей». Но слово *“humanus”* можно понимать и в аксиологическом смысле. В этом случае оно подразумевает «степень человечности поведения, которое оценивается положительно», и используется для различения достойных и недостойных действий человека (последние оцениваются как «нечеловечные»). То же относится и к слову *“humanitas”*. Его можно использовать в описательном (аксиологически нейтральном) смысле как «человечество» или «род человеческий». Но данное слово, употребленное в значении «человечности», может ассоциироваться с определенными признаками конкретного человека или социальной группы, заслуживающими похвалы и награды в социальном смысле. В этом случае оно истолковывается как оцениваемое положительно. Наконец, под словом *“humaniora”* понимают культурные достижения греческой и римской античной культуры, прежде всего собрание философских и литературных произведений, в которых сформулированы основные принципы античного гуманизма. В истории социально-философской мысли эти принципы определялись и структурировались по-разному в зависимости от уровня знаний античности и идейно-теоретической ориентации исследователей [Кравчик, 1996, с. 5].

Н.А. Бердяев, характеризуя многозначность слова «гуманизм», указывал на то, что первоначально в эпоху Ренессанса оно означало обращение к античной культуре, изучение греко-римской культуры и языка, а в XIX веке получило смысл человечности, гуманного отношения к человеку, что иногда определяется словом «гуманитаризм». Вместе с тем, по его мнению, можно дать обобщающий смысл гуманизму: «Гуманизмом я буду называть признание высшей ценности человека в жизни мира и его творческого призвания» [Бердяев, 1997, с. 64]. Идею гуманизма о том, что именно *человек* (а не техника, не прибыль, не вещное богатство, не власть, не наука и т.п.) является «альфой и омегой» общественного развития сформулировал еще Сократ: «Человек является высшей ценностью».

В соответствии с такой исходной парадигмой человек рассматривается как *цель* различных сфер общественной жизни (науки, техники, искусства, спорта и др.) и общественного развития в целом. Как отмечал И. Кант, и для других людей человек может быть только целью, но никогда не средством: «Во всем сотворенном все, что угодно и для чего угодно, может быть употреблено *всего лишь как средство*; только человек, а с ним каждое разумное существо есть *цель сама по себе*» [Кант, 1965, с. 414].

Еще одно важное положение концепции гуманизма: человек – не только цель, но и *критерий (мера) оценки* всех социальных процессов, явлений, сфер общественной жизни. Вспомним классическое высказывание Протагора: «Человек – мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют» и высказывание Демокрита: «Мудрый человек есть мера всего, что существует». В соответствии с этим положением гуманным признается все то, что в деятельности общества и личности «работает» *на человека*. В то же время даже самая высокоорганизованная, технически со-

вершенная деятельность, если она направлена против человека (его существования, его счастья, его самореализации), рассматривается как антигуманная – в какой бы форме и в какой бы сфере она ни проявлялась – военной, производственной или досуговой [Быховская, 1989, с. 26].

Вместе с тем важно не допускать абсолютизации положения гуманизма о человеке как высшей ценности, чтобы такое понимание человека не перерастало в эгоизм и нарциссизм [Gure, 1988, p. 39], а также не приводило к антропоцентризму (признание человека центром и высшей целью мироздания), который «может способствовать формированию антиэкологического характера человеческой деятельности, поскольку другие проявления бытия считает низшими и по отношению к ним допускает любые разрушительные, деструктивные действия» [Глобалистика, 2003, с. 41]

Очень важным является и вопрос о том, с каких позиций оценивается сам человек, а потому и *позитивная роль* того или иного явления для него. С этой точки зрения гуманизм признает позитивным (гуманным) лишь то, что служит не просто человеку, а «культивированию *человечности*» в человеке, развитию «человечных качеств человека» (*studium humanitatis*) [О человеческом, 1991; Печчеи, 1980; Рожанский, 1991; Человек... 1990].

Уже в античности было осознано и передано Новому времени через Возрождение положение о том, что для гуманизма основным в человеке является «человечность» («humanitas»), «человеческое начало». В эпоху римской республики «человечный человек» (*homo humanus*) противопоставлялся «варварскому человеку» (*homo barbarus*). Цицерон рассматривал «человечность» («humanitas») как специфическое свойство человеческой природы, как этическое начало поведения людей и называл «гуманистическим» состояние эстетически и нравственно завершенной эволюции «*подлинно человеческого*» индивида. Дж. Брунер по поводу такой гуманистической позиции пишет в своей работе «Психология познания»: «Три вопроса повторяются неизменно: что в человеке является собственно человеческим? Как он приобрел это человеческое? Как можно усилить в нем эту человеческую сущность?» [цит. по: Социология: энциклопедия, 2003, с. 892].

Несмотря на некоторые изменения в истолковании понятия «человечности» в процессе развития гуманизма, в основных своих пунктах оно оставалось неизменным\*. Как отмечал известный историк мировой культуры Н.И. Конрад, в известных с давних пор гуманистических представлениях в процессе развития гуманизма менялось не столько общее содержание, сколько объем и доминанта [Конрад, 1972, С. 481].

Гуманистическое представление о «человечности» включает в себя определенный идеал личности и социальных отношений (отношение человека к другим людям, а также взаимоотношения стран, народов, наций и т.п.).

Идеал личности – это представление о том, какими качествами должен обладать человек, который рассматривается как «наилучший», «совершенный», «образцовый» человек. Различные культуры предлагали свои проекты такого человека. В конфуцианстве – наиболее влиятельной ветви китайской культурной традиции – в качестве идеала выступает образ «благородного мужа», в даосской культурной традиции ключевой метафорой идеала «совершенного человека» выступает зеркало, в исламской духовной традиции «совершенный человек – это «путник тайны», в концепции современного олимпизма – олимпиец и т.д. [Веряскина, 2004; Киященко, 1988; Королев, 2009; Савицкая, 1990; Совершенный человек... 1997 и др.]. Специфическими чертами наделяет человека современная постмодернистская концепция [Огурцов, 2001].

Гуманистическая концепция человека основывается на результатах анализа комплекса проблем:

- соотношения *социального и биологического, телесного (физического) и духовного (нравственного)* в человеке [Античная... 2002; Анцыферова, 1982; Батенин, 1976; Билинский, 1998; Брушлинский, 1974; Дубинин, 1972; Лосев, 1960; Рожанский, 1991; Смирнов, 1984; Соотношение... 1981; Тарасов, Черненко, 1979; Lipiec, 1999a; Nikolaou, 1986; Paleologos, 1977, 1978, 1985; Steinhaus, 1961; Szymiczek, 1972; Young, 2005];

- альтернативы *конформного* (согласного, некритического) или *нонконформного* (критического) отношения индивида к социуму в концепции «одномерного человека» Г. Маркузе [Маркузе, 1986];

---

\* О происхождении человечности см.: Шадриков, 1999.

- альтернативы «обладания и бытия», двух модусов человеческого существования в работах Э. Фромма [Фромм, 1986];

- проблемы, обсуждаемой в концепции интервальной антропологии, о возможности и необходимости *интеграции различных подходов* к пониманию сущности человека [Лазарев, Брюс, 2001];

- проблемы соотношения *узкой специализации и всесторонней реализации способностей* человека, поставленной в работах К. Маркса и ставшей предметом оживленных дискуссий ученых, особенно в марксистской литературе [Волков, 1984, 1985, 1995; Зеленов, 1988 а; Зеленов, Кеда, 1966; Ильенков, 1968; Кветной, 1970; Краева, 1999; Научно-технический... 1983; Репина, 1989; Сеилерова, 1988; Соколова, 1992; Хачатрян, 1990; Stolyarov Vitali, 1988 и др.].

Постановка и философский анализ всех этих проблем позволяет прийти к выводу о необходимости понимания сущности человека как *целостного, многомерного, универсального* по своей «природе» [Бекарев, 1982; Волков, 1985; Волков, Поликарпов, 1998; Гармонический... 1965; Гарпушкин, 2002; Гуревич, 2004; Гуцаленко, 1988; Зеленов, 1988 б, 1991; Ильенков, 1968; Лазарев, Брюс, 2001; Мисуно, 1988; Многомерный образ... 2001; Мухаметлатыпова, 1988; Проблемы развития... 1984; Станкевич, 1989; Шимин, 1995]. Такое понимание человека, которое является главенствующей идеей европейской культуры [Тавризян, 1983, с. 76], обосновывают человековедение (антропология), общая теория человека, философская антропология (философское учение о человеке) и другие гуманитарные дисциплины [Антропология... 1991; Губин, Некрасова, 2000; Гуревич, 1997; Марков, 1997; Сборник... 1971; Степин, 1992 и др.]. Гуманистическое понимание человека как *целостного* («многомерного») противопоставляется его пониманию как «частичного» («одномерного»).

Опираясь на понимание человека как целостного, многомерного, универсального по своей природе, гуманизм признает необходимость не *частичного*, а *целостного* развития личности, которое понимается как ее *многостороннее* (противопоставляемое *одностороннему*) развитие.

Однако «частичность» («одномерность», «односторонность») человека и развития личности понимается по-разному, в связи с чем в различных гуманистических концепциях, как будет показано ниже, неоднозначно трактуется и противоположное качество – «целостность» («многомерность», «многосторонность»).

К числу качеств, характеризующих *целостно* развитую личность, общепринято относить нравственность, эстетическую культуру, физическое совершенство, свободу, достоинство, творчество, способность к самопознанию, самореализации, самопреодолению, саморазвитию – «открывать в себе свою собственную суть», «превосходить себя», «подниматься выше себя» и т.п. [Кувакин, 1998; Печчеи, 1980; Рожанский, 1991; Человек... 1990]. Ж. Маритен, кратко характеризуя гуманизм, оценил его как требование, чтобы «человек развил заложенные в нем возможности и творческие потенции, укрепил жизнь разума, чтобы он трудился, превращая силы физического мира в инструмент своей свободы» [Маритен, 1994, с. 53]. По мнению М. Хайдеггера, гуманизм есть «озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство» [Хайдеггер, 1993, с. 196]. Международный гуманистический и этический союз определяет гуманизм как «демократическую, нетеистическую и нравственную жизненную позицию, утверждающую право и долг человеческих существ самим определять смысл и образ собственной жизни» [Тилман, 1997, с. 76]. К развитию указанных «человечных» качеств и способностей целостно развитой личности призывали еще гуманисты античности [см.: Рожанский, 1991]. Им принадлежат, в частности, такие известные древние изречения: «*Познай самого себя*» (лат.: “*Nosce te ipsum*”), которое было высечено на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах в качестве призыва к каждому входящему со стороны бога Аполлона, и «*Победи самого себя!*» (“*Te ipsum vincere!*”) или «*Нет большей победы, чем победа над собой!*» (Платон).

Гуманистический идеал предполагает не только *целостное* (многостороннее, а не частичное) развитие личности, но также *гармоничную* (пропорциональную) развитость различных ее качеств и способностей.

Значит, гуманизм означает приоритетное утверждение ценности человеческой личности, признание ее права на свободное и полное, а также гармоничное развитие всего комплекса своих сил и творческих способностей.

Признание необходимости целостного и гармоничного развития личности в полной мере соответствует идеалам и ценностям гуманизма, ибо *только при таком ее развитии реализуется главный принцип гуманистической концепции*: человек, его развитие является высшей социальной ценностью, а не средством решения производственных, научных, технических, спортивных или иных социальных задач.

В этом плане следует критически отнестись к позиции постмодернистской философии, в которой происходит отказ от целостного понимания человека и развития личности. Как отмечает П.С. Гуревич, в этой философии «завершается эпоха прославления человека-гуманизма... Человек в постмодернизме утрачивает целостность, которая отличается именно строгой структурой, симметричностью, четкостью. Понятие целостности утрачивает свою ценность как некий идеал и подменяется другими словами: “комплексность”, “сборка”, “единство”» [Гуревич, 2009].

Как отмечено выше, гуманистическое представление о «человечности» включает в себя определенный идеал не только *личности*, но и *социальных отношений* (отношения человека к другим людям, а также взаимоотношения стран, народов, наций).

Суть гуманистического отношения человека к другим людям выражает «золотое правило гуманизма»: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе». Это правило более двух с половиной тысячелетий назад вывели три древнегреческих мудреца. Клеобул: «Что ненавидишь, не желай другому». Питтак: «Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам». Фалес на вопрос: «Как прожить самую лучшую и праведную жизнь?» ответил: «Не делай того, что порицаешь в других». Древнеиндийский учитель законов Хилел советовал: «Не делай никому того, чего не хочешь, чтобы было сделано тебе». О том же говорил Конфуций. И в Евангелии от Матфея сказано: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». В Новое время английский философ Т. Гоббс утверждал, что золотое правило – это «закон, объемлющий все прочие законы». А его соотечественник и современник Д. Локк был убежден в том, что золотое правило – «самое непоколебимое нравственное правило и основа всякой общественной добродетели» [Балашов, 1997, с. 55–65; Гивишвили, 2003, с. 62].

В плане *взаимоотношения* стран, народов, наций фундаментальными в рамках гуманистически ориентированной культуры и системы воззрений традиционно считаются такие ценности, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, взаимообогащающее общение и т.п.

Таким образом, гуманизм – такая система воззрений, общая жизненная ориентация и установка в отношении мира, людей и поведения отдельного человека, которая признает ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, всестороннее развитие и проявление своих способностей. Гуманизм считает критерием оценки социальных институтов и процессов благо человека, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми. Как нормативная модель жизни гуманизм выступает против дегуманизации общества, отчуждения и деградации человека, разных форм его овеществления и порабощения [Кравчик, 1996, с. 6–7; Allisson, 1988, p. 21]. Особенно важно иметь в виду, что «гуманизм отнюдь не сводится к абстрактной любви к людям, но является мощной движущей силой истории, общим цивилизационным фактором, проникающим собой экономику и политику, нравственность и право. При ближайшем рассмотрении оказывается, что гуманизм является программой как социального развития, так и личностного роста, технологией жизненного успеха и творчества, что он учит не только совершенствованию, но и мужеству, стойкости и гражданской зрелости» [Кувакин, 2003, с. 4].

В ходе развития общества, особенно в XX столетии и в настоящее время, обнаружились серьезные трудности *в практической реализации* провозглашаемых идей, идеалов и ценностей гуманизма в сфере образования, воспитания, организации досуга населения и т.д. Проявляется ряд тенденций, серьезно затрудняющих целостное развитие личности: «абстрагирование современного человека от эмоционального, чувственного восприятия природы, значительное обеднение связей с ней, выхолащивание из отношения людей к окружающему элементу наглядности, конкретности, определенная «ирреализация» человеческих связей, их все более широкий, но при этом все более опосредствованный характер, отсутствие человека-«партнера»; отсюда снижение доли побуждений нравственности, эмоциональных реакций и т.п. [Тавризян, 1983, с. 74]. Еще большие трудности касаются реализации гуманистических идеалов и ценностей в системе социальных отношений.



В этой ситуации встречаются попытки принципиального *отказа* от идей гуманизма как якобы устаревших, не соответствующих современным социокультурным и экономическим условиям, замена идеалов и ценностей гуманизма, с одной стороны, идеями *пост-модернистской идеологии*, которая «нацелена на радикальное изменение сознания и на культурную революцию» [Rapp-Wagner, 1997, s. 169-170], а с другой – *прагматическими, технократическими* принципами.

Анализируя причины отказа от идей, идеалов и ценностей гуманизма, критики их роли и значения в современных условиях, В.А. Лекторский [Лекторский, 1994] отмечает, что рассуждения на эту тему часто воспринимаются либо как прекраснотушние, утопизм, не имеющий отношения к реальной жизни, либо как сознательное вуалирование негуманной и антигуманной действительности, либо как оправдание той или иной системы идей, которая несет ответственность за какие-либо негативные социальные явления. Так, распространено мнение о том, что гуманистические слова, которыми оперировала официальная идеология в нашей стране в течение многих десятилетий, использовались с целью сознательного обмана, прикрытия антигуманной репрессивной практики тоталитарного режима. Полагают, что принцип и идеалы гуманизма не имеют никакого отношения и к тому, что сегодня имеет место в нашей жизни: рост утилитаризма в его самых эгоистических формах, аморализм, коррупция, агрессивность, жестокость, насилие, всплеск воинствующего национализма в большинстве республик бывшего Советского Союза и даже локальные войны. Рассуждения о гуманизме являются либо прекраснотушным, полным непониманием реальной жестокой действительности, либо же сознательным лицемерием. По мнению некоторых критиков гуманизма, крушение социализма в XX столетии свидетельствует о крахе не только марковского гуманистического проекта, но идеала гуманизма вообще, как он сложился в европейской культуре и философии Нового времени.

Полагают, что «гуманизм как идеал и ориентир жизнедеятельности потерпел поражение везде, так как привел к разрыву между человеком и бытием, к отчуждению от человека созданной им и закабалившей его научно-технической реальности, к потере жизненных и культурных корней, к обесмысливанию мира». С такого рода критикой выступил, например, Хайдеггер в его знаменитом «Письме о гуманизме». Критики гуманизма любят приводить и высказывание русского философа С. Франка, сделанное в 30-е г., в котором крах гуманизма прямо связывается с крахом социализма. «Именно крушение социализма в самом его торжестве, – писал С. Франк, – образует какой-то многозначительный поворотный пункт в духовной жизни человечества, ибо вместе с социализмом рушатся и его предпосылки – та гуманистическая вера в естественную доброту человека, в вечные права человека, в возможности устройства, земными человеческими средствами, земного рая, которая в течение последних веков владела всей европейской мыслью» [Франк, 1992. Цит. по: Лекторский, 1994, с. 23]. На этом основании высказывается мнение о том, что следует не только отказаться от гуманистической фразеологии как затемняющей реалии жизни, но и подвергнуть критике сам идеал гуманизма, поскольку его принятие приводит к негативным последствиям.

Разговоры о гуманизме действительно играли, да, и сейчас иногда выполняют роль идеологического прикрытия антигуманной реальности\*.

Нуждается в критическом переосмыслении не только марковское понимание гуманизма, но и современный идеал гуманизма в целом. Так, например, в настоящее время, когда человечество вплотную подошло к экологической катастрофе, когда предельно ясны все страшные последствия утопических претензий на тотальное управление социальными процессами, гуманистический идеал предусматривает отказ от идеи овладения, подавления и господства над природой. «Новому пониманию отношения природы и человечества соответствует не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности известным нашим ученым Н.Н. Моисеевым, идея коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношения равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге... Свобода как неотъемлемая характеристика гуманистического идеала мыслится не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной

---

\* В определенной степени эту функцию выполняет гуманистическая концепция олимпизма, которая, как будет показано ниже, во многом противоречит реалиям современного олимпийского, спорта.

культуры, с социальными процессами, даже с нерефлексируемыми и “непрозрачными” процессами моей собственной психики» [Лекторский, 1994, с. 27].

Но на этом основании ни в коем случае нельзя делать вывод о необходимости отказа от социально-культурных идеалов вообще и от идеала гуманизма в частности: «Дело обстоит как раз наоборот: именно трезвый и реалистический анализ человека, его культурного и социального мира свидетельствует о неустранимой роли идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся человеческая деятельность теряет смысл и критерии оценки и потому становится невозможной» [Лекторский, 1994, с. 24].

Во-первых, глобальные проблемы и трудности, с которыми столкнулось человечество уже на пороге XXI в., породили стремление не только *декларировать* гуманистические идеи, но и добиваться их практической *реализации* во всех сферах жизни людей. Все более ясно осознается, что, если человечество хочет выжить, оно должно в современной системе ценностных координат на первый план выдвинуть общечеловеческие гуманистические ценности [Моисеев, 1994, 1998; Раймерс, 1992; Рерих, 1990; Степин, 1994; Субetto, 1999 и др.]. «Измениться или исчезнуть» – так сформулировал эту альтернативу основатель Римского клуба А. Печчеи. Конечно, социальная организация разных государств, поведение многих людей, групп, наций в весьма неодинаковой мере воплощают эти ценности. Однако крепнет убеждение в том, что любое современное общество должно с максимальной последовательностью направлять свои усилия на реализацию гуманистических идей и принципов, если оно хочет обеспечить более высокую степень динамизма и стабильности своего развития, более высокий уровень благосостояния и благоустроенности жизни большинства своих членов, сделать их отношения более цивилизованными, а их самих более здоровыми и физически, и нравственно.

Проведенный группой известных специалистов – социологов, экономистов и др. – анализ путей преодоления Россией тех трудностей и проблем, с которыми она сталкивается в настоящее время, привел к выводу о том, что именно «реализация возможностей гуманистического развития... является составной частью стратегического ответа России на вызовы нового века... Именно гуманизация позволяет вдохнуть в общество силы, способные осуществить назревшие перемены. ... Важен вектор перемен, его ориентиры и очередность решаемых задач... Таким вектором служит гуманизация развития, активизация человеческого потенциала» [Гуманистические ориентиры... 2002, с. 385]. В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. указывается, что «школа – в широком смысле – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности» [Концепция модернизации... 2002]. Тем самым «в нашей стране идея гуманизма заявлена в качестве основы обучения и воспитания, как важнейшая духовная составляющая и системы образования, и общественной атмосферы в целом» [Кувакин, 2003, с. 3].

Вот почему в настоящее время не только продолжают, но и активизируются *поиски* инновационных, эффективных и адекватных новым условиям путей средств, форм и методов реализации идеалов и ценностей гуманизма [см., например: Allisson, 1988; Braisted, 1975].

Важную роль в пропаганде идей гуманизма и поиске путей их реализации играют *Международный гуманистический и этический союз, Международная академия гуманизма* и в целом *мировое гуманистическое движение*. Например, в ноябре 1996 г. в Мексике состоялся тринадцатый конгресс этого движения, который собрал беспрецедентное число участников, особенно из развивающихся стран. Общая тема конгресса – «Глобальный гуманизм кибернетического века».

В нашей стране создано (в 1995 г.) *Российское гуманистическое общество* (межрегиональная общественная организация содействия гуманизму), которое издает журнал «Здравый смысл», проводит семинары и международные конференции, посвященные современным проблемам гуманизма. Члены общества на основе специально разработанных программ преподают основы современного гуманизма в различных учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга и многих других регионов России.

В Российском государственном университете физической культуры, спорта, молодежи и туризма в 2007 г. по инициативе автора создан *Спартианский гуманистический центр*, который занимается разработкой и реализацией идей, идеалов и ценностей гума-

низма в системе оздоровления, воспитания, организации досуга детей и молодежи [Столяров, 2007 а].

Во-вторых, в настоящее время создаются *реальные условия* для практической реализации идей, идеалов и ценностей гуманизма: те изменения, которые происходят в рамках современной цивилизации и которые означают переход от ее односторонне технологического характера к какому-то иному качеству, предполагают возрастание возможностей отдельного индивида, что «создает предпосылки для реальной гуманизации человеческого мира» [Лекторский, 1994, с. 25].

В-третьих, по-видимому, вообще «неустранима роль идеалов, систем ценностей и нравственных ориентиров в развитии общества и отдельного человека», и потому «отказ от идеалов и идей гуманизма означает признание исторического поражения человека как такового» [Хайдеггер, 1993, с. 64].

Идеи гуманизма исторически менялись [Бердяев, 1997; Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2002; Гуманизм... 1997]. В каждый исторический период, в каждую эпоху на первый план выходят те или иные положения гуманистической концепции как наиболее важные для этого времени.

В древности речь шла главным образом о концепции гармонично (целостно) развитого человека, который живет в «идеальном» обществе и активно формирует это общество. В эпоху Возрождения на передний план выходят иные гуманистические идеи – свободомыслие и индивидуализм в сфере сознания и реального поведения человека. «Гуманизм есть, во-первых, типичное для Ренессанса *свободомыслящее сознание и вполне светский индивидуализм*, – писал по этому поводу А.Ф. Лосев. – Во-вторых, это не просто светское свободомыслие, но общественно-политическая, гражданская, педагогическая, бытовая, моральная и иные *практические* стороны этого свободомыслия» [Лосев, 1978, с. 109].

Французская революция принесла обновление гуманизма в виде таких лозунгов, как свобода, равенство и братство, а также идеи гражданского общества. Для XIX и XX вв. характерны гуманистические проекты «совершенствования» общества, а значит, и человека, путем эволюции или революции – главным образом экономической, политической или моральной, а также появление таких гуманистических идей, как мир без войны, самоопределение национальных сообществ, международное взаимопонимание.

В XX в. обнародован ряд гуманистических документов: Гуманистический манифест I (1933), Гуманистический манифест II (1973), Декларация светского гуманизма (1980), Декларация взаимной зависимости (1988) и Манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму (1999). В них отражены современные подходы к трактовке идей гуманизма и путей их реализации. *Гуманистический манифест I* появился в 1933 г. в пик всемирной экономической депрессии и был подписан 34 американскими гуманистами (в том числе философом Джоном Дьюи). В качестве альтернативы современным религиям в нем выдвигался нетеистический религиозный гуманизм, отстаивались принципы государственного экономического и социального планирования. *Гуманистический манифест II* выпущен в 1973 г. как отклик на новые реалии, возникшие на мировой арене за прошедший период: распространение фашизма и его поражение во Второй мировой войне, рост силы и влияния марксизма-ленинизма и маоизма, холодная война, послевоенное экономическое восстановление Европы и Америки, создание Организации Объединенных Наций, сексуальная революция, подъем женского движения, борьба социальных меньшинств за равноправие, возникновение студенческого самоуправления в университетских городках. Под манифестом стояли имена многих ведущих мыслителей и общественных деятелей всего мира, среди которых был известный советский диссидент Андрей Сахаров. Манифест защищал человеческие права во всемирном масштабе, отстаивал право на передвижение за пределами государственных границ, права меньшинств, женщин, престарелых, детей, подвергающихся жестокому обращению, и неимущих, выступал за мирное разрешение имеющихся противоречий, осуждал расовые, религиозные и классовые антагонизмы, призывал покончить с террором и взаимной ненавистью. В манифесте уже не делалась ставка на плановую экономику; предполагалось, что вопрос о планировании может решаться различно в разных экономических системах. Авторы Манифеста стремились демократизировать экономические системы и оценивать их, исходя из того, способствуют ли они росту экономического благосостояния отдельных людей и различных слоев населения.

В 1980 г. выпущена *Декларация светского гуманизма*. Необходимость в ней определилась жестокой критикой, которой подвергся гуманизм и в особенности *Гуманистический манифест II*, в частности, со стороны фундаменталистски настроенных религиозных и правых политических сил в Соединенных Штатах. Многие из критиков Манифеста утверждали, что светский гуманизм является своего рода религией. В *Декларации* обосновывалось положение о том, что светский гуманизм представляет собой комплекс моральных ценностей, нетеистическую философскую и научную точку зрения, которые не могут быть приравнены к религиозной вере и что светское государство должно оставаться нейтральным, т.е. не выступать ни в поддержку религии, ни против нее. В 1988 г. опубликована *Декларация взаимной зависимости*, призывающая к выработке новой всемирной этики и построению мирового сообщества в связи с быстрым ростом международных общественных институтов.

В 1999 г. президент Международной академии гуманизма Пол Куртц разработал и опубликовал проект «Манифеста 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму». В нем отмечается, что в настоящее время человечество обладает средствами – этим оно обязано науке и технике – способными улучшить условия существования человека, приблизить его счастье и свободу, обеспечить на планете достойную жизнь для *всех* людей. Вместе с тем здесь указывается комплекс тех проблем, с которыми сталкивается человечество в настоящее время и предпринята попытка сформулировать пути их решения [Манифест 2000].

В конце XX – начале XXI в. человечество столкнулось с комплексом проблем, ставящих под вопрос само его существование. Растущее неравноправие между народами и внутри них, нищета, болезни, неграмотность, концентрация загрязнения окружающей среды, культивирование жестокости и насилия, распространение различных форм экстремизма (агрессивного национализма, терроризма, тоталитарных сект и т.п.), сепаратизм, массовые проявления духовной деградации в форме наркомании, проституции, утраты духовно-нравственных ориентиров в искусстве и образовании, острые проявления отчуждения и маргинализации личности свидетельствуют о социокультурном, духовно-нравственном, экологическом кризисе.

С учетом этой ситуации усилиями ученых и общественных деятелей разработаны концепция устойчивого развития [Ващекин, Мунтян, Урсул, 2002; Вебер, 1997; Данилов-Данильян, Лосев, 2000; Культура и устойчивое... 2002; Новая парадигма... 2000; Устойчивое развитие... 2003; Meadows D.H., Meadows D.L., Randers, 1992] и концепция культуры мира [Культура мира и устойчивое развитие... 2002; Культура мира и демократии, 1997; Культура мира... 1999; Общественные перемены... 1999; Чубарьян, 1997], дополняющие гуманистическую идею целостного развития личности.

Устойчивое развитие стало предметом обсуждения с момента публикации в 1989 г. доклада «Наше общее будущее», подготовленного для ООН в 1987 г. специально созданной в 1983 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development), возглавляемой премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд. Комиссия ввела термин «устойчивое развитие» для обозначения социального развития, не подрывающего природные условия существования человеческого рода. Согласно определению Комиссии, это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Данное определение было канонизировано в решениях Конференции ООН по окружающей среде и развитию – ЮНСЕД (Рио-де-Жанейро, 1992). Утвердившийся русский перевод исходного английского термина (англ. sustainable development) не вполне адекватен смыслу последнего: «сбалансированное», «подкрепляемое», «непрерывно поддерживаемое», «самоподдерживающееся» и т.п. развитие.

Концепция устойчивого развития возникла прежде всего на основе осознания угрожающего истощения природных ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды и как следствие возможности экологической катастрофы, которой грозит обернуться человеческая деятельность: мировая окружающая среда может не вынести тех изменений, которые нужны для того, чтобы обеспечить населению каждой страны материальное благополучие, подобное тому, которым обладают люди развитых индустриальных стран. Поэтому первоначально в данной концепции на первом плане оказались проблемы загрязнения окружающей среды и угрозы глобального экологического кризиса, ресурсных ограничений экономического и демографического роста.

Однако в дальнейшем все более утверждалось понимание того, что важным аспектом устойчивого развития является социальное основание, связанное с поляризацией богатства и бедности, проблемами безработицы, «старения» населения, сокращения разрыва в уровнях экономического развития различных стран и благосостояния их населения, безопасности, в том числе от терроризма и преступности, и т.д. Как экологическая, так и экономическая устойчивость в конечном счете предполагают переход к социально устойчивому развитию, которое обеспечивает лучшее качество жизни для всех групп населения и всех стран. Значит, обеспечение такого развития предполагает решение комплекса социальных, экономических, демографических, научно-технических и иных проблем современной цивилизации. Переход к устойчивому развитию предусматривает радикальное изменение системы ценностей культуры, сдвиги в мировосприятии, в стереотипах поведения, в жизненных установках людей. Для этого необходима существенная модернизация форм и методов образования и воспитания.

Поэтому общепризнано выделять три основания концепции устойчивого развития: социальный, экономический и экологический. Это развитие призвано гармонично и взаимосвязанно обеспечить социальное равенство, высокий жизненный уровень населения, качество жизни, экономическое развитие и защиту окружающей среды. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996) подчеркивается, что «устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы». Оно призвано обеспечить сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды, а также природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. В документе ООН «Johannesburg Summit 2002» приведено аналогичное определение.

Принцип устойчивого развития получил поддержку ООН: 2-я Конференция ООН по окружающей среде и развитию (КОСР-2, Рио-де-Жанейро, 1992), в которой участвовали представители 179 стран, включая многих глав правительств и государств, перевела общую идею устойчивого развития в плоскость конкретных международных обязательств и планов. Одобренная КОСР-2 программа действий («Agenda 21» – «Повестка дня на XXI век») предлагает более 100 целевых проектов для правительств, предпринимательских и общественных кругов всех стран.

На Саммите тысячелетия (Нью-Йорк, сентябрь 2000 г.) и в «Декларации тысячелетия» мировые лидеры вновь заявили о поддержке принципов устойчивого развития, изложенных в «Повестке дня на XXI век», указали на необходимость изменить в интересах будущего «неустойчивые модели производства и потребления», выразили озабоченность препятствиями, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в деле мобилизации ресурсов для финансирования их устойчивого развития, объявили о решимости добиваться сокращения вдвое к 2015 г. доли населения Земли, живущего в крайней нищете, и ряда других подобных целей. При этом было подчеркнуто, что социально-экономические и экологические проблемы свидетельствуют не о недостатке производительных сил человечества, а о социокультурном, духовно-нравственном кризисе межнациональных и социальных отношений.

Осмысление проблем устойчивого развития привело к осознанию того, что одним из основных условий обеспечения устойчивости, безопасности и эффективного развития человечества является кардинальное изменение современной культурной парадигмы, которая на всех своих уровнях предполагает слишком много насилия. Важнейшее значение в этом плане приобретает формирование и развитие *культуры мира*.

Концепция культуры мира развита под эгидой ЮНЕСКО выдающимися деятелями образования, науки, искусства. Впервые она сформулирована в выступлениях и работах генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора [Майор, 1997].

В последние годы ООН и ЮНЕСКО приняли ряд важных документов, которые связаны с данной концепцией. В их числе: Резолюции «Культура мира» и «Провозглашение 2000 года Международным Годом культуры мира» (приняты по инициативе ЮНЕСКО 52-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1997 г.); «Декларация о культуре мира» и «Программа действий в области культуры мира» (приняты 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября 1998 г.); Резолюция «Международное десятилетие культуры

ненасилия и мира в интересах детей планеты (2001–2010 гг.) – принята 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 19 ноября 1998 г. и др. [см.: Культура мира... 1999].

Концепция культуры мира исходит из того, что для исключения войн из жизни общества или их предотвращения нужны глубокие изменения в культуре. Речь идет о том, чтобы *культуру войны*, в основе которой лежит ценностная ориентация на насилие, на решение конфликтов с помощью вооруженных средств, заменить на *культуру мира*.

Под культурой мира, как видно из самого ее названия, понимается культура, связанная с таким социальным явлением, как *мир*. Слово «мир» в зависимости от контекста имеет много значений. Часто оно употребляется в контексте выражения «мир, в котором мы живем» и обозначает «все то, что нас окружает», «вся планета», «все ее население» и т.п. В международном праве это слово используется для характеристики таких отношений между народами и государствами, которые основываются на проведении внешней политики ненасильственными средствами и предполагают отсутствие организованной вооруженной борьбы между государствами. В этике и морали слово «мир» применяется для характеристики отношений между людьми или для описания состояния души человека, часто определяемого как «внутренний мир». Слово «мир» используют также для описания условий, существующих внутри страны, общества, групп, организаций, социальных структур или между человеком и окружающей средой. Кроме того, «мир» – это название крестьянской общины в России XIII – начале XX вв. и т.д.

В концепции культуры мира *понятие «мир»* имеет ряд особенностей:

- слово «мир» используется для обозначения определенных *социальных отношений*, а не «всей планеты», «всего ее населения», как это часто делается;

- понятие «мир» характеризует определенные отношения не только между странами и государствами, но и между *различными социальными группами* внутри государств и народов;

- оно употребляется не в упрощенном, узком смысле, который ему часто приписывается – как одно лишь отсутствие вооруженного конфликта, войны –, а в более широком смысле: характеризует не только состояние, противоположное войне, но и *«положительный» мир*.

«Положительный» мир предусматривает не только *отсутствие войны*, а также инструментов войны и соответствующих организаций, разоружение и демилитаризацию, военную конверсию, но и полный *отказ от насилия*, неприятие и недопущение использования силы во всех ее формах в отношениях между государствами, между теми или иными группами, между отдельными людьми. Культ *ненасилия* является важнейшим и безошибочным показателем уровня нравственного развития человека и общества, а вместе с тем – «прагматическим императивом нашего времени» [Степин, 1999, с. 239].

Однако «положительный мир» не исключает конфликтов, под которыми понимают противоречия в чувствах, целях, ценностях, а также процесс разрешения этих противоречий, столкновение индивидов или сообществ, обусловленное их противоречащими друг другу интересами, претензиями, намерениями [Вилсон, Макклафлин, 1999, с. 28; Природа конфликта... 1999, с. 77; Розов, 1999, с. 4]. Для конфликтов существует бесчисленное множество потенциальных источников – экономические, природные и прочие факторы. Поэтому мир – это не просто утопическое отсутствие конфликтов, а такое «перманентное состояние, при котором имеется индивидуальная или коллективная способность к разрешению межличностных или межгрупповых конфликтов без применения силы» [Wachter, 1983, p. 255].

Основное средство ненасильственного разрешения всех конфликтов, разногласий, споров в условиях «положительного» мира – *диалог*. Диалог в концепции культуры мира понимается в самом широком смысле, включая диалог между культурами, между различными религиями и между разными национальными и этническими группами и отдельными людьми с целью обеспечить мир и взаимную безопасность. Он рассматривается как та первая, исходная стадия, которая должна предшествовать другим формам урегулирования конфликта.

Современное мировое сообщество изобилует расовыми, этническими, религиозными, культурными и языковыми различиями, и очень важно обеспечить мирное существование этого разнородного целого. Одна из самых серьезных и грозных опасностей, стоящих на пути становления и укрепления мира, – *нетерпимость*, которая проявляется в отрицании и подавлении различий между отдельными людьми и культурами. Такая позиция

индивида, социальной группы и особенно государства подрывает принципы демократии и приводит к нарушению индивидуальных и коллективных прав человека.

Не случайно 1995 г. по инициативе Генеральной конференции ЮНЕСКО был провозглашен годом Организации Объединенных Наций, посвященным терпимости. Основанием для этой акции стала озабоченность существованием и даже ростом ряда серьезных угроз для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Среди этих угроз были названы прежде всего следующие: этнонациональные конфликты; дискриминация в отношении меньшинств; акты ксенофобии, особенно против беженцев и мигрантов; деятельность расистских организаций и акты расового насилия; религиозный экстремизм; насилие и гонения против интеллигенции и других лиц, исповедующих свободу мнений и их выражения; нетерпимость со стороны политических движений и идеологий; нетерпимость, выраженная в маргинализации и исключении из общества уязвимых групп или в дискриминации и насилии против этих групп.

Вот почему особенно важное место в системе ценностей «положительного» мира концепция культуры мира отводит такой ценности, для обозначения которой в русском языке используются два слова с одинаковыми значениями: «толерантность» и «терпимость».

*Толерантность (терпимость)* – способность, умение терпеть, выносить что-нибудь чужое, мириться с чужим (мнением, характером и т.п.), соглашаться с существованием чего-то или кого-то, быть снисходительным к чему-то или кому-то [Терпимость... с. 13]. Оксфордский словарь определяет толерантность как «готовность и способность принимать без протеста или вмешательства личность или вещь», а Советский энциклопедический словарь – как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [Советский энциклопедический словарь, 1980, с. 1348]. Одна из причин трудностей в характеристике терпимости состоит в том, что в разных языках она определяется по-разному, причем даже в официальных языках Организации Объединенных Наций. Но в своей простейшей и фундаментальной форме она сводится к предоставлению другим людям права на уважение их личности и самобытности [Декларация... 1999; На пути... 2000].

Терпимость предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу. В преамбуле Устава ЮНЕСКО, принятого 16 ноября 1945 г., подчеркивается, что «мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества». Во Всеобщей декларации прав человека провозглашается, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (статья 18), «на свободу убеждений и на свободное выражение их» (статья 19) и что образование «должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами» (статья 26). В статье 1 «Декларации принципов терпимости» (1999) понятие «терпимость» разъясняется следующим образом: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности... Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [Декларация... 1999, с. 44-45].

К числу важных ценностей культуры мира относятся также ценности демократической культуры: соблюдение политических и гражданских прав человека, а также права на участие в экономической, социальной и культурной жизни общества, включая право на развитие, равенство в правах мужчин и женщин, их совместное участие в управлении и т.п.

Итак, в том широком и «позитивном» понимании мира, которое принимается в концепции культуры мира, он мыслится как позитивный, динамичный и конструктивный процесс, предусматривающий широкое участие всего гражданского общества, уважение различий, поощрение диалога, постоянные усилия с целью преобразования конфликтов ненасильственными методами в новые формы взаимопонимания и сотрудничества, а так-

же содействие поступательному социально-экономическому и культурному развитию для всех. Фундамент культуры мира составляют такие ценности и образцы поведения, как отказ от насилия, приверженность принципам демократии, поддержка свободы, справедливости, солидарности и терпимости (толерантности), взаимное уважение представителей различных культур, идеологий и верований и другие гуманистические ценности. В принятой Генеральной Ассамблеей ООН 19 ноября 1998 г. Резолюции «Международное десятилетие культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты (2001-2010 гг.)» подчеркивается, что культура мира включает в себя «ценности, взгляды и типы поведения, которые отражают и вдохновляют социальное взаимодействие и сотрудничество на основе принципов свободы, справедливости и демократии, всех прав человека, терпимости и солидарности, которые отвергают насилие и направлены на предотвращение конфликтов путем устранения их конкретных причин, с тем чтобы решать проблемы с помощью диалога и переговоров, и которые гарантируют возможность в полной мере пользоваться всеми правами и средствами, чтобы полностью участвовать в процессе развития своего общества».

Культура мира складывается и развивается в сложных условиях, порожденных новым цивилизационным кризисом и связанной с ним ломкой устаревших понятий, морально-этических принципов, старых стереотипов мышления. Одно из важнейших проявлений этого процесса – глубокий кризис *нравственных начал*, который вызван действием ряда факторов. Произошло резкое ослабление общественных институтов, способствующих поддержанию нравственных начал (семья, традиционные структуры первичной социализации, церковь, ценностные идеологии). Вместе с тем возросло аморальное воздействие на сознание и поведение сотен миллионов людей средств массовых коммуникаций (а в последнее время – Интернета) [Культура и устойчивое развитие... 2002; Моисеев, 1994; Субетто, 1999; Трансформации... 2000].

Культура мира, понимаемая как утверждение общечеловеческих нравственных ценностей, как ответ на вызовы «цивилизационного кризиса», имеет огромное значение для всех стран, сталкивающихся со все более острыми проявлениями отчуждения и маргинализации личности, культивирования жестокости и насилия, распространения различных форм экстремизма (агрессивного национализма, терроризма, тоталитарных сект и т.п.).

В настоящее время человечество ведет интенсивный поиск новых мировоззренческих ориентаций – нового способа и образа жизни, нового отношения к людям, к природе, к обществу, «новой матрицы ценностей, идущих на смену прежним жизненным ориентациям, свойственным техногенной цивилизации» [Степин, 1999, с. 243]. В современном быстро меняющемся мире, в условиях противоречивых тенденций исторического процесса, неопределенностей будущего, отсутствия ясных общественных идеалов культура мира дает людям, особенно подрастающему поколению, систему важных духовно-нравственных ценностных ориентиров, которые побуждают их к активному участию в строительстве более справедливого, свободного и процветающего общества, лучшей, мирной жизни на Земле. Все сторонники концепции и программы формирования культуры мира осознают, что создание этой культуры – длительный процесс. Как показывает исторический опыт, по сравнению с изменениями в политической и экономической жизни, которые могут быть стремительными, изменения в культуре и поведении отдельных лиц, групп граждан и народов требуют длительного времени. Решение этой важной и актуальной задачи требует активных усилий всех и каждого, использования самых разнообразных средств, форм и методов.

Таковы основные идеи, идеалы и ценности *гуманизма*, которые, по мнению автора, играют важную роль в ценностной ориентации философии спорта и телесности человека, при постановке и решении на основе диалектической методологии проблем этой философской дисциплины.

При этом важно отметить, что такой подход автора к обсуждаемой проблеме:

а) предполагает включение *ценностных суждений* в процесс философского осмысления предельных оснований тех форм социального бытия и жизнедеятельности людей, их сознания, культуры, поведения и т.д., которые связаны со спортом и телесностью человека;

б) не противоречит ориентации этого философского исследования на *научный подход* к постановке и решению анализируемых проблем.

Как обосновано Г.М. Андреевой, существуют определенные условия, «при которых снимается противоречие между наукой и ценностями. Это снятие противоречия происхо-



дит не за счет "исключения" ценностей из науки, но за счет принятия исследователем таких ценностей общества, "право" которых на существование само может быть научно обосновано». При таком подходе «для гуманистической ориентации... включение ценностного подхода означает не снижение качества знания, но, напротив, обогащение его, хотя это обогащение мыслится за счет привлечения в познание чего-то внешнего, например, почерпнутого в аксиологии или герменевтике» [Андреева, 1974, с. 6].

Итак, **парадигмальная, общеметодологическая позиция автора** при разработке философии спорта и телесности человека, постановке и решении соответствующих философских проблем предусматривает прежде всего ориентацию на *научный подход*, принципы и законы *материалистической диалектики*, правила *диалектического метода*, а также на изложенные выше идеи, идеалы и ценности *гуманизма*.

При обсуждении отдельных проблем философии спорта и телесности человека будет показано важное значение для их постановки и решения некоторых других общеметодологических позиций и философских концепций, например, *диалектического материализма* при анализе гносеологических проблем научного познания спорта, *исторического материализма* при анализе социально-философских проблем спорта и телесности человека и т.д.

### 3.4. Другие парадигмальные, общеметодологические основания

Как отмечено выше, возможны и реально предлагаются другие парадигмальные, общеметодологические основания анализа философских проблем спорта и телесности человека, связанные с теми или иными общеполитическими концепциями.

Прежде всего отметим **позитивистское** направление в философии, которое имеет несколько различных форм. Представители первой, «классической» формы позитивизма XIX в. – О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер и др. исходили из того, что все подлинное (позитивное) знание является совокупным результатом специальных наук. Они отвергали саму постановку «метафизических», мировоззренческих проблем. Наука, по их мнению, не нуждается в какой-либо стоящей над ней философии, занимающейся изучением этих проблем.

Современная форма позитивизма – **неопозитивизм** (позднее – **аналитическая философия**). Представители этой философии указывают на необходимость обязательного эмпирического подтверждения выдвигаемых положений. На этом основании традиционные («метафизические», мировоззренческие) проблемы считаются псевдопроблемами, возникшими в силу ошибочного употребления языка. В качестве единственно правомерного метода философского исследования рассматривается анализ употребления языковых средств и выражений с целью раскрытия их точного значения и более четкого и правильного употребления языка. Философское исследование подменяется логико-лингвистическим, логико-семантическим анализом.

Конкретная реализация такого подхода имеет несколько различных форм: 1) *философия логического анализа*, которая в качестве средства анализа применяет аппарат современной математической логики: *логический эмпиризм* (Р. Карнап, К. Гемпель, Ф. Франк) и *логический прагматизм* (У. Куайн, Н. Гудмен); 2) *лингвистическая философия* – возникла в 1930-х гг. под влиянием идей Л. Витгенштейна и Дж. Мура, получила развитие в Великобритании (Г. Райл, Дж. Остин, П. Строусон и др.). Представители этого философского направления делают акцент на изучении типов употребления выражений в естественном обыденном языке, в том числе когда он применяется при определении философских понятий.

Акцент на философском анализе языка характерен и для другого направления философии под названием «*герменевтика*». Под герменевтикой вообще понимают искусство и теорию истолкования текстов. Но как определенную философскую доктрину ее начинают разрабатывать в XIX в. В. Дильтей и Ф. Шлейермахер, а позднее – Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер и др. Основной задачей философского анализа считается определенное истолкование, понимание, выявление смысла текста на основе его грамматической и этимологической интерпретации, проникновения в духовный мир автора и т.д.

Близкой является концепция **феноменологии**. Содержание и цель феноменологического анализа, как правило, усматриваются в рефлексии сознания о своих актах и о данном в них содержании, в стремлении выявить предельные основания познания, человеческого существования и культуры, раскрыть смысл предметов, затемненный множеством

слов, разноречивых мнений и оценок. Причем речь идет о смысле этих предметов как феноменов *культуры*. В недавно изданной «Энциклопедии феноменологии» указываются следующие основные черты феноменологического подхода:

- феноменолог скептически относится к спекулятивным построениям, к умственному конструированию объектов, недоступных наблюдению;
- феноменолог противостоит натурализму и позитивизму, получившим широкое распространение начиная с Нового времени;
- феноменолог доверяет сознанию в том, что Э. Гуссерль называл очевидным, т.е. познанию объекта в его самой чистой, отчетливой и адекватной для его рода форме;
- феноменолог считает, что исследование должно сосредоточиваться на том, что называется актом интенциональности, и соответственно на объектах, подвергнутых этому акту;
- для феноменолога предпочтительным является описание явления в универсальных, или эйдетических (от слова «эйдос», т.е. образ; имеется в виду мысленный образ, схватывающий системные свойства предмета) терминах [см.: Encyclopedia... 1997].

В 70-х гг. XIX в. в США возникло философское учение под названием «**прагматизм**». Основные идеи этой философии развил Ч. Пирс, а затем ее развивали разрабатывали У. Джемс, Дж. Дьюи, Дж.Г. Мид. В гносеологическом и методологическом плане наиболее характерным положением этой доктрины является трактовка истины как полезности или работоспособности идеи.

Многие философские доктрины в отличие от указанных выше в центр философского исследования ставят проблемы *человека и его отношения к миру*. Такой «поворот к человеку» произошел уже в античной Греции у софистов и Сократа. Продолжает эту традицию **философская антропология**, которая предметом философии считает человека, взаимоотношение его сущности и существования. Свое начало эта концепция берет от Л. Фейербаха, в философии которого «человек» – это существо, у которого существование не соответствует сущности. Основоположником философской антропологии официально считается Макс Шелер (1874–1928).

Широкое распространение в XX в. получила философия **экзистенциализма** или **философия существования**. В этой философской доктрине выделяют религиозный (К. Ясперс, Г. Марсель, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, М. Бубер) и атеистический экзистенциализм (М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, А. Камю, М. Мерло-Понти). Предпосылками экзистенциализма являются такие философские направления, как волюнтаризм А. Шопенгауэра, философия жизни Ф. Ницше и К. Дильтея, интуитивизм А. Бергсона, неогегельянство, неокантианство и др. Представители экзистенциализма видят задачу философии в поиске смысла человеческого существования. Центральным понятием этой философии является экзистенция (человеческое существование) как нерасчлененная целостность объекта и субъекта и как личностно переживаемый факт существования. Основными проявлениями человеческого существования являются страх, решимость, совесть, забота. В пограничных ситуациях (смерть, борьба, страдание) человек осознает себя как экзистенцию и тем самым обретает свободу. Она предполагает его ответственность не только за все свои поступки, но и за все происходящее в мире.

Особо следует выделить **постмодернизм**, который в настоящее время пользуется все более широкой популярностью, в том числе у многих представителей философии спорта. Датой его рождения обычно называют 1917 г., когда вышла книга Рудольфа Панавица «Кризис европейской культуры», в которой речь идет о «постмодернистском человеке» как «гибриде декадента и варвара, выплывшем из водоворота великого декаданса, радикальной революции, европейского нигилизма» [Цит. по: Культура: теории... 1995, с. 92].

Исходной точкой постмодернизма является **модернизм** «как широкое и пестрое направление в европейском искусстве и культуре последней четверти XIX и первой половины XX в.», которое было связано с общим кризисом европейского общества и европейской культуры [Мареев, 2001, с. 444]. Этот кризис проявлялся в утрате всех традиционных идеалов, прежде всего идеалов Истины, Добра и Красоты, на смену которым выдвигалась их противоположность – Ложь, Зло и Безобразие: «На место мещанской морали становится декадентский аморализм, на место эстетики бесплотных идеалов, извлеченных из художественной культуры античности и Возрождения, – эстетика безобразия. Прежняя

вера в “вечные истины” сменяется релятивизмом...» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 382].

В работах представителей постмодернизма также предпринимается попытка отказаться от всяческих идеалов, от традиционных философских, эстетических и нравственных понятий (например, этических понятий типа «справедливое–несправедливое»). Если раньше философы ориентировались на науку и в философии ценилась «железная логика», то постмодернисты отрицают науку, усматривая в ней ущербную форму сознания, и высоко оценивают «неясную логику» и «слабое мышление». В этом плане постмодернизм является «завершением современной неклассической философии» и «антиклассической» и, «более того, это крайнее вырождение всякой философии и всякой культуры вообще» [Мареев, 2001, с. 439, 457]. Самыми яркими представителями постмодернизма являются Р. Барт, М. Фуко, Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ж. Деррида. Некоторые идеи постмодернизма можно найти в работах таких представителей постпозитивизма, как Г. Кун и П. Фейерабенд. С постмодернистами их сближает проповедь методологического плюрализма и отрицание традиционного и классического понятия истины.

Многовековую традицию имеет **теологическая** трактовка проблем философии.

Отмеченные выше и другие философские концепции не только могут быть использованы, но и реально используются в функции «идейных», парадигмальных оснований разработки философии спорта и телесной культуры. Так, например, предпринимаются попытки философского анализа спорта и телесности человека с позиций:

- **феноменологии** [Самусенков, Столяров, 2000; Černý, 1968; Sport from the viewpoint of phenomenology, 1973; Weiss P., 1969 и др.],

- **философской антропологии** [Grupe, 1973; Frankl, 1975; Kosiewicz, 2000b; Krawczyk, 1984c; The Interpretation of Sport from the Viewpoint of Philosophical Anthropology, 1973; Weiss O., 1988 и др.],

- **экзистенциализма** [Slusher, 1967, 1973 и др.],

- **семиотики** [Bouet, 1977; Duret, Wolff, 1994; Saraf, 1977; Sport und Semiotik, 1994],

- **теологических** концепций [Косевич, 1992; Никифоров, 2003; Священник А. Овчинников, 2002; Aitken, 1978; Benisz, 1999; Hartmann, 1932; Kosiewicz, 2000a; MacAloon, 1978; Mylik, 1997; Probleme und Ansätze... 1972; Sport in der katholischen Theologie, 1972; Sport in theologischer... 1972; Sport und nichtchristliche Religionen, 1972; Zeiss, 1962 и др.] и т.д.

У. Морган выступает против господства в англоязычном мире парадигмы **аналитической философии** (в ее позитивистском и постпозитивистском вариантах) и наиболее приемлемой для разработки философии спорта считает парадигму **прагматизма** [Морган, 2006].

Иногда предлагается **совместное** использование некоторых из указанных концепций, чтобы они могли дополнять друг друга. Такой «**комплексный подход**» действительно необходим при определении парадигмальных оснований философии спорта и телесности человека. Как видно из изложенного выше, он лежит и в основе авторской позиции по данному вопросу. Однако при этом **должны соблюдаться определенные условия**.

1. Необходима точная и достоверная характеристика различных компонентов избираемых парадигмальных оснований, что не всегда делается. Так, М.М. Ибрагимов для разработки философии спорта предлагает использовать «экзистенциализм в качестве мировоззренческой парадигмы в сочетании с диалектической логикой как методологическим принципом». При этом диалектической логике дается весьма своеобразная интерпретация со ссылкой на ее «общеизвестность»: «Общеизвестным является понимание диалектической логики как рационалистического метода познания, применяемого в построении теории науки» [Ибрагимов, 2011, с. 94, 97]. В многочисленных публикациях по диалектической логике предлагались различные ее интерпретации [см.: Столяров, 1975 а], но ни одна из них не соответствует такому пониманию этой логики. К тому же «рационалистический метод познания» может выступать в разной форме и отнюдь не обязательно базируется на принципах диалектики.

2. При «**комплексном подходе**» к определению парадигмальных оснований философии спорта и телесности человека вряд ли правомерен чисто **эkleктический** подход, когда к ним причисляются едва ли не все возможные направления философской мысли, многие из которых **противоречат** друг другу по своим фундаментальным принципам и положениям.

К формулированию этого положения автора подтолкнула статья А.А. Передельского «Философия спортивной науки: проблемно-фигурологический анализ» [Передельский, 2011]. При изучении данной статьи первоначально складывается представление о том, что ее автор предлагает именно такой эклектический подход. По его мнению, парадигмальными основаниями философского анализа спорта должны быть диалектический (исторический) материализм, гуманизм и чань (дзэн-буддизм [Передельский, 2011, с. 103]. Затем, еще больше расширяя этот комплекс философских дисциплин, А.А. Передельский пишет о том, что к научно-философскому анализу проблем философии спорта должны быть привлечены: материалистическая диалектика и диалектический материализм, гуманистическая философия, позитивизм и постпозитивизм, аналитическая философия, герменевтика, философия прагматизма, экзистенциализм, «древние и фундаментальные восточные философские модели йоги, даосизма, дзэн-буддизма» и даже «иррационалистическая и психоаналитическая философия» [Передельский, 2011, с. 103, 104].

Однако в дальнейшем А.А. Передельский, уточняя, конкретизируя, разъясняя данное положение, указывает на то, что целесообразно «с позиции научной философии» исследовать перспективы использования «парадигмальных ядер... классических и неклассических моделей современной философии, на первый взгляд далеких от науки, *подвергая научно-философскому анализу их собственную теорию и методологию*». Другими словами, «вполне допустимо и перспективно исследовать религиозную, мифологическую, философскую, художественную составляющие спорта. Но делать это планируется сугубо научно в интересах спортивной науки» [Передельский, 2011, с. 103]. Это существенно меняет дело. Представляется вполне оправданным выявление на основе научного подхода «рациональных зерен» в постановке и решении тех или иных проблем представителями философских концепций, «на первый взгляд далеких от науки». К сожалению, сам А.А. Передельский не приводит хотя бы один пример реализации такого подхода.

Чтобы восполнить этот пробел, приведем сами такую иллюстрацию – анализ с научных позиций религиозных взглядов на спорт в книге польского философа М. Мылика «Философские основы спорта» [Mylik, 1997]. В центре его внимания – философское понятие спорта, раскрытие философской сущности спорта. Пытаясь решить эту проблему, он опирается на философские и теологические взгляды Фомы Аквинского. Хотя он, как отмечает М. Мылик, не использовал сам термин «спорт», но у него можно найти «метафизические и антропологические взгляды, на основе которых можно понять спорт как критику человеческого неможения, определенный род исправности (латинское – *habitus*), как совокупность типически человеческих занятий, возникающих из самых первопричин человеческой природы, упорядоченных с помощью разума и направляемых волей, порою даже с чрезвычайной помощью чувств, к определенной цели, сообразной с природой человека». Если следовать этим мыслям Фомы Аквинского, полагает М. Мылик, спорт можно рассматривать как «удовлетворение потребностей каждого человека, возникающих из его первичной, еще инстинктивной природы». Имеется в виду присущий человеческой природе так называемый посыл к борьбе (*vis irascibilis*), на который обратил внимание Фома Аквинский и который характерен для каждого вида спорта. «Из этого следует, что сутью и главной задачей всякого спорта является получение наивысших результатов совершенства не только телесного, но и духовного. Нельзя победить противника или преодолеть жизненные трудности без укрепления духа, воли к борьбе, ведомой разумом. Такая исправность тела и духа является одновременно и сутью воспитания и самовоспитания в спорте, к чему следует еще при случае вернуться» [Mylik, 1997, р. 43]. В связи с таким пониманием спорта М. Мылик детально анализирует понятие исправности. Опираясь на идеи Фомы Аквинского, он понимает ее как «всякое качество, благодаря которому что-либо (вещь, зверь, человек) является хорошо приспособленным к своей природе или к своей функции. Противоположность так понимаемой исправности есть недостаток либо дурная привычка, выражающиеся в том, что что-то неприспособленно, не настроено в отношении своей природы к выполнению соответствующих этой природе функций» [Mylik, 1997, р. 44].

Особенно важно отметить, что некоторые из общеполитических концепций не способствуют ориентации на *научный подход* к анализу философских проблем спорта и телесности человека. К числу таких концепций относится, например, *спекулятивная философия*, представители которой основными средствами получения знания считают не науч-

ные методы, а воображение, интуицию, априорные принципы [см.: Zeigler, 1982, P. 4]. Не ориентируют на научный подход к анализу философских проблем спорта и *теологические* концепции, хотя встречаются исключения [см.: Sport in theologischer..., 1972]. Научному осмыслению этих проблем вряд ли содействует и позиция представителей *постмодернизма*, которые, как отмечено выше, отрицают науку, усматривая в ней ущербную форму сознания, и высоко оценивают «неясную логику» и «слабое мышление». Поэтому для них, как справедливо отмечает Д.И. Дубровский, характерна не научная аргументированность, а «стистика расплывчатого, "медитативного" письма, обходящего потребность в концептуально скрепленных, аналитически выверенных утверждениях... Длиннейшие "диалектические" пассажи полубанальностей, среди которых вдруг мелькает интересный ход мысли, яркая метафора, и снова "диалектическое" коловращение вроде бы понятных в отдельности смыслов, но в своей сопряженности ввергающих в состояние неопределенности (и недоумения: что важного или нового хотел сказать автор, зачем это написано?)» [Дубровский, 2001, С. 52, 53].

Конечно, философские проблемы спорта и телесности человека могут быть предметом не только научного анализа. Как отмечалось выше, возможно различное понимание самой философии, а, значит, в принципе *может быть различной философская рефлексия* данных проблем. Более того, они *могут быть предметом не только научного анализа, но также обыденных размышлений (с позиций интуиции, здравого смысла, личного опыта и т.п.), а также художественного (например, литературного) творчества и т.д.*

В этом смысле автор согласен, например, с мнением М.М. Ибрагимова о двух возможных способах «философского осмысления спорта, каковыми являются рационально-логический и ассоциативно-аллегорический». Первый из них («рационально-логический») предполагает *научно обоснованное* философское понимание сущности спорта как социокультурного феномена. Второй («ассоциативно-аллегорический»), напротив, основан на использовании *художественных образов, метафор* на основе мифологии и т.п., что сближает его с искусством [Ибрагимов, 2011, С. 96, 98].

Вряд ли следует возражать против возможности не только философско-научной, но и философско-художественной рефлексии спорта как *взаимно дополняющих* друг друга. Но, разумеется, *совершенно неприемлемо*, если пытаются одним из указанных способов философского осмысления спорта *подменить* другой: например, научный анализ философских проблем спорта и телесности человека осуществлять на основе его «ассоциативно-аллегорической» рефлексии, которая не отвечает принципам и требованиям научной методологии.

Ярким примером такого противоречивого по своей сути подхода является книга Н.Н. Визитея «Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений. Философские очерки» [Визитей, 2009], которая опирается на его предыдущие работы [Визитей, 1986, 1989, 2006].

Как видно из содержания и самого названия книги, ее автор ставит своей задачей «корректировку базовых представлений» теории физической культуры, используя для этого «содержательные теоретические разработки философской антропологии, культурологии, социологии, психологии» и других гуманитарных дисциплин. Постановка такой задачи представляется весьма правомерной и актуальной. В настоящее время общепризнано, что для дальнейшего эффективного развития теории физической культуры (ТФК) необходимо уточнение ее базовых, теоретико-методологических основ: объекта и предмета данной теории, ее структуры, понятийного аппарата, взаимосвязи с другими областями научного знания и т.д. Для этой цели важно использовать и указанные теоретические разработки. Но все это способно содействовать разработке *научной теории* физической культуры лишь при одном условии – строгом соблюдении принципов и требований современной логики и методологии научного исследования.

Однако Н.Н. Визитей избирает иной подход, который основан на использовании «ассоциативно-аллегорической» философской рефлексии, стилистики «расплывчатого, "медитативного" письма, обходящего потребность в концептуально скрепленных, аналитически выверенных утверждениях» и, как отмечено выше, особенно характерен для представителей постмодернизма.

О таком подходе свидетельствует не только обилие выдержек из работ представителей постмодернизма, но и язык изложения книги Н.Н. Визитея. Для примера приведем лишь некоторые содержащиеся в ней характеристики двигательных действий, телесности, культуры и физической культуры. «...Двигательные действия есть проявление процесса «фонтанирования», *спонтанного самодвижения* бытия в точке телесного присутствия ин-

дива. Самодвижения, к которому человеческое *я* устремлено навстречу как к своему «первоистоку», в которое оно погружает себя как в свое становление и которому оно бескорыстно служит, расчищая путь для его реализации и обеспечивая одновременно реализацию собственную» [Визитей, 2009, с. 60, 61]. «Что есть телесность? Давая самый общий ответ на данный вопрос, можно сказать так: телесность – это особого рода *пространство*, в котором реально присутствует *человеческая сущность*, или это, так тоже допустимо говорить, *пространство самой этой сущности*» [Визитей, 2009, с. 68, 69]. «Ситуация сознания – это ситуация рефлексивного состояния телесности или состояние *рефлексивности* бытия, естественным образом (на уровне самодействия) оплотняющееся в телесность, и это же, как очевидно, ситуация *культуры*, причем такая ситуация, в которой *физический* план соответствующего события выражен особенно рельефно» [Визитей, 2009, с. 71]. Такие характеристики двигательных действий, телесности, культуры и физической культуры, которыми заполнена книга и другие работы Н.Н. Визитея, возможно, имеют определенный смысл. Однако большинству терминов (и соответствующих понятий), используемых в приведенных положениях, может быть дана самая различная (даже прямо противоположная) интерпретация. Поэтому они вряд ли вносят вклад в *научное* понимание указанных социальных явлений, хотя автор претендует именно на такое их осмысление (ведь в упомянутой книге речь идет о разработке *научной* теории физической культуры).

Ориентация Н.Н. Визитея при анализе проблем теории физической культуры на «ассоциативно-аллегорическую» философскую рефлексии, стилистику «расплывчатого, "медитативного" письма, обходящего потребность в концептуально скрепленных, аналитически выверенных утверждениях», неизбежно приводит к *отождествлению, смешению в кучу совершенно разных явлений*. Так, телесность человека Н.Н. Визитей отождествляет не только с физической культурой, но и с культурой в целом: «...телесность как определенный состоявшийся и реально (онтологически) существующий феномен допустимо отождествить с феноменом *культуры* и, как понятно, с феноменом культуры *физической*» [Визитей, 2009, с. 69]. В многочисленных работах [см., например: Быховская, 1993 а, 1994, 1997; Столяров, 1984 г, 1985 б, 1988 г, д, л, м, 2004 д; Krawczyk, 1983 а, 1984 d и др.] показана ошибочность отождествления телесности с физической культурой.

Исходя из правильного положения о том, что «культура – это *целостный феномен*», Н.Н. Визитей делает ошибочный вывод: культура «всегда есть *физическая* культура» [Визитей, 2009, с. 41] и более того – «то, что мы называем физической культурой, есть фактически определенное сущностное единство и нравственной, и эстетической, и интеллектуальной, и деятельно-практической (собственно физической) культуры» [Визитей, 1989, с. 43–44]. На ошибочность такого понимания физической культуры указывает и В.Б. Коренберг: «Конечно, в общей культуре социума отдельные ее части во многом тесно взаимосвязаны, переплетены на тех или иных явлениях. Так что разные области культуры как бы “делят ответственность” за те или иные социальные явления и сферы. Тем не менее разные области культуры нужно как-то разграничить между собой... Необходимо четко и разумно очертить границы между физической культурой как частью общей культуры и остальными ее частями, не претендовать на “чужую территорию”. Аморфность, размытость предмета физической культуры отнюдь не способствует плодотворной работе в этой области и в первую очередь становлению ее полноценного теоретического обеспечения. Но зато очень способствует спекулятивным, непродуктивным претензиям и спорам» [Коренберг, 2008, с. 10, 11].

Еще одна иллюстрация отождествления, смешения в кучу совершенно разных явлений – та характеристика ТФК, которую дает Н.Н. Визитей: «...говоря о теории физической культуры, мы имеем в виду тот комплекс идей, принципов, теоретических построений и методических рекомендаций, который сложился в сфере наук о физическом воспитании и спорте» [Визитей, 2009, с. 8].

Ориентация при анализе проблем теории физической культуры на «ассоциативно-аллегорическую» философскую рефлексии, стилистику «расплывчатого письма» содействует «неряшливости» Н.Н. Визитея в отношении соблюдения и других принципов и положений современной логики и методологии научного исследования.

Так, например, он не учитывает важное логико-методологическое положение о необходимости четкого различения *объекта и предмета* науки. В качестве *предмета* ТФВ и непосредственно связанной с ней ТФК Н.Н. Визитей неоднократно указывает двигательные качества (способности) человека [Визитей, 2009, с. 9, 24, 25 и др.]. Однако эти

качества (способности) ошибочно рассматривать даже в качестве *объекта* этих научных дисциплин. Общепринято, что ТФВ изучает процесс физического воспитания, а ТФК – физическую культуру. Поэтому считать двигательные качества (способности) человека объектом ТФВ или ТФК можно лишь в том случае, если опять-таки физическое воспитание и физическую культуру ошибочно отождествлять с данными качествами (способностями). Еще более сложным является вопрос о *предмете* ТФВ и ТФК. Ошибочно обсуждать этот вопрос, как это делает Н.Н. Визитей, не указывая, о *каком аспекте* изучения физического воспитания или физической культуры идет речь – педагогическом, социологическом, философском, культурологическом или каком-то другом специализированном их анализе или же в рамках так называемой общей (комплексной) ТФВ (ТФК).

Еще одна «неряшливость» (с точки зрения логики и методологии научного познания), характерная для обсуждаемой книги и других работ Н.Н. Визитея, проявляется в том, что не учитывается специфика и диалектика теоретического (в целом научного) исследования сложных целостных объектов. Это проявляется, например, в следующем.

Замысел Н.Н. Визитея, по его словам, состоит в том, чтобы, используя «содержательные теоретические разработки философской антропологии, культурологии, социологии, психологии», выдвинуть на передний план не естественнонаучное, а гуманитарное рассмотрение двигательных способностей, физических качеств, физического воспитания, физической культуры, что предполагает их новое понимание. В первую очередь это касается двигательных способностей человека. Он призывает отказаться «от использования естественнонаучной методологии в исследовании двигательного действия человека в качестве ведущей» [Визитей, 2009, с. 44]: «Когда мы определяем двигательные (физические) качества человека так, как это осуществляется сегодня в теории физического воспитания, мы идем по неверному пути. Например, *силу* мы понимаем как способность человека преодолевать в движении внешнее сопротивление или противодействовать какому-либо внешнему перемещению, сохраняя исходное пространственное положение тела и (или) отдельных его частей» [Визитей, 2009, с. 24]. При такой трактовке «физические качества понимаются исключительно *позитивистски* – как качества, по сути, физического агрегата, в лучшем случае – живого организма, а не как качества человека – не как *личностные* его свойства, в статусе которых они, безусловно, должны рассматриваться в контексте анализа физической культуры» [Визитей, 2006, с. 5]. Он предлагает иное понимание двигательной способности (физических качеств) человека: «двигательная способность человека – это не способность его к физическому движению самому по себе, это способность человеческого в человеке, *сущностно человеческого*, – выразить, реализовать себя *двигательно* (физически)» [Визитей, 2009, с. 24]; «физические качества человека как его *личностные* качества – это способности, которые человек реализует в пространстве *межличностных отношений*, то есть не в субъект-объектном, а в субъект-субъектном контексте взаимодействия, причем это по сути своей не способности к «преодолению» (к подавлению), как сегодня они (и прежде всего *сила*) фактически трактуются. Сила человека – это скорее его способность к *власти* в том ее понимании, в котором власть трактуется в современной политической философии... Сила как *человеческая сила* в своем сущностном проявлении есть именно такого рода способность. Иначе говоря, это способность создавать, удерживать и преобразовывать с опорой на его базисные аспекты пространство межличностных отношений, в которое данный индивид включен, и это, следовательно, способность к самоактуализации и сущностной самореализации человека» [Визитей, 2006, с. 5, 6].

Конечно, двигательные способности – это способности не только (и даже не столько) *организма* (тела) человека, но и компонент *человека как личности*. Верно и то, что они реализуются «в пространстве межличностных отношений». Это, безусловно, дает основание для того, чтобы исследовать их в *гуманитарном, социокультурном*, а не естественнонаучном аспекте. Вместе с тем следует учитывать специфику и диалектику теоретического (в целом научного) исследования такого рода сложных, целостных, интегративных объектов. В *исходном* пункте этот процесс предполагает использование комплекса абстракций и идеализаций, выделяющих в изучаемом объекте различные аспекты, элементы, каждый из которых изучается в отвлечении от других и от связей с ними. И только в *конечном* пункте объект воспроизводится во всей своей сложности и целостности, во взаимосвязи составляющих его компонентов, которая не отменяет их отличия друг от друга.

Упуская это из виду, Н.Н. Визитей признает правомерным лишь *комплексный (целостный)* подход к анализу двигательных способностей (физических качеств) человека, при котором учитываются все присущие человеку особенности этих способностей (качеств), выявляемые на основе как естественнонаучной, так и гуманитарной методологии, рассматриваемой в качестве ведущей (такой подход характерен прежде всего для философского анализа в соответствии со спецификой философии как науки о предельных основаниях жизнедеятельности человека). По сути дела, отрицается возможность других – более частных, специализированных подходов к анализу этих способностей (качеств). В связи с этим нелишне напомнить критику А.Н. Леонтьевым тех исследователей, которые единственно возможным и правильным считают комплексный подход к исследованию человека. «Конечно, комплексный подход к человеку является не только возможным, но и научно оправданным, – писал он. – Однако никакое комплексное исследование не в состоянии заменить собой тот или иной специальный раздел знаний, входящий в данный комплекс» [Леонтьев, 1974, с. 88].

Поэтому положение о том, что двигательные способности – это способности не только (и даже не столько) организма (тела) человека, но и компонент человека как личности, вовсе не означает, что при решении *некоторых* исследовательских задач, на *определенном* этапе их научного осмысления в науках о физической культуре и спорте не может и не должна использоваться *естественнонаучная, а не гуманитарная* методология. Зачем отказываться «от использования естественнонаучной методологии в исследовании двигательного действия человека в качестве ведущей», как это предлагает Н.Н. Визитей, при анализе тех аспектов этого действия, которые могут быть выявлены на основе именно естественнонаучной, а не гуманитарной методологии?!

Другое дело, что на определенном этапе научного познания двигательных способностей (когда они рассматриваются как личностные качества) в качестве ведущей должна использоваться гуманитарная методология. К анализу движений человека в гуманитарном, социокультурном, а не только в естественнонаучном аспекте призывали еще Л. Элфельдт и Э. Метени [Ellfeldt, Metheny, 1958], а также К. Рийсдорп, который писал: «Человеческое движение, понимаемое как человеческое поведение, есть нечто большее. В этом есть личность». Опираясь на это положение, он обосновывал необходимость разработки особой научной дисциплины – гимналогии, объектом которой является «осмысленное и обусловленное движение человека в структуре атлетических состязаний по отношению как к исполнителю, так и к руководителю» [Rijsdorp, 1975, P. 11]. В нашей стране ряд исследователей – Ю.А. Гагин, С.В. Дмитриев, Д.Д. Донской – в своих работах не только обосновали необходимость гуманитарного, социокультурного подхода к анализу движений, двигательных действий, двигательных способностей человека, но и предприняли многочисленные попытки его реализации на основе построения «антропоцентрической биомеханики» как «*социокультурной теории двигательных действий*» [Гагин, 1997; Гагин, Дмитриев, 2000; Дмитриев, 1997, 1999, 2005, 2011; Дмитриев, Донской, 1993, 1997] \*. Причем, эти авторы, равно как и К. Рийсдорп, подчеркивают необходимость междисциплинарного, интегративного подхода к анализу движений человека.

Однако при анализе двигательных способностей человека в гуманитарном, социокультурном аспекте нельзя *смешивать (отождествлять)* эти способности с какими-то другими способностями (качествами) – интеллектуальными, эстетическими, нравственными и т.д., в том числе с политическими, как это делает Н.Н. Визитей.

Еще одно проявление у него «небрежности» в отношении требований логики и методологии научного познания состоит в том, что в ходе критики положений других авторов постоянно используется запрещенный этими требованиями прием: *критикуемой стороне приписывается то, что ей вовсе не свойственно*. Вот лишь несколько иллюстраций такого подхода.

Оценивая состояние разработки ТФК и других наук о физической культуре и спорте (в том числе ТФВ и теории спорта), Н.Н. Визитей выдвигает положение о том, что они находятся в состоянии кризиса, так как у них отсутствует «общетеоретическое основание». Основная причина кризиса состоит якобы в том, что эти науки не принимают во внимание содержательные теоретические разработки в философской антропологии, культурологии, социологии, психологии, и преобладающим в них является *естественнонауч-*

---

\* Об указанных работах почему-то даже не упоминается в работах Н.Н. Визитея.



ное рассмотрение двигательных способностей, физических качеств, физического воспитания, физической культуры. По его мнению, «ментальные парадигмы, используемые сегодня в сфере наук о физической культуре, в частности, те, что реализуются здесь в рамках попыток осмысления сути физического в человеке, по своему характеру *антигуманитарны*» [Визитей, 2009, с. 6-7, 15, 16]. На этом основании делается вывод о том, что имеет место «господство позитивистского понимания человека в науках физкультурно-спортивной сферы», что ТФК (равно как и ТФВ) является «*позитивистски* ориентированной наукой» [Визитей, 2009, с. 12, 27]. Причем Н.Н. Визитей утверждает, что преобладание «естественнонаучного рассмотрения физических качеств, физического воспитания, физической культуры» и «антигуманитарный подход» к их пониманию характерны не только для педагогики, но и для философии физической культуры [Визитей, 2009, с. 10].

Вновь в одну кучу смешиваются разные вещи: одна и та же парадигмальная позиция приписывается не только разным исследователям, но и разным дисциплинам, для которых характерны совершенно разные и даже противоположные подходы. Возможно, среди многочисленных исследователей, разрабатывающих педагогические проблемы ТФК, можно найти тех, у кого наблюдается указанное «преобладание» и «антигуманитарный подход». Но упрек в таком подходе вряд ли справедлив в отношении большинства ученых, разрабатывающих ТФК с позиций педагогики. Даже среди них трудно найти тех, кому можно было бы с полным на то основанием приписать «естественнонаучное рассмотрение физических качеств, физического воспитания, физической культуры» и «антигуманитарный подход» к их пониманию. И уж совершенно неприемлем этот упрек в отношении тех, кто занимается философскими проблемами телесности и телесной (физической) культуры. В этом легко убедиться, обратившись к многочисленным (например, указанным выше) отечественным и зарубежным работам по проблемам философии физического воспитания, телесности, телесной (физической) культуры. Однако в обсуждаемой книге отсутствует не только анализ, но даже ссылка на эти работы.

Н.Н. Визитей использует запрещенный в логике и методологии научного исследования прием – приписывает критикуемой стороне то, что ей вовсе не свойственно, и при обсуждении других вопросов. Он с пафосом критикует, например, такое понимание физической культуры, когда ее основным показателем считают физические качества, понимаемые как определенные качества организма (тела) человека: в ТФК «сам феномен “физическая культура”... понимают ограниченно... Одним из выражений этого является то, что об уровне развития физической культуры личности, в частности спортсмена, пытаются судить исключительно по степени развитости физических качеств, которые при этом трактуются в соответствии с традиционными подходами теории физического воспитания – не как личностные качества (не как качества метафизические), а как качества организма. Поэтому мерой физической культуры личности считают, например, сами по себе динамометрические показатели способности человека развивать то или иное мышечное усилие, связанное с преодолением внешнего сопротивления, или время преодоления человеком определенной дистанции и т. п.» [Визитей, 2009, с. 141, 142; см. также с. 26, 28 и др.].

Такое ограниченное понимание физической культуры, возможно, присуще людям, не знакомым с положениями ТФК или тем, кто когда-то начинал разработку этой теории. Однако его вряд ли можно обнаружить в современных работах по ТФК более или менее известных ученых. При всех различиях в понимании физической культуры они, как правило, включают в нее лишь такие физические качества, которые являются результатом целенаправленной деятельности по их коррекции в соответствии с определенными социальными идеалами, нормами, ценностями, а также соответствующие знания, интересы, потребности, ценностные ориентации и т.д. [см.: Быховская, 1994, 1996 б; Столяров, 1988 г, д, 2004 д и др.].

Приписывание критикуемой стороне того, что ей не свойственно, проявляется у Н.Н. Визитея и в трактовке спорта. Он критикует тех авторов, которые якобы понимают спорт как воспитательную или игровую деятельность, и противопоставляет им положение о том, что исходная и важнейшая черта спорта – соревнование. Однако данное положение признается и теми авторами, которых он критикует. Другое дело, что они пытаются выделить специфику именно *спортивного* соревнования.

Запрещенный в логике и методологии научного исследования прием Н.Н. Визитей использует в критике и автора данной работы, приписывая ему:

1) положение о том, что всякий спорт является игровой деятельностью, тогда как во всех его публикациях говорится о том, что спорт высших достижений в отличие от массового спорта не является игрой и что всякому спорту присущ лишь один признак игры – искусственно созданные ситуации как модели реальной действительности: спортивные соревнования – это соревнования в искусственно созданных ситуациях соперничества и потому являющиеся игровой моделью соревновательных ситуаций реальной жизни (см. ниже 9.1);

2) положение о том, что всякая соревновательность порождает стремление победить любой ценой, тогда как во всех публикациях автора это стремление связывается лишь с определенной формой соперничества и лишь с влиянием определенных факторов – прежде всего способа организации соперничества (см. ниже 17.3).

Иногда приписывание критикуемой стороне того, что ей не свойственно, основано у Н.Н. Визитея просто на непонимании логических принципов и требований, а также на том, что критикуемое положение вырывается из контекста. Так, он упрекает автора за якобы *тавтологию* в его определении физической культуры: «Под физической культурой мы понимаем такую сферу культуры, которая включает в себя социально сформированные физические качества и способности человека, проявляемые им в определенной деятельности, и всю ту социальную реальность, которая непосредственно обеспечивает их формирование, функционирование и развитие» [Столяров, 1984 г, с. 78]. Тавтологию Н.Н. Визитей усматривает и в том определении физической культуры, которое дает Л.П. Матвеев: «Физическая культура – это социальный фактор целесообразного воздействия на процесс физического развития человека, позволяющий обеспечить направленное развитие его жизненно важных физических качеств и способностей» [Матвеев, 1998, с. 8]. Данное «определение физической культуры, – пишет Н.Н. Визитей, – откровенно тавтологично: *физическая культура* – это воздействие на *физическое* в человеке в целях развития его *физического* же [Визитей, 2009, с. 22].

Прежде чем делать такие упреки, Н.Н. Визитею не мешало бы сначала заглянуть хотя бы в энциклопедию или логический словарь, чтобы уточнить, что такое тавтология, недопустимая с точки зрения логики. А там говорится следующее: «*Тавтология*... крайний случай логич. ошибки «предвосхищение основания» (лат. *petition principia*), а именно: когда нечто определяется или доказывается тем же самым (лат. *idem per idem*)» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 669]. «*Тавтология в определении понятия* – логическая ошибка, встречающаяся в неправильных определениях понятия. Сущность ее заключается в том, что определяемый предмет определяется через самого же себя» [Кондаков, 1975, с. 587]. Исходя из такого общепринятого в логике понимания тавтологии, она (или запрещаемый логикой «круг в определении») имеет место в указанных определениях *лишь в том случае*, если в них определяемое понятие – «физическая культура» – «определяется или доказывается тем же самым», т.е. через понятие «физическая культура», или если понятия «физическое состояние человека», «физические качества и способности» определяются через понятие «физическая культура». Однако этого нет ни в работах Л.П. Матвеева, ни в работах автора. Это легко выяснить, если не вырывать указанные определения из контекста, как это делает Н.Н. Визитей, а изучить весь текст, в которых они используются.

Об «ассоциативно-аллегорическом» подходе Н.Н. Визитея к обсуждению проблем теории физической культуры, ориентированном не на научный их анализ, а скорее на их философско-художественную рефлексию, свидетельствует еще один факт. В статье, которую автор данной работы написал совместно с С.Д. Неверковичем [Столяров, Неверкович, 2011], отмечены указанные выше недостатки концепции Н.Н. Визитея с точки зрения соблюдения принципов современной логики и методологии научного исследования. Однако вместо ответа на эти замечания по существу с позиций *научного* подхода он пишет ответную статью [Визитей, 2011], ограничиваясь «*ироническими замечаниями*», что вполне соответствует «*ассоциативно-аллегорическому*» подходу. К тому же при этом он грубо нарушает принципы *научной этики* [см.: Неверкович, 2011].

Выше дан столь подробный анализ работ Н.Н. Визитея, чтобы показать, *какое существенное влияние на обсуждение философских проблем спорта и телесности человека оказывает выбор той или иной общеполитической концепции и насколько важно при научном анализе этих проблем строго соблюдать принципы современной логики и методологии науки.*

Подводя итоги анализа вопроса о парадигмальных, общеметодологических основаниях анализа философских проблем спорта и телесности человека, вновь подчеркнем сложный, дискуссионный характер данного вопроса и необходимость его дальнейшего обсуждения.

### Литература к гл. 3

1. Андреева Г.М. (1974). Современные аспекты проблемы ценностей в социальном познании. – М. – 13 с.
2. Античная агонистика и олимпизм. Хрестоматия: для студентов ин-тов физ. культуры / сост. К. Н. Ефременков. – Смоленск, 2002. – 254 с.
3. Антропология (Общая теория человека). – Нижний Новгород: Нижегородский философский клуб. – 1991. – 172 с.
4. Анцыферова Л.И. (1982). Общественно-исторический характер телесного бытия человека // Биология человека и социальный прогресс: Межвуз. сб. научн. трудов. – Пермский ун-т. – С. 89-96.
5. Аристотель (1976). Соч. в 4 т. – М.: Мысль. Т. 1.
6. Аристотель (1978). Соч. в 4 т. – М.: Мысль. Т. 2.
7. Балашов Лев (1997). Золотое правило поведения // Здравый смысл. – № 5 – С. 55-65.
8. Батенин С.С. (1976). Человек в его истории. – Л.: ЛГУ.
9. Бекарев А.М. (1982). Целостность личности как философская проблема (методологический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск. – 18 с.
10. Бердяев Н.А. (1997). Пути гуманизма // Здравый смысл. – № 3. – С. 64-71.
11. Билинский Бронислав (1998). Древнегреческие агоны: превосходство телесности и восхищение интеллектом // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГАФК. – С. 317-339.
12. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. (2002). Основы современного гуманизма. Учебное пособие для студентов. – М.: РГО. – 389 с.
13. Брушлинский А.Б. (1974). О соотношении биологического и социального в развитии личности // Теоретические проблемы психологии личности. – М.: Мысль. – С. 83-122.
14. Быховская И.М. (1989). Гуманизм или технократизм: два стиля мышления в спорте // Нравственный потенциал современного спорта: Матер. IV Всесоюз. методологич. семинара, г. Суздаль, 10-12 марта 1988 г. – М.: Сов. спорт. – С. 25-29.
15. Быховская И.М. (1993а). Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М. – 180 с.
16. Быховская И.М. (1994). Физическая (соматическая) культура // Морфология культуры. Структура и динамика/Г.А.Аванесова, В.Г.Бабаков и др. Уч. пособие для вузов. – М.: Наука. – С. 305-323.
17. Быховская И.М. (1996б). Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 2. – С. 19-27.
18. Быховская И.М. (1997). «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). – М. – 209 с.
19. Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. (2002). Глобализация и устойчивое развитие. – М., 2002.
20. Вебер А.Б. (1997). Устойчивое развитие как социальная проблема. – М.
21. Верякина В.П. (2004). Концепт «образцового человека» // Человек. – № 4. – С. 49–63.
22. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишнев: Штиинца. – 164 с.
23. Визитей Н.Н. (1989). Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты). Кишнев: Штиинца. – 110 с.
24. Визитей Н.Н. (2006). Курс лекций по социологии спорта: учеб. пособие. – М.: Физическая культура. – 328 с.
25. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к коррективке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.
26. Визитей Н.Н. (2011). О методах и формах научной дискуссии: без претензии на полное освещение вопроса (иронические заметки) // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 50–54.
27. Вилсон Г., Макклафлин К. (1999). Язык жестов – путь к успеху/пер. с англ.– СПб.: Питер. – 312 с.
28. Волков Ю.Г. (1984). Социальный механизм формирования всесторонне и гармонически развитой личности. – М.
29. Волков Ю.Г. (1985). Целостная личность: сущность, пути формирования. – Ростов на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. – 214 с.

30. Волков Ю.Г. (1995). Homo humanus. Личность и гуманизм. (Социологический аспект). – М.: Челябинск. – 217 с.
31. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. (1998). Многомерность современного человека. – Ростов н/Д.
32. Гагин Ю.А. (1997). О приоритетах индивидуальности в антропоцентрической биомеханике // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 51-54.
33. Гагин Ю.А., Дмитриев С.В. (2000). Духовный акмеизм биомеханики. – СПб.: Изд-во Балт. пед. академии. – 308 с.
34. Гадамер Х.Г. (1988). Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс. – 704 с.
35. Гармонический человек. Из истории идей о гармонически развитой личности. – М.: Искусство, 1965.
36. Гарпушкин В.Е. (2002). Философия универсализма и проблемы человека. – М.: «Прометей». – 128 с.
37. Гивишвили Г.В. (2001). Феномен гуманизма. – М.: РГО. – 400 с.
38. Гивишвили Г.В. (2003). Гуманизм и гражданское общество. – М.: Российское гуманистическое общество. – 239 с.
39. Глобалистика: Энциклопедия /Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с.
40. Грушин Б.А. (1961). Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). – М.: Высшая школа. – 214 с.
41. Губин В., Некрасова Е. (2000). Философская антропология. – М.
42. Гуманизм на рубеже тысячелетий: Идея, судьба, перспектива /Редколлегия: Бессонов Б.Н., Богатырев Т.Г., Шевченко В.Н. (отв. ред.). – М., 1997.
43. Гуманистические ориентиры России. – М.: Институт экономики РАН, 2002. – 392 с.
44. Гуревич П.С. (1997). Философская антропология. – М.
45. Гуревич П.С. (2004). Проблема целостности человека. – М. – 178 с.
46. Гуревич П.С. (2009). Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. – №3. – С. 19–31.
47. Гуцаленко Л.А. (1988). Универсальное развитие человека: предпосылки и перспективы. – Минск: Университетское. – 208 с.
48. Данилов–Данильян В.И., Лосев К.С. (2000). Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.
49. Декларация принципов терпимости. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года // Культура мира: Документы. Библиография. – М. – С. 42–47.
50. Диоген Лаэртский (1979). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль.
51. Дмитриев С.В. (1997). Магия духовного мира в двигательных действиях человека // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 44-50.
52. Дмитриев С.В. (1999а). Биомеханика: в поисках новой парадигмы. – Н.Новгород. – 179 с.
53. Дмитриев С.В. (1999б). От технократической биомеханики к социокультурной теории двигательных действий: Монография. – Н. Новгород. – 246 с.
54. Дмитриев С.В. (2005). От праксиса к логосу: междисциплинарные исследования в сфере биомеханики спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 11. – С. 45–60.
55. Дмитриев С.В. (2011). Образовательное пространство и объектно-предметная область физической культуры и АФК-технологий // Теория и практика физ. культуры. – № 91. – С. 37–42.
56. Дмитриев С.В., Донской Д.Д. (1993). Категориальный контекст теории антропоцентрической биомеханики. Проблемы и решения. – Н. Новгород. – 49 с.
57. Донской Д.Д., Дмитриев С.В. (1997). Антропоцентрическая биомеханика: истоки, тенденции и перспективы развития // Проблемы интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания в теории деятельности и двигательных действий. – Н. Новгород: НГПУ. – С. 58-67.
58. Дубинин Н.П. (1972). Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии. – № 10. – С. 46-57.
59. Дубровский Д.И. (2001). Постмодернистская мода // Вопросы философии. – № 8. – С. 42–55.
60. Зеленев Л.А. (1988а). Марксистско-ленинская концепция всестороннего развития личности // Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: тез. докл. на XVII межзон. симп. – Горький. – С. 4–22.

61. Зеленов Л.А. (1988б). Потенциал человека. – Горький. – 28 с.
62. Зеленов Л.А. (1991). Методология человековедения. – Н. Новгород. – 75 с.
63. Зеленов Л., Кеда Е. (1966). Все знать, все уметь. О всестороннем развитии человека. – Горький. – 95 с.
64. Зиновьев А.А. (1962). Проблема строения науки в логике и диалектике // Диалектика и логика. Формы мышления. – М.
65. Зиновьев А.А. (2000). Методологический очерк // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф. – С. 24–103.
66. Зиновьев А.А. (2002а). Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). – М. – 321 с.
67. Зиновьев А.А. (2002б). Логическая социология. – М.: Социум. – 260 с.
68. Зиновьев А.А. (2006). Фактор понимания. – М.: Алгоритм; Эксмо. – 528 с.
69. Зотов А.Ф. (1973). Структура научного мышления. – М.: Политиздат. – 182 с.
70. Ибрагимов М.М. (2011). Сова Минервы и Аполлон, или Два способа философского осмысления спорта // Теория и практика физ. культуры. – №4. – С. 94–100.
71. Ильенков Э.В. (1968). Об идолах и идеалах. – М.: Политиздат. – 319 с.
72. История античной диалектики. – М.: Мысль, 1972.
73. Кант И. (1965). Критика практического разума // Соч. в 6 т. – М. – Т. 4. Ч.1.
74. Кветной М.С. (1970). Быть всесторонне развитым человеком. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во.
75. Киященко Н.И. (1988). Смыслжизненное значение понятия «совершенный человек» // Гуманистические ценности современной культуры: Препринты докладов советских ученых к XVIII Всемирному философскому конгрессу «Философское понимание человека» (Великобритания, Брайтон, 21–27 августа 1988 г.). – М. – С. 30–36.
76. Кондаков Н.И. (1975). Логический словарь-справочник. – М.: Наука. – 717 с.
77. Конрад Н.И. (1972). Запад и Восток. – М.
78. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. – М.: Академия, 2002. – 24 с.
79. Коренберг В.Б. (2008). О некоторых базовых понятиях в нашей сфере // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 9–13.
80. Кормазева И.Б., Передельский А.А. (2010). Гуманистические философско-педагогические основания подготовки специалистов в сфере единоборств. – М.: ООО ВНИПР. – 100 с.
81. Королев Р.И. (2009). Интерпретации идеала «совершенного» человека в концепциях современного олимпизма: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М. – 25 с.
82. Косевич Е. (1992). Человек и его тело в свете Ветхого и Нового завета // Философские науки. – № 2. – С. 49–61.
83. Кравчик З. (1996). Спорт и гуманизм. Аспекты анализа // Духовность-Спорт-Культура. Вып. второй: Сб./Сост. и ред. В.И. Столяров. – М.: РАО, Гум. Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 5–14.
84. Краева О.Л. (1999). Диалектика потенциала человека. – М.; Н. Новгород: Нижегород. гос. с.-х. академия. – 192 с.
85. Кувакин В.А. (1998). Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека. (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). – СПб.-М.
86. Кувакин В.А. (2003). Предисловие редактора // Гивишвили Г.В. Гуманизм и гражданское общество. – М.: Российское гуманистическое общество. – С. 3–6.
87. Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке. – М.: Междунар. изд-во «Информациология», 2002. – 133 с.
88. Культура мира. Документы. Библиография. – М., 1999. – 125 с.
89. Культура Мира и Демократии: Учеб. пособие. – М.: Международный Институт культуры мира и демократии, 1997. – 419 с.
90. Культура мира: Информационные материалы. – М., 1999. – 120 с.
91. Культура: теории и проблемы. – М., 1995.
92. Кун Т. (1975). Структура научных революций / пер. с англ. – М.
93. Лазарев Ф.В., Брюс А. Литтл (2001). Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ. – 264 с.
94. Лекторский В.А. (1994). Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. – №6. – С. 22–28.
95. Леонтьев А.Н. (1974). Деятельность и личность // Вопросы философии. – № 4. – С. 87–97.
96. Лосев А. (1960). Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. – Вып. 3.
97. Лосев А.Ф. (1978). Эстетика Возрождения. – М.
98. Майор Федерико (1997). К культуре мира // Культура Мира и Демократии: Учеб. пособие. – М.: Междунар. Институт культуры мира и демократии. – С. 19–29.
99. Манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму // Здравый смысл. – 1999. № 13. – С. 2–40.

100. Мареев С.Н. (2001). Постмодернизм: философия как литература // Мареев С.Н., Мареева Е.В., Арсланов В.Г. Философия XX века (истоки и итоги). Учебное пособие. – М.: Академический Проект. – С. 439–457.
101. Маритен Ж. (1994). Интегральный гуманизм // Маритен Ж. Философ в мире. – М.
102. Марков Б.В. (1997). Философская антропология. – СПб.
103. Маркузе Г. (1986). Одномерный человек. – М.
104. Матвеев Л.П. (1998). Введение в теорию физической культуры. – М.: Физкультура и спорт.
105. Мисуно А.В. (1988). Философско-методологические проблемы комплексного подхода к формированию целостного человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Киев. – 33 с.
106. Многомерный образ человека: комплексное исследование человека. – М.: Наука, 2001. – 237 с.
107. Моисеев Н.Н. (1994). Некоторые общие особенности цивилизации наступающего века. – М.
108. Моисеев Н.Н. (1998). Расставание с простотой. – М.: “Аграф”. – 480 с.
109. Морган У. (2006). Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // Логос. – № 3.
110. Мухаметлатыпова Ф.У. (1988). Свободное время как социальный фактор целостного развития личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 25 с.
111. На пути к толерантному сознанию /Отв. ред. А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – 255 с.
112. Наука и гуманизм – планетарные ценности третьего тысячелетия. – М.: РГО, 2000. – 160 с.
113. Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: Тез. докл. на XVII межзон. симп. – Горький, 1983. – 221 с.
114. Неверкович С.Д. (2011). Об этике научных дискуссий // Теория и практика физ. культуры. – 2011. № 5. – С. 99
115. Никифоров Ю.Б. (2003). Будь крепок духом и телом. Православный взгляд на физическую культуру. – М.: Изд-во Душепопечительского Центра св. прав. Иоанна Кронштадтского. – 320 с.
116. Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития. – М., 2000.
117. Общественные перемены и Культура Мира. Парадигмы согласия. (Второе, расширенное издание). – М.: Международный институт перспективных проблем социокультурного и политического развития (МИПП), Изд-во «Весь мир», 1999. – 396 с.
118. Огурцов А.П. (2001). Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. – 2001. № 3. – С. 5-17; № 4. – С. 18-27.
119. О человеческом в человеке / Под общ. ред. Фролова И.Т.; Сост. Филиппова Е.В. – М.: Политиздат, 1991. – 384 с.
120. Передельский А.А. (2011). Философия спортивной науки: проблемно-футурологический анализ // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 101–104.
121. Печчеи А. (1980). Человеческие качества: Пер. с англ. – М.: Прогресс. – 302 с.
122. Платон (1968). Соч. в 3-х т. – М.: Мысль. Т. 1.
123. Платон (1970). Соч. в 3 т. – М.: Мысль. Т. 2.
124. Природа конфликта и теория человеческих потребностей (Сводный реф.) // Культура мира: Информац. материалы. – М., 1999. – С. 72-89.
125. Проблемы развития целостности личности/редколл. С.С. Батенин (отв. ред.) [и др.]. Л.: ЛГПИ, 1984.
126. Прокофьев А.В. (2001). Парадоксальный гуманизм и критика морали (Опыт этического анализа "Философии в будуаре" Д.А.Ф. де Сада) // Вопросы философии. – № 1. – С. 55-68.
127. Раймерс Н.Ф. (1992). Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. – М.: Изд. центр “Россия молодая”. Экология. – 367 с.
128. Репина Т.М. (1989). Проблема всестороннего развития личности (методологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 16 с.
129. Рерих Н.К. (1990). Избранное. – М.: Издательство “Правда”. – 528 с.
130. Рожанский И.Д. (1991). Античный человек. О человеческом в человеке. – М.: Политиздат. – С. 282–298.
131. Розов Н.С. (1999). Конфликты в геополитике и ценностный подход к переговорам // Культура мира: Информац. материалы. – М. – С. 4–25.
132. Савицкая Э. (1990). Закономерности формирования «модели культурного человека» // Вопросы философии. – № 5. – С. 61-74.

133. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Выпуск второй: Сб. / Сост. и ред.: д.ф.н. В.И. Столяров, к.ф.н. Е.В. Стопникова. – Москва: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 3–134.
134. Сборник: Философская антропология. Вып.1. – М., 1971. – 200 с.
135. Священник А. Овчинников (2002). Нужен ли христианам спорт. – Даниловский благовестник. – 96 с.
136. Сеилерова Божена (1988). Философские аспекты проблемы всесторонне развитой личности: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.. – 56 с.
137. Смирнов И.Н. (1984). Диалектика взаимосвязи социального и биологического. – М.: Знание. – 64 с.
138. Совершенный Человек. Теология и философия образа. – М.: Валент, 1997. – 448 с.
139. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – 1600 с.
140. Современный гуманизм: Документы и исследования / Общая редакция: Круглов А.Г., Кувакин В.А. – М: Российское гуманистическое общество. 2000. – 144 с.
141. Соколова Н.Л. (1992). Типологический анализ концепций всестороннего развития личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 21 с.
142. Соотношение биологического и социального: Межвуз. сб. научных трудов. – Пермский ун-т, 1981. – 176 с.
143. Социология: энциклопедия /Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
144. Станкевич Л.П. (1989). Социально-философская концепция целостности личности: автореферат дис. ... докт. филос. наук. – М.. – 36 с.
145. Степин В.С. (1992). Философская антропология и философия науки. – М: Высшая школа. – 190 с.
146. Степин В.С. (1994). Философия и образы будущего // Вопросы философии. – № 6. – С. 10-21.
147. Степин В.С. (1999). О философии ненасилия (от культа силы к диалогу и согласию) // Общественные перемены и Культура Мира. Парадигмы согласия. – М.: МИПП, Изд-во «Весь мир». – С. 239–244.
148. Столяров В.И. (1966а). О разработке диалектики как метода научного исследования // Диалектика и логика научного познания: Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики, 7–9 апреля 1965 г. – М.: Наука. – С. 333–347.
149. Столяров В.И. (1971а). Закономерности познания движения и логика // Пространство, время, движение. – М: Наука. – С. 570–594.
150. Столяров В.И. (1971б). Проблемы разработки материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки: Автореф. дис... докт. филос. наук. – М.
151. Столяров В.И. (1972). Два аспекта анализа научного познания // Проблемы логики, методологии и философии науки: Тезисы докладов, симпозиум. – Ереван, 22–26 февр. 1972 г. – Ереван. – С. 88–96.
152. Столяров В.И. (1973б). Развитие материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки // История марксистской диалектики (ленинский этап). – М.: Мысль. – С. 331–404.
153. Столяров В.И. (1975а). Диалектика как логика и методология науки. – М., Политиздат. – 247 с.
154. Столяров В.И. (1980д). Основные направления разработки теории материалистической диалектики // Проблемы диалектики, вып. 9. «Методологические проблемы развития материалистической диалектики». – Л.: Изд-во ЛГУ. – С. 49–61.
155. Столяров В.И. (1982б). Содержательно-генетическое исследование познания в логике и методологии науки // Философские основания науки: Материалы к VIII Всесоюз. конф. «Логика и методология науки», 26–28 сент. 1982 г., г. Паланга. – Вильнюс. – С. 30–33.
156. Столяров В.И. (1983). Методологическая функция диалектики и ее законов в научном исследовании // Диалектика и современное научное познание. – Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР. – С. 86–96.
157. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М.. – 99 с.
158. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
159. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.

160. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
161. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр. – М. – С. 126-142.
162. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – № 4. – С. 78–92.
163. Столяров В.И. (1990е). Проект «СпАрт» // Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы. – М. – С. 13-16.
164. Столяров В.И. (1998о). Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 5: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 101-265.
165. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
166. Столяров В.И. (2007а). Инновационная гуманистическая школа и Спартианский Гуманистический Центр // Вестник Российского Философского Общества. – №2 (42). – С. 119–122.
167. Столяров В.И., Неверкович С.Д. (2011). Претенциозная, но неудачная попытка переосмысления базовых основ теории физической культуры (критические заметки) // Теория и практика физ. культуры. – № 1. С. 32–36.
168. Субетто А.И. (1999). Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия. – СПб: ПАНИ. – 827 с.
169. Тавризян Г.М. (1983). Проблема преемственности гуманистического идеала человека в условиях современной культуры // Вопросы философии. – № 1. – С. 73 –82.
170. Тарасов К.Е., Черненко Е.К. (1979). Социальная детерминированность биологии человека. – М.
171. Терпимость: преддверие мира. Учебно-преподавательское руководство по воспитанию в духе мира, прав человека и демократии (Предварительное издание). – ЮНЕСКО. ED–94/WS/8.– 35 с.
172. Тилман Роб (1997). Гуманистическое образование в Нидерландах // Здравый смысл. – № 3. – С. 76-84.
173. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2000. – № 1. – С. 3-32.
174. Устойчивое развитие // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОН». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – С. 1058–1071.
175. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.
176. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М., 2011. – 570 с.
177. Фролов И.Т. (1989). О человеке и гуманизме. Работы разных лет. – М.
178. Фромм Э. (1986). Иметь или быть? – М.: Прогресс. – 238 с.
179. Фромм Э. (1994). Анатомия человеческой деструктивности.–М.: Республика.– 447 с.
180. Хайдеггер М. (1993). Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.
181. Хачатрян М.М. (1990). Диалектика всестороннего развития общества и личности: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Ереван. – 33 с.
182. Человек – мера всех вещей: Тезисы докл. к VII межзональному симпозиуму. – Горький, 1990. – 243 с.
183. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. В.П. Колесова и Т. Мак-Кинли. – М.: Права человека, 2000. – 464 с.
184. Черкесов В.И. (1962). Материалистическая диалектика как логика и теория познания. – М.
185. Чубарьян А.О. (1997). Культура мира: учеб. пособие. – М.
186. Шадриков В.Д. (1999). Происхождение человечности: Учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Изд. корпорация «Логос». – 2000 с.
187. Шимин Н.Д. (1995). Целостность как феномен бытия человека.–Н. Новгород.– 161 с.
188. Aitken Brian W.W. (1978). Sport, Religion and Human Well-Being // Philosophy, Theology and History of Sport and Physical Activity. International Congress of Physical Activity Sciences. Quebec, July 11-16, 1976. – Miami: Symposia Specialists. – P. 143–152.
189. Allisson M.T. (1988). New Humanism and International Discourse: Sport and Science as Forms of Cultural Exchange // Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba. – P. 21-39.
190. Benisz Henryk (1999). Significance of corporalities in the christian anthropology // Kultura Fizyczna. – N. 7-8. – s. 25-29.



191. Bouet M. (1977). The significance of the Olympic phenomenon: a preliminary attempt at systematic and semiotic analysis // *Int. Review of Sport Sociology*. – v.12, N. 3. – P. 5-22.
192. Braisted P. (1975). *Toward a New Humanism*. – New Haven: The Hazen Foundation.
193. Černý J. (1968). *Fotbal je hra (pokus o fenomenologie hry)*. – Praga.
194. Duret Pascal, Wolff Marion (1994). The semiotics of sport heroism // *Int. Review for the Sociology of Sport*. – vol. 29, N. 2. – P. 135-149.
195. Ellfeldt Lois, and Metheny Eleanor (1958). *Movement and Meaning: Development of a General Theory* // *Research Quarterly*. – v. 29. – P. 264-273.
196. *Encyclopedia of Phenomenology*. – Dordrecht Kluwer Academic, 1997.
197. Frankl V.E. (1975). *Zur Anthropologie des Sports* // V.E. Frankl. *Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie*. – Bern, Stuttgart, Wien. – S. 65-75.
198. Grupe O. (1973). *Philosophisch-anthropologische Sports*. – Schorndorf.
199. Grupe Ommo (1987). *Sport als Kultur*. – Zurich: Edition Interfrom.
200. Grupe O. (1988). Comment to Maria Allison "Sport and humanism" // *Sport and humanism: Proceedings of the Int. Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Gotenba. – P. 39-44.
201. Hartmann B. (1932). *Der Christ und der Sport*. – München, 1932.
202. Kosiewicz Jerzy (2000a). *Igrzyska olimpijskie w perspektywie religijnej i filozoficznej koncepcji ciała* // Kosiewicz Jerzy. *Kultura fizyczna i sport w perspektywie filozofii*: Warszawa. – P. 137-145.
203. Kosiewicz Jerzy (2000b). *Kultura fizyczna i sport w perspektywie filozofii*: Warszawa. – 234 p.
204. Krawczyk Z. (1983a). *O kulturze fizycznej. Studia i szkice*. – Warszawa. – 153 p.
205. Krawczyk Z. (1984c). The ontology of the body: a study in philosophical and cultural anthropology // *Dialectics and Humanism*. – v. XI, N. 1. – P. 59-75.
206. Krawczyk Z. (1984d). *Sport, Kultur, Gesellschaft. Sozialphilosophische Beiträge*. – Verlag Karl Hofmann: Schorndorf. – 125 p.
207. Krawczyk Z., Jaworski Z., Ulatowski T. (1973). The Dialectics of Transformation in Modern Sport // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, Results, Materials Scientific Congress Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin etc.: Springer. – P. 55-60.
208. Lipiec Józef (1999a). *Filozofia olimpizmu*. – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Sportowe SPRINT. – 234 p.
209. Lumpkin Angela (1990). *Philosophy and Physical Education and Sport* // Lumpkin Angela. *Physical Education and Sport: A Contemporary Introduction*. – Toronto, Boston: Times Mirror/Mosby College Publishing, Second Edition. – P. 22-42.
210. MacAloon John (1978). Religious Themes and Structures in the Olympic Movement and the Olympic Games // *Philosophy, Theology and History of Sport and Physical Activity. International Congress of Physical Activity Sciences. Quebec, July 11-16, 1976*. – Miami: Symposia Specialists. – P. 161-170.
211. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. (1992). *Beyond the Limits: Global Collapse or a Sustainable Future?* – L.
212. Mylik Mirosław (1997). *Filozoficzne podstawy sportu*. – Warszawa: Wydawnictwo Kolegium Pijarów. – 239 p.
213. Nikolaou Lambis W. (1986). The Olympic Spirit in Ancient Greece and in Modern Society // *IOA. Report of the 25<sup>th</sup> Session*. – Lausanne. – P. 45-49.
214. Osterhoudt R. (1978). *An Introduction to the Philosophy of Physical Education and Sport*. – Champaign (Ill.): Stipes publishing Co. – 260 p.
215. Paleologos Cleanthis (1977). The Olympic Idea in the Antiquity and Today // *Report of 16<sup>th</sup> Session of the IOA*. – Athens. – P. 41-48.
216. Paleologos Cleanthis (1978). The Ideological Foundation of the Ancient Games // *Report of the 17<sup>th</sup> Session of the IOA*. – Athens. – P. 44-53.
217. Paleologos Cleanthis (1982). Heracles (Hercules), the Ideal Olympic Personality // *IOA. Report of the 22<sup>nd</sup> Session*. – Lausanne. – P. 54-71.
218. *Probleme und Ansätze in der protestantischen Theologie // Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse*. – Berlin. Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 1972. – P. 64-83.
219. Rapp-Wagner R. (1997). *Postmoderne Denken und Pädagogik: eine kritische Analyse aus philosophische-anthropologischer Perspektive*. Bern-Stuttgart-Wien.
220. Rijsdorp Klaas (1975). Gymnology – The philosophy and science of motor action in anagogical framework // *Int. Journal of Physical Education*. – vol. XII, issue 3. – P. 10-16.
221. Saraf M.J. (1977). Semiotic Signs in Sports Activity // *Int. Review of Sport Sociology*. – v. 2. – P. 89-101.
222. Slusher Howard S. (1967). *Man, Sport and Existence: A Critical Analysis*. – Philadelphia: Lea & Febiger.

223. Slusher H.S. (1973). *Existential Humanism and Sport // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress*, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 549-554.
224. *Sport from the viewpoint of phenomenology // Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress*, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 537-546.
225. *Sport in der katholischen Theologie des 20. Jahrhunderts // Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse.* – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag, 1972. – P. 43-63.
226. *Sport in theologischer und religionswissenschaftlicher Sicht // Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse.* – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag, 1972. – P. 43-102.
227. *Sport und nichtchristliche Religionen // Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse.* – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag, 1972. – P. 84–88.
228. *Sport und Semiotik*/Friedrich G., Hildebrand E., Schwerin J. (Hrsg.). – St. Augustin, 1994.
229. Steinhaus Arthur H. (1961). *Plato's Charioteer. The Whole Man, Science and Physical Education // Olympic Academy Report 1961.* – Athens: IOA. – P. 28-36.
230. Stolyarov Vitali (1988). *The allround development of the individual: utopia or reality? // "Social Sciences Today" Editorial Board*, Moscow. – P. 187-192.
231. Stolyarov V.I. (1979a). *Content–genetic investigation of cognition in logics and methodology of science // Abstracts. 6<sup>th</sup> International congress of logic, methodology and philosophy of science*, Hannover, August 22–29, 1979. – Hannover. – P. 121–123.
232. Szymiczek Otto (1972). *The Olympic Philosophy in Antiquity and in Our Times // Report of the 12th Session of the IOA.* – Athens. – P. 44-54.
233. *The Interpretation of Sport from the Viewpoint of Philosophical Anthropology // Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress*, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 547-556.
234. Wachter de F. (1983). *Are Sports a Factor for Peace? // Topical Problems in Sport Philosophy*/ed. Hans Lenk. – Hoffman Verlag, Schorndorf. – S. 255-269.
235. Weiss Otmar (1988). *Being a Body and Having a Body: An Anthropological Perspective of Sport and Sport Spectators.* – 17 p.
236. Weiss Paul (1969). *Sport: A Philosophic Inquiry.* – Carbondale: Southern Illinois University Press.
237. Young D.C. (2005). *Mens Sana in Corpore Sano? Body and Mind in Ancient Greece // The International Journal of the History of Sport.* – vol. 22, nr 1. – P. 22–41.
238. Zeigler Earle F. (1982). *Philosophy of Sport and Developmental Physical Activity: A paper prepared for the 1982 Annual Meeting of the Canadian Association for Sport Sciences.*–14 p.
239. Zeiss C. (1962). *Christ und Sport.* – Gladbeck.

## **Глава 4. Становление, развитие и структура философии спорта и телесности человека**

Для философского исследования проблем спорта и телесности человека характерен длительный путь становления и развития.

### **4.1. Становление и развитие философской рефлексии спорта и телесности человека**

Генетические корни философской рефлексии проблем спорта и других связанных с ним явлений уходят в глубокую древность. Имеется в виду не использование термина «философские исследования спорта» и не какие-то специальные философские дисциплины, анализирующие данные явления, а характер исследовательской проблематики.

Так, например, уже Платон обращался к теме смысла гимнастического воспитания, спортивного зрелища и ценностей телесности. Некоторые проблемы спортивного соперничества и физических упражнений затрагивали в своих работах такие известные философы, как Рене Декарт, Фридрих Шиллер, Йохан Хёйзинга, Жан Поль Сартр, Карл Ясперс, Габриель Оноре Марсель, Джордж Сантаяна, и такие классики социологии, как Г. Спенсер, Г. Зиммель, М. Вебер, М. Шелер, Ф. Знанецкий и др. Вопросы о социальной природе и социальном значении физических упражнений и спорта обсуждались также в трудах социалистов-утопистов и философов эпохи Возрождения. Предметом философской рефлексии становились и определенные виды спорта. Так, в Новое время в Западной Европе, а также в Японии множество трактатов было посвящено «философии фехтования» [Круглов, 2000]. Живой интерес у философов вызывал теннис. В европейской поэзии XVII в. он был постоянным предметом философских аллегорий [Шестаков, 2002].

Но, естественно, во всех указанных случаях речь не идет о возникновении развитой теории, имеющей статус философии спорта или философии телесной культуры. Это были некоторые философские идеи, вплетенные в общую концепцию мира и человека, рефлексии, далекие от основного предмета интереса данных философов.

Философское осмысление спорта и других связанных с ним явлений находилось на низком уровне, поскольку они рассматривались в философии как поверхностные, тривиальные и несерьезные аспекты социальной жизни в отличие от экономики, политики, профессиональных занятий, которые считались важными, серьезными и существенными. Поэтому они не составляли предмет самостоятельной философской науки, а изучались в рамках других дисциплин – таких, например, как социология культуры, социология свободного времени, социология юношества, теория социального конфликта и др.

Отдельные социально-философские проблемы игры и спорта затрагивали в своих работах и представители других общественных наук, например, культурной и социальной антропологии [Blanchard, 1985]. В первую очередь речь шла об изучении игры и так называемого примитивного спорта, их религиозных функций в примитивных культурах и обществах, о вкладе игры в культуру и т.п. [Хёйзинга, 1992; Bowen, Mitchell, 1927; Culin, 1907; Damm, 1922; Firth, 1930; Hye-Kerkdal, 1956; Krickeberg, 1948; Mendner, 1956; Sutton-Smith, 1970, 1978, 1981 и др.].

У. Морган пишет по этому поводу: «Философия слишком долго пренебрегала спортом. Хотя в философии существовала сложившаяся традиция рассмотрения форм жизни, имеющих большое значение для общества и людей (философия религии, искусства, науки и образования), спорт, несмотря на свое влияние на такие разные культуры, как культура Древней Греции и современной Америки, так и не удостоился сколько-нибудь серьезного философского внимания. Конечно, были и исключения. Например, Платон и Аристотель одобрительно и иногда даже восторженно писали об игре и спорте, а современные философы – такие, как Ницше и Хайдеггер, – использовали игру как метафору для определения своих особых мировоззрений. Сартр и Витгенштейн обращались к понятиям спорта и игры при разработке своих влиятельных концепций человеческого существования и языка. Но в целом большинство философов просто игнорировали спорт, считая его слишком несущественным для того, чтобы тратить на него свое время» [Морган, 2006, с. 147].

Философские дисциплины, изучающие спорт, физические упражнения, физическое воспитание, телесную культуру и т.д., не сразу сформировались и в рамках «спортивной науки». В течение длительного времени в этой сфере научного познания на первом плане находились биологические, физиологические, анатомические и педагогические проблемы

данных социальных явлений. В некоторой степени это было оправданно логикой реального развития сферы физического воспитания и спорта, а также логикой их познания. Пока спорт имел локальную сферу действия, а стихийное его развитие проходило в границах, в которых им можно было управлять без специальных знаний, создавалось впечатление, что можно обойтись без научного анализа связанных с ним философских проблем или в лучшем случае ограничиться отдельными рассуждениями по поводу этих проблем.

Ситуация стала меняться по мере все более широкого развития физкультурно-спортивной деятельности и научных исследований этой деятельности.

Превращение спорта в конце XIX – начале XX в. в социальное явление мирового масштаба, рост его авторитета и влияния в мире, различные связанные с ним кризисные ситуации все более настоятельно требовали теоретического самосознания этого сложного социального феномена, его глубокого социально-философского анализа. Развитие физкультурно-спортивного и олимпийского движений, их универсальность, возрастающая роль в современном мире, тесная связь с многочисленными проблемами нашей эпохи создавали потребность перехода в области социально-философской проблематики спорта от чисто практических знаний и разрозненных иллюстраций к систематическому анализу, основанному на проверенных исследовательских методах и признанных научных теориях. Новые образцы поведения и градации ценностей, возникшие под влиянием спорта высших достижений и олимпийского спорта, стали требовать все более широкой, полной, точной и дифференцированной информации. Возникла также потребность в изучении влияния экономики, политики, культуры, средств массовой информации на спорт, с одной стороны, а с другой – обратного воздействия спортивного и олимпийского движения на различные сферы социальной жизни, на образ жизни людей. Как отмечено выше, все более важное значение приобретали культурологические и логико-методологические проблемы «спортивной науки». Отсутствие научно-обоснованной информации по всем этим вопросам, на которую могла бы опереться деятельность в сфере спорта и телесной культуры, снижало эффективность этой деятельности, тормозило развитие физкультурно-спортивного движения, телесных практик, не позволяло увидеть их перспективы, снижало их престиж в системе ценностей современной культуры, а также препятствовало более эффективной организации научных исследований в этой области.

Поэтому к отдельным философским проблемам спорта и телесной культуры стали обращаться и представители «спортивной науки» – прежде всего таких дисциплин, как теория спорта и физического воспитания, социология физической культуры и спорта и др. Как отмечает Е. Липец, философия спорта «возникла как относительно независимая и самостоятельная область исследования под напором фактов. Спорт обнаружил себя не только в качестве постоянного и важного культурного фактора, но и носителем новых, не проявляемых вне его особенностей (человека и бытия), показывающего специфические, собственные иерархии ценностей в сфере человеческого мира» [Ліпес, 1999, р. 13].

Выделение философии спорта и телесной культуры в самостоятельную науку шло по линии ее обособления, с одной стороны, от других философских дисциплин, а с другой стороны – от других дисциплин в структуре «спортивной науки».

Как отмечает американский ученый Б.Д. Сэкмэри (Sackmar), для признания какой-либо области научной специализации в качестве самостоятельной научной дисциплины она должна удовлетворять двум условиям: «Во-первых, она должна добиться индивидуальности. То есть должна существовать область исследований со своим особым предметом рассмотрения; должна также существовать группа специалистов, которые поддерживают социальные связи и считают себя членами одного “социального круга”. Во-вторых, она должна быть определена в рамках более широкой области как узаконенная область исследования и должна войти в структуру дисциплины» [цит. по: Loy, Kenyon, McPherson, 1980, р. 92].

Поводом для постановки вопроса о формировании философии спорта и телесной культуры как самостоятельной науки прежде всего стал тот факт, что объектом философской рефлексии стало такое важное и относительно самостоятельное социальное явление, как спорт, а также некоторые другие связанные с ним явления, – занятия физическими упражнениями, физическое воспитание и т.д. Причем круг этих тесно связанных между собой явлений, подвергаемых философскому анализу, постоянно расширялся. В частности, в него стали включаться такие явления, как физическая рекреация, телесность человека, физическая культура и т.д.

Наряду с этим все более осознавалось, что анализ философско-мировоззренческих, социально-философских, культурологических, эстетических, этических, гносеологических и логико-методологических проблем «спортивной науки» в рамках научных дисциплин, имеющих другой предмет исследования, – малоэффективный путь. Формировалось и крепло убеждение в необходимости *специального* философского анализа спорта и других связанных с ним явлений, так как такой анализ дает возможность при решении философских проблем «спортивной науки» использовать опыт решения аналогичных проблем, накопленный за всю историю человеческого познания в других науках.

Все отмеченные выше факторы содействовали становлению, начиная с 20-х годов прошлого века, философии спорта и других аналогичных относительно самостоятельных философских дисциплин. Появляются научные публикации, в которых предпринимаются попытки специального философского анализа спорта, физического воспитания, телесности человека и т.д. И таких работ становится все больше. Об этом свидетельствует хотя бы библиография зарубежных работ по этой проблематике [см. например: DeSensi, 1985–1987; Osterhoudt, 1998; Osterhoudt, Simon, Volkwein, 2000].

У. Морган [Морган, 2006], характеризуя период становления философии спорта в Северной Америке в середине – конце 1960-х гг., отмечает два события, сыгравших решающую роль в «академическом дебюте» этой философской дисциплины. Во-первых, это стремление дополнить новыми подходами традиционный анализ физического воспитания: «Если традиционное физическое воспитание основывалось исключительно на медицинских и педагогических исследованиях физической активности и спорта, то новая, зарождавшаяся область спортивных исследований преследовала более амбициозные интеллектуальные цели, дополняя традиционные медицинские и педагогические исследования философскими, историческими и социологическими». Место философии спорта в этой новой области исследований, отмечает он, «застолбили» две публикации: Э. Метени «Движение и значение» [Metheny, 1968] и Г. Слашер «Человек, спорт и существование» [Slusher, 1967]. В качестве второго события У. Морган указывает «запоздалое рассмотрение спорта собственно философией». В связи с этим он особо выделяет книгу «Спорт: философское исследование» [Weiss, 1969], которую написал связанный с прагматистским движением известный философ Пол Вайс. Как отмечает У. Морган, она «встретила шумный отклик в философском сообществе» [Морган, 2006, с. 148].

Отмеченные выше этапы становления и развития философской рефлексии спорта и телесности человека выделяет ряд исследователей в ходе анализа этого процесса.

Так, Р. Остерхаудт [Osterhoudt, 1978] в качестве основного содержания первого этапа эволюции философского исследования физического воспитания и спорта указывает отдельные философские ссылки на эти социальные явления в форме комментариев биологического, военного или воспитательного характера. Такого рода ссылки, отмечает он, имели место у таких известных философов, как: Платон и Аристотель в античном мире; Святой Августин и Фома Аквинский в Средние века; Фрэнсис Бэкон, Джон Локк, Жан Жак Руссо и Иммануил Кант в современный период; Фридрих Шиллер, Иоганн Готтлиб Фихте, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Фридрих Ницше, Дж. Бентам, Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер в период XIX столетия; Джосайя Ройс, Бенедетто Кроче, Джованни Джентиле, Анри Бергсон, Карл Ясперс, Жан Поль Сартр, Габриель Оноре Марсель, Мартин Бубер, Морис Мерло-Понти, Алфред Норт Уайтхед, Джордж Сантаяна, Джон Дьюи – в период XX столетия.

В начале XX столетия начинается более систематическое изучение философских проблем физического воспитания и спорта. В качестве первых работ этого периода Р. Остерхаудт указывает книгу Л. Гуликка «Философия игры» [Gulick, 1920] и книгу К. Хезерингтона «Школьная программа в физическом воспитании» [Hetherington, 1922]. К числу наиболее значительных последующих работ этого периода он относит книги: Ч. Брайтбилл «Человек и досуг: философия рекреации» [Brightbill, 1961], Ч. Коуэл и У. Франс «Философия и принципы физического воспитания и спорта» [Cowell, France, 1963], Э. Маттиас «Глубинное значение физического воспитания» [Matthias, 1929], Ч. Макклой «Философские основы физического воспитания» [McCloy, 1940], Э. Вэймэн «Современная философия физического воспитания» [Wayman, 1938] и др.

С публикации книги Э. Дэвиса «Философский процесс в физическом воспитании» [Davis, 1961], сборника «Философский подход к физическому воспитанию» [Philosophies Fashion... 1963] и книги Э. Цейглера «Философские основы физического воспитания,

здоровья и рекреации» [Zeigler, 1964], отмечает Р. Остерхаудт, начался новый этап развития философии физического воспитания и спорта. Указанные работы «были первыми из немногих, которые синтезировали достижения предыдущих публикаций и создали условия, при которых аутентичное изучение общей философии предполагает понимание и оценку физического воспитания и спорта» [Osterhoudt, 1978, Р. 23]. Книга Э. Цейглера, указывает он, дает наиболее систематическое представление о месте философии в спорте и физическом воспитании.

Следующим важным шагом на пути развития систематического анализа философских проблем физического воспитания и спорта Р. Остерхаудт связывает со следующими публикациями: Й. Хёйзинга «Номо Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры» [Huizinga, 1950], Г. Слашер «Человек, спорт и существование; критический анализ» [Slusher, 1967], Э. Метени «Движение и значение» [Metheny, 1968] и П. Вайс «Спорт: философский анализ» [Weiss, 1969].

Дополняя Р. Остерхаудта, отметим других зарубежных авторов, имеющих значимые публикации по философским проблемам спорта и телесности человека: Берри Э. [Berry, 1972], Черны Дж. [Černý, 1968], Франке Э. [Franke, 1978, 183, 1984, 1988 a, b, 1994, 1995 a, b, 1999, 2006], Групе О. [Grupe, 1973, 1987], Гюльденпфенниг С. [Güldenpfennig, 1981, 1984 b, 1989 a, b, 1992, 1996, 2000, 2001], Хейнила К. [Heinilä, 1974], Ходан Б. [Hodaň, 1995/96, 1997], Жё Б. [Ječ, 1972, 1985], Косевич Е. [Kosiewicz, 1986, 2000b, 2005], Косяк В.А. [Косяк, 2002], Кравчик З. [Krawczyk, 1970, 1974, 1978 c, 1983 a, 1984 a, b, c, d, 1988 a, b, 1990 a, b, 1996, 2000, 2005 a, б], Кретчмар Р. [Kretchmar, 1982, 1988, 1989, 1994], Люкевич У.П. [1991, 1998, 2000], Макинтош П. [McIntosh, 1963, 1979, 1984 a, b], Морган У. [Морган, 2006; Morgan, 1976, 1977, 1978, 1983 a, b, 1985, 1988 ], Мылик М. [Mylik, 1997], Остерхаудт Р. [1973, 1974, 1978, 1998], Посьелло К. [Pociello, 2004], Такач Ф. [Takacz, 1973, 1981, 1986], Томас К. [Thomas, 1983], Вандерцвааг Г. [Vanderzwaag, 1972], Volkwein К. [1995, 2004 a, b], Вайс О. [Weiss O, 1988, 1996], Вайс П. [Weiss P., 1969], Витт Г. [Witt, 1982], Wohl А. [1962, 1970, 1973 a, b, 1977 a, 1984 a, b, 1986, 1987], Цейглер Э. [Zeigler, 1964, 1968, 1977, 1982] и др.

Философским проблемам спорта и телесности человека посвящены многочисленные работы отечественных авторов [Быховская, 1993 а, 1994, 1996 а, б, 1997, 2000; Визитей, 1979, 1980, 1982, 1986, 1989, 2009; Данилов, 2007; Жаров, 1988; Круткин, 1993; Кузнецов, 1980, 1982, 1986; Курамшин, 1996, 2002, 2005; Курило, 2000 а, б; Лебедев А.С., 2006; Лебедев Ю.А., 1993; Леонтьук, 1996; Лобжанидзе, 1980; Лукьяненко, 2008; Милеев, 1931; Моченов, 1981, 1998, 2009; Назаренко, 2004; Неверкович, 1996, 2004, 2005, 2007; Незвецкий, 1982; Никишин, 2005; Николаев, 1998а,б, 2003, 2004, 2007; Оробинский, 1970; Передельский, 1993, 2008, 2011; Петрова, 1988; Пилюян, 1989, 1997; Подорога, 1995; Полетаева, 1984; Пономарев Н.А., 1978, 1982, 1984; Пономарев Н.И., 1974 в, г; Пономарчук, 1988, 1989, 1994 а, б, 2002; Починкин, 1985; Романенко, 1988; Сараф, 1978, 1981, 1994, 1996, 2004, 2005 а, в; Скрипко, 2001; Смирнов, 1995; Степовой, 1972, 1984; Тышковская, 1989; Филимонова, 2004; Френкин, 1961, 1963; Щелкина, 1988 и др.].

Особо выделим отечественных и зарубежных авторов, публикации которых посвящены философским проблемам *олимпийского движения*: Бугреев А.Н. [1981, 1990, 1995, 1997, 1998, 1999, 2002], Егоров А.Г. [1989, 1991, 1994 а, б, 1996, 1998, 1999, 2001 а, б, 2005], Кыласов А.В. [2009, 2010 а, б], Ленк Г. [Ленк, 1997; Lenk, 1964, 1970, 1971 а, б, 1972 а, б, 1973, 1974, 1976 а, б, с, 1978, 1979, 1980 а, б, 1981 а, б, с, 1982 а, б, 1983 б, с, 1984 а, б, 1985 а, б, с, d, e, 1986, 1987, 1988, 1990, 2007], Липьец Дж. [Lipiec, 1984, 1994, 1997, 1999 а, б, 2005], Ниссиотис Н. [Nissiotis, 1979, 1982, 1985], К. Палеологос [Paleologos, 1970, 1974, 1977, 1978, 1982], Попов Н. [1980 а, б], Родиченко В.С. [1991, 2003, 2004, 2007], Франке Э. [Franke, 2006] и др.

*Список и характеристика основных публикаций автора данной книги и его учеников по философским проблемам спорта и телесности человека будут даны в Заключении к данной книге.*

Отметим также коллективные труды, значимые для разработки философии спорта и телесности человека: «Философия спорта» [The philosophy of sport, 1973], «Философия и социология физической культуры» [Filozofia i socjologia, 1974], «Философия, теология и история спорта и физической активности» [Philosophy, Theology... 1978], «Основные проблемы философии спорта» [Topical problems... 1983], «Философско-социологические проблемы физической культуры и спорта» [1985], «Философско-социологическая теория фи-

зической культуры и спорта» [1986], «Философско-социологические исследования физической культуры и спорта» [1988], «Философия физической культуры. Концепции и проблемы» [Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, 1990], «Философские исследования спорта» [Philosophic inquiry... 1995], «Философия спорта» [Sportphilosophie, 1997], «Философия физической культуры» [Philosophy of Physical Culture, 1997], «Аксиологические параметры спорта» [Axiological Dimensions of Sport... 2004] и др.

Развитию исследований в области философии спорта в немалой степени содействовало созданное в 1972 г. международное Философское общество по исследованию спорта (Philosophic Society for the Study of Sport). В настоящее время оно носит название «Международная ассоциация философии спорта» (The International Association for the Philosophy of Sport). Первым ее президентом был избран упомянутый выше известный философ Пол Вайс. С 1974 г. Общество начинает издавать международный журнал по философии спорта (Journal of the Philosophy of Sport), регулярно проводит международные семинары, конференции по проблемам этой философской дисциплины.

Таким образом, в эволюции философского исследования спорта и телесности человека можно выделить два основных этапа. Первый из них – длительный период философской рефлексии отдельных аспектов этих социальных явлений и в рамках дисциплин, основным предметом которых были другие явления. Второй этап – целостный, систематический анализ спорта и телесности человека на основе формирования философии спорта и телесности человека как отдельной самостоятельной дисциплины (комплекса входящих в нее дисциплин).

В настоящее время практически завершился процесс ее формирования как особой философской дисциплины и одной из научных дисциплин «спортивной науки» [см.: Osterhoudt, 1998; Osterhoudt, Simon, Volkwein, 2000]. «Более того, философия спорта как отрасль знания в настоящее время вступила в такую фазу своего развития, которая характеризуется процессом ее институционализации. Сейчас в мире существует достаточно широкий и представительный круг центров и организаций, профессионально занимающихся изучением проблем философии спорта» [Пешков, 2005, с. 604]. Международная ассоциация философии спорта имеет различные региональные отделения и специализированные центры в Австралии, Великобритании, Германии, Голландии, Канаде, США и других странах [см.: Osterhoudt, Simon, Volkwein, 2000, р. 118–120]. К их числу относятся, например, Центр по прикладной спортивной философии и этическим исследованиям (C.A.S.P.E.R. – Center for Applied Sport Philosophy and Ethics Research), который создан в Великобритании в университете DeMonfort (г. Бредфорд), а в России – Спартианский гуманитаристический центр Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма.

Во многих странах неотъемлемой частью образовательных программ высших учебных заведений являются учебные курсы по философии спорта. В России такие курсы были введены еще в 1982 г. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФК [см.: Столяров, 1984 а, 1987 б; Столяров, Мильштейн, 1984]. В настоящее время ведущими центрами по изучению философии спорта и телесности человека являются Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва) и Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург).

Конечно, до сих пор многие проблемы этой философской дисциплины не разработаны и по-прежнему являются дискуссионными. Как отмечают известные польские философы З. Кравчик и Е. Косевич, «...до сих пор точно не определен объект исследования философии спорта. Не разработаны также основные категории, понятия и исследовательские процедуры этой новой, формирующейся области науки». Они справедливо указывают на то, что «неопределенный характер сущности, статуса и методологии философии спорта отражает трудности установления специфики наук о физической культуре (которые включают в себя и философию спорта) и их места в общей системе наук» [Kosiewicz, Krawczyk, 1997, р. 9].

В принципе можно согласиться и с той общей оценкой состояния разработки философии спорта, которую дал Г. Ленк – в 1971 г. и позднее, в 1984 г.: «Нет детально разработанной философии спорта и направленного на достижение поведения, а существуют лишь зачатки последних» [Lenk, 1971 а, р. 19]; «Уровень развития и статус исследования философии спорта пока не могут быть выражены в виде формулы с единой концепцией теорий,

терминов и методов этой дисциплины. До сих пор только проблемы, а начиная с 1972 г. деятельность международного общества (Философское общество исследования спорта), объединяют пока еще небольшую группу исследователей. Философия спорта как независимая часть философии (и как научная теория) едва различима» [Lenk, 1984 а, р. 33].

Во многом указанные оценки сохраняют свое значение и в отношении к современному состоянию разработки обсуждаемой философской дисциплины.

#### **4.2. Структура философии спорта и телесности человека, ее взаимоотношения с другими философскими дисциплинами и «спортивными науками»**

Философия спорта и телесности человека включает в себя комплекс взаимосвязанных элементов, которые могут быть выделены по двум основаниям, учитывая:

- 1) *объекты*, изучаемые этой дисциплиной;
- 2) те философские *проблемы*, которые она ставит и пытается решить.

Структура философии спорта и телесной культуры с точки зрения объектов, изучаемых этой дисциплиной. Определение объекта научного исследования – весьма сложная процедура. Как известно из логики и методологии науки, объектами науки могут быть:

- фрагменты (области) *реальной* действительности, выделенные исследователем для изучения;
- *идеальные* конструкторы – объекты, «сконструированные» исследователем на основе идеализации реальных явлений, когда им приписываются некоторые принципиально неосуществимые свойства.

Чтобы выделить объекты своего исследования, отграничить их от других, наука формулирует соответствующие понятия. Это предполагает использование абстракций различного уровня, правомерность которых должна быть обоснована [Зотов, 1973; Раки-тов, 1969; Столяров, 1984 а].

Проблема определения объектной области науки не только сложная и очень важная. Ее значимость определяется тем, что вся система знаний науки относится к объектам, выделенным для исследования. Только применительно к этим объектам ее знания могут оцениваться как истинные или ложные. Поэтому, если объектная область науки четко не выделяется, смешивается с другими, это приводит к многочисленным и серьезным ошибкам.

Относительно объектной области обсуждаемой философской дисциплины не существует однозначного мнения. Иногда в качестве таковой выделяют только *спорт*, но чаще к этому социальному явлению добавляют другие: *физическое воспитание, физическую культуру, физическую рекреацию, физические упражнения, телесность, спортивную технику* и др.

О разнообразии понимания данной объектной области свидетельствуют уже названия дисциплины.

В зарубежных публикациях ее чаще всего обозначают термином «*философия спорта*» [Gregg, 1971; Haag, 1995; Hyland, 1990; Kretchmar, 1994; Lenk, 1972, 1983; McBride, 1932; Mylik, 1997; Osterhoudt, 1973; Philosophie des Sports, 1973; Philosophic inquiry... 1988, 1995; Sportphilosophie, 1997; Thomas, 1983; Topical Problems... 1983; Vanderzwaag, 1972; Weiss, 1969].

Для характеристики этой дисциплины в целом или каких-то ее разделов используются и другие термины, например:

- «*философия атлетики*» [Berry, 1972; Lenk, 1979],
- «*философия физического воспитания*» [Cowell, France, 1963; Davis, 1961; Elwood, Miller, 1967; Harper, Miller, Park, Davis, 1977; McCloy, 1940; Philosophies Fashion... 1963; Wayman, 1938; Webster, 1965],
- «*философия движений*» [Best, 1978],
- «*философия физических упражнений*» [Schulte, 1928],
- «*философия (аксиология, онтология, эпистемология) тела/телесности*» [Косяк, 2002; Кравчик, 2005 а; Krawczyk, 1984 b; Spiker, 1970],
- «*философия достижений*» [Krockow, 1974; Lenk, 1976].
- «*философия олимпизма*» [Lipiec, 1999; Nissiotis, 1979, 1982],
- «*философия физической культуры*» [Filozofia kultury... 1990; Krawczyk, 1974, 1978 c; Philosophy of Physical Culture, 1997].



Применяются и различные сочетания указанных терминов:

- «*философия физического воспитания и атлетики*» [Cobb, Lepley, 1973],
- «*философия спорта и атлетики*» [Mihalich, 1982],
- «*философия спорта и физической активности*» [Philosophy, Theology... 1978],
- «*философия физического воспитания и спорта*» [Osterhoudt, 1978; Zeigler, 1968],
- «*философия физического воспитания, здоровья и рекреации*» [Zeigler, 1977],
- «*философия физической культуры и спорта*» [Kosiewicz, 2000] и т.д.

При этом обычно не указывается тот критерий, по которому производится дифференциация этих философских теорий, не обсуждается вопрос об их взаимоотношении.

В отечественных публикациях, как известно, чаще всего фигурируют термины «*философия спорта*», «*философия физической культуры*», «*философия физической культуры и спорта*».

Проблема уточнения объектной области обсуждаемой философской дисциплины осложняется еще и тем обстоятельством, что она, как и у других дисциплин той сферы научного исследования, которую традиционно чаще всего называют «*спортивная наука*» или «*наука (науки) о спорте*», во многом формируется стихийно. Абстракции, используемые при этом, как правило, не формулируются в явном виде. Понятия, которые вводятся в этих науках (в том числе в обсуждаемой философской дисциплине) для выделения их объектной области, отграничения от других объектов анализа, разные исследователи понимают по-разному. А кроме того, вводимые понятия часто не удовлетворяют методологическому требованию эффективности определения, так как не позволяют достаточно четко выделить изучаемый объект, отграничить его от других объектов [Столяров, 1984 г, 1997 г, 2004 в, 2005 д, 2007 д, е, 2009 г, 2010 з].

Такая ситуация имеет место даже применительно к понятию «*спорт*» – основному понятию «*науки (наук) о спорте*». Во многих зарубежных публикациях к спорту относятся разнообразные формы физической (двигательной) активности, как предполагающие соперничество, так и не предполагающие его [см., например: Спортивная хартия, 1996, с. 15; Kretchmar, 1994, р. XVIII]. Например, занятия в фитнес-центрах оцениваются как новая модель спорта [Brennpunkte... 1988]. При таком подходе, с одной стороны, спорт не отграничивается от тех форм физической активности, которые обычно относятся к физкультуре (физкультурной двигательной деятельности), а с другой стороны, из него исключаются такие общепризнанные виды спорта, как шахматы, шашки и т.п. В отечественных публикациях спорт, как правило, связывают с соревнованиями. Однако часто не уточняется, какие именно соревнования являются спортивными. Предметом острых дискуссий является вопрос о том, можно ли спортивными считать любые соревнования или только определенные, в чем специфика спортивных соревнований и т.д.

Еще более существенные разногласия существуют относительно других понятий, используемых «*науками о спорте*». Яркой иллюстрацией служит понятие «*физическая культура*». Чаще всего под физической культурой понимают особые формы двигательной активности, но при этом не уточняется, какие именно, не указываются особенности этих форм. Проведенный автором [Столяров, 1984 г, 1985 б, 1998 м, 2002 д, 2009 г и др.] анализ монографий, статей, диссертаций, в которых используется понятие физической культуры, показывает, что в них не различаются два разных ее понимания: понимание физической культуры как двигательной деятельности, используемой для целенаправленного воздействия на физическое развитие человека, и ее понимание как двигательной деятельности, применяемой для решения более широкого круга социально значимых задач (для отдыха, развлечения, общения и т.д.). Эти два понимания физической культуры существенно отличаются друг от друга: в них используются различные абстракции и на основе этого выделяются два различных объекта исследования. По-разному характеризуются, смешиваются, недостаточно четко отличаются друг от друга особенности и этих двух форм двигательной деятельности.

Столь различное понимание понятий «*спорт*», «*физическая культура*» и других связанных с ними понятий приводит к неоднозначной трактовке объектной области «*спортивной науки*», в том числе обсуждаемой философской дисциплины.

В работах автора [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д, 2009 г и др.] предпринята попытка ликвидировать этот «пробел» в решении данной проблемы путем введения и уточнения системы понятий, характеризующих объектную область исследования «*спортивной науки*».

Проделанный на основе такого подхода анализ позволяет сделать вывод о том, что эта наука (комплекс входящих в нее дисциплин) изучает три относительно самостоятельных, а вместе с тем связанных друг с другом объекта:

- определенные (оздоровительно-рекреационные) формы двигательной активности человека, для обозначения которых чаще всего используются термины «*физические упражнения*», «*занятия физическими упражнениями*», «*физкультурная деятельность*», «*физкультурная двигательная деятельность*», «*занятия физкультурой*»;

- особую разновидность соревнований («спортивные соревнования»), подготовку к ним и некоторые другие связанные с ними явления (в целом все это обычно обозначают термином «*спорт*»);

- тело человека, которое включено в процесс «окультуривания» и тем самым выступает как феномен культуры (для обозначения телесности человека, рассматриваемой в таком аспекте, чаще всего используют термин «*физическая культура*», а также термины «*телесная культура*» и «*соматическая культура*»).

При осмыслении этого положения важно учитывать следующее:

1. Самое главное – *четко различать, не смешивать друг с другом указанные объекты* исследования «спортивной науки», а *термины*, которые используются для их обозначения, *могут быть самыми разными*.

2. Понятия «физкультурная двигательная деятельность», «спорт» и «физическая (соматическая, телесная) культура» выделяют в качестве объектов исследования «спортивной науки» и соответствующие *реальные* явления, и построенные исследователем их *идеальные конструкторы*.

3. «Спортивная наука» (комплекс входящих в нее дисциплин) помимо указанных выше изучает и другие более «мелкие» объекты, в том числе:

а) *элементы спорта* (например, спортивное соревнование, спортивная тренировка, спортивные рекорды и т.п.) или *телесной культуры* (культура здоровья, культура телосложения, двигательная культура и т.д.);

б) *разновидности, формы проявления и виды спорта* (спорт для всех, спорт высших достижений, детский спорт, международный спорт, олимпийский спорт, олимпийское движение, единоборства, футбол и т.д.) или *физкультурной двигательной деятельности* (физическая рекреация, производственная физкультура, фитнес и т.д.), или *телесной культуры* (форм проявления этой культуры в античности, в Средневековье, в современный период и т.д.);

в) *формы педагогической деятельности, связанные со спортом и телесной культурой* (физическое воспитание, спортивное воспитание, олимпийское воспитание, физкультурное воспитание, валеологическое воспитание и т.п.);

г) *разные социально-демографические группы населения*, вовлеченные в сферу физкультурно-спортивной деятельности (например, женщин, студентов, школьников, детей дошкольного возраста, лиц с ограниченными возможностями – инвалидов и т.д.) и выполняющие *разные социальные функции (роли)* – например, спортсменов, тренеров, организаторов спортивных соревнований и др.

Итак, основными понятиями «спортивной науки», с помощью которых выделяются главные объекты ее исследования, являются три понятия:

- «*физкультурная деятельность*» («физкультурная двигательная деятельность», «занятия физкультурой»),

- «*спорт*»,

- «*телесная (физическая, соматическая,) культура*».

Понятия, используемые для характеристики более частных объектов познания «спортивной науки», также входят в систему ее основных понятий.

Понятия «физкультурная двигательная деятельность», «спорт», «телесная (физическая, соматическая) культура» и другие, непосредственно связанные с ними понятия, являются основными понятиями также и в философии спорта и телесности человека при характеристике объекта ее исследования. Анализ содержания всех этих понятий, применяемых для характеристики указанных социальных явлений, а также обоснование тех или терминов для их обозначения, будут даны в последующих разделах данной книги.

Из вышеизложенного следует, что объектную область обсуждаемой философской дисциплины также составляют спорт, физкультурная двигательная деятельность и телесная (физическая, соматическая) культура.

Это дает основание для вывода о том, что она представляет собой такую *комплексную, интегративную дисциплину*, которая включаетв себя три тесно связанных между собой, но все же относительно самостоятельных философских дисциплины:

- 1) философию *спорта*,
- 2) философию *физкультурной двигательной деятельности (занятий физкультурой)*,
- 3) философию *телесной (физической, соматической ) культуры*.

Результаты этого содержательного анализа объектной области обсуждаемой философской дисциплины требуют уточнения и *терминов*, используемых для ее обозначения.

Как отмечено во введении, для более точного названия этой интегративной (комплексной) философской теории, которая объединяет три указанных философских дисциплины, целесообразно использовать термины, обозначающие три объекта их исследования, например: *«философия спорта, физкультурной двигательной деятельности и телесной (физической, соматической) культуры»*.

Могут быть использованы различные варианты более краткого ее названия. Один из них основан на учете того, что спорт и физкультурная двигательная деятельность – два тесно связанных между собой компонента деятельности, которую чаще всего обозначают термином *«физкультурно-спортивная деятельность»*. Значит, философское исследование спорта и философский анализ физкультурной двигательной деятельности могут быть интегрированы в рамках *философии физкультурно-спортивной деятельности*. Поэтому вместо длинного термина «философия спорта, физкультурной двигательной деятельности и телесной культуры» может использоваться термин *«философия физкультурно-спортивной деятельности и телесной культуры»*.

Возможны и другие направления определенной интеграции направлений философского исследования указанных объектов и соответствующих философских дисциплин. Так, понятия «физкультурная двигательная деятельность» и «телесная культура», как будет показано ниже, тесно связаны между собой и характеризуют *телесность человека* (социальное, цивилизованное тело). Поэтому философское исследование физкультурной двигательной деятельности и философский анализ телесной культуры – два взаимосвязанных аспекта философского изучения этого объекта, т.е. философии *телесности человека*.

Еще раз обратим внимание читателей на то, что в *названии и в тексте данной работы* для обозначения обсуждаемой интегративной, комплексной философской дисциплины в качестве основного, как отмечено во введении, используется термин **«философия спорта и телесности человека»**.

Поскольку в объектной области философии спорта и телесности человека помимо трех основных объектов на основе указанных выше критериев могут быть выделены более «мелкие» объекты, то это должно найти отражение и в структуре данной философской дисциплины. Ее элементами являются соответствующие *разделы (направления)* философского исследования (в идеале – *философские дисциплины*), объектами изучения которых являются:

- элементы *спорта* (спортивные соревнования, спортивная тренировка, спортивная рекордология) или *телесной культуры* (культура здоровья, культура телосложения и т.д.);
- разновидности, формы проявления и виды *спорта* (олимпийский спорт и олимпийское движение, международный спорт, спорт высших достижений, детский спорт, единоборства, футбол и т.д.) или *физкультурной двигательной деятельности* (физическая рекреация, фитнес и т.д.), или *телесной культуры* (эта культура в античности, в Средневековье, в современный период и т.д.);
- *формы педагогической деятельности*, связанные со спортом и телесной культурой (физическое воспитание, спортивное воспитание, олимпийское воспитание, валеологическое воспитание и т.п.);
- разные *социально-демографические группы населения*, вовлеченные в сферу физкультурно-спортивной деятельности (физкультурно-спортивная активность, например, женщин или детей, лиц с ограниченными возможностями – инвалидов и т. д.) и выполняющих разные *социальные функции (роли)* – спортсмены, тренеры, организаторы спортивных соревнований и др.

На основе комплексного подхода возможны различные формы интеграции указанных выше направлений философского исследования (соответствующих философских дисциплин).

Предпринимаются попытки разработки и таких *новых* научных дисциплин, имеющих социально-философскую ориентацию, как «*философия фехтования*» [Круглов, 2000]; «*антропомаксимология*» [Кузнецов, 1982]; «*спортивная рекордология*» [Курамшин, 2005]; «*философия тренерской деятельности*» [Неверкович, Киселева, 2007]; «*философия единоборств*» [Передельский, 2008]; «*антропотехника в физической культуре и спорте*» («*философия спортивной техники*») [Скрипко, 2001]; «*философия бодибилдинга*» [Шемуратов, Гайков, 2001]; «*философия тенниса*» [Шестаков, 2002]; «*метафизика бейсбола*» [Garrett, 1976] и т.д.

Впрочем, наверное, в этом плане дробления и специализации философских дисциплин должен быть и какой-то *предел*. На эту сторону дела указывал еще Гегель в «Науке логики». Он недоумевал по поводу англичан, которые ряд рабочих инструментов называли в начале XIX века «философскими инструментами» и дошли до того, что писали книги на темы вроде «Искусства сохранения волос согласно философским принципам» [Гегель, 1975, с. 91–92]. О том же с недовольством писал Шеллинг во «Введении в философию мифологии»: «Всякий волен соединять слово “философия” с любым предметом, обозначив его словом в родительном падеже. В какой-нибудь стране и в “Философии поваренного искусства” не было бы ничего особенного, да и в Германии в прежние годы мы получили в свои руки написанную одним чиновником “философию почтового дела”, причем она разработана согласно категориям Кантовой философии» [Шеллинг, 1989, с. 91–92]. Мода на такое уничижительное дробление философии существует и в настоящее время. Как отмечает А.В. Кыласов, «сейчас философией называют все что угодно, есть даже философия выпечки пирожков, философия массажа, курения трубки, выпивки алкогольных напитков и пр.». Причем полагают, что с такими «философскими» определениями надо просто соглашаться без каких-либо попыток поиска смысла, так как «это просто красиво звучит» [Кыласов, 2010 а, с. 15].

В настоящее время, по мнению автора, назрела потребность *дополнения* самой философии спорта и телесности человека разработкой ряда новых философских дисциплин, объектом изучения которых является соперничество не только в спорте, но и в других сферах жизнедеятельности человека. Имеются в виду такие дисциплины, как «*общая теория соперничества (агонистика)*», «*гуманистическая теория соперничества (гуманистика соперничества)*» и «*теория гуманизации соперничества*» [Столяров, 2003 в, 2004 а, ж, 2005 а, г; Stolyarov, 2002 b, 2004 b, 2005, 2006 и др.].

Вторая типология элементов структуры философии спорта и телесности человека связана с учетом проблематики этой философской дисциплины.

Структура философии спорта и телесности человека с точки зрения проблематики этой дисциплины. Как показано выше, осмысление предельных оснований, фундаментальных предпосылок тех форм социального бытия и жизнедеятельности людей, их сознания, культуры, поведения и т.д., которые связаны со спортом и телесностью человека, предполагает ряд взаимосвязанных *направлений* философского исследования, разработку применительно к выделенному относительно самостоятельному объекту исследования (физкультурно-спортивной деятельности, телесной культуре, физическому воспитанию и т.д.) комплекса философских проблем: *философско-мировоззренческих, социально-философских, аксиологических (культурологических, семиотических, эстетических, этических, экологических), онтологических, гносеологических, логико-методологических.*

Реализация этих направлений философского исследования спорта и телесности человека на определенном этапе должна приводить к формированию соответствующих относительно самостоятельных дисциплин, делающих акцент либо на философско-мировоззренческих и социально-философских проблемах, либо на культурологических или каких-то иных философских проблемах спорта и телесности человека.

В настоящее время завершается процесс выделения в качестве относительно самостоятельных таких философских дисциплин, как:

➤ ***философская антропология/социальная философия*** спорта, которая ориентирована на анализ связанных с ним философско-мировоззренческих и социально-философских проблем;

➤ ***эстетика*** спорта, предмет изучения которой включает в себя: 1) эстетическое содержание и эстетические ценности физкультурно-спортивной деятельности, 2) сущность и законы сознания, отражающего ее с эстетической точки зрения и 3) формы эстетической деятельности человека, связанные с занятиями физкультурой и спортом;

➤ **этика** спорта (наука, изучающая функционирование и развитие морального сознания, нравственных отношений и нравственного поведения в области спорта);

➤ **культурология (аксиология)** спорта и телесности человека (дисциплина, призванная осмыслить комплекс философских проблем, касающихся спорта и телесности человека как феноменов культуры);

➤ **эпистемология (гносеология, логика и методология научного познания)** спорта и телесности человека – философская дисциплина, предметом изучения которой являются гносеологические и логико-методологические проблемы «спортивной науки» и комплекса входящих в нее дисциплин.

В связи с экологическими проблемами спорта и олимпийского движения поднимается вопрос о целесообразности разработки **«экофилософии спорта»** и **«экофилософии олимпизма»** [Lipies, 1999, p. 35–36]. Обосновывается необходимость разработки **политологии** спорта, политической науки на стыке философии и социологии, которая ставит своей задачей глубокий и всесторонний анализ предельных оснований взаимоотношения спорта и политики [Brohm, 1976; Güldenpfennig, 2000; Güldenpfennig, Schulke, 1980].

Как показано выше (см. 2.2), именно эти философские дисциплины, делающие предметом своего исследования спорт и телесность человека, обычно выделяют и другие исследователи.

Таковы основные элементы структуры философии спорта и телесности человека, выделяемые по двум аспектам: с точки зрения *объектов*, изучаемых этой дисциплиной, и с точки зрения тех философских *проблем*, которые она ставит и пытается решить.

Авторская позиция в понимании данной структуры состоит и в том, что в ней, как уже отмечено выше, можно выделить еще один важный элемент – **прикладную** философию спорта и телесности человека, в которой на основе результатов философского анализа предлагаются определенные проекты, программы, технологии для физкультурно-спортивной практики, деятельности в области телесной (физической) культуры, олимпийского движения.

Взаимоотношение философии спорта и телесности человека с другими философскими дисциплинами и «спортивными науками». Рассматривая философию спорта и телесной культуры, а также элементы ее структуры как *самостоятельные* дисциплины по отношению к другим философским дисциплинам и «спортивным наукам», необходимо *диалектически* относиться ко всякого рода «разграничениям» и «подразделениям». Как отметил в одной из своих работ известный польский философ и социолог А. Воль, «...следует помнить, что любые деления и классификации являются относительными и имеют своей целью прежде всего систематизацию и упорядочение исследовательского материала, что не является препятствием для дальнейших дискуссий и критических анализов».

Это положение имеет важное методологическое значение применительно к философии спорта и телесности человека, а также к философским дисциплинам, входящим в ее структуру. Их *самостоятельность* по отношению к другим философским дисциплинам и «спортивным наукам», безусловно, является лишь *относительной*. Существуют и возникают очень близко соприкасающиеся с ними, *сходные* по своей проблематике дисциплины. Такая тонкая грань при анализе спорта характерна, например, для *философской антропологии спорта, социальной философии спорта и теоретической социологии спорта*.

Это наглядно видно и в данной книге, в которой тесно переплетается *философский и теоретико-социологический* подходы к анализу спорта и телесности человека. Данное обстоятельство легко обнаружить, сопоставив ее содержание с работами автора по социологии физической культуры и спорта [Столяров, 1998 м, 2002 д, 2004 д].

Не менее важно учитывать **диалектическую связь** и **необходимость интеграции** философии спорта и телесности человека с **другими** философскими дисциплинами и «спортивными науками».

Важное значение такой связи и интеграции с другими дисциплинами определяется отмеченными выше особенностями научного познания и, в частности, тем, что каждая наука при формировании своего предмета использует определенные абстракции и тем самым создает *идеализированную* модель изучаемого объекта, в которой он отображен лишь какими-то *отдельными* своими аспектами, сторонами. Например, в рамках философского анализа спорт выступает как определенная социальная деятельность, с которой связана определенная система культурных ценностей, идеалов, норм поведения и т.д. Но это односторонний подход к спорту, который для целостного представления должен быть до-

полнен подходами к нему как к сфере проявления и реализации определенных психологических функций, экономических интересов и т.д. Такие подходы развиваются в рамках экономической науки, педагогики и других наук.

Особенно необходима связь философии спорта и телесности человека с *общефилософскими* концепциями, которые выступают как ее парадигмальные основания и выполняют по отношению к ней (как и к другим «частным» философским дисциплинам – философии права, философии науки и др.) важную *методологическую функцию*. Эти концепции предоставляют в их распоряжение понятийный аппарат, язык и методы, которые специфичны для философского исследования и во многом определяют проблематику такого исследования.

Эта функция общефилософских концепций особенно важна для философии спорта и телесности человека – *относительно молодой* философской дисциплины. Лишь совсем недавно она обрела право на самостоятельное существование наряду с другими философскими дисциплинами. Поэтому огромный опыт, накопленный ранее философией в ходе длительного развития, ее понятийный аппарат, принципы и положения могут оказать неоценимую помощь в философском исследовании спорта и телесности человека.

Но нельзя упрощенно подходить к использованию положений общефилософских концепций для решения философских проблем спорта и телесности человека. Не следует думать, будто из общефилософских положений можно прямо и непосредственно вывести, дедуцировать ответы на конкретные философские вопросы, касающиеся спорта. Общефилософская концепция выступает лишь как *парадигма*, указывающая *общее* направление, правильный *методологический* подход, исходные положения и принципы для получения ответа на эти вопросы, а не сам этот ответ. Например, в современной культурологии философ спорта может найти ответы на вопросы о том, что такое культура, как правильно подходить к исследованию различных форм культуры и т.д. Но здесь не содержатся в готовом виде ответы на вопрос о том, является ли спорт элементом человеческой культуры, в чем его отличие от других явлений культуры, что такое телесная культура как феномен культуры и др. Ответ на все эти вопросы может быть получен лишь путем изучения конкретных фактов, относящихся к сфере спорта и телесной культуры.

При обращении к общефилософским концепциям при анализе философских проблем спорта и телесности человека важно иметь в виду и еще две вещи.

Во-первых, как отмечено выше, не все эти концепции ориентируют на научный подход к анализу данных проблем. Поэтому если делается попытка *научного* решения философских проблем спорта и телесности человека, то требуется и выбор *адекватной* такому подходу общефилософской концепции. В противном случае, как это показано на примере работ Н.Н. Визитея, выбранная концепция будет не способствовать, а препятствовать решению поставленной задачи.

Во-вторых, сама философия и связанные с ней различные философские концепции находятся в непрерывном процессе развития и совершенствования. Поэтому при анализе философских проблем спорта и телесности человека желательно ориентироваться именно на *новые*, а не устаревшие или устаревающие общефилософские концепции. При этом, конечно, в первую очередь должна учитываться *не новизна* той или иной концепции, а ее *обоснованность*.

Но философия спорта и телесности человека не только удобная *сфера приложения* общефилософских идей и положений. Философский анализ этих конкретных социальных явлений позволяет внести определенный вклад в решение важных *общефилософских* проблем. Спорт представляет собой идеальный феномен, на основе изучения которого можно проверить основные философские концепции [Approaches... 1973, p. 523]. Более того, этот анализ позволяет найти новые, нетрадиционные подходы к решению философских проблем.

Вот две иллюстрации этого положения.

1. Анализ телесной культуры, выяснение ее места в системе культуры, изучение тех специфических культурных ценностей, которые формируются в области спорта, и их соотношения с другими социальными ценностями, заставляет по-новому взглянуть на общую структуру человеческой культуры.

2. Как показано в работах автора, анализ проблем понятийного аппарата наук, изучающих спорт и телесность человека, позволяет разработать общие логико-методологические принципы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного

го познания.

Важное значение имеет связь, а также интеграция *философии* и *социологии* спорта и телесной (физической) культуры. В работах автора обоснована необходимость разработки **комплексной философско-социологической теории** на основе интеграции этих двух дисциплин [Столяров, 1984 а, 2004 д].

Ряд других исследователей [Allisson, 1988; Lenk, 1971 а; Sadler, 1977] также обращает внимание на необходимость тесного сотрудничества философов, социологов, а также специалистов в области гносеологии, логики и методологии науки в исследовании спорта. «Когда речь идет о социальном феномене спорта, – пишет, например, Г. Ленк, – необходимо сочетать философию, социологию и эпистемологию» [Lenk, 1971 а, р. 17]. При анализе проблем спорта, указывает он, «одна лишь философская интерпретация без эмпирического анализа и контроля не имеет никакого смысла. Но, с другой стороны, чисто микросоциологические исследования без макросоциологических, без теоретических конструкций и концепций также будут несостоятельными, как окажется несостоятельным каждый факт без его философской интерпретации. При помощи только микросоциологических исследований нельзя развить теорию критических оценок, усовершенствовать анализ целей и ценностей спорта в целом, а также иметь возможность систематически подвергать философской критике идеологии. В то время как философ может и должен генерировать относительно свободные идеи, основания и исходные пункты интерпретаций, конструкции теоретических гипотез, социолог-эмпирик в своих взаимосвязях должен быть реальным цензором, чьей задачей среди других является снова привести к земному основанию мысли “высокого полета”. Философ науки, в свою очередь, является методологическим критиком и “исправителем” положений социологической теории и поля эмпирической деятельности, включая методы оценки данных и их обработки. В таких условиях не останутся нераскрытыми логические подтексты определений и можно будет избежать ситуаций, когда теоретические выводы, содержащие неточные и преходящие понятия, представляются как подтвержденные опытом эмпирические данные» [Lenk, 1971 а, р. 17, 18]. Г. Ленк считает, что кооперирование с другими гуманитарными и социальными науками является важным источником дальнейшего развития философии спорта и должно привести к ее формированию как интегративной дисциплины [Lenk, 1984 а, р. 34].

Эффективное развитие философии спорта и телесности человека невозможно без взаимодействия также и с другими философскими дисциплинами и «спортивными науками».

\*\*\*

Подведем краткие итоги обсуждения проблем метафилософии спорта и телесности человека.

**1. Объектная область философии спорта и телесности человека.** Эта философская дисциплина изучает комплекс сложных, разнообразных и взаимосвязанных между собой объектов. К числу основных из них относятся:

- специфическая форма двигательной активности человека – **физкультурная деятельность (занятия физкультурой)**;
- особая разновидность соревнований («спортивные соревнования»), подготовка к ним и другие связанные с ними явления, в своей целостности образующие **спорт**;
- **телесная (физическая, соматическая) культура** – элемент культуры, связанный с процессом вовлечения тела человека в процесс «окультуривания»,

Поэтому более точное название этой философской дисциплины – «*философия физкультурной деятельности, спорта и телесной культуры*». Однако по ряду изложенных выше соображений в названии и в тексте работы для ее обозначения в качестве основного используется термин «**философия спорта и телесности человека**».

Три указанных объекта охватывают *всю* объектную область данной философской дисциплины. Другие изучаемые ею объекты являются *элементами* этих объектов (например, спортивное соревнование по отношению к спорту, культура здоровья по отношению к телесной культуре и т.д.), их *разновидностями, формами* проявления (например, олимпийское движение, спорт для всех, спорт высших достижений по отношению к спорту, физическая рекреация и фитнес – по отношению к физкультурной двигательной деятельности) и т.д.

Данная специфическая объектная область философского исследования отличает философию спорта и телесности человека от *других философских дисциплин* (например, от

философии права, философии образования, философии науки и т.д.).

**2. Предмет философии спорта и телесности человека.** Специфика предмета (проблематики, исследовательских проблем и задач) философии спорта и телесности человека, как видно из самого ее названия, связана с тем, что она при анализе спорта и телесности человека ориентируется на цели и задачи *философского* исследования, использует соответствующий понятийный аппарат и методы философии.

Выше обосновано такое понимание *философии*, согласно которому она представляет собой научно обоснованную рефлексию (осознание и осмысление) *предельных оснований, фундаментальных предпосылок* социального бытия и жизнедеятельности (научной, трудовой, политической, экономической, спортивной или какой-то иной) людей, их сознания, культуры, поведения и т.д. Такими основаниями являются те *ценности, идеалы, смыслы, целевые установки* и т.п., которые определяют характер, содержание, значение и даже само существование этих форм социального бытия и жизнедеятельности людей.

На основе этого *философия спорта и телесности человека* понимается как научно обоснованная рефлексия (осознание и осмысление) предельных оснований, фундаментальных предпосылок тех форм социального бытия и жизнедеятельности людей, их сознания, культуры, поведения и т.д., которые связаны со спортом и телесностью человека.

Осмысление предельных оснований спорта и телесности человека предусматривает разработку применительно к выделенному относительно самостоятельному объекту исследования (физкультурно-спортивной деятельности, телесной культуре, физическому воспитанию и т.д.) комплекса философских проблем: философско-мировоззренческих, социально-философских, аксиологических (культурологических, семиотических, эстетических, этических, экологических), онтологических, гносеологических и логико-методологических. Эта проблематика составляет *предмет* философии спорта и телесности человека.

Такой специфический предмет исследования спорта и телесности человека в данной философской дисциплине выделяет ее как *особый элемент в структуре «спортивной науки»* в отличие от других входящих в нее элементов (например, психологии спорта, педагогики спорта и физического воспитания, биомеханики физических упражнений и т.д.).

**3. Структура философии спорта и телесности человека.** Философия спорта и телесности человека – это *интегративная дисциплина*, включающая в себя комплекс элементов, которые могут быть выделены по двум основаниям: 1) с точки зрения *объектов*, изучаемых этой дисциплиной; 2) с точки зрения тех философских *проблем*, которые она ставит и пытается решить.

По первому основанию выделяют три тесно связанных между собой, но все же относительно самостоятельных философских дисциплины:

- философию *спорта*,
- философию *физкультурной двигательной деятельности (занятий физкультурой)*,
- философию *телесной (физической, соматической) культуры*.

Поскольку в объектной области философии спорта и телесности человека помимо трех основных объектов на основе определенных указанных выше критериев могут быть выделены более «мелкие» объекты, то в структуре данной философской дисциплины могут быть выделены указанные выше соответствующие *разделы (направления)* философского исследования (в идеале – *философские дисциплины*) – например, философия олимпийского движения, философия физического воспитания и т.п.

Другой комплекс дисциплин может быть выделен в структуре философии спорта и телесности человека с учетом того, что осмысление предельных оснований тех форм социального бытия и жизнедеятельности людей, их сознания, культуры, поведения и т.д., которые связаны со спортом и телесностью человека, предполагает ряд взаимосвязанных *направлений* философского исследования, разработку применительно к физкультурно-спортивной деятельности, телесной культуре, физическому воспитанию и т.д. философско-мировоззренческих, социально-философских, аксиологических (культурологических, семиотических, эстетических, этических, экологических), гносеологических, онтологических и логико-методологических проблем. К числу таких дисциплин относятся, например, *философская антропология/социальная философия* спорта, культурология (аксиология) спорта, этика спорта, эстетика спорта, *эпистемология (гносеология, логика и методология научного познания)* спорта и телесности человека и другие уже сформировавшиеся и еще только формирующиеся философские дисциплины.



**4. Понятийный (категориальный) аппарат философии спорта и телесности человека.** Основными понятиями, с помощью которых выделяются главные объекты исследования этой философской дисциплины, являются три понятия:

- «*физкультурная двигательная деятельность*» («занятия физкультурой»),
- «*спорт*»,
- «*телесная (физическая, соматическая,) культура*».

Понятия, используемые для характеристики более частных объектов познания философии спорта и телесности человека, также входят в систему ее основных понятий.

При анализе указанных выше проблем философия спорта и телесности человека использует понятийный аппарат общей философии и таких общеполитических дисциплин, как гносеология, логика и методология науки, онтология, культурология, аксиология, этика, эстетика и др. Как уже отмечено выше, автор в данной книге не ставит своей задачей дать анализ всего этого понятийного аппарата, ограничиваясь лишь некоторыми разъяснениями и уточнениями.

**5. Парадигмальные, общеметодологические основания анализа философских проблем спорта и телесности человека.** Возможны различные *парадигмальные основания* разработки философских проблем спорта и телесности человека. Позиция автора в этом плане предусматривает при разработке философии спорта и телесности человека, постановке и решении соответствующих философских проблем ориентацию в первую очередь на *научный подход*, принципы и законы *диалектики*, правила *диалектического метода*, а также на идеи, идеалы и ценности *гуманизма*.

**6. Структура философии спорта и телесности человека.** В структуре философии спорта и телесности человека может быть выделен ряд *направлений* исследования, которые связаны с теми *объектами*, которые она изучает (философское исследование спорта, физкультурно-спортивной деятельности, телесной культуры, их элементов, разновидностей и т.д.), и теми *проблемами*, которые она ставит и решает (анализ философско-мировоззренческих проблем, социально-философских проблем и т.д.).

На определенном этапе реализации тех или иных направлений философского исследования спорта и телесности человека формируются соответствующие *философские дисциплины*.

Применительно к изучаемым объектам это прежде всего философия *спорта*, философия *физкультурной деятельности* и философия *телесной (физической) культуры*, а также более частные по сравнению с ними дисциплины: философия *спорта высших достижений*, философия *олимпийского спорта* и движения, философия *фитнеса*, философия *футбола*, философия *тренерской деятельности* и др.

По отношению к проблематике философского исследования это прежде всего *философская антропология/социальная философия* спорта, *эстетика* и *этика* спорта, *культурология* спорта и телесности человека, *эпистемология* научного познания спорта и телесности человека и др.

Таким образом, по своей *структуре* философия спорта и телесности человека представляет собой *интегративную дисциплину*, включающую в себя комплекс взаимосвязанных философских дисциплин. Помимо указанных выше дисциплин она включает в себя также *прикладную* философию спорта и телесности человека.

**7. Взаимоотношение философии спорта и телесности человека с другими философскими дисциплинами и «спортивными науками».** Из изложенного выше следует ряд положений, касающихся взаимоотношения философии спорта и телесности человека, а также указанных элементов ее структуры с другими дисциплинами.

Так, *физкультурная двигательная деятельность* – это разновидность занятий физическими упражнениями, а в более широком плане – двигательной деятельности человека. Поэтому философия *физкультурной двигательной деятельности* – это одно из структурных подразделений философии *физических упражнений*, а в более широком плане – философии *двигательной деятельности* человека\*.

---

\* Ошибочно поэтому теорию физкультурной деятельности (иногда ее обозначают термином «*физкультурология*») характеризовать как «науку о природе двигательной деятельности человека» [Абзалов, 1999, с. 13], а двигательную деятельность рассматривать как «объект системного анализа теории физической культуры» [Андреев, 1978].

*Телесная (физическая, соматическая) культура* – это природное тело человека, которое в результате процесса инкультурации под влиянием различных факторов приобретает статус культурного феномена. Поэтому *философия телесной (физической, соматической) культуры* – это структурное подразделение *философии телесности (социального тела)* человека.

Наконец, *спорт* является разновидностью не двигательной деятельности, не телесности и не физической культуры и т.п., как это обычно считают, а гуманно ориентированного соперничества, а в более широком плане – соперничества (соревнования) в целом. Поэтому *философия спорта* – это структурное подразделение не философии двигательной деятельности или философии тела, физической культуры и т.п., а философии гуманного соперничества и философии соперничества (соревнования) в целом – не только в спорте, но и в других сферах жизнедеятельности человека [Столяров, 2003 в, 2004 а, ж, 2005 г и др.].

Рассматривая философию спорта и телесности человека, а также элементы ее структуры как *самостоятельные* дисциплины по отношению к другим философским дисциплинам и «спортивным наукам», важно учитывать:

а) их ограниченность от других дисциплин во многом является *относительной*; существуют очень близко соприкасающиеся, *сходные* по своей проблематике дисциплины (например, социальная философия спорта и теоретическая социология спорта);

б) все элементы структуры философии спорта и телесности человека тесно *связаны* между собой, и в решении многих философских проблем необходима их *интеграция* друг с другом; в полной мере это касается и самой философии спорта и телесности человека в ее взаимоотношении с другими дисциплинами.

#### Литература к гл. 4

1. Абзалов Р.А. (1999). Размышления о физкультурологии // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 11-14.
2. Андреев Ю.М. (1978). Двигательная деятельность как объект системного анализа теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 11. – С. 52-56.
3. Бугреев А.Н. (1981). Олимпийское движение: состояние и перспективы // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 50-53.
4. Бугреев А.Н. (1990). Новое мышление, олимпизм и гуманистические ценности // Материалы научного симпозиума «Международное олимпийское движение: проблемы и тенденции развития на современном этапе». – М.: Знание. – С. 3-12.
5. Бугреев А.Н. (1995). Нравственно-этическое кредо олимпизма // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Олимпийское движение и социальные процессы». – Омск. – С. 9-11.
6. Бугреев А.Н. (1997). Современный олимпизм (вопросы теории и практики: социально-философский аспект). – Волгоград. – 86 с.
7. Бугреев А.Н. (1998). Олимпизм как предмет философского анализа // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвуз. сб. научных материалов. – Воронеж. – С. 45-48.
8. Бугреев Анатолий (1999). Концептуальные основы олимпизма // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всеросс. совещания «Практика олимпийского образования». – М.. – С. 31-34.
9. Быховская И.М. (1993а). Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М. – 180 с.
10. Быховская И.М. (1994). Физическая (соматическая) культура // Морфология культуры. Структура и динамика/Г.А.Аванесова, В.Г.Бабаков и др. Уч. пособие для вузов. – М.: Наука. – С. 305-323.
11. Быховская И.М. (1996а). Теоретико-методологические основания социокультурного анализа телесности человека // Социокультурные аспекты физической культуры и здорового образа жизни. – М.: Советский спорт. – С. 8-14.
12. Быховская И.М. (1996б). Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 2. – С. 19-27.
13. Быховская И.М. (1997). «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). – М. – 209 с.
14. Быховская И.М. (2000). «Homo Somatikos»: Аксиология человеческого тела. – М.
15. Визитей Н.Н. (1979). Социальная природа современного спорта. – Кишнев. – 84 с.

16. Визитей Н.Н. (1980). Образ жизни. Спорт. Личность. – Кишнев: Штиинца. – 160 с.
17. Визитей Н.Н. (1982). Спорт и эстетическая деятельность. – Кишнев: Штиинца. – 183 с.
18. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишнев: Штиинца. – 164 с.
19. Визитей Н.Н. (1989). Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты). Кишнев: Штиинца. – 110 с.
20. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к коррективке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.
21. Гегель Г.В.Ф. (1975). Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. – М.
22. Данилов Р.С. (2007). Состязательность как форма социального бытия человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов. – 21 с.
23. Егоров А.Г. (1989). Диалог как ценность спорта // Нравственный потенциал современного спорта: Матер. IV Всесоюзного методологич. семинара (г.Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). М.: Сов. спорт. – С. 29-31.
24. Егоров А.Г. (1991а). Гуманизация, гуманитаризация и реалии спортивной субкультуры // Формирование гуманистического мировоззрения студентов: Сб. научных трудов. – Смоленск. – С. 3-8.
25. Егоров А.Г. (1991б). Олимпизм и либерализм: общность судьбы и принципов // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Челябинск. – С. 34-39.
26. Егоров А.Г. (1994а). Олимпизм и проблема «двух культур» в спорте // Спорт. Олимпизм. Гуманизм / Межвузовский сб. научных трудов. – Смоленск. – С. 57-60.
27. Егоров А.Г. (1994б). Социокультурные смыслы олимпизма // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 22-23 сент. 1993 г. – Волгоград: Перемена. – С. 11-14.
28. Егоров А.Г. (1996а). Олимпизм и провинциальная природа российского прогрессизма // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы V Всеросс. научно-практич. конф. – М. – С. 30-32.
29. Егоров А.Г. (1996б). Олимпизм как метафизика спорта // Олимпийское движение и социальные процессы. Матер. VII Всерос. научно-практич. конф. Сентябрь, 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 73-76.
30. Егоров А.Г. (1998). Социокультурные трансформации духовных оснований олимпийского движения // Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвуз. сб. науч. трудов, вып. 2. Смоленск. – С. 65-71.
31. Егоров А.Г. (1999). Эволюция олимпийского сознания. – Смоленск: СГИФК.
32. Егоров Александр (2001а). Антропологический смысл олимпизма // Олимпийское движение и социальные процессы: X Юбилейная Всерос. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. М.: Сов. спорт. – С. 43-45.
33. Егоров А.Г. (2001б). Философское значение современного олимпизма // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 18-23.
34. Егоров А.Г. (2005а). От технократической к антропогенной и мультикультурной версии олимпизма // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. М.: Физическая культура. – Часть 1. – С. 404-417.
35. Егоров А.Г. (2005б). Социокультурный смысл спартианской ревизии основ современного спорта (от технократической к антропогенной и мультикультурной версии олимпизма) // Спартианская библиотека. Вып. 1. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. ст. /Сост. и ред.: д.ф.н. В.И. Столяров, к.ф.н. Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – С. 129-144.
36. Жаров Л.В. (1988). Человеческая телесность: философский анализ. – Изд-во Ростовского университета.
37. Зотов А.Ф. (1973). Структура научного мышления. – М.: Политиздат. – 182 с.
38. Косяк В.А. (2002). Эпистемология человеческой телесности. – Сумы: ИТД «Университетская книга». – 362 с.
39. Кравчик З. (2005а). Аксиология тела // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. Часть 1. – С. 168-175.
40. Круглов А.Н. (2000). Фехтование в Западной Европе и Японии: духовные и философские основы. – М.: НИПКЦ «Восход-А». – 240 с.
41. Круткин В.П. (1993). Онтология человеческой телесности. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та.
42. Кузнецов В.В. (1980). Олимпийские игры и возможности человека. – М.: Знание. – 48 с.

43. Кузнецов В.В. (1982). Резервные возможности человека и антропомаксимология // Проблемы резервных возможностей человека: Сб. научных трудов/Под общ. ред. проф. В.В.Кузнецова. – М. – С. 7-23.
44. Кузнецов В.В. (1986). Интегративная функция моторики человека (философско-методологический аспект). – М.: Наука. – 202 с.
45. Курамшин Ю.Ф. (1996). Высшие спортивные достижения как объект системного анализа. – СПб.: ГАФК им. П.Ф. Лесгафта. – 169 с.
46. Курамшин Ю.Ф. (2002). Спортивные высшие достижения, их социокультурные ценности и антиценности: теоретико-методологический аспект. – СПб ГАФК им. П. Ф. Лесгафта. – 47 с.
47. Курамшин Ю.Ф. (2005). Спортивная рекордология: теория, методология, практика: монография / Ю.Ф. Курамшин. – М.: Советский спорт. – 408 с.
48. Курило С.И. (2000а). Социально-философская концепция международного спорта: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 46 с.
49. Курило С.И. (2000б). Философские основы теории и практики международного спорта. – М.: Теория и практика физ. культуры. – 250 с.
50. Курило С.И., Столяров В.И. (2000). Международный спорт с позиций гуманистической теории спорта // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. I: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГАФК. – С. 16-176.
51. Кыласов А.В. (2009). Religio athletae или культурно-религиозная сущность олимпизма // Вестник спортивной науки. – № 5. – С. 55-59.
52. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
53. Кыласов А.В. (2010б). Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Автореф. дис. кандидата культурологии. – М. – 32 с.
54. Лебедев А.С. (2006). Гуманистическая сущность и социокультурные функции спорта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 21 с.
55. Лебедев Ю.А. (1993). Философские основы теории и практики физической культуры: Автореф. дис... докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 38 с.
56. Ленк Ганс (1997). Спорт как современный миф? // Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования. – М.: Изд-во «УРСС». – С. 156-179.
57. Ленкевич Т.Г. (2006). Философия науки: Учеб. пос. – М.: ИНФРА-М. – 272 с.
58. Леонтьев А.М. (1996). Спорт как социокультурный феномен: Дис. ... канд. филос. наук. – СПб. – 23 с.
59. Лобжанидзе М.М. (1980). Эстетика спортивного зрелища. – Тбилиси. – 140 с.
60. Люкевич В.П. (1991). Спортивная этика. – Брест.
61. Люкевич Уладзимир (1998). Fair play: тэорыя і практыка. – Берасьце: выдавецтва С. Лаукова. – 188 с.
62. Люкевич Ул.П. (2000). Метадалагічныя і сацыяльна-філасофскія праблемы спорту. – Брэст: Выд-ва Брэскага дзярж. ун-та. – 246 с.
63. Лукьяненко В.П. (2008). Терминологическое обеспечение развития физической культуры в современном обществе: монография. – М.: Советский спорт. – 168 с.
64. Милеев С.В. (1931). Искусство и физическая культура. – М.-Л.
65. Морган У. (2006). Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // Логос. – № 3(54). – С. 147–159.
66. Моченов В.П. (1981). Некоторые методологические принципы комплексного исследования физической культуры и спорта // Проблемы управления физической культурой и спортом: Сб. – М.: ВНИИФК. – С. 58-71.
67. Моченов В. (1998). Философский корень олимпизма и его искатели // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 25-26.
68. Моченов В.П. (2009). Соматический вектор развития современной культуры // Материалы Международной научной конференции «Спорт, спартианское движение и культура мира» (23–25 мая 2007 года)/РГУФКСИТ. – М.: Светотон. – С. 9–16.
69. Назаренко Л.Д. (2004). Эстетика физических упражнений. – М. – 249 с.
70. Неверкович С.Д. (1996). Возникновение и развитие научно-исследовательских областей и дисциплин в науках о спорте (методологический экскурс) // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практ. конф. Сент., 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 53-59.
71. Неверкович С.Д. (2004). Метапредмет «Развивающая педагогика спорта» // Теория и практика физической культуры. – № 9. – С. 4-6.
72. Неверкович С.Д. (2005). Проблемы современной педагогики спорта как метанауки // Бюллетень. Физкультурное образование и спорт в Восточной Сибири. Иркутск. – № 1. – С. 70–77.
73. Неверкович С.Д., Киселева Е.В. (2007). Философия тренерской деятельности // Спортивный психолог. – № 3 (12). – С. 76–79.

74. Незвецкий Р.Ф. (1982). Советская спортивная этика. – М.: Знание. – 63 с.
75. Никишин Д.В. (2005). Смысловые характеристики профессионального спорта: социально-философское исследование: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Екатеринбург. – 22 с.
76. Николаев Ю.М. (1998а). Теоретико-методологические основы физической культуры в преддверии XXI века. – СПб. – 217 с.
77. Николаев Ю.М. (1998б). Теоретические аспекты интегративного содержания и человеко-творческой сущности физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – №4. – С. 16-23.
78. Николаев Ю.М. (2003). Физическая культура и основные сферы жизнедеятельности человека и общества в контексте социокультурного анализа // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 2-9.
79. Николаев Ю.М. (2004). Общая теория и методология физической культуры как отражение потребности в модернизации физкультурного образования // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2-10.
80. Николаев Ю.М. (2007). О смене парадигм теоретического знания в сфере физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – №10. – С. 59–64.
81. Оробинский М.Д. (1970). Некоторые философские вопросы теории физического воспитания // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 57–60.
82. Передельский А.А. (1993). Философия воинских искусств // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. – 1993. № 1. – С. 27-36.
83. Передельский А.А. (2008). Философия, педагогика и психогигиена единоборств: монография. – М.: Физическая культура. – 168 с.
84. Передельский А.А. (2011). Философия спортивной науки: проблемно-футурологический анализ // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 101–104.
85. Петрова Т.А. (1988). Физическая культура как элемент культуры социалистического общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л. – 23 с.
86. Пешков А.И. (2005). Философия спорта, ее особенности и место в общей структуре философского знания // Философия и будущее цивилизации: Тез. докл. и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. М.: Современные тетради. – С. 604–605.
87. Пилюян Р.А. (1989). Основы научно-исследовательской работы в спорте: Учеб. пособие. – Малаховка. – 51 с.
88. Пилюян Р.А. (1997). Основы научно-исследовательской деятельности (на примере физкультурного вуза): Уч. пос. – Малаховка: МГАФК. – 65 с.
89. Подорога Валерий (1995). Семиозис тела // Подорога Валерий. Выражение и смысл. – М.: Ad Marginem. – С. 166-209.
90. Полетаева Н.Н. (1984). Учебное пособие по спортивной эстетике. – Алма-Ата. – 100 с.
91. Пономарев Н.А. (1978). Методологические основы наук о физической культуре. – Л. – 47 с.
92. Пономарев Н.А. (1982). Философские основы физической культуры: Методич. указания по подготовке к семин. занятиям. – Л. – 72 с.
93. Пономарев Н.А. (1984). Система методов в науках о физической культуре. – Л. – 98 с.
94. Пономарев Н.И. (1974в). Социальные функции физической культуры и спорта. – М.: ФиС.
95. Пономарев Н.И. (1977г). Опыт системного анализа спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 3-6.
96. Пономарчук В.А. (1988). Физическая культура, спорт, личность. – М.: Знание РСФСР. – 37 с.
97. Пономарчук В.А. (1989). Спорт, культура, личность (социально-философский подход) // Нравственный потенциал спорта. Материалы IV Всесоюзного методологического семинара (г. Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). – М.: Советский спорт. – С. 15-21.
98. Пономарчук В.А. (1994а). Физическая культура и становление личности (социально-философский подход): Дис. в форме научного доклада... доктора филос. наук. – М. – 45 с.
99. Пономарчук В.А. (1994б). Человек в мире спорта: проблемы становления личности. – М.: Федер. ин-т социолог. образования. – 118 с.
100. Пономарчук В.А., Козлова В.С. (2002). Институт спорта (история и реалии). – Мн. – 266 с.
101. Попов Н. (1980а). Диалектико-материалистическая философия – научно-методологическая основа олимпизма // Актуальные проблемы международного олимпийского движения /Сост. Ангел Солаков. – София Пресс. – С. 45-74.
102. Попов Н. (1980б). Олимпизм, общество, личность. – София. – 126 с.
103. Починкин В.М. (1985). Спорт и идеологическая борьба в современном мире. – М.: ФиС. – 192 с.
104. Ракигов А.И. (1969). Анатомия научного знания. – М.: Наука. – 206 с

105. Родиченко В.С. (1991). Олимпийское движение и мегатренды развития общества // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы Всесоюзной научно-практической конф., 18-19 сентября 1990 г. – Смоленск. – С. 13-17.
106. Родиченко В.С. (2003). Фэйр плэй в спорте и в повседневной жизни: императив или утопия? // Теория и практика физ. культуры. – № 11. – С. 2-5.
107. Родиченко Владимир (2004). Олимпийская идея для России (повторение пройденного). – М.: Сов. спорт. – 248 с.
108. Родиченко В.С. (2007). Спорт и совесть: Учебно-методическое пособие для системы олимпийского образования. – М.: ФиС. – 144 с.
109. Романенко Н.В. (1988). Физическая культура воина социалистической армии как объект философского-социологического анализа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М.
110. Сараф М.Я. (1978). Эстетика спорта. – М.: Знание. – 63 с.
111. Сараф М.Я. (1981). Эстетические компоненты спортивной деятельности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.: МГУ. – 41 с.
112. Сараф М.Я. (1994). Спорт в системе культуры. – Голицыно. – 72 с.
113. Сараф М.Я. (1996). Спорт и его гуманистическая сущность // Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 15-28.
114. Сараф М.Я. (2004). Спорт в системе культуры. – Голицыно.
115. Сараф М.Я. (2005а). Очерки социокультурных процессов. – Голицыно. – 112 с.
116. Сараф М.Я. (2005в). Философия спорта в России // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. – М.: Современные тетради. – С. 611–612.
117. Сараф М.Я., Столяров В.И. (1984). Введение в эстетику спорта: Учеб. пособ. для ИФК. – М.: ФиС. – 103 с.
118. Скрипко А.Д. (2001). Философские аспекты антропотехники в физической культуре // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 2–6.
119. Смирнов Н.Г. (1995). Физическая культура как фактор социального развития личности в современном Российском обществе: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. – СПб. – 23 с.
120. Спортивная Хартия Европы // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-1. – С. 14-17.
121. Степовой П.С. (1972). Спорт и общество: Некоторые методологические и социальные проблемы. – Тарту. – 224 с.
122. Степовой П.С. (1984). Спорт – политика – идеология. – М.: ФиС. – 128 с.
123. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско-социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
124. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
125. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
126. Столяров В.И. (1987б). Методические разработки по спецкурсу «Философско-социологические проблемы физической культуры и спорта» для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФК. – М.: ГЦОЛИФК.
127. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.
128. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
129. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр. – М. – С. 126-142.
130. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – № 4. – С. 78–92.
131. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84-209.
132. Столяров В.И. (1998м). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть I. Объекты исследования социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 124 с.
133. Столяров В.И. (2002д). Социология физической культуры и спорта (введение в проблематику и новая концепция): Науч.-методич. пос. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – 346 с.

134. Столяров В.И. (2003в). От гуманистической теории спорта к теории гуманизации соперничества // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 13–15.
135. Столяров В.И. (2004а). Актуальные проблемы гуманистической теории спорта и теории гуманизации соперничества // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту: Зб. наук. пр. за ред. Ермакова С.С. – Харків-Донецьк: ХДАДМ (ХХІІІ). – № 18. – С. 195–211.
136. Столяров В.И. (2004в). Методологические принципы определения понятий в спортивной педагогике // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Методология современной общей и спортивной педагогики». – М. – С. 14–21.
137. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
138. Столяров В.И. (2004ж). Философские проблемы агонистики и гуманистики соперничества // Вестник Российского Философского общества. – № 2. – С. 156–160.
139. Столяров В.И. (2005а). Агонистика и гуманистика соперничества как новые философские дисциплины // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докл. и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. М.: Современные тетради. – С. 615–616.
140. Столяров В.И. (2005г). Гуманистика соревнования как новая комплексная научная теория // Проблемы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи и детей дошкольного возраста: материалы республиканской научно-практич. конф. г. Красноярск, 17 ноября 2005 г. / ред. кол. А. М. Гендин, М.И. Сергеев, В.И. Усаков; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск. – С. 21–40.
141. Столяров В.И. (2005д). Логико-методологические принципы определения понятий в социологии ФКС // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. – Часть 1. – С. 85–100.
142. Столяров В.И. (2007д). Методология введения, оценки и унификации понятий // «Вестник Московского Университета. Серия 7, Философия». – № 1. – С. 9–23.
143. Столяров В.И. (2007е). Понятийный кризис в науках о физической культуре и спорте: показатели, причины и пути преодоления // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 59–62.
144. Столяров В.И. (2009г). Методологическая проблема объектной области «наук о физической культуре и спорте» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Методологические проблемы общей и спортивной педагогики (28–30 октября 2009 года)». – М.: Светотон. – С. 68–74.
145. Столяров В.И. (2010з). Логико-методологические проблемы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного познания физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 40–50.
146. Столяров В.И., Мильштейн О.А. (1984). Программа курса «Философские и социальные проблемы физической культуры и спорта» для студентов. – М.: ГЦОЛИФК.
147. Тышковская И.Г. (1989). Диалектика социального и биологического в построении общей теории физической культуры: Дис... канд. филос. наук. – Киев. – 24 с.
148. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
149. Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. по философ. и социальным проблемам физ. культуры и спорта. – М., 1986. – 363 с.
150. Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Выпуск первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М.: Сов. спорт, 1988. – 228 с.
151. Философско-социологические проблемы физической культуры и спорта: Учебное пособие/ред. Ю.В. Манько. – Л.: ВДКИФК, 1985. – 334 с.
152. Френкин А.А. (1961). Гармоническое развитие личности и единство эстетического воспитания с физическим: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. – М.
153. Френкин А.А. (1963). Эстетика физической культуры. – М.: ФиС. – 151 с.
154. Хейзинга Йохан (1992). Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Изд. группа «прогресс», «Прогресс-Академия». – С. 5–240.
155. Шеллинг Ф.В.И. (1989). Введение в философию мифологии // Ф.В.И. Шеллинг. Соч. в 2-х т. Т. 2. – М.
156. Шемуратов Ф.А., Гайков А.В. (2001). Философия бодибилдинга: предвкушение инновационного прорыва // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 52–54.
157. Шестаков В.П. (2002). Философия и теннис // Вопросы философии. – № 8. – С. 42–51.

158. Щелкина Л.В. (1988). Человек в сфере физической культуры (философско-культурологические и сравнительно-исторические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л. – 23 с.
159. Allisson M.T. (1988). New Humanism and International Discourse: Sport and Science as Forms of Cultural Exchange // Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba. – P. 21-39.
160. Approaches to an interpretation of high-performance sport // Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 523-536.
161. Axiological Dimensions of Sport – Practical Aspects/eds. Kosiewicz Jerzy, Obodyński Kazimierz. Rzeszow, 2004. – 175 p.
162. Berry Elmer (1972). The Philosophy of Athletics. – New York: A.S.Barnes and Co, 1972.
163. Best David (1978). Philosophy and Human Movement. – London: George Alien & Unwin.
164. Blanchard Kendall (1985). Sport Studies and the Anthropology Curriculum // Umphlett Wiley Lee (ed.). American sport culture: the humanistic dimensions. – Lewisburg, Pennsylvania: Bucknell Univ. Press. – P. 284-297.
165. Bowen Wilbur P., Mitchell Elmer D. (1927). The Philosophy of Play. – N.Y.: A.S. Barnes.
166. Brennpunkte der Sportwissenschaft. Herausgegeben von der Deutschen Sporthochschule Köln. – 1988. N. 2. – S. 126–229.
167. Brightbill Charles K. (1961). Man and Leisure: A Philosophy of Recreation. – Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, Inc.
168. Brohm J.M. (1976a). Sociologie politique du sport // Sport, culture et répression. – Paris. – P. 16-31.
169. Černý J. (1968). Fotbol je hra (pokus o fenomenologie hry). – Praga.
170. Cobb Robert A., Lepley Paul M. (1973). Contemporary Philosophies of Physical Education and Athletics. – Ohio: Charles E. Merrill Publishing Co.
171. Cowell Charles C., France Wellman L. (1963). Philosophy and Principles of Physical Education. – Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, Inc.
172. Culin S. (1907). Games of the North American Indians. – Washington, D.C.
173. Damm H. (1922). Die gymnastischen Spiele der Indonesier und Sudseevolker. – Leipzig.
174. Davis E.Craig (1961). The Philosophic Process in Physical Education. – Philadelphia: Lea and Febiger, 1961.
175. DeSensi Joy T. (1985–1987). PSSS Bibliography of Sport Philosophy // Journal of the Philosophy of Sport. 1985. vol. XII. P 101-107; 1986. vol. XIII. P. 109-117; 1987. vol. XIV. – P. 86-134.
176. Elwood Craig D., Miller D. Mae (1967). The philosophic process in physical education. – Philadelphia.
177. Filozofia i socjologia kultury fizycznej. Wybór tekstów. /Pod. red. Z.Krawczyk. – Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 552 p.
178. Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Wybor tekstow i opracowanie naukowe Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa, 1990. Tom I. – 310 p.; Tom II. – 307 p.
179. Firth R. (1930). A Dart Match in Tikopia. A Study in the Sociology of Primitive Sport // Oceania. – vol. 1. – P. 64-96.
180. Franke E. (1978). Zur Theorie und Bedeutung sportlicher Handlungen. Voraussetzungen und Möglichkeiten einer Sporttheorie aus handlungstheoretischer Sicht. – Schomdorf.
181. Franke E. (1983). Zweckfreiheit versus Zweckgerichtetheit des Sports – oder wie die Umgangssprache uns verführt // Lenk H. (Hg.): Aktuelle Probleme der Sportphilosophie. Schomdorf.
182. Franke E. (1984). Ethik im modernen Sport. Eine sportphilosophische Problemskizze // Rinderknecht S. (Hg.): Menschenwürde und Sportethos. – Berlin.
183. Franke Elk (1988a). Bedeutung und ethische Konsequenzen sportlicher Höchstleistungen im Kindes-und Jugendalter // Kinder und Jugendliche im Leistungssport: Beitrage des Internationalen Interdisziplinaren Symposiums «KinderLeistungen» / Hrsg. Reinhard Daus. – Schorndorf: Hofmann. – P. 50-68.
184. Franke Elk /Red./ (1988b). Ethische Aspekte des Leistungssports. – Clausthal-Zellerfeld: Deutsche Vereinigung für Sportwissenschaft.
185. Franke E. (1994). Semiotik des Sports. (Manusk.). – Osnabruck.
186. Franke E. (1995a). Ethische Probleme sportlicher Höchstleistung und ihrer Wissenschaft // Krug J., Mirow H.-J. (Hrsg.). Sportliche Leistung und Training. – St. Augustin. – P. 49-66.
187. Franke E. (1995b). Sportverbände – Relikt oder Voraussetzung für einen Sport der Moderne, aus instituts-ethischer Sicht // Hinsching J., Borkenhagen F. (Hrsg.). Modernisierung und Sport. –St. Augustin. – P. 207-224.
188. Franke E. (1999). Gerechtigkeit und Fair play – oder wie der Wettkampfsport zum Modell wird // R. Mokrosch & A. Regenbogen (Hrsg.). Was heist Gerechtigkeit? Ethische Perspektiven zu Erziehung, Politik und Religion. – Donauwörther. – P. 196–214.



189. Franke Elk (2006). Der moderne Sport – die zeitgemäße Religion der Jahrtausendwende? // Humboldt – Universität zu Berlin 05/2006.
190. Garrett Ronald (1976). The Metaphysics of Baseball // *Philosophy Today*. – N 20. P.209-226.
191. Gregg J.R. (1971). A Philosophical Analysis of the Sports Experience and the Role of Athletics in the School. – U. of Southern California.
192. Grupe O. (1973). Philosophisch-anthropologische Sports. – Schorndorf.
193. Grupe Ommo (1987). Sport als Kultur. – Zurich: Edition Interfrom.
194. Güldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
195. Güldenpfennig Sven (1984b). Philosophy of the relations between sport and peace // *Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly*. – Vol. XI, N. 1. – P. 43-57.
196. Güldenpfennig Sven (1989a). Frieden – Herausforderungen an den Sport. Ansätze sportbezogener Friedensforschung. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
197. Güldenpfennig S. (1989b). Sport und Politik – Politikwissenschaft // Haag H. (Ed.): *Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft*. – Schorndorf: K. Hofmann Verlag.
198. Güldenpfennig S. (1992). Der politische Diskurs des Sports. – Aachen: Meyer & Meyer Verlag.
199. Güldenpfennig S. (1996). Sport – Autonomie und Krise. – Sankt Augustin: Academia Verlag.
200. Güldenpfennig Sven (2000). Political Science of Sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2<sup>nd</sup> Edition. – P. 123-136.
201. Güldenpfennig Sven (2001). Zwischen Adam und Antigone: Die besondere Ethik des olympischen Sports // Fischer Kai, Güldenpfennig Sven, Kayser Dietrich /Red./ (2001). Gibt es eine eigene Ethik des olympischen Sports?: DOI-Symposium am 26. und 27. Januar 2000. – 1. Auflage. Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn: Sport und Buch Straus. – S. 41–68.
202. Güldenpfennig Sven, Schulke Hans-Jürgen (1980). The Need for Political Research on Sport and Its Relation to the Sociology of Sport // *Int. Review of Sport Sociology*. – vol. 1 (15). – P. 127-140.
203. Gulick Luther Halsey (1920). A Philosophy of Play. – New York: Association Press.
204. Haag Herbert (1995b). Sportphilosophie. – Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg.
205. Harper W.A., Miller D.W., Park R.J., Davis E.C. (1977). The Philosophic Process in Physical Education. – Philadelphia: Lea and Fabiger.
206. Heinilä K. (1974). Ethics of sport. – University of Jyväskylä. Department of Sociology and Planning for Physical Culture. Finland, N. 4. Jyväskylä. – 72 p.
207. Hetherington Clark W. (1922). School Program in Physical Education. – Yonkers-on-Hudson, N.Y.: World Book Co.
208. Hodaň B. (1995/96). Lidské tělo a pohyb. Předpoklad a projev lidského bytí ve světě (poznámky k problemu) // *Tělesná kultura. Sborník prací kateder tělesné výchovy a tělovýchovného lékařství, svazek 26*. – Olomouc. – P. 48–68.
209. Hodaň B. (1997). To the Problem of the “Sense” of Physical Exercise // *Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the Int. Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996*. – Olomouc. – P. 4–8.
210. Huizinga, Johan (1950). *Homo Ludens: A Study of the Play Element in Culture*. Boston: Beacon Press.
211. Hye-Kerkdal K. (1956). Wettkampfspiel und Dualorganisation bei den Timbira Brasiliens // Haekel J. Die Wiener Schule der Volkerkunde. – S. 504-533.
212. Hyland D. (1990). *Philosophy of Sport*. – New York: Paragon House.
213. Jeu B. (1972). Le sport, la mort, la violence. – Paris. – 208 p.
214. Jeu Bernard (1985). De la vraie nature du sport. Essai de déduction générale des catégories sportives. – Paris: Éditions VIGOT. – 81 p.
215. Kosiewicz J. (1986). Kultura fizyczna, osobowosc, wycowanie. Zagadnienia metodologiczne. – Warszawa.
216. Kosiewicz Jerzy (2000b). Kultura fizyczna i sport w perspektywie filozofii: Warszawa. – 234 p.
217. Kosiewicz Jerzy (2005). Philosophical and axiological aspects of physical culture and sport // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 222-245.
218. Kosiewicz J., Krawczyk Z. (1997). Philosophy of Sport or Philosophical Reflection over Sport // *Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996* / Svatopluk Horak (Ed.). – Olomouc. – P. 9-15.
219. Krawczyk Zbigniew (1970). Natura, kultura, sport. – PNN, Warszawa. – 387 p.
220. Krawczyk Zbigniew (1974). Philosophie und allgemeine Theorie der Körperkultur in Polen // *Sportwissenschaft*. – N. 4. – S. 372-383.
221. Krawczyk Z. (1978c). *Studia z filozofii i socjologii kultury fizycznej*. – Warszawa. – 180 p.

222. Krawczyk Z. (1983a). O kulturze fizycznej. *Studia i szkice*. – Warszawa. – 153 p.
223. Krawczyk Z. (1984a). The Human Body as a Value // *Contribution of sociology to the study of sport*. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 101-117.
224. Krawczyk Z. (1984c). The ontology of the body: a study in philosophical and cultural anthropology // *Dialectics and Humanism*. – v. XI, N. 1. – P. 59-75.
225. Krawczyk Z. (1984d). Sport, Kultur, Gesellschaft. *Sozialphilosophische Beiträge*. – Verlag Karl Hofmann: Schorndorf. – 125 p.
226. Krawczyk Z. (1988a). Physical Culture from the Perspective of Values – a General and Selective approach to Physical Culture // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 23, N° 2. – P. 97-107.
227. Krawczyk Z. (1988b). Two Faces of the Olympism: Ideology and Utopia // *Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Gotenba. – P. 238-255.
228. Krawczyk Z. (1990a). Aksjologia ciała // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy*, b.I, Warszawa. – P. 99-122.
229. Krawczyk Z. (1990b). Sport i kultura – orientacje teoretyczne // *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy*, b.II, Warszawa. – P. 161-175.
230. Krawczyk Zbigniew (1996). Sport as Symbol // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 31, N. 4. – P. 429-438.
231. Krawczyk Zbigniew (2000). Sport w zmieniającym się społeczeństwie. – Warszawa. – 169 p.
232. Krawczyk Zbigniew (2005a). Sport and Culture // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 82-91.
233. Krawczyk Zbigniew (2005b). Sport and Sacrum // *Sport, Culture and Society*. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 99-108.
234. Kretchmar S. (1982). Distancing: an essay on abstract thinking in sport performances // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. IX. – P. 6-18.
235. Kretchmar R. Scott (1988). From Test to Contest: An Analysis of Two Kinds of Counterpoint in Sport // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 223-229.
236. Kretchmar S. (1989). On beautiful games // *Journal of Philosophy of Sport*. – v. XVI. – P. 34-43.
237. Kretchmar R. Scott (1994). Practical philosophy of sport. – Human Kinetics. – 281 p.
238. Krickeberg W. (1948). Das mittelamerikanische Ballspiel und seine religiöse Symbolik // *Paideuma*. – N. 3. – S. 118-190.
239. Krockow von C. Graf (1974). Sport – Eine Soziologie und Philosophie des Leistungsprinzips. – Hamburg: Hoffmann und Campe.
240. Lenk Hans (1964a). Values, aims and reality of the Modern Olympic Games // *Report of the 4th Summer Session of the IOA*. – Athens. – P. 205-211.
241. Lenk H. (1964b). Werte, Ziele, Wirklichkeit der modernen Olympischen Spiele. – Verlag Karl Hofman, Schorndorf. Stuttgart. – 376 S.
242. Lenk H. (1970). Leistungsmotivation und Mannschaftsdynamik. – Schorndorf.
243. Lenk Hans (1971a). Sport, Achievement, and the New Left Criticism (Including Remarks Concerning the Co-operation of Philosophy and Sociology of Sport): Paper presented at the Third Int. Symposium on the Sociology of Sport “Socialization Via Sport – Culture and Society”, University of Waterloo, Canada, August 22-24, 1971. – 21 p.
244. Lenk H. (1971b). Sport – Gesellschaft – Philosophie. Zur Sozialkritik an der sportlichen Leistung und zur Programmatik einer Philosophie des Sports // *Sportwissenschaft*. – Nr. 1. – P. 19-32.
245. Lenk H. (1972a). Perspectives of the Philosophy of Sport // *The Scientific View of Sport*, ed. O.Grupe et al. – Heidelberg–New York. – P. 30-58.
246. Lenk H. (1972b). Sport in philosophischer Sicht // *Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse*. – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag. – S. 15-42.
247. Lenk H. (1973a). Alienation, Manipulation and the Self of the Athlete // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress*, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 8-18.
248. Lenk H. (1973b). «Manipulation» oder «Emanzipation» im Leistungssport. Die Entfremdung und das Selbst des Athleten // Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.). *Philosophie des Sports*. – Schorndorf. – S. 67-108.
249. Lenk H. (1974). Leistungssport: Ideologie oder Mythos? – Stuttgart: Verlag W.Kohlhammer.
250. Lenk H. (1976b). *Sozialphilosophie des Leistungshandels*. – Stuttgart: Kohlhammer.
251. Lenk H. (1976c). Towards a social philosophy of the Olympics: Values, aims and reality of the modern Olympic movement // P.Graham and H.Ueberhorst (eds.). *The Modern Olympics*. – Cornwall, N.Y.: Leisure Press.

252. Lenk Hans (1978). Some Problems of Sociopedagogical Elitism and Competition as Reflected in the Olympic Movement // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 419-435.
253. Lenk H. (1979). Social philosophy of Athletics. A Pluralistic and Practice-Oriented Philosophical Analysis of Top Level and Amateur Sport. Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – 227 p.
254. Lenk H. (1980a). Auf dem Wege zu einer analytischen Sportphilosophie // Sportwissenschaft. – Nr. 10. – S. 417-436.
255. Lenk H. (1980b). Sport International in Search for Renovated Olympic Idea: Essay on the Insufficiency of Philosophy Concepts and Scientific Approaches Concerning the Olympic Games // International Journal of Physical Education. – v. XVII. – P. 26-31.
256. Lenk Hans (1981a). Eigenleistung: eine sozialphilosophische Analyse und ein «adamitisches» Plädoyer für eine positive Leistungskultur // Olympische Leistung. Ideal, Bedingungen, Grenzen. Begegnungen zwischen Sport und Wissenschaft: Eine Dokumentation. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaften. – S. 279-306.
257. Lenk H. (1981b). Humanite! = Humanity! = Гуманность! // Bulletin «Les Limites des Sports» (11-e Congres olympique. Baden-Baden 1981). – N. 4. – P. 30-33, 53-54.
258. Lenk H. (1981c). Sport, achievement and social criticism // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 369-382.
259. Lenk Hans (1982a). Presidential Address – 1981. Tasks of the Philosophy of Sport: Between Publicity and Anthropology // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. IX. – P. 94-106.
260. Lenk Hans (1982b). Prolegomena Toward an Analytic Philosophy of Sport // International Journal of Physical Education. – N 19. – P. 15-18; 27.
261. Lenk H. /Hrsg/ (1983a). Aktuelle Probleme der Sportphilosophie. – Verlag Karl Hofman Schorndorf. – 437 S.
262. Lenk H. (1983b). Eigenleistung. – Zürich-Osnabrück: Interfrom.
263. Lenk H. (1983c). In search of a renovated Olympic Idea // Olympic Review. – N. 187, May. – P. 289-293.
264. Lenk Hans (Ed.). (1983d). Topical Problems of Sport Philosophy. Proceedings of the Workshop in the Philosophy of Sport. In connection with the XIIIth Annual Meeting of the Philosophic Society for the Study of Sport, Karlsruhe. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaft, 1983.
265. Lenk Hans (1983e). The Achieving Being and Athletics. Toward an Anthropology and Analytic Philosophy of Achievement // Topical Problems of Sport Philosophy. Edited by Hans Lenk. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaft.
266. Lenk H. (1984a). Status and development as well as research tendencies and central aspects of sport philosophy // Int. Journal of Physical Education. – vol. XXI, N. 2. – P. 33-36.
267. Lenk H. (1984b). The Essence of Olympic man: Toward an Olympic philosophy and anthropology // Int. Journal of Physical Education. – vol. XXI, N. 2. – P. 9-15.
268. Lenk H. (1985a). Aspekte einer Pragmatisierung der Ethik – auch für die Sportethik // K. Cachey etc. /eds./. Sport und Ethik. dvs-Protokolle 6, Clausthal-Zellerfeld, DVS, 1985. – P. 1-20.
269. Lenk H. (1985b). Die achte Kunst. Leistungssport – Breitensport. – Osnabrück. Zürich.
270. Lenk Hans (1985c). Genuinely Personal Achievement, Sport, Educational Program and Beyond // International Journal of Physical Education. – Nr. 22. – P. 9-17.
271. Lenk H. (1985d). Persönliche Leistung, Sport und Erziehungsprogram // Internationale Zeitschrift für Sportpädagogik. Nr. 2. – S. 9-17.
272. Lenk H. (1985e). Towards a Philosophical Anthropology of the Olympic Athletes and/as the Achieving Being. Can and/or How Can a Philosopher Understand Athletes and Olympic Athletes? // IOA. Report of the 22<sup>nd</sup> Session. – Lausanne. – P. 163-177.
273. Lenk Hans (1986). Notes Regarding the Relationship Between the Philosophy and the Sociology of Sport // Int. Review for the Sociology of Sport. – v. 21. – P. 83-91.
274. Lenk H. (1987). Leistung im Brennpunkt. – Frankfurt a. M.: DSB.
275. Lenk Hans (1988). Toward a Social Philosophy of Achievement and Athletics // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 393-402.
276. Lenk H. (1990). Zadania filozofii sportu // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Tom I. Wybor tekstow i opracowanie naukowe Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa: Opracowanie nauczycze. – s. 20-30.
277. Lenk Hans (2007). An Anthropology of the Olympic Athlete Towards a Modernised Philosophy of the Olympic Games and Athletes // Journal of Olympic History. – vol. 15, N. 1. – P.39–47.
278. Lipiec Józef (1984). How is Sport Possible? // Dialectics and Humanism. – v. XI, N. 1. – P. 115-124.
279. Lipiec Jozef (1994). The Olympic Movement in Search of the Ideal of Versality // Almanack 1994, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy. – P. 79–98.

280. Lipiec J. (1997). The Fair Play philosophy // Fair play – Sport – Education. European Congress of Fair Play. 2<sup>nd</sup> General Assembly of the European Fair Play Movement. Warsaw, September 12–14, 1996. – Warszawa. – P. 99–110.
281. Lipiec Józef (1999a). Filozofia olimpizmu. –Warszawa: Polskie Wydawnictwo Sportowe SPRINT. – 234 p.
282. Lipiec Józef (1999b). Philosophical Sources of Modern Olympism // Proceedings of the 3-rd International Scientific Congress on Modern Olympic Sport. – Warsaw. – P. 50–52.
283. Lipiec Józef (2005). On the Human Physical Activity // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 207–221.
284. Loy John W., Kenyon Gerald, McPherson Barry D. (1980). The Emergence and Development of the Sociology of Sport as an Academic Specialty // Research quarterly for exercise and sport. – vol. 51, N. 1. – P. 91-109.
285. Matthias Eugen (1929). The Deeper Meaning of Physical Education. – New York: A.S. Barnes and Co.
286. McBride Peter (1932). The Philosophy of Sport. – London: Health Cranton Ltd.
287. McCloy Charles H. (1940). Philosophical Bases for Physical Education. – New York.
288. McIntosh P. (1963). Sport and Society. – London, C.A.Watts.
289. McIntosh P. (1979). Fair play. Ethics in sport and education. – London. – 213 p.
290. McIntosh P.C. (1984a). International Communication, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 276-284.
291. McIntosh P. (1984 b). Systems of Value and International Sport // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 69-83.
292. Mendner D. (1956). Das Ballspiel im Leben der Volker. – Munster.
293. Metheny Eleanor (1968). Movement and Meaning. – New York: McGraw-Hill.
294. Mihalich J.C. (1982). Sports and Athletics Philosophy in Action. – Toptowa, NJ: Littlefield.
295. Morgan William J. (1976). On the Path Toward an Ontology of Sport // Journal of the Philosophy of Sport. – v. III. – P. 25-34.
296. Morgan William J. (1977). Some Aristotelian Notes on the Attempt to Define Sport // Journal of the Philosophy of Sport. – v. IV. – P. 15-35.
297. Morgan William J. (1978). Preliminary Discourse Concerning Sport and Time // Journal of Sport Behavior. – N 3. – P. 139-146.
298. Morgan William J. (1983a). Social Philosophy of Sport: A Critical Interpretation // Journal of the Philosophy of Sport. – v. X. – P. 33-51.
299. Morgan William J. (1983b). Toward a Critical Theory of Sport // Journal of Sport and Social Issues. – N 7. – P. 24-34.
300. Morgan William J. (1985). 'Radical' Social Theory of Sport: A Critique and a Conceptual Emendation // Sociology of Sport Journal. – v. 2. – P. 56-71.
301. Morgan William J. (1988). Play, Utopia, and Dystopia: Prologue to a Ludic Theory of the State // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 419-430.
302. Mylik Mirosław (1997). Filozoficzne podstawy sportu. Warszawa: Wydawnictwo Kolegium Pijarów. – 239 p.
303. Nissiotis Nikolaos (1979). Philosophy of Olympism // Report of the 18<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 178-187.
304. Nissiotis Nikolaos (1982). Philosophy of Olympism // Olympic Message, Lausanne, IOC. – N. 2. – P. 38-50.
305. Nissiotis Nikolaos (1985). Olympism and Today's Reality // IOA. Report of the 24th Session. – Lausanne. – P. 57-74.
306. Osterhoudt R. (1973). The Philosophy of Sport. – Springfield (III.): Charles Thomas.
307. Osterhoudt Robert G. (1974). Modes of Philosophic Inquiry Concerning Sport: Some Reflections on Method // Journal of the Philosophy of Sport. – v. I. – P. 137-141.
308. Osterhoudt R. (1978). An Introduction to the Philosophy of Physical Education and Sport. – Champaign (III.): Stipes publishing Co. – 260 p.
309. Osterhoudt R. (1998). Philosophy of sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. First Edition. – P. 39-44.
310. Osterhoudt Robert G., Simon Bob, Volkwein Karin (2000). Philosophy of sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2<sup>nd</sup> Edition. – P. 107-121.
311. Paleologos Cleanthis (1970). Ancient Olympia and its Moral Teaching // Report of the 9<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 51-62.
312. Paleologos Cleanthis (1974). The Lofty Teaching of Symmetry in the Work of Ancient Greek Philosophers // Report of the 13th Session of the IOA. – Athens. – P. 59-67.

313. Paleologos Cleanthis (1977). The Olympic Idea in the Antiquity and Today // Report of 16<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 41-48.
314. Paleologos Cleanthis (1978). The Ideological Foundation of the Ancient Games // Report of the 17<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 44-53.
315. Paleologos Cleanthis (1982). Heracles (Hercules), the Ideal Olympic Personality // IOA. Report of the 22nd Session. – Lausanne. – P. 54-71.
316. Philosophic Inquiry in Sport/ William J.Morgan, Klaus V.Meier (Eds.). – Champaign, IL.: Human Kinetics, 1988.
317. Philosophic inquiry in sport (Second Edition) /William J.Morgan, Klaus V.Meier (Eds.). – Human Kinetics, 1995. – 456 p.
318. Philosophie des Sports/Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.).– Schorndorf, 1973.
319. Philosophies Fashion Physical Education/Davis Elwood Craig (Ed.). – Dubuque, Iowa: William C. Brown Co., Publishers, 1963.
320. Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the Int. Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996. – Olomouc, 1997. – 151 p.
321. Philosophy, Theology and History of Sport and Physical Activity. International Congress of Physical Activity Sciences. Quebec, July 11-16, 1976. – Miami: Symposia Specialists, 1978. – 364 p.
322. Pociello Christian (2004). Le sport, un fait social total // L'esprit sportif aujourd'hui , Paris, Universalis, 2004. ©Encyclopaedia Universalis France S.A.
323. Sadler William A. Jr. (1977). Alienated Youth and Creative Sports Experience // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. IV. – P. 83-95.
324. Schulte R.W. (1928). Körper-Kultur. Versuch einer Philosophie der Leibesübungen. – München.
325. Slusher Howard S. (1967). Man, Sport and Existence: A Critical Analysis. – Philadelphia: Lea & Febiger.
326. Spiker Stuart F. (Ed.) (1970). The Philosophy of the Body. – Chicago: Quadrangel Books.
327. Sportphilosophie/ V. Caysa (Hrsg.). – Leipzig, 1997.
328. Stolyarov V. (2002b). Humanization of competition as a new scientific theory // Education. Physical training. Sport. – N. 1. – P. 58–64.
329. Stolyarov V.I. (2004b). Competição humanística – uma nova teoria científica y seu papel no desenvolvimento do esporte para todos (sport for all) [Гуманистика соревнования как новая научная теория и ее роль в развитии «спорта для всех»] // Fórum Internacional de Qualidade de Vida y Saude, 21–24 de Abril de 2004, Brasil. Revista Científica JOPEF. – vol. 1, n. 1. – P. 7–8.
330. Stolyarov, Vladislav (2005). Humane content of competition as a new scientific theory // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 357-362.
331. Stolyarov. Vladislav (2006). Humane content of competition as a new scientific theory // Sport, culture, społeczeństwo / Red. J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 515-522.
332. Sutton-Smith B. (1970). The Cross-cultural and Psychological Study of Games // Luschen G. (Ed.). Cross-cultural analysis of sport and games. – Champaign, III.: Stipes Publishing Co. – P. 100-108.
333. Sutton-Smith Brian (1978). The Dialectics of Play // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-Being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 759–767.
334. Sutton-Smith B. (1981). The social psychology and anthropology of play and games // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 452-478.
335. Takacz F. (1973). Die Aesthetik der Körperkultur. Die Erscheinung des Aesthetischen in der Körperkultur und in der menschlichen Bewegung. – Budapest.
336. Takacz F. (1981). Ästhetische Kategorien und ihre spezifischen Manifestationen in der Körperkultur // Beiträge zur Ästhetik des Sports. – Leipzig. – S. 59-88.
337. Takacz F. (1986). The Theoretical Foundations of Sport Aesthetics // Review of the Hungarian University of Physical Education. – Budapest. – P. 233-250.
338. The Philosophy of Sport: A Collection of Original Essays/Robert G. Osterhoudt (ed.). – Springfield, III.: Charles C.Thomas, Publisher, 1973.
339. Thomas Carolyn E. (1983). Sport in a Philosophic Context. – Philadelphia: Lea & Febiger.
340. Topical Problems in Sport Philosophy/ed. Hans Lenk. – Hoffman Verlag, Schorndorf, 1983.
341. Vanderzwaag Harold J. (1972). Towards a Philosophy of Sport. – Massachusetts.
342. Volkwein Karin A.E. (1995). Ethics and Top-Level Sport – a Paradox // Ethics and Sport. Special Issue. Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 30, N 3/4. – P. 311-321.
343. Volkwein-Caplan Karin (2004a). Body Image and Physical Activity // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 182-204.
344. Volkwein-Caplan Karin A.E. (2004b). Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – 240 p.
345. Wayman Agnes (1938). A Modern Philosophy of Physical Education. – Philadelphia.

346. Webster Randolph W. (1965). *Philosophy of Physical Education*. – Dubuque, Iowa.
347. Weiss Otmar (1988). *Being a Body and Having a Body: An Anthropological Perspective of Sport and Sport Spectators*. – 17 p.
348. Weiss Otmar (1996). *Media Sports as a Social Substitution Pseudosocial Relations with Sports Figures* // *Int. Review for the Sociology of Sport*. – vol. 31, N. 1. – P. 109-118.
349. Weiss Paul (1969). *Sport: A Philosophic Inquiry*. – Carbondale: Southern Illinois University Press.
350. Witt Günter (1982). *Asthetik des Sports*. – Berlin: Sportverlag.
351. Wohl A. (1962). *Die Bedeutung des Bewegungssystems für die Entwicklung der menschlichen Erkenntnis* // *Theorie und Praxis der Körperkultur*. – XI. – S. 698-715.
352. Wohl A. (1970). *Competitive Sport and its Social Functions* // *International Review of Sport Sociology*. – vol. 5. – P. 117-130.
353. Wohl A. (1973a). *Die Selbststeuerung des menschlichen Bewegungssystems in informationstheoretischer Sicht* // *Sportwissenschaft*. – N. 2. – S. 109-137.
354. Wohl A. (1973b). *Physical Culture as a Social Product and a Social Value* // *Int. Review of Sport Sociologie*. – v. 8.
355. Wohl A. (1977a). *Bewegung und Sprache*. – Schorndorf.
356. Wohl A. (1984a). *Sport as a contemporary form of cultural motor activity* // *Dialectics and Humanism*. – vol. XI, N. 1. – P. 75-87.
357. Wohl A. (1984b). *The Integrational Functions of Competitive Sport and Its Role in Shaping International Competition, Co-operation and Mutual Understanding* // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 99-103.
358. Wohl A. (1986). *Wychowanie fizyczne dla wojny czy dla pokoju* // *Kultura fizyczne*. – N. 7-8. – P. 6-10.
359. Wohl A. (1987). *Controversies as to the role of sport and its significance for contemporary civilization* // *Scientific Yearbook: Studies in the Theory of Physical Education and Sport*. Vol. 1. – Polish Scientific Publishers. – P. 97-115.
360. Zeigler Earle F. (1964). *Philosophical Foundations for Physical Education, Health, and Recreation Education*. – Englewood Cliffs, N.Y: Prentice-Hall.
361. Zeigler, Earle F. (1968). *Problems in the History and Philosophy of Physical Education and Sport*. – Englewood Cliffs, N.Y: Prentice-Hall. – 119 p.
362. Zeigler Earle F. (1977). *Physical Education and Sport Philosophy*. – New Jersey: Prentice-Hall. – 260 p.
363. Zeigler Earle F. (1982). *Philosophy of Sport and Developmental Physical Activity: A paper prepared for the 1982 Annual Meeting of the Canadian Association for Sport Sciences*. – 14 p.

## Раздел II. ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ СПОРТА И ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Изложенная выше *общая характеристика* философии спорта и телесности человека, тех проблем, которые она изучает, естественно, требует существенной детализации, конкретизации.

Решение этой задачи по двум причинам целесообразно начать с обсуждения *гносеологических, логико-методологических* и связанных с ними *онтологических* проблем философии спорта и телесности человека.

Во-первых, результаты анализа этих проблем определяют *методологический подход* к постановке и решению всех остальных проблем данной философской дисциплины.

Во-вторых, гносеологические и логико-методологические проблемы – это, пожалуй, *наименее разработанные* проблемы философии спорта и телесности человека. На это обращают внимание зарубежные исследователи. Так, известный философ спорта У. Морган [Морган, 2006] эпистемологию спорта считает наименее разработанной отраслью философии спорта. Он отмечает, что этой проблематике посвящены лишь две известные ему работы [Kretchmar, 1982; Steel, 1977], в которых анализируются такие разновидности знаний о спорте, как «молчаливое знание» и «абстрактная мысль» («abstract thinking»). Одну из основных причин такого отношения к разработке проблем эпистемологии спорта У. Морган усматривает в том, что многие философы спорта согласились с тезисом Пола Зиффа [Ziff, 1974] о том, что спорт не представляет какой-то особой или сколько-нибудь существенной эпистемологической проблемы.

Отечественные исследователи уделяют значительно больше внимания указанным проблемам, особенно методологическим проблемам научного исследования спорта и физической культуры. Публикации, посвященные этим проблемам, можно подразделить на две группы.

К *первой группе* относятся публикации, в которых:

а) данные проблемы анализируются в том виде, в каком они возникают в *отдельных науках* (например, в спортивной педагогике, в психологии спорта, в ТФВ, в теории физической культуры и др.), при изучении *отдельных явлений* сферы физической культуры и спорта (например, спорта или физической культуры, физического воспитания и т.д.);

б) характеризуются *частные методы* изучения физической культуры и спорта (например, кибернетические, математические и др.) [Бутченко, Петров, 1979; Выдрин, 1984; Гендин, Майер, Сергеев, Столяров, Фалалеев, 1985, 1989; Демин, 1975; Зациорский, 1969; Мартиросов, 1982; Масальгин, 1974; Моченов, 1981; Неверкович, 2004, 2005; Николаев, 1998 а, 2004, 2007; Свищёв, 1995, 1998; Степовой, 1972; Столяров, 1975 б, 1977, 1979, 1982 в, 1984 в, 1997 г, в, 2004 е, к, 2005 в, 2009 г; Фомин В.С. и др., 1984; Шалманов, 2002; Stolyarov, 1975, 1976 d, 1979 b, 1980 a, b, c, d и др.].

*Вторая группа* включает публикации, посвященные анализу методологических проблем исследования физической культуры и спорта в *логически-обобщенном виде*. В некоторых публикациях речь идет о какой-то *одной методологической проблеме* или *одном методе* [Выдрин, Пономарев, Евстафьев, Гончаров, Николаев, 1977; Выдрин, Решетнева, 1978; Доклады... 2007; Каргин, 1976, 1977; Лукьяненко, 2008; Материалы Всесоюзного симпозиума... 1974; Методологические предпосылки... 1983; Николаев, 2010 а; Неверкович, 1996; Пилюян, 1989, 1997; Пономарев Н.А., 1978, 1984; Пономарев Н.И., 1977 г; Столяров, 1976, 1984 г, 1985 б, в, 1986 а, б, 1997 г, 2004 в, 2005 д, 2007 д, е, ж, 2010 г, з, и, н; Семинар... 1972; Теоретико-методологические вопросы... 1991; Яхонтов, 2006; Stolyarov, 1986 с, 1987, 1990 b; Stolyarov, Merhautova, Joachimsthaler, 1987 и др.], в других – о *комплексе данных проблем* и методов [Железняк, Петров, 2002; Передельский, 2010; Селуянов, 1998; Селуянов, Шестаков, Космина, 1997, 2005; Столяров, 1984 а, 2010 а, б, в, г; Филин, Семенов, Алабин, 1994 и др.].

Но в целом логико-методологические проблемы относятся к числу наименее разработанных проблем философии спорта и телесности человека.

Данный раздел книги посвящен философскому анализу ряда важных гносеологических и логико-методологических проблем научного познания спорта и телесности челове-

ка, которые слабо разработаны или даже совсем не разработаны и являются наиболее дискуссионными. К числу таких проблем относятся логико-методологические проблемы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного познания спорта и телесности человека.

## **Глава 5. Логико-методологические проблемы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного познания спорта и телесности человека**

Данные проблемы относятся к числу наиболее важных, актуальных проблем философии спорта и телесности человека, а также «спортивной науки» в целом. Для эффективного научного исследования необходима точность и однозначность понятийного аппарата. Поэтому во всех современных науках этому аспекту научного исследования уделяется огромное внимание.

Поэтому во всех современных науках этому аспекту научного исследования уделяется огромное внимание.

Однако в «спортивной науке» имеет место *понятийный кризис* [Столяров, 2007 ж]. Здесь до сих пор отсутствуют общепринятые определения даже основных и исходных понятий, в том числе таких как «физическая культура», «спорт», «спортивное соревнование», «физическое воспитание» и др.

Существуют различные подходы к оценке данной ситуации и к способам преодоления трудностей, связанных с неопределенностью и многозначностью понятийного аппарата дисциплин «спортивной науки», в том числе философии спорта и телесности человека.

Некоторые исследователи [см., например: MacAloon, 1991] относят указанные понятия к числу *«принципиально дискуссионных»* нормативных понятий, т.е. таких понятий, которые не поддаются уточнению, даже если оппоненты осознают несопоставимость своих интерпретаций. В качестве основания такого вывода обычно ссылаются на то, что в гуманитарных дисциплинах при введении практически каждого понятия, как правило, приходится сталкиваться с наличием различных его интерпретаций и с дискуссиями по этому поводу, редко приводящими к какому-то общепринятому его определению. Указывают на то, что содержание такого рода понятий основано якобы на несовместимых системах ценностей, и потому никакой содержательный анализ не позволяет их уточнить. Каждая система ценностей дает возможность интерпретировать его в соответствии с тем, что она причисляет к «убедительным аргументам очевидности и другими формам подтверждения» [Gallie, 1956, p. 157, 169].

Сторонники методологии Карла Поппера или методологического анархизма Пауля Фейерабенда также полагают, что содержание понятий, касающихся разных сфер жизнедеятельности человека, зависит от выбора, от того, к чему человек обращается, к чему стремится, а также от понимания им смысла жизни в индивидуальном и глобальном общественном масштабе. Согласно этой методологии, в основе дефиниции каждого понятия лежит акт внерационального, своевольного семантического решения (выбора, селекции), обусловленного эмоциональным состоянием, а дефиниции эти носят в принципе лишь номинальный характер, хотя представляют собой своеобразный инструмент познания.

Вместе с тем в «спортивной науке» постоянно звучат призывы к необходимости унификации ее основных понятий. Предпринимались и многочисленные попытки решения этой проблемы: на международном семинаре по вопросам понятий и терминологии в сфере физической культуры и спорта (Прага, 1972) [Семинар... 1972]; на Всесоюзном симпозиуме «Проблемы унификации основных понятий в физической культуре и спорте» (Минск, 1974) [Материалы... 1974]; в ходе дискуссий на страницах журнала «Теория и практика физической культуры», которая развернулась по инициативе автора данной работы [Столяров, 1985 б, в]; на Всесоюзном симпозиуме «Теоретико-методологические вопросы понятийного аппарата в сфере физического воспитания и спорта» (МОГИФК, 1991) [Теоретико-методологические... 1991], на первом международном конгрессе «Термины и понятия в сфере физической культуры» (Санкт-Петербург, 2006) [Доклады... 2007] и т.д.

Однако до сих пор эти попытки не увенчались успехом. И это не случайно. Одними призывами данную сложную проблему невозможно решить. Автор полностью согласен с



тем, что по поводу аналогичной ситуации во всех социальных науках пишет А.А. Зиновьев: «Бороться против этой многозначности и неопределенности слов путем апелляции к требованиям логики и призывов к однозначности и определенности слов – дело абсолютно безнадежное. Никакой международный орган, наделенный чрезвычайными языковыми полномочиями, не способен навести тут порядок, отвечающий правилам логики. Сколько в мире печаталось и печатается всякого рода словарей и справочно-учебной литературы, которые стремятся к определенности и однозначности терминологии, а положение в мировой языковой практике нисколько не меняется в этом отношении к лучшему. Скорее наоборот, ибо объем говоримых и печатаемых текстов на социальные темы возрос сравнительно с прошлым веком в тысячи раз и продолжает возрастать, а степень логической их культуры сократилась почти что до нуля» [Зиновьев, 2000, с. 49].

По мнению автора, наиболее важное значение для разрешения спорных вопросов относительно определения понятий, в том числе наиболее дискуссионных, имеет осознанная постановка и решение комплекса **логико-методологических проблем введения, оценки и унификации понятий**.

Применительно к научному познанию спорта и телесности человека речь идет в первую очередь о таких проблемах:

- С чем связаны существующие разногласия в истолковании даже основных понятий, используемых в этом научном исследовании?
- Следует ли при оценке различных определений одного и того же понятия отдавать предпочтение какому-то одному из них?
- Как можно доказать его правильность и ошибочность других?
- Какие при этом должны использоваться критерии, оценки понятий?
- Можно ли понятия оценивать как истинные или ложные?
- Какие другие оценки следует использовать при отборе понятий?
- Все ли понятия должны быть определены в рамках проводимого исследования спорта и телесной культуры? и т.п.

Аналогичные проблемы возникают при введении, оценке и унификации понятий не только в науках, предметом исследования которых являются спорт и телесность человека, но и в большинстве других наук.

Однако в логико-методологической литературе намечены лишь некоторые подходы к решению данных проблем. В частности, господствует представление о том, что для выбора «правильного» определения достаточно соблюдения общеизвестных **логических правил**: определение должно быть четким и ясным, не должно содержать двусмысленностей (следует избегать фигуральных и метафорических выражений); оно не должно быть отрицательным и т.д. Но, как показывает анализ, применительно к какому-либо понятию возможно сформулировать множество различных определений, в которых не нарушаются эти правила, и потому возникает вопрос о том, какому из этих определений следует отдать предпочтение.

Еще один вариант разрешения обсуждаемой проблемы – использование особой логической операции под названием **«экспликация понятий»**. Как отмечает А.А. Зиновьев, эта операция изобретена в логике для преодоления трудностей, связанных с неопределенностью и многосмысленностью языковых выражений. Он так характеризует логическую операцию «экспликации понятий»: «Суть этой операции заключается в том, что вместо языковых выражений, характеризующихся упомянутыми неопределенностью и многосмысленностью, исследователь для своих строго определенных целей вводит своего рода заместителей или дубликаты этих выражений. Он определяет эти дубликаты достаточно строго и однозначно, явным образом выражает их логическую структуру. И в рамках своего исследования он оперирует такого рода дубликатами или заместителями выражений, циркулирующих в языке, можно сказать – оперирует экспликатами привычных слов». Следует иметь в виду, подчеркивает А.А. Зиновьев, что «задача экспликации состоит не в том, чтобы перечислить, в каких различных смыслах (значениях) употребляется то или иное языковое выражение, и не в том, чтобы выбрать одно какое-то из этих употреблений как наилучшее (т.е. подобрать объект для слова), а в том, чтобы выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина». Причем «вводимый термин является не абсолютно новым языковым изобретением, а

словом, уже существующим и привычно функционирующим в языке именно в качестве многомысленного и аморфного по смыслу выражения» [Зиновьев, 2000, с. 49–50].

Использование «экспликации понятий» действительно важный логический прием, помогающий при определении понятий устранить неопределенность и многомысленность используемых языковых выражений. Однако, если ограничиваться только этим приемом, не исключается возможность того, что разные авторы будут выделять *разные* интересующие их объекты из некоторого более обширного множества объектов, закрепляя это выделение путем введения подходящего термина. Тем самым полностью проблема не будет решена.

Попытка дать *комплексное, целостное* решение проблемы введения, оценки и унификации дискуссионных понятий, в том числе в процессе научного исследования спорта и телесности человека, предпринята в работах автора данной книги [Столяров, 1984 г, 1986 а, 1997 г, 2004 в, 2005 д, 2007 д, е, ж, 2010 з и др.]. Ниже излагаются основные положения предлагаемого решения данной проблемы.

### 5.1. Понятие и логический прием определения понятий

Любое научное исследование невозможно без использования определенных **понятий**. «Понятие – форма мышления, позволяющая человеку дифференцировать окружающие его предметы, явления, процессы и отделять в сознании один предмет от другого» [Бородинский, 1990, с. 10]. С гносеологической точки зрения понятие является отображением определенного объекта (предмета, свойства, отношения) и каких-то его специфических (присущих только данному объекту) признаков (фиксирует наличие или отсутствие у объекта данных признаков – свойств, отношений). Оно выражается в слове или словосочетании.

*Научное* понятие в отличие от обыденных, которыми пользуются в повседневной жизни, фиксирует не просто специфические, но и существенные признаки предметов. Особенность оперирования понятиями в науке состоит и в том, что при различении и отождествлении понятий здесь учитывается не только их объем (те объекты, о которых идет речь в понятиях), но и содержание (те свойства и отношения данных объектов, которые зафиксированы в понятиях). Знаки, выражающие научные понятия – *термины*, имеют строго определенное значение, этим они отличаются от обычных слов, которые обладают широким диапазоном значений [подр. см.: Горский, 1961, 1964, 1974; Ивин, 1999; Reichenbach, 1966; Robinson, 1980].

Разработка научных теорий, неизбежно связанных с необходимостью уточнения используемых в ней слов, взятых из обычного языка, и с выработкой надежных критериев отличия, спецификации изучаемых объектов, привела к необходимости заняться изучением логического приема, известного под названием определения (*definitio*). *Definitio* происходит от латинского слова *finis*, что означает границу, конец чего-либо. Русское слово «определение» происходит от слова «делить», «устанавливать предел, границу» [Горский, 1964, с. 294].

Уже Платон среди различных значений слова «логос» указывает на то из них, которое впоследствии было отождествлено с определением и получило особое имя. А именно в «Тэтетте» он указывает, что «логос» употребляется в греческом языке в значении указания на признак, посредством которого интересующую нас вещь можно отличить от всех иных вещей [Платон, 1936, 206с–7А, 208С]. Аристотель в «Топике» и «Аналитиках» вводит особый термин для этого логического приема и определяет дефиницию как отчет о сущности вещи [Аристотель, 1954, с. 1, 5] или как «высказывание, объясняющее, что есть данная вещь» [Аристотель, 1952]. Интересные сведения о том, как различные философы и логики понимали процесс определения, содержатся в книге Р. Робинсона «Дефиниция» [Robinson, 1950].

В самом общем смысле **определение** – это логический прием, в ходе которого интересующий нас объект дифференцируется (отличается) от других объектов, уточняется объем или содержание соответствующего понятия, а также значение уже введенного в науку термина или выясняется значение нового термина: «*Определение есть логический прием, позволяющий отличать, отыскивать, строить интересующий нас предмет, позволяющий формировать значение вновь вводимого термина или уточнять значение уже существующего слова в языке*» Причем «способы отличия, нахождения, построения ин-

тересующего нас предмета могут быть различными» [Горский, 1964, с. 297].

Определение понятий позволяет добиться точности, строгости и однозначности в их оперировании. А это имеет важное значение в процессе научного познания. Роль определений подчеркивал еще Сократ, говоривший, что он продолжает дело своей матери, акушерки, и помогает родиться истине в споре. Это рождение, по его мнению, невозможно без уточнения понятий с помощью их определения. Рене Декарт, французский философ XVII в., говорил: определяйте значение слов, и вы избавите человечество от доброй половины его заблуждений.

Разумеется, не всегда и не любым понятиям следует давать строгие определения. Как отмечал французский математик и философ Б. Паскаль, попытка определить то, что понятно и очевидно, только затемнит его. При построении научной теории всегда выбирается круг так называемых *исходных* понятий, которые в рамках этой теории не определяются. В качестве исходных обычно берут понятия, которые в ней заимствуются из других теорий, являются общеупотребимыми понятиями и т.д. В литературе по проблемам исследования спорта и телесной культуры исходные понятия нередко ошибочно отождествляют с *основными*, наиболее важными понятиями какой-либо теории.

В повседневной жизни и в научном исследовании используются различные определения. Самым простым, но не очень эффективным является так называемое *остенсивное (ostensive) определение* – «определения значений слов путем непосредственного показа, демонстрации предметов, которые эти слова обозначают. Иными словами, остенсивные определения – это такие определения, в которых для выяснения значения незнакомого слова мы не пользуемся иными словами» [Горский, 1964, с. 304].

Принято различать также явные и контекстуальные определения. Под *явным определением* понятия понимается характеристика специфических признаков предмета, о котором идет речь в понятии или значении используемого при этом термина, а под *контекстуальным* – определение, в котором значение термина или характеристика объекта заданы некоторым контекстом, на основе анализа которого они могут быть сформулированы в явной форме [Горский, 1974, с. 34–46, 50–61; Петров, Никифоров, 1982, с. 31–38; Reichenbach, 1966, p. 19–22].

Еще один вид определений, используемых в науке, – так называемые *«операционные определения»* [Горский, 1964; Франк, 1960; Bridgmen, 1954 и др.]. «Операциональным определением, – пишет Д.П. Горский, – называется: 1) определение физических величин путем указания на совокупность операций, с помощью которых измеряется (определяется) та или иная физическая величина; 2) определение некоторых свойств предметов посредством ряда действий над ними, которые должны дать ответ, имеем ли мы в данном случае дело с таким-то свойством или нет». Он приводит два примера таких определений. Одно из них – определение длины А. Эйнштейном: «Что мы имеем в виду под длиной объекта? Очевидно, мы знаем, что мы разумеем под длиной, если можем сказать, какова длина того или иного объекта, и для физика ничего больше не требуется. Для того чтобы определить длину того или иного объекта, необходимо произвести известные физические операции, посредством которых измеряется и фиксируется длина...». Второй пример – определение кислоты посредством погружения в нее лакмусовой бумажки. Кислотой мы и можем назвать жидкость, которая окрашивает лакмусовую бумажку в красный цвет [Горский, 1964, с. 307–308].

Любое понятие, используемое в ходе научного исследования спорта и телесности человека, можно определить по-разному. Поэтому возникают следующие вопросы: каким образом выбрать «правильное» определение? Как, ориентируясь на какие критерии, следует оценивать то или иное его определение? Можно ли и каким образом добиться унификации различных определений понятия, т.е. единообразного истолкования его разными авторами?

Анализ практики научных исследований спорта и телесности человека показывает, что при решении данной проблемы нередко отсутствует строгое научное обоснование определений.

Часто отдают предпочтение какому-либо определению *без какой-либо аргументации*, исходя лишь из чисто интуитивных, достаточно четко не формулируемых соображений. Такой подход не дает никакой гарантии того, что исследователь действительно поступает правильно при определении понятий и не допускает ошибок. Иногда приводятся аргументы. Ссылаются, например, на то, что предлагаемое (выбираемое) определение

лучше, удобнее, правильнее, чем другие. Но при этом не обосновывается, почему именно данное определение, а не какое-либо другое, лучше, удобнее, правильнее. А потому и данный подход не может избавить от произвола и ошибок в определении понятий. Встречается и такой подход, когда вообще полагают, что *все зависит от самого исследователя*: он по своей воле и желанию может выбирать *любое* истолкование интересующего его понятия, которое он задает просто «по определению». Это вновь ведет к произволу и ошибкам.

Ниже излагается разработанная автором **логико-методологическая «технология» понятийного анализа**, которая предусматривает соблюдение в ходе введения, оценки и унификации понятий трех **принципов**:

- учет *эффективности* определений;
- разграничение *содержательного* и *терминологического* аспектов определения;
- введение *системы* понятий, которая необходима для отображения всего многообразия явлений изучаемой области.

Соблюдение этих логико-методологических принципов позволяет избегать указанных ошибок и решать проблемы, возникающие в процессе введения, оценки и унификации понятий.

## **5.2. Логико-методологическое требование эффективности определений**

Одно из важных логико-методологических требований к определениям понятий состоит в том, что они должны быть эффективными.

**Эффективными** в логике и методологии науки принято называть определения, которые обеспечивают *точность* и *однозначность* используемых понятий, т.е. позволяют четко выявлять значение употребляемых терминов и распознавать те объекты, которые обозначаются этими терминами [ср.: Петров, Никифоров, 1982, с. 25].

Остенсивные и контекстуальные определения, как правило, не могут обеспечить эффективности определений, поскольку оставляют возможность для самого различного истолкования. Поэтому рекомендуется задавать явное определение понятий.

В логике формулируются правила, которые надо соблюдать при введении явных определений понятия, с тем чтобы они были эффективными.

К числу таких **правил** общепринято относить следующие:

- определение должно *быть четким и ясным*, не должно содержать двусмысленностей (следует избегать фигуральных и метафорических выражений);
- оно не должно быть только *отрицательным* (цель определения – ответить на вопрос о том, чем является предмет, отображаемый в понятии; для этого необходимо перечислить в утвердительной форме специфические и существенные для него признаки);
- в определении не должно быть *логических противоречий* (когда об изучаемом предмете что-то утверждается и то же самое отрицается);
- оно не должно быть *тавтологическим* (термин определяемого понятия не должен встречаться в том понятии, с помощью которого оно определяется);
- уточнения и пояснения вводимого термина должны осуществляться через термины, значения которых уже *известны, более ясны и понятны*, чем значение уточняемого термина;
- в определении не должно быть *«порочного круга»* (при определении одного понятия не могут использоваться другие понятия, для определения которых, в свою очередь, нужно опираться на первое понятие);

- нельзя *произвольно изменять* содержание определяемого понятия (если при введении понятия используется несколько его явных определений, они должны характеризовать одно и то же содержание этого понятия и не противоречить друг другу, а сами эти явные определения не должны находиться в противоречии с теми предложениями, в которых вообще встречается данное понятие, т.е. с его контекстуальными определениями) [Горский, 1961; 1974; Ивин, 1999; Кондаков, 1975; Robinson, 1980].

Вот пример нарушения последнего правила. В «Логическом словаре-справочнике» сначала дается определение информативности теста: «*Информативность* теста – это степень точности, с какой он измеряет свойство (качество, способность, характеристику и т.п.), для оценки которого используется», а затем указывается следующее: «Вопрос об информативности теста распадается на два частных вопроса: 1) что измеряет данный тест?

2) как точно он измеряет?» [Кондаков, 1975, с. 73]. Нарушение логического правила состоит в том, что в определении информативности теста учтен только второй вопрос, касающийся этой оценки теста.

Необходимость соблюдения логических правил определения понятий обычно отмечают и при обсуждении процедуры разработки понятийного аппарата «спортивной науки» [Выдрин, Пономарев, Евстафьев, Гончаров, Николаев, 1977; Фомин Ю.А., 1996; Яхонтов, 2006 и др.].

Анализ практики введения понятий в процессе научного познания спорта и телесной (физической) культуры показывает, что эти логические правила часто нарушаются. В частности, это проявляется в том, что в определениях понятий встречается классическая ошибка «*idem per idem*» (то же посредством того же, определение через определяемое, т.е. тавтологии), как это имеет место, например, в следующих определениях: «физические качества – определенный уровень развития физических качеств и способностей»; «спорт – специфическая спортивная часть культуры общества»; «спорт – руководство физическим развитием личности человека в условиях спортивной деятельности» [Материалы... 1974, с. 15, 17, 18]; «спорт» – «выражение, указывающее совокупность видов спорта и спортивных разновидностей, структура, вид нагрузки, условия и способ регламентации и оценивание которых сходны» [Основные определения... 1969].

Иногда в определениях понятий содержится «порочный круг». Так, часто *физические упражнения* определяют как двигательную деятельность, осуществляемую по законам *физического воспитания*, а при определении *физического воспитания* указывают, что это есть процесс целенаправленного воздействия на человека с помощью *физических упражнений* [см., например: Матвеев, 1991, с. 11, 29; Основные определения... 1969; Определения... 1971; Сулейманов, 1981, с. 19, 22]. С.В. Молчанов рассматривает *телесную культуру* как «*физкультурную деятельность*», а при определении последней отмечает, что «*физкультурная деятельность как общественно-педагогический процесс развития выполняет специфическую функцию сохранения и совершенствования телесной культуры всех людей и каждого человека...*» [Молчанов, 1991, с. 69]. М.Я. Виленский и Г.М. Соловьев следующим образом характеризуют физическую культуру и физкультурно-спортивную деятельность. *Физическая культура личности* – «это социально-детерминированная область общей культуры человека, представляющая собой качественное, системное, динамичное состояние, характеризующееся определенным уровнем специальной образованности, физического совершенства, мотивационно-ценностных ориентаций и социально-духовных ценностей, приобретенных в результате воспитания и интегрированных в физкультурно-спортивной деятельности, культуре образа жизни, духовности и психофизическом здоровье». Физкультурно-спортивная деятельность личности – это «динамическая социальная и саморазвивающаяся система активных, упорядоченных и целенаправленных действий по освоению ценностей физической культуры» [Виленский, Соловьев, 2001, с. 3, 4]. В этих определениях налицо «замкнутый круг»: в определении физической культуры имеет место ссылка на физкультурно-спортивную деятельность личности, а в определении последней – на физическую культуру.

Широко распространены такие определения понятий, в которых *четко и ясно не указываются специфические и существенные признаки предмета*, о котором идет речь в понятии. Взяв, к примеру, такое определение спорта: «Спорт – это многогранное общественное явление, составная часть физической культуры, ее самый активный элемент, через который физическая культура приобретает свое социальное звучание и значимость» [Материалы... 1974, с. 17].

Научное исследование спорта и телесности человека предполагает не просто формулирование какого-то одного краткого определения, характеризующего их понятия, а подробное разъяснение этого понятия, его использование в различном контексте и т.д., что предполагает использование ряда определений. В этой ситуации особенно важно соблюдать логико-методологическое требование эффективности определений. Но, естественно, это и значительно сложнее. Поэтому методологические ошибки, связанные с нарушением данного требования, особенно часто допускаются именно в такого рода ситуациях. Речь идет о смешении, недостаточно четком различении *различных определений одного и того же понятия*. Так, как уже отмечено выше, при определении понятия «физическая культура» в большинстве работ недостаточно четко различают понимание физической культуры как определенной двигательной деятельности – занятий физическими упражнениями, ко-

которые используются для отдыха, развлечения, физического совершенствования, сохранения и укрепления здоровья и т.д., и как процесса, средств и результатов физического совершенствования, социализации и окультуривания тела человека (подробнее см. ниже – 26.3). При анализе понятия «физическое воспитание» смешивают два подхода к его определению: 1) физическое воспитание понимается как сознательная, целенаправленная деятельность по изменению, коррекции, совершенствованию физического состояния человека на основе использования разнообразных средств (физические упражнения, рациональный режим труда и отдыха, естественные силы природы); 2) оно трактуется как использование определенной формы двигательной активности – физических упражнений – для формирования и развития физических, психических, нравственных, эстетических и других качеств личности, приобщения человека ко всему многообразию культурных ценностей [подробнее об этой методологической ошибке см.: Столяров, 2009 а, раздел 2.1.1].

### 5.3. Логико-методологический принцип различения содержательного и терминологического аспектов определения

В логике и философии издавна ведется спор о так называемых номинальных и реальных определениях. Смысл такого разделения определений связан с выяснением того, *что* «определяется»: значение ли термина или сам предмет.

Под **номинальными** понимаются определения, в которых речь идет об используемых *терминах* (уточняется значение уже введенного в науку термина или выясняется значение вновь вводимого термина). «*Номинальное определение* есть определение, с помощью которого: а) вводится новый термин, знак, как сокращение для другого (обычно более сложного) выражения; б) устанавливается значение вновь вводимого в теорию знака, слова, выражения; в) поясняется, уточняется значение уже введенного в язык науки или в повседневный язык термина, слова, выражения (в том числе символа в «искусственных» языках науки)» [Горский, 1964, с. 299–300]. В **реальных** определениях – в отличие от номинальных – характеризуются («определяются») изучаемые *объекты*. «*Реальное определение* есть логический прием, с помощью которого выделяются определяемые предметы по их специфическим характеристикам (свойствам и отношениям) из числа предметов предметной области [Горский, 1964, с. 300].

Философы и логики высказывают различные мнения относительно того, следует ли признавать только реальные или только номинальные определения.

Согласно Платону, цель определения – раскрыть сущность вещей. Аристотель и Демокрит также рассматривали определения в основном как реальные, как отражение сущности бытия. В Новое время большинство философов, особенно те, которые были настроены против Аристотеля, стали подчеркивать номинальную сторону определений. Так, Д. Локк указывал, что определение есть «...то, что дает возможность другому через слова понять, какая идея стоит за определяемым термином» [Локк, 1960, с. 3, 10]. Б. Паскаль в «Духе геометрии» также подчеркивает значение номинальных определений для математики. «В геометрии, – пишет он, – принимаются только те определения, которые логики называют номинальными определениями, которые представляют собой отнесение (*impositions*) имен к вещам и которые должны быть ясно обозначены хорошо известными терминами... Их полезность и применение состоит в том, чтобы термины сделать ясными и сокращать процесс рассуждения» [цит. по: Горский, 1964, с. 299].

В XX в. под влиянием интенсивного развития символической логики, в которой особо подчеркивается сокращающая роль определений, многие логики стали признавать лишь номинальные определения. Так, Б. Рассел и Уайтхед [Whitehead, Russell, 1925] понимали определение как «констатацию (*declaration*) того, что вновь вводимый символ должен означать то же самое, что и другая определенная комбинация символов, значение которых уже известно» [цит. по: Горский, 1964, с. 299]. Л. Витгенштейн считает, что «определения являются правилами перевода с одного языка на другой» [Витгенштейн, 1958, с. 3, 343], а Р. Карнап [Carnap, 1939] понимает определение как «правило для взаимной трансформации слов и в том же самом языке» [цит. по: Горский, 1964, с. 299] или как экспликацию термина.

В современной логико-методологической и другой философской литературе также широко распространено такое понимание определений, при котором все сводится лишь к *терминологической* стороне дела, к выбору тех или иных языковых выражений. Так, по

мнению А.А. Зиновьева, «определить объект – значит определить обозначающее его языковое выражение. Последнее называется понятием. Определить объект и определить понятие об объекте – это одно и то же» [Зиновьев, 2000, С. 45]. В соответствии с таким пониманием определений они рассматриваются как чисто *условные соглашения* о терминах и потому отрицается правомерность их оценки как истинных или ложных: «Утверждения об эмпирических объектах имеют значения истинности (ложны, истинны, неопределенны и т.п.), а определения не имеют. Они ни истинны, ни ложны. Они характеризуются иными признаками. Они суть решения исследователя называть какими-то словами выделенные им объекты. Они характеризуются тем, соблюдены или нет правила определения смысла терминологии, насколько они полны и насколько четко выражены с точки зрения правил рассуждений (выводов), насколько удачно выбраны объекты для исследования той или иной проблемы» [Зиновьев, 2000, м. 45]; «...любые определения – это условные соглашения о значении терминов и к ним не применима характеристика истинности и ложности. Они могут быть лишь эффективными или неэффективными, удобными или неудобными, полезными или бесполезными» [Философия науки... 2005, с. 148].

Однако автор солидарен с положением Д.П. Горского о том, что такое понимание определения способно «охватить лишь некоторый круг явных определений, используемых в формальных системах, и поэтому, разумеется, не может рассматриваться как обобщенное определение дефиниции», хотя некоторыми авторами оно «незаконно абсолютизируется и переносится на любые определения» [Горский, 1964, с. 299].

Более обоснованным представляется, следовательно, такое понимание, согласно которому определение понятий имеет два аспекта: *содержательный* и *терминологический*. Первый из них касается *содержания* – фиксируемых в понятии объектов изучаемой области действительности и их признаков, второй – *терминов*, которые используются для обозначения этого содержания. В соответствии с этим важно различать содержательные и терминологические проблемы определения понятий. Для понимания того, *почему* действительно очень важно различать эти проблемы, отметим критерии и средства их решения.

Критерии и средства решения содержательных проблем определения понятий. При решении этих проблем ученый прежде всего должен выяснить, существуют ли те объекты, их свойства и отношения, о которых идет речь в понятии, т.е. оценить определение с точки зрения его *истинности*, соответствия реальности.

В соответствии с рекомендациями логики и методологии науки для этого необходимо опираться на такие общепризнанные методы научного исследования, как *наблюдение* и *эксперимент*. Взять, к примеру, такое определение: «Физическая культура – это занятия физическими упражнениями, подвижные игры, спорт, которые в отличие от театра, кино и других аналогичных социальных явлений оказывают воздействие лишь на физическое состояние человека, а не на его духовный мир». Сравнение такого определения физической культуры с действительностью (на основе наблюдений, экспериментальных исследований и т.д.) показывает его ошибочность. При определенных условиях занятия физическими упражнениями, подвижные игры и спорт оказывают существенное влияние не только на физическое развитие человека, но и на его духовный мир, психологические качества и т.д.

Иногда полагают, будто понятия, вводимые в процессе научного исследования, обязательно должны соответствовать тем объектам, которые *эмпирически* фиксируются (наблюдаются с помощью органов чувств или на основе использования определенных приборов) и что они непременно должны адекватно отражать эти объекты во всей полноте и многообразии их свойств и отношений. Если последовательно придерживаться такой точки зрения, придется отказать в научности, например, такому понятию «спорт», в котором имеется в виду не какой-то определенный вид спорта, культивируемый в той или иной стране, регионе в какой-то определенный конкретный период времени, а «*спорт вообще*». Ведь наблюдать такой объект невозможно, и при введении отображающего его понятия мы отвлекаемся от весьма важных аспектов реального спорта.

Такой подход к оценке определения понятий ошибочен уже потому, что процесс научного познания не является пассивным созерцанием изучаемых объектов. Уже на *эмпирическом* уровне научного познания ученый осуществляет определенную группировку и анализ эмпирических фактов, полученных с помощью органов чувств и приборов, сопоставляет различные факты, учитывает какие-то из них и не принимает во внимание другие, вводит допущения, предположения, на основе которых он различает или отождеств-

ляет те или иные объекты, вводя соответствующие понятия. Эта активная деятельность приобретает особо важное значение на *теоретическом* уровне научного познания, когда от изучения наблюдаемых объектов ученый переходит к анализу «идеализированных» («идеальных») «конструктов», т.е. объектов, которые образуются на основе применения определенных абстракций и идеализаций. Понятия, используемые на теоретическом уровне научного познания, фиксируют именно такого рода объекты и приписываемые им свойства и отношения [Петров, Никифоров, 1982; Рузавин, 2009; Степин, 2000, 2006; Столяров, 2004 к; Швырев, 1975, 1978, 1984 и др.].

Нельзя допускать и другую крайность – считать, что исследователь, вводя понятия, может *произвольно* осуществлять любые абстракции и идеализации. Отметим некоторые наиболее важные моменты, которые необходимо учитывать, решая вопрос о *правомерности* абстракций, допускаемых при определении понятий изучаемых объектов, в том числе спорта и телесности человека.

1. При определении понятия правомерны прежде всего такие абстракции, которые позволяют не только отвлечься от каких-то явлений, но вместе с тем *выделить другие, столь же реально существующие явления*. Так, образование упомянутого выше понятия «спорт», предполагающее отвлечение от тех особенностей, которые присущи различным видам спорта, спорту в тех или иных странах, регионах и т. д., правомерно, ибо позволяет исследователю выделить то общее, что присуще спорту в различных условиях, применительно к различным видам спортивной деятельности и т.д.

2. Абстракция от одного явления и выделение другого в ходе определения понятий правомерны в том случае, если данные явления обладают *относительной самостоятельностью*, в определенной степени независимы друг от друга [Лазарев Ф.В., 1971; Розов, 1965; Столяров, 1975 а]. Например, в определении физической культуры как деятельности, направленной на физическое совершенствование человека, отвлекаются от других видов деятельности, например, от деятельности по развитию духовных качеств и способностей человека. Такая абстракция правомерна: на ее основе выделяется социальное явление, обладающее относительной независимостью по отношению к тому явлению, от которого происходит абстрагирование.

3. Абстракция от одних объектов и выделение других правомерны в ходе определения понятий, если это способствует решению *задач*, стоящих перед исследователем. При равенстве прочих условий предпочтение должно быть отдано той абстракции, которая позволяет сделать это более эффективно, и в этом смысле является более *плодотворной* [Горский, 1961, с. 324–326; Петров, Никифоров, 1982, с. 22–38]. При введении нового понятия, тех или иных его определений и связанных с ними абстракций особенно важно выяснить, какие новые теоретические и практические проблемы это позволяет поставить и решить. К сожалению, такой вопрос крайне редко задается в спорах и дискуссиях по поводу понятия «физическая культура» и его различных определений.

4. Абстракции являются правомерными, «разумными» и не приводят к ошибкам лишь в том случае, если четко *осознаются их смысл, значение и границы* на основе фиксирования тех явлений, от которых происходит абстрагирование [Столяров, 1971 б, 1975 а]. Если, допустим, исследователь вводит понятие «спорт», абстрагируясь от тех особенностей, которые присущи различным видам спорта, спорту в различных конкретно-исторических условиях, то он должен четко осознавать эту абстракцию и не смешивать «спорт вообще» с различными видами спорта и с его конкретно-историческими формами.

Таковы основные критерии, которые необходимо учитывать, решая вопрос о правомерности тех или иных абстракций при определении понятий [подр. см.: Горский, 1961; Лазарев, 1971; Петров, Никифоров, 1982; Столяров, 1971 б, 1975 а].

Значит, при решении *содержательных* вопросов, возникающих при определении понятия, в первую очередь необходимо выяснить, насколько данное определение позволяет *четко и однозначно* выделить объект, фиксируемый в понятии, в какой мере свойства и отношения, приписываемые этому объекту, *соответствуют реальности* (при этом надо исходить из фактов, получаемых в ходе наблюдения, эксперимента и т.д.), *правомерны* ли допускаемые абстракции (с учетом решаемой теоретической или практической проблемы и других факторов).

Критерии и средства решения терминологических проблем определения понятий. Решение этих проблем, возникающих в ходе определения понятий, т.е. вопросов о том, какие термины использовать для обозначения тех или иных объектов, требует совсем дру-



гих средств, нежели при решении содержательных вопросов. В данном случае, например, мало что может дать сопоставление термина с действительностью, ибо *не существует однозначной связи между реальным объектом и теми терминами, которые могут быть использованы для его обозначения*.

На это не обращают внимание исследователи [см., например: Матвеев, 2002, с. 19; Kosiewicz, 2001 b, p. 149], пытающиеся среди разных терминов найти «правильный», «адекватно отражающий» изучаемый объект, т.е. оценивая термины как «истинные» или «ложные». Вот иллюстрация такого подхода: «Представляется, что термин “физическая работоспособность” наиболее точно по своему смысловому содержанию отражает сущность данного феномена» [Борилкевич, 1993, с. 18].

В принципе исследователь может использовать *любой* термин для обозначения какого-то объекта и какой-то термин применять для обозначения *любого* объекта. Например, те двигательные действия, которые используются для целенаправленного воздействия на физическое развитие человека, в принципе можно обозначить термином «физическая культура», а можно и каким-то другим термином, допустим «физические упражнения». Какую именно терминологию будет использовать ученый, во многом зависит от него самого и от его договоренности с другими учеными (в этом смысле в логике и методологии науки говорят о том, что «в науке о словах не спорят, о них надо просто договариваться»). В связи с этим в формальной логике определения, рассматриваемые здесь как некоторое действие с терминами языка науки, истолковываются как *соглашение* между учеными ввести в теорию какой-то термин и установить определенное отношение между его значением и значением другого термина [Карпович, 1978, с. 6]. Абсолютизация такого подхода и приводит к упомянутой выше ошибке, когда в определении понятий все сводится к простой договоренности, к соглашению между учеными.

Но произвол в использовании тех или иных терминов имеет определенные границы. Во-первых, при использовании любой терминологии должно соблюдаться отмеченное выше требование точности, четкости и однозначности, т. е. *эффективности*, терминологии. Во-вторых, важно учитывать, насколько в том или другом случае *целесообразно* использовать именно данный, а не какой-то другой термин, придавать термину более или менее широкое значение. При решении этого вопроса логика и методология науки рекомендуют учитывать, в какой мере то или иное значение термина соответствует уже сложившейся языковой практике, исторически первоначальному его истолкованию, значению более широкого и родственного ему по значению термина. Необходимо принимать во внимание далее и то, насколько удобно пользоваться этим термином (не слишком ли он, например, длинный), придавать ему определенное значение в рамках той или иной науки, при решении тех или иных задач (проблем). Важно также, чтобы использование термина не приводило к противоречиям, к нарушению упомянутых правил логики, к дублированию значения других, общепринятых, терминов и т.д. Нужно иметь в виду также, что терминология, как и понятия в целом, не являются чем-то застывшим, неизменным. В ходе развития познания, научных теорий меняется и целесообразность использования тех или иных терминов [подробнее см.: Карпович, 1978; Петров, Никифоров, 1982].

Таким образом, *критерии и средства решения содержательных и терминологических проблем определения понятий существенно отличаются друг от друга*. Поэтому столь важно различать эти проблемы.

Это важное методологическое положение не всегда учитывается при введении понятий в процессе научного исследования спорта и телесной (физической) культуры. Часто *содержательные* вопросы пытаются решать на основе тех критериев, которые применимы лишь при анализе *терминологических* вопросов, и наоборот. Нередко принимается во внимание только содержательная сторона обсуждаемых понятий или, напротив, все сводится только к спору о словах, об используемых терминах. Так, например, не только на практике, но и в теории широко распространено представление о том, что при наличии разногласий относительно какого-либо понятия в процессе научного исследования физической культуры и спорта их легко устранить путем простой договоренности ученых. Лозунг: «*Давайте договоримся относительно используемых понятий!*» часто выдвигался и выдвигается в ходе различных дискуссий, ведущихся среди ученых в области физической культуры и спорта. При этом не учитывается, что такой подход правомерен применительно к решению лишь терминологических, а не содержательных вопросов. Так, немецкий социолог К. Хайнеман, обосновывая свой подход к анализу понятия «спорт», предлагает

различать номинальные и реальные определения этого понятия. Причем, все различие между ними, по его мнению, состоит лишь в том, что первые – это просто «установки или соглашения» между учеными относительно применения термина «спорт», а вторые ставят задачей уточнить на основе использования эмпирических методов соответствующее «словоупотребление определенных групп лиц» [Heinemann, 1980 а, р. 31–32]. Тем самым анализ понятия «спорт» сводится лишь к *терминологической* стороне дела.

Встречаются также попытки введения какого-либо понятия лишь для того, чтобы создать впечатление перехода к изучению совершенно новых объектов в рамках новой по содержанию теории, тогда как на самом деле все ограничивается лишь новым (причем иногда не совсем оправданным) обозначением уже известных явлений. Так, в некоторых работах излагается теория *физической культуры*, которая *по своему содержанию* – по изучаемым в ней *объектам, задачам их анализа, решаемым проблемам* и т.д. ничем существенно не отличается от традиционной теории *физического воспитания*. Все новшество состоит лишь в том, что последняя просто переводится на другой язык, в котором используется (причем часто без достаточно строгого обоснования) иная *терминология*: традиционный термин «физические упражнения» заменяется термином «физическая культура», выражение «заниматься физическими упражнениями» – выражением «заниматься физической культурой», вместо выражения «занятия физическими упражнениями на производстве, в быту и т.д.» используются выражения «производственная физическая культура», «бытовые формы приобщения людей к физической культуре» и т.д. [подр. об этой методологической ошибке см.: Столяров, 1984 а, г, 1985 б].

#### 5.4. Необходимость анализа системы понятий

В практике научного исследования спорта и телесности человека нередко случаи, когда какое-то понятие рассматривается *само по себе*, а не в рамках той *системы понятий*, которая призвана отобразить все многообразие объектов изучаемой области. При таком подходе невозможно справиться с трудностями и проблемами, возникающими в ходе понятийного анализа и реализовать сформулированные выше методологические принципы определения понятий.

Невозможно, например, в полной мере выяснить, соблюдается ли требование *эффективности* определения, так как нельзя установить, отсутствует ли запрещаемый логикой «замкнутый круг» в определении данного понятия, не дублирует ли оно (как в содержательном, так и в терминологическом плане) другие понятия и т.д. Для этого нужно выйти за пределы рассматриваемого понятия и сопоставить его определение с определениями других понятий. Из этого следует, что *определение понятия может быть эффективным в одной системе понятий и неэффективным – в другой*. Это очень важное в методологическом отношении положение, как правило, не учитывается при введении и оценке понятий в процессе научного познания спорта и телесности человека.

Для правильной оценки *целесообразности* используемой терминологии в ходе понятийного анализа также необходимо учесть различные способы использования термина (например, «физическая культура») для обозначения тех или иных объектов и варианты обозначения этих же объектов другими терминами (например, «соматическая культура», «физические упражнения» и др.). Но это также предполагает сопоставление вводимого (оцениваемого) понятия с другими понятиями, отображающими изучаемую сферу явлений. На это обращают внимание и некоторые другие исследователи. Вот лишь один пример: «Необходимо так именовать объекты, чтобы их имена не перекрывали друг друга, т.е. чтобы один и тот же объект не имел несколько названий и чтобы не было «дыр», т.е. неназванных объектов. Необходимо стремиться к созданию единых систем, именно терминологических систем, а это мыслимо только на базе систем понятий. В этих системах понятия связываются друг с другом. Обычно вводятся фундаментальные понятия, которые не вытекают из других, а принимаются наподобие аксиом» [Косыгин, 1981, с. 93].

Анализ системы понятий, позволяющих охватить все многообразие явлений изучаемой области, имеет важное значение и при решении вопроса о *правомерности абстракций*, допускаемых при введении понятия. Это возможно лишь на основе привлечения к рассмотрению *других понятий*, фиксирующих те явления, от которых исследователь абстрагируется. Если, допустим, исследователь вводит понятие «спорт», абстрагируясь от тех особенностей, которые присущи различным видам спорта, спорту в различных кон-

кретно-исторических условиях, то, как отмечено выше, чтобы его абстракция была правомерной, он должен четко осознавать эту абстракцию и не смешивать «спорт вообще» с различными видами спорта и с его конкретно-историческими формами. А для этого нужно ввести понятие «вид (форма) спорта».

Иногда полагают, что при наличии разных определений одного и того же понятия достаточно *сопоставить их с действительностью*, выяснить, насколько они *соответствуют* «реальной ситуации», тому, что есть «на самом деле», с учетом этого отобрать **«истинное» определение** и отбросить «ложные».

Однако такой подход оправдан лишь в ситуации, когда *все определения относятся к одному и тому же* реальному объекту (одним и тем же его свойствам и отношениям). Не исключена, однако, и даже чаще встречается противоположная ситуация, когда различные определения понятия относятся к *разным* объектам (их свойствам и отношениям), и все они (по крайней мере многие из них) реально существуют. Если обратить внимание, например, на предлагаемые разными авторами многочисленные определения физической культуры, нетрудно заметить, что в них речь идет о разнообразных объектах, о различных их свойствах и отношениях. Одни определения фиксируют целенаправленное использование двигательной деятельности для воздействия на физическое состояние человека, в других отмечается применение данной деятельности для решения более широкого круга социальных задач, третьи подчеркивают наличие разнообразных средств физического совершенствования человека и т.д. Главное состоит в том, что в этих определениях, несмотря на их отличие друг от друга, речь идет о *реально существующих* объектах, свойствах и отношениях.

Надо учитывать и еще одну трудность, которая возникает при оценке истинности или ложности какого-либо определения понятия. Чтобы сопоставить его с соответствующим реальным объектом, последний надо отличить от других объектов, а для этого исследователь должен знать его специфические признаки, т.е. *уже должен иметь «истинное» понятие о данном объекте*. Так, чтобы какое-либо определение понятия «спортивное соревнование» сопоставить с реальным спортивным соревнованием, исследователь должен выбрать его из всего многообразия существующих объектов. А для этого он *уже должен знать*, что представляет собой спортивное соревнование, чем оно отличается от других объектов. Но исследователь не может этого знать, ибо понятие «спортивное соревнование» еще только вырабатывается, вопрос о специфических и существенных признаках отображаемого в нем объекта еще только решается, и разные исследователи по-разному отвечают на данный вопрос. Поэтому не исключена возможность того, что при сопоставлении понятия «спортивное соревнование» с реальностью разные исследователи, исходя из разных определений, будут сравнивать его с разными реальными объектами.

Наконец, надо учитывать, что введение всякого понятия, как уже отмечалось, предполагает использование определенных терминов. Причем выбор того или иного термина во многом зависит от воли и желания самого исследователя, а также от ряда других факторов, не связанных непосредственно с характером самого данного изучаемого объекта.

В силу указанных причин в принципе всегда можно сформулировать множество определений (например, понятия «физическая культура» или «спорт»), каждое из которых фиксирует определенный реальный объект с присущими ему реальными свойствами. Если опираться только на критерий оценки понятия с точки зрения его соответствия действительности, нет каких-либо оснований для того, чтобы отбросить одно из этих определений, отдав предпочтение другому. В рассматриваемом отношении все они равноценны. Для того чтобы выбрать одно (или несколько) из них, отбросив другие, вновь нужно учитывать всю **систему понятий**.

Только такой подход позволяет определить *наличие* реальных разногласий между учеными относительно данного понятия, *характер* этих разногласий и *эффективные пути* унификации его различных толкований.

Для иллюстрации вновь возьмем понятие «физическая культура». Разные авторы по-разному его определяют. Одни рассматривают физическую культуру как такую форму двигательной деятельности, которая используется для целенаправленного воздействия на физическое развитие человека, другие – как такую форму двигательной деятельности, которая применяется для решения более широкого круга социально-значимых задач (формирования не только физических, но также психических, нравственных и эстетических качеств, отдыха, развлечения и т.д.). Физическая культура понимается и как такая сфера

культуры, которая связана с телесностью человека и т.д. (Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже – см. 26.3). Сопоставление *отдельно взятых* определений физической культуры не позволяет выявить, какой характер – *содержательный* или *терминологический* – носят разногласия между теми, кто предлагает эти определения. Возможно, что в *системе* используемых понятий они выделяют *одни и те же объекты* с присущими им свойствами и отношениями. А именно каждый исследователь выделяет и фиксирует в соответствующих понятиях: форму двигательной деятельности, которая используется для целенаправленного воздействия на физическое развитие человека; форму двигательной деятельности, которая применяется для решения более широкого круга социально значимых задач; деятельность по физическому совершенствованию человека и другие социальные явления, о которых речь идет в разных определениях физической культуры. Различие между ними состоит лишь в том, что разные исследователи используют для обозначения этих объектов различные *термины*. Например, двигательную деятельность, используемую для воздействия на физическое состояние человека, один исследователь может называть «физической культурой», а другой – «физическими упражнениями» и т.д. В данном случае разногласия между ними являются лишь *терминологическими*. Но не исключена возможность того, что разногласия в истолковании понятия «физическая культура» являются результатом *содержательных* различий во взглядах исследователей, поскольку в изучаемой области действительности они выделяют *различные объекты*, приписывают им *разные свойства и отношения*. Может быть, к примеру, такая ситуация, что один из них фиксирует в соответствующих понятиях и четко различает *все* указанные выше объекты, а другой – только *некоторые* из них, и при этом *смешивает, недостаточно четко различает* остальные объекты и т.д.

Выяснить, каковы действительные расхождения во взглядах между исследователями физической культуры, какой характер – *содержательный* или *терминологический* – носят эти расхождения, и в данном случае можно только на основе анализа всей *системы* понятий, которые эти исследователи используют для отображения изучаемой области явлений.

А от характера *разногласий* существенным образом зависит выбор эффективных *путей и средств* их устранения, унификации различных взглядов на вводимое (уточняемое) понятие. Если обнаруживается, что исследователи выделяют в изучаемой области одни и те же объекты, лишь по-разному обозначая их, т.е. расхождения между ними только *терминологические*, то в этом случае должен быть поставлен вопрос о наиболее *удобной и целесообразной терминологии*. При этом можно и надо пытаться договориться об используемых терминах. Совсем другое дело, если расхождения носят *содержательный* характер. В этом случае никакая «договоренность» об используемой терминологии в полной мере не может помочь. Прежде всего нужно решить вопрос о том, какие именно объекты должны выделяться в изучаемой области, о правомерности допускаемых абстракций и т.д., опираясь при этом на рассмотренные выше логико-методологические критерии решения такого рода содержательных, а не терминологических вопросов. Причем предпочтение должно отдаваться той концепции, в рамках которой на основе вводимых понятий *наиболее полно и глубоко отображается весь круг явлений изучаемой области, четко различаются, не смешиваются между собой все эти явления*.

Анализ многочисленных дискуссий, которые постоянно возникают в «спортивной науке» по поводу различных определений одного и того же понятия (например, понятия «спорт» или «физическая культура»), показывает, что исследователи чаще всего не обращают внимание на то, в рамках какой *системы* понятий оно вводится и насколько эта система позволяет *полно и глубоко* охватить все явления изучаемой области, четко их различить, не смешивать.

Эффективность изложенной выше логико-методологической технологии, основанной на трех указанных принципах введения, оценки и унификации понятий, была неоднократно обоснована автором при анализе различных научных понятий, например, таких как «изменение», «развитие», «метод», «теория», «интегративная (комплексная) теория», «культура», «физическая культура», «воспитание», «физическое воспитание», «спорт» и др. [Столяров, 1964 б, 1966 б, 1975 а, 1984 а, г, 1985 б, в, 1986 а, 1997 г, 2004 д, 2005 д, 2009 а и др.]. Эта технология используется и в данной книге при анализе всех понятий.

## Литература к главе 5

1. Аристотель (1952). Аналитики. – М.
2. Аристотель (1954). Топика. – М.
3. Борилкевич В.Е. (1993). К вопросу о понятии феномена «физическая работоспособность» // Теория и практика физ. культуры. – № 9-10. – С.18–19.
4. Бородянский Э.И. (1990). Экономические понятия. – Моск. обл. гос. ин-т физ. культуры.
5. Бутченко Л.А., Петров В.П. (1979). Значение структурно-функционального подхода в определении предмета спортивной медицины и лечебной физкультуры // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 49-51.
6. Виленский М.Я., Соловьев Г.М. (2001). Основные сущностные характеристики педагогической технологии формирования физической культуры личности // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 3. – С. 2-11.
7. Витгенштейн Л. (1958). Логико-философский трактат. – М.
8. Выдрин В.М. (1984). Методологические проблемы теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 5-6.
9. Выдрин В.М., Пономарев Н.И., Евстафьев Б.В., Гончаров В.Д., Николаев Ю.М. (1977). К вопросу определения понятий в теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 23-25.
10. Выдрин В.М., Решетнева Г.А. (1978). Системный подход в исследовании физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 5-11.
11. Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И., Столяров В.И. (1989). Состояние и факторы развития физической культуры и здорового образа жизни школьников (методология и методика социологического исследования). – Новосибирск-Красноярск. – 216 с.
12. Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И., Столяров В.И., Фалалеев А.Н. (1985). Физическая культура в жизни детей дошкольного возраста (методология и методика исследования). Ч. I, II, III. – М.: ИСИ.
13. Горский Д.П. (1961). Вопросы абстракции и образования понятий. – М.: изд-во АН СССР.
14. Горский Д.П. (1964). О видах определений и их значении в науке // Проблемы логики научного познания. – М. Наука. – С. 294–355.
15. Горский Д.П. (1974). Определение. – М.: Мысль.
16. Демин В.А. (1975). Методологические вопросы исследования спорта в аспекте теории деятельности: Автореф. дис.. канд. пед. наук. – М. – 21 с.
17. Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб, 2007. – 428 с.
18. Железняк Ю.Д., Петров П.К. (2002). Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия». – 264 с.
19. Зацюрский В.М. (1969). Кибернетика, математика, спорт (применение математических и кибернетических методов в науке о спорте и в спортивной практике). – М.: ФиС.
20. Зиновьев А.А. (2000). Методологический очерк // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф. – С. 24–103.
21. Ивин А.А. (1999). Логика: Учебник для гуманитарных факультетов. – М.: ФАИР-ПРЕСС.
22. Каргин Н.Н. (1976). Системный подход и возможности его реализации в исследованиях по физической культуре и спорту // Материалы итоговой научной конференции ВНИИФК. – М.
23. Каргин Н.Н. (1977). Проблемы системного исследования науки о физической культуре и спорте: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
24. Карпович В.Н. (1978). Термины в структуре теорий (логический анализ). – Новосибирск: Наука.
25. Кондаков Н.И. (1975). Логический словарь-справочник. – М.: Наука. – 717 с.
26. Косыгин Ю.А. (1981). О структуре геологической науки // Вопросы философии. – №8.
27. Лазарев Ф.В. (1971). О природе научных абстракций. – М: Знание. – 32 с.
28. Локк Д. (1960). Опыт о человеческом разуме. – кн. III. – М.
29. Лукьяненко В.П. (2008). Терминологическое обеспечение развития физической культуры в современном обществе: монография. – М.: Советский спорт. – 168 с.
30. Мартиросов Э.Т. (1982). Методы исследования в спортивной антропологии. – М.: ФиС.
31. Масальгин Н.А. (1974). Математико-статистические методы в спорте. – М.: ФиС.
32. Матвеев Л.П. (1991). Теория и методика физической культуры: Учебник для ИФК. – М.: ФиС. – 543 с.
33. Матвеев Л.П. (2002). Теория и методика физической культуры. (Часть 1. Введение в общую теорию физической культуры). Учебник для высших специальных физкультурных учебных заведений. – М., РГАФК. – 176 с.
34. Материалы Всесоюзного симпозиума «Проблемы унификации основных понятий в физической культуре и спорте». – Минск, 1974. – 48 с.

35. Методологические предпосылки и методы исследования в теории физической культуры // Введение в теорию физической культуры: Учеб. пособие для ин-тов физ. культ./Под ред. Л.П.Матвеева. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – С. 26-51.
36. Молчанов С.В. (1991). Триединство физической культуры. – Минск. – 141 с.
37. Морган У. (2006). Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // Логос. – № 3.
38. Моченов В.П. (1981). Некоторые методологические принципы комплексного исследования физической культуры и спорта // Проблемы управления физической культурой и спортом: Сб. – М.: ВНИИФК. – С. 58-71.
39. Неверкович С.Д. (1996). Возникновение и развитие научно-исследовательских областей и дисциплин в науках о спорте (методологический экскурс) // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сент., 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 53-59.
40. Неверкович С.Д. (2004). Метапредмет «Развивающая педагогика спорта» // Теория и практика физической культуры. – № 9. – С. 4-6.
41. Неверкович С.Д. (2005). Проблемы современной педагогики спорта как метанауки // Бюллетень. Физкультурное образование и спорт в Восточной Сибири. Иркутск. – № 1. – С. 70–77.
42. Николаев Ю.М. (1998а). Теоретико-методологические основы физической культуры в преддверии XXI века. – СПб. – 217 с.
43. Николаев Ю.М. (2004). Общая теория и методология физической культуры как отражение потребности в модернизации физкультурного образования // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2-10.
44. Николаев Ю.М. (2007). О смене парадигм теоретического знания в сфере физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – №10. – С. 59–64.
45. Николаев Ю.М. (2010а). История и методология науки о физической культуре: Учебно-методическое пособие. – СПб: Олимп-СПб. – 200 с.
46. Определения основных терминов области «физического воспитания и спорта». – Бухарест: Международное бюро документации и информации, Румынская комиссия по терминологии, 1971.
47. Основные определения терминов в области физической культуры. – Бухарест: Международное бюро документации и информации, Румынская комиссия по терминологии, 1969.
48. Передельский А.А. (2010). Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч.1. Общие проблемы философии науки. – М.: Физическая культура. – 40 с.
49. Петров Ю.А., Никифоров А.Л. (1982). Логика и методология научного познания. – Изд-во Московского университета. – 249 с.
50. Пилюян Р.А. (1989). Основы научно-исследовательской работы в спорте: Учеб. пособие. – Малаховка. – 51 с.
51. Пилюян Р.А. (1997). Основы научно-исследовательской деятельности (на примере физкультурного вуза): Учеб. пос. – Малаховка: МГАФК. – 65 с.
52. Платон (1936). Тэстет. – М.-Л.
53. Пономарев Н.А. (1978). Методологические основы наук о физической культуре. – Л. – 47 с.
54. Пономарев Н.А. (1984). Система методов в науках о физической культуре. – Л. – 98 с.
55. Пономарев Н.И. (1977г). Опыт системного анализа спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 3-6.
56. Розов М.А. (1965). Научная абстракция и ее виды. – Новосибирск.
57. Рузавин Г.И. (2009). Методология научного познания: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 287 с.
58. Свищёв И.Д. (1995). Методологический анализ: основные подходы к интеграции науки и практики в спортивной борьбе // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 37-42.
59. Свищёв И.Д. (1998). Интеграция науки и спортивной практики в совершенствовании профессиональной подготовки студентов физкультурных учебных заведений (на примере спортивной борьбы): Автореф. дис... докт. пед. наук. – М. – 48 с.
60. Селуянов В.Н. (1998). Эмпирический и теоретический пути развития теории спортивной тренировки // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 46-50.
61. Селуянов В.Н., Шестаков М.П., Космина И.П. (1997). Основы научно-методической деятельности в физической культуре: Учеб. пособие. – М. – 102 с.
62. Селуянов В.Н., Шестаков М.П., Космина И.П. (2005). Научно-методическая деятельность: Учебник. – М.: Физическая культура. – 288 с.
63. Семинар по вопросам понятий и терминологии физической культуры с международным участием, Прага, 13 – 17 ноября 1972 г. – Прага, 1972. – 244 с.
64. Степин В.С. (2000). Теоретическое знание. Структура, теоретическая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция.

65. Степин В.С. (2006). Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики. – 384 с.
66. Степовой П.С. (1972). Спорт и общество: Некоторые методологические и социальные проблемы. – Тарту. – 224 с.
67. Столяров В.И. (1964б). Процесс изменения и закономерности его познания (очерк методологических проблем): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 16 с.
68. Столяров В.И. (1966б). Процесс изменения и его познание (логико-методологические проблемы). – М.: Наука. – 252 с.
69. Столяров В.И. (1971б). Проблемы разработки материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки: Автореф. дис... докт. филос. наук. – М.
70. Столяров В.И. (1975а). Диалектика как логика и методология науки. – М., Политиздат. – 247 с.
71. Столяров В.И. (1975б). Проблема системно-комплексного исследования советской системы физического воспитания // Дальнейшее совершенствование научных основ советской системы физического воспитания: Сб. научных трудов. – М.: ГЦОЛИФК. – С. 3–14.
72. Столяров В.И. (1976а). Исторический метод в науках о физической культуре и спорте // Общество и спорт: Сб. научных трудов. – М. – С. 75–85.
73. Столяров В.И. (1977). Системный подход к разработке методологии физкультурного образования // Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров по физической культуре и спорту: Сб. науч. тр. – М.: ГЦОЛИФК. – С. 9–12.
74. Столяров В.И. (1979). Методологические проблемы исследования физической культуры и спорта как элементов образа жизни // Спорт и образ жизни: Сб. ст. – М. – С. 4–22.
75. Столяров В.И. (1982в). Спортът и начинът на живот (методологически аспекти на проблема) // Физическата култура и социалистическият начин на живот. Методически материали. – София. – С. 3–17.
76. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско-социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
77. Столяров В.И. (1984в). Методологические вопросы разработки теории спорта // Всесоюз. науч. конф. «Спорт – науке, наука – спорту», 20–24 авг. 1984 г., г. Новосибирск: Тезисы докл., ч.2. – Новосибирск. – С. 2–5.
78. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
79. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
80. Столяров В.И. (1985в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 45–49.
81. Столяров В.И. (1986а). Логико-методологические принципы унификации понятий в современной науке // Логика научного познания: Матер. IX Всесоюз. совещания по логике, методологии и философии науки. – Москва–Киев. – С. 56–58.
82. Столяров В.И. (1986б). Основные формы и пути интеграции наук в процессе познания физической культуры и спорта // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. по философским и социальным проблемам физ. культуры и спорта, 16–18 мая 1986 г., г. Москва. – М. – С. 168–173.
83. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 84–209.
84. Столяров В.И. (1997м). Спорт и современная культура: методологический аспект // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2–5.
85. Столяров В.И. (2004в). Методологические принципы определения понятий в спортивной педагогике // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Методология современной общей и спортивной педагогики». – М. – С. 14–21.
86. Столяров В.И. (2004е). Синхронический и диахронический методы в социологическом исследовании физической культуры и спорта // Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – С. 65–72.
87. Столяров В.И. (2004к). Эмпирический и теоретический уровни социологического исследования // Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – С. 59–64.
88. Столяров В.И. (2005в). Взаимоотношение спорта и политики (социально-философский и методологический анализ) // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры. – С. 5–123.

89. Столяров В.И. (2005д). Логико-методологические принципы определения понятий в социологии ФКС // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. – Часть 1. – С. 85–100.
90. Столяров В.И. (2007д). Методология введения, оценки и унификации понятий // «Вестник Московского Университета. Серия 7, Философия». – № 1. – С. 9–23.
91. Столяров В.И. (2007е). Понятийный кризис в науках о физической культуре и спорте: показатели, причины и пути преодоления // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 59–62.
92. Столяров В.И. (2007ж). Понятийный кризис в науках о физической культуре и спорте: показатели, причины и пути преодоления // Доклады первого межд. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 376–379.
93. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
94. Столяров В.И. (2009г). Методологическая проблема объектной области «наук о физической культуре и спорте» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Методологические проблемы общей и спортивной педагогики (28-30 октября 2009 года)». – М.: Светотон. – С 68–74.
95. Столяров В.И. (2010а). Введение в философию физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. Ч. IV. – М.: Физическая культура. – 76 с.
96. Столяров В.И. (2010б). Введение в философию физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. Ч. IV (продолжение). – М.: Физическая культура. – 88 с.
97. Столяров В.И. (2010в). Гносеологические, логико-методологические и онтологические проблемы физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 35–74.
98. Столяров В.И. (2010г). Значение гносеологии и методологии научного познания для специалистов в области физической культуры и спорта // Материалы VIII научно-практической конференции г. Москва, 1-3 апреля 2010 г. – М. – С. 137–142.
99. Столяров В.И. (2010з). Логико-методологические проблемы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного познания физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 40–50.
100. Столяров В.И. (2010и). Методологические проблемы дифференциации и интеграции наук о физической культуре и спорте // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 67–74.
101. Столяров В.И. (2010н). Проблема единства логического и исторического в процессе научного исследования физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 50–67.
102. Сулейманов И.И. (1981). Предмет, теории и социальные функции физической культуры и спорта. – Омск.
103. Теоретико-методологические вопросы понятийного аппарата в сфере физического воспитания и спорта: Тез. Всесоюз. симпозиум. – МОГИФК. – Малаховка, 1991.
104. Филин В.П., Семенов В.Г., Алабин В.Г. (1994). Современные методы исследований в спорте/Учеб. пособие. Под общ. ред. В.П.Филина. – Харьков: Основа. – 131 с.
105. Философия науки. Общий курс/Под ред. Лебедева С.А.: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2005. – 736 с.
106. Фомин В.С., Петрухин В.Г., Чепик В.Д. (1984). О методологии исследований спортивной деятельности // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 47–51.
107. Фомин Ю.А. (1996). Понятие физической культуры и спорта: обоснование определений // Научные труды ВНИИФК за 1995 г., т. III. – М. – С. 97–109.
108. Франк Ф. (1960). Философия науки. – М.: ИЛ.
109. Шалманов А.А. (2002). Методологические основы изучения двигательных действий в спортивной биомеханике: Автореф. ... канд. пед. наук. – М. – 47 с.
110. Швырев В.С. (1975). К анализу категорий теоретического и эмпирического в научном познании // Вопросы философии. – № 2. – С. 3–12.
111. Швырев В.С. (1978). Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М.
112. Швырев В.С. (1984). Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат. – 232 с.



113. Яхонтов Е.Р. (2006). Методологические ориентиры формирования терминологических систем в спорте // Первый междунар. конгресс «Термины и понятия в сфере физической культуры». 20–22 декабря 2006 г., Санкт–Петербург: Материалы конгресса. – СПб. – С. 270–271.
114. Bridgman P.W. (1954). The logic of modern physics. – N.-Y.
115. Carnap R. (1939). Foundation of logic and mathematics International encyclopedia of unified science. – Chicago.
116. Gallie W.B. (1956). Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – LVI. – P. 167-198.
117. Heinemann K. (1980a). Einführung in die Soziologie des Sports. – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
118. Kosiewicz Jerzy (2001b). On the concept and methodology of physical culture // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 145-157.
119. Kretchmar S. (1982). Distancing: an essay on abstract thinking in sport performances // Journal of Philosophy of Sport. – v. IX. – P. 6-18.
120. MacAloon John J. (1991). Science, Sport and 21<sup>st</sup> Century International Relations // Second IOC World Congress on Sport Sciences, Barcelona, 26 to 31 October 1991. – Barcelona. – P. 76-79.
121. Reichenbach H. (1966). Elements of symbolic logic. – New York, London.
122. Robinson R. (1980). Definition. – Oxford.
123. Steel M. (1977). What we know when we know a game // Journal of Philosophy of Sport. – v. IV. – P. 96-103.
124. Stolyarov V.I. (1975). The system approach to physical education methodology // The eighteenth International Congress of the Intern. Council of Health. Physical education and Recreation. – Rotterdam, August 18–22, 1975. – Rotterdam. – P. 407–409.
125. Stolyarov V.I. (1976d). The historical method in the sociology of sport // International Review of Sport Sociology. – v. 3. – P. 103–112.
126. Stolyarov V.I. (1979b). Methodologische Probleme der Erforschung der Körperkultur und des Sports als Elemente der Lebensweise // Theorie und Praxis der Körperkultur. – Hf. 10. – S. 818–825.
127. Stolyarov V.I. (1980a). Die Erforschung des Sports als sozialen Phänomenes // Gesellschafts-Wissenschaften. – N 2. – S. 59–67.
128. Stolyarov V.I. (1980b). Sport and way of life (methodological aspects) // The USSR: sport and way of life. «Social sciences today». Editorial Board USSR Academy of Sciences. – M. – P. 55–69.
129. Stolyarov V.I. (1980c). Teoretyczne i metodologiczne problemy badan kultury fizycznej jako elementu sposobu zycia // Kultura fizyczna. – N11–12. – P. 2–3.
130. Stolyarov V.I. (1980d). The methodology of research into sport as a social phenomenon // Social sciences. – v. XI, N 2. – P. 39–47.
131. Stolyarov V.I. (1986c). Wokół problemu teorii kultury fizycznej // Sport wyczynowy. –rok XXIV. N 10. – P. 43–47.
132. Stolyarov V.I. (1987). Logico-methodological principles of notion unification in modern science // Abstracts. VIII International congress of logic, methodology and philosophy of science. Moscow, USSR, 17–22 august, 1987. – Moscow. – P. 27–29.
133. Stolyarov V. (1990b). Problemy teorii kultury fizycznej. Analiza metodologiczna // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, b. I. – Warszawa. – P. 302-308.
134. Stolyarov V.I., Merhautova J., Joachimsthaler F. (1987). Theoretical and methodological problems concerning studies of the position of physical culture and sport in the life style of the young generation // Physical culture and sports in the way of life of the young generation. ICSS Symposium. Prague, August 27–30, 1985. – Prague. – S. 11–27.
135. Whitehead A. and Russell B. (1925). Principia Mathematica. – v. 1. – Cambridge.
136. Ziff P. (1974). A fine forehand // Journal of Philosophy of Sport. – v. I. – P. 92-109.

## Глава 6. Диалектический принцип единства логического и исторического и его методологическое значение в научном познании спорта и телесности человека

Спорт и телесность человека – сложные, многосторонние, изменяющиеся и развивающиеся социокультурные явления. Поэтому огромное значение в процессе их исследования имеет *диалектический метод*. Одним из основных принципов этого метода является принцип **единства логического и исторического**.

В данной главе ставится задача дать характеристику этого принципа и показать его важное методологическое значение в процессе научного исследования спорта и телесности человека. Для краткости в тексте речь будет идти о научном познании *спорта*. Но все формулируемые при этом выводы и положения в полной мере применимы и к научному познанию телесности человека.

В научных публикациях, посвященных диалектическому принципу единства логического и исторического, как правило, дается односторонняя характеристика этого принципа: не принимается во внимание возможность *различной интерпретации* понятий «логическое» и «историческое», в связи с чем существенно изменяется содержание и методологические «требования» (рекомендации) данного принципа.

При анализе методологического значения диалектического принципа единства логического и исторического в научном познании спорта автор опирается на свои предыдущие публикации [Столяров, 1971 б, 1973 б, 1975 а, 1976 а, 1987 д, 2004 е, 2010 н; Stolyarov, 1971, 1976 d], в которых сделана попытка дать более широкую и многостороннюю характеристику данного принципа, которая с учетом различного понимания как «логического», так и «исторического» предполагает анализ соотношения:

- 1) *реального исторического процесса* и *научных знаний* о нем;
- 2) *логической последовательности* изучения явлений и *реальной хронологии* их появления;
- 3) «логического» и «исторического» как *двух элементов структуры научного познания исторического процесса* – изучения его внутренней «логики» и конкретных форм ее проявления;
- 4) *абстрактно-теоретического* и *конкретно-хронологического* способов изображения исторического процесса;
- 5) логического и исторического *методов* научного познания;
- 6) логического и исторического *способов критического анализа концепций*.

### 6.1. Соотношение реального исторического процесса и научных знаний о нем

Чаще всего при характеристике диалектического принципа единства логического и исторического под «**историческим**» понимают *реальную историю* изучаемого объекта, а под «**логическим**» – *научные знания* (исторические факты, законы, концепции и т.п.) об этой истории.

Однако термин «*история*», как известно, весьма многозначен, и не только в быденном, но и в научном языке\*. Нередко история отождествляется с *прошлым*. В соответствии с таким представлением изучать нечто исторически означает непременно рассматривать тот или иной из фактов прошлого. Тем самым ставится непроходимая грань между изучением историческим и изучением наличных форм.

При анализе обсуждаемого принципа историей будем называть не просто прошлое изучаемого объекта, а процесс, в ходе которого он возникает, изменяется, переходит из одного состояния в другое, развивается. Именно такое понимание истории использовал, например, известный советский психолог Л.С. Выготский, когда писал, что «историческое изучение просто означает применение категории развития к исследованию явлений. Изучать исторически что-либо – значит изучать это в движении» [Выготский, 1960, с. 89].

Научное познание реальной истории изучаемых объектов – чрезвычайно сложный процесс, предполагающий решение комплекса исследовательских задач, преодоление множества трудностей, разрешение множества проблем.

---

\* Об этимологии слова «история» см., например: Гулыга, 1969.

Перед историком стоит задача не только восстановить конкретную хронологию исторических событий, но также определить закономерности изучаемого исторического процесса, его внутренние «механизмы», причины и т.д. Решение этих задач нередко затрудняется теми условиями, в которых ученым приходится изучать историю интересующего их объекта. Известно, например, что крайне редко имеется возможность непосредственно наблюдать изучаемый исторический процесс. В типичных ситуациях ученый имеет дело лишь с конечными результатами некоторого процесса. Геологи при изучении исторических процессов имеют дело лишь с современным состоянием земной коры. Астрономы лишены возможности непосредственно изучать прошлое состояние Солнечной системы и т.п. Аналогично при изучении истории общества исследователь, как правило, лишен возможности непосредственно изучать ход развития. В своем распоряжении он обычно имеет письменные документы, содержащие ту или иную информацию об определенной эпохе: тексты сводов законов, договоры, частную переписку, хозяйственные документы, памятники материальной культуры (остатки древних поселений, орудия труда, архитектурные сооружения и др.). Существенное влияние на отбор изучаемых исторических фактов, а также их интерпретацию оказывают идеалы и ценностные ориентации историка, используемые им методы научного исследования, а также общая парадигма научного познания, господствующая в данное время [Степин, 2006; Философские и методологические проблемы... 2006 и др.].

Все эти проблемы и трудности имеют место и в ходе исторического исследования спорта.

В этой ситуации важное методологическое значение диалектического принципа единства логического и исторического (с учетом указанного истолкования логического и исторического) состоит в том, что оно ориентирует историка на то, чтобы тот, несмотря на все отмеченные выше проблемы и трудности, стремился к получению таких знаний об историческом процессе, которые *наиболее полно соответствуют* этому процессу, не искажают его, не допускал произвольного отбора исторических фактов и их произвольной интерпретации.

В таком понимании этого методологического принципа он тесно связан с диалектическим принципом *объективности* подхода к изучаемым явлениям и направлен, следовательно, против *субъективистского* подхода к историческому познанию, при котором оно рассматривается как произвольное конструирование исторических концепций в соответствии с *субъективными пристрастиями* историка. В многочисленных научных публикациях [Грушин, 1961; Дубровский, 2001; Жуков, 1980; Иванов, Коршунов, Петров, 1981; Кнабе, 2001; Мамчур, 1987; Нугаев, 2002; Ракитов, 1982; Розов, 1981; Столяров, 1966; Философские проблемы... 1969; Французова, 1972 и др.] подвергнута критике такая субъективистская интерпретация научного (в том числе исторического) познания, особенно характерная для постмодернистских концепций, и обосновано положение о том, что, несмотря на трудности, возникающие перед ученым (в частности, при изучении исторических процессов), на социокультурную детерминацию научного исследования, он имеет в своем распоряжении средства, позволяющие с достаточной степенью точности, адекватности познать изучаемые предметы и процессы.

Поэтому сформулированный выше диалектический принцип вполне реализуем в историческом исследовании, в том числе спорта, и имеет здесь важное методологическое значение.

## **6.2. Должна ли логическая последовательность изучения явлений соответствовать реальной хронологии их появления?**

В изложенной выше интерпретации обсуждаемого диалектического принципа речь шла о том, что исследователь должен стремиться к получению таких *знаний*, которые соответствуют реальному историческому процессу. Но иногда данное требование распространяют на сам *процесс получения* такого рода знаний. Бытует, например, мнение о том, будто *логическая последовательность познания* явлений должна отражать *реальную историческую последовательность* их появления.

Такое истолкование принципа единства логического и исторического представляется ошибочным. Если строго придерживаться данной точки зрения, то нужно признать, что логическая последовательность имеет место лишь там, где существует реальная последовательность изучаемых явлений, и что за всяким логическим порядком рассмотрения яв-

лений скрывается реальная последовательность их появления. Но это не соответствует действительному положению дела. Так, например, в процессе научного познания история объекта (например, спорта) обычно рассматривается после выяснения того, что он представляет собой, причины развития (например, появление нового или исчезновение старого вида спорта) – после установления самого факта развития и т.д. Хотя во всех этих случаях с необходимостью имеет место определенная логическая последовательность, никакой соответствующей ей реальной последовательности изучаемых явлений нет (по крайней мере ее может не быть).

Но даже если такая последовательность и существует, правомерно поставить вопрос: почему логический порядок познания явлений должен совпадать с их исторической последовательностью? В чем необходимость именно такого хода исследования? Ссылка на то, что логическая последовательность *должна* соответствовать исторической, ничего не доказывает, ибо это долженствование как раз и требуется объяснить. Чаще всего такое объяснение сводится к утверждению, что познание человека должно соответствовать реальности, адекватно отражать ее. Если в подобных рассуждениях под познанием имеется в виду познавательная деятельность (одной из характеристик которой является логическая последовательность рассмотрения явлений), тогда приведенная аргументация является просто тавтологией: логическая последовательность должна соответствовать исторической, отображать ее, ибо познавательная деятельность (в частности, логическая последовательность рассмотрения) должна адекватно отражать действительность, соответствовать ей. Если же под познанием иметь в виду знания, тогда можно сделать лишь тот тривиальный вывод, что знания о реальной последовательности явлений, коль скоро они истинны, адекватно отражают эту последовательность. Но отсюда никак не следует вывод о том, что порядок исследования объектов с необходимостью должен соответствовать временной последовательности их появления. Более того, как показывает анализ, в некоторых случаях продуктивен такой порядок познания явлений, который прямо противоположен их реальной последовательности (например, когда ученый изучает результат процесса изменения или развития и на основе этого реконструирует исходный пункт процесса, который он лишен возможности непосредственно изучать) или в принципе не может ей соответствовать (например, когда устанавливается генетическая связь предметов, один из которых возник из другого, путем последовательного сопоставления их друг с другом).

Значит, логическая последовательность может соответствовать исторической, может не соответствовать ей, а может быть такой, что на вопрос об их соответствии или несоответствии нельзя дать ни положительный, ни отрицательный ответ. И это не случайно. Функция логической последовательности состоит вовсе не в том, чтобы «соответствовать» исторической, быть адекватной ей. Она должна способствовать получению истинных знаний об изучаемых явлениях. И если для решения этой задачи логический порядок познания должен не совпадать с исторической последовательностью явлений, исследователь именно так и должен строить свою познавательную деятельность.

### **6.3. Взаимосвязь изучения его внутренней «логики» исторического процесса и конкретных форм ее проявления**

В соответствии с принципами диалектики любой исторический процесс имеет две стороны: во-первых, определенную *внутреннюю «логику»* (он осуществляется на основе закономерностей, обусловленных внутренней структурой изменяющегося и развивающегося объекта); во-вторых, *конкретные формы ее проявления* под воздействием различных внешних факторов. Если познание первой из них обозначить термином «*логическое*», а познание второй – термином «*историческое*», то принцип единства логического и исторического выступает в виде требования обязательного анализа историком внутренней «логики» изучаемого им исторического процесса и различных форм ее проявления в тех или иных условиях.

Если, к примеру, историк изучает процесс развития спорта с момента его возникновения и вплоть до настоящего времени, то, действуя в соответствии с этим принципом, он должен выяснить, с одной стороны, *внутреннюю «логику»* данного процесса, те его черты и закономерности, которые являются общими для всех видов спорта, для спорта в различных странах и т.д., а с другой стороны, те *конкретные формы*, в которых данный процесс, внутренне присущие ему черты и закономерности проявляются применительно к тем или иным его видам, в той или иной стране в различные периоды времени.

Рассматриваемое требование диалектического метода имеет важное значение для методологии исторического исследования. Во-первых, оно предостерегает историка от ошибочного подхода, когда вскрывается только *абстрактная внутренняя логика* исторического процесса безотносительно к тем конкретным историческим условиям, в которых этот процесс протекает. Во-вторых, исследователь предостерегается и от такого подхода, при котором он ограничивается воспроизведением конкретной *хронологии* исторических событий, не раскрывая внутренней логику этих событий, те закономерности, формой проявления которых в определенных исторических условиях и является хронология.

Единство логического и исторического (в рассматриваемой их интерпретации) необходимо во всех случаях при изучении исторического процесса, если ученый желает избежать одностороннего, искаженного изображения данного процесса. Однако под влиянием различных факторов это единство может принимать специфические черты и особенности. Важно учитывать возможность двух *способов изображения* исторического процесса, которые автор называет «*абстрактно-теоретическим*» и «*конкретно-хронологическим*».

#### **6.4. Абстрактно-теоретический и конкретно-хронологический способы изображения исторического процесса**

Если историка интересует максимально полная картина изучаемого им процесса, он, безусловно, должен стремиться дать по возможности исчерпывающую характеристику не только внутренней логики этого процесса, но и форм ее проявления в конкретных исторических условиях.

Возможна, однако, такая ситуация, когда историка непосредственно интересуют не обе эти стороны изучаемого исторического процесса, а лишь *одна* из них. В частности, его может интересовать *лишь внутренняя логика* этого процесса или, как говорят в таких случаях, сам процесс в его «чистом» виде.

Например, он стремится выявить общие черты и внутренние закономерности истории спорта как такового, спорта в «чистом виде», а не тех или иных его видов, спорта в той или иной стране и т.д. В этой ситуации анализ форм проявления изучаемого исторического процесса подчинен задаче уяснения его внутренней логики.

Но может быть иная ситуация, когда главный интерес для ученого представляют именно *конкретные формы проявления* исторического процесса в различных (или в каких-то определенных) условиях, например: особенности развития спорта в различных странах и в различных условиях или, допустим, те специфические черты, которые характерны для развития олимпийского движения именно в нашей, а не какой-то другой, стране с учетом тех особых условий, в которых оно происходило. В подобной ситуации историк не должен игнорировать внутренние закономерности изучаемого исторического процесса. Но знания об этих закономерностях играют здесь *вспомогательную* роль, выступая как средство понимания и объяснения непосредственно интересующих историка конкретных фактов и событий.

В связи с этим и возможны два *способа изображения* исторического процесса: «*абстрактно-теоретический*» и «*конкретно-хронологический*».

Первый из них – «*абстрактно-теоретический*» – воспроизводит данный процесс главным образом в его чистом виде, в его внутренней «логике». При этом конкретные формы, в которых процесс протекает в различных условиях, под воздействием различных внешних факторов, воспроизводятся лишь в той мере, в какой это необходимо для правильного понимания основных закономерностей изучаемого процесса. Для этого абстрактно-теоретического способа, по словам Ф. Энгельса, характерно отображение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме.

Второй способ – «*конкретно-хронологический*» – ориентирован на то, чтобы воспроизвести конкретные черты, особенности изучаемого процесса, характеризующие его в тех или иных условиях. Здесь основное внимание уделяется рассмотрению конкретных хронологических событий, «зигзагов» истории, а внутренне присущие этому процессу закономерности воспроизводятся лишь в той мере, в какой это необходимо для правильного понимания внешне наблюдаемых исторических событий.

В публикациях, посвященных проблеме логического и исторического, два упомянутых способа изображения исторического процесса часто называют *логическим* и *историческим способами*. С терминологической точки зрения это, разумеется, возможно. Не сле-

дует только смешивать их с теми двумя компонентами структуры научного познания исторического процесса, которые выше названы «логическим» и «историческим» (см. 6.3).

Получение знаний о внутренних закономерностях исторического процесса (*логическое*) и о конкретных формах их проявления (*историческое*) – это два противоположных компонента (аспекта) структуры процесса научного познания истории. Их единство должно быть при любом способе воспроизведения исторического процесса. Единство логического и исторического имеет место поэтому и в абстрактно-теоретическом, и в конкретно-хронологическом способах. Другое дело, что в каждом из них оно приобретает некоторые особенности в связи с теми функциями, той ролью, которую здесь играют историческое и логическое. Сами же эти способы – абстрактно-теоретический и конкретно-хронологический – в отличие от логического и исторического компонентов структуры воспроизведения истории вовсе не предполагают друг друга.

Смешение абстрактно-теоретического (логического) и конкретно-хронологического (исторического) способов с логическим и историческим компонентами структуры воспроизведения истории приводит к многочисленным ошибкам, в частности:

а) при характеристике двух упомянутых способов изображения истории полагают, что для одного из них характерно воспроизведение только внутренних закономерностей истории, а для другого – только конкретно-хронологических событий и фактов;

б) правильно указывая на необходимость отражения как внутренних закономерностей истории, так и внешней формы их проявления в тех или иных условиях, отрицают (или не учитывают) возможность двух упомянутых выше форм воспроизведения истории;

в) рассматривают эти формы (способы) изображения истории как предполагающие друг друга.

### 6.5. Логический и исторический методы научного познания

Один из важнейших аспектов обсуждаемого диалектического принципа связан с тем, что под «логическим» понимается «**логический метод**», а под «историческим» – «**исторический метод**» научного познания.

В научной литературе, посвященной проблеме логического и исторического, можно встретить различные толкования данных методов. Так, нередко исторический метод рассматривают как метод, предполагающий воспроизведение истории объекта, и противопоставляют его логическому методу, основанному на изучении структуры объекта при отвлечении от его истории. С другой стороны, широко распространено понимание исторического метода как метода, основанного на воспроизведении истории объекта в конкретно-эмпирической форме, в отличие от логического метода, который, как полагают, предполагает рассмотрение истории объекта в абстрактно-теоретической форме. Различие логического и исторического методов в некоторых случаях связывают также с характером того эмпирического материала, который обрабатывается в ходе познания истории [подробнее см.: Столяров, 1971 б, 1975 а, с. 47–50].

В этом разнообразии определений логического и исторического методов не было бы ничего плохого, если бы они четко различались и не смешивались. Но, к сожалению, нередко допускаются именно такие ошибки, что, естественно, существенно затрудняет правильное понимание принципа единства логического и исторического.

Чтобы не дублировать рассмотренные в предыдущих разделах аспекты обсуждаемого диалектического принципа, будем называть **историческим методом** способ решения задач на основе получения знаний об истории объекта, о процессе его возникновения и развития, а **логическим методом** – способ решения задач путем воспроизведения таких сторон объекта, которые характеризуют относительную устойчивость, инвариантность, постоянство объекта при сознательном отвлечении от его истории.

В литературе для обозначения этих двух методов иногда применяют другие термины. Вместо термина «исторический метод» часто используют термин «генетический (эволюционный, диахронический) метод», а вместо термина «логический метод» – термин «статический (синхронический) метод».

Важно подчеркнуть, что, выделяя наряду с историческим логический метод, под последним мы понимаем не любое абстрагирование от истории предмета, а лишь такое, при котором исследователь **четко осознает место и границы абстракции, ее функцию в процессе познания.**

Так, если исследователь строит теорию спорта, он прежде всего должен выяснить, что представляет собой спорт, каковы его наиболее важные, существенные черты и особенности. При этом он должен четко осознавать, что реально имел место процесс становления спорта и процесс его исторического развития, в ходе которого он выступал в тех или иных конкретно-исторических формах. Но на данном этапе научного анализа спорта в связи с решаемой исследователем задачей этот исторический процесс становления и развития спорта его не интересует, и потому он отвлекается от него. Благодаря тому что исследователь с самого начала указывает на исторический процесс образования и развития спорта, хотя непосредственно этот процесс на данном этапе им не рассматривается, он четко определяет границы своего первоначального исследования и показывает значение применяемой абстракции. В дальнейшем исследователь может сделать предметом своего анализа именно историю становления и развития спорта и тем самым снять ограниченность предшествующего этапа исследования, создать более полный и адекватный теоретический образ спорта.

Такое сознательное отвлечение от истории объекта с целью выделения других его существенных характеристик мы и называем *логическим методом*. Нетрудно заметить, что он предполагает *исторический подход* к объекту исследования, т. е. учет его изменения и развития, хотя и не связан с воспроизведением, специальным изучением данного процесса, что составляет сущность *исторического метода*. Поэтому нельзя отождествлять *исторический подход* и *исторический метод*, как это часто делается в литературе.

Однако в процессе познания исследователь может абстрагироваться от истории объекта, *не осознавая этого*, не понимая смысла и значения проделываемой им абстракции, допуская тем самым *абсолютное отвлечение* от истории предмета. Такое отвлечение является характерным признаком *метафизического метода* и неизбежно приводит к ошибкам. Как будет показано ниже (см. 13.2. и 28.3), такая ошибка часто допускается в настоящее время при анализе спорта и телесной (физической) культуры.

С диалектической точки зрения логический и исторический методы должны находиться в *единстве*. Речь идет прежде всего о том, что в процессе познания исследователь должен применять *оба эти метода в их органической взаимосвязи*. Данное требование диалектического метода направлено против такого *одностороннего* подхода к процессу познания, когда признается правомерность *только логического* или *только исторического метода*.

Само понятие исторического метода как отчетливо осознанного методологически обоснованного приема мышления, впервые появилось в трудах так называемых исторических школ в общественных науках – в правоведении, политэкономии, истории и т.д. Однако представители этих школ понимали исторический метод как метод изучения *прошлого*, причем само познание прошлого рассматривалось как средство идеализации и оправдания этого прошлого.

В противовес такому пониманию исторического метода издавна зародилось и постепенно пробивало себе дорогу иное понимание исторического метода – как метода познания, основанного на воспроизведении процесса развития изучаемого объекта. Мысль о необходимости исторического метода, понимаемого таким образом (хотя и не всегда называемого этим именем), мы встречаем уже у Декарта, Гёте, Гумбольдта, Канта и многих других. Так, например, Декарт в «Рассуждении о методе» отмечал, что природу материальных вещей «гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые» [Декарт, 1950, с. 294]. Кант, впервые сделавший попытку применить исторический метод в изучении астрономических явлений, писал, что «знание естественных вещей – как они есть теперь – всегда заставляет желать еще и знания того, чем они были прежде, а также через какой ряд изменений они прошли, чтобы в каждом данном месте достигнуть своего настоящего состояния» [Кант, 1964, с. 452]. Исторический метод, понимаемый как метод познания, который предполагает воспроизведение истории предмета, активно пропагандировал и пытался применить в самых различных областях знания Гегель, хотя часто при этом допускал существенные ошибки, поскольку сам исторический метод рассматривался и применялся им на идеалистической основе. Выдающаяся роль в разработке и применении исторического метода в области общественных наук принадлежит Марксу и Энгельсу.

Исторический метод как метод решения задач, возникающих в ходе научного познания какого-либо объекта путем воспроизведения (т.е. получения знаний о) его истории –

процессе становления и развития – имеет важное значение в процессе научного познания спорта.

При решении вопроса о месте и роли исторического метода в этом процессе важно учитывать следующий аспект эволюции данного метода.

Первоначально он основывался на воспроизведении исторического процесса как эмпирически наблюдаемой, конкретно-хронологической последовательности сменяющих друг друга во времени явлений, без вскрытия внутренних закономерностей исторического процесса. Сведение исторического метода к такой его форме было характерно, например, для представителей упомянутых выше «исторических школ» в общественных науках. Они ограничивали исторический метод одним эмпирическим описанием и подбором фактов, характеризующих какой-либо исторический процесс, отрицая теоретическое изучение данного процесса, воспроизведение его внутренних закономерностей.

Принципам диалектики соответствует исторический метод в иной его форме – как метод, предполагающий воспроизведение исторического процесса в его внутренних закономерностях и понимание наблюдаемых конкретно-хронологических событий, «зигзагов» истории как внешней формы проявления этих внутренних закономерностей в тех или иных конкретных условиях. Эмпирическое описание и подбор фактов, касающихся какого-либо исторического процесса, выступает при этом лишь как первоначальная стадия применения исторического метода. Именно в такой форме исторический метод должен применяться и при исследовании спорта.

Совершенно неправомерно противопоставлять исторический метод системно-структурному, который получает все большее применение в самых различных науках, в том числе в «спортивной науке». Противопоставление этих методов, отрицание исторического метода как метода современной науки, наблюдаемое у некоторых пропагандистов системно-структурного метода, связано с тем, что не учитывается эволюция как исторического, так и системно-структурного методов, в ходе которой происходит их сближение и объединение. Возникает качественно новая их форма – **исторический системно-структурный метод**, основанный на воспроизведении истории элементов некоторой системы, связей этих элементов, эволюции всей системы в целом.

Исторический метод выполняет важные *функции* в процессе научного познания спорта.

Совершенно очевидно, что этот метод необходим в том случае, когда ставится задача получить наиболее *полное и адекватное знание о спорте*. Ведь спорт находится в процессе постоянного изменения и развития, и если исследователь отказывается от изучения данного процесса (от применения исторического метода), он рискует получить весьма поверхностное, неполное и даже искаженное представление о спорте.

Исторический метод позволяет уяснить закономерности зарождения спорта, основные этапы и закономерности его генезиса, развития, выявить те многочисленные изменения, которые с ними происходили, имеют место в настоящее время и будут проходить в будущем. Поэтому исторический метод необходим и в том случае, когда на первый план в процессе исследования выдвигается задача получить знание именно об *истории* спорта, его изменении и развитии.

Возникают, однако, следующие вопросы: при решении каких других задач, возникающих при исследовании спорта, требуется анализ того или иного исторического процесса, применение исторического метода? К каким негативным последствиям приводит отказ от применения исторического метода (помимо того что исследователь не воспроизводит изменение и развитие спорта)? Можно ли при решении определенных задач абстрагироваться от изменения и развития спорта, не применять исторический метод?

Аналогичные методологические вопросы возникают при рассмотрении функций исторического метода в любой науке, изучающей изменяющиеся и развивающиеся явления. Причем, как показывает практика, при ответе на эти вопросы возникают существенные трудности, следствием которых являются многочисленные дискуссии, например, о месте и значении исторического метода в биологии, о соотношении исторического и «пространственного» методов в географии и геологии, о взаимоотношении исторического и структурно-функционального методов в общественных науках, о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков в лингвистике и т.д. В литературе, посвященной обсуждению соотношения синхронного анализа и исторического изучения языков, ставятся и разбираются, например, вопросы о том, какую роль играет воспроизве-



дение истории языка в процессе его познания, когда и для каких целей оно необходимо, а в каких случаях можно (надо) абстрагироваться от такого изучения, «возможно ли чисто синхронное описание языка... Включает ли анализ синхронного среза изучение тенденций развития, показ исторического соотношения элементов системы или синхронный анализ ограничивается установлением только системных связей; обязателен ли при этом исторический комментарий» [О соотношении... 1960, с. 3].

Поскольку науки о спорте относительно молодые научные дисциплины, при решении вопроса о применении исторического метода в этих науках важно учитывать положения, выработанные в ходе указанных дискуссий.

Неверно полагать, будто исторический метод необходим лишь для регистрации изменения и развития объекта. Если обратиться к истории данного метода, то обнаруживается, что он появляется прежде всего в связи с необходимостью *объяснить* определенные явления. В биологии, к примеру, потребность применения исторического метода впервые возникает именно в связи с задачей объяснения. До его появления здесь широко применялись такие проверенные практикой методы научного исследования, как сравнительный (в морфологии) и экспериментальный (в физиологии). Необходимость дополнить эти методы историческим возникла в биологии в связи с теми трудностями, с которыми столкнулись здесь ученые при объяснении целого ряда явлений. Морфология, например, не могла объяснить причину формообразования. С другой стороны, один лишь экспериментальный метод не позволял физиологам объяснить причину совершенства живых организмов, полного соответствия формы и функции живых организмов. С помощью этого метода не удавалось объяснить и тот «факт сходства, связи всего живущего», который был обнаружен в различных отраслях биологии – в сравнительной анатомии, палеонтологии, эмбриологии, биогеографии и др. Только применение исторического метода позволило биологам преодолеть трудности в объяснении указанных явлений. Данный факт не случаен. Те явления, которые биологам нужно было объяснить, объективно представляют собой результат определенного исторического процесса. Поэтому ясно, что они не могли быть объяснены путем изучения, например, связей сосуществующих предметов и явлений. Единственным средством их объяснения могло быть только исследование исторического процесса их развития и доказательство того, что они представляют собой результат данного процесса. В итоге длительных поисков биологи и пришли именно к такому объяснению.

Аналогичным образом и в таких науках, как языкознание, астрономия, геология, география, исторический метод, впервые возникает и применяется в настоящее время в связи с потребностью *объяснить* те или иные особенности изучаемых явлений, которые обусловлены их генетической (исторической) связью с предшествующими им явлениями, а следовательно, определенным историческим процессом. Характеризуя необходимость исторического метода, К.А. Тимирязев писал: «Для изучения законов равновесия и падения тел довольно данных экспериментального метода и вычисления; для объяснения же, почему именно развалился дом на Кузнецком мосту, нужна его история. Для раскрытия законов движения небесных тел довольно законов механики, но для объяснения, почему планеты Солнечной системы движутся именно так, а не иначе (т.е. в одну сторону и т.д.), нельзя было обойтись без попытки восстановить их историю, как это сделали Кант и Лаплас» [Тимирязев, 1943, с. 35–36].

Для этих же целей исторический метод может и должен применяться и в науках о спорте. Нельзя, допустим, объяснить особенности современных Олимпийских игр, не учитывая и не рассматривая всей истории их проведения. Обращение к историческому методу в данном случае и в других аналогичных случаях при исследовании спорта – это не прихоть ученого, а объективная необходимость. Если объясняемые стороны изучаемого объекта – как в рассматриваемом случае – обусловлены исторической связью его с другим объектом, определенным историческим процессом, то единственная возможность их правильного объяснения – воспроизведение данного исторического процесса.

Иногда высказывается точка зрения, согласно которой исторический метод необходим только при *объяснении*, а при анализе того, *что представляет* собой изучаемое явление, в этом методе якобы нет никакой необходимости [см., например: О соотношении... 1960, с. 115; Подкорытов, 1966, с. 15].

Эта точка зрения представляется весьма уязвимой. Исторический метод необходим, например, при определении того, что представляет собой изучаемый предмет (или опре-

деленное его состояние) по своему месту и своей роли в историческом процессе, т.е. при установлении его *исторического места и исторической роли*.

Определить *историческое место* изучаемого предмета – значит выяснить, является ли он результатом того или иного исторического процесса или его исходным пунктом, представляет он собой пережиток ранее существовавших явлений или зародыш будущего предмета, находится в развитом или неразвитом состоянии и т.п. Для решения этой исследовательской задачи и нужен исторический метод. Так, для того чтобы оценить современный спорт высших достижений как развитое состояние того явления, которое в зародышевом, зачаточном состоянии появляется в конце XIX – начале XX в., необходимо рассмотреть историю спорта в этот период, т.е. применить исторический метод исследования.

Исследователям часто приходится применять исторический метод в связи с решением указанной задачи уже потому, что каждый изучаемый предмет – в том числе в сфере спорта – содержит в себе множество «остатков», «следов», «пережитков», «фрудиментов» ранее существовавших предметов, а также «зачатки», «зародыши» тех предметов и явлений, которые появятся в будущем. Этот факт установлен в самых различных областях знания. Так, в биологии общепризнано, что «каждая биологическая стадия имеет остатки прошлого, настоящего и зачатки будущего» [Проблемы современной эмбриологии, 1956, с. 117]. Лингвисты постоянно сталкиваются с тем, «что всякая система содержит пережитки предшествующих систем, которые никогда не интегрируются в ней полностью, и что внутри современной системы языка проступают некоторые очертания той системы, которая призвана ее отменить» [см.: О соотношении... 1960]. Психологи, геологи, представители лингвистической географии и другие ученые также отмечают рассматриваемый факт и подчеркивают, что, не учитывая его, невозможно адекватно отразить познаваемые предметы и явления. Маркс неоднократно указывал, в частности, на то, что буржуазные экономические отношения развились как результат всех прошлых общественных отношений, частью продолжая влечь за собой их остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека [Маркс, Энгельс. Т. 46. Ч. I, с. 42]. С аналогичными фактами ученые сталкиваются при изучении и других социальных явлений [см., например: Выготский, 1960, с. 37].

Все это накладывает определенный отпечаток на те методы познания, которые должны применяться при изучении такого рода явлений. Не обращаясь к историческому методу, исследователь в принципе может выявить структуру этих явлений, взаимоотношение составляющих их элементов. Но без исторического метода он не сможет правильно оценить, какие из этих элементов представляют собой «остатки», «фрудименты» прежних, ранее существовавших явлений, какие из них представляют собой «зародыши», «зачатки» будущих явлений, не сможет оценить изучаемое явление как «переходное состояние», как «результат» или «исходный пункт» определенного исторического процесса. Не применяя исторического метода, ученый не сможет дифференцировать изучаемые явления на развивающиеся, продуктивные и явления отмирающие, выяснить тенденцию, направление происходящих изменений.

Как уже отмечено, исторический метод необходим и при определении *исторической роли* изучаемого объекта. Определить *историческую роль* какого-либо объекта – значит выяснить влияние, оказываемое им (оказанное или которое он будет оказывать) на тот или иной исторический процесс. Для решения этой исследовательской задачи также необходим исторический метод, ибо она предполагает выяснение роли изучаемого объекта в том или ином историческом процессе, для чего необходимо воспроизвести последний. Так, для выяснения исторической роли спорта в развитии современного общества необходимо рассмотреть данный процесс (хотя бы в его основных чертах) и выяснить, какое влияние он оказывает на спорт, содействует или препятствует решению тех или иных задач и т.д.

Исторический метод может применяться при решении и других задач, связанных с выяснением того, что представляет собой изучаемое явление. В частности, он облегчает исследователю понимание того или иного явления, когда оно рассматривается в *неразвитом виде*; в некоторых случаях исторический метод необходим при определении *структуры* изучаемого предмета и т.д.

Для правильного понимания функций исторического метода важное значение имеет решение следующего вопроса: правомерно ли при решении определенных (и каких именно) задач отвлекаться от истории изучаемых явлений? Данный вопрос неоднократно обсуждался в методологической литературе, а также в ходе упомянутых выше дискуссий.

Рассмотрим те аргументы, которые выдвигались при обосновании той или иной точки зрения, поскольку не исключена возможность их выдвижения и при анализе вопроса о функциях исторического метода в науках о спорте.

В качестве аргумента против признания правомерности отвлечения от истории изучаемых явлений часто используется ссылка на их постоянное изменение и развитие. Нетрудно заметить, что этот аргумент может быть выдвинут и при анализе вопроса о функциях исторического метода в науках о спорте.

При выдвижении данного аргумента упускается из виду прежде всего тот факт, что все предметы и явления (спорт в том числе, как и все другие общественные явления) – не только изменяющиеся (развивающиеся) предметы и явления, но вместе с тем обладающие относительной устойчивостью, постоянством, тождественностью в течение определенного времени и сохраняющие определенные стороны, элементы, определенную структуру, несмотря на происходящие с ними изменения. Другими словами, всякое явление имеет не только историю, но и определенные стороны, характеризующие его относительную устойчивость. К такого рода сторонам относятся, например, функции предмета, его структура, структурные связи, количественные характеристики и т.д. Воспроизведение этих сторон изучаемого предмета, отнюдь не тождественно получению знания об истории данного предмета и наоборот. Так, если мы получили знание о структуре современного спорта, о его функциях в обществе, о его структурных связях с другими элементами общества (например, с производством), то тем самым мы воспроизвели совсем иное, нежели историю спорта.

Значит, при решении ряда задач научного исследования объектов сферы спорта возникает объективная необходимость в воспроизведении не истории изучаемого объекта, а таких сторон, которые характеризуют его относительную устойчивость, инвариантность, постоянство. Этим определяется важное значение логического метода в исследовании спорта.

В этой связи вновь вернемся к вопросу о значении исторического метода при объяснении тех или иных особенностей изучаемых предметов и явлений. Довольно часто, отмечая его важное значение как средства объяснения, абсолютизируют это значение, рассматривая исторический метод как единственное средство решения этой исследовательской задачи. Тенденция к подобной абсолютизации обнаружилась, например, в дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка. Она проявилась в утверждениях о том, что только возникновение исторического языкознания превратило эту науку из описательной в объяснительную, что исторический метод необходим при объяснении любых фактов языка и т.д. [О соотношении... 1960].

Исторический метод не является, однако, универсальным средством объяснения. Дело в том, что те особенности изучаемого предмета, которые требуется объяснить, могут быть обусловлены не генетическими связями предмета, а его структурой или структурными связями. Под *структурными связями* мы понимаем связи одновременно существующих элементов некоторой системы, которые не изменяются, не преобразуются друг в друга, а взаимодействуют в данной системе, выполняя здесь определенные функции. Типичным примером структурной связи может служить связь языка и мышления, спорта и искусства, спорта и политики, тренера и спортсменов в команде и т.п., когда эти явления рассматриваются как одновременно существующие элементы некоторой системы.

В том случае, когда подлежащие объяснению особенности изучаемого предмета обусловлены не его генетическими связями, а структурой, структурными связями, применение исторического метода в качестве средства объяснения может привести к ошибкам. В этой ситуации нужен логический метод, предполагающий абстрагирование от истории предмета и воспроизведение необходимых связей одновременно существующих явлений.

В связи с этим важно учитывать, что и в науках о спорте при объяснении тех или иных особенностей изучаемых явлений должен применяться не только исторический метод, но и логический метод исследования, предполагающий абстрагирование от истории и воспроизведение структурных связей, функций данных явлений в некоторой системе и т.д. Так, если требуется объяснить спортивные успехи, достигнутые спортсменами той или иной страны и проявляющиеся, например, в их блестящем выступлении на Олимпийских играх, то в первую очередь нужно рассмотреть особенности социально-экономической и политической системы данной страны, выяснить место спорта в этой си-

стеме, те функции, которые он здесь выполняет, условия и особенности тренировочного процесса и т.д.

Абстрагирование на определенном этапе познания от истории изучаемого предмета необходимо даже тогда, когда исследователь ставит перед собой задачу получить знание об этой истории, в чем ярко раскрывается диалектическая природа, противоречивый характер процесса познания. Необходимость в таком отвлечении от истории изучаемого предмета связана с наличием определенной закономерности познания, о которой Энгельс писал: «Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят» [Маркс, Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 303]. Попытка воспроизведения истории предмета до выяснения самого этого предмета может привести к тому, что исследователь на самом деле будет рассматривать историю совсем другого предмета. Так, если пытаться изучать возникновение спорта, не уяснив предварительно, *что* он представляет собой, то легко ошибиться и принять за историю его возникновения то, что на самом деле таковой вовсе не является.

Таким образом, практика научного исследования и теоретический анализ закономерностей познания показывают возможность и даже необходимость абстрагирования на определенном этапе познания (в том числе явлений, составляющих область спорта) от воспроизведения истории этих явлений и применения соответствующего метода познания.

Важно учитывать, однако, что исследователь, решая стоящие перед ним познавательные задачи и абстрагируясь от воспроизведения истории изучаемых явлений, должен соблюдать определенные условия, если он не желает прийти к искаженному представлению об этих явлениях. Самое важное при этом состоит в том, чтобы он, как уже отмечено выше, *осознавал место и границы абстрагирования от истории изучаемых явлений, функцию, выполняемую этим абстрагированием в процессе познания*. Такое осознание границ абстрагирования предполагает, что, во-первых, анализ изучаемого предмета, проводимый при таком абстрагировании, оценивается лишь как момент, этап процесса его познания и, во-вторых, учитывается, что благодаря абстрагированию получают знания лишь о некоторых, а не о всех сторонах изучаемого предмета. Поэтому, абстрагируясь от его истории, исследователь прежде всего должен *обосновать* данное абстрагирование, т.е. показать, что при решении стоящих перед ним задач нет необходимости в изучении истории (и даже есть необходимость в отвлечении от ее изучения). Кроме того, в дальнейшем, если, конечно, представится возможность, исследователь должен *вернуться* к анализу той истории предмета, от которой он вначале абстрагировался.

Итак, согласно обсуждаемому диалектическому принципу в структуре научного познания спорта *логический и исторический методы должны органично дополнять друг друга*.

#### **6.6. Логический и исторический способы критического анализа концепций**

В ходе познания любого объекта исследователь обращается не только к фактам, которые он *сам* может изучить. Одновременно он, как правило, использует результаты изучения данного объекта, полученные *другими авторами* в ходе предшествующей истории его научного исследования.

При этом важной задачей ученого является не только усвоение всего *позитивного* из полученных ранее научных знаний об изучаемом объекте, но и *критический анализ других взглядов, представлений, концепций, теорий, которые имели место в ходе его познания*\*.

В связи с обсуждаемым диалектическим принципом важно выделить два возможных *способа (метода)* такого критического анализа.

Первый из них – назовем его «*логическим способом критики*» – состоит в том, что различные точки зрения, концепции относительно изучаемого объекта (например, спорта),

---

\* Конечно, такая критика нравится не каждому автору, к кому она обращена, и нередко встречается и в штыки, даже с нарушением норм научной этики. Яркой иллюстрацией служит ответ Н.Н. Визитея на статью, в которой подвергается критике предлагаемая им «корректировка базовых представлений» теории физической культуры (см. 3.4). На грубое нарушение Н.Н. Визитеем в указанной статье элементарных норм научной этики справедливо указал С.Д. Неверкович [Неверкович, 2011].

рассматриваются в ходе логического, систематического изложения *теории* данного объекта (спорта). Последовательность рассмотрения этих концепций определяется принципами логического анализа объекта в ходе построения его теории.

Но возможен другой способ критического анализа взглядов, представлений, концепций относительно изучаемого объекта, когда за основу берется *история* их появления. При определении последовательности рассмотрения и критики изучаемых взглядов, представлений, концепций историк исходит из реальной временной последовательности их появления и закономерностей истории познания изучаемого объекта. Такой способ целесообразно назвать «**историческим способом критики**».

Важно учитывать не только различие двух указанных способов (методов) критики, но и в определенном смысле их *единство, некоторое тождество*. Дело в том, что законы *логического* построения теории о некотором объекте и законы *истории* его познания по существу совпадают друг с другом.

Чем определяется необходимость такого совпадения? История познания – закономерный исторический процесс, где каждая последующая ступень предполагает предыдущую и не может возникнуть раньше нее. Этот процесс имеет свою внутреннюю логику, определяемую закономерной связью знаний, которая сама обусловлена особенностями познаваемого объекта [Столяров, 1964 а, 1975 а]. Связи знаний, обусловленные объективным отношением явлений, действуют не только в *истории познания*, но и в ходе построения *теории* данных явлений. *Поэтому этапы построения теории предмета, по существу, совпадают с основными этапами истории его познания.*

Приведем для иллюстрации следующий факт. Построение теоретической механики начинается с раздела статики, где выясняются условия равновесия тел. После этого переходят к кинематике, в которой изучаются законы движения с геометрической точки зрения. Наконец, в динамике движение рассматривается уже в связи с теми физическими причинами, которые его определяют. Но аналогичные этапы имели место и в истории развития теоретической механики. По крайней мере основные теоремы статики были известны еще древним, а плодотворное изучение явлений движения в механике началось лишь в связи с изобретением анализа бесконечно малых в XVII в.

Из совпадения логики и истории познания следует, что если ученый в процессе построения теории предмета привлекает к рассмотрению взгляды и концепции, которые имели место в прошлом, то тем самым он в *абстрактно-теоретической форме воспроизводит и историю познания*. В этом отношении логический способ критики совпадает с историческим, поскольку последний также предполагает воспроизведение внутренних закономерностей истории познания.

Однако полного совпадения этих способов критики и тех знаний об истории познания, к которым они приводят, не может быть, поскольку нет полного совпадения логики построения теории предмета и истории его познания. История познания не следует прямо внутренним закономерностям познания объекта: сказывается влияние частных практических интересов, социальных потребностей и т.д. Такого рода «отклонения», «зигзаги» истории познания необходимо рассматривать при историческом способе критики, но их не обязательно изучать при логическом способе критики.

На различие и единство логического и исторического методов (способов) критики (применительно к познанию капиталистического общества) впервые обратил внимание Ф. Энгельс в своей рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии». Прежде всего он показывает различие этих двух методов критики и целесообразность применения Марксом именно логического метода в «Капитале». Исторический метод отмечает Энгельс, предполагает специальное проследивание действительной истории познания капиталистического общества во всей ее конкретности и сложности. На первый взгляд такой способ критики представляется наиболее рациональным. Однако на самом деле, указывает Энгельс, он в лучшем случае был бы только более популярным. История познания нередко идет скачками, делает зигзаги, порой даже «идет назад». Поэтому в случае применения исторического метода Марксу пришлось бы, во-первых, принимать во внимание много второстепенного материала и, во-вторых, часто прерывать логический ход мыслей. Кроме того, отмечает Энгельс, нельзя писать историю политической экономии, не обращаясь к истории буржуазного общества. Но это сделало бы работу Маркса практически бесконечной, ибо отсутствовала всякая подготовительная работа в этом отношении – буржуазные экономисты совершенно упускали из виду историю капиталисти-

ческого общества при его изучении. Поэтому, указывает Энгельс, единственно правильным и рациональным для Маркса был логический метод критического анализа концепций, сложившихся ранее в политэкономии. Однако, подчеркивает он, «этот метод, в сущности, является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [Маркс, Энгельс, соч., т. 13, с. 497–499].

В силу совпадения законов логики познания и истории познания при логическом методе критического анализа начинают с рассмотрения тех же теорий, что и при историческом методе, и выявляемые при этом этапы научного познания изучаемого объекта в общем и целом совпадают с этапами, фиксируемыми при использовании исторического метода критического анализа. Разница состоит лишь в том, что с помощью исторического способа воспроизводится конкретная картина развития истории познания объекта во всем многообразии, когда учитываются не только главные закономерности этого развития, но и многочисленные конкретные формы их проявления, все зигзаги и перипетии истории. В результате же применения логического способа критики дается «исправленное» отражение истории познания объекта, но исправленное не по прихоти исследователя, а в соответствии с законами, которые дает сам действительный исторический процесс развития познания. В частности, это исправление состоит в том, что каждый момент истории познания рассматривается в тех его пунктах, где данный процесс достигает полной зрелости и классической формы. При таком способе критика односторонних, не представляющих особой ценности концепций дается уже по ходу самого логического изложения.

Заметим, что рассмотренная Энгельсом дифференциация логического и исторического способов (методов) критики и сформулированное им положение о единстве этих способов в последующем дали толчок к постановке и исследованию и других аспектов проблемы единства логического и исторического. Однако при этом они недостаточно четко отличались друг от друга. В частности, сформулированное Ф. Энгельсом положение о совпадении по существу последовательности анализа и критики различных концепций в ходе построения теории объекта и истории его познания смешивалось с ошибочным положением о совпадении логической последовательности изучения явлений и их реальной исторической последовательности, а выделенные им логический и исторический методы критического анализа концепций – с логическим и историческим методами познания.

### Литература к гл. 6

1. Выготский Л.С. (1960). Развитие высших психических функций. – М.
2. Грушин Б.А. (1961). Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). – М.: Высшая школа. – 214 с.
3. Гулыга А.В. (1969). История как наука // Философские проблемы исторической науки. – М.
4. Декарт Р. (1950). Избранные произведения. – М., Госполитиздат.
5. Дубровский Д.И. (2001). Постмодернистская мода // Вопросы философии. – № 8. – С. 42–55.
6. Жуков Е.М. (1980). Очерки методологии истории. – М.
7. Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. (1981). Методологические проблемы исторического познания. – М.
8. Кант И. (1964). Соч., т. 2. – М.: «Мысль».
9. Кнабе Г.С. (2001). Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. – № 8. – С. 113–124.
10. Мамчур Е.А. (1987). Социокультурная детерминация научного познания (Дискуссии в современной постпозитивистской философии науки) // Вопросы философии. – № 7. – С. 31–42.
11. Нугаев Р.М. (2002). Смена развитых научных теорий: ценностные измерения // Вопросы философии. – № 11. – С. 124–134.
12. О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 160 с.
13. Подкорытов Г.А. (1966). Специфика исторического метода и его роль в познании // «Вестник ЛГУ», серия экономики, философии и права. – вып. 4.
14. Проблемы современной эмбриологии. – М.: Изд-во ЛГУ, 1956.
15. Ракитов А.И. (1982). Историческое познание. – М.
16. Розов М.А. (1981). Пути научных открытий (К критике историко-научной концепции Т. Куна) // Вопросы философии. – № 8. – С. 138–147.

17. Степин В.С. (2006). Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики. – 384 с.
18. Столяров В.И. (1964а). Подход к диалектической обработке истории научного познания // Диалектика – теория познания. Проблемы научного метода. – М.: Наука, 1964. – С. 163–198.
19. Столяров В.И. (1971б). Проблемы разработки материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки: Автореф. дис... докт. филос. наук. – М.
20. Столяров В.И. (1973а). Исторический метод познания в современной науке. – М.: Знание. – 64 с.
21. Столяров В.И. (1975а). Диалектика как логика и методология науки. – М., Политиздат. – 247 с.
22. Столяров В.И. (1976а). Исторический метод в науках о физической культуре и спорте // Общество и спорт: Сб. научных трудов. – М. – С. 75–85.
23. Столяров В.И. (1987д). О диалектическом принципе единства логического и исторического // Философские науки. – № 11. – С. 65–76.
24. Столяров В.И. (2004е). Синхронический и диахронический методы в социологическом исследовании физической культуры и спорта // Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – С. 65–72.
25. Столяров В.И. (2010н). Проблема единства логического и исторического в процессе научного исследования физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 50–67.
26. Тимирязев К.А. (1943). Исторический метод в биологии. – М.-Л.
27. Философские и методологические проблемы исторической науки // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.В.Миронова. – М.: Гардарики, 2006. – С. 606–611.
28. Философские проблемы исторической науки. – М., 1969.
29. Французова Н.П. (1972). Исторический метод в научном познании. – М.
30. Stolyarov V.I. (1971). Historische Methode und ihre Funktionen in der gegenwärtigen Wissenschaft // Abstracts. IV International Congress for Logic, Methodology and Philosophy of Science. – Bucharest. – P. 121.
31. Stolyarov V.I. (1976d). The historical method in the sociology of sport // International Review of Sport Sociology. – v. 3. – P. 103–112.

## Глава 7. Философско-методологические проблемы дифференциации и интеграции наук о спорте

В данной главе автор ставит задачу привлечь внимание философов, специалистов в области логики и методологии науки к некоторым философским (методологическим) проблемам дифференциации и интеграции наук, изучающих спорт и телесность человека.

Как и в предыдущей главе, для краткости эти науки будут именоваться «науками о спорте» («спортивной наукой»).

### 7.1. Философско-методологические проблемы дифференциации наук о спорте

В познании любых явлений всегда существует такой этап, когда их изучает только одна теория (научная дисциплина), охватывающая всю совокупность связанных с ними фактов и проблем. Но по мере все более глубокого и полного познания изучаемых явлений, накопления все более обширного эмпирического материала о них на определенном этапе неизбежно начинается процесс *дифференциации* этой единой теории. От нее начинают «отпочковываться» более частные теории, которые изучают лишь некоторые из упомянутых явлений и некоторые связанные с ними проблемы. Эти различные частные теории имеют один и тот же объект, но различные предметы исследования.

Данный исторический процесс происходит и в сфере познания спорта. И здесь первоначально существовала лишь одна теория (научная дисциплина), которая охватывала всю область явлений и проблем, связанных с научным осмыслением явлений сферы спорта. Такой теорией в течение длительного времени была теория физического воспитания. Иногда ее называли «теорией физической культуры».

Однако по мере накопления в данной теории получаемого эмпирического материала, повышения актуальности тех или иных проблем от нее начинают «отпочковываться» более частные теории. Прежде всего речь идет о таких теориях, которые рассматривают не всю область явлений, составляющих сферу физической культуры и спорта, а лишь какую-то ее «часть». Именно таковы, например, теория спорта, теории, каждая из которых изучает определенный вид спорта, теория физкультуры, теории, изучающие отдельные формы занятий физкультурой (например, лечебную или производственную физкультуру и т.д.). Вместе с тем формируются такие частные теории, которые рассматривают всю область явлений, составляющих спорт, или некоторые из них под определенным углом зрения, на основе применения специфических (физиологических, педагогических, психологических, социологических или каких-то других) методов. На основе этого также возникают специализированные теории спорта, например физиологическая теория физических упражнений и спорта, психологическая теория спорта и др. Процесс формирования такого рода теорий не завершен. Он интенсивно происходит и в настоящее время.

Важно четко различать и не смешивать две вещи:

а) специальное рассмотрение каких-то проблем в рамках определенной теории, когда они являются *главным* и *основным* предметом ее анализа,

б) такое их рассмотрение в другой теории, когда они составляют для нее *второстепенный* предмет изучения и затрагиваются только в силу их связи с теми проблемами, которые составляют основной предмет изучения.

Одно дело, например, что теория физического воспитания при его анализе как определенной педагогической деятельности (это составляет специфический и главный предмет исследования данной теории) не может не затрагивать, допустим, социальных функций этой деятельности или влияния занятий физическими упражнениями на физиологические функции человеческого организма. Но эти последние явления на современном этапе развития данной теории не составляют специфический предмет ее исследования. Социальные функции физического воспитания специально изучаются в социологии физического воспитания, а влияние занятий физическими упражнениями на физиологические функции организма – в физиологии физических упражнений.

Мы напоминаем об этих в общем-то тривиальных вещах, ибо они, к сожалению, не всегда учитываются в ходе дискуссий относительно предмета и правомерности разработки тех или других теорий в области спорта. Так, нередко возражают против рассмотрения социологии спорта, эстетики спорта или каких-то других частных теорий как самостоятельных научных дисциплин на том основании, что рассматриваемая в них проблематика



якобы дублирует проблемы, изучаемые в теории физического воспитания или в теории физической культуры и спорта. При этом не принимается во внимание различие двух упомянутых выше этапов исторического процесса развития научных знаний о спорте.

Процесс дифференциации наук в сфере познания спорта приводит к их разобщению. Как отмечает К. Хайнеман, «спортивная наука распадается на целый ряд частных дисциплин (спортивную психологию, спортивную педагогику, теорию движения, теорию тренировки, спортивную медицину и т.д.), которые нередко более тесно связаны со своими исходными науками, нежели друг с другом в системе, именуемой спортивной наукой» [Хайнеман, 1981, с. 22].

Но данную ситуацию нельзя абсолютизировать. Наряду с процессом дифференциации научных теорий, изучающих спорт, в данной сфере, как и вообще в структуре современного научного познания, четко прослеживается прямо противоположная тенденция к их *интеграции*.

### 7.1. Философско-методологические проблемы интеграции наук о спорте

Одним из первых на необходимость разработки «интегрированного», «синтетического» знания о физической культуре и спорте обратил внимание Л.П. Матвеев. Он внес и определенный вклад в разработку «общей», «обобщающей» теории спорта и такой же теории физической культуры [Матвеев, 1975, 1978, 1980 а, б, 1981, 1984 б, в, 1987, 1997, 2001, 2003]. К этому призывают и некоторые другие авторы [Неверкович, 1996; Николаев, 2004, 2010; Свищёв, Ерегина, 2008; Krawczyk, 1974, 1978 и др.].

Процесс интегрирования научного знания и научных дисциплин может осуществляться и реально осуществляется различными путями и в разной форме.

Формируются, например, теории\*, при разработке которых стремятся охватить как можно более полно и широко сферу спорта. Анализируются, допустим, не какие-то отдельные формы физкультурной деятельности, а все эти формы во всем их многообразии или не только сфера занятий физкультурой, но и спорт и т.д. Наблюдается также стремление к созданию комплексных научных теорий, которые объединяют различные односторонние, узкие, специализированные подходы (психологический, педагогический, медико-биологический и др.) к изучению всей сферы спорта или каких-то отдельных составляющих ее явлений – физической культуры, спорта и т.д.

Эффективная разработка в настоящее время такого рода теорий (чаще всего их называют «*общими*», «*обобщающими*», «*комплексными*»), возникающих в ходе данного процесса интеграции исследований в сфере спорта, предполагает, однако, соблюдение ряда важных методологических требований.

Прежде всего обязательно должен быть указан не только *объект*, но и *предмет* исследования этих теорий. Недостаточна, например, ссылка на то, что «общая» теория физической культуры изучает физическую культуру, как это чаще всего делают. При такой характеристике данной теории указывается лишь тот изучаемый ею *объект*, который отличает ее от наук, объектом исследования которых являются иные явления (например, спортивная культура), но не выявлен еще тот специфический *предмет* исследования, который позволяет отграничить ее от других наук, изучающих тот же самый объект (например, от педагогической, социологической, эстетической и других теорий физической культуры).

Второе важное условие разработки обобщающих (комплексных) теорий в области спорта – *четкая и однозначная трактовка их предмета*. Недостаточно простого указания на то, что какая-то из этих теорий «общая», «обобщающая», «комплексная», «интегративная» и т.д., чем обычно ограничиваются при характеристике данных теорий. Все дело в том, что сама «интегративность», «комплексность» научных теорий может выступать и проявляться в различной форме. Эта сторона дела справедливо отмечается в философской и логико-методологической литературе многими авторами [см., например: Дialeктика... 1983; Иванов, 1981; Кедров, 1983; Маркарян, 1980; Смирнов И.Н., 1981]. В некоторых публикациях предпринята попытка выделить и проанализировать различные *ти-*

---

\* В данном разделе термин «теория» вновь используется в широком его значении как синоним термина «наука», «научная дисциплина».

пы (виды) комплексности, интегративности научных теорий [Асимов, Турсунов, 1981; Ленк, 2003; Маковский, 1990; Першин, 1973; Рефлексивная симметрия... 1995; Сичивица, 1983 и др.].

Однако недостаточная разработанность этой проблемы приводит к попыткам отрицания необходимости объединения, интеграции, органического синтеза наук. Как пишет по этому поводу В.И. Мудрагей, «постпозитивизм, который в методологии науки пришел на смену неопозитивизму и подверг резкой критике многие положения его программы, в пылу полемики отказался не только от предложенных им средств объединения науки, но и от самого этого объединения. Было категорически заявлено, что прогресс науки несовместим с ее единством, что условием научного развития может быть лишь разобщенность – наличие множества разрозненных и взаимоисключающих теорий (П. Фейерабенд), а результатом научного развития является некая последовательность автономных, несовместимых друг с другом познавательных систем («парадигмы» Т. Куна, «исследовательские программы» И. Лакатоса и т.п.). Тем самым в интересующем нас отношении постпозитивизм не только не устранил ошибок неопозитивизма, но определенно сделал шаг назад по сравнению с ним» [Мудрагей, 1985, с. 103].

Сформулируем некоторые предварительные положения, связанные с решением обсуждаемой проблемы.

Интеграция научных знаний о спорте может затрагивать исследования, проводимые в рамках *одной* науки или в *нескольких науках*. Остановимся на этой второй стороне интеграции научных знаний о спорте, связанной с интеграцией **различных наук**.

Простейшей формой такой интеграции является объединение некоторой совокупности научных теорий (наук), изучающих какой-то объект (допустим, физическую культуру или спорт) в рамках одной интегративной науки без установления при этом каких-либо связей между ними, без какой-либо их координации. Так, например, в течение длительного времени ТФВ понималась просто как **совокупность** знаний, раскрывающих научные основы физического воспитания и соответствующих наук: общей физиологии, биологии, физиологии движений, анатомии, психологии, педагогики, методики физического воспитания и др. [Новиков, 1949, с. 6].

Такая «интеграция» научных теорий, по существу, является *формальной (номинальной)*. Она никак не затрагивает сами эти теории и получаемые в них знания о спорте. Они по-прежнему разрабатываются и получаются самостоятельно и независимо друг от друга. Интегративная теория выступает в этом случае просто как *сумма (конгломерат)* ряда наук, разработка которых не координируется в рамках данной теории (поэтому ее можно назвать «**суммарной**» теорией), а интегративное знание – как некая сумма (конгломерат) соответствующих знаний.

Подлинная интеграция различных наук о спорте предполагает установление **связей и взаимоотношений** между ними, определенную **координацию и субординацию** в процессе их разработки.

Важную роль в реализации такого интегративного подхода в процессе познания спорта играет разработка «общих (обобщающих)», «связующих» теорий и метатеорий. Под **общей (обобщающей)** мы понимаем теорию, изучающую *общие* свойства и закономерности тех явлений, которые служат предметом исследования ряда частных теорий. Существуют, например, теории, изучающие различные виды спорта, какие-то их конкретные исторические формы. По отношению к ним общей (обобщающей) теорией физической культуры (спорта) будет теория, в которой выясняются те общие свойства, закономерности функционирования и развития, которые присущи любым разновидностям и формам физической культуры (спорта). «**Связующей**» мы называем теорию, в которой раскрывается *связь* тех отдельных явлений, входящих в изучаемый объект, или тех частных аспектов его рассмотрения, которые самостоятельно изучаются в рамках соответствующих наук. К числу таких интегративных теорий можно отнести, например, теорию, раскрывающую связь различных видов спорта между собой или связь эстетического и нравственного компонентов спорта, психологических и физиологических факторов спортивной подготовки и т.д., которые (по отдельности) изучаются в рамках соответствующих научных дисциплин.

Под **метатеорией** в логике и методологии науки, как уже отмечено выше, принято понимать теорию, изучающую другую теорию с целью уточнения ее объекта, предмета, применяемых методов исследования, взаимоотношения ее с другими теориями и т.д.

Например, метатеорией физического воспитания является та наука, которая в отличие от теории физического воспитания рассматривает не объективный процесс физического воспитания сам по себе, а объект и предмет данной теории, применяемые в ней методы исследования и т.д. Особо важное значение для интеграции разных наук, изучающих какой-то объект в сфере спорта, имеет разработка такой метатеории, которая ставит своей задачей на основе анализа данного объекта, присущих ему черт и особенностей, их связи выяснить специфический предмет каждой из изучающих его частных дисциплин, специфику применяемых ими методов и т.д. и тем самым уточнить их место в познании данного объекта, их взаимоотношение друг с другом.

Общие (обобщающие), связующие теории и метатеории являются **монодисциплинарными** (состоящими из *одной* дисциплины) теориями. Их разработка в процессе познания спорта приводит к тому, что наряду с уже существующими науками об этих явлениях появляется *еще одна* монодисциплинарная теория (наука), рассматривающая их в каком-то особом аспекте, отличном от того, в каком они изучаются в других науках.

Вместе с тем указанные теории имеют важное значение для интеграции самостоятельно существующих наук о спорте, поскольку они позволяют установить общие свойства, закономерности и связи тех явлений, которые изучаются в этих науках, а также место этих наук в процессе познания изучаемого ими объекта. Тем самым данные теории способствуют установлению связи этих наук, побуждают ученых к формированию унифицированной методологии, единого понятийного и терминологического аппарата в этих науках и создают реальные возможности для этого.

Реализация этих возможностей предполагает построение такой **мультидисциплинарной** (включающей ряд научных дисциплин) теории, которая предполагает объединение *различных* теорий в одну на основе комплексного метода. Поэтому будем называть ее **«комплексной теорией»**. В предыдущих наших работах [Столяров, 1984 а, с. 33; 1985 в, с. 48] такую теорию мы называли **«комплексной теорией в узком смысле слова»**.

Для разработки такой теории предварительно должен быть проведен теоретический анализ того объекта, который изучается рядом теорий, должны быть уточнены возможные направления, аспекты и методы его исследования в различных науках, дана их сравнительная оценка, выяснены их связи и т.д.

Такой анализ осуществляется в рамках соответствующей общей (обещающей), связующей теории и метатеории и открывает возможность четкой координации, увязывания между собой частных теорий в рамках комплексной теории. Эти частные теории разрабатываются здесь уже не самостоятельно и изолированно друг от друга (как это имеет место в «суммарной» теории), а в полной гармонии, *по единому плану*. Координация их разработки осуществляется на основе того общего *системного представления* об изучаемом объекте и процессе его познания, которое формируется в рамках указанных выше теорий: общей (обобщающей), связующей и метатеории. Эти теории включаются в комплексную теорию как ее компоненты и составляют тот ее главный стержневой элемент, «системообразующий фактор», который и позволяет объединить, интегрировать в рамках данной комплексной теории разнообразные теории, существовавшие и разрабатывавшиеся до этого самостоятельно и независимо друг от друга.

Разработка комплексной теории приводит, таким образом, не к появлению *еще одной* монодисциплинарной теории и новых знаний о спорте – наряду с уже существующими, – а к *интеграции* этих теорий (знаний) в целостный комплекс, в единую систему научных теорий (знаний).

Построение таких комплексных теорий становится все более важным и актуальным в настоящее время в процессе познания спорта в связи с тем, что появляется все большее число отдельных наук, каждая из которых изучает спорт (те или иные составляющие их явления) независимо от других и ученые при решении тех или иных проблем, как правило, выхватывают какой-то определенный момент, сторону, аспект спорта, упуская из виду всю «картину» в целом.

Комплексные теории, изучающие спорт, могут быть *различного уровня «полноты» и обобщения*: они могут охватывать больший или меньший круг явлений, большее или меньшее число частных, специализированных направлений, аспектов их научного исследования. Наряду с самой широкой теорией, охватывающей все стороны, компоненты и аспекты исследования спорта, возможны (и реально разрабатываются в настоящее время) и другие, менее широкие комплексные теории. Четко прослеживается, например, тенден-

ция разработки комплексной теории, охватывающей все науки о физической культуре («*комплексной ТФК*»), соответствующей «*комплексной теории спорта*», охватывающей науки о спорте, а также такой комплексной теории, которая объединяет *медико-биологические науки о спорте*. Актуальной является разработка комплексной *философско-социологической теории спорта*, которая объединяет философско-социологические науки, изучающие социологические, эстетические, этические, культурологические, гносеологические, логико-методологические и некоторые другие философские проблемы спорта [Столяров, 1984 а].

Таковы основные возможные направления разработки так называемых обобщающих и комплексных теорий в сфере спорта.

На необходимость учета в «спортивной науке» различных типов (форм) комплексности, интегративности научных теорий автор данной книги неоднократно обращал внимание в своих публикациях и указывал возможные формы формирования в данной сфере комплексных научных дисциплин [см., например: Столяров, 1984 а, 1985 в, 1986 б, 2010 и]. Однако за исключением публикации на эту тему еще одного автора [Сичивица, 1987], трудно указать какие-либо другие попытки проведения такого анализа. До сих пор авторы ограничиваются абстрактными призывами к разработке «интегрированного», «синтетического» знания о физической культуре и спорте, формировании соответствующих «общих», «обобщающих», «комплексных» научных теорий, не уточняя, какие конкретные формы они могут и должны принимать [см., например: Николаев, 2010; Krawczyk, 1974, 1978].

Сам предмет этих теорий, формируемых в настоящее время, часто характеризуется неопределенно, расплывчато, в результате чего смешиваются, не отличаются друг от друга указанные выше разнообразные формы интеграции научных знаний о физической культуре и спорте, типы и формы таких интегративных теорий.

Особенно ярко это проявляется при разработке теории физической культуры (ТФК). В 70-90-е гг. XX в. прошли острые дискуссии по поводу данной теории [Введение... 1983; Визитей, 1986, 1989; Выдрин, 1984, 1986, 1988; Выдрин, Николаев, 1974; Зеленов, Лебедев, 1985; Матвеев Л.П., 1978, 1980 а, б,; 1981, 1984 б, в, 1987; Очерки... 1984; Пономарев Н.А., 1978, 1979; Пономарев Н.И., 1974б; Столяров, 1984 г, 1985 б, в, г, 1988 г, д, л, м; Фомин, 1973, 1982 и др.].

В ходе этих дискуссий высказывались различные мнения о предмете ТФК. При этом преобладала точка зрения, согласно которой эта теория по отношению к частным, специализированным наукам о физической культуре выступает как некоторая «общая», «обобщающая», «комплексная», «интегративная» научная дисциплина. Но в конкретном истолковании таким образом понимаемой ТФК имели место существенные разногласия. В ряде случаев ее понимали как некоторую совокупность («сумму») частных дисциплин, изучающих физическую культуру. К числу последних чаще всего относили ТФВ, теорию спорта, социологию физического воспитания и социологию спорта [см., например: Пономарев Н.И., 1974 б]. В некоторых случаях количество этих научных дисциплин либо уменьшалось (к ним причислялись, например, только ТФВ, теория спорта и социология физической культуры [см., например: Фомин, 1973]), или, наоборот, увеличивалось (в «общую» ТФК включалось, по сути дела, все множество философских, социальных и медико-биологических дисциплин, делающих объектом своего исследования физическую культуру [см., например: Очерки... 1984, с. 27–39]). Высказывалось также мнение о том, что «общая» «интегративная» ТФК не просто включает в себя ряд наук о физической культуре, но имеет и свои собственные, специфические задачи в исследовании данного объекта. Но их также интерпретировали по-разному.

Основной негативный момент данной ситуации, как было нами отмечено [Столяров, 1984 а, 1985 а, б], состоял не только (и не столько) в том, что разные авторы по-разному подходили к предмету «общей» «интегративной» ТФК, но прежде всего в том, что при этом допускались методологические ошибки.

Например, при характеристике ее предмета упускалось из виду требование логики и методологии науки, согласно которому предмет одной научной теории не должен дублировать предмет других наук. Так, иногда ТФК определяли как науку о «социальных и педагогических законах развития физической культуры» [Пономарев Н.И., 1974 б, с. 50], указывали, что предметом ее исследования служат «объективные закономерности функционирования и развития физической культуры в обществе» [Введение... 1983, с. 22]. При

такой характеристике ТФК совпадает по своему предмету со многими другими науками, в частности, с историей и социологией физической культуры, которые как раз изучают объективные социальные закономерности функционирования и развития физической культуры в обществе, ее связь с другими социальными явлениями.

Серьезным нарушением требований логики и методологии науки была также неопределенная, расплывчатая характеристика предмета общей, интегративной, комплексной ТФК. Так, например, утверждалось, что хотя она не включает в себя всю совокупность знаний о физической культуре, но вместе с тем якобы «не исключает социологический, историко-логический и другие аспекты», «органически, вплоть до частичного совпадения связана с такими формирующимися отраслями научного знания, как социология, научно-организационные, управленческие и экономические основы физической культуры и спорта, а также с историей физической культуры и спорта и рядом других дисциплин». Все эти дисциплины рассматриваются как «переходящие друг в друга» [Введение... 1983, с. 19; Матвеев Л.П., 1980 а, с. 38; Очерки... 1984, с. 105 и др.].

Такие формулировки открывают широкий простор для произвольного истолкования предмета ТФК и ее соотношения с другими науками, которые изучают различные формы и виды физической культуры или рассматривают ее в целом, но под определенным углом зрения. Так, иногда ТФК изображали как комплексную теорию, в которой в отличие от частных теорий, изучающих физическую культуру, дается *целостный* анализ всей совокупности составляющих ее явлений, а вместе с тем утверждалось, что она занимается исследованием лишь того *общего*, что свойственно всем видам и формам физической культуры [см., например: Введение... 1983, с. 20–22; Матвеев Л.П., 1980, с. 38; Очерки... 1984, с. 101–104].

Применительно к истолкованию взаимоотношения ТФК с ТФВ такая неоднозначность проявляется в том, что, с одной стороны, ее включали в состав ТФК, исходя из того, что последняя изучает все виды и формы физической культуры, в том числе физическое воспитание, а с другой стороны, высказывали мнение о том, что ТФВ вроде бы и не входит в состав ТФК (по крайней мере полностью), так как та изучает физическое воспитание лишь в одном аспекте: ее интересуют лишь общие черты, объединяющие его с другими формами физической культуры [Введение... 1983, с. 21; Матвеев Л.П., 1980, с. 40; Очерки... 1984, с. 102].

Недостаточное внимание исследователей к различным формам интеграции научных знаний характерно и для авторов большинства работ по ТФК, опубликованных в последующие годы [Абзалов, 2002; Бойченко, Бельский, 2002; Лукьяненко, 2001; Матвеев Л.П., 1991, 1998, 2002; Николаев, 1997, 1998, 2001, 2002, 2005, 2007, 2010 и др.], а также работ, посвященных теории спорта, которой также присваивается статус «общей», «комплексной», «интегративной» теории [см., например: Матвеев Л.П., 1997, 2001].

Завершая краткий анализ философских (методологических) проблем дифференциации и интеграции наук, изучающих спорт и телесность человека, еще раз подчеркнем, что автор в первую очередь стремился привлечь внимание к этим проблемам. Безусловно, они нуждаются в дальнейшем более полном, глубоком и систематическом анализе.

### Литература к гл. 7

1. Абзалов Р.А. (2002). Теория физической культуры (курс лекций): Учеб. пос. – Казань: Дом печати. – 216 с.
2. Асимов М.С., Турсунов Акбар (1981). Современные тенденции интеграции наук // Вопросы философии. – № 3. – С. 57–69.
3. Бойченко С.Д., Бельский И.В. (2002). Классическая теория физической культуры. Введение. Методология. Следствия. – Мн.: Лазурек. – 312 с.
4. Введение в теорию физической культуры: Учеб. пособие для ин-тов физ. культ./Под ред. Л.П.Матвеева. – М.: Физкультура и спорт, 1983.
5. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишнев: Штиинца. – 164 с.
6. Визитей Н.Н. (1989). Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты). Кишнев: Штиинца. – 110 с.
7. Выдрин В.М. (1984). Методологические проблемы теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 5-6.

8. Выдрин В.М. (1986). Физическая культура и ее теория // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С.24-27.
9. Выдрин В.М. (1988). Теория физической культуры (культуроведческий аспект): Учеб. пос. Л.: ГДОИФК им. П.Ф. Лесгафта. – 45 с.
10. Выдрин В.М., Николаев Ю.М. (1974). Содержание, объем и структура понятия «физическая культура» // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 8-10.
11. Диалектика в науках о природе и человеке. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – С. 399 с.
12. Зеленов Л.А., Лебедев Ю.А. (1985). Физическая культура как система (к дискуссии о предмете теории физической культуры) // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 48-50.
13. Иванов О.И. (1981). Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. – Л.: «Наука». – 157 с.
14. Кедров Б.М. (1983). О современной классификации наук (основные тенденции в ее эволюции) // Диалектика в науках о природе и человеке. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания. – М.: Изд-во «Наука». – С. 5–45.
15. Кутырев В.А. (1989). Комплексное взаимодействие общенаучных методов в социальном познании: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М. – 42 с.
16. Ленк Г. (2003). Междисциплинарность // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОН». – М.: ОАО Издательство «Радуга». – С. 547-548.
17. Лукьяненко В.П. (2001). Физическая культура: основы знаний: Учеб. пособие. – Ставрополь: Изд-во СГУ. – 228 с.
18. Маковский Н.А. (1990). Философско-методологические проблемы взаимодействия наук: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Киев. – 43 с.
19. Маркарян Э.С. (1980). О средствах оптимизации научно-интегративных процессов // Вопросы философии. – № 11. – С. 112–121.
20. Матвеев Л.П. (1975). Вопросы формирования общетеоретических основ физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. – №11. – С. 65-70.
21. Матвеев Л.П. (1978). О формировании общих теоретико-методических основ советской системы физического воспитания и проблемах дальнейшего развития обобщающих знаний в сфере физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 65-69.
22. Матвеев Л.П. (1980а). Вопросы формирования общей теории физической культуры // Общественные науки. – № 3. – С. 31-42.
23. Матвеев Л.П. (1980б). К перспективам разработки общей теории физической культуры и спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 11-15.
24. Матвеев Л.П. (1981). Некоторые итоги и перспективы формирования обобщающей теории в сфере физической культуры и спорта: актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 41 с.
25. Матвеев Л.П. (1984б). Некоторые итоги и перспективы разработки обобщающей теории физической культуры в СССР // Очерки по теории физической культуры: Труды ученых социалистических стран. – М.: ФиС. – С. 9-27.
26. Матвеев Л.П. (1984в). Об особенностях предмета и методов общей теории физической культуры // Очерки по теории физической культуры. – М.: ФиС. – С. 97-114.
27. Матвеев Л.П. (1987). Становление обобщающей концепции физической культуры в процессе формирования ее научных основ в СССР // Теория и практика физ. культуры. – № 11. – С. 39-43.
28. Матвеев Л.П. (1991). Теория и методика физической культуры: Учебник для ИФК. – М.: ФиС. – 543 с.
29. Матвеев Л.П. (1997). Общая теория спорта. Учебная книга для завершающих уровней высшего физкультурного образования. – М.: 4-й филиал Воениздата. – 304 с.
30. Матвеев Л.П. (1998). Введение в теорию физической культуры. – М.: Физкультура и спорт.
31. Матвеев Лев (2001). Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. – М.: Изд-во «Известия» УД П РФ. – 323 с.
32. Матвеев Л.П. (2002). Теория и методика физической культуры. (Часть 1. Введение в общую теорию физической культуры). Учебник для высших специальных физкультурных учебных заведений. – М., РГАФК. – 176 с.
33. Матвеев Л.П. (2003). Интегративная тенденция в современном физкультуроведении // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 5-11.
34. Мудрагей В.И. (1985). Единство научного знания: опыт решения проблемы в философии эмпиризма // Вопросы философии. – № 5. – С. 97–103.
35. Неверкович С.Д. (1996). Возникновение и развитие научно-исследовательских областей и дисциплин в науках о спорте (методологический экскурс) // Олимпийское движение и социальные

- процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практ. конф. Сент., 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 53-59.
36. Николаев Ю.М. (2004). Общая теория и методология физической культуры как отражение потребности в модернизации физкультурного образования // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2-10.
37. Николаев Ю.М. (2010). История и методология науки о физической культуре: Учеб.-метод. пособие. – СПб: Изд-во «Олимп-СПб». – 200 с.
38. Новиков А.Д. (1949). Физическое воспитание (к вопросу о предмете, принципах, средствах, методах и формах организации занятий физическими упражнениями). – М.: Физическая культура и спорт. – 135 с.
39. Очерки по теории физической культуры: Труды ученых социалистических стран. – М.: ФиС, 1984. – 247 с.
40. Першин В.Б. (1973). Комплексный подход как метод научного исследования: Автореф. дис... канд. филос. наук. – Горький. – 19 с.
41. Пономарев Н.А. (1978). Методологические основы наук о физической культуре. – Л. – 47 с.
42. Пономарев Н.А. (1979). Проблема системообразующего фактора физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 5-7.
43. Пономарев Н.И. (1974б). О теории физической культуры как науке // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 49-53.
44. Рефлексивная симметрия и связи научных дисциплин // Философия науки и техники: Учеб. пособие./В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – М.: Контакт–Альфа, 1995. – С. 166-179.
45. Свищёв И.Д., Ерегина С.В. (2008). Интеграция научных знаний в подготовке специалистов по физической культуре и спорту // Детский тренер. – № 4. – С. 6–11.
46. Сичивица О.М. (1983). Сложные формы интеграции науки. – М.: Высшая школа. 152 с.
47. Сичивица О.М. (1987). Интеграция знаний и развитие науки о физической культуре и спорте // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 27-29.
48. Смирнов И.Н. (1981). Проблема интеграции знания в современной биологии // Вопросы философии. – № 11. – С. 38–50.
49. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско–социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
50. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
51. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
52. Столяров В.И. (1985в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 45–49.
53. Столяров В.И. (1985г). Понятия физической и телесной культуры личности // Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса: Тез. докл. к XIII межзон. симп. – Горький. – С. 151-156.
54. Столяров В.И. (1986б). Основные формы и пути интеграции наук в процессе познания физической культуры и спорта // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всес. научно-практ. конф. по философским и социальным проблемам физ. культуры и спорта, 16-18 мая 1986 г., г. Москва. – М. – С. 168-173.
55. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально–педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.
56. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
57. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр. – М. – С. 126-142.
58. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – № 4. – С. 78–92.
59. Столяров В.И. (2010и). Методологические проблемы дифференциации и интеграции наук о физической культуре и спорте // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 67–74.
60. Фомин Ю.А. (1973). О структуре теории физической культуры и взаимоотношении ее частей // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 58-53.

61. Фомин Ю.А. (1982). Физическая культура (краткая история термина и современная теоретическая трактовка понятия) // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 45-47.
62. Хайнеман Клаус (1981). Спортивная наука и спортивная политика // Проблемы международного спортивного движения. – № 9. – М.: ВНИИФК. – С. 17-33.
63. Krawczyk Zbigniew (1974). Philosophie und allgemeine Theorie der Körperkultur in Polen // Sportwissenschaft. – N. 4. – S. 372-383.
64. Krawczyk Z. (1978a). Difficulties and Chances of the General Theory of Physical Culture // Physical activity and Human Well-being. The International Congress of Physical Activity Sciences, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 663-679.



### Раздел III.

## ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «СОПЕРНИЧЕСТВО», «СПОРТ» И КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОЛИМПИЗМА

В предыдущих разделах книги в плане общей характеристики философии спорта и телесности человека были уточнены: ее объектная область, проблематика, парадигмальные (идейные) основания, эволюция, структура, функции и место в философии и системе других дисциплин «спортивной науки».

Опираясь на эту общую характеристику философии спорта и телесности человека, в последующих разделах будет рассмотрен ряд конкретных проблем, которые служат предметом ее исследования. Это позволит читателям получить более полное представление о мире данной философской дисциплины.

Важное место в ее структуре занимают социально-философские проблемы спорта и олимпийского движения. Их анализ целесообразно начинать с соответствующего понятийного аппарата. Его обсуждению и посвящен данный раздел.

При характеристике спорта и олимпийского движения обычно ссылаются на такое присущее им свойство, как *соперничество* (*соревнование*). Причем его редко делают предметом специального рассмотрения и дают ему различные интерпретации. Поэтому возникает необходимость в первую очередь рассмотреть именно соперничество как особый социальный феномен.

### Глава 8. Соперничество как социальный феномен

Сначала уточним *понятие* соперничества.

#### 8.1. Понятие соперничества

Соперничество относится к числу таких социальных феноменов, которые необычайно широко представлены и занимают важное место в жизни как современного человека, так и людей в прошлом.

Уже на самых ранних этапах истории человеческой культуры, развития социальной жизни имеют место специально организованные или стихийно складывающиеся соревнования. К их числу относятся, например, обряды инициации (получение юношами статуса взрослых членов социальной группы), обычно включающие в себя четко организованные соревновательные процедуры.

Историки обращают внимание на то, что соревновательность выступала как особо важная черта социальной жизни на протяжении целых эпох: «Принцип состязательности является одним из ведущих для логико-риторической культуры, то есть для громадного временного периода – Древняя Греция, Средневековье, Возрождение, культура барокко и классицизма – вплоть до индустриальной эпохи» [Аверинцев, 1989, с. 11]; «Состязательность вошла в плоть культуры "бунтарского века" (XVII в.) России. Состязаются и авторы, и культурные аксиомы» [Панченко, 1984, с. 166].

Ярчайшим примером в этом отношении является Древняя Греция [Античная агонистика... 2002]. Идеалом для греков был лозунг, провозглашенный в поэмах Гомера: «Всегда быть лучше и превосходить других» ("aien aristeuein kai hupereichon em-menai allon") [Билинский, 1998, с. 318; Хёйзинга, 1992, с. 80]. Такая установка ориентировала греков на постоянное соперничество. «У греков, – пишет нидерландский историк и философ Йохан Хёйзинга, – было принято состязаться во всем, что заключало в себе возможность борьбы» [Хёйзинга, 1992, с. 90]. На это указывает и профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского университета А.И. Зайцев: «Вся жизнь греков, вся эллинская культура проникнута соревновательным, агональным началом (*агон* по-гречески – борьба, состязание). Страна, подарившая миру Олимпийские игры, почитала Агон как божество. Его изображение было выставлено в Олимпии в V веке до нашей эры» [Зайцев, 1985]. Об этом пишет также польский философ Б. Билинский: «В Древней Греции элемент соревнования не ограничивался лишь сферой спортивной культуры. Он присутствовал также в сфере духовной и интеллектуальной культуры. Перефразируя одно из выражений Фалеса, который утверждал, что боги охватывают всю природу, и относя это к сфере греческой культуры, можно сказать, что дух агона (*panta agonon plere*) проникал всюду, что весь мир

этой культуры был пронизан соревнованиями, которые распространялись если не на все, то, бесспорно, на наиболее важные, основные и доминирующие сферы духовной, интеллектуальной и художественной активности, включая даже простую крестьянскую и ремесленную работу. Дух соревнования (берущий начало в поэмах Гомера героической эпохи) правил бал не только на спортивных стадионах Олимпии – главных Панэллинских игр, но также в театрах, одеонах, в агоре, во время конкурсов поэзии, в школах софистов, ораторов и философов» [Билинский, 1998, с. 323–324].

Соперничество сыграло важную роль в развитии не только культуры Древней Греции, но и европейской культуры в целом [Dguon, 1982].

Современный мир в своем отношении к соревнованиям напоминает Древнюю Грецию: агональный дух, дух соперничества в настоящее время захватил не только сферу спорта, но и все другие стороны жизни людей – экономику, политику, искусство, образование и т.д.

Учитывая столь важное значение и широкое распространение соперничества и связанных с ним явлений – соревновательных отношений, агонального поведения и т.п., естественно, предпринимались и предпринимаются попытки научно осмыслить эти социальные феномены на основе введения адекватного понятийного аппарата. По комплексу возникающих при этом вопросов высказываются и некоторые общие положения, и различные точки зрения.

В одной из немногих работ, специально посвященных анализу соревнования (состязательности), оно характеризуется следующим образом: «Состязательность – процесс столкновения и последующего соперничества двух или более сторон, процессов, явлений, результатом которого может стать либо возникновение новой формы соперничества, либо взаимообмен между ними и, как следствие, переход системы “сторона один – сторона два” на новое качество» [Данилов, 2007, с. 10]. Однако данное определение во многом является тавтологичным.

Наиболее широко в понимании соревнования представлен подход, при котором оно рассматривается как одна из форм *социальной оценки на основе сравнения* результатов деятельности человека с определенным стандартом, в качестве которого может выступать другой человек, группа, прошлая деятельность того же индивида или некоторый идеализированный уровень деятельности [см., например: Social Problems...1976, р. 14].

Иллюстрацией такого подхода является анализ понятия соревнования в работах Н.Н. Визитея [Визитей, 1979, 1980, 1986, 2006, 2009]. В одной из этих работ суть предлагаемой автором концепции соревнования автор выражает следующим образом: «Соревнование в качестве обязательного момента предполагает *сравнение*... Человек, сравнивая себя с чем-то, не может оставаться безразличным к процессу и результатам этого сравнения, оно всегда имеет для человека определенный смысл, оно неизбежно так или иначе эмоционально окрашивается. Можно сказать, что любое сравнение, поскольку оно человеческое сравнение, всегда «делает вывод»... Но *сравнение, которое делает вывод, есть соревнование*. Таким образом, *настолько же, насколько любое соревнование сравнивает, настолько же любое сравнение проводит соревнование*» [Визитей, 1980, с. 97, 99]. Фактически та же характеристика соревнования дается и в других работах Н.Н. Визитея. Он указывает, например, на то, что необходимым моментом «любого акта самосознания человека» является «сопоставление себя с другим». В процессе такого сопоставления человек «никогда не может оставаться безразличным, индифферентным к развертыванию и особенно к результату этого процесса... И одно, и другое (и процесс, и результат) неизменно остро эмоционально переживается, оценивается...». «*В любом акте человеческого самосознания есть сопоставление и есть оценивание этого сопоставления – по ходу его развертывания и по его итогу*», а значит, есть и соревновательность: «Ситуация, в которой присутствуют указанные сопоставление и оценка, по внутренней сути своей является ситуацией соревнования» [Визитей, 2006, с. 90, 91, 101].

Характеризуя «содержание соревновательных отношений», Н.Н. Визитей указывает на то, что «сопоставление индивида с индивидом сопровождается особенно активным переживанием данной ситуации в том случае, когда эти индивиды принадлежат к некоему *общему социальному миру* – миру, который духовно и практически освоен ими и в котором в силу сказанного *исходное различие* социальных статусов данных индивидов сведено к минимуму» Поэтому «соревновательность *внутренне противоречива*: она, с одной стороны, предполагает мое стремление отличить себя от *другого*, а с другой – сохранить свое

единство, свою тождественность с ним в рамках объемлющего нас социума или сохранить социум как то пространство, в котором мы (я и другой) равнодостоинны, обладаем одинаковым статусом». В связи с этим «*ситуация соревновательности...* выступает как процесс, где индивид утверждает себя в качестве *иного* по отношению к другому индивиду, но вместе с тем – и в качестве *тождественного* этому индивиду» [Визитей, 2006, с. 98, 100, 116].

Важно отметить, что Н.Н. Визитей обращает внимание на многообразие «тех типов отношений, которые складываются при *сопоставлении* одного человека с другим» [Визитей, 2006, с. 95]. В подтверждение этого он приводит соответствующие выдержки из работ Аристотеля, Ф. Ницше и М.М. Бахтина. И тем не менее *всякую процедуру сопоставления* одного человека с другим и оценки результатов этого сопоставления – *независимо от того, какие отношения, установки, реакции это вызывает* – Н.Н. Визитей рассматривает как *соревнование (соперничество)*.

Однако в большинстве других публикаций, посвященных анализу соперничества (соревнования), как будет показано ниже, имеет место иной подход к пониманию этого социального феномена.

Целый ряд аспектов процедуры сопоставления одного человека с другими в процессе соревнования (соперничества) и самого этого процесса в целом выделяет и характеризует один из ведущих специалистов США в области социальной психологии спорта Райнер Мартенс в своей работе «Социальная психология и спорт» [Мартенс, 1979].

Прежде всего он указывает на отсутствие однозначного понимания понятия «соревнование»: «Соревнованию как научному понятию очень не повезло, так как в исследованиях этой области теория не играла почти никакой роли. Это привело к тому, что понятие "соревнование" не было строго определено ни концептуально, ни операционально. Соревнование причисляли и к процессу, и к специфическим типам поведения, и к поведенческим установкам, и к диспозициям, и к специфическим ситуациям» [Мартенс, 1979, с. 69].

По мнению Р. Мартенса, важно дифференцировать эти различные варианты использования термина «соревнование» и учитывать их взаимосвязь. В упомянутой работе он анализирует соревнование как *процесс*, который включает в себя четыре ступени (категории событий):

- объективную соревновательную ситуацию,
- субъективную соревновательную ситуацию,
- реагирование (результат деятельности),
- последствия.

Объективная соревновательная ситуация. Р. Мартенс рассматривает ряд определений этой первой стадии процесса соревнования. Одно из них – «*определение через поощрение*» – характеризует соревнование как ситуацию, в которой поощрения распределяются неравномерно, с учетом результатов деятельности [Church, 1968]. В рамках этого определения ситуация соперничества (соревнования) противопоставляется ситуации сотрудничества: «В ситуации сотрудничества человек получает поощрение только вместе с остальными участниками; в ситуации же соревнования, если один или несколько участников получают поощрение, то оставшиеся не получают ничего» [Мартенс, 1979, с. 70–71].

По мнению Р. Мартенса, определение объективной ситуации соревнования через поощрение не позволяет полно охарактеризовать эту ситуацию. Оно недостаточно, так как «во многих так называемых соревновательных ситуациях трудно, а иногда и невозможно найти единые критерии распределения поощрения относительно субъективной ценности поощрений и относительно цели, которой надо достичь» [Мартенс, 1979, с. 71]. Для иллюстрации Р. Мартенс приводит такой пример. Допустим, вы – весьма средний игрок в теннис, но у вас появилась возможность сыграть с профессиональным теннисистом. Совершенно ясно, что выиграть вы не можете и что ваша цель совсем не в этом. Вы решаете про себя, что если сыграете сравнительно неплохо, то будете вполне удовлетворены, или что если вы выиграете два гейма в сете, то достигнете своей цели. При этом очевидно, что ваша цель и поощрение совсем другие, чем у вашего противника. В связи с таким недостатком определения соревнования через поощрение, указывает Р. Мартенс, большинство исследователей, применяющих его, пользуются мало похожими друг на друга операциональными определениями ситуации. Кроме того, такое определение не позволяет объяснить, почему же возникает соревнование.

Сам Р. Мартенс предлагает при определении объективной соревновательной ситуации учитывать *теорию социальной оценки* [Festinger, 1954] и ряд *экспериментальных исследований* [Martens, Landers, 1972]. В указанной работе объективную соревновательную ситуацию он определяет как ситуацию, в которой «деятельность каждого участника сравнивается с помощью определенного стандарта с деятельностью хотя бы еще одного человека, знакомого с критерием сравнения и могущего оценить процесс сравнения» [Мартенс, 1979, с. 72]. Аналогичное определение Р. Мартенс дает и в статье «Соревнование – потребность в теории»: соревнование «есть процесс, в котором сравнение действий индивидов производится на основе некоторого стандарта, в присутствии по крайней мере одного лица, которому известен критерий сравнения и который способен оценить процесс сравнения» [Social problems in athletics, 1976, p. 14]. В качестве стандарта может выступать деятельность другого человека, идеализированный уровень выступления или же собственный результат человека, показанный в прошлом.

Важно отметить, однако, что Р. Мартенс (в отличие, например, от Н.Н. Визитея) не всякую процедуру сопоставления качеств (способностей) относит к числу соревновательных ситуаций: «Основным признаком, отличающим соревновательную ситуацию от других ситуаций сравнения, является то, что критерий сравнения известен человеку, который оценивает результат выступления» [Мартенс, 1979, с. 72]. В соответствии с таким определением, указывает он, не все ситуации, обычно рассматриваемые как соревновательные, будут отнесены к таковым. Например, ее не будет, если *присутствующие не знают критерия сравнения*: «Вы можете стремиться побить собственный рекорд в прыжках в высоту, тренируясь с товарищами по команде, но если ни они, ни другие люди, присутствующие при этом, не подозревают о вашей цели, то соревновательной ситуации как таковой не будет». Указанное определение исключает из числа соревновательных ситуаций и сравнение выступления участника с результатом его предыдущего выступления *при отсутствии человека, дающего оценку*. Например, если кто-то упражняется в выполнении ударов в гольфе, делая по 10 попыток с разных мест и каждый раз считает, что улучшил свой результат на еще одно попадание в лунку, то такая ситуация не относится к числу соревновательных [Мартенс, 1979, с. 72].

Как отмечает Р. Мартенс, не все согласны с такими ограничениями ситуаций, относимых к числу соревновательных. Например, по мнению М. Шериф, состязание «не требует присутствия других лиц, так как человек может сам сделать так, чтобы его действия отвечали определенным требованиям, или достичь цели, которую он ставит перед собой, тренируясь в выполнении упражнения» [Цит. по: Мартенс, 1979, С. 72]. Такое определение соревнования основным критерием соревновательности ситуации делает восприятие ее человеком, что, по мнению Р. Мартенса, приводит к субъективизму.

Вторая ступень соревнования – субъективная соревновательная ситуация. Склонность человека (его диспозицию) к поискам объективных соревновательных ситуаций Р. Мартенс называет *соревновательностью* или *состязательностью*. Она включает в себя целую группу мотивов, побуждающих человека участвовать или не участвовать в соревнованиях, и влияет на его оценку объективной ситуации состязания.

Согласно данным экспериментальных исследований, указывает Р. Мартенс, состязательность тесно связана, а может быть, и является компонентом *мотивации достижения*, которая, в свою очередь, тесно связана с компетентностью, агрессивностью и склонностью к доминированию. Факторы мотивации достижения многочисленны. К их числу Р. Мартенс относит тревогу, боязнь неудачи, желание достичь высокой степени мастерства и компетентности среди окружающих, властвовать над другими людьми, стремление превзойти их достижения и т.д.

По мнению Р. Мартенса, состязательность и мотивация достижения не только связаны, но и существенно отличаются друг от друга: «Мотивация достижения представляет собой обширную систему определения цели и не предполагает никакого конкретного способа ее достижения. Состязательность же подразумевает мотив достижения или успеха, а также то обстоятельство, что эта цель может быть достигнута в объективных соревновательных ситуациях. Таким образом, основное отличие состязательности от мотивации достижения заключается в том, что состязательность представляет собой склонность выбирать объективные соревновательные ситуации как способ достижения цели» [Мартенс, 1979, с. 77]. В подтверждение этого положения он ссылается на работы М. Маер и Д. Шегрен [Maehr, Sjogren, 1971], а также Дж. Вероффа [Veroff, 1969].

Субъективно оценив соревновательную ситуацию, полагает М. Мартенс, человек должен решить, будет ли он продолжать участвовать в состязании или нет, т.е. стремиться ли ему к участию в объективной соревновательной ситуации или избегать ее. Если человек принял решение участвовать в состязании, наступает третья ступень процесса состязания – реагирование человека. Оно проявляется на трех уровнях: физиологическом, психологическом и поведенческом и определяется как внутренними (способности человека и уровень его мотивации), так и внешними (погода, время, условия, обстановка соревнования, поведение противника и т.д.) факторами. Заключительная ступень процесса соревнования – последствия (положительные, отрицательные, а иногда, возможно, и нейтральные), вытекающие из сравнения деятельности человека с определенным стандартом.

«Чтобы имело место соревнование, – пишет Р. Мартенс, – необходимы определенные условия и прежде всего – определенный уровень развития познавательной способности». Он ссылается на работу К. Шериф [Sherif, 1971], согласно которой процесс соревнования требует от человека способности последовательно направлять свое поведение к достижению абстрактного стандарта или определенной цели. У детей эта способность проявляется в возрасте 3–5 лет [Greenberg, 1952; Heckhausen, 1967]. Р. Мартенс считает, что хотя соревнование не может начаться прежде, чем будет достигнут определенный уровень умственного развития, но это не значит, что в процессе социализации состязательность не формируется у ребенка младше трех лет [Мартенс, 1979, с. 76].

*Соревнование как процесс*, имеющий указанные ступени, Р. Мартенс отличает от *соревновательного поведения*. Последнее включает в себя: а) поиски объективных соревновательных ситуаций, что определяется диспозицией – состязательностью человека, и б) реакцию человека, когда он решил сравнить свое выступление с определенным стандартом, выработанным другим человеком (людьми). Соревновательное поведение имеет место в двух случаях: 1) когда человек сам ищет соревновательные ситуации и 2) когда человек непосредственно реагирует на них.

Кроме того, Р. Мартенс различает *соревновательное поведение* и *соперничество*. При этом он ориентируется на то определение соперничества, которое дает М. Мид [Mead, 1961]. *Соперничество* – это поведение, направленное против другого лица, при котором человек стремится получить более благоприятную оценку своей деятельности, тогда как *соревновательное поведение* направлено на достижение определенной цели, а другие люди имеют второстепенное значение. Следовательно, соперничество направлено на людей, а соревновательное поведение – на достижение поставленной цели [Мартенс, 1979, с. 73–75].

Одно из наиболее масштабных исследований соревнования провели Дж. Лой и Гр. Хескет в статье под названием «Сущность агона: введение к исследованию агонального поведения» [Loy, Hesketh, 1984]. Соревнование рассматривается здесь в рамках анализа *сущности* (природы, основного содержания) *агона* (“agon motif”) и связанного с ним *агонального поведения* (“agonetic behavior”).

Как отмечают авторы, термин «агональный» (“agonal”) ввел Я. Бурхардт (Jacob Burchardt). Он использовал его для описания одной из важнейших характеристик эллинской культуры. В последующем многие ученые рассматривали агон как феномен культуры и приводили исторические примеры агональных социальных систем. Так, Й. Хёйзинга в своей книге «Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры», впервые опубликованной в 1938 г., подробно анализирует агон, рассматривая его как состязание в виде игры, а игру и состязание в их «функции формирования культуры». По его мнению, «состязание и представление... не происходят из культуры как развлечение, а *предшествуют* культуре» [Хёйзинга, 1992, с. 62]. Исходя из этого, особое внимание он уделяет соперничеству и агональному поведению в культуре Древней Греции.

Американский социолог А. Гоулднер дал анализ социальной структуры и культуры эллинского общества в рамках широкого социологического исследования социальных систем, основанных на состязании. Он пишет, что основой эллинской культуры являлся «...активный поиск славы ради славы посредством соревновательных достижений» и отмечает, что «все это составляет так называемую состязательную систему, по сути систему мобильности или способ распределения престижа или социального статуса среди граждан: это, если хотите, – “игра”, в которой не могут участвовать рабы или инородцы» [Gouldner, 1965, p. 45–46].

Анализу роли соперничества в культуре Древней Греции посвящены и другие публикации [Аверинцев, 1989; Античная агонистика... 2002; Билинский, 1998; Зайцев, 1985].

Агон и связанные с ним социальные феномены изучались и в других аспектах. Так, Р. Кайуа, известный французский социолог, описал агональные игры в своей работе «Игры и люди» [Кайуа, 2007].

В работе «Природа агона» (*Agon motif*) американские ученые У. Морфорд и С. Кларк разработали *общую модель агональных социальных систем* [Morford, Clark, 1976]. Указанная работа включает в себя пять глав, в которых описываются основные элементы данной модели: 1) Воин (*the warrior*) и общество, 2) Подвиг и поиски славы, 3) Культ героя, 4) Честь и 5) Индивидуализм. Исходя из такого понимания модели агональной социальной системы, У. Морфорд и С. Кларк выделяют следующие основные черты обществ, основанных на соперничестве:

- в качестве основы классической агональной социальной системы выступает аристократическая воинственная элита;
- две черты характеризуют природу агона в рамках данной социальной системы: дух конкуренции и крайний индивидуализм;
- наиболее ярко эти черты проявляются в соревнованиях между равными соперниками, где основным состязанием является агональная война;
- основным источником мотивации для членов агональной системы является стремление к превосходству и достижению славы;
- усиление борьбы за индивидуальное превосходство в агональных ситуациях рано или поздно приводит к анархическому государственному устройству, что не свойственно этико-нравственной структуре агона.

Как считают Дж. Лой и Гр. Хескет, модель агональных социальных систем, которую разработали У. Морфорд и С. Кларк, является «ограниченной и неполной». Она выделяет основные компоненты лишь классических или «чистых» агональных систем и неточно описывает основные процессы развития или динамику агональных систем, что затрудняет анализ и современных агональных систем и подсистем [Loy, Hesketh, 1984, p. 34]. Дж. Лой и Гр. Хескет предлагают более широкую социологическую модель агона, агонального поведения и агональной системы (*“agonal system”*).

Прежде всего они сравнивают определения терминов, используемых для обозначения этих социальных феноменов, которые даются в словаре Вебстера, с первоначальным значением этих греческих слов. В словаре Вебстера даются следующие определения:

- *Агон* (*“agon”*) – «конфликт характеров в драме».
- *Агонистический* (*“agonistic”*) – «1. делать конвульсивные усилия; бороться. 2. быть в агонии; испытывать сильную боль».
- *Агония* (*“agony”*) – «1. сильная душевная или физическая боль. 2. смертельные приступы. 3. конвульсивная борьба. 4. внезапные сильные эмоции: *агония радости*» [Webster, 1958, p. 28].

Значение оригинальных греческих слов, приводимое в этом словаре:

- *Агон* (*“agon”*) – состязание.
- *Агонистический* (*“agonistikos”*) – подходящий для состязания (*“fit for contest”*).
- *Агония* (*“agony”*) – борьба за победу.

Дж. Лой и Гр. Хескет указывают на то, что в своем исследовании они употребляют термин «агон» в его первоначальном греческом значении. Он используется «для обозначения как специфического состязания или системы состязаний, так и в более широком смысле – для обозначения любой личностной борьбы за превосходство» [Loy, Hesketh, 1984, p. 35]. При этом они обращают внимание на то, что аналогичное определение понятию «агон» дают У. Морфорд и С. Кларк [Morford, Clark, 1976, p. 163].

Исходя из такого определения, Дж. Лой и Гр. Хескет рассматривают *агон* как «активный поиск превосходства и борьбу за обретение славы посредством достижений в соревновательных ситуациях, в которых человек проявляет чувство собственного достоинства, нравственные качества, а иногда даже рискует жизнью». По своей сути *агон* предусматривает: «(1) сильный дух конкуренции и соревнования; (2) акцент на индивидуализм и (3) ярко выраженное стремление к достижению славы, и победы». Примером могут служить спортивные соревнования, охота, физические и словесные дуэли, война [Loy, Hesketh, 1984, p. 32].

На основе такого подхода Дж. Лой и Гр. Хескет предлагают общую модель агона, для которой характерны следующие основные черты, структурные элементы и процессы.

1. Поиск превосходства, как черта, присущая агону, может быть осмыслен в виде четырехступенчатой модели совершенствования человека:

- *совершенствование (becoming the best)* посредством подготовки и тренировки, чтобы превзойти всех остальных;

- *проверка совершенства (testing the best)* в процессе соревнования с равными соперниками и против них;

- *достижение совершенства (beating the best)* по сравнению с равными соперниками в агональных состязаниях;

- *сохранять совершенство (being the best)*, получив признание того, что являешься первым среди равных.

2. Поиск превосходства требует вовлечения индивида в особые виды деятельности в специфических ситуациях. Так, например, *тренировка* для достижения совершенства, *проверка* совершенства и *закрепление (establishing)* совершенства предусматривают активное вовлечение в разнообразные агональные состязания, такие как атлетические соревнования, охоту, словесные дуэли и война.

3. Все стадии достижения совершенства индивидом всегда соотносятся с равными соперниками. Например, тренировки для совершенствования проводятся среди *равных соперников*, состязания для проверки совершенства происходят между *равными соперниками*, совершенство по сравнению с другими определяется на основе сравнения с *равными соперниками*, и награды присуждаются также за совершенство среди *равных*.

4. Основной процесс, лежащий в основе агональных систем, – *социальная стратификация*. С одной стороны, участие в агоне ограничивается избранными группами элитных воинов. В классических типах «воинственных обществ» эти группы в равной степени представлены аристократией, этнократией, меритократией и теократией. С другой стороны, указанный иерархический порядок характеризует избранные группы как индивидов в процессе личной борьбы за превосходство среди равных.

Имеется в виду следующее:

- *ролевая дифференциация* между категориями воинов и невоинов;
- *ролевое ранжирование* среди воинов в том случае, если они оцениваются: а) по личным качествам, б) по уровню приобретенных умений и способностей, с) по эффективности выполнения своей роли;

- *ролевая оценка* в том случае, когда сравнительное ранжирование основывается на субъективной базе нечетких нормативных шкал нравственной и социальной значимости;

- *ролевое вознаграждение* – индивид за свои заслуги в агональном соперничестве получает большую власть, привилегии, престиж и психическое удовлетворение.

Поэтому, как считают Дж. Лой и Гр. Хескет, следует согласиться с мнением М. Тумина [Tumin, 1967] о том, что агональные системы, как и всякая другая социальная система, требует функциональной специализации и разделения труда.

5. Агональные состязания являются «нравственными играми» (“moral games”). Они проверяют характер нравственных ценностей человека. Победа способствует повышению его репутации, славе и более высокому общественному статусу, тогда как поражение ведет к утрате репутации, бесславию и более низкому общественному положению.

6. Поиск превосходства управляется особыми предписаниями и запретами относительно того, что дозволено и не дозволено. Эти предписания и запреты включают:

- *личные качества*, которыми должен обладать индивид перед допуском к участию в соперничестве;

- *правила и предписания*, контролирующие данные состязания;

- *уровни и стандарты соревнования*;

- *вид и степень наград и санкций за достижения в состязании* [Loy, Hesketh, 1984, p. 35–38].

Таким образом, анализ публикаций по обсуждаемой проблеме свидетельствует о том, что при анализе понятия соревнования (соперничества, агона) высказываются различные точки зрения, основанные на выделении существенно отличающихся друг от друга социальных феноменов. Для позитивного решения дискуссий, возникающих в такого рода ситуациях, важно соблюдать указанные выше логико-методологические принципы введения, оценки и унификации понятий.

Опираясь на эти принципы при решении обсуждаемой проблемы, самое главное состоит в том, чтобы *независимо от используемой терминологии в системе используемых понятий учесть по возможности все многообразие тех социальных явлений*, которые указываются в различных определениях и других характеристиках соперничества, четко выделить, дифференцировать их, отграничить друг от друга.

Именно такой подход применяется в данной работе.

В системе понятий, которая используется в последующем тексте, прежде всего выделяются два социальных феномена, которые, как показано выше, фигурируют практически во всех определениях соперничества:

1) процесс *сравнения* (сопоставления) определенных качеств, способностей одного человека с другими или с каким-то идеальным эталоном (стандартом);

2) *оценка* результатов этого сравнения.

В рамках обсуждаемой системы понятий вряд ли целесообразно отождествлять соревнование (соперничество) с *любой* процедурой сопоставления качеств (способностей)\*, ибо в этом случае понятие «соревнование (соперничество)» оказывается просто лишним: оно дублирует понятие «сопоставление качеств (способностей)».

Более целесообразным представляется подход, при котором понятие соревнования (соперничества) вводится как *одно* из комплекса понятий, характеризующих различные объективные и субъективные аспекты процедуры (ситуации) сопоставления и оценки **индивидом** своих качеств и способностей с соответствующими качествами и способностями других людей, с самим собой в прошлом или с идеальным эталоном.

Комплексный анализ процедуры (ситуации) сопоставления и оценки качеств и способностей одного человека с соответствующими качествами и способностями других людей выявляет широкий круг *различных субъективных и объективных аспектов* данной процедуры (ситуации).

Еще Аристотель писал о том, что процедура сопоставления разных людей может вызывать у проигрывающего в этом сопоставлении одно из двух противоположных чувств: «*чувство зависти*» и «*чувство соревнования*» [Аристотель, 1978, с. 90–91]. *Зависть* – негативное чувство огорчения, досады человека по поводу наличия у других людей «благ, которые связаны с почетом». Чувство соревнования – позитивное чувство человека, основанное на признании того, что у него отсутствуют такого рода блага, и связанное с этим «*ревностное желание сравняться*» с теми, у кого они наличествуют: «Чувство соревнования есть некоторое огорчение при виде кажущегося присутствия у людей, подобных нам по своей природе, благ, которые связаны с почетом и которые могли бы быть приобретенными нами самими, возникающее не потому, что эти блага есть у другого, а потому, что их нет у нас самих. Поэтому-то соревнование как ревностное желание сравняться есть чувство хорошее и бывает у людей хороших, а зависть есть нечто низкое и бывает у низких людей» [Аристотель, 1978, с. 95].

На возможность противоположных реакций (ценностных установок) у человека, проигрывающего при сравнении его качеств и способностей с качествами и способностями других людей и желающего сравняться с ними в этом отношении, указывал и Ф. Ницше: «Жажда равенства может выражаться в том, что стремишься либо перетянуть всех к себе вниз (через умаление, замалчивание, подножку), либо самому подняться ко всем (через признание, помощь, радость от чужой удачи)» [Ницше, 1990, с. 396].

М.М. Бахтин писал: «Во всем, чем человек выражает себя вовне (и, следовательно, для *другого*), – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие *я* и *другого*: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг о друге, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, неприятие... и т.д.» [Бахтин, 1979, с. 320]. Он обращает внимание, следовательно, на то, что обсуждаемая процедура сопоставления и оценки качеств (способностей) одного человека с другими может порождать такие существенно отличающиеся друг от друга отношения ее участников, внутренние установки, в соответствии с которыми они воспринимают друг друга, как *неприятель*, *вызов*, *борьба* (честная или посредством обмана), *взаимное согласие* и т.д.

Кроме того, важно иметь в виду, что процедура сопоставления качеств (способностей) может быть элементом различной деятельности человека. Так, она может быть впле-

---

\* Против такого отождествления выступают и другие исследователи [см., например: Пономарчук, Козлова, 2002, с. 8].



тена в *процесс познания*, когда человек изучает себя (или себя и других людей), сопоставляя те или иные качества (способности), выявляемые в ходе этого анализа. Сравнивая себя с другими людьми, с самим собой в прошлом или с идеальным эталоном, стандартом, он стремится выяснить, есть ли в этом плане какие-то *отличия* и если есть, то как их можно *оценить* – как позитивные или как негативные. В этом случае сопоставление выступает как *субъективная процедура сопоставления* определенных качеств (способностей).

Но процедура сопоставления способностей может быть вплетена в деятельность человека, связанную с сопротивлением (физическим, психическим и т.п.) противостоящих ему сил (данного человека с другим, одной группы людей с другими и т.п., а также человека с какими-то силами природы и т.д.) и стремлением соперников (хотя бы одного из них), преодолевая это сопротивление, добиться определенного результата. Для характеристики такого поведения человека, его действий в указанной ситуации чаще всего используется термин «*борьба*» («*борьба соперников*»).

Цели этой борьбы могут быть разными. Так, человек в борьбе может ставить своей целью добиться *превосходства* над своим «соперником» (другим человеком, предметом природы или идеальным эталоном, стандартом и т.д.). Но он может ориентироваться на другие достижения: например, *не уступить* «сопернику» (быть *равным* с ним) или уступить, но *незначительно*, показать *максимально возможный для себя результат*, превзойти свои *прежние* результаты и т.д. Для иллюстрации вновь используем пример, который приводит Р. Мартенс. Допустим, вы – весьма средний игрок в теннис, но у вас появилась возможность сыграть с профессиональным теннисистом. Совершенно ясно, что выиграть вы не можете и что ваша цель совсем не в этом. Вы решаете про себя, что если сыграете сравнительно неплохо, то будете вполне удовлетворены, или что если вы выиграете два гейма в сете, то достигнете своей цели. При этом очевидно, что ваша цель совсем другая, чем у вашего противника.

С учетом отмеченных выше различий в процедуре сопоставления способностей в *системе* понятий, характеризующих эту процедуру, может быть введено понятие «*соревнование (соперничество)*». Данное понятие фиксирует две особенности данной процедуры:

- сопоставление качеств (способностей) осуществляется в *процессе борьбы* соперников;

- цель, которую участники этого процесса (по крайней мере один из них, если речь идет, например, о борьбе с силами природы) ставят перед собой в данном процессе, – добиться *превосходства* над своим соперником, быть *первым, лучшим* по сравнению с другими, одержать *победу* над ними.

Борьбу человека за превосходство многие исследователи рассматривают как важную особенность соревнования (соперничества). Так, Й. Хёйзинга в своей книге «*Номо Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры*» [Хёйзинга, 1992], рассматривая соперничество как основополагающий элемент культуры, связывает его со стремлением человека к *превосходству*. Д. Хиланд понимает соревнование как «совместное устремление к превосходству» соперничающих друг с другом лиц [Hyland, 1988, p. 237].

Значит, соревнование (соперничество) – *такое сравнение (сопоставление) определенных качеств (способностей) двух или нескольких противостоящих сторон (данного человека с другим, одной группы людей с другими и т.п., человека с какими-то силами природы, с идеальным эталоном, стандартом и т.д.), которое выступает как борьба за превосходство: стремление каждого из соперников (или хотя бы одного из них) быть первым, лучшим по сравнению с другими, превосходить других, одержать победу над ними*.

Важно учитывать диалектически противоречивый характер соревнования, о чем свидетельствует уже исходное значение термина «соревнование»: «*Со-ревнование*» (*competitio*) означает «совместное устремление к чему-либо» (“to question together, to strive together”). Данное слово означает, следовательно, «*совместное* стремление, то есть каждый участник достигает совершенства, которое не может быть достигнуто в одиночку, без общего устремления, без соревнования». Тот же смысл имеет и родственное слово «*со-стязание*» (“con-test”), т.е. «совместное испытание» [Hyland, 1988, p. 237; Kretchmar, 1975, p. 23–30].

Диалектическую природу соревнования отмечают другие авторы: «Качественную определенность соревнования... образует противоречивое двуединство: стремление пре-

взойти других и стремление помочь им в сфере одного и того же объективного аспекта деятельности... В основе стремления превзойти других лежит потребность отличить себя от других по отношению к одному и тому же объективному аспекту деятельности; в основе готовности помочь – потребность в отождествлении себя с другими участниками соревнования как представителями одного и того же целого – трудового коллектива...» [Социалистическое соревнование... 1978, с. 67–68].

Иногда к числу соревновательных ситуаций относят только такие, когда наряду с теми, кто сопоставляет свои способности, присутствуют *другие люди*, дающие оценку этому сопоставлению на основе определенного критерия. Как отмечено выше, такова, например, точка зрения Р. Мартенса. В отличие от него М. Шериф полагает, что состязание не требует присутствия таких лиц.

В системе понятий, используемых автором в данной книге, учитываются эти две существенно отличающиеся друг от друга ситуации процедуры сопоставления: в одной из них наряду с теми, кто сопоставляет свои способности, присутствуют *другие люди*, дающие оценку этому сопоставлению на основе определенного критерия; в другой таковые *отсутствуют*. Термин «соперничество» используется для обозначения как первой, так и второй ситуации (разумеется, при наличии других указанных выше признаков соперничества).

В рассмотренных выше определениях соперничества выделены и некоторые другие субъективные, а также объективные аспекты соперничества, которые учитываются и фиксируются в соответствующих понятиях. Это, к примеру, понятия *соревновательного (агонального) поведения, соревновательных отношений, мотивации соперничества* и др.

Представляет интерес мнение по обсуждаемому вопросу Г.Я. Головных. По его мнению, термины «состязание», «борьба», «соперничество» могут использоваться как синонимы. «Основной смысл здесь – преодолеть сопротивление противостоящих сил и в итоге достичь определенного результата, успеха, превосходства, победить». Он указывает и на некоторые нюансы в указанных понятиях: «Среди перечисленных понятий "соперничество" явно указывает на межсубъектный характер противостояния (см., например, толковый словарь Вл. Даля). В "борьбе" превалирует оттенок мужского соперничества, потому что ближе всего к нему стоит слово "война". "Состязание" вообще неопределенно в субъективном отношении, и потому при рассмотрении различных форм противоборства этот термин лучше использовать в самом широком смысле: для характеристики не только межсубъектных, но и субъект-предметных взаимодействий. Например, при характеристике противостояния ЭВМ и человека в каком-либо шахматном турнире точнее будет говорить о состязании между машиной и человеком, чем о соперничестве. Слово "борьба" можно использовать либо как синоним соперничества, либо для обозначения определенного вида спорта. "Соперничество" в этом случае выступает как самое разнообразное межсубъектное состязание. В этом же ряду стоит и слово "соревнование". Ближе всего оно к состязанию и соперничеству. Учитывая предыдущие рассуждения, я буду "соревнование" рассматривать как организованное, осуществляемое по строгим правилам соперничество» [Головных, 1998, с. 48]. В.М. Починкин соревнование рассматривает как «более высокую форму» по сравнению с состязанием [Починкин, 1997, с. 21].

## 8.2. Виды соперничества

При анализе соперничества важно учитывать, что в ходе эволюции общества оно принимает различные *исторические формы*, а вместе с тем приобретает специфические черты и особенности, выступая как элемент структуры различных *социальных систем, сфер общественной жизни* (материального производства, экономики, политики, права, образования, науки, искусства, техники, досуга и др.), *видов социальной деятельности*.

Так, например, в сфере *материального производства, экономики и политики* оно может выступать как соревнование различных социально-экономических систем, стран, государств, конкуренция производителей, банков, фирм и т.п., «социалистическое соревнование» и т.д.; в сфере *образования* – как соперничество учеников, а также педагогов и их учеников; в *познавательной деятельности* и в *науке* – как соперничество ученых [Хэгстром, 1980], конкурсы «знатоков» и т.п.; в *техническом творчестве* – как соперничество за приоритет в тех или иных технических достижениях; в *искусстве* – как соперничество (конкурсы) музыкантов, певцов, художников и т.д.; в *игровой деятельности* – как

соревновательные игры; в *спорте* – как спортивные соревнования; в *военной* сфере – как военные сражения и т.д.

Многообразие форм соперничества в этом плане прекрасно показал – в основном применительно к античной культуре – Й. Хёйзинга в своей книге «*Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры*» [Хёйзинга, 1992]. Он характеризует такие разнообразные формы соперничества, как спортивное соревнование, военное сражение, судебный процесс как «словесный поединок», средневековые диспуты, формы поэтических и музыкальных состязаний, состязания в изобразительном искусстве, философский диалог и др. Среди них много и весьма необычных – например, «потlach» («спор ради чести»), «завоевание престижа через демонстрацию своего богатства», «древнеарабские турниры чести», «греческие и древнегерманские состязания в хуле», «тяжба мужей», «состязание ради невесты», «эскимосское состязание на барабанах», «состязание в мудрости», «состязание в отгадывании загадок», «состязание в вопросах и ответах на жизнь и на смерть», «космос как борьба» и др. При этом все виды соперничества, все состязания Й. Хёйзинга относит к сфере *игровой* деятельности: «...на вопрос, правомерно ли подчинять состязание как таковое категории игры, можно положить руку на сердце дать утвердительный ответ» [Хёйзинга, 1992, с. 64].

Дж. Лой и Гр. Хескет, анализируя соперничество в структуре агональных социальных систем, обращают внимание на то, что исследование цивилизации выявляет несколько типов таких систем, сложившихся в различные исторические периоды и различающихся по культурному содержанию и географическим условиям. В частности, они различают «*чистый агон*» (“Pure Agon”), «*псевдоагон*» (“Pseudo Agon”) и современный спорт.

«*Чистый агон*» – это такие ритуальные состязания, которые:

- проводятся между равными соперниками;
- проводятся по определенным правилам;
- предполагают демонстрацию личной доблести;
- проводятся в определенное время и в определенном месте;
- имеют лимитированные цели;
- являются проверкой нравственности и социальной ценности человека;
- предусматривают определенные поощрения социального плана;
- управляются процессами, которые связаны с социальным престижем и ранжированием, признанием совершенства и приобретением славы.

Дж. Лой и Гр. Хескет считают, что особенно рельефно «чистый агон» представлен в так называемых воинственных обществах (“warrior societies”), которые сформировались в некоторых культурах в «героический» период «золотого века» (“Heroic” of “Golden age”)\* [McNamee, 1960; Sidhanta, 1929; Turvill, 1951]. В них преобладала воинственная культура и социальная структура, основанная на состязании. В данных типах общества «...военная деятельность являлась наиболее престижным средством выражения доблести, и так как она выражалась в соперничестве с теми индивидами, которые были вне данного племени (данной группы), то атлетические состязания являлись наиболее приемлемым средством выражения доблести среди членов племени (группы)» [Morford, Clark, 1976, p. 164].

Как отмечают Дж. Лой и Гр. Хескет, «воинственные общества» представляли собой «агональную социальную систему, так как их главной социокультурной характеристикой являлся дух конкуренции, выраженный в разнообразных агональных состязаниях – от игр до благородной войны, а также особое внимание уделялось самоутверждению, индивидуальному мастерству и поиску личной известности и славы» [Loy, Hesketh, 1984, p. 33]. Наиболее типичные «воинственные общества» они подразделяют на две группы. Первая группа включает в себя такие классические воинственные социальные структуры, как, например, Спарта в Древней Греции, рыцари эпохи Средневековья и самураи феодальной Японии; ко второй относятся племенные военные общества: например, зулусы в Южной Африке, древние бедуины на Ближнем Востоке, индейцы в Северной Америке в XIX веке. Социальная структура данных типов общества основывалась на системе состязаний, главным из которых была война.

---

\* «Золотой век» – это, по представлению многих древних народов, «самая ранняя пора человеческого существования, когда люди оставались вечно юными, не знали забот и огорчений, были подобны богам, но подвержены смерти, пришедшей к ним как сладкий сон» [Сов. энциклопедический словарь, 1980, с. 472].

В характеристике псевдоагона Дж. Лой и Гр. Хескет исходят из положения, которое сформулировали У. Морфорд и С. Кларк: «Из-за отсутствия адекватных средств выражения агональный образ жизни практически исчез в XV столетии» [Morford, Clark, 1976, p. 187]. Поэтому примеры «чистого агона», как отмечают Дж. Лой и Гр. Хескет, редко встречаются в современном обществе. Однако «...если принять во внимание теорию Й. Хейзинги о том, что рыцарский кодекс и героические ценности хотя и в меньшей степени, но все же волновали человеческий разум в течение долгого периода после исчезновения феодализма и дворянства...» [Anchor, 1978, p. 69], то можно найти элементы агона, пусть даже псевдоагона, в современных условиях.

Так, в современной американской культуре проявлениями наследия агона являются:

- акцент на достижении личного успеха;
- нацеленность на достижения и признание заслуг;
- забота о телесной культуре, молодежной культуре физической подготовленности;
- заинтересованность в военной мощи;
- противоречивое отношение к существующему в течение длительного времени культу мужественности;
- противоречивое отношение к оставшемуся аристократическому кодексу честной игры и спортивного духа (sportsmanship);
- противоречивое отношение к одержимости в занятиях спортом и в достижении спортивного успеха;
- противоречивое отношение к чувству собственного достоинства, социальному статусу, нравственным ценностям и к тому, что все-таки осталось от таких рыцарских качеств, как храбрость, мужество, честность и физическая доблесть [Loy, Hesketh, 1984, p. 44].

Как считают Дж. Лой и Гр. Хескет, наиболее четко остаточные явления агона выражены в современном обществе в институционализированных сферах деятельности, характеризующихся соревновательным поведением и заботой о престиже. Яркими образцами таких сфер деятельности являются *военная сфера, искусство, наука и спорт*.

При выделении разновидностей соперничества следует иметь в виду и разнообразие *элементов соревновательного отношения*. Дж. Лой, Б. Макферсон и Дж. Кеньон, характеризуя соперничество как «борьбу за превосходство между двумя или несколькими противостоящими сторонами» и интерпретируя это выражение как «отношения соперничества между людьми, а также другими объектами природы, как одушевленными, так и неодушевленными», указывают, что в соответствии с таким подходом элементами отношения соперничества могут быть:

- состязание между отдельными людьми, например, бой двух боксеров или бег на 100 м;
- соревнование между отдельными командами, например, хоккейный матч или парусная регата;
- состязание между отдельными людьми или командами с живыми объектами природы, например, бой быков или охота на оленей;
- состязание между человеком или командой с неодушевленными предметами природы, например, преодоление участка с порогами на каноэ или скалолазание;
- борьба отдельного человека или команды с некоторыми стандартными условиями или с идеальным эталоном (например, спортсмен, пытающийся установить новый мировой рекорд в беге на 1500 м; баскетбольная команда, которая пытается забросить в корзину противника рекордное количество мячей; соревнование человека с самим собой – так, в айкидо не допускаются поединки соперников; здесь оценивается уровень демонстрируемой техники при сопоставлении ее с идеальным эталоном).

Возможны и различные комбинации этих соревновательных ситуаций. Например, спортсмен, участвующий в кроссе, может быть одновременно включен в борьбу со всеми следующими элементами: как человек против человека, как член команды против команды соперников и как индивидуум или член команды против «идеального» стандарта (при желании побить рекорд кросса в личном или командном зачете) [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 8, 9].

Из категории соперничества не исключаются также *проводимые человеком* состязания между животными (например, конные скачки) или между животными и искусственной приманкой в виде животного (например, собачьи бега за «зайцем») [Loy, McPherson,

Керуон, 1978, р. 24]. Основанием для этого является положение П. Вайса о том, что «когда животные или машины состязаются в скорости, скорость становится косвенным доказательством высоких качеств человека как тренера, дрессировщика, наездника, водителя и т.д., т.е. главным образом подчеркивает превосходство человека и его умение управлять, а также выдвигать определенные суждения, стратегию и тактику» [цит. по: Loy, McPherson, Керуон, 1978, р. 24].

Г.Я. Головных предлагает различать два вида соперничества: «агонистику» – «соперничество в качестве игры» и «конкуренцию» – состязание, соперничество, которое ориентированно исключительно на практический успех. «Если на стороне агонистики свобода, то на стороне конкуренции – необходимость, выживание, стремление к успеху в утилитарной, практической сфере жизни» [Головных, 1998, с. 51].

При системном анализе видов соперничества важно учитывать и другие параметры (показатели), по которым они отличаются друг от друга, в том числе:

- наличие правил или их отсутствие;
- направленность соревнований (гуманные или антигуманные);
- предмет соперничества (например, соревнования, в которых сравниваются и демонстрируются двигательные, физические возможности человека, отличаются от соревнований в интеллекте, памяти, внимании и других психических способностях);
- мотивы участия в соревновании (достижение победы, удовольствие, общение и т.д.);
- продолжительность соревнований;
- включенность соревнования в разные виды деятельности (оно может быть элементом: трудовой, производственной, экономической деятельности – например, конкуренция фирм, банков; учебной деятельности – соревнования в учебе; познавательной и научно-исследовательской деятельности – например, конкурсы ученых; художественной деятельности – конкурс танцоров, музыкантов и т.п.; военной деятельности – военные сражения и т.д.);
- место соревновательной деятельности в той или иной общественной системе (например, в условиях социализма или капитализма) и др. [Брянкин, 1983; Визитей, 1979, 1980, 1986; Красников, 1989, 2003, 2007; Куторжевский, Смирнов, 1974; Надирашвили, 1976; Социалистическое соревнование... 1978; Социально-психологические... 1977; Теоретические проблемы... 1980; Хэгстром, 1980; Чернов, 1984; Loy, McPherson, Керуон, 1978].

Важное значение для решения ряда проблем гуманистической теории спорта имеет ответ на вопрос о том, свойственно ли соперничество «природе» человека.

### **8.3. Свойственно ли соперничество природе человека?**

Широко распространено мнение о том, что соревнование, состязательное отношение является атрибутом, свойственным самой *природе* человека и потому присущим ему на всей протяженности человеческой истории.

Еще многие античные философы, как отмечает Д. Хиланд, высказывали точку зрения, «что человек “по своей природе” существо соревновательное, под чем подразумевалось обычно, что тем или иным образом в наших творческих и деловых проектах, наших играх и наших любовных приключениях обязательно себя проявит “соревновательный инстинкт” [Hyland, 1988, р. 232]. Позднее Гоббс писал о «естественном состоянии» как о «войне всех против всех», а Гегель в своей знаменитой «Феноменологии духа» – об изначальной «борьбе до смерти», возникающей из желания признания.

Мнение о том, что соперничество присуще самой «природе» человека, постоянно высказывается и в настоящее время. Группа участников 27-й сессии Международной олимпийской академии при обсуждении роли и значения спортивного соревнования единодушно пришла к выводу, что «соревнования сами по себе свойственны природе человека» [Discussions... 1988, р. 254]. Данное мнение поддерживают и другие исследователи: «Соревнование появляется вместе с возникновением человеческого общества и выступает одной из высших характеристик сущности общественного человека» [Куторжевский, Смирнов, 1977, с. 13]; «...соревновательность – это весьма характерное и неотъемлемое свойство сущности человека» [Социально-психологические... 1977, с. 24]; «состязательность как неотъемлемый элемент деятельности человека, т.е. сопоставление результатов

своего труда по шкале "лучше – хуже", помогла ему не только выжить как биологическому виду миллионы лет назад, но и занять настоящее место в природе» [Починкин, 1997, с. 21]. Н.Н. Визитей отстаивает положение о том, что «соревновательность – неотъемлемый элемент бытия человеческой сущности, обязательный аспект любых человеческих взаимоотношений», что «любое человеческое качество, как качество человеческое, существует реально только в некотором сопоставлении (сравнительном, соревновательном контексте), в пространстве я – другой», что «соревнование – это универсальное общественное отношение», проявляющееся в процессе межличностного взаимодействия и т.д. [Визитей, 1979, 1980, 1986, 2006, 2009].

Такого рода мнение нуждается в существенном уточнении.

Во-первых, *не всякое сравнение, сопоставление в акте межличностного взаимодействия является соревнованием*. Как отмечено выше, человек, сравнивающий, сопоставляющий себя с другими, необязательно ориентируется на то, чтобы быть лучшим по сравнению с другими, одержать победу над ними. Возможны и реально существуют другие типы ориентации в этой ситуации. Сравнивая, сопоставляя себя с другими людьми, человек может вступать не в соревнование с ними, а действовать вместе с ними, сотрудничать с ними; он может занимать и просто пассивную позицию, желая оставаться самим собой, и т.д.

Кроме того, нужно иметь в виду, что иногда поведение людей в ситуации межличностного взаимодействия (например, ритуальное поведение первобытных людей и даже «соревнование» в античности) лишь по внешности напоминает соревнование, сходно с соревнованием, но по сути своей не является таковым [Пономарчук, Козлова, 2002].

Важно также учитывать результаты многочисленных социологических и культурологических исследований, которые показывают, что в различных социально-исторических условиях, в рамках различных культур соревновательность не только приобретает различные формы, но и вообще может отходить на задний план, уступая место ориентации на *кооперацию, сотрудничество*.

Для греческой и всей западной культуры характерна, например, позиция, выраженная в девизе: «Быть всегда впереди, быть лучше других», который отец Ахиллеса сформулировал для своего сына. Но есть культуры, где на первом плане совсем иные ценности. М. Эллисон, которая в течение ряда лет была президентом Международного комитета социологии спорта, указывает на культуру навахо, в системе ценностей которой «не следует пытаться опередить кого-либо или думать, что ты его лучше». Для иллюстрации она ссылается на эстафетные забеги у индейцев Амазонки, где никто не должен выиграть. Участники действуют на пределе своих сил, но в конце они должны одновременно и все вместе прийти к цели. Индейцы навахо при игре в баскетбол и в другие спортивные игры не ориентированы на конкуренцию или агрессию. Они играют, пока не упадут от бессилия, но не допускают агрессивных действий, поскольку не охвачены стремлением победить противника. В первую очередь они борются сами с собой [Allison, 1980, 1982].

Известны и другие аналогичные факты. Так, жителям Андалузии пришлось отказаться от проведения соревнований по футболу между деревнями. Значение, придаваемое таким понятиям, как честь и позор, особая их ценность не позволяют андалузцам терпеть поражение в игре, не прибегая впоследствии к жестокой мести уже за пределами игрового поля. В Центральной Америке индейцы племени Таракумара проводят забеги на 200 миль по сильно пересеченной, гористой местности, руководствуясь религиозными и ритуальными соображениями. Однако в организованном одним ученым забеге, где в качестве приза победителям должны были вручать одеяла, т.е. предметы, представляющие для местных жителей большую материальную ценность, обе команды договорились прекратить бег на 75-й миле, с тем чтобы одеяла были поровну разделены между всеми участниками. Некоторые народности, например, канадские эскимосы, особое значение всегда придают взаимопомощи. На эту ценность в первую очередь и ориентированы их игры, а спортивные игры и другие виды спорта, распространенные, например, у канадцев и американцев, они либо встречают с отвращением, либо принимают лишь как форму развлечения (так, каждая подача, удар или обмен ударами при игре в волейбол сопровождается у них скорее смехом и шутками, нежели обычными возгласами, выражающими радость успеха или горечь поражения) [Glassford, 1971; McIntosh, 1984 a].

Американский антрополог Маргарет Мид, которая в течение 40 лет изучала примитивные народы бассейна Тихого океана, в том числе их ориентацию на соревнование и

кооперативные отношения, пришла к выводу, что эта ориентация «в решающей степени зависит от социальных условий общества... а не представляет собой ответ организма на внешние ситуации, не определенные в отношении культуры». По ее наблюдениям, представители некоторых архаичных обществ (например, пуэбло-индейцы) «проводят соревнования без объявления победителя» или «вообще не проводят соревнований, и поэтому там вообще нет победителей» [Mead, 1961].

Ряд исследователей, анализируя традиционную игровую культуру Западной Суматры, указывают на то, что здесь важно не индивидуальное достижение, а установление различных связей, взаимодействия между играющими партнёрами. При этом нет противника, а есть «хорошие» и «плохие» игроки, а главным в игре является не максимальное количество голов или очков, т.е. не победа, а «удачное взаимодействие и взаимопонимание между игроками», «гармония движения, течения игры». Они объясняют это тем, что для жителей Западной Суматры жизненно важное значение имеют именно хорошие связи друг с другом, что и находит свое отражение в спорте [Eichberg, 1976, 1978, 1981; Pilz, 1984; Schmidt, 1983; Tetsch, 1978].

Таковы лишь некоторые примеры игровой культуры, которая более ориентирована на *сотрудничество*, нежели на *конкуренцию* и *соперничество*. Такая ее направленность вытекает из общественных ценностных ориентаций и культурных стандартов, в соответствии с которыми гуманные отношения людей друг с другом, гармония и сотрудничество ценятся выше, чем успех отдельных лиц, особенно успех тех, кто питает чувство превосходства над другими.

### Литература к гл. 8

1. Аверинцев С. (1989). Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. – № 3. – С. 11.
2. Античная агонистика и олимпизм. Хрестоматия: для студентов ин-тов физ. культуры / сост. К. Н. Ефременков. – Смоленск, 2002. – 254 с.
3. Аристотель (1978). Соч. в 4 т. – М.: Мысль. Т. 2.
4. Бахтин М.М. (1979). Эстетика словесного творчества. – М. – 424 с.
5. Билинский Бронислав (1998). Древнегреческие агоны: превосходство телесности и восхищение интеллектом // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. – М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 317-339.
6. Брянкин С.В. (1983). Структура и функции современного спорта. – М. – 71 с.
7. Визитей Н.Н. (1979). Социальная природа современного спорта. – Кишинев. – 84 с.
8. Визитей Н.Н. (1980). Образ жизни. Спорт. Личность. – Кишинев: Штиинца. – 160 с.
9. Визитей Н.Н. (1982). Спорт и эстетическая деятельность. – Кишинев: Штиинца. – 183 с.
10. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишинев: Штиинца. – 164 с.
11. Визитей Н.Н. (2006). Курс лекций по социологии спорта: учеб. пособие. – М.: Физическая культура. – 328 с.
12. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к коррективке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.
13. Головных Г.Я. (1998). Игра и спорт // Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов, вып. 2. – Смоленск. – С. 42-51.
14. Данилов Р.С. (2007). Состязательность как форма социального бытия человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов. – 21 с.
15. Зайцев А.И. (1985). Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. – Л.: ЛГУ. – 208 с.
16. Красников А.А. (1989). Состязание как основа специфики спорта. Типология спортивных состязаний: Лекция для слушателей ВШТ. – М.: ГЦОЛИФК. – 26 с.
17. Красников А.А. (2003). Проблемы общей теории спортивных состязаний. – М.: СпортАкадемПресс. – 324 с.
18. Красников А.А. (2007). Общая теория спортивных соревнований: проблемы и опыт их решения: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 51 с.
19. Куторжевский Г.А., Смирнов В.А. (1977). Социалистическое соревнование. – М.
20. Мартенс Р. (1979). Социальная психология и спорт. – М.: ФиС. – 176 с.
21. Надирашвили Ш.Ю. (1976). Психология соревнования. – Тбилиси.
22. Ницше Ф. (1990). Человеческое, слишком человеческое: соч. в 2-х т. – М.: Мысль. Т. 1.
23. Панченко А. (1984). Русская культура в канун Петровских реформ. – Л.: Наука.
24. Пономарчук В.А., Козлова В.С. (2002). Институт спорта (история и реалии). – Мн. – 266 с.

25. Починкин В.М. (1997). К вопросу об эволюции состязательной деятельности человека // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 21-22.
26. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – 1600 с.
27. Социалистическое соревнование. Вопросы теории и практики организации/ Под ред. И.И. Чангли. – М.: Наука, 1978.
28. Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. Под ред. Е.В. Шороховой. – М., 1977.
29. Хейзинга Йохан (1992). Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Изд. группа "прогресс", «Прогресс-Академия». – С. 5-240.
30. Хэгстром У. (1980). Соперничество в науке // Научная деятельность: структура и институты. – М.
31. Чернов К.Л. (1984). Актуальные аспекты теории спортивных соревнования. – Москва-Малаховка. – 50 с.
32. Allison M.T. (1980). Competition and co-operation. A sociocultural perspective // Int. Review of Sport Sociology. – v. 3-4 [15]. – P. 93-105.
33. Allison M.T. (1982). Basketball – wie ihn die AngloAmerikaner verstehen und die Navajos ihn spielen // Becker P. (Ed.): Sport und Sozialisation. – Reinbek. – P. 115-132.
34. Anchor R. (1978). History and play: Johan Huizinga and his critics // History and Theory. – v. 17 (1). – P. 63-93.
35. Church R.M. (1968). Applications of behavior theory to social psychology: Imitation and competition // E. C. Simmel, R. A. Hoppe, and G. A. Milton (eds.). Social Facilitation and Imitative Behavior. – Boston: Allyn & Bacon. – P. 135–168.
36. Discussions. Group III. Defining parameters of sports competition vs. sports participation for our youth in the spirit of Olympism // IOA. Report of the 27<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 254-256.
37. Druon M. (1982). The value of competition and its contribution to European culture // Report of the 21<sup>st</sup> Session of the I.O.A. – Athens. – P. 168-179.
38. Eichberg H. (1976). Zur historisch-kulturellen Relativität des Leistens in Spiel und Sport // Sportwissenschaft. – Nr. 6. – S. 1-27.
39. Eichberg H. (1978). Den einen Sport gibt es nicht – Das Beispiel West Sumatra // Tetsch E.J /Hrsg./ Sport und Kulturwandel. – Stuttgart.
40. Eichberg Henning (1981). The «unexplored areas» in Olympic sport // Bulletin N° 8 du 11 Congress Olympique de Baden-Baden. – P. 14-17, 68-71.
41. Festinger L.A. (1954). A theory of social comparison processes // Human Relations. – N 7. – P. 117–140.
42. Gallie W.B. (1956). Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – v. LVI. – P. 157-198.
43. Glassford G. (1971). The organization of games and adaptive strategies of the Canadian Eskimo // Luschen G. (ed.). Cross-cultural analysis of sport and games. – Stipes. Champaign.
44. Gouldner A.W. (1965). Enter Plato. Basic Books. – New York.
45. Greenberg P.J. (1952). The growth of competitiveness during childhood // R. G. Kuhlen and G. G. Thompson (eds.). Psychological Studies of Human Development. – New York: Appleton. – P.337–342.
46. Heckhausen H. (1974). Leistung und Chancengleichheit. – Gottingen.
47. Hyland Drew A. (1988). Competition and Friendship // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 231-239.
48. Kretchmar Scott (1975). From Test to Contest: An Analysis of Two Kinds of Counterpoint in Sport // Journal of the Philosophy of Sport. – v. II. – P. 23-30.
49. Loy J.W., Hesketh Graham L. (1984). The Agon Motif: A Prolegomenon for the Study of Agonetic Behavior // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 31-50.
50. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
51. MacAloon J. (1991). Are Olympic athletes professionals? Cultural categories and social control in US sport // The Business of Professional Sports / P. Staudohar, J. Mangan (eds.). Urbana and Chicago: University of Illinois Press. – P. 264-297.
52. Maehr M.L., Sjogren D.D. (1971). Atkinson's theory of achievement motivation: First step toward a theory of academic motivation? // Review of Educational Research. – N. 41. – P. 143–161.
53. Martens R., Landers D.M. (1969). Coaction effects on a muscular endurance task // Research Quarterly. – v. 40. – P. 733–737.
54. McIntosh P.C. (1984a). International Communication, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 276-284.
55. McNamee M.J. (1960). Honour and the epic hero. Holt, Rinehart and Winston. – New York.



56. Mead M. (1961). *Cooperation and Competition among Primitive Peoples*. – New York: Mc Graw – Hill.
57. Morford W.R., Clark S.J. (1976). The agon motif // Keogh, J. & Hutton, R.S. (eds.) *Exercise and Sport Sciences Reviews*, Journal Publishing Affiliates. Santa Barbara. – Vol. 4. – P. 169-193.
58. Pilz G. (1984). Zur gesellschaftlichen Bedingtheit von Sport und Gewalt // *Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung*. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn, S. 147-170.
59. Schmidt Th. (1983). Indonesien: Die Weiterentwicklung des Sports wird an westlichen Mustern ausgerichtet // *Sportpädagogik*. – Nr. 7. – S. 1-29.
60. Sherif C.W. (1971). The social context of competition: Paper presented at the Conference on Sport and Social Deviancy, State University of New York at Brockport. (December 1971).
61. Sidhanta N.K. (1929). *The heroic age of India*. – Kegan. London.
62. *Social problems in athletics: Essays in the Sociology of Sport* / Ed. by Landere D.M. – Urbana etc.: University of Illinois press, 1976.
63. Tetsch E.J. (Hrsg.). *Sport und Kulturwandel*. – Stuttgart, 1978.
64. Tumin M. (1967). *Social stratification*. Prentice-Hall. – New Jersey.
65. Turvill P.G. (1951). *The heroic age of Scandinavia*. – Hutchinson. London, 1951.
66. Veroff J. (1969). Social comparison and the development of achievement motivation // C. P. Smith (ed.), *Achievement-related Motives in Children*. – New York: Russel Sage, 1969. – P. 46–101.
67. Webster (1958). *Webster's new world dictionary of the American language*, (College Ed.). The World Publishing. – New York.

## Глава 9. Спорт как социальный феномен

Результаты проделанного выше анализа соперничества позволяют перейти к уточнению понятия «спорт».

### 9.1. Понятие спорта

Спорт – необычайно сложный и многосторонний социальный феномен. Поэтому существуют различные точки зрения на его природу, специфику: «Каждый по-своему понимает такое явление, как спорт, у каждого есть “свое” понятие о спорте, причем эти представления зачастую могут довольно-таки отличаться друг от друга» [Майнберг, 1995, с. 204].

Анализ определений спорта в многочисленных публикациях подтверждает справедливость этого утверждения. Приведем для иллюстрации несколько характеристик спорта в энциклопедиях и словарях: Всемирный энциклопедический словарь: «Спорт – игровое состязание или другое приятное времяпрепровождение, требующее некоторого мастерства и определенной физической тренировки» [The World... 2000]; английская энциклопедия: «Спорт – универсальная форма рекреации, одно из важнейших средств самоутверждения» [Encyclopedia Britanica, 2000]; французская энциклопедия Вебера трактует спорт «как деятельность в свободное время, целью которой является стремление человека к физическому совершенству, участию в состязаниях и подготовке к ним в соответствии с определенными правилами и установками, дающей возможность в дальнейшем стать спортсменом-профессионалом» [Encyclopedie thematique Weber, 1990]. Близкие друг другу определения спорта даются в Советском энциклопедическом словаре и в «Толковом словаре спортивных терминов»: «Спорт – составная часть физической культуры, средство и метод физического воспитания, система организации, подготовки и проведения соревнований по различным комплексам физических упражнений» [Сов. энциклопедический словарь, 1980, с. 1269]; спорт – «составная часть физической культуры, средство и метод физического воспитания человека; соревновательная деятельность, подготовка к ней, а также специфические отношения, нормы и достижения, связанные с этой деятельностью» [Толковый словарь... 1993, с. 278]. Комиссия по терминологии международного бюро документации и информации дает такое определение: спорт – «специфическая соревновательная деятельность, где интенсивно используются формы занятий физическими упражнениями с целью обеспечения человеку или коллективу совершенствования морфофункциональных и психических возможностей, концентрированно отраженных в высоком результате». В словаре Вебстера спорт определяется как «любая деятельность или опыт, который доставляет удовольствие или отдых. Эта активность в некоторой степени требует сильного физического напряжения и подчиняется ряду правил» [Webster, 1958]. В «Манифесте о спорте» под спортом понимается «всякая физическая деятельность, имеющая характер игры и предполагающая борьбу человека с самим собой, с другими людьми или с силами природы» [Манифест о спорте, 1971, с. 11].

Спорт понимается также как «игровая деятельность, направленная на раскрытие двигательных возможностей человека в условиях соперничества», как «исторически сложившаяся состязательная форма двигательной деятельности», как «система ценностей культуры двигательной деятельности и социальный институт ее развития, распространения и освоения», как «современная форма культурной двигательной активности», «культура двигательной деятельности, ориентированная на достижение высокой эффективности перемещения в пространстве», как «любая формализованная игра, требующая демонстрации физической силы» [Выдрин, 1980 б; Наталов, 1993, 1994; Loy, McPherson, Kenyon, 1978; Wohl, 1984 а]. Понятию «спорт» даются и другие определения [их обзор см. в: Гуджер, 2005; Доклады... 2007; Евстафьев, 1980, 1985; Материалы Всесоюзного симпозиума... 1974; Столяров, 1984 г, 2004 в, 2007 е; Meier, 1981].

Трудности в определении спорта иногда объясняют тем, что это – комплекс совершенно различных явлений, в которых трудно найти что-то общее. Существуют разнообразные виды и формы спорта: массовый спорт («спорт для всех»), спорт высших достижений, спорт для любителей, спорт для наживы, «народный» спорт, спорт для элиты, школьный спорт, спорт для лиц с ограниченными возможностями (инвалидов), спорт для реабилитации и т.д. В разных регионах и странах спорт имеет свои особенности. Определенные его качества изменяются и в ходе исторического развития. Некоторые исследователи на

этом основании делают вывод о том, что «спорт не поддается простому определению, так как включает в себя множество самых разнообразных видов деятельности, часто не имеющих ничего общего... Спорт – это собирательный термин, и в настоящее время он включает множество несопоставимых между собой форм деятельности» [Arnold, 1978, p. 45]. Другие исследователи полагают, что все более увеличивающийся процесс дифференциации спорта диктует необходимость его нового понимания (определения): «Представители спорта и науки о спорте в равной степени единодушны в том, что спорт за прошедшие годы прошел процесс увеличивающейся дифференциации и переживает его до сих пор. Будучи когда-то таким обозримым и прозрачным, в настоящее время мир спорта уступил место почти необозримому многообразию, которое не позволяет говорить о едином понимании термина “спорт”. *Общепринятое понимание спорта больше не соответствует разнообразию спортивного ландшафта. Настоятельно необходимым является новое определение, для того чтобы отразить ощутимые проблемы идентификации современного спорта* [Schulz, Allmer, 1988, s. 126].

Вместе с тем многообразие различных интерпретаций понятия «спорт» дает повод некоторым исследователям [см., например: Fielding, 1976, p. 125; Gallie, 1956, p. 167] относить данное понятие к числу «принципиально дискуссионных» нормативных понятий, т.е. таких понятий, которые якобы вообще не поддаются уточнению. С такой оценкой понятия «спорт», да и вообще с признанием «принципиально дискуссионных» понятий, как уже отмечено выше, вряд ли можно согласиться. Автором данной работы сформулированы логико-методологические принципы, которые позволяют унифицировать и такого рода понятия. Используем эти принципы при введении понятия «спорт».

Прежде всего следует отметить, что при всех разногласиях в понимании спорта большинство исследователей (особенно отечественных) к числу наиболее существенных признаков спорта относит *соревнование (соперничество)*. Вот примеры такого подхода к пониманию спорта: «Соревнование предопределяет специфику спорта как особой сферы деятельности... сфера спорта – специализированная социально-организованная система, которая образовалась вокруг соревнования (соревновательных проявлений)» [Брянкин, 1983, с. 5, 69]. «Спорт – это прежде всего соревнование... Спорт – соревновательная деятельность» [Визитей, 1986, с. 39]. «В настоящее время формальным признаком, отличающим спорт от других явлений, принято считать наличие *соревновательной деятельности*, представляющей собой неантагоническое соперничество, направленное на выявление превосходства одной из конкурирующих сторон в определенным образом регламентированных условиях» [Красников, 1989, с. 4]. «Сделать хорошо – значит сделать лучше другого, оказаться первым, показать себя первым. Для доказательства такого превосходства создается специальная сфера, ядром которой является соревнование, организованное соперничество. Эта сфера получила название – спорт» [Красников, 2003, с. 36]. «Характерной особенностью спорта является то, что он не мыслим без соревнований и состязаний. Последние включены в самую его природу, внутренне присущи ему. Он утратил бы свой смысл, если бы не было соревнований» [Кучевский, 1972, с. 5]. «Спорт – ...соревновательная деятельность, подготовка к ней, а также специфические отношения, нормы и достижения, связанные с этой деятельностью» [Толковый словарь... 1993, с. 278]. «Спорт представляет собой деятельность, базовой (ядерной) сущностью которой являются спортивные соревнования» [Чернов, 1984, с. 20]. «Идея борьбы или продолжительного усилия составляет главную сущность спорта. Эта идея означает непереносимое стремление сделать больше или лучше того, что уже было сделано другим или самим действующим лицом, иначе говоря: улучшить, сравняться, превзойти или победить, смотря по тому, что является объектом усилия» [Эбер, 1925, с. 9].

С.И. Филимонова в книге «Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности», в которой дан обоснованный целостный анализ этой проблемы, затрагивая вопрос о специфике спорта, пишет: «Уникальность положения человека в спорте состоит в том, что это единственная официальная сфера социальной деятельности, которая требует от индивида прежде всего вступить с другим индивидом в соревнование, правила которого оговорены заранее, и стремиться в этом соревновании выиграть». Конечно, отмечает она, межличностные соревнования имеют место и в других социальных сферах – в труде, искусстве, науке, политике и т.д. «Однако исключение состязательного момента из перечисленных выше видов деятельности не разрушит их сущности, поскольку он не является их специфической основой. Спортивная же деятельность

без своего главного составного элемента – соревнования – полностью утрачивает свой смысл и свою специфику» [Филимонова, 2004, с. 206, 207].

Рассматривая состязательность как существенный признак спорта, важно учитывать отмеченное выше *многообразие форм* и видов соревнования. В связи с этим возникает вопрос о том, какое соревнование следует считать спортивным – *любое* или какое-то *особое, специфическое*.

Данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных при характеристике спорта.

Многие исследователи не отличают *спортивное соревнование* – соперничество, присущее спорту, – от других форм состязания, т.е. *любую* соревновательную деятельность рассматривают как спортивную (по крайней мере не делают попытки отграничить спортивные состязания от каких-то других соревнований). Вот примеры такого подхода: «Спорт – соревновательная деятельность» [Визитей, 1986, с. 39]; Спорт – «любой вид состязания, выявляющий психофизические и интеллектуальные возможности индивидуума» [Ермак, 1999, с. 17]; «Основным стержнем в спорте – состязании всех видов, – является, как и в искусстве, игра» [Устиненко, 1989, с. 160]; «С ранних времен и до высших ступеней культурной деятельности одной из самых мощных пружин самосовершенствования выступает жажда похвалы и почестей за превосходство. Люди стремятся к удовлетворению от хорошо, красиво сделанного. Сделать хорошо – значит сделать лучше другого, оказаться первым, показать себя первым. Для доказательства такого превосходства создается специальная сфера, ядром которой является соревнование, организованное соперничество. Эта сфера получила название – спорт» [Красников, 2003, с. 36].

В терминологическом плане возможен вариант, при котором термин «*спортивное соревнование*» применяется для обозначения *любого* соревнования. Но такой вариант вряд ли целесообразен, поскольку противоречит сложившейся языковой практике и приводит к весьма существенным трудностям. При его последовательной реализации придется причислить к спорту не только футбол, волейбол и другие аналогичные соревнования, которые традиционно рассматриваются как спортивные, но и такие (например, производственные соревнования, конкуренция и даже военные сражения и уличные драки), которые никогда не относились к числу «спортивных». Поэтому при определении сущностных и специфических характеристик спорта важно решить вопрос о том, *какие именно* соревнования являются спортивными, какими основными чертами спортивное соревнование отличается от других соревнований.

По данному вопросу высказываются различные точки зрения.

Н.Н. Визитей, отходя от собственной позиции отождествления спорта с любым соперничеством, иногда пытается выяснить особенность тех соревнований, которое присущи спорту. К числу таких особенностей спортивного соревнования прежде всего он относит то, что «*это официальное, систематически возобновляющееся (повторяющееся), организованное в соответствии с принципом «честного соперничества», соревнование*». Однако, как отмечает сам Н.Н. Визитей, этих признаков недостаточно для отличения спортивного соревнования от других, так, «нетрудно привести примеры ряда официальных, регулярно проводимых соревнований, которые к спортивным видам деятельности не относятся» (например, «художественные конкурсные соревнования, а также состязания трудовые, производственные») [Визитей, 2006, с. 52]. К этому следует добавить, что и указываемый им признак спортивного соревнования – «*честное соперничество*» вряд ли является его существенным и специфическим качеством. Если термин «*честное*» понимать как соперничество в соответствии с правилами, то такой его характер в полной мере относится и ко многим другим соревнованиям, в том числе художественным конкурсам, трудовым соревнованиям и т.д. Если же этот термин понимать как соперничество в соответствии с нормами нравственности, то такая особенность соперничества также присуща многим другим (в том числе указанным выше) соревнованиям, а самое главное, вряд ли свойственна многим спортивным соревнованиям (особенно в спорте высших достижений и профессиональном спорте).

Пытаясь решить эту проблему, Н.Н. Визитей в одной из своих ранних работ основное существенное качество спортивного соревнования усматривает в следующем: «Характерной чертой спортивной деятельности является то, что соревновательная борьба в ней представлена в наиболее чистом виде». Он так разъясняет это не совсем понятное утверждение: «Спорт не может существовать без соревнования, и если спортивную деятель-

ность лишить (в нашем воображении) соревновательного характера, то перед нами останется не полноценная человеческая деятельность, а бессмыслица (у футбольной команды или боксера «отняли» соперника) или просто некоторое движение как таковое, как физиологический в конечном счете акт». Именно этим, по его мнению, спортивные соревнования отличаются «от любого иного официального соревнования», «например, от конкурсных соревнований в сфере исполнительской художественной деятельности или от производственного социалистического соревнования: и здесь, и там устранение соревновательной ситуации всегда оставляет нам полноценную социальную деятельность (производственный труд, исполнительское творчество), которая вполне может существовать и часто существует без каких-либо официально организуемых соревнований» [Визитей, 1979, с. 33, 34, 39]. Тот же аргумент Н.Н. Визитей повторяет и в более поздних работах: «Лишение спорта официального соревновательного момента *полностью подрывает*, по сути, возможность данному процессу (данному случаю человеческой активности) выступить в качестве какой бы то ни было полноценной социальной деятельности или во всяком случае предельно ослабляет такого рода его способность. Чаще всего перед нами в таких обстоятельствах остаются просто бессмысленные действия. Спорт в силу сказанного можно определить как *«чисто соревновательную» деятельность, или как самую соревновательную деятельность из всех официально организуемых, регулярно повторяющихся соревнований»* [Визитей, 2006, с. 53–54, 62; 2009, с. 156–157].

С такой аргументацией трудно согласиться. Устранение соревновательной ситуации в спорте приводит к тому, что он перестает быть спортом, если соревновательность рассматривать как его существенное и специфическое качество. На это справедливо указывает С.А. Филимонова (см. выше). Но устранение соревновательной ситуации в спортивной деятельности не приводит к ее превращению в «бессмыслицу» или простой «физиологический» акт. В этом случае она просто преобразуется в определенную *несоревновательную* деятельность, которая может выступать как игра, как средство физического воспитания, отдыха, развлечения и т.д. (например, игра с мячом в футболе, бег в легкой атлетике).

И уж совсем непонятна та оговорка, которую Н.Н. Визитей делает по поводу обсуждаемой проблемы в одной из последних его работ. Подводя итоги анализу сущностных особенностей спорта и спортивного соревнования, он пишет: «Подведем некоторый итог анализу, который мы провели. Что же такое спорт? Спорт – это официальная, организованная в соответствии с принципом «честного соперничества», регулярно повторяющаяся деятельность, которая в основе своей имеет соревновательную ситуацию и которая в качестве соревновательной деятельности самодостаточна. Такова, можно сказать, расширенная дефиниция понятия «спорт» (напомним, что речь идет о спорте высших достижений)» [Визитей, 2009, с. 157]. Из последней фразы следует, что данная характеристика относится только к спорту высших достижений. Но ведь все время речь шла не только об этой разновидности спорта, а о спорте и спортивном соревновании вообще. И еще одно: разве эти особенности отличают спорт высших достижений от других разновидностей спорта (например, от спорта для всех)? Общеизвестно, что главная особенность спорта высших достижений состоит в том, что в нем на первом плане стоит победа, установление рекорда в соревновании, тогда как, например, в спорте для всех на первом плане отдых, развлечение, общение и т.д.

Другие исследователи при характеристике специфики спортивных соревнований и спорта в целом часто подчеркивают их связь с *движениями* человека. «Спортивными» считают соревнования в *двигательной* деятельности, т.е. такие, которые имеют своей целью выявление, сравнение, развитие и демонстрацию *двигательных* возможностей человека, его физических качеств и способностей. Так, С. Кретчмар к числу основных форм проявления движений человека относит спорт, танцы, физические упражнения, спортивные и подвижные игры [Kretchmar, 1994, р. XVIII]. В некоторых публикациях спорт характеризуется как «игровая деятельность, направленная на раскрытие двигательных возможностей человека в условиях соперничества», как «исторически сложившаяся состязательная форма двигательной деятельности», как «система ценностей культуры двигательной деятельности и социальный институт ее развития, распространения и освоения», как «современная форма культурной двигательной активности», «культура двигательной деятельности, ориентированная на достижение высокой эффективности перемещения в пространстве», как «любая формализованная игра, требующая демонстрации физической силы» [Выдрин, 1980 б; Наталов, 1976, 1993, 1994; Loy, McPherson, Kenyon, 1978; Wohl,

1981 б, 1984 а]. К. Хайнеман во «Введении в социологию спорта» выделяет следующие особенности спорта: «Спорт является физическим движением, движением тела; спорт подчиняется принципу высших достижений; спорт регулируется социальными нормами; спорт непродуктивен» [Heinemann, 1980 а, s. 32].

К такому же пониманию спортивного соревнования приводит и широко распространенная в отечественной науке точка зрения, согласно которой спорт понимается как элемент физической культуры, даже как «один из эталонных видов физической культуры», «искусство преобразования и совершенствования человеческой телесности» [Ибрагимов, 2011, с. 93] или как «определенная совокупность физических упражнений в единстве со специфическими общественными отношениями, являющаяся составной частью сферы культуры» [Григорьянц, 2005, с. 13].

В терминологическом плане такого рода характеристика спортивных соревнований возможна, но нецелесообразна хотя бы потому, что из числа спортивных придется исключить шахматы, шашки и другие аналогичные соревнования, которые традиционно включаются в мир спорта.

Американский социолог Х. Ибрахим в понимании спортивного соревнования исходит из такого определения спорта: «Спорт, свойственная человеку форма самовыражения, развивается из кинетической игры и санкционируется культурами как свободная деятельность. Спортивные цели достигаются в ситуации соперничества, в рамках серии правил, по поводу которых существует предварительное соглашение, т.е. правил, выносимых на третейский суд». В соответствии с таким подходом к числу необходимых условий спорта (а значит, и спортивного соревнования) он относит самовыражение, соревнование и наличие третейского суда, а к числу достаточных условий его существования: 1) игру, которая рассматривается как единственная теоретическая предпосылка спортивной ситуации и 2) кинетическое участие, что предусматривает и спортивного зрителя [Ibrahim, 1975, с. 27, 28].

Некоторые авторы к числу существенных особенностей спортивного соревнования наряду с указанными выше относят такие его черты, как «непродуктивный» характер и подчинение «принципу высших достижений» [Воронин, 2003; Heinemann, 1980 а], игровой характер деятельности в спорте [Кайуа, 2007; Люшен, 1979; Пономарев, 1972] и т.д.

Ссылка при характеристике спортивного соревнования на указанные выше его особенности, по-видимому, также требует уточнения и дополнения. Ведь одни из них (например, наличие правил, гуманная направленность) не являются специфическими для спортивного соревнования, а другие (например, игровой характер спортивной деятельности) не присущи некоторым ее разновидностям (например, спорту высших достижений).

Итак, попытаемся ответить на вопросы о том, что такое спортивные соревнования и чем они отличаются от других соревнований\*.

Ответ на эти вопросы существенно облегчается, если обратиться к роли и значению соперничества людей в тех или иных жизненных ситуациях.

Соперничество, безусловно, играет определенную *позитивную роль* в жизни людей [Соревнование и конкуренция... 1971]. Как отмечено выше, при определенных условиях оно позволяет человеку сравнить, сопоставить свои способности с другими людьми, выяснить, в чем он превосходит их или, напротив, уступает им. Тем самым состязание побуждает людей к активности, к формированию, развитию, совершенствованию своих способностей. Напомним известные слова К. Маркса: «...еже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...» [Маркс, 1980, с. 337].

Но соперничество может иметь и *негативные* последствия. В разнообразных формах состязания, борьбы, конфликтов, постоянно возникающих в жизни людей, соперничество нередко унижает достоинство личности, наносит вред здоровью и даже заканчивается трагически, по крайней мере для одной из соперничающих сторон. Наиболее ярким примером соперничества с таким его последствием является война. Кроме того? во многих жизненных ситуациях – например, в процессе трудовой или познавательной деятельности

---

\* Заметим, что иногда в число существенных признаков спорта включают такие черты, которые свойственны лишь какой-то его разновидности (например, только спорту высших достижений) или исторической форме (например, только современному спорту).

людей – затрудняется объективная сравнительная оценка способностей, поскольку у разных людей их деятельность, как правило, проходит в различных условиях.

В связи с этим издавна возникла важная социальная задача: найти пути, формы, методы для того, чтобы сохранить, максимально полно использовать *позитивные* стороны соперничества, устранить (хотя бы смягчить) его *негативные* стороны, т.е. содействовать *гуманизации соперничества* (повышению его гуманистической ценности для личности и отношений между людьми).

Предпринимались и предпринимаются разнообразные попытки решения этой задачи. Чтобы придать военным сражениям более «гуманный» характер, запрещается, например, использование определенных видов вооружения.

Некоторые черты «гуманности» по сравнению с обычным военным сражением имеет дуэль. Как пишет по этому поводу Х. фон Кроков? «дуэль уже сама по себе является средством для обуздания насилия, причем двойственным образом. С одной стороны, она желает монополизировать право на насилие для высших слоев. С другой стороны, она ритуализирует насилие. Уже дерутся не в порыве мгновения, а вежливо договариваются на следующее утро для того, чтобы в присутствии секундантов в борьбе разрешить конфликт» [Krockow, 1980, s. 44]. Организация дуэли в Западной Европе, как отмечает А.Н. Круглов, «предполагала в большинстве случаев максимально достижимое равенство возможностей, шансов противников, ибо только в этом случае исход поединка мог считаться справедливым». Для иллюстрации он приводит несколько правил дуэли на холодном оружии из русского руководства начала XX века: «Если один из противников не владеет холодным оружием, ему дается срок (3-4 месяца) для изучения дуэльного боя, причем в этот промежуток времени противник его не имеет права практиковаться»; «На месте секунданты наблюдают, чтобы шансы противников были равны: грунт, освещение, оружие и пр.» [Круглов, 2000, с. 170].

Определенные писанные и неписанные правила, нормы поведения вводятся и в других видах соперничества (к примеру, юридические нормы конкуренции, правило «лежачего не бьют» в русской народной рукопашной битве «стенка на стенку») и т.д.

Все это не позволяло в полной мере решить указанную проблему гуманизации соперничества.

Однако в ходе поисков был найден магистральный путь ее решения: замена *обычных* соревновательных ситуаций жизнедеятельности людей на такие *искусственно созданные*, которые должны отвечать следующим основным *требованиям*:

- по возможности *обезопасить* участников соперничества от трагических последствий, от нанесения вреда их здоровью, от унижения достоинства их личности, а значит, сделать соперничество *гуманным*;

- создать для соперников *равные условия* и тем самым обеспечить возможность *унифицированного сравнения, объективной оценки* их способностей.

Социальный «механизм» создания такого рода искусственных ситуаций соперничества предусматривает следующее:

- *предметы*, с которыми действуют в обычных жизненных ситуациях соперничества и которые имеют определенное утилитарное (прикладное) значение, заменяются на иные («условные», «игрушечные»), не имеющие такого значения и приспособленные для указанных целей;

- соответствующим образом модифицируется само *место (пространство)* соперничества;

- формулируются определенные *правила*, уточняющие, что можно делать соперникам и что им запрещено (правила-запреты);

- вводятся особые лица (*судьи*), обеспечивающие соблюдение данных правил и дающие оценку выступлению участников соревнования.

Все эти изменения позволяют использовать соперничество в широких социокультурных целях, для решения комплекса социально-педагогических задач, т.е. содействуют повышению его значения для личности и общества в целом.

В рамках такой организации соперничества людей и возникают *спортивные* соревнования. Они проходят в искусственно созданных ситуациях, отвечающих указанным требованиям, предусматривают соблюдение определенных правил, в том числе правил-запретов, а также наличие судей, объективно оценивающих те или иные способности соперников.

Значит, по отношению к обычным жизненным соревновательным ситуациям спортивное соревнование выступает как их *гуманная модель*. Ее гуманность состоит в том, что в соперничестве не ставится задача ранить, уничтожить соперника, унижить его достоинство, все соперники действуют в одинаковых условиях, по одним и тем же правилам, и само соперничество призвано дать им возможность объективно оценить свои способности и содействовать развитию их личностных качеств.

Именно этими качествами, например, спортивное соревнование в боксе отличается от уличной драки, а спортивное фехтование как один из видов спорта – от боевого фехтования, настоящего, или утилитарного, боя, который А.Н. Круглов подразделяет на «сражение, поединок без правил и на поединок по определенным правилам (дуэль)». При этом он указывает, что «точка зрения А. Люгарра, высказанная им в начале XX в., выражает промежуточную ступень движения от боевого фехтования к фехтованию спортивному. А. Люгарр выделяет три элемента в фехтовании: гимнастику (приспособление себя к основным движениям тела и оружия), искусство (легкое, пластичное, красивое применение на практике того, что дает гимнастика и теория фехтования) и, наконец, науку. К последней он относит «все касающееся в фехтовании ума и сознания: изучение общей схемы боя, понятие сущности тактики нападения и защиты, усвоение этики фехтования, выяснение себе значений ответных и, главное, контрответных ударов, глубокое знание комбинаций защит с атаками, умение быстро изучить противника, его тактику, его нервы и характер» [Круглов, 2000, с. 186].

История возникновения и развития наиболее популярной спортивной игры – *футбола* показывает, например, как постепенно в ходе исторического развития формируется соперничество, обладающее указанными особенностями. В начале своего развития (около 200 лет назад) футбол был грубой игрой. Каждый игрок действовал как ему заблагорассудится, и во многих случаях футбол был ничем иным, как проявлением неограниченной агрессивности. Это приводило ко все более серьезным травмам. Неудивительно, что в этих условиях общество осуждало футбол как варварскую игру. В Англии в этот период футбольные команды часто сравнивались с первобытными ордами, сметающими все на своем пути [Штемме, 1981, с. 21]. Для смягчения агрессивных импульсов и контроля за социальными конфликтами посредством известной формы дисциплины в футболе возникла потребность учредить комплекс правил. Эти правила должны были отвечать ряду требований: 1) быть достаточно простыми; 2) не лишать игру интереса; 3) соблюдаться всегда и полностью. Такие правила были введены в Англии примерно в 1850 г. Это соответствовало духу того времени: общество стремилось ограничить грубость и насилие не только в футболе, но и во всех областях жизни. В результате введения правил футбол претерпел существенную модификацию. Из динамической формы деятельности, в которой конфликты между индивидами и группами разрешались силой или угрозой нанесения ущерба другой стороне, он был преобразован в цивилизованную «отдушину» для агрессивности и межгрупповой напряженности. Тем самым было положено начало тому футболу, который всем нам ныне знаком. В Америке развивается футбол, отличный от европейского. Первоначально он также был неразрывно связан с увечьями игроков. И только в 1905 г., когда во время футбольных матчей погибли 18 человек и 159 получили серьезные увечья, президент Рузвельт распорядился принять меры, ограждающие жизнь и здоровье спортсменов. Под его нажимом в правила игры были внесены некоторые изменения [Штемме, 1981; Dunning, 1971].

Аналогичная модификация соперничества характерна для *бокса*, который появился в Америке в 1750 г. Длительное время он был «кровавым» спортом, так как противники выступали без перчаток, а схватки продолжались по 45, а то и более раундов и заканчивались, когда один из жестоко избитых соперников сдавался или валился замертво. Широкие протесты общественности заставили конгресс подготовить закон о полном запрещении бокса по всей стране. Лишь после введения в 1896 г. правил маркиза Куинсбери бокс стал более или менее «цивилизованным» [Киселев, 1986; Reeks, 1985].

На аналогичную модификацию соперничества применительно к *спортивной борьбе* в ходе ее истории указывает Н. Элиас в своей работе «Генезис спорта как социологическая проблема». Так, согласно правилам Олимпийских игр от января 1967 г. в борьбе свободного стиля запрещены определенные приемы, такие как захваты с удушением, двойной нельсон с давлением использованием ноги как нарушение правил, удар кулаком, подножка, удар в голову. Борьба продолжается не более девяти минут и проходит три раунда



по три минуты с одномоментной паузой; контроль производится судьей на ринге, тремя судьями по очкам и одним секундометристом. Борьба на ринге в Древней Греции не была организована и регламентирована в такой высокой степени. Хотя там и имелся судья, но не было секундометриста и временных ограничений. Борьба продолжалась так долго, пока один из противников не сдавался. Прежде чем судья мог разнять противников в пылу схватки, уже могли быть использованы запрещенные приемы. Тогда не было разделения на различные весовые категории, единственное отличие существовало между мальчиками и мужчинами» [Elias, 1971, p. 89–91]. Сходный процесс имел место в отношении и других видов спорта [Donnelly, Young, 1985; Dunning, 1979; Petryszak, 1977].

Отдельные указанные выше существенные признаки спортивных соревнований отмечают многие исследователи. Практически все исследователи при характеристике спортивных соревнований подчеркивают наличие *правил* в этом соперничестве. Так, Дж. Липец (Польша) считает, что спорт является формой борьбы, но борьбы, оговоренной правилами, определенными средствами. Мы не знаем, отмечает он, кто, в конечном счете, добьется успеха на стометровке, но мы не сомневаемся, что в этой игре конкуренты начнут дистанцию в одной и той же точке, в одно и то же время, что они будут следовать по своим дорожкам по финишной линии и время будет измерено для них согласно общему расчету. Никто не знает результат футбольного матча, потому что, пока мяч находится в игре, может случиться все что угодно. Известно, что игроки должны избегать игры рукой, что главными очками в игре являются голы, а не число поданных угловых, что за фолы пробиваются штрафные и что гол не может быть забит из аута. Мы не знаем, какой тяжелоатлет победит, но мы заранее можем сказать, что это будет тот, у кого сумма поднятого веса будет больше, чем у соперников, а если таковой будет равным, победа будет присуждаться тому, кто меньше весит. Лучшим пловцом вольного стиля окажется не тот, кто задержит под водой большее количество соперников, а тот, кто, плывая по своей дорожке, наиболее эффективно преодолел данное расстояние за более короткое время, чем остальные соперники [Lipiec, 1999a].

Авторы многих работ подчеркивают «гуманный» («гуманизированный») характер спортивного соревнования – по сравнению с соревнованиями в обычных жизненных ситуациях [см., например: Боген, 1989; Григорьянц, 2005; Демин, 1975; Ермак, 1999; Матвеев, 1991, 1997, 2001; Elliot, 1974; Lipiec, 1999a и др.]. Так, Г. Люшен указывает на то, что благодаря развитию в институциональных рамках (правила соревнования, провозглашаемые и неявные договоры, ограничивающие пространственные и временные условия) спорт превращается в развлечение и удовольствие, которое более не ведет к уничтожению проигравшего; само же соревнование оказывается наполненным напряжением и риском [Philosophie des Sports, 1973, s. 127]. Н. Элиас и Э. Даннинг отмечают, что благодаря принятию правил, вписывающих состязания в определенные – свои для каждого вида спорта – рамки, за которые участники обязуются не выходить, жестокость, в прошлом неизменно сопутствовавшая спорту, постепенно была смягчена; кроме того, были выработаны запреты на упражнения, сопряженные со слишком большой опасностью [Elias, Dunning, 1986]. Д. Моррис считал, что человеку изначально присущ охотничий инстинкт, и рассматривал спортивную активность как такую существенно модифицированную форму охоты, в которой изначальная цель убийства животного заменяется символической – победить. Проводя различие между воинственно кровавым спортом прошлого столетия и бескровным спортом современного человека, он подчеркивал важное значение современного спорта как активность, уменьшающую шансы развязывания войны [Morris, 1978].

Л.П. Матвеев возникновение спортивной деятельности связывает с тем, что «противоборствующее начало в ней гуманизировалось и обретало неантагонистический характер». Он обращает внимание на то, что «гуманные основы спортивного движения обязывают включать в сферу спорта лишь те виды действий и типы поведения, которые выявляют жизненно ценные свойства индивида и способствуют утверждению достоинств личности», и подчеркивает, что «с этих позиций принципиально недопустимы все еще предпринимаемые кое-кем попытки придать статус “видов спорта” потешным состязаниям типа тех, какие по сути унижают достоинство человека и чреватые ущербом для здоровья (к примеру, таким, как состязания... в плевках на дальность или на рекорд в поглощении пива)» [Матвеев, 1997, с. 9, 11]. Р. Эллиот считает, что спорт – «область состязаний, в которой реальный ущерб избегается, а реванш за поражение можно взять только на этих же условиях» [Elliot, 1974, p. 116].

Ряд исследователей возникновения спорта связывают с переходом от такого способа разрешения внутренних межличностных и групповых конфликтов, который предусматривал применение военных средств и обычно заканчивался уничтожением одного из соперников, к использованию для этой цели мирного противоборства и состязательных игр [Боген, 1989; Демин, 1975; Ермак, Пилюян, 1997]. Обращается внимание и на то, что гуманность спортивного соревнования связана с его игровым характером: «Основным стержнем в спорте... является, как и в искусстве, игра... С потерей игры он превратился бы просто в конфликт, разрешаемый с позиций силы» [Устиненко, 1989, с. 160].

Роже Кайуа в книге «Игры и люди» при характеристике спортивного соревнования (агона) как особой разновидности игры обращает внимание на искусственно создаваемое равенство шансов в этом соперничестве: «Агон. – Целая группа игр представляет собой состязание, то есть борьбу, где искусственно создается равенство шансов и противники сталкиваются друг с другом в идеальных условиях, обеспечивающих точную и неоспоримую оценку одержанной победы. То есть во всех таких случаях имеет место соперничество, нацеленное на какое-то одно качество (быстроту, выносливость, силу, память, ловкость, хитрость и т.д.), применяемое в определенных рамках и без всякой помощи со стороны, так что победивший оказывается лучшим в данной категории достижений. Таково правило спортивных соревнований и их многочисленных подразделений, где сталкиваются друг с другом два индивида или две команды (поло, теннис, футбол, бокс, фехтование и т.д.) или же неопределенное число конкурентов (всевозможные гонки, соревнования по стрельбе, гольф, атлетика и т.д.). К тому же классу относятся и игры, в которых противники располагают вначале точно одинаковыми по числу и ценности исходными ресурсами. Отличными примерами могут служить шашки, шахматы, бильярд». Однако под спортивным соревнованием он понимает лишь «мышечный агон» – соревнование, в котором сопоставляются физические качества: «Главным принципом соперничества с очевидностью является исходное равенство шансов, так что для игроков разного класса его даже восстанавливают с помощью форы, то есть в рамках изначально установленного равенства шансов вводится некое вторичное неравенство, пропорциональное предполагаемому соотношению сил между участниками. Показательно, что такой обычай существует как для мышечного агон'a (спортивных соревнований), так и для агон'a умственного (например, в шахматах, где слабейшему игроку дают вперед лишнюю пешку, коня, ладью)» [Кайуа, 2007, с. 52–53]

Итак, спортивное соревнование – это соревнование, которое проходит не в обычных жизненных ситуациях, а в *особых искусственно созданных условных ситуациях*, которые создаются, чтобы:

а) *обезопасить* участников соперничества от трагических последствий, от нанесения вреда их здоровью, от унижения достоинства их личности, а значит, сделать соперничество *гуманным*;

б) создать для соперников *равные условия* и тем самым обеспечить возможность *унифицированного сравнения, объективной оценки* их способностей.

Такая организация спортивного соперничества предполагает введение определенных *правил* и особых лиц (судей), обеспечивающих их соблюдение и оценивающих результаты соперничества.

Следует иметь в виду, что *в связи с введением ряда понятий в определенной системе понятий может возникнуть необходимость уточнения (коррекции) такого понимания спортивного соревнования*.

Отметим две ситуации такого рода.

1. Характеризуя спортивное соревнование как соперничество, которое проходит не в обычных, а в *особых искусственно созданных условных ситуациях*, следует иметь в виду, что такое соперничество может быть организовано по-разному.

Во-первых, оно может иметь различную *ценностную ориентацию* (идеологию, парадигму): гуманистическую (т.е. ориентированную на реализацию в соперничестве и посредством него гуманистических идеалов и ценностей) или антигуманистическую, которая противоречит этим идеалам и ценностям.

Во-вторых, возможны различные *принципы конкретной организации* соперничества: подход к выбору его программы, системы определения победителей, состава участников и т.д.

Так, например:

- программа соревнования может быть сориентирована на односторонние или разносторонние способности участников;
- система поощрения победителей может быть только моральной или также и материальной;
- состав участников может быть ограничен лицами определенного пола, возраста, подготовленности и т.д., а может не иметь таких ограничений.

Для отображения этих особенностей организации соперничества автор данной работы использует введенное им понятие **«способ (форма, модель) соперничества»**. Оно характеризует, во-первых, *общую ценностную ориентацию (идеологию, парадигму)* организации соперничества в отношении отдельной личности и социальных отношений и, во-вторых, *принципы его конкретной организации* – подход к формированию программы соревнования и способа его проведения, состава участников, системы выявления и поощрения победителей (тех ценностей, норм и образцов поведения, которые поощряются в ходе соревнования, характера этих поощрений – например, будут ли они только моральными или также и материальными и т.д.) [Столяров, 1997 в, 1998 б, г, и, 2000 г, 2001 д, 2002 б, 2004 д и др.].

В связи с введением в общую систему понятий данного понятия возникает необходимость уточнения понятия спортивного соревнования: будет ли оно пониматься как соперничество в искусственно созданных, условных ситуациях *независимо* от используемого при этом способа организации соперничества или же как предполагающее какой-то *определенный* способ его организации.

В системе понятий, используемых в данной работе, выбирается *первый* вариант, но при этом учитывается возможность применения на спортивных соревнованиях *различных* способов (форм, моделей) организации соперничества.

2. Еще одна необходимость уточнения понятия спортивного соревнования возникает, если учитывать широко используемый в языковой практике термин **«художественный конкурс»**, применяемый для обозначения определенного вида соревнования. Здесь также возможны два варианта: а) считать художественный конкурс разновидностью спортивного соревнования; б) отличать спортивное соревнование от художественного конкурса.

В системе понятий, используемых в данной работе, выбирается второй вариант. При этом учитывается, что художественные конкурсы тесно связаны с художественной деятельностью, цель которой – создание творческих, соответствующих эстетическим ценностям *художественных образов* (подробнее см. ниже). В соответствии с этим под **художественным конкурсом** понимается такое соперничество в искусственно созданных, условных ситуациях, основная цель которого – сопоставить, сравнить и оценить *художественное мастерство* участников – их способность *создавать художественные образы*, соответствующие определенному оригиналу – например, соревнования на лучшего актера театра или кино. При такой интерпретации термина и соответствующего понятия «художественный конкурс» к числу важных и специфических признаков спортивных соревнований следует признать то обстоятельство, что предметом этих соревнований *не является художественное мастерство*, способность создавать художественные образы.

Такое уточнение и связанные с ним абстракции необходимы по двум причинам. С *содержательной* (главной) точки зрения они нужны для разграничения двух указанных выше форм соперничества в искусственно созданных ситуациях и соответствующих видов соревнований. С *терминологической* точки зрения они необходимы для отличения и выделения специфического значения двух терминов – «спортивное соревнование» и «художественный конкурс», которые в равной степени широко употребляются и в практике повседневного общения, и в научном исследовании.

Конечно, следует иметь в виду принципиальную возможность и реальные случаи проведения *комплексных соревнований*, в которых сравнивается и оценивается как спортивное, так и художественное мастерство участников. Примером таких соревнований являются Спартианские игры (см. раздел 24.5 данной работы).

В отечественной литературе принято различать понятие «спорт» в *узком* и *широком* смыслах [Матвеев, 1991].

Понятие «спорт» в *узком смысле* выделяет особую (охарактеризованную выше) соревновательную деятельность, спортивное соревнование.

Понятие «спорт» («спортивная деятельность») в *широком смысле* характеризует весь комплекс социальных явлений, складывающихся на основе спортивных соревнований и в связи с ними. К их числу относятся: подготовка к спортивным соревнованиям, спортивные результаты и достижения, определенные отношения, а также нормы и принципы поведения, складывающиеся в ходе этих соревнований и подготовки к ним, спортивное движение и т.д. Подробная характеристика всех этих явлений дается в теории спорта на основе введения соответствующих понятий. Значит, «в широком смысле понятие “спорт” охватывает собственно соревновательную деятельность, специальную подготовку к ней, а также специфические межчеловеческие отношения и поведенческие нормы, складывающиеся на основе этой деятельности» [Матвеев, 1991, с. 427; Толковый словарь... 1993, с. 278].

## 9.2. Многообразные виды, разновидности и исторические формы спорта

Спорт, особенно современный, необычайно многообразен. Поэтому необходим ряд понятий для того, чтобы учесть это разнообразие спорта, особенности его различных форм.

В этом плане в науках о спорте и в спортивной практике принято прежде всего выделять различные *виды спорта* (легкую атлетику, футбол, волейбол и др.), которые отличаются друг от друга «конкретным предметом состязания, составом допускаемых действий и способов спортивного противоборства (спортивной техникой и тактикой), регламентом состязания и критерием достигаемого результата» [Матвеев, 1997, с. 11].

Общепринятым является и положение о необходимости учета направленности, а также тех основных задач, которые решаются в ходе спортивной деятельности. На основе этого принято выделять *разновидности* спорта или, как еще их называют, «*профилирующие направления*» социальной практики спорта [Матвеев, 1997]. В этом отношении прежде всего различают «*спорт для всех*» (его называют также «общедоступным», «ординарным», «массовым» спортом) и «*спорт высших достижений*» (другие его названия: «большой», «рекордный», «элитный» спорт). В «спорте для всех» на первом плане стоит здоровье, отдых, развлечение, общение людей, а в спорте высших достижений – победа в соревнованиях, установление рекорда и т.п. Первую разновидность спорта иногда называют также «общедоступным», «ординарным», «массовым» спортом, а вторую «большим», «рекордным», «элитным» спортом. Встречается и такой терминологический вариант, когда первую разновидность называют «*спортом*», а вторую – «*атлетикой*» [см., например: Keating, 1965 a, b].

Некоторые разновидности спорта связаны с особенностями тех *социально-демографических групп*, на которые он ориентирован, и тех задач, которые применительно к ним призван решать. В этом плане важно различать такие разновидности спорта, как *школьный спорт*, *студенческий спорт*, *спорт для лиц с ограниченными возможностями* (инвалидов), *детско-юношеский спорт*, *спорт ветеранов*, *женский спорт* и т.д.

При выделении различных форм спортивной деятельности в науках о спорте учитывается и ряд других признаков, например:

- *степень организованности* занятий спортом и те *организации*, где они проводятся (индивид может заниматься спортом самостоятельно или в школе, в спортивном клубе, в других организациях);
- *степень профессионализации и коммерциализации* спорта (на основе этого, в частности, выделяются такие разновидности спорта, как любительский, профессиональный, коммерческий);
- *уровень* спортивных соревнований (по этому признаку различают, в частности, национальный и международный спорт);
- *связь с определенными социальными движениями* (например, олимпийский спорт);
- *особенности, определяемые национальной культурой*, т.е. *этнокультурное* многообразие спорта (национальные виды спорта, этносport) и т.д.

При характеристике спорта нередко допускается ошибка, когда какие-то особенности (например, ориентация на высшие достижения), присущие лишь *определенной* его разновидности (форме), приписываются спорту *в целом*. Такой ошибки не удалось избежать и автору в некоторых ранее опубликованных им работах [см., например: Столяров, 2004 д] при характеристике спорта в широком смысле.

При анализе спорта, равно как и других социальных явлений, особенно важно избегать *антиисторизма* в его понимании. Для этого следует учитывать эволюцию спорта, его зависимость от социальных условий, в которых он развивается. Такой диалектический подход позволяет выделить *конкретно-исторические формы* спорта, которые он принимает в тех или иных исторических условиях, на различных этапах развития общества и в различных странах.

Чтобы показать это, имеет смысл дать хотя бы краткую характеристику особенностей *современного спорта* (имеется в виду спорт с конца XIX в. по настоящее время) по сравнению с предыдущими его формами.

Сначала отметим те особенности этой исторической формы спорта, которые указаны в работе А. Гаттмэна «От ритуала к рекорду» [Guttman, 1978].

Первая особенность современного спорта, по мнению автора данной работы, – превращение его в *секулярное явление*, носящее мирский, светский характер. Спортивные состязания народов, находившихся на ранних стадиях развития, отмечает А. Гаттмэн, как правило, были частью религиозных ритуалов и церемоний. Он приводит множество примеров того, как игры, подобные игре в мяч у майя и ацтеков, или кросс у индейцев-апачей, выполняли функцию ритуального действия, призванного умиротворить богов и обеспечить плодородие.

В принципе таким был и греческий спорт: «Физические состязания в Олимпии или Дельфах в культурном отношении ближе к играм примитивных народов, чем к нашим Олимпийским играм» [Guttman, 1978, p. 20]. Древние Олимпийские игры, как и подобные им Пифийские, Истмийские, Немейские, были священным праздником в честь богов. Олимпийские игры посвящались Зевсу, а призы победителям – оливковые ветви из священной храмовой рощи – считались даром главы олимпийских богов. Однако уже в античной Греции, пишет А. Гаттмэн, наблюдается превращение спорта в секулярное явление, сосредоточенное на игре и состязании как таковых. Спорт постепенно становится частью повседневности, а не только средством богопочитания. Еще более явно эта тенденция начинает проявляться в римском обществе, где процветали только утилитарные виды спорта, имеющие целью подготовку воинов, а также гладиаторские спектакли, в которых религиозное содержание отошло на задний план. В этом плане современный спорт ближе к римской модели. Вместе с тем в современном олимпийском движении наблюдается превращение спорта в нечто подобное светской «гражданской религии» (выражение «спортивная религия» употреблял основатель современных Олимпийских игр Пьер де Кубертен).

Вторая особенность современного спорта состоит в установлении по крайней мере теоретического *равенства возможностей* участия в соревнованиях с учетом в первую очередь спортивных результатов и *одинаковых* для всех участников *условий соревнования*, тогда как в обществах прошлого такое участие определялось членством в определенной касте или родственной группе, а не достиженческими критериями: «Быстрота ног и сила рук были для первобытного спорта менее важными, чем принадлежность к определенной группе, поскольку спорт этот часто вовсе и не был соревнованием» [Guttman, 1978, P. 26].

Так, древние греки, хотя и сделали значительные шаги для обеспечения равенства условий спортивных соревнований и выдвижения на передний план критерий достижения, но тем не менее сохраняли строгие запреты на участие в играх женщин, рабов, варваров. В современном спорте в большей степени институционализирован принцип равенства условий, нежели равного доступа. Иногда наблюдается исключение из участия в спортивных соревнованиях по расовому признаку (так, в США Национальная лига американского футбола не допускала в свои ряды черных спортсменов вплоть до 40-х гг. XX в.). В настоящее время, указывает А. Гаттмэн, неравенство сохраняется внутри команд, где негры реже ставят на наиболее выигрышные и престижные роли и не включают в число менеджеров. Определенное время в современном спорте сохранялись ограничения и на участие в спорте женщин. Так, женские соревнования между колледжами стали практиковаться в США лишь в 50-60-е годы XX в.

Существенной особенностью современного спорта является *специализация ролей*. В этом плане уже античный спорт, особенно римский, зашел достаточно далеко. В то же время в Средние века и в начале Нового времени спорт стал менее дифференцированным (идеалом эпохи Возрождения было всестороннее развитие индивида). Что же касается деревенских игр, они почти не знали правил, разделения труда между игроками и даже

твердой границы между участниками и зрителями. Современный спорт в этом отношении представляет собой резкий контраст. Например, в американском футболе, указывает А. Гаттмэн, 22 игровые специальности; бейсбол начал с девяти специальностей, но постепенно эволюционирует в сторону все большей дифференциации. Параллельно развивается разветвленная система спортивных специальностей. Специализация и профессионализация современного спорта вытекают из его внутренней логики, из установки на все более высокие достижения.

Для современного спорта характерна *рационализация*, которая касается прежде всего правил спорта. Она состоит не в увеличении числа правил (их было достаточно много и в ритуальных играх), а в их характере. Правила рациональны в смысле их логического соответствия целям, задачам, используемым средствам спортивного соперничества, а также подвержены согласованным изменениям, а не традиционны и священны. Современную стрельбу из лука отличает от средневековых состязаний охотников изобретение равного для всех участников «животного» – стандартной цели. В результате аналогичного процесса рационализации оседлание живого коня превратилось в упражнения на гимнастическом коне. Рационализация в современном спорте проявляется и в *стандартизации*. Для сравнения автор указывает на греков и римлян, которые располагали техническими возможностями для стандартизации беговых дорожек и метательных снарядов, однако не делали этого, в результате чего беговая дорожка в Олимпии составляла 192,27 м, в Дельфах – 177,5 м, в Пергаме – 210 м, а вес дисков варьировался от 3 до 15 фунтов [Guttman, 1978, p. 42–43].

Еще одним аспектом рационализации современного спорта является опора спорта на результаты *научных исследований* и связанное с этим стремление к все более и более точным измерениям спортивных достижений (даже в таких видах спорта, как гимнастика, танцы на льду и т.п.). Это стремление содействует «почти неизбежной тенденции превращать любое спортивное достижение в нечто поддающееся исчислению и измерению» и приводит к невиданному размаху *спортивной статистики*. На основе этого у спортсменов появляется возможность соревноваться заочно, невзирая на разделяющие их время и расстояние. Греки, отмечает А. Гаттмэн, не знали этой статистической мании, и потому до нас не дошло практически никаких точных сведений об их результатах в беге и метаниях. И это не потому, что у них не было технических средств измерения, а потому, что их культура не была ориентирована на квалификацию. Самое большое, что подсчитывалось, – это число побед того или иного атлета на различных Играх. Сохранились заявления отдельных лиц о том, что они, скажем, впервые одержали семь побед в разных Играх или три раза подряд в одних Играх. Это напоминает нашу статистику, но все, же очень далеко от современного положения дел, когда измеряются даже такие с трудом поддающиеся измерению виды соревнований, как гимнастика и танцы на льду [Guttman, 1978, p. 47–48].

Порождением современной одержимости цифрами и стремления к наивысшим достижениям является и понятие *рекорда*. Само это слово, указывает А. Гаттмэн, появилось в английском языке в 80-е гг. прошлого столетия. У древних не было понятия рекорда в нашем смысле, хотя отдельные результаты и становились достоянием не столько точного измерения, сколько легенды. Современная система рекордов позволяет спортсменам соревноваться заочно, невзирая на разделяющие их время и расстояние: «С помощью странной абстракции квантифицированного рекорда австралиец может соревноваться с финном, умершим за 10 лет до того, как этот австралиец родился» [Guttman, 1978, p. 52].

Заметим, что А. Гаттмэн с некоторой иронией, называя наивным предрассудком, оценивает эту слепую веру в числа, сопоставимость результатов, показанных на соревнованиях, разделенных несколькими годами. Он задает вопрос: «А что станет с рекордами, когда будут достигнуты абсолютные пределы человеческих возможностей? Вернемся ли мы к греческому пониманию спорта как драматического состязания человека с человеком или изобретем новые способы удовлетворения фаустовской жажды все новых небывалых спортивных достижений?» [Guttman, 1978, p. 54].

Отмеченные выше особенности современного спорта, отмечает А. Гаттмэн, ведут к возникновению сложной *бюрократической организации*, руководящей спортом, утверждающей правила и рекорды, проводящей соревнования и исследования. Опять-таки Греция и Рим (с его гильдиями спортсменов) создали прообразы современной спортивной бюрократии, начало развития которой приходится на конец XVIII в. Уже в 1959 г. в мире

существовали 73 международные организации, крупнейшая из которых – ФИФА насчитывала в своих рядах 126 национальных ассоциаций.

Таким образом, пользуясь понятиями, сформулированными М. Вебером и Т. Парсонсом для описания любых современных институтов, А. Гаттмэн выделяет семь главных отличительных черт современного спорта: секуляризм, равенство возможностей участия в соревновании и условий соревнования, специализация ролей, рационализация, бюрократическая организация, квантификация, установка на рекорды [Guttman, 1978].

Еще одна важная особенность современного спорта связана с использованием на спортивных соревнованиях *определенного способа организации соперничества*. Эта его особенность будет рассмотрена позднее (см. раздел 17.3).

Многие исследователи отмечают, что на определенном этапе своего развития спорт приобретает такие социальные характеристики, как совокупность социальных ролей, норм и образцов поведения, социальных отношений и социальных функций, выступая тем самым как *социальный институт и социальная организация*.

Понятие «*социальный институт*» используется для характеристики той системы социальных ролей, статусов и санкций, предписывающих индивидам определенные правила поведения, которая создается для того, чтобы закрепить жизненно необходимые для человеческого общества типы социальных отношений, сделать их обязательными для членов определенного общества или определенной социальной группы и удовлетворить общественно-значимые потребности [Смелзер, 1994; Фролов, 1996]. Например, социальный институт семьи включает в себя: 1) совокупность значимых общественных ценностей (любовь, отношение к детям, семейная жизнь); 2) стандартизированные образцы поведения (забота о воспитании детей, их физическом и духовном развитии, семейные правила и обязательства); 3) система ролей и статусов (статусы и роли мужа, жены, ребенка, подростка, тещи, братьев и т.п.), с помощью которых осуществляется семейная жизнь. Социальный институт выступает как средство, с помощью которого общество организует и управляет своими членами в целях решения его главных задач путем создания моделей и процедур человеческого поведения, социально приемлемых для данного общества [Berger, 1963, p. 87]. Под *социальной организацией* понимается созданная для удовлетворения социальных потребностей индивидов и общества целостная функционально-целевая система с присущей ей социальной структурой, которая формируется на основе разделения труда, специализации функций и иерархизированного взаимодействия между индивидами, группами и структурными подразделениями [Радугин А.А. и Радугин К.А., 2003, с. 173; Социология, 2004, с. 268–269].

Формирование социального института и социальной организации происходит в процессе *институционализации*. Имеется в виду процесс замены спонтанного, стихийного поведения социальных групп на ожидаемое, регулируемое путем создания в соответствии с нормами и правилами четкой статусно-ролевой структуры, социально одобренной большинством участников этого социального процесса и содействующей удовлетворению некоторой общественной потребности. Этапами институционализации являются: 1) возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий; 2) формирование общих целей; 3) появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок; 4) появление процедур, связанных с нормами и правилами, и их практическое применение; 5) установление системы санкций для поддержания норм и правил; 6) создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института [Социология, 1998, с. 112].

Характеризуя процесс становления спорта как социального института, выделяют как минимум четыре его составляющих:

1. Учреждение норм и правил, т.е. формулирование, четкое определение, а возможно, и кодификация соответствующих правил и процедур. Эти нормы, правила и уставы должны быть выстроены, систематизированы и изложены в виде долгосрочных формулировок и вследствие этого предсказывать деятельность будущих спортсменов.

2. Создание официальных объединений и административных органов, наделенных властью, механизмами и уполномоченных принимать периодические решения относительно таких вопросов, как расписание спортивных мероприятий, количество спортивных встреч, которые планируется провести, продолжительность спортивного сезона, правила соревнований, а также внесение изменений в таковые.

3. Охват широкого и относительно стабильного слоя участников спортивной деятельности с помощью широкого круга специалистов – организаторов, тренеров, ученых.

4. Учет исторического фактора – предыстории спорта, связанных с ним обычаев, правил, архивов и т.п. [Meier, 1981, p. 86].

Современному спорту присущи значимые общественные ценности, стандартизированные образцы поведения, система ролей и статусов. Он выполняет важные социальные функции, имеет свою развитую инфраструктуру, материальную базу (спортивные залы, стадионы, бассейны, специальные учебные заведения и т.д.), ведет подготовку собственных профессиональных кадров (тренеров, преподавателей физкультуры и физического воспитания и др.). Спорт в современном обществе, разделенном на не зависимые друг от друга и организованные по собственным закономерностям сферы существования, сохраняет свою институциональную автономию. Сформировались спортивные образцы поведения и формы организации, которые обозначаются и институционализируются с помощью особых культурных традиций и исторических особенностей.

Это свидетельствует о том, что в настоящее время завершился процесс институционализации спорта, что привело к целому ряду последствий как для самого спорта, так и для отношения к нему со стороны общества.

Одно из этих последствий состоит в том, что «в современном мире превалирует система взглядов, отражающая положительное воздействие спорта в любых его видах на личность и общество, в результате чего возникают все новые и новые виды состязаний. Общественные процессы, связанные с развитием институтов спорта, привели к признанию спорта в качестве полноценного социального явления. Государства признали пользу спортивных состязаний для укрепления национального престижа, поощрения социального равенства и выстраивания международных отношений. Практически во всем мире существует законодательная база в области спорта, высшим проявлением которой стало выделение занятий спортом в одно из гражданских прав, прописанных в статьях национальных конституций ряда стран» [Кыласов, 2010 а, с. 218].

Дж. Лой и Г. Хескет, характеризуя современный спорт как «институционализированную сферу деятельности», выделяют несколько его особенностей [Loy, Hesketh, 1984, p. 44].

Первая особенность состоит в том, что в современном спорте «спортивное соревнование включает действие». Ссылаясь на Гоффмана [Goffman, 1967, p. 185], они указывают, что «это означает вовлечение человека в деятельность, являющуюся предельно важной, полной событий, рискованной и проблемной; которая проводится ради самих участников и где участники могут даже рисковать жизнью» [Loy, Hesketh, 1984, p. 45].

Второй особенностью Дж. Лой и Г. Хескет считают то, что в современном спорте социальная оценка основана на *равных соперниках*. «В спортивной тренировке участвуют практически равные соперники, соревнования проводятся среди них же, человеческая доблесть демонстрируется также среди равных, и почести за достижения присуждаются таким же равным соперникам» [Loy, Hesketh, 1984, p. 45].

К числу особенностей современного спорта Дж. Лой и Г. Хескет причисляют также престиж и вознаграждение: «Как спортсмены, так и спортивные организации иерархически стратифицированы на основе ранга и престижа. Например, школьные, университетские и профессиональные команды классифицированы на большие и малые группы или лиги; спортивные команды всех уровней ежегодно сравниваются СМИ на основе опроса; спортсмены в индивидуальных видах спорта, таких как боулинг, бокс, гольф, теннис и сквош, находятся в строгом ранговом порядке в зависимости от уровня выступления, а на уровне мирового спорта как спортсмены, так и команды стремятся стать первыми среди равных. Притязания на престиж являются отличительным признаком честолюбивой системы современного спорта, что очевидно из ежегодных отборов лучших команд; престижных спортивных залов и навязчивого беспокойства о формальных почестях, таких как награды, медали, призы, знаки отличия, трофеи и почетные должности. Данные символические почести являются латентными (скрытыми) средствами общественного контроля в спорте наряду с выполнением более значительных функций» [Loy, Hesketh, 1984, p. 46].

Призы и награды выполняют важные социальные функции в современном спорте. Как отмечает У. Гуде, их значение заключается в том, что они: «(1) представляют основу объективного оценивания, и вручение приза говорит о том, что чей-либо талант достоин



уважения; (2) являются доказательством того, что кто-либо достиг высокого уровня исполнения; (3) являются показательными и привлекают более широкую аудиторию, чем просто призер; (4) могут значительно повлиять на будущую карьеру человека, которому они вручаются; (5) являются обнародованными и таким образом приносят престиж команде, в которой выступал призер» [Goode, 1978, p. 156–158]. В более широком смысле У. Гуде выделяет 4 основные функции призов и наград в современном спорте: «(1) они повышают ранг участников, оценивают их и таким образом предоставляют информацию о занимаемом спортсменом месте на поприще достижений; (2) они также создают престиж слабо финансируемым видам спорта; (3) они повышают престиж достижений, являющихся настолько выдающимися, что их игнорирование означает отвержение некоторых общественных ценностей; (4) престижные награды повышают социальный статус, как спортсмена, так и команды» [Goode, 1978, p. 163–171].

В структуре социального института спорта сформировались такие относительно самостоятельные социальные институты, как *профессиональный спорт*, *олимпийский спорт*, *спорт высших достижений*, *«спорт для всех»*, *«зрелищный спорт»* и т.п., а также более «мелкие» институты – *спортивные клубы*, *школы* и т.д.

Важным аспектом функционирования и развития современного спорта является формирование ряда связанных с ним социальных движений. Прежде всего это *спортивное движение* не только в отдельных странах, но и *международное спортивное движение*.

Современный *международный спорт* – сложная социальная система. Она включает в себя широкий круг социальных явлений: международные спортивные соревнования и специальную подготовку к ним; другие формы международных спортивных связей (обмен спортсменами, тренерами, международные семинары, конференции на спортивную тематику и т.д.); международные спортивные объединения – международные спортивные федерации, международные организации, занимающиеся научными проблемами физического воспитания и спорта и т.д.; специфические межчеловеческие отношения и поведенческие нормы, складывающиеся в ходе международных спортивных связей, в процессе деятельности указанных социальных институтов и т.д. Помимо международных федераций, руководящих развитием отдельных видов спорта, важное значение в международном спорте имеют универсальные и специальные организации, а также организации, объединяющие различные комитеты, федерации, ассоциации и союзы или отдельных деятелей различного профиля. Большинство международных спортивных объединений руководит развитием любительского спорта. Вместе с тем имеются объединения профессионального спорта и существуют объединения, в которые входят организации любительского и профессионального спорта. В настоящее время насчитывается свыше 200 всемирных и региональных неправительственных организаций в области физического воспитания и спорта.

Благодаря деятельности этих международных организаций международные спортивные контакты имеют устойчивый характер. Сложилась и успешно функционирует широкая система регулярных международных спортивных состязаний. В Европе, к примеру, не проходит недели, чтобы не проводился какой-нибудь крупный международный турнир, чемпионат мира или континента. Регулярно проводятся международные Региональные игры – Паназиатские, Панамериканские, Панафриканские, Игры Содружества и др. Важное место в структуре международного спорта занимает студенческое международное спортивное движение. Все более широкий размах получают международные детско-юношеские спортивные соревнования, а также международные соревнования ветеранов. В системе межгосударственных отношений важную роль играют спортивные связи и контакты.

Важнейший элемент структуры международного спортивного движения – современное *олимпийское движение*. В последние годы его рамки расширились за счет *паралимпийского* и *специального олимпийского* движения. Все более важное значение в спортивном движении приобретает проходящее под эгидой ЮНЕСКО движение *«спорт для всех»*, которое направляет свои усилия на всемерное развитие «массового», «общедоступного» спорта [Доци, 2011; Литвиненко, 2002, 2005, 2006; Спорт для всех объединяет... 2000; Sport for all, 1991; TAFISA, 2001].

Со спортом связан и ряд других социальных движений: *студенческое спортивное движение* и *детско-юношеское спортивное движение* [Зотов, 1998]; движение *“Fair play”* [Королев, 2005; Родиченко, 2007], *народное движение* [Европейское народное спортивное

движение, 1996], *дельфийское движение* [Кравченко, 1998], *спартианское движение* [Спартианское движение... 2005; Спорт. Спартианское движение... 2007] и др.

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что структура современного спорта как социального феномена включает в себя комплекс взаимосвязанных социальных ценностей, социальных норм и ролей, социальных институтов и организаций, социальных движений. Значит, он представляет собой не только *социальный институт* и *социальную организацию*, но и определенную *социальную систему*. Эта система обладает относительной автономией, независимостью от других социальных систем общества, а вместе с тем взаимодействует с ними: подвергается их влиянию и сама оказывает на них определенное воздействие [Пономарчук, Козлова, 2002; Супиков, 2004 а, б; Heinemann, 1980 а; Loy, McPherson, Kenyon, 1978].

Таковы основные особенности современного спорта.

Читатели, которых интересует период *становления* этой конкретно-исторической формы спорта, детальную информацию по данному вопросу могут получить в работе Нила Трентера «Спорт, экономика и общество в Великобритании (1750–1914)» [Trenter, 1998]. Как отмечает Н. Кербер, эта книга «считается наиболее взвешенным и авторитетным социологическим исследованием периода так называемой “спортивной революции” в Великобритании времен правления Виктории (1837–1901) и Эдуарда VII (1901–1910). Именно тогда были во многом заложены основы современного профессионального спорта и предопределено его будущее процветание – как в Туманном Альбионе, так и на всем Европейском континенте, для которого родоначальники футбола послужили образцом и во многих других разновидностях этой особой человеческой деятельности» [Кербер, 2006, с. 42].

Диалектический принцип историзма требует учитывать не только *становление*, но и *развитие* современного спорта. Некоторые аспекты этого процесса будут затронуты в последующих разделах книги (в частности, при анализе изменений в современном олимпийском движении). Более полную информацию о развитии современного спорта, его модификации в *постсовременном* обществе читатель может получить в работах К. Хайнемана [Heinemann, 1993, 1998, 2005], в книге и статьях З. Кравчика «Спорт в изменяющемся обществе» [Krawczyk, 2000, 2001, 2004], в сборниках «Имидж спорта в мире» [Image... 1995] и «Спорт в изменяющейся Европе» [Sports Involvement... 2004], в номере журнала «Отечественные записки», специально посвященного проблемам эволюции современного спорта [Отечественные записки, 2006], и др.

#### Литература к гл. 9

1. Боген М.М. (1989). Спорт – благословение или проклятие? // Конфликт. – М.: ФиС. – С.4-26.
2. Брянкин С.В. (1983). Структура и функции современного спорта. – М. – 71 с.
3. Визитей Н.Н. (1979). Социальная природа современного спорта. – Кишнев. – 84 с.
4. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишнев: Штиинца. – 164 с.
5. Визитей Н.Н. (2006). Курс лекций по социологии спорта: учеб. пособие. – М.: Физическая культура. – 328 с.
6. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к корректровке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.
7. Воронин А.А. (2003). Спорт // Глобалистика: Энциклопедия /Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга». – С. 953–955.
8. Выдрин В.М. (1980б). Культура, физическая культура, спорт // Спорт в современном обществе. – М.: ФиС. – С. 3-45.
9. Григорьянц А.Э. (2005). Трансформация российского спорта в эпоху глобализации (социологический анализ): Дис. ...канд. социол. наук. – М.: МГУ. – 24 с.
10. Гуджер Дж. (2005). Спорт как социологическое понятие // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. – Часть 1. – С. 264-267.
11. Демин В.А. (1975). Методологические вопросы исследования спорта в аспекте теории деятельности: Автореф. дис.. канд. пед. наук. – М. – 21 с.
12. Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб, 2007. – 428 с.

13. Доци Тамаш (2011). Спорт для всех // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС. – С. 422–441.
14. Европейское народное спортивное движение // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-1. – С. 20-24.
15. Евстафьев Б.В. (1980). Физическая культура в мировой литературе. – Л. – 133 с.
16. Евстафьев Б.В. (1985). Анализ основных понятий в теории физической культуры. – Л. – 133 с.
17. Ермак Н.Р. (1999). Единство и многофункциональность спорта: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Малаховка. – 25 с.
18. Ермак Н.Р., Пилюян Р.А. (1997). Культурно-исторические истоки спорта в контексте объяснения многообразия и противоречивости его развития // Теория и практика физической культуры. – № 7. – С. 13-17.
19. Зотов А.П. (1998). Актуальные проблемы детско-юношеского физкультурно-спортивного движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 176-189.
20. Ибрагимов М.М. (2011). Сова Минервы и Аполлон, или Два способа философского осмысления спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 94-100.
21. Кайуа Р. (2007). Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ. – 504 с.
22. Кербер Николай (2006). Нил Трентер. Спорт, экономика и общество в Великобритании (1750–1914) // Отечественные записки. – № 6. – С. 42–53.
23. Киселев Р. (1986). Насилие в обществе – насилие в спорте // Спорт за рубежом. – № 11. – С. 10-11.
24. Королев И.В. (2005). Европейское движение Фэйр Плэй и его роль в повышении духовно-нравственной ценности спорта: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
25. Кравченко И. (1998). Олимпизм и дельфийское движение XX столетия // Тез. докл. Междунар. конгресса “Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы”. Том 2. – М.: “Физкультура, образование и наука”. – С. 438.
26. Красников А.А. (1989). Состязание как основа специфики спорта. Типология спортивных состязаний: Лекция для слушателей ВШТ. – М.: ГЦОЛИФК. – 26 с.
27. Красников А.А. (2003). Проблемы общей теории спортивных состязаний. – М.: СпортАкадемПресс. – 324 с.
28. Круглов А.Н. (2000). Фехтование в Западной Европе и Японии: духовные и философские основы. – М.: НИПКЦ «Восход-А». – 240 с.
29. Куторжевский Г.А., Смирнов В.А. (1977). Социалистическое соревнование. – М.
30. Кучевский В.Б. (1972). Спорт как совокупность общественных отношений // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 5-8.
31. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
32. Литвиненко С.Н. (2002). Спорт для всех и элитный спорт – противники или партнеры? // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 38-40.
33. Литвиненко С.Н. (2005). Спорт для всех: социально-педагогические технологии. – М.: Изд. «Теория и практика физической культуры». – 368 с.
34. Литвиненко С.Н. (2006). Педагогическая система управления развитием спорта для всех: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – Санкт-Петербург. – 45 с.
35. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.
36. Майнберг Э. (1995). Основные проблемы педагогики спорта: Вводный курс/Пер. с нем. – М.: Аспект Пресс. – 317 с.
37. Манифест о спорте (подготовленный СИЕПС в сотрудничестве с ЮНЕСКО после консультаций с правительствами). – М., 1971. – 35 с.
38. Маркс К. (1980). Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч., т. 23. – М.
39. Матвеев Л.П. (1991). Теория и методика физической культуры: Учебник для ИФК. – М.: ФиС. – 543 с.
40. Матвеев Л.П. (1997). Общая теория спорта. Учебная книга для завершающих уровней высшего физкультурного образования. – М.: 4-й филиал Воениздата. – 304 с.
41. Матвеев Лев (2001). Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. – М.: Изд-во «Известия» УД П РФ. – 323 с.
42. Материалы Всесоюзного симпозиума «Проблемы унификации основных понятий в физической культуре и спорте». – Минск, 1974. – 48 с.

43. Наталов Г.Г. (1993). Спорт как социальный институт формирования культуры двигательной деятельности // Олимпийское движение и социальные процессы: Сб. материалов Междунар. конференции. – СПб. – С. 52-59.
44. Наталов Г.Г. (1994). Спорт как система ценностей культуры двигательной деятельности и социальный институт ее развития, распространения и освоения // Олимпийский бюллетень. – № 1. – М. – С. 26-35.
45. Отечественные записки. – 2006. № 33 (6). – 356 с.
46. Пономарев Н.И. (1972). Феномен игры и спорт // Теория и практика физ. культуры. – №8. – С. 4-7.
47. Пономарчук В.А., Козлова В.С. (2002). Институт спорта (история и реалии). – Мн. – 266 с.
48. Радугин А.А., Радугин К.А. (2003). Социология: курс лекций – 3-е изд., перераб. и дополн. – М.: Центр. – 224 с.
49. Родиченко В.С. (2007). Спорт и совесть: Учебно-методическое пособие для системы олимпийского образования. – М.: ФиС. – 144 с.
50. Смелзер Н. (1994). Социология. Пер. с англ. – М.: Феникс. – 688 с.
51. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – 1600 с.
52. Социология/Под ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д.: Издательский центр “МарТ”, 1998. – 512 с.
53. Социология: Учеб. пос. /Под ред. Д.С. Клементьева. – М.: Филол. о-во «СЛОВО»Ж Изд-во Эксмо, 2004.
54. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. ст. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры», 2005. – 194 с.
55. «Спорт для всех» объединяет народы Европы (резолюция 9-й Европейской Конференции министров спорта) // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 2000. № 2. – С. 25-30.
56. Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сборник (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. первый)/сост. и ред. В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура, 2007. – 326 с.
57. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М.. – 99 с.
58. Столяров В.И. (1997в). Спартианская система воспитания, образования и организации досуга // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-127.
59. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 141-314.
60. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 17-130.
61. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–263.
62. Столяров В.И. (2000г). Модели молодежного спорта XXI века // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 112–120.
63. Столяров В.И. (2001д). Проблема социальной трансформации современных форм соперничества // Социальные трансформации: Материалы международного colloquium (23 ноября 2001 г.). – Смоленск: СГПУ. – С. 93–96.
64. Столяров В.И. (2002б). Игровая модель соперничества и ее разновидности // Спортивные игры в физическом воспитании и спорте: Материалы международной научно-практической конференции (Смоленск, 24–26 декабря 2002 г.). – Смоленск. – С. 14–20.
65. Столяров В.И. (2004в). Методологические принципы определения понятий в спортивной педагогике // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Методология современной общей и спортивной педагогики». – М. – С. 14-21.
66. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
67. Столяров В.И. (2007е). Понятийный кризис в науках о физической культуре и спорте: показатели, причины и пути преодоления // Теория и практика физ. культуры. № 12. – С. 59–62.
68. Супиков В.Н. (2004а). Институт спорта: проблемы регионального управления/Под ред. В.А.Пономарчука. – Минск.

69. Супиков В.Н. (2004б). Спорт как социальный институт в системе управления качеством жизни: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Орел.
70. Толковый словарь спортивных терминов. Около 7400 терминов/Сост. Ф.П.Суслов, С.М.Вайцеховский. – М.: Физкультура и спорт, 1993. – 352 с.
71. Устиненко В.И. (1989). Игра как средство выявления творческих сил человека // Пути и средства эстетического воспитания / Н.И. Киященко и др. – М.: Наука. – С. 147-163.
72. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
73. Фролов С.С. (1996). Социология: Учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издат. корпорация «Логос». – 357 с.
74. Чернов К.Л. (1984). Актуальные аспекты теории спортивных соревнований. – Москва-Малаховка. – 50 с.
75. Штемме Фриц (1981). Футбол и общество // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 19-34.
76. Эбер Жорж (1925). Спорт против физкультуры. – Время.
77. Arnold Peter J. (1978). Aesthetic Aspects of Sport // Int. Review of Sport Sociology. – v.13, N.3. – P. 45-63.
78. Berger Peter L. (1963). Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective. – Garden City, N.Y., Doubleday, Anchor Boors.
79. Donnelly Peter, Young Kevin M. (1985). Reproduction and Transformation of Cultural Forms in Sport // Int. Review of Sport Sociology. – v. 20. – P. 19-39.
80. Dunning Eric (1971). The Development of Modern Football // Dunning Eric (ed.). The Sociology of Sport. – London. – P. 133-141.
81. Dunning Eric (1979). The Figurational Dynamics of Modern Sport // Sportwissenschaft. – vol. 9. N. 4.
82. Elias N. (1971). The Genesis of Sport as a Sociological Problem // Dunning E. (ed.). The sociology of sport. – London. – P. 88-115.
83. Elias N., Dunning E. (1986). Quest for Excitement. Sport and Leisure in the Civilizing Process. – Basil Blackwell, Oxford.
84. Elliot R.K. (1974). Aesthetics and Sport // H.T.A. Whiting and D.W. Masterton. Reading in the Aesthetics of Sport. – Lepus Books. – P. 110-136.
85. Encyklopedia Britanica. – Chicago, 2000.
86. Encyclopedie thematique Weber. – Paris, 1990.
87. Fielding M. (1976). Against competition // Proceedings of the philosophy of Education Society of Great Britain, 6 July, 1976. – P. 124-126.
88. Gallie W.B. (1956). Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – v. LVI. – P. 157-198.
89. Goffman E. (1967). Interaction ritual. – Doubleday & Co., New York.
90. Goode W.J. (1978). The celebration of heroes. – University of California Press. Berkeley.
91. Guttman A. (1978). From ritual to record: The nature of modern sports. – N.Y.: Columbia university press. – 198 p.
92. Heinemann K. (1980a). Einführung in die Soziologie des Sports. – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
93. Heinemann K. (1993). Veränderungen des Sports im Kontext gesellschaftlicher Entwicklung // Hubert Ch. Ehalt and Otmar Weiss (eds.): Sport zwischen Disziplinierung und neuen sozialen Bewegungen. – Wien, Bohlau. – P. 85-101.
94. Heinemann Klaus (1998). Sport in post-modern society // Sport in the process of European Integration. International Symposium. Warsaw, 9-12 December. – Warsaw. – P. 27-38.
95. Heinemann Klaus (2005). Sport in the Welfare State – Situation and Challenges // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P.335–344.
96. Ibrahim X. (1975). Sport and society: An introduction to sociology of sport. – Whittier (Cal.). – 243 p.
97. Image of Sport in the World. – German Sport University Cologne, 1995.
98. Keating James W. (1965a). Athletics and the Pursuit of Excellence // Education. – N. 85. – P. 428-441.
99. Keating James W. (1965b). The Heart of the Problem of Amateur Athletics // The Journal of General Education. – v. 16. – P. 261-272.
100. Krawczyk Zbigniew (2000). Sport w zmieniającym się społeczeństwie. Warszawa. – 169 p.
101. Krawczyk Zbigniew (2001). Sport in the changing society // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 184–191.
102. Krawczyk Zbigniew (2004). Sport in the changing society // Kosiewicz Jerzy, Obodyński Kazimierz /eds./. Sports Involvement in Changing Europe. – Rzeszow. – P. 11–23.

103. Kretchmar R. Scott (1994). Practical philosophy of sport. – Human Kinetics. – 281 p.
104. Krockow Chr. von (1980). Sport – Gesellschaft – Politik. – München.
105. Lipiec Józef (1999a). Filozofia olimpizmu. –Warszawa: Polskie Wydawnictwo Sportowe SPRINT. – 234 p.
106. Loy J.W., Hesketh Graham L. (1984). The Agon Motif: A Prolegomenon for the Study of Agonetic Behavior // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 31-50.
107. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
108. MacAloon J. (1991). Are Olympic athletes professionals? Cultural categories and social control in US sport // The Business of Professional Sports / P. Staudohar, J. Mangan (eds.). Urbana and Chicago: University of Illinois Press. – P. 264-297.
109. Meier Klaus V. (1981). On the Inadequacies of Sociological Definitions of Sport // Int. Review of Sport Sociology. – v. 2 (16). – P. 79-102.
110. Morris D. (1978). Manwatching, a field guide to human behaviour // Triad/Panther Books. – St. Albans. – P. 305-310.
111. Petryszak Nicholas (1977). The cultural evolution of barbarism in spectator sports – a comparative analysis // Sport Sociology Bulletin. – vol. 6, N. 1. – P. 26-46.
112. Philosophie des Sports/Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.).– Schorndorf, 1973.
113. Reeks Daniel M. (1985). Violence in American Sport: A historic perspective // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 191-196.
114. Schulz N., Allmer H. /Hrsg./ (1988). Fitness-Studios: Anspruch und Wirklichkeit // Brennpunkte der Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 126–129.
115. Sport for all: Proceedings of the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3-7 June 1990. – Amsterdam. New York. Oxford: Elsevier Science Publishers, 1991. – 681 p.
116. Sports Involvement in Changing Europe/Kosiewicz Jerzy, Obodyński Kazimierz /eds./. – Rzeszow, 2004. – 268 p.
117. TAFISA World 2001. The global Almanac on Sport for All/Ed. by Kazunobu P. Fujimoto, Sasakawa Sports Foundation (SSF). Printed in Japan, 2001. – 195 p.
118. The world Book Dictionary. – London, 2000.
119. Trenter Neil (1998). Sport, economy and society in Britain. 1750–1914. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
120. Webster. Webster's new world dictionary of the American language, (College Ed.). The World Publishing. – New York, 1958.
121. Wohl A. (1981b). Soziologie des Sports. Allgemeine theoretische Grundlagen. – Köln: Pahl-Rugenstein. – 207 S.
122. Wohl A. (1984a). Sport as a contemporary form of cultural motor activity // Dialectics and Humanism. – 1984. vol. XI, N. 1. – P. 75-87.

## Глава 10. Спорт и другие социальные явления: сходство и различие

Продолжая анализ центрального понятия гуманистической теории спорта – понятия «спорт», сравним спорт с другими социальными явлениями с целью выяснить их сходство и различие. Это поможет лучше понять природу и специфику спорта.

### 10.1. Спорт и игра

При определении спорта, выяснении особенностей спортивного соревнования часто фигурирует ссылка на *игровой* характер спортивного соперничества. Поэтому обсудим взаимоотношения спорта и игры.

Эта проблема вызывает особый интерес у философов, социологов и других ученых. В 1967 г. Международный комитет социологии спорта провел специальный семинар на тему «Спорт и игра – сравнительный культурологический анализ» [Lüschen, 1970 b].

Высказываются различные мнения по данной проблеме [ср.: Визитей, 1979, 1986, 2006, 2009; Головных, 1998; Исмаилов, 1997; Новиков, Гришин, 1973; Пономарев, 1972; Салариа, Барретт, 1994; Хейзинга, 1992; Loy, McPherson, Kenyon, 1978; Play, 1978; Play in Theory... 1973; Plessner, 1967; Rigauer, Robbert, 2000; Shmitz, 1988; Wohl, 1981 b и др.].

Иногда не только признается тесная *связь* спортивной и игровой деятельности, но и сам спорт рассматривается как игра, как *разновидность* игровой деятельности [см., например: Кайуа, 2007; Люшен, 1979; Пономарев, 1972]. Так, С. Мозер в статье «Исходные пункты философского анализа спорта» высказывает мнение о том, что спорт имеет все те компоненты, которые олицетворяют игру: свои правила, свободные, доставляющие удовольствие действия, определенное и ограниченное место игры, повторяемость, «порядок и ритм», «напряжение и разрядку», «неопределенность», «необычность, элементы приключений, экономическую бесполезность» и т.д. Даже альпинизм, по его мнению, является «игрой», однако «серьезной игрой» с риском для жизни: гора в этом случае выступает в качестве «гипостазированного противника», символизирующего задачу подняться на гору [Moser, 1960]. Вместе с тем широко распространена противоположная точка зрения, согласно которой спорт (по крайней мере современный) *не является игрой, игровой деятельностью* [см., например: Визитей, 1979, 1986, 2006, 2009].

Чтобы разобраться в этой дискуссии, уточним понятие «игра».

Трудность определения понятия игры состоит в том, что ему соответствует крайне сложное и многоплановое явление. Игрища древних, детская игра как ведущая форма жизнедеятельности ребенка, игра в искусстве, спорте, военная и деловая игры, математические игры – это далеко не полный перечень проявлений игры. Такая многоплановость игры порождает различные представления о ее сущности и различные значения самого термина «игра». В четырехтомном словаре русского языка отмечается, например, семь основных значений этого слова, в которых оно используется в быденном языке.

Но и научных работах понятие «игра» истолковывается по-разному: «1) как самостоятельная деятельность, существующая в культуре наряду с другими видами деятельности (трудовой, познавательной, художественной и др.); 2) как элемент или аспект, а то и основа других видов деятельности (искусства, спорта и др.); 3) как внутренний план деятельности (проигрывание возможных жизненных ситуаций или преднамеренная постановка себя в определенную ситуацию, т. е. как структурная модель поведения)» [Устиненко, 1989, с. 147–148].

Выделим общезначимые аспекты игры.

Игра – это прежде всего определенная *деятельность*, т.е. совокупность осмысленных действий, объединенных единством мотива. Игровая деятельность имеет ряд особенностей. В данной деятельности человека интересует не столько ее результат, сколько те эмоции, которые она вызывает, удовольствие, получаемое от занятия этой деятельностью. В этом смысле принято говорить, что «мотив игрового действия лежит не в результате действия, а в самом процессе» [Леонтьев, 1959, с. 388], что «подлинная игра... содержит цель в самой себе» [Хейзинга, 1992, с. 238]. Игра способствует формированию и развитию разнообразных качеств (психических, физических и др.), необходимых в трудовой деятельности. Но в процессе игры человек не создает материальных ценностей: «Как правило, игра сама по себе не ведет к созданию новых материальных ценностей, хотя в некоторых формализованных играх или играх досуга, как, например, в покере, возможно пере-

распределение денег или другой собственности между игроками» [Loy, Kenyon, McPherson, 1981, p. 6].

В связи с этим Х.Г. Гадамер обращал внимание на то, что «для играющего игра не представляется серьезной; именно поэтому в нее и играют». Но вместе с тем он подчеркивал, что «тот, кто не принимает игру всерьез, портит ее» [Гадамер, 1988, с. 147–148]. Развивая эту тему, Ю.А. Левада подчеркивает, что «игровое действие как таковое (игровая структура) лишено какой-либо внешней полезности, ориентации на внешнюю цель и подчинение внешней норме... Замкнутость, или закрытость, структуры игрового действия означает, что его нормативные рамки и целевые ориентации (как внешние, так и внутренние, психологические), соответствующие мотивы и интересы ничем, кроме самой игры, не определяются... Негативным определением той же особенности игрового действия – замкнутости – является его неутилитарность...». «В этом смысле игра принципиально непродуктивна и тем отлична от функциональных или инструментальных форм деятельности... Конечно, любые реальные игры... многими нитями связаны с решением практических задач – с экономическими, педагогическими, карьерными, престижными интересами...», но вместе с тем «игровое действие отмечено как несерьезное, искусственное, свободное в противоположность серьезному, естественному, необходимому миру неигровой деятельности» [Левада, 1984, с. 274–275, 278].

Еще одну важную особенность игровой деятельности можно выявить, сопоставляя ее с событиями реальной жизни. Игровая деятельность, особенно в начальный период своего возникновения, как правило, непосредственно связана с определенными ситуациями и формами поведения человека в реальной жизни. Но она не просто повторяет эти ситуации и формы поведения, а *моделирует* и *модифицирует* их определенным образом, приобретая такие характеристики, как «условность», «надуманность», «притворство» и т.п. Игровое моделирование предполагает переход из мира реального в мир «условный», создание *искусственных*, «мнимых» ситуаций. Касаясь этой стороны дела, Л.С. Выготский писал: «Мне кажется, что за критерий выделения игровой деятельности ребенка из общей группы других форм его деятельности следует принять то, что в игре ребенок создает мнимую ситуацию... на основе расхождения видимого и смыслового поля» [Выготский, 1966, с. 65]. А.Н. Леонтьев подчеркивал, что в игре всегда присутствует «воображаемая ситуация» [Леонтьев, 1959, с. 392]. В отечественной науке одним из первых на эту особенность игровой деятельности обратил внимание Ю.М. Лотман. Он обосновал положение о том, что игра выступает как «особого типа модель действительности. Она воспроизводит те или иные ее стороны, переводя их на язык своих правил». Весьма важно положение Ю.М. Лотмана о том, что игровая модель в каждую отдельную единицу времени включает человека одновременно в два поведения – практическое и условное. Игра связана с реализацией особого «игрового» поведения. Когда какая-либо жизненная ситуация преобразуется в игру, реальность подчиняется законам игры, причем организующий принцип реальной ситуации познается через моделирование его в условных категориях «правил» и «кодов» [Лотман, 1967, с. 132–133, 137].

Игра выступает как одна из форм преодоления человеком не только узко утилитарного отношения к реальности, но и зависимости от нее и тем самым обретения свободы. Ведь игра является добровольной деятельностью, так как никого не заставляют насильно принять участие в игре. Игра проводится в свободное время, может быть начата и закончена по желанию игроков. В играх соперники чаще всего ведут себя так, как будто все равны и находятся в равных условиях, и многочисленные аспекты «внешней реальности», такие как расовые различия, образование, профессия, финансовое положение, на время проведения игры не принимаются во внимание. Препятствия, с которыми люди встречаются в своей повседневной жизни, обычно заранее не предусмотрены и являются реальными в том смысле, что они требуют соответствующих ответных действий, обусловленных внутренними и социальными потребностями. Напротив, в играх препятствия, с которыми приходится бороться, создаются искусственно. И хотя иногда они приобретают жизненно важное значение, становятся вопросом жизни или смерти, как, например, у альпинистов при трудном восхождении, но эти трудности обычно не имеют существенного отношения к повседневной борьбе человека за существование. И, наконец, если во многих реальных ситуациях повседневной жизни под руками может не оказаться средств или возможностей для адекватного преодоления возникающих препятствий, в играх в силу их внутренней структуры всегда предусматриваются потенциальные ресурсы или пути пре-



одоления искусственно созданных препятствий. В этом отношении отличие игры от реальной жизни наиболее ярко проявляется в наличии у нее: 1) свойства, которое можно охарактеризовать словами «как будто»; 2) *искусственных* препятствий и 3) *потенциальных ресурсов для их преодоления* [Loy, Kenyon, McPherson, 1981, p. 7–8].

Тем самым игровая деятельность позволяет *моделировать* такие ситуации, создание которых не зависит от воли обучающего, или такие, включение в которые неподготовленного индивида грозило бы ему гибелью. Это достигается на основе замены тех предметов, с которыми действуют в реальной жизни, на иные («игрушки»), приспособленные для указанных целей, а также введения определенных правил, уточняющих, что можно и чего нельзя делать. При замене реальной ситуации условной, то есть игровой, обучаемый имеет возможность исправить свою ошибку, «переходить», воспитать практически необходимую структуру эмоций. В игровой модели все ограничения, не обусловленные ее правилами, снимаются. У игрока всегда есть выбор, а действия его имеют альтернативу. В момент, когда у игрока не остается выбора, игра теряет смысл; определенные виды игр как раз в том и состоят, чтобы поставить игрока-«противника» в ситуацию отсутствия выбора. С этим связана и условность времени в игре, ее обратимость, возможность «переиграть» [Лотман, 1967].

Значит, игровое моделирование включает в себя такие формы поведения, которые, во-первых, обеспечивают *безопасность человека*, предохраняют его и других людей, с которыми он контактирует в ходе данной деятельности, от существенных негативных последствий, а во-вторых, вызывают повышенный *интерес* к самой деятельности. В этом смысле игра «представляет собой эмоциональное переживание удовольствия, наслаждения от процесса свободного проявления духовных и физических сил личности» [Формирование личности... 1983, с. 119]. «Сущность игр человеческого бытия – подчинение решениям и поведению, общим для всех правил, с одновременным разрешением полного использования возможностей в пределах обозначенной области свободы игроков» [Lipies, 1997, p. 102].

В качестве игровой в принципе может выступать *любая* деятельность, если она осуществляется «ради удовольствия» от самой этой деятельности. Однако формируются и *специально* игровые виды деятельности, структура которых предназначена именно для этой цели. Причем игровая деятельность существует – как исторически, так и в настоящее время – в разных формах. Не случайно в английском языке слово «игра» имеет два синонима – “play” и “game”. Когда ребенок болтает ручками и ножками беспорядочно и как будто бы для собственного интереса – это “play”, а когда имеются правила игры и довольно строгие, нерушимые – это “game”. Ж. Пиаже указывал на три стадии развития и формы детской игры: игры-упражнения, символические игры и игры с правилами [Пиаже, 1969]. В литературе выделяют и другие формы, разновидности игровой деятельности [Кайуа, 2007; Лебедь, 2002, 2005; Леонтьев, 1959; Портных, Фетисова, 2002; Эльконин, 1999; Eichler, 1983; Helanko, 1974 и др.].

Учитывая отмеченные выше особенности игры, нетрудно заметить, что *спорт имеет некоторые общие черты с игровой деятельностью*. В первую очередь речь идет о том, что спортивное соревнование, равно как и игровая деятельность, проходит *в искусственно создаваемых условиях*, подчиняется определенным *правилам* и тем самым носит *гуманный характер*. В этом смысле спортивное соревнование выступает как *игровое* соперничество, если понимать под последним такой вид соперничества, который характеризуется одним или несколькими качествами игры.

Игровой элемент присущ (в той или иной форме) всем разновидностям спортивной деятельности: все виды спорта, «профилирующие направления» социальной практики спорта и его конкретные исторические формы выступают как *организуемое в искусственно создаваемых условиях и гуманное соперничество*.

Но некоторые особенности игровой деятельности (причем существенные для нее) присущи не всем разновидностям спорта. Как подчеркивалось выше, *мотив игрового действия лежит не в результате действия, а в самом процессе*: в данной деятельности человека интересует не столько ее результат, сколько те эмоции, которые она вызывает, удовольствие, получаемое от занятия этой деятельностью. В этом смысле игра не имеет *утилитарного* характера. Эта особенность игровой деятельности присуща лишь *некоторым* разновидностям спорта – например, любительскому спорту, «спорту для всех». Но она отсутствует, например, у спорта высших достижений и профессионального спорта. Здесь

главный интерес участников спортивной деятельности сосредоточен не на удовольствии, развлечении, которое доставляет соревнование, а на его результате и связанных с ним материальных благах, славе, престиже и т.п. Такая модификация связи спорта с игровой деятельностью наглядно видна на примере современного профессионального футбола или хоккея, если их сравнивать с любительской игрой (ради удовольствия) в футбол и хоккей.

Таким образом, неправомерно позицию автора относительно взаимоотношения спорта и игры сводить (как это делает в своих публикациях Н.Н. Визитей) к положению о том, что спортивное соревнование и спорт – это игровая деятельность. Авторская позиция по данному вопросу включает в себя два основных положения.

1. Всем разновидностям и видам спортивной деятельности присущи *некоторые* особенности игровой деятельности – прежде всего такие, что спортивное соревнование проходит в искусственно создаваемых (*в этом смысле – в игровых*) условиях, подчиняется определенным правилам и тем самым носит гуманный характер.

2. Некоторым разновидностям спорта (например, спорту для всех) свойственна и та особенность игровой деятельности, что мотив игрового действия лежит не в результате действия, а в самом процессе. Поэтому эти разновидности спорта можно оценивать как игровую деятельность. Но таким образом нельзя оценивать многие другие разновидности спорта (например, спорт высших достижений, профессиональный спорт, олимпийский спорт и т.д.).

Такую позицию относительно взаимоотношения спорта и игры автор излагал и ранее в своих публикациях [Столяров, 1984 г, 1997 г, 2004 д и др.]

## 10.2. Спорт и труд

Игру чаще всего противопоставляют той форме человеческой активности, которую обозначают термином «труд». Поэтому при рассмотрении специфики спорта как особого социокультурного феномена возникает вопрос о его взаимоотношении (сходстве и различии) и с трудовой деятельностью.

Данный вопрос обсуждается в ряде публикаций [Жолдак, 1982; Исмаилов, 1997; Кравчик, 1996; Плеханов, 1958; Пономарев, 1970; Соколов, 1928–1930; Хейзинга, 1992; Eichler, 1983; Heineman, 1980 a; Lenk, 1972 a; Rigauer, 1981; Wohl, 1981b и др.]. Выскажем нашу точку зрения по этой проблеме.

*Труд* – это сознательная, целесообразная деятельность, в процессе которой человек при помощи определенных средств (орудий труда) изменяет предметы природы, осваивает их, приспособливает к своим целям и потребностям. Трудовая деятельность как специфическая сфера жизни включает в себя такие действия, которые: 1) предпринимаются для удовлетворения жизненных потребностей людей; 2) имеют целью производство определенных потребительских благ; 3) детерминируются определенной необходимостью.

При таком понимании трудовой деятельности нетрудно заметить не только принципиальное различие спорта с этой деятельностью, но и их определенную взаимосвязь. Трудовая деятельность создает условия для появления и развития спорта, а последний имеет важное значение для подготовки человека к трудовой деятельности.

Иногда принципиальное различие (прямую противоположность) труда и спорта усматривают в том, что первый носит принудительный и утилитарный характер, а второй выступает как бескорыстная, непродуктивная, неутилитарная, игровая форма активности. Так, например, К. Хайнеман и Г. Ленк полагают, что несмотря на внешнее подобие между ходом рабочих процессов и некоторыми спортивными формами тренировок, труд и спорт принципиально отличаются друг от друга: «Спорт представляет собой добровольно выбранную, личную и целеустремленную деятельность; спортсмен идентифицирует себя в особой степени своими достижениями; спортивные достижения являются личным действием, которое нельзя спутать ни с чем другим, которое предписывается только отдельному индивидууму; наряду с принципом достижений в спорте находится также множество других желаний и потребностей, которые могут быть осуществлены. Возможность достижений, но не необходимость их – это и отличает спорт от труда» [Heineman, 1980a, p. 221; Lenk, 1972 a, p. 29, 32]. Х. Плесснер, противопоставляя спорт и трудовую деятельность, считал, что спорт является протестом против фабрик и учреждений, против гнетущей рационализации труда, выражает стремление человека убежать от рутины каждодневной деятельности [Plessner, 1967].

Однако такое противопоставление спортивной и трудовой деятельности вряд ли правомерно. Спортивная тренировка в значительной степени определяется предписаниями технологического режима, осуществляется по правилам производственных процессов, а спортивная борьба часто почти совсем лишается своего символического содержания. Целью спорта, особенно в спорте высших достижений, нередко являются инструментальные ценности (например, социальное положение) и коммерческие, финансовые соображения. В профессиональном спорте эти цели спортивной деятельности становятся основными [Кравчик, 1996, с. 12–13].

Эти особенности спорта не отменяют, однако, положения о том, что он является относительно самостоятельной и автономной сферой деятельности, существенно отличающейся по указанным выше параметрам от других видов деятельности, в том числе от труда. В этом плане вряд ли можно согласиться с точкой зрения тех авторов [Habermas, 1958; Plack, 1968; Rigauer, 1981; Vinnai, 1972], которые все особенности производственного процесса переносят на сферу спорта и отождествляют их, по крайней мере с точки зрения влияния спорта и трудовой деятельности на личность человека, включенного в эти виды деятельности.

### 10.3. Спорт и искусство

В плане взаимоотношения спорта с другими социальными явлениями наиболее сложной и дискуссионной является проблема его сходства и различия с *искусством*.

Данной проблеме посвящено множество научных публикаций [Лой, 1984; Милеев, 1931; Полетаева, 1984; Праздников, 1981; Родиченко, 1974, 1983; Сараф, 1978, 1981; Френкин, 1963; Aaken, 1955; Arguel, 1994; Arnold, 1978; Bell, 1976; Best, 1974, 1980, 1988 a, b; Coubertin, 1934b; Frayssinet, 1968; Keenan, 1975; Kovich, 1971; Kuntz, 1974; Liponsky, 1974; Nissiotis, 1987; Parry, 1987; Pierre de Coubertin and the Arts, 1994 c; Pouret, 1964, 1968, 1970; Reid, 1970; Roberts, 1975; Stolyarov, 1984 b, 1985 a, b, 1991 c, d, 1993; Takacz, 1973, 1981, 1986; Ward, 1977; Wertz, 1984, 1988; Witt, 1982; Zuchora, 1976, 1980, 1981 и др.].

Проблема взаимоотношения спорта и искусства была избрана центральной темой дискуссии на 26-й сессии МОА [International Olympic Academy, twenty-sixth session, 1986]. Она обсуждалась также на специальной секции «Спорт и эстетика» на Олимпийском научном конгрессе в США в 1984 г. [Aggression/Violence–Aesthetics... 1984], на международной конференции «Искусство и спорт» в Лейпциге в 1983 г. [Kunst und Sport, 1983], на других конгрессах, конференциях, симпозиумах.

Отметим также опубликованную в 1974 г. «Хрестоматию по эстетике спорта» Уайтинга и Мастерсона [Readings... 1974] и два сборника статей исследователей разных стран по проблеме взаимоотношения спорта и искусства: «Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез?» [Духовность. Спорт. Культура, 1996], «Спорт, эстетика, искусство» [Спорт, духовные ценности, культура, 1998], которые подготовлены автором данной книги и опубликованы Гуманитарным центром «СпАрт» ГЦОЛИФК в 1996 и 1998 гг.

Собственную позицию по данной проблеме автор изложил в ряде публикаций, некоторые из которых написаны совместно с его учениками и коллегами [Сараф, Столяров, 1984; Столяров, 1991 в, 1998 н, о, 2006 б; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Лазарев, Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Столяров, Сараф, 1982, 1984 а, б]. Под его руководством В.И. Самусенковой написана кандидатская диссертация «Интеграция спорта и искусства как социально-педагогическая проблема» [Самусенкова, 1996].

Анализ дискуссий и опубликованных работ по проблеме взаимоотношения спорта и искусства выявляет обширный диапазон различных и даже противоположных точек зрения.

В последние годы все чаще высказывается мнение о том, что *спорт не только может быть разновидностью искусства, но он уже является искусством, одной из форм искусства*.

Вот лишь несколько иллюстраций такого рода взглядов.

Известный балетмейстер К.Я. Голейзовский [Голейзовский, 1966] на страницах журнала «Театр» прямо утверждал, что спорт, без всякого сомнения, является искусством. Французский ученый Г. Пуре в докладе на 4-й сессии Международной олимпийской академии обосновывал положение о том, что «искусство – спорт, а спорт – искусство; между ними нет никаких границ или отличий. Оба они являются выражением универсального языка» [Pouret, 1964]. Положение о том, что спорт является искусством, он обосновывал и

в докладе на 10-й сессии МОА [Pouret, 1970]. По мнению М. Кович, «определение искусства должно быть расширено за счет включения в него высококлассных спортивных выступлений» [Kovich, 1971]. В предисловии к книге «Человек, спорт и бытие» [Slusher, 1967] Э. Фриденберг высказывает мысль о том, что «спорт – это род прикладного искусства». По его мнению, из специфических искусств спорт ближе всего к балету, где средством художественной выразительности также служит человеческое тело. В то же время он считает спорт самым «сухим» из исполнительских искусств, поскольку он якобы более всего регламентирован. П. Фрэйссинет считает спорт таким же искусством, как музыка, поэзия или танец [Frayssinet, 1968].

Американский ученый Б. Лоу в своей книге «Красота спорта» подробно обсуждает вопрос о том, можно ли рассматривать спорт как искусство, а спортсмена считать артистом: является ли бейсболист, спринтер, футболист или боксер артистом, так же как скрипач, балетный танцовщик, дирижер?» Он дает положительный ответ на этот вопрос и, в частности, пишет: «...как живописцу краски и холст, так спортсмену для демонстрации искусства служит его собственное тело. И его искусство может существовать как ради самого процесса исключительно (процесс самовыражения), так и результата ради (включая общественное признание и материальное вознаграждение). А это значит, что оно ничем не отличается от художественной деятельности любого другого артиста. Разумеется, конечные результаты (произведения искусства) разнятся – живопись и скульптура остаются потомкам, а танец живет только пока исполняется – и в этом спектре "различий" есть место и для спорта. Точнее, он должен располагаться в этом спектре ближе к танцу» [Лоу, 1984, с. 92–93]. Правда, Б. Лоу непоследователен в таком понимании отношения спорта и искусства. Наряду с рассмотрением спорта как разновидности искусства иногда он высказывает мнение о том, что спортсмен использует не язык искусства, а язык эстетики движений, что «можно провести четкое различие между сферами спорта и искусства» и что «спорт и искусство в аспекте культуры – это два совершенно разных мира» [Лоу, 1984, с. 195, 202].

Член МОК, президент Международной олимпийской академии Н. Ниссиотис свой доклад на 26-й сессии МОА посвятил подробному обоснованию положения о том, что «спорт является искусством», а «атлет – артистом» [Nissiotis, 1987]. Известный ученый из Канады Ф. Ландри, подводя итоги дискуссии на этой сессии МОА о взаимоотношении спорта и искусства, в заключительном слове отметил, что «в ходе дискуссии все группы пришли к согласию о том, что хотя “искусство” не “спорт”, но “спорт” (спорт высших достижений) может рассматриваться как определенная форма художественной деятельности или как “искусство”» [Landry, 1987 b, p. 295].

Аналогичные взгляды высказывают и многие другие исследователи [см. например: Жеу, 1972; Kuntz, 1974; Miller, Russell, 1971 и др.].

Иногда спорт связывают лишь с *некоторыми видами искусства*. Особенно часто его отождествляют с такими разновидностями искусства, как скульптура, танец, театр [см., например: Лоу, 1984; Frayssinet, 1968; Keenan, 1975; Pouret, 1964, 1968, 1970, Snyder, Spreitzer, 1983 и др.]. Б. Лоу неоднократно проводит сравнение спорта с театром, а спортсмена с актером, рассуждает о «сценариях» для метания копья, бега на одну милю, удара по мячу или поднятия шпанги и т.д. [Лоу, 1984, гл. 4]. В ходе дискуссии на тему «Спорт как искусство», которая во второй половине 60-х годов проходила на страницах журнала «Театр» [Голейзовский, 1966; Латынина, 1967; Прядеин, 1967 и др.], также неоднократно высказывалось мнение о том, что спорт – это театр.

Вместе с тем с искусством отождествляются нередко не все, а лишь *некоторые виды спорта*. Чаще всего имеют в виду так называемые *художественные* виды спорта: художественную гимнастику, фигурное катание, синхронное плавание и др. Такую позицию занимает, например, А.А. Френкин в книге «Эстетика физической культуры». Он возражает против отнесения к искусству, например, спортивной гимнастики и легкой атлетики, а вместе с тем относит к нему такие виды спорта, как художественную гимнастику и фигурное катание [Френкин, 1963, с. 91–95].

Часто как искусство рассматривают шахматы [Ботвинник, 1968 а, б]. Как искусство оценивается и футбол. Например, президент ФИФА Жоао Авеланж заявил в одном из своих интервью что, по его мнению, «футбол – это искусство» [см.: International Sport, 1982, N2]. Сходные мысли высказывал тренер сборной Италии, чемпиона мира по футболу 1982 г., Энцо Беарзот: «Футбол – это самый волнующий театр из всех существующих в

мире. Любой, даже самый захватывающий, детектив не сравнится с ним, если все актеры на поле решили играть свои роли с полной отдачей... Это – театр, и его спектакли должны волновать и радовать людей» [Цит. по: Полетаева, 1978, с. 73–74].

Таков один подход к пониманию взаимоотношения спорта с искусством, при котором спорт (какой-то вид спорта) рассматривается как искусство (как определенная разновидность последнего). Как отмечает Г. Витт, такой оценке спорта в немалой степени способствуют спортивные репортеры, превозносящие художественные достоинства выступлений тех или иных спортсменов, а также широкое использование таких выражений, как «художественная гимнастика», «художественные виды спорта» и т.п. [Witt, 1982, s. 39].

Вместе с тем высказывается и другое мнение по данному вопросу: признается определенное *сходство*, наличие *общих* моментов у спорта и искусства, но они рассматриваются все же как *существенно отличающиеся* друг от друга феномены культуры [см. например: Сараф, 1978, 1981, 1994; Best, 1974, 1980; Parry, 1987; Takacz, 1973, 1981; Witt, 1982]. Такова позиция в этом вопросе и автора данной работы [Столяров, 1982; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Лазарев, Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Столяров, Сараф, 1982, 1984; Stolyarov, 1984, 1985].

Некоторые исследователи, анализирующие обсуждаемую проблему, отмечают трудности в ее решении, наличие оснований для различных ответов на вопрос о взаимоотношении спорта и искусства и считают, что данный вопрос пока остается *открытым* [см. например: Arnold, 1978; Best, 1974; Ward, 1977 и др.].

Наличие столь различных и противоречивых взглядов на обсуждаемую проблему побуждает поставить вопрос о *методологии* ее решения.

Обратимся к сторонникам оценки спорта как искусства и выясним, на каком основании они рассматривают спорт как искусство.

Ф. Ландри в упомянутом докладе, подводящем итоги дискуссии участников 26-й сессии Международной олимпийской академии на тему «Спорт, искусство и олимпизм», при обосновании положения о том, что спорт – искусство, также отмечает многие присущие им *общие* элементы. К числу таковых он отнес, в частности, следующие: обе формы человеческой активности предоставляют огромные возможности для обучения, совершенствования и самовыражения; обе они имеют древние традиции, исторические корни; и артист, и спортсмен ориентируются на творчество и индивидуальный стиль; для спортсменов и артистов характерно возвышенное состояние сознания и духа [Landry, 1987 b, p. 295–296].

Г. Пуре, по мнению которого, как отмечалось выше, спорт, без всякого сомнения является искусством, при обосновании этого вывода также ссылается на многие *сходные, общие* черты спорта и искусства. Свой доклад на 8-й сессии МОА он специально посвятил анализу сходства и различия между атлетом и артистом. В качестве общих для них черт он указывает высокий статус, специальную тренировку, регламентированную жизнь и др. [Pouret, 1968].

Г. Грин в своей книге «Футбол – игра всей планеты» писал: «Чтобы научиться ценить возможность эстетического наслаждения спортом, например простыми и красивыми движениями футболистов, необходимо обратить внимание на заметную близость спорта к искусству. Они схожи в трех важных аспектах. Их объединяет, во-первых, большой эмоциональный подъем; во-вторых, наличие законов и правил, которые так же серьезны и обязательны, как в философии или физике; наконец, в-третьих, созидательный и творческий характер спорта и искусства» [Green, 1953, p. 214]. Как считает польский философ З. Кравчик, спорт объединяет с искусством то, что он является сферой творчества, цель которого – экспрессия и сильное переживание как «актера», так и зрителей [Krawczyk, 1990 b].

В.С. Родиченко, считая неправомерным противопоставление спорта и искусства, также прежде всего обращает внимание на то, что спортивное соревнование представляет собой творческий процесс, о чем свидетельствует эвристический характер принятия решений в присущих спортивному соревнованию тактических ситуациях. В спортивном соревновании как творческом процессе, по его мнению, существуют два главных аспекта, аналогичные двум аспектам в искусстве: «создание спортсменом новых спортивных ценностей для самого себя; создание творческих ценностей для получателя спортивной информации – любителя спорта» [Родиченко, 1983, с. 190–191]. Характеризуя общность спорта и искусства, В.С. Родиченко указывает также на то, что в спорте существует анало-

гичная искусству возможность подделки, например, такая форма подделки спортивных ценностей, как применение допинга для завоевания победы или достижения результата. Правда, в отличие от искусства, в котором подделка является уголовно наказуемым преступлением, в спорте, отмечает он, применение допинга квалифицируется лишь как дисциплинарный проступок и влечет за собой наказание, ограниченное рамками спортивных правил.

Обосновывая общность спорта и искусства в аспекте их творческого характера, В.С. Родиченко обращает внимание и на то, что продукт спортивного творчества заключается в спортивно-техническом результате и что важнейшим критерием творчества является то, насколько спортивное соревнование обогащает новым содержанием совокупность созданных ранее творческих ценностей. Для иллюстрации В.С. Родиченко предлагает сравнить прыжок в высоту на 2 м в 1912 г. и в настоящее время. В обоих случаях прыжок на 2 м является творческим актом. Однако в 1912 году этот прыжок как произведение творчества имел большее социальное значение, чем тот же прыжок в настоящее время, поскольку в 1912 г. он вошел в таблицу мировых рекордов, а нынешний прыжок входит лишь в список 500 (предположительно) прыжков лучших спортсменов года. Информация о нем доступна весьма ограниченному числу лиц, в то время как о прыжке 1912 г. знал практически каждый, кто интересовался легкой атлетикой. В первом случае этот прыжок характеризовал собой вершину возможностей человека в освоении такого упражнения, как прыжок в высоту, и в какой-то степени – в постижении возможностей человека в целом. В нынешнее же время этот результат является свидетельством того, что для большой массы спортсменов стала доступной современная методика развития скоростно-силовых качеств и обучения эффективным способам прыжка, а также о том, что в орбиту массового спорта вовлечено значительное количество людей. «Аналогично этому, – пишет В.С. Родиченко, – Сикстинская мадонна и Венера Милосская представляют собой ценности вечные, они воспринимаются такими в силу определенного приоритета этих произведений искусства перед всеми последующими. И несмотря на то что копия Сикстинской мадонны, написанная современным художником, будет таким же воплощением женственности и материнства, что и оригинал, она не будет той вершиной искусства, какой является оригинальное произведение Рафаэля» [Родиченко, 1983, с. 192].

При оценке спорта как искусства ссылаются также на то, что в спорте в самых различных формах выступает прекрасное, другие эстетические ценности, что спорт имеет активно-творческий характер, что здесь осуществляется, выступая в разнообразных формах, эстетическая деятельность – деятельность «по законам красоты», создается прекрасное, что в некоторых видах спорта, например в гимнастике, при оценке результатов выступления спортсменов используются эстетические критерии и т.д. Так, Э. Йокль в «Хрестоматии по эстетике спорта» Уайтинга и Мастерсона ставит следующий вопрос: «Существует ли резкое отличие красоты фигурного катания и танцев на льду, гимнастики и прыжков в воду, футбола, хоккея и верховой езды от прекрасного, например, в музыке или сценическом искусстве?» По мнению Йокля, на этот вопрос следует ответить отрицательно: «Эстетическое значение действий, создающих красоту в спорте, в основе своей аналогично значению действий, которые порождают прекрасное в музыке или театре. Все они принадлежат настоящему... Подобно спортсмену в процессе соревнования, выступающий музыкант или актер на сцене полностью отдается своему искусству» [Jokl, 1974, p. 32].

Аналогичные мысли высказывает философ из Германии Г. Ленк. «Спорт и искусство, – отмечает он, – могут рассматриваться как аналогичные явления вследствие схожих реакций, которые они вызывают в людях, занимающихся ими; вследствие отсутствия цели, связанной с практической выгодой, которое характеризует обе эти сферы; вследствие влияния спортивного выступления на других людей, вследствие "культурной ценности" высоких спортивных достижений, которые создаются в "творческом действии"» [Lenk, 1972 b, p. 20; 1979, p. 20].

Особенно часто отмечается сходство спорта с *театром*. Ю. Власов писал, например, по этому поводу: «Соревнование – это спортивное зрелище. На стадионах и в спортивных залах независимо от желания выступающих автоматически вступают в действие вековые законы театра: умение вести себя на публике, умение установить с ней контакт и подчинить своему таланту» [Власов, 1955]. Сходство спорта с театром отмечает и английский ученый Ф. Кинан: «Театр – это форма искусства, которая развилась с расчетом на зрите-

ля. Возможно, поэтому именно в сравнении с драмой спорт достигает наиболее близкого родства с искусством как процессом. На спортивных состязаниях публика ведет себя так же, как и на театральных спектаклях: она аплодирует тем из участников, кто обладает высоким мастерством, и не скрывает неодобрения по поводу плохого выступления. И в спорте, и в театре мы говорим об "игре". Сходство нашего отношения к происходящему на сцене и на спортивной арене заключается в том, что мы получаем удовольствие и радость от волнующих выступлений, в которых перед нами предстает организованная последовательность мастерски выполненных действий» [Keenan, 1975, p. 41–42]. Э. Снидер и Э. Спрайтцер рассматривают спорт как театр на том основании, что спортивные поединки, как и театральный спектакль способны вызвать у аудитории сходные эстетические эмоции, ввергнуть ее в состояние катарсиса [Snyder, Spreitzer, 1983, p. 20–22].

Таким образом, основным аргументом при обосновании вывода о том, что спорт – искусство, служит ссылка на **сходство, близость, наличие общих моментов у спорта с искусством**.

Но такая методология решения обсуждаемой проблемы несостоятельна.

Спорт и искусство действительно имеют много общего, сходного. Наличие существенных общих черт у спорта с искусством (в том числе с театром) и у спортсмена с артистом (актером) помимо указанных выше исследователей обсуждаемой проблемы отмечают и многие другие, в том числе автор данной работы [Сараф, 1978, 1981, 1994; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, 1982; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Лазарев, Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Столяров, Сараф, 1982; Столяров, Сараф, 1984; Aaken, 1955; Arguel, 1994; Arnold, 1978; Černý, 1968; Frayssinet, 1968; Kovich, 1971; Miller, Russell, 1971; Parry, 1986; Stolyarov, 1984, 1985 и др.].

Однако из наличия у спорта и искусства **сходства, общих черт** вовсе не следует вывод об их **тождестве**, о том, что одно из этих явлений является разновидностью другого. Как справедливо заметил по этому поводу Дж. Пэрри, из общности спорта и искусства вовсе не следует, что спорт является искусством; из этого вытекает лишь, что спорт в определенных аспектах «сходен» с искусством. Торт с изюмом и печенье с изюмом содержат изюм, но это не превращает торт в разновидность печенья. Птицы и рыба (а также одно животное) откладывают яйца, но это не превращает птицу в рыбу [Parry, 1987, p. 157].

Но, может быть, есть какие-то другие основания для утверждения о тождестве спорта и искусства? И может быть, в каком-то аспекте действительно спорт можно рассматривать (хотя бы в перспективе) как разновидность искусства?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от истолкования самих понятий «спорт» и «искусство», т.е. от того, **что** понимается под спортом и искусством. Заметим, что на эту сторону дела, очень важную в *методологическом плане*, в ходе дискуссии о соотношении спорта и искусства обычно не обращают внимания, вследствие чего сама дискуссия становится беспредметной и неразрешимой.

Понятие спорта было охарактеризовано выше. Важно уточнить и понятие искусства, так как не только в обиходном словоупотреблении, но и в научных работах встречается как минимум *три разных подхода* к пониманию искусства:

1) оно рассматривается как **высокое мастерство** в любом виде деятельности (например, мастерство хирурга, портного или футболиста);

2) под искусством понимается **художественная** деятельность, главной особенностью которой является творческое воспроизведение действительности в **художественных образах**;

3) к искусству относят не только художественную, но и другую деятельность «по законам красоты» (например, творчество ювелира, садовника, художника-конструктора, дизайнера и т.п.), т.е. отождествляют искусство с **эстетической деятельностью**.

Различные подходы к пониманию искусства отражаются и в словарях.

Так, в Толковом словаре Даля искусство определяется как «...знание, умение, развитая навыком или учением способность; ...ветвь или часть людского образования, просвещения; наука, знание, прилагаемое к делу, рукоделие, ремесло, мастерство, требующее большого умения и вкуса. Изящные искусства, все искусства. Искусство также противоплагается природе и тогда означает всякое дело рук человеческих» [Даль, 1955, с. 52].

«Словарь русского языка», выпущенный АН СССР и Институтом русского языка, дает следующее определение искусства: «1. Творческое воспроизведение действительно-

сти в художественных образах, творческая художественная деятельность. 2. Отрасль творческой художественной деятельности. 3. Какая-либо отрасль практической деятельности с присущей ей системой приемов и методов // Умение, мастерство, тонкое знание дела» [Словарь... 1981, с. 680].

Как отмечает М.С. Каган, многозначность термина «искусство» связана с исторической эволюцией эстетического сознания человечества. Первоначально формы художественного творчества, ремесла и всяческого умения обозначались одним словом. У древних греков это было слово «техне» (от него произошло современное понятие «техника». В романских языках слова, обозначающие «искусство» и «ремесло», «художник» и «ремесленник», восходят к общему латинскому корню «*art*» и т.д. Однако постепенно стало осознаваться существенное отличие художественного творчества как *художественно-образного отражения* действительности от других сфер практической деятельности [Каган, 1983, с. 222].

Разъясним понимание искусства как *художественного творчества*. В данном случае искусство понимается не только как особый вид духовно-практического освоения действительности, которое имеет своей целью формирование и развитие способности человека творчески преобразовывать окружающий мир и самого себя по законам красоты [Толстых, 1973, с. 411–412], но вместе с тем как особая форма общественного сознания и деятельности, отражающей действительность в *художественно-образной форме* [Борев, 1981; Зеленов, 1971; Зеленов, Куликов, 1982; Карпов, 1992; Киященко, Лейзеров, 1984; Кривцун, 1992; Матулявичюс, 1989 и др.].

К искусству, понимаемому таким образом, относят живопись, музыку, театр, художественную литературу и т.п. разновидности человеческой деятельности, «объединяемые потому, что они являются специфическими художественно-образными формами воспроизведения действительности» [Каган, 1983, с. 222].

При таком понимании искусства, которое чаще всего используется в эстетической литературе, его специфика связывается прежде всего с тем, что оно отражает действительность в *художественных образах*. Не случайно часто говорят, что художественный образ является как бы клеточкой произведения искусства. Значит, отличительный признак художественного творчества усматривается не просто «в создании красоты ради возбуждения эстетического удовольствия, а в образном освоении действительности, т.е. в выработке специфического духовного содержания и в специфическом социальном функционировании» [Каган, 1983, с. 222].

Каковы основные особенности *художественно-образного* отражения действительности?

Во-первых, в художественных образах осуществляется определенное *осмысление* действительности (отличное от других его видов, например, от научно-теоретического), и, во-вторых, эти образы выступают для человека не как «сама реальность, а как ее идеальная реконструкция, как "модель", активно соотносимая с оригиналом» [Андреев, 1980, с. 19]. К искусству, понимаемому таким образом, относят живопись, музыку, театр, художественную литературу и т.п., объединяемые потому, что они являются специфическими, художественно-образными формами воспроизведения действительности [Борев, 1981; Зеленов, Куликов, 1982; Карпов, 1992; Кривцун, 1992; Матулявичюс, 1989 и др.].

В процессе художественно-образного мышления «мысль неразрывно связана с чувством, эмоциями, идея нерасторжима с образом, выражается в эмоционально насыщенном образе, обращенном не только к нашему разуму, но и к нашим чувствам» [Лукин, Скатерщиков, 1982, с. 63]. Причем речь идет о восприятии и познании окружающей действительности в таких формах человеческой чувственности, которые предполагают развитие творческое воображение. Именно силой творческого воображения художник преобразует реальный мир, реальные жизненные явления и ситуации в художественные образы, делая это свободно, по законам красоты.

Искусство формирует и организует сферу человеческой чувственности [Ильенков, 1960, с. 33]. При этом оно «оперирует не всякими чувствами, а именно высшими социальными чувствами», которые играют важную роль в развитии мотивационной, смысловой сферы жизнедеятельности личности [Толстых, 1973, с. 324–325]. В ходе исторического развития человеческой культуры искусство выступает как система конкретных видов искусства, в которых *многообразие реального мира* предстает во всем богатстве *развитых форм человеческой чувственности*.



Принципиальная особенность искусства как художественно-образного постижения действительности состоит и в том, что здесь все стороны и компоненты творческого процесса пронизаны *личностным* началом. Для искусства характерно заинтересованно-личностное отношение художника к окружающему миру, который он отображает согласно внутреннему смыслу отображаемого и в соответствии с определенным эстетическим идеалом. А.Н. Толстой писал по этому поводу: «Искусство – это опыт личной жизни, рассказанной в образах, в ощущениях, – личный опыт, претендующий стать обобщением» [Толстой А.Н., 1949, С. 408]. Специфические конкретно-чувственные и чувственно-воспринимаемые образы показывают типичное, общее через индивидуальное, т.е. через совокупность качеств, свойств, черт, которые характерны только для данного явления, данного человека.

Таким образом, при обсуждении проблемы взаимоотношения спорта с искусством последнее можно понимать по меньшей мере трояко:

- 1) как **высокое мастерство** в определенном виде деятельности;
- 2) как деятельность, в ходе которой предмет формируется «по законам красоты», создаются определенные эстетические ценности (эстетически совершенные явления), т.е. как **эстетическую деятельность**;
- 3) как художественное творчество, связанное с воспроизведением действительности в **художественных образах**.

Эти различные понимания искусства нередко недостаточно четко отличаются друг от друга. В частности, под художественным творчеством (искусством) часто понимают не только творческую деятельность по созданию художественных образов, но и просто творчество по законам красоты, любую эстетическую деятельность.

Первые два понимания искусства тесно связаны между собой. Как справедливо замечает М.С. Каган, искусство, «понимаемое как высокий уровень мастерства в любой области деятельности, нехудожественной и художественной, т.е. совершенное исполнение данной работы, приобретает тем самым непосредственно эстетический смысл, т.к. искусная деятельность, где бы и как бы она ни проявлялась, становится красивой, эстетически значимой» [Каган, 1983, с. 222].

В связи с этими уточнениями сам вопрос о том, является ли спорт искусством, следует разделить как минимум на **три вопроса**, которые необходимо четко отличать друг от друга, не смешивать между собой:

- 1) правомерно ли говорить о **высоком уровне мастерства** в спортивной деятельности;
- 2) каков **эстетический** потенциал спорта; какое место в системе различных явлений спорта занимают **эстетические** компоненты; является ли спорт, спортивная деятельность **эстетической** деятельностью, деятельностью, совершающейся «по законам красоты», создающей эстетические ценности (эстетически совершенные явления) и тем самым демонстрирующей высочайший уровень мастерства;
- 3) относится ли спорт к миру явлений **художественной** культуры, есть ли основания рассматривать спорт (хотя бы некоторые его виды) как **художественную** деятельность, как **художественно-образное** воспроизведение действительности.

Фактически не вызывает споров и дискуссий признание **высокого уровня мастерства** в спортивной деятельности (по крайней мере в спорте высших достижений и у определенных спортсменов), а также важной роли **эстетических ценностей** в спортивной деятельности: в ней заключены огромные возможности для формирования и развития эстетических способностей, эстетической культуры человека, и эти возможности во многом действительно реализуются (подробнее см. гл. 14 и 15).

Поэтому если искусство понимать в первых двух указанных выше значениях, связывая его с высоким мастерством и эстетическими ценностями, эстетической деятельностью, то спорт, без всяких сомнений, должен быть отнесен к сфере искусства, а спортсмен высокого класса рассмотрен как артист.

Причем анализ аргументов тех, кто рассматривает спорт как искусство, а спортсмена как артиста, показывает, что, как правило, они понимают искусство именно в первых из двух указанных выше значений – как высокое мастерство и/или как деятельность «по законам красоты», как то, что имеет определенную эстетическую ценность.

Так, например, Р. Мэйо пишет: «В действии и ритме, свидетельствующих о совершенном владении пространством и временем, спорт приближается к *искусству, которое*

создает красоту [выделено нами – В.С.]. На этом основании он сближает спортсмена с артистом и считает, что его действия «нельзя отделить от самого изящного балета, самого блестящего отрывка прозаического или стихотворного произведения, самых восхитительных линий в архитектуре» [Maheo, 1970, p. 190]. Б. Лоу, рассматривая спорт как искусство, а спортсмена как артиста, также основывается на том, что искусство и артистизм – это высокое индивидуальное умение, «превосходная степень мастерства», деятельность, связанная с созданием прекрасного [Лоу, 1984, с. 95]. «Особый стиль бега, точность ударов по мячу бейсболиста и т.д. – вот те критерии, исходя из которых мы называем атлета артистом», – пишет он [Лоу, 1984, с. 96].

Но против *такого* толкования спорта как искусства и спортсмена как артиста вряд ли кто будет возражать. Ведь в спорте, особенно в спорте высших достижений, можно постоянно наблюдать и высочайший уровень мастерства спортсменов, и связанную с этим демонстрацию эстетически совершенных, прекрасных по исполнению технических приемов, т.е. творческую деятельность «по законам красоты», а также проявление других эстетических ценностей – возвышенного, героического, комического и т.п. С этой точки зрения вряд ли серьезным аргументом против рассмотрения спорта как искусства является тот, на который обращает внимание П. Арнольд: «Поскольку конечной целью спорта является победа, а не красота, его нельзя считать искусством» [Arnold, 1978, p. 45].

На основе изложенного выше можно объяснить и само появление концепции спорта как искусства, идеи отождествления этих двух феноменов культуры. Как заметил однажды М.Я. Сараф, при объяснении попыток отнесения спорта к сфере искусства прежде всего важно учитывать, что поистине стремительное развитие спорта проявило и для узкого круга специалистов, и для многомиллионных масс зрителей и спортсменов его высокую эстетическую значимость, подчеркиваемую к тому же средствами массовой информации. Эстетические закономерности стали играть весьма существенную роль в функционировании и развитии спорта. Стремление познать их вызвало потребность в эстетической теории спорта, а ее не было. Поэтому стали обращаться к искусству и искусствоведению в надежде найти там объяснение эстетическим феноменам спорта. Старались привести в действие весь аппарат эстетики как науки об искусстве и весь аппарат искусствоведения для познания сущности спорта, раскрытия загадки его красоты и привлекательности.

Значит, главная проблема, требующая обсуждения, состоит вовсе не в том, «создает ли спорт красоту», проявляют ли спортсмены высочайшее мастерство, как это полагают некоторые участники дискуссии [см. например: Arnold, 1978; Best, 1974]. Вопрос о взаимоотношении спорта и искусства становится действительно проблемой, действительно дискуссионным в том случае, если искусство понимать в ином смысле: как вид эстетической деятельности, связанный с созданием *художественных образов*, т.е. как художественное творчество. В этом случае возникает вопрос, который и является предметом дискуссии: относится ли и спорт к миру явлений художественной культуры, есть ли основания рассматривать его (хотя бы некоторые виды) как художественную деятельность, как *художественно-образное* воспроизведение действительности.

На первый взгляд, особенно при обращении к таким видам спорта, как художественная гимнастика, фигурное катание на льду и т.п., на поставленный выше вопрос можно ответить утвердительно. Создается впечатление, что в лучших своих программах спортсмены создают яркие и запоминающиеся художественные образы, аналогичные тем, которые составляют сущность произведений искусства, только используют для этого специфические средства. Исходя из этого, некоторые исследователи отстаивают положение о том, что и в спорте, а не только в искусстве создаются образы [см., например: Roberts, 1975, 1986].

Однако это впечатление обманчиво. В строгом смысле слова у спортсменов – даже в указанных видах спорта – речь идет не о художественных образах, а об *эстетической выразительности* и *эстетическом совершенстве* их действий.

Тенденция к усилению эстетической выразительности и стремление к совершенству движений – характерная особенность современного спорта. Тенденция эта тем сильнее, чем более значимой в спорте становится его эстетическая сторона. И спортсмены высокого класса действительно добиваются *эстетического совершенства* в своих действиях. Для эстетически совершенного предмета обязательно наличие выразительной формы, которая адекватно выражает содержание, т.е. наиболее существенные качественные характеристики, основные функции предмета, или, как еще иногда говорят, его меру: «Под вы-

разительностью формы, образующей эстетическое свойство явления, мы понимаем способность формы наилучшим образом выявить и раскрыть его качественные стороны» [Лукин, Скатерщиков, 1982, с. 15]; «Вещь, предмет, явление прекрасны тогда, когда они в высшей степени соответствуют как своей мере, так и мере человека» [Зеленов, 1971, с. 7].

Однако *не всякое эстетически совершенное движение (как и вообще не всякий эстетически совершенный предмет) является художественным образом и относится к сфере искусства.*

Как справедливо отмечает Дж. Столнитц, «за пределами искусства существует обширный класс действий, правильно названных умелыми, которые могут претендовать на то, чтобы считаться эстетическими» [Stolnitz, 1973, p. 7]. «Сфера эстетического освоения мира, – пишет Ю. Боров, – гораздо шире собственно искусства. Она охватывает и труд, и быт, и культуру, например, область садово-парковой культуры» [Боров, 1981, с. 18].

Чтобы уточнить это положение, заметим, что существуют многообразные так называемые *конструктивные* виды эстетической практики (например, художественное проектирование предметов, оформление садов и парков, аранжировка цветов, дизайн и т.п.), в процессе которой (в отличие от художественной деятельности в искусстве) создаются *эстетически ценные* предметы, но они *не являются художественными образами*, произведениями искусства и не оцениваются как таковые [Безмодин, 1975; Боров, 1981; Коломиец, 1987; Новикова, 1976; Саркисова, 1974].

Разъясним данное положение. Если речь идет о *произведениях искусства* (допустим, о романе, картине художника и т.д.), они, как правило, сопоставляются с той реальной жизнью, которую призваны определенным образом осмыслить. Их ценность не только в том, что это эстетически совершенные объекты, но прежде всего в художественном отображении действительности. Так, живописное полотно не только и не столько красивый предмет, который может быть использован для украшения интерьера, но прежде всего создание, в художественной форме отображающее определенную реальность. Точно так же персонажи литературного произведения создаются и оцениваются в первую очередь как образы, концентрирующие в себе качества реальных прототипов, отмеченных печатью определенных исторических условий [Андреев, 1980, с. 20–21].

Совсем иной подход к созданию и оценке продуктов «*конструктивных*» видов эстетической деятельности. Они (например, красивый букет цветов, спроектированный дизайнером автомобиль или созданный садовником живописный парк) создаются и оцениваются только как *эстетически совершенные* объекты и не соотносятся с какими-то другими предметами, отличными от данных, не рассматриваются как их художественные образы [Андреев, 1980; Безмодин, 1975; Коломиец, 1987; Саркисова, 1974].

Аналогичная ситуация присутствует и в спорте. В современном спорте (особенно в спорте высших достижений) спортсмены стремятся придать своим действиям эстетическую выразительность и эстетическое совершенство. Это особенно характерно для тех видов спорта, где эстетическое впечатление от выполняемых спортсменом действий прямо и непосредственно влияет на спортивный результат (через судейскую оценку).

Для усиления эстетического впечатления некоторые спортсмены (например, фигуристы в фигурном катании на льду, гимнасты в художественной гимнастике) прибегают и к созданию определенных образов с помощью движений.

Нередко это и дает повод для отнесения выступлений этих спортсменов и указанных видов спорта к искусству. Так, например, А.А. Френкин при решении вопроса об отношении спорта и искусства исходит из того, что «первым и необходимым признаком искусства является создание художественных образов». В связи с этим он не относит к сфере искусства такие жанры циркового мастерства (жонглирование, дрессировку животных, цирковую акробатику и гимнастику, высшую школу верховой езды, силовые номера, эквилибристику, мастерство канатоходцев и т.п.), которые «не поднимаются до уровня художественных образов». К искусству он причисляет «те жанры циркового мастерства, которые органично связаны с литературой, музыкой, театром» (клоунаду, характерные и комические танцы, музыкальные номера), «потому что лучшие мастера цирка создают в этих жанрах острые и яркие художественные образы».

С этих позиций А.А. Френкин подходит и к решению вопроса об отношении спорта, тех или иных видов спорта к искусству. По его мнению, «к искусству в точном значении слова относятся такие виды спорта, как фигурное катание на коньках и художественная гимнастика, но в тех случаях и в той мере, когда крупнейшим мастерам удается создать в

этих видах спорта высокохудожественную произвольную программу и передать посредством художественных образов определенное настроение, чувства». В этом плане, считает А.А. Френкин, об элементах искусства можно говорить и в произвольной программе вольных упражнений спортивной гимнастики, особенно женской, в исполнении Л. Латыниной, П. Астаховой и др. «Об остальных же видах спорта, – полагает А.А. Френкин, – можно говорить как об искусстве лишь в переносном значении, как о совершенном мастерстве» [Френкин, 1963, с. 91–92].

Бесспорно, указанные виды спорта по сравнению с другими ближе к искусству. И все же между ними сохраняется определенное различие.

Во-первых, если в спортивном выступлении и создается образ, то весьма специфический и отличающийся от тех художественных образов, которые характерны для искусства. Как правило, это всегда *обобщенный, символический образ*. При этом он может заключать в себе определенную смысловую интонацию – мягкую, лиричную или мужественную, вызывающую. Обманное движение иногда имеет характер иронии.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное, *такие образы* даже в указанных видах спорта (не говоря уж о других, таких как бокс, легкая атлетика, спортивные игры и др.) *не являются органическим и необходимым элементом спорта*. Если спортсмен и стремится создать какой-то художественный образ, это никак не диктуется логикой спортивного состязания. В силу самой специфики спорта, особенностей спортивной деятельности перед спортсменом не стоит задача – по крайней мере как главная и основная – создать такой образ, отразить в своих движениях какие-то другие явления, дать их изображение.

Во многих видах спорта (например, в спортивной и художественной гимнастике, фигурном катании, акробатике, прыжках в воду, синхронном плавании, батуте) – часто их называют «техничко-эстетическими видами спорта» – при оценке выступления спортсменов учитываются *эстетические показатели* их спортивно-технического мастерства. Основные из этих показателей, выявленные на основе контент-анализа [Смирнов, Шарабарова, Дудкина, 1979], проанализировал Ю.И. Смирнов [Смирнов, 1991], опираясь на разъяснения и рекомендации специалистов [Вербова, 1967; Гавердовский, 1974; Коренберг, 1972; Лисицкая, 1984, 1987, 1988; Лобжанидзе, 1980; Максимова, 1980; Морель, 1971; Резников, 1974; Энтжес, 1965 и др.].

Приведем данную им интегративную характеристику наиболее важных эстетических показателей спортивно-технического мастерства, которые учитываются при судействе.

*Красота* – легкость, геометрическая точность, согласованность, ритмичность, последовательность, гармоничность сочетания движений и музыки и т.п. [Смирнов, 1991, с. 12–13]. *Зрелищность, эффектность, яркость* – оригинальность, широта движений, смена темпа, характер движений, эмоциональных нюансов, согласованность работы и высокое индивидуальное мастерство [Смирнов, 1991, с. 14–16].

*Гармония (гармоничность)* – наилучшее соотношение, установленное между составными элементами двигательного акта [Смирнов, 1991, с. 15]. *Естественность* – легкость, непринужденность, отсутствие натянутости, непосредственность, простота [Смирнов, 1991, с. 15–16]. *Ритмичность* – правильная организация движений во времени, закономерное чередование (длительность, паузы, акцентирование) отдельных элементов движения [Смирнов, 1991, с. 24–25]. *Амплитудность* – размах движений отдельных частей тела по отношению друг к другу и всего тела по отношению к снаряду [Смирнов, 1991, с. 25–26].

*Техничность* – система действий спортсмена, соответствующая современным представлениям об образцовой технике исполнения, обеспечивающая максимальную эффективность его движений, уровень владения совокупностью необходимых двигательных навыков [Смирнов, 1991, с. 17].

*Музыкальность* – соответствие движений характеру музыки, соблюдение темпа, заданного композитором и ритма произведения. *Хореографичность* – характеристика исполнительского мастерства, связанная с соответствием движений рук, ног, туловища и осанки принятым нормам хореографии [Смирнов, 1991, с. 19].

*Виртуозность*. По мнению Ю.И. Смирнова, наиболее полное определение виртуозности (по крайней мере применительно к гимнастике) дал В.М. Смолевский с соавторами. В узком смысле слова под виртуозностью они понимают особенно техничное исполнение какого-либо элемента с проявлением некоторых характеристик движения в «превосходной степени», а в широком смысле слова – высшую ступень мастерства спортсмена, проявля-

яющуюся при исполнении не отдельных элементов, а комбинаций в целом [Смирнов, 1991, с. 22].

*Динамичность* – сложная характеристика двигательного акта, которая является результатом соотношения внутренних и внешних сил, обуславливающих его выполнение, и конкретно выражается отдельными характеристиками движений – темпом, ритмом, амплитудой [Смирнов, 1991, с. 23–24]. *Легкость* – характеризует движения, которые совершаются с малым усилием, без физического напряжения [Смирнов, 1991, с. 24]. *Точность* – качество двигательного акта, реализованное соблюдением заранее установленной системы характеристик [Смирнов, 1991, с. 26]. *Пластичность* – закономерная последовательность сменяющихся положений человеческого тела, а также его отдельных частей, при условии их гармонической слаженности, непрерывности, слитности [Смирнов, 1991, с. 26–27]. *Мягкость* – умение двигаться эластично, гибко, ритмично, способность расслабляться [Смирнов, 1991, с. 27]. *Элегантность* – изящество, сдержанность, внимание к выразительности линии, мягкость, пластичность.

*Художественность*. Как отмечает Ю.И. Смирнов, в спорте под художественными движениями понимается «...система физических упражнений, преимущественно танцевального характера, отличающихся ритмичностью, пластичностью, выразительностью, особой утонченностью движений, органической связью с музыкой» [Смирнов, 1991, с. 16].

*Выразительность*. В «Энциклопедическом словаре по физической культуре и спорту» выразительность движения определяется как выполнение упражнения с эмоциональным отражением замысла и особенностей движений. Основа эмоциональной выразительности в технико-эстетических видах спорта – субъективное переживание исполнителем музыкального сопровождения. Например, в художественной гимнастике выделяют следующие основные компоненты выразительности исполнения: соответствие движений характеру музыки, логическая правдивость поз, эмоциональная насыщенность упражнения. Эмоциональное переживание связано с двигательной интерпретацией музыки, нюансами движений (торжественно, энергично, плавно, жизнерадостно и т.п.), достигающимися соответствующей регуляцией движений и дозировкой усилий. «Выразительность исполнения достигается отражением в движениях эмоциональных особенностей и характера музыкального аккомпанеента» [Смирнов, 1991, с. 17–19].

*Артистичность* – совершенство, законченность, выразительность, изящество, самобытность выполнения движений и упражнения в целом [Смирнов, 1991, с. 20–21].

*Культура движений*. Ю.И. Смирнов отмечает разногласия в истолковании данного показателя. Он указывает, в частности, на широкое и узкое его толкование. В широком смысле слова под культурой движения понимают технику и школу исполнения упражнений, манеру держаться, умение изменять в нужный момент направление, амплитуду, скорость, темп, ритм движений, динамичность, элегантность, пластичность и легкость движений. В более узком смысле ее связывают с правильной осанкой, точностью в положениях рук, головы, туловища, оттянутыми носками и выпрямленными коленями [Смирнов, 1991, с. 21].

Таким образом, при судействе в «технико-эстетических видах спорта» учитывается много эстетических показателей спортивно-технического мастерства: красота, зрелищность, эффектность, яркость, гармония (гармоничность), естественность, ритмичность, амплитудность, техничность, музыкальность, хореографичность, виртуозность, пластичность, эмоциональная выразительность, артистичность и др. Со временем несколько меняется характеристика этих показателей и к ним добавляется ряд новых.

Но во всех этих случаях речь идет об *эстетических*, а не *художественных* компонентах деятельности. Ни в одном виде спорта не измеряется и не оценивается умение спортсмена создать образ, соответствие этого образа какому-то оригиналу и т.д. Такой оценки нет даже в тех конкурсах и соревнованиях, которые недавно из мира искусства перешли в мир спорта (например, при судействе соревнований по спортивному, или «акробатическому», рок-н-роллу, соревнований по спортивным танцам, которые ранее проводились как конкурс балльных танцев и т.д.).

Другое дело, что в принципе возможны и действительно организуются игровые (проходящие в искусственно созданных условиях) соревнования, основная цель которых – сопоставить, сравнить и оценить *художественное мастерство* участников – их способность *создавать художественные образы*, соответствующие определенному оригиналу.

Для обозначения соревнований, отличающихся от спортивных по данному признаку, как отмечено выше, целесообразно использовать термин «*художественный конкурс*», который широко используется в языковой практике.

Если же сам спортсмен выдвигает на передний план задачу создания художественного образа в своих действиях, это мешает ему активно участвовать в спортивном состязании и, тем более, добиваться победы в строгом соответствии с законами самого спорта, правилами спортивных соревнований (ср. например, старания некоторых футболистов имитировать, «художественно» изображать якобы полученную ими травму).

Таким образом, *органическим элементом спорта является не художественная, а эстетическая деятельность, для которой характерны эстетически выразительные, совершенные спортивные действия и движения, а не создание художественных образов.*

Различие спорта и искусства особенно ярко видно, если сопоставить спорт с *театром* и спортсмена с *актером*. Несмотря на наличие некоторых общих моментов (см. выше), они принципиально отличаются друг от друга. Непосредственная задача театрального актера – в своих действиях создать как можно более адекватный образ того или иного персонажа, героя. Перед спортсменом стоит иная цель: наиболее эффективно, эстетически совершенно, выразительно выполнить определенные действия для достижения победы в соревновании. Эта эффективность может предполагать эстетически совершенное, выразительное выполнение действий, но не предусматривает создание художественного образа. В отличие от образа, создаваемого актером, спортивную борьбу никак нельзя назвать условной (хотя условны правила игры и признаки победы). И эта борьба складывается не по законам драматургии. В частности, театральное действие абсурдно без зрителей, а для спортивного состязания это вовсе не обязательное условие [Сараф, 1978, с. 48].

При всей своей важности зрелищная сторона состязания и присутствие болельщиков не составляют цели спорта как такового, а возникают как сопутствующие ему явления. Другое дело, что эти явления становятся важным компонентом при выполнении спортом зрелищной функции, а значит, и определенной разновидности спорта – *зрелищного* спорта.

Но и эта разновидность спорта не является театральным зрелищем.

Таковым могут быть некоторые явления, *сопутствующие* спорту, например, различного рода показательные выступления, спортивные праздники, парады, цирки и т.п. Но здесь спортивной борьбы в собственном смысле нет. Вместо нее чаще всего демонстрируется поставленное режиссером действие, *имитирующее* состязание или выражающее в определенной символике ценности спорта.

Если речь идет о показательных выступлениях спортсменов, о цирках и т.д., такая подмена спорта театральным зрелищем имеет определенное оправдание. Совсем другое дело, когда реальный спортивный поединок, имеющий, естественно, и определенную зрелищную сторону, сознательно подменяется тем его зрелищным «театральным» вариантом, в котором полностью отсутствует подлинная спортивная борьба.

Это происходит в том случае, когда еще до начала спортивной борьбы спортсменами уже решен (добровольно или под давлением) вопрос о ее исходе, и они старательно *разыгрывают* (как актеры) предназначенные им роли (спортивный «театр») во время самого поединка. В таком случае спорт лишается не только своего реального содержания, превращаясь в настоящий «театр», но и вызывает справедливое возмущение зрителей, как это было, например, во время скандального матча футбольных команд ФРГ и Австрии на чемпионате мира в Испании (1982).

В этом смысле перед всяким профессиональным спортивным поединком (будь то футбольный или хоккейный матч, боксерский поединок и т.д.), стоит весьма сложная проблема. Одна из наиболее важных его функций – *зрелищная*. Этот поединок должен создать такой увлекательный «спектакль», который привлечет на трибуны как можно больше зрителей.

Весь вопрос состоит в том, *как* будет решаться эта проблема зрелищности. Один путь ее решения – замена спорта искусством, когда вместо реальной спортивной борьбы демонстрируется отрежиссированное представление, театральный спектакль, в котором заранее определено, кто и каким образом победит. Другой путь – сохранение спортом своей специфики и создание яркого, увлекательного зрелища за счет демонстрации высокого технического мастерства, острей, бескомпромиссной (при соблюдении принципов «чест-

ной игры») и подлинной спортивной борьбы, в которой до последнего мгновения неясно, кто будет победителем.

Из изложенного выше не следует, что спорт вообще нельзя рассматривать как *отражение* действительности. Спортивное соревнование (центральный элемент спорта), как отмечено выше, возникает, формируется и развивается как гуманная *модель* соревновательных ситуаций обычной жизни. Спорт существенным образом *зависит* от особенностей того общества, той социальной структуры и культурной среды, в рамках которых он функционирует и развивается. *В этом плане спорт является определенным отражением реальной жизни, общества. Но это отражение не в художественных образах.* Оно существенно отличается от отражения действительности не только в искусстве, но и в науке. Ученый, как и художник, сознательно стремится к созданию образов, в которых содержатся определенные сведения о действительности, дается ее изображение и осмысление. Но перед спортсменом такая задача не стоит. Непосредственная функция спорта, спортивных действий в отличие от научных знаний, художественных образов в искусстве во все не состоит в том, чтобы «нести информацию, сведения о чем-то», «быть изображением чего-либо». Поэтому ошибочно утверждать, будто спорт и спортивные действия отражают действительность в том смысле, в каком ее отражают знания, произведения изобразительного искусства, литературы, и что «спортивное соревнование можно рассматривать как знаковую систему, одну из форм образного отражения действительности» [Родиченко, 1974, 1978].

Применительно к спорту можно говорить лишь о так называемом *косвенном отражении* [характеристику этой формы отражения в отличие от образного отражения действительности см. в: Столяров, 1969, 1981 а]. Оно состоит в том, что определенным особенностям социальной структуры общества могут соответствовать определенные особенности самого спорта – его организации, социальных функций и т.д. В этом смысле спорт «отражает» общество, спортивное соревнование, как отмечалось выше, является гуманной моделью соревновательных ситуаций реальной жизни, действия спортсмена могут более или менее адекватно воспроизводить какие-то другие действия (хотя сам спортсмен может и не стремиться к этому) и т.д.

Таким образом, признавая огромный эстетический потенциал спорта, все более важное место, которое в нем отводится эстетическому компоненту, возможность эффективного использования спорта для формирования эстетической культуры человека, *неправомерно отождествлять его с искусством, рассматривать как определенную разновидность последнего, если само искусство понимать как художественное творчество, связанное с отражением действительности в художественных образах* [обоснование этого вывода см. также в: Сараф, 1978, 1981, 1994; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, 1982; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Лазарев, Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Столяров, Сараф, 1982; Столяров, Сараф, 1984; Best, 1974, Parry, 1986; Stolyarov, 1984, 1985; Takacz, 1973, 1981; Witt, 1982].

С точки зрения своего эстетического содержания спорт следует относить не к сфере искусства (в указанном его понимании), а к сфере отмеченных выше «конструктивных» видов эстетической деятельности.

Во избежание неправильного толкования этих выводов сделаем ряд пояснений к ним.

1. Проведенное различие спорта и искусства имеет смысл *лишь в рамках введенной выше системы понятий и той интерпретации, которая в этой системе дается понятиям «спорт», «спортивное соревнование», «искусство», «художественный конкурс» и др.*

Напомним, в частности, что под **художественным конкурсом** понимается такое соперничество в игровых (особых искусственно созданных условных) ситуациях, основная цель которого – сопоставить, сравнить и оценить *художественное мастерство* участников – их способность *создавать художественные образы*, соответствующие определенному оригиналу. В соответствии с этим важным и специфическим признаком **спортивных соревнований** признается то обстоятельство, что предметом этих соревнований *не является художественное мастерство*, способность создавать художественные образы. Кроме того, учитывается принципиальная возможность и реальные случаи проведения *комплексных соревнований*, в которых сравнивается и оценивается как спортивное, так и художественное мастерство участников. Примером таких соревнований являются Спартианские игры [Столяров, 1998 н, 2006, 2008].

2. Во-вторых, как будет показано ниже, при введении понятий, в том числе понятий «спорт» и «искусство», важно различать содержательный и терминологический аспекты. В *содержательном* плане, который является основным, главное состоит в том, чтобы в системе введенных понятий *четко различались, не смешивались друг с другом указанные выше явления*: соперничество в условных, искусственно создаваемых условиях и две указанных его разновидности; эстетическая деятельность и творческая эстетическая деятельность по отражению действительности в художественных образах и т.д. Что касается *терминологического аспекта*, то, как известно, один из принципов методологии научного исследования гласит, что «о терминах не спорят». Поэтому вопрос о том, какими *терминами* будут обозначаться указанные явления, имеет второстепенное значение, и в этом плане возможны различные варианты (выше уже отмечалось, например, что конкурс балльных танцев в настоящее время стали называть «соревнованиями в спортивных танцах»). Другое дело *целесообразность* того или другого использования вводимых терминов – желательно, чтобы они соответствовали реальной практике общения и т.д. (подробнее об этом см. раздел 5.3).

3. Важно учитывать, что речь идет о *теоретическом* анализе взаимоотношения спорта и искусства. Такой анализ всегда предполагает не только определенные абстракции, но также *идеализации, упрощения*. Мир реальных явлений (в том числе реального спорта и реального искусства), конечно, значительно более сложный.

4. Из несводимости спорта к искусству вовсе не следует вывод, будто они вообще не имеют ничего общего между собой и никак не связаны между собой. Как уже отмечалось выше, спорт и искусство имеют много *общего* между собой.

5. К взаимоотношению спорта и искусства в системе явлений культуры в полной мере применимы слова Ю. Лотмана о специфике, несводимости друг к другу таких двух сфер культуры, как искусство и наука, и о том, что чем больше искусство остается искусством, а наука – наукой, чем специфичнее их культурные функции, тем реальней и продуктивней диалог между ними [Лотман, 1978].

Однако нередко они настолько близко подходят друг к другу (к примеру, в спортивных танцах, в фигурном катании, в художественной гимнастике, в некоторых художественных конкурсах – танцевальных, музыкальных и т.д.), что лишь очень небольшая грань отделяет их от полного слияния друг с другом. В этом смысле их можно трактовать как *переходные, промежуточные* явления между спортом и искусством.

Кроме того, наблюдается тенденция к тому, чтобы в этих видах спорта в той или иной степени при оценке спортсменов учитывать их умение создать определенный образ. Но тем самым устраняется фактически единственное существенное отличие спортивного соревнования от художественного конкурса (соревнования в сфере искусства) и открывается дорога для превращения любого соревнования в сфере искусства в определенный вид спорта. Именно такую картину мы и наблюдаем в последние годы.

И уж тем более следует учитывать неразрывную *связь*, постоянное *взаимодействие* спорта и искусства. Одна из основных тенденций их современного развития состоит как раз в том, что они все ближе соединяются, взаимодействуют, переплетаются друг с другом, в связи с чем возникает необходимость укрепления союза спорта и искусства, их интеграции [Столяров, 1998 о]. С учетом этой тенденции взаимоотношения спорта и искусства автором в 1990 г. разработан проект под названием «СпАрт», в котором представлена комплексная программа интеграции спорта и искусства [Столяров, 1990]. Эта программа уточнена, дополнена и конкретизирована в последующих работах автора [см., например: Столяров, 1998 о].

Завершая характеристику взаимоотношения спорта с другими социальными явлениями, обратим внимание читателей на то, что в системе понятий, используемых в данной работе, спортивная деятельность отличается также от деятельности, которую в отечественных публикациях обычно называют «*физкультурой*», «*занятиями физкультурой*», «*занятиями физическими упражнениями*», а в зарубежных (особенно в последние годы) – «*фитнесом*». Имеются в виду *оздоровительно-рекреационные* формы двигательной активности, которые используются для сохранения и укрепления здоровья, физического совершенствования, отдыха, общения человека и т.д., но *не предусматривают участие в соревнованиях*. Подробная характеристика физкультурной деятельности будет дана ниже (см. гл. 27).



При этом следует иметь в виду, что нередко не только в обиходе, но и в научных публикациях эту разновидность двигательной активности человека также называют «спортом», хотя и «несоревновательным». Ее отличают от «соревновательного спорта» – спорта, связанного с соревнованиями. Именно в таком широком смысле понятие «спорт» обычно трактуется в зарубежной научной литературе, где, как правило, вообще не используется понятие «занятия физкультурой». Например, в Спортивной хартии Европы к спорту отнесены «все формы физической активности, которые через эпизодическое или организованное участие направлены на выражение или совершенствование физического и умственного состояния, формирование социальных отношений или достижение результатов в соревнованиях всех уровней» [Спортивная хартия Европы, 1996, с. 15]. Такой терминологический вариант характерен и для большинства зарубежных работ по философии спорта. Например, С. Кретчмар в книге «Практическая философия спорта» пишет: «Под спортом будут пониматься и соревнования по отдельным видам спорта наподобие баскетбола или волейбола, однако понятие “спорт” чаще будет использоваться в широком смысле, включая многие виды двигательных действий» [Kretchmar, 1994, p. XVIII].

В системе понятий, используемой в данной книге, такой широкий смысл имеет понятие «**физкультурно-спортивная деятельность**». При этом имеется в виду, что данная деятельность включает в себя как занятия спортом, так и занятия физкультурой.

Введение указанной выше системы понятий, а также различение содержательного и терминологического подходов к понятиям позволяют не смешивать существенно отличающиеся друг от друга формы деятельности людей, а вместе с тем учитывать их в используемом понятийном аппарате и тем самым избежать широко распространенного (особенно в зарубежных публикациях) слишком «размытого», неопределенного, недостаточно конкретизированного понимания спорта.

#### Литература к гл. 10

1. Андреев А.Л. (1980). Место искусства в познании мира. – М.: Политиздат.
2. Античная литература. Сократические сочинения. – М.-Л., 1935.
3. Безмодин Л.Н. (1975). Художественно-конструктивная деятельность человека. – Ташкент.
4. Боров Юрий (1981). Эстетика. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 399 с.
5. Ботвинник М.М. (1968а). Спорт? Наука? Искусство? // Смена. – № 17.
6. Ботвинник М.М. (1968б). Искусство ли шахматы? // Шахматное творчество Ботвинника. – М.
7. Вербова З. (1967). Искусство произвольных упражнений. – М.: ФиС.
8. Визитей Н.Н. (1979). Социальная природа современного спорта. – Кишнев. – 84 с.
9. Визитей Н.Н. (1982). Спорт и эстетическая деятельность. – Кишинев: Штиинца. – 183 с.
10. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишнев: Штиинца. – 164 с.
11. Визитей Н.Н. (2006). Курс лекций по социологии спорта: учеб. пособие. – М.: Физическая культура. – 328 с.
12. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к коррективке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.
13. Власов Ю.П. (1955). Сила и красота // Физкультура и спорт. – № 1.
14. Выготский Л.С. (1966). Игра и ее роль в развитии ребенка // Вопросы психологии. – № 6. – С. 62-76.
15. Гавердовский Ю.К. (1974). Стиль, композиция, мода // Гимнастика. – вып. 2. – М.: ФиС. – С. 5-9.
16. Гагаева Г.М. (1969). Психология футбола. – М.: ФиС.
17. Гадамер Х.Г. (1988). Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс. – 704 с.
18. Гегель Г.В.Ф. (1968). Эстетика. В 4-х т., т.1. – М.
19. Гиссен Л. (1977). Сквозь смех и слезы чемпионов. – М.
20. Голейзовский К.Я. (1966). Спорт как искусство // Театр. – № 4. – С. 79-83.
21. Головных Г.Я. (1989). Физическая культура как социальное явление. – Смоленск: СГИФК.
22. Головных Г.Я. (1998). Игра и спорт // Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. – Смоленск. – С. 42-51.
23. Гориневский В.В. (1928). Культура тела. – М.: изд-во Наркомздрава.
24. Даль В.И. (1955). Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. – М.

25. Духовность. Спорт. Культура. Вып. третий. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез?: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 180 с.
26. Жолдак В.И. (1982). Труд и физическая культура. – М.: Знание.
27. Зеленов Л.А. (1971). Методологические проблемы эстетики. – Горький. – 79 с.
28. Зеленов Л.А., Куликов Г.И. (1982). Методологические проблемы эстетики. – М.: Высшая школа.
29. Ильенков Э.В. (1960). О «специфике» искусства // Вопросы эстетики, вып. 4. – М.
30. Исмаилов А.И. (1997). Спорт и игра // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 39-50.
31. Каган М.С. (1983). Искусство // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия. – С. 222-223.
32. Кайуа Р. (2007). Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ. – 504 с.
33. Карпов С.Д. (1992). Социокультурная природа произведения искусства: Автореф. дис...канд. филос. наук. – Санкт-Петербург.
34. Киященко Н.И., Лейзеров Н.Л. (1984). Эстетическое творчество. – М.: Знание. – 110 с.
35. Коломиец В.И. (1987). Дизайн как эстетическая деятельность: Автореф. дис... канд. филос. наук. – Киев.
36. Коренберг В.Б. (1972). Заметки о культуре движений // Гимнастика, вып. 2. – М.: ФиС. – С. 14-18.
37. Кравчик З. (1996). Спорт и гуманизм. Аспекты анализа // Духовность-Спорт-Культура. Вып. второй: Сб./Сост. и ред. В.И. Столяров. – М.: РАО, Гум. Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 5-14.
38. Кривцун О.А. (1992). Искусство в контексте истории культуры. Эстетический анализ: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.
39. Кудин В.О. (1973). Естетіка і творчість. – Київ.
40. Латынина Л. (1967). Спортивный театр – что это такое? // Театр. – № 3.
41. Лебедь Феликс (2002). Метод построения двухмерного таксономического пространства для классификации игр и видов спорта // Теория и практика физ. культуры. – №8. – С. 18–26.
42. Лебедь Ф. (2005). «Формула игры»: Общая теория спортивных игр, обучение и тренировка. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 392 с.
43. Левада Ю.А. (1984). Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. – М.: Наука.
44. Леонтьев А.Н. (1959). Психологические основы дошкольной игры // Проблемы развития психики. – М.: Изд-во АПН РСФСР. – С. 384-406.
45. Лисицкая Т.С. (1984). Хореография в гимнастике. – М.: ФиС.
46. Лисицкая Т.С. (1987). Ритм + пластика. – М.: ФиС.
47. Лисицкая Т.С. (1988). Гимнастика и танец. – М.: Сов. спорт.
48. Лобжанидзе М.М. (1980). Эстетика спортивного зрелища. – Тбилиси. – 140 с.
49. Лотман Ю.М. (1967). Тезисы к проблеме "искусство в ряду моделирующих систем" // Уч. записки Тартус. гос. ун-та, вып. 198. – Тарту. – С. 132-137.
50. Лотман Ю.М. (1978). Что дает семиотический подход? // Общественные науки. – № 1.
51. Лоу Б. (1984). Красота спорта/ Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Столярова. – М.: Радуга. – 256 с.
52. Лукин Ю.А., Скатерщиков В.К. (1982). Основы марксистско-ленинской эстетики. – М.
53. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.
54. Максимова М.Н. (1980). Методы объективизации оценки содержания упражнений синхронного плавания: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.
55. Маркс К., Энгельс Ф. (1956). Из ранних произведений. – М.
56. Маслаков И.А. (1981). К вопросу об эстетическом воспитании студентов, специализирующихся по боксу // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 40-41.
57. Матулявичюс В.Ю. (1989). Художественный образ и действительность: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – М.
58. Милеев С.В. (1931). Искусство и физическая культура. – М.-Л.
59. Морель Ф. (1971). Хореография в спорте. – М.: ФиС.
60. Новиков А.Д., Гришин В.Г. (1973). Игра и спорт // Теория и практика физ. культуры. – 1973. № 2. – С. 5-8; № 3. – С. 8-12.
61. Новикова Л.И. (1976). Эстетика и техника: альтернатива или интеграция? (Эстетическая деятельность в системе общественной практики). – М.
62. Пиаже Ж. (1969). Избранные психологические труды. – М.: Просвещение.
63. Плеханов Г.В. (1958). Избранные философские произведения, т. 4-5. – М.

64. Полетаева Н.Н. (1984). Учебное пособие по спортивной эстетике. – Алма-Ата. – 100 с.
65. Пономарев Н.И. (1970). Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. – М.: ФиС.
66. Пономарев Н.И. (1972). Феномен игры и спорт // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 4-7.
67. Портных Ю.И., Фетисова С.Л. (2002). К вопросу о классификации игр, используемых в физической культуре и спорте // Спортивные игры в физическом воспитании и спорте: Материалы междунар. научно-практич. конф. (Смоленск, 24-26 декабря 2002 г.). – Смоленск. – С. 21-27.
68. Праздников Г.Л. (1981). Искусство и спорт. – Л.: Знание. – 154 с.
69. Прядеин А. (1967). Нужна ли спорту сцена? // Театр. – № 12. – С. 51-54.
70. Ратнер Я.В. (1980). Эстетические проблемы зрелищных искусств. – М.
71. Резников Ю.А. (1974). Объективные критерии оценки эффективности техники в видах спорта с субъективной оценкой результатов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.
72. Решетников Г. (1976). Для кого соревнуются спортсмены? // Молодой коммунист. – № 7. – С. 67-71.
73. Родиченко В.С. (1974). Констететика // Всемирный научный конгресс «Спорт в современном обществе»: Сб. научных материалов. – М. – С. 61-62.
74. Родиченко В.С. (1978). Спортивные соревнования: информация, управление. М.: ФиС.
75. Родиченко В.С. (1983). Социально-педагогические основы организации спортивных соревнований: Дис. ... докт. пед. наук. – М.
76. Рост Ю. (1983). Игра в футболе // Литературная газета, 26 января.
77. Салариа Д., Барретт Н. (1994). Спорт: игры, игроки и зрители. – М.
78. Самаранч Х.А. (1997). Спорт, культура и искусство // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 9-11.
79. Самусенкова В.И. (1996). Интеграция спорта и искусства как социально-педагогическая проблема: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 27 с.
80. Сараф М.Я. (1978). Эстетика спорта. – М.: Знание. – 63 с.
81. Сараф М.Я. (1981). Эстетические компоненты спортивной деятельности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.: МГУ. – 41 с.
82. Сараф М.Я., Столяров В.И. (1984). Введение в эстетику спорта: Учеб. пособие для ИФК. – М.: ФиС. – 103 с.
83. Саркисова Л.С. (1974). Искусство букета. – М.
84. Словарь русского языка, т. 1. – М., 1981.
85. Смирнов Ю.А. (1991). Эстетические аспекты спортивно-технического мастерства. – Ма-лаховка.
86. Смирнов Ю.И., Шарабарова И.Н., Дудкина О.А. (1978) Квалиметрия исполнительского мастерства в технико-эстетических видах спорта. Методич. рекомендации. – М.: ВНИИФК.
87. Соколов К.Н. (1928-1930). Игра и труд. В 4-х кн. – М.-Л.
88. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 266 с.
89. Спортивная Хартия Европы // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-1. – С. 14-17.
90. Столяров В.И. (1969). Метод познания в свете теории отражения // Ленинская теория отражения и современность (на русск. и болг. яз.). – София: Наука и искусство. – С. 448-475.
91. Столяров В.И. (1981а). Направление и формы познавательной деятельности в свете теории отражения // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики, т.1. «Отражение, познание, творчество». – София: Наука и искусство. – С. 175-211.
92. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пособие для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
93. Столяров В.И. (1990е). Проект «СпАрт» // Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы. – М. – С. 13-16.
94. Столяров В.И. (1991б). Проект «СпАрт». – М. – 69 с.
95. Столяров В.И. (1991в). Синтеза спорта и уметности // Годишник университета у Београду. – № 2. – С. 103-105.
96. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84-209.
97. Столяров В.И. (1998н). Спартианские игры – новая гуманистически ориентированная модель спорта в его интеграции с искусством // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54-279.

98. Столяров В.И. (1998о). Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 5: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 101-265.
99. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
100. Столяров В.И. (2006б). Интеграция спорта и искусства // Большая олимпийская энциклопедия. В 2-томах, т. 1. – М.: Олимпия-Пресс. – С. 446-448.
101. Столяров В. И. (2006ж). Спартианская социально-педагогическая технология оздоровления, рекреации и целостного развития личности: Пособие для педагогов учреждений социальной защиты населения и организаторов досуга детей и молодежи. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – 247 с.
102. Столяров В.И. (2008г). Спартианские инновационные формы и методы воспитания и организации досуга детей и молодежи: пособие для педагогов и организаторов досуга детей и молодежи (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. второй). – М. – 231 с.
103. Столяров В.И., Басин А.Е. (1989). Спорт и эстетическое воспитание // Пути и средства эстетического воспитания. – М.: Наука. – С. 163–179.
104. Столяров В.И., Лазарев П.В., Самусенкова В.И. (1996). Спорт, эстетическая культура и искусство // От идей Кубертена к модели спорта XXI в. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. первый). Сб. – Москва-Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 84-102.
105. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1982). Эстетические проблемы спорта: учеб. пособие для студентов ИФК и слушателей ВШТ. – М. – 67 с.
106. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1984б). Комментарии // Лоу Б. Красота спорта/ Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Столярова. – М.: Радуга. – С. 242–255.
107. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1984в). Послесловие // Лоу Б. Красота спорта/ Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Столярова. – М.: Радуга. – С. 216–241.
108. Толстой А.Н. (1949). Полн. собр. соч., т.13. – М.
109. Толстых В.И. (1973). Искусство и мораль. – М.: Политиздат.
110. Устиненко В.И. (1989). Игра как средство выявления творческих сил человека // Пути и средства эстетического воспитания / Н.И. Киященко и др. – М.: Наука. – С. 147-163.
111. Уткин В.Л. (1984). Культура движений (основы оптимизации). – М., 1984. – 59 с.
112. Формирование личности: проблемы комплексного подхода в процессе воспитания школьника. – М.: Педагогика, 1983.
113. Френкин А.А. (1963). Эстетика физической культуры. – М.: ФиС. – 151 с.
114. Хейзинга Йохан (1992). Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Изд. группа «прогресс», «Прогресс-Академия». – С. 5-240.
115. Черникова О.А. (1975). Спорт и воспитание эмоциональных сторон личности // Спорт и личность: Сб. – М.: ФиС. – С. 175-184.
116. Эльконин Д.Б. (1999). Психология игры. 2-е изд. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС. – 360 с.
117. Энтжес П. (1965). Комментарии к вопросу: как оценить оригинальность и виртуозность произвольных упражнений // Междунар. семинар судей по спортивной гимнастике. – М. – С. 45-48.
118. Aaken E. van (1955). Die sportliche Hochleistung als Kunstwerk und absoluter Wert. Ein Ansatz zu einer Philosophie des Sports// Olympisches Feuer. – N 5. – S. 7-10.
119. Aggression/Violence – Aesthetics and Elite Athletes – Sport and Politics. Scientific Program Abstracts. 1984 Olympic Scientific Congress. July 19-26, University of Oregon, Eugene, Oregon. – 66 p.
120. Arguel Mireille (1994). Sport, Olympism and Art // For a Humanism of a Sport. – IOC Centennial Congress, Paris. – P. 179-187.
121. Arnold Peter J. (1978). Aesthetic Aspects of Sport // Int. Review of Sport Sociology. – v.13, N.3. – P. 45-63.
122. Bell J.W. (1976). An investigation of the concept – sport as art // Physical Educator, Indianapolis. – N2. – S. 81-84.
123. Best David (1974). Aesthetics in Sport // British Journal of Aesthetics. – vol. 14, N. 3. – P. 197-213.
124. Best D. (1980). Art and Sport // Journal of Aesthetic Education. vol. 14, N. 1. – P. 69-80.
125. Best David (1988a). The Aesthetic in Sport // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. Champaign, IL: Human Kinetics, 1988. – P. 477-493 + Best David (1974). Aesthetics in Sport // British Journal of Aesthetics. – vol. 14, N. 3. – P. 197-213.
126. Best David (1988b). Sport is Not Art // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 527-539.

127. Bok Vladimir (1975). Comparison of somatotypes in certain works of art with the view to the beauty of the living human body // A.I.E.S.E.P. Proceedings of International Conference on physical education, Prague, 1974 / Metodicky dopis. CSTV vedecko-metodicke oddeleni, N. 7, s.245-256.
128. Brown George S., Gayner Donald (1967). Athletic Action as Creativity // Journal of Creative Behavior. – v.1, N2. – P. 155-162.
129. Černý J. (1968). Fotbol je hra (pokus o fenomenologie hry). – Praga.
130. Coubertin Pierre de (1934b). L'art et le sport // Pédagogie sportive. Nouvelle Édition. – Lausanne. – P. 146–154.
131. Daume Willi (1981). Zeus & Apollo. On truths, errors and possibilities between sport and art // Bulletin N. 8 du 11 Congress olympique de Baden–Baden. – P. 65–67, 101–108.
132. Eichler Gerd (1983). Spiel und Freizeit // Ommo Grupe, Hartmunt Gabler, Ulrich Goehner (Hrsg.). Spiel-Spiele-Spielen. – Schorndorf: Verlag Kail Hofman. – S. 232-242.
133. Fethers J. (1982). The body beautiful beyond stereotypes // Journal of physical education, recreation and dance. – N 2. – P. 31-32.
134. Frayssinet Paul (1968). Le sport parmi les beaux arts. – Paris: Dargaut.
135. Green Geoffrey (1953). Soccer: the world game. – London.
136. Habermas J. (1958). Soziologische Notizen zum Verhältnis von Arbeit und Freizeit // G.Funke (ed.). Konkrete Vernunft. – Bonn: Athenaeum. – P. 219-231.
137. Heinemann K. (1980a). Einführung in die Soziologie des Sports. – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
138. Helanko Rafael (1974). Classification of children's outdoor games // Int. Review of Sport Sociology. – vol. 2 (9). – P. 103-106.
139. International Olympic Academy, twenty-sixth session, 3rd-18th July 1986, Ancient Olympia. – Presses Centralise Lausanne S.A., Switzerland, 1986. – 332 p.
140. International Sport. – 1982, N. 2.
141. Jeu B. (1972). Le sport, la mort, la violence. – Paris. – 208 p.
142. Jokl Ernst (1974). Art and Sport // Readings in the Aesthetics of Sport. Edited by H.T.A. Whiting and Don W. Masterson. – London: Lepus Books.
143. Keenan Francis W. (1975). The athletic contest as a tragic form of art // International Review of Sport Sociology. – N. 1. – P. 41-54.
144. Kopp B. (1975). Kreativität im Sportunterricht // Sportunterricht. – N10. – S. 338-341.
145. Kovich Maureen (1971). Sport as an art form // Journal of health, physical education and recreation, October.
146. Krawczyk Z. (1990b). Sport i kultura – orientacje teoretyczne // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, b.II, Warszawa. – P. 161-175.
147. Kretchmar R. Scott (1994). Practical philosophy of sport. – Human Kinetics. – 281 p.
148. Kunst und Sport. Internationales Symposium. – Leipzig, den 5. bis 7. Juli 1983. – Berlin.
149. Kuntz Paul G. (1974). Aesthetics applies to sports as well as to the arts // Journal of the Philosophy of Sport. – N. 1. – P. 6-35.
150. Landry Fernand (1987b). Sport – Art (competition) and Olympism. Conclusions of the discussion groups: second subject // IOA. Report of the 26<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 295-298.
151. Lenk H. (1972a). Perspectives of the Philosophy of Sport // The Scientific View of Sport, ed. O.Grupe et al. – Heidelberg–New York. – P. 30-58.
152. Lenk H. (1972b). Sport in philosophischer Sicht // Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse. – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag. – S. 15-42.
153. Lipiec J. (1997). The Fair Play philosophy // Fair play – Sport – Education. European Congress of Fair Play. 2nd General Assembly of the European Fair Play Movement. Warsaw, September 12–14, 1996. – Warszawa. – P. 99–110.
154. Liponsky W. (1974). Sport, literatura, sztuka. – Warszawa.
155. Loy J. W., Kenyon G. S., McPherson B.D. (1981). Sport, culture and society: a Reader on the Sociology of Sport. 2nd and rev. ed. – Lea and Febiger, Philadelphia. – 376 p.
156. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
157. Lüschen G. /Ed./ (1970b). The Cross-cultural Analysis of Sport and Games. – Champaign, III.: Stipes Publishing Co.
158. Maheo R. (1970). Sport and Culture // Introduction to Physical Education. Ed. by H.S.Slusher and A.S.Lockhart. – Springfield. – P. 186-197.
159. Miller Donna Mae, Russell Kathryn R.E. (1971). Sport: a contemporary view. – Lea & Febiger, Philadelphia.
160. Moser S. (1960). Ansatzpunkte einer philosophischen Analyse des Sports // Moser S. Philosophie und Gegenwart. – Melsenheim.
161. Nissiotis Nikolaos (1987). Olympism, Sport and Aesthetics with Reference to the Work of Pierre de Coubertin // IOA. Report of the 26<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 83-90.

162. Parry Jim (1987). Sport, Art and the Aesthetic // IOA. The Report of the 26<sup>th</sup> session, Ancient Olympia. – Lausanne. – P. 152-159.
163. Pierre de Coubertin and the Arts (1994c). – Lausanne, The International Pierre de Coubertin Committee. – 15 p.
164. Plack A. (1968). Die Gesellschaft und das Böse. Eine Kritik der herrschenden Moral. – München.
165. Play. Anthropological Perspectives/Ed. by Michael A. Salter. – The association for the anthropological study of play, 1978. – 262 p.
166. Play in Theory and Research // Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 557-563.
167. Plessner H. (1967). Spiel und Sport. – München.
168. Pouret Henry (1964). Sport and Art // Report of the 4<sup>th</sup> Summer Session of the IOA. – Athens. – P. 115-119.
169. Pouret Henry (1968). Convergencies and Divergencies of the Destiny of the Athlete and the Artist // Report of the Eighth Summer Session of the International Olympic Academy, Athens. – P. 126-138.
170. Pouret H. (1970). Is Sport an Art? // Report of the 10<sup>th</sup> Session of the IOA.
171. Readings in the Aesthetics of Sport/ Whiting H.T., Masterson D.W. /Eds./. – London: Lepus Books, 1974.
172. Reid Louis Arnaud (1970). Sport, the Aesthetic and Art // British Journal of Educational Studies. – vol. 18, N 3. – P. 245-258.
173. Rigauer B. (1981). Sport and Work. – New York: Columbia Press.
174. Rigauer Bero, Robbert Nils F. (2000). Soziodynamische Prozesse in Sportspielen. Eine feld und figurationssoziologische Untersuchung und Theoriebildung. – Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn. – 276 S.
175. Roberts Terence J. (1975). Sport and the sense of beauty // Journal of the Philosophy of Sport. – N. 2. – P. 91-101.
176. Serbus Ladislav, Hohler Vilem (1975). Aesthetics and Physical Culture // A.I.E.S.E.P. Proceedings of International Conference on physical education, Prague, 1974: Metodicky dopis. CSTV vedecko-metodicke oddeleni. – N 7. – s. 230-244.
177. Shmitz Kenneth L. (1988). Sport and Play: Suspension of the Ordinary // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: – P. 29-38.
178. Slusher Howard S. (1967). Man, Sport and Existence: A Critical Analysis. – Philadelphia: Lea & Febiger.
179. Snyder Eldon E., Spreitzer Elmer A. (1978). Social Aspects of Sport. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc. – 214 p.
180. Stolz J. (1973). The Artistic Values in Aesthetic Experience // Journal of Aesthetics and Art Criticism. – vol. 32, N1.
181. Stolyarov V.I. (1984b). The Aesthetic Value of Sport // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä: University of Jyväskylä. – P. 83-99.
182. Stolyarov V.I. (1985a). A sport mint az ifjúság esztetikai kultúrájának egúik tényezője // Sport a változó világban. – Budapest. – P. 105-119.
183. Stolyarov V.I. (1985b). Sport as an element of developing an aesthetic culture among the youth // Review. Sport science periodical. International Council of Sport Science and Physical Education. – P. 36-41.
184. Stolyarov V.I. (1991c). The International Project "SpArt" – a programme of rising the spiritual and cultural potential of modern sport, based on closer connection of sport and art // USSR Scientific Conference on Olympic Sports Problems according to the program of the Second IOC World Congress on Sport Sciences, Chelyabinsk, 23-26.05.91. – Moscow: Sovetsky sport. – P.94-103.
185. Stolyarov V.I. (1991d). The International Project "SpArt" – a program of increasing spiritual- and-cultural potential of modern sport on the basis of strengthening its connection with art // Second IOC World Congress on Sport Sciences, Barcelona, 26 to 31 October 1991. – Barcelona. – P. 341-342.
186. Stolyarov V. (1993). The "SpArt" Olympic Project the program of realization and further development in present-day conditions the Coubertin' ideas about personality of an Olympian, unity sport and art: Paper presented at the 1st Joint International Session for Educators and Responsibles of Higher Institutes of Physical Education, International Olympic Academy, 24-31 July 1993. – Olympia. – 30 p.
187. Takacz F. (1973). Die Aesthetik der Körperkultur. Die Erscheinung des Aesthetischen in der Körperkultur und in der menschlichen Bewegung. – Budapest.
188. Takacz F. (1981). Ästhetische Kategorien und ihre spezifischen Manifestationen in der Körperkultur // Beiträge zur Ästhetik des Sports. – Leipzig. – S. 59-88.
189. Takacz F. (1986). The Theoretical Foundations of Sport Aesthetics // Review of the Hungarian University of Physical Education. – Budapest. – P. 233-250.

190. Vinnai G. (Hrsg) (1972). Sport in der Klassengesellschaft. – Frankfurt/M.
191. Ward P.M. (1977). Sport and the Institutional Theory of Art // Journal of Human Studies. – N. 3. – P. 73-81.
192. Weiss Paul (1969). Sport: A Philosophic Inquiry. – Carbondale: Southern Illinois University Press.
193. Wertz S.K. (1984). A Response to Best on Sport and Art // Journal of Aesthetic Education. – vol. 18, N 4. – P. 105-107.
194. Wertz Spencer K. (1988). Context and Intention in Sport and Art // Philosophic Inquiry in Sport. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 523-525.
195. Witt Günter (1982). Aesthetik des Sports. – Berlin: Sportverlag.
196. Wohl A. (1981b). Soziologie des Sports. Allgemeine theoretische Grundlagen. – Köln:Pahl-Rugenstein. – 207 S.
197. Zuchora Krzysztof (1976). Problemy i perspektywy reintegracji sporty i sztuki // Humanistyczne wartosci sportu: Materiały z seminarium polsko-radzieckiego Warszawa 5-7 kwietnia 1976. – Warszawa: AWF. – P. 110-126.
198. Zuchora K. (1980). Closer ties between sport and art // International Review of Sport Sociology. – vol. 1, N 15. – P. 49-64.
199. Zuchora Krzysztof (1981). Sport w zwiercidle sztuki // Sport i kultura/red. Krawczyk Z. Warszawa: Panstwowe Wydownictwo naukowe. – P. 109-128.

## Глава 11. Философские основы олимпийского движения

Философия играет важнейшую роль в олимпийском движении. «Что придает исключительность и силу олимпийскому движению, – отметил в своем выступлении на Олимпийском конгрессе в Баден-Бадене член МОК М. Мзали, – так это, разумеется, философия, которую оно воплощает, философия, которая служит движению стимулом и сама им стимулируется». Д. Фоллоуз, президент Британской олимпийской ассоциации, заявил на том же конгрессе, что Олимпийские игры «без философии ... становятся обычным мероприятием спортивного календаря. Игры не могут существовать без этой философии, которая является неотъемлемой составной частью олимпийского движения. Они существуют на основе философии, устремленной к идеалу и освященной традициями» [цит. по: Ленк, 1982, с. 6–7].

Концепция современного олимпизма как философское понимание олимпийского движения ставит задачу, выйдя за пределы созерцания, фиксирования данных опыта в сфере этого движения, выявить предельные основания этого движения, т.е. раскрыть его социальную природу, социальный смысл и значение, фундаментальные принципы, идеалы, целевые установки.

Знакомство с различными философскими интерпретациями олимпийского движения целесообразно начать с той, которая предложена Кубертенем, так как именно ему, как отмечается в Олимпийской хартии, принадлежит «концепция современного олимпизма» [Олимпийская хартия, 2007, с. 7].

### 11.1. Кубертеновская философская концепция олимпийского движения

Основные положения концепции олимпизма сформулированы Кубертенем в таких основополагающих работах, как лекция «Атлетика в современном мире и Олимпийские игры» [Coubertin, 1895], прочитанная в 1894 г. в Парнасском обществе в Афинах, речь «Философские основы современного олимпизма» [Coubertin, 1935 a], произнесенная по германскому радио в 1935 г., а также в многочисленных других работах, выступлениях и письмах в течение всей его долгой жизни [см.: Durantez, 1994 b; Müller, Schantz, 1986].

Олимпийская концепция и практическая деятельность Кубертена по ее реализации являются предметом многочисленных исследований и оценок ученых, журналистов, спортивных деятелей и писателей разных стран. Данная тема затрагивается почти во всех книгах, связанных с Олимпийскими играми, в многочисленных трудах, статьях и книгах, издаваемых органами олимпийского движения. За рубежом издано множество работ, посвященных Кубертену, его жизни, взглядам, вкладу в олимпийское движение. К числу наиболее известных относятся, например, такие работы, как К. Дим «Олимпийская идея» [Diem, 1970], П. Булонье «Жизнь и педагогическая деятельность Пьера де Кубертена» [Boulongne, 1975] и Дж. Макэлун «Великий символ. Пьер де Кубертен и возрождение современных Олимпийских игр» [MacAloon, 1984].

Активную работу по изучению и пропаганде идей Кубертена ведет Международный Комитет его имени. Комитетом подготовлена и издана целая серия брошюр, посвященная взглядам Кубертена по наиболее актуальным вопросам спорта и олимпизма. Одну из них под названием «Пьер де Кубертен. Олимпийский гуманист» [Durantez, 1994 b] написал президент этого Комитета, президент Ассоциации Латиноамериканских Олимпийских академий и президент Испанской Олимпийской академии Конрадо Дюранте. В ней опубликована и библиография работ как самого Кубертена, так и о Кубертене. Актуальность идей Кубертена в современных условиях обсуждалась на проведенном Комитетом симпозиуме «Актуальность П. де Кубертена» [Симпозиум... , 1986].

Много внимания изложению и разъяснению идей Кубертена в связи с обсуждением философской концепции современного олимпийского движения уделяется на сессиях Международной олимпийской академии [см., например: Boulongne, 1994; Favre, 1970; Georgiadis, 1999; Landry, 1986, 1987, 1989; Lekarska, 1989; Lenk, 1985; Lotz, 1980, 1988; Lucas, 1976, 1979; MacAloon, 1985; Müller, 1977, 1980, 1998; Mzali, 1979; Nissiotis, 1979, 1985 a, 1987; Pouret, 1967, 1979; Szymiczek, 1972, 1985; Vialar, 1962 a, b, 1964 и др.

И все же следует согласиться с мнением Ж. Дьюри о том, что «в целом, мысли и дела Кубертена, не говоря уже о его жизни, остаются пока очень мало известными» [Durry, 1999, p. 57]. Солидарен с этим и N. Müller, который заметил в своей лекции на сессии



МОА (1998 г.), что даже «среди членов МОК очень немногие понимают то, о чем действительно говорил Кубертен, хотя они и заинтересованы в том, чтобы олимпийское движение стояло над остальными спортивными организациями из-за своего “духовного статуса”» [Müller, 1998, p. 5-6].

В нашей стране работы Кубертена до сих пор не изданы. Крайне мало публикаций, специально посвященных его жизни, деятельности, воззрениям. В основном это небольшие статьи [Арская, 1996; Печерский, Сучилин, 1994; Столбов, 1996; Суник, 1993 и др.]. Многие авторы пытаются характеризовать, осмысливать и оценивать идеи Кубертена, опираясь не на его оригинальные работы (к сожалению, они до сих пор не изданы в нашей стране), а на кочующие из одной популярной работы в другую ошибочные мнения и представления. Исключением является диссертация Г.М. Аксенова [Аксенов, 2003], выполненная под руководством автора. В последующем тексте используются материалы этой диссертации и предыдущих публикаций автора [Столяров, 1996 б, 1998 к, 2000 д, 2004в, 2005 е, 2010 у и др.].

При осмыслении разработанной Кубертенем философской концепции современного олимпийского движения важно учитывать ту *основную цель*, которую он ставил перед собой в течение всей своей жизни.

Часто встречаются утверждения о том, что в течение всей своей жизни основные усилия Кубертена были направлены на возрождение Олимпийских игр. Такое утверждение встречается, например, в учебных пособиях по олимпийскому образованию: Кубертен «был еще совсем молодым человеком, когда высказал мысль о возрождении Олимпийских игр. С этого момента всю свою жизнь Пьер де Кубертен подчинил осуществлению великой идеи» [Книга олимпийских знаний, 2004, С. 15; Олимпийский учебник студента, С. 14-15].

Но такие утверждения не в полной мере соответствуют реальности. На определенном этапе своей деятельности он действительно пришел к выводу о необходимости возрождения Олимпийских игр и много сил отдал для реализации этой идеи. Но сама эта идея подчинена *главному замыслу Кубертена – реформировать существовавшую в тот период систему образования и воспитания*.

Как известно, первоначально Кубертен учился в Парижском лицее и в военной школе в Сенсоре. После окончания в 1880 г. иезуитского колледжа Святого Игнатия в Париже он, отказавшись, вопреки желанию семьи, от военной, дипломатической и юридической карьеры, продолжил образование в Парижской свободной школе политических наук, где познакомился с французской философией и историей английского образования. В Парижском университете Кубертен получил три бакалаврские степени: гуманитарных наук (1880), точных наук (1881) и права (1885).

Для этого периода времени в связи с наступлением эпохи либерализма, порождавшего жажду наживы в конкурентной борьбе, нарастающую разобщенность людей и ослабление общественных связей, характерно крушение морально-религиозных устоев и формирование эгоизма нового мира, мыслящего экономическими категориями. Ход времени требовал изменений и прогресса. Но в отличие от Маркса и Энгельса, для которых улучшение условий существования было возможно лишь при изменении политических и экономических отношений, Кубертен подчеркивал особое значение *образования и воспитания*. По его убеждениям, долг каждого гражданина состоит в том, чтобы сохранить свою человеческую сущность, гуманность и нести ответственность за развитие своих способностей. Но в этом гражданину должно содействовать общество. В период учебы Кубертена система образования и воспитания во Франции подвергается резкой критике за ее невосприимчивость к новым научным, промышленным и общественным реалиям. Это во многом содействовало критическому настрою его мыслей в отношении этой системы.

С ранних лет путь решения социальных проблем Кубертен усматривал в *реформе системы образования и воспитания*. Эта идея «наполнила смыслом всю его дальнейшую жизнь с того момента, когда в решении образовательной проблемы он увидел ключ к человеческому счастью и общественному благополучию» [Rioux, 1986, p. 3]. Сам Кубертен писал об этом: «Я уже почти поступил в академию Сен Сир, уже видел себя погруженным в череду мирных лет со всей монотонностью гарнизонной службы, как вдруг мне пришло в голову резко изменить свой жизненный путь. Я захотел связать свое имя с большой реформой в области воспитания и образования» [цит. по: Politik..., 1980]; «Насколько я помню, у меня было такое чувство, что действенное лекарство таится в преобразованной си-

стеме воспитания, способной восстановить общественное спокойствие, влить струю мудрости и разумной силы» [цит. по: Дьюри, 1974, с. 123]; «Никакая реформа политического, экономического или социального характера не будет успешной без предшествующей ей реформы педагогики» [см.: Anthony, 1994, p. 29]. В 1909 г. в книге под названием «Битвы за физическое воспитание. Кампания продолжительностью в 21 год (1887–1908)» [Couber- tin, 1909 b] Кубертен писал: «В течение пятидесяти лет мое существование было связано с педагогической реформой, в которой я начал прозревать первейшую и важнейшую необходимость нашего времени. Решительно отвергая все, что могло бы увлечь меня по другой стезе, с того момента я ориентировал себя исключительно в этом направлении» [см.: Anthony, 1994, p. 31].

Один из лучших знатоков кубертеновского наследия – Ив. П. Булонь заметил по этому поводу: «Кубертен был всю свою жизнь прежде всего реформатором системы образования. Это подтверждается многочисленными работами, которые он посвятил этой теме, – такими, в частности, как “Утилитарная гимнастика” (1905), “Универсальный анализ” (1907) о проблеме интеллектуального воспитания, «Взаимное уважение» (1915) о проблеме морального воспитания. Именно в свете этих работ и только в их перспективе (предоставим психоаналитикам искать другую) нужно читать труды Кубертена об олимпизме» [цит. по: Кахигал, 1983 б, с. 24]. На это обращает внимание и Ж. Дьюри: «Олимпийские игры в глазах Кубертена – не цель, но лишь средство распространения идеи спорта, в свою очередь, являющегося главной составной частью системы воспитания» [Дьюри, 1974, с. 124].

Связь философской концепции Кубертена с его *педагогическим замыслом* нередко не учитывается, и главная цель Кубертена при разработке олимпийской концепции и возрождении Олимпийских игр усматривается в *стимулировании интереса к спорту и развитии его в международном масштабе*. Действительно, для периода зарождения современного олимпийского движения (вторая половина XIX в.) была характерна неразвитость спорта и спортивных контактов – как в рамках отдельных стран, так и особенно в международном масштабе. Международное спортивное движение еще только зарождалось. Встречи спортсменов разных стран были крайне редкими. Регулярное проведение Олимпийских игр, по мнению Кубертена, должно было стимулировать интерес к спорту, всемерно способствовать развитию спортивных контактов, содействовать тому, чтобы «эти контакты стали периодическими и завоевали себе неоспоримый авторитет», приобрели международный статус, т.е. «интернационализировать» спорт.

И все же главный замысел Кубертена, связанный с возрождением Олимпийских игр, состоял отнюдь не в простом стимулировании интереса к спорту и развитию его в международном масштабе. *В первую очередь речь шла о том, чтобы последовательно, систематично и эффективно использовать спорт как средство решения педагогических задач, практической реализации той реформы образования (воспитания), которой, как отмечено выше, Кубертен посвятил всю свою жизнь.*

Как известно, важнейшее значение в структуре воспитания играет *цель* этой педагогической деятельности – тот *идеал личности*, на реализацию которого она ориентирована, т.е. представление о том, какими качествами должен обладать человек, рассматриваемый как «наилучший», «совершенный», «образцовый» человек». Целевая установка воспитательной деятельности самым существенным образом влияет на ее содержание, формы, средства и методы. Поэтому Кубертен, разрабатывая новую систему образования и воспитания, прежде всего огромное внимание уделил поиску того *идеала личности*, на который должна ориентироваться эта система.

Увлечение историей и философией Древней Греции определили его ориентацию в решении данной проблемы на идеалы *гуманизма* и в первую очередь на гуманистический идеал личности.

Гуманизм, как отмечено выше, ориентирован на такую личность, для которой характерно *целостное и гармоничное*, т.е. *разностороннее и пропорциональное*, развитие определенных качеств и способностей. Однако в разных гуманистических концепциях по-разному могут пониматься те качества (способности) человека, которые, согласно гуманистической концепции, должны быть у него целостно (разносторонне) и пропорционально развиты. В зависимости от этого дается разная интерпретация целостного (разностороннего) и гармоничного развития личности, на передний план выдвигаются те или иные его аспекты этого развития.

Наиболее широко в гуманистической философии представлено такое понимание целостного (и соответственно гармоничного) развития личности, которое формулируется в связи с обсуждением вопроса о соотношении *телесных (физических) и духовных (нравственно-эстетических) качеств человека*. При таком подходе *односторонность* в развитии личности связывают с тем, что у человека в основном развиты только первые или только вторые из указанных качеств (или они развиты не пропорционально), а к числу особенностей *целостно (разносторонне)* развитой личности относят полноценное и пропорциональное развитие как телесных (физических), так и духовных (нравственно-эстетических) качеств. Такое развитие личности чаще всего обозначают термином «*гармоничное развитие*», имея при этом в виду как целостное (полноценное, разностороннее), так и пропорциональное развитие указанных качеств [Гармонический человек... 1965; Кузнецова, 1988; Прядченко, 2005; Штайнер, 1995; Шумакова, 2006 и др.].

Идея целостной личности как гармонично развитого человека возникает в культуре разных эпох и народов. Но наиболее ярко она представлена в лоне античной культуры [Античная агонистика... 2002; Баумгартен, 2000; Билинский, 1998; Быховская, 1998а; Рожанский, 1991; Steinhilber, 1961; Young, 2005]. Эта идея лежит в основе концепции воспитания, которая была развита такими мыслителями, как Платон и Аристотель, и которая господствовала в Древней Греции – не только в Афинах, но даже в Спарте. Воспитание мальчиков в первую очередь предполагало здесь формирование физически здорового, сильного и выносливого воина, и в то же время физическое воспитание осуществлялось в единстве с интеллектуальным и эстетическим воспитанием. В Спарте в школах детей обучали «пиррическим танцам», приравнивая их к общей физической подготовке будущих воинов. В еще большей степени этот подход был характерен для системы воспитания в Афинах [Шумакова, 2006].

Древнегреческие мыслители сформулировали личностный идеал *калокагатии* (греческое слово *kalokagathia* от *kalos* – прекрасный и *agatos* – добрый), который подразумевает у человека гармонию тела и души, сочетание внешних достоинств с внутренними, духовными, нравственными качествами [Лосев, 1960]. Этот идеал восходит к платоновской и аристотелевской триаде: музыка, философия и гимнастика, которые рассматриваются как фундаментальные элементы, затрагивающие все аспекты человеческого существования: чувственный, познающий и психологический. «Если человек занимается только гимнастикой, – писал Платон, – то становится жестоким, грубым и диким; душа его, если бы в ней и была какая любознательность, не наслаждалась ни учением, ни исследованием какого-либо предмета, не занимаясь ни словом, ни иною музыкою, становится слабой, глухой и слепой; потому что она не возбуждается и не питается, и не очищает чувств своих». Идея гармонии телесного и духовно-нравственного начал в человеке нашла отражение в практике образования и воспитания античности. Свидетельством направленности этого образования на данную идею, стремления гармонично объединить совершенное владение телом, умение владеть собой, соблюдение правил чести и т.п. является тот факт, что гимназионы в Афинах возглавляли люди, которых именовали «софронисты», т.е. «заботящиеся о добродетели» [Быховская, 1998, с. 9, 11].

Зародившаяся в Древней Греции *олимпийская идея* также базировалась на положении о гармонии телесности и духовности (нравственности) человека [Античная агонистика... 2002; Быховская, 1998; Szymiczek, 1972]. С этих позиций в Древней Греции было сформировано и понимание «*идеальной олимпийской личности*». Образцом такой личности считался Геркулес, воплощающий в себе гармонию телесных и духовных качеств [см.: Paleologos, 1977, 1985]. Как отмечает К. Палеологос, «герой и полубог Геракл – пример симметрии, истинный настоящий образец красоты. Этот великий идеал красоты и достоинства должен стать примером для мужчин так, чтобы они могли представить эту действительную личность и понять его непревзойденное моральное и физическое величие». 12 подвигов Геракла «демонстрировали, что спортивные дела и достижения не были совершены исключительно телом, независимо от того, как хорошо оно натренировано, если сам человек не имел чистой и взращенной души, быстрого ума, храбрости, веры, настойчивости, то есть всех необходимых духовных и интеллектуальных достоинств» [Paleologos, 1985, р. 54, 60]. В Храме Зевса в Олимпии демонстрируется хорошо тренированное тело Геракла, прекрасные, красивые особенности его рельефных мускулов. «Это – правило Ионийской школы, которая видит героя как представителя “kalos

kagathos”, где хорошо сформированное и гармоничное тело служит выражением красивой души, и лицо излучает интеллект, доброту и честность» [Paleologos, 1985, p. 67].

К числу качеств целостно развитой личности гуманисты античности относили и такие «человечные» качества человека, как достоинство, творчество, способность к самопознанию, самореализации, самопреодолению, саморазвитию – «открывать в себе свою собственную суть», «превосходить себя», «подниматься выше себя» и т.п. Им принадлежат, в частности, такие известные древние изречения гуманистической ориентации: «*Познай самого себя*» (лат.: “Nosce te ipsum”), которое было высечено на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах в качестве призыва к каждому входящему со стороны бога Аполлона, и «*Победи самого себя!*» (“Te ipsum vincere!”) или «*Нет большей победы, чем победа над собой!*» (Платон).

Идея необходимости гармонии телесного (физического) и духовного (нравственного) в человеке обосновывается в работах не только античных философов, но и философов последующих периодов времени. И. Кант в трактате «О педагогике» рассуждает о том, что следует воспитывать гармонично развитую личность, что духовное и внешнее начало должно быть сбалансировано. Культуру тела он связывает воедино с культурой души, которую тоже называет в определенной степени физической. Ф. Фурье писал о необходимости гармонического, а Г. Спенсер – умственного, нравственного и физического воспитания [см.: Хрестоматия по истории... 2001]. В 20-х годах XX века возникло новое философское направление, которое получило название «холизм» («философия целостности»). В рамках этого направления человек рассматривается как целостная личность, в которой гармонируют внутреннее и внешнее начала. Положение о необходимости гармоничного единения физического и духовного начал человека лежит практически во всех педагогических концепциях гуманистической ориентации в прошлом и в настоящее время [см.: Валева, 1997; Лихачев, 1997; Селиванова, 1998; Степашко, 1999; Стратегия воспитания... 2004; Хрестоматия по истории... 2001].

Кубертен возродил «идеал гармонично развитого человека» [Брендедж, 1991, с. 29]. В античной греческой философии он увидел основу для нового типа педагогики, включающей в себя *гармоничные отношения между душой и телом, мускулами и духом, красотой и добродетелью* [Zuchora, 1994, p. 39]. Опираясь на такое понимание идеальной личности, Кубертен считал, что картезианское разделение тела и души – двух элементов единого, целостного человеческого бытия, рассмотрение их как двух совершенно независимых друг от друга факторов ведет к дисгармонии человека. «Поэтому, – писал он, – эти два фактора должны быть интегрированы в единое гармоничное целое, чтобы достигнуть эвритмии» [цит. по: Duránte, 1994b, p. 88]. Слово «*эвритмия*» («*eurhythmy*») он часто использовал для обозначения своей идеи гармонии физических и духовных способностей человека.

Найти важное *средство* реализации этой идеи в процессе реформы системы образования и воспитания Кубертену помогло посещение Англии. Он посещает школы в Хэрроу, Итоне и Регби, учебные заведения Веллингтона, Винчестера, Мальборо, Чартерхауза, Куперс-Хилла, Вестминстера, несколько католических школ, а также университеты Оксфорда и Кембриджа. К тому времени, когда Кубертен приехал в Англию, там в течение 14 лет, начиная с 1828 г., успешно осуществлял реформу образования педагог Томас Арнольд (1755–1842), автор идеи «*мускулистого христианства*» («*Muscular Christians*»). Он был директором закрытой школы для мальчиков в английском Регби (Rugby School) и работу этого педагогического учреждения строил исходя из глубокого убеждения в том, что главные ориентиры системы образования – инициатива личности, свобода выбора, максимум возможностей для индивидуального развития. Важное значение в достижении этой цели он придавал спорту. В соответствии с этим основными постулатами его педагогики были: психологическая подготовка, которая делает ученика ответственным за собственные возможности; моральное воспитание, позволяющее принимать правильные решения и осознавать их возможные последствия; физическое воспитание, в рамках которого спорт служит «мощным и одновременно тонким инструментом духовного и нравственного воспитания», а также подготовки к активной жизни [Coubertin, 1986 a, p. 368].

Знакомство Кубертена с педагогической концепцией Т. Арнольда позволило ему увидеть в *спорте* средство, которое дает возможность практически реализовать идею гармоничного развития личности. А.В. Кыласов справедливо пишет по этому поводу, что в Англии Кубертен «наконец нашел, как ему казалось, совершенную модель воспитания

молодого поколения высшего общества. Кубертен уверовал, что только спорт может стать универсальным педагогическим средством. Его тогда очень удручало, что весь круг его общения состоял из бездельничающих денди (dandy), среди которых трудно было найти *подлинно благородных людей*. И у него родилась концепция *действенной педагогики и атлетического воспитания*, которую, впрочем, он так и не опубликовал» [Кыласов, 2010 а, с. 42].

С этим последним замечанием А.В. Кыласова нельзя согласиться. Кубертен не только разработал концепцию *«спортивной педагогики»*, *«педагогики спорта»*, *«атлетического воспитания»*, но и изложил ее в ряде своих публикаций. Наиболее полно она изложена в его работах «Спортивная педагогика» [Coubertin, 1919] и «Уроки спортивной педагогики» [Coubertin, 1921]. В этих работах спорт, спортивные соревнования и подготовка к ним рассматриваются как наиболее эффективный путь совершенствования человека и человечества. «Среди всех сил, движущих современным миром и обогащающих человечество, – писал Кубертен, – нет, на мой взгляд, такой, на которую мы можем положиться больше, чем на спорт. Это сила, которая отвечает всем современным нуждам» [цит. по: Vialar, 1962 а, р. 70]. На основе этого он трактовал и сам олимпизм. Кубертен ввел этот термин в 1912 г. «В олимпизме, – писал он, – словно в пучке солнечных лучей, собраны все те принципы, которые способствуют совершенству человека» [цит. по: Петрова, 1980, с. 29].

Кубертен подчеркивал *многостороннюю* значимость спорта: «Народы должны осознать все возможности спорта, а не относиться к нему как к чему-то отвлекающему от повседневности, как приятному времяпровождению... Спорт должен занимать достойное место в социальной доктрине народов» [цит. по: Брендедж, 1991, с. 30]. Прежде всего он отмечал значение спорта для сохранения и укрепления здоровья. «Если греки занимались спортом для укрепления здоровья, – писал Кубертен, – он не повредит и нам, как не повредит и их огромная вера в спорт, и их желание достичь физического совершенства, которое воодушевляло их. Когда мы в свое время добьемся прекрасного здоровья, занятия спортом для его поддержания станут даже еще важнее, и мы не совершим ошибку, если отставим все остальные заботы на второй план» [см.: Vialar, 1962 b, р. 79].

Особенно важное значение Кубертен придавал обоснованию ценности спорта не только для физической подготовленности и здоровья, но также для совершенствования интеллектуальных, нравственных, эстетических и других способностей личности, для человека во *всех* его аспектах и отношениях. Он постоянно указывал на то, что включение спорта в систему воспитания не только улучшает здоровье и физические качества человека, но также – что более важно – делает его лучшим гражданином, более честным, более оптимистичным и сильным духом. Спорт – это средство, с помощью которого индивидум может достичь «гармонизации двух видов силы» – мышечной и духовной, что дает ему возможность обрести физическое здоровье и духовную гармонию [см.: Georgiadis, 1999, р. 49]. Кубертен доказывал, что спорт способен формировать «характер и укреплять нравственные силы», а также «инициативность, стойкость, энергичность, стремление к самосовершенствованию и пренебрежению к возможным опасностям», а значит, содействовать не только физическому совершенствованию, но и «гармоничному развитию взрослого человека (equilibrium of the adult)» [Coubertin, 1966с, р. 57, 79, 108]. «...Спорт, – писал он, – не сводится к активности небольшой горстки людей, которым, якобы нечем занять свое свободное время, и... он не является лишь формой мышечной компенсации интеллектуальной работы. Для каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка, независимо от их положения в обществе, спорт – это возможность и путь самосовершенствования. Спорт необходим каждому, и ничто его не может заменить» [Кубертен, 1997, с. 171–172]. По его мнению, «изучение собственного сознания, анализ чувств и эмоций – единственный способ морального совершенствования – имеет в спорте неограниченное поле, неограниченные возможности для применения. И эта возможность для больших свершений в области педагогики обязательно должна быть использована ею» [Coubertin, 1919, р. 137–138].

Кубертен считал, что спорт способен внести вклад в решение важных проблем и *социальных отношений*. Спорт, по его мнению, может вдохнуть в человечество дух свободы, мирного соревнования, способствовать утверждению мирных отношений между государствами, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, их культурному сотрудничеству и т.д.

Высоко оценивая гуманистический потенциал спорта, Кубертен вместе с тем учиты-

вал, что спорт может – при определенных условиях – *отрицательно* влиять на здоровье человека, на его личностные качества, в том числе культуру, способен развивать в человеке жестокость, чувство мнимого превосходства над другими; он может использоваться в качестве средства разжигания межнациональных конфликтов, решения узкокорыстных политических целей и т.д. Кубертен неоднократно указывал на этот противоречивый характер спорта. Обращая внимание на все возрастающее значение спорта, на то, что «его роль в современном мире такая же большая, какой она была в античности», Кубертен одновременно подчеркивал, что «сегодня, как и в прошлом», влияние спортивных соревнований «может быть и положительным, и отрицательным, это зависит от их использования и направления развития. Спорт может вызывать как наиболее благородные, так и наиболее низменные чувства; он может развивать бескорыстие и алчность; может быть великодушным и продажным, мужественным и отвратительным; наконец, он может быть использован для укрепления мира или подготовки к войне» [Кубертен, 1997, с. 22]. «Мы знаем, – писал также Кубертен, – что спорт может привести к тяжелым злоупотреблениям, утонуть в меркантилизме и низменной грязи, и от такой судьбы нам необходимо его уберечь. Если этого не сделать, разрушатся все надежды, связанные со спортом, и он не будет играть никакой роли ни в школьном воспитании, ни в общественной жизни, а, напротив, поможет коррупции, дав ей дополнительный шанс» [Coubertin, 1986 a, p. 369].

Вот почему в новой системе образования и воспитания на первом плане для Кубертена был не любой спорт, а спорт «*воспитательный*» (“*educatif*”) [см.: Vialar, 1962 b, p. 85]. Чтобы спорт мог выполнять свою воспитательную функцию, писал Кубертен, необходимо его «*облагородить*»: «именно потому что в новом, формирующемся ныне мире спорт может играть важнейшую роль для прогресса и восстановления дружеских связей между государствами, мы хотим, чтобы спорт был чище и благороднее» [см.: Vialar, 1962 b, p. 81]. В 1896 г., касаясь роли спорта в борьбе за мир, Кубертен выразил надежду на то, что в рамках олимпийского движения «атлетизм будет возвеличен и облагорожен, и международная молодежь будет черпать в нем любовь к миру и уважение к жизни» [цит. по: Петров, 1980, с.18].

По мнению автора данной работы, изложенное выше дает основание полагать, что в работах Кубертена фактически *впервые поставлен вопрос о необходимости гуманизации («облагораживания») современного спорта и разработана определенная концепция решения этой задачи.*

Учитывая возможность негативного влияния спорта на личность и социальные отношения, использования его в антигуманных целях, Кубертен постоянно ставил и обсуждал вопрос о том, каким образом избежать этих негативных явлений. Для этого он предлагал ряд мер:

- четкую дифференциацию спортивного воспитания посредством физических упражнений и на основе использования соревнований; недопущение чемпионатов, организуемых казино и гостиницами или по случаю выставок и общественных фестивалей;
- запрет на проведение боксерских поединков за денежные призы; отказ муниципалитетов от строительства крупных стадионов, предназначенных исключительно для спортивных «шоу», сооружение стадионов согласно модернизированному плану древнегреческих гимназий;
- запрещение превращать в зрелища соревнования, в которых участвуют спортсмены моложе 16 лет;
- развитие спортивной медицины, поддерживающей хорошее состояние здоровья, в дополнение к медицине, ориентированной лишь на лечение заболеваний или травм;
- популяризацию занятий спортом среди взрослых людей и уменьшение интенсивности спортивных занятий для подростков и т.д. [Кубертен, 1997, с. 173–175].

Важные рекомендации по решению проблемы гуманизации спорта Кубертен формулирует и в «Спортивной педагогике»: «Во-первых, это сочетание спортивной деятельности с другими сферами жизни человека. Спортивные упражнения, причем не только в процессе обучения, но и в обычной жизни желательно сочетать с умственными, с постоянной работой мысли. Физическое упражнение не должно расцениваться как просто нечто противоположное умственной работе, а, наоборот, должно стать ее постоянным и почетным спутником. Во-вторых, это эффективное взаимодействие ученика и учителя, сына и отца, опытного спортсмена и новичка. Только такое тесное взаимодействие и сотрудничество может открыть глаза начинающему спортсмену на подстерегающие его трудности, на

всю серьезность стоящей перед ним задачи и закалить его морально. С другой стороны, для более опытного спортсмена это сотрудничество не менее плодотворно, так как дает ему возможность оставаться всегда молодым» [Coubertin, 1919, p. 238–239].

В связи с отмеченным выше вызывает удивление такое положение, которое Эльк Франке приписывает Кубертену в ходе критики его философской концепции олимпизма: «...Кубертен исходил из того, что мужество, храбрость, взаимоуважение, терпимость и чувство локтя как бы автоматически возникают в ходе физических упражнений» [Франке, 2006, с. 74]. Это ошибочное, на наш взгляд, положение повторяет и А.В. Кыласов: «Путая причинно-следственные связи, вождь олимпизма исходил из того, что мужество, храбрость, взаимоуважение, терпимость и чувство локтя естественным образом возникают в ходе физических упражнений. Иными словами, муштра создает добропорядочных граждан. А под влиянием образов спорта жизнь улучшается. Здесь можно продолжить ряд силлогизмов: большая голова свидетельствует о широте мысли, красивое оперение птиц – об их прекрасном пении и т.д.» [Кыласов, 2010 а, с. 276]. Если опираться на работы Кубертена и высказываемые в них положения (некоторые из них приведены выше), становится очевидно, что позиция Кубертена в данном вопросе *прямо противоположна* той, которую ему приписывают указанные авторы.

Продолжая обсуждение проблемы, отметим, что указанные меры Кубертен рассматривал как *частичные*, не способные *в полной мере* решить проблему использования спорта для целостного развития личности. Он фактически первый достаточно четко осознал, что социальное значение и социальные функции спорта, его реальная гуманистическая ценность самым существенным образом зависят от того, какие *задачи* ставят перед собой те, кто вовлечен в спортивную деятельность, каким образом и для каких целей они ее *используют*.

Поэтому в первую очередь, считал Кубертен, необходимо стимулировать *гуманистическую ориентацию* организаторов спортивной деятельности, их стремление содействовать реализации в спорте и посредством спорта гуманистических идеалов и ценностей, их активную деятельность по гуманистическому воспитанию спортсменов. Для решения этой важной задачи, по мнению Кубертена, необходимо *особое социальное движение*. Это должно быть *социально-педагогическое, воспитательное движение, все субъекты которого (спортсмены, тренеры, организаторы спортивных соревнований и т.д.) ориентированы на реализацию в спорте и посредством спорта идеалов гуманизма, приобщение детей и молодежи к этим идеалам*.

Увлечение Кубертена историей Древней Греции, знакомство с античной культурой [см.: Ригге ... 1994 b] помогло определить характер этого движения: это должно быть движение на основе *возрождения Олимпийских игр*. При этом важно подчеркнуть тот факт, на который не всегда обращается внимание: Кубертен думал не просто о *возрождении* Олимпийских игр, а в первую очередь о том, чтобы включить спорт в систему образования и воспитания, в общественную жизнь в целом, согласно *идеалам гармонии* греческой античности [Coubertin, 1986 b, p. 361, 363].

Главный вывод, который он сделал на основании изучения истории Олимпийских игр, состоял в том, что древние греки культивировали эти Игры главным образом не для развития тела и не для создания спектаклей-праздников, а для воспитания человека. Культивируя тело в процессе соревнований и подготовке к ним, Игры развивали и оттачивали духовные качества, формировали человека, совершенного во всех отношениях – гармонично развитую личность. В своей речи в Афинах 16 ноября 1894 г. Кубертен так разъяснил свою идею возрождения Олимпийских игр: «Спортивное движение охватило весь мир и развивается быстрыми темпами, а нам необходимо помнить историю античного спорта, чтобы избежать негативного опыта наших предков. Современный спорт одновременно имеет и много преимуществ и недостатков по сравнению с античным. Появилось много новых видов спорта, а старые значительно усовершенствовались. В первоизданном виде остались только плавание, борьба и некоторые виды гимнастики. Появились велосипеды, ракетки, мячи, коньки и великое множество других приспособлений и спортивных снарядов. Но почти исчезла философская база, возвышенные цели, вся патриотическая и религиозная атмосфера, которая окружала спортивные праздники. Перед соревнованиями атлет проходил через своего рода очищение, которое должно было сделать его достойным участником, чтобы никакие события и поступки в жизни не омрачали его участия в соревнованиях. Мы сейчас вряд ли можем себе представить, например, велосипедиста, которо-

му перед соревнованиями надо пойти в мэрию и попросить справку о благонравии, или фехтовальщика, проводящего время в церкви, в бдении над оружием, как средневековый рыцарь. И в то же время мы знаем, что спорт может привести в тяжелым злоупотреблениям, утонуть в меркантилизме и низменной грязи, и от такой судьбы нам необходимо его уберечь. Если этого не сделать, разрушатся все надежды, связанные со спортом, и он не будет играть никакой роли ни в школьном воспитании, ни в общественной жизни, а, напротив, поможет коррупции, дав ей дополнительный шанс» [Coubertin, 1986 а, р. 369]. Предлагая проводить Олимпийские игры, Кубертен неоднократно подчеркивал свое желание «возродить не одну лишь форму, но и принцип этого тысячелетнего института», исходя из того, что это даст не только его стране, «но и всему человечеству необходимый воспитательный импульс». Для этого важно «восстановить те важнейшие опоры, которые его поддерживали в прошлом, – его связи с интеллектуальной, моральной и в определенной степени религиозной жизнью». «Современный мир, указывал он, добавил к этим опорам две новые: технические усовершенствования и демократический интернационализм» [Кубертен, 1997, с. 71].

Кубертен считал, что Олимпийские игры, которые по своему духу, по своей направленности должны быть *образцом* (с точки зрения своей *гуманистической* направленности, ориентации, *гуманной* атмосферы) для других спортивных соревнований, помогут решить задачу возрождения и усиления *духовно-нравственных начал, воспитательной* роли спорта, сделать его «чище и благороднее», повысят роль спорта в совершенствовании человека и социальных отношений [Coubertin, 1986 б]. В «Олимпийских мемуарах» он писал: «Почему я возродил Олимпийские игры? Чтобы облагородить и укрепить спорт, чтобы обеспечить его независимость и стабильность и таким образом дать ему возможность лучше выполнять ту воспитательную роль, которая выпала ему в современном мире» [см.: Anthony, 1994, р. 27].

По мнению Кубертена, олимпийское движение должно создать условия и стимулы для *полноценной и эффективной реализации присущего спорту огромного культурно-воспитательного потенциала*, а вместе с тем *противодействия возможным негативным явлениям* в сфере спорта. В письме французским и зарубежным спортивным обществам (15 января 1894 г.) Кубертен писал: «Важнее всего сохранить за спортом тот благородный и рыцарский характер, который отличал его в прошлом, чтобы спорт мог и далее играть ту блестящую роль в воспитании современных народов, какая была ему предназначена нашими учителями-греками» [цит. по: Адам, 1981, с. 58]. Ту же мысль Кубертен высказал в 1931 г. в своих мемуарах: «Почему я возродил Олимпийские игры? Чтобы облагородить и укрепить спорт, чтобы обеспечить ему независимость, долголетие, а также усилить воспитательную роль, которая отводится спорту в современном мире» [цит. по: Адам, 1981, с. 58]. По мнению Кубертена, *выдвижение на передний план задачи воспитания посредством спорта* определяет наличие «принципиального различия между Олимпийскими играми и обычными международными чемпионатами» [Кубертен, 1997, с. 68].

Исходя из этих же соображений, Кубертен категорически возражал против организации *детских* Олимпийских игр. По его мнению, они противоречат реализации воспитательных задач олимпийского движения. В «Олимпийских мемуарах» в качестве одного из важных результатов Конгресса в Париже (23 июня 1894 г.), на котором был создан МОК, он отметил решение о «недопущении детских соревнований» в программе Олимпийских игр. «Викелас и представитель Швеции Берг, – писал Кубертен, – хотели включить соревнования для детей, что, по моему мнению, было бы непрактичным и опасным» [Кубертен, 1997, с. 19].

Понимая олимпийское движение как социально-педагогическое, воспитательное движение, ориентированное на реализацию в спорте и посредством спорта гуманистических идеалов, Кубертен полагал, что к достижению этой цели должны стремиться все субъекты данного движения. В своих работах и выступлениях он неоднократно указывал на свое стремление «напомнить людям о философском и интеллектуальном характере» своей олимпийской идеи и «поднять роль МОК значительно выше уровня обычной спортивной ассоциации» [Кубертен, 1997, с. 42].

Чтобы акцентировать внимание организаторов Олимпийских игр на эту главную цель данных Игр по инициативе Кубертена проводились *олимпийские конгрессы*, в повестке которых на первый план он выдвигал *спортивно-педагогические* вопросы. Так, организованный по его инициативе в 1894 г. в Париже конгресс, названный впоследствии I



Олимпийским конгрессом, официально назывался «Конгресс по возобновлению Олимпийских игр». Однако Кубертен постоянно подчеркивал на этом конгрессе, что в первую очередь речь идет о значении спорта для «обновления человечества через воспитание» [см.: Лотц, 1983, с. 17]. И на последующих Олимпийских конгрессах по инициативе Кубертена обсуждались в первую очередь не организационные, а социально-педагогические вопросы. Так, на II Олимпийском конгрессе в Гавре (1897 г.), который проходил под девизом «Восстановление единства мышц, воли и мысли», обсуждалось «влияние спорта на формирование характера молодежи», а на Олимпийском конгрессе 1913 г. в Лозанне – «физическое, интеллектуальное, моральное и социальное воздействие спорта». В программу конгресса в Гавре по инициативе Кубертена были включены вопросы о моральном влиянии физических упражнений на детей и подростков, а также о влиянии усилий на формирование характера и на развитие личности [Кубертен, 1997, с. 43].

В связи с изложенными выше идеями Кубертена никак нельзя согласиться с мнением А.В. Кыласова о том, что «Кубертен создал сказку для “мускулистых христиан” о “благородных играх”, в которых участвовали их предки – языческие атлеты. И сделал он это с вполне пристойной целью – развлечь таким шоу публику» и что якобы «изначально он задумывал Олимпийские игры как развлечение аристократов с их же участием и прославлением их заслуг» [Кыласов, 2010, с. 197].

Исходя целевой установки олимпийского движения, Кубертен считал, что идеалом личности этого движения должен быть *олимпиец*, *homo olympicus*, – атлет, который демонстрирует не только спортивное мастерство, но также полноценное и пропорциональное развитие физических, психических и духовных (нравственно-эстетических) качеств, т.е. представляет собой разносторонне и гармонично развитую личность.

Формирование посредством спорта целостной личности, для которой характерна эвритмия (гармония физических и духовных способностей), Кубертен считал главной воспитательной задачей олимпийского движения. По его мнению, «олимпийское движение может стать школой воспитания благородства и нравственной чистоты, равно как физической выносливости и силы», поскольку спортивные соревнования способны «формировать характер и укреплять нравственную силу», а также «инициативность, стойкость, энергичность, стремление к самоусовершенствованию и пренебрежению к возможным опасностям», а значит, содействовать не только физическому совершенствованию, но и «гармоничному развитию взрослого человека» [Coubertin, 1966 с, р. 57, 79, 100, 108]. Как отмечает Э. Хён, «эвритмия», которая в начале XX в. определялась как «регулярность, гармония и пропорциональность», а в толковом словаре, изданном в ГДР, как «красота, совершенство форм жизни и самовыражения», для Кубертена служила термином, обозначавшим содержание и проявления высококультурного, совершенного образа жизни, который должен быть достигнут не в последнюю очередь благодаря современному олимпизму [Хён, 1984, с. 52].

Для характеристики олимпийского атлета как гармонично развитой личности Кубертен использовал придуманный им и конкретизирующий его идею «эвритмии» девиз «*Mens fervida in corpore lacertoso!*» («Возвышенный дух в развитом теле!»). Этот девиз, на который впервые он указал в 1911 г. в статье под тем же названием [Coubertin, 1911], призван был заменить известное выражение Ювенала “*Orandum est ut sit mens sana in corpore sano*” (как правило, ему дается не совсем точный перевод: «В здоровом теле – здоровый дух»)\*, за которым, по мнению Кубертена, скрывается «в высшей степени гигиенический», «слишком медицинский» идеал, «чтобы его можно было предложить амбициям молодых» [Кубертен, 1997, с. 100].

В соответствии с указанным идеалом личности, который Кубертен мечтал привить всему человечеству в качестве его *raison d'être* (смысла существования), олимпийскому атлету должны быть присущи совершенные физические качества, здоровье, красота физически развитого тела и движений, а вместе с тем сила духа, интеллект, эстетический вкус, художественный талант, культура речи и общения, высоконравственные качества: честность, великодушие, бескорыстность и др.

---

\* Как отмечает Г. Ленк, у Ювенала сказано: «Желательно, чтобы в здоровом теле был здоровый дух» [Ленк, 1982, с. 2]. Дается и такой перевод этой фразы с оригинала: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом» [см.: Ювенал, 1994].

Всякое соперничество, в том числе спортивное, предполагает стремление каждого из участников к *победе*. Ориентация на победу в соперничестве наиболее отчетливо сформировалась в условиях древнегреческой культуры и расцвета агонистики – достаточно вспомнить гомеровский девиз «всегда быть лучше и превосходить других», «всегда быть на голову выше всех остальных». Абсолютизация такой ориентации приводит к позиции, которую наиболее четко сформулировал футбольный тренер из США В. Ломбарди. Ему приписывают слова: «Победа – не самое главное, победа – единственное, ради чего стоит бороться» [см.: Макинтош, 1998]. В соответствии с таким подходом *идеалом* для воспитания в спортивной деятельности становится *спортсмен высочайшего класса, рекордсмен*, который в соперничестве с другими стремится только к победе и добивается ее *любыми средствами*.

Позиция Кубертена по данному вопросу иная и включает в себя два основных пункта.

Во-первых, по мнению Кубертена, олимпийские атлеты должны стремиться к максимально высокому результату. Кубертен категорически возражал против «чрезмерного сдерживания» спортивных результатов, видя в их постоянном росте «притягательность» спорта и его «право на существование» [цит. по: Daume, 1981, p. 67]. Мысль покончить с этим он считал утопией, взлелеянной неспортсменами [Coubertin, 1909 a]. Критикуя тех, кто призывал к «умеренности», к отказу от спортивных рекордов, Кубертен писал: «Спортивный рекорд является неизбежной вершиной всей спортивной системы, его неустранимость сродни неустранимости “вечной аксиомы” (так назвал закон Ньютона французский писатель Тэн). Вы не можете надеяться устранить ее, не разрушив все остальное. Поэтому, сторонники утопии умеренности, признайте свое поражение. Умеренность противоречит самой природе. Наблюдайте, как мы продолжаем воплощать в жизнь девиз Отца Дидона, который он имел привычку повторять своим ученикам и который стал девизом олимпизма: Быстрее, выше, сильнее!» [Кубертен, 1997, с. 176]. Такая позиция Кубертена определялась стремлением использовать спорт в качестве средства воспитания характера, воли и других качеств личности.

Во-вторых, Кубертен всегда подчеркивал, что, как бы ни была желанна олимпийскому спортсмену победа или установление рекорда, он не должен стремиться к победе любой ценой. В этом отношении его позиция принципиально отличается от упомянутой позиции футбольного тренера из США В. Ломбарди. Кубертен полагал, что только нравственные ценности способны придать спорту, спортивным соревнованиям и спортивным рекордам подлинно человеческую, гуманистическую направленность. По мнению Кубертена, спортсмен должен отдавать предпочтение честному, благородному, рыцарскому поведению в спортивных поединках, ибо только в этом случае спорт, спортивные соревнования будут выполнять свою воспитательную функцию. С таким представлением Кубертена об идеале поведения участников спортивных соревнований связаны и слова в его «Оде спорта»: «Трижды сладостна победа, одержанная в благородной, честной борьбе» [Кубертен, 1987].

Таким образом, идеалом для Кубертена является спортсмен, для которого на первом плане находится не успех, не победа в спортивном соперничестве, а поведение, адекватное нравственным нормам. Это означает, что прежде всего он должен стремиться к победе над самим собой, а не над соперником. В этом плане характерно название статьи Кубертена: «Победи самого себя!». На медали для участников Африканских игр по предложению Кубертена было начертано: «*Athletae Proprium Est Se Ipsum Noscere, Ducere et Vincere*» («Обязанность и сущность атлета – познать самого себя, контролировать себя и превзойти себя»).

Такое отношение Кубертена к победе на Олимпийских играх часто выражают неточно, ошибочно приписывая ему фразу: «*Главное в Олимпийских играх не победа, а участие*» (или: «*На Олимпийских играх важно не столько побеждать, сколько участвовать*») [Макинтош, 1998, с. 63]. На самом деле эту фразу использовал архиепископ Пенсильванский Э. Тальбот 17 июля 1908 г. в своей речи в соборе святого Павла в Лондоне, обращенной к участникам Игр IV-й Олимпиады. Кубертен, выступая 24 июля 1908 г. на торжественном обеде, который английское правительство дало в связи с Играми, оценил речь епископа как «высоко философскую» и дополнил выражение, использованное архиепископом, своим взглядом на ситуацию в спорте с учетом ее воспитательного содержания.

ния: «Запомните, господа, эти прекрасные слова: *главное в жизни не триумф, а битва; важнее храбро сражаться, чем победить*» (выделено мной, – В.С.). Распространять эти заветы – значит, воспитывать более мужественное, более сильное во всех отношениях, более добросовестное и более великодушное человечество» [Coubertin, 1908, p. 19. Цит. по: Дьюри, 1974, с. 126]. Кубертену принадлежат и такие слова: «Бесчестие не в том, что ты будешь побежден, а в том, что ты отказываешься от борьбы» (*Le déshonneur ne consisterait pas ici à être battu: il consisterait à ne pas se battre*) [Coubertin, 1986 а, p. 372].

Значит, в отличие от архиепископа Кубертен на первый план выдвигает не «участие» в соревновании и борьбе, а *отношение* к соревнованию и борьбе. По мнению Кубертена, самое главное – не победа над соперником, а отвага, мужество, проявляемые в ходе борьбы за эту победу, сам дух борьбы, побуждающий человека к совершенству, к преодолению самого себя, своих слабостей и недостатков. Необходимо бороться, таким образом («храбро – *well*»), на основе таких принципов, которые воспитывают «более мужественное, более сильное во всех отношениях, более добросовестное и более великодушное человечество». Это существенное отличие в позициях архиепископа и Кубертена не всегда осознается. Так, например, А.В. Кыласов приводит указанные слова архиепископа, обращенные к участникам Игр IV-й Олимпиады, и пишет: «Интересно, что на сайте МОК в краткой справке о той Олимпиаде содержится разъяснение, что “подлинный смысл этой фразы раскрыл Кубертен”. И в этом проявилась его проницательность и чутье. Странно. Вроде бы и так все было понятно» [Кыласов, 2010 а, с. 91].

Таким образом, если опираться на работы Кубертена, то кратко его «олимпийскую позицию» в вопросе о поведении участников олимпийских соревнований, их отношении к победе в этих соревнованиях можно сформулировать следующим образом: *олимпийское поведение в соперничестве предусматривает не просто участие, а проявление мужества, воли, настойчивости, стремление к достижениям, к максимально возможному результату, победе, но при этом отказ от желания победить любой ценой, за счет своего здоровья или причинения ущерба здоровью соперникам, посредством обмана, насилия, нечестного судейства и других антигуманных действий. Олимпиец должен отдавать предпочтение честному, благородному поведению в спортивных поединках.*

Из необходимости ориентации олимпийского атлета в спортивном соперничестве на нравственные принципы следует, по мнению Кубертена, что прежде всего он должен стремиться к победе не над соперником, а над *самим собой*. В этом плане характерно название одной из статей Кубертена: «Победи самого себя!» [Coubertin, 1915]. На медали для участников Африканских игр по предложению Кубертена было начертано: «*Athletae Proprium Est Se Ipsum Noscere, Ducere et Vincere*» («Обязанность и сущность атлета – познать самого себя, контролировать себя и превзойти себя»).

Ошибочно приписывать Кубертену и олимпийский девиз «Быстрее, выше, сильнее». Такую ошибку допускают не только в популярной, но и в научной литературе [см., например: Vialar, 1962 b, p. 82]. На самом деле этот девиз сформулировал близкий друг Кубертена доминиканец (монах) Генри Дидон, префект Парижского колледжа д'Аркеиль. Кубертен писал в «Олимпийских мемуарах», что девизом олимпизма «Быстрее, выше, сильнее» стал «девиз Отца Дидона, который он имел привычку повторять своим ученикам» [Кубертен, 1997, с. 176].

Кубертен, как следует из охарактеризованной выше его концепции современного олимпизма, в решении задачи использования спорта в целях не только физического, но и духовно-нравственного воспитания, рассчитывал прежде всего на *гуманистическую ориентацию* МОК и других руководящих деятелей олимпийского движения, организаторов Олимпийских игр, их стремление содействовать реализации в спорте и посредством спорта гуманистических идеалов и ценностей, их активную деятельность по пропаганде «олимпийского духа» в спортивном соперничестве. Кубертен постоянно призывал МОК «обратить серьезное внимание на воспитательную миссию» олимпийского движения и предложил в рамках этого движения создать институты для воспитания олимпизму, ориентируясь на конечную цель движения – «достижение нравственного совершенства человечества и отдельного человека» [Кубертен, 1997, с. 42].

В 1926 г. по его инициативе было создано Международное бюро спортивной педагогики с целью организации международного сотрудничества в области педагогики спорта. Кубертен мечтал о создании Олимпийского центра, который содействовал бы разъяснению и распространению олимпийских идей, особенно среди молодежи, воспитанию ее «в

олимпийском духе», «в духе соблюдения принципов олимпизма». Ему принадлежит идея создания Международной Олимпийской академии. Она основана в Олимпии в 1961 г. «для поддержки и пропаганды олимпийского духа».

Важное значение он придавал разветвлению в олимпийском движении *спортивно-го воспитания*, которое ориентируется на *идеалы олимпизма*: «Олимпийское движение..., – писал он, – предполагает всеобщее спортивное воспитание, которое доступно всем, отличается мужественностью и рыцарским духом и в совокупности с эстетическими и литературными занятиями является движителем национальной жизни и очагом гражданственности. Вот идеальная программа» [см.: Mzali, 1979, p. 64].

Особое место в философской концепции олимпизма Кубертена занимает идея *интеграции спорта с искусством и культурой в целом* [см.: Хён, 1984; Coubertin, 1934 b; Landry, 1987; Nissiotis, 1987; Pierre... 1994 c].

Обсуждению этого вопроса посвящен специальный раздел «Искусство и спорт» работы Кубертена «Спортивная педагогика» [Coubertin, 1919]. Кубертен отмечает здесь, что «искусство должно соседствовать со спортом», «должно быть связано с практикой спорта»: «Спорт надо рассматривать как *источник и как повод для искусства*. Он порождает красоту, формируя атлета, обладающего великолепными скульптурными формами. Спорт является причиной красоты благодаря сооружениям, которые для него возводятся, спектаклям и праздникам, которые в его честь устраиваются» [Coubertin, 1919, p. 146]. В «Олимпийских письмах», которые были опубликованы в «La Газет де Лозан» 26 октября 1918 г., Кубертен писал: «Олимпийское движение... предполагает всеобщее спортивное воспитание, которое доступно всем, отличается мужественностью и рыцарским духом и в совокупности с эстетическими и литературными занятиями является движителем национальной жизни и очагом гражданственности. Вот идеальная программа» [цит по: Дьюри, 1974, С. 125; ср.: Mzali, 1979, p. 64].

Кубертен неоднократно выражал удивление по поводу отсутствия «интереса на протяжении целого ряда лет к идее объединения спортивных состязаний с хоровым исполнением на открытом воздухе. То, что скульпторы и художники колебались переступить забытый порог, еще можно было понять, а вот абсолютное нежелание людей соединить эти две красоты, дополняющие друг друга, – понять было невозможно» [Кубертен, 1997, с. 83].

Обсуждая вопрос о взаимоотношениях спортсменов с людьми искусства, Кубертен отмечает, что хотя античное искусство преданно и беззаветно служило атлету, но предметом искусства был атлет в состоянии покоя. Скульпторы и художники никогда не изображали атлетов в момент усилия и интенсивной работы мышц. По его мнению, это связано с тем, что физические усилия, особенно в момент своего максимума, искажают благородные черты атлета. Современная моментальная фотография не оставляет сомнений на этот счет. Конечно, существуют исключения из общего правила, к тому же даже искаженные черты вовсе не безобразны, а полны жизненной энергии, силы и мощи. Однако античный ваятель и художник считали, что в их произведениях должны присутствовать только благородные и правильные черты и линии [Coubertin, 1919, p. 147]. К сожалению, замечает Кубертен, в настоящее время произведения искусства, посвященные спорту, весьма редки. Спорт не входит в число тем, интересующих людей искусства.

Причину взаимного невнимания спортсменов и артистов (людей, занимающихся каким-либо видом искусства) Кубертен усматривает прежде всего «в отсутствии организованных контактов между ними, а также в условностях, касающихся выбора тем для творчества. Сегодняшние артисты с помощью ломаных, фантастических и незаконченных линий пытаются передать такие же несуществующие и фантастические впечатления, неопределенные, нереальные мечты. Спорт – это одна из самых конкретных реалий, это законченность и совершенство, классика. Каждое движение спортсмена выверено и отточено, и ни кисточка, ни скребок тут ничего не могут поделать». Вместе с тем Кубертен полагает, что события, происходящие в современном мире, активно способствуют возвращению престижа реальных ценностей, когда-то утраченных, а совершенное человеческое тело так прекрасно, что настоящий артист просто не может не обратить на него внимание [Coubertin, 1919, p. 147].

Кубертен настаивал на том, чтобы «между атлетами, людьми искусства и зрителями был заключен союз» [Coubertin, 1986 с, p. 17]. Он мечтал о том, чтобы спортсмены и деятели искусства совместно создавали красоту. Эстетическое восприятие красоты спортив-

ного представления должно вдохновлять композиторов, художников, скульпторов и литераторов. Все дело, по его мнению, «сводится к одной проблеме: где могут встретиться артисты и спортсмены? Оружейные или боксерские залы для этого не подходят. Античная гимназия, возможно, была бы идеальным местом, но – увы... Однако теперь, когда у нас есть такие современные стадионы, туда вполне можно было бы пригласить людей искусства. Было бы очень своевременно пригласить их туда, облегчив тем самым им задачу, ободрить их. И наконец, почему бы не сопровождать соревнования – выставки достижений спортивного мастерства – художественными выставками, посвященными спорту?» [Coubertin, 1919, p. 147].

Для организации таких встреч спортсменов и людей искусства, по мнению Кубертена, необходимы современные проекты клубов верховой езды, водного спорта, гимнастики, наполовину открытых, наполовину закрытых, с возможностью расширения программы и присоединения других видов спорта: своего рода спортивные городки из камня, кирпича или дерева с большим количеством разнообразных спортивных площадок; практичные, отличающиеся оригинальным архитектурным решением и художественным вкусом. Необходимы и спортивные парки со всеми необходимыми сооружениями, открытые для всех и общедоступные. При этом особенно важно, подчеркивает Кубертен, использовать такие художественные формы, различного рода декорации, которые способны создать «гармоничную композицию» [Coubertin, 1919, p. 148–149].

Гармония, по его мнению, необходима и при решении вопроса о музыкальном сопровождении спортивных соревнований. Этот вопрос, указывает он, не нужно смешивать с вопросом организации музыкальных фестивалей на свежем воздухе. «Для фестиваля важны мощные оркестры и мощные хоры по той простой причине, что музыка является основной причиной собрания людей и должна сосредоточить на себе их основное внимание. При организации спортивных соревнований, наоборот, она является только вспомогательным средством. Поэтому более важным, чем громкость звучания и мощность звука, является ритм. Избегайте галопирующих, вульгарных или просто слишком часто звучащих ритмов. Ровный и размеренный ритм окажут большой эффект. Если у вас есть литавры, поместите их подальше, чтобы смягчить агрессивное звучание. Если у вас есть несколько певцов, наоборот, поставьте их ближе к зрителям и более того, разместите их самом центре трибун, если это необходимо. Длинным оркестровым пассажам лучше предпочесть хоровое пение. Если у вас есть возможность чередовать пение хора со звуками охотничьего рожка, как бы отвечающего хору, – не стоит раздумывать. Вы сумеете добиться самого гармоничного сочетания и превосходного эффекта» [Coubertin, 1919, p. 150–151]. Наконец, важное значение для художественного оформления спортивных соревнований имеет и правильная организация церемонии награждения победителей [Coubertin, 1919, p. 152].

В объединении спорта с искусством Кубертен усматривал важное условие эффективного использования спорта в системе воспитания, решения воспитательных задач олимпийского движения, одно из главных средств *гармоничного развития личности*, преодоления все усиливающегося *разрыва* между физическим и духовным развитием людей. Эту мысль Кубертен четко выразил в своем выступлении в Париже 23 мая 1906 г. на открытии Консультативной конференции по вопросам изобразительного искусства, литературы и спорта («Conférence consultative des arts, lettres et sports»): «Мы должны заново объединить узами законного брака давно разведенную пару – Разум и Тело... Их взаимопонимание длилось долго и было плодотворным. Но неблагоприятные обстоятельства разлучили их... Наша задача – снова соединить их. Искусство должно участвовать в современных олимпиадах. Искусство должно быть связано с практикой спорта, чтобы из этого получилась взаимная выгода» [Цит. по: Кубертен, 1987, с. 24–25; см. также: Pierre de Coubertin and the Arts, 1994 a, p. 7]. Кубертен подчеркивал, что «во взаимосвязи физического развития и разума разум, несомненно, доминирующий элемент, при том, однако, условии, что речь идет о наиболее совершенных формах художественного и литературного творчества, а не о незначительных произведениях, которые благодаря все возрастающей в наше время невзыскательности навязываются нам повсеместно, нанося ощутимый вред цивилизации, правде, человеческому достоинству и взаимоотношениям между народами» [Цит. по: Хён, 1984, с. 55].

Важную роль в укреплении связи спорта и искусства, по мнению Кубертена, должны играть Олимпийские игры. Его желание состояло в том, чтобы Олимпийские игры стали

не только выражением физической силы, но и манифестацией культуры и искусства: «Олимпиады являются не только манифестацией мускульной силы, они также несут интеллектуальное и художественное начало, и роль этого начала будет неуклонно возрастать» [Coubertin, 1912, р. 376]. В послании спортсменам и участникам Олимпийских игр в Амстердаме (1928) Кубертен выразил надежду на то, что эти Игры позволят «объединить красивую работу мускулов с работой ума, воодушевленного идеей спорта» [Coubertin, 1928, р. 3]. В выступлении по радио в 1935 г., характеризуя «философские основы современного олимпийского движения», Кубертен сказал: «Наконец, последний элемент – чувство прекрасного, которое дает нам участие в Играх Искусств и Мысли» [цит. по: Дьюри, 1974, с. 129].

Кубертен неоднократно подчеркивал принципиальное отличие Олимпийских игр от других спортивных соревнований, в том числе чемпионатов мира. В частности, в «Олимпийских мемуарах» он писал: «Я часто это повторяю, но лишь потому, что многие не понимают, что Олимпийские игры – это не чемпионат мира, а фестиваль молодежи всего мира, “юности человечества”, фестиваль предельных усилий, многочисленных амбиций и всех форм юношеской активности, фестиваль, который отмечает каждое последующее поколение, вступающее на порог жизни. Совсем не случайно в древние века писатели и художники собирались в Олимпии, чтобы отметить Олимпийские игры и тем самым повысить их престиж» [Кубертен, 1997, с. 71]. Именно поэтому Кубертен считал, что «искусство должно участвовать в современных Олимпиадах ... Какой же это праздник без музыки, стихов, живописно украшенных стадионов? Музы должны официально утвердиться на Играх», «Олимпийские игры должны быть окружены ореолом поэзии и красоты» [цит. по: Пуре, 1980, с. 36].

Наилучшим средством практического осуществления своей идеи укрепления связи спорта с искусством Кубертен считал включение в программу Олимпийских игр *художественных конкурсов*, которые, по его мнению, должны быть равнозначны спортивным соревнованиям. При этом он подчеркивал, что «во взаимосвязи физического развития и разума разум, несомненно, доминирующий элемент, при том, однако условии, что речь идет о наиболее совершенных формах художественного и литературного творчества, а не о незначительных произведениях, которые благодаря все возрастающей в наше время невзыскательности навязываются нам повсеместно, нанося ощутимый вред цивилизации, правде, человеческому достоинству и взаимоотношениям между народами» [цит. по: Хён, 1964, с. 55].

В своей вступительной речи на конференции по вопросам искусства, науки и спорта Кубертен, разъясняя свое предложение относительно включения художественных конкурсов в программу Олимпийских игр, сказал следующее: «Первый пункт плана, который мы сегодня представляем для критического рассмотрения и консультации, – это предполагаемая организация пяти конкурсов: произведений архитектуры, скульптуры, живописи, музыки и литературы. На этих конкурсах раз в четыре года будут демонстрироваться ранее не публиковавшиеся и не выставлявшиеся работы, созданные под прямым влиянием идей спорта. Работы, допущенные к этим конкурсам, сначала могут быть немногочисленны, они могут даже быть не самого высокого класса по той простой причине, что поначалу такие конкурсы привлекают, несомненно, только тех художников и литераторов, которые сами в той или иной степени занимаются спортом. В самом деле, разве не должен скульптор, желающий создать достоверное изображение огромного физического напряжения, в котором находится тело спортсмена, обладать хотя бы некоторым собственным опытом в данном виде спорта? Спросим еще раз: неужели нас смутит старый и ни на чем не основанный предрассудок, что некоторые виды профессиональной деятельности несовместимы со спортом? Могущество и универсальность спорта, возрожденные за столь короткий промежуток времени, предостерегают нас от подобных взглядов. Не далее как в следующем поколении люди различных уровней образования и разных профессий одновременно будут и спортсменами. Разве это не обычное явление среди фехтовальщиков уже сейчас? Время работает на нас. Однако было бы безрассудно ожидать чересчур многого от будущего союза спортсменов, художников и зрителей. Как много еще предстоит сделать из-за того, что была забыта эвритмия» [цит. по: Хён, 1984, с. 52–53].

По мнению Кубертена, союз спорта с искусством и наукой может служить важным средством «*облагораживания*» спорта и тем самым поднятия не очень высокого в тот период его престижа. В речи на открытии указанной конференции он следующим образом

выразил эту мысль: «...Я созвал это совещание, чтобы рассмотреть вопрос: насколько, как и в какой форме искусство и гуманитарные науки могли бы участвовать в проведении современных Олимпиад, как они могут включаться во всеобщую спортивную практику, облагораживать ее, да и сами пользоваться ею. Это значит, что у нас двоякая цель: с одной стороны, мы хотим осуществить углубленное сотрудничество между наукой и искусством при возобновлении Олимпийских игр, а с другой – включить их сотрудничество и в повседневность, т.е. при организации обычных спортивных мероприятий...» [цит. по: Проблемы олимпийского движения, 1977, с. 114].

Под «облагораживанием» спорта, спортивной практики Кубертен имел в виду в первую очередь повышение их культурной ценности. Об этом свидетельствуют, в частности, его слова, сказанные в связи с предложением ввести конкурсы искусств в программу Олимпийских игр: «Главное – пробудить интерес к конкурсам со стороны самой широкой общественности, чтобы все больше и больше людей осознавало спорт неотъемлемой частью культуры. В грядущих поколениях обязательно будут работники как умственного, так и физического труда, занимающиеся спортом с глубоким пониманием его культурной ценности. Время в этом вопросе идет с нами в ногу и работает на нас». Тем самым Кубертен, как отмечает Франц Лотц, «хотел убить двух зайцев одним выстрелом: заинтересовать спортом представителей наук и искусств, чтобы в то же время благодаря их присутствию и участию “поднять акции” спорта» [Лотц, 1983, с. 16].

Деятели искусства, собравшиеся на конференции по вопросам искусства, науки и спорта, поддержали предложение Кубертена включить упомянутые им пять конкурсов в процедуру современных Олимпийских игр. Однако это решение не было реализовано во время Олимпиады в Лондоне (1908 г., Игры IV Олимпиады). Впервые практически оно было осуществлено (причем в условиях резкой оппозиции со стороны шведских художников того времени) только в 1912 г. при проведении Олимпиады в Стокгольме (Игры V Олимпиады). Но в промежутке между этими Олимпийскими играми Кубертен и МОК организовали в 1911 г. в Париже международный архитектурный конкурс для окончательной выработки проекта «Новой Олимпии». До этого он был принципиально разработан в серии статей, которые Кубертен опубликован в «Ревю олимпик» (в номерах с октября 1909 г. по май 1910 г.).

Описание Кубертенем церемонии чествования победителей этого международного архитектурного конкурса показывает, какое важное значение он придавал художественной деятельности и творчеству в олимпийском духе, планированию всей процедуры Олимпийских игр, особенно церемоний их открытия и закрытия, в традициях эвритмии. Вот как он характеризует эту церемонию: «Она состоялась ночью в прямоугольном внутреннем дворе Сорбонны, заполненном, несмотря на надвигавшуюся грозу, двумя тысячами гостей. Оркестр и хоры укрылись за живой изгородью. Двор был погружен во мрак. Устроенная в галерее иллюминация производила множество цветовых эффектов. Музыка, движения сотни гимнастов с факелами и пальмовыми ветвями в руках, которые образовали фон для шестнадцати полуобнаженных юношей, выполнявших свои упражнения напротив часовни Ришелье, – все это создавало гармонию звука и тишины, цвета и графики силуэтов... Красота окружающей архитектуры прекрасно дополняла общий эффект. Затем последовала интерлюдия в виде стилизованного средневекового фехтовального турнира, потом появилась небольшая группа людей с шарманками и волынками, женщины танцевали, а под конец была припасена очаровательная пьеса «Философ и атлет», специально написанная для этого случая Морисом Поттешером, в которую входили настоящие борцовские состязания. Кульминация наступила, когда в деревянных решетках стен и купола зажглись бенгальские огни, в то время как хоры вознесли величественные гармонии Рамо и Палестрины над переполненной энтузиазмом и все же организованной толпой зрителей. Это блестящее зрелище потребовало объединения усилий всего лишь гимнастического клуба, клуба фехтовальщиков и музыкального общества одного из парижских кварталов. Для меня это было не только осуществлением чудесной мечты, но и новой ясной целью, стоящей перед искусством для масс. Цивилизация заблудилась, и только «возвращение к эвритмии» могло бы снова наставить ее на путь истинный. Эвритмия – забытая концепция, о которой рассуждают, не имея ни малейшего представления, чем она была на самом деле» [Coubertin, 1919, p. 153–154. Цит. по: Хён, с. 53–54].

Особые церемонии с использованием художественных средств, по мысли Кубертена, не только должны были придать Играм торжественность, но и как бы перевести человека в особый символический мир, соответствующий «*религии спорта*», *religio athleticae*.

Кубертен неоднократно обращал внимание на связь своей концепции олимпийского спорта с религией: «Моя концепция спорта, – писал он, – всегда отличалась от концепции очень многих, возможно, даже большинства спортсменов. Для меня спорт был религией со своей церковью, своими догматами, своей службой... но прежде всего – религиозным сознанием...» [Кубертен, 1997, с. 91–92]. «Первой сущностной характеристикой как античного, так и современного олимпизма, является его религиозная природа... Поэтому я думаю, что был прав, пытаюсь с самого начала воссоздать вокруг возобновленных Олимпийских игр религиозное чувство... В этом – происхождение всех обрядов, которыми сопровождаются церемонии современных Игр... Идея религии спорта, *religio athleticae*, очень медленно проникала в сознание участников состязаний» [Coubertin, 1976, p. 129–130]. «Что объединяет оба олимпизма (древний олимпизм и неоолимпизм – В.С.), так это их *религиозный дух*, который было воспрянул на некоторое время у молодых спортсменов Средневековья. “*Спортивная религия*” – древние понимали смысл этого словосочетания; наши современники еще не улавливают его» [Кубертен, 1997, с. 170]. Ту же мысль Кубертен высказал в своем послании после открытия Олимпийских игр в Олимпии 16 апреля 1927 г. (послание было отправлено по радио к “спортивной молодежи всех стран”): «Возрождая для вас Олимпийские игры, я меньше всего, друзья мои, хотел, чтобы они превратились в музейный экспонат или сюжет кино, использовались в коммерческих или избирательных целях. Возрождая существовавший 25 столетий тому назад институт, мы хотели, чтобы вы еще раз стали последователями религии спорта, задуманной нашими великими предшественниками» [Кубертен, 1997, с. 91–92]. Новое олимпийское движение должно было стать «религией со своей церковью, догматикой, культом», в очередной раз подчеркнул он в 1935 году [Coubertin, 1966a, s. 107].

Для формирования религии спорта, *religio athleticae*, Кубертен считал крайне важным создание соответствующей символики и ритуалов. Так, в 1910 г. он указал на то, что «церемониальная часть является одной из важнейших, и мы должны урегулировать ее в первую очередь», поскольку Олимпийские игры могут выделиться на фоне «обычной серии мировых чемпионатов» и превратиться во всеохватное «философское и историческое учение» лишь «благодаря блеску... мощной символики» [цит. по: Франке, 2006, с. 71].

Хотя пропагандируемая Кубертенем «религия спорта» не является религией в строгом смысле слова, но она обладает целым рядом признаков религиозного культа, предметом которого является спортивная деятельность и те, кто достигает в ней совершенства. «Религия спорта» – это «этическая система, не основанная на сверхъестественной санкции и тем самым не являющаяся религией в собственном смысле слова, но обладающая всеми признаками религиозного культа, предметом которого являлась энергичная и неутилитарная физическая деятельность» [Гельперин, 1977, с. 5]. Как отмечает Х.М. Кахигал, зажжение олимпийского огня, шествие, клятва, торжественные обороты речи на современных Олимпийских играх – все это восходит к религиозному ритуалу античности. Но «все эти обряды не просто скопированы с процессий и жертвоприношений древней Олимпии. Культ божества преобразован в них в культ человека как носителя определенных ценностей. Зевс превратился в идею единства человеческого рода, стал логическим синтезом всего пострационализма, всего европейского научного мышления XIX века» [Кахигал, 1983а, с. 21]. По мнению Д.В. Никишина, «спорт – пример социоцентрической псевдорелигии, которая не исходит из наличия трансцендентного бога, но предполагает сакрализацию (фетишизация) объекта поклонения, возникшего внутри общества, наделяет этот объект сверхъестественными качествами» [Никишин, 2005, с. 17].

Такая оценка спорта дает основание некоторым исследователям, опираясь на введенное М. Вебером понятие *харизматической власти*, которая существует за пределами мира рациональных правил и древних традиций, восходит к духовным началам и вращается вокруг сверхъестественного лидера, управляющего преданностью и уважением его последователей, говорить о харизматическом характере олимпизма: «Квазирелигиозные ритуалы и символы, окружавшие Олимпиаду, регулярный четырехлетний цикл, девиз «*citius, altius, fortius*» (быстрее, выше, сильнее), пять колец и факел, а также церемонии торжественного открытия и закрытия – все являются частью этой практически духовной веры в пророка Кубертена и его последователей в Международном олимпийском комите-



те, мифическим образом связанного с миром античной Греции и спортивными фестивалями, восходящими к 770 г. до н.э.» [Novak, 2008, p. 48].

Вопрос о взаимоотношении современного спорта и религии, а также о том, может ли олимпийский спорт развиваться в самостоятельную «*гражданскую религию*», основу концепции которой заложил Роберт Н. Белла в работе «Гражданская религия в Америке» (1967), является предметом дискуссии [Кыласов, 2009, 2010 а; Посьелло, 2006; Франке, 2006; MacAloon, 1978; Weis K., 1997 и др.]. Этот вопрос требует специального обсуждения, что выходит за рамки данной работы. Сделаем лишь одно замечание. Как нам представляется, в работах, обсуждающих проблему «гражданской религии» и в связи с этим подвергающих критике кубертеновскую идею религии спорта, *religio athleticae*, допускается некоторое ее искажение. Она интерпретируется как *центральная, главная* идея всей философской олимпийской концепции Кубертена, как «базовая составляющая (инвариантное начало, критерий и образец) Олимпизма» [Кыласов, 2009, с. 55]. Кубертен действительно придавал важное значение созданию религии спорта, но, как показано выше, для него это было лишь *одно* из средств (наряду с другими, к числу которых он относил, например, интеграцию спорта с искусством), которое должно использовать олимпийское движение, и, что особенно важно, Кубертен рассматривал *religio athleticae* как средство «*облагораживания*» спорта, повышения его *воспитательной* роли.

К числу важных ценностей, на которые должно ориентироваться олимпийское движение, Кубертен причислял также демократизм, интернационализм, равноправие всех людей и народов, просвещение в духе истинного патриотизма в сочетании с взаимоуважением наций, несмотря на расовые, религиозные и политические различия, а также гуманистические идеалы мира, дружбы и взаимопонимания. Некоторые из них отражают соответствующие фундаментальные ценности *либерального* мировоззрения (в первую очередь принцип индивидуальной свободы), сформулированное европейским Просвещением (Локк, Монтескье, Вольтер и др.) [см.: Гельперин, 1977; Егоров, 1991 б; Parry, 1995].

В соответствии с этой важной задачей олимпийского движения Кубертен считал утверждение *мирных отношений* между народами и государствами. По его мнению, спорт, развитый не только в национальном, но и в международном масштабе, станет важнейшим универсальным социальным фактором, средством контактов и коммуникации между культурами, вдохнет в человечество «дух свободы, мирного соревнования и физического совершенства», будет способствовать утверждению мирных отношений между государствами, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, их культурному сотрудничеству, «прекращению споров, разногласий и недоразумений», преодолению националистических предрассудков, улучшению политических отношений между народами, принадлежащими к разным культурам.

Выше было дано краткое изложение разработанной Кубертенем концепции современного олимпизма. В основе концепции – признание огромного *гуманистического потенциала* спорта и необходимости его «*облагородить*» (*гуманизировать*) для эффективного использования в системе воспитания. Кубертеновская программа такого «облагораживания», гуманизации спорта основана на осознании существенной зависимости гуманистической ценности спорта от того, *как он будет использован* и *какими соображениями* при этом будут руководствоваться. Путь решения этой задачи он усматривал в возрождении Олимпийских игр и развертывании олимпийского движения, которое должно направлять свои усилия на развитие спорта как важного элемента человеческой культуры, на максимально полную реализацию в спорте и посредством спорта общечеловеческих гуманистических идеалов и ценностей и на предотвращение возможности его использования в антигуманных целях. По своей социальной сущности и направленности это должно быть гуманистически ориентированное социальное движение, призванное использовать спорт в целях воспитания, совершенствования человека и общества в целом.

Финский социолог П. Сеппянен характеризует олимпийское движение как «транскультурное и транснациональное движение, которое стремится внедрить свою систему взглядов или идеологию в образцы человеческой активности посредством международного соревновательного спорта. Пьер де Кубертен считал, что Олимпийские игры призваны содействовать установлению мира и международного взаимопонимания между народами. Он оптимистически полагал, что олимпизм возродит добродетельную *fair play* и внедрит идею гармонии разума и тела в сознание молодежи посредством физических упражнений

и соревнования» [Seppänen, 1984 b, p. 2].

По мнению польского философа З. Кравчика, задуманное Кубертенем олимпийское движение является «универсальным, т.е. транскультурным, надгосударственным и наднациональным институтом, который стремится реализовать свою систему ценностей в современную модель человеческой активности, сделать мир более совершенным и более гуманным» [Krawczyk, 1988 b, p. 240–241].

В настоящее время опубликовано множество работ, посвященных идеям Кубертена и его философской концепции олимпийского движения. Она постоянно обсуждается на сессиях Международной олимпийской академии и была предметом дискуссий на многих международных научных и олимпийских конгрессах. Несмотря на обилие научных публикаций и дискуссий по данному вопросу, ситуация с пониманием идей Кубертена и его олимпийской концепции до сих пор остается весьма сложной.

Во-первых, как отмечает Ж. Дьюри, «в целом мысли и дела Кубертена, не говоря уже о его жизни, остаются пока очень мало известными» [Dury, 1999, p. 57]. В определенной степени это объясняется тем, что некоторые авторы пытаются осмысливать и оценивать идеи Кубертена, опираясь не на его оригинальные работы, а на кочующие из одной публикации в другую ошибочные представления по данному вопросу (некоторые из них отмечены выше).

Во-вторых, как заметил в своей лекции на сессии МОА Н. Мюллер, даже «среди членов МОК очень немногие понимают то, о чем действительно говорил Кубертен, хотя они и заинтересованы в том, чтобы олимпийское движение стояло над остальными спортивными организациями из-за своего “духовного статуса”» [Müller, 1998, p. 5–6].

В-третьих, некоторые авторы критически оценивают разработанную Кубертенем концепцию современного олимпизма:

- «концепция олимпизма создана на основе характерного для викторианской эпохи предвзятого представления о спорте Древней Греции и Средневековья» и как «пережиток викторианской эпохи» представляет собой «мещанину» «из отмершей идеологии, исторических неточностей и благоговейного преклонения перед рыцарем-любителем» [Морфорд, 1987, с. 21, 26];

- эта концепция является отражением устаревшей романтической и идеалистической философии [Parry, 1989, p. 81–84; Segrave, 1988, p. 149–150; Young D.C., 1988, p. 27];

- она «представляет собой целое море мифов, идеологий и предрассудков» [Caillat, Brohm, 1984];

- «Кубертен так и не свел свои идеи в более или менее строгую систему норм и ценностей. Он говорил об олимпизме не как о системе, но как о «состоянии души» (*une attitude spirituelle*), которое "способствует всестороннему и всеобщему спортивному образованию, пронизанному истинным мужеством и духом рыцарства, включающему в себя художественные и литературные проявления, будущему двигателю национального и средоточию гражданского бытия"» [Loland, 1995, p. 67];

- «В работах и высказываниях Пьера де Кубертена невозможно найти однозначной, исчерпывающе сформулированной трактовки олимпизма, зато сплошь и рядом встречаются взаимоисключающие установки» [Кыласов, 2010 а, с. 22];

- «олимпизм сознательно был им (Кубертенем. – В.С.) постулирован как новая “религия” во все более секуляризирующемся мире»; кубертеновская идея «спортивной религии», *religio athletae*, представляет собой «сочетание мифо-архаичного мышления с биологическим витализмом» [Франке, 2006, с. 68, 71].

В некоторых работах даются и более резкие негативные оценки олимпийской философской концепции Кубертена. Например, В. Михайлин характеризует его как «автора того не слишком вразумительного, но зато отчетливо прекраснотушного комплекса идей, который получил название “олимпизм” и который представлял собой «противоречивый конгломерат сырых и сугубо декларативных идей» [Михайлин, 2006, с. 24]. Он оценивает олимпийский проект Кубертена как «один из многих, зародившихся в XIX, в начале и середине XX в. модернистских проектов – наряду с социализмом, прогрессизмом, национализмом, коммунизмом, американизмом, фабианством, национал-социализмом, антропософией, фашизмом, богостроительством, дианетикой-сайентологией, агни-йогой и т.д.» [Михайлин, 2006, с. 24].

На наш взгляд, указанные негативные оценки в первую очередь объясняются тем, что пытаются оценить олимпийскую концепцию Кубертена, опираясь на *отдельные, выдергиваемые из контекста* фразы, а не на *все* его публикации и выступления Кубертена, не стремятся выяснить *строгую, хотя и не лежащую на поверхности, логику этой концепции*.

Общий объем работ Кубертена составляет более 12 тыс. печатных страниц в 30 книгах, 50 брошюрах и более чем 1200 статей по наиболее актуальным проблемам олимпизма, олимпийского движения и Олимпийских игр [Durántez, 1994 b, p. 25]. В этих работах действительно отсутствует однозначное и развернутое определение олимпизма. Даже в произнесенной по германскому радио в 1935 г. речи «Философские основы олимпийского движения» [Coubertin, 1935 a], которую можно считать его идеологическим завещанием, мы не найдем точной и развернутой дефиниции олимпизма. Кубертен лишь перечисляет здесь ряд ценностей, составляющих основу олимпизма. В их числе: идея всеобщего священного перемирия, соревнование ради отбора наилучших, биологическое совершенствование человеческого рода, рыцарский дух, одухотворенная красота, религия. Продолжение этого перечня можно найти и в других его работах и речах.

И все же, как показано выше, в работах Кубертена *достаточно четко прослеживается определенная логика в формулировании и обосновании тех идей, положений, принципов, которые лежат в основе его олимпийской философской концепции*.

К числу основных элементов логики этой концепции и ее разработки относятся:

1) педагогический замысел Кубертена – *реформа системы образования и воспитания*;

2) однозначная и последовательная ориентация в этой реформе на такие идеалы гуманизма, как целостное (разностороннее и гармоничное) развитие личности, а также мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, взаимообогащающее общение людей;

3) обоснование Кубертенем огромных *возможностей*, заложенных в спорте для воспитания личности и для совершенствования социальных отношений;

4) сформулированное и обоснованное им положение о *противоречивом* характере спорта, о возможности не только позитивного, но и негативного его влияния на личность и социальные отношения, использования в негативных целях, а потому о необходимости его «*облагораживания*»;

5) разработка им на основе этого концепции *педагогики спорта* – системы *спортивного воспитания*;

6) обоснование необходимости *олимпийского движения* как особого *социально-педагогического* движения, связанного со спортом, Олимпийскими играми, участники и организаторы которого ставят своей основной целью использование спорта в целях гуманистического воспитания, совершенствования личности и социальных отношений;

7) сформулированный Кубертенем девиз «*Mens fervida in corpore lacertoso!*» («*Возвышенный дух в развитом теле!*»), в соответствии с которым олимпиец, homo olympicus, – это атлет, который демонстрирует не только спортивное мастерство, но также полноценное и пропорциональное развитие физических, психических и духовных (нравственно-эстетических) качеств, т.е. представляет собой *разносторонне и гармонично развитую личность*;

8) обоснование положения о том, что *олимпийское поведение в соперничестве* предусматривает:

- не просто участие, а проявление мужества, воли, настойчивости, стремление к достижениям, к максимально возможному результату, победе;

- олимпиец должен отдавать предпочтение честному, благородному поведению в спортивных поединках и не стремиться победить любой ценой, за счет своего здоровья или причинения ущерба здоровью сопернику, посредством обмана, насилия, нечестного судейства и других антигуманных действий;

9) обоснование комплекса тех *средств*, которые призваны содействовать решению педагогических, воспитательных задач олимпийского движения, реализации его идеалов:

- *гуманистическая ориентация* участников и руководителей олимпийского движе-

ния на использование спорта в целях воспитания, совершенствования личности и социальных отношений;

- проведение *научных олимпийских конгрессов* для обсуждения спортивно-педагогических проблем;

- развертывание в олимпийском движении *спортивного воспитания*, которое ориентируется на *идеалы олимпизма*;

- *интеграция спорта с искусством*, в том числе включение художественных конкурсов в программу Олимпийских игр;

- создание и использование своеобразной *«спортивной религии»* – олимпийской атрибутики и символики (Олимпийская хартия, олимпийский флаг, зажжение олимпийского огня, олимпийская клятва спортсменов и судей и т.п.), восходящей к религиозному ритуалу античности, и т.д.

Тем самым философская олимпийская концепция Кубертена – это не какой-то модернистский проект «наряду с социализмом, прогрессизмом, национализмом, коммунизмом, американизмом, фабианством, национал-социализмом, антропософией, фашизмом, богостроительством, дианетикой-сайентологией, агни-йогой и т.д.», как утверждает В. Михайлин, а *научно обоснованный социально-педагогический проект с ярко выраженной гуманистической ориентацией, который имеет огромное социокультурное значение и в настоящее время* [Столяров, 1996 б, в, 1998 к, 2000 д, 2005 е, 2010 у].

Негативные оценки разработанной Кубертенем философской концепции олимпизма нередко основываются и на *приписывании* этой концепции не свойственных ей положений. Такая ошибка уже отмечалась выше при характеристике тех положений концепции Кубертена, которые касаются его понимания значимости физических упражнений и спорта. Она имеет место и в ходе критики его концепции «спортивной религии».

Приведем еще одну иллюстрацию. Эльк Франке [Франке, 2006] подвергает резкой критике концепцию Кубертена за его позитивное отношение к спорту и противопоставляет его взглядам позицию, развиваемую в работах Адорно [Adorno, 1997] и Веблена [Veblen, 1997], которые негативно оценивали спорт как сферу несвободы, отчуждения человека, проявление иррациональной стихии. Подводя итоги сравнению концепции Кубертена с идеями Адорно и Веблена, Эльк Франке пишет: «Тот, кто следит за сообщениями о скандалах, которыми изобилует современная спортивная жизнь и которые представляют собой, разумеется, лишь верхушку айсберга, признает, что будущее спорта провидел скорее Веблен, чем Кубертен. Бесконечные допинговые махинации, вспышки насилия во время футбольных матчей, оборачивающиеся массовыми убийствами или увечьями, МОК, похожий не столько на совет жрецов мирового спорта, сколько на собрание циничных дельцов, полное забвение идеи мира и единения народов в годы холодной войны, когда спорт стал инструментом борьбы политических систем, – этих примеров вполне достаточно, чтобы заключить: сегодня только идеалистически настроенные мечтатели могут, *вторя Кубертену* (выделено мною. – В.С.), утверждать, будто современное олимпийское движение – не рынок, а храм» [Франке, 2006, с. 74].

Негативные явления, которые отмечает Эльк Франке, действительно присущи современному олимпийскому движению, но Кубертен вовсе не оценивал данное движение с этими его негативными явлениями как «храм», а, напротив, всемерно стремился противодействовать этому. Весь замысел его философской концепции, как отмечено выше, направлен на то, чтобы предотвратить негативные явления в спорте, особенно в олимпийском, придать ему совершенно иной характер, сформировать «облагороженный», «воспитательный» спорт, ориентированный на реализацию гуманистических ценностей.

Еще в 1906 г. Кубертен предупреждал о негативных явлениях использования Олимпийских игр: «Сначала необходимо было создать Олимпийские игры современности, а теперь требуется их "очистить". Они вызывают к жизни слишком многое чуждое спорту, слишком много посторонних амбиций; их используют для личной предвыборной и прочей выгоды» [см.: Landry, 1980]. Как будет показано в последующих разделах книги, вовсе не вина Кубертена, его философской концепции в том, что современное олимпийское движение демонстрирует совсем иной спорт.

Отмеченное выше, конечно, вовсе не означает, что Кубертенем разработана *идеаль-*

ная философская концепция современного олимпийского движения и что в его концепции нельзя найти положений, которые заслуживают *критического* к ним отношения. Это, например, преувеличение роли педагогической деятельности (образования и воспитания) для решения социальных проблем, учет влияния на социальную значимость спорта только субъективных факторов, негативное отношение к участию женщин в олимпийском спорте. Как будет показано ниже (см. гл. 21), весьма противоречива позиция Кубертена в вопросе о взаимоотношениях спорта и политики.

Но всякая критика должна быть обоснованной и, вновь напомним, должна отвечать диалектическому требованию *объективности* и *всесторонности* рассмотрения.

### 11.2. Современные философские интерпретации олимпийского движения

В Олимпийской хартии, других официальных документах, а также в выступлениях руководящих деятелей современного олимпийского движения, как правило, подчеркивается необходимость *сохранения* ориентации олимпийской философии на изложенные выше идеи Кубертена в понимании целей, задач, идеалов и ценностей олимпийского движения, его социальной сущности.

В этом плане в Олимпийской хартии написано: «Цель олимпийского движения – способствовать построению лучшего мира посредством воспитания молодежи средствами спорта без какой-либо дискриминации и в духе соблюдения принципов олимпизма, что включает в себя взаимопонимание, дружбу, атмосферу солидарности и честной игры» [Олимпийская хартия, 2007, с. 7, 8]. Х.А. Самаранч в одном из своих выступлений, отвечая на вопрос корреспондента, как он относится к словам Кубертена «олимпизм – это не организация, а образ мышления», сказал: «У нас есть философия, и с годами она не изменилась. Ее суть – вера в спорт. И все мы, кто придерживался этой философии, понимаем, что история доказала нашу правоту: спорт ныне стал одним из наиболее важных социальных явлений в жизни человечества. Кроме всего прочего, наша философия исходит из того, что спорт – это неотъемлемая часть процесса воспитания молодежи, фактор укрепления мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами» [Самаранч, 1989, с. 12]. Декан МОА Отто Шимичек, разъясняя свое понимание олимпийской философии, так охарактеризовал ее: «Олимпизм, главный и мощный социальный феномен нашей эпохи, охватывает все мировое сообщество без каких-либо исключений, культивирует дух взаимного признания, сотрудничества и дружбы между народами, искреннее понимание, признает честное и благородное соревнование на равных условиях и дает наглядный пример тем, что соперничает в других областях социальной жизни. Олимпизм признает и поощряет индивидуальные усилия и не приемлет никакой дискриминации по национальному, расовому, политическому, классовому и т.д. признаку» [Szymiczek, 1985, p. 152]. По мнению О. Шимичека, «олимпийская идеология выражает идеалистическую философию и является оазисом в современном материалистическом и разрушительном мире» современного общества, в котором люди поглощены корыстными, утилитарными заботами и которое страдает от «всеобщей материализации» интересов, побуждений [цит. по: McNeely, 1980, p. 268]. Как «единственный оплот идеализма в нынешнем материалистическом мире» оценивал олимпийскую философию и бывший президент МОК Эвери Брендедж [Brundage, 1963]. Президент Ассоциации спортивных писателей Франции П. Виалар в лекции на 4-й сессии МОА в 1964 г. также заявил о том, что философский олимпийский идеал, сформулированный Кубертенем, является наиболее справедливым и наиболее универсальным идеалом в «безжалостном стальном мире» нашего времени [Vialar, 1964].

Обычно важное место в системе гуманистических идеалов и ценностей, на реализацию которых, используя спорт, должно направлять свои усилия современное олимпийское движение, отводится идеалу *целостной, гармонично развитой личности*. Этот идеал трактуется по-разному. Можно выделить как минимум 10 различных его интерпретаций [Сokolova, 1992]. В современном олимпизме его обычно понимают в том смысле, который ему придается в концепции Кубертена – как положение о необходимости гармонии *физического (телесного) и духовного в человеке*.

Так, в Олимпийской хартии олимпизм трактуется как философия жизни, «возвышающая и объединяющая в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума». При учреждении МОА президент МОК Э. Брендедж направил послание, в котором, в частности, говорилось: «Основной целью олимпийского движения, как ее понимал барон де Ку-

бертен, является широкое и всестороннее развитие человека, в котором спорт, исполненный красоты и высоких моральных качеств, является важным звеном, но только одним звеном. Спортивные состязания – это не карьера. В равномерном и гармоничном развитии физических, умственных и духовных качеств человека они являются лишь эпизодами, одним из средств, а не целью» [цит. по: Френкин, 1963, с. 15]. Х.А. Самаранч, выступая на специальной 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в повестку которой был включен вопрос «Через олимпийские идеалы и спорт – к миру без войн, к лучшему миру», заявил: «Рассматривая спорт как часть образования и культуры, олимпийское движение стремится внедрить такой образ жизни, который основан на радости творчества и который гармонизирует умственное и физическое развитие личности» [Президент... 1996, с. 7]. Генеральный директор ЮНЕСКО г-н Амаду-Махтара М'Боу в речи на открытии первой Международной конференции министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт (эта конференция, организованная ЮНЕСКО в сотрудничестве с Международным советом по физическому воспитанию и спорту, состоялась 5–10 апреля 1976 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО), сказал: «Приобщение к физкультуре и спорту в сочетании с развитием интеллектуальных способностей и моральным воспитанием вполне естественно готовит людей к спорту в соответствии со столь необходимой ему этикой. Больше, чем когда-либо, необходимо восстановить идеал, который Пьер де Кубертен сумел возродить через многие века в своей блистающей чистоте, идеал атлета, прилагающего все свои силы для того, чтобы превзойти самого себя, преодолевающего в своих бескорыстных усилиях те границы, которые определили для него условия обычной человеческой жизни» [Окончательный доклад... 1976, с. 34]. И. Хайнрих (Франция) дает такое определение олимпизма: «Олимпизм – это догматическая и философская позиция, которая стремится использовать физические упражнения и спортивную активность для достижения гармонии тела и разума» [Heinrich, 1980, p. 207].

Идея целостного, гармоничного развития личности как важный идеал современного олимпийского движения постоянно пропагандируется на сессиях Международной олимпийской академии.

Обоснованию этой идеи посвящена, например, лекция, с которой выступил на сессии МОА 1977 г. С. Макнили (США). В частности, он сказал: «Идея “*kalos kagatos*”, целостного и гармоничного развития личности имеет особо важное значение для физического воспитания, а вместе с тем имеет смысл и для общей системы образования». При этом С. Макнили сослался на то, что «все характеристики задач образования в США, начиная с “10 основных принципов 1918 г.” – и более ранних документов – содержат указание на “целостное (*well-rounded*) развитие каждого ребенка, полную реализацию его способностей”. Аналогичным образом и другие нации формулируют свои воспитательные задачи». По его мнению, использование спорта для гармоничного развития личности предполагает междисциплинарный подход. Это было осознано еще древними культурами Азии, Греции и Африканских стран в виде принципа *inter alia*, который требует на празднествах интегрировать спортивную активность с пением, поэзией и танцами, уважительно относиться к природе, объединять цвет и ритм, звуки и движение [McNeely, 1980, p. 263, 267]. Георг Сала (Франция), представитель ЮНЕСКО, заявил в докладе на 26-й сессии МОА, что «необходимо сделать все для того, чтобы сохранить олимпийский дух, возрожденный Кубертенем, и реализовать цели Международной Хартии физического воспитания и спорта, принятой ЮНЕСКО, которая отдает приоритет гармоничному развитию человека и его полной интеграции в общество – как материальное, так и духовное» [Sala, 1987, p. 185]. Необходимость понимания личности олимпийца как гармонично развитой личности в своих выступлениях на сессиях МОА постоянно подчеркивает М. Мзали, член МОК, премьер-министр Туниса, [см., например: Mzali, 1985 b]. По его мнению, современный олимпизм должен быть ориентирован на «гармоничное воспитание и совершенствование человека», «единство физического, интеллектуального и духовного воспитания» [Mzali, 1979, p. 68].

В современной трактовке гармоничного развития личности как цели олимпийского движения важное значение придается идее Кубертена о том, что олимпийский атлет должен демонстрировать *рыцарское, высоконравственное поведение* в соревнованиях.

Для выражения комплекса принципов этого поведения спортсменов, тренеров, болельщиков и других лиц, связанных со спортом, в настоящее время обычно используется английское выражение «*Фэйр Плэй*» (“*Fair Play*”). При переводе этого выражения возни-

кают определенные трудности, связанные с тем, что английское слово “fair” означает, с одной стороны, справедливость и честность, а с другой – удовольствие и красоту; а для французов “fair” – действия такого спортсмена, который действует элегантно, не ставит под сомнение победу противника и удовольствие от самой игры считает выше победы в состязании [Caille, 1996]. На русский язык указанное выражение обычно переводится как «честная (или справедливая, корректная) игра». Учитывая указанные трудности, в официальных документах английское выражение Фэйр Плэй вообще не переводят на национальные языки.

Существуют определенные разногласия и в содержательной трактовке принципов Фэйр Плэй. Широко распространено, например, такое представление об этих принципах, согласно которому речь идет лишь о соблюдении правил спортивного соперничества. Такая «минималистская, формальная» [Lipies, 1997] концепция Фэйр Плэй часто встречается в средствах массовой информации, в интервью спортсменов, тренеров, организаторов соревнований и даже при определении тех спортсменов, которые заслуживают поощрения за поведение в духе Фэйр Плэй. Полагают, к примеру, что те или иные футбольные или хоккейные команды играют «справедливо», «честно», так как они имеют меньше желтых карточек или проводят меньше времени на штрафной скамейке, чем их соперники. Такой подход характерен и для присуждения наград Фэйр Плэй в командных играх, которое направлено преимущественно на премирование за минимум нарушения правил, связанных с грубостью и насилием. Аналогичным образом признают, что некий спортсмен является образцом поведения в духе Фэйр Плэй, поскольку он никогда не принимал анаболики, не участвовал ни в каком громком скандале и, кроме того, приятен и дружелюбен.

Более оправданной представляется концепция поведения в духе Фэйр Плэй, которую предложил Г. Ленк. При характеристике Фэйр Плэй он опирается на социологическое разграничение между *принудительно* соблюдаемыми нормами, нарушение которых наказывается санкциями (штрафы, контроль), и *рекомендуемыми* нормами, соблюдение которых ценится высоко, но против нарушения которых не вводятся санкции, во всяком случае строгие. В связи с этим Г. Ленк проводит различие между «формальной Фэйр Плэй» как принудительно предписанным нормативным требованием соблюдать правила игры и «неформальной Фэйр Плэй» как не обусловленного санкциями ожиданием уважения и рыцарского духа по отношению к соперникам и судьям. Неформальное честное (благородное) поведение выходит за рамки формального момента соблюдения правил, выступает прежде всего как «нравственность», как норма и олицетворение «рыцарского духа» (“*esprit chevaleresque*”), который связан с взаимным уважением соперников даже в жесточайшей борьбе [Ленк, 2004; Lenk, Pilz, 1989].

Принципы Фэйр Плэй неоднократно упоминаются в Олимпийской хартии. Цель олимпийского движения, согласно Хартии, – «способствовать построению лучшего мира посредством воспитания молодежи средствами спорта без какой-либо дискриминации и в духе соблюдения принципов олимпизма, что включает в себя взаимопонимание, дружбу, атмосферу солидарности и честной игры». При перечислении основных задач МОК в Хартии указывается, что этот комитет: «...5) способствует соблюдению и поощряет соблюдение спортивной этики; 6) посвящает свои усилия тому, чтобы дух честной игры превалировал на спортивных площадках и чтобы насилие было изгнано с них» [Олимпийская хартия, 2007, с. 8, 9]. В итоговом документе международного симпозиума «Актуальность Пьера де Кубертена», который организован Центром олимпийских исследований в Лозанне в 1986 г., отмечалось, что «идея честной игры... сейчас становится еще более актуальной, чем в эпоху Кубертена» [Симпозиум... 1986, с. 10].

В «Манифесте о честной игре», который разработан и опубликован в 1977 г. Международным советом спорта и физического воспитания при ЮНЕСКО, подчеркивается, что честная игра выражается прежде всего в поведении самого спортсмена. Она характеризует его образ действий, вытекающий из чувства собственного достоинства и включающий в себя:

- честность, добросовестность, решительное и достойное поведение в ситуациях, когда другие ведут себя нечестно;
- уважение к партнеру;
- уважение к противнику независимо от того, является ли он победителем или побежденным, осознание того, что соперничество – неперемное условие соревновательного спорта и что противник – необходимый партнер в спорте;

- уважение к судье, причем уважение позитивное, выражающееся в постоянном стремлении к сотрудничеству с ним в любой ситуации;
- умение оставаться скромным после победы и спокойно принимать поражение.

В документе подчеркивается, что соблюдение принципов честной игры требуется не только от спортсменов. Оно необходимо для тренеров, спортивных руководителей, зрителей, всех других лиц, связанных со спортом, которые могут прямо или косвенно влиять на спортсмена [Манифест СИЕПС... 1977]. Аналогичная характеристика этих принципов дается в новом тексте Манифеста, принятом на заседании Международного комитета честной игры в 1992 г. [Manifesto, 1992], а также в Кодексе спортивной этики [Кодекс... 1997].

Вслед за Кубертенем обычно подчеркивается и *миротворческая* роль олимпийского движения. Так, в Олимпийской хартии при характеристике целей олимпийского движения укрепление мира, дружбы и взаимопонимания между народами выдвигается на первый план.

В Олимпийской хартии олимпизм характеризуется как *философия жизни*. Причем этому понятию здесь придается особое значение. Известно, что «философия жизни» – это иррационалистическое философское течение конца XIX начала XX вв., которое в качестве исходного понятия выдвигало «жизнь» как некую интуитивно постигаемую целостную реальность, не тождественную ни духу, ни материи. В Олимпийской хартии под философией жизни понимается философия, «возвышающая и объединяющая в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума». Кроме того, здесь олимпизм связывается с определенным *образом жизни*: «Олимпизм, соединяющий спорт с культурой и образованием, стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера и на уважении к всеобщим основным этическим принципам» [Олимпийская хартия, 2007, с. 7].

Таким образом, *преобладающей в настоящее время является кубертеновская философская интерпретация олимпийского движения*.

Но существуют некоторые разногласия в понимании олимпизма, а также в трактовке и классификации тех олимпийских принципов, идеалов и ценностей, на которые должно ориентироваться олимпийское движение.

Г. Ленк выделяет, например, 11 основных идеалов и ценностей современного олимпийского движения:

- торжества религиозно-культового типа;
- художественная и духовная образность;
- элитарность и равенство шансов;
- стремление к успеху, состязательность;
- Fair play и рыцарский дух;
- регулярное проведение Олимпийских игр и заключаемый на это время мир;
- интернациональный характер Игр, основанный на уважении национальных суверенитетов;
- единство всех видов спорта;
- любительский характер спорта;
- независимость олимпийского движения во главе с МОК;
- античный прообраз современного олимпийского спорта [Lenk, 1964 b].

В более поздних работах Г. Ленк указывает, что более полная характеристика «олимпийской идеи» должна включать в себя всю «многосложную систему ценностей, норм и базовых установок олимпийского движения», в том числе такие общие ценности, как «толерантность, равные права участников, равные возможности и квалификации, так же как и начальные шансы, уважение партнеров, соперников и конкурентов, идеи символического единения всего человечества, принцип достижения цели и соответствующая идея достижения олимпийской элиты» [Lenk, 2007, p. 43]. При этом на первый план он выдвигает идеал «олимпийца, обладающего чертами Фауста и Прометея», «самоформирующегося, интеллектуально развитого спортсмена», который является образцом совершенного человека как «*достигающей личности*».

Григориос Ойкономакос, характеризуя олимпизм, выделяет десять основных черт идеала, на который ориентирует эта философская концепция: 1) связь с добродетелью; 2) полная бескорыстность; 3) идеализм; 4) благородство, уважение к сопернику и другие атрибуты рыцарского поведения; 5) несовместимость с безразличием, леностью и пассивностью; 6) оптимизм (но не чрезмерный); 7) героизм; 8) прагматизм и реализм; 9) несовме-



стимость с фанатизмом; 10) антивоенная направленность [Oikonomakos, 1980, p. 125].

Камаль Хамид Шаддад считает, что олимпизм как философия жизни предполагает: а) понимание природы спорта; б) понимание ценностей и идеалов, того, что следует рассматривать как позитивное, желаемое или ценное в спорте и в) нормы и ценности, связанные с тем, что следует и чего не следует делать в рамках олимпийского движения». По его мнению, «олимпизм как таковой это – гуманистический образ жизни», который неразрывно связан со спортом и с получением удовольствия от занятий спортом: «Олимпизм – это образ жизни, в котором удовольствие максимизировано посредством занятий спортом» [Shaddad, 1980, p. 216, 218; 1997, p. 48].

Министр образования Кипра А. Крисостомос отстаивает мнение о том, что олимпийский идеал «включает в себя не только тренированное тело и победы в спортивных соревнованиях», а в первую очередь систему ценностей, «успокаивающих животные инстинкты, сдерживающих страсти и облагораживающих человека». К числу таких ценностей он относил «ценности равновесия, гармонии и выдержки, которые легли в Олимпии в основу систематического развития тела и разума и дают нам модель добродетельного и благородного гражданина, идеала древнего мира. Через спорт мы должны стремиться сформировать и развить гармоничную личность, обладающую сильным, здоровым телом и одновременно сильной и смелой душой». По его мнению, олимпийскому идеалу соответствует «тип деятельной, твердой в жизненной борьбе личности, анализирующей происходящие вокруг нее события, предпочитающей активную борьбу пассивному наблюдению событий». Именно такая и только такая личность может «достойно ответить на вызов современного потребительского общества, которое превращает людей в потребителей, лишая их тем самым права на творчество и сопутствующее ему духовное удовлетворение» [Chrysostomos, 1980, p. 202–203].

Польский философ Джозеф Липец в понимании идеалов современного олимпийского движения опирается на античный греческий идеал *kalos kagatos* как «идеал гармоничного сочетания духовной силы и физического совершенства», идеал, который предполагает, что интеллектуальные ценности находятся в гармонии с моральными ценностями, а эстетические ценности – в гармонии с ценностями телесности. Конкретизируя это положение применительно к олимпийскому движению, он указывает на то, что это движение было задумано как идея, направленная против развития индивида только в духовном плане, без должного уважения к физическим основам своей жизни, т.е. к телу. Олимпийское движение всегда пыталось играть гармонизирующую роль, поддерживая духовные ценности через спортивные соревнования. «Мы точно не знаем, – отмечает Д. Липец, – почему и когда дороги этих двух факторов разошлись. Нужно признать, что они развивались разными путями, редко пересекаясь». По его мнению, современное олимпийское движение должно возродить в международном спорте идеал гармонично развитой личности спортсмена. «Дело не в проведении конференций под олимпийским флагом, декларирующих амбициозные резолюции по дружбе и братству, или в поддержке традиционных соревнований искусства. Это, конечно, должно делаться, но нужно помнить, что это лишь вспомогательная, хотя и нужная, деятельность. Главное – наполнить сам спорт этими идеалами, которые в этом случае не нуждались бы в декларировании, потому что они составляли бы самую сущность спорта» [Lipiec, 1994, p. 96].

Американский философ Дж. Пэрри оценивает олимпизм как «универсальную социальную философию», поскольку эта философская концепция обращена к каждому человеку независимо от национальности, расы, пола, социального положения, религии или идеологии. Объектом ее внимания «является не только спортивная элита, но и каждый человек, не один краткий период времени, но и вся жизнь, не только борьба и победа, но и ценности участия и сотрудничества, спорт не только как вид деятельности, но и как формирующий и развивающий фактор, способствующий образованию положительных качеств у отдельной личности и в общественной жизни». По мнению Д. Пэрри, олимпизм как социальная философия освещает «роль спорта в мировом развитии и выдвигает на первый план взаимопонимание между народами, мирное сосуществование, социальное и нравственное воспитание». Он характеризует ее как «универсальную социальную философию», объектом внимания которой «является не только спортивная элита, но и каждый человек, не один краткий период времени, но и вся жизнь, не только борьба и победа, но и ценности участия и сотрудничества, спорт не только как вид деятельности, но и как формирующий и развивающий фактор, способствующий образованию положительных ка-

честв у отдельной личности и в общественной жизни» [Parry, 1995, p. 181, 182].

Германн Андрекус (Австрия) выделяет следующие основные ценности олимпийского движения: воспитание здоровой и сильной молодежи; спортивное мастерство; спорт ради удовольствия и наслаждения; интерес к изобразительному искусству, чтобы сделать жизнь более полной; лучшее взаимопонимание между народами всех национальностей. На основе этих принципов, считает он, должны формулироваться и педагогические цели этого движения: «спорт как вклад в развитие личности; спорт как средство сотрудничества и взаимопонимания; спорт как радостная активность и как вклад в обогащение личности» [Andrecs, 1980, p. 115].

А.Г. Егоров к анализу обсуждаемой проблемы подходит через призму *социокультурных смыслов* олимпизма, к числу которых он относит *агонистику, игру, диалог и пацифизм*. Агонистика (от греч. «агон» – конкурс) – обязательный элемент культовых обрядов и ритуальных церемоний античности (а шире – вообще античной культуры) составляет основу олимпизма. Ряд проблем олимпийского движения (соотношение любительства и профессионализма в олимпийском спорте, честная игра) обусловлен необходимостью сохранения игры как атрибута олимпизма. Агональное и игровое содержание соединены в олимпизме в феномене диалога. Диалогизм, основанный на равенстве сторон, практически невозможен и нереализуем в отношении «друг – враг». Отсюда экехирия – священное перемирие на период античных Олимпийских игр. Пацифистский компонент сохранился и в современном олимпизме, хотя социальная значимость олимпийского пацифизма в настоящее время не имеет силы античной надгосударственной нормы. Отмеченные четыре элемента культуры, считает А.Г. Егоров, не исчерпывают социокультурного феномена олимпизма. Новыми для олимпизма являются такие социокультурные смыслы, как *либерализм и гуманизм*. В основных принципах и идеалах нового олимпизма (недопущение дискриминации по расовым, религиозным или политическим мотивам, соревнование между отдельными спортсменами и командами, а не между государствами, авторитет арбитра, соблюдение правил игры, требование деидеологизации и деполитизации олимпийского движения и др.) угадываются ценности либерального мировоззрения. Гуманизм олимпизма определяется прежде всего его социокультурной ориентацией на преодоление групповой и корпоративной морали современного спорта, а также технократического стиля мышления, когда спортивный результат, а не человек является самоценностью [Егоров, 1989, 1994 б, 1996 б, 1998, 1999, 2001 а, б, 2005 а, б].

Бывший президент МОА Николаос Ниссиотис на первый план выдвигает «антропологический характер» олимпийской философии, который проявляется в том, что эта философия идеалом человека считает «*kalos kagatos*». Этот идеал подразумевает гармонию тела и души, сочетание внешних достоинств с внутренними, духовными, нравственными качествами. В соответствии с этим основными ценностями олимпийской философии Н. Ниссиотис считает такие трансцендентные ценности совершенного человека («*kalos kagathos*»), как «красота, величие и истина (Beauty, Greatness and Truth)»: «олимпизм пытается реализовать идеи красоты, величия и истины через силу и способности человеческого тела» [Nissiotis, 1979, p. 172, 174]. По его мнению, «речь идет отнюдь не об оптимистическом, искусственном, романтическом, гуманистическом понимании человека, не о взгляде на него из башни из слоновой кости... Это наиболее реалистическая концепция в антропологии. Она рассматривает человека не таким, каков он есть теперь, а таким, каким он призван стать с точки зрения высших ценностей. Такими ценностями являются «красота, величие и истина», ориентируясь на которые он ведет непрерывную борьбу с самим собой и против сил зла, действующих в истории. «*Kalos kagatos*» – это процесс становления, это цель, которая должна быть достигнута, это максимально возможный и постепенно достигаемый результат... Наши усилия должны быть обращены в будущее. Мы никогда не должны удовлетворяться тем, каковы мы в настоящий момент». «Идея “*kalos kagatos*” – это решимость всегда заново начинать путь по дороге совершенства».

Н. Ниссиотис считает, что антропологические принципы олимпизма, которые сконцентрированы вокруг идеи «*kalos kagatos*», не могут быть поняты в отрыве от другого принципа древней мудрости – «Познай самого себя». Он обращает внимание и на то, что идея «*kalos kagatos*» относится не только к индивидуальным качествам человека. Эта идея ориентирована «на будущее общее желание всех людей». Никто не может претендовать на то, что он уже достиг уровня «*kalos kagatos*», поскольку обладает внешней красотой и высокими моральными качествами. Дело в том, что, во-первых, красота – весьма относи-

тельное понятие, которое во многом зависит от индивидуального восприятия; во-вторых, красота как ценность беспредельна и потому всегда возможна ее более совершенная модель. С другой стороны, моральное совершенство лежит за пределами человеческих возможностей. Поэтому идеал «kalos kagatos» всегда ставит перед всеми людьми предельно возможные для реализации в их жизни задачи. «Он служит мотивом нашего стремления ко все более высоким целям, особенно в духовной и нравственной сферах» [Nissiotis, 1979, p. 176, 177].

Исходя из этого, Н. Ниссиотис трактует олимпийскую идею как попытку «постичь глубоко скрытую высшую реальность жизни и в то же время приглашение людей к переживанию этой реальности и размышлению над ней. Олимпийская идея обновляет человека, побуждая его к попытке достичь высшей цели его существования». Поэтому каждый человек, пытающийся реализовать указанные высшие ценности, основные усилия должен направлять на преодоление собственной природы и на поиски основы существования. В первую очередь это касается олимпийцев. Олимпийский чемпион представляет человека, который стремится понять подлинное значение жизни, а не просто победить своего соперника. И «когда человек постигает, что смысл его существования состоит в постижении высшей формы бытия, тогда его физическая сила тоже начинает служить этой цели», и тогда сами соревнования, в которых человек стремится доказать свое превосходство, все более становятся средством общения и взаимного уважения людей [Nissiotis, 1979, p. 173, 174–175]. Н. Ниссиотис подчеркивает, что Олимпийские игры должны быть не просто соревнованием и демонстрацией силы. Прежде всего, они «должны напоминать о той высшей ценности, которую представляет собой человек, и уж потом быть состязанием силы» [Nissiotis, 1979, p. 170]. Отмечая диалектический характер олимпийской философии, Н. Ниссиотис двояко характеризует ее: с одной стороны, учитывая тесную связь с реальной жизнью, – как «реалистический идеализм», а с другой – как «идеалистический реализм», поскольку «она учит этике жизни во всех сферах человеческого существования» [Nissiotis, 1985 a, p. 71–72].

Для практической реализации изложенных выше философских идей, характеризующих социальный смысл, цели и задачи современного олимпийского движения, предлагается ряд форм и методов.

Важное значение придается педагогической деятельности, для обозначения которой обычно используют термин «*олимпийское образование*» или «*олимпийское воспитание*». Иногда применяют другие термины, например «воспитание в духе олимпизма», «воспитание в духе олимпийских идеалов и ценностей», «воспитание посредством олимпийского движения», «воспитание внутри олимпийского движения» и др. Цель этой педагогической деятельности – приобщение детей и молодежи к гуманистическим идеалам и ценностям олимпизма [Спорт, духовные ценности, культура, 1998].

О необходимости олимпийского образования детей и подростков, вовлекаемых в спорт, говорится во многих международных официальных документах. Еще в 1979 г. на генеральной ассамблее Всемирной ассоциации НОКов /АКНО/ НОК Мальты предложил, чтобы изучение олимпийской идеи было в мировом масштабе включено в программы школ всех ступеней, от начальных школ до университетов. В Международной хартии физического воспитания и спорта, принятой ЮНЕСКО, под которой поставили свои подписи представители почти всех государств – членов ООН, содержится призыв включать в государственные программы социального и культурного развития воспитание детей и молодежи в духе принципов олимпизма. В резолюции 3-й сессии Межправительственного комитета по физическому воспитанию и спорту при ЮНЕСКО (1983) высказано пожелание ко всем государствам – участникам комитета «ввести или усилить преподавание олимпийских идеалов в школах и учебных заведениях в соответствии с их собственной системой образования». В Олимпийской хартии – главном официальном документе современного олимпийского движения – специально подчеркивается, что МОК и НОКи должны всемерно содействовать олимпийскому образованию молодежи, пропаганде основополагающих принципов олимпизма, распространению олимпизма в учебных программах по физическому воспитанию и спорту в школах и вузах.

В 1961 г. создана Международная олимпийская академия как организация при МОК, ответственная за реализацию образовательных задач олимпийского движения. Академия регулярно обсуждает вопросы олимпийского образования на своих ежегодных сессиях, посвящает им специальные заседания. Значительное внимание этим вопросам уделяется в

работе Национальных олимпийских академий. Для активизации работы по олимпийскому образованию детей и молодежи в 1994 г. образован Руководящий комитет проекта всемирной компании «Национальные олимпийские комитеты в действии: олимпийские идеалы через образование».

В практике работы по олимпийскому образованию в настоящее время применяется комплекс форм и методов. Центральное место среди них занимает работа по разъяснению и пропаганде идей олимпизма, олимпийского движения во время учебного процесса в школах, вузах и других учебных заведениях, и в первую очередь в рамках тех учебных дисциплин, которые непосредственно связаны с областью физической культуры и спорта (на уроках физкультуры, занятиях по физическому воспитанию). Все более широкое распространение получают и занятия, специально организуемые для этих целей: «олимпийские уроки», «уроки олимпийских знаний», «уроки олимпизма», «олимпийские часы» и т.д., в ходе которых используются и межпредметные связи. Используются разнообразные формы олимпийского образования и во внеучебное время: конкурсы «знатоков олимпизма»; Олимпийский День; изготовление олимпийской символики, фильмов и слайдов; проведение конкурсов рисунков и фотографий; театральные постановки на спортивную и олимпийскую тематику; оформление стендов, фотовитрин и даже «олимпийских залов»; лекции, семинары, дискуссии, конференции, викторины по олимпийской тематике, обсуждение интересных книг или фильмов, посвященных спорту, Олимпийским играм; встречи с известными спортсменами, участниками Олимпийских игр и тренерами сборных команд и т.д.

В олимпийском образовании особое внимание уделяется разъяснению и пропаганде принципов Фэйр Плэй. Эти принципы часто обсуждаются и активно пропагандируются на сессиях Международной олимпийской академии. Им специально была посвящена, например, сессия МОА 1993 г. Аналогичные усилия предпринимают и Национальные олимпийские академии. Большую работу по разъяснению и пропаганде принципов Фэйр Плэй ведет Международный комитет честной игры, основанный в 1964 г. Международной ассоциацией спортивной прессы и Международным советом физического воспитания и спорта (СИЕПС) при поддержке ЮНЕСКО. В этой работе комитет сотрудничает с Международной ассоциацией борьбы за спорт без насилия и Международным фондом борьбы с насилием в спорте. Эти три организации создали совместный консультативный орган под названием «Международное содружество борьбы с насилием в спорте и пропаганды честной игры».

В целях пропаганды и внедрения в практику спорта (особенно олимпийского) принципов Фэйр Плэй развернуто широкое движение европейских стран, а в 1994 г. создана общественная организация – *Европейское движение Фэйр Плэй* (European Fair Play Movement). В настоящее время оно включает в свой состав организации (преимущественно Национальные олимпийские комитеты) 40 европейских стран, в том числе России. В более широком смысле европейское движение Фэйр Плэй включает в себя все страны, направляющие свои усилия на пропаганду и внедрение в практику спорта принципов Фэйр Плэй [Королев, 2005; Родиченко, 2007].

Основными направлениями движения Фэйр Плэй являются следующие:

1. пробуждение интереса спортсменов, тренеров, организаторов спорта, зрителей, а также общественности в целом к принципам Фэйр Плэй, используя издание брошюр, плакатов, а также средства массовой информации для разъяснения и пропаганды этих принципов. С 1997 г. движение выпускает (по три номера в год) информационный бюллетень «Играй честно». На международных спортивных соревнованиях тренерам, судьям, спортсменам раздаются материалы, вывешиваются лозунги Фэйр Плэй. Важное значение движение придает разработке и пропаганде деклараций Фэйр Плэй. Иллюстрацией могут служить декларации «Фэйр Плэй и спорт высших достижений» (1997), «Спорт, терпимость и честная игра» (1998) и «Поведение зрителей и идеалы Фэйр Плэй» (1998);

2. разработка нравственных кодексов поведения тренеров, журналистов и самих спортсменов, чтобы содействовать их поведению в духе Фэйр Плэй. Организация комиссий по этике при международных спортивных федерациях для проведения в жизнь таких кодексов;

3. создание стимулов для поведения в духе Фэйр Плэй на основе разработки и внедрения в практику системы наград для спортсменов, тренеров и других лиц, демонстрирующих такое поведение. Так, Международный комитет Фэйр Плэй ежегодно вручает соот-

ветствующие награды: Трофей Пьера де Кубертена за поступок в духе Fair Play, стоивший спортсмену победы; Трофей Жана Боротра за благородство на протяжении всей спортивной карьеры; Трофей Вилли Дауме за деятельность по распространению идеалов и принципов Fair Play. Награды Фэйр Плэй призваны содействовать повышению ориентации субъектов спортивной деятельности на духовно-нравственные ценности. Поэтому представляется весьма упрощенной такая интерпретация их значения: «Сам факт присуждения этих наград маскирует и оправдывает чисто развлекательный и коммерческий характер современного спорта, переводя его из категории мирских утех (потребительской сферы) в область высших духовных ценностей человека» [Кыласов, 2009, с. 58];

4. организация специальных курсов, а также издание методических пособий для повышения готовности специалистов к проведению работы по приобщению детей и молодежи к Фэйр Плэй;

5. стимулирование разработки научной теории и методики формирования Фэйр Плэй на основе организации конференций, семинаров, симпозиумов, конгрессов, публикации научных материалов по теме Фэйр Плэй;

6. вовлечение в движение всех европейских стран, содействие активизации в каждой из них работы по изучению, разъяснению, пропаганде и внедрению принципов Фэйр Плэй в практику спорта. Предполагается, что каждая из стран – участник движения проводит собственные мероприятия. Вместе с тем акцент делается на кооперации и обмене странами опытом работы, разработке совместных программ;

7. долгосрочное планирование мероприятий в европейских странах по изучению, разъяснению и пропаганде принципов Фэйр Плэй. Планы такого рода разрабатываются в движении начиная с 1997 г. [Королев, 2005; Родиченко, 2007].

Таковы основные формы и методы, с помощью которых в олимпийском движении пытаются реализовать изложенные выше идеи философской концепции олимпийского движения.

Несмотря на обилие научных публикаций, в которых обсуждается эта концепция, ситуация с ее пониманием до сих пор остается весьма сложной. На это обращают внимание многие исследователи. Некоторые из них [Landry, 1986, 1989; Müller, 1998 и др.] подчеркивают трудность точного определения того, что такое «олимпизм»: «Как это ни парадоксально, но до сих пор трудно дать точное определение понятия олимпизма, хотя само слово “олимпизм” довольно широко распространено» [Landry, 1989, p. 139]. Отмечается неопределенность и неоднозначность понимания данной концепции, что проявляется в обилии терминов, которые используются для ее обозначения («олимпийская идея», «олимпийский дух», «олимпийская идеология», «олимпийская философия» и т.д.), а также в весьма сложных, «туманных» и вместе с тем неоднозначных разъяснениях этих терминов [Кахигал, 1983 а; Landry, 1989; Lenk, 1984 а и др.]. Как указано выше, встречается и негативное отношение к разработанной Кубертенем современной концепции олимпизма.

Нередко поэтому делаются пессимистические выводы о состоянии разработки олимпийской философии: «То, что можно было бы назвать философией олимпизма, ...находится пока в зачаточном состоянии» [см.: Речек, 1986]; «...те, кто проявляет к Олимпийским играм научный интерес, почти единодушно сходятся во мнении, что, несмотря на все великолепие и символику, олимпизм фактически лишен внутренней сущности» [Педдик, 1992].

#### Литература к гл. 11

1. Адам Ивон (1981). Олимпийские игры в Москве и будущее олимпийского движения // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 57-58.
2. Аксенов Г.М. (2003). Педагогические идеи Кубертена и их современное значение: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
3. Античная агонистика и олимпизм. Хрестоматия: для студентов институтов физической культуры / Сост. Ефременков. – Смоленск, 2002. – 254 с.
4. Арская Л.П. (1996). Гуманисты. – М. – 119 с.
5. Баумгартен Ф. (2000). Эллинская культура. – Минск: Харвест, М.: АСТ. – 511 с.
6. Билинский Бронислав (1998). Древнегреческие агоны: превосходство телесности и восхищение интеллектом // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 317-339.

7. Брендедж Э. (1991). Речь на 61-й сессии МОК // Междунар. спортивное и олимпийское движение. Тематич. подборка. – № 3. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 29-33.
8. Быховская И.М. (1998). Идея гармонии как ценности олимпизма // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвуз. сб. научных материалов. – Воронеж. – С. 6-13.
9. Валеева Р.А. (1997). Теория и практика гуманистического воспитания в европейской педагогике (первая половина XX в.): Монография. – Казань. Казан. пед. университет. – 172 с.
10. Гармонический человек. Из истории идей о гармонически развитой личности. – М: Искусство, 1965.
11. Гельперин Ю.М. (1977). Социально-идеологическая функция олимпийского движения в современном мире: Обзор. – М.: ВНИИФК. – 24 с.
12. Дьюри Ж. (1974). Олимпийское движение и воспитание // Всемирный научный конгресс "Спорт в современном обществе": Сборник научных материалов. – М. – С. 122-130.
13. Егоров А.Г. (1989). Диалог как ценность спорта // Нравственный потенциал современного спорта: Материалы IV Всесоюзного методологич. семинара (г.Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). – М.: Сов. спорт. – С. 29-31.
14. Егоров А.Г. (1991б). Олимпизм и либерализм: общность судьбы и принципов // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Челябинск. – С. 34-39.
15. Егоров А.Г. (1994б). Социокультурные смыслы олимпизма // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 22-23 сент. 1993 г. – Волгоград: Перемена. – С. 11-14.
16. Егоров А.Г. (1996б). Олимпизм как метафизика спорта // Олимпийское движение и социальные процессы. Матер. VII Всероссийской научно-практич. конф. Сентябрь, 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 73-76.
17. Егоров А.Г. (1998). Социокультурные трансформации духовных оснований олимпийского движения // Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвуз. сб. науч. трудов, вып. 2. Смоленск. – С. 65-71.
18. Егоров А.Г. (1999). Эволюция олимпийского сознания. – Смоленск: СГИФК.
19. Егоров Александр (2001а). Антропологический смысл олимпизма // Олимпийское движение и социальные процессы: X Юбилейная Всерос. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 43-45.
20. Егоров А.Г. (2001б). Философское значение современного олимпизма // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 18-23.
21. Егоров А.Г. (2005а). От технократической к антропогенной и мультикультурной версии олимпизма // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. Часть 1. – М.: Физическая культура. – С. 404-417.
22. Егоров А.Г. (2005б). Социокультурный смысл спартианской ревизии основ современного спорта (от технократической к антропогенной и мультикультурной версии олимпизма) // Спартианская библиотека. Вып. 1. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. ст. /Сост. и ред.: д.ф.н. В.И. Столяров, к.ф.н. Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – С. 129-144.
23. Кахигал Х.М. (1983а). Олимпизм как зеркало и модель общества // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – № 5. – М.: ВНИИФК. – С. 15-29.
24. Кахигал Х.М. (1983б). Олимпизм как зеркало и модель общества // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – № 6. – М.: ВНИИФК. – С. 21-27.
25. Книга олимпийских знаний / В.С. Родиченко и др. – М.: Сов. спорт, 2004. – 128 с.
26. Кодекс спортивной этики // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 2. – С. 62-63.
27. Королев И.В. (2005). Европейское движение Фэйр Плэй и его роль в повышении духовно-нравственной ценности спорта: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
28. Кубертен Пьер де (1987). Ода спорту. – М., ФиС. – 57 с.
29. Кубертен Пьер де (1997). Олимпийские мемуары. – Киев: Олимпийская литература. – 179 с.
30. Кузнецова З.М. (1988). Социально-педагогический аспект буржуазных концепций роли спорта в формировании личности (по материалам США): Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 22 с.
31. Кыласов А.В. (2009). Religio athletae или культурно-религиозная сущность олимпизма // Вестник спортивной науки. – № 5. – С. 55-59.
32. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
33. Кыласов А.В. (2010б). Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Автореф. дис. кандидата культурологии. – М. – 32 с.
34. Ленк Г. (1981). Большим быть, чем казаться // Bulletin № 8 du 11 Congress olympic de Baden-Baden. – P. 18-21, 73-81.

35. Ленк Г. (1982). Об олимпийском конгрессе в Баден-Бадене // Проблемы междунар. спортивного движения, апрель. – М.: ВНИИФК. – С. 2-9.
36. Ленк Х. (2004). Этика спорта как культура честной игры. Честное соревнование и структурная дилемма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – № 3.
37. Лихачев Б.Т. (1997). Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX веках). – Самара: Изд-во СИУ. – 85 с.
38. Лосев А. (1960). Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. – Вып. 3.
39. Лотц Франц (1983). Наука и олимпийское движение // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация, вып. 19. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 14-20.
40. Макинтош Питер (1998). Мотивация спортсменов-олимпийцев // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 2: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 62-69.
41. Манифест СИЕПС о честной игре // Информац. вестник ВНИИФК. – № 10. – С. 3-12.
42. Михайлин Вадим (2006). CITISSIME, ALTISSIMO, FORTISSIMO. Несколько эпизодов из истории европейской состязательной атлетики // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 6–30.
43. Морфорд У.Р. (1987). Олимпизм – пережиток викторианской эпохи // Междунар. спортивное движение. Экспресс-информация, вып. I. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 21-27.
44. Никишин Д.В. (2005). Смысловые характеристики профессионального спорта: социально-философское исследование: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Екатеринбург. – 22 с.
45. Окончательный доклад «Роль физического воспитания и спорта в подготовке молодежи». Первая Междунар. конференция министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт. – Париж: ЮНЕСКО, 1976. – 65 с.
46. Олимпийская хартия (в действии с 7 июля 2007 года). На русском языке. Did-WeDo S.a.r.l. – Лозанна, Швейцария, 2007.
47. Олимпийский учебник студента: Пособие для формирования системы олимпийского образования в нефизкультурных вузах /В.С. Родиченко и др. – М. – Сов. спорт, 2003. – 128 с.
48. Педдик Р. (1992). Современное понимание любительства в олимпийской философии // Международное спортивное и олимпийское движение. – Вып. 3. – М. – С. 37–45.
49. Петров Райко (1980). Идеино-этическое наследие Пьера де Кубертена // Актуальные проблемы международного олимпийского движения/ Сост. Ангел Солаков. – София Пресс. – С.7–27.
50. Петрова Наталия (1980). Общественно-экономические системы и развитие олимпийского движения // Актуальные проблемы международного олимпийского движения/Сост. Ангел Солаков. – София Пресс. – С. 28-44.
51. Печерский Н.В., Сучилин А.А. (1994). Пьер де Кубертен – ученый и общественный деятель // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: Перемена. – С. 92-97.
52. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54–66.
53. Президент МОК на трибуне ООН // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 6-7.
54. Проблемы олимпийского движения: Сб. ст. на рус. яз. – София: БОК. – 189 с.
55. Прядченко В.Ф. (2005). Единство духа и тела: Монография. – Красноярск.
56. Пуре Анри (1980). Вклад олимпизма в развитие отношений между людьми // Междунар. спортивное движение. – № 3-4. – М.: ВНИИФК. – С. 29-36.
57. Речек В. (1986). Идеи и практика современного олимпизма // Междунар. спортивное движение. Экспресс-информация. Вып. 11. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 21-31.
58. Родиченко В.С. (2007). Спорт и совесть: Учебно-методическое пособие для системы олимпийского образования. – М.: ФиС. – 144 с.
59. Рожанский И.Д. (1991). Античный человек. О человеческом в человеке. – М.: Политиздат. – С. 282–298.
60. Самаранч Х.А. (1989). Ориентир – XXI век // Олимпийская панорама. – № 1. – С. 12-13.
61. Селиванова Н.Л. (1998). Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня. – М.: Педагогическое общество России. – 336 с.
62. Симпозиум «Актуальность П. де Кубертена» // Международное спортивное движение. Экспресс-информация, вып. 11. – М.: ЦООНТИ-ФиС, 1986. – С. 9-11.
63. Соколова Н.Л. (1992). Типологический анализ концепций всестороннего развития личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 21 с.
64. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб.ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 285 с.
65. Степашко Л.А. (1999). Философия и история образования: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 272 с.

66. Столбов В.В. (1996). Эволюция олимпийских идей от Пьера де Кубертена до Хуан Антонио Самаранча // Олимпийское движение и социальные процессы. – М. – С. 22-28.
67. Столяров В.И. (1996б). Кубертеновский идеал олимпийца и его реализация в современных условиях // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы V Всеросс. научно-практич. конф., посвящ. 100-летию МОК. – М. – С. 8–18.
68. Столяров В.И. (1996в). «Спартианская» программа реализации кубертеновского идеала олимпийского атлета // Теория и практика физ. культуры. – № 10. – С. 16–22.
69. Столяров В.И. (1998к). Проблема «новой философии» современного олимпийского движения на пороге XXI столетия // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3–4. – С. 23–24.
70. Столяров В.И. (2000д). Олимпизм как гуманистическая философская концепция // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: МГИУ, 2000. – С. 195–230.
71. Столяров В.И. (2005е). Олимпийская концепция Пьера де Кубертена и современность // Олимпийский бюллетень № 7. – М. – С. 84-94.
72. Столяров В.И. (2010у). Философская концепция олимпийского движения // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение) : Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 45–68.
73. Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / Под ред. проф. И.А. Зимней. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. – 480 с.
74. Суник А.Б. (1993). Пьер де Кубертен и генезис олимпийской идеи // Олимпийское движение и социальные процессы: Сб. мат. Международ. конф. – СПб. – С. 125-131.
75. Франке Эльк (2006). Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. – № 33(6). – С. 67–81.
76. Френкин А.А. (1963). Эстетика физической культуры. – М.: ФиС. – 151 с.
77. Хён Э. (1984). Кубертен о месте искусства в современном олимпизме // Б.Лоу. Красота спорта. – М.: Радуга. – С. 48-62.
78. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1. Зарубежная история. – Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2001. – 259 с.
79. Штайнер Р. (1995). Здоровое развитие телесно–физического как основа проявления душевно–духовного. – Калуга: Духовное познание.
80. Шумакова Н.Ю. (2006). От современности к истокам античности – единству телесного и духовного в человеке // Детский тренер. – № 3. – С. 17–22.
81. Ювенал. Сатиры // Серия «Античная библиотека» (перевод Ф.А. Петровского). – СПб.: Алетейя, 1994.
82. Adorno Th.W. (1997). Das Reich tier Unfreiheit und der Sport // Caysa V. (Hrsg.): Sportphilosophie. – Leipzig.
83. Andrecs Hermann (1980). The Olympic Principles and their Application in Education // Report of the International Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 113-123.
84. Anthony Don (1994). Coubertin Pedagogy // Pierre de Coubertin an unrecognized genius... – Lausanne, The International Pierre de Coubertin Committee. – P. 27-31.
85. Boulougne Y.P. (1975). La vie et l'oeuvre pedagogique de Pierre de Coubertin, 1863-1937. – Ottawa: Lemeac. – 482 p.
86. Boulongne Yves P. (1994). Coubertin's Multicultural Olympism // IOA. Report of the 33<sup>rd</sup> Session. – IOC. – P. 87-94.
87. Brundage Avery (1963). The Olympic Philosophy // Report of the 3<sup>rd</sup> Summer Session of the IOA. – Athens. – P. 29-39.
88. Caillat M., Brohm J.M. (1984). Les dessous de l'Olympisme. – Paris: Edition La Découverte. – 163 p.
89. Caille Alain (1996). O pojeciu «fair play» // Fair Play. Sport. Edukacja. /Redakcja i opracowanie Zofia Zukowska.– Warszawa. – P. 56-60.
90. Chrysostomos A. Sofianos (1980). Methods of Teaching of the Olympic Ideal in Schools // Report of the International Sessions for educationists 1973-1977-1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 201-206.
91. Coubertin Pierre de (1895). L'Athlétisme dans le monde moderne et les Jeux Olympiques // Bulletin du Comité International des Jeux Olympiques, 2e année, janvier 1895, no 3. – p. 4.
92. Coubertin Pierre de (1908). From L'Esprit olympique // Revue Olympique, juillet. – P. 19-27.
93. Coubertin Pierre de (1909a). La limited u record // Revue Olympique, 9<sup>e</sup> année, novembre. – P. 164-166.
94. Coubertin Pierre de (1909b). Une campagne de vingt et un ans: 1887-1908. – Paris: Librairie de l'Education Physique.



95. Coubertin Pierre de (1911). *Mens fervida in corpore lacertoso* // *Revue Olympique*, 11<sup>e</sup> année, juillet. – P. 99-100.
96. Coubertin Pierre de (1912). *Le rôle éducatif des Olympiades* // Pierre de Coubertin. *Textes choisis*. Tome II. – Zurich-Hildesheim-New York : Weidmann. – P. 376–377.
97. Coubertin Pierre (1915). *Connais-toi toi-même* // *Excelsior*, 23 août. – P. 31-32.
98. Coubertin Pierre de (1919). *Pédagogie sportive*. Nouvelle Édition. – Lausanne: Bureau International de Pédagogie sportive. – 158 p.
99. Coubertin Pierre de (1921). *Leçons de Pédagogie sportive*. Lausanne, La Concorde. – 124 p.
100. Coubertin Pierre de (1928). *Message .. to the athletes .. of the IX<sup>th</sup> Olympiad* // Carl-Diem-Inst. (ed.). *The Olympic Idea: Pierre de Coubertin*. Stuttgart: Olympischer Sportverlag. – P. 105-106.
101. Coubertin Pierre de (1934b). *L'art et le sport* // *Pédagogie sportive*. Nouvelle Édition. – Lausanne. – P. 146–154.
102. Coubertin Pierre de (1935a). *The Philosophic Foundations of Modern Olympism* // Carl-Diem-Inst. (ed.). *The Olympic Idea: Pierre de Coubertin*. – Stuttgart: Olympischer Sportverlag. – P. 130-134.
103. Coubertin P. de (1966a). *Der Olympische Gedanke*. Reden und Aufsätze. Hrsg. Vom Carl-Diem-Institut. – Schorndorf.
104. Coubertin Pierre de (1966b). *Les assises philosophiques de l'Olympisme moderne (1935)* // P. de Coubertin. *L'idée Olympique. Discours et Essais*. – Schorndorf. – P. 129-133.
105. Coubertin Pierre de (1966c). *The Olympic Idea: Discourses and Essays*. rev. ed. eds. L. Diem and O. Andersen. translated from the French by J.G. Dixon. – Lausanne: Carl-Diem-Institute, Editions Internationales, Olympia, 1966. – 217 p.
106. Coubertin Pierre de (1976). *L'Idée olympique. Discours et Essais*. – Schorndorf: Carl-Diem-Institut. – 257 p.
107. Coubertin Pierre de (1986a). *Discours à Athènes (16 nov. 1894)* // Pierre de Coubertin. *Textes choisis*. Tome II. – Zurich-Hildesheim-New York : Weidmann. – P. 364-375.
108. Coubertin P. de (1986c). *Textes choisis*. Tome I-III. – Zürich: Weidmann.
109. Daume Willi (1981). *Zeus & Apollo. On truths, errors and possibilities between sport and art* // *Bulletin N. 8 du 11 Congrès olympique de Baden-Baden, 1981*. – P. 65–67, 101–108.
110. Diem C. (1970). *The Olympic Idea: discourses and essays*. – Köln: Carl-Diem-Institute. – 121 p.
111. Durántez Conrado (1994b). *Pierre de Coubertin. The Olympic Humanist*. – Lausanne: Olympic Museum. – 127 p.
112. Durry Jean (1999). *The Cultural Events at the Olympic Games and Pierre de Coubertin's thinking* // IOA. *Report of the thirty-eighth Session 15<sup>th</sup> July – 30<sup>th</sup> July 1998*. Int. Olympic Committee. – P. 56–66.
113. Favre Sisto (1970). *Philosophy of the Modern Olympic Movement* // *Report of the 10<sup>th</sup> Session of the IOA*. – Athens. – P. 61-70.
114. Georgiadis Kostas (1999). *The Ideas of Pierre de Coubertin on the Revival of the Modern Olympic Games* // IOA. *Report of the thirty-eighth Session 15<sup>th</sup> July – 30<sup>th</sup> July 1998*. – Int. Olympic Committee. – P. 43–55.
115. Heinrich Ignace (1980). *The Contribution of Educationists to the Promotion of Olympic Principles* // *Report of the International Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia*. – HOC, Athens. – P. 207-214.
116. Krawczyk Z. (1988b). *Two Faces of the Olympism: Ideology and Utopia* // *Sport and Humanism: Proceedings of the Int. Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Gotenba. – P. 238-255.
117. Landry Fernand (1980). *Olympism, Politics and Education* // *Report of the 20<sup>th</sup> Session of the IOA*. – Athens. – P. 131-149.
118. Landry Fernand (1986). *Olympic Education and International Understanding: Educational Challenge or Cultural Hegemony?* // IOA. *Report of the 25<sup>th</sup> Session*. – Lausanne. – P. 139-155.
119. Landry Fernand (1987). *Pierre de Coubertin: the Modern Olympic Games and the Arts* // IOA. *Report of the 26<sup>th</sup> Session*. – Lausanne. – P. 93-103.
120. Landry Fernand (1989). *Olympism at the Beginning and at the End of the 20<sup>th</sup> Century: from the Permanence of an Idea to the Crowning Paradox of its Social Function* // IOA. *Report of the 28<sup>th</sup> Session*. – Lausanne. – P. 50-66.
121. Lekarska Nadia (1989). *Olympism: Immutable Values and Outdated Factors* // *Report of the 28<sup>th</sup> Session of the IOA*. – Lausanne. – P. 73-80.
122. Lenk H. (1964b). *Werte, Ziele, Wirklichkeit der modernen Olympischen Spiele*. – Verlag Karl Hofman, Schorndorf. Stuttgart. – 376 S.
123. Lenk H. (1984a). *Status and development as well as research tendencies and central aspects of sport philosophy* // *Int. Journal of Physical Education*. – vol. XXI, N. 2. – P. 33-36.
124. Lenk H. (1985). *Towards a Philosophical Anthropology of the Olympic Athletes and/as the Achieving Being* // IOA. *Report of the 22<sup>nd</sup> Session*. – Lausanne. – P. 163-177.
125. Lenk Hans (2007). *An Anthropology of the Olympic Athlete Towards a Modernised Philosophy of the Olympic Games and Athletes* // *Journal of Olympic History*. vol. 15, N. 1. P. 39–47.
126. Lenk Hans, Pilz Gunter A. (1989). *Das Prinzip Fairness*. – Edition Interfrom, Zürich. – 148 S.

127. Lipiec Jozef (1994). The Olympic Movement in Search of the Ideal of Versality // Almanack 1994, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy. – P. 79–98.
128. Lipiec J. (1997). The Fair Play philosophy // Fair play – Sport – Education. European Congress of Fair Play. 2<sup>nd</sup> General Assembly of the European Fair Play Movement. Warsaw, September 12–14, 1996. – Warszawa. – P. 99–110.
129. Loland S. (1995). Coubertin's ideology of Olympism from the perspective of the history of ideas // The International Journal of Olympic Studies. – Vol. IV. – P. 49–78.
130. Lotz Franz (1980). The Realization of the Olympic Idea // Report of the International Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 279–286.
131. Lotz Franz (1988). Youth and the Olympic Movement // IOA. Report of the 27<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 100–106.
132. Lucas John (1976). Victorian «Muscular Christianity» – Prologue to the Olympic Games Philosophy // Report of the 15<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 66–77.
133. Lucas John (1979). The French Baron Pierre de Coubertin // Report of the 18<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 89–95.
134. MacAloon John (1978). Religious Themes and Structures in the Olympic Movement and the Olympic Games // Philosophy, Theology and History of Sport and Physical Activity. International Congress of Physical Activity Sciences. Quebec, July 11–16, 1976. – Miami: Symposia Specialists. – P. 161–170.
135. MacAloon John J. (1984). This Great Symbol. Pierre de Coubertin and the Origins of the Modern Olympic Games. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 359 p.
136. MacAloon John (1985). The Revival of the Olympic Games // IOC. Report of the 24<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 169–182.
137. Manifesto // Fair Play for All. Declaration of the CIFP. – München, Paris, 1992. – P. 10–17.
138. McNeely Simon A. (1980). Cooperation between Educational and Olympic Authorities // Report of the International Sessions for Educationists 1973 – 1977 – 1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 260–278.
139. Müller Norbert (1977). The Olympic Idea of Pierre de Coubertin and Carl Diem and its Materialisation in the International Olympic Academy // Report of the 16<sup>th</sup> session of the IOA. – Athens. – P. 94–100.
140. Müller Norbert (1980). Coubertin and the Olympic Congresses // Report of the 19<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 92–101.
141. Müller Norbert, Schantz Otto (1986). Bibliographie des oeuvres de Pierre de Coubertin // Pierre de Coubertin. Textes choisis. Tome III. – Zurich-Hildesheim-New York: Weidmann. – P. 697–836.
142. Müller N. (1998). Olympism and Olympic Education // 4<sup>th</sup> Joint International Session for Directors of NOAs, members and staff of NOCs, and IFs (7–14 May 1998). – Ancient Olympia, Greece. – 10 p.
143. Mzali Mohamed (1979). Olympism and education // Report of the 18<sup>th</sup> session of the IOA. – Athens. – P. 62–72.
144. Mzali Mohamed (1985b). The moral profile of the olympic athlete // IOA. Report of the 22<sup>nd</sup> Session. – Lausanne. – P. 36–40.
145. Nissiotis Nikolaos (1979). Philosophy of Olympism // Report of the 18<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 178–187.
146. Nissiotis Nikolaos (1985a). Olympism and Today's Reality // IOA. Report of the 24<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 57–74.
147. Nissiotis Nikolaos (1987). Olympism, Sport and Aesthetics with Reference to the Work of Pierre de Coubertin // IOA. Report of the 26<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 83–90.
148. Novak Andrew (2008). Politics and the Paralympic Games: Disability Sport in Rhodesia-Zimbabwe // Journal of Olympic History. – vol. 16. N. 1. – P. 47–55.
149. Oikonomakos Grigorios (1980). The Olympic Ideal in the Service of Education // Report of the Int. Sessions for Educationists 1973– 1977–1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 124–136.
150. Paleologos Cleanthis (1977). The Olympic Idea in the Antiquity and Today // Report of 16<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 41–48.
151. Paleologos Cleanthis (1985). Heracles (Hercules), the Ideal Olympic Personality // IOA. Report of the 22<sup>nd</sup> Session. – Lausanne. – P. 54–71.
152. Parry Jim (1989). Olympism at the Beginning and at the End of the 20<sup>th</sup> Century: Immutable Values and Principles and Outdated Factors // Report of the 28<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 81–94.
153. Parry Jim (1995). The Moral and Cultural Dimensions of Olympism and their Educational Application // IOA. Report of the 34<sup>th</sup> Session. – IOC. – P. 181–195.
154. Pierre de Coubertin an unrecognized genius (1994 a). – Lausanne, The International Pierre de Coubertin Committee. – 43 p.
155. Pierre de Coubertin and History (1994 b). – Lausanne, The International Pierre de Coubertin Committee. – 23 p.
156. Pierre de Coubertin and the Arts (1994 c). – Lausanne, The International Pierre de Coubertin Committee. – 15 p.

157. Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart. – Würzburg: Verlag Platz Freiburg, 1980. – 139 p.
158. Pouret Henri (1967). Pierre de Coubertin – unknown or forgotten aspects of his life and work // Report of the 6th Summer Session of the IOA. – Athens. – P. 133-139.
159. Pouret Henri (1979). The Intellectual Influences on Pierre de Coubertin // Report of the 18th Session of the IOA. – Athens. – P. 118-122.
160. Rioux Georges (1986). *Propos Liminaires. Pierre de Coubertin éducateur* // Pierre de Coubertin. Textes choisis. Tome I. – Zurich-Hildesheim-New York: Weidmann. – P. 1-34.
161. Sala Georges (1987). Sport and the fine arts, dialogues or monologues // IOA. The Report of the 26<sup>th</sup> Session, Ancient Olympia. – Lausanne. – P. 175-185.
162. Segrave J.O. (1988). Toward a Definition of Olympism // Segrave J.O. and Chu D. (eds.). *The Olympic Games in Transition. – Human Kinetics.* – P. 149-162.
163. Seppänen P. (1984b). *The Olympics: A Sociological Perspective.* – University of Helsinki, Department of Sociology. – N. 33. – 27 p.
164. Shaddad Kamal Hamid (1980). Olympism: Second Thought and a New Paradigm // Report of the 19<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 214-218.
165. Shaddad Kamal Hamid (1997). Values, Aims and Reality of Today's Modern Olympic Games «A Call for the Return of the Term Amateur and the Rejection of the Olympic Motto» // IOA. Report of the 35<sup>th</sup> Session. – IOC. – P. 48-50.
166. Steinhaus Arthur H. (1961). Plato's Charioteer. The Whole Man, Science and Physical Education // Olympic Academy Report 1961. – Athens: IOA. – P. 28-36.
167. Szymiczek Otto (1972). The Olympic Philosophy in Antiquity and in Our Times // Report of the 12<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 44-54.
168. Szymiczek Otto (1985). Olympism – Olympic Movement – Olympic Games // IOA. Report of the 24<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 149-156
169. Veblen Th. (1997). Sport als Restbarbarei in der Moderne // Caysa, V. (Hrsg.): *Sportphilosophie.* – Leipzig.
170. Vialar Paul (1962a). Pierre de Coubertin (I): The Man – The Games // Report of the 2<sup>nd</sup> Summer Session of the IOA. – Athens. – P. 54-71.
171. Vialar Paul (1962b). Pierre de Coubertin (II): The Man and His Work // Report of the 2<sup>nd</sup> Summer Session of the IOA. – Athens. – P. 72-88.
172. Vialar Paul (1964). Monsieur de Coubertin and the Olympic Spirit // Report of the 4<sup>th</sup> Summer Session of the IOA. – Athens. – P. 137-144.
173. Weis K. (1997). Die Priester der Muskelkraft. Über die Olympischen Spiele als Religionsersatz // Caysa V. (Hrsg.): *Sportphilosophie.* – Leipzig. – S. 318-326.
174. Young D.C. (1988). Professionalism in Archaic and Classical Greek Athletics // Segrave J.O. and Chu D. (eds.). *The Olympic Games in Transition. – Human Kinetics.* – P. 27-36.
175. Young D.C. (2005). Mens Sana in Corpore Sano? Body and Mind in Ancient Greece // *The International Journal of the History of Sport.* – vol. 22, nr 1. – P. 22-41.
176. Zuchora Krzysztof (1994). Olympism: Back to Sources // *Almanack 1994, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy.* – P. 39-48.

## Раздел IV. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СПОРТА (общие проблемы)

Данный раздел посвящен анализу комплекса проблем разработанной автором *гуманистической теории спорта*\* как философской антропологии (или социальной философии) спорта, в которой на основе диалектической методологии дается анализ всего комплекса проблем гуманистической оценки спорта.

### Глава 12. Необходимость разработки, предмет и значение гуманистической теории спорта

Прежде всего обсудим вопросы о необходимости, предмете и значении этой философской дисциплины.

#### 12.1. Необходимость разработки гуманистической теории спорта

Одна из важнейших задач философского анализа спорта и других тесно связанных с ним явлений (прежде всего олимпийского движения) – оценить их с позиций охарактеризованных выше идей, идеалов и ценностей гуманизма, т.е. определить их *гуманистическую ценность*. Это действительно задача философской рефлексии, так как речь идет о предельных основаниях, о смысле, значении, ценности данных явлений.

Решение данной задачи предполагает ответ на широкий круг вопросов:

- Способен ли спорт воспринимать и воплощать в жизнь указанные выше гуманистические идеалы, имеющие общецивилизационную, универсальную и непреходящую значимость?

- Какова его значимость в этом плане на различных этапах общественного развития?

- Какова гуманистическая ценность современного спорта?

- Содействует ли процесс его необычайно широкого развития, вовлечения в свою сферу миллионов людей нашей планеты формированию и развитию свободной, активной, творческой, разносторонней и гармоничной личности, гуманных человеческих отношений?

- Какое воздействие спорт оказывает на духовную (нравственную, эстетическую, интеллектуальную) культуру человека?

- Какова гуманистическая ценность различных видов, форм, моделей современного спорта, например спорта высших достижений?

- Как можно оценить гуманистическую значимость современного спорта, если его сопоставить в этом плане с другими элементами современной культуры, например с искусством?

- Удалось ли современному олимпийскому движению добиться практической реализации тех гуманистических идеалов и ценностей, связанных со спортом, которые были провозглашены основателем этого движения Пьером де Кубертенем?

- Каково отношение подрастающего поколения к гуманистическим идеалам олимпизма?

- Каковы причины все более ярко проявляющейся в современном спорте (особенно в спорте высших достижений) и олимпийском движении девальвации духовно-нравственных ценностей?

- Существует ли возможность гуманизации современного спорта, повышения его духовно-нравственной ценности, укрепления связи с искусством и другими сферами культуры? Каковы пути, средства и методы решения данной проблемы и т.д.

Можно отметить ряд обстоятельств повышения актуальности философского осмысления этих проблем в настоящее время.

В современном обществе происходят глубокие, фундаментальные изменения. Как отмечено выше, они связаны со стремлением не только провозгласить, декларировать, но и *практически реализовать* идеи гуманизма. Идея гуманизации, «очеловечивания» системы общественных отношений, разных сфер деятельности людей лежит в основе большинства тех социальных программ обновления, которые разрабатываются и реализуются в

---

\* В словосочетании «гуманистическая теория спорта» термин «*теория*» используется в широком его значении как синоним термина «наука», «научная дисциплина».

настоящее время [Казначеев, 1997; Моисеев, 1994, 1998; Раймерс, 1992; Рерих, 1990; Субетто, 1999 и др.].

Стремление воплотить в жизнь идеи гуманизма на современном этапе общественно-го развития переводит в практический план концепцию «*человеческого измерения*» процессов, явлений, событий, сфер социальной жизни. Речь идет об оценке их с точки зрения заключенных в них возможностей реализации общечеловеческих гуманистических идеалов и ценностей, преодоления барьеров и отчуждения между различными социальными системами, националистических и шовинистических предрассудков, а также о том, какую роль эти явления и события реально играют в современных условиях и каковы пути их «гуманизации», повышения гуманистического значения.

В этой ситуации все более или менее значимые социальные институты подвергаются оценке с точки зрения того, в какой мере они адекватны идеалам и ценностям гуманизма, способны ли они содействовать реализации этих ценностей. Самого пристального внимания в этом плане заслуживает *спорт* и другие связанные с ним явления (в первую очередь *олимпийское движение*), учитывая их все более важную роль в современном обществе.

Общепризнанно, что бросающимся в глаза явлением социального развития XX и XXI столетий является неудержимое проникновение спорта во все сферы человеческой жизни, на которые он оказывает сильное влияние. Все чаще пишут и говорят о «глубоком, важном, постоянном, повсеместно проникающем, все заполняющем и все остальное подавляющем» интересе людей к спорту [Buytendijk, 1953]. Такое внимание к спорту связано с тем, что он затрагивает и во многом содействует формированию, развитию и реализации широкого круга социальных ценностей.

За сравнительно короткий исторический промежуток времени спорт превратился во «всеобъемлющее социальное явление» [Посьелло, 2006]. В настоящее время он выступает как социальная система, социальный институт и социальное движение, которые оказывают мощное воздействие практически на все слои и сферы современного общества, современной культуры, включает в свою орбиту образование, политику, экономику, технику, науку, искусство, средства массовой информации, сферу досуга и т.д. Все более важной становится роль спортивной деятельности в социализации и воспитании подрастающего поколения, формировании образа и стиля жизни. Спорт вторгается в моду, порождая особый, подчеркнуто спортивный стиль одежды, влияет на способы проведения досуга, определяет поведение, интересы, духовные потребности, формирует образ жизни целых социальных и демографических групп населения: «Спорт пронизывает почти все уровни современного общества, он либо отражает, либо сильно влияет на такие несопоставимые элементы, как статус, расовые взаимоотношения, трудовая деятельность, дизайн в области автомобилестроения, стили в одежде, трактовка понятия о герое, язык и этические ценности» [Boyle, 1963, p. 3–4]; спорт «затрагивает и такие, казалось бы, несопоставимые явления, как общественное положение, расовые и национальные отношения, деловую жизнь, модели автомобилей, моду, концепцию героизма и этические ценности» [Томпсон, 1979, с. 153].

Спортивная терминология не только проникает в обыденную речь, но и активно используется в политическом лексиконе. Например, в США президент именуется «квотербеком» (ключевой игрок в «американском футболе»), придерживавшимся со своей «командой» намеченного «игрового плана», чтобы «достичь линии ворот», т.е. целей политического курса [Гринфельд, 1986, с. 1]. Политики активно демонстрируют свою любовь к спорту. В той же Америке демонстрация любви к спорту, как утверждает канадский социолог Б. Петри, «стала неотъемлемой частью американской политической жизни»: «имидж» каждого политического деятеля осязательно включает роль спортсмена либо болельщика [Petrie, 1975, p. 194]. Мода на такую демонстрацию любви к спорту распространилась и на другие страны, в том числе на Россию.

Что касается олимпийского движения, которое сформировалось на основе спорта, то оно зародилось задолго до того, как Кубертен предложил возродить античные игры Олимпиад. По уточненным данным, современные Олимпийские игры проводятся без малого 400 лет. Полагают, что отсчет времени их проведения следует начинать с 1612 г., «когда от простого интереса к античным играм перешли к организации состязаний по их образу и подобию» [Кыласов, 2010 а, с. 177]. Идею возрождения древних игр осуществил королевский прокурор Роберт Довер (Robert Dover, 1575–1652), который во времена правления Якова I организовал в городе Чиппинг Кэмпден (Chipping Campden) графства Гло-

стер Олимпийские игры Котсуолда (Cotswold Olimpick Games). Эти игры с участием местного населения проводились ежегодно вплоть до 1852 г. Особенно важное значение имели организованные в 1850 г. Олимпийские игры в Мач Венлоке графства Шропшир, которые основал пригласивший на них Кубертена доктор Вильям Пенни Брукс. Не случайно 7-й президент МОК Хуан Антонио Самаранч, прибыв в Мач Венлок, возложил венок на могилу Брукса и произнес речь: «Я приехал воздать дань уважения и почтить память доктора Брукса, который поистине был основателем современных Олимпийских игр» [цит. по: Кыласов, 2010 а, с. 49].

Предпринимались и другие попытки возрождения античных Игр – в Германии, Канаде, Франции и Швеции – суммарно уже 341 раз в течение 280 лет. Но как олимпийское движение, связанное с деятельностью МОК, оно окончательно оформилось к концу первой четверти XX в., получило глобальное развитие в середине того же века после Второй мировой войны и приобрело современный вид в 80–е г. прошлого столетия [Кыласов, 2010 а, с. 17].

В настоящее время Олимпийские игры стали поистине планетарным явлением, а олимпийское движение превратилось, пожалуй, в самое массовое, глобальное, неполитическое социальное движение (по крайней мере с точки зрения числа стран и населения мира, которые в нем участвуют). Это движение объединяет 167 Национальных олимпийских комитетов, около 40 признанных Международным олимпийским комитетом международных спортивных федераций, множество национальных спортивных объединений, десятки тысяч спортсменов, а в Олимпийских играх – центральном событии олимпийского движения – участвуют представители 140–150 стран, 6–8 тыс. спортсменов и примерно столько же работников средств массовой информации. Олимпийские игры смотрят миллионы зрителей и более 2 млрд. телезрителей.

И еще несколько цифр, показывающих масштабы развития спорта и олимпийского движения: «В течение сезона за гонками «Формулы-1» наблюдают по телевизору в среднем 57 млрд. любителей спорта в 206 странах; за финальным турниром чемпионата мира FIFA по футболу – 38 млрд., а Игры Олимпиад, которые транслируются в 220 стран, смотрят 36 млрд. зрителей» [Кыласов, 2010 а, с. 21].

Такое стремительное и широкое развитие спорта и олимпийского движения, естественно, требует осмысления и философской рефлексии с позиций гуманизма. Все более актуальными являются вопросы о том, «какие ценности, какие общественные стереотипы поведения и взаимоотношений людей, какие личные черты характера вынесет из спортивной деятельности индивид, какой моральный смысл в различных жизненных ситуациях приобретут сформировавшиеся в спортивной деятельности волевые качества: упорство и инициативность или авантюризм и карьеризм; смелость и чувство собственного достоинства или чувство высокомерия и самолюбования» [Васильева, 1989, с. 55].

Процесс все усиливающейся девальвации нравственных и других духовных ценностей в сфере современного спорта, особенно спорта высших достижений (все более часто встречающиеся случаи грубости и даже жестокости спортсменов, нарушения ими норм нравственности, потребительского отношения к спорту и т.д.) придает особую актуальность этим проблемам.

Указанные выше концепции устойчивого развития и культуры мира поднимают ряд новых острых вопросов относительно гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения.

С концепцией *устойчивого развития* связан, например, вопрос о том, как сочетать голод, болезни и отсутствие элементарного образования в странах третьего мира и роскошные конькобежные центры, корты для гольфа или дороги для мотоспорта. Или в более общем плане:

- являются ли первостепенными потребности, удовлетворяемые через спорт;
- может быть, их можно отодвинуть на задний план по сравнению с другими, более важными потребностями;
- относятся ли спортивные достижения к числу наиболее важных характеристик качества жизни населения;
- какое (позитивное или негативное) влияние спорт (в первую очередь спортивные сооружения и проводимые на них спортивные соревнования) оказывает на окружающую среду и др.

Не менее важные проблемы относительно спорта и олимпийского движения поднимает концепция *культуры мира*:

- содействует ли и в какой мере процесс интернационализации спорта реализации таких фундаментальных гуманистических ценностей, связанных с культурой мира, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, толерантность, ненасилие и др.;

- способен ли спорт воспринимать эти культурные ценности, содействовать их формированию и развитию;

- в какой мере, насколько эффективно он действительно выполнял и выполняет ли эту функцию;

- не оказывает ли соперничество, принимающее особенно острые формы в международном и олимпийском спорте, негативное влияние на те цели и задачи, которые призвана решать культура мира и др. [Столяров, 2011].

Важно учитывать также, что социальная политика международного спортивного и олимпийского движения оказывает существенное, все более усиливающееся и не всегда позитивное воздействие на *отечественный* спорт – характер этого спорта, систему его идеалов и ценностей и т.д. [Аршуруни, 2001; Васин, 1999; Виноградов, 1998, 1999; Гуськов, 1999; Егоров, 1996 а; Исаев, 2002; Ратнер, 2000; Родиченко, 2004; Сараф, 1998; Холщевникова, 2000 и др.]. Поэтому для нашей страны вопросы о том, какую социальную направленность должно иметь и имеет олимпийское движение, какие социальные функции оно, равно как и международный спорт в целом, должно выполнять и выполняет, имеют важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Все отмеченные факторы определяют повышенный интерес ученых к обсуждаемой проблеме. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного автором опроса участников Международного форума «Молодежь – Наука – Олимпизм», который состоялся 14–18 июля 1998 г. в Москве под патронажем Всемирного совета физического воспитания и спортивной науки при ЮНЕСКО в рамках Всемирных юношеских игр. В работе форума приняли участие ведущие ученые и специалисты спортивной науки более 30 стран – Австралии, Великобритании, Португалии, Литвы, Латвии, России, США, Украины и др. Было опрошено 117 (около 80%) участников форума из 29 стран. Среди них 66 чел. – из России, 24 – из других бывших республик СССР, 27 – из других стран. Сфера деятельности респондентов: 7 тренеров, остальные работают в сфере науки и образования. 60 респондентов – кандидаты и доктора наук, 42 чел. имеют звание профессора или доцента, 4 чел. – члены-корреспонденты. Лишь 15 респондентов не имеют ученых степеней и званий. Большинство респондентов (40) проблему оценки современного спорта (особенно спорта высших достижений) и олимпийского движения с позиций гуманизма отнесли к числу наиболее важных проблем, которые в настоящее время должны быть предметом обсуждения [Столяров, 2001 з].

Вместе с тем все чаще наблюдается ситуация, когда о культурно-гуманистических проблемах спорта говорят лишь в речах и докладах, а на практике (особенно в деятельности спортивных функционеров и политиков) они полностью игнорируются. Спорт рассматривается как сфера, индифферентная к этим проблемам. Предполагается, что «ввиду своих особых заслуг перед обществом (а среди профессионально занятых в сфере спорта людей эта точка зрения встречается не так уж редко) спорт может игнорировать как мораль, так и духовность вообще» [Васильева, 1989, с. 57].

В этой ситуации в первую очередь *именно на философов ложится ответственность за то, чтобы привлечь внимание к проблемам реализации в спорте и посредством спорта гуманистических идеалов и ценностей, подвергнуть самому глубокому философскому анализу эти проблемы и всемерно содействовать внедрению в практику результатов данного анализа.*

Актуальность всей этой деятельности философов определяется и тем, что по поводу социального значения спорта высказывается много некачественных и необоснованных суждений. В частности, как справедливо отмечал Ф. де Вахтер, нередко «со спортом связывают слишком много нереалистических надежд; в результате неизбежное разочарование становится все более сильным, а критика спорта – все более простым делом» [Wachter, 1983, p. 255].

## 12.2. Предмет, значение и состояние разработки гуманистической теории спорта

Главная особенность данной теории – гуманистическая *парадигма*, ориентирующая на такой подход к изучению спорта, при котором он рассматривается как *сфера и средство реализации гуманистических идеалов и ценностей*, касающихся личности и социальных отношений.

Следовательно, на переднем плане здесь находится не спорт, а *интересы, потребности, личность человека и человеческие отношения*; спорт рассматривается лишь как *средство, призванное содействовать формированию и развитию свободной, активной, творческой, гармонично и разносторонне развитой личности, гуманных человеческих отношений*,

Такая парадигма гуманистической теории спорта прямо противоположна той ориентации, которая преобладает в научном исследовании спорта. Усилиями специалистов различных научных дисциплин – естественнонаучных, педагогических, психологических и др. – разработана и применяется на практике теория спорта, «стержневым разделом» которой является *«концепция об основном содержании и формах оптимального построения подготовки спортсмена к высоким достижениям в спорте, наиболее существенных закономерностях, путях и условиях спортивного совершенствования»* [Матвеев, 1997, с. 49]. Значит, эта теория ориентирована на то, чтобы дать научное обоснование путям отбора людей, которые наиболее пригодны для успешного выступления в том или ином виде спорта, средств и методов их спортивной подготовки, такой модификации их телесности, физического состояния и психики, которая обеспечивает успешное выступление, достижение предельно высоких результатов в этом виде спорта.

При такой ориентации теории спорта на первом плане находится научное обоснование форм и методов модификации телесности, физического состояния и психики человека с целью обеспечить наиболее эффективное решение спортивных задач или каких-то других, связанных со спортом задач – политических, экономических и т.п. Из этого следует, что в основе данной теории лежит *технократическая парадигма*, поскольку человек (*причем не только его тело, но и его психика, все существо человека*) *выступает не как цель, а как определенное средство решения указанных задач*.

Цель гуманистической теории спорта состоит в том, чтобы дать научное обоснование путей, средств и методов реализации в спорте и посредством спорта гуманистических идеалов и ценностей. Для этого необходимо решить как минимум следующие основные задачи:

1) определить гуманистический *потенциал* спорта, его различных видов, моделей, исторических форм, присущие им *возможности* влияния на личность и отношения людей, использования в тех или иных целях и т.д.;

2) изучить *реальную гуманистическую ценность* спорта, его различных видов, моделей, исторических форм (содействуют ли они и в какой мере формированию и развитию свободной, активной, творческой, гармоничной и разносторонней личности, гуманных человеческих отношений и т.д.);

3) выявить *факторы*, содействующие и препятствующие реализации гуманистического потенциала спорта, а также его дисфункциональным проявлениям;

4) выяснить возможность и наметить конкретные пути *повышения* гуманистической ценности спорта (каким образом придать спорту такой облик, такое содержание, такую ориентацию, чтобы повысить его гуманистическое значение).

Эти вопросы правомерно ставить и обсуждать применительно не только к спорту вообще, но и к спорту на различных этапах общественного развития. В отношении *современного* спорта они рассматриваются и решаются в рамках разработанной автором *теории гуманизации современного спорта*. Данная теория ставит своей целью обосновать *необходимость* и определить основные *формы и методы* гуманизации современного спорта [Столяров, 1998 и, 2002 а и др.].

Важное значение в гуманистической теории спорта придается анализу комплекса проблем оценки с позиций гуманизма социокультурного значения различных *видов и разновидностей* спорта.

Применительно к футболу (наиболее популярному виду спорта) возникают, например, следующие проблемы.

■ Что представляет собой футбол как социокультурный феномен?



- Способен ли он воспринимать и воплощать в жизнь гуманистические идеалы, имеющие общецивилизационную, универсальную и непреходящую значимость?
- Какова его значимость в этом плане на различных этапах общественного развития?
- Какова гуманистическая ценность современной разновидности футбола? Содействует ли процесс его необычайно широкого развития, вовлечения в свою сферу миллионов людей нашей планеты формированию и развитию свободной, активной, творческой, разносторонней и гармоничной личности, гуманных человеческих отношений?
- Какое воздействие активные занятия футболом, а также наблюдения за футбольными матчами оказывают на духовную (нравственную, эстетическую, интеллектуальную) культуру человека?
- Какова гуманистическая ценность футбола в рамках спорта высших достижений и «спорта для всех»?
- Как можно оценить гуманистическую культурную значимость футбола, если его сопоставить в этом плане с другими элементами современной культуры, например с искусством?
- Каково отношение футболистов, тренеров, зрителей к духовно-нравственным и эстетическим ценностям?
- Каковы причины все более ярко проявляющейся в современном футболе (особенно в рамках спорта высших достижений) девальвации духовно-нравственных ценностей?
- Существует ли возможность гуманизации, повышения духовно-нравственной ценности футбола, укрепления его связи с другими сферами культуры?
- Каковы пути, средства и методы решения данной проблемы и т.д. [Самусенков, Столяров, 2000, с. 5].

Указанные проблемы, составляющие предмет гуманистической теории спорта, разработаны значительно слабее проблем теории спортивного отбора и спортивной подготовки. Во многом это объясняется тем, что иногда эти гуманистические проблемы не включаются в число *главных, основных* проблем теории спорта, а иногда и вообще *исключаются* из сферы ее рассмотрения.

Напомним в связи с этим еще раз, например, ту характеристику теории спорта, которую дает известный специалист в области этой теории Л.П. Матвеев: *«Теория спорта есть обобщающая отрасль научного знания, призванная отображать сущность спорта, общие закономерности его функционирования и дальнейшего развития в обществе; при этом ее стержневым разделом является концепция об основном содержании и формах оптимального построения подготовки спортсмена к высоким достижениям в спорте, наиболее существенных закономерностях, путях и условиях спортивного совершенствования»* [Матвеев, 1997, с. 49]. Ни в этой краткой характеристике проблем теории спорта, ни в развернутом изложении ее проблем [Матвеев, 1997, с. 51–59] нет даже упоминания отмеченной выше гуманистической проблематики.

Некоторые аспекты этой проблематики ставятся и обсуждаются в таких науках, как спортивная педагогика, социология и психология спорта. Мы имеем в виду, например, такие вопросы: интересы, потребности, ценностные ориентации спортсменов; влияние спортивных соревнований и подготовки к ним в различных видах спорта на личность спортсмена; социализация, самосознание и самоутверждение личности в спорте; отчуждение спортсмена и манипуляция его личностью; основные направления, формы и методы воспитания спортсменов, «спортивного» воспитания и т.д.

Отдельные аспекты анализа спорта с позиций гуманизма обсуждаются на различных, в том числе международных, конгрессах, конференциях, симпозиумах. К их числу относятся например, семинар «Гуманистические ценности спорта» в Варшаве [Humanistyczne wartosci... 1978], международный семинар «Спорт и гуманизм» в Готенба (Япония) [Sport and Humanism, 1988], международный конгресс «Спорт и международное взаимопонимание» в Хельсинки [Sport and International Understanding, 1984], международная конференция «Спорт, культура, общество. Международные, исторические и социологические перспективы» в Глазго [Sport, Culture, Society. International... 1986], международная конференция «Воспитание и спорт в целях культуры мира» в Париже [World Conference... 1999] и др.

Данная проблематика анализируется в коллективных трудах ученых: «Спорт и международные отношения» [Sport and International Relations, 1978], «Культурные ценности спорта» [Kulturowe wartosci... 1981], «Мир и взаимопонимание посредством спорта»

[Peace... 1989]; «За гуманизм спорта» [For a humanism... 1994], «Спорт. Олимпизм. Гуманизм» [1994, 1998], «Гуманитарные основы кинантропологических исследований» [Humanitni základy... 2001] и др.

Следует отметить огромную сложность проблем анализа спорта с позиций гуманизма. Финский социолог П. Сеппянен в своем выступлении на международном конгрессе «Спорт и международное взаимопонимание», касаясь лишь одной из этих проблем – гуманистического значения международного спорта, заметил, что до сих пор «почти отсутствуют серьезные исследования в этой области... на самом деле мы очень мало знаем об эффекте воздействия спорта на взаимопонимание между народами. Мы лишь знаем, что спортивный обмен между нациями является очень широким и все возрастающим феноменом. Мы также знаем, что большая часть этого обмена ограничена большим спортом и сопутствующим ему зрительским спортом, что все увеличивается освещение спорта в средствах массовой информации. В дополнение к этому мы знаем, что спортивные команды имеют особые привилегии в посещении и посещают такие места, которые недоступны обычным туристам. В журналах и газетах время от времени появляются сообщения о межнациональных свадьбах и дружеских связях между отдельными спортсменами. Но наши знания крайне ограничены относительно социальных функций спорта в международных отношениях» [Seppänen, 1984 а, р. 58]. Другой социолог спорта П. Макинтош в докладе на данном конгрессе также отметил, что вопрос о том, каким образом спорт влияет на международные конфликты, до сих пор не решен и необходимы дальнейшие исследования в поисках ответа на данный вопрос [McIntosh, 1984 а, р. 283]. Такая оценка в настоящее время во многом справедлива в отношении проблемы гуманистического значения не только международного спорта, но и спорта в целом.

Целостное представление о состоянии разработки проблем анализа спорта с позиций гуманизма дают сборники тематических серий «Духовность. Спорт. Культура», «Спорт, духовные ценности, культура», «Гуманистическая теория и практика спорта», «Гуманистика соревнования: теория и практика гуманизации соперничества», «Спорт, спартианское движение, культура мира». Эти сборники, включающие в себя статьи ученых разных стран, подготовлены автором и изданы Гуманитарным центром «СпАрт» ГЦОЛИФК в 1996–2007 гг.

Проделанный автором при подготовке этих сборников аналитический обзор публикаций показал, что, как правило, предметом обсуждения являются лишь отдельные аспекты комплексной проблемы оценки спорта с позиций гуманизма, т.е. имеет место *односторонний* подход к ее анализу, а кроме того, допускаются и другие методологические ошибки.

С учетом этой ситуации автором была обоснована необходимость разработки *гуманистической теории спорта* как *философской антропологии* (или *социальной философии*) спорта, в которой на основе диалектической методологии дается анализ всего комплекса проблем гуманистической оценки спорта [Столяров, 1998 б, г, п, 1999 а, 2000 б, 2001 а, 2002 а, 2003 а, в, 2004 а, Stolyarov, 1998 f и др.].

В работах автора и его учеников (см. ниже) предпринята попытка разработки данной теории. В последующих разделах книги излагаются основные результаты этой научно-исследовательской деятельности.

## Литература к гл. 12

1. Аршуруни Алеся (2001). Олимпийские боссы не достали Путина? // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 15-17.
2. Васильева Н.Б. (1989). Об этическом осмыслении физической культуры и спорта // Нравственный потенциал современного спорта. – М.: Советский спорт. – С. 55-60.
3. Васин Владимир (1999). Влияние международных спортивных организаций на развитие российского спорта // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всеросс. совещ. «Практика олимпийского образования». – М.. – С. 37-40.
4. Виноградов П.А. (1998). Щедрость, граничащая с абсурдом // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 2-4. – С. 18-19.
5. Виноградов П.А. (1999). «Грабли» для Путина // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 5-7.
6. Гринфельд О.М. (1986). Спорт в современной буржуазной культуре // Культура и искусство за рубежом: Экспресс-информация, вып. 4. – М.: Госуд. б-ка СССР им. В.И.Ленина. – С. 1-11.

7. Гуманистика соревнования. Вып. 2. Соревнование и спорт в системе гуманистического воспитания детей: Сб. ст. М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 2002.
8. Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2005.
9. Гуманистика соревнования. Вып. 6. Спорт и СПАРТ в системе оздоровления, воспитания и организации досуга студентов: Сб. статей/Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова, И.А. Логинов. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2003. – 196 с.
10. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000. – 302 с.
11. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. второй. Футбол как объект гуманистического исследования: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.
12. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий. Спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи: Сб. ст. – Москва-Сургут: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.
13. Гуськов Сергей И. (1999). Социальные процессы, значимость спорта и его развитие в России // Олимпийское движение и социальные процессы: Матер. IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всеросс. совещ. «Практика олимпийского образования». – М. – С. 49-53.
14. Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй. Ценности спорта и пути его гуманизации: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 187 с.
15. Духовность. Спорт. Культура. Вып. третий. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез?: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 180 с.
16. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 197 с.
17. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 195 с.
18. Егоров А.Г. (1996а). Олимпизм и провинциальная природа российского прогрессизма // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы V Всеросс. научно-практич. конф. – М. – С. 30-32.
19. Исаев А.А. (2002). Спортивная политика России. – М.: Сов. спорт.
20. Казначеев В.П. (1997). Проблемы человековедения. – М. – Новосибирск: Исследоват. центр проблем качества подготовки специалистов. – 349 с.
21. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
22. Матвеев Л.П. (1997). Общая теория спорта. Учебная книга для завершающих уровней высшего физкультурного образования. – М.: 4-й филиал Воениздата. – 304 с.
23. Моисеев Н.Н. (1994). Некоторые общие особенности цивилизации наступающего века. – М.
24. Моисеев Н.Н. (1998). Расставание с простотой. – М.: «Аграф». – 480 с.
25. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54–66.
26. Раймерс Н.Ф. (1992). Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. – М.: Изд. центр «Россия молодая». – 367 с.
27. Ратнер А.Б. (2000). Влияние МОК на развитие олимпийского спорта в России // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 108-111.
28. Рерих Н.К. (1990). Избранное. – М.: Издательство «Правда», 1990. – 528 с.
29. Родиченко Владимир (2004). Олимпийская идея для России (повторение пройденного). – М.: Сов. спорт, 2004. – 248 с.
30. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Выпуск второй: Сб. / Сост. и ред.: д.ф.н. В.И. Столяров, к.ф.н. Е.В. Стопникова. – Москва: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ, 2000. – С. 3–134.
31. Сараф М.Я. (1998). Олимпийская идея в противоречиях российского общественного сознания // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвуз. сб. научных материалов. – Воронеж, 1998. – С. 35-39.

32. СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, А.Г.Егоров, В.Н.Костюченков. – Москва-Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия, 1996. – 134 с.
33. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997. – 210 с.
34. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 316 с.
35. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 349 с.
36. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 280 с.
37. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 266 с.
38. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб.ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 285 с.
39. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой. Детский спорт (концепции, программы, технологии): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 319 с.
40. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 255 с.
41. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый. Обобщающий анализ проблемы (итоги и перспективы): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 216 с.
42. Спорт. Олимпизм. Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов. вып. 1. – Смоленск, 1994. – 138 с.
43. Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов, вып. 2. – Смоленск, 1998. – 306 с.
44. Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сборник (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра»). Вып. первый/сост. и ред. В.И. Столяров, Е.В.Стопникова. – М.: Физическая культура, 2007. – 326 с.
45. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
46. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.
47. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54-263.
48. Столяров В.И. (1998п). Философские и концептуальные основы неклассической теории спорта // Тез. докл. Междунар. конгр. «Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы». Том 1. – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 13-14.
49. Столяров В.И. (1999а). Гуманистическая теория спорта и проблема ее практического использования в спортивном и олимпийском движении // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 9-12.
50. Столяров В.И. (2000б). Гуманистическая теория спорта // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: МГИУ, 2000. – С. 3-15.
51. Столяров В.И. (2001а). Гуманистическая теория спорта и теория спартианской модели соревнования как разделы новой науки – агонологии // Sportas ir visuomenė amžiu sandūroje. – Kaunas: LKKA. – s. 25-26.
52. Столяров В.И. (2001з). Участники Международного форума о детско-юношеском спорте и современном олимпийском движении (социологический анализ) // Олимпийское движение и социальные процессы: X Юбилейная Всерос. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 153-156.
53. Столяров В.И. (2002а). Гуманистическая теория спорта и теория гуманизации соревнования: современное состояние и перспективы развития // Physical Education and Sport. Quarterly. Vol. 46, N. 1. Part 2. Sixth International Scientific Congress “Modern Olympic Sport and Sport for all” (Warsaw, June 6-9, 2002). – Warsaw: Scientific Publishers PWN. – P. 79-80.
54. Столяров В.И. (2003а). Гуманистические параметры спорта и олимпийского движения: новые философские концепции и методологические подходы // VII Междунар. научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 1. – М.: СпортАкадемПресс. – С. 48-49.

55. Столяров В.И. (2003в). От гуманистической теории спорта к теории гуманизации соперничества // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 13–15.
56. Столяров В.И. (2004а). Актуальные проблемы гуманистической теории спорта и теории гуманизации соперничества // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту: Зб. наук. пр. за ред. Ермакова С.С. – Харків-Донецьк: ХДАДМ (ХХІІ). – № 18. – С. 195-211.
57. Столяров В.И. (2011). Спорт, устойчивое развитие и культура мира // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 22–67.
58. Субетто А.И. (1999). Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия. – СПб: ПАНИ. – 827 с.
59. Томпсон Р. (1979). Спорт и идеология в современном обществе // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 152-163.
60. Холщевникова Татьяна (2000). Интеллектуальная слабость российского спорта // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 13-16.
61. Approaches to an interpretation of high-performance sport // Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 523-536.
62. Boyle R.H. (1963). Sport, Mirror of American Life. – Boston: Brown & Co.
63. Buytendijk F.J.J. (1953). Das Fussballspiel. Eine psychologische Studie. – Würzburg: Wekbund-Verlag.
64. For a humanism of sport. After a century of olympism. – IOC Centennial Congress, Paris, 1994. – 239 p.
65. Guttman A. (1978). From ritual to record: The nature of modern sports. – N.Y.: Columbia university press. – 198 p.
66. Humanistyczne wartosci sportu: Materiały z seminarium polsko-radzieckiego Warszawa 5-7 kwietnia 1976. – Warszawa: AWF, 1978.
67. Humanitní základy kinantropologických studií: Sborník příspěvků přednesených na vědeckém sympoziu v Olomouci (21-22 května 2001). – Hanex Olomouc, 2001. – 160 p.
68. Kulturowe wartosci sportu: Materiały VI Miedzynarodowego sympozium sociologii sportu, cz. I, II, III. Warszawa, 1981.
69. McIntosh P.C. (1984a). International Communication, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 276-284.
70. Peace and Understanding Through Sport / (Ed.) Greta L. Cohen. // Institute for International Sport. – 1989. vol. 2, N. 1. – 93 p.
71. Petrie Brian M. (1975). Sport and politics // D.W. Ball, J.W. Loy (eds.). Sport and Social Order. – Reading, Mass.: Addison-Wesley. – P. 189-237.
72. Seppänen P. (1984a). The Idealistic and Factual Role of Sport in International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 57-63.
73. Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba, 1988.
74. Sport and International Relations/Ed. by Benjamin Love, David B.Konin, Andrew Strenk. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois, 1978.– 627 p.
75. Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag, 1984. – 372 p.
76. Sport, Culture, Society. International, Historical and Sociological Perspectives: Proceedings of the VIII Commonwealth and Int. Conference on Sport, Physical Education, Dance, Recreation and Health, Conference '86 Glasgow, 18-23 July. – London, New York: E.&F.N.Spon, 1986.
77. Stolyarov V. (1998f). Unclassical Theory of Sports and the Experience of it Practical Realization in Russia as the Factor of Integration // Sport in the process of European Integration. Int. Symposium. – Warsaw, 9–12 December, 1998. – P. 72–75.
78. Wachter de F. (1983). Are Sports a Factor for Peace? // Topical Problems in Sport Philosophy/ed. Hans Lenk. – Hoffman Verlag, Schorndorf. – S. 255-269.
79. World Conference on Education and Sport for a Culture of Peace (UNESCO, Paris, 5 – 7 July, 1999) // Olympic Review. – 1999. vol. XXVI. N. 28. – P. 32-55.

## Глава 13. Содержание и методологические принципы дискуссий о гуманистическом значении спорта

Проблема гуманистического значения спорта является предметом острых споров и дискуссий [Столяров, 1998б].

### 13.1. Содержание дискуссий

В ходе дискуссий высказываются разнообразные и даже противоположные взгляды на социокультурные функции спорта, его форм и разновидностей, на их гуманистическое значение. Приведем несколько иллюстраций этого.

Американские социологи Элтон Снيدر и Элмер Спрайтцер выделяют в этом плане два подхода. Представители первого подхода подчеркивают функциональное значение спорта для общества, акцентируя внимание на том, что он способствует: 1) передаче социальных ценностей, социальной интеграции; 2) достижению мастерства, духовному и физическому развитию, формированию характера; 3) социальному порядку и стабильности, социальной мобильности и политической солидарности. Представители второго подхода придерживаются противоположного мнения: 1) спорт узаконивает существующую систему, порождает ложное сознание и является стимулом, который усиливает согласие в статус-кво; 2) игра и неформальный спорт ориентированы на свободу, в то время как формальный спорт – на эксплуататорские, формализованные ценности, в которых чрезмерно подчеркивается роль соревнования; 3) проблемы, возникающие в среде спортсменов, связаны с отчуждением и производны от эксплуататорской и элитарной системы; 4) если участие в формальном спорте элитарно, то неформальный спорт стимулирует широкое участие в нем всех слоев населения [Snyder, Spreitzer, 1978, p. 38].

Проф. Хилел Раскин (Израиль) также выделяет два противоположных подхода к оценке спорта «как воспитательного и социального инструмента». При одном подходе его оценивают позитивно, выдвигая в качестве основных аргументов положение о том, что спорт может содействовать:

- демократическому поведению участников (посредством контроля правилами, наказаниями, поощрениями, наличия лидеров и подчиненных, которые направляют свои усилия на достижение общей цели, лояльности, командного духа, морали команды и т.п.);
- развитию характера и спортивного духа (посредством процесса победы и проигрыша, уважения соперника, солидарности, благородных поступков, братства, мотивации, чувства ответственности за собственные действия и действия группы, а также инициативы, надежности, лояльности, социального равенства, спокойствия и уверенности);
- более высокому уровню ценностей достижения и поведения;
- вертикальной мобильности, особенно для участников с низким доходом и этнических классов;
- профилактике девиантного поведения.

«В противоположность теоретикам и практикам, которые утверждают, что соревновательный спорт можно считать жизненно важным средством позитивного влияния на участников и их окружение, есть теоретики и практики, которые полагают, что нужно выявить заключенный в этом спорте потенциал для негативного влияния и определить пути решения данной проблемы». К числу таких возможных негативных явлений, связанных со спортом относят:

- преувеличенное восхваление спортсмена, оказывающее негативное влияние на личность атлета;
- различные формы проявления агрессивности в спорте;
- соревнование по самой своей природе может явиться серьезным основанием для конфликта;
- стремление спортсменов победить любой ценой;
- вмешательство политики в спорт, содействующее обострению конфликтов [Ruskin, 1999, 2001].

Иллюстрацией противоположных мнений о гуманистической ценности спорта может служить дискуссия относительно *отчуждения личности в спорте* и таких его проявлений, как специализация, гипертрофированное физическое развитие за счет интеллектуального, духовного, готовность прибегнуть к любым средствам (допинг, жестокость и т.п.) ради победы и др.

Американский культуролог и социолог Т. Веблен, поддерживая мнение об отчуждении личности в спорте, рассматривал спорт как «псевдоактивность», как «канал для выхода энергии, которая в противном случае может быть опасной», как проявление «тоталитарной культуры», как занятие, имеющее смысл лишь для «праздного класса» [Veblen, 1934]. Аналогичную оценку спорту давал и социальный философ из Франкфурта Т. Адорно. Он подчеркивал наличие «мазохистского момента в спорте», подчинение человека машине в спорте, а также разветвленной системы различных регламентирующих правил. На этом основании Т. Адорно считал, что спорт относится «к сфере несвободы», машинерии и безличностной чувственности [Adorno, 1963].

Неомарксистские критики спорта, так называемые «новые левые» [Habermas, 1958; Hargreaves, 1982 a, b; Marcuse, 1955; Rigauer, 1981; Vinnai, 1970, 1972 и др.] также полагали, что современный спорт воплощает в себе бесчеловечность социальной организации нашего времени и является врагом свободы, указывали на то, что специализация превращает человека в «винтик в машине спорта». Спортивные правила они оценивали как эксплуататорские, вопиюще несправедливые и аморальные. Погоня за рекордами, по их мнению, влечет за собой фрустрацию для всех спортсменов, кроме горстки победителей. Высказывалось и мнение о том, что спорт является своеобразным наркотиком [Coakley, 1979; Hoch, 1972], свидетельствует о «патологии личности», а спортсмен выступает как послушное орудие манипуляции и находится в состоянии «отчуждения».

В настоящее время такую негативную оценку спорта в определенной степени поддерживает Эльк Франке [Франке, 2006].

Мнение о наличии отчуждения личности в спорте является дискуссионным [Ленк, 1979; Beamish, 1988; Fairchild, 1978; Guttman, 1978; Lenk, 1972 b, 1973 a, b, 1979, 1981 a, b, c, 1987; Sadler, 1977 и др.]. Острые дискуссии по этому вопросу были научных конгрессах [см., например: Sport and Humanism, 1988, p. 123–156; The Alienation... 1973].

Не только различные, но и противоположные мнения высказываются по вопросу о роли спорта в сохранении и укреплении мира, т.е. относительно его *миролюбивой функции* [Столяров, Сагалаков, 2005, 2007]. Яркой иллюстрацией этого является международный симпозиум на тему «Мир и взаимопонимание посредством спорта», организованный в 1988 г. Институтом международного спорта. Одни участники симпозиума отстаивали положение о том, что спорт играет важную роль в укреплении мира и международного взаимопонимания, а другие прямо противоположное положение – в той форме, в которой спорт существует в настоящее время, на международном уровне он приносит больше вреда, чем пользы (это положение фигурировало прямо в названии многих докладов и выступлений) [Peace and Understanding... 1989].

Столь же разителен контраст во мнениях относительно оценки с позиций гуманизма взаимоотношения спорта и политики, спорта и культуры (см. в данной книге разделы VI и VII).

Особенно острые дискуссии вызывают вопросы о гуманистическом значении таких разновидностей и форм спорта, как *спорт высших достижений*, *профессиональный международный и олимпийский спорт*, а также *детский спорт* (см. в данной книге раздел V).

Противоречивые мнения о социальном значении спорта выявляют и результаты социологических исследований. Так, например, международное социологическое исследование «Спорт и международное взаимопонимание», которое провел К. Хейнила (Финляндия), показало, что большинство опрошенных им спортсменов разных стран при оценке международных спортивных соревнований, как правило, используют позитивные характеристики, т.е. в целом дают *позитивную* оценку международному спорту. Но многие спортсмены оценивали международный спорт с использованием таких негативных характеристик, как «бесчестный», «бесчеловечный», «политизированный», «неприятный», «опасный», «эгоистичный», «воинственный», «враждебный», «насильственный» и т.п. Например, термин «бесчестный» использовали 24% финских и 15% венгерских спортсменов, термин «политизированный» – 36% финских и 43% венгерских спортсменов, термин «эгоистичный» – 55% финских и 41% венгерских спортсменов, термин «воинственный» – 18% финских и 33% венгерских спортсменов [Heinilä, 1986, p. 63–68].

В 1986–1990 гг. З. Кравчик (Польша) провел международное социологическое исследование с целью выяснить отношение населения различных стран к ценностям физической культуры, современного спорта и олимпийского движения. В ходе исследования было опрошено 4410 человек в возрасте свыше 18 лет – жители Гаваны, Будапешта, Праги,

Таллина и Варшавы. /280/ Опрос выявил весьма противоречивые взгляды респондентов по указанному вопросу. Например, как позитивные в социальном плане оценили спортивные соревнования только 67,5% респондентов, в том числе только 25% респондентов Будапешта, 60,8% респондентов Праги, 77,8% респондентов Таллина. В качестве ценности международных спортивных событий международную дружбу признали только 27% респондентов Варшавы и 60,6% Багдада, мир – 26,7% респондентов Варшавы и 70,5% Багдада, Fair Play – 42,6% респондентов Варшавы и 28,1% Багдада [Földesi, Krawczyk, 1984; Krawczyk, 1988a,b; Kultura fizyczna... 1989]. Противоречивые мнения о социально-культурной ценности современного спорта, включая олимпийский, выявляют данные и других международных социологических исследований.

Таковы некоторые иллюстрации разногласий в оценке гуманистического значения спорта. Более детальную информацию по данному вопросу читатель может найти в сборниках, выпущенных Гуманитарным центром «СпАрт» ГЦОЛИФК [Гуманистика соревнования... 2002; Гуманистическая теория... 2000 а; Духовность. Спорт. Культура, 1996 а, 1997; СпАрт... 1996; Спорт, духовные ценности, культура, 1997, 1998 а, б], а также в «Хрестоматии по социологии физической культуры и спорта» [Хрестоматия... 2005].

Для решения такой сложной проблемы, какой является проблема гуманистического значения спорта и по которой к тому же высказывают различные точки зрения, нужно найти «точку опоры» – уточнить *методологию* ее решения.

### 13.2. Методологические принципы решения проблемы

Наличие противоречивых мнений по вопросу о гуманистическом значении спорта объясняется не только сложной природой самого спорта как социокультурного феномена, но и тем, что данный вопрос пытаются решать – не только в обыденной жизни, но и в ходе научного исследования, опираясь на ошибочную методологию, не учитывая важнейшие принципы *диалектического метода* – требование всесторонности рассмотрения, комплексного и конкретно-исторического подходов и др.

Так, вопреки требованию этого метода о необходимости конкретно-исторического подхода ошибочно предполагается, что социальные функции, роль и значение спорта предопределены его *извечной, независимой* от каких-либо обстоятельств и условий «природой». Исходя из этого оценивают спорт как «соревнование, не приносящее никому ущерба и направленное только на совершенствование личности» [Барлас, 1974, с. 31], считают, что спортивная деятельность всегда, безотносительно к конкретным условиям, в силу самой своей «природы» имеет гуманистическую ценность, что ей «имманентно» присущи такие «ценности, как гуманизм, стремление к совершенствованию, взаимопомощь, бескорыстие» [Васильева, 1989, с. 57], что «спорт по самой своей природе является фактором укрепления мира, дружбы и взаимопонимания» [Milshtein, Molchanov, 1976, p. 71]. Высказывается и прямо противоположная оценка, когда спорт по самой своей природе оценивается как негативное социальное явление. В том и другом случае упускается из виду *диалектически противоречивый* характер потенциала спорта в целом, проявляющийся в том, что он предоставляет возможности как для гуманистического, так и для антигуманного использования.

Еще одна методологическая ошибка состоит в том, что не различают *потенциальные возможности* спорта (с точки зрения его воздействия на личность и социальные отношения) и то, насколько эти возможности практически реализуются, т.е. его *реальную значимость*. На основе этого утверждается, что «спорт, создающий ценности спортивной культуры, всегда являлся мощным социальным феноменом и средством успешной социализации» [Лубышева, 2005, с. 56; 2009, с. 203]. При таком подходе не учитывается, что гуманистический потенциал спорта *не реализуется автоматически*, тем более *в полном объеме*, что в зависимости от конкретной ситуации, конкретных исторических условий, под воздействием различных факторов меняется содержание, характер, направленность спорта, на первый план выходят гуманистические духовные ценности или преобладающими становятся антигуманные явления, культурный потенциал используется в большей или меньшей степени и т.д. Автор данной работы постоянно обращает внимание в своих публикациях на эту грубую методологическую ошибку. На нее указывает и С. Гюльденпфенниг. Нередко не учитывается то обстоятельство, пишет он, что «существует огромная пропасть между возможностями спорта... и реализацией этих возможностей – несоответствие, которое преодолевается при различных условиях и различными общественными



и политическими силами различным образом. А, кроме того, и сами указанные возможности неоднозначны: спорт является носителем культурных, социальных и общественно-политических возможностей, которые могут реализовываться в противоположных направлениях и ни в коем случае не связаны однозначно с канонами гуманных, демократических и межнационалистических норм» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 172].

Не всегда принимается во внимание и *многообразие* самого спорта. Не обращается внимание на существенно различное влияние *различных* видов спорта, таких его разновидностей, как спорт высших достижений и спорт для всех, а также различных моделей спорта на личность и социальные отношения. А ведь спорт, как отметил президент Международного совета спорта и физического воспитания Роджер Баннистер в заключительном выступлении на международном конгрессе «Спорт и международное взаимопонимание», «может означать много различных вещей. Он может означать агрессивную, даже насильственную борьбу между горсткой элитных спортсменов национальных команд. Он может выступать как спорт для всех, включающий в себя 60% населения, в таких рекреационных, несоревновательных его разновидностях, как бег трусцой, ходьба на лыжах. Столь различные формы спорта подчиняются совершенно различным принципам» [Banister, 1984, p. 368].

Особенно часто допускается такая методологическая ошибка при оценке социальной значимости спорта, когда, нарушая требование диалектического метода о необходимости *всесторонности* рассмотрения, *абсолютизируют* отдельные аспекты такого крайне сложного и противоречивого социально-культурного феномена, каким является спорт: из всего многообразия фактов и событий, характеризующих его социальную роль и социальные функции, выхватывают лишь те, которые свидетельствуют о позитивной роли спорта или, наоборот, акцент делают лишь на негативных, дисфункциональных явлениях в сфере спорта, связанных с насилием, агрессивностью, межнациональными конфликтами и т.п.

В методологическом плане ошибочен и *эклектический* подход к оценке социальной значимости спорта, при котором учитывают весь комплекс фактов – как позитивных, так и негативных, характеризующих влияние спорта на личность и отношения людей, но при этом останавливаются на *констатации* противоречивого воздействия спорта, не пытаются, как того требует *диалектический метод*, идти дальше с целью *объяснить* причины этой противоречивости и выяснить пути преодоления негативного влияния спорта (подробнее см. гл. 17).

Иногда допускается *подмена предмета дискуссии*: вместо полноценного анализа воздействия спорта, в том числе олимпийского, на личность, на социальные отношения ограничиваются рассуждениями о том, какое их влияние *желательно* с гуманистической точки зрения, допуская смешение *фактического* (реального) и *нормативного* (желаемого) положения дел в сфере спорта и олимпийского движения.

Значит, к числу основных методологических ошибок, допускаемых при обсуждении вопроса о гуманистическом значении спорта, относятся:

- *односторонний подход* к решению проблемы, когда *абсолютизируют* отдельные аспекты такого крайне сложного и противоречивого социально-культурного феномена, каким является спорт: из всего многообразия фактов и событий его реальной истории выхватывают лишь те, которые свидетельствуют о позитивной роли спорта, или, наоборот, акцент делают на негативных, дисфункциональных явлениях в сфере спорта, связанных с насилием, агрессивностью, межнациональными конфликтами и т.п.; не принимается во внимание и многообразие самого спорта, наличие таких его разновидностей, которые обычно называют «спортом высших достижений» и «спортом для всех», а также другие его формы и модели;

- положение о том, что социальные функции, роль и значение спорта предопределены его *извечной, независимой от каких-либо обстоятельств и условий «природой»*;

- подход, при котором не различают *потенциальные возможности* спорта и то, насколько эти возможности практически реализуются, т.е. его *реальную* значимость;

- *эклектический* подход к оценке социальной роли и значения спорта: констатируется, с одной стороны, его позитивная (в гуманистическом плане) роль для личности и социальных отношений, а с другой стороны – связанные с ним антигуманные явления и ограничиваются этой констатацией без дальнейшего анализа, не пытаясь объяснить, *почему* он может играть и действительно играет столь противоположную роль;

• *подмена предмета дискуссии*: вместо обсуждения вопросов о том, какое *реальное* воздействие спортивные соревнования, в том числе в рамках олимпийского движения, оказывают на личность, на социальные отношения, ведутся рассуждения о том, какое их влияние *желательно* с гуманистической точки зрения, т.е. допускают смешение *фактического* (реального) и *нормативного* (желаемого) положения дел в сфере спорта и олимпийского движения.

Чтобы при решении обсуждаемой проблемы избежать указанных выше ошибок методологического плана, важно соблюдать следующие диалектико-методологические принципы:

➤ учитывать не отдельные факты, касающиеся роли и значения спорта, а все *многообразие* этих фактов;

➤ принимать во внимание *особенности* спорта высших достижений («большого», «рекордного» спорта) и «спорта для всех», других *форм, разновидностей, моделей* спорта, т.е., как справедливо указывает Э. Нидерман, при анализе вопроса о гуманистическом значении спорта «необходимо использовать в процессе дискуссии “сетевое” в терминологическом отношении изображение спорта, и в каждом конкретном случае должно быть объяснено, какая именно сторона спорта как общественного явления обсуждается в данный момент» [Нидерман, 1986, с. 25];

➤ различать *потенциал* спорта (заклученные в нем возможности как позитивного, так и негативного воздействия на личность и социальные отношения) и то, насколько этот потенциал *практически реализуется*, т.е. реальное социальное значение спорта, его реальные социокультурные функции;

➤ учитывать *диалектически-противоречивый* потенциал спорта, а также то, что в зависимости от *конкретной ситуации, конкретных исторических условий* под воздействием различных факторов меняется содержание, характер, направленность, значимость спорта, на первый план выходят его культурные гуманистические ценности или преобладающими становятся антигуманные явления, противоречащие этим ценностям;

➤ подходить к обсуждаемой проблеме с позиций *не эклектики, а диалектики*, которая требует на основе *факторного анализа* дополнить описание противоречивого характера потенциала спорта и его реального значения объяснением *причин* этой противоречивости;

➤ не выдавать *желаемое* за *реальное*, не смешивать те связанные со спортом ценности, которые вовлеченными в него отдельными лицами (функционерами, спортсменами, тренерами, политиками и т.д.) лишь провозглашаются (декларируются), т.е. декларативные ценности, и ценности, на которые они действительно ориентируются в своем поведении.

Такие принципы методологического подхода с учетом требований диалектического метода не только позволяют избежать указанных выше ошибок, но и обеспечивают эффективное решение обсуждаемой проблемы [Столяров, 1998 б, и, 2004 д, 2007 в ].

### Литература к гл. 13

1. Барлас В. (1974). Новая сила // Спорт и личность. – М. – С. 12–31.
2. Васильева Н.Б. (1989). Об этическом осмыслении физической культуры и спорта // Нравственный потенциал современного спорта. – М.: Советский спорт. – С. 55–60.
3. Гуманистика соревнования. Вып. 2. Соревнование и спорт в системе гуманистического воспитания детей: Сб. ст. М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 2002.
4. Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2005.
5. Гуманистика соревнования. Вып. 6. Спорт и СПАРТ в системе оздоровления, воспитания и организации досуга студентов: Сб. статей/Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова, И.А. Логинов. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2003. – 196 с.
6. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000. – 302 с.
7. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. второй. Футбол как объект гуманистического исследования: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.
8. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий. Спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи: Сб. ст. – Москва-Сургут: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.

9. Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй. Ценности спорта и пути его гуманизации: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 187 с.
10. Духовность. Спорт. Культура. Вып. третий. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез?: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 180 с.
11. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 197 с.
12. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 195 с.
13. Ленк Г. (1979). Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни: Сб. ст. / Сост. В.И.Столяров, З. Кравчик. – М. – С. 112-125.
14. Лубышева Л.И. (2005). Спортивная культура в контексте социализации студенческой молодежи // Олимпийский бюллетень. – № 7. – М.: ЦОА. – С. 55–62.
15. Лубышева Л.И. (2009). Спортивная культура в современной системе физического воспитания школьников // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физ. культуры». – С. 203–211.
16. Люшен Г. (1974). К структурному анализу в спорте // Всемирный научный конгресс "Спорт в современном обществе". Москва, 1974 г.: Сб. научных материалов. – М. – С. 25-28.
17. Люшен Г. (1982). Спорт и культура // Сб. итоговых научных матер. Всемирного науч. конгресса «Спорт в современном обществе», Тбилиси, 1980 г. – М.: ФиС. – С. 28-37.
18. Нидерман Э. (1986). Может ли спорт способствовать взаимопониманию между народами? // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 8. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 24-30.
19. Никишин Д.В. (2005). Смысловые характеристики профессионального спорта: социально-философское исследование: Автореф. дис...канд. филос. наук.– Екатеринбург. – 22 с.
20. СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, А.Г.Егоров, В.Н.Костюченков. – Москва-Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия, 1996. – 134 с.
21. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997. – 210 с.
22. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 316 с.
23. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 349 с.
24. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 280 с.
25. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 266 с.
26. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб.ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 285 с.
27. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой. Детский спорт (концепции, программы, технологии): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 319 с.
28. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 255 с.
29. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый. Обобщающий анализ проблемы (итоги и перспективы): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 216 с.
30. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
31. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–263.
32. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
33. Столяров В.И. (2007в). Комплексная оценка гуманистического значения детского спорта // Детский тренер. – № 1. – С. 54–69.

34. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2005). Миротворческая роль спорта и олимпийского движения: идеал и реальность // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГУФК. – С. 164–256.
35. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2007). Роль спорта и спартианской модели игрового соперничества в формировании и развитии культуры мира // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сб. ст. (Библиотека Спартианского Гуманистического Центра). – М.: Физическая культура. – С. 20–221.
36. Франке Эльк (2006). Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. – № 33(6). – С. 67–81.
37. Adorno Th.W. (1963). *Prismen, Kulturkritik und Gesellschaft*. – München.
38. Bannister R. (1984). Final Statement // *Sport and Int. Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, July 7-10, 1982*. – Berlin etc.: Springer-Verlag. – P. 368-369.
39. Beamish Rob (1988). Human Alienation: The Situation and Possibilities in Sport // *Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Gotenba. – P. 123-134.
40. Coakley Jay J. (1979). Sport as an opiate // *Sport in contemporary society: An Anthology*. – St. Martin's Press, New York. – P. 250-254.
41. Fairchild David L. (1978). Creative Sports: Antidote to Alienation // *Journal of the Philosophy of Sport*. – vol. V. – P. 57-62.
42. Földesi T., Krawczyk Z. (1984). Values Connected to the Olympic Games in Budapest and in Warsaw: Paper prepared for presentation at the Olympic Scientific Congress Eugene, Oregon, July 19-26, 1984.
43. Gildenpfennig Sven (1984a). Friedensfördernde Werte des Sports // *Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung*. Band 206. – Bonn. – S. 171-188.
44. Guttman A. (1978). From ritual to record: The nature of modern sports. – N.Y.: Columbia university press. – 198 p.
45. Habermas J. (1958). Soziologische Notizen zum Verhältnis von Arbeit und Freizeit // G.Funke (ed.). *Konkrete Vernunft*. – Bonn: Athenaeum. – P. 219-231.
46. Hargreaves J. (1982a). Sport and hegemony: some theoretical problems // Cantelon, H. and Gruneau, R. (eds.), *Sport, culture and the modern state*. – Toronto, University of Toronto Press. – P.103-140.
47. Hargreaves J. (1982b). Sport, culture and ideology // Hargreaves, J. (ed.), *Sport, culture and ideology*, London: Routledge & Kegan Paul. – P. 30-61.
48. Heinilä K. (1986). Sport and International Understanding as conceived by elite athletes. – University of Jyväskylä, Department of Social Sciences of Sport, Research Reports. – N. 37.
49. Hoch P. (1972). *Rip off the big game*. – Anchor, Garden City, New York: Doubleday, 1972.
50. Krawczyk Z. (1988a). Physical Culture from the Perspective of Values – a General and Selective approach to Physical Culture // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 23, N° 2. – P. 97-107.
51. Krawczyk Z. (1988b). Two Faces of the Olympism: Ideology and Utopia // *Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Gotenba. – P.238-255.
52. *Kultura fizyczna w kategoriach wartosci/Praca zbiorowa pod red. Z. Krawczyka*. – Warszawa, 1989. – 131 p.
53. Lenk H. (1972b). Sport in philosophischer Sicht // *Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse*. – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag. – S. 15-42.
54. Lenk H. (1973a). Alienation, Manipulation and the Self of the Athlete // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 8-18.
55. Lenk H. (1973b). «Manipulation» oder «Emanzipation» im Leistungssport. Die Entfremdung und das Selbst des Athleten // Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.). *Philosophie des Sports*. – Schorndorf. – S. 67-108.
56. Lenk H. (1979). Social philosophy of Athletics. A Pluralistic and Practice-Oriented Philosophical Analysis of Top Level and Amateur Sport. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – 227 p.
57. Lenk Hans (1981a). Eigenleistung: eine sozialphilosophische Analyse und ein «adamitisches» Pladoyer für eine positive Leistungskultur // *Olympische Leistung. Ideal, Bedingungen, Grenzen. Begegnungen zwischen Sport und Wissenschaft: Eine Dokumentation*. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaften. – S. 279-306.
58. Lenk H. (1981b). Humanite! = Humanity! = Гуманность! // *Bulletin «Les Limites des Sports» (11-e Congres olympique. Baden-Baden 1981)*. – N. 4. – P. 30-33, 53-54.
59. Lenk H. (1981c). Sport, achievement and social criticism // Luschen G. and Sage G. (eds.). *Handbook of Social Science of Sport*. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 369-382.
60. Lenk H. (1987). *Leistung im Brennpunkt*. – Frankfurt a. M.: DSB.

61. Marcuse H. (1955). *Eros and civilization*. – Beacon, Boston.
62. Milshtein O.A., Molchanov S.V. (1976). The shaping of public opinion regarding sport by the mass media as a factor promoting international understanding // *International Review of Sport Sociology*. – N. 3. – P. 71-84.
63. *Peace and Understanding Through Sport* / (Ed.) Greta L. Cohen. // *Institute for International Sport*. – vol. 2, N. 1. – 93 p.
64. Rigauer B. (1981). *Sport and Work*. – New York: Columbia Press.
65. Ruskin Hillel (1999). Reflections on sport, violence and fair play towards the 21<sup>st</sup> century // 4<sup>th</sup> European Fair Play Congress. Athens, 23-25 September 1998. – Athens. – P. 23-54.
66. Ruskin Hillel (2001). Introduction // *Fair Play: Violence in Sport and Society*. Ed. by: Hillel Ruskin, Manfred Lämmer. – Cosell Center for Physical Education, Leisure and Health Promotion. The Hebrew University of Jerusalem. – P. 1-12.
67. Sadler William A. Jr. (1977). Alienated Youth and Creative Sports Experience // *Journal of the Philosophy of Sport*. – vol. IV. – P. 83-95.
68. Snyder Eldon E., Spreitzer Elmer A. (1978). *Social Aspects of Sport*. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc. – 214 p.
69. *Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan*. – Göttingen, 1988.
70. *The Alienation and Identity of Man in Sport* // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 3-32.
71. Veblen Thorstein (1934). *Theory of the Leisure Class*. – New York: Modern Library.
72. Vinnai G. (1970). *Fussballsport als Ideologie*. – Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt, 1970.
73. Vinnai G. (Hrsg) (1972). *Sport in der Klassengesellschaft*. – Frankfurt/M..

## Глава 14. Социальный потенциал спорта

/286/ В соответствии с указанными выше методологическими принципами сначала важно выяснить социальный *потенциал* спорта и прежде всего заключенные в нем возможности для реализации гуманистических идеалов и ценностей.

### 14.1. Гуманистический потенциал спорта

Для понимания гуманистического потенциала спорта важно учитывать два обоснованных выше положения относительно спорта, его социальной сущности, социального предназначения, главной социокультурной функции:

1. Спорт возникает на определенном этапе развития общества, чтобы содействовать *гуманизации* соперничества, повышению его *гуманистической ценности* для личности и общества в целом, а именно:

- по возможности обезопасить участников соревнования от трагических последствий, не наносить вреда их здоровью, не унижать достоинство личности, а значит, сделать его более гуманным;
- поставить соперников в равные условия, чтобы обеспечить унифицированное сравнение, объективную оценку их качеств и способностей;
- тем самым создать возможность использования соперничества для решения комплекса других социокультурных и социально-педагогических задач.

В этом состоит социальное предназначение, *главная социокультурная функция* спорта, на основе которой вырастают все другие его функции.

Исследователи при характеристике социальных функций спорта эту его основную функцию, как правило, упускают из виду.

2. Для достижения указанной цели в спорте используется определенный *социальный «механизм», социальная технология*: обычные жизненные ситуации соперничества заменяются на искусственно созданные, условные (и в этом смысле игровые).

Создание в спорте таких ситуаций как минимум предусматривает следующее:

- предметы, с которыми действуют в обычных жизненных ситуациях соперничества, заменяются на иные («игрушечные», «игрушки»), приспособленные для указанных целей;
- соответствующим образом видоизменяется и само место (пространство) соперничества;
- формулируются определенные правила, уточняющие, что можно и чего нельзя делать соперникам (правила-запреты);
- вводятся особые лица (судьи), обеспечивающие соблюдение данных правил и дающие оценку выступлению участников соревнования.

Указанная выше исходная целевая ориентация спорта и избранная для ее реализации социальная технология определяют *огромный гуманистический потенциал спорта, заключенные в нем возможности для выполнения не только главной его социокультурной функции, но и комплекса других связанных с ней функций в процессе социализации личности, в системе социальных отношений и т.д.*

Чтобы всесторонне охарактеризовать этот потенциал спорта, рассмотрим заключенные в нем возможности для достижения двух целей:

- 1) содействовать гуманистически ориентированной *социализации личности*;
- 2) выполнять гуманистическую роль («миссию») в системе *социальных отношений*.

Возможности спорта для приобщения личности в процессе социализации к гуманистическим идеалам и ценностям. Сначала уточним понятие социализации.

Как известно, человеком, а тем более личностью, не рождаются, а становятся в ходе общественного и индивидуального социального развития. Понятие социализации вводится для характеристики этого процесса становления человеческого индивида как полноценного социального существа, для объяснения того, каким образом общество передает, а индивид осваивает социальный опыт человечества и тем самым из существа биологического превращается в существо социальное. Усвоение индивидом социального опыта – это сложный и многосторонний процесс, начинающийся в младенчестве и заканчивающийся в глубокой старости. Он предполагает «социальное познание, социальное общение, овладение навыками практической деятельности, включая как предметный мир вещей, так и всю совокупность социальных функций, ролей, норм, прав и обязанностей и т.д., актив-

ное переустройство окружающего (как природного, так и социального), мира; изменение и качественное преобразование самого человека, его всестороннее и гармоническое развитие» [Парыгин, 1971, с. 165].

Значит, социализация – это приобщение личности к социальным ролям, функциям, нормам, культурным ценностям, формирование у нее соответствующих способностей, знаний, умений, интересов, потребностей, ценностных ориентации и т.д. – другими словами, всех тех качеств, которые необходимы для включения в систему общественной жизни, для активной, творческой социальной деятельности в обществе. Сама личность играет активную роль в этом процессе, а не является пассивным продуктом социальных влияний.

Структура социализации включает в себя два основных элемента:

1) *стихийные, спонтанные, ненамеренные воздействия социальной среды* окружающей человека (например, профессии человека, жилищных условий и т.п.);

2) *воспитание (образование, обучение) – педагогическую деятельность* как сознательно организуемый (например, родителями, учителем, тренером и т.п.) механизм передачи и усвоения социального опыта: целенаправленное воздействие на личность (предполагающее активность и самой личности) с использованием педагогических средств (информирование, убеждение, пример и т.п.), посредством которых индивиду сознательно стараются привить желаемые социальные качества – знания, умения, интересы, ценностные ориентации, нормы поведения и т.д. [Андреева, 1980; Кон, 1967; Момов, 1975; Столяров, 2004 д].

Возможны различные подходы к пониманию сущности воспитания и процесса социализации личности в целом.

*Гуманистический* подход к этому процессу сформировался в рамках того направления в теории личности, которое обозначают термином «*гуманистическая психология*» (его называют также психологией «*третьей силы*» или «*развития потенциала человека*»). Этот термин принадлежит группе персонологов, которые в 1962 г. объединились под руководством А. Маслоу с целью создания теоретической альтернативы психоанализу и бихевиоризму. Существенное влияние на развитие этой теории личности оказали такие философы и психологи, как Эрих Фромм, Гордон Олпорт, Карл Роджерс, Джордж Келли, Жан-Поль Сартр, Виктор Франкл и Ролло Мей. Однако в наиболее развернутой форме ее представил Абрахам Х. Маслоу (1908–1970).

Хотя взгляды сторонников гуманистической психологии составляют широкий спектр, им присущи некоторые общие черты [Хьелл, Зиглер, 2001, гл. 10].

В качестве исходного в рамках данной концепции принимается положение философии экзистенциализма об ответственности человека за свои действия, о возможности для него делать выбор среди предоставленных возможностей, о том, что человек является главным архитектором своего поведения и жизненного опыта. Люди рассматриваются как активные творцы собственной жизни, обладающие свободой выбирать и развивать стиль жизни. Эта свобода ограничена только физическими или социальными воздействиями [Сартр, 1989].

Поэтому сторонники гуманистического подхода считают ошибочным оценивать социализацию как простую сумму внешних влияний, регулирующих проявление имманентных индивиду биопсихологических импульсов и влечений, как механическое наложение на индивида готовой социальной «формы». Они исходят из того, что человек активно участвует в этом процессе и не только адаптируется к обществу, но и влияет на свои жизненные обстоятельства и на самого себя [Андреева, 1980, с. 335].

Для сторонников гуманистической психологии характерно также позитивное отношение к человеку, вера в его силу и позитивность личностного потенциала. Они выдвигают на передний план идею *свободного развития* личности, полной ее самоактуализации (А. Маслоу, В. Франкл, К. Роджерс, Э. Фромм), выражающейся, например, в осуществлении индивидуальных смыслов личности (В. Франкл), а также создания «помогающих отношений» (К. Роджерс) для достижения этих целей.

Гуманистически ориентированные психологи убеждены, что самоактуализируясь, высвобождая подавленное Я, человек раскрывает свою величественную природу (А. Маслоу), «что в основе человека лежит стремление к положительным изменениям» (К. Роджерс). Они допускают, что у людей иногда бывают злые и разрушительные чувства, аномальные импульсы и моменты, когда они ведут себя не в соответствии с их истинной

внутренней природой. Но когда люди «функционируют полностью», по выражению К. Роджерса, когда ничто не мешает им проявлять свою внутреннюю природу, они предстают как позитивные и разумные создания, которые искренне хотят жить в гармонии с собой и с другими людьми [Rogers, 1961, 1980].

Еще один важный принцип гуманистической теории личности – признание приоритета *творческой* стороны в человеке. А. Маслоу рассматривает творчество как неотъемлемое свойство природы человека, как черту, потенциально присутствующую во всех людях от рождения. Это качество проявляется во всех формах самовыражения и не требует специальных талантов. Но в результате «окультуривания» (прежде всего под влиянием определенным образом сфокусированного образования) оно может быть утрачено [Maslow, 1987].

Сердцевиной гуманистической теории личности является концепция *системы потребностей* личности. А. Маслоу рассматривал человека как «желающее существо», которое редко достигает состояния полного, завершенного удовлетворения. Когда удовлетворяется одна потребность, другая всплывает на поверхность и направляет внимание и усилия человека. В качестве основных А. Маслоу рассматривает следующие потребности человека: физиологические потребности; потребности безопасности и защиты; потребности принадлежности и любви; потребности самоуважения; потребности самоактуализации или потребности личного совершенствования. Все эти потребности организованы в иерархическую систему приоритета или доминирования. Потребности, расположенные внизу, должны быть более или менее удовлетворены до того, как человек может осознать наличие и быть мотивированным потребностями, расположенными вверх. На вершине иерархической системы потребностей находятся потребности *самоактуализации, личного совершенствования*. А. Маслоу характеризовал самоактуализацию как желание человека стать тем, кем он может стать, т.е. полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности: «Музыканты должны играть музыку, художники должны рисовать, поэты должны сочинять стихи, если они в конце концов хотят быть в мире с самими собой. Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» [Maslow, 1987, p. 22]. Согласно концепции А. Маслоу, чем выше человек может подняться в указанной иерархии потребностей, тем большую индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье он продемонстрирует.

К. Роджерс, феноменологическая теория личности которого также лежит в русле гуманистического направления в персонологии, обосновывал положение о том, что важнейший мотив жизни человека – тенденция *актуализации* – тенденция максимально выявить лучшие качества своей личности, заложенные в ней от природы, «развивать все свои способности, чтобы сохранять и развивать личность». Наиболее необходимым аспектом этой тенденции является стремление человека к *самоактуализации*, под которой К. Роджерс понимал процесс реализации человеком на протяжении всей жизни своего потенциала с целью стать «*полноценно функционирующей*» личностью. Термином «полноценно функционирующий» он обозначал людей, которые используют свои способности и таланты, реализуют свой потенциал и движутся к полному познанию себя и сферы своих переживаний [Rogers, 1961].

Таким образом, *идея самореализации, саморазвития, самосовершенствования, самоутверждения\** – одна из важнейших идей гуманистического подхода к воспитанию. Эту идею органично дополняет концепция *самотрансценденции*. Речь идет о необходимости выхода человека за пределы своего Я, о его направленности на других людей и в целом на какие-то иные социальные явления, нежели он сам. На важное значение такого дополнения указывали представители гуманистической психологии, подчеркивая, что самоактуализация может быть осуществлена лучше всего через увлеченность значимой работой (А. Маслоу), что в служении делу или в любви к другому человек осуществляет сам себя (В. Франкл) и что утверждение собственной жизни, счастья, развития, свободы человека коренится в его способности любить (Э. Фромм).

Как отмечает А.А. Реан, «возможно, действительно целью человеческого существования является одновременно собственное совершенство и счастье окружающих. В то время как обратное утверждение неприемлемо, поскольку формулирование в качестве цели “личного счастья” ведет к эгоцентризму, а стремление к “совершенствованию других”

---

\* О понятийном аппарате концепции самоутверждения см.: Никитин, Харламенкова, 1997.



не может принести ничего, кроме неудовлетворенности (И. Кант)». Поэтому, подчеркивает он, нецелесообразно «категоричное противопоставление самотрансценденции и самоактуализации как двух альтернатив... Сила гуманистического подхода и перспективы его развития состоят в органичном соединении этих двух идей» [Реан, 2004, с. 331].

Изложенная выше гуманистическая концепция целостного развития личности, модель здорового, полноценного, самоактуализирующегося человека, которую разработал А. Маслоу, и дополняющие ее идеи других сторонников гуманистической психологии определяют гуманистическое понимание *цели воспитания* (социализации в целом), а также задают тот *идеал, образец*, на который должен ориентироваться не только педагог в своей воспитательной деятельности, но и воспитуемый в процессе самовоспитания, саморазвития, самоутверждения.

Концепция культуры мира вносит существенные коррективы в понимание гуманистических задач воспитания. Она диктует необходимость воспитания человека, «способного к сопереживанию, готового к свободному, гуманистически ориентированному выбору и индивидуальному интеллектуальному усилию, уважающего себя и других, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях, открытого для иного мнения и неожиданной мысли» [Краевский, 2001, с. 211].

Важные качества человека-гуманиста нашей эпохи, которые должны формироваться в процессе воспитания, определены в ряде международных документов ЮНЕСКО и Европейского Совета. В них отмечается, что современный человек – это гибкая в своем развитии личность, способная самостоятельно рефлексировать новые социально-экономические запросы и управлять с их учетом своим собственным развитием; это человек думающий, человек делающий, человек адаптирующийся. Это также широко образованный и всесторонне информированный человек, но его образованность основывается не на простом накоплении знаний, а на умении добывать и перерабатывать новую информацию в соответствии с осознаваемыми потребностями; это человек с развитым самостоятельным и творческим мышлением. Система воспитания должна заложить в человеке основу для будущей профессиональной мобильности, выработать в нем готовность в случае смены вида труда мгновенно включаться в новый трудовой процесс, способствовать оптимальному развитию способностей к организации и планированию, психологической совместимости, способности к сотрудничеству в разных группах, ответственности и компетентности, готовности принимать решения и осуществлять их.

Каков же потенциал спорта для того, чтобы содействовать приобщению личности в процессе социализации к гуманистическим идеалам и ценностям?

Возможности спорта для социализации личности, ее формирования и развития в соответствии с требованиями общества, индивидуальными потребностями, социокультурными образцами необычайно многообразны.

1. К числу наиболее важных задач гуманистически ориентированной социализации личности относится создание условий для *самореализации*, которую многие социологи, философы и психологи считают высшей и наиболее завершенной формой человеческого существования. Для самореализации человеку важно оценить самого себя в сопоставлении с другими: «Для того чтобы уметь реализовать и оценить самого себя, видимо, необходимым и неизбежным становится социальное сравнение в смысле собственного встраивания в порядок (Selbsteinordnung) или/и социальной конкуренции, по крайней мере внутри рамок отнесения европейской культурной традиции» [Ленк, 1997, с. 169–170]. Спортивное соперничество как раз и предоставляет человеку возможность сравнить свои способности со способностями других людей (или с теми способностями, которыми он сам располагал раньше) и выяснить, в чем он превосходит их или, напротив, уступает им.

Уникальная особенность спорта в этом отношении состоит в том, что благодаря указанной выше социальной технологии в нем создаются условия для *объективной* оценки такого сравнения, притом в *самом широком объеме*. Спортивное соперничество позволяет *объективно ранжировать участников по местам* с точки зрения уровня развития определенных способностей и даже выяснить, кто из них лучше в этом плане в пределах города, страны, региона и даже мира.

Объективная оценка способностей человека в спортивном соперничестве побуждает его к *совершенствованию* своих способностей. Благодаря этому в спорте создаются условия для *самовоспитания, самосовершенствования, самопреодоления* [Ленк, 1978, 1979;

Столяров, 1988 и, 1989 а; Файнбург, 1979; Филимонова, 2004; Lenk, 1973 а, b, 1979, 1981 а, b, c; Wischmann, 1971 и др.].

2. Издавна выявлены и обоснованы в многочисленных работах педагогов и медиков огромные возможности, заключенные в спорте, для сохранения и укрепления **здоровья** людей, а также их **физического совершенствования**.

3. Важную роль спорт способен играть в процессе формирования разнообразных психических качеств и способностей человека, его **психической культуры в целом**, поскольку спортивные состязания и вся спортивная деятельность предъявляют высокие требования к проявлению его волевых качеств и к саморегуляции [Агеевец, Выдрин, 1980; Феськов, 1980; Coubertin, 1919].

В связи с этим важно учитывать одну проблему, на которую впервые обратил внимание в 1901 г. философ и психолог У. Джемс. Он указывал на то, что во время войны люди готовы нести жертвы и лишения, подвергать свою жизнь смертельной опасности. Война формирует характер личности и создает осознанную общенациональную цель. У. Джемс предлагал найти «моральный эквивалент войны», т.е. поставить задачи, которые требовали бы проявления героических качеств, но не носили бы военного характера. Он хотел развернуть единую межгосударственную кампанию, направленную против таких общих проблем, как болезни и голод, призывая молодежь вступать в армию для борьбы с этими врагами, а не для подготовки к войне [James, 1975, p. 355–357].

Эта идея Джемса сохраняет свое значение и в настоящее время. Известный философ и психолог Э. Фромм писал по этому поводу: «Как, однако, прискорбно, что в нашей цивилизации не мирная жизнь, а скорее война и страдания мобилизуют готовность человека жертвовать собой; периоды мира, по-видимому, способствуют главным образом развитию эгоизма» [Фромм, 1990, с. 108–109].

К. Сутер обращает внимание на то, что с повышением материального уровня жизни у молодежи появилось больше свободного времени, больше денег на личные расходы, ослаб родительский надзор (поскольку оба родителя часто заняты на работе, которой они дорожат и которая обеспечивает соответствующий уровень жизни); молодежь стала больше времени проводить у телеэкрана, поглощая различные программы, так или иначе пропагандирующие насилие, и у них нет никаких проблем и никаких препятствий. Война, насилие, преступления представляют собой волнующие альтернативы скуке. В других странах дело не столько в скуке, сколько в отсутствии ясной цели и утрате веры в будущее. В проводимых в Южной Африке исследованиях по проблеме обучения молодежи мерам борьбы со СПИДом отмечается, что, для того чтобы добиться от «детей улицы» безопасной манеры поведения, их нужно сначала убедить, что их жизнь заслуживает того, чтобы ее беречь [Сутер, 1997, с. 286–287]. Аналогичную проблему затрагивал югославский писатель Булатович, который обращал внимание на то обстоятельство, что в мирный период времени эгоизм и хищность людей уничтожают не только героические, но и простые человеческие стремления к сотрудничеству и общности.

По мнению польского журналиста Б. Суходольского, осуждая войну с моральной точки зрения, вместе с тем нельзя отрицать, что с ней связаны такие важные и благородные человеческие качества, как жертвенность, героизм, смелость, сотрудничество. Причем нет уверенности в том, что эти качества будут сохранены в эпоху мира, когда условия полной безопасности могут способствовать развитию эгоистических тенденций. И в этом плане, полагает он, спорт может занять важное место в воспитательных программах, которые призваны решить эту проблему, выступая как средство воспитания таких личностных качеств, как собранность, организованность, упорство в достижении поставленной цели, способность к многолетней систематической работе по самосовершенствованию, умение побеждать и проигрывать, не теряя своего достоинства и веры в будущий успех [Суходольский, 1987].

4. Спорт (особенно спорт высших достижений) способен выполнять важную **познавательную функцию**. На тренировках и соревнованиях организм подвергается воздействию разнообразных факторов, попадает в различные условия и открывает человеку свои «тайны». Все дело в том, что «механизм» и законы функционирования организма человека, как показывают исследования ученых, наиболее отчетливо и полно проявляются именно в условиях предельного напряжения человеческих сил и способностей. Известный физиолог Н.А. Бернштейн отмечал, например, что наиболее интересные факты для изуче-

ния вопроса управления движениями у человека можно получить лишь в условиях максимальных нервно-мышечных напряжений.

Стремление к победе и установлению спортивных рекордов постоянно подталкивает тренеров, ученых, самих спортсменов использовать полученные знания для отыскания таких эффективных путей, средств, методов воздействия на организм человека, которые позволяют изменять его в нужном направлении, обеспечивают его оптимальное функционирование. Поэтому спорт может быть важным инструментом познания не только закономерностей функционирования, но и закономерностей управления человеческим организмом для его совершенствования в том или ином направлении. Он позволяет выяснить, чего можно достичь, используя определенные средства для совершенствования тех или иных качеств и способностей.

5. В спортивной деятельности, во всех ее формах и видах, заложены огромные возможности для *эстетического* воздействия на человека, для формирования *эстетической культуры* личности, способности воспринимать, чувствовать и правильно понимать прекрасное, действовать «по законам красоты». Этот потенциал спорта определяется тем, что спортивная деятельность – сфера, в которой возможно проявление всех основных эстетических ценностей.

К их числу прежде всего относится *красота (прекрасное)*.

Существует мнение о том, что вопрос о красоте в сфере спорта решается значительно проще, нежели в других сферах человеческой жизни. Такое мнение (применительно к футболу) высказывает, например, Й. Черны в своей работе «Футбол как игра» [Černý, 1968]. Область общедоступной и доходчивой красоты в XX в., указывает он, значительно расширила свои границы. Промышленность товаров широкого потребления ежедневно наводняет рынок серийной продукцией. Даже культура как область, которая формирует отношение человека к прекрасному, стала неким специфическим инструментом, с помощью которого орудующие в ней дельцы, имея в своих руках конвейер музыкальной продукции, шлягеры, фантастические тиражи «легкого чтения», карманные издания, содержащие как учение об абстрактном искусстве, так и пошлейшие «душещипательные» истории, а также используя огромный выпуск единой по стилю мебели и формируя моду на обычные предметы быта, могут манипулировать с мнением, настроением и эстетическими вкусами различных слоев человеческого общества. С другой стороны, культура легко доступных и совершенных в типографском отношении дешевых карманных изданий, содержащих разнообразнейшую научную и художественную литературу, доступность технически совершенных грампластинок, магнитофонов, массовый показ по телевидению классических и современных произведений, спектаклей и фильмов, прямые радиотрансляции из театров и концертных залов, огромные тиражи высококачественных репродукций – все это помогает даже людям без высшего образования неизмеримо расширить кругозор своего восприятия и понимания прекрасного. В некоторых странах эстетически и технически совершенная архитектура настолько глубоко вошла в саму жизнь человека, т.е. в его дом и быт, что стала подсознательно нормативным мерилем вкуса и понимания целого поколения по отношению к другим вещам, стала одним из популярных и общепризнанных эстетических показателей для человека XX в. Посредством них в новый тип эстетического восприятия вошли и некоторые важные моменты современного изобразительного искусства. Современный человек, даже если он не имеет специального образования, не прошел курс специальной подготовки и не слишком интересуется проблемой красоты в искусстве, понимает и принимает за свое то, что никогда бы не смог принять человек XIX в., хотя идеалы красоты на протяжении веков остаются неизменными. «Выразительный цвет чистых красок, композиция и упрощенные формы в живописи, краткость и метафоричность выражений, отказ от единой перспективы и переход на многообразие перспектив – все это представляет собой элементы, которые своими эстетическими функциями обогатили не только эстетический, но и чувственный и интеллектуальный мир современного человека». И тем не менее, пишет Й. Черны, если спросить человека, который всю неделю работал – либо у станка, либо в поле (и который при этом живет в современном доме со всеми удобствами, с приличной обстановкой, с хорошими репродукциями картин, к которым он относится с любовью и которые при этом не являются безвкусицей), в чем, по его мнению, заключается красота вещей, которую он подсознательно для себя открыл, он не в состоянии будет ответить на этот вопрос. Хотя будет видно, что дом, сад, форма аппаратуры, керамика в бытовых помещениях, картины на стенах красивы или даже прекрасны, он не

сможет точно указать, почему и в чем заключается их красота. Это и понятно. Хотя можно и воспринимать прекрасное, но для словесного определения красоты вещи, человеческих взаимоотношений, как правило, необходимо образование, богатый жизненный опыт, определенный интеллектуальный и эмоциональный уровень.

Но вот красота футбольной игры, считает Й. Черны, – это нечто, что является общедоступным, понятным. Все ее участники, игроки и зрители, специалисты-комментаторы наравне с совсем простыми и неквалифицированными наблюдателями могут вслух высказывать о ней свое абсолютно искреннее и правдивое суждение. Все будут точно знать (в отличие от своего восприятия красоты в искусстве), в чем именно заключается красота игры. «Удивительно, но мнение тысяч и тысяч зрителей, посещающих большие спортивные состязания, по данному вопросу окажется гораздо более единодушным, чем по вопросу красоты или уродливости в какой-либо другой области» [Černý, 1968, p. 71–75].

Хотя с этим выводом И. Черны и можно согласиться, но, наверное, важно различать *обыденное* и *научно обоснованное* мнение о красоте (в том числе в спорте) и ее показателях.

Среди исследователей по данному вопросу высказываются различные точки зрения [их обсуждение см., например, в: Лоу, 1984; Сараф, 1978, 1981; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, Сараф, 1982; Френкин, 1963; Bok, 1984; Elliot, 1974; Readings... 1974; Serbus, Hohler, 1974; Takacz, 1973, 1974, 1981; Witt, 1982]. Это связано с тем, что оценка явлений действительности, в том числе спорта, с точки зрения их красоты имеет сложный характер. Со временем меняются взгляды на идеал красоты, особенно физической [см.: Уткин, 1984; Fetters, 1982]. Во многом такая оценка зависит от субъективного фактора. То, что красиво для специалиста в данной области, может быть некрасиво для широкого круга зрителей. В то же время и среди самих специалистов, равно как и среди зрителей, существуют различия в эстетической оценке какого-либо явления. В основе этих различий лежат многие факторы – индивидуальный, присущий данному конкретному человеку опыт, его интересы, потребности и даже национальные особенности. Так, английский болельщик, безусловно, оценивает красоту в футболе иначе, чем бразильский или итальянский.

Однако из этого не следует, что всякую эстетическую оценку явления как красивого или безобразного следует рассматривать как *субъективную*, т.е. зависящую лишь от интересов и вкусов человека. Существуют и определенные *объективные* особенности предметов и явлений, их формы, которые принимаются во внимание в ходе такой их эстетической оценки.

Чаще всего красоту (прекрасное) связывают с *гармонией* [от греч. harmonia – связь, стройность, соразмерность], под которой понимается стройное сочетание, согласованность, слаженность, взаимное соответствие разных качеств, предметов, явлений, частей целого. Иногда для этой цели используют и другие аналогичные понятия: мера и соразмерность; целостность; идеальное соотношение частей в целом; симметрия, пропорциональность; «золотое сечение» и др., которые означают то же самое, что и понятие «гармония», или же имеют в виду конкретные случаи гармонии. Вот как, например, характеризуется красота футбола и спорта в целом: «Если мы хотим показать, что спорту присущи эстетические ценности, которые можно сравнить с эстетическими ценностями искусства, то следует выделить такие его особенности, как быстрота, грация, плавность, ритм и энергия, качества, которые в различных сочетаниях друг с другом составляют красоту. В футболе красота проявляется в быстрых и ритмичных движениях, связанных с передачей мяча, при условии, что эти движения оправданы необходимостью, и тогда, когда игрок принимает мяч в ноги и передает его как бы одним плавным движением и мяч идет именно туда, куда нужно, и тогда, когда игрок в прыжке настигает мяч и головой посылает его в ворота, как будто не изменяя ни его направления, ни скорости. Во всех этих случаях налицо не только мастерство, но и плавность, и энергичность, и все то, что определяет эстетические достоинства геометрической формы или рисунка. В последнем случае, например, мы отмечаем траекторию полета мяча, направление движения футболиста и их результирующую – направление полета мяча в сетку ворот» [Elliot, 1974, p. 112].

Однако при определении красоты (прекрасного) как главной ценности, которая рождается в ходе эстетической оценки какого-либо явления, следует, по-видимому, учитывать, что когда дается такая оценка, внимание человека направляется прежде всего на *форму* предмета. Под формой предмета имеется в виду не только его внешний вид, простое «оформление» предмета, но прежде всего связь, организация его элементов, обеспе-

чивающая выполнение им определенных функций. При оценке же самой формы предмета в первую очередь речь идет о ее совершенстве и выразительности. К числу признаков, характеризующих эти особенности формы предмета, в первую очередь можно отнести такие отмеченные выше качества, как гармония, пропорциональность, ритм и т.п. Но главным при оценке формы какого-либо предмета как совершенной и выразительной является не просто пропорциональность, гармоничность или ритм, а их *соответствие функциональному назначению данного предмета*. Эстетически значимой, как правило, является совершенная форма, которая наилучшим способом выражает содержание, способствует эффективному выполнению определенных функций предмета, т.е. «функционально оправданная форма» [Сараф, Столяров, 1984]. Нельзя не вспомнить в связи с этим высказывание Ле Корбюзье о том, что «вещь, продуманная в целом, должна быть эстетической, иначе что-то не в порядке».

Значит, невозможно судить о красоте по каким-то признакам формы в ее отвлечении от содержания, от того, для реализации каких функций она сформирована. *Красота (прекрасное)* – это совершенная, функционально оправданная форма предмета, которая наилучшим способом выражает содержание: способствует эффективному выполнению им определенных функций, имеющих позитивное личностное и социальное значение.

В этом плане, например, высокое техническое мастерство спортсмена является важным, но не единственным условием эстетической оценки его действий. Для того, чтобы можно было говорить о красоте этих действий, их обязательно необходимо сопоставить с теми задачами, для решения которых они предпринимались. Техническое мастерство в действиях спортсмена должно быть неразрывно связано с их целесообразностью. В противном случае нарушается важный эстетический принцип единства формы и содержания и получается не «красивая игра», а «игра на красоту» [Сараф, Столяров, 1984; Столяров, Сараф, 1982; Černý, 1968]. Немецкий ученый Г. Витт пишет по данному вопросу в своей книге «Эстетика спорта»: «Красивой игрой обычно называют игру, когда оптимально осуществлена игровая идея с полным развитием взаимодействия и противодействия, когда найден ритм игры, подчиненный цели, тактические варианты принесли успех, показаны оригинальные «новинки» при использовании «стандартных ситуаций», когда актеры демонстрировали игровой юмор, когда на основе хорошей подготовки и техники велась богатая на борьбу и честная игра, когда в ворота забивались зрелищные голы, когда игра приносила неожиданные обороты, когда подтвердилось ожидаемое напряжение борьбы за место в таблице или за кубок» [Witt, 1982, s. 35].

Выше были отмечены некоторые самые общие характеристики красоты как эстетической ценности, проявляющей себя и в спорте. Конкретное проявление прекрасного в спорте зависит от специфики вида спорта, целей и условий соревновательной борьбы. Еще Сократ говорил: «...на человека, прекрасного в беге, клянусь Зевсом, не похож другой, прекрасный в борьбе... часто что прекрасно для бега, безобразно для борьбы, а то, что прекрасно для борьбы, безобразно для бега» [Античная литература... 1935, с. 117].

В подтверждение этих слов можно сослаться, например, на то, что такая традиционно выделяемая в научной литературе форма проявления прекрасного, как тело спортсмена, его физическая красота, имеет не очень большое значение в игровых видах спорта. Безусловно, например, фигура футболиста сама по себе в силу своей красоты может вызывать у зрителя определенные эстетические эмоции. Но она не имеет отношения к специфике футбола как вида спорта. В истории футбола можно найти немало примеров, когда люди, не отличавшиеся физической красотой и даже, напротив, имевшие значительные физические недостатки, благодаря своему мастерству доставляли зрителям эстетическое наслаждение. Вспомним выдающегося бразильского футболиста Гарринчу. Несмотря на существенный физический недостаток (одна нога у него была короче другой), он демонстрировал игру, которая своей красотой привлекала на стадион сотни тысяч болельщиков.

В научной литературе широко распространена точка зрения, согласно которой важнейшим проявлением красоты в спорте являются движения спортсмена. Еще Ф. Бэкон писал: «В деле красоты отдают предпочтение красивым формам перед красивым цветом и красоте движений лица и всего тела — даже перед красотой форм». Этот взгляд, безусловно, справедлив прежде всего по отношению к таким видам спорта, как легкая атлетика, плавание и т.п. Применительно к игровым видам спорта он нуждается в определенной коррекции.

Главным содержанием игровых видов спорта является борьба двух команд, имеющих в своем составе по несколько спортсменов. Характерной чертой этой борьбы для большинства игровых видов спорта является непосредственное физическое противостояние соперников. В связи с этим здесь можно рассматривать красоту действий отдельных спортсменов, той или другой команды, а также красоту игры в целом. Эти объекты рассмотрения, в свою очередь, могут быть разделены на составляющие элементы. Так, в действиях спортсмена может быть выделена физическая и интеллектуальная активность, которые находят свое проявление в техническом и тактическом мастерстве. Весьма односторонне было бы связывать красоту спорта только с действиями спортсменов и потому, что она проявляется во всей совокупности спортивных отношений: в деятельности тренера, спортивных организаций, когда содержание их деятельности направлено на действительное обеспечение оптимальных условий для раскрытия в спорте творческих потенций человека.

С понятием прекрасного тесно связано понятие *возвышенного*. Нередко эту эстетическую категорию связывают с такими явлениями, событиями, процессами, которые обладают большой общественной значимостью, оказывают влияние на жизнь людей, на судьбы человечества. По мнению автора данной работы, более правильным представляется подход, связывающий возвышенное не столько с огромными по своим масштабам явлениями, сколько с нравственно-эстетическим отношением человека к ним, а также к себе в исключительно сложных ситуациях.

Такого рода явления широко представлены в сфере спорта. Причем здесь особенно ярко проявляется глубокое взаимопроникновение прекрасного и возвышенного. Это не раз отмечали многие известные спортсмены, описывая те чувства, которые они испытывали, стоя на верхней ступени пьедестала почета. Вместе с тем надо учитывать, что прекрасное не всегда сочетается с возвышенным. Например, давая высокую эстетическую оценку игре футболиста с точки зрения проявленного им технического мастерства, необязательно это связывать с какими-то проявлениями возвышенного.

Отличительная особенность возвышенных явлений состоит в том, что они связаны с определенными общественными идеалами, отражают силу характера человека, его нравственное величие, могущество духа. Такие проявления возвышенного весьма характерны для спорта высших достижений, в котором человеку необходим громадный запас духовных сил, помогающий ему преодолевать физические страдания, боль, и который, как отмечает М.Я. Сараф, являет собой пример «сверхчеловеческого» в человеке.

С прекрасным и возвышенным в спорте самым тесным образом связаны и проявления *героического* [Duret, Wolff, 1994; Swierczewski, 1978]. Героический поступок требует от человека мобилизации всех сил, напряжения воли, ума, проявления мужества и храбрости. Героическое в спортивной поединке может принять форму кратковременной вспышки всех физических и духовных способностей человека, а может потребовать и длительного напряжения, великого усилия воли, ума и сердца. В первом случае хрестоматийным примером героического является поступок Николая Тищенко, который в ответственный футбольном матче на Олимпийских играх в Мельбурне (1956 г.), получив тяжелейшую травму (перелом ключицы), тем не менее доиграл матч до конца и даже стал участником комбинации, в результате которой сборная СССР забила победный гол. Ярким примером длительного героизма может служить жизнь в спорте Л. Яшина, В. Третьяка и многих других выдающихся спортсменов.

Одной из форм проявления эстетического является также *трагическое*. Эта эстетическая категория характеризует определенный социальный конфликт, развертывающийся в процессе свободного действия человека и сопровождающийся человеческим страданием и крушением важных для человека ценностей.

Применение данной категории в таком ее понимании в спорте во многом условно. В реальной жизни соревнования, борьба нередко заканчиваются трагически, по крайней мере для одной из соперничающих сторон. А спорт, как обосновано выше, возникает, формируется и развивается как гуманная модель соревновательных ситуаций реальной жизни. «Спортивная» модель соревнования призвана по возможности обезопасить участников соревнования от негативных последствий. В этом смысле в спорте нет объективных оснований для трагических ситуаций. И не случайно, например, в игровых видах спорта, для которых характерно богатое конфликтами противостояние, высокодраматическая борьба, в конце состязания предусматриваются, как правило, гуманные жесты примирения с со-

перником, уважения к нему. Они устраняют (как минимум смягчают) трагический аспект спортивной борьбы. Другое дело, что при определенных условиях судьба какого-либо спортсмена может сложиться трагически [Жеу, 1972].

Если трагическая ситуация в целом нетипична для спорта, то для проявления другого эстетического явления – *комического* здесь имеются широкие возможности. Чаще всего оно проявляется в таких формах, как *юмор* и *ирония* [Серну, 1968; Сирак, 1980 а, б; Snyder, 1991]. Различного рода финты, обманные движения, остроумный обыгрыш нередко ставят соперника в смешное положение. Иногда высококлассные игроки специально используют эти приемы, чтобы в иронической форме подчеркнуть свое превосходство над противником и вывести его из психологического равновесия. Тем самым комическое может содействовать достижению победы. Зрители обычно подмечают и ценят такие комические ситуации, бурно реагируют на них, что, в свою очередь, является дополнительным стимулом для игроков в создании таких ситуаций. В наибольшей степени эта черта характерна, например, для южноамериканских футболистов или американских баскетболистов, которые стремятся позабавить публику различными трюками. Для спортсмена важно, однако, обладать чувством юмора, но не превращать комическое в самоцель. Комическая ситуация в спорте может возникнуть и в результате несоответствия между целью действия и его выполнением. Типичным примером может служить ситуация, когда футболист неловко, неуклюже выполняет какой-нибудь технический прием или из выгодной позиции не попадает в ворота.

В отдельных случаях комическая сторона приобретает форму *сатиры*. Это бывает, когда спорт превращается в фарс, когда действительная спортивная борьба в корыстных целях подменяется разыгрыванием заранее обусловленного результата (примером такого фарса может служить скандально известный футбольный матч чемпионата мира 1982 г. в Испании между сборной ФРГ и Австрии). Комическое здесь нередко смыкается с безобразным и вызывает сарказм и сатирическое, отрицательное отношение. Грозным оружием против такого рода явлений в спорте является искусство в различных жанрах (карикатуры, шаржи, фельетоны и т.д.).

Таким образом, спорт действительно предоставляет огромные возможности самим спортсменам и зрителям *для созерцания разнообразных эстетических ценностей, для наслаждения ими*. В этом отношении спорт не только не уступает другим сферам жизнедеятельности, но порой и превосходит их. Особенно яркими и выразительными в этом плане являются спортивные праздники и парады.

При характеристике мира возможных эстетических явлений спорта важно учитывать и то обстоятельство, что в спорте в разнообразных формах может выступать *эстетическая деятельность*: по формированию прекрасного человека (с точки зрения физического совершенства, морально-волевых и других духовных качеств), как деятельность, направленная на эстетическое преобразование предметной среды спорта и т.д. Поэтому в спорте человек может не ограничиваться созерцанием эстетических ценностей, но и приобщаться к самой эстетической деятельности, в ходе которой они создаются.

Для понимания эстетического потенциала спорта важное значение имеет обоснованное в последние годы положение о том, что красота доступна восприятию не только в аудиовизуальной форме. К примеру, в процессе пения не только музыка является причиной возникновения чувства радости, но и то возбужденное состояние, которое формируется в процессе повышения интенсивности деятельности гортани. Нечто аналогичное имеет место и в спорте. В спорте высших достижений, как известно, достигается совершенство в выполнении спортивных движений. С образованием совершенного навыка, как отмечают специалисты, у спортсменов возникает своеобразное комплексное ощущение, которое является результатом тончайших дифференцировок и синтеза показаний всех анализаторов. В плавании это ощущение называется «чувством воды», при беге на коньках – «чувством льда» и т.д. Комплексные ощущения такого рода отмечаются и в специальной литературе по игровым видам спорта. «Одной из сторон технического мастерства футболиста, – пишет, например, Г. М. Гагаева, – является совершенное владение мячом, т.е. наличие у него очень тонкого сложного специализированного восприятия особенностей мяча и его полета, расстояний до него, своих движений с мячом. Это специализированное комплексное восприятие принято условно называть «чувством мяча» [Гагаева, 1969, с. 43].

Некоторые ученые [Визитей, 1982; Takacz, 1973, 1974, 1981; Witt, 1982 и др.] относят эти специализированные, интегральные ощущения спортсменов к разряду эстетических.

При этом подчеркивается, что необходимым условием формирования такого чувства является не только факт мышечной активности, но еще ряд условий: двигательное действие должно быть высоко автоматизированным; человек, осуществляющий это действие, должен стремиться достичь в нем максимального эффекта и потому не «загружать» сознание чем-то внешним, посторонним, а быть сосредоточенным на самом действии [Визитей, 1982, с. 130]. Однако вряд ли правомерно рассматривать как эстетические чувство мышечного удовольствия или совокупность различного рода гедонистических чувств и переживаний, возникающих в процессе спортивной деятельности. Другое дело, что на их основе у спортсмена действительно могут быть сформированы эстетические чувства и переживания [Сараф, 1978, 1981; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, Сараф, 1984].

Эстетические эмоции и переживания в спорте во многом определяются его игровым характером. Игра всегда предельно насыщена в эмоциональном отношении. Она, как правило, связана не только с установившимися правилами, но и с выдумкой, изобретательностью, с творческим началом, непосредственно выражающим индивидуальные способности игроков. Все это определяет широкий диапазон эстетических переживаний, связанных с игровой деятельностью, а значит, и спортом.

Как подчеркивают исследователи творчества, наиболее ярко оно проявляется там, «где перейдена грань стандарта, механичности, где разорваны пути обычного, где возникает неукротимое стремление к совершенству и целесообразности» [Кудин, 1973, с. 38]. В спортивной деятельности заложены огромные возможности для творческого проявления сил и способностей человека, для выхода за привычные рамки, скажем, в определении тактики или стратегии спортивного поединка, в организации и проведении учебно-тренировочных занятий и т.д. [Brown, Gayner, 1967; Kopp, 1975]. Необходимость творческого принятия решений в сложных состязательных ситуациях создает условия для формирования и развития *творческих* способностей человека, чем определяется способность спорта выполнять *эвристическую функцию*. Вместе с тем наличие условий для проявления творческих способностей – один из главных источников возникновения эстетического наслаждения от процесса спортивной деятельности.

Возможность поиска и применения новых, нестандартных, оригинальных приемов и решений имеется во всех видах спорта, особенно игровых. Например, в футболе большое пространство игрового поля, большое количество игроков, отсутствие временных ограничений на владение мячом, возможность выполнения технических приемов любой частью тела, кроме рук, и т.д. предоставляют спортсменам широкие возможности для выбора и применения самых разнообразных технико-тактических действий. Успех сопутствует тому, кто способен на действительно творческие действия.

В спорте (особенно спорте высших достижений) спортсмен действует в присутствии других людей, которые наблюдают за ним. В этом плане деятельность спортсмена схожа с игрой актера, поскольку он стремится «найти контакт» с публикой, получить ее поддержку, почувствовать ее взволнованность. Этот «контакт с публикой» является одним из главных источников эстетических переживаний спортсмена.

Важный источник эстетических переживаний в спорте – и сам накал спортивной борьбы за достижение победы. Эта борьба вызывает у спортсменов различные эмоции и переживания, которые достаточно подробно проанализированы и описаны психологами спорта. О.А. Черникова выделяет, например, такие эмоции спортивной борьбы: эмоции предстартовых состояний, спортивное увлечение, спортивный азарт, боевое воодушевление, «спортивная злость» и др. [Черникова, 1975, с. 192]. Некоторые из этих эмоций, такие, например, как «боевое воодушевление», «спортивное увлечение», вызывающие у человека радость, состояние вдохновения, весьма близки к эстетическим переживаниям, хотя и не тождественны полностью с ними [Визитей, 1982]. В состоянии «спортивного увлечения» спортсмен перестает замечать окружающие явления, не имеющие непосредственного отношения к ведению спортивной борьбы. Увлеченный игрой, он не слышит реакции публики, шума на трибунах, окликов товарищей. В этот момент вся его деятельность мобилизуется на выполнение требуемой в данной ситуации игровой деятельности. Эта деятельность доставляет спортсмену большое удовлетворение, и чувства, которые он испытывает в этот момент, во многом сходны с эстетическим.

Чувство прекрасного, возвышенного может вызвать не только процесс спортивной борьбы, но и ее результат, победа, особенно если спортсмен осознает их не только личную, но и социальную значимость. Вообще наличие истинной коллективности в значи-



тельной степени содействует эстетизации переживаний, возникающих у людей в процессе их совместной деятельности и как реакция на ее успешный результат [Визитей, 1982, с. 149]. Это в полной мере относится и к спорту, особенно к игровым видам спорта, где деятельность, как правило, носит коллективный характер.

Одной из характерных черт восприятия любого вида зрелищного искусства является эффект *соучастия, сопереживания* и сотворчества зрителя [Ратнер, 1980, с. 136]. Этот эффект, как правило, характерен для спортивного зрелища и во многом объясняет эстетические переживания зрителей и, в частности, их способность воспринимать движения спортсменов как полные смысла и красоты [Kovich, 1971].

В основе чувства сопереживания и сопричастности в спорте лежит аналогичное действие психофизиологических механизмов участников соревнований и зрителей, а также психологическое отождествление зрителя со спортсменом. Зритель как бы ставит себя на место спортсмена и сопереживает с ним все перипетии спортивного состязания. Это чувство «сопереживания» способно духовно возвысить человека, заставить его почувствовать себя свободнее. У зрителя может возникнуть состояние, близкое к катарсису, когда человек преодолевает обыденные, узкоутилитарные интересы и живет интересами социальной общности, поднимаясь к прекрасному и возвышенному (в связи с этим уместно вспомнить известное замечание Маркса о том, что «видя бесстрашного акробата ... мы забываем о себе, чувствуем, что мы как бы возвышаемся над собой ... и дышим свободнее» [Маркс, Энгельс, 1956, с. 169].

Важное место в мире эстетических явлений спорта занимают его «*декоративные аспекты*» – эстетическое оформление спортивных площадок, снарядов, спортивной атрибутики, костюмов спортсменов и т.д. [подробнее см.: Самаранч, 1997; Сараф, 1978; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, Сараф, 1982; Coubertin, 1934 b; Daume, 1981 и др.].

Таким образом, мир эстетических явлений спорта необычайно богат. Этот мир создает огромные возможности для эстетического развития личности. Наблюдение за спортивным зрелищем, обладающим эстетическими качествами, занятия спортом и связанное с этим не только созерцание его эстетических ценностей, но и активное, творческое участие в разнообразных формах деятельности по их созданию – все это создает богатые возможности для приобщения человека к миру прекрасного, для развития у него эстетических способностей во всем многообразии их проявлений: от способности чувствовать и переживать красоту, наслаждаться ею и правильно оценивать прекрасное до способности творить и действовать по законам красоты и высокой нравственности.

**6. Красота (прекрасные действия и поступки)** неразрывно связаны с высокой нравственностью. Это осознавали еще древние греки. Напомним, что у них понятие «калокагатии» является синонимом одновременно и «доброты», и «прекрасного» (греческое слово *kalokagathia* от *kalos* – прекрасный и *agathos* – добрый). Для Платона добро как гармония телесного и духовного, внутреннего и внешнего обладает эстетическим содержанием, а красота, в свою очередь, означая ответственность или соразмерность частей, применительно к какой-нибудь цели мыслится как полнота, завершение и воплощение добра. Согласно Платону, не может быть красоты без нравственного содержания. Смысл платоновской калокагатии как раз и заключается в признании нерасторжимого внутреннего единства этического и эстетического [Лосев, 1960, с. 457-460; Толстых, 1973, с. 44-45]. На это обращал внимание еще Жан Жак Руссо: «Я всегда думал, – писал он, – что добро – это прекрасное, воплощенное в действие, что они тесно связаны и в совершенной человеческой природе питаются из одного и того же источника». Он считал, что люди, чувствительные к добру, по необходимости должны быть чувствительными и к прекрасному во всех его проявлениях: «Если прелесть добродетели глубоко трогает души, они должны в равной степени быть чувствительными и ко всем другим родам красоты» [Руссо, 1961, с. 37].

Неразрывную связь прекрасных действий и поступков с высокой нравственностью крайне важно учитывать и при оценке проявлений красоты в спорте [Атанасов, 1977; Сараф, 1981; Сараф, Столяров, 1984; Столяров 1998 г; Столяров, Сараф, 1982; Френкин, 1963 и др.]. В условиях жесткого противоборства, большого эмоционального напряжения и т.д. в спорте нередки проявления грубости, невыдержанности, т.е. эстетически неоправданного поведения или, иными словами, антипода прекрасного – безобразного.

В спортивной деятельности заключен огромный *нравственный потенциал*: она создает богатые возможности для приобщения человека к ценностям нравственной культу-

ры, к нормам и принципам нравственности, морали [Кубертен, 2000; Нравственный потенциал... 1989; Heinilä, 1974 и др.].

Для правильного понимания этих возможностей прежде всего важно учитывать, что спорт – это такая сфера, где этим нормам и принципам принадлежит важная роль. Эту особенность спорта определяет ряд причин.

*Первая* причина состоит в том, что спортивная деятельность может привлекать людей для реализации различных целей, удовлетворения различных потребностей. Это может быть «радость от физического усилия», стремление к победе, любовь к спорту, спортивный азарт, стремление к славе и общественному признанию, к материальной выгоде, демонстрация своих выдающихся физических способностей, мужских качеств, агрессивности и т.д. Для достижения этих целей, удовлетворения указанных потребностей могут использоваться различные средства. Поэтому должны быть нормы, которые определяют допустимые и недопустимые цели и средства их достижения. Важное место среди них принадлежит нравственным нормам.

*Вторая* причина – спорт – это сфера соревновательной деятельности, а в ситуациях соревнования, в конкурентной борьбе, когда часто возникают различные конфликты, особенно важны общие и справедливые правила, нормы поведения, общие соглашения относительно допустимых способов действия в достижении победы. Как отмечает К. Хейниля, только с помощью официальных правил не представляется возможным в достаточной степени управлять всеми конфликтными ситуациями реального спортивного состязания или даже спортивной тренировки. Именно неписанные нравственные нормы «спортивной чести», «спортивного благородства» («sportsmanship») и принципы Фэйр Плэй («честной, справедливой игры») определяют правильное поведение в различных непредсказуемых ситуациях спортивного соревнования. Вместо того, чтобы описывать всевозможные конкретные ситуации, которые могут возникнуть во время спортивного состязания, нравственные нормы и правила содействуют тому, чтобы соревнование не превратилось в «игру без правил» [Heinilä, 1974, p. 8].

*Третья* причина связана с тем социокультурным предназначением спорта, о котором речь шла выше, – создать такую игровую модель соперничества, которая была бы более гуманной по сравнению с соревновательными ситуациями обычной жизни. Это определяет две важных особенности спорта.

Во-первых, нравственным нормам и ценностям принадлежит важная роль в том, чтобы спортивное соперничество действительно было гуманным, чтобы в спорте не обладала «мораль джунглей», вследствие чего и сам он прекратит свое существование [Heinilä, 1974, p. 4]. В частности, наряду с официальными правилами соревнований нравственные нормы и ценности ориентируют спортсменов на недопустимость таких действий и методов ведения борьбы, которые представляют слишком большую опасность для здоровья спортсмена.

В современном спорте крайне высок накал борьбы за победу в соревновании. Спортивная этика в противовес этому выдвигает на первый план чувство дружбы между спортсменами, чувство самоконтроля и т.п. «Побеждая или проигрывая спортивное соревнование, – говорится в рекомендациях Международной федерации футбола, – нужно проявлять скромность в победе и хладнокровие в поражении, т.е. нужно уважать себя и уважать своих соперников. Именно великодушие по отношению к своим противникам может создать теплую атмосферу в отношениях между спортсменами». «Уважение по отношению к своим противникам представляет собой основную черту спортивных правил, как писаных, так и неписаных. Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах противника нельзя рассматривать в качестве врага. Его нужно рассматривать только как необходимого партнера по игре, которая доставляет удовольствие обеим сторонам и помогает повысить общие стандарты благосостояния в результате развития спорта» [цит. по: Heinilä, 1974, p. 7]. Тем самым нравственные нормы и принципы сглаживают серьезные проблемы, которые возникают между людьми в процессе спортивного состязания.

Важная роль этических норм в спорте состоит и в том, что они обеспечивают его общественное признание спорта и содействуют развитию в направлении гуманистических идеалов и ценностей. «Спорт, – указывал генеральный директор ЮНЕСКО Рене Мэйо, – может развиваться либо по гуманистическому пути, помогать становлению характера и улучшать здоровье людей, либо по пути шовинизма и даже расизма, когда один человек наносит вред другому человеку в целях одержать победу любыми средствами... Но точно

так же как ни одно спортивное состязание нельзя провести без желания одержать победу, так и ни одно из них не может проводиться без соблюдения определенных правил и этических норм. Это именно те правила, которые управляют спортивным состязанием, и те этические нормы, которые отличают истинно спортивное состязание от дикости и ужасов борьбы за существование или войны» [Maheo, 1963, p. 8].

Как отмечается в «Манифесте о спорте» Международного Совета физического воспитания и спорта, «...спортсмены должны вести борьбу в духе сдерживания, истины, дружбы и справедливости, которые придают спортивной борьбе человеческие и гуманистические качества и которые являются основной причиной быстрого роста популярности спортивных соревнований» [Цит. по: Heinilä, 1974, p. 6].

Значит, принципы и нормы спортивной этики призваны содействовать сохранению и развитию гуманистических ценностей спорта, защите их от коммерческих и политических влияний. «Как и во всех областях человеческой деятельности, в спорте возникает реальная угроза того, что из-за слишком большого значения, которое придается в современном мире достижению успеха любыми средствами, постепенно теряются основные ценности спорта как такового, – отмечается в документе Международной федерации футбола. – Благодаря своей огромной популярности спорт используется в политических, идеологических и коммерческих целях, в результате чего возникает реальная угроза потери спортом своих истинных ценностей. Спортивное состязание уже не становится во всех случаях рыцарским соревнованием, а часто становится безжалостной борьбой, в которой на первый план выдвигаются такие вопросы, как престиж, популярность и деньги... Весь дух спортивного состязания разрушают шовинизм, национализм, расизм и коммерческие интересы» [Цит. по: Heinilä, 1974, p. 10]. «Если бы в силу какого-то катастрофического обстоятельства принцип честной игры исчез из спортивного мира, соревнование стали бы местами лжи, обмана и грубости. Спорт из строителя человеческих отношений превратился бы в их разрушителя и, таким образом, потерял бы главный смысл своего существования» [Манифест о спорте, 1971, с. 31]. «Таким образом, принципы честной игры – это то, что не только придает спорту благородство, но и создает условия для его выживания в тяжелых условиях современной жизни» [Французский комитет сторонников Фэйр Плэй. Цит. по: Heinilä, 1974, p. 4.].

Во-вторых, речь идет о том, что спорт как *гуманная* игровая модель соревновательных ситуаций реальной жизни по отношению к этой жизни и ее различным сферам должен служить *образцом* проявления нравственных норм и принципов. В этом смысле вряд ли можно согласиться с положением о том, что «спорт можно рассматривать просто как одну из областей деятельности человека, где добро и зло смешиваются в определенных пропорциях: грубое и мягкое поведение, честность и бесчестность, справедливость и обман, достоинство и неуважение и т.д.» [Heinilä, 1974, p. 51].

Но спорт не только сфера, в которой крайне важно соблюдать нравственные нормы и принципы. Спортивная деятельность *создает условия для формирования и развития* нравственного сознания, нравственных убеждений и отношений, нравственного поведения, нравственной культуры в целом. Речь идет о том, что жесткое соперничество в спорте постоянно приводит к возникновению моральных конфликтов, т.е. таких ситуаций, когда субъект деятельности поставлен перед необходимостью сделать выбор одной из двух взаимно исключаящих форм поведения, лишь одна из которых соответствует нормам нравственности [Анисимов, 1985, с. 89]. В процессе соревнований спортсменов обычно оказывается в таких условиях, когда он, находясь в крайней степени эмоционального напряжения, должен осуществить нравственный выбор: оказать или не оказать необходимую помощь товарищу или сопернику, довести или не довести борьбу до конца, если личный результат уже не будет высоким, пожертвовать или не пожертвовать личным успехом ради успеха команды и т.п. Естественным для спортсмена признается состояние «спортивной злости», когда он злится на соперника не из-за личных антипатий, а желая победить его. Но эта злость может перерасти и в неприязнь к его личности. Признано также, что чувство собственного достоинства – важная черта характера спортсмена. Но чрезмерное развитие этой черты сопряжено с опасностью переоценки своих сил, неправильным пониманием чести, с вхождением в конфликт с самим собою. Радость спортсмена по случаю победы может граничить на фоне подавленного состояния соперника с презрением к более слабым. Таким образом, спортсмен в отношении морального самосознания обычно находится в трудных конфликтных ситуациях и вынужден принимать решения, сообразуясь со своей

совестью и долгом. /300/ В определенной степени это является движущей силой развития чувства долга и ответственности [Белорусова, 1975; Подольский, Старшинов, 1975].

Общение спортсмена с соперниками, тренерами, судьями, зрителями в условиях жесткой конкуренции как на соревнованиях, так и в процессе спортивной тренировки создает условия и для внешних конфликтных ситуаций. Сильные психические напряжения в таких ситуациях чреваты нравственными срывами, что приводит к известным случаям нарушений спортсменами не только спортивной, но и общечеловеческой этики. Однако в тех случаях, когда высокая напряженность конфликтных ситуаций не приводит к нравственным срывам, она положительно сказывается на развитии чувства долга и ответственности в той мере, в какой спортсмен должен проявить усилия для того, чтобы сдержаться, остаться нравственно безупречным. Внешние нравственные конфликты, присущие спорту, как бы «упражняют» спортсмена в проявлении долга и ответственности.

Таким образом, спорт включает в себя широкий круг явлений, имеющих прямое и непосредственное отношение ко всем основным компонентам нравственности – нравственному сознанию, нравственному поведению, нравственным отношениям. Человек имеет здесь возможность наблюдать различные проявления таких важнейших *нравственных ценностей*, как добро, справедливость, честность, долг и др. В спорте постоянно возникают ситуации, которые требуют от спортсменов (равно как и от других субъектов этой деятельности) *нравственной оценки и нравственного выбора*, побуждают их вступать в разнообразные *нравственные отношения* – с товарищами по команде, с соперниками, с тренером, с арбитрами, с болельщиками и зрителями и т.д., а также совершать *нравственные поступки*. Этим определяется огромный нравственный потенциал спорта – и спорта для всех, и спорта высших достижений. Этот потенциал имеют все виды спорта – фехтование, борьба, футбол и др. [Круглов, 2000; Прохорова, Семенов, Посошков, 1998; Самусенков, 2000, 2001; Самусенков, Столяров, 2000 и др.]. Другое дело, что он может использоваться и реализовываться в них в разной степени, что, как будет показано ниже, зависит от многих факторов.

7. Как известно, формированию и развитию личности содействует активный, творческий отдых. Он позволяет человеку снять напряжение после трудовых будней, расслабиться, развлечься, раскрыть свои творческие способности. Для выполнения такой *функции рекреации* в спорте также заключены огромные возможности. Эту функцию наиболее эффективно способен выполнить «спорт для всех», а в определенной степени и рекордный спорт, спорт высших достижений, выступая как уникальное, захватывающее, прекрасное *зрелище* [О зрелищной функции спорта подробнее см.: Визитей, 1982; Козлова, 2005 а, б; Лобжанидзе, 1980; Пономарчук, Молчанов, 1986; Сараф, 1978, 1981; Сараф, Столяров, 1984; Černý, 1968; Cheska, 1979; Iso-Ahola, 1975 и др.].

8. Спортивная деятельность за счет ее привлекательности, гуманной игровой формы организации соперничества и других отмеченных выше особенностей способна содействовать *профилактике наркомании* и других аспектов *девиантного поведения* детей и молодежи [Виноградов, Жолдак и др., 2003; Физическая культура и спорт... 2000 и др.].

9. В спортивной деятельности заключены огромные возможности для реализации гуманистически ориентированной политики по отношению *к лицам с ограниченными возможностями (инвалидам)*, и прежде всего для решения в процессе их социализации проблемы социальной реабилитации и интеграции. Как и для других людей, спорт может быть для них средством социального общения, активного проведения свободного времени, способом проверки своих возможностей и т.д. Регулярные занятия спортом способны повысить приспособляемость лиц с ограниченными возможностями к жизненным условиям, расширить их функциональные возможности, способствовать оздоровлению организма, воспитывать сознательное отношение к регулированию своего режима, прививать санитарно-гигиенические навыки. Занятия спортом предполагают здоровый образ жизни и правильное питание, соблюдение режима труда и отдыха, позволяют отдохнуть, развлечься, отвлечься от грустных мыслей, вызванных состоянием инвалидности. Все это позволяет инвалиду поддерживать и улучшать свое физическое состояние и самочувствие.

Участие в спортивных соревнованиях дает возможность людям с ограниченными возможностями испытать радость победы над своим соперником, достигнутой на основе воли, настойчивости, длительной подготовки, самоотверженного труда. Они получают возможность пережить необычайно радостное чувство победы над самим собой, над своими слабостями и недостатками, радость самоутверждения, самореализации и самосовер-

шенствования, радость ощутить себя полноценными, а не ущербными людьми. Особенно важно то, что занятия спортом могут способствовать установлению социальных контактов инвалидов и тем самым их интеграции в общественную жизнь, вначале в кругу друзей и в семье, а в ряде случаев и в отвечающей их наклонностям профессии [Губарева, 2000, 2001; Губарева, Столяров, 1997 а, б; Евсеев, Шапкова, 2000; Социальная адаптация... 1998; Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 8... 1998; Aaken, 1981; Auburger, Brunet, Schantz, 1994; Council of Europe... 1987; Francis, 2005; Jones, Howe, 2005; McCann, 1996; Pinter, Filipcic, Solar, Smrdu, 2005; Sherrill, 1991 и др.].

**10.** Большие возможности в плане гуманистического воздействия на личность предоставляет также комплекс *символических ценностей* спорта, о которых речь пойдет ниже.

Изложенное выше служит основанием для вывода о том, что *в спорте заключены огромные возможности для решения задач гуманистически ориентированной социализации личности.*

Известные деятели искусства – артист Б. Чирков и киносценарист Д. Полонский в статье, помещенной в газете «Правда» (26 авг. 1976 г.), написали, что современный спорт «взял на себя часть огромной ответственности за воспитание человека, "конструирование" личности, нравственности, доброты, честности, товарищества». И здесь у спорта, по их мнению, может быть не меньше возможностей, чем у просвещения и искусства. Приведенные выше факты и аргументы дают основание для того, чтобы согласиться с такой оценкой гуманистического потенциала спорта для формирования и развития личности.

Потенциал спорта для реализации гуманистических идеалов и ценностей в системе социальных отношений. Для характеристики того характера социальных отношений, который соответствует идеалам и ценностям гуманизма, в последнее время, как отмечено выше, все чаще применяется понятие «*культура мира*». Анализ выявляет существенный потенциал спорта для реализации ценностей этой культуры [Варюшина, 2005; Сагалаков, 2005; Столяров, 2005 з, 2011; Столяров, Баринов, Варюшина, 2007; Столяров, Баринов, Орешкин, 2009; Столяров, Сагалаков, 2005, 2007; World Conference... 1999].

**1.** Прежде всего отметим способность спорта выполнять *интегративную и мировоззренческую функцию* в системе социальных отношений.

Под *интеграцией* обычно понимают: 1) процесс и результат сближения разнородных явлений и 2) процесс возникновения и укрепления связей, возрастания объема, частоты, интенсивности взаимодействия между ранее разъединенными, неупорядоченными явлениями, элементами системы, результатом которого является объединение этих явлений в единое целое, повышение степени целостности и эффективности действия системы. Данный процесс и его результаты рассматриваются как противоположные *дифференциации*: 1) процессу и результату возникновения из единого целого разнородных явлений, усиления различий между ними и 2) процессу ослабления (прекращения) связей, взаимодействий между элементами системы. В словаре по социологии дается такая характеристика интеграции: «Объединение в одно целое, упорядочение, структурирование ранее разъединенных, неупорядоченных явлений, частей к-л. целого. В процессе интеграции возрастают объем, частота, интенсивность взаимодействия между элементами системы, достигаются большая степень ее целостности, устойчивости, автономия и эффективность действия» [Краткий словарь... 1989, с. 90; ср. также: Советский энциклопедический словарь, 1980, с. 501; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 210].

Всякая социальная система под воздействием различных факторов претерпевает процессы социальной интеграции и дезинтеграции, в ходе которых одни социальные связи, обуславливающие ее функционирование, ослабевают, теряют свое значение, распадаются и исчезают, а другие, более соответствующие новым условиям общественной жизни, напротив, возникают, приобретают силу и закрепляются. Такие процессы имеют место как в локальной плоскости (например, в небольшой социальной группе, объединяющей друзей, ряд предприятий или учреждений и т.д.), так и в более широкой плоскости – национальной, государственной и даже международной. Формирование и укрепление новых связей требует единства взглядов, убеждений, образцов поведения, общего стиля жизни и т.п. Отсутствие таких общих убеждений, взглядов и образцов поведения вызывает чувство взаимной отчужденности, приводит к недоразумениям и неприязни, по меньшей мере к безразличию, и является серьезным препятствием во взаимодействии и укреплении социальных связей определенной социальной системы [Wohl, 1984 б и др.].

Способность спорта выполнять интегративную функцию в системе социальных отношений прежде всего означает, что спортивные соревнования и контакты могут содействовать формированию таких общих убеждений, взглядов и образцов поведения, которые вызывают чувство взаимного уважения, симпатии, снимают отчужденность, способствуют взаимодействию, укреплению социальных связей, преодолению межкультурных барьеров.

Вряд ли правильно объяснять способность спорта выполнять эту функцию его соревновательным характером, как это иногда делают: «То, что соревновательность является универсальным общественным отношением, – пишет, например Н.Н. Визитей, – уже само по себе проясняет вопрос о высокой способности спорта (самой, напомним, соревновательной деятельности из всех официально организуемых соревнований) преодолевать межкультурные барьеры» [Визитей, 1988 а, с. 191].

Возможность выполнения спортом интегративной и миротворческой функций определяется особенностями спортивного соревнования как соперничества в искусственно созданных, условных (а потому игровых), гуманных ситуациях. Такой характер этого соревнования определяет эмоциональность, удовольствие, непринужденный характер действий, свободное самораскрытие тех, кто принимает в нем участие. А все это, в свою очередь, содействует их сближению, даже если они жители стран, имеющих различное государственное устройство, общественный строй и т.д.: «Сопровождающая... игры интимная эмоциональная атмосфера, предоставляющая возможность для выражения собственной личности в свободном, ничем не связанном контакте с другими, взаимно сближает участников игры, формирует товарищеские связи, аналогичные взгляды и образцы поведения. Как показывают результаты исследований, дружеские связи, возникающие на почве развлечений, относятся к необычайно прочным и играют значительную роль в формировании социальной микроструктуры» [Wohl, 1979, p. 269]. «Возникает вопрос, – пишет по данному вопросу в более поздней своей работе А. Воль, – может ли спортивная деятельность служить миру, если она сама представляет борьбу и порождает конфликты, тем более, что его способность содействовать улучшению физической формы неоднократно использовалась для военных целей. На этот вопрос необходимо было бы ответить отрицательно, если бы не то, что спорт – это не только борьба, часто создающая конфликты, но также и развлечение, а может быть, прежде всего развлечение... Спорт имеет два лица, является борьбой и развлечением, символизирует войну и одновременно будничность мирной жизни вместе с ее радостями, надеждами и неисполнившимися намерениями» [Wohl, 1986, p. 7–8].

Важное значение имеет и то обстоятельство, что случайный и непрочный круг участников, характерный для подвижных игр и развлечений, в спорте заменяется стабильным коллективом со строго определенной, формализованной структурой, поскольку спортивные соревнования носят долговременный характер. Участие в совместных тренировках и соревнованиях при определенных обстоятельствах порождает у самых разных людей сильное чувство общности, дружбы, товарищества, сотрудничества и принадлежности к коллективу. Это может быть эффективным фактором сокращения «социальной дистанции» между людьми, их изоляции друг от друга, поскольку способствует дружеским отношениям и тем самым – развитию чувства общности.

Возможность выполнения спортом интегративной и миротворческой функций в системе социальных отношений связана и с его огромными *коммуникативными возможностями*. Участие в совместных тренировках и соревнованиях при определенных обстоятельствах способно породить у самых разных людей сильное чувство общности, дружбы, товарищества, сотрудничества и принадлежности к коллективу. Это может быть эффективным фактором сокращения «социальной дистанции» между людьми, их изоляции друг от друга, поскольку способствует дружеским отношениям и тем самым – развитию чувства общности. В силу простоты, одинаковости для всех участников и четкости правил спортивных соревнований в спорте сравнительно легко преодолеваемы языковые барьеры. «Язык» спорта поистине интернационален. Он понятен всем и способен перебрасывать мост взаимопонимания, сотрудничества, доброй воли между народами независимо от расы, цвета кожи, вероисповедания, идеологических взглядов, преодолевать локальную ограниченность, связывать и объединять спортсменов различных городов, стран, континентов [Ленк, 1981; Нидерман, 1986; Пономарев, 1974 в, 1980; Прохазка, 1986; Прохоров, 1978; Талалаев, 1976; Ponomarev, 1980, 1981 и др.].



/303/ Предпосылкой международного взаимопонимания, дружбы и уважения является знакомство народов разных стран друг с другом. Известно высказывание по этому поводу основателя современного олимпийского движения Кубертена: «Требовать от народов, чтобы они любили друг друга, является одним из видов ребячества. Требовать от них уважения друг к другу не является ни в коем случае утопией: но чтобы уважать друг друга, необходимо сначала познакомиться друг с другом» [Цит. по: Ленк, 1981, с. 21]. А для того, чтобы разные народы и нации могли познакомиться друг с другом, они должны встречаться между собой и учиться видеть хотя бы частично культурные своеобразия партнера, различия в манере держать себя и т.д. Только таким образом возможно избежать преувеличенного этноцентризма, когда на все и на всех смотрят через однотонные очки собственной культуры, родины. И в этом плане потенциал спорта огромен, поскольку он может значительно содействовать организации такого рода встреч, выступает как *институт встречи*. «Представители различных наций должны встречаться между собой и учиться видеть хотя бы частично культурные своеобразия партнера, различия в манере держать себя, сравнивая, и с пониманием толковать непривычное и распространять полученную таким образом картину о другом народе, представителе другой культуры в собственном народе. Только подобным образом для него оказывается возможным избежать преувеличенного этноцентризма, который пытается видеть все через однотонные очки собственной культуры, родины, окружения, в котором вырос. Кто ни разу не столкнулся с чужой культурой, тот не знает и своей собственной» [Ленк, 1981, р. 21].

Важно и то, что в спорте как гуманной игровой модели соревновательных ситуаций реальной жизни создаются предпосылки для реализации *демократического принципа справедливости и равенства шансов*. «Мир игры – это та единственная, искусственно созданная реальность, в которой можно без социальных трений осуществить демократию равных» [Ингхэм, Лоу, 1974, с. 39–40]. Ведь правила спортивных соревнований одинаковы для всех участников. Игроки одобряют их и подчиняются им сознательно и добровольно. Победитель определяется на основе установленных и принятых игроками четких критериев. Оценки в игре производятся публично. В спортивной деятельности не принимаются в расчет рождение, позиция в профессиональных и товарищеских группах, деньги, связи, национальная принадлежность. Успех в спорте почти исключительно зависит от способностей, знаний, воли человека, его самоотверженного труда на тренировках. Все это определяет возможность использования спорта *в борьбе против расизма, ксенофобии, антисемитизма и нетерпимости* [Декларация принципов... 1999; Декларация «Спорт... 1998; От нетерпимости в спорте... 1997]. Применительно к женщинам он демонстрирует возможность преодоления биологических и культурных барьеров по сравнению с мужчинами.

2. В спорте заключены возможности для выполнения в *символическом* плане как интегративной, так и миротворческой функции. Дело в том, что со спортом, как показывает его философский анализ с позиций *семиотики*, связан комплекс *символических (знаковых) моделей, культурных образцов, смыслов, значений*, которые имеют ярко выраженную гуманистическую направленность и адекватны ценностям культуры мира [Кравчик, 1996; Ленк, 1997; Ashworth, 1979; Bouet, 1977; Durántez, 1994a; Duret, Wolff, 1994; Franke, 1994; Krawczyk, 1996; McIntosh, 1984a; Saraf, 1977; Silanse, 1986; Sport und Semiotik, 1994; Swierczewski, 1981; Symbolique... 1985; Tysza, 1985; Urbankowski, 1981]. Так, например, спортивное соревнование выступает как символ, модель, культурный образец возможного *мирного* соревнования, «как символ сотрудничества и понимания в мире и как символический мост для решения конфликтов» [Suenens, 1973, р. 5; Güldenpfennig, 1981, s. 40], а Олимпийские игры рассматриваются как «символ мира», «символ более лучшего мира, взаимопонимания спортивной молодежи, преодолевающий все национальные и культурные барьеры», как «пленительный символ единства человечества в его высочайших устремлениях», как «символ сплоченности и единения между людьми», как «символ мирного соревнования между народами в условиях взаимопонимания» [Крюгер, 1987; Ленк, 1981; Майер, 1984; Талалаев, 1985].

Современный спорт выражает также стремление человека, различных социальных групп и общества к состязанию и достижению успеха в соперничестве, а на основе этого – личного совершенства, популярности и богатства. Спортсмены, защищающие честь своей страны и добивающиеся успеха на международных соревнованиях, в символическом плане рассматриваются как *герои*. Поскольку в спорте создаются предпосылки для реали-

зации гуманистического принципа справедливости и равенства шансов, он выступает как идеальный конструкт, символ упорядоченного и *справедливого* общественного мира [Кравчик, 1996]. /304/ В этом плане спорт выражает символическую надежду различных социальных групп на уничтожение этнического и расового неравенства, а женщин – на преодоление биологических и культурных барьеров по сравнению с мужчинами.

Этот комплекс гуманистически ориентированных знаков, смыслов, значений спорта определяет его важный потенциал для выполнении интегративной и миротворческой функций.

3. Связанные со спортом знаки, смыслы и значения могут быть использованы как определенный культурный образец в *воспитательной работе*, ориентированной на приобщение детей и молодежи к ценностям культуры мира.

4. В спортивной деятельности заключены возможности и для содействия *устойчивому развитию* общества. Как отмечено выше, оно подразумевает *качество жизни* и хорошее *социальное самочувствие* различных групп населения на основе удовлетворения важных культурных и материальных потребностей каждого индивидуума, позволяющего жить с достоинством и играть положительную роль в обществе. Спорт способен вносить позитивный вклад в решение этой проблемы устойчивого развития, так как он может содействовать самореализации и самоутверждению личности, здоровому образу жизни и тем самым ее продолжительности, профилактике девиантного поведения детей и молодежи, формированию навыков социального взаимодействия, помогать человеку в определении и повышении уровня развития своих физических и психических способностей. На основе создания новых рабочих мест спорт может помочь решению *экономических* проблем. Он способен играть важную роль и в поддержании высокого качества *окружающей среды*. Во-первых, спортсмены и спортивные организации имеют совместный интерес в чистом воздухе, хорошем качестве воды и продовольствия. Во-вторых, они не только заинтересованы в решении экологических проблем, но как важные фигуры и образцы для подражания могут существенно влиять на взгляды и действия детей и молодежи в отношении окружающей среды. Особенно важную роль в интеграции спорта с защитой окружающей среды может играть олимпийское движение, к чему призывает совместная декларация МОК и UNEP.

Таким образом, *в спорте заключены возможности как для приобщения личности в процессе социализации к гуманистическим идеалам и ценностям, так и для выполнения гуманистической роли в системе социальных отношений. Спортивная деятельность имеет огромные возможности для формирования и развития не только физической, но также эстетической, нравственной, экологической культуры, культуры общения, культуры мира и т.д., а значит, для реализации широкого круга гуманистически ориентированных культурных ценностей.*

Возможность содействовать реализации важных гуманистических культурных ценностей имеют *все виды и разновидности* спорта. Особенно высок гуманистический, социально-культурный потенциал так называемого массового спорта, «*спорта для всех*». В этой разновидности человеческой деятельности, завоевывающей все большую популярность во всех странах, среди различных групп населения, как подробно обосновано во многих научных работах, докладах и сообщениях (см., например, материалы Международного конгресса «Спорт для всех» [Sport for all... 1991]), заключены огромные возможности для позитивного воздействия не только на здоровье, физическое совершенство, но и на духовный мир, на культуру человека – на его мироощущение, эмоции, моральные принципы, эстетические вкусы и т.п. Определенный гуманистический потенциал, как отмечалось выше, имеет и спорт высших достижений.

#### 14.2. Диалектически противоречивый характер социального потенциала спорта

Анализ потенциала спорта показывает, что в нем заключена возможность не только для реализации гуманистических ценностей, но и для *негативного* воздействия на личность и социальные отношения людей.

Эта возможность определяется прежде всего тем, что спорт представляет собой социальную систему, ориентированную на *состязание, соперничество, конкуренцию*. В рамках такой системы каждая из соревнующихся сторон склонна к тому, чтобы в первую очередь пестовать свой интерес, а не общее благо, а это основа для возникновения конфликта.



«В соревновании есть только один победитель и множество проигравших. Соревнование по самой своей природе может иногда явиться серьезным основанием для конфликта» [Güldenpfennig, 1981, s. 32; Saram, 1984, p. 232; Simmel, 1955, p. 13–17, 34–35, 57–85].

Значит, в самой «природе» спорта, центральным элементом которого является спортивное соревнование, заложен определенный *конфликт*. Конечно, это своеобразный, специфический конфликт: он представляет собой «искусственно сконструированный и символизированный конфликт» [см.: Sherif C., 1973, 1976; Sherif M., 1958, 1961, 1962; Sherif M., Sherif C.W., 1953; Volkamer, 1971]. Но все же это конфликт. Причем из-за тесной связи спорта с физическим противоборством (по крайней мере в определенных видах спорта) он больше, чем какая-либо другая область культурной активности, включает в себе постоянный риск пересечения символизированного (игрового) и реального (серьезного) конфликта [Güldenpfennig, 1984 b, p. 55]. «Для миллионов любителей спорта спорт – это борьба. Правда, своеобразная, но все же борьба. Естественно, соревнующиеся не являются врагами, но являются противниками. И даже если спортивное соревнование не превращается в борьбу в полном смысле этого слова, то содержит некоторые ее элементы. Характерно, что если спортсмены придерживаются правил честной игры, то болельщики нередко, особенно в последнее время, проявляют эмоции, свидетельствующие о понимании спорта именно как борьбы» [Суходольский, 1987, с. 4].

Конфликт может возникнуть также из-за сильной групповой идентификации, когда в спорте две противостоящие друг другу группы вовлекаются в конкурентную деятельность. В связи с этим в одной из групп формируются нежелательные стереотипы взаимодействия с другой группой и ее членами. Всякие действия другой группы и ее членов оцениваются негативно [Güldenpfennig, 1984 b, p. 55]. Возможность возникновения в рамках спорта реальных конфликтных ситуаций определяет и его тесная связь (по крайней мере в определенных видах спорта) с физическим противоборством.

Надо учитывать далее, что спортивные соревнования формируют сильную ориентацию на успех, на достижение высокого результата, что также может играть отрицательную роль в системе социальных отношений, содействовать возникновению конфликтных ситуаций. «Успех занимает столь высокое место в иерархической системе ценностей спорта, что статус данного спортсмена определяется исключительно уровнем его нынешних достижений. В сражениях на спортивных полях и аренах значение имеет лишь статус достигнутых результатов. Трудно найти другую социальную подсистему, кроме военно-армейской, где бы успех, достижение ценились так высоко. Если бы эта ценностная ориентация стала центральной для всей культуры в целом, то общество, вероятно, оказалось бы в перманентной конфликтной ситуации» [Люшен, 1979, с. 48].

Соревновательный характер спорта подталкивает поэтому и спортсмена, и тренера к тому, чтобы основные усилия они направляли на решение чисто прагматических задач – достижение победы в соревнованиях, высокого спортивного результата, рекорда. Именно эти достижения, как правило, стимулируются не только морально, но и материально. Стремление к победе подогревается также средствами массовой информации, тренерами, спортивными функционерами, а иногда и политическими деятелями, стремящимися использовать спорт в своих корыстных интересах. Столь сильная ориентация на успех, погоня за высокими результатами, рекордами, стремление любой ценой добиться победы также могут играть отрицательную роль в системе социальных отношений, содействовать возникновению конфликтных ситуаций, приводить к нарушению нравственных норм и принципов, к использованию таких средств спортивной подготовки (включая медицинские и фармацевтические средства), которые пагубно отражаются на здоровье спортсменов, и т.д. К тому же, как будет показано ниже, всегда находятся такие социальные силы, которые стремятся использовать соревновательный характер спорта для разжигания антагонизма и конфликтов между соперничающими сторонами.

Еще один важный негативный момент потенциальных возможностей интенсифицированного, нацеленного на утилитарный результат соревновательного спорта связан с тем, что, как правило, он ставит человека в жестко регламентированные рамки, существенно ограничивает его свободу. Ежемесячные многодневные учебно-тренировочные сборы с отрывом от семьи и привычного окружения могут оставлять негативный след в нравственном, духовном, культурном облике человека, деформировать его личность.

Спорт может содействовать развитию *агрессивности* спортсменов и зрителей. Большинство видов спорта требуют от участников соревнований проявления определен-

ной агрессивности, хотя бы в рамках существующих правил и условий деятельности. Спорт – это, возможно, один из немногих видов деятельности, где проявление агрессии не только воспринимается терпимо, но и встречается бурными аплодисментами многими людьми. Если, как это часто бывает в спорте, такие чувства, как злость и враждебность, разрешены по отношению к другому индивиду, то основным результатом становится формирование устойчивой привычки к подобному насильственному поведению, вне зависимости от того о какой ситуации идет речь. Спортсмены, которые находятся во фрустрации и становятся агрессивными и которым разрешено каким-то образом проявлять подобные чувства, учатся быть не мирными, а агрессивными. Каждый раз, когда проявляется агрессия, она помогает сформировать устойчивую традицию поведения и все менее нуждается в эмоциональном подтексте. Поэтому еще А. Бандура обращал внимание на то, что если спорт используется как контролируемый и не причиняющий вреда выброс враждебных эмоций, это должно производиться с большой осторожностью, чтобы убедиться, что опасные чувства не закрепляются. Поражение спортсмена в ходе соревнования иногда приводит к потере им самоуважения, к унижению его достоинства, что также может быть источником его гнева и последующей агрессивности. Вместе с тем наблюдение фактов насилия в спорте может стимулировать проявление агрессивности и у зрителей – вследствие научения через наблюдение [Кретти, 1987; Мартенс, 1979; Feshbach, 1971].

Существующая в спорте жесткая, порой жестокая система отбора и спортивной иерархии («звезды»; «зачетники», обеспечивающие призовые места «звездам»; «неудачники» и др.), могут приводить, с одной стороны, к переживанию многими спортсменами своей незначительности, даже ничтожности, отверженности («комплекс вины»), а с другой стороны, к возникновению у спортсменов чувства исключительности, незаменимости, вседозволенности (так называемая звездная болезнь) [Ганюшкин, Приставкина, 1991, с. 75].

Наконец, следует учитывать и тот факт, что привлекательность спорта, все больший интерес, проявляемый к нему со стороны миллионов людей, открывает огромные возможности для использования его не только прогрессивными, но также реакционными – милитаристскими, националистическими, шовинистическими и другими общественно-политическими силами в своих корыстных экономических, политических, идеологических и тому подобных целях.

Особенно негативно спортивное соперничество может влиять на детей: «Сталкивание детей друг с другом в играх, где они фанатично соревнуются за то, что достается лишь немногим, гарантирует неудачу и отверженность для многих из них». И что еще хуже, соревновательные игры «могут деформировать свойства личности самих победителей. Многие из них начинают радоваться неудачам других детей. Если следует поражение, а оно часто случается, многие дети стремятся избежать соревнования, отходят в сторону. Неудача в играх может внушить детям совершенно неадекватные понятия о самих себе, о своей физической сущности» [Балякина, 1997, с. 6–7].

*Противоречивость потенциала спорта, двойственный характер заложенных в нем возможностей влияния на личность и социальные отношения можно проиллюстрировать на примере футбола.*

В футболе, как и в других спортивных соревнованиях, как отмечено выше, создаются условия для проявления рыцарского поведения. Но стремление победить, добиться успеха в этих соревнованиях вместе с тем побуждают к нарушению принципов честной игры. Например, защитник в футболе не только может, но и, как многим кажется, должен схватить за футболку рвущегося к воротам нападающего. В противном случае неизбежен его выход один на один с вратарем. Это почти верный гол. А за нарушение, совершенное до штрафной площадки, команда поплатится только штрафным ударом, да еще получит передышку и сможет организовать оборону.

Одной из позитивных черт футбола является свобода, которую приобретает зритель на стадионе. Эта свобода состоит, в частности, в том, что зритель может свободно выражать свои взгляды и соображения, поскольку на трибунах уровень общественной «самоцензуры» бывает самым низким. Причем в некоторых случаях выражаемые зрителями взгляды и выражения выходят за пределы, обозначенные правовыми и общественными нормами. Более того, зритель на трибуне способен допустить такой поступок, на который он никогда не решился бы в другом человеческом коллективе: на заводе, в кино или в ресторане. Таким образом, вместе с увеличением степени и чувства личной свободы возрас-

тают также степень и чувство развязности и анархизма, исчезают некоторые запреты, установленные общественными отношениями, и индивид избавляется от привычек, следовать которым его постоянно принуждает общество.

Пропорционально тому, как на некоторое время у зрителей исчезает моральная приверженность определенной гражданской обязательности норм, возрастает их связь с временным коллективом трибуны, вовлеченность в него, в это общество людей, сопричастных к спортивному зрелищу. Если в таком новом коллективе совершается какой-то проступок (с точки зрения норм общепринятой морали), наказание за него назначается, к сожалению, как правило, с запозданием, только *post festum*, когда группа людей, его породившая и покрывавшая, давно уже распалась и когда остальные пострадавшие зрители считаются уже не членами этого первоначального коллектива, а индивидами, находящимися в совершенно других социальных связях. Фактом является, что наказанию (например, закрытие стадиона любимого клуба) всегда подвергаются не индивиды, а безличный коллективный виновный, существование которого было обусловлено однажды определенными настроениями при определенных игровых обстоятельствах и который в таком же составе никогда больше существовать не будет. Поэтому санкции и наказания проступков зрителей часто считаются несправедливыми, поскольку в будущем наказанию подвергается коллектив, вообще не тождественный тому коллективу, в котором был сомнительный и «аморальный» поступок [Černý, 1968, p. 22].

Еще один момент привлекательности футбола состоит в том, что зритель часто все знает о каждом игроке, тренере, даже о руководителях секций: точно знает их возраст, профессию, обстоятельства личной жизни, знает, какое значение они придают деньгам и натуральным материальным стимулам. Такой интерес зрителя аналогичен интересу, проявляемому поклонниками театральных или кинозвезд. Но и здесь легко может быть нарушена граница вкуса и общественных норм, особенно тогда, когда этому способствуют публикуемые в газетах слишком откровенные интервью, репортажи и т.п.

Далее, футбол увлекает зрителя мастерством спортсменов, делает его причастным к ней. Зритель в такие минуты полностью отождествляет себя с теми, кто непосредственно участвует в игре. Подобное представительство тешит собственное самолюбие зрителя: разве не привлекательно быть на первом плане, легко достигать вершин ошеломляющего успеха, красиво преодолеть все трудности и препятствия и в результате встать на высшей ступени пьедестала почета увенчанным лавровым венком. Но подобное отождествление («представительство») наряду с приятными чувствами и переживаниями зрителей приводит к сотворению ими идолов, кумиров спортивного мастерства.

Французский теоретик игры Р. Кайуа считает, что «подобное представительство» является декадентской и утонченной разновидностью игры, которая называется «мимикрией» и в которой речь идет о «временном принятии иллюзии как фиктивной вселенной». По его мнению, появление данной формы возвышения личности неизбежно в мире, где царит взаимосвязь принципа результативности и принципа случайности. В таком мире каждый не может стать победителем, если даже ему это захочется. Поэтому вопрос, кому быть победителем, решается через посредников, путем представительства. Если выбрать подобный способ, остановиться на нем как на единственном, то можно (и к тому же без большого труда, без риска потерпеть неудачу) достичь триумфа. Р. Кайуа справедливо полагает, что именно здесь кроются корни столь характерного для современного общества культа «звезд» и «чемпионов». Именно в «звезде» и «чемпионе» сфокусированы все зачаровывающие картины и представления о грандиозных успехах, которые – по воле случая – могут выпасть и на долю самого слабого и самого убогого. «Неслыханные проявления преданности сопровождают блистающий апофеоз того, у кого не было ничего другого для достижения успеха, кроме своих личных возможностей, своих мускулов, своего голоса или своего обаяния как естественного, неотъемлемого оружия человека, не имеющего за собой какой-либо социальной поддержки». «Звезда» представляет собой персонифицированный триумф победы, торжество над утомительным, каждодневным и скучным миром и препятствиями, которые общество ставит на пути к его достижению. Непомерная слава обожаемого идола иллюстрирует для его поклонников постоянно существующую возможность триумфа, который тем самым оказывается в некотором долгу у тех, кто верой и правдой поклоняется своему идолу и вносит определенный вклад в его успех [Кайуа, 2007].

Другой французский теоретик спорта – Ж. Маньян в своей работе «Социология спорта» указывает на то, что выражения, характер, привычки, жизнь спортивных «звезд» зачастую являются предметом подражания для массы их поклонников и, что важно, не в «атлетическом их проявлении» и не в других спортивных проявлениях, а в проявлениях совершенно иного характера, в их особых качествах. Свою существенную лепту в это вносят и такие средства массовой информации, как спортивная печать, радиовещание, телевидение, которые манипулируют этой популярностью спортивных «звезд» и не воспитывают, а только «информируют читателя таким образом, чтобы ему это нравилось». На основе этого возникает особая «спортивная мифология», которая, как считает Ж. Маньян, «открывает доступ к онтологии той части населения, которая пока еще находится на докультурном уровне» [Magnane, 1964, s. 87].

О неблагоприятных поступках выдающихся спортсменов («звезд») обычно много сплетен. Однако нередко вместо морального осуждения со стороны общественного мнения имеет место даже обожание. Тем более что средства массовой информации лишь восхваляют спортсменов за победы независимо от их поведения. На основе этого идет формирование «звездной болезни» у одних, утверждение в сознании других релятивности нравственных норм, возможности ими пренебречь в определенных условиях, для определенных людей. Отсюда культ превосходства спортсменов, самолюбование, причисление себя к миру избранных, элите.

Надо учитывать и то обстоятельство, что процесс идентификации зрителей с одним из соперничающих спортсменов (с одной из команд) создает благоприятные условия для потенциального конфликта в спорте, поскольку чувство принадлежности к одной из групп в определенной ситуации может перерасти в этноцентризм (шовинизм), а последний увеличивает вероятность конфликта данной группы с другими группами. К. Хейнила указывает на то, что конфликты более вероятны в командных видах спорта (значит, и в футболе), нежели в индивидуальных, поскольку зрителям, по-видимому, психологически легче идентифицировать себя с командой, нежели с индивидуальным участником (чаще говорят «наша команда выиграла» нежели «наш Raavo Nurmī выиграл») [Heinilä, 1966, p. 33].

Спорт допускает даже такие моральные нормы, которые отклоняются от основных принципов общественной этики. Так, например, кулачный бой допускается как спортивное состязание, хотя вне спорта участники кулачной драки могут попасть в тюрьму. Допуская определенную степень насилия в спорте, полагают, что тем самым удастся регулировать скрытую агрессивность в обществе и обеспечить разрядку для этой агрессивности через спорт, не нанося ущерба общественным интересам. В этом плане к достоинствам футбола (впрочем, как и других видов спорта) обычно относят и то, что футбольные матчи в социально-психологическом плане выполняют в настоящее время ту же функцию, какую ранее выполняли Олимпийские игры греков и гладиаторские бои римлян. Они позволяют дать выход агрессивным инстинктам и импульсам, направить их в русло контролируемого соперничества, противопоставив друг другу относительно равных соперников. Тем самым футбол понимается как средство борьбы с агрессивностью.

Долгое время не существовало ясного осознания того факта, что футбол способен не только разряжать напряженность, но и создавать ее. Но в реальной практике, как показало развитие футбола, он обладает способностью значительно повышать уровень агрессивности в обществе. Функция «клапана безопасности», выполняемая футбольным матчем, становится сомнительной, если едва терпимое поведение зрителей переступает допустимые рамки и выходит из-под контроля.

Лица, стоящие во главе общества, почти всегда склонны соглашаться с первой из приведенных теорий, придерживаясь мнения о том, что футбол дает людям возможность высвободить энергию, которая в противном случае оказалась бы направленной на разрушение. Футбол позволяет индивидам и целым группам решать свои распри и конфликты в строго определенное время на обширных и отделенных от остального мира стадионах, не причиняя никому серьезного вреда или ущерба. И, напротив, к футболу неизменно относятся отрицательно те, кто критически настроен по отношению к данному обществу и желает изменить социальную систему. Они видят в футболе фактор стабилизации существующих общественных условий, своего рода громоотвод для социального недовольства. Вместе с тем они указывают на то, что на многих футбольных матчах власти уже не в состоянии контролировать поведение значительной части аудитории. Еще в конце XIX столетия социологи пришли к выводу о том, что акты немотивированного насилия часто яв-

ляются следствием неспособности общества адаптировать всех своих членов к существующим социальным условиям. /309/ Однако неконформизм меньшинства всегда заставлял общество задуматься над тем, какие именно нормы следует принять за образец для всех его членов. Современное индустриальное общество с его многообразием внутренних противоречий ни в коем случае не гарантировано от эскалации насилия среди футбольных болельщиков, особенно молодых, за пределами стадиона [Штемме, 1981, с. 32–34].

Таким образом, *социальный потенциал спорта имеет диалектически противоречивый характер. В спорте заключены возможности как для позитивного, так и для негативного влияния на личность и отношения людей. Он может использоваться как в гуманистических, так и в антигуманных целях.*

На диалектическую двойственность социального потенциала спорта указывают многие ученые и общественные деятели. Вот несколько иллюстраций: «Спорт – двусмысленен /equivocal/: с одной стороны, он может иметь антиварварский и антисадистский эффект благодаря Fair Play, рыцарству, вниманию к слабому. С другой стороны, многие его формы и правила способны усиливать агрессию, грубость и садизм, особенно у тех лиц, кто активно не занимается спортом» [Adorno, 1970, p. 99]. «Спорт является носителем культурных, социальных и общественно-политических возможностей, которые могут реализовываться в противоположных направлениях и ни в коем случае не связаны однозначно с канонами гуманных, демократических и межнационалистических норм» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 172]. «Спорт может вторгаться в любую область деятельности человека: он может служить делу мира или войны, делу национализма или интернационализма, эгоизму или альтруизму, материализму или идеализму и т.д.» [Heimilä, 1974, p. 2]. Очень образно противоречивый характер потенциала спорта описал Е. Франке. По его мнению, спортивное соревнование дает возможность подчеркнуть личные достоинства и недостатки участников, а вместе с тем способствует корысти, гарантирует каждому участнику право равенства и справедливости, но требует при этом социальную ответственность. В этом проявляется противоречие между «постулатом победы» и «постулатом справедливости». «Специфическим для спорта является как бы шизофреническая задача стараться быть постоянно лучше других, одновременно стремясь быть справедливым по отношению к другим» [Franke, 1999, s. 207].

Осознание диалектически противоречивого характера социального потенциала спорта, как отмечено выше, послужило основой для разработки философской концепции олимпийского движения и развития самого этого движения.

#### Литература к гл. 14

1. Агеев В.У., Выдрин В.М. (1980). Влияние спорта на воспитание интеллектуальных, нравственных качеств и социальной активности личности // Спорт в современном обществе/Под ред. В.М. Выдрин. – М.: ФиС. – С. 110-123.
2. Андреева Г.М. (1980). Социализация личности // Социальная психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 334-352.
3. Анисимов С.Ф. (1985). Мораль и поведение. 2-е изд., доп. – М.: «Мысль». – 155 с.
4. Античная литература. Сократические сочинения. – М.-Л., 1935.
5. Атанасов Ж. (1977). Олимпийское движение и воспитание нравственно-эстетического отношения к спорту // Проблемы олимпийского движения: Сб. статей на русском. яз. (под ред. А.Солокова). – БОК, София Пресс. – С. 125-138.
6. Балякина А.В. (1997). Создание образа себя у детей дошкольного возраста через занятия физической культурой (методические рекомендации). – Н. Новгород. – 152 с.
7. Белорусова В.В. (1975). Нравственное формирование личности советского человека в условиях спортивной деятельности // Спорт и личность. – М.: ФиС. – С. 152-165.
8. Варюшина М.В. (2005). Формирование культуры мира в процессе спортивного воспитания студентов гуманитарных вузов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М.. – 24 с.
9. Визитей Н.Н. (1982). Спорт и эстетическая деятельность. – Кишинев: Штиинца. – 183 с.
10. Визитей Н.Н. (1988а). Социально-культурная специфика спорта и его возможности выступить в качестве средства укрепления мира и дружбы между народами // Спорт и перестройка: Сб. научн. трудов по матер. Всес. научно-практич. конф. «Государство, спорт и мир», Москва, 20-22 апр. 1988 г. – М. – С. 186-199.
11. Виноградов П.А., Жолдак В.И., Моченов В.П., Паршикова Н.В. (2003). Бой за будущее: физическая культура и спорт в профилактике наркомании среди молодежи. М.: Сов. спорт. – 184 с.
12. Гагаева Г.М. (1969). Психология футбола. – М.: ФиС.

13. Ганюшкин А.Д., Приставкина М.В. (1991). Проблемы "антиспорта" с позиций психологии // Формирование гуманистического мировоззрения студентов / Сб. научных трудов. – Смоленск. – С. 74-88.
14. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
15. Губарева Т.И. (2001). Гуманистически ориентированная педагогическая технология культурно-спортивной работы с инвалидами: Автореф. дис... д.п.н. – М. – 45 с.
16. Губарева Т.И., В.И. Столяров (1997а). Комплексная «спартианская» программа культурно-спортивной работы с инвалидами // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, ч. II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 106-195.
17. Губарева Т.И., Столяров В.И. (1997б). Новые формы культурно-спортивной работы с инвалидами на основе проекта «СпАрт»: Учебно-методическое пособие для студентов и слушателей РГАФК. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 122 с.
18. Декларация принципов терпимости. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года // Культура мира: Документы. Библиография. – М., 1999. – С. 42–47.
19. Декларация «Спорт, терпимость и чистая игра» // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1998. – № 2. – С. 28-29.
20. Дробницкий О.Г. (1974). Понятие морали: Историко-критический очерк. – М.: Наука. – 386 с.
21. Евсеев С.П., Шапкова Л.В. (2000). Адаптивная физическая культура. – М.: Советский спорт. – 240 с.
22. Ингхэм А., Лоу Дж. (1979). Структура игровой деятельности // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 65-84.
23. Кайуа Р. (2007). Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ. – 504 с.
24. Козлова В.С. (2005а). Спорт как социально-зрелищная сфера. – Мн.: Изд. «ВЭВЭР». – 320 с.
25. Козлова В.С. (2005б). Спорт как социально-зрелищная сфера: формирование, функционирование, управление: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Орел. – 62 с.
26. Кон И.С. (1967). Социология личности. – М.: Политиздат. – 383 с.
27. Котарбинский Т. (1975). Трактат о хорошей работе. – М.
28. Кравчик З. (1996). Спорт и гуманизм. Аспекты анализа // Духовность-Спорт-Культура. Вып. второй: Сб./Сост. и ред. В.И. Столяров. – М.: РАО, Гум. Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 5-14.
29. Краевский В.В. (2001). Образование и воспитание в контексте педагогической науки // Мир психологии. – № 4. – С. 209-216.
30. Краткий словарь по социологии/Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.
31. Кретти Б.Дж. (1978). Психология в современном спорте. М.: ФиС. – 224 с.
32. Круглов А.Н. (2000). Фехтование в Западной Европе и Японии: духовные и философские основы. – М.: НИПКЦ «Восход-А». – 240 с.
33. Крюгер А. (1987). Кубертен и Олимпийские игры как символ мира // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. – 1987. Вып. 12. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 9-12.
34. Кубертен Пьер де (2000). Нравственное и социальное воздействие спортивных упражнений // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий: Сб. /Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова, Т.Г. Ольхова. – Москва-Сургут: МГИУ. – С. 3-20.
35. Кудін В.О. (1973). Естетика і творчість. – Київ.
36. Ленк Г. (1978). Спорт как средство социального воспитания молодежи // Инф. вестник ВНИИФК. – № 23-24. – С. 6-8.
37. Ленк Г. (1979). Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни: Сб. ст. / Сост. В.И.Столяров, З. Кравчик. – М., ФиС. – С. 112-125.
38. Ленк Г. (1981). Большим быть, чем казаться // Bulletin № 8 du 11 Congress olympic de Baden-Baden. – P. 18-21, 73-81.
39. Ленк Ганс (1997). Спорт как современный миф? // Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования. – М.: Изд-во «УРСС». – С. 156-179.
40. Лобжанидзе М.М. (1980). Эстетика спортивного зрелища. – Тбилиси. – 140 с.
41. Лосев А. (1960). Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики, вып. 3. – М.
42. Лоу Б. (1984). Красота спорта/ Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Столярова. – М.: Радуга. – 256 с.
43. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.

44. Майер Хорст (1984). Олимпийские игры как модель современного мира // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. – 1984. Вып. 19. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 13-22.
45. Манифест о спорте (подготовленный СИЕПС в сотрудничестве с ЮНЕСКО после консультаций с правительствами). – М., 1971. – 35 с.
46. Маркс К., Энгельс Ф. (1956). Из ранних произведений. – М.
47. Мартенс Р. (1979). Социальная психология и спорт. – М.: ФиС. – 176 с.
48. Момов Васил (1975). Человек. Мораль. Воспитание. (Теоретико-методологические проблемы). Пер. с болг. – М.: Прогресс. – 163 с.
49. Нидерман Э. (1986). Может ли спорт способствовать взаимопониманию между народами? // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 8. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 24-30.
50. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. (1997). Самоутверждение человека // Вопросы философии. – № 9. – С. 96-117.
51. Нравственный потенциал современного спорта: Материалы IV Всесоюз. методол. сем., г.Суздаль, 10-12 марта 1988 г. – М.: Сов. спорт, 1989.
52. От нетерпимости в спорте – к терпимости через спорт // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1997. № 1. – С. 25-29.
53. Парыгин Б.Д. (1971). Основы социально-психологической теории. – Москва: Мысль. – 348 с.
54. Подольский В.Г., Старшинов В.И. (1975). О нравственном долге и ответственности спортсмена // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 9-11.
55. Пономарев Н.И. (1974в). Социальные функции физической культуры и спорта. – М.: ФиС.
56. Пономарев Н.И. (1980). Спорт – фактор мира // Review. Int. Coucil of Sport and Physical Education. – Hf. 3. – P. 6-12.
57. Пономарчук В.А., Молчанов С.В. (1986). Человек на стадионе // Социологические исследования. – № 2. – С. 86-94.
58. Прохазка К. (1986). Спорт и мир/Пер с чешск. – М.: ФиС.
59. Прохоров Д.И. (1978). Интеграция в спорте. – М.: ФиС. – 102 с.
60. Прохорова М.В., Семенов А.Г., Посошков И.Д. (1998). Воспитательный потенциал греко-римской борьбы: Учеб. пособие. – СПб: изд-во СПбГУЭФ. – 249 с.
61. Ратнер Я.В. (1980). Эстетические проблемы зрелищных искусств. – М.
62. Реан А.А. (2004). Развитие человека как личности и субъекта деятельности в образовательной системе // Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы/ под ред. проф. И.А. Зимней. – М.: Агентство Издательский сервис. – С. 319–331.
63. Сагалаков Д.А. (2005). Педагогическая ценность спорта для формирования и развития культуры мира: Автореф. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
64. Самаранч Х.А. (1997). Спорт, культура и искусство // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков.– М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК.– С. 9-11.
65. Самусенков О.И. (2000). Педагогическая технология реализации культурного потенциала игровых видов спорта. – Москва-Малаховка, МГИУ. – 204 с.
66. Самусенков О.И. (2001). Педагогическая технология реализации социально-культурного потенциала игровых видов спорта в работе с юными спортсменами (на примере футбола): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 45 с.
67. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Выпуск второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 3–134.
68. Сараф М.Я. (1978). Эстетика спорта. – М.: Знание. – 63 с.
69. Сараф М.Я. (1981). Эстетические компоненты спортивной деятельности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.: МГУ. – 41 с.
70. Сараф М.Я., Столяров В.И. (1984). Введение в эстетику спорта: Учеб. пособ. для ИФК. – М.: ФиС. – 103 с.
71. Сартр Ж.-П. (1989). Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. -М. С. 319–344.
72. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – 1600 с.
73. Социальная адаптация и комплексная реабилитация инвалидов средствами физической культуры и спорта: Сб. материалов Междунар. научно-практической конференции (Москва, 19-20 мая 1998 г.). – М., 1998.
74. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 255 с.
75. Столяров В.И. (1988и). Спортивные рекорды – смысл и значение: Методич. разработка для студентов и слушателей ВШТ ГЦОЛИФК. – М. – 19 с.

76. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
77. Столяров В.И. (2005з). Спорт и культура мира // Проблемы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи и детей дошкольного возраста: материалы республиканской научно-практич. конф. г. Красноярск, 17 ноября 2005 г. / ред. кол. А. М. Гендин, М.И. Сергеев, В.И. Усаков; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск. – С. 3–21.
78. Столяров В.И. (2011). Спорт, устойчивое развитие и культура мира // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 22–67.
79. Столяров В.И., Баринев С.Ю., Варюшина М.В. (2007). Проблема формирования культуры мира в процессе спортивного воспитания детей и молодежи // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сб. ст. – М.: Физическая культура. – С. 233–290.
80. Столяров В.И., Баринев С.Ю., Орешкин М.М. (2009). Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений: Учебное пособие. – М.: «Анкил». – 256 с.
81. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2005). Миротворческая роль спорта и олимпийского движения: идеал и реальность // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГУФК. – С. 164–256.
82. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2007). Роль спорта и спартианской модели игрового соперничества в формировании и развитии культуры мира // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сб. ст. (Библиотека Спартианского Гуманистического Центра). – М.: Физическая культура. – С. 20–221.
83. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1982). Эстетические проблемы спорта: учеб. пособие для студентов ИФК и слушателей ВШТ. – М. – 67 с.
84. Сутер Кейт (1997). Роль образования в формировании культуры мира // Культура Мира и Демократии: Учеб. пособие. – М.: Международный Институт культуры мира и демократии. – С. 276–298.
85. Суходольский Б. (1987). Спорт и защита мира // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 10. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 3–6.
86. Талалаев Ю.А. (1976). Спорт – фактор мира и дружбы между народами. – М., ФиС. – 112 с.
87. Талалаев Ю.А. (1985). Олимпийский огонь – символ мира // Спорт за рубежом. – № 9. – С. 2–3.
88. Толстых В.И. (1973). Искусство и мораль. – М.: Политиздат.
89. Уткин В.Л. (1984). Культура движений (основы оптимизации). – М. – 59 с.
90. Файнбург З.И. (1979). Самоутверждение личности в спорте // Спорт и личность: Ежегодник. – М.: Молодая гвардия. – С. 203–222.
91. Феськов А.А. (1980). Особенности формирования и развития интеллекта личности в процессе спортивной деятельности: Автореф. дис... канд. филос. наук. – Минск. – 18 с.
92. Физическая культура и спорт в профилактике наркомании и преступности среди молодежи: Материалы Всерос. научно-практической конф. (21–23 июня, 2000, Смоленск). – М.: Изд-во дом РИГ-издат, 2000.
93. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
94. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.
95. Френкин А.А. (1963). Эстетика физической культуры. – М.: ФиС. – 151 с.
96. Фромм Э. (1990). Иметь или быть? 2-е изд., дополн. – М.: Прогресс. – 238 с.
97. Хьелл Л., Зиглер Д. (2001). Теории личности. – СПб: Питер. – 608 с.
98. Черникова О.А. (1975). Спорт и воспитание эмоциональных сторон личности // Спорт и личность: Сб. – М.: ФиС. – С. 175–184.
99. Штемме Фриц (1981). Футбол и общество // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 19–34.
100. Aaken E. van (1955). Die sportliche Hochleistung als Kunstwerk und absoluter Wert. Ein Ansatz zu einer Philosophie des Sports// Olympisches Feuer. – N 5. – S. 7–10.
101. Adorno Th.W. (1970). Erziehung zur Mündigkeit. – Frankfurt.
102. Ashworth E.E. (1979). Sport als symbolischer Dialog // Hammerich K., Heinemann K. (Hrsg.). Texte zur Soziologie des Sports. 2 Auflage. – Schorndorf: Verlag Karl Hofmann. – S. 51–57.
103. Auberger André, Brunet François, Schantz Otto (1994). Sport, Olympism and Disability // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 163–177.
104. Bok Vladimir (1975). Comparison of somatotypes in certain works of art with the view to the beauty of the living human body // A.I.E.S.E.P. Proceedings of International Conference on physical education, Prague, 1974/ Metodicky dopis. CSTV vedecko-metodicke oddeleni. – N. 7. – s.245–256.



105. Bouet M. (1977). The significance of the Olympic phenomenon: a preliminary attempt at systematic and semiotic analysis // *Int. Review of Sport Sociology*. – v.12, N. 3. – P. 5-22.
106. Brown George S., Gayner Donald (1967). Athletic Action as Creativity // *Journal of Creative Behavior*. – v.1, N2. – P. 155-162.
107. Černý J. (1968). Fotbol je hra (pokus o fenomenologie hry). – Praga.
108. Cheska Alyce Taylor (1979). Sports Spectacular: A Ritual Model of Power // *Int. Review of Sport Sociology*. – vol. 2 (14). – P. 51-72.
109. Ciupak Z. (1980a). Komizm sportowy // *Kultura fizyczna*. – rok XXXIII, N. 3. – P. 34-35.
110. Ciupak Z. (1980b). The funny side of sport // *International review of sport sociology*. – vol. 15, N. 3-4. – P. 135-141.
111. Coubertin Pierre de (1919). *Pédagogie sportive*. Nouvelle Édition. – Lausanne: Bureau International de Pédagogie sportive. – 158 p.
112. Coubertin Pierre de (1934b). *L'art et le sport* // *Pédagogie sportive*. Nouvelle Édition. – Lausanne. – P. 146–154.
113. Council of Europe. European charter on sport for all: disabled persons. – Strasbourg: Council of Europe, 1987. – 17 p.
114. Daume Willi (1981). Zeus & Apollo. On truths, errors and possibilities between sport and art // *Bulletin N. 8 du 11 Congress olympique de Baden–Baden*. – P. 65–67, 101–108.
115. Duránte Conrado (1994a). Pierre de Coubertin. Social Concept and Symbolism of Sport and Olympism // *Pierre de Coubertin an unrecognized genius... Committee International Pierre de Coubertin*. – Lausanne-Suisse. – P. 12-19.
116. Duret Pascal, Wolff Marion (1994). The semiotics of sport heroism // *Int. Review for the Sociology of Sport*. – vol. 29, N. 2. – P. 135-149.
117. Elliot R.K. (1974). *Aesthetics and Sport* // H.T.A.Whiting and D.W.Masterton. Reading in the Aesthetics of Sport. – Lepus Books. – P. 110-136.
118. Feshbach S. (1971). Dynamics and morality of violence and aggression. Some psychological considerations // *American psychologist*. – N. 26. – P. 281-292.
119. Fetters J. (1982). The body beautiful beyond stereotypes // *Journal of physical education, recreation and dance*. – N2. – P. 31-32.
120. Francis Leslie Pickering (2005). Competitive Sports, Disability, and Problems of Justice in Sports // *Journal of The Philosophy of Sport*. – vol. XXXII, N. 2. – P. 127-132.
121. Franke E. (1994). *Semiotik des Sports*. (Manuskript). – Osnabrück.
122. Franke E. (1999). Gerechtigkeit und Fair play – oder wie der Wettkampfsport zum Modell wird // R. Mokrosch & A. Regenbogen (Hrsg.). *Was heist Gerechtigkeit? Ethische Perspektiven zu Erziehung, Politik und Religion*. – Donauwörther. – P. 196–214.
123. Güldenpfennig Sven (1981). *Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980*. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
124. Güldenpfennig Sven (1984a). *Friedensfördernde Werte des Sports* // *Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung*. Band 206. – Bonn. – S. 171-188.
125. Güldenpfennig Sven (1984b). Philosophy of the relations between sport and peace // *Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly*. – Vol. XI, N. 1. – P. 43-57.
126. Heinilä K. (1966). Notes on the Inter-Group Conflicts in International Sport // *International Review of Sport Sociology*. – vol. 1. – P. 31-40.
127. Heinilä K. (1974). *Ethics of sport*. – University of Jyväskylä. Department of Sociology and Planning for Physical Culture. Finland, N. 4. Jyväskylä. – 72 p.
128. Iso-Ahola Seppo (1975). Social nature of spectator sports interest // *Research reports*. – N5. – Jyväskylä: University of Jyväskylä. – 29 p.
129. James William (1975). *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. – London, Collins. – P. 355-357.
130. Jeu B. (1972). *Le sport, la mort, la violence*. – Paris. – 208 p.
131. Jones Carwyn, Howe P. David (2005). The Conceptual Boundaries of Sport for the Disabled: Classification and Athletic Performance // *Journal of The Philosophy of Sport*. – vol. XXXII, N. 2. – P. 133–146.
132. Kopp B. (1975). Kreativität im Sportunterricht // *Sportunterricht*. – N10. – S. 338-341.
133. Kovich Maureen (1971). Sport as an art form // *Journal of health, physical education and recreation*, October.
134. Krawczyk Zbigniew (1996). Sport as Symbol // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 31, N. 4. – P. 429-438.
135. Lenk H. (1973b). «Manipulation» oder «Emanzipation» im Leistungssport. Die Entfremdung und das Selbst des Athleten // Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.). *Philosophie des Sports*. – Schorndorf. – S. 67-108.

136. Lenk H. (1979). Social philosophy of Athletics. A Pluralistic and Practice-Oriented Philosophical Analysis of Top Level and Amateur Sport. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – 227 p.
137. Lenk Hans (1981a). Eigenleistung: eine sozialphilosophische Analyse und ein «adamitisches» Plädoyer für eine positive Leistungskultur // Olympische Leistung. Ideal, Bedingungen, Grenzen. Begegnungen zwischen Sport und Wissenschaft: Eine Dokumentation. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaften. – S. 279-306.
138. Lenk H. (1981c). Sport, achievement and social criticism // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 369-382.
139. Magnane Georges (1964). Sociologie du sport. Situation du loisir sportif dans la culture contemporaine. – Paris: Gallimard.
140. Maheo Rene (1963). Baron Pierre de Coubertin and the sports movement of modern times // ICSPE-publication.
141. Maslow A.H. (1987). Motivation and personality (3<sup>rd</sup> ed.). N.Y.: Harper and Row. – 291 p.
142. McCann C. (1996). Sports for the Disabled: the evolution from rehabilitation to competitive sport // Brit. J. of Sports Medicine. – vol. 30 (4). – P. 279-280.
143. McIntosh P.C. (1984a). International Communication, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 276-284.
144. Pinter Stanislav, Filipcic Tjasa, Solar Ales, Smrdu Maja (2005). Integrating Children With Physical Impairments Into Sports Activities: A "Golden Sun" for All Children? // Journal of The Philosophy of Sport. – vol. XXXII. N. 2. – P. 147-154.
145. Ponomarev N. (1980). Sport as a factor of peace // Review, Int. Council of Sport and Physical Education. – Heft 3. – P. 6-12.
146. Ponomaryov N.I. (1981). Sport and Society. – Progress Publishers. – 239 p.
147. Readings in the Aesthetics of Sport/ Whiting H.T., Masterson D.W. /Eds./. – London: Lepus Books, 1974.
148. Richards D.A.J. (1971). A theory of reasons for action. – Oxford.
149. Rogers C.R. (1961). On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy. – Boston: Houghton Mifflin. – 231 p.
150. Rogers C.R. (1980). A way of being. – Boston: Houghton Mifflin. – 253 p.
151. Saraf M.J. (1977). Semiotic Signs in Sports Activity // Int. Review of Sport Sociology. – v.2. – P. 89-101.
152. Saram P.A. (1984). Some Sociological Observations on the World University Games of 1983 // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 231-233.
153. Serbus Ladislav, Hohler Vilem (1974). Aesthetics and Physical Culture // A.I.E.S.E.P. Proceedings of International Conference on physical education, Prague, 1974: Metodicky dopis. CSTV vedecko-metodicke oddeleni. – N 7. – s. 230-244.
154. Sherif Carolyn W. (1973). Intergroup Conflict and Competition // Sportwissenschaft. – vol. 3. N. 2. – P. 138-153.
155. Sherif Muzafer (1958). Superordinate goals in the reduction of intergroup conflict // American Journal of Sociology. – N. 63. – P. 349-356.
156. Sherif M. (1961). Intergroup conflict and co-operation. The Robber's cave experiment. – Oklahoma University Press, Norman.
157. Sherif M. /ed./ (1962). Intergroup Relation and Leadership. – New York.
158. Sherif M., and Sherif C.W. (1953). Groups in Harmony and Tension. – New York: Harper & Row.
159. Sherrill Claudine (1991). Concepts of adapted physical activity – the American experience // Sport for all: proceedings of the World Congress on Sport for All held in Tampere, Finland on 3-7 June 1990/eds. Pekka Oja, Risto Telama. – Amsterdam etc.: Elsevier science publishers. – P. 645-652.
160. Silanse Luc (1986a). Symbolism in Olympism – Symbolism in Art // IOA. The Report of the 26<sup>th</sup> session, Ancient Olympia. – Lausanne. – P. 116-129.
161. Simmel G. (1955). Conflict and the Web of Group Affiliations. New York: The Free Press.
162. Snyder Eldon E. (1991). The sociology of sport and humor // International Review for the sociology of sport. – v. 26. – P. 119-131.
163. Sport for all: Proceedings of the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3-7 June 1990. – Amsterdam. New York. Oxford: Elsevier Science Publishers, 1991. – 681 p.
164. Sport und Semiotik/ Friedrich G., Hildebrand E., Schwerin J. (Hrsg.). – St. Augustin, 1994.
165. Suenens L. (1973). The Alienation and Identity of Man // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 3-18.
166. Swierczewski R. (1978). The Athlete – the Country's Representative as a Hero // International Review of Sport Sociology. – vol. 13, N° 3. – P. 89-98.

167. Swierczewski R. (1981). Rozwoj zagadnień symbolizmu i jego implikacje dla analizy sportu // Sport i kultura/Praca zbiorowa pod red. Z.Krawczyka. – Warszawa: PWN. – P. 77-109.
168. Symbolique du sport // De la vraie nature du sport. Essai de deduction generale des categories sportives. – Paris: Editions Vigot, 1985. – P. 40-45.
169. Takacz F. (1973). Die Aesthetik der Körperkultur. Die Erscheinung des Aesthetischen in der Körperkultur und in der menschlichen Bewegung. – Budapest.
170. Takacz F. (1981). Ästhetische Kategorien und ihre spezifischen Manifestationen in der Körperkultur // Beiträge zur Ästhetik des Sports. – Leipzig. – S. 59-88.
171. Takacs F. (1986). The Theoretical Foundations of Sport Aesthetics // Review of the Hungarian University of Physical Education. – Budapest. – P. 233-250.
172. Tyszka A. (1985). Komunikacja symboliczna jako jedna z funkcji sportu // Kultura fizyczna i sport w ujęciu sociologicznym. Wybór testów/Pod red. Haliny Sekuły-Kwasniewicz. – Kraków. – P. 215-224.
173. Urbankowski Bohdan (1975). Metafizyka ciała – krytyka i inspiracja // Studia Filozoficzne. – Nr 2 (111). – s. 99-121.
174. Volkamer H. (1971). Zur Aggressivität in konkurrenzorientierten sozialen Systemen // Sportwissenschaft. – N. 1. – P. 33-64.
175. Wischmann B. (1971). Leistungssport – ein Mittel zur Selbsterziehung. – Berlin, München, Frankfurt a.M.
176. Witt Gunter (1982). Aesthetik des Sports. – Berlin: Sportverlag.
177. Wohl A. (1979). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. I. – Warszawa.
178. Wohl A. (1984b). The Integrational Functions of Competitive Sport and Its Role in Shaping International Competition, Co-operation and Mutual Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 99-103.
179. Wohl A. (1986). Wychowanie fizyczne dla wojny czy dla pokoju // Kultura fizyczna. – N.7-8. – P. 6-10.
180. World Conference on Education and Sport for a Culture of Peace (UNESCO, Paris, 5 – 7 July, 1999) // Olympic Review. – 1999. vol. XXVI. N. 28. – P. 32-55.

## Глава 15. Диалектически противоречивые реалии спорта

Как отмечено выше, диалектическая методология предполагает философский анализ не только социального потенциала спорта, но и реальной социальной значимости спортивной деятельности.

Начнем с анализа реальных проявлений *гуманистической функции* спорта.

### 15.1. Реальные проявления гуманистической функции спорта

Научный анализ конкретного фактического материала истории развития и современного состояния спорта выявляет высокий уровень реализации его гуманистического потенциала, а значит, важное социокультурное значение.

Как отмечено выше, *главная позитивная (с точки зрения идеалов и ценностей гуманизма) функция спорта состоит в том, что будучи основан на специально (искусственно) организованном соперничестве, спорт содействует его гуманизации и позволяет использовать соревнование для решения комплекса важных педагогических и социально-культурных задач гуманистической ориентации*. В первую очередь речь идет о том, что спортивное соревнование побуждает каждого участника к активности, дает возможность объективно сравнить, сопоставить свои способности с другими людьми, выяснить, в чем он превосходит их или, напротив, уступает им и тем самым дает мощный стимул к совершенствованию своих способностей. За годы развития спорта достигнуты существенные успехи в реализации заключенных в спортивной деятельности возможностей для решения и других важных гуманистических задач.

Прежде всего отметим те реализуемые аспекты потенциала спорта и его соответствующие социокультурные функции, которые связаны с процессом *социализации* личности.

Гуманистическая роль спорта в процессе социализации личности. Можно выделить ряд важных социокультурных функций, которые спорт *реально* выполнял и выполняет в процессе социализации личности.

1. Как отмечено выше, в спортивной деятельности заключены огромные возможности для решения одной из наиболее важных гуманистических задач социализации личности – создание условий для *самореализации*. История и современное состояние спорта показывают, что он играл и играет важную роль в реализации этого потенциала спорта и выступает как одна из важных специфических сфер *самореализации и самоутверждения личности* [Ленк, 1978, 1979; Столяров, 1988 и, 1989 а; Файнбург, 1979; Филимонова, 2004; Lenk, 1973 а, b, 1979, 1981 а, b, c; Wischmann, 1971 и др.].

Особенно велика ценность в этом плане спортивных рекордов. Всякого человека наполняет огромное чувство гордости за самого себя, когда он достигает того, чего не мог добиться ранее в спортивных поединках. Но эти чувства не идут ни в какое сравнение с теми, которые переполняют человека, когда он вообще первый из спортсменов достигает какого-то результата, переступает те границы, которые казались недостижимыми. Поэтому вполне понятно стремление многих людей добиться таких результатов, которые позволяют им испытать это чувство. Казалось бы, какое особое значение для человека может иметь тот факт, что он прыгнул на 1 см. выше (далее), пробежал дистанцию на несколько секунд (долей секунды) быстрее, поднял на несколько килограммов (сот граммов) больше, чем раньше? На деле это дает человеку очень много – и не только материальные блага, которые достаются победителям и чемпионам, а также славу и признание, которые их сопровождают. Эти сантиметры, секунды, граммы и килограммы дают возможность человеку испытать радость победы не только над своим соперником, но и над самим собой, над своими слабостями и недостатками, радость самоутверждения, самореализации, достигнутой на основе воли, настойчивости, длительной подготовки, самоотверженного труда. Эти чувства позволяют человеку достигнуть то, что на первый взгляд кажется просто фантастичным и невозможным. Например, в 1979 г. в г. Вальдниле (Германия) одна из японских спортсменок приняла участие в марафоне, хотя у нее было всего одно легкое.

2. Безусловно, важную позитивную роль спорт играет в *физическом совершенствовании*, формировании *физической культуры и здорового образа жизни людей*.

За длительное время развития спорта усилиями ученых, тренеров, самих спортсменов сформирована педагогическая технология, которая позволяет целенаправленно и эффективно воздействовать на все компоненты физического состояния человека, включая

его здоровье, физические качества, двигательные способности, телосложение и т.д., вносить в них нужные коррективы, исправлять дефекты, а также формировать соответствующие знания, умения, интересы, потребности, ценностные ориентации. На основе этого спорт эффективно используется для подготовки человека к трудовой, профессиональной деятельности, для полноценного участия в различных сферах общественной жизни.

В последние годы началась работа по *адаптации* («конверсии») разработанных и апробированных на практике в спорте высших достижений высоких технологий спортивной подготовки к потребностям и условиям физического воспитания детей и молодежи, использованию этих технологий в целях совершенствования содержания и форм организации физического воспитания в общеобразовательных и дошкольных учреждениях [Бальсевич, 1993 а, 2006].

3. Значительное позитивное влияние занятия спортом оказывают на формирование *психических* качеств и способностей человека (таких как воля, внимание, дисциплинированность, оперативное мышление и др.), его *психической культуры* в целом.

Особенно важную роль в этом играет спорт высших достижений. Спортивная тренировка и спортивные соревнования в этой разновидности спорта предъявляют высокие требования к проявлению спортсменом волевых качеств и к саморегуляции: для достижения успеха от него требуются постоянные усилия, ограничения, соблюдение строгого режима, и все это на протяжении многих лет, причем до последней минуты нет гарантии полного успеха. Тем самым он постоянно выступает как «школа воли», «школа эмоций», «школа характера» [Матвеев, 1991, 1997; Geiringer, 1972 и др.].

С этим связана важная гуманистическая роль спорта в решении той проблемы, которая, как отмечено выше, возникает при формировании культуры мира и противодействии «культуре» войны: *найти в мирных условиях средства и методы воспитания таких благородных качеств личности, как героизм, смелость и т.п., которые развиваются у участников военных сражений.*

4. В значительной степени реализуется также *познавательный потенциал* спорта. Высока познавательная роль спорта высших достижений. Это не просто слова. Так, например, анализ деятельности спортсменов высокого класса позволил ученым существенно продвинуться вперед в понимании сократительного мышечного акта. Изучение легочной вентиляции при различных физических упражнениях максимальной и субмаксимальной мощности позволило уточнить механизм выносливости человека и т.д.

Особо важная роль в этом принадлежит именно спортивным рекордам, ибо они определяют *границы*, которых можно достичь на основе использования тех или иных средств, предельные возможности, которыми вообще в этом плане располагает человек, раскрывают возможности его физического совершенствования.

Сошлемся для примера на два факта. Факт первый – ученых давно интересовал вопрос о том, каково максимальное количество кислорода, потребляемое человеческим организмом. На основе первых измерений, проведенных английскими физиологами в 20-х гг. XX столетия, был сделан вывод о том, что таким пределом являются 5 л кислорода в минуту. В течение длительного времени считалось, что практически это недостижимый показатель. Но уже в 1964 г. у знаменитого шведского лыжника Сикстена Ернберга была зарегистрирована величина МПК 5,8 л/мин. Сейчас этого показателя достигают десятки тысяч спортсменов. А у многих спортсменов этот показатель значительно выше. Например, у финского лыжника Юхи Мието он равен 7,5 л/мин. Второй факт касается пульса человека. Долгое время верхней границей пульса считали 200 ударов в минуту. Наблюдения за рекордсменами, пульс которых достигает 240–280 ударов в минуту, дали возможность уточнить и это представление.

Особенно важную познавательную роль играют спортивные рекорды, ибо они определяют границы, которых можно достичь на основе использования тех или иных средств, предельные возможности, которыми вообще в этом плане располагает человек [Абсаямов, 1996; Кузнецов, 1979, 1980, 1982; Матвеев, 1991; Столяров, 1988 и]. Спорт высших достижений служит своеобразным «испытательным полигоном», исследовательской лабораторией, позволяющей выявить и проверить возможности и способности человека (в технических видах спорта – и техники), пути их совершенствования: «это непрерывно ведущийся эксперимент, в ходе которого человечество в лице своих специально отобранных представителей – спортсменов и тренеров – постоянно пытается найти границы предельных физических возможностей человеческого организма и определить оптимальные пути

реализации этих возможностей» [Абсаямов, 1996, с. 34]. В этом смысле «спортсмен высокого класса – это донор человечества XXI в.» (формулировка известного спортсмена и ученого В.В. Кузнецова).

5. Наряду с познавательной спорт выполняет и важную *эвристическую функцию*. Характер состязательных ситуаций в спорте требует от спортсменов принятия творческих решений, что, безусловно, содействует формированию и развитию их творческих способностей: «Не нуждается в пространном обосновании доказательство эвристически-творческого характера решений, принимаемых в сверхсложных состязательных ситуациях (особенно в спортивных играх). Импровизационная точность, мгновенное угадывание единственно верного решения, когда сознательный выбор вариантов просто невозможен, несомненно, сближает особенности видения, мышления, двигательных реакций у спортсменов с аналогичными психическими процессами и физическими действиями в художественном творчестве» [Праздников, 1981, с. 12]. З.Р. Прувулович, обосновывая эвристическую ценность спортивных соревнований, пишет: «Соревнование может выявлять и выявляет новые таланты, часто неожиданно и в разнообразных формах содействует развитию различных способностей, талантов и умений. Кроме того, оно поощряет новые начинания и возбуждает стремление к приобретению новых знаний и более глубокому самовыражению» [Pruvulovich, 1982, p. 82–83].

6. Спорт оказывает значительное – и все увеличивающееся позитивное влияние – на *эстетические способности, эстетическую культуру* людей.

Это позитивное влияние спорта определяется не только его огромным эстетическим потенциалом, но и тем, что в силу самой природы спорта, тех социальных функций, которые он призван выполнять, указанные выше эстетические явления выступают не как второстепенные, а как *существенные* его компоненты.

Прежде всего важно учитывать, что современный спорт выполняет важную *зрелищную функцию*.

Под зрелищным обычно понимают такое действие, в котором достигается разрешение достаточно понятного зрителям конфликта с помощью активных, построенных по законам игровой стратегии действий, которые могут быть восприняты зрителем непосредственно в их развитии и сопровождаются глубокими эмоциональными переживаниями участников и зрителей. Этим требованиям зрелищности удовлетворяет спорт. Он является деятельностью, которая совершается по строго оговоренным условным игровым правилам. Эти правила заранее известны и хорошо понятны зрителю. Ему известны цели действий спортсмена в соревновательной борьбе и способы, которыми можно воспользоваться для их достижения. В связи с этим соревнование выступает для зрителя как определенная смысловая целостность. Любое частное событие зритель может соотнести с общей идеей спортивной борьбы, что позволяет ему легко оценивать влияние этого события на результат действий противоборствующих сторон в целом.

Зрелищность спорта, особенно его игровых видов, определяет и острота спортивной борьбы. «Отнимите у футбола, хоккея или бокса остроту борьбы, – замечает по этому поводу Ю. Власов, – и эти виды утратят свое эстетическое воздействие на зрителей» [Власов, 1966, С. 16]. Острота борьбы дополняется драматизмом, неожиданной сменой ситуаций, а вследствие этого и непредсказуемостью результатов борьбы, что также определяет зрелищную привлекательность спорта.

Вместе с тем важно отметить, что эстетическая организация спортивных соревнований, эстетическое совершенство в выполнении движений способны существенно повысить зрелищность спорта. Американский философ П. Вайс отмечал по этому поводу, что одна из основных причин существования зрелищных видов спорта связана с желанием человека воспринимать совершенство, с удовольствием, которое он получает от такого восприятия [Weiss P., 1969].

Особо важное значение в этом плане имеет техническое мастерство спортсменов. Чем выше техническая подготовка спортсменов, тем больше и масштаб задач, которые они способны решать, тем разнообразнее приемы, которыми они пользуются. Фантазия, импровизация, творческие решения различных игровых задач – вся эта «интеллектуальная красота» спорта, как это иногда называют, – существенно повышает зрелищную привлекательность спорта. И напротив, отсутствие мысли, шаблон, однообразие, схематизм в действиях спортсмена или команды резко снижают их эстетическую оценку, а значит, и зрелищность.

При обсуждении вопроса о значимости эстетического в спорте важно учитывать, что *эстетический* характер тех или иных феноменов в этой области тесно связан с их *функциональным* назначением. Для понимания этой связи следует напомнить тот уже отмеченный выше факт, что эстетически значимой, как правило, является совершенная форма, которая наилучшим способом выражает содержание, способствует эффективному выполнению определенных функций предмета, т.е. «функционально оправданная форма» [Сараф, Столяров, 1984]. Нельзя не вспомнить в связи с этим высказывание Ле Корбюзье о том, что «вещь, продуманная в целом, должна быть эстетической, иначе что-то не в порядке». Это положение имеет прямое отношение и к спорту.

На эту сторону дела применительно к движениям специально обращал внимание видный деятель физкультурного движения нашей страны В.В. Гориневский. «Красивое в движениях, – писал он, – оказывается в большинстве случаев также и целесообразным в смысле функций. Некрасивые движения, неприятно действующие на наше сознание, оказываются во многих случаях излишними и нецелесообразными. Инстинкт красоты, очевидно, руководит нами в выборе наиболее правильных и полезных движений тела. Задачи эстетики и динамики движений как будто бы вполне совпадают» [Гориневский, 1951, с. 92].

Данное обстоятельство отмечали и другие теоретики спорта и сами спортсмены. Так, Ю. Власов неоднократно подчеркивал влияние артистичности выступления штангиста на его результат. Грубый жест над штангой, пренебрежение эстетическими законами организации окружающей обстановки, указывал он, приводит к ухудшению технических результатов. На эту сторону дела применительно к боксу обращал внимание и олимпийский чемпион по боксу Борис Кузнецов: «В чем истинная красота? По-моему, прежде всего в отточенности движений. То, что красиво, всегда совершенно и законченно. А значит, и целесообразно. На тренировках каждый прием, каждый удар нужно доводить до совершенства. Нужно создавать курс «хореографии бокса». Пластичность нужна нам не меньше, чем фигуристам или гимнастам» [Цит. по: Решетников, 1976, с. 70].

При характеристике роли эстетических феноменов в спорте, связи этих феноменов с их функциональным содержанием следует иметь в виду и еще один важный момент. Современный спорт – это не только соревнования, но и напряженная подготовка к ним. Тренировка спортсмена как многократное повторение упражнений – процесс в известной мере однообразный, монотонный, утомительный. А в современном спорте – на уровне высших достижений – она занимает у спортсменов шесть, а то и более часов в день. Вместе с тем известно, что одной из важных особенностей эстетического отношения к какой-либо деятельности является получение эстетического наслаждения от этой деятельности. Еще Гегель, характеризуя сущность эстетического отношения, отмечал, что только там, где деятельность представляется «не тяжелым трудом, а легкой, доставляющей удовлетворение работой, на пути которой нет никаких помех и неудач» [Гегель, 1968, с. 271], где она сопровождается первой радостью новых открытий, свежестью обладания, завоеванием наслаждения, силой мышц, ловкостью рук, изощренностью ума, смелостью и храбростью человека, возникает эстетическое отношение к действительности.

В этом плане эстетическое содержание тренировочного процесса и связанные с ним чувства эстетического удовольствия, наслаждения помогают нейтрализовать, преодолевать монотонность этого процесса. Здесь важен и еще один момент: процесс деятельности, который доставляет субъекту эстетическое наслаждение, приобретает глубоко *личностный* характер, становится органическим компонентом его мотивационной сферы. Учет этого момента имеет большое значение для организации всей педагогической деятельности тренера, так как формирование и развитие эстетического отношения к спорту является важным резервом повышения эффективности спортивной деятельности. Когда спортсмен испытывает эстетическое удовлетворение в процессе деятельности, от него требуется меньше усилий. И наоборот, напряжение воли и всех сил необходимо тем более, чем меньше деятельность, которой он занимается, увлекает человека своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше в рассматриваемом случае спортсмен наслаждается своей деятельностью «как игрой физических и интеллектуальных сил», если воспользоваться словами Маркса. «Соревнование, – отмечал по этому поводу Л. Гиссен, – это праздник, а не самоистязание. Когда идешь на праздник, а не на эшафот, тогда все ни почем. И тогда-то у человека всегда открывается резерв в необходимые тысячные доли секунды, которые склоняют чашу весов в пользу сильнейшего» [Гиссен, 1977, с. 166].

Влияние эстетического содержания спорта на его функциональную сторону проявляется и в том, что организация того или иного вида спорта «по законам красоты» способна в корне изменить его. Так, например, танец на льду долгое время строился как механическое сочетание движений между собой и с аналогично соединенными музыкальными фрагментами. Голый техницизм и безликость спортивного танца тормозили его развитие, и прогресс этого вида фигурного катания был связан с осмыслением его как целостного, эстетически оформленного явления. Или, например, бокс, который, казалось бы, весьма далек от эстетики: пока он понимался и реализовывался на практике как поток ударов, он был груб, жесток, «физиологичен». Выступление боксеров, исповедующих иной стиль ведения боксерского поединка: легкие, обманные движения, отточенные до совершенства движения рук и ног боксера, позволяющие ему уклоняться от ударов соперника и самому наносить их и т.д., привели к существенным изменениям и в самом боксе. Он стал истолковываться прежде всего как система искусной защиты.

При характеристике воздействия эстетических феноменов спорта на его функциональную сторону следует учитывать и роль упомянутых выше специализированных, интегральных ощущений спортсмена, на базе которых формируются и определенные эстетические переживания. Эти ощущения помогают спортсмену почувствовать господство над своим собственным телом, над деятельностью мышц, способствуют восприятию красоты спортивного действия, а вместе с тем оказывают влияние на повышение эффективности спортивного действия [Takacz, 1973, 1974, 1981]. Для примера можно сослаться на игровые виды спорта с мячом. Развитие «чувства мяча», как уже отмечалось, связано с умением спортсмена отключиться от окружающего и сосредоточиться на внутренних ощущениях и на самом действии. Это позволяет спортсмену в условиях крайнего напряжения успешно решать игровые задачи, сохраняя хладнокровие и выдержку, а значит, способствует повышению эффективности действий спортсмена, позволяет ему играть более уверенно и надежно. «Очень тонкая и точная регулировка движений и согласованность их с движением мяча, – замечает по этому поводу Г.М. Гагаева, – создают особое впечатление полного подчинения мяча игроку. При ведении мяча игрок, «имеющий чувство мяча», может вести мяч в нужном направлении, почти не смотря на него... При наличии «чувства мяча» игрок получает возможность, не уменьшая скорость бега и не переставая контролировать движения мяча, ориентироваться в игровых ситуациях, в расположении и перемещении других игроков [Гагаева, 1969, с. 44]. Можно отметить также, что «чувство мяча» повышает желание спортсмена работать с мячом, совершенствовать свое техническое мастерство, создает приподнятое, хорошее настроение.

Отметим, наконец, и воспитательное значение красоты спорта, его эстетического содержания не только для спортсменов, но и для зрителей. На эту сторону дела обратил внимание, в частности, Ю. Рост в полемических заметках о футболе на страницах «Литературной газеты». Спортсмены издавна, а теперь в особенности, указывает он, стали носителями символов, качеств не какого-то конкретного лица, а всего клуба, города, страны, которые они представляют. Когда один спортсмен, одна команда выигрывает у другой, это уже не воспринимается как частный случай из жизни данных спортсменов. Это событие приобретает более обобщенный смысл. Некий социальный оттенок приобретает и качество игры. Погоня за очками, без стеснения в средствах, серые, монотонные игры рожают новый тип болельщика, не понимающего игры, ее красоты. Для них неважно, как играют, важно, кто выигрывает. Среди других факторов, породивших эту новую форму «боления», считает Ю. Рост, надо учитывать и снижение игрового искусства [Рост, 1983].

Ошибочным является мнение тех, кто разделяет виды спорта на «эстетические» и «неэстетические», высказывает негативное отношение к эстетической значимости отдельных видов спорта. О широком распространении такого рода взглядов свидетельствуют социологические исследования. В частности, при опросе 500 студентов института физической культуры Будапешта, который провел Ф. Такач, только 2,5% студентов не делали различия между эстетическими и неэстетическими видами спорта. Все остальные проводили такое различие [Witt, 1982, s. 31]. Причем, как отмечает Г. Витт, по мере повышения субъективности в оценке красоты (эстетической ценности) действий спортсмена в том или ином виде спорта повышаются шансы данного спорта быть причисленным к «красивым» видам спорта, а с повышением доли объективной (измеряемой) оценки эти шансы снижаются [Witt, 1982, s. 36].



А.П. Родионов еще в 1965 г. в своей кандидатской диссертации на примере бокса убедительно показал, что не существует «неэстетичных» видов спорта [Родионов, 1965; см. также: Маслаков, 1981]. Эстетика в принципе присуща всем видам спорта. Но при этом, конечно, необходимо учитывать, что в разных видах спорта эстетические явления могут проявляться по-разному и иметь различный «удельный вес». Например, в фигурном катании, художественной гимнастике и других так называемых художественных видах спорта, где судейская оценка непосредственно связана с учетом характера движений спортсмена, эстетические ценности принадлежат к числу *главных, ведущих* компонентов. В этих видах спорта эстетическое начало – «не просто сопутствующее явление, но структурно выделенный, «подчеркнутый» элемент спорта, обращенный непосредственно к спортивному результату» [Столяров, Сараф, 1982, с. 53]. Спортивная техника, спортивное совершенство в значительной степени связаны здесь с реализацией эстетической программы. Эстетическая ценность движения является здесь первичным, конструктивным элементом, который составляет предмет особой заботы тренера и спортсмена. К примеру, в прыжках с трамплина спортсмены в такой же степени заботятся о красоте полета, сколько и о его дальности. Можно согласиться с польским ученым Анджеем Тышкой, что в таких видах спорта, где критерием выступает не мера, вес, количество, а балльная оценка точности движения, красота является целью, поскольку она органически связана со спортивным результатом, спортивной победой. Вместе с тем эстетическое содержание может быть не выделено структурно или выделено не столь явно. Так обстоит дело, например, в футболе, баскетболе и других видах спорта, хотя, еще раз подчеркнем, и в них оно играет весьма существенную роль.

Особенно важное значение для формирования эстетической культуры личности имеют такие виды спорта, как художественная гимнастика, фигурное катание, спортивные танцы, синхронное плавание, фристайл, прыжки на лыжах с трамплина и другие так называемые художественные виды спорта, в которых эстетические явления представлены наиболее ярко и где эстетика составляет здесь предмет особой заботы тренера и спортсмена.

Многие педагоги стремятся и сознательно использовать спорт как средство воспитания способности воспринимать, чувствовать и правильно понимать прекрасное, действовать «по законам красоты».

Повышение внимания к эстетическому фактору – артистизму, выразительности движений и т.д. – характерно в настоящее время не только для «художественных», но и для других видов спорта. Одно из проявлений этого процесса в свое время точно подметил Н.А. Бернштейн, подчеркнув, что раньше старались наращивать грубую силу, теперь же главная задача тренировки – добиться совершенства в выполнении движений, управлении ими, в четком и осознанном контроле за ними. Другое проявление данного процесса состоит в том, что в большинстве видов спорта все большее внимание уделяется эстетической организации спортивных действий. В связи с этим уместно напомнить о стремлении многих футбольных и баскетбольных команд мира показывать не только высокие спортивные результаты, но и вызывать восхищение у публики красотой своих действий. Отметим также потрясающие по красоте церемонии открытия и закрытия современных Олимпийских игр, дающие возможность миллионам зрителей наблюдать эстетически красивое зрелище [Визитей 1982; Козлова, 2005 а, б; Лобжанидзе, 1980; Сараф, 1978, 1981; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, 1998 о; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Сараф, 1982; Френкин, 1963; Černý, 1968; Cheska, 1979; Spinrad, 1981; Stolyarov, 1984 b, 1985 a, b и др.].

Учитывая важную эстетическую значимость спорта, неправомерно рассматривать его как элемент лишь *физической* (телесной) культуры и к этому сводить все его культурное содержание. Такой подход к оценке культурного значения спорта настолько широко распространен, что приобрел характер догмы. Проведенный выше анализ показывает несостоятельность этой догмы применительно к эстетической культуре. В той мере, в какой со спортом связаны эстетические ценности, он проявляет себя как феномен не только физической (телесной), но также *эстетической* культуры.

К сожалению, огромный эстетический потенциал спорта не всегда учитывается. До сих пор встречается (особенно среди интеллигенции) мнение о том, что интерес человека к спорту (в отличие, например, от увлеченности театром, музыкой, живописью, поэзией и т.д.) и активные занятия спортом свидетельствуют о грубом или неразвитом эстетическом вкусе, поскольку сам спорт якобы лишен эстетической ценности и может лишь отрица-

тельно влиять на эстетическую культуру личности. Как отмечал А.А. Френкин, «есть еще немало родителей, которые внушают своим детям представление о хореографическом искусстве как о чем-то абсолютно прекрасном, самом красивом, воплощенном изяществе в отличие от грубого и обыденного спорта, в том числе обыкновенной гимнастики на брусьях, на кольцах, на перекладине» [Френкин, 1963, с. 94]. Однако, вступая в противоречие с самим собой, А.А. Френкин в той же работе высказывает мнение о том, что «искусство – более высокая форма эстетического освоения действительности, чем спорт» [Френкин, 1963, с. 87].

7. Спортивная деятельность играет важную роль в воспитании поведения, ориентированного на **демократические нормы и принципы**. Еще Кубертен полагал, что спорт способен вносить существенный вклад в формирование и передачу демократических ценностей в обществе, выступать как «школа демократии». По мнению бывшего Генерального секретаря ООН Бутрос-Бутрос Гали, «олимпийский идеал является гимном толерантности и понимания между народами и культурами. Это – приглашение к соревнованию, но соревнованию, в котором соперник пользуется уважением. Олимпизм – это своего рода школа демократии. Существует исходная связь между этикой Олимпийских игр и основополагающими принципами ООН» [цит. по: Kidane, 1999, p. 51]. Г. Ленк также считает, что участие молодежи в деятельности спортивных клубов прививает молодежи навыки группового демократического поведения [Ленк, 1978, с. 7].

Эта роль спортивной деятельности определяется прежде всего тем, что спорт, равно как и демократия, предполагает уважительное отношение к «правилам игры». Он учит уважать решения безотносительно к их правильности, только потому, что они принимаются теми авторитетами (в спорте – судьями), на которых возложено принимать эти решения. Кроме того, спорт учит допускать противодействие и соперничество подобно тому, как демократический принцип допускает существование оппозиционных партий и разных воззрений, а не загоняет каждого в прокрустово ложе общего согласия. В то же время человек учится признавать законность результата, даже если тот его и не удовлетворяет.

Президент международной федерации гребного спорта Д. Освальд отметил в докладе на международной конференции «Воспитание и спорт для культуры мира» (Париж, 5–7 июля 1999 г.), что спортивная деятельность требует от человека принять правила, которые устанавливают ряд ограничений (правила игры, соревнования и т.п.), как и аналогичные правила, определяющие нашу повседневную жизнь. Это также означает добровольное подчинение власти, независимо от того, идет ли речь о власти судьи, тренера, клуба, президента спортивной федерации. Эти представители властей неизбежно несовершенны и могут совершать ошибки, которые ведут к несправедливым решениям, так же как жизнь и судьба иногда кажутся нам несправедливыми. Спорт также предполагает желание участвовать в рискованной деятельности, где существует опасность поражения, что является значительным шагом на пути к толерантности и желанию подчиняться дисциплине: «Спорт – это прямо-таки школа толерантности. Прежде всего он дает индивидам урок гуманности. Любой должен быть в состоянии встретиться с несчастьями. Нужно признать, что другие люди знают больше, лучше подготовлены и способнее, а эти уроки незаменимы в жизни, где любой может оказаться в ситуации конкуренции. Нужно научиться принимать поражение без того, чтобы немедленно искать виновного. Лучше проанализировать поражение, найти его причины и признать собственную слабость, ошибки или неудачу» [Oswald, 1999, p. 40].

Особенно значимый вклад в формирование демократического поведения вносят командные виды спорта. Команды, которые формируются в спорте, включают непосредственный контакт «лицом к лицу», ассоциацию и кооперацию. В такой атмосфере легко вырабатывается дух сотрудничества и индивиды объединяются в единое целое. Дружеские отношения на спортивной площадке легко заметить в командной игре, когда члены одной команды действуют вместе как один человек: каждый выполняет в игре свои функции, но все работают вместе ради достижения общей цели. Как отмечает Х. Раскин, фактически здесь имеет место социальный эксперимент формирования поведения, которое контролируется правилами, системой наказаний и поощрений, демократическим стилем лидерства (со стороны капитана команды) и стремлением к достижению общей цели. «В подобной ситуации обычно можно наблюдать проявление таких характеристик, как дружелюбие, лояльность, командный дух (*esprit de corps*) и нравственные принципы коман-

ды». Тем самым развивается также чувство социальной совести, эмпатия, понимание прав и чувств другого [Ruskin, 1999, p. 28, 29].

8. История спорта дает немало ярких примеров **нравственного поведения** спортсменов в духе принципов Фэйр Плэй, демонстрируя тем самым, что он выступает как «школа Fair Play» [Манифест СИЕПС... 1977; Приглашение... 1993; Родиченко, 2007]. Вот лишь несколько иллюстраций. Датский ориентировщик Ханс Оле Кеттинг, не задумываясь, сошел с трассы, чтобы оказать помощь получившему травму сопернику. Анджей Грубба из Польши в финале престижного и очень денежного турнира Гран-при по настольному теннису, ведя в пятом сете 19:17, отказался от очка, по ошибке засчитанного в его пользу. В итоге проиграл шведу Уве Вальднеру. Игрок немецкой команды «Вердер» Франк Ордоневид совершил поступок, по футбольным понятиям невиданный. В матче с «Кельном» он остановил игру в своей штрафной и признался судье, что сыграл рукой. Пенальти – и «Вердер» проиграл. Французский фехтовальщик Жан-Мишель Анри отказался от укола, засчитанного было арбитром в его пользу. И не где-нибудь, а в поединке крупного турнира, входящего в зачет Кубка мира. Андрей Павлов из Новосибирска на чемпионате мира по легкой атлетике в Токио лидировал в ходьбе на 50 км. А его товарищ Александр Поташов здорово устал и, наверное, отстал бы, если бы Павлов не помог ему поддерживать нужный темп. Они финишировали одновременно, причем фотофиниш вывел в чемпионы Поташова.

Значит, спортивная деятельность предоставляет системе воспитания детей и молодежи *культурные образцы нравственного поведения* человека в условиях острого соперничества. К. Посьелло по этому поводу пишет: «Вместе с тем историческая роль спорта состоит в том, что он способствует созданию в обществах, где традиционные религиозные ценности и людские узы ослабевают, новой морали, регулирующей отношения между людьми в конфликтных ситуациях. Среди спортсменов-любителей распространяется своеобразная «этика порядочности», которая исключает нечестные уловки и ставит выше всего индивидуальные достижения – плод усиленной тренировки и самосовершенствования. Эта мораль в известном смысле родственна возникающей новой политической этике – этике английского парламентаризма, которая не позволяет победителю уничтожать побежденного и дает этому последнему надежду в будущем взять реванш. Начинается эпоха, когда по окончании политической дискуссии или спортивного состязания каждый считает своим долгом продемонстрировать «скромность победителя или достоинство побежденного»: люди учатся сдерживать свои чувства и соблюдать правила «честной игры» (Fair Play) и в политике, и в спорте» [Посьелло, 2006, с.57–58].

9. Спорт играет и всегда играл важную роль в организации **досуга** людей, их **общения, отдыха, развлечения**. В рамках такой разновидности современного спорта, как «спорт для всех», найдены новые формы игровой организации активного творческого отдыха и общения людей, реализации *рекреативной функции* в сфере досуга, которая в условиях научно-технического прогресса приобретает все более важное значение. Определенный вклад в реализацию этой функции вносит и спорт высших достижений, выступая как прекрасное *зрелище*.

10. На основе указанных выше особенностей и функций спорта он вносит определенный вклад в реализацию такой важной гуманистической ценности, как **свобода** личности. Данное положение можно пояснить на примере футбола. Многим людям доставляет огромную радость проводить свое свободное время на стадионах и вечером дома у телевизионных экранах, наблюдая за футбольными матчами. В противоположность усилиям и хлопотам трудового дня, в которых человек постоянно ощущает свою зависимость от других людей и обстоятельств, здесь для них открыта широкая сфера свободы и размышлений, «свободной игры физических и интеллектуальных сил» (выражение К. Маркса). Здесь они имеют возможность самостоятельно, свободно решать, с кем им быть или против кого, в соответствии с собственными соображениями и склонностями к одним относиться благожелательно, а к другим – нет и при том свободно проявлять свои отношения.

Во время футбольного матча зритель может свободно и громко выражать свое мнение еще и потому, что он действительно понимает игру. Под пониманием игры здесь имеется в виду не точное знание правил, церемониалов или институтов игры (например, точной формулировки правила о положении игрока вне игры), а понимание смысла игры, того, ради чего игра ведется, какой смысл имеет победа, а какой – поражение, как, в сущно-

сти, играется игра и каковы ее условия (в противном случае его «смотрение» как активное участие в игре вообще бы не имело никакого смысла).

Во многом такое понимание связано с тем, что благодаря радио, газетам и особенно телевидению зритель может очень легко ознакомиться с основными принципами и правилами футбольной игры. Наблюдая по телевидению за матчем, когда он бывает изолирован от закабаляющего воздействия трибуны, внушающей свое мнение, зритель может получить относительно объективные сведения о стратегии, тактике игры, о спортивной форме отдельных игроков, о качестве судейства, о влиянии места игры и погоды, о целесообразности или нецелесообразности выбранного стиля игры, так что его «профессионализм» и «повышение квалификации» в этой области часто бывают удивительными. Нередко он все знает о каждом игроке, тренере: их возраст, профессию, обстоятельства личной жизни, знает, какое значение они придают деньгам и другим материальным стимулам и т.д. Ему обычно известны не только способности игроков, которые он сам для себя давно уже оценил, но и отношения, существующие в его любимой команде, а если еще нет, то он всеми силами старается разузнать все их подробности. Это знание помогает оценивать спортивную результативность игрового коллектива, легче подсчитывать шансы на успех в предстоящих соревнованиях. Такое знание зрителем «отношений» – в том числе и закулисных отношений – в его любимой команде опять-таки представляет собой компенсацию за незнание подобных отношений в других областях его повседневной жизни.

Тем самым футбол «фактически является специфическим интермеццо беззаботности, специфическим интермеццо своеобразного напряжения и одновременно высвобождения из власти этого напряжения, единственной и неповторимой минутой и ощущением невиданного счастья среди обыденного, серого, среди так знакомой и безликой суеты, жизни, в которой мы ищем, работаем, устаем и терпим. Игра (и здесь, и там) обладает волшебной силой вырвать нас хотя бы на минуту из мира работы, напряжения, из мира начальников и подчиненных, из мира исполнения поручений. Игра дает нам свою свободу, игра позволяет нам изведать эту свободу» [Černý, 1968, с. 98]. Эти слова правомерно отнести и к большинству других спортивных соревнований.

Важный элемент свободы, которую дарует не только футбол, но и другие виды спорта, связан с проблемой *общения*, которая особенно актуальна в век научно-технической революции. Общение и контакты с другими – подлинный центр человеческого мира, наполняющий его важнейшим содержанием, в значительной мере, а может быть, даже полностью придающий ему значение. Общие интересы, возникающие, например, в процессе наблюдения за футбольным матчем, создают условия для того, чтобы люди, ранее совершенно незнакомые друг с другом, через 90 минут футбольного матча начинают запросто и свободно обращаться друг к другу на «ты», чтобы затем, довольные, разойтись и, наверное, никогда уже больше не встретиться. Причем каждый человек в этой ситуации осуществляет свободный выбор тех, кому он симпатизирует или к кому он относится с антипатией.

Но речь идет не только о свободе выбора партнеров. В определенной степени это касается норм и правил поведения. Ведь свои взгляды и соображения зритель может выражать свободно, поскольку на трибунах уровень общественной самоцензуры бывает самым низким. В некоторых случаях выражаемые им взгляды выходят даже за пределы, обозначенные правовыми и общественными нормами. Более того, зритель оказывается способен сделать на трибуне такое изречение или допустить такой поступок, на которые никогда не решился бы в другом человеческом коллективе: на заводе, в кино или даже в ресторане.

Наблюдение за футбольным матчем на стадионе придает акту «смотрения» и дополнительную эмоциональную окраску: «Быть на трибуне, слышать ее разговоры, ее язвительные замечания, ее радость, ее предположения, анализы, замечания, волны разочарования и ярости, ее похвалы (злорадные и искренние) – это совсем другое дело, чем сидеть дома в кресле перед экраном и ругаться про себя: «Ты, доходяга, как ты сегодня играешь?» [Černý, 1968, p. 17].

Как отмечает французский социолог Жорж Маньян в работе «Социология спорта», скандирование, воодушевляющее пение, рев и единый крик трибун напоминают моменты, когда зрители на представлениях трагедий в Древней Греции доходили до коллективного катарсиса. «Сидящие без движения зрители поют. Это не только пение, но и выражение умиротворения и искупления – выплескивание из себя всего того, что в ином случае за-

малчивалось бы, всего недоверия и мерзости будничной жизни, а также исход и разрешение самых затаенных, самых темных помыслов каждого из нас» [Magnane, 1964, s. 87].

В эмоциональной атмосфере футбольного матча можно выделить еще один важный аспект, существенно повышающий ее привлекательность, – возможность для зрителя отождествить себя с тем или иным понравившимся ему игроком, сделать себя представителем той или иной команды. Подобное представительство тешит самолюбие зрителя: ему приятно совместно с избранным им спортсменом (командой) быть на первом плане, легко достигать вершин ошеломляющего успеха, красиво преодолевать все трудности и препятствия и в результате встать на высшей ступени пьедестала почета увенчанным лавровым венком. Некоторые психологи указывают на то, что сама физическая неподвижность тела (в момент наблюдения игры) способствует возрастанию душевного аффектационного участия в проходящей игре. Тем самым усиливается аффектационный симбиоз, который возникает между спортсменами и зрителем.

Таким образом, свободная и эмоциональная атмосфера футбольных соревнований создает условия для «идеального переживания полноты человечности» (выражение Ф.Я.Я. Буйтендейка), но без той серьезности и той ответственности, которые могут быть столь обременительны в реальных жизненных ситуациях.

11. В последние годы во многих странах, в том числе в нашей, стала проводиться активная работа, направленная на использование спорта в целях **профилактики наркомании и других аспектов девиантного поведения** детей и молодежи [Виноградов, Жолдак, Моченов, Паршикова, 2003; Моченов, 1999; Физическая культура и спорт... 2000]. Эта профилактическая функция современного спорта имеет важное значение с учетом все более острой ситуации с различными формами негативного поведения детей и молодежи.

12. В спорте сделано и делается достаточно много для реализации отмеченных выше возможностей спортивной деятельности содействовать решению проблемы социальной реабилитации и интеграции **лиц с ограниченными возможностями (инвалидов)** в процессе их социализации [Губарева, 2000, 2001; Губарева, Столяров, 1997 а, б; Дмитриев В.С., 2003; Евсеев, 2011; Евсеев, Шапкова, 2000; Сборник материалов... 1993, 1998; Социальная адаптация... 1998; Спорт, духовные ценности... 1998 ж; Теория и организация... 2005; Aaken, 1981; Auberger, Brunet, Schantz, 1994; Beck, 1977; DePauw, 1997; DePauw, Gavron, 1995; Duncan, 2001; Francis, 2005; Guthrie, Castelnovo, 2001; Jochheim, 1984; Jones, Howe, 2005; McCann, 1996; Novak, 2008; Paciorek, Jones 1994; Pinter, Filipcic, Solar, Smrdu, 2005; Rieder, 1981; Sherrill, 1991; Snyder, 1984; Steadword, 2001 и др.].

Спорт для инвалидов существует более 100 лет. Но его интенсивное развитие связано с периодом после Второй мировой войны, с ее огромным количеством раненых людей – солдат, женщин, гражданских лиц. В поиске новых методов минимизации последствий их неподвижности активизировалась идея спорта как важного средства лечения и реабилитации. 28 июля 1948 г., в день церемонии открытия Олимпийских игр, в Лондоне были учреждены *Сток-Мандевильские игры*. Эти Игры были организованы в Сток-Мандевиле в госпитале. В соревнованиях по стрельбе из лука участвовало 16 парализованных мужчин и женщин, бывших военнослужащих. В последующие годы количество участников увеличилось, расширился и перечень видов спорта. В начале 50-х гг. в международных спортивных соревнованиях инвалидов стали принимать участие спортсмены ФРГ, Нидерландов, Швеции, Норвегии. Для руководства Играми была создана международная Сток-Мандевильская федерация (ИСМГФ), установившая тесные связи с Международным олимпийским комитетом. Было решено проводить эти Игры каждый четвертый год в стране Олимпиад и считать их *Олимпийскими играми инвалидов*. С тех пор трижды Игры проводились в олимпийских городах – Риме, Токио, Сеуле, дважды в странах, но не в городах Олимпиад – в Германии и Канаде и трижды – в других странах – в Израиле и Голландии из-за бойкотов 1980 и 1984 гг. Во время проведения Олимпийских игр в Мельбурне в 1956 г. МОК наградил ИСМГФ специальным кубком за воплощение олимпийских идеалов гуманизма.

В 1964 г. Игры для людей с повреждением позвоночника впервые были названы «Паралимпийскими», связав термин «паралимпиада» со словами «параплегия» и «олимпиада». Когда Игры стали проводиться регулярно и включать соревнования не только спортсменов-инвалидов с параплегией, параличом, но и других, главным в названии Игр стало значение префикса «пара» – присоединение, т.е. Игры, присоединившиеся к Олимпийским. Если первые Паралимпийские игры (Рим, 1960 г.) собрали 400 спортсменов с

поражением опорно-двигательного аппарата из 23 стран, то уже в 1996 г. в Атланте было 4500 спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата и патологией зрения из 120 стран мира. Программа Паралимпийских игр разнообразна. Так, летние Игры проводятся по следующим видам спорта: стрельба из лука, спортивная стрельба, легкая атлетика (метание копья на дальность и точность, толкание ядра, метание диска, забеги на различные дистанции, гонки на колясках, слалом, пентатлон и т.д.), фехтование, настольный теннис, баскетбол, футбол, волейбол, голбол, бильярд, боулинг, плавание, тяжелая атлетика, дзюдо и др.

В 1968 г. по инициативе Юнис Кеннеди-Шрайвер была создана Международная Федерация, организация спорта для людей с нарушениями интеллекта «*Спешиал Олимпикс*». Организация вовлекла в работу 1 млн. человек из 100 стран. В ее программу включено около 20 видов спорта. Всего в настоящее время в мире существует 78 интернациональных спортивных и 30 олимпийских организаций для лиц с ограниченными возможностями, которые вносят существенный вклад в реализацию гуманистически ориентированной социальной политики в отношении этих лиц [Подр. см.: Евсеев, 2011; Евсеев, Шапкова, 2000; Тарабыкин, Мишатин, 1997; Теория и организация... 2005; Auberger, Brunet, Schantz, 1994; Steadword, 2001 и др.].

*Таким образом, приведенные факты и аргументы дают основание для вывода о том, что в современном спорте успешно (в большей или меньшей степени) реализуются многие заключенные в спортивной деятельности возможности для социализации личности; он выполнял и выполняет важные гуманистические культурные функции в этом процессе.*

Гуманистическая роль спорта в системе социальных отношений. Факты свидетельствуют о важной роли спорта в системе социальных (международных, межгосударственных, межгрупповых и т.п.) отношений, в том числе для реализации ценностей культуры мира [Курило, 2000 а, б; Курило, Столяров, 2000; Сагалаков, 2005; Столяров, 2005 з, 2011; Столяров, Баринов, Орешкин, 2009; Столяров, Сагалаков, 2005, 2007; Gldenpfennig, 1981, 1984 а, b, c, 1985, 1989 а; Laitinen, 1984; Stolyarov, 1984 d и др.].

1. Прежде всего отметим реальную ***интегративную и миротворческую функцию*** спорта, которая связана с постепенно формировавшейся системой международных спортивных связей и контактов.

Спорт предполагает стремление спортсменов к постоянному превышению полученных результатов и сравнению их с достижениями других лиц – независимо от того, в какой стране или регионе они проживают. Поэтому на определенном этапе развития спорта возникают *международные контакты*, которые играют важную роль в международных отношениях: позволяют народам разных стран лучше узнать, познакомиться с достижениями культуры и специфическими особенностями друг друга и тем самым содействуют формированию таких общих убеждений, взглядов и образцов поведения, которые вызывают чувство взаимного уважения, симпатии, снимают отчужденность, способствуют взаимодействию, укреплению социальных связей, преодолению межкультурных барьеров, дают возможность преодолеть локальную ограниченность, связать и объединить непосредственных участников спортивных соревнований и зрителей различных городов, стран, континентов: «Постоянная погоня за новыми победами делает спортсменов путешественниками по всем континентам и одновременно учит их пониманию смысла международного сотрудничества, учит видеть общие интересы и стремления людей независимо от их религиозных убеждений, национальности или расы. Они хорошо знают, что в спорте нельзя отгородиться от достижений какой-либо страны и невозможно умолчать о них или пренебречь ими. Это и делает спорт незаменимым средством интеграции в международном аспекте» [Wohl, 1979, p. 278]. «Спортсмены обогащают свой личный опыт и учатся уважать других людей, своих соперников, вне зависимости от их расового или социального происхождения, поскольку они следуют одному курсу, испытывают те же волнения, сомнения, сталкиваются с аналогичными препятствиями, испытывают те же надежды, а возможно просто потому, что они – братья... Спорт... создает братские и дружественные отношения народов различных государств, между которыми на политическом уровне возможно не произносится ни слова» [Oswald, 1999, p. 40–41].

Важно отметить, что международные спортивные контакты начались еще тогда, когда многие другие области культуры ограничивались национальной средой. Если они и прерывались в силу чрезвычайных обстоятельств, то возобновлялись при первой же воз-

возможности. Так, например, уже почти на следующий день после окончания Первой и Второй мировых войн, как только сражающиеся стороны прекращали военные действия, спортсмены обеих сторон договаривались о спортивных встречах между собой.

В современном спорте создана солидная институциональная база для эффективного функционирования и развития международных спортивных контактов: национальные и международные спортивные федерации, которые руководят развитием отдельных видов спорта, а также универсальные и специальные организации, объединяющие различные комитеты, федерации, ассоциации и союзы или отдельных деятелей различного профиля. Особенно важную роль в этом плане играет Международный олимпийский комитет и Национальные олимпийские комитеты, которые имеют значительную дозу суверенности по отношению к национальным институтам. При этом наблюдается процесс все большего расширения этой институциональной базы международных спортивных контактов. Если до 1950 г. было только 60 международных спортивных организаций, то уже к концу 1970 г. их число увеличилось более чем в два раза, а сегодня насчитывается свыше 200 всемирных и региональных неправительственных организаций в области физического воспитания и спорта. Число стран, присоединившихся к международным федерациям в наиболее популярных видах спорта, таких, например, как легкая атлетика и футбол, уже превышает 150. Помимо международных федераций, руководящих развитием отдельных видов спорта, важное значение в международном спорте имеют универсальные и специальные организации, а также организации, объединяющие различные комитеты, федерации, ассоциации и союзы или отдельных деятелей различного профиля. Большинство международных спортивных объединений руководит развитием любительского спорта. Вместе с тем имеются объединения профессионального спорта и существуют объединения, в которые входят организации любительского и профессионального спорта [Международные и национальные спортивные организации, 1987; Международные спортивные объединения... 1973; Международный спорт... 1993; Прохазка, 1986; Столбов, 1978; Hietanen, 1982].

Для современного международного спортивного движения характерны многообразные международные спортивные встречи. Они являются наиболее систематическими и регулярными по сравнению со всеми другими. К примеру, в Европе сейчас нет такой недели, чтобы не проходили международные спортивные соревнования. Кроме чемпионатов почти по 50 видам спорта проводится огромное число турниров – различные Кубки, детские и юношеские соревнования, розыгрыши памятных призов, кроссы и велосипедные гонки, многосторонние и двусторонние матчи по разным видам спорта.

Международные спортивные соревнования позволяют установить контакты между странами, которые находятся в определенном конфликте.

Неоднократно он выступал как «посол мира», помогающий перебросить мост взаимопонимания, сотрудничества и доброй воли, установить или поддержать культурные и политические связи, дружественные отношения между различными странами и народами в условиях общей конфронтации. Так, в 1936 г., когда отношения между Германией и Америкой были особенно напряженными, немец Лутслон и Оуэнс, который был представителем расы, не слишком почитаемой в Германии, встретились на спортивной площадке. Эта встреча растопила лед отношений между двумя странами, и между спортсменами установилась дружба, продолжавшаяся вплоть до гибели Лутслона. Футбольный матч между Западной Германией и СССР в Аугсбурге вскоре после войны, когда отношения между этими странами были натянутыми, способствовал преодолению враждебности и недоверия.

Направление спортивных делегаций за рубеж использовалось для завязывания или укрепления дипломатических отношений между странами. Классическим примером этого является вояж в Китай команды спортсменов США по настольному теннису в 1971 г., явившийся прелюдией завязывания дипломатических контактов между этими странами (пока теннисисты играли, бывшие государственные деятели, приехавшие с американской командой, успешно провели частные переговоры, вслед за которыми последовало установление консульских отношений между странами и визит президента США Р. Никсона в Пекин). Аналогичная акция была предпринята КНР в 1972 г. Для восстановления экономических и дипломатических отношений с Японией китайцы пригласили в турне по Китаю женскую волейбольную команду Японии. В связи с этими событиями в политический лексикон вошли такие термины, как «пинг-понговая», «регбийная», «волейбольная» дипломатия.

Спортивные контакты используются и для своеобразного «наведения мостов» между странами, когда планируемый проигрыш команды одной страны создает для этой страны благоприятную политическую атмосферу. Так, в начале 1977 г. США в качестве шага к нормализации отношений с Кубой направили туда под видом национальной отнюдь не лучшую баскетбольную команду, выиграв над которой доставил кубинцам большое удовлетворение. Тот же прием нередко практиковал и Советский Союз, направляя в развивающуюся страну слабую спортивную команду.

Значит, в системе международных отношений спорт выполняет прежде всего две гуманистические функции: содействует укреплению мира и дружбы между народами, а также смягчению и регулированию конфликтов.

Данное положение нуждается в определенном разъяснении и уточнении, так как оно может пониматься не совсем правильно.

Ошибочно полагать, например, что спорт *прямо и непосредственно* приводит к прекращению военных столкновений и установлению мира. Такое примитивное понимание миротворческой функции спорта нередко приводит к тому, что эта его функция вообще отрицается. П. Сеппянен пишет, например: «Главная цель – сделать мир более мирным посредством Олимпийских игр вряд ли достигнута. Хотя олимпийская история и дает достаточно много примеров укрепления дружеских связей между отдельными атлетами, это не является доказательством того, что значительно усилилось взаимопонимание между нациями мира. Кроме того, можно привести много фактов, когда международные спортивные соревнования содействовали обострению международных конфликтов» (для иллюстрации он ссылается на ватерпольный матч между командами Венгрии и СССР на Олимпийских играх в Мельбурне, на так называемую футбольную войну; между Гондурасом и Сальвадором в 1969 г. и т.д.). В итоге он делает вывод: «Мечта олимпийского движения о более мирном мире осталась утопией. В действительности олимпийское движение было совершенно беспомощным, когда пыталось реализовать на практике свои мечты о международном взаимопонимании» [Seppänen, 1984 b, p. 4–5]. К аналогичному выводу приходят Г. Пильц и З. Фишер. По их мнению, международный соревновательный спорт, «вряд ли можно оценивать как средство, пригодное содействовать взаимопониманию народов и международному миру»; «фактически насилие является органическим элементом современного соревновательного спорта, а мир – утопией». Они приводят высказывание олимпийского чемпиона о том, что «я могу выигрывать лишь в том случае, если воспринимаю своего соперника как врага», и отмечают, что международные спортивные события не привели к прекращению ни одного военного столкновения, а вместе с тем приводят к сражениям между болельщиками, а однажды привели к настоящей войне так называемой футбольной войне между Гондурасом и Сальвадором. Все это показывает, что «международные спортивные события слишком далеки от мира» [Pitz, Fisher, 1984, s. 191–193].

Роль спорта в прекращении войны обычно обосновывают ссылкой на то, что еще античные Олимпийские игры стояли на службе мира. При обосновании этого положения ссылаются на то, что якобы «в преддверии этого великого праздника прекращались все распри и войны» [Олимпийский учебник... 2003, с. 11], «за месяц до Игр по всей территории Греции объявлялось священное перемирие (экехирия), прекращались всякие распри между полисами» [Столбов, 1989, с. 19], «во время их проведения прекращались все войны и объявлялось «священное перемирие», которое начиналось за месяц до Игр и кончалось после того, как участники разъезжались по домам» [Филева, 1980, с. 111]. «Самое замечательное в этом перемирии – то, что его признавали все города и общины Греции. Это было подлинно всеобщее перемирие» [Пуре, 1980, с. 29].

Однако такое представление о роли античных Олимпийских игр нуждается в определенной коррекции. Как отмечает Э. Нидерман, в античный период «в наполненном войнами мире» Олимпия не могла повлиять на прекращение войн. Самое большее, что она могла гарантировать, – это проведение Игр, несмотря на войны, да и то благодаря тому, что район проведения Игр окружался войсками [Нидерман, 1986, с. 25]. В. Шрёдер пишет о том, что «столь часто восхваляемый “олимпийский мир”, так называемая «экехерия» (ekecheria), был не более чем временным прекращением военных действий на греческой территории, где почти непрерывно происходили военные конфликты; без такого перемирия паломничество к святыням Олимпии было бы невозможно». Он обращает внимание и на тот факт, что самая известная речь, прозвучавшая во время Олимпиады 380 г. до н.э.,



отнюдь не была одой миру: «Это был призыв к грекам возобновить под предводительством Афин борьбу против персов» [Шрёдер, 1985, с. 5].

Английский ученый Джим Пэрри также считает, что «догма о всеобщем прекращении военных действий» во время античных Олимпийских игр «является фикцией». По его мнению, в античности речь шла не о *мире* (peace), а о *перемирии* (truce). Были три условия такого перемирия: неприкосновенность Эллады; участникам соревнований в течение трех месяцев разрешалось свободно путешествовать; все олимпийские государства договаривались о применении санкций к нарушителям» [Parry, 1989, p. 83].

Немецкий исследователь Манфред Леммер обращает внимание на значение самого термина «экехерия» (“*ekecheiria*”). Если буквально переводить его, он будет обозначать «состояние отведенной или остановленной руки». Этот термин, как правило, обозначал *перемирие*, предшествовавшее мирным переговорам. Договаривающиеся стороны брали на себя обязательства подавлять всякие попытки нарушения нейтралитета между Олимпией и Эллеей во время Олимпиад (народы этих государств имели репутацию мирных жителей и не участвовали во внутригреческих конфликтах, и неприкосновенность территории древней Эллады, по-видимому, всеми уважалась) и в соответствии с этим неприкосновенность всех участников Олимпийских игр. Правители предоставляли особое покровительство богам всем участникам Игр: спортсменам, тренерам и организаторам, которые могли там находиться в безопасности и без риска возвращаться домой. Эта особая защита участников празднеств и составляет более узкий смысл термина «перемирие». Такое перемирие вступало в силу, когда официально объявляли о начале Игр и приносили совместные жертвоприношения, и длилось примерно три месяца. Речь при этом не идет о всеобщем мире на территории Греции, как это нередко утверждают. Перемирие не могло означать всеобщего мира, поскольку Олимпийские игры в Греции не были единственными, проводились другие соревнования и праздники и сроки их проведения не совпадали [Леммер, 1974, с. 41; Lammer, 1984]. А.В. Кыласов, касаясь вопроса о священном перемирии в античной Греции, пишет: «При этом достоверно известно об античной экехерии лишь то, что иммунитетом от сражений обладали только сами места проведения состязаний, и во все не по причине самих Игр, а в силу священности храмовых комплексов, возле которых и устраивались Олимпиады». «Легенда о перемирии, – добавляет он, – сейчас стала символом всеобщего моратория планетарного масштаба на вооруженные конфликты во время Олимпийских игр. Красиво звучит и всем нравится, но ни разу не выполнялось» [Кыласов, 2010 а, с. 191].

При обосновании миротворческой функции современного спорта нередко ссылаются также на положение, согласно которому каждый человек испытывает потребность в снятии изначально присущей ему агрессивности, и спорт является одним из наиболее важных средств для этого. Так, Л. Сьюэне, обосновывая положение о том, что «спорт является инструментом международного мира или по крайней мере инструментом объединения людей», в качестве аргумента указывает на то, что «международные соревнования представляют собой разновидность сублимации природной агрессивности человека и дают народам возможность осознать, насколько тесно они связаны друг с другом» [Suenens, 1973, p. 7].

К числу наиболее известных сторонников этой концепции относится прежде всего К. Лоренц, пытавшийся применить к спорту теорию катарсиса, т.е. снятия эмоционального напряжения, агрессивных импульсов через участие в игре или ее созерцание. Он считал, что спорт выполняет функцию «безопасного клапана» для снятия или по крайней мере смягчения природной агрессивности человека, перевода ее в форму «ритуального конфликта» [Лоренц, 1994].

Аналогичные взгляды высказывали многие другие исследователи. Так, А. Байссер считал, что «спорт открывает возможность контроля за изначально опасными агрессивными импульсами» [Beisser, 1970, p. 147]. Н. Элиас обосновывает положение о том, что современный спорт, как и спорт вообще, в своем историческом генезисе является продуктом и активным элементом осуществления культурного и общественного цивилизационного процесса в смысле уменьшения насилия благодаря общественной институционализации поведения, регулирующего насилие [Elias, 1971]. В совместной работе с Э. Даннингом он рассматривает этот способ снятия агрессивности и напряженности как особенно характерный для современного индустриального общества [Elias, Dunning, 1970]. По мнению Г. Рихтера, Олимпийские игры и другие международные соревнования существуют

лишь потому, что спорт делает возможным компенсаторную замену агрессии, и что все эти соревнования дают «коллективам и индивидам шанс решить определенным образом свои проблемы соперничества, чтобы эмоциональные потребности были удовлетворены без серьезных последствий» [Richter, 1965]. Высказывается мнение о том, что вторичное вовлечение в спорт – в качестве зрителей (в том числе с использованием средств массовой информации) – также составляет важный социальный институт смягчения агрессивных, воинственных, охотничьих инстинктов человека [Loy, McPherson, Kenyon, 1978; Spinrad, 1981 и др.].

Такое понимание социокультурной гуманистической роли спорта широко распространено и среди известных деятелей олимпийского движения. Так, по мнению М. Мзали (премьер-министр Туниса, член МОК), «катарсис» посредством спорта более сильный и более эффективный, нежели, например, с помощью театра, которому аналогичную функцию приписывал Аристотель [Mzali, 1986, p. 40]. Н. Ниссиотис, бывший президент Международной олимпийской академии, член МОК, важную миротворческую миссию спорта связывает с тем, что «агрессивность составляет наиболее фундаментальную и необходимую силу человеческой природы», а «спортивное соревнование трансформирует человеческую агрессивность – биологический, существенный элемент, который выражает стремление доминировать над другими, – в средство дружеских отношений. Агрессивность, которая приводит к агрессивным действиям и в конечном итоге провоцирует все формы насилия, криминального поведения или даже девиации в сексуальном и эмоциональном поведении, становится необходимым источником величайшего усилия по преодолению границ возможностей человека посредством установления атлетических рекордов в мирном соревновании с другими» [Nissiotis, 1986, p. 59].

Однако многие специалисты оспаривают положение о том, что спорт выполняет функцию «безопасного клапана» снятия агрессивности и отмечают заключенные в спорте возможности для порождения и усиления конфликтов [Ленк, 1979; Denker, 1973; Gluckman, 1973; Guttman, 1978; Lenk, 1972b, 1973b; Volkamer, 1971; Wachter, 1983 и др.]. При этом, как правило, ссылаются на социальные эксперименты с малыми группами, которые методом исследования групповой динамики, коллективного поведения и межгрупповых отношений провели Д. Мортон [см.: Morton, 1953], Н. Смелзер [Smelser, 1962], а также М. Шериф и К. Шериф. В частности, речь идет об эксперименте, который провела американский социолог Каролин Шериф в летнем лагере для 12-летних мальчиков. Проведение спортивных соревнований (независимо от характера соревновательной деятельности) между двумя созданными из них группами оказалось достаточным для возникновения открытых конфликтов и вражды. Разрядить конфликтную ситуацию удалось только после создания положения, при котором от обеих групп потребовались совместные действия, и они вынуждены были взаимодействовать [Sherif C., 1973, 1976; Sherif M., 1958, 1961, 1962; Sherif M., Sherif C., 1953].

Помимо этого используются результаты других исследований, которые показывают, что игроки действительно менее агрессивны после игры, но это объясняется огромными затратами физической энергии. Что же касается зрителей, то они, как правило, проявляют повышенную агрессивность даже после выигрыша любимой команды [Guttman, 1978; Heinilä, 1966 и др.]. Ф. де Вахтер указывает также на несоответствие между психологической предпосылкой положения о том, что спорт выполняет функцию снятия агрессивности и философско-антропологической основой этого положения [Wachter, 1983]. Что касается психологического фактора, то многие эмпирические данные противоречат мнению сторонников обсуждаемой концепции, которые рассматривают агрессивность как врожденное качество и считают, что ее нельзя ни сформировать, ни ликвидировать. Однако в ряде работ [Montagu, 1978; Sherif C., 1973] обосновывается возможность воспитания и снижения агрессивности. В антропологическом смысле концепция спорта как «безопасного клапана» базируется на устаревшей теории мотивации, в соответствии с которой человек представляет собой закрытую систему и стремится к устранению всякой напряженности. Но, как показал Виктор Франкл, патологическим состоянием является не только перенапряженность, но и недостаток напряженности. Человек утрачивает смысл существования, если он не находит, чем заняться. Поэтому и спорт должен рассматриваться не как сублимированная агрессивность или не как способ устранения напряженности, а как попытка найти себе применение, устанавливая для себя особые цели и определяя свои собственные возможности [Frankl, 1975, p. 66–71].

Как отмечает Ф. де Вахтер, есть и еще одна причина для критики катарсической интерпретации спорта. Эта концепция подчеркивает агрессивную структуру спорта, поскольку исходит из того, что снижение агрессивности может произойти только благодаря актам, которые сами по себе агрессивны. Но тем самым фактически она обосновывает точку зрения, согласно которой спорт следует рассматривать как «символическую войну». В рамках этой концепции отмечается воинственная символика спорта, подчеркивается его аналогия с территориальными притязаниями [Garrett, 1976, p. 222], садомазохистская структура спорта с его агрессивностью и автоагрессивностью [Adorno, 1963, s.75]. Причем некоторые авторы [например, Wischmann, 1971, и др.] заходят слишком далеко в этом плане, полагая, что переживания, связанные со спортом, волнуют почти так же, как и ужас войны, и снижают порог страха перед войной. Не соглашаясь с такими ошибочными аналогиями, Ф. де Вахтер считает, что спорт и война, спортивная и агрессивная деятельность существенно отличаются друг от друга. При этом он ссылается на аргументы, которые приводят Б. Жё [Jeu, 1972, p. 57–59] и П. Вайс [Weiss P, 1969, p. 176–180].

Завершая рассмотрение данного дискуссионного вопроса, отметим, что при подведении итогов дискуссии на тему «спорт и конфликт», которая состоялась на международном научном конгрессе в Мюнхене в 1972 г., было сказано, что дискуссия так и не дала ответ на вопрос о том, содействует ли спорт конфликтам или их разрешению, но вместе с тем показала, что «спорт не может выполнять катарсическую функцию и тем самым содействовать снятию агрессивности в других областях жизни» [Sport in the modern... 1973, p. 80].

К числу реальных гуманистических функций спорта в системе международных отношений относится то, что он активно содействует *единению наций*, доказательству их жизнеспособности. Свидетельством этого является, в частности, история немецкого гимнастического движения, сокольского движения в Чехии, польского спорта в период немецкой оккупации и т.д. Участие в международном спортивном движении способствовало также процессу формирования и укрепления национального самосознания во многих странах третьего мира, который начался после их освобождения от иностранной экономической и политической зависимости [Акпере, 1974; Вайринен, 2005; Adefope, 1973; Deutsch, 1953; Foltz, 1981; Toohey, Warning, 1981; Wohl, 1984 b]. В 1947 г. в период борьбы большинства азиатских стран за свою независимость в Дели состоялась конференция по связям между странами Азии. Участники этой конференции высказали единодушное мнение, что континентальные спортивные соревнования помогут становлению азиатского единства [Спорт и политика в Азии, 1975, с. 25]. Межнациональные связи спортивных организаций союзных республик, безусловно, также способствовали их единению [Урукова, 1974].

После победы американской команды по хоккею на зимних Олимпийских играх тренер американских хоккеистов Херб Брукс заявил, что эта победа «совпала с периодом общей неуверенности вследствие экономического спада, инфляции, захвата заложников в Иране и событий в Афганистана. Эта золотая медаль заставила американцев на несколько часов или дней забыть о своих заботах и уязвленном самолюбии. Благодаря ей возникло новое чувство национального единства и национальной гордости» [цит. по: Кёх, 1981, с. 12]. В конце 1990-х гг. и в России заговорили о спорте как объединяющей идее, которая способна вывести россиян из кризиса. «Я думаю, что физическая культура и спорт могут стать общеобъединяющей национальной идеей. На наши игры приходят и Жириновский, и Зюганов, и Явлинский. А у них идеология совершенно разная. Но все они болеют за нашу команду, кричат, забывая, что они в общем-то представляют разные партии», – отмечал в своем выступлении на круглом столе в Государственной думе РФ на тему «Телевидение и спорт» заслуженный тренер СССР, президент баскетбольного клуба ЦСКА А.Я. Гомельский. Аналогичное мнение высказал и назначенный в 1999 г. новый министр спорта Украины, бывший игрок сборной команды СССР по баскетболу, проигравший несколько лет в американских профессиональных командах НБА А. Волков: «Спорт сегодня – это главный социальный фактор, способный противостоять нашествию дешевой культуры и дурным привычкам. Это лучшая "погремушка", которая сможет отвлечь людей от насущных проблем. Это, пожалуй, единственный клей, который способен склеить нацию воедино, что не удастся ни религии, ни тем паче политикам. Когда играет "Динамо" (Киев), на стадионе и у телевизора в едином порыве объединяются все – и верующие, и неверующие, и центристы, и радикалы» [цит. по: Гуськов, 1999, с. 51–52].

Спорт как определяющая политическая сила был даже «крестным отцом» формирования целых государств. Наиболее характерным является пример Финляндии. В начале XX в., когда олимпийское движение начало завоевывать все большую популярность, эта страна была автономным великим княжеством Российской империи. Финское национально-освободительное движение включало в себя и спортивные организации. В 1906 г. они объединились в Центральный спортивный союз. Основной целью союза было самостоятельное участие в Олимпийских играх. Царские дипломатические чиновники пытались любыми путями помешать этому. Они не смогли воспрепятствовать участию финских спортсменов в Играх, но им удалось добиться, чтобы финны не выступали под своим флагом. Так, под знаком политической борьбы, началась олимпийская карьера Финляндии. Ее спортсмены входили в состав русской делегации и все-таки выступали в форме с изображением национального герба. На парадах они шли, демонстративно соблюдая дистанцию в несколько метров от русской делегации. Когда на Играх 1912 г. в Стокгольме Ханнесу Колехмайену удалось выиграть 0,2 сек. у знаменитого французского бегуна Жана Буэна на дистанции 5000 м, русская пограничная провинция Финляндия впервые была осознана мировой общественностью как самостоятельная страна. Эту пятую часть секунды в Финляндии принято считать самой важной единицей времени в национальной истории [Кёх, 1981, с. 14].

В соревнованиях спортсмены демонстрируют не только свои способности, но и способности группы людей, проживающих в определенном районе, городе, стране, а также нации и т.д., которую они представляют. Их успех в соревнованиях имеет важное значение для того, чтобы поднять престиж не только их самих, но и данной группы людей, а также соответствующего района, города, страны, нации и т.д. И нередко только спорт предоставляет им возможность привлечь к себе внимание.

Международные спортивные соревнования содействуют установлению *дружеских отношений и между самими спортсменами*. Опрос спортсменов разных стран, проведенный, например, в ходе международного социологического исследования «Спорт и международное взаимопонимание», показал, что свыше 10% респондентов имеют более 10 друзей-иностранцев и некоторые имеют более 30 таких друзей [Heinilä, 1986, p. 81].

При анализе миротворческой функции современного спорта необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Как показывает история спорта в XX столетии, наиболее благоприятные условия для его развития складываются при наличии мирных отношений между государствами. Международная напряженность, эскалация гонки вооружений и тем более военные действия создают огромные препятствия, наносят существенный ущерб, а иногда приводят и к катастрофическим последствиям для спорта. Это подтверждает история олимпийского движения. Из-за мировых войн не состоялись Олимпийские игры 1916 г. в Берлине, 1940 г. в Хельсинки и 1944 г. в Лондоне.

Осознание необходимости мира для успешного функционирования и развития спортивной деятельности подталкивает всех тех, кто участвует в спорте и олимпийском движении, связан с ними, ценит их, к *активной борьбе за мир*, за мирные способы разрешения возникающих конфликтов. В период холодной войны спортсмены играли активную роль в рамках развернутого во всем мире движения прогрессивных сил за предотвращение войны, сохранение мира и жизни на земле.

Среди наиболее крупных акций в этом плане можно отметить участие спортсменов во Всемирной ассамблее «За мир и жизнь, против ядерной войны», ежегодные международные форумы атлетов в ФРГ в поддержку Крефельдского воззвания, различные международные соревнования, специально посвященные укреплению мира и дружбы между народами (например, многодневная велогонка мира, международные автомобильные соревнования – ралли «За мир и дружбу», эстафеты и велопробеги мира в Швеции, Голландии, Финляндии и др.). В ряде стран спортсмены объединялись для борьбы за мир. В качестве примера можно сослаться на движение «Спортсмены против атомных ракет», развернутое сначала в ФРГ, а затем в Финляндии, Дании, Швеции и других странах. В Греции была создана организация «Спортсмены за мир и разрядку», в США – «Союз спортсменов за мир» и т.д. [Петушкова, 1988; Güldenpfennig, 1981, 1984 a, b; Laitinen, 1984; Schulke, 1981; Sportler... 1983, 1984].

Спортивные соревнования, особенно международные, включая Олимпийские игры, вносят существенный вклад в преодоление расовой дискриминации. Если в одной олимпийской команде принимают участие представители всех рас, если, к примеру, в 1960 г. в

десятиборье на пьедестале почета вместе стояли представители черной, желтой и белой расы, то это, бесспорно, служит «демонстративным символом возможного преодоления расовых барьеров» [Ленк, 1981, р. 79].

Международные спортивные контакты – это не только непосредственные встречи спортсменов, тренеров, болельщиков и т.д., но и сообщения об этих встречах в средствах массовой информации, а также сотрудничество различных спортивных организаций. Эти контакты являются важной составной частью гуманитарного сотрудничества. Как область культурного обмена они обладают широким диапазоном форм и видов связей, наличием исторически сложившихся традиций, развитой организационной структурой. Так, например, в практику международных спортивных контактов прочно вошла система долгосрочных двусторонних и многосторонних соглашений, которая помогает придать процессу международной интеграции в сфере спорта управляемый и планируемый характер. Эта система предусматривает многообразные формы контактов:

- обмен спортивными делегациями и отдельными спортсменами для участия в двусторонних и международных соревнованиях;

- проведение совместных тренировочных сборов по различным видам спорта;

- обмен тренерами, учеными и специалистами в области спортивной науки, медицины, спортивной индустрии, архитектуры, а также средств массовой информации;

- участие в семинарах и конференциях, проводимых с целью повышения мастерства спортсменов, квалификации тренеров и обмена достижениями, исследованиями в различных областях спорта;

- обмен документацией и опытом организации работы в области строительства спортивных сооружений и производства спортивного инвентаря и оборудования;

- обмен делегациями руководителей спортивных организаций для ознакомления со спортивным движением, согласования программ спортивных обменов, консультаций по актуальным вопросам международного спортивного движения [Бугров, 1971, 1982; Прохоров, 1978].

Интеграции людей содействуют и спортивные зрелища. Это можно проиллюстрировать на примере футбола. Если современный театр, а в еще большей степени кино направлены на изоляцию каждого зрителя, атмосфера футбольного матча создает условия для того, что американцы называют «посмотреть представление за компанию». Интенсивность эмоций здесь растет пропорционально числу зрителей. Воздействие спортивной игры на зрителей принципиально отличается от театра и кино атмосферой коллективизма. Оно формирует «стремление пережить что-либо сообща» (своим «*Dabeisein*», «присутствием», как писал Х.Г. Гадамер). Драматическое действие футбольного зрелища оказывает такое психологическое влияние на зрителей, что превращает их в коллектив, объединенный общим переживанием. На основе этого многие члены данного коллектива начинают ощущать «родство» между собой и, более того, как бы принадлежность к первому в истории действительно «бесклассовому обществу».

По данному поводу Ф. Штемме замечает, что на ежегодном финале кубка футбольной ассоциации в Лондоне публика состоит только из двух групп, и принадлежность зрителя к каждой из них легко установить по эмблеме клуба, которой украшена его одежда, и по месту, которое он занимает на трибунах; болельщики одной команды сидят на одном конце стадиона, другой – на другом. «В самом деле футбольных болельщиков не разделяют никакие ограничения или условности. Футбольный стадион – это поистине общий знаменатель для тех, кто вне его никогда бы не зашел в контакт между собой. Рабочие, чиновники, предприниматели, министры, президенты, политики, ремесленники, крестьяне, представительницы прекрасного пола – все стоят плечом к плечу на трибунах стадиона. Это создает иллюзию общества, не разделенного ничем иным, кроме сочувствия той или другой команде» [Штемме, 1981, С. 26].

Таким образом, интегративная и миротворческая роль спорта состоит в том, что он посредством развития сети мирно регулируемых и освещаемых в средствах массовой информации спортивных соревнований, встреч, связей непосредственных участников спортивных соревнований и зрителей содействует:

- установлению контактов между странами, которые находятся в определенном конфликте;

- знакомству народов разных стран с достижениями культуры и специфическими особенностями друг друга;

- формированию общих убеждений, взглядов и образцов поведения, которые вызывают чувство взаимного уважения, симпатии, снимают отчужденность, способствуют взаимодействию, укреплению социальных связей, преодолению межкультурных барьеров;
- преодолению локальной ограниченности, связи и объединению непосредственных участников спортивных соревнований и зрителей различных городов, стран, континентов, формированию дружеских отношений между ними;
- единению *наций*, доказательству их жизнеспособности.

2. Существенный вклад в выполнение спортом интегративной и миротворческой функций вносят связанные со спортивной деятельностью и, как было отмечено выше, имеющие ярко выраженную гуманистическую направленность знаки, смыслы и значения. Тем самым спорт выполняет *символическую функцию* в системе социальных отношений. Особенно важное значение в этом плане имеет то, что спортивные соревнования демонстрируют (доказывают) возможность и преимущества *мирной* («мягкой», «гуманной», «человечной», основанной на этических принципах) *модели соперничества*.

Можно выделить ряд особенностей этой модели, свидетельствующих о ее ярко выраженном гуманистическом характере.

Во-первых, она противостоит такой антигуманной форме соперничества, которая связана с использованием *оружия*, т.е. войне. Спортивное соревнование проводится в искусственно созданных условиях, регулируется правилами игры и в этом плане выступает как образец, модель *мирного* соперничества. В этом смысле спорт выступает как «символ мира», «символ мирного соревнования между народами в условиях взаимопонимания».

Во-вторых, эта модель соперничества демонстрирует возможность *диалектического единства ассоциации (сотрудничества) и конфликта*. Эта ее особенность связана с тем, что, как уже отмечено выше, в рамках спортивного соревнования осуществляется такая «встреча» соперников, которая, с одной стороны, выступает как разногласие, спор, соревнование, соперничество, а, с другой – как сотрудничество, обмен, совместное участие [Güldenpfennig, 1981, s. 32; Güldenpfennig, 1984 b, p. 48]. Речь идет, следовательно, о соединении «ассоциации» и «конфликта», что может быть выражено в понятии «*мирное соревнование*». «Спортивное соревнование как двусмысленная встреча символизирует единство конфликта и ассоциации или конфликта в ассоциации. Тем самым существует образец, модель возможного мирного соревнования как культурное достижение и момент культурного развития. Возможность такого влияния усиливается тем, что это демонстрируется перед массовой аудиторией» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 181]. Ту же особенность спорта отмечают и другие исследователи. «Спортивное состязание символизирует диалектическое единство конфликта и общности и являет собой образец мирного соревнования, способного стать фактором культурного развития» [Майер, 1984, с. 18].

В этом смысле спортивное соперничество представляет собой символическую модель миролюбивого значения *международной кооперации*, несмотря на дальнейшее существование определенных конфликтов, а также символическую *модель гуманного разрешения и ограничения конфликта*. Спорт показывает пример разрешения конфликтов бескомпромиссным и соревновательным, но мирным путем. Он как бы призывает: «Давайте лучше состязаться в спорте, чем убивать друг друга!»

Поэтому ошибочно сближение и тем более отождествление спорта с войной. Такой подход основан на абсолютизации момента соревнования в спорте по сравнению с моментом ассоциации. Кроме того, «не замечают совершенно противоположное соотношение между конфликтом и ассоциацией в обеих областях». В военном разногласии «реальный конфликт является руководящим к действию моментом», хотя он и ограничен некоторыми ассоциативными моментами (например, Женевская конвенция). «В отличие от этого в спорте руководящим к действию моментом является регулируемая определенными правилами ассоциация, которая в своем общем проявлении в культурном отношении ограничивается моментами специфического для спорта (символического) конфликта». Решающее значение в спорте имеет именно ассоциация, поскольку он представляет собой «искусственно конструируемый и символизированный конфликт» [Güldenpfennig, 1981, s. 32–33; 1984b, p. 48].

Спорт демонстрирует также образец *ограничения* конфликтов, поскольку при нормальных условиях спортивная деятельность регулируется на основе правил и соблюдения принципов «Fair Play» (честной, справедливой игры). В этом плане спорт демонстрирует

культурный образец такого поведения в соперничестве, которое ориентировано на нравственные нормы и принципы.

Символическая функция спорта как модели гуманного разрешения и ограничения конфликтов особенно важна в настоящее время. Для современного общества характерно наличие множества конфликтов в социальной и политической области. Причем они настолько тесно соприкасаются, воздействуют друг на друга, что имеется опасность их эскалации. Они могут перерасти во враждебность и вооруженный конфликт. Поэтому крайне важно найти средства смягчения и ограничения конфликтов. Как отмечает профессор политологии Кристиан граф фон Кроков, автор нескольких трудов на тему «Спорт, общественность и политика», «в условиях прочного мира, всеобщей гармонии и единства Олимпийские игры почти не были нужны – в лучшем случае в качестве особого захватывающего вида развлечения». Однако они крайне необходимы «в условиях глубоких конфликтов и всеобщей напряженности и раздора». «Верно то, что спорт не может разрешить политические конфликты... Идея спорта и в особенности Олимпийских игр заключается в том, чтобы молодежь со всего света встречалась в мирной борьбе, несмотря на все конфликты или даже из-за них, вопреки всем раздорам, характеризующим наш мир или именно из-за них» [Krockow, 1981, p. 10].

Особенно широкий круг символов спорта связан с олимпизмом. В основе концепции олимпизма Кубертена, как отмечено выше, лежит *«религия спорта»* – этическая система, не основанная на сверхъестественной санкции и тем самым не являющаяся религией в собственном смысле слова, но обладающая всеми признаками религиозного культа. Зажжение олимпийского огня, шествие, клятва, торжественные обороты речи – все это восходит к религиозному ритуалу античности. В некотором смысле и современный спорт в целом выступает как своеобразная «религия» [Кыласов, 2009; Пегов, 1998; Франке, 2006].

В-третьих, в спортивном соперничестве, как отмечено выше, реализуется в определенной форме и степени *демократический принцип справедливости и равенства шансов*, что определяет важное значение спорта в реализации широкого круга ценностей демократии, в борьбе против расизма, ксенофобии, антисемитизма и нетерпимости.

Особый акцент на символическом значении спорта и Олимпийских игр в рамках их миротворческой функции делает в своих работах Г. Ленк. По его мнению, «неуместно перегружать олимпийскую идею чрезмерным требованием фундаментальной и значимой миссией мира и прямыми политическими функциями. Тем самым, возможно, даже снижается ее реальная социальная эффективность». Г. Ленк считает, что хотя непосредственно Олимпийские игры «не выполняют эффективную миротворческую миссию, как это им иногда приписывают, но они являются символом лучшего и более гуманного мира, взаимопонимания спортивной молодежи, преодолевающим все национальные и культурные барьеры... Они представляют собой пленительный символ единства человечества в его высочайших устремлениях. Поэтому, несмотря на неопределенность и двусмысленность олимпийской идеи, ее фундаментальные ценности могут содействовать социальному объединению и вызывать социальный эффект совместимости и единства в рамках олимпийского движения. По крайней мере часть межкультурного общественного эффекта является функцией ее неспециализированной, не фанатичной и культурно толерантной системы ценностей». Олимпийская идея «вносит косвенный вклад как эффективный наглядный символ политического нейтралитета, который создает повсеместно приемлемую систему ценностей, формирующей единство интернационально понимаемых целей и традиций, и создает возможность для лучшего понимания среди представителей различных народов и культур».

Точно так же, отмечает Г. Ленк, неточно и не совсем правильно говорить о всеохватывающем «олимпийском взаимопонимании между народами»: «Не народы познают друг друга, а в лучшем случае их избранные представители, которые, хотя и не избираются репрезентативно, в глазах окружающего мира представляют, однако, свою страну». Однако «с помощью коммуникативных средств во всех уголках земного шара высылается, говорится или печатается, короче говоря, распространяется информация о том, как участники Олимпиады встречаются между собой в олимпийской деревне, завязывают контакты со спортсменами из других стран, других рас и культур. В этом смысле это олимпийское «взаимопонимание между народами в малом» может оказаться в известной степени действительно посредническим. Оно имеет важное символическое значение и влияние, оказывает социальное воздействие, выполняет, так сказать, ведущую функцию с многократ-

ным воздействием... Поэтому эффективная благодаря информационным средствам, ведущая функция Олимпийских игр как символ сплоченности и единения между людьми, не должна недооцениваться». Значит, по мнению Г. Ленка, ошибочно прямо связывать олимпийскую идею с миротворческой миссией. Однако «некоторые ее социальные функции косвенно могут быть интерпретированы таким образом, учитывая широкое символическое воздействие ее политической нейтральности, формирующей и развивающей систему общечеловеческих ценностей, что по крайней мере дает возможность молодым атлетам, представляющим различные нации, встретиться, познакомиться друг с другом и частично понять друг друга. В этом смысле Олимпийские игры и олимпийское движение в целом выполняют важную символическую роль и функцию как идеал единства человечества». «Олимпийские игры как идеальный символ мирного объединения человечества и молодежи – могут отражать положительную и специальную “мифологическую” роль или функцию – даже, и особенно, сегодня, несмотря на факт, что они ныне совершенно далеки от древней истории, не будучи основаны больше на религиозном мифе». Эта мифологическая роль (функция) состоит в том, что спортсмены высокого класса в символическом плане выступают как Гераклес западной культуры и как модель ее самовыражения [Ленк, 1981, с. 75, 79; 1997; 1999, с. 178; Lenk, 1974; 1976 с, р. 1, 2; 1984 b, р. 9].

В работах Г. Ленка отмечается и важная *мифическая функция* современного спорта. Прежде всего он указывает на то, что его понятие этой функции отличается от известного понятия мифа «как всеохватывающего мировоззрения в образах и традиционных исторических преданиях или сферах обитания Богов». Миф понимается им как «идеологическая система положений веры для когнитивного оправдания предложений опыта или нормативных убеждений», как «модель ориентации, конституирования и истолкования для нормативных проектов и оценок, которая, придавая смысл данным проектам, превращает их в аллегории» [Ленк, 1997, с. 157]. Такое понятие мифа, по мнению Г. Ленка, позволяет выделить ряд мифических функций современного спорта. В частности, появляется возможность дать «мифологическое истолкование очарования зрителей» и показать «мистическое» значение для них спортивных соревнований: «С точки зрения зрителя спортивные соревнования могут пониматься как современные варианты драматических боев между «героическими ролями», которые несут в себе чуть ли не архетипическую символическую силу воздействия». Принцип достижения спортивного результата может рассматриваться «в качестве “чистой сущности” поведения, направленного на достижения успеха в идеальной форме, стандартизация и оценка которого осуществляется благодаря символическому воплощению внутри такой сферы поведения, которая обеспечивает строгое сравнение, наглядность и, наконец, простое понимание» [Ленк, 1997, С. 160, 162, 163].

При обосновании последнего положения Г. Ленк ссылается на работы других авторов [Adam, 1978; Krockow, 1974]. Помимо этого, он предлагает рассматривать спорт «как символическое микрокосмическое изображение архетипической ролевой динамики и ее функций в качестве современного мифа». В частности, по его мнению, соперничество, борьба, стилизации под «наших» и «ненаших», победа или поражения – все эти феномены служат лишь образами альтернативы «Все или ничего»: человеческая тенденция выстраивать и наблюдать двухмерные дихотомии, а затем противопоставлять группу, связанную чем-то внутренним, внешней стороне. Профессиональный спорт формирует определенный образ жизни, определенную модель поведения. Она «мифически» символизирует *архетипические* представления. «Это модель экзальтированной жизни и личного участия, которые нетипичны для повседневной жизни» [Ленк, 1997, с. 166]. В другой своей работе Г. Ленк высказывает мнение о том, что Олимпийские игры как символ мирного единения человечества играют особую позитивную роль – мифологическую. Он полагает, что спортсмены высокого класса в символическом плане выступают как Гераклес западной культуры и как модель ее самовыражения [Lenk, 1982 a].

На мифическую функцию современного спорта обращают внимание и другие исследователи, например, З. Кравчик [Krawczyk, 1996]. Еще раньше Жорж Маньян писал о том, что спортивные мифы представляют собой «группу знаков», благодаря которой спортивный болельщик, «объясняет» себе, как функционирует мир спорта [Magnane, 1964, р. 109]. По мнению П. Вайса, атлет репрезентирует человечество в его стремлении к достижению высшего успеха и тем самым выполняет определенную символическую функцию: формирует культурный символ, который «репрезентативно» раскрывает, на какое невиданное доселе достижение благодаря полной отдаче сил оказывается способным человек [Weiss



Р., 1969]. Г. Гебауэр характеризует спортсменов как мифических героев событий, разворачивающихся в средствах массовой информации и представлениях современного спорта, ориентированного на высокие результаты. Мифические функции атлета как некоего «героя печати и телевидения» он истолковывает с точки зрения его купли-продажи, восхождения, падения, нового восхождения или спортивного возрождения [Gebauer, 1987, 1996; Gebauer, Hortleder, 1986].

Весьма близким к такому пониманию роли и значения спортсменов высокого класса в современном обществе является мнение по данному вопросу Ришарда Сверчевского. Он указывает на то, что по отношению к этим спортсменам часто употребляются слова «идол», «звезда», «полубог», «актер, играющий роль в крупных спортивных состязаниях», т.е. относятся к ним так, будто они принадлежат к группе эстрадных артистов. По его мнению, «более убедительно выглядит попытка рассмотреть отношение к спортсмену, защищающему честь своей страны, как к герою в более узком, более утилитарном значении этого слова». При этом он исходит из того истолкования понятия «герой», которое давал С. Чарновский: «Герой – это человек, который в пределах определенных ритуалов при исполнении обязанностей при жизни или своей смертью – приобретает способность влиять на определенную группу людей или какое-то дело, которое он представляет, и становится воплощением их основной социальной ценности» [Swierczewski, 1978, с. 89, 95].

3. Указанная выше система символических ценностей спорта делает его **привлекательной моделью человеческого мира**, справедливой, хотя и не бесконфликтной, общественной жизни, гуманных взаимных отношений между соперничающими сторонами – отдельными лицами или группами.

К. Шмитц писал о том, что спорт представляет собой попытку овладеть реальным миром, многообразными силами природы, своим телом и на основе этого создать новый мир, *новую действительность*, которая как бы снимает, если использовать гегелевский термин «Aufhebung» (К. Шмитц в том же значении использует термин «supersession») существующую реальность, поскольку является промежуточной между свободой во всей ее полноте и неволей беспощадной необходимости [Shmitz, 1972]. Е. Кучинский считает, что для многих людей спорт является возвратом к счастливой собственной и родовой молодости, к источниковой связи с природой и бытием. Посредством спорта человек доступным ему способом наиболее глубоко утверждает себя, осуществляет самореализацию. Он не размышляет о смысле жизни, а реализует этот смысл наиболее надежным способом – сам созидает мир, в котором может найти справедливость и совершенство, а тем самым становится полноценным человеком. «Олимпийские игры... являются моделью отношений между нациями, выражением мечты о международной солидарности и в то же самое время выражением справедливости между соперниками, моделью специфической социальной чистоты и нравственности» [Kuczyński, 1984, р.138].

Конечно, спортивная модель – это *искусственно* созданная новая действительность, определенная *идеализация* реальной жизни. Она является «идеальным конструктом *упорядоченного и справедливого общественного мира*» [Кравчик, 1996]. Однако эта модель показывает человечеству, столкнувшемуся в XXI столетии с серьезными трудностями и противоречиями в своем развитии, в каком направлении следует идти для их преодоления и разрешения в различных сферах социальной жизни. Спортивное соревнование как гуманная форма соперничества, определенная культурная форма диалога в символическом смысле служит «своеобразным эталоном, ориентиром или даже этической нормой диалога для других сфер (политика, экономика, право)», поскольку «взаимоотношения в спорте между противниками не являются антагонистическими и представляют собой специфическую форму сотрудничества» [Егоров, 1989]. Оно является хорошей символической моделью для установления отношений сотрудничества и взаимопонимания в политической области [Oetinger, 1954], а принципы честной игры в спорте – примером для установления «Fair Play между политическими партиями страны, Fair Play в коммерческих сделках между конкурентами, Fair Play между развитыми и развивающимися странами» и «помогать им в решении возникающих конфликтов, по крайней мере в создании атмосферы, имеющей важное значение для любой попытки решить их» [Suenens, 1973, р. 6]. В этом смысле «можно было бы только приветствовать распространение спортивного духа в наших парламентах, в наших газетах, на наших международных конференциях» [Сьюзенс, 1979, с. 140].

В последние годы стала проводиться и *педагогическая деятельность*, направленная на использование огромного потенциала спорта для формирования и развития *культуры мира*, для воспитания таких качеств личности, адекватных ценностям этой культуры, как миролюбие, способность мирного разрешения конфликтов, терпимость (толерантность), навыки демократического и нравственного поведения в условиях соперничества, культуры соперничества [Варюшина, 2005; Сагалаков, 2005; Столяров, 2005 з, 2011; Столяров, Баринов, Варюшина, 2007; Столяров, Сагалаков, 2005, 2007].

Любая педагогическая деятельность, как известно, опирается на определенные культурные образцы. Для формирования и развития культуры мира очень важно, чтобы хотя бы в одной из сфер социальной жизни были созданы идеальные образцы этой культуры. Такие образцы как раз и демонстрирует спорт. «Спорт имеет широкую сферу применения в педагогике мира не потому, что он является примером чистого сотрудничества, а потому, что он учит с достоинством вступать в конфликты, которые, однако, как бы они ни были остры, остаются в пределах правил игры, процедурная основа которой служит гарантией мира». «Спорт может сыграть существенную роль в формировании самосознания, которое ведет к субъективному стремлению к миру. Не потому, что он действительно служит предохранительным “клапаном” для снижения агрессивности и обеспечивает утопическое братство, не связанное с соревнованием, а потому, что он учит тому, как можно участвовать в конфронтации с демократическим соблюдением процедурных правил и без сколько-нибудь существенного насилия» [Wachter, 1983, p. 265, 266]. Но при этом, как отмечает Ф. Вахтер, следует учитывать, что миролюбие еще не есть мир и желание миролюбия еще не означает желание мира. Даже если можно, используя спорт в педагогических целях, содействовать единению, сотрудничеству, снижению агрессивности и благородному поведению, то все равно речь идет лишь о формировании *миролюбия*, а не о достижении *мира*.

На важное значение спорта как определенного идеального образца практической реализации ценностей культуры мира указал и бывший президент МОК Х.А. Самаранча на международной конференции «Воспитание и спорт для культуры мира» (Париж, 5–7 июля 1999 г.): «Принципы, на которых основывается олимпийское движение, берут свое начало в идеях справедливости, демократии, равенства и терпимости. Мы должны стремиться к тому, чтобы спорт стал шансом для молодых людей научиться действовать на основе дружественных отношений, взаимного уважения, представил им способы организации честной конкуренции и научил их противостоять любой форме несправедливого или насильственного действия» [Samaranch, 1999, p. 37].

Спорт имеет важное значение для воспитания такого качества личности, адекватного ценностям культуры мира, как *миролюбие*, так как он демонстрирует возможность, приемлемость решения конфликтов без применения силы. Большую роль спорт играет в воспитании *толерантности*, в частности, потому, что предполагает желание участвовать в рискованной деятельности, где существует опасность поражения, учит спокойно принимать поражение, анализировать его причины, признавать собственные ошибки.

Указанные выше особенности спорта определяют его значение для воспитания и такого элемента культуры мира, как гуманистически ориентированная *культура соперничества*. Применительно к спорту она выступает как «*культура спортивного соперничества*».

Основные параметры (показатели) этой культуры:

- активное участие в соревновании, стремление проявить мужество, волю, настойчивость, приложить все силы и способности, чтобы показать максимально возможный результат, выложиться «до конца» для победы;
- признание ценности победы над соперниками лишь в том случае, если она достигнута при соблюдении во всех соревновательных ситуациях правил и норм нравственности;
- отказ от желания победить любой ценой, за счет своего здоровья или причинения ущерба здоровью соперникам, посредством обмана, насилия, нечестного судейства и других антигуманных действий;
- действия по законам красоты и благородства, даже если это не позволяет одержать победу, т.е. в соответствии с девизом «Красота действий и поступков дороже успеха!»;

■ стремление одержать победу над соперником не для того, чтобы завоевать приз, награду, другие почести, а прежде всего для того, чтобы доказать способность преодолеть самого себя [Столяров, 1998 б,и, 2004 д].

Культура спортивного соперничества представляет собой *символический образец* общей культуры соперничества и как таковая может быть использована для ее воспитания. При этом особо следует подчеркнуть, что речь идет о возможности использования спорта в педагогических целях для воспитания гуманистически ориентированной модели поведения в условиях острого *соперничества*, а не только сотрудничества.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы относительно гуманистической роли спорта в системе социальных отношений, в формировании и развитии культуры мира:

**А.** На основе развития системы регулярно проводимых и освещаемых в средствах массовой информации спортивных соревнований, международных связей и контактов, встреч непосредственных участников спортивных соревнований и зрителей спорт выполняет и выполняет в настоящее время важную *интегративную функцию*:

- позволяет народам разных стран лучше узнать, познакомиться с достижениями культуры и специфическими особенностями друг друга;

- содействует формированию общих убеждений, взглядов и образцов поведения, которые вызывают чувство взаимного уважения, симпатии, снимают отчужденность, способствуют взаимодействию, укреплению социальных связей, преодолению межкультурных барьеров, дают возможность преодолеть локальную ограниченность, связать и объединить непосредственных участников спортивных соревнований и зрителей различных городов, стран, континентов;

- способствует единению наций, доказательству их жизнеспособности;

- содействует социальной интеграции зрителей спортивных состязаний, превращает их в коллектив, объединенный общим переживанием.

**Б.** Спорт играет важную роль в установлении и стабилизации атмосферы мира, смягчении и регулировании конфликтов, в укреплении мира и дружбы между народами, т.е. выполняет *миротворческую функцию* в системе международных отношений. Конкретное содержание этой функции состоит в том, что международные спортивные соревнования:

- позволяют установить контакты между странами, которые находятся в конфликте, поддержать культурные и политические связи, дружественные отношения между странами и народами в условиях общей конфронтации;

- содействуют установлению дружеских отношений и между самими спортсменами;

- могут происходить лишь при наличии мирных отношений между государствами, что подталкивает всех тех, кто участвует в спорте и олимпийском движении, связан с ними, ценит их, к активной борьбе за мир.

**В.** Присущие спорту знаки, смыслы и значения определяют его *символическую и мифическую функции* в системе социальных отношений. Современный спорт демонстрирует целый комплекс символических (знаковых) моделей:

- мирного («мягкого», «гуманного», «человечного», основанного на этических принципах) соперничества как «символическое состязание между соперниками», «символ мирного соревнования между народами в условиях взаимопонимания», «символ сплоченности и единения между людьми», «символический мост для решения конфликтов»;

- диалектического единства сотрудничества и соперничества, миролюбивого значения кооперации несмотря на наличие определенных конфликтов;

- гуманного разрешения и ограничения конфликтов;

- социального взаимодействия на основе демократического принципа справедливости и равенства шансов, которая показывает возможность уничтожения этнического и расового неравенства;

- справедливой, хотя и не бесконфликтной, общественной жизни, гуманных взаимных отношений между соперничающими сторонами (отдельными лицами или группами).

Все эти культурные образцы, смыслы, значения, символические (знаковые) модели, присущие современному спорту, имеют гуманистическую направленность и адекватны ценностям культуры мира. Тем самым они содействуют выполнению спортом гуманистической роли в системе социальных отношений, реализации им интегративной и миротворческой функций. /340/

## 15.2. Противоречивость социальных функций и социального использования спорта

Осознание гуманистического потенциала спорта, позитивные результаты его широкого внедрения в жизнь людей породили в общественном сознании (в том числе у многих специалистов) эйфорию по поводу достоинств спорта, его роли в преобразовании человека и общества в целом в новые, более совершенные формы. Как отмечает М.Я. Сараф, полагали, что «дружеская расположенность участников соревнований, бескорыстность борьбы и ее благородные правила будут все в большей и большей мере определять спортивные отношения, а через них распространяться в качестве общечеловеческих ценностей и норм общения. Спортивная победа и ее творец – рекордсмен – воспринимались в качестве национальных символов, и казалось, что они в наиболее чистом виде воплощают нравственные ценности патриотизма, верности долгу и чести. Оставалось привить эти качества массовому сознанию, ориентированному на спорт, внедрить их средствами воспитания. Тем самым, предполагалось, будут решены многие проблемы социального, этического и эстетического плана» [Сараф, 1997, с. 73].

Широкое распространение получило (и сохраняется в настоящее время) представление о том, что гуманистический потенциал спорта может и должен реализоваться как бы *автоматически*. Достаточно якобы включить детей и молодежь в активные, регулярные занятия спортом, и это позволит решить широкий круг важных социально-педагогических и культурных проблем: сделать содержательным их досуг, сохранить и укрепить их здоровье, сформировать физическую культуру и здоровый образ жизни, повысить уровень нравственной и эстетической культуры. Большие надежды возлагались (и продолжают возлагаться) на спорт в плане профилактики наркомании и других аспектов девиантного поведения, а также нравственного совершенствования человека.

Однако постепенно стали обнаруживаться существенные трудности в реализации гуманистического потенциала спорта. Еще в 1925 г. Жорж Эбер обращал внимание на то, что не оправдались те надежды, которые связывали со спортом, полагая, что он должен помочь бороться с алкоголизмом, отвлечь молодежь от нездоровых удовольствий, обеспечить здоровье и т.д. [Эбер, 1925, с. 41].

В настоящее время становится все более очевидным, что гуманистический культурный потенциал спорта реализуется *недостаточно полно и эффективно*.

Особенно это касается роли спорта в формировании и развитии духовно-нравственных, эстетических, творческих способностей детей и молодежи, их нравственной, коммуникативной, экологической культуры. Увлечение спортом нередко приводит к одностороннему развитию личности. У детей и молодежи, активно занимающейся спортом, снижается интерес к различным видам интеллектуальной и художественной деятельности, в том числе к отображению спорта средствами искусства (музыки, живописи, фотографии и т.д.). Спортивные мероприятия недостаточно полно и эффективно используются их организаторами для пробуждения у участников интереса к искусству, к эстетическим и художественным ценностям, к духовной, творческой деятельности во всех ее разновидностях. Исследования [Коджаспиров, 1994; Самусенков, 1989, 2000] выявляют дефицит положительных эмоций у спортсменов, в том числе юных, во время тренировок и на соревнованиях. Опрос юных футболистов показал, например, что только 12,5% из них не испытывает отрицательных эмоций во время занятий футболом; 20% часто имеют такие эмоции; 12,5% редко испытывает положительные эмоции, а 2,5% – никогда. Менее половины (47,5%) испытывают удовлетворение от общения с природой, только 55% – эстетическое удовлетворение, связанное с созерцанием красоты, прекрасного, только 75% – удовлетворение от общения с другими людьми и т.д. [Самусенков, 1989]. Почти 60% старшеклассников, судя по их ответам, никогда не получали эстетического удовлетворения на уроках физкультуры в школе. Тема «Спорт и искусство» заняла одно из последних мест в иерархии тем, вызывающих наибольший интерес у старшеклассников [Сегал, 1990]. Из числа опрошенных студентов лишь 46% часто испытывают положительные эмоции в ходе занятий физкультурой и спортом, 12% постоянно имеют негативные эмоции, а более половины (52,3%) – испытывают их время от времени. Более 60% отметили, что они редко получают эстетическое удовольствие на занятиях либо совсем не испытывают его и что эти занятия, как правило, не дают им возможности для общения с природой [Стопникова, 1992].

Только начинает подниматься вопрос о необходимости использования огромного потенциала спорта для формирования и развития культуры мира в системе образования и воспитания молодежи [Варюшина, 2005; Столяров, Баринков, Варюшина, 2007; Столяров, Сагалаков, 2007; Applel... 1999].

Неоднозначной является и оценка гуманистического значения спорта для *окружающей среды*. Спортивная деятельность на открытом воздухе и разнообразные туристические мероприятия служат пропаганде роли и значения окружающей среды для жизни человека. Занятия многими видами спорта (такими, например, как лыжи, плавание, гребля, туризм и т.п.) позволяют человеку наслаждаться природой и не предусматривают серьезного изменения природы; она имеет эстетическую и рекреационную ценность для занимающихся этими видами спорта. Но есть и такие виды спорта (например, автоспорт, гольф, слалом, огромные рекреационные центры и т.д.), которые предполагают существенное вмешательство в окружающую человека природную среду. Так, чтобы подготовить площадку для гольфа или спуск для слалома, необходимо почти полностью изменить структуру природного ландшафта, да вдобавок еще поставить трибуны, подвести электричество, установить вычислительную аппаратуру и т.д. При этом отмечается постоянное увеличение видов спорта, требующих такого изменения естественной природной среды. В связи с принятием концепции устойчивого развития возникает проблема ограничения распространения спорта и досуговой активности на новые, еще нетронутые области природы и разумного использования уже затронутых спортом областей [Loland, 2001; Oittinen, 1997; Sport and Environment, 1988].

Таким образом, выясняется ошибочность мнения о том, будто весь гуманистический потенциал спорта реализуется *автоматически*. Как уже отмечалось выше, в зависимости от конкретной ситуации, конкретных исторических условий, под воздействием различных факторов меняется содержание, характер, направленность, социальное значение и социальные функции спорта, на первый план выходят его гуманистические ценности или преобладающими становятся антигуманные, дисфункциональные явления, культурный потенциал спорта используется в большей или меньшей степени и т.д.

Но дело не только в том, что огромный гуманистический культурный потенциал спортивной деятельности не всегда реализуется полно и эффективно. Нередко, как, например, в современном спорте (особенно в профессиональном спорте, спорте высших достижений и в олимпийском спорте), гуманистические ценности вообще отступают на задний план, все более отчетливо проявляются связанные с ним *негативные* явления, т.е. происходит процесс «*дегуманизации спорта*» [Hoberman, 1988].

Этот процесс имеет множество аспектов и проявлений.

Так, в настоящее время представляется обоснованным тезис Э. Дойзера [Дойзер, 1980] о том, что современный спорт имеет мало общего со здоровьем спортсмена. Это подтверждает спортивно-медицинская практика. Как отмечает Г.Л. Апанасенко, «за последние 1,5–2 десятилетия заметно возросло количество случаев внезапных смертей и серьезных отклонений в состоянии здоровья спортсменов. При этом количество этих отклонений четко связано с периодами предолимпийского цикла или графиком других соревнований мирового уровня: чем ближе старт, тем больше и выраженнее отклонения в состоянии здоровья спортсменов» [Апанасенко, 2006, с. 19]. По данным исследований, более четверти спортсменов самой высокой квалификации ежегодно подвергаются различным заболеваниям [Коган, 2005, с. 56]. Медицинские обследования спортсменов сборных команд России в разные годы показывают, что хорошее здоровье имели только 15–28%, остальные признаны практически здоровыми или больными [Гладков, 2004, с. 7]. В ходе анализа состояния здоровья сборных команд страны по летним видам спорта по всем видам спорта в годичном цикле тренировочного и соревновательного процесса зарегистрировано 430 травм и 785 заболеваний, повлекших за собой около 5000 дней освобождения от тренировок и 845 дней тренировочных занятий с ограничением нагрузки у спортсменов. При этом в игровых видах спорта и единоборствах на первом месте стоят травмы и заболевания ОДА (опорно-двигательного аппарата), а в циклических видах спорта – заболеваемость и перенапряжения, как отдельных органов, так и систем [Гладков, 2004, с. 8]. Неуклонно возрастающие физические и психические нагрузки в современном спорте вызывают тенденцию и к росту нервно-психических отклонений у спортсменов. По данным Т.П. Фанагорской, перед Олимпиадой 1952 г. те или иные отклонения от психической нормы были выявлены лишь у 8,4% участников сборных команд, перед Олимпиадой 1960

г. у – 14,8%, а перед Олимпиадой 1968 г. – уже около 30%. Результаты обследования сборных команд страны, проведенные в 1991 г., дали цифру 47%! [Гладков, 2004, с. 11]. Особенно высокие показатели заболеваемости характерны для таких видов спорта, как хоккей, волейбол, баскетбол, ватерполо. В последние годы стали культивироваться новые виды спорта, которые ранее были запрещены как несущие угрозу здоровью, а также нетрадиционные виды спорта, точное воздействие которых на организм пока неизвестно [Тагиев, 2002, с. 3, 31].

Современная спортивная деятельность, имея ярко выраженную соревновательную направленность конкурентного типа, протекает в условиях максимального напряжения физических и духовных сил как во время соревнований, так и во время подготовки к ним. Поэтому она практически всегда протекает в зоне риска, пусть даже отставленного во времени. Одно из последствий этого риска – проблема спортивного *травматизма*. Как отмечает главный врач сборной команды России по легкой атлетике Ю.А. Коваленко, «наряду с предельными нагрузками, а также в связи с ранней специализацией в спорте наблюдается исключительно высокий процент травматических повреждений у соревнующихся спортсменов, что приводит к потерям тренировочных дней, спортивной формы, а иногда и уходу из спорта» [Коваленко, 2006, с. 22]. Это положение подтверждает статистика. Она свидетельствует о том, что из 100 спортсменов, занимавших призовые места на крупнейших международных турнирах, 98 наряду с золотом и серебром получили тяжелейшие травмы: сложные переломы костей, разрывы мышечных и сухожильных тканей, хронические заболевания сердца и нервной системы [Красненков, 1998, с. 17–20]. До 1995 г. в Центральном институте травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова (ЦИТО) за последние 45 лет прооперировано 16 300 спортсменов, 278 из которых – победители и призеры Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы [Григорьянц, 2002, м. 35].

Особое беспокойство вызывают некоторые виды спорта. Одним из самых травмоопасных видов спорта считается спортивная гимнастика, которая, по статистике ЦИТО, намного опережает все остальные виды спорта. Так, на Олимпиадах в Сеуле и Атланте в команде нашей страны не было ни одного гимнаста или гимнастки, которые не перенесли хотя бы одной операции. В сборной, выступавшей на чемпионате мира в Ренте в 2001 г., из шести гимнастов пять были травмированы. Как отмечает И.А. Григорьянц, «приведенные выше примеры травматизма касаются только некоторых гимнастов – членов сборной команды, а сколько их у других, не членов сборной? В 13–14 лет – мастер спорта, в 15 – ЗМС, и очень часто вместе с медалью чемпионы получают страшную болезнь. И то и другое навсегда! Победы раньше 14 лет – инвалидность раньше пенсии» [Григорьянц, 2002, с. 35–36].

К числу наиболее травмоопасных относится также бокс. По данным ассоциации врачей США, 15% профессиональных боксеров страдают такими нарушениями, как потеря памяти, расстройство речи, дефекты двигательного аппарата и тремор. Эти нарушения – следствие мозговых травм, часто остающихся незамеченными после матчей. Исследование рентгеновских снимков мозга 38 боксеров показало, что более чем у половины из них наблюдаются признаки атрофии мозговой ткани. 17% боксеров, занимавшихся своим видом спорта от шести до девяти лет, страдают болезнями мозга, а у трети этих боксеров наблюдаются трудности с речью, памятью и передвижением [Mzali, 1979, p. 48–49]. В боксе с 1918 по 1997 г. зарегистрировано 659 смертельных случаев [Дехтярев, 2000]. Еще более высокий уровень смертности в таких видах спорта, как подводное плавание, альпинизм и конные скачки [Mzali, 1985 a]. Высокий уровень травматизма характерен и для хоккея [Терентьев, 1997]. По данным В.Д. Паначева, средний возраст жизни олимпийцев Пермской области составляет всего 47,3 года [Паначев, 2000].

С преимущественной ориентацией спортсменов на победу в олимпийских соревнованиях связана одна из наиболее острых проблем современного олимпийского движения, постоянно обсуждаемая не только в научных публикациях, но и в средствах массовой информации, – проблема использования спортсменами допинга. Вся последняя история Олимпийских игр пестрит такого рода случаями. Последние яркие случаи – американка Мэрион Джонс и россиянка Ольга Пылева, которые вернули в МОК свои олимпийские медали. Любодрог Симонович, исследователь олимпизма, в прошлом участник Олимпийских игр, так охарактеризовал суть данной проблемы: «Достижение рекордов все меньше зависит от труда спортсменов и тренеров, а все больше – от труда ученых. Главное отличие “хорошего” тренера – больше не спортивные познания, а хорошие связи в фармацев-

тической промышленности и способность добраться до новейших стимуляторов и применить их к своим подопечным прежде, чем его коллеги. Его “работа” должна координироваться верхами мировой спортивной бюрократии (подкуп, политические интриги), которая держит в своих руках допинг-контроль» [Симонович, 2000]. Глава печально известной компании «БАЛКО» (Bay Area Laboratory Co-Operative – BALCO) и консультант многих ведущих американских спортивных звезд Виктор Конте, который в американском суде сознался в разработке и сбыте допинг-стимуляторов, высказался еще более резко: «Олимпийские игры – это *мошенничество*. Вся история Олимпийских игр полна коррупции, укрывательства и использования препаратов, улучшающих результаты» [цит. по: Доспехов, 2004].

Ради победы, достижения успеха спортсмены готовы и *сознательно* жертвовать своим здоровьем. Недавно ученые обратились с вопросами довольно необычного теста к малоизвестным, но перспективным молодым спортсменам – как те расценивают для себя возможность принимать какой-то сильный допинг, вскоре стать олимпийским чемпионом, но через 10–15 лет превратиться в инвалида? Результаты ошеломили исследователей: 8 опрошенных из 10 отвечали – да, согласен! [Марков, 1998]. Эти и другие данные служат исследователям основанием для общего вывода о том, что «спорт вреден для здоровья и служит источником болезней и травм занимающихся» [Бауэр, 2002; Ким, Латыпов, Линькова, Хам, 2001].

Крайне острой является проблема травматизма и болезней *юных* спортсменов (см. раздел V).

Еще более значительные проблемы и трудности выявляются при анализе роли спорта в формировании и развитии *просоциального поведения, нравственных и других духовных качеств* детей и молодежи. В этом отношении в современном спорте, особенно в спорте высших достижений, наблюдается явная **девальвация («эрозия») духовно-нравственных ценностей** [Гуманистическая теория... 2000; Духовность. Спорт. Культура, 1996; Конфликт, 1989; Спорт, духовные ценности, культура, 1998д,е; Спорт. Олимпизм. Гуманизм, 1994, 1998; Спорт. Спартианское движение... 2007 и др.].

Это положение, неоднократно формулируемое в работах автора данной книги, нуждается в некотором разъяснении, так как термин «*девальвация*» применительно к обсуждаемой ситуации и месте духовно-нравственных ценностей в современном спорте у некоторых исследователей вызывает возражение.

Под **девальвацией (эрозией)** духовно-нравственных ценностей в современном спорте автор имеет в виду то обстоятельство, что духовно-нравственные ценности занимают все более низкое место в иерархии ценностей спортсменов, а в профессиональном спорте, спорте высших достижений и даже в олимпийском спорте нередко вообще отходят на задний план.

Одно из наиболее ярких проявлений этого процесса состоит в том, что среди спортсменов, тренеров, спортивных руководителей все чаще наблюдается стремление *любой ценой* добиться победы. По мнению вице-президента НОК Украины В. Платонова, «система спортивной подготовки сегодня сплошь и рядом находится в руках тренеров, работающих под девизом “результат любой ценой”» [цит. по: Бугреев, 1997, с. 21]. А вот что пишет по этому поводу президент международного Философского общества по исследованию спорта К. Фольквейн: «Кризис современного спорта налицо – мы каждый день слышим об этом из средств массовой информации. Профессионализм и индустриализация стали главными характеристиками спорта, особенно на высшем уровне, все отчетливее отказываясь от концепции спорта как игры на открытом воздухе. Спорт высшего уровня стал “большим бизнесом”, важной отраслью современной индустрии. Цель спорта сместилась; теперь она не заложена внутри спорта; отныне спорт высшего уровня в основном определяется внешними мотивациями, такими как награды, контракты о зарплатах, освещение в прессе. Таким образом, мы встаем перед фактом так называемых неэтических действий в спорте высшего уровня – таких, например, как насилие, обман, авантюры, допинг и многое другое. Среди различных проблем эти последствия возникают из-за морально расколовшегося мира спорта, “где моральные ценности перепутались с долларowymi ценностями” (Eitzen, 1988). Понятие “победа любой ценой” стало выше так называемого спортивного духа, что означает играть по правилам» [Volkwein-Caplan, 2004 b, p. 54].



/344/ Победа в современном спорте приобретает все более важное значение. Она приносит престиж самому атлету, тренеру, клубу и спортивной организации, наконец, стране, воспитавшей чемпиона. Чаще всего успех сопровождается не одними дипломами – значительными материальными поощрениями тоже. Погоня за победой приводит к тому, что обесценивается значение принципов Фэйр Плэй (честной, справедливой игры). Широкое распространение получает мнение о том, что «Фэйр Плэй – это слабость и совсем не тот путь, по которому следует действовать в спорте». Об этом свидетельствуют и лозунги: «Покажи мне того, кто проиграл красиво, и я покажу тебе, кто действительно проиграл» или «Проблема принципов Фэйр Плэй состоит в том, что тебе приходится проиграть, чтобы продемонстрировать их» [Rees, 2001, p. 94].

С целью выяснить влияние занятий спортом на нравственное поведение (соблюдение принципов «честной игры» в спортивных соревнованиях) в разное время и в разных странах проведены педагогические, психологические и социологические исследования [Антипова, 2001; Антипова Е., Антипова М., 1999; Винник, 1989, 1991; Егоров, Захаров, 2006; Ефременков, 2003; Жолдак, 1998; Захаров, 2002; Носов, 1993; Пирожников, 2001; Пономарчук, 1988, 1989; 1994 а, б; Пути повышения... 2002; Фельдеси, 1983; Шукис, Кардялис, 2002, 2005; Allison, 1981; Cruz, 1987; Frogner, Pilz, 1982; Gabler, 1987; Goncalves, 1989 а, b, 1998; Karwacki, 1997; Kroll, 1976; Mandel, Vander, 1974; Mugno, Feltz, 1985; Nixon, 1980; Papp, 1986; Pilz, 1995; Rees, 2001; Regnier, 1984; Silva, 1983].

Особо выделим социологическое исследование, проведенное в 1988–1993 гг. в Германии рабочей группой Оснабрюкера. В ходе этого исследования изучались ценностные ориентации молодежи и влияние на них определенной активности в сфере досуга. В том числе изучались следующие вопросы: 1. Какие *общие ценностные ориентации* характерны для 13–18-летних молодых людей, занимающихся спортом, по сравнению с другими молодыми людьми? 2. Отличаются ли *специфические ценностные ориентации*, связанные с областью спорта, от ценностных ориентаций, связанных с другими сферами жизни? 3. Можно ли на основе установления специфически спортивных образцов ценностных ориентаций делать вывод о том, что они являются результатом именно *специфически спортивной социализации*, или же речь идет при этом об общем опыте социализации? Внимание исследователей привлекал также вопрос о ценностных ориентациях молодежи в конфликтных ситуациях: какие решения принимают респонденты в моральных конфликтных ситуациях (*ценностные решения*); какие ценности и критерии ценностей при этом используются (*использование ценностей*); какие ценности и на основе каких критериев моральных суждений респонденты выбирают в определенных конфликтных ситуациях (*ориентации моральных суждений*) и т.д. [Bahlke, Bockrath, 1996; Bockrath, 1997, 1999, 2001; Bockrath, Bahlke, 1996; Bockrath, Franke, 1995; Franke, 1999; Mielke, Bahlke, 1995].

По данной проблеме проведены и *международные* социологические исследования:

- в 1974 г. по программе К. Хейниля [Heinilä, 1974];
- в 1983–1995 гг. под руководством Б. Бредемайер [Bredemeier, 1983, 1985, 1991, 1994, 1995; Bredemeier, Cooper, Shields, Weiss, 1987, 1988; Bredemeier, Shields, 1983, 1984 а, b, 1985, 1986 а, b, с, 1987, 1993; Bredemeier, Weiss, Shields, Cooper, 1988];
- в 1990–1998 гг. по программе и под руководством М. Ли [Круз, Бойксадес, Мимбрепо, Торрегроса, Вальенте, 2000; Cruz, 1998; Cruz, Boixadeós, Torregrosa, Mimbrero, 1996; Cruz, Boixadeos, Valiente, Capdevila, 1995; Lee, 1990, 1993, 1996; Lee, Cockman, 1995; Papp, Prisztóka, 1995; Torregrosa, Mimbrero, Boixadós, Cruz, 1997];
- в 1996–1998 гг. группой ученых пяти стран (руководитель – Р. Науль) [Рыхтецки, Науль, 1998; Naul, 1999; Naul, Pieron, Telama, Almond, Rychtecky, 1997 а, b];
- в 1988–2010 гг. – под руководством и по программе В.И. Столярова [Барина, 1994; Болдырева, 1999; Вишневский, 1987, 1988; Вишневский, Столяров, 2009 а, б, 2010; Возвращение... 1992; Гутин, 1984; Ипатов, 1995; Королева, 2004; Ольхова, 2000; Орешкин, 2010; Петлеваний, 1997; Попов, 2004; Прокопчук, 1998; Самусенков, 1989, 2000, 2001; Сегал, 1990; Сергеев, 2000, 2002; Столяров, 1989 в, 1990 а, 1993 в, 1996 а, 1998 б, г, и; Столяров, Барина, Курило, 1994; Столяров, Ипатов, 1996; Столяров, Кудрявцева, 1998; Столяров, Попов, 2004; Столяров, Стопникова, Барина, 1993; Стопникова, 1992; Żukowska, 1994, 1997 и др.].

Все эти исследования приводят к одному выводу: активные и регулярные занятия спортом *не повышают, а снижают ориентацию на нравственное поведение в спорте*. Те, кто не участвует регулярно в спортивных соревнованиях, проявляют гораздо больше же-



лания выступать за соблюдение кодекса честной игры, чем постоянные участники состязаний и спортсмены высокой квалификации. По сравнению со своими коллегами «более низкого класса» постоянные участники проявляют меньшую склонность связывать себя этим кодексом. К. Рис пишет по этому поводу: «То, что спортсмены верят, что им следует “делать все, что требует победа”, было доказано результатами большинства продолжительных научно-исследовательских работ, изучающих нравственное поведение в спорте» [Rees, 2001, p. 94].

Снижение ориентации на нравственные ценности становится характерным не только для профессиональных спортсменов, но и для совсем юных спортсменов. Так, финский ученый К. Хейнила еще в 1969 г. на основе опроса молодых футболистов в возрасте 15–18 лет из разных стран и разной квалификации (было опрошено 17 профессиональных и 16 любительских клубов Англии, 38 клубов Швеции, входящих в 1–4-ю лигу и 38 команд Финляндии, участвовавших в первенстве страны) показал, что спортсмены высокой квалификации в меньшей степени склонны к ориентации на нравственное поведение в спортивных поединках, нежели спортсмены низкой квалификации: «Молодые футболисты из профессиональных клубов в большей степени склоняются в сторону эффективности и в меньшей степени – в сторону идеализма, чем молодые футболисты из других групп. Наиболее типичным для молодых футболистов из профессиональных клубов является то, что они рассматривают такие категории, как коммерческое отношение к спорту, приоритет интересов команды, бесчестность, жестокость и “зуб за зуб”, в качестве допустимых моральных категорий в системе с критерием эффективности» [Heinilä, 1974, p. 33].

Г. Никсон на основе опроса студенческой молодежи пришел к выводу, что те, кто показывает лучшие спортивные результаты, как правило, чаще нарушают кодекс честной игры [Nixon, 1980].

Исследования В.А. Винник и В.А. Пономарчука показали, что спортсмен высокого класса, как правило, – это прежде всего эгоцентрист по своим нравственным качествам, приверженец групповой, корпоративной, клановой морали, готовый к достижению результата любой ценой [Винник, 1989, 1991; Пономарчук, 1994 а, б]. В.А. Винник на основе опроса более 3 тыс. человек (в том числе более двух тысяч в возрасте от 12 до 25 лет) указывает на то, что готовность нарушать правила соревнований в целях достижения успеха значительно ярче выражена у спортсменов даже по сравнению с физкультурниками: 13,4% физкультурников и 21,1% спортсменов занимают позицию, согласно которой в важной и ответственной спортивной игре допустимы все средства; готовы на нечестный поступок во имя личной выгоды 8,1% спортсменов и 5,9% физкультурников. Среди спортсменов низкой квалификации, которые опрошены В.А. Винник, 20,5% готовы пойти на бесчестный поступок в соревнованиях ради победы, а среди спортсменов 1-го разряда и выше таковых уже 35,5%. Уже через 2–3 года занятий в спортшколах при практически одинаковых исходных позициях в реакции на нарушение правил “честной игры” с остальными школьниками подросток-спортсмен начинает в 1,5 раза чаще занимать безразличную позицию, чем его сверстники [Винник, 1991, с. 14, 16].

И.А. Носов на основе опроса учащихся 5 ДЮСШ г. Новосибирска пришел к выводу, что во время спортивных соревнований почти половина младших, 24% средних и 60% старших учащихся искажали год рождения; 32,9, 30,7, 75,3% – выступали под чужой фамилией [Носов, 1993].

Аналогичные данные получены в ходе указанных выше международных социологических исследований.

Все большее число людей, даже детей и подростков, спорт привлекает отнюдь не как сфера проявления нравственности, эстетики, культуры, человеческого (неформального) общения, гуманного отношения людей друг к другу и к природе, не как средство гармоничного развития личности. Они включаются в спорт и спортивные соревнования (как их непосредственные участники, зрители и т.д.) прежде всего потому, что здесь можно заработать деньги, приобрести иные материальные блага, славу, поднять свой престиж. Так, опрос венгерских олимпийцев еще в начале 1980-х гг. показал, что в системе их ценностей «общие социальные ценности располагаются на дальнем плане, тогда как на первый план выдвигаются ценности, связанные с карьерой или личной выгодой» [Фельдеш, 1983, с. 20]. В последние годы такая ориентация значительно усилилась в связи с коммерциализацией спорта и олимпийского движения. Она затрагивает не только спорт высших достижений, но и «спорт для всех». Как отмечается в литературе, «спорт, превратившийся в

экспериментальный полигон, в фабрику по производству рекордсменов, специалистов по поддержанию государственного престижа, этот большой спорт гипертрофировал в человеке специальные навыки и умения в ущерб воспитанию в нем высоких нравственных качеств, за счет недобора им универсальных знаний, вместо ориентирования его на общечеловеческие ценности» [Конфликт, 1989, с. 209].

О девальвации духовно-нравственных ценностей в современном спорте свидетельствует также возрастание физического насилия, жестокости, грубой игры, того, что специалист в области философии спорта Кристиан Бомберг назвал «ритуализацией насилия». Характерно высказывание американского спортсмена Майка Кертиса: «Я играю в футбол лишь потому, что только на поле я могу избить кого-нибудь и уйти безнаказанным» [цит. по: Нонев, 1989, с. 20].

Одна из причин возрастания физического насилия, жестокости, грубой игры в спорте – приход профессионализма во все сферы спорта. Это сформировало климат, в котором допускается экстремальное насильственное поведение. «Хотя существуют одиночные и парные виды спорта где насилие – это редкое явление, даже здесь в благоприятных ситуациях случается непорядочное поведение, начиная от приступов гнева и грубых жестов и заканчивая бросанием снаряжения и использованием нецензурных слов; все это началось с того момента, как стали привлекаться большие финансы» [Shivers, 2001, p. 103]. Игроки-профессионалы, например, в хоккее обычно воспринимают насилие и грубую игру как важные функциональные стороны спортивного состязания, позволяющие: 1) вести своего рода разведку, получая информацию об игровых возможностях команды противника в целом и каждого из ее игроков; 2) воздействовать на боевой дух команды противника с помощью прямого запугивания, для чего во многих командах существуют специальные игроки («игроки-полицейские») [Social problems... 1976, p. 108].

Ряд симптомов свидетельствует, однако, о том, что агрессия и насилие все более широко проявляются в современном спорте:

- агрессия и насилие как среди спортсменов, так и зрителей наблюдается сегодня уже не только в спорте высших достижений, а также в профессиональном спорте и уже не только в так называемых видах спортивной борьбы. Более того, обучение умению агрессивно нарушать правила входит в программу тренировки даже юных спортсменов [см.: Fair play/violence in sport, 1993];

- физические манипуляции составляют важную и очевидную предпосылку достижения спортивного успеха;

- увеличивается продолжительность и интенсивность тренировки, физические нагрузки становятся все более тяжелыми;

- все чаще используются психические манипуляции атлетов [Pilz, Fisher, 1984, s. 191–192].

Особенно тревожным является тот факт, что «спортивные команды, находящиеся на первоначальном уровне, команды средних школ и университетские команды стали рассадником зарождающейся и явной жестокости» [Shivers, 2001, p. 104]. Все большее число стран сталкивается не только с волной насилия, грубости, агрессивности со стороны спортсменов, но и с побоищами между болельщиками во время и после футбольных, хоккейных и других матчей. В связи с этим социальные проблемы спортивного «боления», околоспортивной толпы «фанов» как эпифеномена института спорта, комплекса связанных с этим институтом негативных явлений, их причин и профилактики негативных последствий проведения спортивно-массовых мероприятий привлекают огромное внимание исследователей в рамках более широкой проблематики агрессивности в спорте [Агрессивность в спорте, 1981; Знаменская, 1976; Козлова, 2000, 2003; Лекарска, 1983; Платонов, 1991; Романин, Матвеева, 1986; Томилов, 1990; Aggression/violence... 1984; Armstrong, Harris, 1991; Becker, Pilz, 1988; Bredemeier, Shields, 1986a; Carroll, 1980; Cosell, 1991; Denker, 1973; Dunning, 1983, 1988; Dunning, Murphy, Waddington, 1991; Edwards, 1977; Elias, 1947; Fair play/violence... 1993, 2001; Földesi, 2001; Gabler, 1987; Guilianotti, 1995, 1999; Guilianotti et al., 1994; Hahn, 1998; Hahn, Pilz, Stollenwerk, Weis, 1988; Heitmeyer, Peter, 1988; Hobbs, Robins, 1991; Hughes, Coakley, 1978; Ingham, 1978, 1985; Jeu, 1972; Knaust, Linnemann, 1984; Koulouris, 1985; Landry, 1985; La violenza... 1990; Lennon, Hatfield, 1980; Luxbacher, 1987; Moorhouse, 1991; Murphy, Williams, Dunning, 1990; Mzali, 1985 a; Nissio-

tis, 1985 b; Petryszak, 1977; Peyker, 1993; Pilz, 1984, 1992, 1995, 1996; Powell, 1985; Reeks, 1985; Ruskin, 1999; Schilling, 1978; Segrave, Moreau, Hastad, 1984b, 1985; Silance, 1985; Smith, 1983; Sport and Aggression... 1973; Sport Violence... 1983; Sprenger, 1974; Taylor, 1982; Tenenbaum, Stewart, Singer, Duda, 1997; Underwood, 1984; Wanat, 2001; Weis K., 1978; Young, 1991 и др.] \*.

У спортсменов и болельщиков нередко наблюдаются проявления не только эгоизма, но даже ненависти по отношению к соперникам и «болельщикам» «противоположного лагеря». Один из показателей такой ориентации – отношение спортсменов различных стран друг к другу. В ходе международного социологического исследования «Спорт и международное взаимопонимание», которое провел К. Хейнила, спортсменам задавался вопрос о том, каким образом они относятся к спортсменам других стран: просто как к участникам соревнования, как к своим спортивным друзьям, как к честным соперникам, как к жестким противникам, как к своим врагам. Анализ полученных данных показал, что 22% финских спортсменов и 36% венгерских спортсменов оценивают спортсменов других стран как жестких противников и врагов (еще 14% финских спортсменов затруднились дать определенный ответ). Опрос показал также, что 51% опрошенных финских спортсменов и 26% венгерских не имеют друзей среди иностранных спортсменов [Heinilä, 1986, p. 77, 81].

Стремление спортсменов и тренеров к достижению успеха любой ценой приводит к тому, что для них и *эстетические ценности* перестают быть приоритетными (по крайней мере там, где они не связаны явно и очевидно со спортивным результатом).

Иллюстрацией этого может служить послевоенная история развития футбола, которая проходит под знаком соперничества двух игровых концепций [Самусенков, Столяров, 2007, с. 65–71].

В основе первой из них лежит сугубо *рациональный* подход к игре. Формы проявления такого подхода могут быть различными, но суть его одна: главным здесь, независимо от применяемых средств, является результат, а содержание игры, ее красота и зрелищность при этом в расчет не принимаются. Сторонники другой концепции, наоборот, отталкиваются прежде всего от содержания игры и через него идут к достижению результата. В рамках этой концепции эстетическому содержанию игры, ее творческому началу, красоте и зрелищности придается немаловажное значение.

Противостояние этих двух концепций сложилось и четко проявилось уже в период с 1950 по 1982 г. До середины 1950-х гг. основным ориентиром в развитии игры являлась знаменитая система «дубль-ве». Это была эра так называемого «романтического» атакующего, красивого футбола. Однако это была красота прежде всего, индивидуальной игры, так как все действия команд строились в расчете на индивидуальное мастерство отдельных футболистов. Носителем новых перемен в футболе стала сборная Венгрии. Игра этой команды на V чемпионате мира (1934) подчеркнула первостепенную важность нового для того времени элемента футбола – коллективности действий, «строившейся» на объединении больших индивидуальных возможностей отдельных футболистов и на умении использовать сильные стороны каждого в интересах команды. Дальнейшее развитие это направление получило в игре сборной Бразилии, которая выиграла VI (1958) и VII (1962) чемпионаты мира. Бразильцы, объединив силу игры венгров и высочайшую физическую подготовленность, характеризующую сборную ФРГ, дополнила действия игроков филигранной техникой. Это должно было послужить и послужило зрелищности футбола, сделав матчи по-настоящему красивыми [Милянич, 1960, с. 12].

Следует отметить одну важную особенность, характерную для действия всех команд на данном этапе развития футбола. Вне зависимости от различных тактических схем игра команд базировалась на «методе, предусматривающем жесткое разделение обязанностей между представителями разных линий команды и в самих линиях, а также достаточно четко и ясно обозначенную зону, в которой каждый должен был выполнять возложенные на него обязанности...» [Цирик, 1984, с. 18]. Зональный метод в значительной степени определял эстетическое содержание футбола того периода времени. С одной стороны, по-

---

\* Автор специально приводит столь обширный список публикаций по проблеме агрессивности в спорте, чтобы показать, насколько актуальной эта проблема является для современного спорта, хотя некоторые спортивные функционеры считают, что она вообще не существует. Об этом заявил, например, В.А. Фетисов на международной конференции «Спорт на благо мира» (Москва, 2005 г.).

добная «узкая» специализация способствовала шлифовке мастерства. Как результат этого стали появляться большие мастера защиты и нападения, которые доводили свою игру до степени подлинного искусства. С другой стороны, зональный принцип подразумевал возможность активного участия футболистов только в эпизодах, происходивших в пределах их зоны или близ нее. Это сковывало творческую инициативу игроков, ограничивало меру их активности и сужало для них возможность проявить себя в борьбе за победу.

Важным этапом в развитии футбола, оказавшим существенное влияние и на его эстетическое содержание, стал чемпионат мира 1966 г. Впервые на этом чемпионате был продемонстрирован отказ от традиционных игровых амплуа. В целом, как отмечают специалисты, он оставил о себе память как смотр «индустриального» футбола. Типичным представителем нового подхода к игре стала победительница турнира – сборная Англии. Это был футбол, в котором над игрой доминировала работа. Коллективная игра доминировала настолько, что отдельные игроки как бы теряли свою индивидуальность [Миляннич, 1960, с. 12].

Лондонский чемпионат выдвинул идею режиссерско-тренерского футбола. Представители этого направления признавали необходимость классных мастеров и высокой техники и артистизма. Однако последние рассматривались как «составные части некоей идеальной живой машины с четко разработанной программой, команды машины, где каждый игрок точно знает роль, сферу действий, обязанности. Эффект такой игры в футбол, истоки ее успеха – прежде всего в воле этого единого организма, в его монолитности. В навязывании, упорном и последовательном, своей воли, своего ритма противнику» [Демидов, 1970].

После лондонского чемпионата усиленно стал проповедоваться атлетизм и физическая подготовка: играть так, как играли англичане, было возможно только при наличии этих качеств. Возникло стремление к новой форме гармоничного футбола, основанного на сочетании этих компонентов. Для спортивного прогресса такие идеи, бесспорно, значили многое, но в зрелищном плане наступил упадок. Не случайно после победы Англии на чемпионате мира председатель английской ассоциации футбола А. Стэвин сформулировал свою программу так: «Своей задачей считают борьбу за возвращение интереса зрителей к этой игре. Мы должны дать англичанам такой футбол, какой желают видеть они, а не тот, который они желали бы видеть по нашему мнению. Футбол существует для зрителей. Мы – тоже».

Таким образом, именно на VIII чемпионате мира (1966) отчетливо наметилась тенденция к сугубо рациональному футболу, в рамках которого красота, зрелищность отошли на второй план.

Однако на следующем чемпионате мира в Мексике (1970) сборная Бразилии еще раз доказала, что в современном футболе можно добиваться высоких спортивных результатов, показывая в то же время красивую, зрелищную игру. Победа бразильцев – это была победа футбола-зрелища, победа команды, делающей ставку на индивидуальность, творческую фантазию игрока. На чемпионате вновь утвердилась индивидуальная игра, на сей раз согласованная с коллективными действиями команд. Главная заслуга сборной Бразилии была в том, что она указала спортивному миру: футбол зиждется на великих игроках, правильном подходе к игре, коллективных стремлениях команды, подготовке, а отличных результатов можно добиться лишь на базе соблюдения всех этих принципов [Миляннич, 1960, с. 13].

В 1970-е гг. футбол прогрессировал гораздо быстрее, чем ранее. В этот период утверждался новый взгляд на игру. Наступила эра сверхинтенсивного, так называемого тотального, футбола. Наиболее ярким пропагандистом этого направления на X чемпионате мира (1974) стала сборная Голландии. Суть тотального футбола состояла в одновременном активном участии в игре всех футболистов, а также в постоянной смене функций игроков в течение матча. С переходом к сверхинтенсивному, тотальному футболу существенно изменилось как эстетическое содержание игровой деятельности, так и само представление о красоте футбола. Прежде всего следует отметить исключительно высокий эстетический потенциал тотального футбола для самих исполнителей. Полное включение в коллективные действия, большая игровая индивидуальность, исключительная боевитость – все эти признаки тотального футбола обуславливают его высокую эмоциональную насыщенность и в сочетании с присущим ему атакующим началом способствуют максимальному развитию личности спортсмена. В новых условиях резко возросла требователь-

ность ко всем компонентам спортивного мастерства: к физической, технической, тактической и морально-волевой подготовке. Необходимой предпосылкой содержательной игры, ее привлекательности стало стройное соотношение всех этих элементов. В тех случаях, когда командам удавалось добиться такой гармонии, футбол в их исполнении выглядел зрелищным и, что очень важно, эффективным. Так, в 1974 г. сборная Голландии во всех встречах в течение всего игрового времени демонстрировала высочайшую двигательную активность в ритме единого хорошо отлаженного механизма, в котором игроки всех линий, действуя, казалось бы, на грани человеческих возможностей, выполняли все настолько четко, что оценка подобной игровой модели была на редкость единодушной – это футбол будущего [Миляннич, 1960, с. 14].

После чемпионата мира 1974 г. ожидалось, что на смену тотальному футболу придет сверхтотальный. Однако этого не произошло, так как существенных предпосылок для этого не было создано. На XI чемпионате мира (1978) ни одной из команд не удалось показать тот уровень тотального футбола, который в 1974 г. продемонстрировала сборная Голландии. Однако общее направление развития футбола осталось прежним. Большинство команд стремилось играть в скоростной, атлетичный, жесткий футбол, основанный на коллективных действиях. Причем важно подчеркнуть, что даже южноамериканские футболисты, которые всегда исповедовали более медленный, «мягкий» футбол, основанный прежде всего на высочайшем техническом мастерстве игроков, стали перестраиваться на новую структуру игровых действий.

В условиях игры с дефицитом времени, игрового пространства и большим количеством жестких единоборств наметилась тенденция – прежде всего у южноамериканских команд – к более рациональной технике, уменьшению внешних эффектов. Сохранив элегантность и непринужденность обращения с мячом, они исключили из игры трюкачество и показную рисовку, а на передний план выдвинули быстроту, надежность и скрытность маневра [Лобановский, Морозов, 1979, с. 7].

В плане исследуемой нами проблемы важное значение имеет тот факт, что чемпионат в Аргентине подчеркнул и роль зрителей как фактора, влияющего на качество и порой даже на результат игры. Аргентинский зритель самым непосредственным образом помог своей команде стать чемпионом. До сих пор, как отмечают специалисты, такого влияния на ход событий на футбольном поле трибуны еще не оказывали [Миляннич, 1960, с. 17].

В целом, давая характеристику футбола в 1970-е гг., следует подчеркнуть, что в свете новых тенденций его развития особую актуальность приобрел вопрос о соотношении эстетического содержания игры, ее зрелищности и эффективности, достижении лучших спортивных результатов. Тотальный футбол, как уже отмечалось, требует гармоничного сочетания всех элементов игры. В то же время в действиях большинства команд в этот период наметился явный крен в сторону атлетизма, жесткости и большого объема работы, выполняемого футболистами. «Сегодня на поле, – писал Пеле, – слишком много борьбы и слишком мало игры» [Спорт за рубежом, 1984]. Ю. Дерваль, много лет возглавлявший сборную ФРГ, рассматривая данный вопрос, указывает, что в последнее время характер игры сильно изменился: возрос темп, техника стала разнообразнее. Однако чем больший акцент делается на повышении темпа, тем меньше внимания уделяется качеству игры. Темп опережает техническое умение футболистов, и это опасно. Заготовленные схемы разрушаются, не дождавшись реализации. Все средства становятся хороши для достижения конечной цели – победы. Основные вопросы повестки дня – рациональность и эффективность. По мнению Ю. Дерваля, подобный путь развития футбола ошибочен, но его нельзя изменить [Дерваль, 1984]. Усиление тенденций рационального подхода к футболу подчеркивают и другие специалисты. Так, известный футбольный эксперт Грефцер писал о том, что в технике и тактике игры просматривается свойственный многим командам так называемый защитный вариант.

Таким образом, можно констатировать, что отмеченные выше тенденции в определенной степени привели к снижению атакующего потенциала футбола, его созидательной и творческой направленности, что, в свою очередь, отразилось на зрелищности и красоте игры.

Большую роль для определения дальнейших путей развития футбола сыграл XII чемпионат мира (1982) в Испании. На первый взгляд он не принес каких-либо революционных изменений. Однако эволюция футбола по сравнению с предыдущим чемпионатом мира, как отмечают специалисты, очевидна [На футбольных полях... 1963, с. 29]. В значи-

тельной мере она коснулась и эстетического содержания игры, ее зрелищности.

Матч XII чемпионата показал, что футбол становится все более скоростным, жестким и интенсивным. В связи с этим значение физической подготовленности игроков (атлетизма, мобильности, быстроты) все более возрастает. Вместе с тем следует отметить, что 1982 г. стал годом восстановления равновесия между силовой и высококачественной игрой. Этот чемпионат реабилитировал футбол как зрелищный, захватывающий вид спорта. Лучшие команды продемонстрировали на турнире смелый, наступательный, результативный футбол. Отчетливо проявилась тенденция ведения атакующих действий большим числом игроков. Важно отметить, что ведущие команды (Италия, ФРГ, Франция, Бразилия) активно использовали фланги, расширяя зону развития атаки, что делало футбол более интересным в зрелищном плане. Как показали педагогические наблюдения, сделанные советскими специалистами, многие сильные команды (Италия, Бразилия, Польша, Аргентина и ФРГ) предпочитают сегодня комбинационную игру, в то время как менее техничные команды, в действиях которых явно заметен крен на физическую мощь, комбинируют меньше [На футбольных полях... 1963, с. 33]. Чемпионат мира подтвердил наметившуюся еще ранее тенденцию к изменению организации игры. Как отмечали специалисты, постепенно утрачивается значение системы как организационной формы игры, тактическая схема все чаще является лишь вспомогательным средством при организации наступательных действий команды. Матчи в Испании показали, что именно от игроков, а не от различных систем игры, как об этом очень долго и много говорили, зависит характер борьбы, ее конечный результат. Данная тенденция свидетельствовала о расширении возможностей проявления творческой инициативы игроков, действия которых все менее сковываются различными схемами и моделями. Это положением имеет важное значение для повышения эстетического потенциала футбола как для самих спортсменов, так и для зрителей. Футбол, продемонстрированный на чемпионате мира, более, чем когда-либо, прежде характеризовался коллективностью действий. Это, однако, не означает обесценивания «звезд». Хотя справедливости ради необходимо указать, что на данном турнире никто не проявил себя столь ярко, как, скажем, «звезды» прошлых лет Пеле и Эйсебио, Круифф, Беккенбауэр и Герд Мюллер. На современном этапе индивидуальные действия должны логически соответствовать усилиям коллектива. «Звезды» и сегодня решают очень многое. С ними нельзя не считаться, так как без асов своего дела трудно достичь больших побед [На футбольных полях... 1963, с. 36–38].

Подводя итог анализу матчей чемпионата мира–82, следует согласиться с выводом, который сделал тренер сборной Франции М. Идальго. Наиболее интересным на турнире в Испании, по его мнению, оказалось то, что команды, показывающие высококачественный футбол, стали выигрывать. К красивой, эстетичной игре в противовес устоявшемуся мнению добавилась эффективность. Это очень важно для будущего футбола [см.: Советский спорт, 1983]. Данную особенность турнира подчеркивали и другие специалисты. Так, например, заслуженный тренер СССР А.А. Севидов отмечал, что на «испанском» чемпионате проявилось стремление футболистов добиваться желаемого результата в каждом матче эстетически яркой и вместе с тем высокоэффективной, содержательной игрой. Игрой, по окончании которой футболисты, даже не став победителями, покидают поле под аплодисменты зрителей. Именно так уходили с поля на этом чемпионате мира футболисты Франции и Бразилии [см.: Советская Россия, 1983].

Рассмотренное выше соперничество двух игровых концепций, оказывающее существенное влияние на эстетическое содержание футбола, характер и полноту реализации его эстетического содержания, продолжалось и в последующий период. Как отмечают специалисты, бразильская сборная в 1990-е гг. вернула нас к лучшим образцам тотального футбола, предложенного в середине 1970-х гг. голландцами, причем вернула на новом, более высоком качественном уровне. Жесткость, цепкость в обороне, активное участие защитников, прежде всего крайних в атаках, умение полузащитников одинаково квалифицированно помогать защитникам и форвардам и прекрасное нападение, а также приверженность Паррейры принципам современного футбола, в котором, по его мнению, «главное – гармония, позволившая успешно действовать во всех стадиях игры, – вот основные составляющие бразильского успеха [Горбунов, 1994].

Подлинной сенсацией Олимпиады в Атланте стала победа в футбольном турнире сборной Нигерии, которая в полуфинале победила бразильцев, а в финале аргентинцев. Многие специалисты, объясняя причину этой победы, отмечали, что в игре нигерийцев

органично сочетаются такие специфические черты африканского футбола, как пластичное, мягкое обращение с мячом, природная прыгучесть и выносливость, с европейской тактичной выучкой.

Вместе с тем, как писала английская газета «Дейли Телеграф» (10 июня, 1998 г.), сейчас в футболе все более ощущается давление коммерции. Работа над техникой футбола отступает на второй план. На поле происходит меньше творчества и новаторства, даже если это и сборная Бразилии, имеющая игроков, способных на это. По мнению бразильского игрока Сократеса, «стандарты мирового футбола становятся хуже». Все меньше становится игроков, «делающих игру». А нет таких игроков – нет и очков. Любопытное заявление, указывается в газете, сделал Пеле: «Сегодня тренер хочет быть звездой. В мое время звездой был игрок. Тренеры, которые у меня были, являлись и отцом, и организатором, и психологом, но они предоставляли тебе свободу в игре. Нынешние игроки такой свободы не имеют».

Показательна в этом плане и позиция известного футбольного тренера Валерия Лобановского. Он неоднократно заявлял в своих интервью, что его абсолютно не интересует красота или какие-то другие эстетические ценности действий игроков, важен лишь результат. Вот лишь некоторые примеры таких заявлений: «...сборная должна играть не красиво, а эффективно»; «...я не оцениваю игру по эмоциональным признакам. Для меня нет понятия красивая или интересная игра. Оценка идет с точки зрения эффективности. Спорт – это не шоу, а прежде всего борьба, где важен результат» [См.: газ. «Правда», 1988].

В последнее время ФИФА стремится стимулировать творчество в игре, сурово наказывая при этом тех, кто пытается покалечить активных игроков. Стремление ФИФА к исключению нападения на игроков сзади принесло в значительной степени желательный эффект, который дал творческим игрокам больше возможностей для широкого маневра. Бывший игрок сборной Англии Бобби Чарльтон сказал: «Мне нравится новое правило. Оно пресекает попытки грубого сбивания игроков». При этом он считает, что надо более четко разграничивать случаи, когда надо за такое нападение применять желтую или красную карточку. По его мнению, М. Оуэн никогда бы не смог забить изумительный по красоте гол в ворота сборной Аргентины, если бы новое правило не действовало. Но, с другой стороны, президент ФИФА отметил, что атакующих игроков стали часто тянуть за футболки. Как отмечается в журнале «ФИФА мэгэзин» (июнь 1998 г.), продолжается поиск путей решения проблемы нахождения равновесия между игрой творческих игроков и тех, кто имеет тенденцию «к разрушению».

Таким образом, изложенное выше свидетельствует о диалектически-противоречивых реалиях спорта. Современный спорт выполняет ряд гуманистически ориентированных социальных функций. Вместе с тем в этой сфере, особенно в спорте высших достижений, складывается «спортивная субкультура», которая включает в себя нормы и ценности, не совпадающие с общекультурными гуманистическими ценностями. «Современная спортивная субкультура, мягко говоря, негуманна – ранняя спортивная специализация и профессионализация ограничивают возможности личностной общекультурной эволюции. Этическая реальность современного спорта – групповая и корпоративная мораль; социокультурная – преобладание технократического стиля мышления над гуманистическим. В этом смысле спортивная субкультура близка к феномену контркультуры и, очевидно, в нормативно-ценностной плоскости оказывается во многих своих проявлениях за границами ключевых норм и ценностей самого спорта, особенно олимпизма» [Егоров, 1991 а, с. 4].

Таковы основные проявления того, что автор данной книги имеет в виду, выдвигая положение о *девальвации* духовно-нравственных ценностей в современном спорте.

Дисфункциональные проявления спортивной субкультуры наиболее ярко выступают в сфере международного и олимпийского спорта, ибо здесь конкуренция приобретает особенно острые формы, успех чаще всего поощряется значительными материальными наградами, а потому особенно велико стремление соперничающих сторон добиться победы (успеха) в спортивных соревнованиях. В этой сфере спорт не только выполняет интегративную функцию, но стал одним из наиболее важных факторов *международной конкуренции*.

Нередко она приводит к тому, что изначально гуманистические по своей природе спортивные поединки пробуждают в людях не глубоко человеческие чувства, а звериные инстинкты, и сам спорт выступает как фактор конфронтации в международных отноше-

ниях, не столько объединяет, интегрирует, сколько разъединяет различные страны, народы, нации, противопоставляет их друг другу.

Об этом свидетельствуют факты, когда спорт используется в качестве средства одурманивания масс, отвлечения их от насущных социально-политических проблем, манипуляции общественным мнением, решения узкокорыстных политических целей, для доказательства превосходства одной страны, одного общественного строя, одной нации и т.д. над другими. В течение десятилетий он рассматривался как часть противостояния и конфронтации двух мировых общественно-политических систем. В выпущенном в ФРГ сборнике «Спорт в эпоху позднего капитализма» [Böhme, Gadow, Güldenpfenning, Jensen, Pfister, 1974], в частности, утверждалось: «Если в неофициальном командном зачете ФРГ займет плохое место, т.е. опять после ГДР, это может пробудить сомнения в эффективности западногерманского капитализма и, следовательно, ослабить позиции господствующих классов внутри страны и в известной степени подорвать их авторитет за рубежом». Аналогичным образом в социалистических странах победу спортсменов над соперниками из США или ФРГ считали необходимой для доказательства превосходства социализма над капитализмом, социалистической идеологии над капиталистической.

Нередки случаи использования спорта, в том числе олимпийского, для разжигания ненависти и вражды между народами, подогревания националистических и шовинистических настроений [Deutsch, 1953; Foltz, 1981; Nationalismus und Sport... 1971; Peace and Understanding... 1989; Schmidt, 1976; Sport and International Understanding, 1984; Strenk, 1978, 1987; Toohey, Warning, 1981; Väyrynen, 1984 и др.].

Такое использование характерно не только для обычных международных соревнований, но и для Олимпийских игр, для олимпийского движения в целом. По мнению Р. Вяйринена, применительно к роли современного международного спорта в обществе можно выделить две перспективы и соответственно две модели: интегративную и конфликтную. «Интегративная модель отражает идеальную концепцию олимпийского движения, в которой преобладает интернационализм. Главная характеристика этой идеологии – честное соревнование индивидов или команд – независимо от их национальной, расовой или лингвистической принадлежности. Это подлинный *транснационализм*, который предусматривает интеграцию молодежи всего мира под олимпийским знаменем». Однако, подчеркивает Р. Вяйринен, «эта версия никогда не была реализована. Конфликтная модель дает более точное описание природы Олимпийских игр; они являются соревнованием между индивидами и командами за “честь и золото”, трансформировавшееся в соревнование между нациями за престиж» [Väyrynen, 1984, p. 64].

П. Сеппянен обращает внимание на то, что вопреки первоначальному замыслу Кубертена построить олимпийское движение так, чтобы оно было независимо от внешних сил, от политического устройства современного общества, система этого движения «структурирована по образцу политической и военной организации или суверенного государства». Так, национальные Олимпийские комитеты, а также международные спортивные федерации, в состав которых входят национальные федерации, организованы с учетом государственных границ. В олимпийской церемонии награждения используются национальные флаги и гимны. Спортсмены являются представителями определенной страны или суверенного государства. Практически не реализуется первоначальный замысел организации Олимпийских игр как международных соревнований между *индивидуальными* атлетами различных стран. «Реально ни один спортсмен не может участвовать в Олимпийских играх, не будучи членом национальной команды» [Seppänen, 1984 b, p. 8]. Для иллюстрации П. Сеппянен указывает на то, что когда ряд выдающихся спортсменов развивающихся стран, которые не смогли участвовать в Олимпийских играх 1976 г. из-за действий своих правительств и национальных олимпийских комитетов, обратились в МОК с просьбой разрешить выступать индивидуально под олимпийским флагом, им было отказано в этом праве. Более того, на практике олимпизм, как считает П. Сеппянен, является «орудием национализма»: «Национализм никогда не был чужд олимпизму. В то время как адвокаты олимпизма декларировали кредо универсального участия для лучших представителей человечества, страны мира интерпретировали участие в Играх как возможность для выражения своих национальных чувств и национального отождествления. Они не отвергали идеалы Игр, но преобразовали их в язык совершенно иного практического применения. Игры использовались не столько для демонстрации международной *fair play*, мира и взаимопонимания, сколько для удовлетворения национального интереса и



национальной гордости». При этом достижения спортсменов стали рассматриваться как показатель национального превосходства [Seppänen, 1984 b, p. 10–11].

Американский философ и психолог Э. Фромм писал по этому поводу: «Посмотрите, какой безумный национализм объединяет людей, следящих за ходом современных Олимпийских игр, которые якобы служат делу мира. На самом же деле популярность Олимпийских игр – это символическое выражение западного язычества. Они прославляют языческого героя: победителя, самого сильного, самого упорного, и при этом не замечают грозной смеси бизнеса и рекламы, столь характерных для современной имитации тех Олимпийских игр, которые проводились в Древней Греции» [Фромм, 1986]. А. Натан отмечал в своей работе «Спорт и политика» [Natan, 1969], что Олимпийские игры «эволюционировали в ритуалистическую борьбу одной нации против другой. Олимпийские атлеты стали солдатами спорта, который пронизан гротескной концепцией национального престижа» [цит. по: Väyrynen, 1984, p. 65]. Яркой иллюстрацией использования Олимпийских игр для пропаганды идей национализма являются Олимпийские игры 1936 г. в Берлине.

Следует учитывать и тот факт, что «страны мира со времени зарождения современных Олимпийских игр распознали политические и идеологические выгоды от победы своих атлетов на Играх. Соответственно они осознали и социальную невыгодность быть среди аутсайдеров. Много международной враждебности непосредственно связано с такими взглядами» [Hatfield, 1976, p. 39]. И действительно, государственные, политические деятели довольно быстро хорошо осознали тот факт, что при нынешнем состоянии системы массовых коммуникаций, как заявил, в частности, бывший президент США Джеральд Форд, «спортивный триумф является не менее эффективным способом поднять дух наций, чем, скажем, победа на поле сражения» [цит. по: Прохоров, 1978, с. 4]. А один из ведущих политиков США на встрече с олимпийской командой в 1984 г. сказал: «Современный спорт – это та область человеческой деятельности, в которой одна страна может доказать свое превосходство над другой, не проливая при этом крови» [Абселямов, 1999, с. 33].

МОК всегда старался подчеркнуть, что в соответствии с духом и буквой Олимпийской хартии подсчет очков среди стран «не имеет никакого значения». Однако исторически сложилось так, что все национальные и международные информационные агентства стали подсчитывать количество медалей и мест, завоеванных различными странами. Ни одна страна, как правило, не воздерживалась от восхваления или критики на этой основе преимуществ государственного или иного подхода к вопросам подготовки и поддержки спортивной элиты и, конечно, стоящих за этим социально-политических систем. «Победы на международных спортивных соревнованиях толкуются как свидетельства превосходства данного образа жизни или большей жизненной силы, присущей данному народу» [Семотюк, 1981, с. 15]. На это обращает внимание и Ф. Ландри: «Нет никакой уверенности, что национальные олимпийские комитеты и страны, участвующие в олимпийском движении, руководствуются единственно преданностью идеалам Пьера де Кубертена. Очевидно, что олимпийский успех используется как эффективное средство для обеспечения престижа и влияния отдельных стран на мировой арене. Можно отметить, что Олимпийские игры использовались и как средство пропаганды или защиты той или иной идеологии» [Ландри, 1988, с. 23].

Противоборство и конфронтация в сфере международного спорта нередко приобретали такой характер, который весьма напоминает военные действия. Характерно в этом плане высказывание президента НОК ФРГ Вилли Дауме о ситуации в международном спорте и олимпийском движении в 80-х гг. XX столетия: «В спорте высших достижений и на Олимпийских играх обстановка не всегда бывает мирной; под мирной обстановкой я в данном случае имею в виду атмосферу терпимости, взаимопонимания, отзывчивости и гармонии. Столь часто восхваляемый мир в международном спорте и в олимпийском движении нередко обеспечивается не столько правовыми нормами, сколько силой и властью. Некоторым явлениям в спорте высших достижений присущи черты военных действий; безудержную гонку за рекордами и медалями и в самом деле вполне можно сравнить с наращиванием армейского и атомного потенциала. Достаточно упомянуть злоупотребление допингом, а также то обстоятельство, что страны третьего мира больше не в состоянии тратить на развитие большого спорта столько, сколько это необходимо по нынешним международным стандартам. И в спорте есть, с одной стороны, сверхдержавы, располагающие оптимальной инфраструктурой, технологией и наукой, а с другой – бед-

ные страны, не имеющие самого необходимого спортивного оснащения» [цит. по: Майер, 1984, с. 14–15].

Хорст Майер приводит ряд фактов, которые дают основание для вывода об определенном сходстве международного спорта в указанный период с войной. Прежде всего он ссылается на высказывание чемпиона Олимпийских игр по спортивной стрельбе из Кореи, который заявил, что, целясь в мишень, он видел перед собой глаза своего врага. Далее Х. Майер указывает на то, что спорт становится все более и более важной составной частью военной подготовки в армиях всего мира, и потому вооруженные силы, как правило, оказывают существенное содействие развитию национальных спортивных движений. Германская история, отмечает он, дает немало примеров переплетения интересов спорта с интересами военно-политической власти и возникновения вследствие этого остроконфликтных ситуаций. В качестве иллюстрации он ссылается на трагические события на Олимпиаде 1972 г. в Мюнхене. «Определенные параллели, – пишет далее Х. Майер, – можно выявить, анализируя функции спорта и войны в процессе самоопределения отдельных личностей и целых народов. Они обнаруживаются даже в лексике спортивных репортажей и репортажей с мест военных действий. Спортивные соревнования, собирающие большое число зрителей, в особенности футбольные матчи, часто сопровождаются драками, в том числе и на трибунах» [Майер, 1984, с. 15].

К фактам, которые упоминает Х. Майер, можно добавить и многие другие. В частности, можно сослаться на тот общеизвестный факт, что некоторые тренеры, при подготовке советских и немецких спортсменов к важным и ответственным встречам между собой для их психологической подготовки напоминали о войне между СССР и Германией и призывали спортсменов «отомстить» за тех, кто погиб в этой войне.

В ряде случаев международные спортивные соревнования содействовали не разрешению, а усилению конфронтации, напряженности, конфликтов в отношениях между различными странами, вплоть до их вооруженных столкновений. Ярким примером могут служить две «футбольные войны». Первая – на границе Аргентины и Уругвая после завершения чемпионата мира по футболу 1950 г., выигранного уругвайцами. Вторая – «футбольная война» 1969 г. между Сальвадором и Гондурасом. Ее окрестили «футбольной», поскольку она началась после двух отборочных матчей чемпионата мира по футболу между командами упомянутых стран. В 1956 г. на Олимпийских играх борьба между ватерполистами Венгрии и СССР была настолько ожесточенной, что вода буквально кипела.

На чемпионате Европы 1996 г. перед полуфинальной игрой Англия – Германия одна из самых популярных английских газет – «Daily Mirror» от имени английских болельщиков объявила Германии войну и сообщила об этом на своей первой полосе, сопроводив текст плакатом: Гаскойн и Пирс (два ведущих игрока сборной Англии) в военных касках. Рядом, как когда-то на пропагандистских листовках времен мировой войны, призыв: «Ах-тунг! Сдавайся! Для тебя, Фриц, чемпионат уже закончен!» Редакции пришла в голову оригинальная идея: истребитель британских королевских ВВС должен пролететь над отелем, в котором остановилась английская сборная, для поддержания в ней боевого духа. Но хозяева газеты потребовали от ее главного редактора «войну» закончить, потому что немецкое посольство выразило официальный протест и попросило британское правительство прекратить оскорбления Германии (именно Германии, а не футбольной сборной) [см.: Сулейманян, 1999].

Многочисленные факты свидетельствуют об использовании спорта не для укрепления мира и международного взаимопонимания, а в военно-политических целях. Так, немецкое «гимнастическое движение» («Turnbewegung») было важным и активным элементом в ходе подготовки к национальной борьбе за освобождение и сопротивлению агрессии Наполеона в 1812–1815 гг. Во время вооруженных столкновений в буржуазной революции 1848–1849 гг. в Германии гимнастическое движение использовалось сторонниками национального и конституционного движения прогрессивной буржуазии. Перед началом Первой мировой войны оно стало «сосредоточием самой активной военной пропаганды» [Güldenpfennig, 1984 b; Wohl, 1986]. Немецкие национал-социалисты после 1933 г. создавали так называемые спортивные группы защиты (Wehrsport), используя их в качестве средства тренировки своих террористических групп [см.: Güldenpfennig, 1984 b]. В СССР сразу после Октябрьской революции физкультура и спорт активно использовались для подготовки людей к защите страны. Во всех армиях мира спорт составляет важный и регулярный компонент военного обучения. Даже в лексике спортивных репортажей и ре-

портажей с мест военных действий обнаруживается определенное сходство [Майер, 1984, с. 15; Goffard, 1975, p. 239]. Во время Олимпийских летних игр 1972 г. в Мюнхене группа палестинцев захватила олимпийскую команду Израиля в качестве заложников, выражая свой протест против израильской политики захвата арабских и палестинских территорий. После вмешательства со стороны сил безопасности ФРГ этот инцидент закончился смертью многих людей.

Такого рода факты иногда дают повод оценивать международный спорт как фактор *не миролюбия, а конфронтации* и даже как своеобразное проявление войны между людьми или по меньшей мере как «прелюдию» к военным действиям. Так, В. Глоде усматривал «ничье пространство между войной и спортом», «переходную зону, в которой война, игра и *circenses*... сближаются друг с другом» [Gloede, 1980, s. 424–426]. К. Дим писал о том, что «война – наиболее характерный, оригинальный спорт, спорт *par excellence* и источник всех других видов спорта» [цит. по: Gӱldenpfennig, 1984 b, s. 50]. В книге известного философа Дж. Сантаяна «Жизнь разума или ступени человеческого прогресса» (1954) спорт характеризуется как «свободная форма войны» [Santayana, 1954, p. 129]. А. Натан писал в своей работе «Спорт и общество»: «Те, кто думает, что спорт символизирует мир или функционирует как средство связи между нациями, совершенно не понимает сути дела. Международные события позволяют утверждать, что футбол имеет функцию, сублимирующую войну» [Natan, 1972, p. 10]. П. Гудхарт и К. Четэвэй написали книгу о международном спорте под названием «Война без оружия» [Goodhart, Chataway, 1968], после чего определение этого спорта как «войны без оружия» прочно вошло в обиход не только журнальных, но и научных статей. Журналист Г. Орвелл в своих работах [Orwell, 1950, 1960] называл международный спорт «войной без стрельбы» (*“war minus the shooting”*). Книга о современных Олимпийских играх, которую опубликовал директор Комиссариата по делам молодежи, досуга и спорта Квебека П. Оль, носит название «Олимпийская война». Показательна и оценка спорта бывшим президентом США Рейганом, который заявил в одном из выступлений: «Спорт – это выражение ненависти друг к другу... Это последняя возможность, которую наша цивилизация предоставляет двум людям для физической агрессии. Спорт – наиболее близкая к войне область человеческой деятельности». Д.В. Никишин в кандидатской диссертации «Смысловые характеристики профессионального спорта: социально-философское исследование» считает, что «спорт – это пример социально разрешенного насилия, совершаемого в рамках заранее оговоренных правил, когда состязание превращается в легитимную форму войны» [Никишин, 2005, с. 16].

Таким образом, все изложенное выше подтверждает **диалектическую противоречивость** социальных функций и социального использования спорта.

Автор данной книги неоднократно обращал внимание на это противоречие в своих публикациях [Столяров, 1984 б, 1988 а, 1989 а, в, 1990 в, 1996 а, 1998 б, и, 2000 д, 2004 д, 2005 е, з и др.].

Многие другие исследователи также указывают на необходимость учитывать как позитивные, так и негативные (с точки зрения гуманизма) аспекты роли спорта в процессе социализации и в социальных отношениях.

Так, П. Макинтош в книге «Спорт и общество» [McIntosh, 1963], анализируя историю спорта от античных времен до современности, наряду с фактами позитивного социального значения спорта в системе международных отношений приводит многочисленные негативные факты. В частности, упоминаются случаи, когда международная игра в хоккей выливалась в нерегулируемый кулачный бой, как это случилось на зимних Олимпийских играх в Скво-Вэлли в 1960 г., ватерпольная игра – в кровавую битву, как это было в Мельбурне в 1956 г., а крикетные и футбольные матчи утрачивали характер спортивных явлений из-за сражения наблюдающих за ними зрителей.

Противоречивый характер воздействия спорта в ходе его истории на международные отношения показал и К. Хейнила в своей работе «Замечания относительно межгрупповых конфликтов в международном спорте» [Heinilä, 1966]. История спорта и Олимпийских игр, отмечает он, бесспорно, дает многочисленные свидетельства важной роли спорта в укреплении дружественных связей между различными странами. Вместе с тем существуют факты, хотя и не столь многочисленные, свидетельствующие о том, что международные спортивные контакты были и одной из причин возникновения конфликтов и даже прекращения всяких отношений между странами. В качестве иллюстрации он ссылается на историю легкоатлетических соревнований между Швецией и Финляндией и отмечает,

что даже эта, казалось бы, миролюбивая и спокойная история в течение ряда лет характеризуется атмосферой холодной войны, кульминацией которой в 1930 г. стал открытый конфликт и которая в итоге привела к приостановке спортивных контактов между двумя странами.

Г. Пильц и З. Фишер в статье «Спорт и мир» обосновывают положение о том, что «фактически насилие является органическим элементом современного соревновательного спорта, а мир – утопией». По их мнению, спорт, по крайней мере международный соревновательный спорт, «вряд ли можно оценивать как средство, пригодное содействовать взаимопониманию народов и международному миру». В подтверждение они приводят высказывание олимпийского чемпиона о том, что «я могу выигрывать лишь в том случае, если воспринимаю своего соперника как врага» и отмечают, что международные спортивные события не привели к прекращению ни одного военного столкновения, а вместе с тем приводят к «сражениям между болельщиками», а однажды привели к настоящей войне, так называемой «футбольной войне» между Гондурасом и Сальвадором. Вместе с тем авторы статьи поддерживают мнение тех авторов, которые считают, что спорт дает последний шанс наладить контакты между странами и народами (например, Азиатские игры 1982 г. для Ирана и Ирака) или толчок первым политическим контактам (например, «пинг-понговая дипломатия» между США и Китаем) [Pilz, Fisher, 1984, s. 191–193].

К. Пелл, выступая на международном симпозиуме «Мир и взаимопонимание посредством спорта», организованном в 1988 г. Институтом международного спорта, изложил факты, характеризующие как позитивную, так и негативную роль спортивных соревнований, включая Олимпийские игры, в укреплении мира и международного взаимопонимания [см.: Pell, 1989].

Подробное обоснование диалектически-противоречивого характера миротворческой функции спорта содержится в работах известного немецкого ученого Свена Гюльденпфеннига [Güldenpfennig, 1981, 1984a,b,c, 1996b, 2001]. Он обращает внимание на то, что при обсуждении данной проблемы в повседневной, публичной, политической жизни и даже в научных дискуссиях наблюдается сильная тенденция к упрощенной и односторонней трактовке миротворческой роли спорта. В частности, один из стереотипов в трактовке этой роли спорта заключается в признании того, что спорт сам по себе, приводя в действие присущие ему принципы и ценности, служит делу мира и взаимопонимания между народами. При этом обычно исходят из обыденных соображений «здравого смысла», идеализируют, гармонизируют ту социальную ситуацию внутренних и внешних отношений в спорте, которая на самом деле не менее сложная и противоречивая, нежели в других областях социальной жизни [Güldenpfennig, 1984 a, s. 171–177].

С. Гюльденпфенниг считает, что спорт по своей внутренней структуре, а также по внешним связям и воздействиям представляет собой крайне сложное социальное образование, требующее комплексного анализа и интерпретации [Güldenpfennig, 1981; 1984 a, s. 176]. В связи с этим он выступает против того, чтобы рассматривать миротворческое значение спорта как совершенно бесспорное, ясное и однозначное: «Действительность намного сложнее и противоречивее. Причина этого заключается в том, что существует огромная пропасть между *возможностями спорта...* и *реализацией* этих возможностей – несоответствие, которое преодолевается при различных условиях и различными общественными и политическими силами различным образом. А кроме того, и сами указанные возможности неоднозначны: спорт является носителем культурных, социальных и общественно-политических возможностей, которые могут реализовываться в противоположных направлениях и ни в коем случае не связаны однозначно с каноном гуманных, демократических и межнационалистических норм» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 172].

Углубленный анализ истории и современности, отмечает С. Гюльденпфенниг, показывает, что спорт может быть носителем и защитником как миролюбивых, так и милитаристски ориентированных сил, а также служить целям маскировки. Когда национал-социалисты в августе 1939 г. призывали к проведению международной спортивной недели в Вене и при этом ссылались на миролюбивый характер спорта, на самом деле они стремились оказать содействие в своей подготовке к нападению на Польшу и к началу Второй мировой войны. Исходя из этого, С. Гюльденпфенниг делает вывод о том, что «отношения между спортом и миром являются не однозначными и не простыми, а многосторонними. Нет прямой и однозначной связи позитивного и конструктивного вида – спорт как содействие миру – или негативного и деструктивного вида – спорт как средство немирной кон-

фронтации. Качество этой связи часто весьма относительно, а следовательно, формируемо и нуждается в формировании... Спорт... принципиально открыт и "свободен", содержит диспозиции как к миру, так и к не-миру» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 178-179; 1984 b, p. 54-55].

С. Гюльденпфенниг полагает, что существует как минимум три уровня взаимосвязи спорта с миром и использованием силы:

- а) насилие в спорте как выражение определенного уровня развития общества;
- б) спорт как средство военной подготовки;
- в) политическое и идеологическое использование спортсменов и спортивных организаций для действий против мира или за его сохранение [Güldenpfennig, 1984 b, p. 54].

Вместе с тем он выделяет несколько аспектов миротворческой роли спорта.

#### 1. Спортивная деятельность как модель мирного соревнования.

Как считает С. Гюльденпфенниг, важно учитывать двойное значение «встречи» ("meeting", "der Begegnung"), которая осуществляется в рамках спортивной деятельности. С одной стороны, «встреча» – это сотрудничество, обмен, совместное участие, а с другой – разногласие, спор, соревнование, соперничество [Güldenpfennig, 1981, s. 32; 1984 b, p. 48]. Речь идет, следовательно, о соединении «ассоциации» и «конфликта», что может быть выражено в понятии «мирное соревнование»: «Спортивное соревнование как двусмысленная встреча символизирует единство конфликта и ассоциации или конфликта в ассоциации. Тем самым существует образец, модель возможного мирного соревнования как культурное достижение и момент культурного развития. Возможность такого влияния усиливается тем, что это демонстрируется перед массовой аудиторией» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 181].

Сближение (или даже отождествление) спорта с войной, по мнению С. Гюльденпфеннига, основано на абсолютизации момента соревнования в спорте по сравнению с моментом ассоциации. Кроме того, «не замечают совершенно противоположное соотношение между конфликтом и ассоциацией в обеих областях». В военной разногласии «реальный конфликт является руководящим к действию моментом», хотя он и ограничен некоторыми ассоциативными моментами (например, Женевской конвенцией). «В отличие от этого в спорте руководящим к действию моментом является регулируемая определенными правилами ассоциация, которая в своем общем проявлении в культурном отношении ограничивается моментами специфического для спорта (символического) конфликта». Решающее значение в спорте имеет именно ассоциация, поскольку он представляет собой «искусственно конструируемый и символизированный конфликт» [Güldenpfennig, 1981, s. 32-33; 1984 b, p. 48].

2. Спорт как модель ограничения конфликта. Для современного общества, отмечает С. Гюльденпфенниг, характерно наличие множества конфликтов в социальной и политической области. Причем они настолько тесно соприкасаются, воздействуют друг на друга, что имеется опасность их эскалации. Поэтому крайне важно найти средства смягчения и ограничения конфликтов. Спортивное движение как раз и представляет собой возможную модель миролюбивого значения международной кооперации, несмотря на дальнейшее существование определенных конфликтов. Спорт может дать образец ограничения конфликтов, поскольку при нормальных условиях спортивная деятельность регулируется на основе соответствующего изменения правил. Важным условием реализации этой функции спорта является обеспечение независимости сферы спорта в общеполитическом пространстве и демократической конституции спортивных организаций. Для защиты и дальнейшего развития этой автономии деятельности спорта, отмечает С. Гюльденпфенниг, необходимо создать соответствующие условия: постоянно совершенствовать систему спортивных правил, усиливать внутреннюю демократию спортивных организаций, четко разделять политические и этические принципы спорта [Güldenpfennig, 1984 a, s. 183].

3. Спорт как институт встречи. Важный угрожающий миру момент заключен в наличии глубоких противоречий между народами, которые могут перерасти во враждебность и вооруженный конфликт. В связи с этим возрастает важность международной коммуникации и международных встреч на всех уровнях. Спорт может значительно содействовать организации международных встреч. Речь идет не только о непосредственных встречах спортсменов, тренеров, болельщиков и т.д., но и о сообщении об этих встречах в средствах массовой информации, а также о сотрудничестве различных спортивных организа-

ций. /358/ В этом плане спорт позволяет людям полнее изучить друг друга, ознакомить с достижениями культуры других народов.

Итак, миротворческие ценности спорта, считает С. Гюльденпфенниг, лежат в следующих основных областях:

— *символически демонстративная область* (осуществление международных встреч? несмотря на наличие определенных конфликтов, спорт как модель уживчивости противоположностей);

— *спортивно-практическая область* (прямой и опосредованный средствами массовой информации опыт встреч непосредственных участников и зрителей);

— *спортивно-педагогическая область* (учиться в спорте и у спорта возможности мирного разрешения конфликтов);

— *спортивно-институциональная сфера* (вклад государственных и негосударственных спортивных организаций в развитие сети мирно регулируемых международных связей);

— *общеполитическая область* (восприятие политического мандата спорта в рамках возможностей его содействия достижению конструктивных общественных целей – мира, демократии, социально-культурного прогресса) [Güldenpfennig, 1984 a, p. 187–188].

В итоге С. Гюльденпфенниг делает вывод о том, что «отношения между спортом и миром являются не однозначными и не простыми, а многосторонними. Нет прямой и однозначной связи позитивного и конструктивного вида – спорт как содействие миру – или негативного и деструктивного вида – спорт как средство немирной конфронтации. Качество этой связи часто весьма относительно, а следовательно, формируемо и нуждается в формировании... Спорт... принципиально открыт и “свободен”, содержит диспозиции как к миру, так и к не миру... История показывает, что миролюбивая ценность спорта не является автоматической, не достигается и не реализуется сама по себе» [Güldenpfennig, 1984 a, s. 178–179; 1984 b, p. 54–55].

Таким образом, *анализ фактов истории и современного состояния спорта показывает, что его реальная гуманистическая социокультурная ценность значительно ниже тех возможностей, которыми вообще обладает спортивная деятельность, а вместе с тем с ним связан широкий круг негативных антигуманных явлений.*

### Литература к гл. 15

1. Абсалямов Т.М. (1996). Спорт высших достижений как один из путей изучения предельных возможностей человеческого организма // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сент., 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 32-37.
2. Абсалямов Т.М. (1999). Биорекорды ГДР // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3. – С. 11-17.
3. Агрессивность в спорте // Обзорная информация. Проблемы психологической подготовки в спорте высших достижений за рубежом. Серия «Зарубежные научные исследования». – М.: ВНИИФК. 1981. – С. 16-39.
4. Акпере Х. (1974). Борьба за независимость и некоторые социальные аспекты развития физической культуры и спорта в Африке: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 26 с.
5. Аксенов Г.М. (2003). Педагогические идеи Кубертена и их современное значение: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
6. Антипова Елена (2001). Влияние аффективных ценностей неоспорта на олимпийскую культуру школьника // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 56-57.
7. Антипова Елена, Антипова Маргарита (1999). Возрастная динамика формирования интереса к физической культуре и олимпизму у учащихся общеобразовательной школы спортивного профиля // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всеросс. совещания «Практика олимпийского образования». – М. – С. 18-21.
8. Апанасенко Г.Л. (2006). Здоровье спортсмена: критерии оценки и прогнозирования // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 19-24.
9. Бальсевич В.К. (1993а). Конверсия высоких технологий спортивной подготовки как актуальное направление совершенствования физического воспитания и спорта для всех // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 21-22.
10. Бальсевич В.К. (2006). Спортивный вектор физического воспитания в российской школе. – М.: НИЦ «Теория и практика физ. культуры и спорта». – 112 с.
11. Баринаева И.В. (1994). Состояние и пути совершенствования олимпийского образования и воспитания учащейся молодежи: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 26 с.

12. Бауэр В.Г. (2002). Современное состояние развития детско-юношеского спорта России // II Междунар. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм». 15-18 июня 2002 г., г. Москва. Конф. «Юношеский спорт XXI века»: Материалы – М.: Сов. спорт. – С. 47-51.
13. Болдырева В.А. (1999). Научно-методические основы организации олимпийского образования школьников в период педагогической практики студентов физкультурных вузов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 27 с.
14. Бугреев А.Н. (1997). Современный олимпизм (вопросы теории и практики: социально-философский аспект). – Волгоград. – 86 с.
15. Бугров Н.Н. (1971). Международные связи советских спортивных организаций на службе социального прогресса и упрочения всеобщего мира (1917-1967): Дис. ... докт. пед. наук. – М.
16. Бугров Н.Н. (1982). Международные спортивные связи как объект научных исследований // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 55-58.
17. Варюшина М.В. (2005). Формирование культуры мира в процессе спортивного воспитания студентов гуманитарных вузов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
18. Визитей Н.Н. (1982). Спорт и эстетическая деятельность. – Кишинев: Штиинца. – 183 с.
19. Винник В.А. (1989). Спорт и нравственность: ценностные ориентации высококвалифицированных спортсменов // Нравственный потенциал спорта. Матер. IV Всес. методол. семинара (г. Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). – М.: Сов. спорт. – С. 86-88.
20. Винник В.А. (1991). Эффективность различных форм физкультурно-спортивной активности в формировании ценностных ориентаций личности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.: ВНИИФК.
21. Виноградов П.А., Жолдак В.И., Моченов В.П., Паршикова Н.В. (2003). Бой за будущее: физическая культура и спорт в профилактике наркомании среди молодежи. – М.: Сов. спорт. – 184 с.
22. Вишневский В.И. (1987). Социально-воспитательные аспекты массовых спортивных соревнований школьников в СССР: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
23. Вишневский В.И. (1988). Воспитательный эффект детско-юношеских спортивных соревнований и пути его повышения (социально-педагогический анализ) // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М. – С. 175-192.
24. Вишневский В.И., Столяров В.И., (2009а). Комплексный анализ массовых спортивных соревнований школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VII Всероссийской научно-практич. конф. (г. Москва, 16–17 апреля 2009 г.). – М. – С. 40–47.
25. Вишневский В.И., Столяров В.И. (2009б). Система массовых спортивных соревнований школьников («Команда-класс») по игровым видам спорта: Научно-методические рекомендации. – М.: АНО «Учебный Центр информационных и образовательных технологий». – 131 с.
26. Вишневский В.И., Столяров В.И. (2010). Роль массовых спортивных соревнований в формировании культуры здорового образа жизни школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 25–26 февраля 2010 г. – М. – С. 37–40.
27. Власов Ю. (1966). Театр большого спорта // Театр. – №1.
28. Возвращение к олимпийским идеалам. Олимпийское и спортивно-гуманистическое воспитание молодежи: Методич. рекомендации для преподавателей. – Харьков, 1992. – 60 с.
29. Вэйринен Р. (2005). Национализм и интернационализм в спорте // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. Часть 2. – С. 252-256.
30. Гагаева Г.М. (1969). Психология футбола. – М.: ФиС.
31. Гегель Г.В.Ф. (1968). Эстетика. В 4-х т., т. 1. – М.
32. Гиссен Л. (1977). Сквозь смех и слезы чемпионов. – М.
33. Гладков В.Н. (2004). Некоторые особенности заболеваний, травм, перенапряжений и их профилактика в спорте высших достижений (на примере спортсменов-пловцов). – М. – 160 с.
34. Горбунов А. (1994). Неузнаваемая Бразилия // Физкультура и спорт. – № 10. – С. 3-4.
35. Гориневский В.В. (1928). Культура тела. – М.: изд-во Наркомздрава.
36. Григорьянц И.А. (2002). Случайность или закономерность? // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 31-38.
37. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
38. Губарева Т.И. (2001). Гуманистически ориентированная педагогическая технология культурно-спортивной работы с инвалидами: Автореф. дис... д.п.н. – М. – 45 с.
39. Губарева Т.И., В.И. Столяров (1997а). Комплексная «спартианская» программа культурно-спортивной работы с инвалидами // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, ч. II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 106-195.

40. Губарева Т.И., Столяров В.И. (1997б). Новые формы культурно–спортивной работы с инвалидами на основе проекта «СпАрт»: Учебно-методическое пособие для студентов и слушателей РГАФК. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 122 с.
41. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий. Спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи: Сб. ст.– Москва-Сургут: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.
42. Гуськов Сергей И. (1999). Социальные процессы, значимость спорта и его развитие в России // Олимпийское движение и социальные процессы: Матер. IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всеросс. совещ. «Практика олимпийского образования». – М. – С. 49-53.
43. Гутин А.Т. (1984). Идеалы и ценности олимпизма в воспитании юных спортсменов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 18 с.
44. Демидов А. (1970). На зеленых сценах Мексики // Театр. – № 12. – С. 100-106.
45. Дervalь Ю. (1984). Не сковывать футбол схемами // Спорт за рубежом. – № 6.
46. Дехтярев Юрий (2000). Диагностика повреждений мозга у боксеров // IV Мьждународный науковий конгрес "Олімпійський спорт і спорт для всіх", 16-19 травня 2000 р., Київ, Україна: Тез. докл. – Київ: "Олімпійська література". – С. 185.
47. Дмитриев В.С. (2003). Адаптивная физическая реабилитация: структура и содержание: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – М.
48. Дойзер Э. (1980). Здоровье спортсмена. – М.: ФиС. – 135 с.
49. Доспехов Алексей (2004). Мэрион Джонс вырастили в лаборатории // Газета «КОМ-МЕРСАНТЬ», № 228 от 06.12.2004 г.
50. Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй. Ценности спорта и пути его гуманизации: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 187 с.
51. Евсеев С.П. (2011). Адаптивный спорт // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС. – С. 517–539.
52. Евсеев С.П., Шапкова Л.В. (2000). Адаптивная физическая культура. – М.: Советский спорт. – 240 с.
53. Егоров А.Г. (1989). Диалог как ценность спорта // Нравственный потенциал современного спорта: Матер. IV Всесоюзного методологич. семинара (г.Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). – М.: Сов. спорт. – С. 29-31.
54. Егоров А.Г. (1991а). Гуманизация, гуманитаризация и реалии спортивной субкультуры // Формирование гуманистического мировоззрения студентов: Сб. научных трудов. – Смоленск. – С. 3-8.
55. Егоров А.Г., Захаров М.А. (2006). Фэйр Плэй в современном спорте: Учеб. пособие. – Смоленск. – 188 с.
56. Ефременков Константин (2003). Олимпийское образование как социокультурный феномен в педагогическом пространстве современной России. – Смоленск: СГИФК, СОА. – 272 с.
57. Жолдак В.И. (1998). Олимпизм как идеологический ориентир молодежи // Межд. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм» 14–18 июля 1998 г., г. Москва: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 110–112.
58. Захаров М.А. (2002). Фэйр Плэй в системе олимпийского образования: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Смоленск. – 20 с.
59. Знаменская Е.Г. (1976). Некоторые социальные, социально-психологические и психологические аспекты теории агрессивности в спорте. – М. – 43 с.
60. Ипатов Д.И. (1995). Основные направления гуманизации спортивных игр и соревнований в работе со школьниками: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 28 с.
61. Кёх Арнольд (1981). Пагубна ли зависимость между спортом и политикой? // Проблемы междунар. спортивного движения: Тематическая подборка. № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 12-19.
62. Ким В.В., Латыпов М.М., Линькова Н.А., Хам Г.С. (2001). О разделении спорта и оздоровительной физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 17–21.
63. Коваленко Ю.А. (2006). Проблемы травматологии в современном спорте // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 22–26, 39–41.
64. Коган О.С. (2005). Недопинговые средства восстановления в спорте высших достижений / О. С. Коган // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 55-57.
65. Коджаспиров Ю.Г. (1994). Проблема дефицита положительных эмоций на занятиях физической культурой и спортом // Теория и практика физ. культуры. – № 5-6. – С. 34-37.
66. Козлова В.С. (2000). «ФАНЫ»: феномен околоспортивной толпы. – Москва-Смоленск. – 153 с.
67. Козлова В.С. (2003). Спорт и его аудитория. – Смоленск. – 285 с.
68. Козлова В.С. (2005а). Спорт как социально-зрелищная сфера. – Мн.: Изд. «ВЭВЭР». – 320 с.



69. Козлова В.С. (2005б). Спорт как социально-зрелищная сфера: формирование, функционирование, управление: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Орел. – 62 с.
70. Конфликт: Сб./Сост. Шабельникова В.Я., Моева Е.П.; Под общ. ред. Винокурова В.И. – М.: ФиС. – 384 с.
71. Королева С.А. (2004). Игровые модели соперничества и сотрудничества в физкультурно-спортивной работе со студентами: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
72. Кравчик З. (1996). Спорт и гуманизм. Аспекты анализа // *Духовность-Спорт-Культура*. Вып. второй: Сб./Сост. и ред. В.И. Столяров. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 5-14.
73. Красненков А. (1998). Жертвоприношение. Жизнь спортсмена – это борьба. Сначала за медали, потом за здоровье // *Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех»*. – № 1. С. 17-20.
74. Круз Дж., Бойксадес М., Мимбреро Дж., Торрегроса М., Вальенте Л. (2000). Какое влияние оказывают соревнования на ценности и поведение молодых футболистов // *Гуманистическая теория и практика спорта*. Вып. 2: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт». – С. 146-150.
75. Кузнецов В.В. (1979). Спорт – основной фактор научного познания резервных возможностей человека // *Теория и практика физ. культуры*. – № 3. – С. 45-48.
76. Кузнецов В.В. (1980). Олимпийские игры и возможности человека. – М.: Знание. – 48 с.
77. Кузнецов В.В. (1982). Резервные возможности человека и антропомаксимология // *Проблемы резервных возможностей человека: Сб. научных трудов/Под общ. ред. проф. В.В.Кузнецова*. – М. – С. 7-23.
78. Курило С.И. (2000а). Социально-философская концепция международного спорта: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 46 с.
79. Курило С.И. (2000б). Философские основы теории и практики международного спорта. – М.: Теория и практика физ. культуры. – 250 с.
80. Курило С.И., Столяров В.И. (2000). Международный спорт с позиций гуманистической теории спорта // *Гуманистическая теория и практика спорта*. Вып. I: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 16-176.
81. Кыласов А.В. (2009). Religio athletae или культурно-религиозная сущность олимпизма // *Вестник спортивной науки*. – № 5. – С. 55-59.
82. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
83. Ландри Ф. (1988). Рост монополизации успеха на Олимпийских играх: Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 22-32.
84. Лекарска Н. (1983). Насилие, феър-плей и задачи на националните олимпийски комитети // *Сборник материали. От първата сесия на националната олимпийска школа*. 5-9 юни 1983 г., Несебър. – С. 31-38.
85. Леммер М. (1974). Истинная природа олимпийского духа в Древней Греции // *Всемирный научный конгресс «Спорт в современном обществе»: Сб. научных материалов*. – М. – С. 40-41.
86. Ленк Г. (1978). Спорт как средство социального воспитания молодежи // *Инф. вестник ВНИИФК*. – № 23-24. – С. 6-8.
87. Ленк Г. (1979). Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // *Спорт и образ жизни: Сб. ст. / Сост. В.И.Столяров, З. Кравчик*. – М., ФиС. – С. 112-125.
88. Ленк Г. (1981). Большим быть, чем казаться // *Bulletin № 8 du 11 Congress olympic de Baden-Baden*. – P. 18-21, 73-81.
89. Ленк Ганс (1997). Спорт как современный миф? // *Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования*. – М.: Изд-во «УРСС». – С. 156-179.
90. Ленк Ганс (1999). Задачи философии спорта: между гласностью и антропологией // *Гуманистическая теория и практика спорта*. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, С.И.Курило, Е.В.Стопникова. – М.: МГИУ. – С. 177–194.
91. Лобановский В., Морозов Ю. (1978). Законодатели мод или ученики? // *Физкультура и спорт*. – № 11. – С. 10-17.
92. Лобжанидзе М.М. (1980). Эстетика спортивного зрелища. – Тбилиси. – 140 с.
93. Лоренц К. (1994). Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс».
94. Майер Хорст (1984). Олимпийские игры как модель современного мира // *Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация*. – Вып. 19. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 13-22.
95. Манифест СИЕПС о честной игре // *Информационный вестник ВНИИФК*. – 1977. № 10. – С. 3-12.
96. Марков Л.Н. (1998). Допинг. Не станут ли очередные Олимпиады состязаниями фармакологов? // *Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех»*. – № 1. – С. 8-9.
97. Маслаков И.А. (1981). К вопросу об эстетическом воспитании студентов, специализирующихся по боксу // *Теория и практика физ. культуры*. – № 3. – С. 40-41.

98. Матвеев Л.П. (1991). Теория и методика физической культуры: Учебник для ИФК. – М.: ФиС. – 543 с.
99. Матвеев Л.П. (1997). Общая теория спорта. Учебная книга для завершающих уровней высшего физкультурного образования. – М.: 4-й филиал Воениздата. – 304 с.
100. Международные и национальные спортивные организации: Справочник/Автор-сост. Б.Хавин. – М.: Сов. спорт, 1987.
101. Международные спортивные объединения и туристские организации (справочник). – М.: ФиС, 1973. – 328 с.
102. Международный спорт: организации и люди. – М.: Исследовательский Центр «Фэйр Плэй», 1993.
103. Милянич М. (1960). Современный футбол // Футбол: Ежегодник. – С. 10-19.
104. Моченов В.П. (2001). Физическая культура и спорт в профилактике наркомании и преступности среди молодежи // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 60–62.
105. На футбольных полях Испании // Футбол, Ежегодник, 1963. – С. 8-41.
106. Нидерман Э. (1986). Может ли спорт способствовать взаимопониманию между народами? // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 8. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 24-30.
107. Никишин Д.В. (2005). Смысловые характеристики профессионального спорта: социально-философское исследование: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Екатеринбург. – 22 с.
108. Нонев Б. (1989). О сущности и развитии олимпийских идеалов // Междунар. спортивное и олимпийское движение. – № 10. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 17-21.
109. Носов И.А. (1993). К вопросу о воспитательной работе в детско-юношеских школах // Дети и олимпийское движение: Материалы симпозиума детской Сибириады, 5-7 июля 1993 г. – Новосибирск. – С. 63-65.
110. Олимпийский учебник студента: Пособие для формирования системы олимпийского образования в нефизкультурных вузах /В.С. Родиченко и др. – М. – Сов. спорт, 2003. – 128 с.
111. Ольхова Т.Г. (2000). Интегративный подход к спортивно-гуманистическому воспитанию студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
112. Орешкин М.М. (2010). Теория спорта и олимпийского движения в содержании высшего профессионального образования специалистов в области международных отношений: Дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
113. Паначев В.Д. (2000). Спорт как социальный институт в развитии личности: Автореф. дис... канд. социол. наук. – Пермь. – 24 с.
114. Пегов В.А. (1998). Спорт как мировая религия нашего времени // Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов, вып. 2. – Смоленск. – С. 92-100.
115. Петлеваний Г.Ф. (1997). Система олимпийского образования в многопрофильной школе-комплексе физкультурно-эстетического направления: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. М. – 28 с.
116. Петушкова Е.В. (1988). Новое мышление и новые аспекты роли спорта в борьбе за мир // Спорт и перестройка: Сб. науч. тр. по матер. Всес. научно-практич. конф. "Государство, спорт и мир". – М. – С. 169-178.
117. Пирожников Р.А. (2001). Региональные системы олимпийского образования России: Дис. ... канд. пед. наук. – Смоленск. – 233 с.
118. Платонов С.И. (1991). Социально-педагогические аспекты формирования ценностных ориентаций личности в сфере физической культуры и спорта под влиянием спортивных зрелищ: Автореф.... дис. к.п.н. – М.
119. Пономарчук В.А. (1988). Физическая культура, спорт, личность. – М.: Знание РСФСР. – 37 с.
120. Пономарчук В.А. (1989). Спорт, культура, личность (социально-философский подход) // Нравственный потенциал спорта. Материалы IV Всесоюзного методологического семинара (г. Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). – М.: Советский спорт. – С. 15-21.
121. Пономарчук В.А. (1994а). Физическая культура и становление личности (социально-философский подход): Дис. в форме научного доклада... докт. филос. наук. – М. – 45 с.
122. Пономарчук В.А. (1994б). Человек в мире спорта: проблемы становления личности. – М.: Федер. ин-т социолог. образования. – 118 с.
123. Попов Г.В. (2004). Концепция и педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 24 с.
124. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54–66.
125. «Правда», 22 и 26 июня 1988 г.
126. Праздников Г.Л. (1981). Искусство и спорт. – Л.: Знание. – 154 с.
127. Приглашение в страну "Фэйр Плэй". – М.: Исследовательский центр "Фэйр Плэй". – 37 с.

128. Прокопчук Ю.А. (1998). Модель олимпийского образования студенческой молодежи на основе Спартианских игр: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Краснодар. – 25 с.
129. Прохазка К. (1986). Спорт и мир/Пер с чешск. – М.: ФиС.
130. Прохоров Д.И. (1978). Интеграция в спорте. – М.: ФиС. – 102 с.
131. Пуре Анри (1980). Вклад олимпизма в развитие отношений между людьми // Междунар. спортивное движение. – № 3-4. – М.: ВНИИФК. – С. 29-36.
132. Пути повышения социальной значимости физической культуры и спорта в республике Татарстан (по материалам социологического исследования)/М-во по делам молодежи и спорту РТ, Респ. уч. научно-исслед. центр. – Казань: РЦИМ, 2002. – 40 с.
133. Решетников Г. (1976). Для кого соревнуются спортсмены? // Молодой коммунист. – № 7. – С. 67-71.
134. Родионов А.В. (1965). Спорт как средство эстетического воспитания: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
135. Родиченко В.С. (2007). Спорт и совесть: Учебно-методическое пособие для системы олимпийского образования. – М.: ФиС. – 144 с.
136. Романин А.Н., Матвеева Е.Б. (1986). Проблема агрессивности в зарубежной психологии спорта (критика зарубежных концепций агрессивности в спорте): обзорная информация. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – 20 с.
137. Рост Ю. (1983). Игра в футболе // Литературная газета, 26 января.
138. Роуз Д.А. (1989). Теоретические и практические разногласия по поводу Олимпийских игр // Междунар. спорт. и олимпийское движение. – № 3. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 24-31.
139. Рыхтецки Антонин, Науль Роланд (1998). Восприятие олимпийских идеалов занимающимися и не занимающимися спортом 12- и 15-летними детьми // Междунар. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм» 14–18 июля 1998 г., Москва: Материалы. – М.: Советский спорт. – С. 204-207.
140. Сагалаков Д.А. (2005). Педагогическая ценность спорта для формирования и развития культуры мира: Автореф. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
141. Самусенков О.И. (1989). Спортивно-гуманистическое воспитание учащихся спортшкол (на примере футбола): Автореф. дис... канд. пед. наук. – Малаховка. – 24 с.
142. Самусенков О.И. (2000). Педагогическая технология реализации культурного потенциала игровых видов спорта. – Москва-Малаховка, МГИУ. – 204 с.
143. Самусенков О.И. (2001). Педагогическая технология реализации социально-культурного потенциала игровых видов спорта в работе с юными спортсменами (на примере футбола): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 45 с.
144. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. второй: Сб. ст. – Москва: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 3–134.
145. Сараф М.Я. (1978). Эстетика спорта. – М.: Знание. – 63 с.
146. Сараф М.Я. (1981). Эстетические компоненты спортивной деятельности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М.: МГУ. – 41 с.
147. Сараф М.Я. (1997). Спорт и культура (исторический анализ) // Спорт, Духовные ценности, Культура. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 51-83.
148. Сараф М.Я., Столяров В.И. (1984). Введение в эстетику спорта: Учеб. пособ. для ИФК. – М.: ФиС. – 10 с.
149. Сборник материалов к лекциям по физической культуре и спорту инвалидов / Ред.-сост.: В.С.Дмитриев, А.В.Сахно. – Малаховка, 1993. Т.1. – 272 с.; Т. 2 – 292 с.
150. Сборник материалов Междунар. научно-практической конф. «Социальная адаптация и комплексная реабилитация инвалидов средствами физической культуры и спорта» (Москва, 19-20 мая 1998 г.). – М., 1998. – 111 с.
151. Сегал Ю.П. (1990). Идеалы и ценности олимпизма как средство повышения эффективности работы по коммунистическому воспитанию школьников старших классов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
152. Семотюк Дарвин М. (1981). Мотивы интереса правительств к спорту // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 12. – М.: ВНИИФК. – С. 10-18.
153. Сергеев В.Н. (2000). Гуманистическая направленность реализации олимпийского образования: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Волгоград. – 24 с.
154. Сергеев Вячеслав (2002). Реализация олимпийского образования в процессе подготовки юных спортсменов // II Междунар. форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». Конф. «Практика олимпийского образования». – Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 126-130.
155. Симонович Любодраг (2000). Олимпизм и новый мировой порядок. Перевод на русский язык: Татьяна Джурашкович. – Лорка, Белград. – 173 с.
156. Советская Россия, 30 августа 1983 г.
157. Советский спорт, 23 октября 1983 г.

158. Социальная адаптация и комплексная реабилитация инвалидов средствами физической культуры и спорта: Сб. материалов Межд. научно-практической конференции (Москва, 19-20 мая 1998 г.). – М., 1998.
159. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. /Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры», 2005. – 194 с.
160. Спорт, духовные ценности, культура (1998д). Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 316 с.
161. Спорт, духовные ценности, культура (1998е). Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 349 с.
162. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК. – 255 с.
163. Спорт за рубежом, 1984, № 13.
164. Спорт и политика в Азии // Информационный вестник ВНИИФК. 1975. №23. С. 24–27.
165. Спорт. Олимпизм. Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов. вып. 1. – Смоленск, 1994. – 138 с.
166. Спорт, Олимпизм, Гуманизм: Межвузовский сборник научных трудов, вып. 2. – Смоленск, 1998. – 306 с.
167. Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сборник (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. первый)/ сост. и ред. В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура, 2007. – 326 с.
168. Столбов В.В. (1978). Организация современного международного спортивного движения: лекция для студентов-заочников. – М.
169. Столбов В.В. (1989). История физической культуры: Учеб для студентов пед ин-тов. – М.: Просвещение. – 288 с.
170. Столяров В.И. (1984б). К вопросу об идеалах и целях современного олимпийского движения // Роль, функции и актуальные проблемы олимпийского движения. – М., ВНИИФК. – С. 22-33.
171. Столяров В.И. (1988а). Актуальные теоретические и практические проблемы реализации в спорте и с помощью спорта общечеловеческих гуманистических ценностей (социальный и философский анализ) // Философия: история и современность. – М. – С. 64–72.
172. Столяров В.И. (1988и). Спортивные рекорды – смысл и значение: Методич. разработка для студентов и слушателей ВШТ ГЦОЛИФК. – М. – 19 с.
173. Столяров В.И. (1989а). Гуманистический потенциал современного спорта в свете нового мышления и перестройки (социально-философский анализ) // Ежегодник Философского общества СССР: Философия и перестройка. – М.: Наука. – С. 205-230.
174. Столяров В.И. (1989в). Олимпийское движение и воспитание молодежи: Методич. разработки для аспирантов и слушателей ВШТ. – М.: ГЦОЛИФК. – 33 с.
175. Столяров В.И. (1990а). Исследовательский проект // Рабочая программа проведения социологического исследования "Спортивно-гуманистическое и олимпийское воспитание студенческой молодежи". – Харьков. – С. 3–11.
176. Столяров В.И. (1990в). Перспективы реализации гуманистических ценностей спорта в рамках олимпийского движения // Новое мышление и олимпийское движение: Материалы Всесоюз. научного симпозиума "Международное олимпийское движение: проблемы и тенденции развития на современном этапе", Рига, 11–13 мая 1989. – М.: Знание. – С. 36–45.
177. Столяров В.И. (1993в). Приобщение подрастающего поколения к идеалам и ценностям олимпизма (проблемы, трудности, пути их решения) // 2-я научно-практическая конф. "Физическая культура и олимпийское движение Урала". Тез. докладов. – Пермь. – С. 5–8.
178. Столяров В.И. (1996а). Гуманистический потенциал спорта и его реализация в современных условиях // СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб. ст. – Москва–Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия. – С. 42–56.
179. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
180. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.

181. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–263.
182. Столяров В.И. (1998о). Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 5: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 101–265.
183. Столяров В.И. (2000д). Олимпизм как гуманистическая философская концепция // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 2000. – С.195–230.
184. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
185. Столяров В.И. (2005е). Олимпийская концепция Пьера де Кубертена и современность // Олимпийский бюллетень № 7: Сб. науч. материалов, посвящ. 90-летию заслуженного проф. РГУФК В.В. Столбова. – М. – С. 84–94.
186. Столяров В.И. (2005з). Спорт и культура мира // Проблемы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи и детей дошкольного возраста: материалы республиканской научно-практич. конф. г. Красноярск, 17 ноября 2005 г. – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск. – С. 3–21.
187. Столяров В.И. (2011). Спорт, устойчивое развитие и культура мира // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 22–67.
188. Столяров В.И., Баринов С.Ю., Варюшина М.В. (2007). Проблема формирования культуры мира в процессе спортивного воспитания детей и молодежи // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сб. – М.: Физическая культура. – С. 233–290.
189. Столяров В.И., Баринов С.Ю., Орешкин М.М. (2009). Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений: Учебное пособие. – М.: «Анкил». – 256 с.
190. Столяров В.И., Баринова И.В., Курило С.И. (1994). Молодежь и олимпийская идея Фэйр Плэй // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 3–7.
191. Столяров В.И., Басин А.Е. (1989). Спорт и эстетическое воспитание // Пути и средства эстетического воспитания. – М.: Наука. – С. 163–179.
192. Столяров В.И., Ипатов Д.И. (1996). Проблема гуманизации современного спорта и пути ее решения // Ценности спорта и пути его гуманизации (Духовность. Спорт. Культура. Выпуск второй): Сборник. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 49–180.
193. Столяров В.И., Кудрявцева Н.В. (1998). Физкультурно-спортивная работа с населением на пороге XXI столетия: проблемы и пути их решения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 94–216.
194. Столяров В.И., Попов Г.В. (2004). Педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Методич. пособие. – Щадринск: Изд-во Щадринского педагогического института. – 47 с.
195. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2005). Миротворческая роль спорта и олимпийского движения: идеал и реальность // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГУФК. – С. 164–256.
196. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2007). Роль спорта и спартианской модели игрового соперничества в формировании и развитии культуры мира // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сборник ст. // Библиотека Спартианского Гуманистического Центра. – М.: Физическая культура. – С. 20–221.
197. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1982). Эстетические проблемы спорта: учеб. пособие для студентов ИФК и слушателей ВШТ. – М. – 67 с.
198. Столяров В.И., Стопникова Е.В., Баринова И.В. и др. (1993). Проблема приобщения подрастающего поколения к идеалам и ценностям олимпизма // Труды ученых ГЦОЛИФКа. Ежегодник. – М. – С. 10–23.
199. Стопникова Е.В. (1992). Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 23 с.
200. Сулейманян Андраник (1999). Любите ли футбол? // Мир за неделю. – № 15. – С. 1, 13.
201. Сьюэне Л. (1979). Спорт и его гуманизирующее или дегуманизирующее воздействие на человека // Спорт и образ жизни: Сборник ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С.134–140.
202. Тазиев Р.В. (2002). Профилактика заболеваний и травм у спортсменов. – Казань: Медицина. – 52 с.

203. Тарабыкин А.В., Мишатин Б.А. (1997). Развитие паралимпийского движения в России. – Тюмень.
204. Теория и организация адаптивной физической культуры: учебник. В 2 т. Т. 1: Введение в специальность. История, организация и общая характеристика адаптивной физической культуры / Под общей ред. проф. С. П. Евсеева. – 2<sup>е</sup> изд., испр. и доп. – М.: Советский спорт, 2005. – 296 с.
205. Терентьев О.Ю. (1997). Спортивный травматизм в хоккейной команде // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 41–42.
206. Томилов В.Н. (1990). Агрессивность в спорте: социально-биологический аспект // Теория и практика физ. культуры. – № 10. – С. 39–42.
207. Урукова Г.М. (1974). Межнациональные связи спортивных организаций союзных республик: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 19 с.
208. Файнбург З.И. (1979). Самоутверждение личности в спорте // Спорт и личность: Ежегодник. – М.: Молодая гвардия. – С. 203–222.
209. Фельдеш-Сабо Денди (1983). Социальное положение венгерских олимпийцев // Международ. спортивное движение: Экспресс-информация, вып. 12. М.: ЦООНТИ-ФиС.- С. 12–21.
210. Физическая культура и спорт в профилактике наркомании и преступности среди молодежи: Материалы Всерос. научно-практич. конф. (21–23 июня, 2000, Смоленск). – М.: Изд-во дом РИГ-издат, 2000.
211. Филева Веселина (1980). Вклад олимпийского движения в укрепление всеобщего мира // Актуальные проблемы международного олимпийского движения/ Сост. Ангел Солаков. – София Пресс. – С. 111–131.
212. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
213. Франке Эльк (2006). Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. – № 33(6). – С. 67–81.
214. Френкин А.А. (1963). Эстетика физической культуры. – М.: ФиС. – 151 с.
215. Фромм Э. (1986). Иметь или быть? – М.: Прогресс. – 238 с.
216. Цирик Б.Я. (1984). От позиции к маневру // Футбол: Ежегодник. – С. 16–20.
217. Шрёдер В. (1985). Олимпизм – составная часть мировой культуры // Спорт за рубежом. – № 3. – С. 4–5.
218. Штемме Фриц (1981). Футбол и общество // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 19–34.
219. Шукис Саулос, Кардялис Кястутис (2002). Влияние спортивных занятий на развитие личности подростков // II Междунар. форум ««Молодежь–Наука–Олимпизм». 15–18 июня 2002 г., г. Москва. Конф. «Юношеский спорт XXI века»: Материалы. М.: Сов. спорт. С. 242–246.
220. Шукис Саулос, Кардялис Кястутис (2005). Влияние спортивной деятельности на поведенческие решения учащихся // Хрестоматия по социологии физ. культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физ. культура. Часть 2. – С. 75–81.
221. Эбер Жорж (1925). Спорт против физкультуры. – Время.
222. Aaken Ernst van (1981). The disabled need sport / Инвалидам нужен спорт // Bulletin 11<sup>th</sup> Olympic Congress – Baden Baden. – P. 45–48.
223. Adam K. (1978). Leistungssport als Denkmodell. – München (Fink). – 244 S.
224. Adefope H.E.O. (1973). The role of sport in the creation of national identity, and its contribution to the search for understanding between different communities and cultures // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 580–582.
225. Adorno Th.W. (1963). Prismen, Kulturkritik und Gesellschaft. – München.
226. Aggression/Violence – Aesthetics and Elite Athletes – Sport and Politics. Scientific Program Abstracts. 1984 Olympic Scientific Congress. July 19–26, University of Oregon, Eugene, Oregon. – 66 p.
227. Allison M.T. (1981). Sportsmanship: Variations based on sex and degree of competitive experience // A. Dunleavy, A. Miracle, C. Rees (Eds.), Studies in the sociology of sport. – Texas Christian University Press, Fort Worth. – P. 135–165.
228. Appeal of the World Conference on Education and Sport for a Culture of Peace // Olympic Review. – 1999. vol. XXVI. N. 28. – P. 54–55.
229. Armstrong G., Harris R. (1991). Football Hooligans: Theory and Evidence // Sociological Review. – vol. 39, N. 3. – P. 427–458.
230. Auberger André, Brunet François, Schantz Otto (1994). Sport, Olympism and Disability // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 163–177.
231. Bahlke Steffen, Bockrath Franz (1996). Das Wertbewußtsein jugendlicher Wettkampfsportler // Sportwissenschaft. – N. 1. – S. 29–47.
232. Beck Jerzy (1977). Sport w rehabilitacji inwalidow. – Warszawa. – 178 s.
233. Becker P., Pilz G.A. (1988). Die Welt der Fans. Aspekte einer Jugendkultur. – München.

234. Beisser A. (1970). *Modern Man in Sports* // G.H.Sage (ed.). *Sport and American Society. Selected Readings.* – Reading/Mass.
235. Bockrath F. (1997). *Werterziehung im Sportunterricht* // *Sportunterricht*. N.4. S. 150-159.
236. Bockrath F. (1999). *Gerechtigkeit im Wettbewerb – Zur Sozialisation durch Werte unter Konkurrenzbedingungen* // R. Mokrosch & A. Regenbogen (Hrsg.). *Was heist Gerechtigkeit? Ethische Perspektiven zu Erziehung, Politik und Religion.* – Donauwörth. – P. 181-195.
237. Bockrath Franz (2001). *Fairness-Erziehung im Sport – empirisch gesehen* // Fischer Kai, Güldenpfennig Sven, Kayser Dietrich /Red./ (2001). *Gibt es eine eigene Ethik des olympischen Sports?: DOI-Symposium am 26. und 27. Januar 2000.* – 1. Auflage. Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn: Sport und Buch Straus. – S. 75–110.
238. Bockrath Franz, Bahlke Steffen (1996). *Moral und Sport im Wertbewusstsein Jugendlicher. Über den Zusammenhang von leistungsbezogenen Freizeitaktivitäten mit moralrelevanten Einstellungs- und Urteilsformen.* – Köln: Sport und Buch Strauss. – 290 S. –
239. Bockrath Franz, Franke Elk (1995). *Is there any Value in Sports? About the Ethical Significance of Sport Activities* // *Ethics and Sport. Special Issue. International Review for the Sociology of Sport.* – 1995. vol. 30, N. 3/4. – P. 283-310.
240. Böhme J.O., Gadow J., Güldenpfennig S., Jensen J., Pfister R. (1974). *Sport im Spätkapitalismus.* – Limpert, Frankfurt a.M.
241. Bredemeier B. (1983). *Athletic aggression: a moral concern* // Goldstein J. (ed.) *Sports violence.* – New York, NY: Springer Verlag. – P. 47-81.
242. Bredemeier B. (1985). *Moral Reasoning and the Perceived Legitimacy of Intentionally Injurious Sport Acts* // *Journal of Sport Psychology.* – N. 7. – P. 110-124.
243. Bredemeier Brenda (1991). *Morality and sport for all* // *Sport for all: Proceedings of the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3–7 June 1990.* – Amsterdam, New York, Oxford: Elsevier Science Publishers. – P. 365–372.
244. Bredemeier B.J. (1994). *Children's Moral Reasoning and Their Assertive, Aggressive, and Submissive Tendencies in Sport and Daily Life* // *Journal of Sport and Exercise Psychology.* – N. 16. – P. 1-14.
245. Bredemeier B.J. (1995). *Divergence in children's moral reasoning about issues in daily life and sport specific contexts* // *Int. Journal of Sport Psychology.* – vol. 26, N. 4. – P. 453-465.
246. Bredemeier B., Cooper B., Shields D.L., Weiss M., (1987). *The Relationship Between Children's Legitimacy Judgements and Their Moral Reasoning, Aggression Tendencies, and Sport Involvement* // *Sociology of Sport Journal.* – N. 4. – P. 48-60.
247. Bredemeier Brenda Jo, Cooper Bruce A.B., Shields David L., Weiss Maureen R. (1988). *The Relationship of Sport Involvement with Children's Moral Reasoning and Aggression Tendencies* // *Journal of Sport Psychology.* – N. 8. – P. 304-318.
248. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1983). *Body and balance: the development of moral structures through physical education and sport.* – Eugene, OR: University of Oregon Publications.
249. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1984a). *Divergence in Moral Reasoning About Sport and Everyday Life* // *Sociology of Sport Journal.* – N. 1. – P. 348-357.
250. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1984b). *The Utility of Moral Stage Analysis in the Investigation of Athletic Aggression* // *Sociology of Sport Journal.* – N. 1. – P. 138-149.
251. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1985). *Values and Violence in Sports Today* // *Psychology Today* (October). – P. 22-32.
252. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1986a). *Athletic Aggression: an Issue of Contextual Morality* // *Sociology of Sport Journal.* – N. 3. – P. 15-28.
253. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1986b). *Game reasoning and interactional morality* // *Journal Genet. Psychology.* – N 147. – P. 257-275.
254. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1986c). *Moral growth among athletes and non-athletes: a comparative analysis* // *Journal Genet. Psychology.* – N 147. – P. 7-18.
255. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1987). *Sport and moral growth: a structural developmental perspective* // *Advances in Paediatric Sport Sciences.* – N 2. – P. 143-165.
256. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1993). *Moral psychology in the context of sport* // Robert N. Singer, M. Murphy & L. Keith Tennant (eds.). *Handbook of research on sport psychology.* – New York: Macmillan. – P. 587-599.
257. Bredemeier Brenda Jo, Weiss Maureen R., Shields David L., Cooper Bruce A.B. (1988). *The Relationship of Sport Involvement with Children's Moral Reasoning and Aggression Tendencies* // *Journal of Sport Psychology.* – N. 8. – P. 304-318.
258. Carroll R. (1980). *Football Hooliganism in England* // *Int. Review of Sport Sociology.* – N.2, vol. 15. – P. 77-92.
259. *Centennial Olympic Congress Report.* Congress of Unity. – International Olympic Committee, 1994. – 421 p.
260. Černý J. (1968). *Fotbol je hra (pokus o fenomenologie hry).* – Praga.

261. Cheska Alyce Taylor (1979). Sports Spectacular: A Ritual Model of Power // *Int. Review of Sport Sociology*. – vol. 2 (14). – P. 51-72.
262. Cosell Howard (1991). *What's Wrong With Sports*. – New York: Simon & Schuster.
263. Cruz J. (1987). Causes de la violència en l'esport infantil i intervencions psicològiques per a promoure el fairplay // *Actes de les VII Jornades de l'Associació Catalana de Psicologia de l'Esport*. Barcelona, ACPE. – P. 159-166.
264. Cruz Jaume (1998). Do the rules protect Fair Play in professional sport? // *Actas III Seminario Europeo sobre Fair-Play 6-19 de Juho de 1997 Oeiras – Portugal*. – P. 235-249.
265. Cruz J., Boixadeós M., Torregrosa M., Mímbbrero J. (1996). Is there an educational sport? The role of sport competitions in children's socialisation process // *Revista de Psicología del Deporte*. – N. 9-10. – P. 111-132.
266. Cruz Jaume, Boixadeós Merce, Valiente Lourdes, Capdevila Lluís (1995). Prevalent Values in Young Spanish Soccer Players // *Ethics and Sport. Special Issue. Int. Review for the Sociology of Sport*. – vol. 30, N. 3/4. – P. 353-373.
267. Denker R. (1973). Sport and Aggression // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 381-388.
268. DePauw K.P. (1997). The (In) Visibility of Disability: Cultural Contexts and "Sporting Bodies" // *Quest*. – vol. 49 (4). – P. 416-430.
269. DePauw K.P., Gavron S.J. (1995). Disability and sport. – Champaign, IL: Human Kinetics.
270. Deutsch K.W. (1953). Nationalism and social communication. An inquiry into the foundations of nationalism. – M.I.T. Press, Boston.
271. Duncan M.C. (2001). The Sociology of Ability and Disability in Physical Activity // *Sociology of Sport Journal*. – N 18. – P. 1-4.
272. Dunning E. (1983). Social Bonding and Violence in Sport: A Theoretical-Empirical analysis // J.H. Goldstein (ed.). *Sport Violence*. – New York u.a.: Springer. – P. 129-146.
273. Dunning E. (1988). The Roots of Football Hooliganism. – London: Rutledge and Kegan Paul.
274. Dunning E., Murphy P., Waddington I. (1991). Anthropological Versus Sociological Approaches to the Study of Soccer Hooliganism // *Sociological Review*. – v. 39 (3). – P. 459-478.
275. Edwards H. (1977). The Dynamics of Violence in American Sport: Some Promising Structural and Social Considerations // *Journal of Sport and Social Issues*. – N 1. – P. 3-32.
276. Eitzen D.S. (1988). Ethical Problems in American Sport // *Journal of Sport and Social Issues*. – vol. 12, N. 1. – P. 17-20.
277. Elias N. (1947). Sport and Violence // *Actes Recherche Science Sociales*. – № 6. – P. 2-20.
278. Elias N. (1971). The Genesis of Sport as a Sociological Problem // Dunning E. (ed.). *The sociology of sport*. – London. – P. 88-115.
279. Elias N., Dunning E. (1970). The quest for excitement in unexciting societies // Lüschen G. (ed.). *The cross cultural analysis of sport and games*. – Stipes, Champaign. – P. 31-51.
280. Fair play/violence in sport: Hillary Commission for sport, fitness and leisure, 1993. – 19 p.
281. Fair Play: Violence in Sport and Society. Ed. by: Hillel Ruskin, Manfred Lämmer. – Cosell Center for Physical Education, Leisure and Health Promotion. The Hebrew University of Jerusalem, 2001.
282. Földesi G.S. (2001). Aggression and Violence in Sport: From a Sociological Perspective // Fair Play: Violence in Sport and Society. Ed. by: Hillel Ruskin, Manfred Lämmer. – Cosell Center for Physical Education, Leisure and Health Promotion. The Hebrew University of Jerusalem. – P. 13-29.
283. Foltz W.J. (1981). Modernization and nation-building: the social mobilisation model reconsidered // Merritt R.L., Russett B.M. (eds). *From national development to global community. Essays in honour of Karl W. Deutsch*. – Allen and Unwin, Boston. – P. 25-45.
284. Francis Leslie Pickering (2005). Competitive Sports, Disability, and Problems of Justice in Sports // *Journal of The Philosophy of Sport*. – vol. XXXII, N. 2. – P. 127-132.
285. Franke E. (1999). Gerechtigkeit und Fair play – oder wie der Wettkampfsport zum Modell wird // R. Mokrosch & A. Regenbogen (Hrsg.). *Was heist Gerechtigkeit? Ethische Perspektiven zu Erziehung, Politik und Religion*. – Donauwörther. – P. 196-214.
286. Frankl V.E. (1975). Zur Anthropologie des Sports // V.E. Frankl. *Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie*. – Bern, Stuttgart, Wien. – S. 65-75.
287. Frogner E., Pilz G.A. (1982). Untersuchung zur Einstellung von jugendlichen Fussballspielern und – spielerinnen zu Regeln und Normen im Sport // G.A. Pilz u.a. (Eds.). *Sport und Gewalt im Sport*. – Schorndorf. – P. 191-244.
288. Gabler H. (1987). Aggressive Handlungen im Sport. – Schorndorf.
289. Garrett R. (1976). The Metaphysics of Baseball // *Philosophy Today*. – b. 20. – P. 209-226.
290. Gebauer G. (1987). Die Masken und das Glück. Über Idole des Sports // P. Becker (ed.). *Sport und Hochleistung*. – Reinbeck, Rowohlt. – P. 105-122.
291. Gebauer G. (1996). Drama, Rituals, Sport – drei Weisen des Welterzeugnisses // Bortschert B., Gebauer G. (Hg.). *Texte und Spiele: Sprachspiele des Sports*. – Sankt. Augustin. – S. 185-196.



292. Gebauer G., Hortleder G. (Hg.). (1986). Sport, Eros, Tod. – Frankfurt a.M.
293. Geiringer E. (1972). Sport as a threat to physical and mental health // *Bulletin of Physical Education*. – vol. 3, N. 9. – P. 19-27.
294. Gloede Walter (1980). Sport – die unbekannte Grosse im politischen Spiel. – München: Wilhelm Goldmann Verlag.
295. Gluckman M. (1973). Sport and conflict // *Sport in the Modern World — Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972.* – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 48-54.
296. Goffard S. (1975). Jeux et enjeux Olympiques et ideologique // *Sport et developpement humain*. – Paris. – P. 239-251.
297. Goncalves C. (1989a). The fair play and the young sport participants: Paper presented at the 1989 a.d. E.S.T.. World Convention "Movement and sport – a challenge for life-long learning". – Jyväskylä, Finland. – 21 p.
298. Goncalves Carlos Alberto (1989b). O espirito desportivo na formacao do jovem praticante. – Lisboa. – 32 p.
299. Goncalves C. (1998). The Fair Play and the Training Process of the Youth Sport Participants // *Actas III Seminario Europeu sobre Fair-Play 6-19 de Juho de 1997 Oeiras – Portugal.* – P. 173–180.
300. Goodhart P., Chataway C. (1968). War Without Weapons. – London: W.H. Allen.
301. Guilianotti Richard (1995). Football and the Politics of Carnival: An Ethnographic Study of Scottish Fans in Sweden // *Int. Review for the Sociology of Sport.* – vol. 30, N. 2. – P. 191-217.
302. Guilianotti Richard (1999). Football. A Sociology of the Global Game. – London: Routledge.
303. Guilianotti R. et al. /Eds./ (1994). Football, Violence, and Social Identity. – London: Routledge.
304. Güldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
305. Güldenpfennig Sven (1984a). Friedensfördernde Werte des Sports // *Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung.* Band 206. – Bonn. – S. 171-188.
306. Güldenpfennig Sven (1984b). Philosophy of the relations between sport and peace // *Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly.* – Vol. XI, N. 1. – P. 43-57.
307. Güldenpfennig Sven /ed./ (1984c). Sport und Frieden. Beiträge zur Meinungsbildung innerhalb des Deutschen Sportbundes. Darmstadt. ADH-Dokumente zur Sportpolitik. – N. 6.
308. Güldenpfennig Sven (1985). Sport in the Peace Movement – A Challenge for the Sport Science // *International Review for the Sociology of Sport.* – vol. 20. – P. 203-213.
309. Güldenpfennig Sven (1989a). Frieden – Herausforderungen an den Sport. Ansätze sportbezogener Friedensforschung. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
310. Güldenpfennig S. (1996b). Sport – Autonomie und Krise. – Sankt Augustin: Academia Verlag.
311. Güldenpfennig Sven (2001). Zwischen Adam und Antigone: Die besondere Ethik des olympischen Sports // Fischer Kai, Güldenpfennig Sven, Kayser Dietrich /Red./, Gibt es eine eigene Ethik des olympischen Sports?: DOI-Symposium am 26. und 27. Januar 2000. – 1. Auflage. Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn: Sport und Buch Straus. – S. 41–68.
312. Guthrie Sharon R., Castelnovo Shirley (2001). Disability Management Among Women With Physical Impairments: The Contribution of Physical Activity // *Sociology of Sport Journal.* – vol. 18, N. 1. – P. 5-20.
313. Guttman A. (1978). From ritual to record: The nature of modern sports. – N.Y.: Columbia university press. – 198 p.
314. Hahn Erwin (1998). The Changements in football hooliganism in the nineties. Experiences and Trends in Football-Fan Behaviour in Germany and Europe. Impacts of Fair Play in that Area // *Actas III Seminario Europeu sobre Fair-Play 6-19 de Juho de 1997 Oeiras – Portugal.* – P. 159–164.
315. Hahn E., Pilz G.A., Stollenwerk H.J., Weis K. /eds./ (1988). Fanverhalten, Massenmedien und Gewalt im Sport. – Schorndorf.
316. Hatfield F.C. (1976). Ethnocentrism and conflict. – vol. 1. – P. 32-44.
317. Heinilä K. (1966). Notes on the Inter-Group Conflicts in International Sport // *International Review of Sport Sociology.* – vol. 1. – P. 31-40.
318. Heinilä K. (1974). Ethics of sport. – University of Jyväskylä. Department of Sociology and Planning for Physical Culture. Finland, N. 4. Jyväskylä. – 72 p.
319. Heinilä K. (1986). Sport and International Understanding as conceived by elite athletes. – University of Jyväskylä, Department of Social Sciences of Sport, Research Reports. – N. 37.
320. Heitmeyer W., Peter J.I. (1988). Jugendliche Fußballfans. – Weinheim und München.
321. Hietanen A. (1982). Towards a New International Sports Order // *Current research on peace and violence.* – vol. 5, N. 2/3. – P. 159-175.
322. Hobbs D., Robins D. (1991). The Boy Done Good: Football Violence, Changes and Continuities // *Sociological Review* – v. 39 (3). – P. 551-579.

323. Hoberman John M. (1988). Sport and the Technological Image of Man // *Philosophic Inquiry in Sport*. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 319-327.
324. Hughes Robert H., Coakley J.J. (1978). Player Violence and the Social Organization of Contact Sport // *Journal of Sport Behavior*. – vol. 1, N. 4. – P. 155-168.
325. Ingham R. (1978). Football hooliganism, the wider context. – London, UK: Inier-Action Inprint.
326. Ingham Roger (1985). Psychological and Sociological Views of Violence in Sport: the Case of British Soccer Hooliganism// IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 148-159.
327. Jeu B. (1972). Le sport, la mort, la violence. – Paris. – 208 p.
328. Jochheim K.A. (1984). The Extent, Content and Organization of International Sport for Disabled in the Past, Present and Future // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress Held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, New York, Tokyo: Springer-Verlag. – P. 262-267.
329. Jones Carwyn, Howe P. David (2005). The Conceptual Boundaries of Sport for the Disabled: Classification and Athletic Performance // *Journal of The Philosophy of Sport*. – vol. XXXII. N. 2. – P. 133–146.
330. Karwacki A. (1997). Social and cultural values of record-seeking sport // *Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996/Svatopluk Horak (Ed.)*. – Olomouc. – P. 91-97.
331. Kidane Fékrou (1999). Sport and Politics. Diplomacy of an Olympic Truce // *Olympic Review*. – vol. XXVI. N. 28. – P. 48-52.
332. Knaust M., Linnemann L. (1984). Das Bremer Fan-Project // *Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beitrage einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale fur politische Bildung. Band 206*. – Bonn. – S. 244-265.
333. Koulouris Kimon (1985). Violence in Sport and How to Deal with it // *Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA*. – Lausanne. – P. 187-190.
334. Krawczyk Zbigniew (1996). Sport as Symbol // *International Review for the Sociology of Sport*. – vol. 31, N. 4. – P. 429-438.
335. Krockow von C. Graf (1974). Sport – Eine Soziologie und Philosophie des Leistungsprinzips. – Hamburg: Hoffmann und Campe.
336. Krockow Christian Graf von (1981). Sport et jeux... malgre et a cause des conflits = Sport and games ... despite and because of conflicts = Спорт и игры ... несмотря на конфликты, из-за конфликтов // *Bulletin «Le sport comme organization – L'organization du sport» (11-e Congres olympique. Baden-Baden 1981)*. – N. 2. – P. 6-10.
337. Kroll W. (1976). Psychological scaling of the AIWA code of ethics for players // *Research Quarterly*. – N. 26. – P. 441-447.
338. Kuczynski J. (1984). Play as a negation and creation of the world // *Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly*. – v. XI, N. 1. – P. 137-169.
339. Laitinen A. (1984). Marathon Peace March: A Demonstration of International Understanding // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 249-254.
340. Lammer Manfred (1984). The Greek agon – War or game // *Aggression/violence – aesthetics and elite athletes – sport and politics: Scientific program abstracts, 1984 Olympic Scientific Congress, July 19-26, University of Oregon, Eugene, Oregon, 1984*. – Eugene. – P. 14.
341. Landry Fernand (1985). Violence in Sport and Ambiguity in Contemporary Social Values: Implications for Physical Education and Sport // *IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA*. – Lausanne. – P. 116-126.
342. La violenza negli stadi: case e rimedi (Насилие на стадионах: причины и средства). – Rome: Centro Nazionale di Studi e di Ricerche Sulla Polizia, 1990. – 47 p.
343. Lee M. (1990). Summary of agreed interview procedures. Committee for the Development of Sport. Unpublished manuscript: document DS-SR (90) 22. Council of Europe.
344. Lee M.J. (1993). Moral development and children's sporting values // J.Whitehead (Ed.). *Developmental Issues in Children's Sport and Physical Education*. – Bedford: Bedford Institute of the Study of Children Sport. – P. 30-42.
345. Lee M.J. (1996). Young people, sport and ethics: an examination of Fair Play in youth sport: Technical report of the Sports Council Research Unit: London.
346. Lee Martin J., Cockman Michael (1995). Values in Children's Sport: Spontaneously Expressed Values among Young Athletes // *Ethics and Sport. Special Issue. International Review for the Sociologie of Sport*. – vol. 30, N. 3/4. – P. 337-351.
347. Lenk H. (1972b). Sport in philosophischer Sicht // *Sport im Blickpunkt der Wissenschaften. Perspektiven, Aspekte, Ergebnisse*. – Berlin. Heidelberg. New York: Springer-Verlag. – S. 15-42.
348. Lenk H. (1973a). Alienation, Manipulation and the Self of the Athlete // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 8-18.

349. Lenk H. (1973b). «Manipulation» oder «Emanzipation» im Leistungssport. Die Entfremdung und das Selbst des Athleten // Lenk H., Moser S., Beyer E. (Hrsg.). Philosophie des Sports. – Schorndorf. – S. 67-108.
350. Lenk H. (1974). Leistungssport: Ideologie oder Mythos? – Stuttgart: Verlag W.Kohlhammer.
351. Lenk H. (1976c). Towards a social philosophy of the Olympics: Values, aims and reality of the modern Olympic movement // P.Graham and H.Ueberhorst (eds.). The Modern Olympics. – Cornwall, N.Y.: Leisure Press.
352. Lenk H. (1979). Social philosophy of Athletics. A Pluralistic and Practice-Oriented Philosophical Analysis of Top Level and Amateur Sport. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – 227 p.
353. Lenk Hans (1981a). Eigenleistung: eine sozialphilosophische Analyse und ein «adamitisches» Plädoyer für eine positive Leistungskultur // Olympische Leistung. Ideal, Bedingungen, Grenzen. Begegnungen zwischen Sport und Wissenschaft: Eine Dokumentation. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaften. – S. 279-306.
354. Lenk H. (1981b). Humanite! = Humanity! = Гуманность! // Bulletin «Les Limites des Sports» (11-e Congres olympique. Baden-Baden 1981). – N. 4. – P. 30-33, 53-54.
355. Lenk H. (1981c). Sport, achievement and social criticism // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 369-382.
356. Lenk Hans (1982a). Presidential Address – 1981. Tasks of the Philosophy of Sport: Between Publicity and Anthropology // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. IX. – P. 94-106.
357. Lenk H. (1984b). The Essence of Olympic man: Toward an Olympic philosophy and antropology // Int. Journal of Physical Education. – vol. XXI, N. 2. – P. 9-15.
358. Lennon Joseph X., Hatfield Frederick C. (1980). The Effects of Crowding and Observation of Athletic Events on Spectator Tendency Toward Aggressive Behavior // Journal of Sport Behavior. – vol. 3, N. 2. – P. 61-68.
359. Loland S. (2001). Record Sports: An Ecological Critique and Reconstruction // Journal of the Philosophy of Sport. – v. 28(2). – P. 127-139.
360. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
361. Luxbacher Joseph A. (1987). Sport violence: the potential influence of the coach on player attitudes // Journal of applied research in coaching and athletics, 2(2) April. – P. 96-107.
362. Magnane Georges (1964). Sociologie du sport. Situation du loisir sportif dans la culture contemporaine. – Paris: Gallimard.
363. Mandel R.C., Vander Velden L. (1974). The relationship between the professionalization of attitude toward play of preadolescent boys and participation in organized sport // G. Sage (Eds). Sport and American society. – Reading Mass: Addison Wesley. – P. 17-39.
364. McCann C. (1996). Sports for the Disabled: the evolution from rehabilitation to competitive sport // Brit. J. of Sports Medicine. – vol. 30 (4). – P. 279-280.
365. McIntosh P. (1963). Sport and Society. – London, C.A.Watts.
366. Mielke Rosemarie, Bahlke Steffen (1995). Structure and Preferens of Fundamental Values of Young Athletes. Do they differ from Non-Athletes and from young People with Alternative Leisure Activities? // Ethics and sport. Special Issue. Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 30, N. 3/4. – P. 419-437.
367. Montagu A. (1978). Learning Non-Aggression. – New York.
368. Moorehouse H. (1991). Football Hooligans: Old Bottle, New Whines? // Sociological Review. – v. 39 (3). – P. 489-502.
369. Morton D. (1953). The Effects of Co-operation and Competition Upon Group Process // Dorwin Cartwright-Alvin Zander (eds.). Group Dynamics. – Evanston.
370. Mugno D., Feltz D. (1985). The Social Learning of Aggression in Youth Football in the United States // Canadian Journal of Applied Sport Sciences. – N. 10, v. 1. – P. 26-35.
371. Murphy P., Williams J., Dunning E. (1990). Football on Trial. – London: Routledge.
372. Mzali Mohamed (1979). Olympism and education // Report of the 18<sup>th</sup> session of the IOA. – Athens. – P. 62-72.
373. Mzali Mohamed (1985a). Olympism in the Face of Violence // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session. – Lausanne. – P. 44-51.
374. Mzali Mohamed (1986). Olympism's contribution to international understanding and peace // Int. Olympic Academy. Report of the twenty-fifth session, 4<sup>th</sup>-19<sup>th</sup> July 1985. – Lausanne. – P. 35-44.
375. Natan Alex (1969). Sport and Politics // Loy J.W., Kenyon G.S. (eds.). Sport, culture and society. – Macmillan, New York. – P. 203-210.
376. Natan Alex (1972). Sport und Gesellschaft oder die Erbsunden des Sports // Natan Alex (Hrsg.). Sport – kritisch. – Bern und Stuttgart.
377. Nationalismus und Sport: Eine Dokumentation über den beabsichtigten Mißbrauch der Spiele der XX. Olympiade 1972 in München für nationalistisches Prestigestreben durch die herrschenden Kreise der BRD. – Gesellschaft zur Förderung des olympischen Gedankens in der DDR. – Berlin.

378. Naul Roland (1999). Olympic education: what do students know and think about Olympic ideals? // Proceedings of the 3-rd International Scientific Congress on Modern Olympic Sport. – Warsaw. – P. 30-36.
379. Naul R., Pieron M., Telama R., Almond L., Rychtecky A. (1997a). Sporting Lifestyle, Motor Performance, and Olympic Ideals of Youth in Europe. Research Project // WGL-Bericht. – S. 21-23.
380. Naul R., Pieron M., Telama R., Almond L., Rychtecky A. (1997b). Sporting Lifestyle, Motor Performance, and Olympic Ideals of Youth in Europe. The report for ICSSPE. – Essen. – 73 p.
381. Nissiotis Nikolaos (1985b). Psychological and Sociological Motives for Violence in Sport Respect // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 95-108.
382. Nissiotis Nikolaos (1986). The Olympic Movement's Contribution to Peace // IOA. Report of the 25<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 54-63.
383. Nixon H. (1980). Orientations towards sports participation among college students // Journal of Sport Behaviour. – N. 3. – P. 29-45.
384. Novak Andrew (2008). Politics and the Paralympic Games: Disability Sport in Rhodesia-Zimbabwe // Journal of Olympic History. – vol. 16. N. 1. – P. 47-55.
385. Oetinger F. (1954). Partnerschaft. – Stuttgart.
386. Oittinen Anu (1997). Sport, sustainable development & environmental ethics // Nardis P., A. Mussino Antonio and N. Porro (Eds.). Sport: Social Problems, Social Movements. Contributions to the 12<sup>th</sup> Int. Seminar 19-22 July, 1995, Rome. – Roma. – P. 131-136.
387. Orwell G. (1950). The sporting spirit. – London.
388. Orwell G. (1960). Shooting an elephant and other essays. – New York: Harcourt, Brace and World.
389. Oswald Denis (1999). The Fundamental Principles of Olympism // Olympic Review. – vol. XXVI. N. 28. – P. 39-41.
390. Paciorek M.J., Jones J.A. (1994). Sports and Recreation for the Disabled: A Resource Manual, 2<sup>nd</sup> ed. – Indianapolis. – 186 p.
391. Papp G. (1986). The effect of value-orientation of ethical content in case of pupils on behavior connected with sports: Dissertation. – Budapest, Hungary.
392. Papp Gabor, Prisztóka Gyöngyvér (1995). Sportsmanship as an Ethical Value // Ethics and Sport. Special Issue. International Review for the Sociology of Sport. – vol. 30, N. 3/4. – P. 375-389.
393. Parry Jim (1989). Olympism at the Beginning and at the End of the 20<sup>th</sup> Century: Immutable Values and Principles and Outdated Factors // Report of the 28<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 81-94.
394. Peace and Understanding Through Sport / (Ed.) Greta L. Cohen. // Institute for International Sport. – vol. 2, N. 1. – 93 p.
395. Pell Claiborne (1989). International Sport as a Contribution to World Peace and Understanding // Peace and Understanding Through Sport / (Ed.) Greta L. Cohen. Institute for International Sport. – vol. 2, N. 1. – P. 58-62.
396. Petryszak Nicholas (1977). The cultural evolution of barbarism in spectator sports – a comparative analysis // Sport Sociology Bulletin. – vol. 6, N. 1. – P. 26-46.
397. Peyker Ingo (1993). Commercialisation in Sport and the Olympic Games and its Influence on Violence, Aggressiveness and Doping // Report of the thirty-second session, 17<sup>th</sup> June–2<sup>nd</sup> July 1992. – Ancient Olympia: International Olympic Academy. – P. 169-177.
398. Pilz G. (1984). Zur gesellschaftlichen Bedingtheit von Sport und Gewalt // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 147-170.
399. Pilz G.A. (1992). Fußballfans und Hooligans in Hannover. Struktur, Wandlungen, Ursachen, Bedingungen und sozialpädagogische Erreichbarkeit der Fußballfan- und Hooliganszene. – Hannover.
400. Pilz Günter A. (1995). Performance Sport: Education in Fair Play? (Some Empirical and Theoretical Remarks) // Ethics and Sport. Special Issue. International Review for the Sociology of Sport. – vol. 30, N. 3/4. – P. 391-405.
401. Pilz Günter A. (1996). Social Factors Influencing Sport and Violence: On the "Problem" of Football Hooliganism in Germany // Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 31, N. 1. – P. 49-66.
402. Pilz Günter, Fisher Sigmar (1984). Sport und Frieden // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 189-201.
403. Pinter Stanislav, Filipcic Tjasa, Solar Ales, Smrdu Maja (2005). Integrating Children With Physical Impairments Into Sports Activities: A "Golden Sun" for All Children? // Journal of The Philosophy of Sport. – vol. XXXII. N. 2. – P. 147-154.
404. Powell John (1985). Sport, Aggression and Violence // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 127-137.
405. Pruvulovich Z.R. (1982). In defence of competition // Journal of Philosophy of Education. – N. 16. – P. 77-88.

406. Reeks Daniel M. (1985). Violence in American Sport: A historic perspective // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 191-196.
407. Rees C.R. (2001). School sports in America: Balancing Fair Play and winning? // Fair Play: Violence in Sport and Society. Ed. by: Hillel Ruskin, Manfred Lämmer. – Cosell Center for Physical Education, Leisure and Health Promotion. The Hebrew University of Jerusalem. – P. 93-97.
408. Regnier Guy (1984). Youth sport and fair play: does organized sport promote what it says it promotes?: Paper presented to the Olympic Scientific Congress, Eugene, Oregon, July. – 18 p.
409. Richter H.E. (1965). Ideale und Illusionen im Sport // U. Schultz. Das grosse Spiel. – Frankfurt.
410. Rieder Hermann (1981). Integration into society through sport // Bulletin 11<sup>th</sup> Olympic Congress, Baden Baden, 1981. – Baden Baden. – P. 50-56.
411. Ruskin Hillel (1999). Reflections on sport, violence and fair play towards the 21<sup>st</sup> century // 4<sup>th</sup> European Fair Play Congress. Athens, 23-25 September 1998. – Athens. – P. 23-54.
412. Samaranch Juan Antonio (1999). The Olympic Culture in Favour Of Peace // Olympic Review. – vol. XXVI. N. 28. – P. 35-38.
413. Santayana G. (1954). The Life of Reason or the Phases of Human Progress. – London. – 254 p.
414. Schilling Guido (1978). L'agressivite, la violence et le sport // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 493-510.
415. Schmidt H.D. (1976). Sport und Vorurteile, insbesondere nationalistische Einstellungen // D.Bierhoff-Alfermann (Hrsg.). Soziale Einflüsse im Sport. – Darmstadt. – S. 113-127.
416. Schulke H.J. (1981). Die neue Friedensbewegung und der Sport // Olympische Jugend. – №6. – S. 8-15.
417. Segrave J., Hastad D. (1984b). Interscholastic Athletic Participation and Delinquent Behavior: An Empirical Assessment of Relevant Variables // Sociology of Sport Journal. – v. 1. – P.117-137.
418. Segrave J., Moreau C., Hastad D. (1985). An Investigation into the Relationship Between Ice Hockey Participation and Delinquency // Sociology of Sport Journal. – N2. – P. 281-298.
419. Seppänen P. (1984b). The Olympics: A Sociological Perspective. – University of Helsinki, Department of Sociology. – N. 33. – 27 p.
420. Sherif Carolyn W. (1973). Intergroup Conflict and Competition // Sportwissenschaft. – vol.3. N. 2. – P. 138-153.
421. Sherif Carolyn (1976). The social context of competition // Social Problems in Athletics /Ed. D.M.Landers. – Urbana: University of Illinois Press. – P. 18-36.
422. Sherif Muzafer (1958). Superordinate goals in the reduction of intergroup conflict // American Journal of Sociology. – N. 63. – P. 349-356.
423. Sherif M. (1961). Intergroup conflict and co-operation. The Robber's cave experiment. – Oklahoma University Press, Norman.
424. Sherif M. /ed./ (1962). Intergroup Relation and Leadership. – New York.
425. Sherif M., and Sherif C.W. (1953). Groups in Harmony and Tension. – New York: Harper & Row.
426. Sherrill Claudine (1991). Concepts of adapted physical activity – the American experience // Sport for all: proceedings of the World Congress on Sport for All held in Tampere, Finland on 3-7 June 1990/eds. Pekka Oja, Risto Telama. – Amsterdam etc.: Elsevier science publishers. – P. 645-652.
427. Shivers Jay (2001). Violence, the Schools and sport // Fair Play: Violence in Sport and Society. Ed. by: Hillel Ruskin, Manfred Lämmer. – Cosell Center for Physical Education, Leisure and Health Promotion. The Hebrew University of Jerusalem. – P. 99-110.
428. Shmitz K. (1972). Sport and Play: Suspension of the Ordinary // Sport and the Body. A Philosophical Symposium. – Philadelphia.
429. Silance Luc (1985). Legal Status and Violence // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 160-174.
430. Silva J.M. (1983). The Perceived Legitimacy of Rule Violating Behavior in Sport // Journal of Sport Psychology. – N. 5. – P. 438-447.
431. Smelser N.J. (1962). Theory of Collective Behavior. – London.
432. Smith Michael D. (1983). Violence and Sport. – Toronto: Butterworths.
433. Snyder Eldon (1984). Sport Involvement for Handicapped: Some Analytic and Sensitizing Concepts // The Review. Arena. – vol. 8, N. 1. – P. 16-26.
434. Social problems in athletics: Essays in the Sociology of Sport / Ed. by Landere D.M. – Urbana etc.: University of Illinois press.
435. Spinrad W. (1981). The function of spectator sports // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 354-365.
436. Sport and Aggression // Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – P. 381-393.
437. Sport and Environment // Sport Science Review. – 1988. vol. 11.

438. Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag, 1984. – 372 p.
439. Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag, 1973. – 615 p.
440. Sportler für den Frieden/Güldenpfennig S., Meyer H. /Hrsg/. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1983. – 127 S.
441. Sportler gegen Atomraketen – Sportler für den Frieden. Dokumentation/ Güldenpfennig S., Wiewiorra S. /ed./. – Hamburg: Eigenverlag, 1984.
442. Sport Violence / Goldstein J.H. (ed.). – New York, 1983.
443. Sprenger J. (1974). Zum Problem der Aggression im Sport // Sportwissenschaft. – N. 4. – S.231-257.
444. Steadward Robert D. (2001). The Paralympic Movement: a Championship Future // IOA. 40<sup>th</sup> Session for young participants. 23 July–8 august 2000. – IOC. – P. 82-90.
445. Stolyarov V.I. (1984b). The Aesthetic Value of Sport // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä: University of Jyväskylä. – P. 83-99.
446. Stolyarov V.I. (1984d). The role of international sporting ties in strengthening peace and understanding between nations // Sport and International Understanding. Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7–10, 1982. Berlin, Heidelberg, New York, Tokyo. – Springer-Verlag. – P. 38–47.
447. Stolyarov V.I. (1985a). A sport mint az ifjúság esztetikai kultúrájának egúik tenyezeje // Sport a változó világban. – Budapest. – P. 105–119.
448. Stolyarov V.I. (1985b). Sport as an element of developing an aesthetic culture among the youth // Review. Sport science periodical. International Council of Sport Science and Physical Education. – P. 36–41.
449. Strenk A. (1978). The thrill of victory and the agony of defeat: Sport and international politics // Orbis, A Journal of World Affairs. – vol. 22, N. 2. – P. 453-469.
450. Strenk A. (1987). Sport as an international, political and diplomatic tool // A.Yiannakis, T.McIntyre, M.MeInick & D.Hart (eds.). Sport Sociology (Third Edition). – P. 174-178.
451. Suenens L. (1973). The Alienation and Identity of Man // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 3-18.
452. Swierczewski R. (1978). The Athlete – the Country's Representative as a Hero // International Review of Sport Sociology. – vol. 13, N° 3. – P. 89-98.
453. Takacz F. (1973). Die Aesthetik der Körperkultur. Die Erscheinung des Aesthetischen in der Körperkultur und in der menschlichen Bewegung. – Budapest.
454. Takacz F. (1981). Ästhetische Kategorien und ihre spezifischen Manifestationen in der Körperkultur // Beiträge zur Ästhetik des Sports. – Leipzig. – S. 59-88.
455. Takacs F. (1986). The Theoretical Foundations of Sport Aesthetics // Review of the Hungarian University of Physical Education. – Budapest. – P. 233-250.
456. Taylor I. (1982). Class, violence and sport: the case of soccer hooliganism in Britain // Cantelon, H. and Gruneau, R. (eds.), Sport, culture and the modern state, Toronto, University of Toronto Press. – H. 39-96.
457. Tenenbaum Gershon, Stewart Evan, Singer Robert N., Duda Joan (1997). Aggression and Violence in Sport: An ISSP Position Stand // The Sport Psychologist. – N. 11. – P. 1-7.
458. Toohey D.P., Warning K. (1981). Nationalism: inevitable and incurable // Segrave J., Chu D. (eds.). Olympism. – Stipes, Champaign, III. – P. 118-126.
459. Torregrosa M., Mimbreno J., Boixadós M., Cruz J. (1997). Behaviors related with Fair Play in youth and professional football players // R. Sanchez (ed.). La actividad física y el deporte en un contexto democrático (1976–1996). – Pamplona: AIESAD. – P. 87–95.
460. Underwood J. (1984). Spoiled Sport: A Fan's Notes on the Troubles of Spectator Sports. – Boston: Little-Brown.
461. Väyrynen R. (1984). Nationalism and Internationalism in Sports // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 64-71
462. Volkamer H. (1971). Zur Aggressivität in konkurrenzorientierten sozialen Systemen // Sportwissenschaft. – N. 1. – P. 33-64.
463. Volkwein-Caplan Karin A.E. (2004b). Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – 240 p.
464. Wachter de F. (1983). Are Sports a Factor for Peace? // Topical Problems in Sport Philosophy/ed. Hans Lenk. – Hoffman Verlag, Schorndorf. – S. 255-269.
465. Wanat Stanislaw (2001). Tentative interpretation of aggressive behaviour of sport audience in a sociological perspective // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 158–168.

466. Weis Kurt (1978). Role Models and the Social Learning of Violent Behaviour Patterns // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 511- 524.
467. Weiss Paul (1969). Sport: A Philosophic Inquiry. – Carbondale: Southern Illinois University Press.
468. Wischmann B. (1971). Leistungssport – ein Mittel zur Selbsterziehung. – Berlin, München, Frankfurt a.M.
469. Witt Gunter (1982). Aesthetik des Sports. – Berlin: Sportverlag.
470. Wohl A. (1979). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. I. – Warszawa.
471. Wohl A. (1984b). The Integrational Functions of Competitive Sport and Its Role in Shaping International Competition, Co-operation and Mutual Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 99-103.
472. Wohl A. (1986). Wychowanie fizyczne dla wojny czy dla pokoju // Kultura fizyczne. – N. 7-8. – P. 6-10.
473. Young K. (1991). Violence in the Workplace of Professional Sport from the Victimological and Cultural Studies Perspectives // Int. Review for the Sociology of Sport. – N 26. – P. 3-14.
474. Żukowska Z. (1994). Fair Play As an Universal Value of Sport and Education // Almanack 1994, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy, 1994. – P. 121-140.
475. Żukowska Zofia (1997). Fair Play in sports and in the polish educational system. Promotion – Achievements – Prospects // Fair play – Sport – Education. European Congress of Fair Play. 2nd General Assembly of the European Fair Play Movement. Warsaw, September 12-14, 1996. – Warsaw. – P. 117-122.

## Глава 16. Гуманистическая оценка перемен в современном спорте и олимпийском движении

/376/ Известно, что за последние десятилетия в современном спорте и олимпийском движении произошли весьма существенные изменения. Кардинальные перемены в олимпийское движение внес бывший президент МОК Х.А. Самаранч. Поэтому важно дать гуманистическую оценку этим изменениям.

Сначала отметим те изменения, которые, безусловно, можно оценить как позитивные.

### 16.1. Позитивные изменения

Подводя первые итоги своей деятельности на посту президента МОК, Х.А. Самаранч на 94-й сессии МОК в Сеуле (1988 г.) сказал: «Моим первым и, думаю, самым важным решением, тем, что коренным образом повлияло на ведение дел в МОК и явилось залогом всего того, что произошло впоследствии, было решение поселиться в Лозанне и стать первым после Пьера де Кубертена президентом МОК, возглавляющим его деятельность из штаб-квартиры. Из остальных же конкретных действий выделю появление в составе МОК женщин; регулярную оплату олимпийским движением определенного представительства всех его членов на основных олимпийских мероприятиях; необходимую адаптацию наших правил к реалиям сегодняшнего дня; необходимую, но контролируруемую коммерциализацию; признание нового статуса спорта высших достижений и такого же признания других его форм, например, массового или "спорта для всех"; соединение спорта и олимпизма с такими сферами человеческой деятельности, как наука, культура, искусство, медицина и т.д.; развитие олимпийской солидарности; интенсификацию борьбы с допингом; желание работать вместе со всеми правительственными и неправительственными организациями, связанными со спортом, и подписание с ними договоров о сотрудничестве; строительство нашей штаб-квартиры в Лозанне и планы создания там в ближайшем будущем должного музея и центра олимпийских исследований; выборы за восемь лет 39 новых членов, что означает обновление нашей организации на 46 %» [Цит. по: Ратнер, 1990, с. 51].

В публикациях приводятся многочисленные факты, подтверждающие ряд *позитивных* изменений в деятельности МОК и олимпийского движения.

Так, отмечается, что, став президентом МОК, Х.А. Самаранч прежде всего направил усилия на расширение сферы деятельности МОК, установление тесных контактов с межгосударственными международными организациями, прежде всего с ООН и различными организациями, входящими в ее систему. Целый ряд проектов осуществлен вместе с ЮНЕСКО, например Всемирный форум по физической деятельности и спорту в Канаде и семинар «Обучение в духе олимпизма» в Мозамбике. Еще в 1984 г. МОК и ЮНЕСКО договорились о сотрудничестве. 21 октября 1998 г. президент МОК Х.А. Самаранч и генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор скрепили своими подписями в Париже новый договор, предусматривающий более тесное сотрудничество между двумя организациями «в физическом и спортивном образовании для физического, умственного и социального развития молодежи» [Highlights... 1998].

Совместно со Всемирной организацией здравоохранения МОК провел в 1994 г. Всемирный конгресс «Спорт для всех – здоровье для всех» в Уругвае. В 1995 г. совместно с Программой ООН по международному контролю за оборотом наркотиков проведена международная конференция «Спорт против наркотиков» в Италии, а совместно с Программой ООН по защите окружающей среды – Всемирная конференция «Спорт и окружающая среда». В 1997 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между МОК и ООН по продовольствию и сельскому хозяйству, согласно которому обе стороны взяли на себя ответственность за проведение специфических акций международной солидарности в поддержку сельского населения. Соглашение констатирует, что цели олимпизма – «гармоничное развитие человечества через спорт, установление мира в обществе, обеспокоенного проблемами сохранения человеческого достоинства» [Kidane, 1999].

Длительное время МОК, руководящие деятели международного олимпийского движения, опираясь на теорию «аполитичности спорта», изолировались от активной деятельности в защиту мира. Так, МОК не поддержал Московский договор о запрещении испыта-



ний ядерного оружия. Сами рамки олимпийского движения в течение длительного времени препятствовали участию спортсменов-олимпийцев в активных выступлениях за мир, поскольку условия проведения Олимпийских игр в соответствии с их правилами запрещали любого рода политические акции. В 1967 г. МОК впервые за всю историю принял Обращение к спортсменам всех стран с призывом выступить в защиту и во имя укрепления мира как единственного условия существования международного и национального спорта. Олимпийский конгресс, состоявшийся в Варне в 1973 г., проводился под девизом «Спорт на службе мира».

В последние годы в олимпийском движении предприняты новые шаги, направленные на повышение роли спорта в укреплении *мира и международного взаимопонимания*. По инициативе МОК Генеральная ассамблея Организации Объединенных Наций приняла несколько резолюций об Олимпийском перемирии [см.: Резолюция МОК..., 1998]. Так, 25 октября 1993 г. на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН без голосования, т.е. единогласно, была принята резолюция об олимпийском перемирии, инициаторами которой выступило 121 государство. Тем самым впервые в истории олимпийского движения была объявлена широкомасштабная кампания в поддержку мира. 5 декабря 1994 г. 49-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН единогласно приняла резолюцию «За установление лучшего и более прочного мира благодаря спорту», инициаторами которой выступило 141 государство. 6 ноября 1995 г. впервые в истории президент МОК Х.А. Самаранч выступил с трибуны ООН, праздновавшей свой полувек юбилей. Это произошло во время дискуссии по теме «За установление лучшего и более прочного мира благодаря спорту и олимпийским идеалам», состоявшейся в ходе 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В итоговой резолюции, проект которой зачитал двукратный олимпийский чемпион по гимнастике Барт Коннер, Генеральная Ассамблея ООН отметила вклад МОК в установление взаимопонимания между народами и укрепление мира на планете, а также призвала мировое сообщество соблюдать «олимпийское перемирие» во время Олимпийских игр. 25 ноября 1997 г. 52-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе МОК и при поддержке рекордного в истории ООН числа государств – 178 – приняла резолюцию, призывающую всех членов мирового сообщества соблюдать «олимпийское перемирие» во время XVIII зимних Олимпийских игр 1998 г. в Нагано. Начал функционировать международный центр «За олимпийское перемирие», создателями которого являются МОК и Министерство иностранных дел Греции.

В течение более полувека в олимпийском движении дискутировался вопрос о создании *равных условий* спортсменам разных стран в их подготовке к Олимпийским играм. В последние годы для решения этой проблемы реализуется программа «Олимпийская солидарность». С 1989 г. МОК стал выплачивать стипендии спортсменам достаточно высокого класса из развивающихся стран, чтобы они могли планомерно готовиться за границей к Олимпийским играм. 158 стипендиатов «Олимпийской солидарности» выступали на Играх XXVI Олимпиады в Атланте, и четверо из них стали олимпийскими чемпионами, еще 14 завоевали медали. Не менее впечатляющими выглядят данные об оказании помощи спортсменам, готовившимся к XVIII зимним Олимпийским играм 1998 г. в Нагано. Стипендии «Олимпийской солидарности» выплачивались 346 атлетам. 220 из них прошли предолимпийский отбор и выступили в Нагано. Четверо завоевали медали, еще 37 получили Олимпийские дипломы, заняв места с четвертого по восьмое. С 1984 г. МОК через фонд «Олимпийская солидарность» оплачивает расходы по участию в Олимпийских играх определенного числа спортсменов каждой страны. При этом размеры этой помощи стабильно растут. Тем самым МОК, допустивший к участию в Олимпийских играх профессионалов, вместе с тем стремится к тому, чтобы Олимпийские игры были по-настоящему универсальными и чтобы максимальное число атлетов могло бороться за олимпийские награды [Ратнер, 1998, с. 72–74].

В рамках программы «Олимпийская солидарность» МОК оказывает техническую и финансовую поддержку 200 национальным олимпийским комитетам, в том числе наименее обеспеченным, для дальнейшего развития олимпийского образования, спорта и культуры. Создан Международный олимпийский форум развития (International Olympic Forum for Development) с целью выработки механизма консультаций и сотрудничества между развитыми странами, рассматривающими спорт как элемент программы технической помощи развивающимся странам, с одной стороны, и олимпийским движением, меж- и не-

правительственными организациями, с другой стороны. Вместе с верховным комиссаром ООН по делам беженцев МОК оказывал продовольственную помощь детям в Анголе, Боснии и Герцеговине и Руанде, а также спортивным оборудованием в лагерях беженцев из Косово, в Албании, Республике Македония и других странах. МОК сотрудничает с программой развития ООН в борьбе с бедностью. В Камбодже, Эквадоре и Танзании совместно с организацией по обеспечению продовольствием и развитию сельского хозяйства ООН начата реализация спортивных и рекреационных проектов для бедных изолированных сообществ с большой долей молодежи среди населения [Mitchell, 1999].

Наличие связи между развитием спорта и человеческим благополучием обусловило действия Генеральной Ассамблеи ООН, которая провозгласила 1994 г. – год столетней годовщины со дня создания Международного олимпийского комитета – «Международным годом спорта и олимпийского идеала».

МОК сделал важные шаги, направленные на запрещение *политической и расовой дискриминации*. В частности, он вынес решение о поручении организации Олимпийских игр только тем странам, где гарантируется свободное участие всех олимпийских комитетов. К числу достижений МОК за последние годы можно отнести также организованную в соответствии с базовыми принципами олимпийской Хартии кампанию против политики апартеида в Южной Африке и ту роль, которую она сыграла в прекращении апартеида. В тот момент, когда только возникшая демократия в Южной Африке еще не вступила в межправительственные организации, спортсмены всех стран приветствовали возвращение ее атлетов на 25-е Олимпийские игры в Барселоне (1992).

При Самаранче в МОК впервые появились женщины. Всего с 1981 г. их избиралось в МОК 13, а в числе действующих – после сессии МОК 1998 г. в Нагано – 12. МОК призвал членов олимпийской семьи способствовать тому, чтобы к 2000 г. женщины занимали по меньшей мере 10% постов в структурах законодательной и исполнительной власти, а к 2005 г. – как минимум 20% [Defrantz, 1998; Samaranch, 1999]. Принято решение МОК о том, что каждый новый вид спорта, включаемый в программу Олимпийских игр, должен предусматривать возможность участия женщин в этом виде. Кроме того, в составе МОК за годы президентства Самаранча появились бывшие олимпийцы, в том числе олимпийские чемпионы.

Усилились коллективные начала в деятельности МОК. Число постоянных комиссий достигло двух десятков, причем появились такие как Комиссия атлетов, по спорту для всех, координации летних и зимних Олимпийских игр, оценке городов – кандидатов на проведение Олимпийских игр, окружающей среде, изучению наследия Кубертена и т.д. В 80-е гг. сформировались континентальные объединения национальных олимпийских комитетов, ассоциации международных федераций по летним и зимним олимпийским видам спорта, а также ассоциация признанных МОК федераций, международный спортивный арбитраж. Состав исполкома МОК увеличился до 11 человек, а число директоров МОК и советников увеличилось до двух десятков.

Активизировались усилия МОК по установлению тесных *контактов с межгосударственными международными организациями*, прежде всего с ООН и различными организациями, входящими в ее систему. Целый ряд проектов осуществлен вместе с ЮНЕСКО, например, Всемирный форум по физической деятельности и спорту в Канаде и семинар «Обучение в духе олимпизма» в Мозамбике. Еще в 1984 г. МОК и ЮНЕСКО договорились о сотрудничестве. 21 октября 1998 г. президент МОК Х.А. Самаранч и генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор скрепили своими подписями в Париже новый договор, предусматривающий более тесное сотрудничество между двумя организациями «в физическом и спортивном образовании для физического, умственного и социального развития молодежи». В 1997 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между МОК и ООН по продовольствию и сельскому хозяйству, согласно которому обе стороны взяли на себя ответственность за проведение специфических акций международной солидарности в поддержку сельского населения.

Исследователи подчеркивают активизацию деятельности национальных олимпийских комитетов, а также их всемирной организации (АНОК) и континентальных объединений НОКов, направленной на *борьбу с допингом*, с применением медикаментозных средств, наносящих вред здоровью спортсменов. /379/ В 1994 г. МОК совместно со Всемирной организацией здравоохранения провел в Уругвае Всемирный конгресс «Спорт для всех – здоровье для всех». В 1995 г. совместно с Программой ООН по

международному контролю за оборотом наркотиков проведена международная конференция «Спорт против наркотиков» в Италии, а совместно с Программой ООН по защите окружающей среды – Всемирная конференция «Спорт и окружающая среда».

Как отмечает А.Б. Ратнер [Ратнер, 1998, 2003, 2004], МОК стал уделять больше внимания социально-педагогической деятельности. Об этом, по его мнению, свидетельствует широкий спектр социально-педагогических мероприятий, акций и кампаний, осуществленных МОК и международным олимпийским движением в течение 80–90-х гг. XX века: кампания по подготовке и проведению в 1994 г. Международного года спорта и олимпийского идеала, объявленного по инициативе МОК Организацией Объединенных Наций; международные конференции – «Олимпийское движение и средства массовой информации», в которой приняли участие журналисты из 50 стран пяти континентов, и «Олимпийское движение и мир университетов», которая собрала преподавателей и исследователей из учебных и научных заведений многих стран пяти континентов; XII Олимпийский конгресс в Париже; выставка «Искусство, спорт и культура!» в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке; конгресс «Спорт для всех и здоровье для всех», а также большое количество других важных акций, некоторые из которых осуществлялись совместно с ЮНЕСКО, Всемирной организацией здравоохранения, верховным комиссариатом по делам беженцев и другими организациями, входящими в структуру ООН [см. также: Заключительный документ... 1995].

Авторы ряда публикаций к важным итогам политики МОК за минувшие годы относят также:

- расширение олимпийской программы за счет новых видов и дисциплин;
- введение начиная с 1994 г. двухлетнего интервала между летними и зимними Олимпийскими играми;
- принятие в 1990 г. новой редакции Олимпийской хартии;
- более широкую популяризацию Олимпийских игр, прежде всего благодаря телевидению;
- достижение единства внутри международного олимпийского движения, что сделало его мало уязвимым для сил извне;
- создание всемирной ассоциации олимпийцев;
- активизацию работы по олимпийскому образованию детей и молодежи;
- усиление борьбы с допингом, с применением медикаментозных средств, наносящих вред здоровью спортсменов; активизацию деятельности в этих направлениях НОКов, а также их всемирной организации (АНОК) и континентальных объединений НОКов;
- усиление внимания к вопросам культуры: культурные акции во время Олимпийских игр; проведение Олимпийского конкурса «Искусство и спорт – 2000»; образование международного института «Культурная олимпиада», который призван нести ответственность за проведение Культурных олимпиад во время летних Олимпийских игр.

Отмечается вклад в усиление гуманистической направленности олимпийского движения, который вносят Международная олимпийская академия и Национальные Олимпийские академии, международная организация Специальных олимпийских игр (для лиц с нарушением интеллекта), Международный олимпийский центр за мир и культуру (Греция), Олимпийский музей в Лозанне и т.д. [Козловский, 1999; Ратнер, 1998, 2003; Родиченко, 1996, 1998, 1999, 2004; Самаранч, 1997; Müller, 1992, 1994; Samaranch, 1999 и др.].

На основании этих фактов делается даже вывод о том, что «никогда раньше МОК не уделял так много внимания, времени и, главное, средств пропаганде олимпийских идеалов, укреплению мира на планете, повышению авторитета самого МОК и всего международного олимпийского движения в воспитании подрастающего поколения» [Ратнер, 1998, с. 46].

Изложенное выше, безусловно, *свидетельствует об определенных шагах олимпийского движения, направленных на повышение его роли в реализации идеалов и ценностей гуманизма.*

Но это лишь **одна сторона** тех процессов, которые происходят в современном олимпийском движении. Имеет место и **прямо противоположная** тенденция.

## 16.2. Противоречивость современного спорта и олимпийского движения в реализации гуманистических идеалов и ценностей

/380/ Прежде всего отметим, что уже в начале своей деятельности Кубертен столкнулся с непониманием своих идей. Спустя много лет он напишет в «Олимпийских мемуарах», что, внося свое предложение о возрождении Олимпийских игр, он пытался предвидеть различные реакции – возражения, протеста, иронии или даже безразличия, но в действительности произошло нечто иное. Данное предложение одобрили, пожелали больших успехов, но фактически *мало что поняли*. Замысел Кубертена восприняли как предложение провести еще одно *шоу* в виде Олимпийских игр, тогда как он предлагал возродить в международном масштабе не форму, а *благородный дух* Олимпийских игр Древней Греции, имея в виду их значение как средства воспитания, совершенствования человека и социальных отношений. «Доброжелательные, но предубежденные, – писал Кубертен, – они не могли осознать мою идею – отделить сущность олимпизма от его древних форм» [Кубертен, 1997, с. 11].

В противоречии с гуманистическим замыслом Кубертена в современном олимпийском движении уже в самом начале его развития стал преобладать **прагматический подход**: основное внимание стали обращать *не на реализацию в спорте и с помощью спорта гуманистических идеалов и ценностей, а на решение чисто спортивных задач* – вовлечение в спорт как можно большего числа людей, содействие высоким спортивным достижениям и т.д., независимо от того, как эта спортивная активность влияет на личность и социальные отношения, соответствует ее влияние гуманистическим идеалам и ценностям или не соответствует.

Такое направление развития олимпийского движения вызывало резкую критику со стороны Кубертена. Уже на Олимпийском конгрессе в Гавре (1897) он негативно оценил Олимпийские игры в Афинах на том основании, что здесь «все усилия были сконцентрированы на организации спортивной стороны предприятия в его историческом контексте; не было ни конгресса, ни конференции, ни признаков моральной или воспитательной цели». Критически Кубертен оценивал и Игры II Олимпиады (Париж, 1900). Он писал о том, что после этих Олимпийских игр, которые были включены в программу Всемирной выставки, проходившей в Париже, «мы поняли, что никогда больше Олимпийские игры не должны быть в зависимости или в подчинении ярмарки (выставки), ибо тогда их философское наполнение исчезает, а воспитательное значение оказывается равно нулю» [Кубертен, 1997, с. 56].

По мере дальнейшего развития олимпийского движения противоречие между гуманистическим замыслом его основателя и прагматической ориентацией реального олимпийского спорта все более обострялось. И не случайно начиная с 1925 г. Кубертен начинает отходить от активного участия в олимпийском движении. В 1925 г. на Конгрессе в Праге он добровольно ушел с поста президента МОК. И дело вовсе не в состоянии его здоровья, как нередко полагают [см., например: Кун, 1982]. Главная причина состояла в том, что хотя Олимпийские игры за 30 лет с момента их возрождения приобрели все больший размах, но связанный с ними замысел Кубертена не был понят, не был воспринят и не был реализован в ходе организации и проведения этих Игр. Фактически была предана забвению его **главная идея**: использовать возрожденные Олимпийские игры, олимпийское движение для воспитания гармонично развитой личности, нравственного совершенствования человечества. Поэтому Кубертен стал искать возможности для реализации этого замысла вне рамок олимпийского движения. Как отмечено выше, уйдя с поста президента МОК, он основал «Всемирный педагогический союз» (Union Pedagogique Universelle), а в 1926 г. – «Международное бюро спортивной педагогики» («Bureau International de pedagogie sportive») с целью организации международного сотрудничества в области педагогики спорта.

После смерти Кубертена, особенно в конце XX – начале XXI в. в теории и практике олимпийского движения *усиливается прагматический подход*, согласно которому главная ценность этого движения – сам спорт (особенно спорт высших достижений) и спортивные рекорды, независимо от того, для чего они используются, каким целям служат.

Наблюдается либо полный отказ от провозглашенных Кубертенем гуманистических идеалов, либо перевод их из разряда *реальных* в разряд *декларативных* ценностей, которые лишь провозглашаются, декларируются. /381/ Как отмечает О. Групе, идеалы, на которые призывал ориентироваться Кубертен, «можно свести к следующим пяти моментам:

концепция гармоничного развития личности; возможность самосовершенствования на пути к высшим спортивным достижениям; принцип любительства как проявление самодисциплины и отказ от материальной выгоды; этический кодекс спорта; формирование спортивной элиты». Практически эти идеалы все реже реализуются в олимпийском спорте: самосовершенствование уже не расценивается выше победы на Олимпийских играх; редко встречается ориентация на гармоничное развитие: «много ли найдется в современном спорте приверженцев принципа единства физического, интеллектуального и духовного развития личности» [Группе, 1986, с. 17].

Замысел Кубертена, как указывалось выше, состоял в том, чтобы организовать соперничество на Олимпийских играх на основе таких принципов, которые воспитывают «более мужественное, более сильное во всех отношениях, более добросовестное и более великодушное человечество». Основной акцент в соответствии с этими принципами должен делаться *не на победе в олимпийских соревнованиях, а на поведении спортсменов, его соответствии нравственным нормам и принципам, т.е. гармоничное единение физического и духовного начал человека*. В противовес этому замыслу в олимпийском движении наблюдается ослабление внимания к духовно-нравственной и эстетической стороне поведения спортсменов. На первый план выходит *не гармоничное развитие и поведение участников олимпийских соревнований, а их успех, победа*. «Роль достижений и своего рода идеология победы заняли в олимпийском движении такую позицию, – пишет финский социолог П. Сеппянен, – которая не только соответствует ожиданиям этого движения, но значительно превышает все, что кто-либо мог себе это представить» [Seppänen, 1984 б, р. 21]. На это обращает внимание и Г. Ленк. По его мнению, ориентация на победу в соперничестве, сформировавшаяся в условиях древнегреческой культуры и расцвета агонистики, стала «наиболее важной и характерной нормой, стандартом спортивного соревнования на высшем уровне и Олимпийских игр, даже самой выразительной чертой олимпийского движения» [Lenk, 2007, р. 40].

Ослабление внимания к гармоничному развитию спортсменов-олимпийцев, с одной стороны, культ победы и материальных благ на основе спортивных достижений, с другой стороны, особенно характерны для олимпийского движения в связи с **коммерциализацией и профессионализацией** олимпийского спорта.

Эти процессы привели к замене *гуманистической* ориентации этого движения на сугубо *прагматическую*. Фактически речь идет о процессе перерождения олимпийского движения из *социально-педагогического, воспитательного*, каким его видел Кубертен, в *спортивно-коммерческое*. Хорст Зейфарт еще по поводу итогов Олимпийских игр в Лос-Анджелесе писал: «Спорт, который обычно имел педагогическую и моральную ценность, в настоящее время становится измерением бизнеса» [Seifart, 1984, р. 314]. С.И. Гуськов указывал на то, что в спорте и в олимпийском движении на первый план выступают «реалистические, прагматические тенденции», «прагматический подход», который в будущем станет преобладающим: «в начале XXI в. изменится восприятие спорта. Он будет восприниматься не как феномен культуры, а как обыкновенная услуга, “товар”, т.е. как бизнес... Спорт в первой половине XXI в. – это симбиоз спорта и бизнеса в глобальном масштабе» [Гуськов, 1996 б, с. 42].

Эти прогнозы оправдались: «К середине XX в. спорт превратился в прибыльный бизнес с огромными оборотами и сейчас активно конкурирует с другими видами развлечений за долю в рынке зрелищ наряду с музыкальными шоу, кино и цирком» [Кыласов, 2010 а, с. 199]. Джейсон Зенгерле, давая оценку современному олимпийскому движению, заявил: «Несмотря на все разговоры о мире и объединении людей... Игры на самом деле ничем не отличаются от... любого другого рассчитанного на публику спортивного шоу» [цит. по: Омельченко, 2001, с. 31]. Аналогичного мнения придерживаются и многие другие исследователи: «Высококвалифицированный, профессиональный спорт, облагороженный идеями олимпизма, вначале следовал за олимпийским спортом. Однако в настоящее время можно констатировать тот факт, что роли изменились. Олимпийский спорт следует за профессиональным, вбирая в себя его наиболее негативные особенности» [Woloszyn, 1994, р. 64]; «Олимпийское движение переживает глубокий кризис. Захлестнувшая его волна коммерциализации, все более глубокое проникновение профессионализма разрушают составляющие его основу идеалы, в которых именно и заключена его непреходящая общечеловеческая ценность, которые и позволяют ему быть важным фактором сохранения мира» [Петушкова, 1988, с. 171] и т.д.



/382/ В статье «Самый сильный человек в спорте», помещенной в американском журнале «Спортс иллюстрейтед» и посвященной бывшему президенту МОК Х.А. Самаранчу, без обиняков заявляется, что он руководит МОК как бизнесом [Ратнер, 1990, с. 53–54]. «Впрочем, – пишет В. Михайлин, – давно уже канули в Лету не только эпохи Кубертена и Брендеджа, но и эпоха Самаранча. Сегодня олимпийское движение возглавляют совсем другие властелины олимпийских колец – да и время на дворе другое. Былые проекты переустройства мира в соответствии с очередной – и как всегда единственной – идеей кажутся наивными и смешными. Нынешние постмодернистско-массмедийные культуры еще раз поменяли условия игры. Большая часть традиционно олимпийских видов спорта патологически незрелищна – и потому олимпиады уже давно превратились в дорогие шоу с колоссальными бюджетами и ресурсами промоушна, в которых собственно атлетические состязания занимают место обязательной программы. Зато весь мир смотрит открытия и закрытия олимпиад и, затаив дыхание, следит за суммами трансфертов и призовых фондов, а также за перипетиями скандалов вокруг отдельных спортсменов и целых национальных команд. Зато букмекерский бизнес находится на пике. Зато основной доход от олимпийских состязаний давно уже дают не билеты, а продажа прав на теле вещание, а едва ли не решающее право голоса в МОК имеют представители основных компаний-спонсоров» [Михайлин, 2006, с. 29–30].

Аналогичную оценку переменам в политике олимпийского движения дает А.А. Исаев: «Рассказывая красивые сказки о “современном олимпийском движении”, МОК и его доблестные резидентуры (национальные олимпийские комитеты) лукавят. Пропитанный допингами, коммерцией и политиканством олимпизм, при всей его парадной привлекательности тяжело болен. МОКу не нужно здоровье россиян, американцев, немцев, китайцев, МОКу нужны мускульные ресурсы амбициозных в спорте стран. На каком, скажите, основании оторвавшиеся от реалий спорта и увязшие в собственных ритуалах члены МОК отняли у миллионов спортсменов-любителей олимпийский факел? А разве не абсурден строжайший запрет МОК на использование олимпийских колец даже при проведении соревнований детей и подростков, которым лицемерно внушают мысль о всемирной гуманистической миссии так называемого современного олимпизма!» [Исаев, 1996, с. 1].

В.В. Ким, М.М. Латыпов, Н.А. Линькова и Г.С. Хам оценивают МОК как «гигантскую монополию спорта, цель которой – получение прибыли путем производственной эксплуатации спортсменов, особенно из слаборазвитых и развивающихся стран». По их мнению, МОК ведет скрытую двойную игру, с одной стороны, рекламируя высшие идеалы Олимпийских игр, возбуждая национальные интересы стран блеском золотых медалей, а с другой – нарушая Олимпийскую хартию, превратил любительский спорт в отрасль производства, где главный источник прибыли и основная профессия – спортсмен с его высочайшими рекордами и результатами» [Ким, Латыпов, Линькова, Хам, 2001, с. 17].

В настоящее время доходы МОК исчисляются миллиардами, причем, как отмечает А.В. Кыласов, «это единственная в мире общественная и притом некоммерческая организация, имеющая такие колоссальные доходы». Отвечая на естественно возникающий вопрос: «Чем же торгует МОК и почему у него такие большие доходы?», он пишет: «Как ни странно это звучит, но ровно тем, что записано в его Хартии – олимпийскими идеалами. Тут можно задаться вопросом – а разве они продаются? Ответ прост – да. МОК предлагает за фиксированную сумму приобрести право на официальное партнерство в мероприятиях МОК, вместе с которым предоставляется право на использование олимпийских идеалов и образов в рекламных кампаниях коммерческих фирм. Для постоянных покупателей даже предусмотрены бонусы» [Кыласов, 2010 а, с.187–188]. Такое сращивание интересов транснациональных корпораций и МОК привело к тому, что сами «Олимпийские игры стали восприниматься как *продукт*, выгодно отличающийся от остальных спортивных шоу на рынке развлечений. В результате *производство* Олимпийских игр МОК было поставлено на поток, обретя устойчивый потребительский спрос на продукцию этого бренда. При этом именно производственные показатели олимпийского движения все больше выходят на первый план в оценке его развития» [Кыласов, 2010 а, с. 190].

С учетом этой ситуации критически воспринимается и решение МОК о том, чтобы проводить Олимпийские игры каждые два года: «Каковы последствия того, что теперь через каждые два года проходят Олимпийские игры? Не является ли это искусственным выманиванием средств государства на нужды МОК в ущерб другим видам деятельности, в том числе и физической культуры?» [Виноградов, 1998, с. 18].

/383/ Отмечается негативное влияние коммерциализации не только на соревновательную часть Олимпийских игр, но и на их *культурную* программу. В частности, Б. Базунов, характеризуя итоги культурной программы Сиднея-2000, писал: «Реанимированный нынешним президентом МОК постулат “Олимпизм суть спорт плюс искусство” прошел испытание на жизнестойкость минувшей Олимпиадой. И наперед следует сказать: как и сами Игры, которые преследует рок коммерческой алчности и допинга, так и культурные олимпиады обречены на самоуничтожение, если не предпринять хирургические методы против метастаз и той же гиперкоммерциализации, традиционной коррупции с банальными элементами мафиозности в духовной и культурной сферах олимпизма» [Базунов, 2000, с. 29].

Одно из ярких проявлений негативной роли коммерциализации олимпийского движения – кризис, который разразился в МОК в конце 1998 – начале 1999 г. в связи с так называемым делом о коррупции [Исаев, 1999; Козловский, 1999; Павлов, Пистун, Кружков, 1999; Пресса... 1999; Расследование... 2000]. Бывший министр спорта Австралии Эндрю Томсон заявил, что он потрясен известиями о коррупции в МОК и считает, что после такого скандала эта организация просто не должна существовать. Томсон предложил отказаться от проведения Олимпиад в наступающем веке и создать крупные соревнования мирового масштаба, объединенные какой-либо другой идеей: «Почему бы не принять решение, что Олимпиада в Афинах-2004 станет заключительной в эпохе Игр нового века» [Олимпиады нужно отменить, 1999, с. 1].

Вместе с тем широко пропагандируется мнение о том, что «перемены, происшедшие в международном олимпийском движении, – это веление времени, несмотря на то что отдельные новшества требуют очень внимательного и осторожного к себе отношения» [Ратнер, 1998, с. 16]. Сторонники такой позиции отмечают, что хотя профессионализация и коммерциализация спорта входят в серьезное противоречие с сущностью и идеалами олимпийского движения, но эти процессы в общем-то объективны, связаны с реальной ситуацией современного мира [Козловский, 1999; Платонов, Гуськов, 1994; Родиченко, 1998]. Е.К. Кулинкович пишет по этому поводу: «Во-первых, сами принципы олимпийского движения, сформулированные Пьером де Кубертенем, соответствовали уровню развития спорта начала века и буржуазно-идеалистическим воззрениям на социальное развитие. Во-вторых, Олимпийские игры превратились в столь дорогостоящие мероприятия, что без коммерческой деятельности МОК оказался неспособен их проводить на подобающем уровне. В-третьих, дальнейшее игнорирование реально происходящей профессионализации спорта высших достижений могло снизить авторитет Олимпийских игр как соревнований сильнейших атлетов планеты» [Кулинкович, 1991, с. 23].

С. Эрдем, член МОК и президент НОК Турции, в своей статье «Олимпийские игры и новый мировой порядок», обосновывая позитивное значение коммерциализации олимпийского движения, приводит такой факт: на летних Играх 1960 г. в Риме американская телекомпания Си-би-эс купила телевизионные права за 200 тыс. долларов. В 1998 г. в Барселоне телевизионные права для другой американской телекомпании Эй-би-си стоили уже 401 млн. долларов, а общие расходы зарубежных телекомпаний, аккредитованных на Играх в Барселоне, приблизились к 750-миллионной отметке. Как указывает С. Эрдем, это можно назвать коммерциализацией Игр, но можно посмотреть на эту проблему и по-другому. «Ведь именно заинтересованность в Играх большого бизнеса дала возможность проводить Олимпиады на более высоком организационном уровне, именно эта заинтересованность создала новые источники финансирования для международных спортивных федераций, которые, в свою очередь, получили возможность более эффективно проводить в жизнь свои программы, включающие строительство новых спортивных сооружений, подготовку квалифицированных тренерских кадров для работы с детьми и подростками и т.д. Эта коммерция, от которой выигрывают все, и такой подход можно только приветствовать» [Эрдем, 1992, с. 14].

Важнейшим средством против возможных негативных последствий профессионализации и коммерциализации, а также сохранения духа «честной игры» считается олимпийское образование [Anthony, 1993]. Президент МОК Х.А. Самаранч, подводя итоги международного семинара по вопросам честной игры и борьбы с насилием в спорте (ноябрь 1982 г., Монако), сказал: «Бороться с насилием, отстаивать дух честной игры нужно путем воспитания всех участников спортивной деятельности – спортсменов, спортивных деятелей и публики» [цит. по: Певцевич, 1983, с. 28].

/384/ Во многих работах [Козловский, 1999; Крикос, 1997; Миллер, 1995, 2008; Платонов, Гуськов, 1994; Ратнер, 1998, 2003; Родиченко, 1996, 1998, 1999; Miller, 1990; Pariente, 1989 и др.] подчеркивается, что Х.А. Самаранчу удалось вывести олимпийское движение из того кризисного состояния, в котором оно оказалось в начале его деятельности. Бывший редактор французской газеты «Экип», член Комиссии МОК по культуре Робер Парьенте считает, например, что «на протяжении десятилетий олимпийское движение страдало от своего ультра-консерватизма и к концу 1960-х гг. выглядело как остров, затерянный на пересечении океанских течений политической и социальной борьбы, о который разбивались постоянно отвергаемые волны реформ. Главной заботой олимпизма было сохранение, наперекор ветру и погоде, принципов догмы, определенной в конце XIX в. как панацея – концепция чистого любительства в соревновательном спорте – и присуждение права на организацию Олимпийских игр какому-либо городу раз в четыре года» [Pariente, 1989, p. 22]. Как указывает член пресс-комиссии МОК англичанин Дэвид Миллер, «передавая бразды правления МОК лорду Килланину, Эвери Брендедж сказал, что во время президентства Килланина мир может оказаться свидетелем кончины олимпийского движения, возрожденного Кубертенем в 1890-х гг. Это предположение основывалось на том, что МОК, действовавший как частный клуб резко различающихся по положению, характеру и интересам людей, в плане управления был организацией хрупкой, непрочной и близкой к развалу. Ей со всех сторон угрожали международные силы, на которые она имела мало влияния» [Miller, 1990, p. 10].

В подтверждение указанного вывода приводится ряд фактов. После игр XX Олимпиады 1972 г. в Мюнхене, омраченных расстрелом палестинскими экстремистами израильской команды, следующие Игры – 1976 г. в Монреале – потерпели финансовый крах и пострадали от бойкота африканцев, протестовавших против участия Новой Зеландии, регбисты которой незадолго до монреальских стартов совершили турне по ЮАР. Потом был бойкот московской Олимпиады. Так что Килланину приходилось тратить больше времени на урегулирование политических кризисных ситуаций, чем на поступательное развитие олимпийского движения и его воспитательные аспекты. Помимо давления извне международное олимпийское движение испытывало и внутренние противоречия. Международные спортивные федерации и национальные олимпийские комитеты стремились играть все более заметную роль в олимпийском движении, в определении программы Олимпийских игр и проведении олимпийских соревнований, участвовать в распределении пока еще практически не существующих доходов и т.д. К тому же ряд крупных международных спортивных федераций начали проводить самостоятельную финансовую политику, и МОК должен был не только считаться с подобными явлениями, отражавшими политические, экономические и социальные реалии современной жизни, но и искать пути их решения [Бугреев, 1998; Гуськов, 1990; Кулинкович, 1991; Платонов, Гуськов, 1994; Ратнер, 1998; Родиченко, 1996; Суник, 1993 и др.]. Вот почему, когда Килланина на посту МОК сменил Самаранч, «многим показалось, что он возглавил умирающую организацию» [Miller, 1990, p. 10]. И в этом смысле, как отмечается в указанных публикациях, Самаранчу удалось коренным образом переломить сложившуюся в олимпийском движении кризисную ситуацию.

Однако какие бы аргументы в пользу этого нового, основанного на коммерциализации и профессионализации, курса МОК и олимпийского движения («олимпийской революции») ни приводились, **они не отменяют того очевидного разрыва, противоречия, который существует между этим курсом и гуманистическими идеалами олимпизма.**

К такому выводу пришли, в частности, и участники 36-й сессии МОА, на которой специально обсуждался вопрос о влиянии коммерциализации на олимпийское движение [Commercialization... 1993].

Коммерциализация олимпийского спорта неизбежно приводит к тому, что Олимпийские игры из такого *идеального образца спортивного соревнования*, основное назначение которого Кубертен усматривал в воспитании гармонично развитой личности, все больше превращаются в красивое, захватывающее *зрелище*, на котором можно (особенно с помощью средств массовой информации, прежде всего телевидения) зарабатывать огромные деньги. Значит, из «орудия» гуманистического воспитания они превращаются в *коммерческое шоу*, против чего, как отмечалось выше, категорически возражал Кубертен. При этом материальное поощрение (и в очень существенных размерах) спортивных достиже-



ний и побед содействует формированию желания спортсменов и тренеров победить *любой ценой*.

/385/ Поэтому новый курс олимпийского движения не только не решил, но еще более обострил проблему практической реализации официально провозглашаемого *олимпийского идеала гармонично развитой личности*. Выше приведены многочисленные факты, свидетельствующие о все более острых проблемах со *здоровьем* спортсменов, с употреблением *допинга* и тем более с *нравственным поведением* в спортивном соперничестве в соответствии с принципами Фэйр Плэй.

Практика развития олимпийского спорта свидетельствует о том, что олимпийцы – участники Олимпийских игр и особенно олимпийские чемпионы являются некоторым образцом, эталоном, объектом подражания для огромного числа детей и молодежи. Но коммерциализация и профессионализация олимпийского спорта приводят к тому, что на первый план в этом подражании для них, как правило, выходит не гармоничный облик олимпийца, а такие его качества, как их способность показывать высочайшие спортивные результаты, профессионализм, окружающая их слава и т.п. «Идеологи современного олимпизма при его зарождении высказывали надежды, – пишет А.М. Починкин, – что дружеская расположенность олимпийцев, бескорыстность борьбы и ее благородные правила будут определять спортивные отношения, а через них распространяться в качестве общечеловеческих ценностей и норм общения. Спортивная победа и ее творец – олимпийский чемпион – воспринимались ими в качестве национальных символов, и казалось, что они в наиболее чистом виде воплощают нравственные ценности патриотизма, верности долгу и чести» [Починкин, 2006, с. 56]. Однако политическое противостояние двух систем, требовавших подвигов от своих олимпийцев, открытие новых путей к пределам человеческих возможностей и ряд других факторов неизбежно привели к трансформации понятия «олимпиец». «Олимпийские состязания стали подчиняться законам зрелищной индустрии, и это неминуемо не могло не отразиться на участниках соревнований – *олимпийцах*». Существенную роль в этом плане сыграл и процесс профессионализации. Он «изменил лицо олимпийского спорта, во многом трансформировал как *олимпийские ценности*, так и *образ олимпийца*, послужил причиной перехода к ранней спортивной специализации и появлению не только совсем юных олимпийцев, но даже и чемпионов несовершеннолетнего возраста (спортивная гимнастика, плавание и другие виды спорта). Атлетам стала оказываться материальная и социальная поддержка, а в случае успеха на Играх их ожидало *вознаграждение* как форма признания общественной ценности их труда». «Новые условия изменили образ *олимпийца*». «Ни о каких-либо высоких моральных качествах речь теперь не шла»: «развитие получает идея, что Олимпийским играм следует быть соревнованиями между лучшими атлетами мира. При этом становилось второстепенным многое, в том числе и их приверженность олимпийским идеалам. В истории олимпийского спорта встречаются имена известных спортсменов, которые были лишены золотых наград, не говоря уже об отстранении от участия в Играх за употребление допинга» [Починкин, 2006, с.57].

Результаты многочисленных социологических исследований убедительно свидетельствуют об указанном изменении облика олимпийца в общественном сознании [Аксенов, 2003; Баринаева, 1994; Гутин, 1984; Захаров, 2002; Ипатов, 1995; Королев, 2009; Котомина, Майорова, Столяров, 2005; Ольхова, 2000; Петлеваный, 1997; Пирожников, 2001; Прокопчук, 1998; Самусенков, 1989, 2000; Сергеев, 2000; Столяров, 1996 а, 1998 б,и; Стопникова, 1992; Тернавский, 2008; Черевач, 1998 и др.]. К тому же эти исследования выявляют неполное, а иногда и ошибочное представление не только юных спортсменов, но также и тренеров об олимпийской концепции Кубертена, о сформулированном им и его последователями идеале личности олимпийца.

Последствие всякой профессионализации, в том числе в сфере спорта, – *узкая специализация*, что, естественно, не содействует реализации гуманистического идеала *разностороннего* развития личности. Профессионализация приводит к одностороннему развитию спортсмена даже с точки зрения его физических кондиций. Польский философ И. Липец пишет по этому поводу: «Учитывая возможность достижения успеха в специализированной и ориентированной на достижения дисциплине, спортсмен допускает насилие над своей природой, преобразуя свое тело в инструмент, полезный лишь для одной цели, которая связана с выступлением в определенной части программы спортивного спектакля. Требование односторонней специализации оказывает решающее влияние на формы его

тела и инструментальную динамику тренированного до максимума организма. Античное, соответствующее критериям эстетики и здоровья требование гармонии тела преобразовано в потребность достигнуть результата, даже ценой деформации, если эта деформация гарантирует более высокие позиции в таблице рангов. В этом плане характерны эксперименты с искусственной стимуляцией на основе использования определенных лекарственных препаратов» [Lірієс, 1994, р. 88].

/386/ Хотя кардинальные изменения, которые произошли в мире за последние годы, в значительной мере сняли остроту политического противостояния ведущих мировых держав и соответственно степень политической заинтересованности в результатах, показанных на спортивной арене, но и в настоящее время продолжается использование спорта в корыстных политических и пропагандистских целях. Практически все страны продолжают подсчитывать медали и места, завоеванные своими спортсменами, и политики стремятся использовать достигнутые спортивные успехи для повышения престижа, усиления влияния страны на мировой арене, для доказательства «превосходства данного образа жизни или большей жизненной силы, присущей данному народу».

Нередко и в научных публикациях эти усилия политиков оправдываются [см., например: Быховская, Кулаков, 2005]. Безусловно, политики должны заботиться о повышении *престижа* своей страны и использовать для этого различные средства, в том числе спорт. Но предметом их заботы должно быть и *качество жизни* различных групп населения. И возникает вопрос: что в этом плане имеет более важное значение: *спортивные успехи* или *повышение качества жизни* населения? Наверное, второе, хотя решение этой задачи более сложное и требует от политиков значительно больших усилий.

Задуматься над этой проблемой – особенно применительно к нашей стране – побуждают и результаты социологических опросов. Так, проведенный в 2006 г. опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, в ходе которого выяснялось, что в жизни современной России вызывает у них чувство гордости за страну, показал, что спортивными достижениями гордятся 21% опрошенных, между тем как гордость в связи с возрождением России и т.п. испытывают не более 4% респондентов, а достижениями в области культуры и в освоении космоса гордятся лишь 2%. «Спорт только, больше, к сожалению, гордиться нечем – так можно резюмировать ответы наших соотечественников», – замечает Петр Бавин [Баин, 2006, с. 135–136].

Ориентация на все более высокие спортивные достижения для поднятия престижа страны требует все более существенных экономических затрат, которые могли бы пойти на не менее (а возможно, и более) важные цели – повышение качества жизни населения. Однако в реальной политической жизни наблюдается иное. Как замечает по этому поводу В.Н. Расторгуев, лидеры многих великих держав даже сегодня, в условиях стратегической нестабильности и глобального финансового кризиса, готовы приносить в жертву спортивному кумиру фантастические ресурсы – и финансовые, и природные, и людские. Для иллюстрации он ссылается на пример нашей страны: «Даже в наиболее трудные моменты ее сползания в пучину кризиса, когда обездвиживались немногие сохранившиеся градообразующие производства, оставляя без средств существования жителей целых регионов, СМИ постоянно акцентировали внимание вовсе не на социально–экономической ситуации в стране, не на стратегиях поддержки наиболее пострадавших российских земель. В этот период, как и во все последние годы, в поле зрения находились по преимуществу большие и малые катастрофы в разных концах света и детальное описание деяний расплодившихся насильников-педофилов (о них СМИ регулярно вспоминают в дни полнолуния, видимо, для того чтобы не иссякал новостной источник). В этой же информационной похлебке всегда присутствовал и главный ингредиент – сага о масштабной подготовке к *нашей* Олимпиаде, которая должна удивить и потрясти мир, погрязший в кризисе, не меньше, чем китайское чудо–Олимпиада. В принципе никто не против – почему и не потрясти? Смущает лишь одно размышление: к нашей бы Олимпиаде приложить совсем немного – китайский экономический подъем, модернизацию, экспансию на мировых рынках наукоемкой продукции...» [Расторгуев, 2010, с. 12]. Аналогичное мнение высказывает Рихард Джуилианотти. Выступая против тех, кто рассматривает спорт как основной путь развития и мира, он призывает в первую очередь к «более непосредственной политике в целях облегчения болезней, голода, войн и вынужденной миграции» [Guilianotti, 2004, р. 367].

/387/ В настоящее время сохраняется и присущее современному олимпийскому движению внутреннее противоречие: согласно Олимпийской хартии на Олимпийских играх

соревнования между странами не проводятся. Но во время церемоний открытия и закрытия этих Игр производится подъем национальных флагов стран-организаторов, спортсмены представляют национальные сборные команды в костюмах с соответствующими отличительными знаками, а в честь победителей исполняются национальные гимны. В связи с этим В.Н. Расторгуев, характеризуя олимпийское движение как «фантазмагорическое, не имевшее исторических аналогов влияние горстки деловых и далеко не глупых людей на умы и души землян», пишет, что, с одной стороны, оно превращает их «в единое, глобальное болящее тело (коллективную плоть Мирового Болельщика)», а с другой стороны, разделяет «человечество по национальным квартирам, пробуждая и многомерно усиливая этнонационалистические чувства почти в каждой из человеческих особей». Тем самым, «сливая миллиарды душ в едином порыве», это движение разделяет их «на враждующие, конкурирующие орды» [Расторгуев, 2010, с. 8].

Обсуждаемые перемены в современном олимпийском движении не позволили разрешить и даже, напротив, обострили проблему *агрессивности* и *насилия* в современном спорте, в том числе олимпийском. Эта проблема, как отмечено выше, обсуждается во многих научных публикациях. Ей посвящен специальный выпуск журнала “Olympic Message” (N 6, 1983), а также ряд международных конференций и симпозиумов. Так, на 23-й сессии МОА (1983) обсуждалась тема «Олимпизм перед лицом насилия и Фэйр Плэй». В 1998 г. в Афинах (Греция) под патронажем Ассоциации Европейских олимпийских комитетов были проведены IV конгресс и генеральная ассамблея европейского движения Фэйр Плэй на тему «Поведение зрителей и понятие Фэйр Плэй». Проблема насилия в спорте обсуждалась на 5-й сессии Межправительственного комитета по физическому воспитанию и спорту (1986). Здесь был принят документ под названием «Насилие и спорт». С учетом указанных негативных явлений принят и ряд других официальных документов: «Европейская конвенция о насилии и недостойном поведении зрителей на спортивных мероприятиях, и особенно во время футбольных матчей (1985); «Декларация о поведении зрителей и идеалов Фэйр Плэй» (1998); Декларация «Спорт, терпимость и чистая игра» (1998) и др. [см., например: Декларация о поведении зрителей... 1998; Декларация «Спорт, терпимость и чистая игра», 1998; Европейская конвенция... 1997].

Ряд исследователей высказывают, однако, опасение по поводу того, что агрессивность и насилие будут занимать все более видное место в спорте. Э. Даннинг еще в 1980-е гг. писал о том, что если баланс между серьезностью и игрой в спорте сдвинется в сторону серьезности (а тенденция именно такова), то спорт станет трансформироваться из «пародии» на борьбу в действительную борьбу и грязная игра увеличится в спорте [Dunning, 1979, 1988]. По мнению Ф. Хаккера, тенденция повышения агрессивности в современном спорте свидетельствует о том, что «скоро спорт из средства контроля за агрессивностью превратится в средство ее узаконивания» [цит. по: Pilz, Fisher, 1984, s. 194]. Высказывается опасение по поводу возможного превращения спорта в современную разновидность гладиаторства [Бестужев-Лада, 1996; Пономарев Н.И., 1974; Lanowski, 1985].

В публикациях последнего времени все чаще подчеркивается негативное влияние олимпийского движения на такие виды спорта, которые не включены в программу Олимпийских игр. Как отмечает А.В. Кыласов, олимпийские виды спорта получают серьезную финансовую помощь и опеку национальных правительств, их развитие становится неотъемлемой частью внешней политики, служа укреплению престижа наций. А для других видов спорта, не включенных в программу Олимпийских игр, применяется остаточный принцип финансирования в рамках неясной дефиниции «массовый спорт», что существенно затрудняет их развитие. Такая политика властей особенно негативно влияет на национальные игры и состязания, т.е. на те виды спорта, которые имеют ограниченный характер распространения – либо в ареале одного континента (региона), либо среди определенной расы (группы народов). «Из всего многообразия видов спорта правительства стран, – пишет А.В. Кыласов, – оказывают покровительство преимущественно тем, что включены в программу Олимпийских игр... Победы спортсменов на главных стартах современности рассматриваются как укрепление национального престижа. Вследствие этой протекции избранных МОК видов спорта олимпийское движение превратилось в колоссальное препятствие для развития как национальных видов спорта с их многовековой традицией, так и для экстремальных видов спорта, рожденных технологиями новейшего времени. Спорт стал восприниматься только сквозь призму олимпизма. Образно выражаясь, спорт оказался стиснутым в олимпийских кольцах. *Окольцованный спорт* обслуживает

амбиции государств-наций, нуждающихся в постоянной демонстрации превосходства в глобальном масштабе» [Кыласов, 2010 а, с. 20]. Важно и то, что спортивные чиновники стремятся унифицировать национальные виды спорта под существующие формы спорта англосаксонской системы [Кыласов, 2010 а, с. 223].

Такая политика, определяемая влиянием олимпийского движения на спорт, приводит к негативному явлению, которое обычно обозначается термином «*культурная гегемония*» [Бензенрти, 1988; Стоддарт, 1987; Bale, Christensen, 2004; Chatziefstathiou, Henry, Theodoraki, Al-Tauqi, 2006; Dubberke, 1986; Eichberg, 1981, 1984; Francisco, 1994; Galtung, 1984; Lalaoui, 1994; Landry, 1986, 1989; Shinnick, 1978].

К этому негативному явлению, которое создает определенные проблемы в отношениях между странами, привлёк внимание канадский ученый Ф. Ландри в докладе «Олимпийское воспитание и международное взаимопонимание: воспитательная задача или культурная гегемония» на сессии Международной олимпийской академии [Landry, 1986]. Кубертен, отметил докладчик, мечтал о том, чтобы Олимпийские игры стали «всемирными играми», на которых «должно быть гарантировано участие всех желающих» и должны быть представлены «все виды спорта» [Comite International... 1984, p. 11, 12, 19]. Однако эта мечта Кубертена осуществляется лишь частично. Хотя Олимпийские игры стали международными и включают в свою орбиту огромное множество стран, но многие нации, которые хотели бы внести свой культурный вклад в «международное взаимопонимание», используя эти Игры, имеют мало шансов в этом плане, поскольку вынуждены принять чисто западный взгляд на мир спорта. Несмотря на мечты («...все страны ... все виды спорта») олимпийская программа не отражает культуру очень многих стран. Большинство видов спорта и спортивных дисциплин, включенных в олимпийскую программу, имеют западное происхождение. За исключением японского дзюдо, в ней можно найти лишь европейские и североамериканские виды спорта: английского происхождения, как, например, бокс и футбол, скандинавского, как лыжный спорт, немецкого, как гимнастика.

А что касается политики помощи развивающимся странам в области спорта, то она характеризуется некоторыми чертами, присущими политике неокOLONиализма. В частности, она негативно отражается на культуре этих стран, приводит к тому, что западные виды спорта занимают в них главенствующее положение над национальными видами физической культуры и спортивной активности. И в этом плане ее сравнивают с мерами, проводимыми в области торговли, средств массовой информации и т.д. Таким образом, указывает Ф. Ландри, «в международном и соревновательном спорте (олимпийском движении) одна концепция спорта и соревнований доминирует во всех проявлениях этого института: на чемпионатах, на Играх, в структуре и действиях административных и управленческих органов». Это противоречие становится все более острым: «Предполагается, что спорт должен быть формой выражения данной культуры; однако для многих стран, входящих в олимпийское движение, спорт выступает как важный продукт, вносящий дисбаланс в факторы, определяющие культурное тождество» [Landry, 1986, p. 142, 145–146].

Дж. Галтунг в докладе «Спорт и международное взаимопонимание: спорт как носитель глубокой культуры и структуры» на международном конгрессе в Хельсинки в 1982 г. также подробно обосновывает положение о том, что соревновательный спорт, в том числе международный, является выражением лишь западных ценностей культуры, связанных с трактовкой пространства, времени, знаний, отношения к природе, межличностных отношений и т.д. [Galtung, 1984].

Очень резко в связи с обсуждаемой проблемой высказывается и немецкий социолог Х. Айхберг: «В олимпийских кругах говорят о “всемирном спорте”, который должен “завладеть” миром, потому что у других народов “спорта еще нет” и им нужно в этом плане также “оказывать помощь”, как и в области экономики. Такие понятия и категории мышления указывают на колониальное происхождение Олимпийских игр». На примере Индонезии он показывает, что многие страны, которые располагают старинной физической культурой и играми, лишены возможности внести в этом плане свой вклад в олимпийское движение, поскольку решающим является западное происхождение олимпийских дисциплин. Это движение определяет «нормы, ценности, реакции, поведение, замер результатов, повышение успехов, борьбу одного с другим, столкновение силы с силой, рекорды, скорость» и тем самым олимпийский спорт – «это спорт очень специфической “культурной религии”, спорт одного “острова” среди многих других». Х. Айхберг оценивает негативно, как «культурное порабощение», и ту кампанию оказания помощи слаборазвитым

государствам в области спорта, которую МОК под названием «Олимпийская солидарность» начал проводить в с1970 гт. «Вот, например, существует “спортивная помощь развивающимся странам”, – пишет он, – которая не является ничем иным, как экспортом культуры неоколониалистского характера. Европейские понятия о спорте переносятся на местные системы и формы физической культуры, разрушая их» [Eichberg, 1981, p. 68–70].

К. Бензенрти (Тунис) в своем выступлении на II Международной конференции министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт, посвященной обсуждению темы «Гуманистическая миссия физического воспитания и спорта», заявил: «Между Западом и Африкой, между западными и арабскими странами наблюдается шокирующее неравенство как в культурном, так и в экономическом обмене. Мы, как африканцы и арабы, подвержены постоянно нарастающему влиянию зарубежной культуры, распространяемому мощными средствами массовой информации, создающими новые культурные модели» [Бензенрти, 1988, с. 35]. С критикой политики помощи МОК развивающимся странам в области спорта, которая «опирается исключительно на “избранных”, “обслуживая амбиции исключительно сильных государств”, бросая странам третьего мира “подачки по программе олимпийской солидарности” [Расторгуев, 2010, с. 9], выступают и многие другие представители развивающихся стран [Francisco, 1994; Lalaoui, 1994 и др.]. Дж. Бэйл и М. Кристенсен оценивают олимпизм как «часть проекта колониального господства» [Bale, Christensen, 2004, p. 2], а Д. Чэтцифстэтью и его коллеги – как «культурный империализм». По их мнению, программа олимпийской солидарности имеет своей целью усиление «культурной зависимости» слаборазвитых стран от западных [Chatziefstathiou, Henry, Theodoraki, Al-Tauqi, 2006, p. 283, 285].

В последнее время в связи со все ускоряющимся процессом глобализации тревога за сохранение «неповторимого регионального биоразнообразия и этнокультурного, языкового многообразия мира» еще более усиливается. Ведь даже по самым оптимистическим прогнозам, как отмечает В.Н. Расторгуев, заместитель председателя Комиссии по культурному и природному наследию РАН, в течение жизни двух-трех поколений с лица планеты может исчезнуть свыше 60% (по пессимистическим прогнозам, свыше 90%) языков, а следовательно, целых народов и этнических групп. Поэтому усиливается борьба за сбережение и развитие национальных видов спорта как неотъемлемой составной части всемирного культурного наследия и в связи с этим критика олимпийского движения за политику гомогенизации – явления, «которое предполагает унификацию поведения людей в ущерб разнообразию народных культур», «идеологии одинаковости или того же самого»: «Под вопли эмоционально-национально заряженных, наэлектризованных миллионов людей, рисующих на лицах символы своих государств и заворуженно следящих за подвигами профессиональных спортсменов-олимпийцев, ускоренное вымирание малочисленных этносов и исход великих наций, в том числе европейских, проходят незаметно, рутинно, почти безболезненно. А вместе с народами канут в Лету и все подлинно национальные сферы культурной жизни, виды искусства, спорта – всего того, без чего невозможна культурная самоидентификация. Чем помогут народам националисты олимпийского разлива, если даже они меньше всего озабочены судьбами наций?» [Расторгуев, 2010, с. 11].

Существует и еще один аспект данной проблемы, на который обратил внимание еще Ф. Кастро, – конкуренцию за право проведения Олимпийских игр ведут лишь развитые страны. В связи с этим он поставил ряд риторических вопросов: «Какую же возможность имеют Эфиопия, Мозамбик, Ангола, Конго, Республика Гвинея, Танзания, Замбия, Зимбабве, какую возможность имеют африканские страны стать местом проведения Олимпийских игр? Какую возможность имеют Эквадор, Перу, Гайана, Панама, Никарагуа и более 100 стран третьего мира организовать Олимпиаду? Когда же они будут иметь такую возможность?» [Кастро, 1985, с. 11].

Кроме того, наблюдается тенденция к монополизации успеха на Олимпийских играх у небольшого числа передовых в экономическом и технологическом отношении стран. По мнению Ф. Ландри, «развитые страны занимают настолько сильные позиции на Олимпийских играх, что новые страны, желающие стать частью олимпийской семьи, вынуждены смириться с тем, что их реальные шансы добиться успеха постоянно уменьшаются» [Ландри, 1988, с. 23].

В связи с кризисной ситуаций, которая возникла в олимпийском движении в конце 1998 – начале 1999 г. и которая во многом вызвана стремлением Америки к реализации стратегии однополярного мира и его возможной разновидности – одномерного олимпий-

ского движения, управляемого из мирового экономического центра – США, данная проблема приобрела еще один аспект: «...перед развивающимися странами, как и перед Европой, возникает угроза вполне возможного проведения программы и правил проведения Олимпийских игр в соответствии с практикой спорта США и, естественно, к безусловному доминированию атлетов одного государства» [Родиченко, 1999, с. 232].

Следует отметить, что еще Кубертен осознавал ограниченность Олимпийских игр с точки зрения отражения в их программе культурного своеобразия спорта различных стран. Именно этим в первую очередь, по-видимому, объясняется тот факт, что во время сессии МОК в Риме в 1923 г. Кубертен призвал к проведению Африканских игр и даже представил медаль для них с латинским изречением «*Athletae Proprium Est Se Ipsum Noscere, Ducere et Vincere*» («Обязанность и сущность атлета – познать самого себя, контролировать себя и превзойти себя»), в котором отражена гуманистическая направленность этих Игр. В качестве места проведения первых Африканских игр в 1925 г. был выбран Алжир, но от этой идее отказались под давлением колониальных держав. Греческий филантроп, член МОК от Египта, Анджело К. Боланаки (Angelo C. Bolanaki) профинансировал строительство стадиона в Александрии для организации первых Африканских игр в 1927 г. Кубертен обратился к представителям государств всего мира, принимавших участие в VII Олимпиаде, с призывом «внести свой вклад, насколько бы скромным он ни был, в развитие спортивной и гуманитарной солидарности». Колониальные державы выступили, однако, против проведения Африканских игр, и проект был заморожен [Kidane, 1999].

Некоторые факты дают основание полагать, что в настоящее время и МОК начинает осознавать необходимость изменения негативного отношения к национальным спортивным состязаниям и играм. 29 сентября 2008 г. на VI Форуме МОК и ЮНЕСКО «Спорт, образование и культура» было подписано совместное «Обращение TAFISA/ЮНЕСКО». В нем, в частности, говорится: «Множество традиционных спортивных состязаний и игр исчезли или находятся под угрозой исчезновения. Для сохранения культурного разнообразия и мира, а также для участия всех независимо от рода, религии, способностей или социального положения в спортивных и традиционных играх мы решили установить баланс в существующем разнообразии между элитным спортом и спортом для всех, включая физическую активность с традиционными спортивными состязаниями и играми. Это обращение признает потребность в содействии на международном, национальном, региональном и местном уровне в создании планов развития, стратегии и инвестициях, чтобы поднять уровень традиционных спортивных состязаний и игр в будущем» [цит. по: Кыласов, 2010 а, с. 226]. Председатель комиссии МОК «Спорт для всех» Вальтер Трёгер (Walther Tröger) заявил, что МОК поддерживает данное обращение, осознавая важность сохранения традиционных спортивных состязаний и игр в качестве средств терпимости, интеграции, культурного понимания, солидарности, разнообразия и мира во всем мире. Некоторое изменение прежней позиции МОК в обсуждаемой проблеме состоит и в том, что в программу Олимпийских игр начинают включаться национальные виды спорта некоторых стран, например таэквондо (Корея), дзюдо (Япония), хоккей на траве (Индия), кёрлинг (Великобритания), скелетон (Швейцария).

Однако этот процесс, как отмечает генеральный секретарь Ассоциации мультиспорта России А.В. Кыласов, имеет не только позитивные, но и существенные негативные стороны: «...пожалуй, самым главным недостатком олимпийского признания национального вида спорта является его универсализация и последующая потеря связи с культурой народа. Традиционные игры и национальные состязания существуют на протяжении всей истории человечества и являют собой продукт специфической моторики, обусловленной антропологическими особенностями того или иного народа. Способность воспроизводить движения и сохранять обычаи предков служат самоидентификации народов. Поэтому универсализация в этом случае наносит непоправимый вред самобытности нации» [Кыласов, 2010 а, с. 285–286]. А кроме того, этот процесс противоречит тенденции полного отказа от превращения национальных игр в виды спорта. «Все более явно целью развития традиционных игр и национальных состязаний становится организация аутентичных народных гуляний и праздников для поощрения активного участия всех желающих. Это вполне соответствует ритуальному характеру традиционных игр, представляющих собой обрядовую инициацию». Главным проводником этой новой «идеологии участия» выступает Международная ассоциация Спорт для всех (TAFISA), которая проводит Всемирные игры Спорт для всех под патронатом МОК и ЮНЕСКО. Первые такие Игры состоялись в



1992 г. в Бонне (Германия), затем были в 1996 г. – в Бангкоке (Таиланд), в 2000 г. – в Ганновере (Германия) и в 2008 г. – в Пусане (Южная Корея). Следующие V Всемирные игры Спорт для всех состоятся в 2012 г. в Шяуляе (Литва). Причем «Всемирные игры Спорт для всех (TAFISA), основанные на принципе мультикультурности, – антитеза универсальным олимпийским состязаниям МОК» [Кыласов, 2010 а, с. 226].

Хотя МОК пытается смягчить эту антитезу (несколько членов исполкома TAFISA входят в состав рабочей группы комиссии МОК Спорт для всех), но в полной мере это можно сделать лишь на пути существенной *коррекции всей философской концепции олимпийского движения*. Принцип мультикультурности в организации спортивных мероприятий «предлагает новую систему ценностей для понимания роли спорта и различных форм физической активности. Это продиктовано новыми потребностями общества, потому что слишком много скопилось неразрешенных проблем в олимпийском движении, от которых уже нельзя отмахнуться или попросту их не замечать. Их актуальность слишком высока. МОК сделал свое дело в пропаганде спорта: спорт стал общедоступен и понятен, чего не скажешь в отношении самого МОК. У каждого появились свои интересы в спорте, которые все чаще расходятся с пониманием спорта членами МОК». Значит, «вызовы общества, – пишет А.В. Кыласов, – направлены на модернизацию олимпизма. Как когда-то античные игры греков послужили образцом для современных Олимпийских игр, так и современные игры, безусловно, станут основой следующего поколения Олимпийских игр. И надо просто согласиться с тем, что изменение формы Олимпийских игр неизбежно, поощряя новые веяния в организации форм физической активности». ...МОК должен незамедлительно ответить на новые вызовы общества и признать нынешнюю идеологию несостоятельной, а сами Олимпийские игры в том виде, как они есть, – утратившими свою актуальность» [Кыласов, 2010 а, с. 228–229, 289]. Однако, вступая в некоторое противоречие с самим собой, А.В. Кыласов признает, что «олимпийские агонии невозможно остановить. И, увы, их не удастся реформировать, поскольку основополагающие установки либерального общества требуют продолжения Олимпийских игр именно в том виде, в каком они существуют сейчас и вполне устраивают спонсоров» [Кыласов, 2010 а, с. 296]. С этим положением, наверное, можно согласиться, если имеется в виду невозможность реформирования философии олимпийского движения *в ближайшее время*.

Помимо отмеченных выше можно привести и многие другие факты, свидетельствующие о преимущественной ориентации на прагматический (а не гуманистический) подход в олимпийском движении.

Из новой редакции Олимпийской хартии (1996) исключено важное положение гуманистической ориентации, находившееся в предыдущем варианте Хартии (1979): «Олимпийские игры были возрождены бароном де Кубертенем не только для того, чтобы участники могли бороться за медали, побивать рекорды и развлекать публику, и не для того, чтобы обеспечивать участникам трамплин в профессиональной спортивной карьере или продемонстрировать преимущество одной политической системы над другой» [цит. по: Leiper, 1980, p. 28].

Как отмечалось выше, по инициативе Кубертена в программу Олимпийских игр в Стокгольме помимо спортивных состязаний было включено «*пятиборье муз*» – конкурсы в живописи, скульптуре, архитектуре и музыке. Они должны были содействовать реализации идеи эвритмии (гармоничного развития личности) как цели олимпийского движения. Еще шесть раз на Олимпийских играх проводились эти официальные конкурсы искусства, пока в 1949 г. члены МОК не постановили заменить их на неофициальные выставки.

В течение ряда лет в рамках олимпийского движения для поощрения *высококонравленного поведения* участников Олимпийских игр существовал Токийский кубок. Он присуждался спортсмену, «чье поведение во время Олимпийских игр признавалось в качестве образца спортивного духа, независимо от исхода спортивных соревнований». Этот кубок успели получить только три спортсмена, после чего еще в 1974 г. он был отменен сессией МОК. С тех пор ничего подобного этому Кубку, подаренному МОК городом – хозяином Игр 1964 г., не вручается. В олимпийском движении отсутствуют поощрения и для тех олимпийцев, которые демонстрируют высокую эстетическую культуру, что также предлагалось, в том числе автором данной работы [см., например: Столяров, 1989 в]. Не приняты и предложения о наградах для тех лиц, связанных с олимпийским движением, которые своей деятельностью вносят существенный вклад в укрепление мира и международного взаимопонимание.

Существенный недостаток (при оценке с позиций гуманизма) официально принятого девиза олимпийского движения неоднократно отмечал автор данной работы и другие исследователи. Этот девиз ориентирует спортсменов лишь на высокие достижения. Поэтому, как указывал Д.А. Роуз, существует опасность, что сформулированная в нем цель – «быстрее, выше, сильнее» может превратить спорт «из демонстрации совершенства в зрелище, в котором победа станет единственной моральной ценностью и, следовательно, будет отсутствовать какая бы то ни было мораль» [Роуз, 1989, с. 26]. На это обращал внимание и Г. Ленк [Lenk, 1978, p. 420]. Даже бывший вице-президент МОК В. Дауме, – писал он, – признавал, что “Citi<sup>us</sup>, Alt<sup>ius</sup>, Fort<sup>ius</sup>” – «довольно опасный тезис» (Sueddeutsche Zeitung, March 27-28, 1976), если он отрывается от гуманитарных ценностей [Lenk, 1979, p. 143]. Профессор физического воспитания из Франции И. Хайнрих считает, что официальный девиз олимпийского движения может быть интерпретирован двояко: во-первых, в смысле такого равновесия в состоянии человека, которое предполагает гармонию, эвритмию и личный идеал в социальной интеграции; во-вторых, в смысле такой сверхзадачи, когда все подчинено цели добиться успеха любой ценой в любой сфере деятельности, будь то спорт, политика, социальная сфера или экономическая область [Heinrich, 1980, p. 207].

Исходя из этих соображений многие ученые и общественные деятели [Кахигал, 1983 б; Роуз, 1989; Столяров, 1984 б; Goffard, 1975; Heinilä, 1973; Lenk, 2007; Shaddad, 1980, 1995, 1997; Takacz, 1988 и др.] вносили предложение о включения духовных, нравственных, эстетических ценностей в олимпийский девиз для повышения ориентации субъектов олимпийского движения на эти ценности. Известный американский скульптор Р. Тейт Макензи еще в начале XX в. так формулировал олимпийский девиз: "Celeritas, Agilitas, Fortitudo, Aegutas" («Скорость, легкость, отвага, справедливая игра»). Согласно мнению Хосе Мария Кахигал, президента Международной ассоциации школ физического воспитания, он должен выглядеть так: «Лучше, прекраснее, человечнее!» [Кахигал, 1983 б]. Олимпийская чемпионка Е. Петушкова к словам «быстрее, выше, сильнее» считала необходимым добавить слово «красивее», а Г. Ленк – слова «эстетичнее» и «гуманистичнее». Ангел Солаков (НОК Болгарии) предлагал сделать девизом олимпийского движения девиз X Олимпийского конгресса 1973 г. в Варне «Спорт на службе мира», а д-р Камаль Шаддад из Судана на 35-й сессии МОА – девиз «Движение, игра, удовольствие и универсальность» [Shaddad, 1995, p. 2]. Венгерский философ Ф. Такач [Takacz, 1988] призывал вернуться к тому варианту олимпийского девиза, который сформулировал Кубертен: «Mens fervida in corpore lacertoso!» («В развитом теле – возвышенный дух!»), а Ж.Ф. Бриссон – к девизу Тьерри Молнье "Te ipsum vincere!" («Победи самого себя!») [Goffard, 1975]. Однако МОК отказывался и отказывается от всех предложений заменить официально принятый девиз олимпийского движения «Citi<sup>us</sup>. Alt<sup>ius</sup>. Fort<sup>ius</sup>» («Быстрее, выше, сильнее») на девиз с более выраженной гуманистической ориентацией.

Учеными и общественными деятелями были разработаны для реализации множество других проектов, программ, которые могли бы содействовать повышению гуманистического значения олимпийского движения.

Так, председатель Международного комитета честной игры Жан Боротра в своем выступлении на заседании Комитета в марте 1983 г. предложил на каждых Олимпийских играх избирать из числа их участников спортсмена или спортсменку, в наибольшей степени воплощающих олимпийский идеал, и по окончании Игр на особой церемонии вручать им специальную медаль с надписью: «Гуманизм через посредство спорта». Выдвигая это предложение, он исходил из такой трактовки целей и задач олимпийского движения, согласно которой олимпизм – это «пропаганда гуманизма через посредство спорта, спортивная деятельность, основанная на началах честной игры и связанная с культурными устремлениями, примером которой служат Олимпийские игры» [цит. по: Певцевич, 1983, с. 27].

Так, Й. Липец (Польша) в статье «Олимпийское движение в поисках идеала многосторонности» предлагал положить в основу олимпийских соревнований такую модель, которая требует от спортсменов *многосторонней подготовки* [Lipiec, 1994].

Комплексную программу гуманизации Олимпийских игр обосновал Роберт Юнгк – директор Института по вопросам футурологии в Вене. Он предложил перейти от традиционных «жестких» Олимпийских игр к непривычным, но желательным «мягким» Играм. Эти Игры предусматривают прежде всего отказ от того характерного для «жестких»



Олимпийских игр «жесткого соперничества, которое, несмотря на олимпийскую клятву, доходит так часто до вражды». Для этого необходимо создание «смешанных команд», в которых участники различных стран и рас могли бы научиться сотрудничать друг с другом. Кроме того, следует отказаться от «любого подчеркивания национальных символов»: «Олимпийские игры без национальных гимнов, без развевания флагов... на сегодняшний день это еще кажется утопией, но... было бы немаловажным экспериментом, который мог бы показать: можно и так!» Заметим, что к отказу от национальных флагов и гимнов во время проведения Олимпийских игр призывали многие другие ученые и общественные деятели. Важно также, подчеркивал Роберт Юнгк, чтобы победители могли передавать свои знания и умения побежденным, что позволило бы исключить характерное для «жестких» Игр «секретничество», так часто наблюдаемое на тренировках. Для поощрения такого поведения Р. Юнгк предлагал выдавать «премии за примерное сотрудничество», причем, награждать ими не только спортсменов, но также инструкторов, тренеров, врачей, ученых, психологов и т.д. Определенные изменения необходимо внести и в критерии оценок выступлений спортсменов. На первый план следует выдвинуть «ярко выраженное чувство человеческого Я, его самовыражение». В связи с этим при оценке выступлений спортсменов прежде всего следует учитывать их «умение владеть своим телом», а также красоту одежды спортсменов. В результате всего этого, полагал Р. Юнгк, на «мягких» Олимпийских играх «центром внимания стало бы не соперничество, а встреча отдельных людей, никогда еще не видевших друг друга. Каждые четыре года человечеству демонстрировалась бы его общность. Не медали и победы рассматривались бы как наивысшее достижение, а увеличение личных контактов, которые были бы устойчивы к политическим разногласиям и напряженности в мире и в годы между Олимпийскими играми». Тем самым Олимпийские игры, указывает он, не увеличивали бы, а уменьшали «кризисность нашей жизни» [Юнгк, 1981, с. 6–89]. Ряд конкретных и научно обоснованных программ повышения гуманистической ценности олимпийского движения предлагал автор данной книги – как член Олимпийского комитета нашей страны, а также во время лекций в Международной Олимпийской академии [см., например: Stolyarov, 1980 b, 1985 d, 1993, 1997 b, d].

Ряд важных аспектов проблемы негативной роли современного олимпийского движения в плане реализации гуманистических идеалов и ценностей затрагивается в научных публикациях Елен Джефферсон Ленски (Helen Jefferson Lenskyj) – профессора социологии в университете Торонто. В таких своих работах, как «Внутри олимпийской индустрии: власть, политика и активизм» [Lenskyj, 2000], «Лучшие Олимпийские игры за всю историю? Социальные последствия в Сиднее 2000» [Lenskyj, 2002], «Противодействие олимпийской индустрии. Бросая вызов олимпийской власти и пропаганде» [Lenskyj, 2008] и др., она подвергает критике Олимпийские игры и олимпийское движение в целом, усматривая в них «угрозу основным гражданским правам и свободам жителей городов, участвующих в конкурсе на организацию Олимпийских игр и организующих Игры, прежде всего в праве на свободную прессу и свободу собраний, а также уголовную ответственность за уровень криминальности среди нищих и проблем жилья и бездомных, которые связаны с их проведением» [Lenskyj, 2008, p. 1]. В этой критике Е. Ленски помимо прочего использует результаты анализа деятельности антиолимпийских и олимпийских правозащитных организаций в США, Канаде, Австралии и других странах, которые, как она отмечает, борются с олимпийской индустрией и направляют свои усилия в сторону смягчения негативных социальных и экологических последствий проведения Олимпийских игр [Lenskyj, 2000, главы 4, 6, 7; 2002, глава 7; 2008, глава 1].

Е. Ленски указывает на то, что «начиная с 1998 г. западный мир стал целью большой и успешной пиар-кампании под эгидой индустрии Олимпийских игр. Международный олимпийский комитет (МОК), а также организационные комитеты в Солт-Лейк-Сити, Афинах, Турине, Пекине, Ванкувере и Лондоне, а также многочисленные комитеты курсантов (на проведение Олимпийских игр) по всему миру посвятили свои усилия восстановлению образа Олимпийских игр после разрушительных скандалов со взяточничеством» [Lenskyj, 2008, p. 1]. Особенно важную роль в попытках создания позитивного взгляда на все, что связано с олимпизмом, играет использование олимпийцев в качестве образцов для подражания, а также олимпийское образование: «С 1970-х гг. становится все более очевидным влияние олимпийской индустрии на детей школьного возраста при помощи олимпийских спортсменов, выступающих в качестве образцов для подражания, и

учебных материалов с информацией об олимпийском движении и идеологией в виде "олимпийского образования"» [Lenskyj, 2008, p. 77].

Использование спортсменов высокого класса и особенно олимпийцев в качестве «образца для подражания» широко пропагандируется не только в выступлениях руководящих деятелей олимпийского движения и в средствах массовой информации, но и в научных публикациях. Так, по мнению Г. Рен, «превалирующая социальная система ценностей, ориентированная на материальные блага, сделала неизбежной манипуляцию спортсменами. Они занимают относительно низкое положение на Олимпийских играх, хотя могут служить блестящим социальным образцом» [Ren, 1997, p. 92, 97]. Однако Е. Ленски считает, что «олимпийские или международные спортивные успехи не являются достаточными, чтобы спортсмены стали достойными примерами для подражания», если учитывать многочисленные факты применения этими спортсменами допинга, позирования олимпийских спортсменов обнаженными для календарей и т.д. Причем «спортсмены, которые ведут себя плохо, сейчас выявляются по крайней мере так же часто, как и образцовые спортсмены». Тем самым средства массовой информации «бросают вызов мифу о чистом олимпийском спортсмене и чистом олимпийском спорте» [Lenskyj, 2008, p. 93]. Е. Ленски ссылается на статью Джилл Лайнс [Lines, 2001], автор которой на основе проведенного исследования делает вывод о том, что «современные мужчины-знаменитости в спорте Великобритании стали "порочными или падшими героями" с учетом их пьяных подвигов, злоупотребления наркотиками, нападений на девушку/жену и внебрачными связями». Ее анализ сообщений о спортивных звездах в печатных СМИ Великобритании показывает, что спортсмены-мужчины здесь часто изображаются «не только как герои, отражающие желательные мужские характеристики, но и как "злодеи" и "дураки"» [Lenskyj, 2008, p. 93].

Е. Ленски указывает и на то, что реклама в СМИ чернокожих спортсменов высокого класса «способствовала продвижению расистских стереотипов». Имеется в виду, например, демонстрация их как агрессивных, тем более что некоторые спортсмены-баскетболисты особенно выпязительно культивировали «конфронтационный стиль» как неотъемлемую часть своей личности [Majors, 1990; Ogden, Hilt, 2003]. С другой стороны, отмечает Е. Ленски, пропаганда высокого социального статуса успешных чернокожих спортсменов поддерживает миф о спорте как о «великом уравниателе». Спорт представляется «в качестве средства социальной мобильности для молодых мужчин и женщин, черных и малообеспеченных людей. На самом деле вероятность того, что любой молодой человек, даже тот, кто атлетически одарен, сможет сделать карьеру профессионального спортсмена, и шанс, что он достигнет такого же уровня финансового вознаграждения, крайне низок». Например, в рамках мужского населения США профессиональных спортсменов с высокими доходами меньше чем 0.01%, игроков НБА и Национальной футбольной лиги (NFL) насчитывают меньше 2000» [Lenskyj, 2008, p. 87]. Поэтому, пишет Е. Ленски, «спортсмены, которых задействуют в "просветительской деятельности" олимпийской индустрии в качестве образца для подражания, рискуют закрепить сексизм, расизм и другие дискриминационные системы». Да и вообще, по ее мнению, «более эффективный пример для подражания можно найти среди "обычных" мужчин и женщин, имеющих постоянные отношения с детьми и молодежью, включая членов семьи, учителей и тренеров. Их повседневные задачи и триумфы более значимы, более реалистичны и более доступны для молодых людей» [Lenskyj, 2008, p. 2, 77]. Е. Ленски отмечает и тот факт, что «очень немногие олимпийцы, кто берет на себя функции подражания, присоединяются публично к прогрессивным социальным движениям, таким как борьба за гражданские права, феминизм, или, в случае паралимпийцев, к движению за права инвалидов» [Lenskyj, 2008, p. 88].

Близкой в обсуждаемом вопросе является позиция философа спорта Рандольфа Физелла (Randolph Feezell). Выступая против отождествления спортивных знаменитостей и образца для подражания, он проводит различие между понятием «образец для подражания» – человек, поведение которого в определенном контексте (спорт) достойно подражания, и понятием «моральный образец» – человек, который выступает как «этический шаблон» для подражания, «показывает нам, как ориентироваться на пути по жизни в самых различных ситуациях» [Feezell, 2005, p. 21]. И в этом плане, замечает Р. Физелл, «всегда существует вероятность того, что известный спортсмен, которого вы пригласили в местную школу в целях пропаганды ценностей образования, может появиться в вечерних но-

востях после того, как его арестовали» [Feezell, 2005, p. 27]. В связи с этим он, как и Е. Ленски, считает, что спортсмены не должны выступать в качестве моральных или этических образцов для подражания. «Если мы хотим, — пишет он, — чтобы студенты в зоне риска серьезно относились к образованию, лучше представить им в качестве образца студентов-физиков, чем ребят с большими шеями или высоких девушек, которые недавно выиграли чемпионат» [Feezell, 2005, p. 34]. Р. Физелл считает, что спортсмены должны рассматриваться просто в качестве субъектов спорта — особого «иллюзорного мира», в котором они выступают как «вымышленные персонажи в драме» и за пределами которого их жизнь уже не является образцом [Feezell, 2005, p. 31].

Как отмечает Е. Ленски, такой подход предполагает, что зрители будут наблюдать «за спортом как за театральным представлением и смотреть на человека на поле и на человека, который уходит с поля, как на два отдельных индивида». Но применительно к спорту это вряд ли возможно в отличие от театра. Зрители, наблюдающие за спектаклем в драматическом театре признают игрой то, что происходит на сцене, и вовсе не предполагают, что актер, который играет злодея, обязательно является злодеем. Но применительно к спорту ситуация иная. Возьмем для примера, поясняет Е. Ленски, баскетболиста Кобе Брайанта (Kobe Bryant), которого обвиняют в сексуальном домогательстве. Представим, что родители хотели бы использовать данную ситуацию «как учебный момент, объяснив детям, что восхищения заслуживает только баскетбольная способность Брайанта. Представляется маловероятным, что маленькие дети могут понять эти нюансы» [Lenskyj, 2008, p. 86].

Е. Ленски негативно оценивает и олимпийское образование: «Программы олимпийского образования и олимпийской информационно-пропагандистской деятельности в бесчисленных школах призваны содействовать в значительной степени некритическому воззрению на олимпийский спорт и индустрию Олимпийских игр. Эти программы очень популярны в странах, которые активно лоббируют проведение Олимпийских игр. В городах, которые будут принимать Игры через семь лет, есть более десятка национальных олимпийских комитетов, участвующих в топгах и в полготовке. Их деятельность обычно включают просветительские кампании, ориентированные на детей и молодежь» [Lenskyj, 2008, p. 78].

Учитывая отмеченное выше, Е. Ленски выступает против «некритического использования хорошо звучащих терминов», таких как «олимпийская семья» и «олимпийских дух», «которые способствуют загадочности и элитарности и в то же время скрывают власть и мотивы выгоды, которые лежат в основе предприятий, связанных с Играми» [Lenskyj, 2008, p. 1–2].

Проблема гуманистической ценности современного олимпийского движения имеет и еще один аспект, который редко затрагивается в научных публикациях: содействует ли это движение и в какой мере реализации *гуманистически ориентированной социальной политики по отношению к лицам с ограниченными возможностями (инвалидам)*.

В основе концепции такой социальной политики лежит признание самоценности личности человека с ограниченными возможностями и приоритет интересов личности над интересами общества. Ограниченные возможности не рассматриваются как существенный недостаток человека, создающий проблемы по вине самого этого человека. Исходя из этого, согласно данной концепции, усилия общества должны быть направлены на изменение не только людей с ограниченными возможностями, но и тех негативных социальных условий, которые создают проблемы для этих людей, на устранение негативных установок по отношению к ним, рутинных правил и т.д. Необходимо помочь им бороться с недугами и предоставить равные возможности полноценного участия во всех сферах жизни и видах социальной активности, создать такие условия, при которых качество их жизни не отличается от такового остальной части населения, они могут активно участвовать в общественной жизни, заниматься любимым делом, проявлять себя в личностном плане, получать эмоциональный заряд [Губарева, 2000; Евсеев, 2011; Евсеев, Шапкова, 2000].

В этом плане олимпийское движение, призванное всемерно содействовать развитию спорта, решению на основе этого важных социокультурных и педагогических задач, может вносить существенный вклад и в реализацию гуманистически ориентированной социальной политики по отношению к инвалидам.

Если обратиться к истории спорта, в том числе к истории античных Олимпийских игр, то обнаруживается, что первоначально вовсе не предусматривалось участие инвали-

дов в каких-либо спортивных мероприятиях и тем более в Олимпийских играх. Первоначальная цель этих Игр состояла в том, чтобы содействовать развитию мужчин, «прекрасно развитых телом и разумом, лишенных малейшего дефекта». Было даже придумано специальное слово для тех, кто не был способен соответствовать этим высоким стандартам, – “*ageometritos*” или «непропорциональный». Культурные ценности общества того времени рассматривали любого человека с физической или умственной неполноценностью как «*ageometritos*» – плохих и не достойных в отличие от тех, кто достиг “*geometritos*”, которые оценивались как достойные и похвальные [Yalouris, 1999, p. 3].

В современном обществе понятие «инвалидности» также нередко связывается с отступлением от того, что признается за определенную «норму» и потому рассматривается как «правильное», «желаемое» состояние человека. Как отмечает Л. Дэвис, «мы живем в мире норм». Все, что мы делаем, сравнивается с понятием «среднего человека», будь то интеллект, рост, вес или сексуальные устремления, и, по-видимому, в современной жизни нет одной области, в которой не учитывалась бы идея нормальности, нормы, среднего [см.: Davis, 1997]. П. Эбберли и Дж. Моррис также указывают на то, что во многих научных дисциплинах – от медицинской социологии до социальной психологии – до сих пор превалирует представление о том, что инвалиды до некоторой степени являются «ненормальными», что их инвалидность связана с отклонением от определенной «стандартной нормы» [Abberley, 1993; Morris, 1991, 1993].

Дж. Моррис, подвергая критике такой подход к пониманию инвалидности, пишет, что каждый человек находится под влиянием ценностей общества, в котором он живет, и что общество не только ценит физические способности, физическое совершенство и физическую подготовленность, но также обесценивает и дискриминирует тех, кто не соответствует физическим нормам. По ее мнению, такое ошибочное мнение присутствует и в головах людей с ограниченными возможностями, особенно тех, кто становится инвалидом во взрослой жизни [Morris, 1991, 1993].

Какова позиция в этом плане современного олимпийского движения?

В первые годы своего развития это движение, будучи тесно связано своими «корнями» с древнегреческой культурой, «несмотря на все его декларации о доступности для всех, фактически частично моделировало спортивный идеал этой культуры, в которой инвалиды подвержены дискриминации» [Brittain, 2001, p. 184]. В последующие годы олимпийское движение сделало ряд шагов, направленных на устранение такой дискриминации. В первую очередь речь идет о возникновении и регулярном проведении как летних, так и зимних Олимпийских игр (Паралимпийских игр и Специальной олимпиады) для этих лиц. Они обеспечили условия для участия в спортивной деятельности и в олимпийском движении для тысяч лиц с ограниченными возможностями, у которых ранее не было такой возможности. Как отмечает Г. Коннолли, «Специальные олимпийские игры призывают мир отказаться от воззрений ограниченности, предрассудков и неправильных восприятий об умственно отсталых людях и принять идею о том, что они могут быть уважаемыми, ценными и действенными членами общества» [Connolly, 1999, p. 134]. Тем самым, бесспорно, существенно повысилась роль и значение олимпийского движения для реализации гуманистически ориентированной социальной политики в отношении лиц с ограниченными возможностями.

Вместе с тем ряд факторов снижают эту его значимость.

В первую очередь следует отметить тот факт, что в рамках олимпийского движения предусматривается участие лиц с ограниченными возможностями *не наравне со всеми* в Олимпийских играх, а *отдельно* – в Паралимпийских играх и Специальной олимпиаде.

Такой подход характерен в основном не только для олимпийского, но и для спортивного движения в целом. В целях обеспечения сравнимости результатов участники спортивных соревнований, как правило, разделяются на группы в зависимости от их возраста, пола, уровня результатов, физического и психического состояния и т.д. При таком подходе люди с нарушениями в двигательной или интеллектуальной функциях, даже если они и включаются в спорт, выделяются в особую, самостоятельную, обособленную от других группу спортсменов-инвалидов. Они соревнуются отдельно от других, что подчеркивает их «ущербность» и содействует их социальному отчуждению. Разделение, обособление происходит и в рамках самой этой группы (например, лица, имеющие нарушения в опорно-двигательном аппарате, выделяются в одну группу, а те, кто имеет ограничения в зрении или в слухе, – в другую). Такой подход *противоречит* рассмотренным выше

принципам гуманистически ориентированной социальной политики в отношении лиц с ограниченными возможностями, так как предусматривает *изоляция* этих лиц от других, сужает сферу их социальных контактов, как бы подчеркивает их «ущербность», а значит, препятствует решению проблемы их социальной интеграции [Губарева, 2000, 2001; Губарева, Столяров, 1997 а, б; Brittain, 2001; Carmichael, 1984; Orelove, Wehman, Wood, 1982].

При этом, как подчеркивает Г. Конноли, до сих пор Специальные олимпийские игры, «находясь в климате все увеличивающихся споров среди бизнесменов, бюрократов, магнатов СМИ, агентов и выдающихся спортивных кумиров за больший кусок спортивного пирога», воспринимаются как «аномальность» среди других международных, спортивных организаций [Connolly, 1999, p. 134].

На одну из причин этого указывает К. Маккэн: преобладающий подход к оценке выступлений спортсменов приводит к тому, что выступления лиц с ограниченными возможностями рассматриваются как менее зрелищные и менее ценные для общественности, хотя инвалид может выступить просто превосходно – с учетом его индивидуальных возможностей, и его результат может даже превосходить результаты некоторых других «обычных» спортсменов [см.: McCann, 1996]. Все это содействует мифу о «неполноценности» атлетов с ограниченными возможностями [Огг, 1979]. Поэтому, указывает И. Бриттэйн, хотя «атлеты с ограниченными возможностями за короткий срок в 40 лет со времени зарождения того, что теперь называется Паралимпийскими играми, значительно продвинулись вперед в отношении спортивных выступлений и в некоторой степени их общественного восприятия», «однако предстоит еще долгий путь до того, как социальное сознание и восприятие действительно примут атлетов с ограниченными возможностями как выдающихся спортсменов» [Brittain, 2001, p. 185].

В последние годы указанное противоречие начинает осознаваться, и в олимпийском движении предпринимаются определенные шаги по его разрешению. Один из них – организация выступлений инвалидов-колясочников в качестве показательных номеров во время Олимпийских игр. Как отмечает К. Депау, сам отбор именно этих инвалидов для данных выступлений «основан на общественном восприятии атлетизма и физических возможностей». Она подчеркивает, что эти выступления и тела этих атлетов можно рассматривать как атлетические (спортивные) на основе относительно незначительного изменения восприятия тела спортсмена: инвалидная коляска может «использоваться для компенсации или отсутствия функций нижней части тела», а верхняя часть тела выглядит как и у других атлетов [DePauw, 1997].

Однако основной путь разрешения указанного противоречия – поиск таких форм (моделей) организации спортивной деятельности, которые позволяют людям с ограниченными возможностями соревноваться на равных с теми, кто не имеет таких ограничений. В разных странах ведется поиск таких форм (моделей) [Спорт, духовные ценности... 1998 ж]. В нашей стране эта идея реализуется на Спартианских играх, которые проводятся с 1990 г. [Губарева, 2000, 2001; Губарева, Столяров, 1997 а, б; Столяров, 1998 н].

Определенные шаги в аналогичном направлении предпринимаются и в рамках олимпийского движения. Особенно важное значение в этом плане имеет программа «Объединенный спорт», которая создана Международной организацией Специальная олимпиада в 1989 г. в целях расширения возможностей спортсменов, стремящихся выйти на новый уровень спортивной подготовки и активно участвовать в жизни общества. Эта программа предусматривает совместное участие в командных тренировках и соревнованиях примерно равного количества спортсменов с отклонениями в умственном развитии и спортсменов без отклонений в умственном развитии (партнеров). Все члены команды (спортсмены Специальной олимпиады и партнеры) должны быть примерно одинакового возраста и уровня способностей. Все спортсмены программы должны обладать соответствующим уровнем способностей для участия в данном виде спорта. Эта программа «содействует включению людей с отклонениями в умственном развитии в жизнь общества посредством уничтожения барьеров, которые исторически отделяли людей с отклонениями в умственном развитии от других членов общества. В то же время программа Объединенный спорт содействует реализации общей миссии Специал Олимпикс посредством предоставления возможностей для участия в Специал Олимпикс людям, которые в настоящее время не участвуют в деятельности движения» [Евсеев, 2011; Официальные спортивные правила... 2005, с. 34–35; Официальные Специальные... 2000–2003, с. 18–19].

Но все же при этом на Специальной олимпиаде (в отличие от Спартианских игр) лицам с ограниченными возможностями не предоставляется возможность *соревноваться* на равных с другими лицами, что в определенной степени вновь подчеркивает их «ущербность», а значит, препятствует решению для них проблемы социальной интеграции

В связи с отмеченным выше возникает более широкая проблема взаимоотношения паралимпийского движения и движения «Спешиал олимпикс» с олимпийским движением.

Эта проблема обсуждалась на 40-й сессии молодых участников Международной олимпийской академии в 2000 г. [IOA... 2001]. Предметом дискуссии прежде всего был вопрос о том, «имеет ли олимпийское движение фундаментальные ценности, совместимые с моральными принципами и ценностями Специальных Олимпийских игр». По результатам дискуссии отмечено, что на Специальных Олимпийских играх в отличие от Олимпийских игр основное значение придается участию лиц с ограниченными возможностями в этих Играх, а не результату. Здесь возможно присуждение нескольких золотых медалей в одном виде спорта в отличие от одной на Олимпийских играх. Но главное состоит в том, что и олимпийское движение, и Специальные олимпийские игры ориентированы на такие общие фундаментальные принципы и ценности, как «равные возможности», «честная игра», «единение», «мастерство», «спорт для всех» [Consolidated... 2001].

Второй вопрос, который обсуждался в ходе дискуссии, – о совместимости паралимпийского движения с олимпийским движением. Все участники дискуссии пришли к выводу, что идеалы паралимпийского и олимпийского движений адекватны друг с другом. Оба движения разделяют олимпийские идеалы, включая «олимпийский дух», радость усилия, ощущение постоянной борьбы, чтобы преодолеть негативную ситуацию, взрыв радости лучших атлетов, честная игра, спорт для всех и т.п. [Consolidated... 2001].

Но указанная проблема имеет еще один аспект. Бесспорно, что должны предприниматься определенные совместные акции паралимпийского движения, равно как и движения «Спешиал Олимпикс», с олимпийским движением: создание фондов, научные исследования, работа тренеров, организация соревнований, взаимоотношения со СМИ, медицинское обслуживание и т.д. Но возможна ли и оправдана ли *интеграция этих движений в единое движение?* Или другими словами: *должны ли спортсмены с ограниченными возможностями выступать на Олимпийских играх, или же они должны быть участниками отдельных Игр – Паралимпийских или Специальной олимпиады?*

Эти вопросы являются более сложными, и в ходе дискуссий по ним высказываются различные точки зрения. Они специально обсуждались, например, в докладе председателя Британской ассоциации паралимпийского движения Б. Прайса «Совместимость паралимпийского движения с олимпийским движением» на 38-й сессии МОА в 1998 г. [Price, 1999]. Саму проблему он сформулировал следующим образом: очевидно фундаментальное единство паралимпийского и олимпийского движений, но «почему все же до сих пор существуют два движения, и почему вместо совместимости мы говорим о совместных действиях?» [Price, 1999, p. 144].

По мнению докладчика, продолжающийся раздел этих «братских» спортивных движений объясняется не спортивной наукой или техникой спорта, а категориями истории, логики, культуры и финансов.

В *историческом* плане он ссылается на то, что в период зарождения современных Олимпийских игр даже основателю современного олимпийского движения Пьеру де Кубертену не приходила в голову мысль о том, что люди с серьезными физическими, сенсорными или интеллектуальными нарушениями захотят, смогут и должны принять участие в Олимпийских играх, как другие атлеты.

В плане *логики* значение имеет число участников. В 1960 г. было больше чем 5 000 участников на римских Олимпийских играх и еще 400 – в тех Играх, которые теперь называются Паралимпийскими. К 1996 г. в Атланте количество участников возросло до 10 000 на Олимпийских играх и приблизительно до 4000 на Паралимпийских. Поэтому также сочетание Олимпийских и Паралимпийских игр в единое соревнование, несмотря на неоспоримую философскую привлекательность, может показаться неразумным.

С точки зрения существующих *культурных* ценностей и традиций до сих пор, несмотря на высокие идеологические высказывания и веские законодательные постановления, опыт многих людей с ограниченными возможностями говорит о том, что нет ни равенства возможностей, ни равного доступа к работе, к проведению досуга и к Олимпийским играм. К сожалению, для многих людей инвалидность все еще означает невозмож-

ность добиться высоких результатов как в спорте, так и в других областях, что является несовместимым с понятиями атлетизма. Другими словами, продолжают существовать сомнения (часто не предаваемые огласке) в том, что участники Паралимпийских игр, несмотря на свои большие достижения, все еще являются «второсортными гражданами» и не достойны истинного олимпийского статуса.

Существуют и определенные *финансовые* соображения, препятствующие указанной интеграции. Проведение Олимпийских и Паралимпийских игр само по себе невероятно дорого, стоит миллионы фунтов (или долларов, или марок, или любой другой валюты), а их совместное проведение потребует еще больших финансовых затрат. Хотя и существуют аргументы, которые предполагают, что совмещение ресурсов экономически благоразумно, любая перспектива более тесного сотрудничества (интеграции) срывается подозрениями, что это не только не поможет олимпийскому движению, но и уменьшит ограниченные ресурсы и является ненужным отвлечением как для тех, кто собирает фонды, так и для тех, кто делает политику.

Наконец, *личностные* соображения. Важной причиной, по которой сегодня в мире существуют два отдельных движения – олимпийское и паралимпийское, является то, что оба движения имеют сильных лидеров. Интеграция этих двух движений (как бы разумно это ни казалось) означала бы (для одной или другой стороны) потерю «империи». Как отметил Б. Прайс, «только время покажет, обретут ли лидеры этих двух движений мудрость, храбрость и, что еще более важно, альтруизм, чтобы произвести необходимые действия для интеграции двух движений» [Price, 1999, p. 145, 146]. Он сообщил также, что в 1993 г. выступил с докладом по проблеме соотношения олимпийского и паралимпийского движений на международной конференции по спорту высших достижений для атлетов инвалидов. В этом докладе участникам конференции было предложено три возможных варианта взаимоотношения паралимпийского и олимпийского движений: 1) *отдельное существование* (имеется в виду, что паралимпийское движение должно быть полностью отделено от олимпийского движения), 2) *сотрудничество* (паралимпийское движение существует отдельно, но близко связано с олимпийским движением) или, наконец, 3) *интеграция* (паралимпийское движение полностью интегрировано в олимпийское движение). Большинство участников конференции высказалось в поддержку второго варианта.

Итоговая позиция Б. Прайса по данной проблеме выражена в следующих основных положениях, касающихся Игр и движений. 1. *Относительно Игр*. Всегда будет существовать потребность в отдельных Олимпийских и Паралимпийских играх. Однако это никогда не должно использоваться как оправдание, чтобы исключить спортсменов с ограниченными возможностями, которые добились участия в Олимпийских играх в соревнованиях со спортсменами не-инвалидами). 2. *Относительно движений*. Сохранение отдельных Игр не обязательно востребует сохранения отдельных движений. Существование двух движений сегодня неоспоримо, но в большей степени исторически, чем идеологически [Price, 1999, p. 148].

Проблема взаимоотношении паралимпийского движения и движения «Специал Олимпикс» с олимпийским движением была предметом обсуждения и на указанной выше 40-й сессии молодых участников Международной олимпийской академии в 2000 г. При обсуждении вопроса о том, должны ли атлеты с ограниченными возможностями быть включены в Олимпийские игры (модель интеграции), часть участников дискуссии предложила следующие основания для положительного ответа на этот вопрос: это привлекло бы большее внимание к Паралимпийским играм, атлетам и достижениям на Играх, а также позволило бы всем атлетам испытать истинный олимпийский дух и содействовало бы их воспитанию.

Было предложено два варианта интеграции: 1) интеграция атлетов с ограниченными возможностями в Олимпийские игры; 2) включение Паралимпийских соревнований в Олимпийские игры.

Против модели интеграции были выдвинуты следующие аргументы:

- Олимпийские игры являются слишком большими, и МОК теперь стремится сократить число видов спорта и количество участников;
- введение Паралимпийских игр ограничит число стран, которые могли бы принять Игры;
- интеграция невозможна по причинам логики;

- атлеты с ограниченными возможностями могут не пожелать участвовать в соревнованиях на Олимпийских играх.

Вместе с тем подчеркивалось, что если атлеты-паралимпийцы соответствуют квалификационным нормам Олимпийских игр, они должны иметь право принимать в них участие и рассматриваться как равные [Consolidated... 2001, p. 227–228].

Все участники дискуссии указали на необходимость дальнейшего сплочения и гармонии между МОК и паралимпийским движением. По их мнению, это может быть достигнуто, если:

- атлеты с ограниченными возможностями будут представлены на церемониях открытия и закрытия Олимпийских игр, в командах своих стран. Кроме того, атлеты Олимпийских игр должны быть представлены на церемониях открытия и закрытия Паралимпийских игр;

- атлеты-паралимпийцы должны иметь возможность быть представленными, равно как и олимпийские атлеты, на всех культурных мероприятиях Олимпийских игр, а информация о Паралимпийских играх должна быть включена в образовательные программы МОК;

- интеграция облегчается присуждением всем атлетам на обеих Играх одинаковых медалей;

- МОА обеспечивает доступ для всех лиц с ограниченными возможностями, а НОА и НОКи должны обеспечить их представительство на всех сессиях;

- в МОК должны быть представлены лица с ограниченными возможностями;

- там же должна быть создана комиссия по лицам с ограниченными возможностями [Consolidated... 2001, p. 227–228].

В принципе можно согласиться с такой позицией по обсуждаемой проблеме. Однако желательно дополнить ее следующими положениями:

1. Гуманистически ориентированной политике по отношению к лицам с ограниченными возможностями в наибольшей степени отвечает *интеграция* паралимпийского движения и движения «Специал Олимпикс» с олимпийским движением, а также участие лиц с ограниченными возможностями в Олимпийских играх *вместе* с другими спортсменами.

2. В полной мере это будет соответствовать гуманистическим принципам в том случае, если будут созданы *условия* для того, чтобы эти лица могли не только участвовать, но главное – *на равных соперничать* со всеми другими спортсменами.

3. Но для этого должен быть *существенно изменен сам способ организации соперничества на Играх*, т.е. внесены принципиальные изменения в принципы формирования их программы и системы определения победителей (один из вариантов – способ, используемый на Спартианских играх), так как указанные условия не могут быть в полной мере созданы на основе того способа, который сейчас в них используется [Столяров, 1993 д].

Следует указать и еще на одну проблему реализации в олимпийском движении гуманистически ориентированной политики в отношении лиц с ограниченными возможностями, – *уровень спортивной активности* последних. Хотя, как отмечено выше, во всем мире, в том числе в нашей стране, предпринимаются активные усилия, направленные на развитие адаптивного спорта, остается низким не только уровень участия лиц с ограниченными возможностями в Паралимпийских играх и Специальной олимпиаде, но и их спортивной активности вообще.

В научных публикациях [см., например: Башкирова, 1999; Евсеев, Шапкова, 2000] указывается ряд причин этого. К числу важнейших относят все еще бытующее в обществе отношение к спорту инвалидов. Американский социолог спорта М. Эллисон отмечает, в частности, что хотя среди педагогов и инструкторов по физической культуре и спорту, а также среди людей, планирующих досуг, широко распространено мнение о том, будто участие в спорте и различных формах физической активности формирует здоровье и счастье человека, тем не менее большинство программ развития спорта, которые разрабатываются и реализуются на практике, ориентированы лишь на «спорт для избранных». Эти программы исключают из этой важной для каждого человека сферы так называемые маргинальные группы, к числу которых относятся бедные, бездомные, инвалиды, группы людей с отклонениями от нормы, представители национального меньшинства в различных странах мира и т.д. [Allison, 1991]. В нашей стране долгие годы бытовало мнение, будто понятия «инвалид», «физическая активность» и тем более «спорт» несовместимы. Даже физкультурная активность рекомендовалась только отдельным инвалидам как кратковре-



менное мероприятие, дополняющее физиотерапевтические и медикаментозные мероприятия. Низкую спортивную активность лиц с ограниченными возможностями, безусловно, определяет и слабая привлекательность для них той модели организации спорта, которая им чаще всего предлагается, поскольку она создает для них достаточно много серьезных проблем [Губарева, 2000; Губарева, Столяров, 1997]. А кроме того, «по мере того как спорт людей с ограниченными возможностями становился все более коммерциализированным, новые формы тренировки и оборудования» сделали спорт недоступным для многих людей с ограниченными возможностями. «Бурное развитие современного оборудования со всеми вовлеченными в эту область затратами, такие как дизайнерские кресла и протезы, представляют собой главные барьеры в международном спорте инвалидов» [Novak, 2008, p. 47, 49].

Ряд существенных проблем гуманистической ориентации современного олимпийского движения касается его организационной структуры, взаимоотношений МОК с другими спортивными организациями и т.д. [подробнее см.: Миллер, 2008].

Следует отметить, что в связи с ослаблением ориентации олимпийского движения на реализацию в спорте и посредством спорта гуманистических ценностей эта работа стала проводиться *вне* рамок олимпийского движения. Для ее проведения создавались и создаются специальные общественные организации. Так, уже отмечалось, что во многих странах были созданы различные объединения спортсменов, которые активно участвовали в борьбе за мир. Большую работу по реализации гуманистических культурных ценностей в рамках «массового спорта» проводит Международная ассоциация Спорт для всех (TAFISA). Широкую пропаганду нравственных ценностей спорта, принципов Фэйр Плэй ведет Международный комитет честной игры (основан в 1964 г. Международной ассоциацией спортивной прессы и Международным советом физического воспитания и спорта – СИЕПС при поддержке ЮНЕСКО). Акции против распространения насилия в спорте организуют Международная ассоциация борьбы за спорт без насилия (создана в 1972 г.) и созданный в 1977 г. Международный фонд борьбы с насилием в спорте. Совместно с Международным комитетом честной игры эти организации создали совместный консультативный орган под названием «Международное содружество борьбы с насилием в спорте и пропаганды честной игры». Активную благотворительную деятельность ведет международная организация «Бегуны мира за мир без голода», объединяющая более 10 тыс. человек из 15 стран мира, а также английская организация «Помощь через спорт». Определенную гуманистическую деятельность, связанную со спортом, проводят такие правительственные и неправительственные организации, как ЮНЕСКО, СИЕПС, Европейская спортивная конференция и другие международные и национальные организации и объединения. В ряде стран созданы организации, которые в противовес соревновательному спорту, ориентированному на жесткую конкуренцию и соперничество, развивают «новые игры», «спорт в духе сотрудничества» [The New Games... 1976 и др.]. В России с 1991 г. развивается спартианское движение как новое гуманистическое движение, ориентированное на реализацию гуманистического идеала гармонично и универсально развитой личности посредством интеграции «одухотворенного» спорта с искусством, а также объединения соревновательных игр с несоревновательными [Спартианское движение... 2005; Столяров, 2001 в, 2002 в и др. ].

Обратим внимание еще на одну проблему, с которой сталкивается современное олимпийское движение, – снижение интереса к Олимпийским играм. На это обращает внимание Д. Миллер и в подтверждение приводит мнение ряда специалистов по данному вопросу. Один из них – специалист по молодежному маркетингу из Америки Ирма Зандл утверждает: «Олимпийские игры утратили свою привлекательность. Молодежь уже не обсуждает их с пеной у рта. Большинство американцев, особенно молодых, Играми не интересуются. Для них это „не круто“». Другой – президент НОК Австралии Джон Коутс в интервью мельбурнской ежедневной газете «Эйдж» заявил: «В наши дни молодежь не проявляет интереса ко многим видам спорта, а статистика показывает: олимпийская телевизионная аудитория стареет». Как отмечает Д. Миллер, данные, которые привел Джон Коутс, свидетельствуют о том, что «у американских детей на первом месте интернет, на втором – телевизор». В ответ на это новый президент МОК «Рогге, – замечает Д. Миллер, – уже давно вынашивает идею проведения юношеских Игр раз в четыре года в противовес тому, что он называет “экранной тиранией”» [Миллер, 2008, с. 16].

Однако вряд ли МОК удастся решить эту проблему на основе той *традиционной* системы видов спорта, на которой базируются Олимпийские игры и другие олимпийские соревнования, в том числе юношеские Игры. Дело в том, что в настоящее время все ускоряется процесс полного *обновления* этой системы, ее «омоложения», как называет данный процесс Кристиан Посьелло. Традиционная система, отмечает он, «знала два типа спортивных занятий: «жесткие» коллективные игры (регби, футбол и проч.) и стандартизированные атлетические состязания». В центре новой системы – «разнообразные спортивные приключения и те виды спорта, которыми следует заниматься на природе, демонстрируя головокружительное акробатическое мастерство и переживая максимум острых ощущений (серфинг, кайтсерфинг, затыжные прыжки с парашютом, маунтинбайк, экстремальные лыжи и проч.)». Кристиан Посьелло называет эти виды спорта «выплеском эмоций», «деятельностью, в которой доминирует “массмедийная”, “кибернетическая” и “катастрофическая” составляющая», и противопоставляет их традиционным видам спорта, где доминирует составляющая «энергетическая» [Посьелло, 2006, с. 62–63]. Не учитывая все это, невозможно добиться успеха в модернизации современного олимпийского движения.

Вся совокупность изложенных выше фактов свидетельствует об *определенной непоследовательности* современного олимпийского движения в практической реализации гуманистических ценностей в сфере спорта, а также о наличии *противоречия* между провозглашаемыми гуманистическими идеалами олимпизма и реальной практикой олимпийского спорта, особенно курсом на коммерциализацию и профессионализацию.

На это противоречие указывает не только автор данной книги, но и многие другие исследователи и общественные деятели [Виноградов, 1998, 1999; Исаев, 1996, 1999, 2002; Кыласов, 2010 а, б; Посьелло, 2006; Столяров, 1990 в, 1998 б, 2000 д; Тарпищев, 2002 а; Франке, 2006; Hoberman, 1986; Olympische Spiele... 1996; Parry, 1989; Volkwein-Caplan, 2004 б и др.]. Так, например, член МОК Н. Ниссиотис, оценивая ситуацию в современном олимпийском движении, неоднократно указывал на то, что «состязательные аспекты Олимпийских игр доминируют над благородным и глубоким смыслом олимпийского движения», отмечал наличие «пропасти между принципами олимпизма как глубокой философии жизни, основанной на идеалах, и реалиями современного спорта» [Nissiotis, 1979, р. 178; 1985 а, р. 57]. По мнению Ф. Ландри, «мы не можем сказать, что олимпийское движение в его современном состоянии развития во всех отношениях является моделью «баланса», «простоты», «относительного равенства», короче говоря, «подлинно эвритмического целого», движением, которое содействует «спокойствию, практике философии, улучшению здоровья, наслаждению красотой», о чем мечтал Кубертен применительно к современной цивилизации» [Landry, 1989, р. 50]. На наличие противоречия между олимпийским идеалом и реалиями олимпийского спорта неоднократно указывал финский социолог П. Сеппянен [Seppänen, 1984 а, б]. По его мнению, «в целом олимпизм и олимпийская система представляют яркий образец противоречия между социальными мечтами и социальной реальностью на межкультурном и межнациональном уровне. Олимпийское движение символизирует борьбу между человеческими идеалами и реальностью, в которой он живет» [Seppänen, 1984 б, р. 22 ].

Диана Биндер, член НОК Канады, автор ряда методических пособий по формированию у детей и молодежи поведения, адекватного принципам Фэйр Плэй, в своем докладе в МОА в 1993 г. на 1-й сессии лиц, ответственных за физическое воспитание студентов высших учебных заведений, сравнивает олимпийский идеал и реальность [Binder, 1993]. При характеристике олимпийского идеала она использует «Справочник Международной олимпийской академии (International Olympic Academy Handbook). Относительно исходного пункта этого идеала в Справочнике написано: «Философы Древней Греции верили, что мужчины и женщины должны обладать не только такими атрибутами, как физическая красота, сила и здоровье; лишь в соединении с моральными и духовными качествами, развитыми посредством упражнений и состязаний, они могут создать *совершенного человека, гармонично развитое* существо во всех его элементах и действиях». К реализации этого олимпийского идеала, отмечается в справочнике, стремился и Кубертен: «Кубертен, находивший вдохновение в древних Олимпийских играх и принципах воспитания греков, был уверен, что та же философия, которая создала греческую культуру, поможет и современному обществу, если возродить Игры, существовавшие около 1200 лет... Кубертену удалось возродить Олимпийские игры в международном масштабе, поскольку он хотел привлечь внимание во всем мире к тому факту, что национальная программа, включающая

физическое воспитание и спорт, не только улучшает здоровье и силу молодежи, но также – что более важно – делает их лучшими гражданами, более честными и умелыми, более оптимистичными и сильными личностями. Путем создания олимпийского движения Кубертен хотел содействовать развитию социальных, педагогических и моральных ценностей, основанных на спорте».

Затем Д. Биндер, опираясь на собственные исследования, а также на материалы исследований других авторов, сопоставляет указанный олимпийский идеал с реальностью в том отношении, в каком это касается нравственных (моральных) ценностей, принципов Фэйр Плэй. Сначала она приводит выдержку из книги Г. Орвелла, который писал: «Серьезный спорт не имеет ничего общего с честной игрой. Он связан с ненавистью, завистью, хвастовством, пренебрежением к правилам и садистским удовольствием наблюдать жестокость; другими словами, это – война без стрельбы». Г. Орвелл, отмечает Д. Биндер, написал об этом более 60 лет назад. Однако «недавние события в спорте и проведенные исследования на нескольких континентах подтверждают его утверждение». Так, «в конце 70-х и начале 80-х гг. усилились голоса, выражающие серьезное беспокойство по поводу усиления насилия и обмана в спорте... Командный спорт – футбол в Европе и Южной Америке, хоккей в Северной Америке – позволяет и усиливает жестокость. Хулиганство и агрессивные действия болельщиков испортили много игр».

Д. Биндер приводит выдержки из некоторых публикаций, в которых излагаются результаты исследований взаимосвязи между этикой и занятиями спортом:

- отмечается усиление агрессивности в связи с участием в соревновательных играх и спорте [см.: Bredemeier, Shields, 1986 a];

- обнаружилась низкая негативная корреляция между продолжительностью занятий спортом и моральными суждениями учащихся 5-х классов о гипотетических дилеммах в спорте [Romance, Maureen, Bockoven, 1986];

- баскетболисты колледжа высказывали суждения значительно более низкого морального плана, нежели не спортсмены [Bredemeier, Weiss, Shields, Cooper, 1988];

- виды социальных взаимодействий, поощряемые высококонтактными видами спорта, могут не стимулировать моральное развитие и даже препятствовать ему [Bredemeier, Weiss, Shields, Cooper, 1988].

«Другими словами, – пишет Д. Биндер, – вместо того чтобы способствовать высоким ценностям единства, честности и Фэйр Плэй, занятия спортом могут содействовать агрессивным установкам, эгоцентричным моральным характеристикам низкого уровня». Кроме того, указывает она, в спорте атлеты часто ориентируются на такую мораль, которую ... Бредемайер называет «игровой моралью» («Game Morality»). Ценности этой морали отличны от ценностей реальной жизни: «...игровой контекст часто воспринимается участниками как освобождающий их от необходимости постоянно придерживаться норм морали. Спорт уменьшает у атлетов чувство моральной ответственности...» [Bredemeier, Shields, 1986 a, p. 19]. Опираясь на все эти факты и аргументы, Д. Биндер призвала участников сессии к активизации усилий по разработке образовательных и иных стратегий формирования Фэйр Плэй [см.: Binder, 1993].

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что убеждение в противоречии между олимпийскими идеалами и реалиями современного спорта, включая олимпийский, крепнет среди тренеров, других специалистов в области спорта [Столяров, 1998 и; Черевач, 1998 и др.], а также в средствах массовой информации. Как указывает Дэвид Миллер в своей фундаментальной работе «Официальная история Олимпийских игр и МОК от Афин до Пекина (1894–2008)», незадолго до сиднейских Игр даже взвешенные передовицы английских «Таймс» и «Дейли телеграф» писали, что «олимпизм – это уловка, что буква Олимпийской хартии – не более чем анахронизм, несовместимый с современным спортом. Девиз Игр: “Главное – не победа, а участие, не завоевание, а честная борьба”, по мнению “Таймс”, не имеет ничего общего с происходящим на спортивной арене, где правят бал слава, деньги и зрелища. “Олимпийским играм – да, олимпизму – нет”, – заявила “Дейли телеграф”, добавив, что основные принципы Хартии уже неуместны. Олимпизм – “это фиговый листок, практически фальшивка”» [Миллер, 2008, с. 14].

Осознание данного противоречия служит основанием для вывода о «кризисе олимпизма» [Hoberman, 1986], о том, что «олимпийское движение не может найти выход из своего серьезного системного кризиса» [Gibt es... 2001, s. 7]. Как считает Т. Олышанский, многие факты свидетельствуют о «кризисе культурной функции олимпийского движе-

ния», проявляющемся в том, что в настоящее время «существует противоречие между благородным культурным наследием олимпизма и бездуховной рекордоманией, которой подвержены современные Олимпийские игры» [Ольшанский, 1986, с. 29]. Высказываются опасения относительно того, что «вряд ли следует ожидать оздоровления обстановки при новом президенте МОК». Скорее всего, сохранится возникшая благодаря политике Х.А. Самаранча «эрозия моральных ценностей олимпизма»: «Спортсмен по-прежнему будет товаром в коммерческих раскладах сложившейся околоолимпийской мафии. А массовое развитие спорта в России под прикрытием глубокомысленных рассуждений о непреходящих ценностях олимпизма будет и далее подменяться *за государственный счет* селекцией спортивно одаренных ребяташек» [Аршуруни, 2001, с. 17].

Заслуживает внимания точка зрения по обсуждаемому вопросу одного из наиболее авторитетных специалистов в отечественном спорте – Валерия Сысоева. Он – кавалер Олимпийского ордена МОК, много лет руководил Международной любительской федерацией велосипедного спорта, возглавлял Центральный совет физкультурно-спортивного общества «Динамо», государственный орган управления физической культурой и спортом России. Свою позицию он изложил в статье «По какому пути идти дальше?» [Сысоев, 2009], которую недавно опубликовал журнал «Олимпийская панорама» в рубрике «Дискуссионный клуб», посвященной поиску ответов на вопросы, касающихся прошлого, настоящего и будущего олимпийского движения.

Современное олимпийское движение, – отмечает В. Сысоев, – зародилось в конце XIX в. в Европе под лозунгами «О, спорт ты – мир», «О, спорт ты – благородство», которые в то время были понятны передовым слоям общества и в общем-то отражали цели и задачи, стоявшие перед олимпийским движением. Но в мире произошли большие изменения, поменялись его ценности. «Переродилось и олимпийское движение. Его главная особенность – Олимпийские игры – стала успешным коммерческим проектом, живущим по жестким законам бизнеса. Сегодня в спорте высоких достижений бал правят деньги. Это порождает конкуренцию, причем не всегда честную. За медали борются не отдельные спортсмены, а предприниматели, вложившие в них средства... «Победа любой ценой» – вот, пожалуй, новый девиз мирового спорта. Это оборотная сторона профессионального спорта, когда психологию диктуют деньги. Большие вложения требуют большой отдачи. Ради победы, приносящей доходы, спортсмены переносят запредельные физические и психологические нагрузки. Помочь справиться с ними готова фарминдустрия, создающая все новые виды допингов». «Таким образом, – пишет В. Сысоев, – за несколько последних десятилетий руководство олимпийского движения при участии мирового бизнеса выстроило своего рода “империю спорта”, достигшую к концу XX в. расцвета, но вместе с тем породившую массу противоречий. Олимпийские игры в Пекине практически положили конец принципам Пьера де Кубертена, покончили с любительским спортом. Олимпиада превратилась в богатое шоу с политическим уклоном. Стала баснословно дорогим удовольствием. Олимпийское движение стало похожим на закрытый клуб для богатых. Не только проведение Игр, но даже подготовка спортсменов на современном уровне не по карману слишком многим странам. Страны, понимающие, что даже в отдаленном будущем не смогут принять Олимпиаду, чувствуют себя ущемленными... Вполне возможно, в большом спорте начинается эра «генной инженерии». Принцип «Победа любой ценой» действует. Объективная реальность такова: централизация средств на проведение Игр может породить коррупцию. На смену взвешенному анализу готовности городов-кандидатов к организации спортивных соревнований и обеспечению безопасности могут прийти закулисные игры и лоббирование, таким образом может создаться зона легальной международной коррупции» [Сысоев, 2009, с. 14–15].

Мы привели столь длинные выдержки из статьи В. Сысоева по двум причинам. Во-первых, в ней четко обозначены очень существенные изменения в олимпийском движении, которые, как он пишет, «положили конец принципам Пьера де Кубертена» с их ориентацией на гуманистические идеалы и ценности. И это породило серьезные проблемы для олимпийского движения, которых не замечает только «неискушенный зритель»: «За красочным спортивным шоу, в которое превратились Игры, неискушенный зритель зачастую не видит серьезных проблем в международном олимпийском движении» [Сысоев, 2009, с. 14]. Во-вторых, на указанные проблемы указывает один из наиболее авторитетных специалистов не только в отечественном, но также в международном и олимпийском спорте. Валерий Сысоев – кавалер Олимпийского ордена МОК, много лет руководил

Международной любительской федерацией велосипедного спорта, возглавлял Центральный совет физкультурно-спортивного общества «Динамо», государственный орган управления физической культурой и спортом России.

Приведенные выше факты и аргументы дают полное основание для вывода о необходимости выработки новой концепции этого движения для преодоления указанного противоречия. «Олимпийское движение, – пишет по этому поводу В. Сысоев, – вошло в новую эру. Соответственно должна быть разработана и выдвинута новая социально-политическая концепция его развития» [Сысоев, 2009, с. 15].

Главный вопрос заключается теперь в том, как это отмечено и в названии статьи В. Сысоева: «*По какому пути идти дальше?*»

В принципе в этом плане возможны два основных подхода:

1) изменение *олимпийской философии* в направлении *ослабления ее гуманистической ориентации*, отказа от ряда провозглашенных Кубертенем гуманистических идеалов и ценностей олимпизма или даже от всей его концепции путем ее *замены* на иную, более адекватную *прагматической* ориентации современного олимпийского движения;

2) *сохранение гуманистической ориентации* олимпийской философии, как это предусматривал Кубертен, но зато внесение определенных изменений *в реальную практику олимпийского движения* в направлении *ослабления ее прагматической и повышения гуманистической ориентации*.

К выводу о возможности этих двух подходов к разрешению указанного противоречия пришли и участники 27-й сессии МОА (1988), на которой обсуждался вопрос об отношении олимпийской философии к реалиям современного спорта. В ходе дискуссии учитывалось наличие разнообразных форм самого спорта – спорта высших достижений, школьного спорта, различных форм оздоровительного спорта и т.д. По мнению участников дискуссии, в настоящее время «ни одна из этих разновидностей спорта в полной мере не соответствует идеалам олимпийской философии», и возможны два пути выхода из указанной ситуации: «Или изменить олимпийскую философию Кубертена и приспособить ее к существующим реалиям спорта, или найти пути уменьшения наблюдаемой противоположности, оставаясь преданным его философии» [Comparisons... 1988, p. 247].

Иногда высказывается мнение о том, что новая социокультурная ситуация в спорте и обществе в целом требует *ослабления* гуманистической ориентации олимпизма, отказа от ранее провозглашаемых гуманистических ценностей олимпийского движения. Это мнение поддерживают и некоторые ученые. Так, по мнению С. Гульденпфеннига, настало время отказаться от олимпийского идеала гармонично развитой личности атлета. Он пишет: «В течение длительного времени к спортсменам-олимпийцам предъявлялось культурное требование универсальности. Оно было связано с ожиданием воплощения в каждом атлете идеала всесторонне и гармонично развитого человека и осуществления в нем полного слияния умственных, физических и эстетических возможностей самовыражения. Без сомнения, это универсальное требование невыполнимо» [Guldenpfennig, 1981, p. 46]. Президент Международного философского общества К. Фольквейн обосновывает положение о том, что поскольку «условия и структура спорта сильно изменились за последнее столетие», бессмысленно требовать от спортсменов соблюдения якобы уже устаревших нравственных норм и принципов вроде “fair play”. С ее точки зрения, надо изменять не спорт, делать его более гуманным и нравственным (соответствующим указанным принципам), а, напротив, нужно изменить сами этические принципы, «нужна новая этика», основанная на более «утилитарных принципах» [Volkwein, 1995, p. 317–318]. Сходную позицию в обсуждаемой проблеме занимал Т. Уокер Лерой, член НОК США. Он считал, что не Олимпийские игры надо приспособлять к этическим нормам, а сами эти нормы – к изменившейся ситуации в Играх [Лерой, 1979]. При обосновании такой позиции полагают, что нравственно-этическое начало олимпизма якобы уже не является ведущим в нем, уступая место роли олимпийского движения в сохранении и укреплении мира (международный, межгосударственный аспект олимпизма) и в социальном управлении, в том числе в управлении развитием спорта (внутринациональный, внутригосударственный аспект) [см., например: Родиченко, 1996, 1998, 1999].

Такой подход к пониманию целей и задач олимпийского движения не учитывает тех существенных изменений, которые произошли в сфере спорта и вне его за время, прошедшее с момента зарождения этого движения, и особенно за последние десятилетия. Спорт получил широкое распространение во всем мире. Сложилась и успешно функцио-

нирует широкая система регулярных международных спортивных встреч и состязаний (в Европе, к примеру, не проходит недели, чтобы не проводился какой-нибудь крупный турнир, чемпионат мира или континента), в ходе которых выявляются и награждаются сильнейшие спортсмены. Этих спортивных соревнований стало уже так много, что поднимается вопрос об их сокращении. Развитие спорта в последние десятилетия особенно наглядно показало, что в определенных условиях спортивные соревнования могут негативно влиять на человека, на отношения между людьми, могут использоваться в антигуманных целях. Причем выявилась тревожная тенденция развития спорта именно в этом направлении.

Важно учитывать также отмеченное выше все более широкое осознание приоритетности гуманистических ценностей в развитии современного общества и стремление не только декларировать, но и воплощать его в жизнь, так как единственный выход из той кризисной ситуации, в которой очутилось человечество в конце XX столетия, состоит в гуманизации всех сфер общественной жизни. Сфера спорта не может быть исключением в этом плане.

В этой ситуации, как мы неоднократно подчеркивали в своих работах [Столяров, 1984 б, 1989 а, в, 1990 в, 1998 и, н, 2000 д, 2005 е и др.], на передний план перед олимпийским движением все более выдвигается та задача, которая перед ним всегда стояла, но в настоящее время становится особенно актуальной: добиваться максимально полной и эффективной реализации в спорте и средствами спорта определенных общечеловеческих гуманистических ценностей проводить постоянную, систематическую работу, направленную на то, чтобы спорт, спортивные соревнования, связи, контакты использовались сугубо в гуманистических, а не в антигуманных целях, способствовали гуманизации человеческих отношений и гуманистическому развитию личности.

В.В. Кузин и Б.А. Никитюк пишут по этому поводу: «Настало время перехода от спортивно-организационных заимствований у древних греков к *воскрешению основных педагогических принципов* времен античности. ... Главное педагогическое "открытие" древних греков – целостность, а говоря современным языком, *системность воспитательных воздействий*, формирующих в единстве физический облик, мир нравственности, глубину интеллекта и запас здоровья человека. Современное спортивное движение нередко эксплуатирует одни человеческие качества в ущерб другим во имя достижения рекордного результата. Однако физическое совершенство человека не терпит дисгармоний и диспропорций, как не терпит суеты размеренная человеческая жизнь». По их мнению, для наиболее эффективного решения этой задачи «желательно возникновение альтернативных форм олимпизма, реализующих принципы *гуманизма* и постепенно преобразующих общественное мнение» [Кузин, Никитюк, 1998, с. 8].

Примечательно, что Жак Рогге, новый президент МОК, сменивший на этом посту Х.А. Самаранча, в своем первом печатном послании, опубликованном в журнале «Олимпик ревю», включил в программу своей деятельности в олимпийском движении следующее положение: «Сохраняя олимпийский девиз “Быстрее! Выше! Сильнее!”, в начале XXI в., наверное, имеет смысл стремиться к другому девизу, призывающему спорт быть более чистым, более солидарным, более гуманным» [цит. по: Ратнер, 2004, с. 18].

Участники международной конференции «Образование и спорт для культуры мира» (Париж, 5–7 июля 1999 г.) обратились к МОК, политическим лидерам, неправительственным организациям, национальным и международным федерациям спорта и спортивным ассоциациям, лидерам и членам спортивных клубов, ко всем, кто занимается спортом, с призывом «распространять среди молодежи ценности, установки и формы поведения, которые характерны для культуры мира», «всячески поддерживать инициативы, мобилизующие молодежь к участию в деле мира и вовлекать их в совместные проекты, придавая им статус “послов мира” или другие возможные статусы, позволяющие им принимать участие в реальных действиях», «поддерживать МОК и ЮНЕСКО в их инициативах по координации совместных усилий для более активного вовлечения спортсменов в проекты, направленные на распространение мира средствами спорта». Средствам массовой информации в связи с этим рекомендуется освещать спортивные события с большим вниманием к вкладу спорта в формирование и развитие ценностей культуры мира [Appeal of the World Conference... 1999, p. 55].

С осознанием данной ситуации связаны призывы к необходимости разработки «новой философии олимпизма» и внесения соответствующих изменений в Олимпийскую хартию, чтобы более четко обозначить гуманистические приоритеты, цели и средства олим-

пийского движения [Ермак, Пилюян, 1997, 1998; Кыласов, 2010 а, б; Ленк, 1982, 1999; Пилюян, 1996; Boulongne, 1994 а, b, c; Leiper, 1980; Lenk, 1981 а, b, c, 1984 b, 2007; Parry, 1989 и др.].

Большие надежды в этом плане возлагались на олимпийский конгресс в Баден-Бадене (1981), поскольку перед конгрессом президент МОК Х.А. Самаранч и тогдашний директор МОК госпожа М. Берлиу призывали к обновлению олимпийской философии. К сожалению, эти надежды не оправдались. Г. Ленк, анализируя итоги данного конгресса, отметил, что во многих докладах высокопарно говорилось об олимпизме как «жизненной философии» (М. Васкес Ранья), «доктрине, которая сплавляет все народы мира» (Х.Ф.П. Ирихойен). Выступавшие рассматривали олимпийскую идею как феномен, выходящий далеко за рамки Олимпийских игр. Так, например, Д. Фоллоуз (президент Британской олимпийской ассоциации) рассматривал Олимпийские игры как внешнее проявление «спортивной философии». «Без философии, – сказал Д. Фоллоуз, – они становятся обычным мероприятием спортивного календаря. Игры не могут существовать без этой философии, которая является неотъемлемой составной частью олимпийского движения. Они существуют на основе философии, устремленной к идеалу и освященной традициями». Но все это были, по оценке Г. Ленка, лишь «заявления и заклинания, произносимые без анализа». Единственным докладом, отмечает он, в котором была определенно затронута тема «Философия олимпийского движения», был доклад премьер-министра Туниса и члена МОК М. Мзали, который, в частности, заявил: «Что придает исключительность и силу олимпийскому движению, так это, разумеется, философия, которую оно воплощает, философия, которая служит движению стимулом и сама им стимулируется». И больше об олимпийской философии на конгрессе не было речи [Ленк, 1982, с. 6–7]. Обсуждаемую проблему не решили и последующие олимпийские конгрессы.

Призывы к изменению олимпийской философии и Олимпийской хартии, безусловно, заслуживают поддержки. Автор и сам выступал с предложениями такого рода [Столяров, 1989 а, в, 1990 в, 1998 и]. Но новые «более гуманистичные» формулировки олимпийской философии и Олимпийской хартии вряд ли способны кардинально изменить ситуацию. Более того, это лишь еще более обострит указанное противоречие, если в олимпийском движении не будут созданы такие *реальные условия и стимулы*, которые побуждали бы всех участников этого движения ориентироваться в своем реальном поведении на гуманистические идеалы и ценности.

Только на основе такой модернизации, не только философии олимпийского движения, но и самого этого движения, в результате которой оно действительно будет выступать как ярко выраженное гуманистически ориентированное движение, а у спортсменов-олимпийцев на первом плане будет их целостное, гармоничное развитие личности, станет правомерно использовать их как *моральные образцы* для подражания и всемерно содействовать *олимпийскому образованию* детей и молодежи. В противном случае все это содействует, по приведенным выше словам Е. Ленски, только «некритическому воззрению на олимпийский спорт и индустрию Олимпийских игр».

Поэтому главное – *повышение гуманистической ориентации самого олимпийского движения* [Столяров, 1984 б, 1988 а, 1989 а, в, 1990 в, 1998 и, 2004 г, д, 2005 е и др.].

Как отмечает Б.А. Суник (Германия), само зарождение современного олимпийского движения и современных Олимпийских игр в первую очередь было обусловлено наличием «сложных болезненных проблем морально-этического плана, которые разъедали спорт в конце XIX в.», и по, замыслу Кубертена, неоолимпизм призван был спасти спорт от вырождения. Однако в спорте XX в., к сожалению, не удалось решить нравственные, морально-этические проблемы. Причем если во времена Кубертена эти проблемы «были исключительно важны, то для судеб спорта на пороге грядущего столетия, в XXI в., они обретают судьбоносное значение. Если мировое сообщество, национальные и интернациональные институты, курирующие спорт, не осознают это и не сделают соответствующих практических выводов, спорт XXI в. ждут не лучшие времена. Кризисные, болезненные симптомы, которые уже не одно десятилетие раздирают спорт XX в., будут разрастаться и углубляться в XXI в., могут нанести спорту непоправимый удар» [Суник, 1996, с. 142–143].

## Литература к гл. 16

1. Акпере Х. (1974). Борьба за независимость и некоторые социальные аспекты развития физической культуры и спорта в Африке: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 26 с.
2. Аксенов Г.М. (2003). Педагогические идеи Кубертена и их современное значение: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
3. Аршуруни Алеся (2001). Олимпийские боссы не достали Путина? // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 15-17.
4. Бавин Петр (2006). Место спорта и спортивных достижений в сознании россиян // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 133–136.
5. Базунов Борис (2000). Эхо культурной программы Сиднея-2000 // Междунар. журнал «Спорт для всех». – № 4. – С. 29-30.
6. Барина И.В. (1994). Состояние и пути совершенствования олимпийского образования и воспитания учащейся молодежи: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 26 с.
7. Башкирова М.М. (1999). Физическая активность и спорт среди инвалидов: реальность и перспективы // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 26-28.
8. Бензенрты К. (1988). Выступление на II Международной конференции министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт, «Гуманистическая миссия физического воспитания и спорта» // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 10. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 34-35.
9. Бестужев-Лада И.В. (1996). Против превращения спорта в современную разновидность гладиаторства // На пороге XXI века: образование и культура (междунар. конф.). – М.: РАО. – С. 29-30.
10. Бугреев А.Н. (1998). Олимпизм как предмет философского анализа // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвуз. сб. научных материалов. – Воронеж. – С. 45-48.
11. Быховская И.М., Кулаков А.М. (2005). Позиционирование страны средствами спорта // Сборник трудов молодых ученых и студентов РГУФК. – М.: РИО РГУФКа. – С. 163-166.
12. Виноградов П.А. (1998). Щедрость, граничащая с абсурдом // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 2-4. – С. 18-19.
13. Виноградов П.А. (1999). «Грабли» для Путина // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 5-7.
14. Группе О. (1986). О будущем спорта высших достижений, ч. I. // Междунар. спортивное движение. – № 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 14-21.
15. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
16. Губарева Т.И. (2001). Гуманистически ориентированная педагогическая технология культурно-спортивной работы с инвалидами: Автореф. дис... д.п.н. – М. – 45 с.
17. Губарева Т.И., В.И. Столяров (1997а). Комплексная «спартианская» программа культурно-спортивной работы с инвалидами // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, ч. II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 106-195.
18. Губарева Т.И., Столяров В.И. (1997б). Новые формы культурно-спортивной работы с инвалидами на основе проекта «СпАрт»: Учебно-методическое пособие для студентов и слушателей РГАФК. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 122 с.
19. Гуськов С.И. (1990). Проблемы международного олимпийского движения и Олимпийская хартия // Материалы научного симпозиума «Новое мышление и олимпийское движение». – М.: Знание. – С. 110-121.
20. Гуськов С.И. (1996б). О некоторых тенденциях развития международного спортивного движения и российского спорта в XXI веке // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Часть I. – Краснодар. – С. 37-42.
21. Гутин А.Т. (1984). Идеалы и ценности олимпизма в воспитании юных спортсменов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 18 с.
22. Декларация о поведении зрителей и идеалов Фэйр Плэй // Олимпийский вестник. – 1998. № 45. – С. 13-16.
23. Декларация «Спорт, терпимость и чистая игра» // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1998. № 2. – С. 28-29.
24. Европейская конвенция о насилии и недостойном поведении зрителей на спортивных мероприятиях, и особенно во время футбольных матчей (принята 19 августа 1985 г.) // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1997. № 3-4. – С. 7-10.
25. Евсеев С.П. (2011). Адаптивный спорт // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС. – С. 517–539.
26. Евсеев С.П., Шапкова Л.В. (2000). Адаптивная физическая культура. – М.: Советский спорт. – 240 с.



27. Ермак Н.Р., Пилюян Р.А. (1997). Культурно-исторические истоки спорта в контексте объяснения многообразия и противоречивости его развития // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 13-17.
28. Ермак Наталья, Пилюян Рубен (1998). Как усилить миротворческие возможности Олимпийских игр // Международный форум «Молодежь–Наука–Олимпизм» 14–18 июля 1998 г., г. Москва: Материалы. – М.: Советский спорт. – С. 102-104.
29. Заключительный документ XII Олимпийского конгресса 1994 г. в Париже (перевод с англ.) // Олимпийская панорама. – 1995. № 61. – С. 18-22.
30. Захаров М.А. (2002). Фэйр Плэй в системе олимпийского образования: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Смоленск. – 20 с.
31. Ипатов Д.И. (1995). Основные направления гуманизации спортивных игр и соревнований в работе со школьниками: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 28 с.
32. Исаев Анатолий (1996). Нужен новый олимпизм // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 1.
33. Исаев А.А. (1999). МОК: кризис цивилизованности // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 55-57.
34. Исаев А.А. (2002). Спортивная политика России. – М.: Сов. спорт.
35. Кастро Фидель (1985). Международное олимпийское движение. Острый кризис в связи с проведением Олимпийских игр 1988 г. в Сеуле. Единственно возможное решение этой проблемы. – Editora Politica/La Habana. – 14 с.
36. Кахигал Х.М. (1983б). Олимпизм как зеркало и модель общества // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – № 6. – М.: ВНИИФК. – С. 21-27.
37. Ким В.В., Латыпов М.М., Линькова Н.А., Хам Г.С. (2001). О разделении спорта и оздоровительной физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 17-21.
38. Козловский А.А. (1999). Социально-педагогические аспекты преодоления кризиса мирового олимпийского движения в период подготовки и проведения Игр XXII Олимпиады в г. Москве: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
39. Королев Р.И. (2009). Интерпретации идеала «совершенного» человека в концепциях современного олимпизма: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М. – 25 с.
40. Котомина А.А., Майорова Л.В., Столяров В.И. (2005). Реальное состояние культуры личности спортсмена-олимпийца в современных социокультурных условиях (по результатам социологического исследования) // Олимпийский бюллетень. – 2005. № 7. – М. – С.45–55.
41. Крикос И. (1997). Организационные, социально-экономические и правовые аспекты деятельности НОКов стран, занимающих ведущие позиции в спорте: Дис... канд. пед. наук. – Киев.
42. Кубертен Пьер де (1997). Олимпийские мемуары. – Киев: Олимпийская литература. – 179 с.
43. Кузин В.В., Никитюк Б.А. (1998). Природное и духовное: мозг – разум – дух в связи с физическим совершенствованием человека (к проблематике интегративной антропологии) // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 2-9.
44. Куликович Е.К. (1991). Профессионализация спорта и идеалы олимпизма // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Олимпийское движение и социальные проблемы». – Челябинск: Уральская олимпийская академия. – С. 20-25.
45. Кун Л. (1982). Всеобщая история физической культуры. – М.: Радуга. – 399 с.
46. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
47. Кыласов А.В. (2010б). Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Автореф. дис. ... кандидата культурологии. – М. – 32 с.
48. Ландри Ф. (1988). Рост монополизации успеха на Олимпийских играх: Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 22-32.
49. Ленк Г. (1982). Об олимпийском конгрессе в Баден-Бадене // Проблемы междунар. спортивного движения, апр. – М.: ВНИИФК, – С. 2-9.
50. Ленк Ганс (1999). Задачи философии спорта: между гласностью и антропологией // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, С.И.Курило, Е.В.Стопникова. – М.: МГИУ. – С. 177–194.
51. Лерой Т. Уокер (1979). Этика современных Олимпийских игр // Информационный вестник. – вып. 15-16. – М.: ВНИИФК. – С. 44-48.
52. Миллер Дэвид (1995). Олимпийская революция: Олимпийская биография Хуана Антонио Самаранча /Пер. с англ. – М.: Физкультура и спорт. – 382 с.
53. Миллер Дэвид (2008). Официальная история Олимпийских игр и МОК от Афин до Пекина (1894–2008). – М. – 592 с.
54. Милянич М. (1960). Современный футбол // Футбол: Ежегодник. – С. 10-19.

55. Михайлин Вадим (2006). CITISSIME, ALTISSIMO, FORTISSIMO. Несколько эпизодов из истории европейской состязательной атлетики // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 6–30.
56. Олимпиады нужно отменить? // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3. – С. 1.
57. Ольхова Т.Г. (2000). Интегративный подход к спортивно-гуманистическому воспитанию студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
58. Ольшански Т. (1986). Культурные ценности олимпийского движения // Междунар. спортивное движение. – № 3. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 29-35.
59. Омельченко Е.И. (2001). Особое мнение // Теория и практика физ. культуры. – №1. – С. 31.
60. Официальные спортивные правила Специального олимпийского движения: Методическое пособие/Рубцова Н.О., Ильин В.А., Ольховая Т.И. – М.: РГУФК, 2005. – 296 с.
61. Официальные Специальные Олимпийские Летние Спортивные Правила /СТАТЬЯ I/ 2000-2003 года, исправленное и дополненное издание.
62. Павлов С.О., Пистун Н.В., Кружков Д.А. (1999). Политико-экономический кризис в международном олимпийском движении // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория, практика: Межвуз сб. научных материалов. – Воронеж. – С. 74-78.
63. Певцевич Януш (1983). Честная игра и олимпизм // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация, вып. 24. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 15-28.
64. Петлеваный Г.Ф. (1997). Система олимпийского образования в многопрофильной школе-комплексе физкультурно-эстетического направления: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. М. – 28 с.
65. Петушкова Е.В. (1988). Новое мышление и новые аспекты роли спорта в борьбе за мир // Спорт и перестройка: Сб. науч. тр. по матер. Всес. научно-практич. конф. «Государство, спорт и мир». – М. – С. 169-178.
66. Пилюян Р.А. (1996). Ошибки Пьера де Кубертена и его последователей // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 4-5.
67. Пирожников Р.А. (2001). Региональные системы олимпийского образования России: Дис. ... канд. пед. наук. – Смоленск. – 233 с.
68. Платонов В.Н., Гуськов С.И. (1994). Олимпийский спорт: Учебник. В 2-х кн. – Киев: Олимпийская литература.
69. Пономарев Н.И. (1974). Массовые зрелища: современное гладиаторство // Физическая культура и спорт в современных капиталистических странах: Сб. статей. – М. – С. 45-51.
70. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54–66.
71. Починкин А.М. (2006). Кто такой олимпиец? Взгляд из Олимпии в настоящее время // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 54–57.
72. Пресса о драматической ситуации в олимпийском движении (1999). // Междунар. журнал спортивной информации “Спорт для всех”. – 1999. – № 3. – С. 24-27.
73. Прокопчук Ю.А. (1998). Модель олимпийского образования студенческой молодежи на основе Спартианских игр: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Краснодар. – 25 с.
74. Расследование на Капитолийском холме (Сенатские слушания в Конгрессе США по проблемам коррупции в олимпийском движении. Вашингтон, 15 декабря, 1999 г.) // Спорт для всех. – 2000. № 1. – С. 4-26.
75. Расторгуев В.Н. (2010). Заметки политолога на полях книги о судьбах олимпийского движения // Кыласов А.В. Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – С. 8–13.
76. Ратнер А.Б. (1990). Идеалы олимпизма и деятельность МОК на современном этапе // Новое мышление и олимпийское движение: Сб. ст. – М.: Знание. – С. 49-57.
77. Ратнер А.Б. (1998). Социально-педагогические аспекты деятельности Международного Олимпийского комитета на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
78. Ратнер Александр (2003). Структурная реформа международного олимпийского движения, осуществленная Хуаном Антонио Самаранчем // Материалы Всероссийской научной конференции «Современные проблемы физической культуры и спорта». – СПб: Изд-во «Шатон». – С. 175–177.
79. Ратнер А.Б. (2004). Международное олимпийское движение в начале XXI века: перспективы развития // Вестник спортивной науки. – № 1 (3). – С. 17–20.
80. Резолюция МОК об «Олимпийском перемирии» // Междунар. и зарубежный спорт: Новости, политика, менеджмент, маркетинг. – 1998, № 6. – С. 2-4.
81. Родиченко В.С. (1996). Олимпийское движение в канун III тысячелетия: гармонизация интересов // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сентябрь, 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 3-8.

82. Родиченко В.С. (1998). Олимпийское движение в канун III тысячелетия: гармонизация интересов // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 95-101.
83. Родиченко Владимир (1999). Олимпийское движение: исторические истины и политические технологии (эмоциональный аспект) // Олимпийское движение и социальные процессы: IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы», V Всероссийское совещ. «Практика олимпийского образования»: Материалы. – М. – С. 229-233.
84. Родиченко Владимир (2004). Олимпийская идея для России (повторение пройденного). – М.: Сов. спорт. – 248 с.
85. Роуз Д.А. (1989). Теоретические и практические разногласия по поводу Олимпийских игр // Междунар. спортивное и олимпийское движение. – № 3. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 24-31.
86. Самаранч Х.А. (1997). Спорт, культура и искусство // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 9-11.
87. Самусенков О.И. (2000). Педагогическая технология реализации культурного потенциала игровых видов спорта. – Москва-Малаховка, МГИУ. – 204 с.
88. Сергеев В.Н. (2000). Гуманистическая направленность реализации олимпийского образования: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Волгоград. – 24 с.
89. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. /Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры», 2005. – 194 с.
90. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 255 с.
91. Стодарт Б. (1987). Игры Содружества: спорт, культура и постколониальные отношения // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 12. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 9-12.
92. Столяров В.И. (1984б). К вопросу об идеалах и целях современного олимпийского движения // Роль, функции и актуальные проблемы олимпийского движения. – М., ВНИИФК. – С. 22-33.
93. Столяров В.И. (1988а). Актуальные теоретические и практические проблемы реализации в спорте и с помощью спорта общечеловеческих гуманистических ценностей (социальный и философский анализ) // Философия: история и современность. – М. – С. 64-72.
94. Столяров В.И. (1989а). Гуманистический потенциал современного спорта в свете нового мышления и перестройки (социально-философский анализ) // Ежегодник Философского общества СССР: Философия и перестройка. – М.: Наука. – С. 205-230.
95. Столяров В.И. (1989в). Олимпийское движение и воспитание молодежи: Методич. разработки для аспирантов и слушателей ВШТ. – М.: ГЦОЛИФК. – 33 с.
96. Столяров В.И. (1990в). Перспективы реализации гуманистических ценностей спорта в рамках олимпийского движения // Новое мышление и олимпийское движение: Материалы Всесоюз. научного симпозиума «Международное олимпийское движение: проблемы и тенденции развития на современном этапе», Рига, 11-13 мая 1989. – М.: Знание. – С. 36-45.
97. Столяров В.И. (1993д). Решение проблемы социальной реабилитации инвалидов на основе проекта "СпАрт" // Сборник материалов к лекциям по физической культуре и спорту инвалидов, т.1. – Малаховка. – С.128-138.
98. Столяров В.И. (1996а). Гуманистический потенциал спорта и его реализация в современных условиях // СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб. ст. – Москва-Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия. – С. 42-56.
99. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
100. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54-263.
101. Столяров В.И. (1998н). Спартианские игры – новая гуманистически ориентированная модель спорта в его интеграции с искусством // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54-279.
102. Столяров В.И. (2000д). Олимпизм как гуманистическая философская концепция // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С.195-230.
103. Столяров В.И. (2001в). Концепция спартианского движения // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 4-11.
104. Столяров Владислав (2002в). Концепция спартианского движения и 10-летний опыт ее реализации в России // II Международный форум ««Молодежь-Наука-Олимпизм». 15-18 июня

- 2002 г., г. Москва. Конференция «Юношеский спорт XXI века»: Материалы – М.: Сов. спорт. – С. 223–228.
105. Столяров В.И. (2004г). Олимпийский спорт и процесс глобализации // VII Международный научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 4. – М. – С. 47-49.
  106. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
  107. Столяров В.И. (2005е). Олимпийская концепция Пьера де Кубертена и современность // Олимпийский бюллетень № 7: Сб. науч. материалов, посвящ. 90-летию заслуженного проф. РГУФК В.В. Столбова. – М. – С. 84-94.
  108. Столяров В.И. (2011). Спорт, устойчивое развитие и культура мира // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 22–67.
  109. Стопникова Е.В. (1992). Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 23 с.
  110. Суник А.Б. (1993). Международное олимпийское движение 80-х–нач. 90-х: тенденции, проблемы // Олимпийское движение и социальные процессы: Сб. материалов Междунар. конф. – СПб. – С. 18-23.
  111. Суник А.Б. (1996). Спорт XXI века // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сентябрь, 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 139-144.
  112. Сысоев Валерий (2009). По какому пути идти дальше? // Олимпийская панорама. – №2. – С. 14-15.
  113. Тарпищев Ш.А. (2002). Век перемен: от транснациональных турниров к наднациональным Олимпийским или Глобальным играм // Physical Education and Sport. Quarterly. Vol. 46, N. 1. Part 2. Sixth International Scientific Congress "Modern Olympic Sport and Sport for all" (Warsaw, June 6-9, 2002). – Warsaw: Scientific Publishers PWN. – P. 28-29
  114. Тернавский А.В. (2008). Педагогические условия реализации гуманистической направленности подготовки хоккеистов в спорте высших достижений: Автореф. ... канд. пед. наук. – М. – 25 с.
  115. Франке Эльк (2006). Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. – № 33(6). – С. 67–81.
  116. Черевач И.В. (1998). Олимпийское движение и педагогическая деятельность тренера: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
  117. Эрдем С. (1992). Олимпийские игры и новый мировой порядок // Междунар. спортивное и олимпийское движение. Вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 14-23.
  118. Юнг Роберт (1981). «Мягкие Игры»: размышления об «иной» модели // Bulletin 11th Olympic Congress. – N. 6. – Baden Baden. – P. 7-10.
  119. Abberley P. (1993). Disabled people and normality // Swain J., Finkelstein V., French S., and Oliver M., (Eds.). Disabling Barriers- Enabling Environments. – Open University, Milton Keynes. – P. 107-115.
  120. Allisson Maria T. (1991). Leisure, Sport and Quality of Life: Those on the Fringes // Sport for all: Proceedings of the World Congress on Sport for all, held in Tampere, Finland, on 3-7 June, 1990. – Elsevier Science Publishers, Amsterdam, New York. – P. 45-53.
  121. Anthony Don (1993). The Propagation of Olympic Education as a Weapon Against the Corruption and Commercialization of World-wide Sport // IOA. Report of the 32<sup>nd</sup> Session. – IOC. – P. 157-164.
  122. Appeal of the World Conference on Education and Sport for a Culture of Peace // Olympic Review. – 1999. vol. XXVI. N. 28. – P. 54–55.
  123. Bale J., Christensen M. (Eds.) (2004). Introduction // Post Olympism? Questioning sport in the twenty-first century. – London: Berg. – P. 1–12.
  124. Binder Deanna (1993). Teaching Fair Play in schools. A model for successful pedagogy: A Paper Presented to the 1<sup>st</sup> Joint Int. Session for Responsible of Higher Institutes of Physical Education. International Olympic Academy, 24-31 July 1993. – 35 p.
  125. Boulongne P. (1994a). Coubertin's Multicultural Olympism // IOA. Report of the 33<sup>rd</sup> Session. – IOC. – P. 87-94.
  126. Boulongne Pierre (1994b). Humanism of Coubertinian Neo-Olympism // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 11-27.
  127. Boulongne Pierre (1994c). Values and Significations of Modern Olympism // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 29-41.
  128. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1986a). Athletic Aggression: an Issue of Contextual Morality // Sociology of Sport Journal. – N. 3. – P. 15-28.

129. Bredemeier Brenda Jo, Weiss Maureen R., Shields David L., Cooper Bruce A.B. (1988). The Relationship of Sport Involvement with Children's Moral Reasoning and Aggression Tendencies // *Journal of Sport Psychology*. – N. 8. – P. 304-318.
130. Brittain Ian (2001). Athletes with disabilities and elite performance – societal attitudes and the need for a Paralympic awareness campaign within the remit of Olympic education // IOA. 40<sup>th</sup> Session for young Participants. 23 July–8 August 2000. – IOC. – P. 184-187.
131. Carmichael D. Larry (1984). Sport, Leisure and Recreation Skills for the Handicapped: A Broader Perspective // *The Review. Arena*. – vol. 8, N. 1. – P. 35–40.
132. Chatziefstathiou D., Henry I., Theodoraki E., Al-Tauqi M. (2006). Cultural imperialism and the diffusion of Olympic sport in Africa. // N. Crowther, R. Barney, & M. Heine (Eds.) *Cultural imperialism in action: Critiques in the global Olympic trust*. Eighth International Symposium for Olympic Research. – London, ON: University of Western Ontario. – P. 278–292.
133. Comité International Pierre de Coubertin. Citations extraites de l'oeuvre de Pierre de Coubertin, 1984.
134. Commercialization in Sport and the Olympic Movement: Report of the thirty-second session, 17<sup>th</sup> June–2<sup>nd</sup> July 1992. Ancient Olympia. – International Olympic Committee, 1993. – 269 p.
135. Comparisons and contrasts between the reality of sports and the Olympic philosophy // IOA. Report of the 27<sup>th</sup> session. – Lausanne, 1988. – P. 247.
136. Connolly Harold (1999). Special Olympics in the twenty-first century // IOA. Report of the thirty-eighth Session 15<sup>th</sup> July–30<sup>th</sup> July 1998. – International Olympic Committee. – P. 134–139.
137. Consolidated report of the second cycle of group discussions // IOA. 40<sup>th</sup> Session for young Participants. 23 July–8 August 2000. – IOC, 2001. – P. 231-246.
138. Davis L.J. (1997). Constructing Normalcy: The Bell Curve, the Novel, and the Invention of the Disabled Body in the Nineteenth Century // L.J. Davis (Ed.). *The Disabilities Studies Reader*. – Routledge, London. – 217 p.
139. Defrantz A. (1998). Report of the IOC Women and Sport Working Group to the XI ANOC General Assembly in Seville, 1998.
140. DePauw K.P. (1997). The (In) Visibility of Disability: Cultural Contexts and "Sporting Bodies" // *Quest*. – vol. 49 (4). – P. 416-430.
141. Dubberke Harald (1986). Critical remarks regarding sports aid for developing countries // Sport, culture, society. International, historical and sociological perspectives: Proceedings of the VIII Commonwealth and International Conference on Sport, Physical Education, Dance, Recreation and Health, Conference '86 Glasgow, 18-23 July. – London, New York: E.&F.N.Spon. – P. 240-247.
142. Dunning Eric (1979). The Figurational Dynamics of Modern Sport // *Sportwissenschaft*. – vol. 9. N. 4.
143. Dunning E. (1988). *The Roots of Football Hooliganism*. – London: Rutledge and Kegan Paul.
144. Eichberg Henning (1981). The «unexplored areas» in Olympic sport // *Bulletin N° 8 du 11 Congrès Olympique de Baden-Baden*. – P. 14-17, 68-71.
145. Eichberg Henning (1984). Olympic Sport – Neocolonization and Alternatives // *Int. Review for the Sociology of sport*. – vol. 19, N. 1. – P. 97-105.
146. Feezell R. (2005). Celebrated athletes, moral exemplars, and lusory objects // *Journal of the Philosophy of Sport*. – v. 32 (1). – P. 20–35.
147. Franciso Marius Theodule (1994). The Olympic spirit and its influence on african culture: identity, cultural minorities, traditions and customs, racism // International Olympic Academy. Report of the thirty-third session, 7<sup>th</sup>-22<sup>nd</sup> July 1993. Ancient Olympia. – International Olympic Committee. – P. 95-101.
148. Galtung J. (1984). Sport and International Understanding: Sport as a Carrier of Deep Culture and Structure // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 12-19.
149. Gibt es eine eigene Ethik des olympisches Sports?: DOI-Symposium am 26. und 27. Januar 2000. 1. Auflage. – Bundesinstitut für Sportwissenschaft, Bonn: Sport und Buch Strauß, 2001. – 263 S.
150. Goffard S. (1975). Jeux et enjeux Olympiques et ideologique // *Sport et developpement humain*. – Paris. – P. 239-251.
151. Guilianotti R. (2004). Human rights, globalization and sentimental education: The case of sport // *Sport in Society*. – v.7. N 3. – P. 355–369.
152. Guldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
153. Heinilä K. (1973). Citius–Altius–Fortius: The Olympic "Contribution" to the Professionalization of Sport? // *Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972*. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 351-355.
154. Heinrich Ignace (1980). The Contribution of Educationists to the Promotion of Olympic Principles // Report of the International Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 207-214.
155. Highlights of the Week's Olympic News. – Lausanne, IOC, 1998. – №№ 330-340.

156. Hoberman J.M. (1986). *The Olympic Crisis. Sport, Politics and The Moral Order*. – New York: Aristide D. Caratzas.
157. IOA. 40<sup>th</sup> Session for young Participants. 23 July–8 August 2000. – IOC, 2001. – 303 p.
158. Kidane Fékrou (1999). Sport and Politics. Diplomacy of an Olympic Truce // *Olympic Review*. – vol. XXVI. N. 28. – P. 48-52.
159. Lalaoui Belkacem (1994). Olympism as a cultural phenomenon and a factor of social development and social policy: a link between society, sport and religion // IOA. Report of the thirty-third session, 7<sup>th</sup>-22<sup>nd</sup> July 1993. – Ancient Olympia. – P. 102-108.
160. Landry Fernand (1986). Olympic Education and International Understanding: Educational Challenge or Cultural Hegemony? // IOA. Report of the 25<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 139-155.
161. Landry Fernand (1989). Olympism at the Beginning and at the End of the 20<sup>th</sup> Century: from the Permanence of an Idea to the Crowning Paradox of its Social Function // IOA. Report of the 28<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 50-66.
162. Lanowski J. (1985). Czy istniał sport rzymski? (Существовал ли древнеримский спорт? ) // *Kultura Fizyczna*. – N. 11-12. – s. 15-17.
163. Leiper Jean M. (1980). The Olympic ideal – is it Valid Today as a Philosophical Basis of the Olympic Games? // *Review, Int. Council of Sport and Physical Education*. – N. 3. – P. 27-30.
164. Lenk Hans (1978). Some Problems of Sociopedagogical Elitism and Competition as Reflected in the Olympic Movement // *The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being*, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 419-435.
165. Lenk H. (1979). Social philosophy of Athletics. A Pluralistic and Practice-Oriented Philosophical Analysis of Top Level and Amateur Sport. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – 227 p.
166. Lenk Hans (1981a). *Eigenleistung: eine sozialphilosophische Analyse und ein «adamitisches» Pladoyer für eine positive Leistungskultur* // *Olympische Leistung. Ideal, Bedingungen, Grenzen. Begegnungen zwischen Sport und Wissenschaft: Eine Dokumentation*. – Köln: Bundesinstitut für Sportwissenschaften. – S. 279-306.
167. Lenk H. (1981b). Humanite! = Humanity! = Гуманность! // *Bulletin «Les Limites des Sports»* (11-e Congres olympique. Baden-Baden 1981). – N. 4. – P. 30-33, 53-54.
168. Lenk H. (1981c). Sport, achievement and social criticism // Luschen G. and Sage G. (eds.). *Handbook of Social Science of Sport*. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 369-382.
169. Lenk H. (1984b). The Essence of Olympic man: Toward an Olympic philosophy and antropology // *Int. Journal of Physical Education*. – vol. XXI, N. 2. – P. 9-15.
170. Lenk Hans (2007). An Anthropology of the Olympic Athlete Towards a Modernised Philosophy of the Olympic Games and Athletes // *Journal of Olympic History*. – vol. 15, N. 1. P. 39–47.
171. Lenskyj H. (1986). *Out of Bounds: Women, Sport, and Sexuality*. – Toronto: Women's Press.
172. Lenskyj H. (2000). *Inside the Olympic industry: power, politics and activism*. – Albany: State University of New York Press.
173. Lenskyj H. (2002). *The best Olympics ever? Social impacts of Sydney 2000*. – Albany: State University of New York Press.
174. Lenskyj H. (2003). *Out on the field: Gender, sport and sexualities*. – Toronto: Women's Press.
175. Lenskyj Helen Jefferson (2008). *Olympic Industry Resistance. Challenging Olympic Power and Propaganda*. – State University of New York Press, Albany. – 165 p.
176. Lines G. (2001). Villains, fools or heroes? Sports stars as role models for young people // *Leisure Studies*. – v. 20. – P. 285–303.
177. Lipiec Jozef (1994). The Olympic Movement in Search of the Ideal of Versality // *Almanack 1994*, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy. – P. 79–98.
178. Majors R. (1990). Cool pose: Black masculinity and sports // M. Messner and D. Sabo (Eds.). *Sport, Men and the Gender Order*. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 109–114.
179. McCann C. (1996). Sports for the Disabled: the evolution from rehabilitation to competitive sport // *Brit. J. of Sports Medicine*. – vol. 30 (4). – P. 279-280.
180. Miller D. (1990). Evolution of the Olympic Movement from Moscow to Lausanne. – Lausanne, IOC. – P. 9-24.
181. Mitchell Robin (1999). Sport and Solidarity. Participation in social development // *Olympic Review*. – vol. XXVI. N. 28. – P. 42-47.
182. Morris J. (1991). *Pride Against Prejudice: Transforming Attitudes to Disability*. – The Women's Press Ltd, London.
183. Morris J. (1993). Prejudice // Swain J., Finkelstein V., French S. and Oliver M., (Eds.). *Disabling Barriers- Enabling Environments*. – Open University, Milton Keynes. – P. 101-106.
184. Müller Norbert (1992). International Olympic Academy (IOA). 30 years of IOA as mirrored by its lectures 1961–1990. – CIO Reimpression. – 368 p.
185. Müller N. (1994). One hundred years of Olympic Congresses 1894-1994. – Lausanne, IOC. – 224 p.

186. Nissiotis Nikolaos (1979). Philosophy of Olympism // Report of the 18<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 178-187.
187. Nissiotis Nikolaos (1985a). Olympism and Today's Reality // IOA. Report of the 24<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 57-74.
188. Novak Andrew (2008). Politics and the Paralympic Games: Disability Sport in Rhodesia-Zimbabwe // Journal of Olympic History. – vol. 16. N. 1. – P. 47-55.
189. Ogden D., Hilt M. (2003). Collective identity and basketball: An explanation for the decreasing number of African-Americans on America's baseball diamonds // Journal of Leisure Research. – v. 35(2). – P. 213–227.
190. Olympische Spiele – die andere Utopie der Moderne. Olympia zwischen Kult und Droge/G. Gebauer (Hrsg.). – Frankfurt a.M., 1996.
191. Orelove F., Wehman P., Wood J. (1982). An Evaluative Review of Special Olympics: Implications for Community Integration // Education and Training of the Mentally Retarded. – N. 17. – P. 325–329.
192. Orr R.E. (1979). Sport, Myth and the Handicapped Athlete // JOPER. – v. 50 (3). – P. 33-34.
193. Parienté R. (1989). On the threshold of the XXI Century // Olympic Message. – N. 23. – Lausanne, IOC. – P. 21-29.
194. Parienté R. (1994). The Press and Its Olympic Responsibilities // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 78-84.
195. Parry Jim (1989). Olympism at the Beginning and at the End of the 20<sup>th</sup> Century: Immutable Values and Principles and Outdated Factors // Report of the 28<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 81-94.
196. Pilz Gunter, Fisher Sigmar (1984). Sport und Frieden // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 189-201.
197. Price Bob (1999). Paralympic compatibility with the Olympic movement // IOA. Report of the thirty-eighth Session 15<sup>th</sup> July–30<sup>th</sup> July 1998. – International Olympic Committee. – P. 140-148.
198. Ren Hai (1997) The Place of the Athletes in 21<sup>st</sup> Century Olympic Games // IOA. Report of the 35<sup>th</sup> Session. – International Olympic Committee. – P. 92-98.
199. Romance Thomas J., Maureen R. Weiss, Bockoven Jerry (1986). A program to promote moral development through elementary school physical education // Journal of teaching in physical education. – N° 5. – P. 126-136.
200. Samaranch Juan Antonio (1999). The Olympic Culture in Favour Of Peace // Olympic Review. – vol. XXVI. N. 28. – P. 35-38.
201. Seifart Horst (1984). Sport and Economy: The Commercialization of Olympic Sport by the Media // Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 19, N. 3/4.
202. Seppänen P. (1984a). The Idealistic and Factual Role of Sport in International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 57-63.
203. Seppänen P. (1984b). The Olympics: A Sociological Perspective. – University of Helsinki, Department of Sociology. – N. 33. – 27 p.
204. Shaddad Kamal Hamid (1980). Olympism: Second Thought and a New Paradigm // Report of the 19<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 214-218.
205. Shaddad Kamal Hamid (1995). A call for the return of the term “amateur” and the rejection of the Olympic Motto”: Paper presented at 38<sup>th</sup> Int. session IOA for the young participants. Int. Olympic Academy, 5–8 July. – 11 p.
206. Shaddad Kamal Hamid (1997). Values, Aims and Reality of Today's Modern Olympic Games «A Call for the Return of the Term Amateur and the Rejection of the Olympic Motto» // IOA. Report of the 35<sup>th</sup> Session. – IOC. – P. 48-50.
207. Shinnick Philip K. (1978). Sport and cultural hegemony // Sport and international relations. Ed. by Benjamin Love, David B.Konin, Andrew Strenk. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois. – P. 95-109.
208. Stolyarov V.I. (1980b). Olympiade 80 // Academie Olympique International. Vingtieme session, 15.6 – 1.7.1980. Olympie, Greece. – Athens. – P. 189–195.
209. Stolyarov V.I. (1985d). The social nature and values of Olympism // International Olympic Academy twenty-second session, 11<sup>th</sup>–25<sup>th</sup> July 1982. – IOC, Lausanne. – P. 216–221.
210. Stolyarov V. (1993). The "SpArt" Olympic Project the program of realization and further development in present-day conditions the Coubertin' ideas about personality of an Olympian, unity sport and art: Paper presented at the 1<sup>st</sup> Joint International Session for Educators and Responsibles of Higher Institutes of Physical Education, International Olympic Academy, 24–31 July 1993. – Olympia. – 30 p.
211. Stolyarov Vladislav (1997b). Report of the meeting held by the lecturers during the 35<sup>th</sup> session of the International Olympic Academy // IOA. Report of the 35<sup>th</sup> session, 5<sup>th</sup> July–18<sup>th</sup> July 1995. Ancient Olympia. – International Olympic Committee. – P. 172–174.
212. Stolyarov Vladislav (1997d). The world political evolution and its consequences for the Olympic movement. Can the Olympic movement influence political changes through Olympic education? // IOA.

Report of the 35<sup>th</sup> Session, 5<sup>th</sup> July–18<sup>th</sup> July 1995. Ancient Olympia. – International Olympic Committee. – P. 76–89.

213. Takacz F. (1988). Some ethical problems of olympism // Review of the Hungarian University of Physical Education. – Budapest. – P. 48-62.

214. The New Games Book. – New York: a Headlands Press Book, 1976.

215. Volkwein Karin A.E. (1995). Ethics and Top-Level Sport – a Paradox // Ethics and Sport. Special Issue. Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 30, N 3/4. – P. 311-321.

216. Volkwein-Caplan Karin A.E. (2004b). Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – 240 p.

217. Wołoszyn Stefan (1994). Let's Save Humanistic Sports Values. Sports and Education // Almanack 1994, Polish Olympic Committee, Polish Olympic Academy.

218. Yalouris N. (1999). The Sacred Sites of Olympia and Delphi: Paper presented at the 39<sup>th</sup> International Olympic Academy Session for Young Participants, Ancient Olympia, Greece. – 17 p.



## Глава 17. Факторный анализ социального значения спорта

Как отмечено выше, ярко проявляющийся диалектически противоречивый характер социального значения спорта, в том числе международного и олимпийского, побуждает многих исследователей учитывать как позитивные, так и негативные (с точки зрения гуманизма) аспекты роли спорта в процессе социализации и в социальных отношениях.

Однако такая оценка может быть элементом как *диалектического*, так и *эклектического* понимания социального значения спорта.

### 17.1. Эклектика и диалектика в понимании социального значения спорта

*Эклектический* подход к оценке социальной значимости спорта заключается в том, что учитывают весь комплекс фактов – как позитивных, так и негативных, характеризующих влияние спорта на личность и отношения людей, но при этом останавливаются на *констатации* противоречивого воздействия спорта, не пытаются, как того требует *диалектический метод*, идти дальше с целью *объяснить* причины этой противоречивости и *выяснить пути преодоления* негативного влияния спорта.

Иллюстрацией такой ошибочной методологии может служить позиция Г. Люшена в вопросе о роли спорта в решении конфликтов [Люшен, 1974, 1982; Lüschen, 1984 и др.].

Г. Люшен обращает внимание на то, что позитивная оценка спорта в этом отношении часто принимается без критической оценки, как нечто само собой разумеющееся. В лучшем случае, отмечает он, для доказательства (а точнее для иллюстрации) этого тезиса используются некоторые факты, когда спорт, например, содействовал установлению контактов между странами, в отношениях между которыми имела напряженность. Однако существует множество противоположных примеров (например, война Гондураса и Сальвадора в 1969 г. в результате футбольного матча между ними), которые в чем-то даже более убедительны, чем те, которые подтверждают роль спорта в разрешении конфликтов. Исходя из этого, Г. Люшен неоднократно подчеркивает, что «конфликтующие стороны могут достигать разрешения конфликта через спорт», что «структура, позволяющая проявлять соперничество в управляемой форме, каковой является спорт, в высшей степени желательна и действительно может научить нас управлять социальными конфликтами и регулировать их» [Люшен, 1974, с. 28], что «спорт содействует миру», что «умеренные международные конфликты могут найти свое разрешение посредством спорта», что «канализация конфликтов в спорте представляет собой такие контролируемые явления, которые при отсутствии спортивных соревнований привели бы к гораздо более жестоким и неконтролируемым вспышкам агрессивности», что «спорт представляет собой благоприятную форму межсистемной коммуникации» и т.д. [Люшен, 1982, с. 28, 30].

Вместе с тем он дает прямо противоположную оценку спорту и возможности разрешения с его помощью конфликтов: «Являясь частью открытой системы, источники конфликта иногда столь глубоки, что могут нарушить ассоциацию спортивного соревнования»; «в действительности вероятность того, что потенциальный конфликт может проявиться в достаточно сильной форме в условиях хрупкости диалектической структуры спортивного соревнования, остается весьма значительной» [Люшен, 1974, с. 28]; «мы располагаем данными, которые свидетельствуют о том, что спортсмены зачастую проявляют гораздо больше агрессивности после соревнования, чем до него. То же самое касается и зрителей: часто после игры они более агрессивны... Далее, на международном уровне отношения настолько сложны, что оценить результаты весьма и весьма трудно. Нельзя ожидать, что целые нации примутся обнимать друг друга после спортивного соревнования. Напротив, спорт может быть источником насилия» [Люшен, 1982, с. 30]. На основе этих фактов Г. Люшен делает вывод: «В настоящее время я не рискнул бы говорить о позитивном влиянии спорта на международном уровне» [Люшен, 1982, с. 30] или, как он пишет в другой работе «в первую очередь следует осознавать, что спортивное соревнование само по себе является конфликтной системой, что некоторые спортивные события, бесспорно, поощряют насилие и конфликт. При таких обстоятельствах вера в миролюбивую миссию спорта как нечто само собой разумеющееся является опасной» [Lüschen, 1984, p. 54].

Общий вывод, к которому приходит Г. Люшен, является ярким образцом чисто эклектического подхода к решению обсуждаемой проблемы: «Я действительно вижу важ-

ный вклад спорта в урегулирование международных отношений. Но реального разрешения существующих конфликтов, несомненно, следует ожидать из других источников» [Люшен, 1974, с. 28]; «я пришел к выводу, что спорт как система конфликтов, внутри которой контролируемое насилие стало ценностью, является одной из форм обмена. Спорт не только дает нам возможность разрешить конфликты и упрочить мир, но одновременно несет в себе отрицательный заряд» [Люшен, 1982, С. 30]. Таким образом, все сводится к тому, что при ответе на поставленный выше вопрос необходима весьма осторожная позиция, учет как позитивной, так и негативной роли спорта в разрешении конфликтов, в укреплении мира и международного взаимопонимания.

Сам Г. Люшен и некоторые другие авторы [см. например: Heinilä, 1986, 1988] оценивают такой подход как *диалектический*. Однако более точно его следует оценить как *эkleктический*, поскольку Г. Люшен даже не пытается выяснить те факторы, от которых зависит роль спорта, объяснить, почему он может иметь и действительно имеет столь противоположное значение, и на основе этого выяснить, каким образом можно избежать или хотя бы смягчить его возможное негативное воздействие. На этот недостаток концепции Г. Люшена обращает внимание в своих работах и Дж. Коукли. В частности, на международном семинаре «Спорт и гуманизм» он выступил с критикой доклада Г. Люшена на этом семинаре [Lüschen, 1988] и его «нового структурализма», «диалектической» концепции спорта, подчеркнув, что «эта критика основана на том факте, что Люшен описывает основные противоречия в структуре элитного спорта, не пытаясь осмыслить, почему возникли эти противоречия, каким образом они могут быть решены и почему со временем возникнут новые противоречия» [Coakley, 1988, p. 105].

Другой иллюстрацией эkleктики в понимании социального значения спорта может служить доклад «Идеалистическая и реальная роль спорта в международном понимании», с которым на международном конгрессе «Спорт и международное взаимопонимание» (Хельсинки, 1982 г.) выступил П. Сеппянен – известный финский социолог спорта [Seppänen, 1984 a]. В докладе отмечается, что «существует особая идеология спорта, которая подчеркивает такие ценности, как честность, справедливость и соревнование при равных условиях», и ставится вопрос: «Оказывает ли эта идеология существенное воздействие на современный образ жизни и отношения между нациями?» По мнению докладчика, имеется по крайней мере два основания сомневаться в этом. Во-первых, следует учитывать, что спорт со своими целями и ценностями недостаточно единообразный (coherent) феномен, чтобы объединять народы; это широко изменчивый институт с различными функциями в различных обществах и культурах. Во-вторых, спорт – недостаточно независимый институт, чтобы воплощать в жизнь те ценности, которые он представляет. Для этого у него недостаточно власти. Даже если спорт и выглядит таким же независимым, как католическая церковь или какая-то другая наднациональная и неправительственная организация, он существенно зависит от других институтов и особенно от тех, которые имеют власть. Учитывая все эти обстоятельства, П. Сеппянен делает вывод: «В настоящее время социальная и культурная роль спорта в международных отношениях скорее скрыта, нежели ясна, и способность спорта реализовывать свои собственные цели на основе универсальной идеологии существует больше в теории, нежели на практике» [Seppänen, 1984a, p. 61].

Он отмечает также, что международный спорт обычно выступает как соревнование национальных команд. Атлеты различных стран соревнуются не только сами с собой и друг с другом, но и как представители своих стран. Наблюдается тенденция все более сильного подчинения спорта национальным политическим интересам. Международный успех отдельного спортсмена и команды ценится настолько высоко, что в интересах наций широко пропагандировать его и манипулировать им в своих национальных интересах. Если это направление спортивной политики рассматривать как общую характеристику современного спорта, то, пишет П. Сеппянен, можно сделать вывод о том, что «главной функцией международного спорта скорее является внутренняя интеграция общества, нежели международная солидарность». Вместе с тем он считает, что существует множество иных фактов, которые подтверждают более оптимистический взгляд на роль спорта в международных отношениях. «Спорт, – пишет он, – даже международный спорт высших достижений, необходим, чтобы уменьшить шансы для развязывания войны». «Неясно, однако, – отмечает он тут же, – может ли спорт играть такую роль, чтобы разрешать или хотя бы смягчать международные конфликты. Но, с другой стороны, очевидно, что спорт

как таковой ни создает, ни инициирует войну или другие международные конфликты» [Seppänen, 1984 a, p. 62].

Подход, который демонстрирует П. Сеппянен при решении обсуждаемой проблемы, в целом также следует оценить как *эkleктический*, поскольку он постоянно «шарахается» из одной стороны в другую при оценке миротворческой роли современного спорта и в основном ограничивается простой констатацией его позитивных и негативных аспектов в этом отношении, хотя и затрагивает некоторые факторы, влияющие на ту или иную его роль в системе международных отношений. О таком подходе свидетельствует и заключительный вывод, который делает П. Сеппянен: «Хотя несомненно использование спорта как инструмента международной борьбы за власть и холодной войны... имеются также, по-видимому, некоторые элементы спорта, которые могут служить безопасным клапаном в уменьшении напряженности между народами и нациями. На самом деле роль спорта в международном понимании в настоящее время недостаточно ясна и необходимы дальнейшие исследования в этой области» [Seppänen, 1984 a, p. 62].

Помимо приведенных выше иллюстраций *эkleктического* подхода к оценке гуманитарной роли спорта можно указать и другие: например, Вим де Хеер в статье «Молодежь и спорт в наше время» без дальнейшего анализа выделяет «преимущества» и «недостатки», «положительные» и «отрицательные» стороны спорта высших достижений в отношении детей и подростков [см.: Wim, 1975]; участники 27-й сессии МОА в результате дискуссии по вопросу о социальной ценности спортивных соревнований ограничились тем, что указали их позитивные и негативные аспекты и т.д. [Discussions... 1988, p. 254–256].

Отмечаемое в указанных выше и других работах противоречивое отношение спорта к гуманистическим ценностям требует своего *объяснения*. Действительно, если факты свидетельствуют, например, о том, что спорт «содержит диспозиции как к миру, так и к не миру», то возникает вопрос о том, чем это *объясняется*, почему, под воздействием *каких факторов* в одних случаях он содействует миру, а в других случаях противодействует ему? И если «миролюбивая ценность спорта не является автоматической, не достигается и не реализуется сама по себе», то снова возникает вопрос: а от *каких факторов* зависит эта его ценность, *какие факторы* содействуют ее реализации?

Значит, подлинно *диалектический* – в отличие от *эkleктического* – подход к обсуждаемой проблеме требует дополнить констатацию, *описание* противоречивого социокультурного значения спорта, в том числе современного спорта и олимпийского движения, объяснением причин этой противоречивости:

- *почему* их реальная гуманистическая ценность значительно ниже тех возможностей, которыми вообще обладает спортивная деятельность, и имеют место связанные с ними негативные явления?

- *каковы социальные барьеры*, которые стоят на пути повышения гуманистической ценности спорта?

Для этого необходим *факторный анализ*, т.е. выяснение тех факторов, которые существенно влияют на реализацию гуманистического потенциала спорта, содействуют или, напротив, препятствуют полной и эффективной его реализации, а также дисфункциональным проявлениям в сфере спорта, определяют направление и характер его использования, а значит, и реальную гуманистическую ценность спорта. Такой факторный анализ имеет и важное практическое значение. Он позволяет определить конкретные пути повышения гуманистической роли спорта.

Следует отметить слабую научную разработанность данной проблемы. Предпринимались лишь некоторые попытки выявить общую систему факторов, влияющих на спорт [Семотюк, 1981, 1985; Wohl, 1979, гл. 6.2], и разобраться в комплексе факторов, влияющих на социальное значение международного спорта, его миротворческую функцию

На необходимость анализа этих факторов обратил внимание в своих работах финский социолог спорта К. Хейниля. По его мнению, в связи с противоречивым характером воздействия спорта на международные отношения важен анализ, с одной стороны, тех факторов, которые способствуют международному взаимопониманию, а с другой стороны, тех факторов, которые создают потенциальную угрозу возникновения конфликтов и дисгармонии в международном спорте [Heinilä, 1966]. Социальный смысл международного спорта, указывает он, разумеется, состоит в том, чтобы содействовать международной доброй воле и международному взаимопониманию. «Однако спорт не порождает эту доб-

рую волю и международное взаимопонимание автоматически через какой-то саморегулирующийся механизм и при всех обстоятельствах». Поэтому «крайне необходимо научное исследование для выяснения тех условий и социальных ситуаций, которые содействуют международному взаимопониманию, и тех, которые вредят ему» [Heinilä, 1988, p. 256, 263]. Причем «этот вопрос должен быть рассмотрен без чрезмерного оптимизма и предвзятости» [Heinilä, 1986, p. 27]. Такой факторный анализ, считает К. Хейнила, имеет не только теоретическое, но и важное прикладное значение, поскольку позволяет определить пути оптимизации условий в сфере международного спорта, максимально содействующих международному взаимопониманию, и минимизации условий, делающих международный спорт податливым к порождению межгрупповых конфликтов. К сожалению, отмечает он, существует серьезное отставание в систематическом научном анализе данной проблемы, хотя некоторые исследователи [например, Jones, 1959] и затрагивают ее. К. Хейнила в указанных работах уделяет значительное внимание анализу факторов, определяющих характер и направленность социальной роли спорта в системе международных отношений.

К числу исследователей, которые обсуждали данную проблему, относится и С. Гюльденфенниг. Он указывает в своих работах на то, что практическая реализация заключенных в спорте возможностей для реализации миротворческой функции существенно зависит от тех общественных сил, которые представлены в сфере спортивно-политической практики, и от того, какие цели они здесь преследуют. Спортивные встречи, к примеру, открывают позитивную возможность знакомства людей друг с другом, но вместе с тем надо учитывать возможность возникновения при этом негативных явлений, вызванных встречами с незнакомым и непривычным. Спортивное движение представляет собой возможную модель миролюбивого значения международной кооперации, несмотря на дальнейшее существование определенных конфликтов. Спорт может дать образец ограничения конфликтов, поскольку при нормальных условиях спортивная деятельность регулируется на основе соответствующих правил. Важным условием реализации этой функции спорта является обеспечение независимости сферы спорта в общеполитическом пространстве и демократической конституцией спортивных организаций. Для защиты и дальнейшего развития этой автономии необходимо создать соответствующие условия: постоянно совершенствовать систему спортивных правил, усиливать внутреннюю демократию спортивных организаций, четко разделять политические и этические принципы спорта [Güldenpfennig, 1984 a, s. 183–185].

Другой немецкий ученый – Хорст Майер в упомянутой выше статье указывает на то, что «существует опасность превращения спорта во враждебный миру фактор, если он утратит дух солидарности спортсменов, принципы сотрудничества и упорядоченной конкуренции. Только если спортсмены сохраняют мирный дух спортивной конкуренции, если основным содержанием спортивных мероприятий будет мир, – только тогда позиция и поведение спортсменов смогут убедительно доказать, что и в борьбе можно сохранять стремление к миру» [Майер, 1984, с. 22].

Чешский публицист К. Прохазка в книге «Спорт и мир» [Прохазка, 1986] на основе исторического анализа международных спортивных связей и контактов показывает противоречивый характер его влияния на отношения между народами и нациями, связанный с тем, какие силы – прогрессивные или реакционные используют его для этих целей. Особенно убедительно это сделано на примере анализа социальной роли и значения Олимпийских игр 1936, 1980 и 1984 гг.

Как видно из указанных выше работ, в основном в них сделана попытка выявить факторы, влияющие на миротворческую функцию спорта. Как будет показано ниже, в ходе этого анализа выделяются не все важные факторы.

В работах «Спартианская программа гуманизации спорта высших достижений» [Столяров, 1997 б] и «Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения» [Столяров, 1998 б] автор данной книги предпринял попытку комплексной систематизации факторов, которые определяют гуманистическую ценность спорта. Этот анализ позднее был продолжен в других работах автора и его учеников [см., например: Курило, 200 а, б; Курило, Столяров, 2000; Самусенков, 2000, 2001; Самусенков, Столяров, 2000; Столяров, 1997 в, 1998 г, з, и, 2004 д, 2007к; Столяров, Баринев, Орешкин, 2009 и др.].

По результатам этого анализа обсуждаемые факторы можно разделить на *субъективные* и *объективные*, учитывая при этом их взаимосвязь.

Сначала дадим характеристику субъективных факторов.

### 17.2. Субъективные факторы

К числу субъективных факторов относятся факторы, связанные с *сознательной, целенаправленной деятельностью* людей. Прежде всего имеется в виду поведение субъектов спортивной деятельности, их ценностные ориентации и уровень подготовки.

Поведение субъектов спортивной деятельности, их ценностные ориентации и уровень подготовки. Положение о важном значении этого фактора было сформулировано автором еще в 1980 г. в докладе на Всемирном научном конгрессе «Спорт в современном обществе» (Тбилиси, 1980 г.) [Столяров, 1982 а]. В этом докладе и в его последующих работах неоднократно подчеркивалось, что именно от поведения людей, «от того, какие цели и задачи они ставят перед собой, на что ориентируются, что для них является наиболее важным, значимым в спортивных соревнованиях, в процессе подготовки к ним, самым существенным образом зависит и реальная гуманистическая культурная ценность спорта, направление и характер его влияния на личность и социальные отношения людей» [Столяров, 1998 б, с. 240; 1998 и, с. 128].

Общепризнано, что огромное влияние на социальную значимость спортивной деятельности, характер и степень ее влияния на личность занимающихся и социальные отношения оказывает деятельность тренеров: каковы психолого-педагогические принципы их деятельности; каков стиль деятельности, определяющий характер взаимоотношений со спортсменками; какие цели и задачи они ставят и пытаются решить в работе со спортсменами, какие средства и методы применяют для их решения; ориентируются ли во всех этих компонентах своей деятельности на идеалы и ценности гуманизма или на стремление любыми средствами обеспечить победу своих учеников, коммерческими соображениями и т.п. [Деркач, Исаев, 1981, 1982; Корх, 2000; Марков, 1999; Тернавский, 2008; Тернавский, Столяров, 2008 и др.].

Важное значение для реализации гуманистической направленности спортивных соревнований имеет сознательная целенаправленная деятельность их *организаторов*. Совершенно справедливо ряд исследователей указывают на то, что если спортивная программа не формируется организаторами с целью внести позитивные изменения в моральные суждения, ценностные ориентации спортсменов, то спортивные мероприятия будут приводить к уменьшению просоциального поведения и к увеличению антисоциального и агрессивного поведения [Bredemeier, Shields, 1987, 1993; Coakley, 1993; Giebink, McKenzie, 1985; Kleiber, Roberts, 1981]. Так, если, к примеру, усилия организаторов международных спортивных соревнований в первую очередь и главным образом направлены на то, чтобы эти соревнования помогли установить дружеские контакты, наладить общение различных стран и народов, дали возможность этим странам и народам лучше узнать друг друга, это, безусловно, содействует тому, чтобы эти соревнования выступали как фактор единения, интеграции и сближения различных стран и народов, укрепления мира, дружбы и взаимопонимания между ними. «Мир поддерживается спортивными соревнованиями, если последние сознательно организованы с конечной совместной целью сохранить мир» [Wachter, 1983, p. 257]. Совсем другое дело, если организаторы на первый план выдвигают задачу сделать соревнования предельно острыми, напряженными (в частности, для того, чтобы повысить интерес к ним со стороны зрителей и средств массовой информации) или если над ними довлеют какие-то коммерческие или националистические соображения. При таком подходе международные спортивные соревнования, скорее всего, будут содействовать конфронтации в межгосударственных отношениях, не столько объединять, интегрировать, сколько разъединять различные страны, народы, нации, противопоставлять их друг другу.

На социальное значение и социальные функции спорта самым существенным образом влияет *позиция государственных деятелей*, определяющих общее направление, стратегию социальной политики, характер ее реализации в различных сферах общественной жизни, в том числе в области спорта. Это связано не только с авторитетом этих государственных деятелей, с огромными возможностями, которыми они располагают для пропаганды своих идей, но и с тем, что, как правило, от них зависит сама возможность и уровень тех или иных социальных контактов (в том числе спортивных), особенно междуна-

родных, степень их финансового обеспечения и т.д. Они во многом определяют поведение тренеров, средств массовой информации, связанных со спортом, и т.д.

Ответственность за гуманистическую миссию спорта в международных отношениях во многом лежит и на самих *спортсменах*. Б.Л. Беннет в выступлении на международном симпозиуме «Мир и взаимопонимание посредством спорта», организованном в 1988 г. Институтом международного спорта, сформулировал два основных принципа нравственного поведения спортсменов на международных соревнованиях, содействующих роли спорта как фактора укрепления мира: принцип «не лишай другую сторону справедливой награды путем обмана» и принцип «чувства честного уважения ко всем людям» [см.: Bennett, 1989]. Э.Ф. Цейглер и Л.Дж. Хэстлер в докладе на том же симпозиуме высказали мнение о том, что к числу профессиональных качеств работников сферы спорта следует относить «мировой менталитет» (“world mentality”), т.е. их «ответственность за развитие мира во всем мире и международной доброй воли» [Zeigler, Huelster, 1989].

Существенное влияние на роль спорта в формировании и развитии ценностей культуры мира оказывает также реакция *зрителей* на поведение спортсменов и тренеров: одобрение или неодобрение тех или иных их поступков (агрессивных, недружелюбных действий или, наоборот, высоконравственного поведения). Сложившиеся у зрителей эмоционально-волевые установки восприятия спортивного зрелища определяют и их отношение к спортивным соревнованиям: «Если, например, спортивное состязание являлось для зрителя прежде всего моделью жесткого соревнования, где противостоящие друг другу стороны действуют в соответствии с сугубо эгоцентристскими установками, то и спортивное соревнование между командами, представляющими разные государства, само по себе, в силу только того, что теперь это именно международное соревнование, не будет с очень большой вероятностью для зрителя тем, что укрепит в его сознании идеи мира и дружбы между народами» [Визитей, 1990, с. 66–67].

Для многих зрителей привлекательность спортивных соревнований существенно повышает возможность отождествить себя с тем или иным понравившимся ему спортсменом, сделать себя представителем той или иной команды. Подобное представительство тешит самолюбие зрителя: ему приятно совместно с избранным им спортсменом (командой) быть на первом плане, легко достигать вершин ошеломляющего успеха, красиво преодолеть все трудности и препятствия и в результате как бы встать вместе со спортсменом (командой) на высшую ступень пьедестала почета, будучи увенчанным лавровым венком (или иной спортивной наградой).

Этот процесс идентификации зрителей с победителем (спортсменом или командой) создает благоприятные условия для потенциального конфликта в спорте, поскольку чувство принадлежности к одной из групп в определенной ситуации может перерасти в этноцентризм (шовинизм), а последний увеличивает вероятность конфликта данной группы с другими группами.

Этому содействует и то обстоятельство, что спортсмены и зрители часто ориентируются (причем нередко осознанно) на национальные стереотипы и предрассудки, соответствующие историческим, культурным, политическим и социальным условиям жизни. Это проявляется в исполнении гимнов, демонстрации флагов и другой национальной символики. Осознанное убеждение в национальном успехе и превосходстве способствует усилению групповой идентификации и пролонгированию внутри и внегруппового раскола среди зрителей и команд и тем самым увеличивает вероятность межгруппового конфликта. Особенно ярко это проявляется на международных соревнованиях стран, которые примерно равны друг другу в различных областях жизни, включая спорт, и потому команды, представляющие эти страны, имеют равные шансы на победу. К примеру, Швеция и Финляндия во многих областях схожи, равны друг другу, и это служит базисом для сравнения и оценки культурных, экономических и образовательных сфер жизни этих стран. Соревнование между этими командами характеризуется крайней чувствительностью к спорам и конфликтам любого рода. А вот на соревнованиях Финляндии и СССР такого рода атмосфера возникала значительно реже, ибо имелаась очень большая разница между этими странами в социальной структуре, в размерах и т.д., что делало неуместным их сравнительную оценку. И потому если финской команде было не «унизительно» проиграть команде СССР, то проигрыш шведской команде рассматривался почти как «национальная трагедия» [Heinilä, 1966, p. 33].

Как показывают исследования, конфликты по указанным причинам более вероятны в командных видах спорта, нежели в индивидуальных, поскольку зрителям, по-видимому, психологически легче идентифицировать себя с командой, нежели с индивидуальным участником.

Итак, поведение спортсменов, тренеров, спортивных функционеров, зрителей и других лиц в сфере спорта, содержание и направленность всей их деятельности в этой сфере оказывают огромное влияние на социальное значение и социальные функции спорта, способствуют его позитивному или негативному воздействию на личность и социальные отношения людей.

Касаясь одной из важнейших культурных функций спорта – его миротворческой функции, Хорст Майер писал, например: «Степень соблюдения принципа честной игры спортсменами и тренерами во время подготовки и проведения соревнования или поведение публики на трибунах мало что говорят об отношении этих участников спортивного мероприятия к политике мира вообще. Однако агрессивное поведение перед соревнованиями, во время соревнований и после них получает чрезвычайно сильный общественный резонанс, вызывает даже презрение со стороны множества людей по отношению к виновному или виновным. Формы поведения в спорте могут эффективно выполнять функцию образца для подражания только при том условии, что все, так или иначе связанное с соревнованием, будет укладываться в понятие “спортивность”, т.е. обязательно носить мирный характер» [Майер, 1984, с. 21].

С. Гюльденпфенниг подчеркивал, что культурно-воспитательное значение Олимпийских игр зависит от поведения спортсменов, тренеров, организаторов Игр, а также зрителей и профессиональных корреспондентов: «От того, как они выполняют свои функции в рамках Олимпийских игр, в какой степени они сами олицетворяют содержащиеся в этих целях возможности, выполняют их и демонстрируют на практике, зависит то, в какой степени Олимпийские игры проявляют на практике свое потенциальное символическое содержание и как они практически могут проявить свои связанные с этим воспитательные возможности» [Güldenpfehnig, 1981, p. 49–50].

Но само поведение, сама деятельность субъектов спортивной деятельности существенным образом зависят от их интересов, потребностей, ценностных ориентаций, а также от уровня их подготовленности, их умений, знаний, способностей. Значит, «в первую очередь от умений, знаний, навыков, старательности, добросовестности, честности, порядочности, настойчивости организаторов и организаторов спортивных соревнований, тренеров, врачей, представителей средств массовой информации, научных работников в области спорта, руководящих деятелей национальных и международных спортивных организаций, самих спортсменов во многом зависит реальная значимость спорта для человека и человечества: выступает ли он как благо для человека, как гуманистическая ценность или же, наоборот, как ярко выраженное антигуманное явление» [Столяров, 1982 а, с. 25].

Интересы, потребности, ценностные ориентации человека определяют, *что он желает увидеть в спорте, получить от него, как он желает его использовать.*

Так, например, характер воздействия спорта на эстетическое сознание спортсменов, зрителей и «болельщиков» во многом зависит именно от системы их интересов и ценностных ориентаций. Если зрителя в спорте интересует только возбуждающий страсти и щекочущий нервы азарт соревнований, если главное, что движет спортсменом в занятиях спортом, – его тщеславие, стремление любыми средствами победить соперника, то во всех этих случаях спорт вряд ли будет стимулировать развитие эстетических вкусов такого зрителя и спортсмена. На первый план здесь выступает развитие других, сугубо прагматических, утилитарных, а отнюдь не эстетических потребностей.

Напротив, если зритель обращается к спорту для того, чтобы еще раз насладиться такими эстетическими ценностями, как прекрасное тело спортсмена, его совершенные движения, прекрасные и возвышенные поступки и др., он получает возможность не только испытать эстетическое наслаждение, но и потренировать свою способность к эстетической оценке явлений. Если спортсмен стремится не просто добиться победы над противником, используя любые средства, а старается при этом доставить и себе и зрителям эстетическое наслаждение своими действиями, если он активно включен в различные формы эстетической деятельности в спорте, стремится действовать «по законам красоты», он опять-таки тренирует свою эстетическую способность.

Из этого, в частности, следует, что интерес человека к спорту или активные занятия спортом вовсе не свидетельствуют о его неразвитом эстетическом вкусе, как это нередко утверждают. Грубый, неразвитый в эстетическом отношении вкус проявляется отнюдь не просто в направленности на спорт, а в том, *что именно* в самом спорте и в сопутствующих ему явлениях избирается объектом интереса [Столяров, Басин, 1989, с. 173].

К сожалению, в настоящее время весьма слабо исследован вопрос о типологии спортсменов и зрителей («болельщиков») с точки зрения их ориентации на эстетические ценности спорта. Одна из немногих попыток в этом плане предпринята в совместной работе автора с М.Я. Сарафом [Столяров, Сараф, 1982]. Выделено три группы спортсменов и зрителей. В *первую* группу входят те спортсмены и зрители, которые вообще не интересуются эстетической стороной спорта и которых волнует лишь чисто техническая, результативная сторона спортивного состязания, а также связанные с ним эмоциональные реакции. Для зрителей и спортсменов, входящих в данную группу, важен прежде всего спортивный результат независимо от того, достигнут он эстетичным способом или каким-то другим. Более того, интерес у них, как правило, вызывают неэстетические способы достижения победы, сколько то, каким путем он достигнут, насколько «эстетично» это сделано. *Вторая* группа объединяет тех спортсменов и зрителей, которые могут испытывать эстетическое удовольствие от спортивной деятельности и наблюдения за спортивными состязаниями. Но эстетическая потребность не является доминирующей в системе их потребностей и интересов. Наконец, *третья* группа включает в себя спортсменов и зрителей, которые занимаются спортом и наблюдают за спортивными состязаниями во многом (если не в первую очередь) именно потому, что их привлекает возможность испытывать при этом наслаждение от многообразных проявлений эстетических ценностей в спорте. Для этой группы характерна сформировавшаяся, устойчивая ориентация на эстетические ценности в спорте. Для зрителей и спортсменов, входящих в данную группу, важен не только и не столько спортивный результат (выигрыш, победа и т.д.), сколько то, каким путем он достигнут, насколько «эстетично» это сделано. У таких спортсменов и зрителей отрицательную реакцию вызывает чисто физическое превосходство одних участников спортивных состязаний над другими, не дополняемое нравственным и эстетическим превосходством. В этой связи интересно привести ответ Пеле на вопрос корреспондента английского специализированного журнала «Уорлд соккер», чем бразильские футболисты отличаются от остальных: «В игре наших футболистов больше артистизма, так как они знают, что зрители ждут от них прежде всего красивого представления. Игроки стремятся показать на поле нечто вроде спектакля. Даже если такая игра порой не приносит успеха команде, зрители остаются довольными тем, что увидели отличную технику обращения с мячом, красивый дриблинг, коварные удары...» [см.: газ. «Советский спорт», 1981, 11 ноября].

Одно время высказывалась точка зрения, что по мере дальнейшего развития футбола будет возрастать указанная выше третья группа. Данную точку зрения высказывал, к примеру, известный футбольный тренер и спортивный организатор М.П. Сушков. «Творческий уровень болельщика, – писал он, – растет и растет. Вкус болельщика все тоньше и тоньше. Ажиотаж вокруг голого счета все меньше и меньше. Ценитель усиленно тянется к красоте футбола» [Сушков, 1981, с. 125]. Автор также склонялся к этому выводу [Столяров, Басин, 1989, с. 174].

Однако реальное развитие футбола не подтверждает этой тенденции. Напротив, в последние годы значительно увеличилась – особенно среди молодежи – именно первая группа. Данный вопрос заслуживает, однако, дальнейшего изучения, равно как и вопрос о типологии спортсменов и зрителей с точки зрения их ориентации на нравственные ценности.

Важное значение имеет чувство социальной ответственности спортсменов: «Спорт действительно может стать огромным положительным фактором для улучшения международного взаимопонимания. Все, что привлекательно в спорте, может стать агентом доброй воли между людьми. Существует прекрасная возможность для этого. И огромная ответственность спортсменов состоит в том, чтобы не упустить эту возможность» [Jones, 1959, p. 170].

К. Хейнила указывал на зависимость социально-гуманистического эффекта международного спорта «от умов людей и значения, которое они придают международному спорту». По его мнению, ценности и цели, определяемые в каких-либо конституционных



правилах или объявляемые в политических программах, не могут служить основным критерием для оценки роли международного спорта в развитии международного взаимопонимания или непонимания. «Наиболее важным является значение, которое сами люди придают спорту: значение, которое придают соревнованию спортсмены, участвующие в международном спорте, зрители, наблюдающие за соревнованиями на трибунах или по телевидению, и спортивные журналисты при трансляции этих состязаний». Ссылаясь на слова из конституции ЮНЕСКО: «Поскольку войны начинаются в умах людей, с умов людей должна строиться и защита мира», К. Хейнила писал: «Подобным же образом международное взаимопонимание, дружба и взаимное уважение в спорте в значительно большей степени зависят от умов людей и значения, которое они придают международному спорту, нежели считаем мы и такие спортивные организации, как, например, МОК» [Heinilä, 1985, p. 246–247].

Зависимость миротворческой функции международного спорта от поведения спортсменов, тренеров и зрителей отмечал Хорст Майер: «Степень соблюдения принципа честной игры спортсменами и тренерами во время подготовки и проведения соревнования или поведение публики на трибунах мало что говорят об отношении этих участников спортивного мероприятия к политике мира вообще. Однако агрессивное поведение перед соревнованиями, во время соревнований и после них получает чрезвычайно сильный общественный резонанс, вызывает даже презрение со стороны множества людей по отношению к виновному или виновным. Формы поведения в спорте могут эффективно выполнять функцию образца для подражания только при том условии, что все так или иначе связанное с соревнованием, будет укладываться в понятие “спортивность”, т.е. обязательно носить мирный характер» [Майер, 1984, с. 21].

С. Гюльденпфенниг подчеркивал, что гуманистическая роль Олимпийских игр существенно зависит от поведения спортсменов, тренеров, организаторов Игр, а также зрителей и профессиональных корреспондентов: «От того, как они выполняют свои функции в рамках Олимпийских игр, в какой степени они сами олицетворяют содержащиеся в этих целях возможности, выполняют их и демонстрируют на практике, зависит то, в какой степени Олимпийские игры проявляют на практике свое потенциальное символическое содержание и как они практически могут проявить свои связанные с этим воспитательные возможности» [Güldenpfennig, 1981, p. 49–50].

Таким образом, *ценностные ориентации и поведение всех субъектов спортивной деятельности оказывают существенное влияние на реализацию гуманистического потенциала спорта, содействуют или, напротив, препятствуют его полной и эффективной реализации, а также дисфункциональным проявлениям в сфере спорта, определяют направление и характер его использования, а значит, и реальную гуманистическую ценность спорта.*

Каким образом в этом плане можно оценить ценностные ориентации и поведение субъектов современной спортивной деятельности?

Как отмечено выше (см. раздел IV), результаты многочисленных социологических опросов спортсменов указывают на то, что у многих из них (особенно в профессиональном спорте, спорте высших достижений и олимпийском спорте) ярко выражена ориентация на победу, высокие спортивные результаты и значительно слабее представлена (а иногда и совсем отсутствует) ориентация на духовно-нравственные и другие гуманистические ценности.

К аналогичным выводам приводит анализ результатов опроса и других субъектов спортивной деятельности.

Дж. Албинсон (Канада) еще в 1973 г. писал о том, что тренеры спортивных команд имеют профессиональную ориентацию, которая может быть измерена по шкале профессионализма Уэбба (Webb), и что большинство тренеров (72%) отдадут предпочтение «играть как вы можете» и только 1% тренеров отдадут предпочтение принципам честной игры. По его мнению, даже тренеры любительских команд, как правило, вырабатывают профессиональное отношение к игре [Albinson, 1973, p. 79].

В.В. Белорусова на основе педагогических наблюдений и анкетного опроса 210 тренеров, а также бесед с ними пришла к выводу о том, что 30–40% респондентов редко предъявляют требования к честности, культуре поведения, к проявлению товарищества. Все тренеры наставляют спортсменов на мужественную, самоотверженную борьбу, 90,4% из них – на строгое соблюдение дисциплины, 85,93% – на поддержку и оказание помощи

товарищам. Несколько слабее выражены требования уважения к коллективу (77,08%) и к сопернику (73,83%) и совсем слабо – к соблюдению спортивных традиций (57,71%) и уважению к зрителю (49,1%) [Белорусова, 1982, с. 154–155].

По данным В.А. Винник, лишь 15% опрошенных ею тренеров считают, что основной критерий, которым следует руководствоваться спортсмену в соревновании, – общепринятые нормы. Причем сами спортсмены вдвое чаще имеют высокие общественно ценностные ориентации. Причем, 15,2% спортсменов отметили, что их тренер для них вообще не является образцом – ни как спортсмен, ни как педагог [Винник, 1989, с. 87].

При опросе слушателей ФПК МГАФК в 1989–1991 гг. были выяснены мнения 117 руководителей и ответственных работников республиканских, краевых, областных и городских физкультурных организаций, различных спортивных клубов, 169 тренеров по спорту, 61 преподавателя института физкультуры и 98 преподавателей физического воспитания нефизкультурных вузов о их целях в рамках олимпийского движения. Ответы распределились следующим образом: «Завоевание медали; титула чемпиона; желание быть призером» – 94,2%; «участие в Олимпийских играх, занятия спортом и выступление в соревнованиях; развитие физических способностей и достижение высших спортивных результатов» – 67, 2%; «пропаганда спорта, отдельных видов спорта» – 19,5%; «борьба за национальный престиж на спортивной арене» – 9,6%. Другими словами, преобладали спортивно-технические ориентиры и состязательные амбиции, а не гуманистические идеалы олимпизма. Никто из респондентов не связал свою деятельность в рамках олимпийского движения с укреплением здоровья спортсменов [Жолдак, 1998, с. 111].

О.И. Самусенков в 1988-1989 гг. наряду с юными футболистами опросил 75 футбольных тренеров ДЮСШ, СДЮШОР и ШИСП. Респонденты были представлены различными величинами таких параметров, как возраст, тренерский стаж, количество лет игры в футбол и работы в ДЮСШ, квалификация, тренерская категория, место работы и результаты тренируемых команд. Это обеспечило большую достоверность результатов исследования. Анализ результатов опроса показал, что большинство тренеров не проводят специальной работы по формированию у юных футболистов правильного отношения к нравственным, эстетическим и другим гуманистическим аспектам спорта. Более того, многие тренеры вообще не считают такую работу необходимой. Так, всего лишь 63% тренеров считают важным формировать у юных спортсменов стремление и способность видеть, чувствовать и понимать красоту спорта, действовать по законам красоты, причем 25,3% считают эту задачу не очень важной, а 11% придерживаются мнения, что ее вообще не надо ставить и решать в работе с юными спортсменами. Задачу формирования у юных спортсменов стремления использовать занятия футболом для гармоничного развития личности оценивают как важную только 63,7%; 36,3% считают эту задачу не очень важной. Только 36% тренеров считают, что занятия футболом надо использовать для формирования экологической культуры юных спортсменов. Лишь 54,7% опрошенных тренеров юных футболистов считают, что в ходе их педагогической работы важно формировать у юных спортсменов желание участвовать в олимпийском движении. Причем 25,8% считают эту задачу не очень важной, 1,5% – что ее вообще не надо ставить и решать, а 18% – затруднились ответить на поставленный вопрос. Только 45,5% считают обязательным для формирования у юных спортсменов правильного (гуманистически ориентированного) отношения к спорту использовать идеалы и ценности олимпизма, а 54,5% признают, что это можно делать, но не считают это обязательным для тренера. О пассивности тренеров в приобщении юных спортсменов к олимпизму свидетельствуют и их ответы на вопрос: многие ли тренеры той спортшколы, в какой они работают, участвуют в пропаганде идей олимпизма, олимпийского движения. По оценке опрошенных тренеров, 45,5% тренерского состава вообще не принимают в этом участия.

О слабой ориентации тренеров на духовно-нравственные ценности свидетельствуют и другие их ответы. Так, высказывая свое мнение о соотношении спортивного результата, спортивных достижений и того пути, который к ним ведет (поведения спортсмена, зрелищности спортивного поединка и т.п.), только 15,1% тренеров отдали приоритет нравственному поведению спортсмена и красоте спортивного поединка; 33,3% посчитали самым важным в современном спорте достижение высокого результата, а 51,6% признали примерно одинаковую ценность того и другого. Весьма характерными являются ответы тренеров на вопрос о том, какова будет их реакция на такие действия их воспитанника, который во время соревнований добивается успеха, но при этом нарушает правила спор-

тивной этики. Только 63,7% тренеров ответили, что основной акцент они сделают на нарушении юным спортсменом правил спортивной этики; 33,3% заявили, что основной акцент они сделают на успехе юного спортсмена, а как указали 3%, они просто сделают вид, что не заметили нарушения.

Половина респондентов высказали свое полное согласие с мнением о том, что игрок может притворяться, симулировать травму, нарушать правила, если это способствует победе команды. 34,8% респондентов в принципе выразили согласие, хотя и с некоторыми оговорками, а 7,5% – полное согласие с тем, что опасный игрок соперника должен быть нейтрализован любым способом; 25% в какой-то мере согласны с тем, что игрок (а 30% – что и команда) должен отвечать грубостью на грубость и опасного игрока команды противника нужно остановить любыми средствами, а также имитировать травмы, если партнеры устали, с целью затяжки времени; 90% допускают затяжку времени, чтобы удержать победу. 30% тренеров считают, что игроки должны демонстративно влиять на решения судьи, если тот нерешителен, а 25% – критиковать судью, если его решение не совсем справедливо. 15% опрошенных в какой-то мере согласны в том, что игрок может применить запрещенный грубый прием, если это не будет замечено судьей. По мнению 40%, игрок может делать вид, что именно ему принадлежит право аута, хотя оно и принадлежит команде соперника. 60% высказали мнение, что игрок должен продолжать играть, касаясь мяча за линией поля, если судья не увидел этого момента; 40% согласны с тем, что в ключевых играх для победы игроки могут использовать любые средства, а 50% – что возможны ситуации, когда необходимо добиться победы любой ценой. 10% опрошенных считают возможным использовать взятки, подарки судьям, игрокам и руководству других команд, если команде грозит переход в низшую лигу.

В рассматриваемом отношении характерна и оценка тренерами предложенной им ситуации: «Вы видите, что игрок тренируемой Вами команды, нарушив правила, добивается успеха, а судья этого не заметил. Как Вы поступите?» Ответы распределились следующим образом: 10% – поведение игроков меня вообще не интересует и не волнует, каждый волен сам отвечать за свои поступки; 70% – во время игры ничего предпринимать не буду, а после игры поставлю в известность игроков; 20% – сразу во время игры сообщу об увиденном судье и буду добиваться отмены его решения. Еще более важными являются данные, полученные в ходе опроса, согласно которым 50% тренеров во имя победы самим доводилось нарушать правила честной и справедливой игры, причем только 30% сильно переживали об этом. 25% сообщили, что они и сейчас поступили бы так же, как и раньше. 55% тренеров, по их собственной же оценке, пытаются иногда влиять на решение судьи с помощью различных восклицаний или жестов. В ходе второго социологического исследования (1998–1999 гг.) наряду с футболистами было опрошено 300 тренеров и 300 арбитров. И этот опрос выявил слабую ориентацию большинства респондентов на нравственное поведение в спорте и их высокую ориентацию на победу любой ценой. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы респондентов на вопрос о том, к решению каких задач, связанных со спортом, они прилагают основные усилия. Респонденты в основном ориентированы на достижение высокого спортивного результата и физическое совершенствование. Все задачи, связанные с духовно-нравственным и эстетическим совершенствованием, рассматриваются как второстепенные [Самусенков, 2000, 2001; Самусенков, Столяров, 2000].

Аналогичные данные, характеризующие ценностные ориентации тренеров при подготовке спортсменов (хоккеистов, легкоатлетов и др.), получены другими исследователями [Курило, 2000 а, б; Паршиков, 2003, 2004; Тернавский, 2008; Черевач, 1998; Чесноков, 1998 а, б, в; ].

Важно отметить также, что в связи с расширением спорта значительно растет число связанных с ним и имеющих в нем определенные интересы различных партий и сил. В современном спорте к их числу относятся: *спортивные* (национальные и международные спортивные федерации; НОКи и МОК, спортсмены, зрители, спортивные средства массовой информации); *политические* (различные государства и партии, национальные правительственные организации); *экономические* (индустрия спорта, коммерческие средства массовой информации и развлечения, профессиональный спорт). Интересы этих партий и сил разнообразны. Некоторые из них непосредственно связаны со спортом, направлены на реализацию его *внутренних* целей, задач, норм поведения: на обеспечение соревновательности на основе определенных правил, соблюдения принципов fair play, создания

одинаковых условий для участников спортивного соревнования и т.д. Но интересы могут быть и *внешними* по отношению к спорту. Характер и направленность этих интересов также различны. Они могут быть связаны с такими ценностями общего блага, как, например, мир, дружба, взаимное уважение, международное взаимопонимание, всеобщие человеческие права, равенство и т.п. Но наряду с этим они могут преследовать задачу использовать спорт для достижения таких целей, как, например, политическая власть, обогащение, профессионализм, шовинизм, этноцентризм, расизм, дискриминация. Как отмечает К. Хейнила, указанные внутренние и внешние интересы могут быть связаны друг с другом, не противоречить друг другу, а могут и исключать друг друга [Heinilä, 1986, p. 6–9].

В сфере международного и олимпийского спорта можно выделить двоякого рода ценностные ориентации: 1) на официально провозглашаемые МОК и другими международными организациями ценности *наднационального* общего блага: мир, дружбу, международное взаимопонимание, уважение и 2) на ценности, которые связаны с интересами *отдельных* соревнующихся стран и их стремлением улучшить свое представительство на международной арене, в олимпийском движении. Хотя эти ценностные ориентации в определенном отношении противоречат друг другу, но они с необходимостью присущи сфере спорта. С одной стороны, спорт не может быть основан исключительно на национальных интересах. Но он не может быть направлен на достижение и одного лишь общего блага, «не утратив при этом своей остроты и самой фундаментальной идеи спорта – стремления к совершенству» [Heinilä, 1985, p. 246].

Национальные спортивные организации (в частности, НОКи) основные свои усилия направляют на достижение успеха своих спортсменов в международных соревнованиях, а не на общее благо. По мере того как международные соревнования становятся все более популярными и заметными, страны, участвующие в этих соревнованиях, мобилизуют и используют все имеющиеся национальные ресурсы для достижения успеха и победы. Наиболее ярко это проявлялось, например, в политике США и социалистических стран (например, ГДР), которые открыто провозглашали своей целью мобилизацию всех национальных ресурсов для достижения превосходства над другими странами в международном спорте. Однако такая преимущественная ориентация на достижение успеха свойственна и другим странам. Иллюстрацией может служить факт, который приводит К. Хейнила. Министерство образования и Государственный спортивный совет Финляндии подготовили «План интернационализации спортивной политики и участия финской политической элиты в международной кооперации». Этот план ставил своей задачей повышение значимости международного взаимопонимания и мира, а также образования для кооперации и международной коммуникации в спортивной политике. Однако на практике, подчеркивает К. Хейнила, не обнаружилось каких-либо существенных изменений в политике национальной спортивной финской федерации [Heinilä, 1985].

Повышающиеся требования в международном и олимпийском спорте влекут за собой повышение роли государства в подготовке атлетов. Но чем больше это происходит, тем больше акцента получают национальные интересы и успех национальных команд в противовес общей благородной цели в спорте. Ф.К. Хэтфилд еще в 1976 г. писал о том, что «по мере того, как интересы государства начинают преобладать через практику субсидий и спонсорства, повышается их роль в последующих победах или поражениях. Этот порочный круг воспроизводит шовинизм, пожалуй, в большей степени, чем какие-либо другие факторы» [Hatfield, 1976, p. 44].

Отмеченные выше особенности ценностных ориентаций субъектов современного спорта, проявляемые как в субъективном плане, так и в плане реального поведения, выступают как существенные барьеры, препятствующие повышению его гуманистической ценности.

Ценностные ориентации и соответствующее поведение человека во многом определяются уровнем его образования. Хорошо известны слова К. Маркса о том, что «для немзыкального уха самая прекрасная музыка не имеет никакого смысла, она для него не является предметом» и что «если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком». Эти слова в полной мере применимы, например, к эстетическому восприятию спорта, эстетическое содержание которого может оказаться совершенно недоступным человеку, если у него отсутствует развитая эстетическая способность, или, используя слова К. Маркса, «чувствующий красоту формы глаз», если он не получил должного эстетического образования. Одной из причин слабой ориентации

спортсменов, тренеров и зрителей на социокультурные (нравственные, эстетические и т.п.) ценности спортивной деятельности как раз и является *низкий уровень их знаний, умений и навыков* в этой области. Он приводит к ошибочному (по крайней мере, ограниченному) представлению о ценности активных занятий спортом, к упрощенной (а нередко и ошибочной) трактовке нравственных ценностей (в том числе принципов «честной игры»), важнейших эстетических категорий (например, критерия красоты в спорте) и т.д. [Барина, 1994; Гутин, 1984; Косяк, 1990; Паршиков, 2003, 2004; Петлеваный, 1997; Самусенков, 1989, 2000; Самусенков, Столяров, 2000; Столяров, 1998 б, и; Стопникова, 1992; Тернавский, 2008; Черевач, 1998; Чесноков, 1998 а, б, в; Landry, 1986 и др.].

Известно, что система знаний, умений, а также ценностных ориентаций человека в первую очередь формируется посредством *педагогической* деятельности. Поэтому ее также следует отнести к числу важных субъективных факторов, определяющих социальное значение и социальные функции спорта.

**Педагогическая деятельность.** Педагогическая деятельность, влияющая на формирование интересов, потребностей, ценностных ориентаций (т.е. всей мотивационной системы) субъектов спортивной деятельности, включает в себя как *общую* систему образования и воспитания, так и *спортивное* воспитание – специальную систему педагогической деятельности, которая призвана сформировать систему знаний, интересов, потребностей, умений и навыков, связанных со спортом и его использованием для тех или иных целей.

Для формирования ориентации субъектов спортивной деятельности на гуманистические ценности особенно важное значение имеет *спортивно-гуманистическое воспитание*.

Эта педагогическая деятельность является *гуманистической* по ряду параметров. Во-первых, как разновидность гуманистической воспитательной деятельности она строится в соответствии с *принципами гуманистической педагогики и психологии*. Во-вторых, спортивно-гуманистическое воспитание имеет своей целью воспитание *гуманистического* отношения к спорту, *гуманистически* ориентированной спортивной культуры. Оно призвано формировать и совершенствовать у детей и молодежи определенную, связанную со спортом гуманистическую систему знаний, способностей, интересов, потребностей, и т.д.: позитивное отношение ко всему в спорте, что содействует реализации гуманистических идеалов и ценностей, и негативное отношение ко всем антигуманным явлениям в спорте, антигуманным формам и средствам его использования. В этом плане спортивно-гуманистическое воспитание призвано снизить дисфункциональное влияние такого фактора, как культ успеха, победы, высоких достижений в спорте. В-третьих, гуманистическая направленность этой воспитательной деятельности проявляется в том, что она призвана, используя спорт, содействовать реализации более широких педагогических целей и задач – *гуманистическому воспитанию*, формированию *общей гуманистической культуры личности* [Барин, 2009 а; Столяров, 1984 а, 1988 ж, з, 1990 а, 2000 е; Столяров, Козырева, 2002; Stolyarov, 1978 с, 1989 б].

В Декларации «Молодые люди и спорт», принятой на 8-й Конференции министров спорта европейских стран [Европейский манифест... 1996], подчеркивается, что занятия спортом должны рассматриваться с позиций гуманизма и терпимости. В соответствии с этим специалисты, организующие эти занятия, должны направлять свои усилия на развитие у молодежи психических и физических качеств; обучение этическим ценностям, справедливости и дисциплинированности; воспитание уважения к себе и другим людям, в том числе к группам меньшинства; обучение терпимости и ответственности как предпосылки жизни в демократическом обществе; воспитание способности самоконтроля и развитие положительных качеств личности; пропаганду здорового образа жизни. Значит, предназначение спортивно-гуманистического воспитания выходит за рамки спорта. Оно призвано формировать и совершенствовать у детей и молодежи такую связанную со спортом гуманистическую систему знаний, способностей, интересов, потребностей и т.д., которая должна занять столь прочное место в общей системе личностных качеств человека, что превратится в философию жизни, ориентирующую его во всех делах и поступках, во взаимоотношениях с другими людьми на приоритет свободы и достоинства человеческой личности, кооперацию, сотрудничество и другие духовно-нравственные ценности.

Анализ показывает, однако, что в организации работы по спортивно-гуманистическому воспитанию имеются существенные недостатки. Она проводится не всегда и не всеми, кто это должен делать. До сих пор не создана достаточно эффективная *система* средств, форм и методов такой работы. Как отмечено выше, значительная часть

специалистов в области спорта и по своим знаниям, и по своей ориентации слабо подготовлена к тому, чтобы в полной мере и максимально эффективно использовать социально-культурный гуманистический потенциал спорта, формировать у своих учеников гуманистически ориентированное ценностное отношение к спорту, нравственную, эстетическую, экологическую культуру, культуру общения, творческие способности.

Этому препятствуют и те *педагогические принципы*, на которых построена сложившаяся система работы в области спорта: вся активность обычно исходит лишь от педагога (преподавателя, тренера, организатора), а ученики выступают как пассивный объект их педагогического воздействия; не учитываются в полной мере индивидуальные личностные особенности тех, на кого направлено данное воздействие и т.д. Эти принципы не позволяют в полной мере осуществить гуманистическое воздействие на личность и являются весьма существенными социальными барьерами на пути полной и эффективной реализации гуманистического потенциала спорта.

Средства массовой информации. К числу факторов, оказывающих существенное влияние на систему интересов и ценностных ориентаций людей, связанных со спортом, относятся *средства массовой информации*. Они осуществляют массовую коммуникацию – один из важнейших видов социального общения, под воздействием которого у человека формируются определенные знания и стереотипы поведения, ему прививается система ценностей, задаются нормативы поступков. Средства массовой информации обладают широким диапазоном педагогического и психологического воздействия на людей: от простого ознакомления и обучения до убеждения. От направления, содержания, объема и качества продукции средств массовой информации во многом зависят структура и содержание общественного мнения о спорте, характер и степень ценностного отношения к нему. Общий подход средств массовой информации к освещению соревнований, акценты на тех или иных моментах, соответствующие комментарии и разъяснения и т.д. формируют ценностные ориентации, стереотипы поведения спортсменов, тренеров, организаторов международных спортивных соревнований. При этом важно учитывать, что огромная масса людей приобщается к спорту в качестве зрителей через средства массовой информации – радио, телевидение, газеты, журналы. И последние оказываются теми «очками», которые определяют не только то, что эти люди *видят* в спорте, но и то, что они *хотят* увидеть.

Таким образом, с одной стороны, значительно возрастает роль спорта как средства международной коммуникации, а с другой стороны, зависимость ориентации субъектов спортивной деятельности, а значит, и ее социальной ценности от средств массовой информации.

На эту зависимость обращается внимание в «Декларации по фундаментальным принципам относительно вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в защиту прав человека, осуждение расизма, апартеида и подстрекательство к новой войне» [Declaration... 1978], принятой на 20-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже, а также в специальном бюллетене «Спорт – это коммуникация» 11-го Олимпийского конгресса в Баден-Бадене [Bulletin... 1981]. Роль средств массовой информации в развитии олимпийского спорта обсуждалась на юбилейном Олимпийском конгрессе в Париже [Centennial... 1994, p. 337–402]. Данной проблеме посвящен также специальный выпуск международного журнала по социологии спорта [Special topical issue... 1986].

Как отмечают исследователи и общественные деятели, основное внимание в средствах массовой информации уделяется лишь спорту высших достижений, а в рамках последнего – результатам спортивных соревнований. Главная цель, которая при этом преследуется, – вызвать интерес зрителей и болельщиков к спортивным соревнованиям и тем самым обеспечить прибыль организаторам спортивных соревнований. В результате нередко дается такое освещение спортивных событий, которое содействует не столько гуманистической, сколько антигуманной ориентации субъектов спортивного действия [Андрефф, 2006; Виноградов, 1990; Гуськов С.И., Гуськов С.С., 2000; Пац-Помарнацкий, Седов, 1982; Banciulescu, 1980; Brisson, 1994; Dolgoplov, 1999; Famaey-Lamon, Loon, 1978; Faure, 1994; Ferran, 1994; Gitter, 1984; Hackforth, 1975; Heinilä, 1966; Kaniuk, 1973; Kirsh, Preising, 1984; McGregor, 1989; McIntosh, 1984 a; Milshtein, Molchanov, 1976; Parienté, 1994; Smith, 1976; Sport und Massenmedien, 1978; Weiss O., 1996 и др.].

Эту ситуацию подробно разъясняет Жак Маршан, спортивный журналист из Франции: «На журналистах лежит часть ответственности за рост насилия в спорте. Следует,

однако, проводить различие между прессой и журналистами. Будем реалистами: пресса – это не филантропическая организация. Средства массовой коммуникации, как письменной, так и аудиовизуальной, занимаются в конечном счете, коммерческой деятельностью, сбытом товара. Поэтому они подчинены всем правилам рыночной конкуренции. Даже если радио и телевидение подчинены государственным органам, они все же не свободны от законов рынка, потому что вынуждены конкурировать в борьбе за аудиторию. А когда речь идет о сбыте товара, мы обязаны удовлетворять клиента, оберегать его, обязаны потакать читателям, слушателям, зрителям. Именно поэтому пресса стимулирует местный, региональный и, конечно, национальный шовинизм, тем самым автоматически способствуя насилию. Пресса потакает публике, укрывая факты, маскируя техническую слабость проигравшей команды, возлагая вину за поражение на судью или на грубость противника. Она изображает тех, кого мы любим, героями, когда они побеждают, и жертвами, когда они проигрывают. Такой подход, на котором строятся ежедневные газетные и телевизионные мелодрамы, слишком соответствует человеческой природе. А отсюда автоматически следует, что «мы» никогда не виновны в поражении: виноват всегда противник или судья. Журналист оказывается в ловушке: он считает себя обязанным защищать ту команду, от которой зависит тираж его газеты, число зрителей и слушателей. Никто, конечно, не обязывает журналиста так поступать; но когда он поступает иначе, у него начинаются неприятности. Во-первых, неприятности со спортсменами, которые не желают иметь с ним дела, со спортивными деятелями, которые осыпают его упреками, а то и захлопывают перед ним дверь, отрезая его от источников информации. Во-вторых, неприятности с болельщиками, которые протестуют, а иногда и оскорбляют журналиста, который думает и видит ситуацию не так, как они» [цит. по: Певцевич, 1983, с. 23].

При разъяснении ценности занятий спортом средства массовой информации чаще всего делают акцент лишь на оздоровительном эффекте этих занятий, на роли спорта в физическом совершенствовании человека. Упускается из виду его огромный духовный потенциал. Редко пропагандируется возможность позитивного влияния спорта на личность человека, на его культуру, либо это делается абстрактно и неубедительно. Часто внимание концентрируется на нарушениях нравственных норм спортсменами. Читателей, слушателей, зрителей редко знакомят с такими спортсменами, которые демонстрируют высокий уровень не только спортивного мастерства и физического совершенства, но и духовной культуры, добиваются высоких результатов как в спорте, так и в искусстве, в других видах творческой деятельности. Во многом именно под влиянием такой направленности средств массовой информации складываются ошибочные в отношении спорта стереотипы общественного сознания: представление о том, что вся ценность занятий спортом сводится лишь к их воздействию на здоровье и физическое развитие человека; мнение о негативном влиянии спорта на духовную культуру людей; укоренившийся в общественном сознании образ «Пана Спортсмена» (физически крепкого, здорового человека с накачанными в результате занятий физическими упражнениями мышцами, но с ограниченным интеллектом, узким культурным кругозором и т.д.); представление о неизбежности разрыва между физическим и духовным развитием человека, о невозможности достижения высоких результатов в разных видах деятельности и др.

Таким образом, к числу основных субъективных факторов, определяющих социальные функции спорта, степень и характер реализации его гуманистического потенциала спорта, позитивное или негативное влияние на личность и социальные отношения, и связанные с этими факторами социальные барьеры повышения гуманистической ценности спорта, относятся ценностные ориентации и поведение субъектов спортивной деятельности, педагогическая деятельность и позиция средств массовой информации.

### 17.3. Объективные факторы

При анализе обсуждаемой проблемы ошибочно ограничиваться ссылкой только на эти субъективные факторы. Ошибочно потому, что сами они существенно зависят от ряда *объективных факторов*.

Дадим характеристику этих факторов.

Особенности «природы» спорта и его разновидностей. В факторном анализе гуманистического социокультурного значения спорта широко распространена одна *методологическая ошибка*. А именно, учитывая его зависимость от сознательной, целенаправленной деятельности тех, кто использует спорт в тех или иных целях, *абсолютизируют* эту зави-

симость, преувеличивают ее роль и значение. Полагают, что социальный эффект спортивной деятельности связан *не с особенностями самого спорта, а лишь с тем, как к нему относятся и как его используют*. Считают, что сам по себе, по своей «природе» спорт якобы «хороший» (по крайней мере «не плохой», не содержит в себе ничего негативного, отрицательного), а вот использовать его могут как в «хороших», так и в «плохих» целях.

Так, еще основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен, обращая внимание на все возрастающее значение спорта, на то, что «его роль в современном мире такая же большая, какой она была в античности», и что новые виды спорта «интернациональны и демократичны и, следовательно, соответствуют идеалам и потребностям нашего времени», вместе с тем подчеркивал, что «сегодня, как и в прошлом, их влияние может быть и положительным, и отрицательным, *это зависит от их использования* (подч. нами. – В.С.) и направления развития. Спорт может вызывать как наиболее благородные, так и наиболее низменные чувства; он может развивать бескорыстие и алчность; может быть великодушным и продажным, мужественным и отвратительным; наконец, он может быть использован для укрепления мира или подготовки к войне» [Кубертен, 1997, с. 22].

Жорж Эбер обращал внимание на то, что «соперничество – это трудный и ответственный педагогический процесс, которым можно пользоваться только с большой осторожностью». По его мнению, не оправдались те надежды, которые связывали со спортом, полагая, что он должен помочь бороться с алкоголизмом, отвлечь молодежь от нездоровых удовольствий, обеспечить здоровье и т.д. Ж. Эбер не отвергал, однако, возможность и целесообразность использования спорта в системе воспитания детей. «Но если спорт не дал ничего, – писал он, – это не значит еще, что он вреден по существу, отнюдь нет. Но мы доказали, что он является воспитателем добра и зла, *смотря по тому, как он понимается и применяется в жизни* (подч. нами. – В.С.)» [Эбер, 1925, с. 41, 91–92]. Президент Международного совета спорта и физического воспитания Рожер Баннистер в заключительном выступлении на международном конгрессе «Спорт и международное взаимопонимание», подводя итоги дискуссии относительно воздействия спорта на международные отношения, заявил: «Спорт, как и многое другое в жизни, сам по себе ни хорош, ни плох, но мы, люди, можем использовать его либо для хороших, либо для плохих целей» [Bannister, 1984, p. 368]. Яркой иллюстрацией аналогичного подхода являются также слова А. Гексли (A. Huxley, 1937): «Спорт, как и всякое другое орудие, изобретенное человеком, может использоваться для добрых или плохих целей. Хорошо используемый, он может учить стойкости и мужеству, чувству *fair play* и уважению правил, совместным усилиям и подчинению личных интересов групповым. Используемый плохо, он может формировать личное и групповое тщеславие, острое желание победы и ненависти к соперникам, дух нетерпимости и презрения к народам, которые выносятся за произвольно выбираемую границу» [цит. по: Fleming, 1973, p. 82].

На основе такого понимания дисфункциональные (негативные) проявления в сфере спорта объясняются сознательными действиями отдельных «лидеров», социальных групп, стран и т.д., использующих его в коммерческих, политико-идеологических и иных корыстных целях, искажающих «подлинную сущность спорта». Так, например, премьер-министр Туниса и член МОК М. Мзали заявлял о том, что «нельзя считать, будто спорт – плохой... Не спорт сам по себе ведет к сумасшествию, а спорт в руках определенных “лидеров”, которые сами крайне нуждаются в олимпийском воспитании» [Mzali, 1986, p. 42]. В книге В.М. Починкина «Спорт и идеологическая борьба в современном мире» обосновывается положение о том, что «подлинный спорт не разъединяет, а объединяет людей, служит делу мирных отношений и сотрудничества народов» [Починкин, 1985, с. 102].

Такие взгляды упрощают проблему и искажают реальную ситуацию. Прежде всего они не учитывают отмеченный выше *диалектически-противоречивый характер* «природы» спорта: в нем заключены возможности как для позитивного, так и для негативного влияния на личность и отношения людей. В этом смысле он не только «хороший», но и «плохой».

Следует принимать во внимание также, что баланс потенциально «хорошего» и «плохого» в спорте может быть разным. Это зависит от особенностей самого спорта, его организации, а также тех социальных процессов, которые в нем происходят и с ним связаны. Спорт формируется и развивается на основе преобразования соревновательных ситуаций реальной жизни в более гуманные, игровые. Всякий спорт основан на такой «гуманизации» реальных соревновательных ситуаций. Но ее *характер и степень* могут быть раз-



личны, поскольку спортивные соревнования и подготовка к ним могут быть организованы по-разному.

Духовно–нравственная, гуманистическая ценность спорта во многом зависит, например, от того, в какой мере в нем в ходе «гуманизации» соревновательных ситуаций реальной жизни удастся создать условия для безопасности соперников. В этом плане бокс или кикбоксинг, по-видимому, уступают такому виду спорта, как художественная гимнастика, поскольку в них сохраняется опасность серьезных повреждений для участников соревнования, а самое главное – это единственные виды спорта, где по правилам спортивной борьбы для достижения победы желательно лишить соперника сознания, нокаутировав его.

Важно иметь в виду также особенности *разновидностей* спорта. В этом плане гуманистический потенциал «спорта для всех» и любительского спорта, по-видимому, превышает аналогичный потенциал спорта высших достижений и особенно профессионального спорта, поскольку первые в первую очередь ориентированы на общение, сотрудничество, взаимопомощь соперников, а вторые – на достижение победы в соревновании.

Существенное влияние на гуманистическую ценность спорта и его разновидностей оказывает и то, в какой мере в них *реально представлены те или иные духовно–нравственные и эстетические ценности*. Если, к примеру, спортивное соревнование проходит так, что в нем отсутствуют достаточно яркие проявления прекрасного и других эстетических ценностей, то как спортсмены, так и зрители вряд ли будут испытывать эстетические переживания от наблюдения за такими соревнованиями. И наоборот, если спортивное состязание помимо прочего строится по законам красоты, оно включает в себе возможность существенного эстетического воздействия на человека. Можно с интересом наблюдать за соревнованием машин, играющих в шахматы. Но если играют в шахматы игроки, которые отличаются от «умеющей» играть в шахматы машины не только способностью интуитивного поиска наиболее результативного решения задачи, но и стремлением к изяществу и остроумию этого решения, их партии доставят зрителям дополнительную эстетическую радость.

Учитывая отмеченное выше, следует указать на то, что не во всех видах современного спорта на первом плане находится безопасность спортсменов и эстетические ценности. В еще большей степени это касается духовно–нравственных ценностей. Ни в одном виде спорта они не являются приоритетными. Об этом свидетельствует хотя бы то, что при определении победителей всегда учитывается только результат и соблюдение правил, а не соблюдение спортсменами нравственных норм поведения.

Способ (модель) организации игрового соперничества. Введенное автором понятие «*способ организации соперничества*», как отмечено выше, характеризует, во-первых, *общую ценностную ориентацию (идеологию, парадигму)* организации соперничества в отношении отдельной личности и социальных отношений и, во-вторых, *принципы его конкретной организации* – подход к формированию программы соревнования и способа его проведения, состава участников, системы выявления и поощрения победителей (тех ценностей, норм и образцов поведения, которые поощряются в ходе соревнования, характера этих поощрений – например, будут ли они только моральными или также и материальными и т.д.), форм организации и поощрения сотрудничества участников.

В работах автора впервые обосновано положение о том, что те объективные условия спортивного соперничества, которые создаются на основе того или иного способа его организации, оказывает огромное влияние на ценностные ориентации и все поведение спортсменов, тренеров, зрителей и т.д. [Столяров, 1997 в, 1998 б, г, и, 2000 г, 2001 д, 2002 б, 2004 д и др.].

Если, допустим, программа спортивных соревнований требует от спортсменов демонстрации лишь физических качеств и способностей, если на тренировках и соревнованиях моральные и материальные стимулы используются прежде всего для поощрения физического превосходства, высоких результатов, победы над соперником любой ценой (даже за счет здоровья, нарушения нравственных норм и принципов), на первый план выдвигаются какие-то коммерческие соображения и т.п., это, бесспорно, существенно снижает их ориентацию на гуманистические ценности. Если же, напротив, спортивные тренировки и соревнования строятся таким образом, что от спортсменов требуется продемонстрировать не только физическое совершенство и спортивное мастерство, но также высоконравственное поведение, эстетическую культуру, здоровье, интеллект, т.е. гармоничное и все-

стороннее развитие личности, и именно эти гуманистические ценности поощряются в первую очередь, это, разумеется, значительно усиливает ориентацию на них спортсменов.

Анализ реальной практики организации спортивных соревнований, в том числе Олимпийских игр, показывает, что здесь чаще всего используется такой способ организации соперничества, для которого характерны следующие основные принципы подхода к выбору программы, системы определения победителей, состава участников соревнований.

- Участники соревнования распределяются по группам (с учетом пола, возраста, уровня подготовленности и т. д.), и соревнования проводятся отдельно в этих группах (в частности, лица, имеющие ограниченные возможности – инвалиды, соревнуются отдельно от других).

- В соревнованиях команд каждая из них, как правило, составляется из представителей одной страны, одного региона, города, учебного, трудового, спортивного коллектива.

- Программа соревнований строится таким образом, что предполагает узкую специализацию участников в каком-то одном виде игровой деятельности (например, в беге, плавании и т. п.) или нескольких ее видах, но в основном требующих проявления «односторонних» (например, физических – в легкоатлетическом десятиборье или интеллектуальных – в шахматах) способностей. При таком подходе спортивное соревнование изолируется от художественных, научных и других творческих конкурсов, хотя и может дополняться культурной программой (концертами и т. п.).

- Устанавливаются правила, которые жестко определяют, какие предметы (мяч, шайба, ракетка и т. п.) и каким образом могут использоваться в соревновании.

- По итогам соревнования не только выявляются победители, но всем участникам присваивается определенное место, причем количество мест равно количеству участников. На одно место не может поставлено несколько участников: ставится задача на основе одного основного или ряда дополнительных критериев сравнить их результаты и, учитывая разницу (даже минимальную) по каким-то показателям, обязательно выяснить, у кого результат лучше, а у кого – хуже.

- При определении мест участников учитываются только их результаты и соблюдение правил вида спорта; не принимаются во внимание нравственные аспекты поведения.

- Лица, занявшие первое место или несколько первых мест (как правило, три первых), всемерно восхваляются и поощряются (в том числе призами и наградами, имеющими большую материальную ценность), тогда как другим обычно достаются лишь упреки, насмешки и т. п.

- Предусматривается ограниченный круг форм и методов организации сотрудничества участников соревнования: как правило, это лишь такие формы, как кооперация и взаимопомощь спортсменов в «своей» команде, а также общение со спортсменами других команд [Столяров, 1997 в, 1998 б, г, и, 2000 г, 2001 д, 2002 б, 2004 д, 2007 в].

В настоящее время этот наиболее известный и популярный способ организации соперничества – назовем его *«традиционным»* – используется и преобладает практически во всех видах спорта, причем не только в спорте высших достижений, но и в так называемом «спорте для всех», при организации Олимпийских игр, Олимпийских дней молодых европейских спортсменов, Всемирных юношеских игр и т.д. Разнообразна программа этих соревнований, состав их участников, несколько видоизменяется система определения и поощрения победителей. Но при всех этих различиях, как правило, сохраняются охарактеризованные выше *основные принципы* подхода к формированию этих компонентов соперничества, а значит, имеет место *один и тот же способ его организации*.

Данный способ как одна из форм гуманной организации соревнования позволяет успешно решать ряд социальных задач: вырабатывает у участников соревнования стремление к постоянному физическому совершенствованию, формированию и развитию волевых и ряда других психических качеств, повышению своих спортивных результатов; позволяет проверить резервные возможности человека, заполнить досуг; формирует определенный круг общения; создает привлекательное для огромной массы зрителей зрелище; стимулирует их интерес к соревнованиям и т.д.

Вместе с тем традиционный способ организации соперничества не позволяет в полной мере реализовать огромный гуманистический культурный потенциал спортивной деятельности. Всемерно содействуя физическому совершенствованию личности, он создает существенные проблемы для здоровья спортсменов, а также трудности в формировании и

развитии у них нравственных, эстетических и других духовных качеств, их нравственной и эстетической культуры. Это связано с тем, что традиционный способ развивает у спортсменов желание любой ценой – даже за счет здоровья, одностороннего развития и нарушения нравственных принципов – добиться победы, продемонстрировать свое превосходство над другими, завоевать ценные призы, получить другие связанные с победой материальные блага, приобрести славу и т.д. Как отмечено выше, это подтверждают данные многочисленных социологических исследований (в том числе международных), проведенных в разное время и в разных странах.

Активные занятия спортом, организованные на основе традиционного способа, содействуют одностороннему развитию личности, формированию у детей и молодежи таких негативных качеств, как эгоизм, агрессивность, зависть, ненависть к соперникам и т.п., а также стрессов.

Поскольку победителей соревнования ждут награды, слава, почести, а проигравших – упреки, насмешки и т.п., то люди, слабо физически развитые, психологически неустойчивые боятся принимать участие в спортивных соревнованиях, организуемых на основе «традиционной» модели, опасаясь проигрыша и связанных с ним негативных явлений.

В целях обеспечения сравнимости результатов этот способ организации соперничества предполагает разделение спортсменов на группы в зависимости от их возраста, пола, уровня результатов, физического и психического состояния и т.д. При таком подходе люди с нарушениями в двигательной или интеллектуальной функциях, даже если они и включаются в спорт, выделяются в особую, самостоятельную, обособленную от других группу спортсменов-инвалидов. Они соревнуются отдельно от других, что подчеркивает их «ущербность» и содействует их социальному отчуждению [Губарева, 2000; Спорт, духовные ценности, культура... 1998. вып. 8; Столяров, Губарева, Лубышев, 1998].

Эволюция футбола в Англии иллюстрирует, как изменение определенных аспектов способа организации соперничества в спортивных соревнованиях влияет на их социальную значимость.

В начале своего развития (около 200 лет назад) в этой стране футбол был грубой игрой. Каждый игрок действовал как ему заблагорассудится, и во многих случаях футбол был ничем иным, как проявлением неограниченной агрессивности. Это приводило ко все более серьезным травмам. Неудивительно, что в этих условиях общество осуждало футбол как варварскую игру. Как отмечает Ф. Штемме, в Англии в этот период футбольные команды часто сравнивались с первобытными ордами, сметающими все на своем пути [Штемме, 1981, с. 21].

Для смягчения агрессивных импульсов и контроля за социальными конфликтами посредством известной формы дисциплины в футболе возникла потребность учредить комплекс правил. Эти правила должны были отвечать ряду требований: 1) быть достаточно простыми; 2) не лишать игру интереса; 3) соблюдаться всегда и полностью. Такие правила были введены в Англии примерно в 1850 г. Это соответствовало духу того времени: общество стремилось ограничить грубость и насилие не только в футболе, но и во всех областях жизни.

В результате введения *правил* футбол претерпел существенную модификацию. Из динамической формы деятельности, в которой конфликты между индивидами и группами разрешались силой или угрозой нанесения ущерба другой стороне, он был преобразован в цивилизованную «отдушину» для агрессивности и межгрупповой напряженности. Тем самым было положено начало тому футболу, который всем нам ныне знаком.

Шаг эволюции футбола от агрессивной напряженности к напряженности контролируемой, нимало не лишаящей игру присущего ей динамизма, открыл дорогу для реализации нравственного потенциала этой популярной игры. И на первых порах он действительно пробивал себе дорогу. В 1860-1870 гг. все матчи были «товарищескими», не существовало даже самого понятия «чемпионат». Считалось, что в футбол надо играть поджентльменски, – и именно так в него играли. Главный упор делался на честную игру, умение проигрывать с достоинством и не давать воли эмоциям. Футбол в указанный период считался средством формирования характера. Поэтому в привилегированных школах он пользовался популярностью не только среди учащихся, но и среди учителей. Выпускники этих школ занимали господствующее положение в тогдашних футбольных клубах, задавали тон их деятельности, устанавливали систему ценностей.

Так из грубой потасовки, какой футбол был в начале XIX столетия, он превратился в почтенное и весьма нравственное времяпровождение. Эта английская концепция футбола, в том числе джентльменского поведения в этой игре, была его характерной чертой в течение ряда десятилетий.

Однако в 1871 г. Футбольная ассоциация Англии учредила кубок, за который могли состязаться также и профессиональные команды. Более того, профессионалы вообще составляли большинство среди соревнующихся за кубок. Жажда его завоевать толкала профессионалов на грубую игру, они готовы были платить за победу любой ценой.

В этой ситуации обнаружилось действительное значение так называемых «кембриджских правил» футбола, в которых тщательно описывались *формы игры*, а вместе с тем сознательно умалчивалось о каких-либо *моральных ценностях и мотивациях*. И современные правила игры в футбол совершенно нейтральны по отношению к мотивациям команд и отдельных игроков. «Удовольствие от физической активности, жажда прибыли, стремление доказать свое превосходство, товарищеская симпатия или погоня за престижем – все мыслимые мотивы одинаково законны с точки зрения правил игры, предписывающих лишь внешние условия, которые должны быть соблюдены, чтобы игра могла состояться» [Штемме, 1981, с. 23].

Такая особенность правил в футболе сыграла двойственную роль в процессе его развития. С одной стороны, они освободили футбол от каких-то идеалов и мотивов, чье значение ограничено пределами данной страны и эпохи. Поведение игроков стало диктоваться уже не столько индивидуальной волей, сколько общей целью: провести мяч к воротам противника. Это придало футболу ту степень автономии, какую можно наблюдать в истории многих других социальных институтов. Эти обстоятельства сыграли важную роль в том, что футбол стал той всемирной игрой, какую мы знаем сейчас. Но, с другой стороны, *правила, освобожденные от каких-либо моральных ценностей, открывали дорогу для оттеснения последних на задний план*. И это действительно стало происходить по мере расширения кубковых соревнований и чемпионатов по футболу. Как указывает Ф. Штемме, «с учреждением кубковой системы соревнований футбольные правила нашли совершенно новое употребление. Футбол перестал быть достоянием одних только привилегированных школ, в которых он использовался как средство формирования характера. Футбол превратился в борьбу за выживание, в которой имела значение только победа» [Штемме, 1981, с. 20].

Путь интенсивной профессионализации и коммерциализации, по которому в дальнейшем пошел футбол и другие спортивные игры, еще более затруднил реализацию их нравственного потенциала и привел к существенной девальвации нравственных и других духовных ценностей в сфере этих видов спорта. Реально (несмотря на фальшивые декларативные заявления) эти ценности вообще оттесняются на задний план ценностями, связанными с достижением материальных благ. О той ситуации, которая в этом плане характеризует современный футбол, достаточно красноречиво говорится в одной из публикаций, посвященных футболу в стране, футбольная команда которой на последнем чемпионате мира стала чемпионом: «И раньше часто говорили, что деньги портят футбол. Но теперь стало просто необходимо добиваться быстрых и ощутимых результатов любой ценой. Во Франции, например, существует два типа футбольных клубов. В одних занимаются тем, что готовят высококлассных игроков, которых затем за большие деньги продают в другие клубы. Последние, в свою очередь, стремятся держаться на высоте, и хорошие игроки для них – своего рода финансовый кислород. В результате сложившейся ситуации многие футболисты в отличие от, например, игроков в регби, превратились в наемников, людей без отечества. Они – роботы, запрограммированные на то, чтобы заработать как можно больше денег в течение как можно меньшего количества лет. Футбол для них перестал быть развлечением» [Футбол как интегрирующая сила, 2000, с. 1–2].

Отмеченные выше негативные аспекты традиционного способа, используемого при организации спортивного (как и других форм игрового) соревнования, выдвинули на повестку дня вопрос о разработке и практическом использовании других способов, которые обладают более высоким гуманистическим культурным потенциалом, создают оптимальные условия для формирования и развития свободной, активной, творческой, разносторонней и гармоничной личности, гуманных человеческих отношений, позволяют эффективно решать разнообразные задачи формирования этих отношений и личностного развития [Спорт, духовные ценности, культура... 1998, вып. 3, 4]. Этот вопрос специально бу-

дет обсужден во второй книге данной работы.

Наряду с отмеченными выше *внутренними* для спорта факторами к числу объективных факторов, оказывающих существенное влияние на все аспекты его социального значения, относятся и *внешние* для спорта факторы.

Внешние для спорта факторы. К их числу относится та общая социально экономическая, политическая и культурная ситуация, которая существует в обществе, система принятых здесь ценностей, норм и образцов поведения, морального и материального поощрения поступков и действий людей.

Дело в том, что сознательная деятельность людей в решающей степени зависит от тех конкретных социальных условий, в которых находятся люди, от законов, установок и целей того общества, в рамках которого они живут и трудятся. В полной мере это относится и к спорту. Он не изолирован от других сфер социальной жизни – политики, идеологии, экономики, культуры и др. Развитие спорта как любого социального феномена происходит во взаимодействии с другими элементами общественной структуры, в определенных социально культурных, экономических и политических условиях. Эти конкретные исторические условия и законы определяют подход к спорту в данном обществе, те цели, в которых он используется, всю ту организационную структуру спорта, с помощью которой реализуются эти цели, а значит, и реальную социальную значимость спорта [Столяров, 1978 а, 1980 е, 2004 д и др.]. «Институт спорта олицетворяет и усиливает те же негативные ценности, что и общество в целом» [Fairchild, 1978, p. 59], выступает как «зеркало общества» [Pilz, Wewer, 1987]. Как отметил министр образования Финляндии К. Кивисто в своей речи на открытии международного конгресса, посвященного обсуждению вопроса о роли спорта в укреплении международного взаимопонимания, «международный спорт никогда не существовал в вакууме и всегда отражал в себе существующую социально-политическую реальность» [Kivisto, 1984, p. 3]. Свен Гюльденпфениг в книге «Международные спортивные отношения между разрядкой и конфронтацией» убедительно показал, в частности, что «климат общеполитических международных отношений в значительной степени определяет сферу и характер тех возможностей, которые существуют для спорта с точки зрения формирования его относительной автономии и тем самым также с точки зрения международных спортивных связей в данный момент» [Guldenpfennig, 1981, p. 227].

Известно, что для социальной жизни Восточной и Центральной Европы последних десятилетий характерны следующие процессы: демократизация общества; введение многопартийных систем; переход от плановой экономики к экономике свободного рынка, к многообразию форм собственности, включая частную, в экономической, социальной и культурной сферах; существенное снижение уровня политической и особенно идеологической конфронтации в международных отношениях и т.д. Эти процессы оказали существенное влияние на систему спорта как в отдельных странах, так и на международном уровне. В частности, они нашли отражение «в административном и правовом признании социального и юридического статуса профессиональной деятельности высококвалифицированных спортсменов, а также в демократизации управления спортом, т.е. в передаче определенных прав от государственных органов управления к общественным организациям, в частности, олимпийским комитетам и спортивным федерациям» [Родиченко, 1996, с. 3-4; см. также: Földesi, 1990].

Важно учитывать также, что в современном обществе и различных его сферах, как отмечено выше, до сих пор господствует (не декларативно, а реально) ориентация на сугубо *прагматические, технократические*, а не на гуманистические, духовно-нравственные ценности, на узкопрофессиональное, одностороннее, а не на гармоничное и разностороннее развитие личности, преобладает стремление к достижению успеха любой ценой. Такая ориентация существенным образом влияет и на сферу спорта, содействует тому, чтобы и в этой сфере приоритетными были те же самые прагматические, технократические ценности. Наиболее ярко это проявилось в упомянутых выше процессах *профессионализации и коммерциализации*. «Объективное развитие спорта в XX в. в условиях быстрой и жесткой политизации общественной жизни, научно-технической революции и обусловленного новейшими средствами массовой информации взрыва популярности, превратившейся, по сути, в разновидность конвертируемой валюты, кардинальным образом изменило не только смысл и содержание спортивной деятельности, но и сам дух спорта. Спорт высших достижений в значительной мере перестал быть самоцелью, все более и

более обретая характер средства для достижения целей, находившихся вне его, таких как успех, карьера, деньги» [Сараф, 1990, с. 30].

Влияние общей социальной системы на спорт проявляется и в том процессе, который К. Хейнила назвал процессом *«тотализации (totalization) национальных спортивных систем»*. Речь идет о том, что успех в международных соревнованиях в настоящее время уже не является, как в прошлом, делом лишь индивидуальных усилий и ресурсов участников. Он зависит от эффективности и всеобщности ресурсов всей национальной спортивной системы: человеческих ресурсов, уровня спортивной науки, эффективности организации тренировочного процесса и т.д. Это содействует возникновению конфликтов в международном спорте, поскольку приводит к отклонению от принципа «равных условий» [Heinilä, 1966, 1984]. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения, которую высказывал Р.У. Джонс, по мнению которого, «в спорте учитывается не количество, а качество. Это важный фактор развития международного спорта. Здесь даже малая страна имеет шанс бороться за победу с большой» [Jones, 1959, p. 160]. На самом деле у «больших» стран значительно больше эффективных ресурсов для достижения успеха в спорте.

Существенное влияние объективных социальных факторов на характер и социальную значимость спорта наглядно проявляется и в олимпийском движении. Выше отмечалось, что это движение в настоящее время в определенной степени утратило свою гуманистическую направленность, отказавшись от целого ряда идеалов и ценностей олимпийской концепции Кубертена. При объяснении причин такой трансформации олимпийского движения было бы ошибочно сводить их к тому, что кто-то по злой воле извратил эти идеалы или просто решил отказаться от них. Ослабление гуманистической направленности олимпийского движения определяется и объективными причинами. Во-первых, это является результатом уже отмеченных выше сдвигов в общей системе ценностей современного общества, которые привели к усилению роли и значения сугубо прагматических ориентиров. Во-вторых, сказывается использование при организации Олимпийских игр той модели организации спортивных соревнований, с которой, как было показано выше, связан комплекс негативных явлений.

Таким образом, отмечая существенное влияние *субъективных* факторов на социокультурную гуманистическую значимость спорта и олимпийского движения, следует учитывать, что сознательная деятельность людей, их поведение, ценностные ориентации, интересы и т.д. во многом обусловлены *объективными* факторами – внутренними, которые связаны с самим спортом, и внешними (лежащими вне сферы спорта) \*.

Абсолютизация объективных факторов, лежащих вне спорта, приводит некоторых исследователей к выводу, что повышению гуманистической ценности спорта обязательно должны предшествовать изменения в самом обществе. Вот пример такой позиции: «Американское общество во второй половине XX столетия находится где-то между культурой действия и культурой обладания (between a doing culture and a having culture). Соревнование – важный элемент каждой из этих культур, игра – менее значимый элемент. Пока общество будет оставаться на уровне культуры действия/обладания, придется смириться с существованием институализированного и социального отчуждения. В контексте этой культуры институт спорта будет по-прежнему способствовать отчуждению. В данной ситуации он не способен функционировать как противоядие от отчуждения: это симптом, а не причина болезни. Так же и на индивидуальном уровне: творческий спорт не сможет функционировать в качестве противоядия от отчуждения до тех пор, пока не будет реструктурирован тот контекст, в котором находится спорт. Это значит, что реструктуризация культуры должна произойти раньше, чем творческий спорт сможет рассматриваться как противоядие от отчуждения» [Fairchild, 1978, p. 60]. Роберт Липсайт еще в 1970 г. отмечал, что «общество должно быть изменено раньше, чем может быть изменен спорт» [цит. по: Гуськов, 1983, с. 47]. Профессор Калифорнийского университета Г. Эдуардс также указывал на то, что «без определенных массовых изменений в ценностной системе

---

\* К аналогичному выводу пришел К. Хейнила на основе международного социологического исследования на тему «Спорт и международное взаимопонимание», в ходе которого были опрошены спортсмены высокого класса ФРГ, Финляндии, Франции и Венгрии [см.: Heinilä, 1986]. Изложение результатов этого исследования см. также в: Столяров, 1998 б, с. 273–275. Однако в типологии обсуждаемых факторов у К. Хейнила отсутствуют некоторые из указанных выше факторов – прежде всего способ организации соперничества.

американского общества в целом институт спорта не может изменить свою структуру, функции и выжить» [Edwards, 1973, p. 354]. Аналогичную позицию в этом вопросе занимает и А.Б. Суник: «Если XXI в. станет веком создания таких общественных систем, в рамках которых будет возможно реализовать заложенные в человеке потенции, то и спорт получит возможности адекватного развития... Ибо спорт являет собой феномен, в котором самовыражение, самовыявление, самореализация могут быть особенно ощутимыми для человека». «Но о таком обществе, – добавляет он, – остается только мечтать» [Суник, 1996, с. 144].

Изложенный выше факторный анализ гуманистического значения спорта имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Во-первых, он позволяет критически оценить широко распространенное представление о том, что гуманистический потенциал спорта может и должен реализоваться как бы *автоматически*. Спортивные функционеры, политики и даже некоторые ученые полагают, что вовлечение как можно большего числа детей и молодежи в активные занятия спортом *само по себе* даст возможность не только повысить уровень их физической подготовленности и спортивного мастерства, но также сохранить и укрепить здоровье, сформировать нравственную культуру, преодолеть критическую ситуацию с наркоманией, преступностью и другими аспектами девиантного поведения. В соответствии с этим основное внимание уделяется вовлечению детей и молодежь в активные занятия спортом, а не самому главному и принципиальному вопросу: *каким образом, с помощью каких форм и методов, учитывая отмеченные выше факторы, влияющие на социокультурную гуманистическую ценность спорта, можно максимально полно реализовать его возможности в этом плане, а вместе с тем избежать негативного влияния соперничества на личность и социальные отношения.*

Во-вторых, только факторный анализ позволяет с *научных позиций* определить перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта, преодоления или хотя бы смягчения связанных с ним дисфункциональных проявлений, а также правильно оценить различные проекты и программы гуманизации современного спорта и олимпийского движения [Столяров, 1998 б, 2007 к].

\*\*\*

Итак, выше был поставлен и подвергнут анализу комплекс общих проблем разработанной автором социально-философской дисциплины под названием «гуманистическая теория спорта».

В следующих разделах будут проанализированы более «частные» (но не менее важные) проблемы этой теории, касающиеся отдельных разновидностей и видов спорта, взаимоотношения спорта и политики, спорта и культуры и т.д.

### Литература к гл. 17

1. Андреев Владимир (2006). Телевидение и спорт // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 168–178.
2. Баринов С.Ю. (2009а). Инновационная система спортивного воспитания студентов: Методическое пособие для преподавателей. – М.: Издательство «Университетская книга». – 182 с.
3. Баринова И.В. (1994). Состояние и пути совершенствования олимпийского образования и воспитания учащейся молодежи: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 26 с.
4. Белорусова В.В. (1982). Формирование опыта нравственного поведения советского спортсмена // Сб. итоговых научных материалов конгресса в Тбилиси. – М.: ФиС. – С. 154-155
5. Визитей Н.Н. (1990). Проблема методологии построения концепции олимпизма как социально-культурного явления // Новое мышление и олимпийское движение: Материалы Всес. научн. симпозиума «Междунар. олимпийское движение: проблемы и тенденции развития на современном этапе» (Рига, 11-13 мая 1989 г.). – М.: Знание. – С. 58-69.
6. Винник В.А. (1989). Спорт и нравственность: ценностные ориентации высококвалифицированных спортсменов // Нравственный потенциал спорта. Матер. IV Всес. методол. семинара (г. Суздаль, 10-12 марта 1988 г.). – М.: Сов. спорт. – С. 86-88.
7. Виноградов П.А. (1990). Физическая культура и здоровый образ жизни (проблемы и перспективы использования средств массовой информации в их пропаганде). – М.: Мысль.
8. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
9. Гуськов С.И. (1983). Обзор социологических исследований в США // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 45-47.

10. Гуськов С.И., Гуськов С.С. (2000). Телевидение и спорт. – М.: Полиграф сервис. – 336 с.
11. Гутин А.Т. (1984). Идеалы и ценности олимпизма в воспитании юных спортсменов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 18 с.
12. Деркач А.А., Исаев А.А. (1981). Педагогическое мастерство тренера. – М.: ФиС. – 376 с.
13. Деркач А.А., Исаев А.А. (1982). Творчество тренера. – М.: ФиС. – 240 с.
14. Европейский Манифест «Молодые люди и спорт» // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-1. – С. 18-19.
15. Жолдак В.И. (1998). Олимпизм как идеологический ориентир молодежи // Междунар. форум «Молодежь-Наука-Олимпизм» 14-18 июля 1998 г., г. Москва: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 110-112.
16. Корх А.Я. (2000). Тренер: деятельность и личность: Учеб. пособие. – М.: Терра-Спорт. – 120 с.
17. Косяк В.А. (1990). Эстетическая подготовленность учителя физической культуры: Дис. ... канд. пед. наук. – Малаховка.
18. Кубертен Пьер де (1997). Олимпийские мемуары. – Киев: Олимпийская литература. – 179 с.
19. Курило С.И. (2000а). Социально-философская концепция международного спорта: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 46 с.
20. Курило С.И. (2000б). Философские основы теории и практики международного спорта. – М.: Теория и практика физ. культуры. – 250 с.
21. Курило С.И., Столяров В.И. (2000). Международный спорт с позиций гуманистической теории спорта // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. I: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 16-176.
22. Люшен Г. (1974). К структурному анализу в спорте // Всемирный научный конгресс "Спорт в современном обществе". Москва, 1974 г.: Сб. научных материалов. – М. – С. 25-28.
23. Люшен Г. (1982). Спорт и культура // Сб. итоговых научных матер. Всемирного науч. конгресса «Спорт в современном обществе», Тбилиси, 1980 г. – М.: ФиС. – С. 28-37.
24. Майер Хорст (1984). Олимпийские игры как модель современного мира // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. – Вып. 19. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 13-22.
25. Марков К.К. (1999). Тренер – педагог и психолог (психолого-педагогические проблемы тренерской деятельности в волейболе). – Иркутск: ИрИИТ. – 236 с.
26. Паршиков А.Т. (2003). Спортивная школа как социально-педагогическая система: социальное проектирование. Монография. – М.: Сов. спорт.
27. Паршиков А.Т. (2004). Спортивная школа как социально-педагогическая система: социально-педагогическое проектирование: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – Санкт-Петербург. – 54 с.
28. Пац-Помарнацкий А., Седов А.В. (1982). Формирование общественного мнения в спорте под воздействием средств массовой информации // Сб. итоговых научн. матер. Всемирного научн. конгр. «Спорт в соврем. обществе». Тбилиси, 10-15 июля 1980 г. – М.: ФиС. – С. 33-37.
29. Певцевич Януш (1983). Честная игра и олимпизм // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация, вып. 24. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 15-28.
30. Петлеванный Г.Ф. (1997). Система олимпийского образования в многопрофильной школе-комплексе физкультурно-эстетического направления: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. М. – 28 с.
31. Починкин В.М. (1985). Спорт и идеологическая борьба в современном мире. – М.: ФиС. – 192 с.
32. Прохазка К. (1986). Спорт и мир/Пер с чешск. – М.: ФиС.
33. Родиченко В.С. (1996). Олимпийское движение в канун III тысячелетия: гармонизация интересов // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сентябрь, 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 3-8.
34. Самусенков О.И. (1989). Спортивно-гуманистическое воспитание учащихся спортшкол (на примере футбола): Автореф. дис... канд. пед. наук. – Малаховка. – 24 с.
35. Самусенков О.И. (2000). Педагогическая технология реализации культурного потенциала игровых видов спорта. – Москва-Малаховка, МГИУ. – 204 с.
36. Самусенков О.И. (2001). Педагогическая технология реализации социально-культурного потенциала игровых видов спорта в работе с юными спортсменами (на примере футбола): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 45 с.
37. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. второй: Сб.ст. – Москва: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ, 2000. – С. 3–134.
38. Сараф М.Я. (1990). Переживает ли кризис отношение к олимпизму? // Новое мышление и олимпийское движение: Материалы Всес. научн. симпозиума «Международное олимпийское движение: проблемы и тенденции развития на современном этапе» (Рига, 11-13 мая 1989 г.). – М.: Знание. – С. 29-36.



39. Семотюк Дарвин М. (1981). Мотивы интереса правительств к спорту // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 12. – М.: ВНИИФК. – С. 10-18.
40. Семотюк Дарвин М. (1985). О роли правительств в развитии физической культуры и спорта // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 9. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 35-44.
41. Советский спорт, 11 ноября 1981 г.
42. Спорт, духовные ценности, культура (1998д). Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 349 с.
43. Спорт, духовные ценности, культура (1998е). Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 280 с.
44. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК. – 255 с.
45. Столяров В.И. (1978а). К вопросу о марксистской концепции спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 5–7.
46. Столяров В.И. (1980е). Социальные проблемы спорта // Философские науки. – № 4. – С. 3–13.
47. Столяров В.И. (1982а). Актуальные проблемы философии и социологии спорта // Сб. итоговых научн. материалов Всемирного научн. конгр. «Спорт в соврем. обществе», Тбилиси, 10-15 июля 1980 г. – М.: ФиС. – С. 23-27.
48. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско-социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
49. Столяров В.И. (1988ж). Спортивно-гуманистическое воспитание как фактор всестороннего и гармоничного развития личности // Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: Тез. докл. XVI межзон. симп. – Горький. – С. 197-199.
50. Столяров В.И. (1988з). Спортивно-гуманистическое и олимпийское воспитание детей и молодежи в условиях социализма // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта. Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М. – С. 151-169.
51. Столяров В.И. (1990а). Исследовательский проект // Рабочая программа проведения социологического исследования «Спортивно-гуманистическое и олимпийское воспитание студенческой молодежи». – Харьков. – С. 3–11.
52. Столяров В.И. (1997б). «Спартианская» программа гуманизации спорта высших достижений // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-79.
53. Столяров В.И. (1997в). Спартианская система воспитания, образования и организации досуга // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-127.
54. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
55. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.
56. Столяров В.И. (1998з). Олимпийское образование и спартианская система воспитания // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 71–233.
57. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–263.
58. Столяров В.И. (2000г). Модели молодежного спорта XXI века // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 112–120.
59. Столяров В.И. (2000д). Олимпизм как гуманистическая философская концепция // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С.195–230.
60. Столяров В.И. (2000е). Теоретическая концепция спортивно-гуманистического воспитания детей и молодежи // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий: Сб. ст. – Москва–Сургут: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 21–79.

61. Столяров В.И. (2001д). Проблема социальной трансформации современных форм соперничества // Социальные трансформации: Материалы международного colloквиума (23 ноября 2001 г.). – Смоленск: СГПУ. – С. 93–96.
62. Столяров В.И. (2002б). Игровая модель соперничества и ее разновидности // Спортивные игры в физическом воспитании и спорте: Материалы международной научно-практической конференции (Смоленск, 24–26 декабря 2002 г.). – Смоленск. – С. 14–20.
63. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
64. Столяров В.И. (2007в). Комплексная оценка гуманистического значения детского спорта // Детский тренер. – № 1. – С. 54–69.
65. Столяров В.И. (2007к). Пути повышения гуманистической ценности детского спорта // Детский тренер. – № 4. – С. 10–36.
66. Столяров В.И., Баринев С.Ю., Орешкин М.М. (2009). Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений: Учебное пособие. – М.: «Анкил». – 256 с.
67. Столяров В.И., Басин А.Е. (1989). Спорт и эстетическое воспитание // Пути и средства эстетического воспитания. – М.: Наука. – С. 163–179.
68. Столяров В.И., Губарева Т.И., Лубышев Е.А. (1998). Спартианская программа социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 8: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 11–129.
69. Столяров В.И., Козырева О.В. (2002). Гуманистический подход к спортивному воспитанию и спортивной культуре: общая концепция и ее применение к дошкольникам // Гуманистика соревнования. Вып. 2: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 3–226.
70. Столяров В.И., Попов Г.В. (2004). Педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Методич. пособие. – Щадринск: Изд-во Щадринского педагогического института. – 47 с.
71. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1982). Эстетические проблемы спорта: учеб. пособие для студентов ИФК и слушателей ВШТ. – М. – 67 с.
72. Стопникова Е.В. (1992). Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 23 с.
73. Суник А.Б. (1996). Спорт XXI века // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сентябрь, 25–27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 139–144.
74. Сушков М.П. (1981). Футбольный театр. – М.
75. Тернавский А.В. (2008). Педагогические условия реализации гуманистической направленности подготовки хоккеистов в спорте высших достижений: Автореф. ... канд. пед. наук. – М. – 25 с.
76. Тернавский А.В., Столяров В.И. (2008). Теоретическая концепция гуманистической направленности тренера в работе со спортсменами высокого класса // Олимпийский бюллетень. – № 9. – М.: Физическая культура и спорт. – С. 64–73.
77. Тернавский А.В., Столяров В.И. (2009). Возможность и педагогические условия реализации гуманистической направленности деятельности тренера в спорте высших достижений // Сборник трудов молодых ученых и студентов РГУФКСИТ: Материалы научной конференции молодых ученых и студентов РГУФКСИТ (3–5 апреля, 25–27 апреля 2007 г.). – М.: Светотон. – С. 142–146.
78. Футбол как интегрирующая сила в обществе // Международный и зарубежный спорт: Новости, политика, менеджмент, маркетинг. – 2000, № 2. – С. 1–3.
79. Черевач И.В. (1998). Олимпийское движение и педагогическая деятельность тренера: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М.
80. Чесноков Н.Н. (1998а). Ориентация специалистов на реализацию гуманистических идеалов в спорте и их подготовленность к этой работе // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 115–125.
81. Чесноков Н.Н. (1998б). Подготовка специалистов в области физической культуры и спорта и общегуманистические тенденции современного общественного развития // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17–25.
82. Чесноков Н.Н. (1998в). Подготовка специалистов для работы с инвалидами как фактор реализации гуманистически ориентированной социальной политики // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 8: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 190–199.
83. Штемме Фриц (1981). Футбол и общество // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 19–34.
84. Эбер Жорж (1925). Спорт против физкультуры. – Время.
85. Albinson J.G. (1973). Professionalized Attitudes of Volunteer Coaches Toward Playing a Game // International Review of Sport Sociology. – vol. 2 (9). – P. 77–87.

86. Banciulescu Victor (1980). Relations between the Press and Olympism // Report of the 20th Session of the IOA. – Athens. – P. 121-130.
87. Bannister R. (1984). Final Statement // Sport and Int. Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, July 7-10, 1982. – Berlin etc.: Springer-Verlag. – P. 368-369.
88. Bennett Bruce L. (1989). Sport In Education As a Means of Promoting International Understanding // Peace and Understanding Through Sport / (Ed.) Greta L. Cohen. Institute for International Sport. – vol. 2, N.1. – P. 17-19.
89. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. (1987). Sport and moral growth: a structural developmental perspective // Advances in Paediatric Sport Sciences. – N 2. – P. 143-165.
90. Brisson Jean-François (1994). Education to the Media // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 111-115.
91. Bulletin “Sport is communication” (11-th Olympic Congress. Baden-Baden), 1981, N.3.
92. Centennial Olympic Congress Report. Congress of Unity. – International Olympic Committee, 1994. – 421 p.
93. Coakley Jay (1988). The Continuing Search for the Functions of Sport // Sport and Humanism: Proceedings of the Int. Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba. – P. 100-108.
94. Coakley Jay (1993). Socialization and sport // Robert N. Singer, M. Murphy & L. Keith Tennant (eds.). Handbook of research on sport psychology. – New York: Macmillan. – P. 571-586.
95. Declaration on Fundamental Principles concerning the Contribution of the Mass Media to Strengthening Peace and International Understanding, to the Promotion of Human Rights and to Countering Racism, Apartheid and Incitement to War. – Adopted by acclamation on 22 November 1978 at the Twentieth Session of the General Conference of UNESCO held in Paris.
96. Discussions. Group III. Defining parameters of sports competition vs. sports participation for our youth in the spirit of Olympism // IOA. Report of the 27<sup>th</sup> Session. – Lausanne, 1988. – P. 254-256.
97. Dolgoplov Nickolai (1999). Obligations and prospects of the Press towards the harmonious formation of the moral standards and character of the young athletes: The paper presented at the 10<sup>th</sup> Int. Seminar for sports journalists, 1–6 June 1999, Int. Olympic Academy. – 11 p.
98. Edwards H. (1973). Sociology of sport. – Homewood: The Dossey Press.
99. Fairchild David L. (1978). Creative Sports: Antidote to Alienation // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. V. – P. 57-62.
100. Famaey-Lamon A., Loon F. Van (1978). Mass Media and Sports Practice // Int. Review of Sport Sociology. – vol. 4 (13). – P. 37-45.
101. Faure Roland (1994). Sport and Television: A Forced Marriage // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 103-109.
102. Ferran Jacques (1994). Sport and the Media. A Union for Better and for Worse // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 85-101.
103. Fleming L. (1973). The Contribution of Sport to the Integration of Society // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 82-86.
104. Földesi T. (1990). From Mass Sport to the «Sport for All». Movement in the «Socialist» Countries in Eastern Europe: Paper presented at the World Congress on Fitness, Nutrition and Sport for All. Chicago, Illinois, May 13-18.
105. Giebink M.P., McKenzie T.L. (1985). Teaching sportsmanship in physical education and recreation: an analysis of interventions and generalization effects // Journal of Teaching in Physical Education. – N. 4. – P. 167-177.
106. Gitter W. (1984). Mass Media, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 292-296.
107. Guldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
108. Guldenpfennig Sven (1984a). Friedensfordernde Werte des Sports // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 171-188.
109. Hackforth J. (1975). Sport im Fernsehen. – Regensburg, Münster.
110. Hatfield F.C. (1976). Ethnocentrism and conflict. – vol. 1. – P. 32-44.
111. Heinilä K. (1966). Notes on the Inter-Group Conflicts in International Sport // International Review of Sport Sociology. – vol. 1. – P. 31-40.
112. Heinilä K. (1984). The totalization process in international sport // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 20-30.
113. Heinilä K. (1985). Sport and international understanding: A contradiction in terms // Sociology of Sport Journal. – vol. 2, N. 3. – P. 240-248.
114. Heinilä K. (1986). Sport and International Understanding as conceived by elite athletes. – University of Jyväskylä, Department of Social Sciences of Sport, Research Reports. – N. 37.

115. Heinilä K. (1988). Sport and International Understanding // Sport and Humanism: Proceedings of the Int. Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba. – P. 256-264.
116. Hoberman J.M. (1986). The Olympic Crisis. Sport, Politics and The Moral Order. – New York: Aristide D. Caratzas.
117. Jones R.W. (1959). Sport and International Understanding // Report of the UNESCO – Congress «Sport – Work – Culture» in Helsinki. – P. 159-170.
118. Kaniuk R. (1973). Mass Media. Sport. International Understanding // International Review of Sport Sociology. – vol. 2(9). – P. 111-121.
119. Kirsh A., Preising W. (1984). Sport in the Mass Media and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 285-296.
120. Kivisto K. (1984). Opening of the Congress by the Minister of Education // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin etc.: Springer-Verlag. – P. 2-4.
121. Kleiber D., Roberts G. (1981). The Effects of Sport Experience in the Development of Social Character: An Exploratory Investigation // Journal of Sport Psychology. – N. 3. – P. 114-122.
122. Landry Fernand (1986). Olympic Education and International Understanding: Educational Challenge or Cultural Hegemony? // IOA. Report of the 25<sup>th</sup> Session. – Lausanne. – P. 139-155.
123. Lüschen Gunther (1984). Sport, International Conflict and Conflict Resolution // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland. – Berlin etc.: Springer-Verlag. – P. 47-56.
124. Lüschen Günther (1988). The Contradictions of Top-Sport: A Structural Analysis of Performance, Entertainment and Modern Humanism // Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba. – P. 55-89.
125. McGregor E.M. (1989). Mass Media and Sport: Influence on the Public // The Physical educator. – vol. 46, N. 1. – P. 52-55.
126. McIntosh P.C. (1984a). International Communication, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 276-284.
127. Milshtein O.A., Molchanov S.V. (1976). The shaping of public opinion regarding sport by the mass media as a factor promoting international understanding // International Review of Sport Sociology. – N. 3. – P. 71-84.
128. Mzali Mohamed (1986). Olympism's contribution to international understanding and peace // Int. Olympic Academy. Report of the twenty-fifth session, 4<sup>th</sup>-19<sup>th</sup> July 1985. – Lausanne. – P. 35-44.
129. Parienté R. (1994). The Press and Its Olympic Responsibilities // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 78-84.
130. Pilz Gunter A., Wewer W. (1987). Erfolg oder Fair play? Sport als Spiegel der Gesellschaft. – Copress Verlag, Munchen. – 152 S.
131. Seppänen P. (1984a). The Idealistic and Factual Role of Sport in International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 57-63.
132. Smith Garry J. (1976). A Study of a Sports Journalist // Int. Review of Sport Sociology. – vol. 3, N. 11. – P. 5-26.
133. Special Topical Issue on Sport and Mass Media // Int. Review for the Sociology of Sport. – 1986. vol. 21, № 2-3.
134. Sport und Massenmedien/Hackforth J., Weischenberg S. /ed./. – Limpert, Homburg v.d.H., 1978.
135. Stolyarov V. (1978c). Sport activity and sport-humanistic upbringing of the youth (philosophical and sociological aspects) // Philosophy, theology and history of sport and of physical activity: The International Congress of Physical Activity Sciences, book 8. – Quebec: Symposia Specialists. – P. 87-97.
136. Stolyarov V.I. (1989b). Sport activity and sport-humanistic upbringing of the youth (philosophical and sociological aspects) // Abstracts. Jyväskylä congress: Movement and sport – a challenge for life-long learning. June 17-22, 1989. Jyväskylä, Finland. – Jyväskylä: The Press of the University. – P. 117.
137. Wachter de F. (1983). Are Sports a Factor for Peace? // Topical Problems in Sport Philosophy/ed. Hans Lenk. – Hoffman Verlag, Schorndorf. – S. 255-269.
138. Weiss Otmar (1996). Media Sports as a Social Substitution Pseudosocial Relations with Sports Figures // Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 31, N. 1. – P. 109-118.
139. Wim De Heer (1975). Youth and sport now // Int. Journal of Physical Education. – v.XII, issue 3. – P. 17-22.
140. Wohl A. (1979). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. I. – Warszawa.
141. Zeigler Earle F., Huelster Laura J. (1989). The Challenge to the Profession of Sport and Physical Education: To Provide Experiences Basic to Peace // Peace and Understanding Through Sport / (Ed.) Greta L. Cohen. Institute for International Sport. – vol. 2, N. 1. – P. 20-33.

## Раздел V. ОСНОВЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕТСКОГО СПОРТА

Сначала имеет смысл сделать некоторые разъяснения относительно того, что представляет собой гуманистическая теория детского спорта\* и зачем она нужна.

### Глава 18. Что такое гуманистическая теория детского спорта и зачем она нужна

Прежде всего объясним, почему и для чего необходима разработка гуманистической теории детского спорта.

#### 18.1. Обоснование необходимости гуманистической теории детского спорта

В настоящее время в системе оздоровления, организации досуга и воспитания детей все шире и чаще применяется спорт. Ежегодно расширяется число соревнований, специально организуемых для детей и подростков. Так, в Германии ежегодно проводятся Федеральные игры молодежи – массовые спортивные соревнования для детей школьного возраста. Для детей и молодежи здесь ежегодно проводятся и соревнования «Молодежь тренируется для Олимпиады». В программу этих соревнований входит 10 видов спорта: легкая атлетика, плавание, гимнастика, волейбол, футбол, баскетбол, гандбол, академическая гребля, лыжные гонки, хоккей. В Австрии проводятся массовые соревнования школьников «Летняя неделя спорта». Полумарафон среди школьников в виде эстафеты с большим количеством участников организуется во Франции. Развитие школьного баскетбола в Австрии привело к созданию организационной модели соревнований школьников на кубок «Золотой бокал». Во многих странах регулярно проводятся (особенно в связи с летними и зимними Олимпийскими играми) детские спортивные соревнования под названием «Малые Олимпиады». Иногда они проводятся даже для дошкольников.

В нашей стране в течение многих лет проводились Всесоюзные соревнования по пионерскому легкоатлетическому четырехборью «Дружба», Всесоюзные детские спортивные игры «Старты надежд», в которых участвовали все учащиеся 3–10-х (11) классов, соревнования под названиями «Веселые старты», «Папа, мама и я – спортивная семья» (аналогичные массовые соревнования проводились и в бывшей ГДР под названием «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!») и др. В 1991 г. в целях стимулирования занятий спортом школьников разработано Положение о проведении Всесоюзных спортивных игр школьников. Проводятся Игры сельской молодежи, спартакиады учащихся средних школ. Особенно популярны соревнования на призы клубов «Золотая шайба» и «Кожаный мяч».

В качестве примера сошлемся на турнир «Кожаный мяч», история которого началась летом 1964 г., когда газета «Пионерская правда» опубликовала призыв: «Ребята! Создавайте во дворах и школах футбольные команды. Начинайте по всей нашей необъятной стране организованные соревнования». Успех был неожиданным, 50 тыс. команд, почти миллионы мальчишек приняли участие в первых всесоюзных соревнованиях. В годы перестройки турнир «Кожаный мяч» пережил тяжелые времена, поскольку финансирование подобного рода мероприятий было сокращено. Однако при поддержке генерального спонсора соревнований, компании DANONE, организаторы придали второе дыхание этому беспрецедентному мероприятию. В 2000 г. во всероссийских отборочных матчах приняли участие около 62 тыс. детских команд в трех возрастных группах: 9–10 лет, 11–12 лет и 13–14 лет. По результатам общероссийских игр были определены 890 команд, достойных представлять свои регионы в региональных отборочных матчах. В зональных играх, которые прошли в 18 российских городах, приняли участие 360 команд. В августе 2000 г. в городах Иваново, Рязань и Елец состоялись финальные соревнования [Самусенков, Столяров, 2000, с. 3].

---

\* Еще раз обратим внимание читателей на то, что в данной книге в словосочетаниях «гуманистическая теория спорта» и «гуманистическая теория детского спорта» термин «теория» используется в широком его значении как синоним термина «наука», «научная дисциплина».

С 2000 г. в рамках «Кубка DANONE» проходит чемпионат мира среди непрофессиональных детских команд – Danone Nations Cup («Кубок Наций Данон») – единственное спортивное мероприятие для юных футболистов, которое признано крупнейшими футбольными ассоциациями, включая ФИФА и УЕФА. В этих соревнованиях принимают участие только любительские команды в младшей возрастной группе. По мнению организаторов, очень важно привлекать к спортивным состязаниям такого уровня именно самых маленьких детей. Все более широкий размах получают и другие международные детско-юношеские спортивные соревнования. Так, с 1968 г. проводятся Международные спортивные игры школьников.

В связи со столь широким развитием детского спорта он, естественно, требует теоретического (научного) осмысления.

Теория детско-юношеского спорта сформировалась и развивается в рамках теории спорта, «стержневым разделом» которой, как отмечено выше и как об этом пишет Л.П. Матвеев, является «концепция об основном содержании и формах оптимального построения подготовки спортсмена к высоким достижениям в спорте, наиболее существенных закономерностях, путях и условиях спортивного совершенствования» [Матвеев, 1997, с. 49].

В соответствии с этим интенсивно разрабатывается теория детско-юношеского спорта как «совокупность знаний об основном содержании, формах построения и условиях спортивной подготовки детей, подростков, юношей и девушек, о наиболее существенных и общих для различных видов спорта закономерностях данного педагогического процесса» [Филин, 1987, с. 5].

Характеризуя современное состояние данной теории, В.Г. Бауэр, В.Г. Никитушкин и В.П. Филин отмечают, что ее разработка «прошла несколько этапов, от изучения частных разделов, характерных для работ 50–60-х гг., до крупных обобщающих публикаций последних десятилетий, в которых вскрыты важнейшие закономерности, присущие спортивной подготовке различных контингентов спортсменов в связи с их возрастными особенностями и этапами многолетней подготовки» [Бауэр, Никитушкин и Филин, 1996, с. 30].

Как подчеркивают указанные авторы, в настоящее время сформулированы основы системы многолетней подготовки юных спортсменов: определены этапы многолетней подготовки, преимущественная направленность подготовки на каждом из них, установлены оптимальные возрастные границы достижения высших результатов в видах спорта. Сформулированы основные методические положения, на основе которых должна строиться многолетняя спортивная тренировка. Разработана технология выбора средств и методов в тренировке детей и подростков. Особенно весомый вклад в разработку теории и методики детско-юношеского спорта внесли научные труды В.П. Филина, Л.П. Матвеева, Р.Е. Мотылянской, М.Я. Набатниковой, Ю.Г. Травина, В.К. Бальсевича, Н.Ж. Булгаковой, В.М. Волкова, Ф.П. Суслова, Ю.Д. Железняк, М.С. Бриля, Г.Н. Максименко, В.Г. Никитушкина, В.Г. Бауэра, В.Г. Алабина и др.

Отмечается и тот факт, что «российские ученые одними из первых в мире выдвинули концепцию спортивного отбора и обосновали главные методологические подходы к решению проблемы. Широко используя комплексный подход к оценке личности спортсмена, его функционально-соматических, анатомических, физиологических особенностей и двигательных способностей, выделили разнообразные критерии отбора и разработали методические рекомендации по отбору спортсменов в виды спорта» [Бауэр, Никитушкин и Филин, 1996, с. 30–31].

Приведенные выше характеристики предмета и достижений существующей теории детского спорта достаточно четко выявляют ее **прагматическую (технологическую)** ориентацию. Эта теория дает научное обоснование путей отбора детей и подростков, которые наиболее пригодны для успешного выступления в том или ином виде спорта, средств и методов их спортивной подготовки, такой модификации их телесности, физического состояния и психики, которая обеспечивает успешное выступление, достижение предельно высоких результатов в этом виде спорта. Другими словами, в рамках данной теории и связанной с ней практики, основанных на указанной парадигме, *ребенок (причем, не только его тело, но и его психика, все существо) выступает как определенное средство решения задач, связанных со спортом, с тем или иным его видом.*

Однако, как отмечено выше, в современном обществе постоянно поднимается – прежде всего философами, социологами, педагогами – вопрос о необходимости оценки

всех социальных явлений с позиций гуманизма. В связи с широким и интенсивным вовлечением в спортивную деятельность все большего числа детей, начиная с дошкольного возраста, самого серьезного внимания в этом плане заслуживает **детский спорт**.

Во-первых, речь идет о детях, о подрастающем поколении, а от того, каким оно будет, зависит будущее всего общества.

Во-вторых, все те негативные явления, которые, как показано выше, в той или иной степени могут быть и реально присущи спорту, способны нанести особенно существенный вред именно детям.

С учетом этой ситуации и возникает потребность в разработке гуманистической теории детского спорта.

## **18.2. Предмет и состояние разработки гуманистической теории детского спорта**

Данная теория – раздел общей гуманистической теории спорта, главная особенность которой, как показано выше (см. 12.2.), – гуманистическая *парадигма*, ориентирующая на такой подход к изучению спорта, при котором он рассматривается как *сфера и средство реализации гуманистических идеалов и ценностей*, касающихся личности и социальных отношений. На переднем плане этой теории находится не спорт, а *интересы, потребности, личность человека и человеческие отношения*; спорт рассматривается лишь как *средство*, призванное содействовать такому развитию личности и отношений между людьми, которое соответствует идеалам и ценностям гуманизма.

В соответствии с таким подходом к разработке гуманистической теории детского спорта центральное место в ее проблематике занимают не проблемы отбора и оптимальной подготовки детей для успешного выступления в определенном виде спорта, а проблемы *воздействия спорта на личность и социальные отношения детей, на процесс их воспитания и социализации, тех факторов, которые определяют характер и степень этого воздействия, а также форм и методов, обеспечивающих оптимальный позитивный эффект такого воздействия*.

В первую очередь при этом речь идет о следующих проблемах:

➤ Допустимо ли с гуманистических позиций использование спортивных соревнований в системе оздоровления, организации досуга и воспитания детей?

➤ Какие возможности заключены в спортивной деятельности для реализации гуманистических идеалов и ценностей в этой системе?

➤ Ориентирован ли современный детский спорт на реализацию этих возможностей?

➤ Какое воздействие он оказывает на духовную (нравственную, эстетическую, интеллектуальную) культуру ребенка?

➤ Не приводят ли спортивные соревнования к негативным последствиям для личностного развития и социальных отношений детей?

➤ Возможно ли каким-то образом и как именно избежать этих последствий, с помощью каких форм и методов можно обеспечить позитивное и наиболее полное гуманистическое воздействие спорта на личность и социальные отношения детей?

Все эти вопросы являются крайне важными и актуальными. Поэтому они привлекают внимание не только философов и социологов, но также педагогов, психологов, медиков и других специалистов [Даугс, Эмрих, Игель, 1998; Лях, 1998; Юношеский спорт... 1997; Baumann, Haimeri, 1995; Bona, 2001; Brettschneider, Brautigam, 1990; Court, 1988; Franke, 1988; Grupe, 1984, 1998; Kaminski, Mayer, Ruoff, 1984; Lee, Cockman, 1995; Lee, Cook, 1990; Magill et al., 1982; Meinberg, 1984; Michaelidis, 2001; Performance Sport... 1973; Puhse, Zahn, 1995; Sports ... 1990; Telama, 1985; Tymowski, 1999; Watson, Collis, 1982 и др.].

Проведен ряд международных семинаров и симпозиумов, посвященных обсуждению социального смысла и значения детского спорта [см., например: De-Knop, Engström, Skirstad, Weiss, 1996; Groll, Strohmeyer, 1970; Howald, Hahn, 1982; Kinder... 1998]. Данной теме посвящены специальные выпуски журнала «Review» СИЕПС [Review... 1985] и журнала «International Review for the Sociology of Sport» Международного комитета социологии спорта [Youth Sport... 1997], том материалов Олимпийского научного конгресса [Weiss, Gould, 1984], а также сравнительные международные социологические исследования [см., например: Krotee, Blair, Naul, Neuhaus, Hardman, Komuku, Matsumura, Numminen, Jwo, 1994].

Комплекс проблем анализа детского спорта с позиций гуманизма анализируется в сборниках: «Детский спорт (концепции, программы, технологии» тематической серии «Спорт, духовные ценности, культура» [Спорт, духовные ценности, культура. 1998. Вып. 7]; «Спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи» тематической серии «Гуманистическая теория и практика спорта» [Гуманистическая теория и практика спорта. 2000. Вып. 3] и «Соревнование и спорт в системе гуманистического воспитания детей» тематической серии «Гуманистика соревнования: теория и практика гуманизации соперничества» [Гуманистика соревнования. 2002. Вып. 2]. Эти тематические сборники, включающие в себя статьи ученых разных стран, подготовлены автором и изданы Гуманитарным Центром «СпАрт» ГЦОЛИФК в 1998 и 2002 гг.

Проделанный при подготовке сборников аналитический обзор соответствующих публикаций показал, что, как правило, предметом обсуждения являются лишь отдельные проблемы, возникающие при анализе детского спорта с позиций гуманизма, а кроме того, в этом анализе нередко допускаются существенные методологические ошибки. С учетом этой ситуации в работах автора [Столяров, 1990 е, 1996 а, 1998 в, г, 2000 в, е, 2003 г, 2006 а, 2007 в, 2007 к, 2009 а, в, д, 2010 е, л, о, п, 2011 б и др.] предпринята попытка разработать *основы гуманистической теории детского спорта*, в которой на основе диалектической методологии дается анализ комплекса проблем гуманистической оценки этого спорта.

Различным аспектам проблематики этой теории посвящены диссертации и публикации его учеников: Вишневского В.И. [Вишневский, 1987, 1988], Губаревой Т.И. [Губарева, 2000, 2001], Ипатова Д.И. [1995], Козыревой О.В. [2002 а, б], Кудрявцевой Н.В. [Кудрявцева, 1996], Паршикова А.Т. [Паршиков, 2003, 2004], Петлеваного Г.Ф. [Петлеваный, 1997], Попова Г.В. [Попов, 2004], Самусенкова О.И. [Самусенков, 1989, 2000, 2001] и др., а также совместные с ними публикации [Вишневский, Столяров, 2009 а, б; Губарева, Столяров, 1997; Столяров, Вишневский, 2007, 2009а,б,в; Столяров, Ипатов, 2006; Столяров, Козырева, 2002; Столяров, Кудрявцева, 1998; Столяров, Петлеваный, 1997; Столяров, Попов, 2004 и др.].

Конечно, сделаны лишь *первые шаги* по разработке гуманистической теории детского спорта. Необходима дальнейшая разработка этой *комплексной, интегративной* дисциплины на основе объединения усилий философов, социологов, психологов, педагогов и других специалистов. Об этом свидетельствует сложный и дискуссионный характер центральной проблемы этой теории – проблемы социального смысла и значения детского спорта. Она обсуждается в следующей главе.

### Литература к гл. 18

1. Бауэр В.Г., Никитушкин В.Г., Филин В.П. (1996). Организационные и научно-методические перспективы развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 2. – С. 28-34.
2. Вишневский В.И. (1987). Социально-воспитательные аспекты массовых спортивных соревнований школьников в СССР: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
3. Вишневский В.И. (1988). Воспитательный эффект детско-юношеских спортивных соревнований и пути его повышения (социально-педагогический анализ) // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М. – С. 175-192.
4. Вишневский В.И., Столяров В.И., (2009а). Комплексный анализ массовых спортивных соревнований школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VII Всероссийской научно-практич. конференции (г. Москва, 16–17 апр. 2009 г.). – М. – С. 40–47.
5. Вишневский В.И., Столяров В.И. (2009б). Система массовых спортивных соревнований школьников («Команда-класс») по игровым видам спорта: Научно-методические рекомендации. – М.: АНО «Учебный Центр информационных и образовательных технологий». – 131 с.
6. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
7. Губарева Т.И. (2001). Гуманистически ориентированная педагогическая технология культурно-спортивной работы с инвалидами: Автореф. дис... д.п.н. – М. – 45 с.
8. Губарева Т.И., В.И. Столяров (1997а). Комплексная «спартианская» программа культурно-спортивной работы с инвалидами // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, ч. II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 106-195.
9. Гуманистика соревнования. Вып. 2. Соревнование и спорт в системе гуманистического воспитания детей: Сб. ст. – М.: Гуманитарный. центр «СпАрт» РГАФК, 2002.



10. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий. Спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи: Сб. ст. – Москва-Сургут: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ, 2000. – 212 с.
11. Даугс Р., Эмрих Э., Игель Х. (1998). Дети и молодежь в спорте высших достижений (данные немецких ученых) // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – №1. – С. 41-45.
12. Ипатов Д.И. (1995). Основные направления гуманизации спортивных игр и соревнований в работе со школьниками: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 28 с.
13. Козырева О. (2002а). Спортивное воспитание детей дошкольного возраста (концепция и методика): Монография. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК: Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
14. Козырева О.В. (2002б). Спортивное воспитание детей дошкольного возраста в системе их гуманистического воспитания: Автореф. дис... докт. пед. наук. – М. – 50 с.
15. Кудрявцева Н.В. (1996). Новые формы физкультурно-спортивной работы с детьми и молодежью: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
16. Лях Владимир (1998). Психологические проблемы юношеского спорта в странах Западной Европы // Межд. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм», 14–18 июля 1998 г., Москва: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 151-153.
17. Матвеев Л.П. (1997). Общая теория спорта. Учебная книга для завершающих уровней высшего физкультурного образования. – М.: 4-й филиал Воениздата. – 304 с.
18. Паршиков А.Т. (2003). Спортивная школа как социально-педагогическая система: социальное проектирование. Монография. – М.: Сов. спорт.
19. Паршиков А.Т. (2004). Спортивная школа как социально-педагогическая система: социально-педагогическое проектирование: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – Санкт-Петербург. – 54 с.
20. Петлеваний Г.Ф. (1997). Система олимпийского образования в многопрофильной школе-комплексе физкультурно-эстетического направления: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. М. – 28 с.
21. Попов Г.В. (2004). Концепция и педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 24 с.
22. Самусенков О.И. (1989). Спортивно-гуманистическое воспитание учащихся спортшкол (на примере футбола): Автореф. дис... канд. пед. наук. – Малаховка. – 24 с.
23. Самусенков О.И. (2000). Педагогическая технология реализации культурного потенциала игровых видов спорта. – Москва-Малаховка, МГИУ. – 204 с.
24. Самусенков О.И. (2001). Педагогическая технология реализации социально-культурного потенциала игровых видов спорта в работе с юными спортсменами (на примере футбола): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 45 с.
25. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Выпуск второй: Сб.ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 3–134.
26. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой. Детский спорт (концепции, программы, технологии): Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 319 с.
27. Столяров В.И. (1990е). Проект «СпАрт» // Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы. – М. – С. 13-16.
28. Столяров В.И. (1996а). Гуманистический потенциал спорта и его реализация в современных условиях // СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб. ст. – Москва–Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия. – С. 42–56.
29. Столяров В.И. (1998в). Детское спартианское движение России: за духовное и физическое оздоровление подрастающего поколения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 204-226.
30. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.
31. Столяров В.И. (2000в). Детско-юношеский спорт и современное олимпийское движение (по результатам социологического опроса участников международного Форума) // Сборник трудов ученых РГАФК (16–18 февраля 2000 г.). – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 125–130.
32. Столяров В.И. (2000е). Теоретическая концепция спортивно-гуманистического воспитания детей и молодежи // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 21–79.
33. Столяров В.И. (2001з). Участники Международного форума о детско-юношеском спорте и современном олимпийском движении (социологический анализ) // Олимпийское движение и социальные процессы: X Юбилейная Всерос. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 153–156.
34. Столяров В.И. (2003г). Спартианская модель школьного спорта // Инновационные программы и методики школьного спорта. Вып. первый: Сборник. – Москва–Уфа: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Муниципальное образование Кировский район г. Уфы. – С. 13–93.

35. Столяров В.И. (2006а). Дискуссии о гуманистическом значении детского спорта // Детский тренер. – № 4. – С. 10–31.
36. Столяров В.И. (2007в). Комплексная оценка гуманистического значения детского спорта // Детский тренер. – № 1. – С. 54–69.
37. Столяров В.И. (2007к). Пути повышения гуманистической ценности детского спорта // Детский тренер. – № 4. – С. 10–36.
38. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
39. Столяров В.И. (2009в). Комплексная спартианская программа повышения гуманистической ценности школьного спорта // Современные аспекты физкультурной и спортивной работы с учащейся молодежью: Материалы междунар. конф. – Пенза. – С. 7–11.
40. Столяров В.И. (2009д). Основные направления, формы и методы гуманизации школьного спорта // Современные аспекты физкультурной и спортивной работы с учащейся молодежью: Материалы международной конференции. – Пенза, – С. 3–7.
41. Столяров В.И. (2010е). Инновационные проекты и программы повышения воспитательной роли детско-юношеского спорта: отечественный и зарубежный опыт // Спортивно-патриотическое воспитание и адаптивная физкультура для детей и подростков: Сб. статей и докладов. Методич. материалы. – М.: ООО «СТК». – С. 49–74.
42. Столяров В.И. (2010л). О спортивной культуре юных спортсменов // Детский тренер. – №3. – С. 4–16.
43. Столяров В.И. (2010о). Проблема социального смысла и значения детского спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 6–29.
44. Столяров В.И. (2010п). Проекты и программы повышения социокультурного значения детско-юношеского спорта // Дети России образованны и здоровы: Материалы VIII Всероссийской научно-практич. конференции, г. Санкт-Петербург, 25–26 февраля 2010 г. – М. – С. 163–166.
45. Столяров В.И. (2011б). Инновационные подходы к организации спортивной деятельности в процессе модернизации физического воспитания школьников // Материалы 2-й научно-практической конференции «Инновационные технологии в физическом воспитании подрастающего поколения (февраль 2011 года). – М.: МГПУ. – С. 23–30.
46. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2007). Модели организации образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях, интегрирующих учебную деятельность и дополнительное образование: Методические рекомендации. – М.: Среднее профессиональное образование. – 271 с.
47. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2009а). Инновационный проект организации массовых спортивных соревнований школьников // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма. Научные труды XII Междунар. научно-практической конференции (п. Новомихайловский, 2009 г.). Том 1. – Ростов-на-Дону. – С. 139–143 и т. 2. – С. 168–173.
48. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2009б). Комплексный анализ массовых спортивных соревнований школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VII Всероссийской научно-практич. конференции (г. Москва, 16–17 апр. 2009 г.). – М. – С. 40–47.
49. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2009в). Концепция инновационной системы массовых спортивных соревнований школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 16–17 апреля 2009 г.). – М. – С. 164–168.
50. Столяров В.И., Ипатов Д.И. (1996). Проблема гуманизации современного спорта и пути ее решения // Ценности спорта и пути его гуманизации (Духовность. Спорт. Культура. Выпуск второй): Сборник./Сост. и редактор В.И.Столяров. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 49–180.
51. Столяров В.И., Козырева О.В. (2002). Гуманистический подход к спортивному воспитанию и спортивной культуре: общая концепция и ее применение к дошкольникам // Гуманистика соревнования. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 3–226.
52. Столяров В.И., Кудрявцева Н.В. (1998). Физкультурно-спортивная работа с населением на пороге XXI столетия: проблемы и пути их решения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 9: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 94–216.
53. Столяров В.И., Петлеваний Г.Ф. (1997). «Спартианская» программа олимпийского воспитания, образования и обучения // Олимпийское образование в школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений физической культуры. – Смоленск. – С. 57–138.
54. Столяров В.И., Попов Г.В. (2004). Педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Методич. пос. – Щадринск: Изд-во Щадринского педагогического института. – 47 с.
55. Филин В.П. (1987). Теория и методика юношеского спорта: Учеб. пособие для институтов и техникумов физ. культуры. – М.: ФиС. – 128 с.
56. Юношеский спорт: проблемы и решения // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1. – С. 40–49.

57. Baumann H., Haimerl B. /Hrsg./ (1995). Schulsport – wozu? – Aachen.
58. Bona Imke (2001). Sehnsucht nach Anerkennung? Zur sozialen Entwicklung jugendlicher Leistungssportlerinnen und –sportler. – Sport und Buch Strauß. – 290 S.
59. Brettschneider W.D. (1990). Adolescents, leisure, sport and lifestyle // T. Williams, L. Almond & A. Sparkes (eds.). Sport and physical activity: Moving towards excellence. – London: Spon. – P. 536-551.
60. Brettschneider W.D., Brautigam M. (1990). Sport in der Alltagswelt von Jugendlichen. – Frechen: Ritterbach.
61. Court Jurgén (1988). «Darf die Gegenwart der Zukunft geopfert werden». Kants und Schleiermachers Beitrag zu einer pädagogischen Antinomie im Kinderleistungssport // Brennpunkte der Sportwissenschaft. Herausgegeben von der Deutschen Sporthochschule Köln. – N. 2. – S. 229-238.
62. De-Knop Paul, Engström Lars Magnus, Skirstad Berit, Weiss Maureen R. /eds./ (1996). Worldwide Trends in Youth Sport. – Human Kinetics Publishers.
63. Franke Elk (1988). Bedeutung und ethische Konsequenzen sportlicher Höchstleistungen im Kindes- und Jugendalter // Kinder und Jugendliche im Leistungssport: Beiträge des Internationalen Interdisziplinären Symposiums «KinderLeistungen» / Hrsg. Reinhard Daus. – Schorndorf: Hofmann. – P. 50-68.
64. Groll H., Strohmeier H. /Eds./ (1970). Jugend und Sport. II. International Seminar für Soziologie des Sports, 1968. – Wien: Österreichischer Bundesverlag.
65. Grupe O. (1984). Kinderleistungssport in pädagogischer Sicht. Resümee und Aufarbeitung einer kontroversen Diskussion // Sportunterricht. – N 11. – S. 409-419.
66. Grupe O. (1998). Hochleistungssport für Kinder aus pädagogischer Sicht // Kinder und Jugendliche im Leistungssport: Beiträge des Internationalen Interdisziplinären Symposiums «KinderLeistungen» / Hrsg. Reinhard Daus. – Schorndorf: Hofmann. – P. 32-44.
67. Howald H., Hahn E. /Hrsg./ (1982). Kinder im Leistungssport (19. Magglinger Symposium, 1980). – Basel.
68. Kaminski G., Mayer R., Ruoff B.A. (1984). Kinder und Jugendliche im Hochleistungssport. – Schorndorf.
69. Kinder und Jugendliche im Leistungssport: Beiträge des internationalen, interdisziplinären Symposiums “KinderLeistungen” vom 7. bis 10. November 1996 in Saarbrücken. – Verlag Karl Hofman, Schorndorf, 1998.
70. Krotte M.L., Blair P.P., Naul R., Neuhaus H.W., Hardman K., Komuku H., Matsumura K., Numminen P. & Jwo C. (1994). A six-nation study concerning attitudes and participation patterns of youth toward competitive sport // Wilcox R. (Ed.). Sport in the global village. – Morgantown, WV, Fitness Information Technology Inc. – P. 467-476.
71. Lee Martin J., Cockman Michael (1995). Values in Children's Sport: Spontaneously Expressed Values among Young Athletes // Ethics and Sport. Special Issue. International Review for the Sociology of Sport. – vol. 30, N. 3/4. – P. 337-351.
72. Lee M.J., Cook C. (1990). Review of the literature on fairplay with special reference to children's sport. – Strasbourg, Council of Europe.
73. Magill Richard et al. (1982). Children in Sport: A Contemporary Anthology. – Champaign, Ill.: Human Kinetics. – 259 p.
74. Meinberg E. (1984). Kinderhochleistungssport: Fremdbestimmung oder Selbsterfahrung? Pädagogische, anthropologische und ethische Orientierungen. – Köln.
75. Michaelidis Dinos (2001). Sports for Young Athletes // IOA. Report of the Fourteenth Session, 23 July – 8 August 2000, Ancient Olympia. – IOA. – P. 156-163.
76. Performance Sport among Young People as an Educational Problem // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – P. 435-444.
77. Puhse U., Zahn T. (1995). Kinderleistungssport im Fadenkreuz ethischer Diskussion // Hotz A. (Red.). Handeln im Sport in ethischer Verantwortung. – Magglingen. – S. 326-353.
78. Review. International Council of Sports Science and Physical Education. – 1985. vol. 8.
79. Sports and physical education for children and young people // The Council of Europe's Work on Sport, 1967-1990. – P. 150-186.
80. Telama R. (1985). Pedagogical Aspects of Sports for Youth // Review. International Council of Sports Science and Physical Education. – vol. 8. – P. 11-16.
81. Tymowski Gabriela (1999). An ethical consideration of children's participation in high-performance sport: A Paper Presented to the Session of IOA, May-June. – 4 p.
82. Watson G.G., Collis R. (1982). Adolescent Values in Sport: A Lose of Conflicting Interests // International Review of Sport Sociology. – vol. 3, N. 17. – P. 73-90.
83. Weiss Maureen R., Gould Daniel /Ed./ (1984). Sport for Children and Youths. The 1984 Olympic Scientific Congress Proceedings. Vol. 10. – Human Kinetics Publishers, Inc. Champaign, Illinois.
84. Youth Sport. Special Issue. International Review for the Sociology of Sport. – 1997. – vol.32, N. 4.

## Глава 19. Проблема социального смысла и значения детского спорта

Как отмечено выше, данная проблема давно привлекает внимание философов, социологов, а также педагогов, психологов, медиков и других специалистов. В ходе их дискуссий высказываются различные и даже противоположные мнения о социальном смысле и значении детского спорта.

### 19.1. Противоположные мнения о социальном смысле и значении детского спорта

Преобладающей (особенно в отечественной научной и публицистической литературе) является **позитивная оценка** детского спорта. В большинстве научных работ, в докладах и выступлениях на конференциях, симпозиумах, посвященных этому спорту, спортивные соревнования и подготовка к ним рассматриваются как важное педагогическое средство, которое обязательно должно использоваться в системе оздоровления, воспитания и организации досуга детей, т.е. в целостном процессе их социализации.

В 1976 г. в Париже состоялась I Международная конференция министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт (Париж, 5–10 апреля 1976 г.), которая была организована ЮНЕСКО в сотрудничестве с Международным советом по физическому воспитанию и спорту. В окончательном докладе и рекомендациях конференции по теме «Роль физического воспитания и спорта в подготовке молодежи в перспективе непрерывного образования» отмечается, что на конференции выявился широкий консенсус «относительно значения физического воспитания и спорта для гармоничного развития личности не только в физическом, но и в интеллектуальном, нравственном, эстетическом и эмоциональном планах». На основе этого делается вывод о том, что развитие физического воспитания и спорта «должно являться неотъемлемой частью планирования образования государствами-членами и соответствовать критерию образования, установленному с учетом интересов и потребностей различных возрастных групп, начиная с дошкольного возраста и кончая университетом, а также интересов непрерывного образования, в целях всесторонней подготовки личности и ее полного участия в жизни общества». Конференция рекомендовала «принять меры с целью развития практики «спорт для всех», начиная со школы с тем, чтобы ввести широко распространенную практику спорта в течение всей жизни». Конференция «провозглашает торжественно, что физическое воспитание и спорт являются основным элементом культуры и, в качестве такового, являются национальным и международным долгом» и на основе этого «рекомендует осуществлять физическое и спортивное воспитание молодежи одновременно в школьной и внешкольной среде» [Окончательный доклад... 1976].

Своим исходным пунктом такой подход к оценке воспитательной роли спорта имеет, по-видимому, древнегреческую агонистику. Дух соперничества, состязания пронизывал все сферы жизни Древней Греции, в том числе систему воспитания подрастающего поколения [Билинский, 1998; Самойлов, 1998]. В Новое время ректор колледжа Регби Т. Арнольд (1755–1842), по-видимому, одним из первых начал широко использовать спортивные состязания в системе школьного воспитания в Англии. Позитивное отношение к детско-юношескому спорту преобладает и в настоящее время, причем не только в нашей стране, но и в других, например в США [Гуськов, Кофман, 1995].

При обосновании позитивной оценки детского спорта практически во всех работах подчеркивается его значение для оздоровления и физического совершенствования подрастающего поколения. Сторонники детских спортивных программ утверждают также, что активные занятия спортом позволяют мальчикам стать самоуверенными, конкурентоспособными мужчинами, развивают у них самодисциплину, взаимодействие, мотивацию к достижениям, мужество, настойчивость. В научных публикациях отмечаются и другие аспекты позитивного значения спорта в процессе социализации и воспитания детей [Белорусова, 1974; Пустовалов, 1980; Тер-Ованесян А. А., Тер-Ованесян И. А., 1986; Филин, 1996 и др.].

Специалисты Новой Зеландии, разработавшие программу развития детского спорта под названием «Киви-спорт», подчеркивают важное значение занятий спортом для физического, социального и эмоционального развития детей. Они отмечают, что участие детей в этих занятиях стимулирует процесс роста и повышения тренированности организма,

способствует приобретению двигательных умений и точности движения, создает хорошие возможности для психического и социального развития. Спорт создает среду, в которой индивид может выработать положительную самооценку и приобрести дополнительную уверенность в своих силах, помогает развитию духа сотрудничества между группами и индивидов. Участие в спортивных мероприятиях способствует также выработке правильного отношения к победам и поражениям. Испытываемое в юном возрасте удовлетворение от занятий спортом служит основой для дальнейшего участия в спорте на протяжении всей жизни [Киви-спорт, 1992].

Социолог спорта из Германии Г. Люшен считает, что «поведение детей, причастных к сфере соревновательного спорта, мотивируется в дальнейшем стремлением к достижению успеха, цели». Поэтому, полагает он, «чем раньше дети начинают участвовать в состязаниях, тем раньше развивается у них подобная мотивация поведения» [Люшен, 1979, с. 47].

Ряд исследователей [Herron, Sutton-Smith, 1971; Kamii, DeVries, 1980; Silance, 1985] позитивную роль игр с правилами и игр-состязаний, в том числе спортивных, усматривают в том, что они требуют владения определенными когнитивными навыками – нужно знать правила, учитывать последствия тех или иных действий, уметь выигрывать и проигрывать – и одновременно способствуют развитию этих навыков. Вот пример такой оценки значения спорта для детей: «Мы считаем, что спорт – одна из лучших школ дисциплины. Например, можно уже с очень раннего возраста заставить понимать ребенка, что в футболе игроку нельзя касаться рукой мяча, за исключением вратаря. Каждый раз, когда он не соблюдает это правило, судья останавливает его свистком и указывает на нарушение. Его партнеры заставляют его следовать правилам игры. С первого момента игры маленький ребенок понимает, что: существуют правила; он должен уважать их; он должен подчиняться указаниям судьи. Спорт, таким образом, позволяет ребенку в ходе игры выучить основные правила жизни в обществе, а именно что общественная жизнь невозможна без соблюдения правил, которые должны соблюдаться каждым. Несоблюдение правил означает исключение из социальной группы» [Silance, 1985, p. 171-172].

Н.Н. Каргин и С.Ю. Тюленков при анализе данной проблемы обращают внимание на то, что в процессе социализации индивид не только усваивает все предшествующие нормативные и культурные эталоны поведения, но и сам становится активным субъектом деятельности. Спорт – это, пожалуй, «единственный социальный институт, где индивид может выполнять социально значимые роли в наиболее раннем возрасте», и это определяет ряд важных аспектов социально-психологического значения спорта для социализации детей. «Во-первых, активное участие в социальной жизни предполагает несение определенной ответственности, что важно для развития самосознания; во-вторых, индивид, включенный в активную социальную (спортивную) деятельность, менее всего подвержен случайным влияниям, его поведение более управляемо». Кроме того, «занятия спортом формируют такие качества личности, развитие которых в иных сферах социальной деятельности затруднено». Некоторые качества (например, настойчивость и упорство), развиваемые на основе участия в спорте, могут формироваться и в других сферах деятельности. Но особенность спортивной деятельности состоит в том, что она в силу своей игровой природы, как и всякая другая игра, «является средством обучения индивида различным социальным ролям и моделям поведения», но при этом «не столь строго санкционирует нормы, рамки поведения в отличие от утилитарной деятельности и в силу этого позволяет раскрывать наиболее полно физические, творческие и прочие особенности индивида». Наконец, следует учитывать также, что «набор определенных качеств, приобретенных в процессе занятий спортом, может быть перенесен и использован в любой другой социальной деятельности. Примеры подобного рода – достаточно частое явление: знаменитые в прошлом спортсмены стали ведущими специалистами во многих сферах социальной деятельности» [Каргин, Тюленков, 1975, с. 28–30].

Ученый из Германии Й. Швиер указывает на то, что посещение спортивных клубов и секций становится неотъемлемой частью детской культуры. Эту тенденцию к «спортизации детства» он оценивает позитивно, поскольку занятия спортом, по его мнению, способствуют социализации и индивидуализации детей. «Сама система спорта предоставляет возможности ранней специализации, развития личностных интересов, пробуждает и выявляет индивидуальные способности и уверенность в себе». Кроме того, спортивные игры стимулируют развитие такой важной способности, как исполнение роли, так как игроки

должны в самых различных ситуациях учитывать ожидания как своих товарищей по команде, так и соперников. К примеру, футбольный игрок, у которого находится мяч, должен исполнять роль защитника от игрока, который оказывает на него давление (ориентация на контр-игрока), он должен знать, какой тип паса ожидают его товарищи по команде (ориентация на команду), он должен продвигаться, не взяв мяч в руки даже в самых сложных ситуациях, и, более того, он должен учитывать, что пас игроку, который находится в положении вне игры, невозможен (ориентация на правила игры). Хотя ребенок исполняет здесь только одну роль, но одновременно он должен понимать роли других и учитывать все возможности их поведения для того чтобы реагировать на соответствующие ситуации и нормы [Schwier, 1993, p. 11–12].

Высоко оценивается гуманистическая значимость спорта для решения педагогических задач в учебных заведениях. Так, Ассоциация физического воспитания Великобритании и Северной Ирландии в своем журнале «Бритиш Джорнел ов Физикэл Эдьюкейшн» называет пять основных причин, которые, по мнению ассоциации, обуславливают важность школьного спорта:

- 1) он способствует укреплению здоровья школьников;
- 2) этот спорт имеет важное воспитательное значение для развития не только тела и разума, но и для формирования характера учащихся, поскольку достижение определенного уровня физической подготовленности и овладение любыми двигательными навыками требует значительных усилий воли и самодисциплины;
- 3) спорт способствует укреплению единства, сближая всех членов школьного коллектива;
- 4) спортивные интересы, которые возникли в стенах школы, могут найти свое удовлетворение после ее окончания в местных спортивных клубах или других спортивных организациях;
- 5) хотя первоочередной задачей школьного спорта является предоставление возможности заниматься спортом всем детям независимо от степени их одаренности, школьный спорт считается также первой ступенькой на пути к большим спортивным достижениям, а потому высокий уровень его организации служит основой для будущих успехов в спорте, как на национальном, так и на международном уровнях [Журнал... 1993, с. 21–22].

Аналогичные соображения по поводу роли и значения школьного спорта высказывают американские ученые Д. Айтцен и Г. Сэйдж. Во-первых, они отмечают позитивное влияние спорта на школу. Любая организация, в том числе школа, нуждается в единстве и преданности ее членов. Важную роль в этом плане играет спорт. Школьники определенной команды отождествляют себя со своей школой и защищают ее интересы. Спортивные состязания вызывают энтузиазм и единство со стороны школьного коллектива перед лицом соперника, представленного другой школой. Кроме этого, школьный спорт выполняет функцию социального контроля. Спорт занимает свободное время учащихся, отвлекает их от ненужных размышлений и сомнений. Разрешение на участие в спортивных соревнованиях получают те, кто не нарушает учебных и спортивных требований. Поэтому учащиеся-спортсмены, как правило, дисциплинированы и служат примером для остальных, а также лучше учатся. Важная роль спорта состоит и в том, что он как бы нейтрализует жесткие формы соперничества между городами, районами и школами. Ведь спортивные соревнования, регулируемые определенными правилами игры, – «символическое состязание между соперниками». Во-вторых, отмечают Д. Айтцен и Г. Сэйдж, школьный спорт оказывает позитивное влияние и на окружающее общество. Он объединяет различных жителей определенного района независимо от их профессии, образования, расовой и религиозной принадлежности в их общем желании поддержать школьную команду района. Тем самым он служит как бы связующим звеном между различными поколениями. Спорт, подчеркивают Д. Айтцен и Г. Сэйдж, позитивно влияет и на отдельную личность – содействует развитию как физических, так и разнообразных психических качеств школьника [Eitzen, Sage, 1992].

Многие ученые и специалисты отмечают важное значение для детей не только «спорта для всех», но и спорта высших достижений. Так, в Заявлении Немецкого спортивного союза ФРГ (ДСБ) об участии детей в спорте высших достижений, опубликованном в 1983 г. в западногерманском журнале «Олимпише югенд», отмечается, что для развития детей необходим определенный уровень работоспособности. Во всех жизненных сферах одаренные дети имеют право на проявление своих незаурядных способностей. Со-

ревноваться друг с другом в решении самых разнообразных задач – естественная потребность детей. Само по себе спортивное достижение и связанные с ним переживания имеют важное значение для развития ребенка и для раскрытия его личности. В Заявлении выделяются следующие основные позитивные функции спорта высоких достижений в детском возрасте: стимулирование физического, психического и духовного развития ребенка; содействие практическому познанию ребенком собственной работоспособности и собственных умений, а также укреплению уверенности в своих силах; приобщение детей к коллективу и формирование социального поведения; расширение опыта и обогащение эмоциональной жизни ребенка путем рациональной организации досуга [Дети... 1983].

Позитивную роль спорта высших достижений для детей и подростков отмечает Лиана Манолиу из Румынии – олимпийская чемпионка 1968 г. по метанию диска. В статье «Спорт с детьми: опасность или шанс?» она обосновывает положение о том, что современные «дети-атлеты» становятся через спорт зрелыми людьми, хорошо справляющимися с жизнью и выполняющими в качестве примеров обществу важную интегрирующую функцию [Манолиу, 1981]. М.Л. Лазарев также считает, что «по тем качествам, по которым проходят соревнования в мире большого спорта (сила, скорость и т.д.), могут проводиться соревнования и у детей для формирования у них рефлекса цели... Через эффект подражания, видя подобные соревнования в жизни и по телевизору, дети будут стремиться быть похожими на знаменитых чемпионов, что, несомненно, будет способствовать улучшению их показателей. Рекомендуется проводить соревнования по армрестлингу, бегу, прыжкам, скоростной выносливости» [Лазарев, 1997, с. 209]. Чемпион летних Олимпийских игр Юрий Борзаковский отмечает еще один аспект позитивного значения спорта высших достижений и олимпийского спорта в воспитательном плане: «Олимпийская победа, являющаяся наивысшим и самым желанным достижением в современном спорте, важна не только для самого участника Игр. Она воспитывает и поддерживает в народе психологию победителей, а это очень важно для России в наши непростые времена» [Цит. по газете «За Калужской заставой». – 22 февр. 2006 г. – с. 7].

Исходя из позитивной оценки гуманистического значения спортивных соревнований и подготовки к ним для детей, в отечественной литературе уже давно высказывалось мнение о том, что «совершенствование системы физического воспитания детей должно идти по пути дальнейшего распространения спортивного метода» [Филин, Сироткина, Каргин, 1974, с. 43]. В последнее время эта точка зрения получает широкую поддержку. Пропандируется концепция «*спортизации*» всей системы физического воспитания, в том числе детей, и предпринимаются активные усилия по ее реализации [Бальсевич, 2006, 2009; Инновационная... 2001; Лубышева, 2006; Спортивно-ориентированное... 2006 и др.].

Особо отмечается важное значение спорта и спортивного воспитания для формирования *жизнеспособной личности*. Под жизнеспособностью в современной литературе понимается способность человека жить, не деградируя, даже в ухудшающихся условиях социальной и культурной среды, воспроизводить и воспитывать жизнестойкое (в биологическом и социальном плане) потомство, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, делать среду обитания более благоприятной для жизни, не разрушая и не уничтожая ее [Гурьянова, 2004; Ильинский, 1995]. Примерно в таком же смысле жизнеспособность понимают и сторонники «спортизации» физического воспитания: «Жизнеспособность – это стремление человека выжить, не деградируя и воспитать жизнестойкое в биологическом и социальном плане потомство, стать индивидуальностью, сформировать смысло-жизненные установки, самоутвердиться, найти себя, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом среду обитания, делая ее более благополучной для жизни, не деформируя и не уничтожая ее» [Лубышева, Магин, 2005, с. 18]. При этом они считают, что «спорт в полной мере обеспечивает социальный заказ на формирование жизнеспособной личности», так как в нем «создан механизм развития» такой личности: «Спортивное воспитание предполагает развитие личностно значимых качеств, формирование способностей, вооружение учащихся знаниями о жизни, необходимыми для успешного функционирования человека в современном обществе. Целевая установка спортивного воспитания заключается в том, чтобы сформировать личность, способную преодолевать трудности, развивать волю, выжить, саморазвиваться и достигать успеха, победы прежде всего над самим собой... Технология спортивной подготовки включает в себя средства и методы формирования личности спортсмена, способного к самосовершенствованию в соответствии с заданными целями» [Лубышева, Магин, 2005, с. 19].

Но наряду с позитивной оценкой роли спорта в системе социализации и воспитания детей высказывается и **негативное отношение** к детскому спорту.

В основе такого отношения лежат различные основания.

Иногда оно связано с негативной оценкой *всякого соперничества*.

Еще в XVI в. врач Иероним Меркуриали (Geronimo Mercuriale или Girolamo Mercuriali, 1530–1606) в своей работе «Искусство гимнастики» (De Arte Gymnastica, 1569) высказал мнение о том, что состязания наносят непоправимый вред здоровью, делая людей подавленными и невосприимчивыми к радостям жизни после регулярных физических нагрузок. Он характеризует состязательность как основной фактор невротических расстройств и даже уравнивает ее с беспорядочными половыми контактами (*immodicus Veneris usus*) по степени их воздействия на психику. Меркуриали считал, что всплеск эмоций во время игры вызывает впоследствии меланхолию, которая, в свою очередь, порождает дурное обращение и даже грубость в отношениях с людьми, в том числе и самыми близкими [см.: Кыласов, 2010 а, с. 55–56].

В 1706 г. Бернарде де Сен-Пьер в работе «Мысли о воспитании» утверждал, что соперничество является источником всякого рода зол. «Соперничество есть стимул своеобразного свойства. Не мы пользуемся им, а он нами. Когда мы собираемся одолеть соперника, этот стимул одолевает нас. Подобно охотнику, преследующему оленя верхом со сворой гончих, человек в порыве соревнования несетя очертя голову туда, где ему в сущности нечего делать, гонится решительно за всем, что движется быстрее него. Оседлав нашу душу, соперничество наполняет нашу жизнь заботами, беспокойством и тщетными желаниями... Не соперничество ли детей является у нас первопричиной непостоянства взрослых? Подстрекая каждого своими наградами стать первым, оно вызывает чувство неповиновения старшим, зависть к равным и презрение к низшим» [цит. по: Эбер, 1925, с. 42]. Л.Н. Толстой негативно относился к соперничеству, о чем свидетельствуют его слова: «Помните, что ничего нельзя делать прекрасного из соперничества, ничего благородного из гордости».

Негативное отношение ко всяким соревнованиям, включая спортивные, лежит в основе широко используемых в настоящее время идей вальдорфской педагогики и педагогических идей школы Монтессори [Смирнова, 2001; Хохлова, 1998]. Замена соревновательных игр на игры сотрудничества – одна из центральных идей движения «Новые игры». В 1966 г. Стюарт Брэнд – ведущая фигура калифорнийской «антикультуры» – разработал программу игр для противников войны, которая, в частности, предусматривала отказ от соперничества в играх и акцент на сотрудничестве, юморе, творчестве. На основе этого в дальнейшем сформировалось указанное движение [Капустин, 1998; Klein, 1984; The New Games Book, 1976 и др.].

Иногда полагают, что именно с соперничеством связан кризис современной цивилизации: «Состязательность стала *универсальной* нормой либерального общества. Это произошло благодаря тому, что каждый из нас испытывает сильнейшее культурное давление, заставляющее постоянно помнить о спорте: вести спортивный образ жизни, «играть» в какие-либо спортивные игры, обсуждать достижения спортсменов и команд. Можно смело утверждать, размышляя о феномене спортизации, что состязательность попала в подготовленную среду либерального общества, основанного на сплошной конкуренции всех со всеми. Цинизм и страсть наживы толкают на публичные соревнования парикмахеров, кондитеров, скотобоев, политиков, музыкантов и пр. Все они хотят продемонстрировать свое превосходство над коллегами с той лишь целью, чтобы получать в дальнейшем еще большую оплату за свои умения.

Результатом спортизации общества становятся массовые неврозы и прогрессирующее чувство неудовлетворенности вкупе с неуверенностью в завтрашнем дне. Соревнуются все со всеми. И это основная причина кризиса, настигшего современное общество. Правительства в этой ситуации еще больше усугубляют экономический спад, стимулируя потребительскую активность кредитами, чтобы повысить покупательную способность, потакая опять же соревнованиям – кто больше купит или кто может купить больше, чем может (получить максимальный кредит). Но это все равно, что остановить бегуна на дистанции лишь для того, чтобы пожелать ему поскорее прийти к финишу [Кыласов, 2010, с. 283–284].

Негативное отношение ко всякому соперничеству, естественно, порождает такое же отношение и к *спортивному* соревнованию. В настоящее время на конференциях и в пуб-



ликациях нередко обсуждается вопрос о переходе «от соревновательного спорта к спорту здоровья» и вообще о «несоревновательном» спорте, «не-спортивном спорте» [см., например: Dietrich, Heinemann, 1989; Kenzie, Cicero, Ray, 1988; Vom Wettkampfsport... 2000]. На критическое отношение к спорту влияет и религиозная позиция. Так, например, священник Андрей Овчинников, опираясь на христианскую религию, пишет: «Человеку не нужен спорт, но необходимы физические нагрузки. Спортсмен служит страстям, а физкультурник – укрепляет здоровье и повышает работоспособность. Спорт же как зрелище, как состязание, где слабый проигрывает и получает осуждение, а сильный выигрывает, ожидая награды и почестей, – духовно опасен» [Священник... 2002, с. 55–56; см. также: Никифоров, 2003].

Чаще всего, однако, речь идет о критике не соперничества и спорта вообще, а лишь соперничества и спорта именно для *детей*.

Негативное отношение к соревнованиям, включая спортивные, в системе воспитания детей высказывал основоположник научной системы физического воспитания в России П.Ф. Лесгафт (1987). Его подход в этом вопросе в суммарном виде сводится к следующим основным положениям: «1) спорт как состязание двух сторон всегда содействует развитию чувства первенства; 2) детям школьного и семейного возраста не следует предлагать чувственных развлечений, а следовательно, и таких, которые связаны с развитием стремления к первенству; 3) спорт с соревнованием не должен быть допущен ни в школьном, ни в семейном возрасте ребенка». Исходя из этих положений, П.Ф. Лесгафт неоднократно обращал внимание на то, что при организации игр детей и подростков необходимо, «чтобы устанавливаемые правила ни в каком случае не допускали какого-либо соревнования, поощрения или наказания». Он считал, что «в играх должно исключаться всякое состязание между занимающимися, точно так же, как и отличия и преследования, так как действительно образованные молодые люди должны побуждаться к деятельности не личной выгодой или боязнью преследования, а искренним желанием совершенствоваться и приближаться к идеалу человека, который выработали себе». По мнению П.Ф. Лесгафта, даже в борьбе физические упражнения «ни в каком случае не могут являться в виде состязания» [Лесгафт, 1987, с. 155, 180, 340].

Кубертен, возродивший древнегреческую агонику в форме современных Олимпийских игр, категорически возражал против включения в их программу *детских спортивных соревнований*. По его мнению, как отмечалось выше, организация таких Игр противоречит воспитательным задачам олимпийского движения. В «Олимпийских мемуарах» в качестве одного из важных результатов Конгресса в Париже (23 июня 1894 г.), на котором был создан МОК, он отметил решение о «недопущении детских соревнований» в программе Олимпийских игр. «Викелас и представитель Швеции Берг, – писал Кубертен, – хотели включить соревнования для детей, что, по моему мнению, было бы непрактичным и опасным» [Кубертен, 1997, с. 19]. Георг Герберт, наивысший авторитет по вопросам физического воспитания во Франции, в 1925 г. издал брошюру под названием «Спорт против физического воспитания», в которой отмечал, что спорт всегда связан с деньгами, он является «грязным» и способствует агрессии. По этой причине он считал, что спорт не может быть допущен в школы как средство воспитания.

Как отмечают В. Зуев и В. Логинов, делегаты I Всероссийского съезда по вопросам народного образования провозгласили недопустимым проведение спортивных соревнований в школах в том виде, в каком они проходили в буржуазных школах Западной Европы и начали практиковаться в России, считая их вредными для нравственного воспитания детей. Критика спортивных соревнований как средства воспитания детей содержится и в Декларации Совета народных комиссаров 1918 г. «О единой трудовой школе»: «Трудовое начало в школе в высокой мере способствует физическому развитию детей, но само по себе оно для этой цели недостаточно. Массовая ритмическая гимнастика, индивидуальное развитие мускулатуры под наблюдением врача, игра, переходящая постепенно в серьезный спорт, лишенный, однако, нездорового духа соревнования, – таков путь в этом отношении» [Зуев, Логинов, 2008]. Сходную позицию в оценке значения соревнований в системе школьного воспитания занимают некоторые педагоги и в настоящее время. Вот лишь один пример: «Я отвергаю использование соревнования в школах: соревнование как социальный идеал представляется мне отвратительным; оно непереносимо в нравственном отношении» [Fielding, 1976, p. 140].

Иногда допускается использование спортивных игр лишь для обучения детей элементарным спортивным умениям. Так, с точки зрения Э.И. Адашквичене, «основной целью занятий спортивными играми и упражнениями является ознакомление детей со спортивными играми и упражнениями, закладывание азов правильной техники. Но это ни в коем случае не должно стать узкоспециализированными тренировками, подготовкой к участию в соревнованиях» [Адашквичене, 1992, с. 5]. Полагают также, что «не надо сравнивать ребенка с кем-то другим, ставить кого-то в пример. Из данного подхода следует, что дети соревнуются не друг с другом, а сами с собой» [Лазарев, 1997, с. 35].

Основанием для негативного отношения к спортивным соревнованиям является комплекс негативных явлений, которые связаны с участием детей в них и вообще в ситуациях соперничества. Считают, что эти ситуации формируют порочное разделение людей на победителей и проигравших и тем самым приводят к стрессам, конфликтам, к развитию негативных качеств личности (таких, например, как эгоизм, агрессивность, зависть и др.), наносят вред сотрудничеству, содействуют разрушению социальных отношений [Дупона, Петрович, 1998; Скенлен, 1992; Спок, 1998; Fielding, 1976; Geiringer, 1972; Grupe, 1984; Hoch, 1972; Kenzie, Cicero, Ray, 1988; Kinder und Jugendliche... 1998; Leonard, 1980; Orlick, 1978; и др.]. При этом, как правило, ссылаются на результаты социологических исследований К. Шериф и М. Шериф. В частности, речь идет об эксперименте, который провела американский социолог Каролин Шериф в летнем лагере для 12-летних мальчиков. Проведение спортивных соревнований между двумя созданными из них группами оказалось достаточным для возникновения открытых конфликтов и вражды. Разрядить конфликтную ситуацию удалось только после создания положения, при котором от обеих групп потребовались совместные действия, и они вынуждены были взаимодействовать [Sherif C., 1973, 1976; Sherif M., 1958].

Ссылаются и на то, что «настоящие соревнования, где борьба ведется за очки, за места, являются непосильной психологической нагрузкой для ребенка» [Адашквичене, 1992, С. 5]. Полагают также, что при использовании соревнований в детских играх «невозможно освободиться от пресса утилитарных оценочных суждений и психологического пресса неодобрения со стороны воспитателей», а «концентрация внимания на выжимание «всего возможного» из каждого индивидуала не оставляет и места для простого обыкновенного детского веселья». Кроме того, «сталкивание детей друг с другом в играх, где они фанатично соревнуются за то, что достается лишь немногим, гарантирует неудачу и отверженность для многих из них». И что еще хуже, соревновательные игры «могут деформировать свойства личности самих победителей. Многие из них начинают радоваться неудачам других детей. Если следует поражение, а оно часто случается, многие дети стремятся избежать соревнования, отходят в сторону. Неудача в играх может внушить детям совершенно неадекватные понятия о самих себе, о своей физической сущности» [Балякина, 1997, С. 6, 7].

Нередко в основе негативного отношения к детскому спорту лежит отрицательная оценка *современной* его формы, для которой характерно желание многих юных спортсменов любой ценой – даже за счет здоровья, одностороннего развития, нарушения нравственных принципов – победить, продемонстрировать свое превосходство над другими, завоевать ценные призы, награды, получить другие связанные с победой материальные блага, приобрести славу и т.д. Обращается внимание на то, что в последнее время участие детей и подростков в спортивных соревнованиях и подготовка к ним нередко являются причиной возникновения у них сильных стрессов. Исследования, проведенные директором психиатрического института в Вашингтоне Лоуренсом Брейном, выявили тревожные данные о 23 млн. американских детей, не достигших еще одиннадцатилетнего возраста, т. е. возраста, который он называет «the age of protection» (буквально: возраст, нуждающийся в защите). Среди этих детей в возрасте от 6 до 11 лет зафиксировано много случаев стресса, и часто они связаны именно с соревнованиями, в том числе спортивными. Детей губит безудержное соперничество и связанные с ними отчаяние и нервное перенапряжение.

Особенно резкой критике подвергается вовлечение детей в *спорт высоких достижений*, в котором применяются методы, которые калечат их и духовно, и физически.

Тренеры стремятся включить в спорт высших достижений все более молодых людей. Часто ставится задача вовлечения в спортивные секции (особенно в так называемых «молодеющих» видах спорта, к которым обычно относят спортивную гимнастику, фигурное

катание и плавание) детей-дошкольников, способных за десятилетие достигнуть высокого спортивного мастерства [см.: Бауэр, Петров, 2000]. При этом для подготовки из юных спортсменов рекордсменов нередко применяются не воспитательные технологии, а несовместимые с этикой методы дрессировки и другие методы, которые калечат детей и физически, и духовно. Для отбора наиболее талантливых юных спортсменов их отправляют в лабораторию, где с ними проводят различные испытания. «При помощи рентгеноантропометрии прогнозируется телосложение, рост и плотность тела в определенном возрасте; биомеханическими методами определяется механическая эффективность мышц; проводятся тесты на умственное развитие, мотивацию, стресс и усвоение двигательных навыков, а также многочисленные и разнообразные проверки органической и двигательной подготовленности. А затем «многообещающего» ребенка обучают, тренируют, дрессируют, натаскивают, морочат посулами его родителей, создают вокруг него обстановку абсолютной специализации, внимания к малейшим деталям. Потенциальный чемпион часто оказывается отрезанным от общественной жизни, становится не представителем, а изгоем общества – и все во имя чего? Во имя золотой медали? На молодого человека обрушиваются лесть, слава, капитал, путешествия, «друзья», реклама... А если что-нибудь пойдет неладно – забвение. Чтобы удержать спортсмена «на вершине», в центре внимания публики, применяются порой методы, не совместимые с этикой» [Пауэлл, 1984, с. 16].

Крайне острой является проблема травматизма и болезней юных спортсменов. Опыт спортивной медицины и социологических исследований свидетельствует о том, что значительный контингент спортсменов помимо травм уже на ранних этапах спортивной карьеры приобретает хронические заболевания. Для достижения высоких спортивных результатов, как правило, используется огромный годичный объем тренировочных и соревновательных нагрузок, которые провоцируют у юных спортсменов различные *заболевания и травмы*. Так, например, лишь 5% из числа тех учащих спортшкол, кто прошел медосмотр, признаются здоровыми. 15–35 % имеют отклонения и противопоказания к тренировкам, а многие их болезни остаются нераспознанными. По данным врачебно-физкультурного диспансера, в одной из ведущих спортивных школ Ростовской области за последние 20 лет доля здоровых спортсменов сократилась с 53 до 14,7 %, а количество атлетов с хроническими заболеваниями увеличилось в три раза. Каждый шестой из числа обследованных кандидатов юношеских и юниорских сборных команд России нуждается в лечении. По данным ряда исследований, у юных спортсменов в возрасте 10–17 лет чаще, чем у детей и подростков такого же пола и возраста, не занимающихся спортом, наблюдаются заболевания, связанные с простудными инфекциями (острые респираторные заболевания, ангины, бронхиты и др.) [Бауэр, 1998, с. 76; Бауэр, 2002, с. 50–51; Ким и др., 2001, с. 18].

Прием допинга, ранее характерный лишь для взрослых спортсменов, в настоящее время наблюдается и у детей. И.А. Носов на основе опроса учащихся 5-й ДЮСШ г. Новосибирска пришел к выводу, что 16,6% учащихся младшей возрастной группы, 6,8% средней группы и 20,4% старшей группы применяют стимуляторы для выполнения норматива мастера спорта. Поддерживают применение допинга спортсменами высокого класса 25% учащихся младшей, 58,4% средней и 68,8% старшей возрастной группы [Носов, 1993]. Американские исследователи, поставившие своей целью выяснить распространение стероидов в спорте и организовавшие анонимный опрос 965 школьников в средних классах четырех школ, пришли к поразительному открытию. Оказывается, американские дети, гонимые за лучшими спортивными результатами, начинают употреблять стероиды с десятилетнего возраста. Как подчеркивают авторы исследования, организовавшие анонимный опрос 965 школьников в средних классах четырех школ, 2,7 % опрошенных сообщили о том, что они принимают анаболические стероиды. Причем девочки, занимающиеся спортом, склонны прибегать к приему этих препаратов почти так же часто, как и мальчики. «Раньше мы полагали, что эта проблема касается только учеников старших классов и колледжей», – подчеркнул профессор Роберт Блум, специалист по педиатрии университета Миннесоты. Он отметил, что данные нового исследования вызывают у врачей глубокую озабоченность, поскольку стероиды не только помогают наращиванию мышечной массы, но и могут отрицательно сказываться на состоянии печени, вызвать замедление роста и иметь целый ряд других побочных эффектов. «Курс приема стероидов стоит около 200 долларов», – подчеркивает в этой связи сотрудница того же университета Эйвери Файгенбаум, высказавшая предположение, что препараты для детей могут покупать их братья и

сестры, тренеры и даже родители, забывающие в погоне за будущими медалями и чемпионскими титулами о возможных последствиях для здоровья собственных детей [О разном, 1998, с. 21].

Как отмечено выше, в разное время и в разных странах были проведены социологические и педагогические исследования с целью выяснить влияние занятий спортом на *нравственное поведение* (соблюдение принципов «честной игры» в спортивных соревнованиях) детей и молодежи. Все эти исследования приводят к одному выводу: активные и регулярные занятия спортом *не повышают, а снижают ориентацию на нравственное поведение в спорте*. Те, кто не участвует регулярно в спортивных соревнованиях, проявляют больше желания выступать за соблюдение кодекса честной игры, чем постоянные участники состязаний и спортсмены высокой квалификации, по сравнению со своими коллегами «более низкого класса» проявляют меньшую склонность связывать себя этим кодексом.

Выдвигаются и другие аргументы против участия детей в спорте высших достижений. Так, по мнению спортивного педагога из Гамбурга К. Пашена, детский спорт высоких достижений не позволяет детям оставаться детьми, подвергает их «суперстрессу современных спортивных тренировок, ориентированных на высокие достижения». Детей лишают важнейшего опыта, нарушают их семейную жизнь, ограничивают социальные контакты, наносят вред их развитию. Голландский спортивный педагог Барт Крум полагает, что из-за спорта высоких достижений создается угроза физическому, умственному и душевному здоровью детей, так как «сеть опеки», в которую «безвыходно затягивается» ребенок, «становится все плотнее»; это «тоталитарная система, из которой нет выхода» [цит. по: Группе, 2005, с. 115].

Исследователи отмечают и еще одну важную проблему, которая связана с детским спортом высших достижений и побуждает к его негативной оценке. Бесспорно, что дети с раннего возраста могут развить необычайно высокий двигательный потенциал и успешно выступить во многих видах спорта. Но каковы последствия этого? Не приводят ли соревнования к крайне негативным последствиям для личностного развития и взаимоотношений детей? С воспитательной точки зрения, как отмечает С. Стойкович, возникает следующий вопрос: а «НУЖНО ли им переносить то, что они МОГУТ переносить?» [цит. по: Дупона, Петрович, 1998, с. 38].

Аналогичные вопросы ставят и другие исследователи: «Стоит ли спорт того, чтобы посвящать ему все силы?» [Пауэлл, 1984, с. 14]. «Действительно ли определенный спортивный результат столь важен для большинства молодежи? И равноценен ли он с воспитательной, психологической и социологической точек зрения развитию молодежи? Стоит ли бороться за высокий результат, и если да, то посредством каких... воспитательных средств? Оправдывает ли та цель, которую «святоши» ставят не только в спорте высших достижений, но также в рекреационном спорте и спортивном воспитании, те средства или по крайней мере большую часть тех средств, которые в настоящее время используются на практике?» [Дупона, Петрович, 1998, с. 38].

Еще более четко эту проблему сформулировал О. Группе на международном междисциплинарном симпозиуме, посвященном обсуждению детского спорта высших достижений (7–10 ноября 1996 г., Саарбрюккен, Германия) [Kinder... 1998]. Он отметил, что «детям доставляет радость достижение высоких результатов, участие в соревнованиях и упражнениях; они также с удовольствием ходят на тренировки». Возникает, однако, следующий вопрос: «В какой мере и насколько интенсивно высокий спорт с его определенными для взрослых правилами и нормами, с его принципами достижений, конкуренцией и в связи с этим со специфическим планированием тренировок и соревнований должен переноситься в детскую жизнь и определять цели и содержание воспитания и развития?» [Группе, 2005, с. 114, 117].

По мнению О. Группе, не вызывает сомнений и то, что дети могут выдерживать интенсивные нагрузки в некоторых видах спорта, в цирковом искусстве, акробатике, музыке и могут добиваться в этих сферах высоких и даже высочайших достижений, каких обычно можно ожидать только от взрослых: например, в восемь лет делать переводы Платона с греческого на французский, как это делал Теодор Агриппа Д'Обиньи (Théodore Agrippa d'Aubigné), в 12 лет написать работу о звуке, как это сделал Паскаль, или в 14 лет, как Моцарт, написать оперу. «Но с педагогической и этической точки зрения возникают вопросы: должны ли дети выдерживать все, что они могут, или должны ли они достигать тех

результатов, которых они могут достигнуть? Действительно ли для их развития так важны высочайшие спортивные достижения, что к ним нужно стремиться с педагогической точки зрения?» [Группе, 2005, с. 116, 117].

О. Группе считает, что при ответе на эти вопросы следует учитывать *особенности детского периода развития, интересы детей*, право ребенка на неприкосновенность и защиту. Надо иметь в виду, что «они имеют право на собственный детский мир, на защиту и оберегание, что правила и требования взрослой жизни не должны или лишь ограниченно должны распространяться на них, что им необходимо предоставить простор для развития их задатков и сил и что этот простор необходимо защищать от вредных влияний извне; ...что к ним следует обращаться как к цельным созданиям, которым нельзя давать одностороннее воспитание, что они имеют право на поддержку своих талантов и что их необходимо соответственно готовить к взрослой роли в культуре и обществе...» [Группе, 2005, с. 116, 117].

Речь идет, следовательно, об *ответственности* за детей, которая касается учителей, тренеров, родителей, всего социального окружения детей. Эта ответственность «не может с педагогической точки зрения в первую очередь определяться *исключительно* заинтересованностью в оптимизации высоких спортивных достижений... Она должна исходить также из заботы о будущем ребенка, который позже станет взрослым, а также из стремления обеспечить ему счастливое настоящее. Она должна предоставить ребенку целостное воспитание, которое не допускало бы односторонности развития и не ограничивало бы его в будущих возможностях, а скорее открывало бы их ему в смысле растущего самоопределения и одновременно создавало бы те возможности, которые служили бы оптимальным стимулом для разностороннего опыта и понимания, основой самостоятельности и самоопределения, короче: для формирования детской личности... сюда же относится и здоровое физическое развитие» [Группе, 2005, с. 116, 117].

О. Группе подчеркивает и еще одну особенность детского спорта высоких достижений. Спорт на основе условий и требований спорта высоких достижений не является чем-то естественно понятным для ребенка. Смысл этого спорта ему должны, как правило, объяснить взрослые. На основе этого объяснения от детей требуют, а иногда и принуждают их упражняться и тренироваться по нормам взрослых, участвовать в соревнованиях, которые проходят по правилам соревнований взрослых. Значит, цели спорта высоких достижений *не носят в первую очередь педагогического характера*: «Он не был изобретен в целях воспитания ребенка». В сохранении спорта высших достижений, в постоянном прогрессе спортивных достижений, а также в том, чтобы добиваться успехов в международных спортивных состязаниях, заинтересованы взрослые. Но «это вовсе не педагогические цели, и это вообще не цели, к которым бы дети пришли сами по себе, если бы взрослые не подвели их к тому, чтобы они следовали этим целям. Целями детей скорее могут быть игра, движение, состязание, освоение трюков движения, удовлетворение их любопытства путем проб и экспериментов; их целью является также спортивное мастерство, но в первую очередь не та форма достижений, которая стоит в конце долгосрочно спланированного и связанного с тренировками пути» [Группе, 2005, с. 118].

Исходя из всех этих соображений, О. Группе считает, что хотя с психологической и медицинской точек зрения некоторые нагрузки и требования в детском спорте высоких достижений могут быть безвредными для ребенка, но «это не означает, что данный спорт для них желателен и с педагогической точки зрения. Или по-другому: не все, что в детском спорте высоких достижений могло бы быть сделано с ребенком в плане целенаправленного, так желаемого взрослыми, улучшения спортивных достижений, следует делать» [Группе, 2005, с. 117].

Негативную позицию О. Группе в отношении детского спорта высоких достижений поддерживали и некоторые другие участники указанного международного симпозиума. Так, Гюнтер Гебауэр высказал мнение о том, что «детский спорт высоких достижений существует только потому, что взрослые заинтересованы в нем, а не в плане перспектив последующего развития детей, как их подготовка к взрослой жизни. Их интерес нацелен на то, чтобы само детство сделать кульминационной и конечной точкой, сосредоточить *всю* их карьеру на коротком времени детства, карьеру, которую организуют, поддерживают и стимулируют только взрослые, которые в конце концов имеют от этого наибольшую выгоду. Все категории в мире детского спорта высоких достижений – это взрослые категории: успех, национальное представительство, государственная поддержка, количество ме-

далей, систематический образ жизни, работа» [Гебауэр, 2005, с. 123]. Развивая тезис О. Группе о защите прав детей, он сказал: «Дети не должны быть в распоряжении взрослых. Они не должны обеспечивать взрослых... они не должны служить предметом развлечений... Это неблагоприятно с моральной точки зрения. Дети зависят от взрослых, и в этом отношении взрослые должны действовать для *будущих* выгод ребенка. Оценивая пользу спорта высших достижений для группы детей, нельзя ориентироваться на гениев – гений один из миллиона, крайнее исключение. По всем нашим убеждениям относительно детства, с детьми нельзя обращаться как со *взрослыми*. Единственным действующим мерилom обращения с детьми является их будущее *во взрослом периоде*, их *будущие* активы» [Гебауэр, 2005, с. 122, 123].

Наряду с резко отрицательным отношением к детскому спорту, принципиальным несогласием с включением детей в спорт встречается иной, *более «мягкий» подход*. Считают, что детский спорт «может быть использован лишь в своеобразной дидактически оправданной форме» [Филин, Сироткина, Каргин, 1974, с. 42]. Указывая на возможные и реальные негативные последствия включения детей в спортивные соревнования, полагают, что можно избежать этих последствий: нужно методически (дидактически, педагогически) «правильно организовать это состязание, регулируя его форму и интенсивность» [цит. по: Лесгафт, 1987, с. 352].

Так, еще Жорж Эбер обращал внимание на то, что «соперничество – это трудный и ответственный педагогический процесс, которым можно пользоваться только с большой осторожностью», особенно применительно к детям [Эбер, 1925, с. 41]. По его мнению, не оправдались те надежды, которые связывали со спортом, полагая, что он должен помочь бороться с алкоголизмом, отвлечь молодежь от нездоровых удовольствий, обеспечить здоровье и т.д. Ж. Эбер не отвергал, однако, полностью возможность и целесообразность использования спорта в системе воспитания детей и подростков. «Но если спорт не дал ничего, – писал он, – это не значит еще, что он вреден по существу, отнюдь нет. Но мы доказали, что он является воспитателем добра и зла, смотря по тому как он понимается и применяется в жизни. Весь вопрос в этом. В своей истинной форме, умеренной и утилитарной, руководимой нравственной идеей, спорт является началом жизненной энергии и мужества по преимуществу и как таковой входит в систему воспитания» [Эбер, 1925, с. 91–92].

Значительный интерес в связи с обсуждаемой проблемой представляет статья Юргена Курта «Нужно ли жертвовать настоящим во имя будущего? Вклад Канта и Шлейермахера в педагогическую антиномию детского профессионального спорта» [Court, 1988]. На примере анализа проблемы включения детей в спорт высших достижений автор статьи показывает, насколько спортивная практика нуждается в философско-педагогическом осмыслении. По его мнению, важное значение для решения данной проблемы может иметь обращение к философско-педагогическим идеям Канта и Шлейермахера. В первую очередь имеется в виду их отношение к педагогической антиномии, тезис которой – «настоящее не может приноситься в жертву будущему», а антитезис – «настоящим должно жертвовать ради будущего». Эта антиномия имеет непосредственное отношение к проблеме участия детей в спорте высших достижений, поскольку на первом плане в этой проблеме находится вопрос о том, можно ли пожертвовать негативными аспектами этой спортивной деятельности ребенка «во имя будущего». Юрген Курт, опираясь на философско-педагогические идеи Канта и Шлейермахера при ответе на этот вопрос, обосновывает положение о том, что «спортивные тренировки для детей станут только тогда легитимными (законными), когда они будут служить средством развития личности, а не только улучшению спортивных результатов» [Court, 1988, s. 229]. Мы не даем более подробную характеристику высказываемых им идей, конкретизирующих данное общее положение, так как читатель может получить эту информацию в статье М.Я. Сарафа «О продуктивности философско-педагогических идей Канта и Шлейермахера для осмысления детского спорта», помещенной в сборнике «Детский спорт (концепции, программы, технологии)» [Сараф, 1998].

Таким образом, высказываются *различные* и даже *противоположные* мнения о гуманистической ценности детского спорта. При этом особенно важно, что для обоснования той или иной точки зрения используются весомые аргументы.

Учитывая это, попытаемся дать с позиций гуманизма *диалектическую* оценку социального значения детского спорта.

## 19.2. Диалектическая оценка с позиций гуманизма социального значения детского спорта

Такая оценка – в соответствии с изложенными выше основными принципами диалектического подхода к решению вопроса о гуманистическом значении спорта – применительно к детскому спорту как минимум предусматривает:

- учет *диалектически противоречивого* характера потенциала спорта, в том числе детского;
- различие *потенциала* детского спорта (заключенных в нем *возможностей* позитивного и негативного воздействия на личность и социальные отношения детей, а также возможностей его использования) и его *реального социального значения* (в какой мере потенциал спорта практически реализуется, какие социальные функции он действительно выполняет в процессе социализации детей);
- признание того, что в зависимости от конкретной ситуации под воздействием различных факторов *изменяется* содержание, характер, направленность, значимость детского спорта, на первый план выходят его культурные гуманистические ценности или преобладающими становятся антигуманные явления, культурный потенциал используется в большей или меньшей степени и т.д.;
- оценка детского спорта с учетом *не отдельных фактов*, касающихся его позитивного или негативного влияния на личность и социальные отношения детей, а *всего многообразия* этих фактов;
- учет особенностей *различных видов и форм спорта* – прежде всего спорта высших достижений и «спорта для всех»;
- подход к обсуждаемой проблеме с позиций *не эклектики*, а *диалектики*, которая требует на основе *факторного анализа* дополнить *описание* противоречивого характера детского спорта, его влияния на личность и социальные отношения, *объяснением* причин этой противоречивости;
- оценка значения детского спорта не только для реализации определенных планов и ожиданий *взрослых*, но и для *самых детей* – для полноценного развития их личности, выявления и развития многосторонних способностей;
- разграничение *желаемого и реального* положения в детском спорте, а также ценностей этого спорта, которые лишь *провозглашаются (декларируются)* функционерами, тренерами, политиками и т.д., и ценностей, на которые они *действительно ориентируют* поведение юных спортсменов.

С этих позиций для эффективного обсуждения данной проблемы прежде всего важно учитывать и различать в детском спорте, как и в спорте вообще, два его элемента – спортивную *тренировку* и спортивные *соревнования*.

Вопрос о значении для детей спортивной тренировки, как правило, не вызывает дискуссий. Во многих научных публикациях [см., например: Бальсевич, 1993 а, 2006, 2009] показана ее важная роль для формирования и развития детей – их физических, психических и других личностных качеств.

Вопрос о значении для детей *спортивных соревнований*, как и соперничества вообще, является более сложным и дискуссионным. Возражения против детского спорта в основном, как правило, и связаны с тем, что он, как и вообще спорт, предполагает соперничество, с которым, как отмечают многие исследователи, не только могут быть связаны, но и реально имеют место негативные последствия для личностного развития и социальных отношений детей.

Но правомерно и целесообразно ли на этом основании выступать против детских спортивных соревнований, а значит, и детского спорта в целом?

При таком подходе упускается из виду не только их *позитивная роль* в решении многих указанных выше важных и актуальных проблем гуманистически ориентированной социализации детей, но и *негативные последствия*, к которым может привести отказ от включения детей в соревнования, в том числе спортивные.

С этой точки зрения заслуживает внимания мнение по данному вопросу профессора Мельбурнского университета Брайэна Старта, который занимался изучением связи между соперничеством и сердечными заболеваниями, вызываемыми стрессом от соперничества. Хотя он и выявил эту связь, но тем не менее его вывод таков: «Воспитание ребенка в свободной от соперничества обстановке может оказаться пагубным, поскольку попытки до-

биться более высоких результатов в учебе, спорте, труде ни к чему не приведут в том случае, если ученики не будут стремиться улучшить свои прежние результаты». Поэтому более правильным Брайэн Старт считает не отказ от соперничества детей, а *воспитание у них правильного подхода к соперничеству*. Он рекомендует давать детям и подросткам задания, соответствующие уровню того или иного из них, с тем чтобы выполнение его, с одной стороны, предполагало посильное напряжение, а с другой – не задевало чувства собственного достоинства и не влияло на мнение личности о себе [Старт, 1983, с. 57].

Сошлемся на мнение по обсуждаемому вопросу и еще одного специалиста. А.С. Спиваковская в своей книге «Психотерапия: игры, детство, семья» анализирует результаты проведенного ею исследования, каким образом различные формы и виды игры влияют на проявление агрессивности детей и как проявляется их конфликтное поведение, если группе играющих предоставляется полная свобода действий (именно к этому призывает, например, вальдорфская педагогика). Она отмечает, что игры и игрушки, вызывающие повышенную двигательную активность, увеличивают проявления конфликтности. В такой неорганизованной игре усиливается двигательное возбуждение детей, расторможенность эмоций, что значительно ослабляет возможности контроля за своим поведением. Неорганизованные подвижные игры даже при наличии интересных и разнообразных игрушек быстро превращаются в беспорядочную возню и становятся неблагоприятной в смысле проявлений разнообразных агрессивных действий.

А.С. Спиваковская ставит вопрос: можно ли организовать игру в группе детей таким образом, чтобы уменьшить конфликты? Можно ли при сохранении подвижной игры предотвратить проявления конфликтности? По ее мнению, такой способ существует и он состоит в определенной форме организации игры, который не только снимает конфликтность в данной конкретной обстановке, но и формирует у детей определенные внутренние тормоза, препятствующие проявлениям агрессивных действий в иных ситуациях. Для этого, считает А.С. Спиваковская, надо подчинить двигательную активность детей какому-нибудь правилу, притом такому, которое будет для детей интересным, чтобы подчинение ему было более привлекательно, чем нарушение. И заключительный ее вывод по данному вопросу следующий: «Лучшим видом игры, отвечающей указанным требованиям, является игра-соревнование. Во-первых, во всяком соревновании важно выиграть, но если выиграть можно, только подчиняясь правилам, выполнение любых регламентаций становится для детей не только оправданным и понятным, но и приятным. Во-вторых, в играх-соревнованиях всевозможные ограничения поведения, связанные с подчинениями правилам, открыты. Выполнение и нарушение правила сразу же замечается играющими, что и создает наилучшие условия для самостоятельного контроля» [Спиваковская, 1999, с. 110–111].

К такому же выводу на основе многолетнего опыта работы и исследований пришел Д.И. Фельдштейн: «Практика учит, что добиться действительно сознательной дисциплины детей и подростков, их постоянной заинтересованности в сохранении зданий, мебели и пр. можно лишь при условии умело налаженного соревнования. Прекрасный дух соревнования порождает постоянно растущую требовательность воспитанников к себе и товарищам, требовательность к общему делу» [Фельдштейн, 1999, с. 464].

Надо учитывать также, что соперничество, как уже отмечалось выше, создает ситуации морального выбора. А насколько крепка мораль без умения действовать в этих ситуациях? При отказе от использования соревнований в процессе социализации детей они уже в дошкольном возрасте неизбежно будут попадать в ситуации соперничества, не будучи сориентированы в том, каким образом надо вести себя при этом. Данная проблема еще более усложнится в последующие периоды жизни – в школе, вузе, после окончания этих учебных заведений, в сфере трудовой деятельности, поскольку в современной жизни они все пронизаны соперничеством.

Таким образом, изложенное выше служит основанием для вывода о *правомерности и целесообразности использования соревнований, в том числе спортивных, и спорта в целом в системе гуманистически ориентированной социализации*.

Но это – лишь *одна сторона* оценки детского спорта с позиций гуманизма и на основе принципов диалектического метода. Ориентация на принцип всесторонности рассмотрения этого метода обязывает учитывать не только *позитивные*, но и отмеченные выше возможные (а также реальные) *негативные* последствия включения детей в спортивную деятельность и особенно в спортивные соревнования.



В связи с этим на первый план выходит вопрос о том, *возможно ли и каким образом избежать негативного влияния спортивного соперничества на личность и социальные отношения детей.*

Согласно принципам диалектического метода, для научно обоснованного ответа на этот вопрос в первую очередь необходимо объяснить, *почему* такое негативное влияние возможно, каковы основные *причины*. Другими словами, требуется необходим *факторный анализ* проблемы гуманистической ценности детского спорта – необходимо выяснить те *факторы*, от которых зависит его либо позитивное, либо негативное значение в процессе воспитания и социализации детей.

Представление о том, какие факторы такого рода выделяют большинство исследователей при анализе обсуждаемой проблемы, можно получить на основе статьи «Соревновательный спорт, победа и воспитание» [Arnold, 1989], автор которой – П. Арнольд, руководитель департамента воспитания колледжа в Эдинбурге (Англия), не только высказывает свое мнение относительно роли и социального значения спортивных соревнований в воспитании детей и подростков, но и дает обзор различных точек зрения по данной проблеме.

Сначала автор статьи обсуждает вопрос о социальном значении соревнования. Он указывает на то, что существует двоякая оценка роли соревнования в развитии личности детей и подростков: позитивная и негативная. В соответствии с позитивной оценкой, соревнование является предпосылкой формирования и развития личности, в частности, таких ее качеств, как инициатива, находчивость, независимость. Негативная точка зрения, напротив, исходит из того, что соревновательные ситуации наносят вред сотрудничеству, содействуют разрушению некоторых личных и общественных отношений, формируют порочное разделение на «победителей» и «побежденных». Указывают и на то, что соревнование часто является источником зависти, отчаяния, эгоизма, гордости и бездушности [Arnold, 1989, p. 15–16].

Два указанных принципиально противоположных взгляда на соревнование, указывает П. Арнольд, естественно, приводят к таким же противоречиям и при обсуждении вопроса о возможности использования соревнования в воспитательном процессе детей и подростков. Так например, З. Прувулович, выступающий в поддержку соревнования, пишет: «Соревнование может выявлять и выявляет новые таланты, часто неожиданно и в разнообразных формах содействует развитию различных способностей, талантов и умений. Кроме того, оно поощряет новые начинания и пробуждает стремление к приобретению новых знаний и более глубокому самовыражению» [Pruvulovich, 1982, p. 82–83]. Противоположного мнения придерживается М. Филдинг: «Я отвергаю использование соревнования в школах: соревнование как социальный идеал представляется мне отвратительным, а как определенное средство оно неприемлемо в нравственном отношении...» [Fielding, 1976, p. 140].

Своеобразную – как бы «нейтральную», промежуточную – позицию по отношению к этим двум крайним оценкам воспитательной ценности соревнования занимает Р. Диарден. Он указывает три необходимых и достаточных условия для того, чтобы два лица – А и Б могли вступить в соревнование за X: А и Б должны оба желать X. Должен быть некий общий объект их желаний; победа А в соревновании за X исключает то же для Б; как А, так и Б должны упорно стремиться к достижению X, даже если они знают, что одному из них это не удастся [Dearden, 1976, p. 114].

Как считает П. Арнольд, эта «упрощенная схема» (так ее называет Р. Диарден) хотя в целом и полезная, но она не включает в себя слишком много других, относящихся к существу обсуждаемого вопроса аспектов, чтобы ее можно было использовать. Поэтому у ряда исследователей она вызвала возражения. Так, М. Филдинг подверг критике эту схему по двум причинам. Первая касается методологии – «эссенциалистская методология» (попытка охарактеризовать соревнование посредством отождествления ряда логически необходимых и достаточных условий), по его мнению, слишком проста. Она не подходит для характеристики соревнования. Из-за ценностно-ориентированной природы понятия «соревнование» невозможно оставаться беспристрастным ни к одной из соперничающих точек зрения. Вторая причина критики затрагивает существо соревнования – упускаются из виду многие существенные его аспекты. Например, в данной характеристике соревнования ничего не говорится об отношении соревнования и правил, о характере самих правил, о том, направлено соревнование на объект или на субъект, является оно добровольным или обязательным, о мотиве соревнования [Fielding, 1976, p. 126–129]. Кроме того, по его

мнению, в анализе такого понятия, как соревнование, должен присутствовать исторический аспект.

Далее П. Арнольд переходит к обсуждению вопроса о месте и роли *спортивных* соревнований в учебно-воспитательном процессе в школе.

Прежде всего он рассматривает вопрос о возможности и необходимости *принуждения* в отношении соревнования, в том числе спортивного, в процессе обучения. По его мнению, можно выделить два противоположных подхода к процессу обучения, связанных с данной проблемой. При первом подходе полагают, что обучение может и должно строиться таким образом, чтобы какой-то предмет изучался учеником лишь в том случае, если он ему нравится или он соглашается его изучать. Однако против такого подхода существует по меньшей мере два возражения. Первое из них состоит в том, что некоторые ученики могут вообще никогда не заинтересоваться предметом обучения, независимо от того, какие усилия были предприняты для того, чтобы прояснить им внутренние или инструментальные ценности данного предмета. Но ведь это не означает, что в таком случае надо просто отказаться от преподавания этого предмета. Второе возражение заключается в указании на то, что единственный путь выяснить, к каким позитивным результатам приведет изучение данного предмета, – попытаться начать его изучать.

Поэтому высказывается альтернативная точка зрения: для включения учеников в изучение важных предметов, имеющих культурную ценность, можно использовать и принуждение, по крайней мере до определенного возраста, чтобы позднее они могли сами сделать ответственный и осознанный выбор того, чем они хотели бы заняться [Arnold, 1989, p. 17]. Автор статьи ссылается на то, что, как утверждает Дж. Вайт [White, 1982, p. 132], для того чтобы стать свободным, ученик «должен пройти период обязательного обучения». И только тогда, когда заложен достаточный фундамент на основе изучения определенных предметов, ученик способен сделать свободный и более осознанный выбор того, что он желает или не желает изучать. Сопоставляя две указанные выше точки зрения, П. Арнольд отдает предпочтение второй из них.

Затем он переходит к анализу различных аргументов, которые выдвигаются в ходе критики спортивных соревнований и направлены против их включения учебно-воспитательный процесс в школе. При этом он использует статью, автор которой Д. Мекин [Meakin, 1986], опираясь на ту оценку соревнования, которую дали Р. Диарден и М. Филдинг, формулирует и анализирует два типа критики – «*принципиальную*» («strong») и «*ослабленную*» («weak») – включения спортивных соревнований в систему воспитания детей.

Под «*принципиальной*» критикой соревновательного спорта в школах, особенно его включения в обязательную программу, автор статьи понимает критику, основанную на *негативной оценке этого спорта самого по себе*. Считают, что по самой своей природе он аморален, ведет к эгоизму и эгоистичным формам поведения, содействует и усиливает другие нежелательные социальные ценности. Основанием для такой оценки спортивных соревнований являются факты негативного поведения участников соревнований. Виновиком такого поведения считают сам спорт, что и дает повод для негативного отношения к нему со стороны моральной цензуры. Автор статьи приводит слова, которые по данному поводу высказывает Д. Мекин: «Мишень такой цензуры – нежелательное поведение многих соревнующихся: неводержанность, которая часто перерастает в насилие, неприязненное отношение к решению судей, стремление к нарушению правил и допущению явных нарушений, в общем, неспортивное поведение в отношении соперников» [Meakin, 1986, p. 59].

Анализ «принципиальной» критики П. Арнольд начинает с напоминания о том, что для правильного решения любого вопроса важно обеспечить его исторический анализ. По его мнению, это относится и к спорту. Он указывает на то, что первоначально слово «*competito*» означало «совместно решать вопрос, добиваться чего-либо» («to question, to strive together»), т.е. было более тесно связано с дружбой, чем с соперничеством [Arnold, 1989, p. 17].

Далее П. Арнольд, характеризуя природу спорта, опирается на мнение тех, кто полагает, что спорт представляет собой такую форму *борьбы* за достижение совершенства, которая предполагает взаимное *сотрудничество*. Так, например, Р. Симон [Simon, 1985, p. 28], указывает он, считал, что соревнование в контексте спорта может быть оправданно на основе того, что это есть «взаимно осуществляемое стремление к совершенству». Спор-

тивное соревнование предполагает осознание принятых в нем правил и подчинение им. Если участник сознательно нарушает правила или насмехается над ними, то серьезно может быть поставлен вопрос о том, сохраняет ли в этом случае его деятельность характер спорта. Дело в том, что соревновательный спорт не является формой разнузданного конфликта, как это иногда изображают. «Это есть управляемая правилами организованная деятельность, которая стремится регулировать то, что в ней разрешено и не разрешено, в соответствии с договоренностями, которые одобрены всеми участниками» [Arnold, 1989, p. 18]. К тому же все это подкрепляется набором социальных норм и кодексов поведения, которые традиционно призваны обеспечивать «спортивное» соревнование. Парадоксально, но факт, отмечает П. Арнольд, что «соревновательный спорт является лучшим примером регулируемого правилами дружеского соревнования, которое включает в себя и сотрудничество» [Arnold, 1989, p. 18]. По его мнению, высказывание Л. Пэрри [Perry, 1975, p. 128] о том, что «соревнования требуют от нас способности к сотрудничеству...», справедливо именно по отношению к спортивному соревнованию.

Таким образом, подводит итог П. Арнольд, «соревновательная игра вовсе не означает отсутствия сотрудничества между соперниками; скорее она предусматривает наличие последнего, по крайней мере в некоторой степени, при условии что соревновательный спорт продолжает существовать как организованная деятельность». Наиболее ярко такой подход к соревновательному спорту, по его мнению, осуществляется в рамках олимпийского движения, которое делает акцент на этике «честной игры» и спортивного духа, отстаивает ту точку зрения, что соревнование требует от участников честности и доброжелательности. Это движение, указывает П. Арнольд, «рассматривает соревновательный спорт не как аморальный и антисоциальный, а как такую форму соревнования, которая рождает творчество во взаимной борьбе за совершенство. Подобная картина соревновательного спорта может показаться неким идеалом, но она была и остается частью истории соревновательного спорта. Будет или не будет этот идеал составлять часть процесса воспитания личности во многом, если не целиком, зависит от того, как соревновательный спорт организован в школах» [Arnold, 1989, p. 18].

Серьезный аргумент против соревновательного спорта, указывает П. Арнольд, состоит в том, что он якобы ведет к *эгоистическому поведению*. Так например, М. Филдинг высказывался против соревнований в школах на том основании, что они ведут «к действию против других в духе эгоизма» [Fielding 1976, p. 140–141]. Победа одного участника соревнования, отмечает П. Арнольд, действительно означает поражение другого, или, другими словами, то, что является выигрышем для одного участника, – проигрыш для другого. Но следует ли из этого, что соревнование непременно приводит к эгоизму? Автор статьи дает отрицательный ответ на этот вопрос и в обоснование приводит следующие аргументы: «Во-первых, соревновательный спорт имеет место в рамках строгих правил, которые обязательны для всех участников. Поскольку эти правила справедливы, они предназначены для защиты интересов каждого участника. Во-вторых, идеал «хорошего соревнования», для которого характерен подлинно спортивный дух (*sportsmanship*), требует, чтобы каждый участник не только играл честно в соответствии с правилами, но и чтобы он действовал в равной степени как в своих интересах, так и в интересах других. Если не все участники спортивного соревнования соглашаются сотрудничать таким образом, то оно перестает существовать как ценный социальный институт» [Arnold, 1989, p. 18].

Таким образом, несмотря на соревновательность, спорт, указывает П. Арнольд, не обязательно ведет к эгоистичному поведению. Конечно, у некоторых участников соревнования мотивация может быть эгоистичной. Участник спортивных соревнований, как и в других сферах жизни, может быть настолько увлечен своими собственными интересами, что начинает игнорировать или исключать интересы других. К примеру, капитан в крикете может быть настолько увлечен подсчетом очков, которые он набирает, что не дает своей команде даже шанса на выигрыш и не выслушивает мнения игроков на этот счет. Подобные действия, конечно, неэтичны и не могут рассматриваться как хорошее и честное спортивное поведение. Значит, делает вывод П. Арнольд, «соревновательный спорт не поощряет эгоизм и не прощает его. Если эгоистичное поведение все же имеет место, то это осуждается и на основании общего принципа и как поведение, не содействующее эффективному достижению цели» [Arnold, 1989, p. 19].

Затем автор статьи обсуждает еще один аргумент «принципиальной» критики спортивных соревнований, который связан с вопросом о месте победы в этих соревнованиях. Для анализа этого аргумента он обращается к статье, автор которой К. Бэйли [Bailey, 1975] свою критику спортивных соревнований (соревновательных игр) связывает именно с их нацеленностью на победу. К. Бэйли начинает свою статью с выражения сомнения по поводу «необходимости соревновательных игр в общей обязательной программе обучения» школьников. Особенно скептически, указывает П. Арнольд, он настроен по отношению к точке зрения, согласно которой «соревновательные игры в целом имеют воспитательное значение» и содействуют формированию нравственного облика и характера [Bailey, 1975, p. 40–41]. Для обоснования К. Бэйли использует выдержку из работы Р. Кайюа [Caillois, 1961] и в качестве основного выдвигает аргумент, что соревновательные игры делают победу «главной целью всей деятельности» [Bailey, 1975, p. 40], так что главной парадигмой этих игр является игра ради победы, стремление игроков «продемонстрировать свое превосходство над другими индивидами или командой» [Bailey, 1975, p. 43]. Игроки стремятся таким образом воздействовать на соперников, чтобы обеспечить несомненное превосходство. С «нравственной точки зрения» К. Бэйли особенно беспокоит тот факт, что в процессе воспитания «мы обучаем такому поведению и отношению к соперникам, которые направлены на их поражение» [Bailey, 1975, p. 43]. Он полагает, что «поскольку победа – главная цель, постольку нарушение правил и наказания становятся частью стратегии игры, поскольку эти действия содействуют или препятствуют победе» [Bailey, 1975, p. 43]. Отсюда следует, что «правила игры – это просто технические и функциональные, а не нравственные правила» [Bailey, 1975, p. 47]. К. Бэйли добавляет, что если соревновательные игры сделать обязательными, это уведет нас еще дальше от идеи свободы, от которой зависит нравственность нравственное воспитание. Он исключает связь между воспитанием и соревновательными играми, особенно если они вводятся в принудительном порядке. По его мнению, мы должны «не только отказаться от идеи, что участие в соревновательных играх содействует нравственному воспитанию, но и согласиться с тем, что в воспитательном плане скорее нужно принижать, чем возвеличивать значение соревнования и победы» [Bailey, 1975, p. 48].

На первый взгляд, отмечает П. Арнольд, оценка, которую К. Бэйли дает роли спортивных игр, спорта в воспитании школьников кажется оправданной. Однако «при ближайшем рассмотрении обнаруживается непонимание им того, что представляют собой (или чем должны быть) соревновательные игры (например, такие их разновидности, как регби, футбол, хоккей, крикет). Действительно, он настолько акцентирует внимание на идее, что соревновательные игры делают победу “главной целью всей деятельности”, что существенно приукрашивает и искажает то, о чем идет речь» [Arnold, 1989, p. 19].

П. Арнольд подвергает критике основное положение, на которое опирается К. Бэйли, положение о том, что победа – главная цель в спортивных соревнованиях. При таком подходе, замечает П. Арнольд, ошибочно отрицается «внутренняя ценность соревновательной игры», хотя еще Ф. Данлоп писал: «То, что логически необходимо (для соревновательной игры), не обязательно должно быть действительно важным в том смысле, что составляет главную цель для игрока или команды» [Dunlop, 1975, p. 156].

Кроме того, отмечает П. Арнольд, надо учитывать еще одно обстоятельство. Бесспорно, что соревнование не было бы соревнованием без стремления участников к победе, но отсюда неверно делать вывод, будто победа является единственной целью участников в соревновании. «*Стремление выиграть* может быть рассмотрено как необходимая черта соревнования, но его не следует смешивать с *основаниями* или *мотивами* участия индивида в соревновании» [Arnold, 1989, p. 19]. Для многих школьников (равно как и для многих взрослых), замечает П. Арнольд, победа является редко достигаемой перспективой. Однако это не мешает им желать и продолжать соревноваться, стремиться победить. Поводом для их участия в соревновании может быть удовольствие, физическая подготовленность, лечение, дружба, общение или стремление к совершенству, а не желание победы для того, чтобы «продемонстрировать свое превосходство над другими».

П. Арнольд приводит слова К. Томпсона о том, что если бы «единственной целью соревновательной игры была победа, то исключительным критерием для выбора кем-то игры был бы его высокий шанс на победу» [Thompson, 1975, p. 150]. Игрок участвовал бы лишь в тех соревнованиях, в которых у него был бы шанс победить. Он искал бы слабых соперников для того, чтобы каждый раз выигрывать. В этом случае, пишет П. Арнольд,

спорт утратил бы свой смысл. Прекратила бы свое существование и идея «хорошего соревнования» («the good contest»). У. Фралеи, на которого ссылается П. Арнольд, к числу существенных черт такого соревнования относит равные возможности для оптимального совершенствования, действия, не наносящие вред, вежливое и почтительное отношение к соперникам [Frleigh, 1984, chapters 8 и 9]. Сам П. Арнольд указывает три самостоятельные, но взаимосвязанные черты «хорошего соревнования»: «хорошая борьба, творческая и доставляющая удовольствие разрядка и эстетический характер действий и поступков» [Arnold, 1979, p. 16].

Учитель, пишет П. Арнольд, конечно, желает воспитать учеников не в духе порочной и вырождающейся формы соревновательности, которая связана со стремлением любой ценой добиться превосходства и победить, а в духе «хорошей игры». Его задача состоит в том, чтобы все игроки могли выигрывать от соревнования и наслаждаться им. Акцент здесь делается не на конечном результате соревнования – поражении или победе, а на самом процессе соревнования, на том, каким образом оно проходит. Интеллектуальное применение великолепного мастерства и стратегии, хорошо исполненная тактика, организованное управление командой – это, указывает П. Арнольд, лишь некоторые грани того, что делает состязание хорошей игрой. Хороший учитель заинтересован в понимании и твердом соблюдении детьми правил, следовании их духу, развитии у детей таких прекрасных качеств, как мужество и решительность, а также дружелюбного и спортивного поведения. «Стремление выиграть – это часть того, что должна иметь хорошая игра, а результат – победа или поражение всегда содействуют ценностям, присущим хорошей игре. Если имеет место хорошая игра, если она проходит в правильном духе, участники узнают и получают удовольствие от игры, то ни победа, ни поражение не воспринимаются как что-то чрезвычайно важное. Когда соревновательные игры проводятся подобным образом, как они и должны проводиться в соответствии с воспитательной установкой, то многие уничижительные предположения относительно природы соревнования теряют всякий смысл. Вместо видения победы как цели игры со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями становится возможным взглянуть на игру как на человеческую деятельность, как на миниатюрную форму жизни, в рамках которой могут быть сформированы и развиты физические способности, воспитаны качества характера и которая содействует дружелюбным формам поведения» [Arnold, 1979, p. 21].

Подвергая критике положение о том, что единственная ценность соревнования состоит в достижении победы, П. Арнольд ссылается на мнение и других специалистов. Он приводит, например, слова П. Вайса: «Даже проигравшие выигрывают от соревновательной игры. Для них важно, что они участвуют в соревновании, что они могут наблюдать проявление высочайшего мастерства, что они продемонстрировали все, на что способны, что они выяснили свои предельные возможности, и даже просто то, что они включились в игру» [Weiss, 1969, p. 183]. Р. Диарден, отмечает П. Арнольд, также считает, что соревновательная игра может оставаться хорошей, даже если она проигрывается [Dearden, 1976, p. 121]. Ее ценность заключается больше в том, что происходит в процессе игры, чем в ее результате, а кроме того, сам этос или характер игры могут быть сформированы тем, кто обучает этой игре [Dearden, 1976, p. 80–81]. Э. Делатре писал о том, что ценность соревнования в спорте состоит не столько в победе, сколько в испытании: «Проверка характера в соревновательном спорте – это форма познания самого себя... Вот почему в соревновательном спорте успех более велик, когда с полным напряжением соревнуешься с сильным противником и даже проигрываешь, нежели когда выигрываешь у слабого соперника, не применяя особых усилий» [Delattre, 1975, p. 135]. Поддерживая эту позицию, П. Арнольд отмечает, что с точки зрения развития личности поражение иногда может больше научить, нежели выигрыш. Спортсмен, если он действительно спортсмен, точно так же как политик или бизнесмен, должен научиться правильно относиться как к поражению, так и к победе [Arnold, 1979, p. 20].

Таким образом, подводит итоги П. Арнольд, ошибочно считать, как это делает К. Бэйли, что спорт по самой своей природе является безнравственным. Разумеется, спортивные соревнования могут порождать такие негативные качества, как эгоизм, обман и нечестность. Однако нельзя смешивать саму идею соревновательного спорта с теми некоторыми злоупотреблениями, которые иногда имеют место в этой сфере [Arnold, 1979, p. 21].

Завершив обсуждение «принципиальной» критики, П. Арнольд переходит к анализу «ослабленной» критики спортивного соревнования.

Данная критика в отличие от «принципиальной», указывает он, негативно оценивает соревнование лишь в условном плане, а не с точки зрения его сущности. П. Арнольд приводит такую характеристику этого способа критики: «Ослабленная критика соревновательного спорта считает, что он является безнравственным не сам по себе, а когда практикуется нравственно нежелательным способом» [Meakin, 1986, p. 64]. Таким образом, отмечает П. Арнольд, острие критики в данном случае направляется не на соревнование само по себе (*per se*), а на тот способ, каким оно иногда проводится, на такие иногда сопровождающие его явления, как насилие, нарушение правил, вообще негативное поведение. «Проблема, которую поднимает ослабленная критика, состоит, следовательно, не в том, чтобы отказаться от соревнования как от внутренне негативного явления, а в том, *каким образом предотвратить* его от злоупотреблений. Главная проблема для школы состоит в том, как вовлечь школьников в соревновательный спорт и атлетику, чтобы при этом избежать формирования у них негативных установок и форм поведения, а если это происходит, то что должно быть сделано для исправления данной ситуации» [Arnold, 1979, p. 22].

Решающая роль в этом плане, указывает П. Арнольд, принадлежит учителю. Что же может сделать учитель, чтобы не дать соревновательному спорту стать потенциальным источником негативного воспитания или – в позитивном плане – придать ему форму такого воспитания, которое формирует нравственные ценности? П. Арнольд считает, что у учителя для этого есть три возможности: изменить ценностную ориентацию; систематически взывать к разуму (*making a systematic appeal to rationality*); быть примером того идеала, которому он призывает следовать.

Далее он обсуждает каждую из этих возможностей и их воспитательную ценность.

*Изменение ценностной ориентации.* При анализе этой возможности П. Арнольд исходит из того понимания спорта, которое он называет «традиционным» и в соответствии с которым «спорт лучше всего может быть охарактеризован как основанная на нравственности, управляемая правилами организованная социальная практика соревновательного, а вместе с тем дружеского, соперничества в духе *fair play* и спортивного благородства (*sportsmanship*)» [Arnold, 1979, p. 22; см. также Arnold, 1983, 1984]. Значит, соревнование, указывает П. Арнольд, – неотъемлемая часть спорта. Это не всегда понимают те, кто пытается модифицировать традиционное понятие о спорте, который изначально является соревновательным, во что-то иное. Некоторые педагоги считают, что применительно к школьному спорту должна быть ослаблена соревновательность спорта. Он должен быть «развлекательным (рекреационным)», а не «серьезным» спортом.

Возможно, кто-то имеет определенные основания для такой переориентации спорта, замечает П. Арнольд, «но мне она представляется неверной. Спорт, равно как математика или история, есть то, что он есть, и это не следует путать с тем, что спорт может быть развлекательным или что его можно преподавать в развлекательной манере. Воспитательная ценность спорта как части учебной программы двигательного обучения должна усматриваться в нем самом, а не в том, что он может быть использован в целях рекреации, хотя это и возможно». Если учитель правильно ориентируется в сущности спорта, он понимает, что ломбардийская этика\*, в которой делается акцент на победе любой ценой, разрушает социальные и нравственные нормы, а потому не имеет права на существование. «Учитель должен уметь контролировать и предупреждать всякую попытку добиться победы нечестным и безнравственным способом, хотя менеджер профессиональной команды иногда может и поощрять такие попытки» [Arnold, 1979, p. 22].

Столь же ошибочным, считает П. Арнольд, является подход, при котором спорт рассматривается и используется лишь как *инструмент* в руках нравственного воспитателя. По его мнению, «это наносит ущерб целостности и воспитательному предназначению спорта» и сильно совпадает с тем, что Ф. Кью назвал «радикальной этикой» («*radical ethic*»), которая отвергает или умаляет самооценку спорта. Примером такой этики могут

---

\* Термин «ломбардийская этика» связан с уже приводимыми выше словами «Победа – не самое главное, победа – единственное, ради чего стоит бороться», которые приписываются известному американскому футбольному тренеру В. Ломбарди. По мнению некоторых авторов, на самом деле В. Ломбарди сказал: «Главное – не победа, а желание выиграть» («*winning isn't everything, but wanting to win is*») [см.: Morris, 1979].

служить английские школы середины XIX столетия, в которых спорт использовался как средство социального и нравственного воспитания [Kew, 1978, p. 104].

Сходные аргументы, отмечает П. Арнольд, можно выдвинуть и против того, что получило название «антикультурного подхода (counter culture)» к спорту. Сторонники этого подхода, пытаясь преодолеть ломбардийскую этику с ее акцентом на победе, выдвигали идею о том, что «главное – игра; конечный результат не имеет значения» («*playing is everything; the end result is unimportant*»). Как указывал Ф. Кью [Kew, 1978, p. 109], в упрощенном варианте согласно «такому подходу, игра рассматривается как чистое удовольствие и развлечение, любовь к движениям и упражнениям совместно с другими людьми». Это значит, что спорт рассматривается *не сам по себе*, а как *средство* достижения чего-то лежащего вне спорта. Что представляет собой это нечто, не совсем понятно, но, по-видимому, оно ассоциируется с идеей подлинного существования, которое связано с «непосредственным опытом, с тем, что здесь и теперь, с процессом, а не с результатом» [Kew, 1978, p. 111].

Итак, подводит итоги П. Арнольд, «проблема всех отмеченных выше попыток изменить ориентацию спорта с соревновательности на иные направления, и тем самым сведения его к форме инструментализма, состоит в том, что при таком подходе спорт перестает быть спортом, по крайней мере в традиционном смысле этого слова» [Arnold, 1979, p. 22].

*Систематические призывы к разуму.* Вторая возможность, которая, как считает, П. Арнольд, есть у учителя, чтобы использовать соревновательный спорт в воспитательных целях, для формирования нравственных ценностей, – информационная, разъяснительная работа с учениками, которая может проводиться в разных формах. Так, например, Д. Мекин [Meakin 1981, p. 246] предлагает проводить ее в форме дискуссий, как формальных, так и неформальных. Цель этих дискуссий – повышать чувствительность развивающегося ребенка к нравственным принципам соревновательного спорта и доводить до его сознания, что он имеет право выбора, придерживаться ему этих принципов или нет. Учитель, полагает Д. Мекин, должен не только спрашивать детей о том, как им следует вести себя и хотят ли они придерживаться такого поведения, но вместе с тем, обращаясь к нравственным основаниям, указывать на «плохие» поступки и рекомендовать «хорошие». Следовательно, по его мнению, рациональным путем может быть достигнуто развитие нравственных идеалов и способов поведения, таких, например, как скромность при победе и достоинство при поражении. Если действовать разумно, можно воспрепятствовать антисоциальным и нравственно ошибочным действиям в спорте.

П. Арнольд в принципе поддерживает такой подход. Вместе с тем он отмечает, что разумная дискуссия, несмотря на ее полезность, сама по себе недостаточна, поскольку нравственное поведение в спорте зависит не столько от понимания правил и принципов этого поведения, сколько от пропагандируемых и реализуемых диспозиций, ценностных ориентаций.

*Быть примером того идеала, которому призываешь следовать.* Речь идет о том, что в сфере спорта, по-видимому, не меньше, чем в других областях учебной программы, нужно, чтобы школьники наглядно воспринимали то, к чему их призывают. «Если дети могут видеть в соревнованиях честность, справедливость, мужество, решительность и благородство, это будет в большей степени воздействовать на них, нежели беседа на данную тему» [Arnold, 1979, p. 23].

Реальное проявление спортивного духа, отмечает П. Арнольд, способно более сильно поразить воображение ребенка и сделать больше для реализации идеалов спорта, нежели казуистика в любом ее объеме. Поэтому очень важно, чтобы учитель, устанавливая те нравственные стандарты, которым под его руководством должны следовать ученики, сам следовал им. Он должен понимать, что его поведение на спортивной площадке будет оцениваться в такой же степени, как и то, что он преподает. «Учителям важно знать, каковы они сами, какие особенности имеют, поскольку их достоинства и недостатки сформируют ту часть общей картины возможного нравственного поведения, которую ребенок постепенно для себя построит» [Warnock, 1977, p. 135–136]. Недостаточно поэтому одного лишь разъяснения правил спорта. Мало – вероятно, что учитель сможет эффективно формировать у детей в спорте социальные и нравственные ценности, если он сам не демонстрирует эти ценности. Конечно, отмечает П. Арнольд, это достаточно высокое требование к учителю, но в его выполнении нет ничего невозможного. Вместе с тем, по его мнению, учителю целесообразно помнить совет, который дал Г. Райл [Ryle, 1975, p. 57]: «...в

вопросах нравственности в отличие от техники хорошие примеры не должны навязываться насильно». Дело в том, указывает П. Арнольд, что «если учитель будет слишком активен и навязчив в представлении себя как модели или будет выглядеть не очень искренним, он скорее будет вызывать насмешку и презрение, а возможно, даже и пренебрежение» [Arnold, 1979, p. 24].

Мы столь подробно остановились на статье П. Арнольда исходя из того, что в ней дается представление не только о различных мнениях по вопросу о возможности и целесообразности использования спортивных соревнований в педагогической работе с детьми и подростками, но и о тех факторах, влияющих на позитивную или негативную роль этих соревнований, которые при этом выделяет большинство исследователей.

Из данного в статье обзора различных публикаций по обсуждаемой проблеме видно, что имеют место два основных подхода к этой проблеме.

При одном подходе на первый план выдвигают *«природу» (сущность) спортивного соревнования* – является она позитивной или негативной с точки зрения возможности использования данного соревнования в процессе социализации детей и подростков. Как подробно обосновано выше, это методологически ошибочный подход, так как:

а) не учитывается *диалектически противоречивый характер* потенциала спортивного соревнования (заключенные в нем возможности как для позитивного, так и для негативного влияния на личность и социальные отношения детей и подростков);

б) *потенциал* спортивного соревнования (заключенные в нем *возможности* для воздействия на личность и социальные отношения детей) не отличают от *реализации* этого потенциала (какие из заключенных в нем возможностей и в какой степени действительно реализуются).

При втором подходе на первый план выдвигаются *субъективные факторы*, т.е. позиция педагога, тренера, родителей (в некоторой степени и самих детей) при организации занятий спортом: какие цели и задачи при этом они ставят, каков стиль их общения с детьми, на какие педагогические принципы в этом общении они опираются и т.д.

Эти факторы действительно существенно влияют на позитивную или негативную роль спортивных соревнований в процессе социализации детей и подростков. Но не следует упускать из виду те *объективные факторы*, от которых зависит сама позиция педагога, тренера, родителей (в некоторой степени и самих детей) при организации занятий спортом. Как обосновано выше (см. глава 17), к числу этих факторов относится не только *общая социально-экономическая и политическая ситуация в обществе*, но также – и это особенно важно иметь в виду – *способ организации игрового соперничества* в спортивных соревнованиях: принципы подхода к определению программы, системы определения победителей и составу участников. Используемый способ может как содействовать, так и существенно противодействовать даже самым лучшим намерениям учителя, педагога, тренера. В частности, тот способ организации, который чаще всего используется в детском спорте, содействует формированию желания победить любой ценой [Столяров, 1998 г, 2010 е, л, о, п, 2011 б и др.]

К сожалению, этот необычайно важный фактор позитивного или негативного влияния спортивных соревнований на личность и социальные отношения детей и подростков никак не учитывается не только в тех публикациях, на которые ссылается П. Арнольд и сам автор этой статьи, но и в других публикациях ученых, в том числе в указанной выше статье Юргена Курта [Court, 1988]. А самое главное состоит в том, что он не принимается во внимание в практической деятельности спортивных функционеров и политиков.

В настоящее время большинство из них полагают, что вовлечение как можно большего числа детей и подростков в активные занятия спортом *само по себе* даст возможность не только повысить уровень их физической подготовленности и спортивного мастерства, но также сохранить и укрепить здоровье, сформировать нравственную культуру и тем самым преодолеть сложившуюся в настоящее время критическую ситуацию со здоровьем, физической подготовкой, а также наркоманией, преступностью и другими аспектами девиантного поведения. В соответствии с этим основное внимание в теории и на практике уделяется средствам вовлечения как можно большего числа детей и подростков в активные занятия спортом, а не самому главному и принципиальному вопросу: *каким должен быть спорт и что надо сделать для того, чтобы он максимально содействовал оздоровлению и воспитанию подрастающего поколения.*



Такой позиции способствует все более широко пропагандируемая и применяемая на практике упомянутая выше концепция «*спортизации*» физического воспитания [Бальсевич, 1993 а, 2002 а, б, 2004, 2005, 2006, 2009; Инновационная... 2001; Лубышева, 2006; Спортивно-ориентированное... 2006 и др.]. В работах автора и сторонников данной концепции справедливо обосновывается необходимость существенной модернизации существующей системы физического воспитания, поскольку она не позволяет эффективно решать актуальные задачи формирования здоровья школьников. Магистральный путь этой модернизации усматривается в «спортизации» физического воспитания на основе привлечения школьников к активным занятиям спортом, освоения ценностей спортивной культуры. При этом осознается возможность не только позитивного, но и негативного влияния спорта на здоровье и другие качества личности: «Противоречивость феномена спорта заключается в том, что он может стать одним из важнейших инструментов формирования и укрепления здоровья человека и может оказаться серьезным фактором его деформации или даже разрушения» [Бальсевич, 2005, с. 15].

Чтобы избежать этих негативных последствий и обеспечить позитивное влияние спортивной активности на личность и взаимоотношения школьников, прежде всего предлагается изменить организацию физического воспитания: «Суть обновления формы и содержания физического воспитания состоит в том, что обучающиеся занимаются добровольно избранными ими видами спорта в учебно-тренировочных группах спортивной гимнастики, художественной гимнастики, волейбола, баскетбола, настольного тенниса, спортивных единоборств, лыжного спорта, в группах общей физической подготовки, группах корригирующей гимнастики. Занятия вынесены за сетку часов учебного расписания и проводятся три раза в неделю по два учебных часа [Бальсевич, 2002 а, с. 4].

Кроме того, обосновывается необходимость адаптации высоких технологий спортивной подготовки к потребностям и условиям физического воспитания детей и подростков, а также организации этой подготовки на основе принципов гуманистической педагогики. Вместе с тем предполагается *сохранить в неизменном виде тот способ организации спортивных соревнований, который выше был назван «традиционным»*. Не указываются иные способы, формы и методы их организации или хотя бы какие-то из рассмотренных выше форм и методов модификации традиционного способа. Тем не менее, по мнению автора и сторонников программы спортизации физического воспитания, такой путь освоения ценностей спортивной культуры позволит преодолеть негативные глобальные тенденции ухудшения физического, нравственного и духовного здоровья школьников, даст возможность сформировать у них не только «высокую культуру тренировки, восстановления, самоконтроля», собранность, организованность и упорство в достижении поставленных целей, бойцовский характер, способность «к многолетней систематической работе над своим совершенствованием», но также высокие качества «спортивного рыцарства и благородства» [Бальсевич, 2005; 2006, с. 22; 2009, с. 225].

Насколько оправданны эти ожидания? Нет никакого сомнения в том, что «массовое спортивно-ориентированное физическое воспитание, как пишет автор программы В.К. Бальсевич, многократно расширяет фундаментальную базу подготовки резерва спорта высших достижений, создает условия для перманентного выявления и начального развития спортивных талантов» [Бальсевич, 2004, с. 22]. Но не приведет ли это в конечном итоге лишь к одному: вслед за так называемым массовым спортом и детско-юношеским спортом, которым в нашей стране придана ярко выраженная односторонняя ориентация – быть резервом спорта высших достижений, такая же судьба ожидает и физическое воспитание после его «спортизации»?!

Основания для таких опасений имеются. Ведь, как обосновано выше, традиционный способ организации соперничества, на который ориентируются сторонники концепции спортизации физического воспитания, ориентирует участников соревнований на *победу любой ценой* – даже за счет здоровья, одностороннего развития и нарушения нравственных принципов. Да и в ходе *тренировочного процесса* он формирует не ориентацию на здоровье, нравственное поведение, а стремление к достижению максимально высоких спортивных достижений.

На указанный недостаток обсуждаемой концепции обращает внимание и А.Я. Найн, по мнению которого, в настоящее время необходимо «с предельной ответственностью отнестись к спорту и *спортизации* физического воспитания в школе и других учебных заведениях, которая вроде бы критикуется, но тем не менее не исключается из “новых” кон-

цепций» [Найн, 1995]. И «дело здесь не столько в никому не нужной отчетности школ по спортивным результатам или суррогатам отдельных видов спорта, представленных в школьной программе, сколько в усугублении посредством спортизации проблем *нравственного* порядка. Бесспорно, у занимающихся спортом развиваются какие-то положительные качества личности, представления об этических нормах. Но бесспорно также и то, что для сферы физической культуры и спорта, особенно для той ее части, где господствует «дух соревнования и соперничества», характерно значительное расхождение существующих там этических норм с общекультурными. Таким образом, усвоение детьми исключительно норм и образцов профессиональной этики, во-первых, антигуманно. Когда наступит момент осознания и осмысления разрыва ряда этих норм с общечеловеческими, ребенок, став уже взрослым, будет вынужден долго и упорно от них освободиться. Будет происходить то, что мы в обыденной практике привыкли называть перевоспитанием. Во-вторых, это *как минимум* нерационально для того же самого государства с нравственно-практической точки зрения. Выйдя из профессиональной среды в общественную, человек столкнется с множеством проблем. Опыт многих известных в прошлом спортсменов свидетельствует о том, как трудно происходил у них процесс адаптации к «нормальной» жизни» [Найн, Гостев, 1993]. На значительное расхождение существующих в спорте этических норм с общекультурными указывают в своих работах и другие авторы [см., например: Егоров, 1991 а, 1994 а; Сараф, 1999; Фольквейн, 2005].

Чтобы «спортизация» физического воспитания приводила к позитивным результатам как в физическом, так и в духовном оздоровлении детей и молодежи и чтобы исключить указанное расхождение этических норм спортивной деятельности с общекультурными, в процессе спортивного воспитания необходимо использовать весь комплекс рассмотренных выше форм и методов этой педагогической деятельности. При этом требуются кардинальные изменения не только в организации спортивной подготовки на основе принципов, предлагаемых обсуждаемой концепцией, но и в способе организации соперничества на спортивных соревнованиях [Столяров, 2007 к].

Конкретные проекты и программы, призванные содействовать решению этой проблемы, будут рассмотрены во второй книге данной монографии.

Для существенного повышения гуманистического значения детского спорта, безусловно, необходимо изменение и общей социально-экономической, политической и культурной ситуации в современном обществе, системы принятых здесь ценностей, норм и образцов поведения, морального и материального поощрения поступков и действий людей. Как отмечалось выше, в современном обществе и различных его сферах до сих пор господствует (не декларативно, а реально) ориентация на сугубо прагматические, технократические, а не на гуманистические, духовно-нравственные ценности, на узкопрофессиональное, одностороннее, а не на гармоничное и разностороннее развитие личности, преобладает стремление к достижению успеха любой ценой. Это существенным образом влияет и на сферу детского спорта, содействует тому, чтобы и в этой сфере приоритетными были те же самые прагматические, технократические ценности.

Таким образом, диалектический подход с позиций гуманизма к оценке социального значения детского спорта, его роли в воспитании и социализации детей и подростков включает в себя следующие основные положения.

1. Признается ошибочность *метафизического, одностороннего* подхода, который абсолютизирует роль сотрудничества и предполагает отказ от соперничества в процессе воспитания и социализации детей и подростков. В современных условиях, в обществе, в котором все сферы жизни пронизаны соперничеством, более оправданным представляется диалектический подход к обсуждаемой проблеме, предусматривающий *гармоничное сочетание в данном процессе сотрудничества с соперничеством*.

2. Ошибочно абстрактно рассуждать о позитивной или негативной роли детского спорта в процессе воспитания и социализации детей и подростков, отвлекаясь от тех *факторов*, которые существенно влияют на эту его роль. Особенно важное значение в этом плане имеет *способ организации соперничества* в детском спорте. Для эффективного решения комплекса гуманистически ориентированных задач воспитания и социализации детей и подростков необходим и соответствующий способ организации соперничества в спортивных соревнованиях, который, естественно, может иметь различные модификации в зависимости от решаемых задач, возраста детей и подростков и т.д.

3. При использовании спортивных соревнований в процессе воспитания и социализации

зации детей и подростков особенно важное значение имеет формирование у них гуманистически ориентированной культуры соперничества, которая, как указано выше, предусматривает ориентацию на нравственные нормы поведения в ходе соперничества и отказ от таких насильственных действий, которые могут нанести ущерб здоровью соперников или унижить достоинство их личности. Предпочтительной в этом плане является *спартианская культура игрового соперничества* как определенная форма гуманистической культуры соперничества [Столяров, 1998 г, 2008 г, 2010 е, л, о, п, 2011 б].

### Литература к гл. 19

1. Адашкявичене Э.И. (1992). Спортивные игры и упражнения в детском саду: Кн. для воспитателей детсада. – М.: Просвещение. – 159 с.
2. Бальсевич В.К. (1993а). Конверсия высоких технологий спортивной подготовки как актуальное направление совершенствования физического воспитания и спорта для всех // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 21-22.
3. Бальсевич В.К. (2002а). Основные положения концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 2-4.
4. Бальсевич В.К. (2002б). Перспективы модернизации современных образовательных систем физического воспитания на основе интеграции национальной физической и спортивной культуры: Актовая речь. – М.
5. Бальсевич В.К. (2004). Актуальные проблемы модернизации системы массового физического воспитания детей, подростков и молодежи России на основе интенсивного освоения педагогической практикой ценностей национальной и мировой спортивной культуры // Дети России образованны и здоровы: Материалы научно-практич. конф. г. Кировск (Мурманской обл.). 28-29 окт. 2004 г. – М. – С. 21-25.
6. Бальсевич В.К. (2005). Спортивный вектор формирования здоровья детей и подростков // Дети России образованны и здоровы: Материалы III научно-практич. конф. г. Москва, 28-29 окт. 2005 г. – М. – С. 13-18.
7. Бальсевич В.К. (2006). Спортивный вектор физического воспитания в российской школе. – М.: НИЦ «Теория и практика физ. культуры и спорта». – 112 с.
8. Бальсевич В.К. (2009). Теория и технология спортивно ориентированного физического воспитания школьников // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 211–258.
9. Балякина А.В. (1997). Создание образа себя у детей дошкольного возраста через занятия физической культурой (методические рекомендации). – Н. Новгород. – 152 с.
10. Бауэр В.Г., Петров А.Н. (2000). Детско-юношеский спорт в России. Опыт и перспективы // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 137-156.
11. Белорусова В.В. (1974). Воспитание в спорте. – М.: ФиС. – 115 с.
12. Билински Бронислав (1998). Древнегреческие агонии: превосходство телесности и восхищение интеллектом // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 317-339.
13. Вольквайн К. (2005). Этика и спорт высших достижений // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. – Часть 2. – С. 106-112.
14. Газете «За Калужской заставой». – 22 февр. 2006 г.
15. Групе О. (2005). Детский спорт высоких достижений с педагогической точки зрения // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. – Часть 2. – С. 112- 120.
16. Гурьянова М.П. (2004). Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. – № 1. – С 12–17.
17. Гуськов С.И., Кофман Л.Б. (1995). Спорт и американская школа. – М. – 159 с.
18. Дети в спорте высоких достижений: Заявление Немецкого Спортивного Союза ФРГ // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 18. – М.: ЦООНТИ-ФиС, 1983. – С. 12-18.
19. Дупона М., Петрович К. (1998). Спорт как качество жизни молодежи // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 32-39.
20. Егоров А.Г. (1991а). Гуманизация, гуманитаризация и реалии спортивной субкультуры // Формирование гуманистического мировоззрения студентов: Сб. научных трудов. – Смоленск. – С. 3-8.
21. Егоров А.Г. (1994а). Олимпизм и проблема «двух культур» в спорте // Спорт. Олимпизм. Гуманизм: Межвузовский сб. научных трудов. – Смоленск. – С. 57-60.
22. Журнал «Бригит Джорнел ов Физикэл Эдьюкейшн» о значении школьного спорта // Физическое воспитание и спорт в школах зарубежных стран. – М.: ЦООНТИ-ФиС, 1993. – С.21-22.

23. Зуев Валентин, Логинов Владимир (2008). Нормативно–правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта. – М.: Советский спорт.
24. Ильинский И.М. (1995). О воспитании жизнеспособных поколений российской молодежи // Государство и дети: реальность России. – М. – С. 55-56.
25. Инновационная образовательная технология спортизированного физического воспитания обучающихся в общеобразовательной школе / Под ред. к.п.н. Л.Н. Прогонюк. – Сургут: Дефис, 2001. – 212 с.
26. Капустин П. (1998). Новые игры и игровое движение в Германии // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 227-231.
27. Каргин Н.Н., Тюленков С.Ю. (1975). Некоторые социальные проблемы спорта // Социальные проблемы физической культуры: Сб. – М. – С. 25-30.
28. Киви-спорт // Физическое воспитание и спорт в школах зарубежных стран/Тематическая подборка. – М: ВНИИФК, ЦООНТИ-ФиС, 1992. вып. 1. – С. 30-44; вып. 2. – С. 27-46; вып. 3. – С. 33-47; вып. 4. – С. 18-36.
29. Ким В.В., Латыпов М.М., Линькова Н.А., Хам Г.С. (2001). О разделении спорта и оздоровительной физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 17–21.
30. Кубертен Пьер де (1997). Олимпийские мемуары. – Киев: Олимпийская литература. – 179 с.
31. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
32. Лазарев М.Л. (1997). Здравствуй! Программа формирования здоровья детей дошкольного возраста: Руководство для воспит. дошк. образов. учреждений. – М.: Академия здоровья. – 376 с.
33. Лесгафт П.Ф. (1987). Избранные труды. – М., ФиС. – 359 с.
34. Лубышева Л.И. (2006). Спортивная культура в школе. – М.: АНО НИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта». – 161 с.
35. Лубышева Л.И., Магин В.А. (2005). Инновационные технологии в профессиональной подготовке спортивного педагога. – М.: Изд. «Теория и практика физической культуры».
36. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.
37. Манолиу Лиа (1981). Спорт с детьми: опасность или шанс? // 11-th Olympic Congress. Baden-Baden 1981, Bulletin N. 3. – С. 24-27, 82-84.
38. Марков Л.Н. (1998). Допинг. Не станут ли очередные Олимпиады состязаниями фармакологов? // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех».–№ 1.– С. 8-9.
39. Найн А.Я. (1995). Инновации в образовании. – Челябинск: ГУ ПТО адм. Челяб. обл., Челябин. фил. ИПО МО РФ. – 288 с.
40. Найн А.Я., Гостев А.Г. /сост./ (1993). Какой быть новой педагогике. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. – 212 с.
41. Никифоров Ю.Б. (2003). Будь крепок духом и телом. Православный взгляд на физическую культуру. – М.: Изд-во Душепопечительского Центра св. прав. Иоанна Кронштадтского. – 320 с.
42. Носов И.А. (1993). К вопросу о воспитательной работе в детско-юношеских школах // Дети и олимпийское движение: Материалы симпозиума детской Сибириады, 5-7 июля 1993 г. – Новосибирск. – С. 63-65.
43. Окончательный доклад «Роль физического воспитания и спорта в подготовке молодежи». Первая Междунар. конференция министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт. – Париж: ЮНЕСКО, 1976. – 65 с.
44. О разном // Олимпийский вестник. – 1998. – № 22. – С. 19-21.
45. Пауэлл Джон Т. (1984). Формирование спортсменов-олимпийцев // Междунар. спортивное движение. Экспресс-информация. Вып. 1. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 13-20.
46. Пустовалов З.М. (1980). Формирование нравственного опыта подростков в процессе спортивной деятельности: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М..
47. Самойлов А. (1998). Агон, противостоящий агонии // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 340-346.
48. Сараф М.Я. (1998). О продуктивности философско-педагогических идей Канта и Шлейермахера для осмысления детского спорта // Детский спорт (концепции, программы, технологии) // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 137–141.
49. Сараф М.Я. (1999). Спортивные ориентации в молодежных субкультурах // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория, практика: Межвуз. сб. научн. матер. – Воронеж. – С. 23-28.
50. Священник А. Овчинников (2002). Нужен ли христианам спорт. – Даниловский благовестник. – 96 с.
51. Скенлен Т.К. (1992). Соревновательный стресс у детей // Здоровый образ жизни и формирование спортивного интереса. Проблемно-ориентированная подборка. Вып. 2. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 26-29.

52. Смирнова Е.О. (2001). Влияние условий воспитания на становление нравственных качеств дошкольника (на материале анализа вальдорфской педагогики) // Прикладная психология. – № 2, – С. 71-78.
53. Спиваковская А.С. (1999). Психотерапия: игры, детство, семья. Том 1. – ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс. – 304 с.
54. Спок Бенджамин (1998). Жертвы стресса – дети // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 154-157.
55. Спортивно-ориентированное физическое воспитание: теория и технология: Научно-методические рекомендации: в 2-х т/Под общ. ред. Лубышевой Л.И. – М.: НИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта», 2006. – Т.1. – 78 с.; Т.2. – 76 с.
56. Старт Брайэн (1983). Состояние соперничества и болезни, вызываемые стрессом // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 57.
57. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.
58. Столяров В.И. (2007к). Пути повышения гуманистической ценности детского спорта // Детский тренер. – № 4. – С. 10-36.
59. Столяров В.И. (2008г). Спартианские инновационные формы и методы воспитания и организации досуга детей и молодежи: пособие для педагогов и организаторов досуга детей и молодежи (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра»). Вып. второй). – М. – 231 с.
60. Столяров В.И. (2010е). Инновационные проекты и программы повышения воспитательной роли детско-юношеского спорта: отечественный и зарубежный опыт // Спортивно-патриотическое воспитание и адаптивная физкультура для детей и подростков: Сб. статей и докладов. Методич. материалы. – М.: ООО «СТК». – С. 49-74.
61. Столяров В.И. (2010л). О спортивной культуре юных спортсменов // Детский тренер. – №3. – С. 4-16.
62. Столяров В.И. (2010о). Проблема социального смысла и значения детского спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 6-29.
63. Столяров В.И. (2010п). Проекты и программы повышения социокультурного значения детско-юношеского спорта // Дети России образованны и здоровы: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 25-26 февр. 2010 г. – М. – С. 163-166.
64. Столяров В.И. (2011б). Инновационные подходы к организации спортивной деятельности в процессе модернизации физического воспитания школьников // Материалы 2-й научно-практической конференции «Инновационные технологии в физическом воспитании подрастающего поколения (февраль 2011 года). – М.: МГПУ. – С. 23-30.
65. Тер-Ованесян А.А., Тер-Ованесян И.А. (1986). Педагогика спорта. – Киев: Здоров'я. – 257 с.
66. Фельдштейн Д.И. (1999). Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избр. труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 672 с.
67. Филин В.П. (1996). Воспитательная работа с юными спортсменами: Лекция для студентов, аспирантов, слушателей ВШТ Академии. – М.: РГАФК. – 37 с.
68. Филин В.П., Сироткина Б.А., Каргин Н.Н. (1974). Некоторые социальные аспекты развития детско-юношеского спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 41-44.
69. Хохлова В.В. (1998). Искусство воспитания. Педагогика Рудольфа Штайнера. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. – 164 с.
70. Эбер Жорж (1925). Спорт против физкультуры. – Время.
71. Arnold P. (1983). Three approaches toward an understanding of sportsmanship // Journal of Philosophy of Sport. – v. X. – P. 61-70.
72. Arnold P.J. (1984). Sport, moral education and the development of character // Journal of the Philosophy of Education. – vol. 18, N 2. – P. 275-281.
73. Arnold Peter J. (1989). Competitive sport, winning and education // Journal of moral education. – v. 18, N. 1. – P. 15-25.
74. Bailey C. (1975). Games, winning and education // Cambridge Journal of Education. – vol.5, N. 1. – P. 40-50.
75. Caillois R. (1961). Man, Play and Games. – New York: The Free Press of Glencoe.
76. Court Jurgen (1988). «Darf die Gegenwart der Zukunft geopfert werden». Kants und Schleiermachers Beitrag zu einer paedagogischen Antinomie im Kinderleistungssport // Brennpunkte der Sportwissenschaft. Herausgegeben von der Deutschen Sporthochschule Köln. – N. 2. – S. 229-238.
77. Dearden R.F. (1976). Problems in Primary Education. – London: Routledge and Kegan Paul.
78. Delattre E.J. (1975). Some reflections on success and failure in competitive athletics // Journal of the Philosophy of Sport. – N. 2. – P. 131-139.
79. Delattre Edwin J. (1988). Some Reflections on Success and Failure in Competitive Athletics // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. in and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 271-276.

80. Dietrich Knut, Heinemann Klaus (Hrsg.). Der nicht-sportliche Sport. Beiträge zum Wandel im Sport. Schorndorf: Hofmann, 1989.
81. Dunlop F. (1975). Bailey on games, winning and education // Cambridge Journal of Education. – vol. 5, N. 3. – P. 153-160.
82. Eitzen D. Stanley, Sage H. George (1992). Sport and American Education // Eitzen D. Stanley, Sage H. George. Sociology of American Sport. – N.Y. – P. 79-94.
83. Fielding M. (1976). Against competition // Proceedings of the philosophy of Education Society of Great Britain, 6 July. – P. 124-126.
84. Fraleigh Warren P. (1984). Right Actions in Sport: Ethics for Contestants. Champaign, IL: Human Kinetics.
85. Geiringer E. (1972). Sport as a threat to physical and mental health // Bulletin of Physical Education. – vol. 3, N. 9. – P. 19-27.
86. Grupe O. (1984). Kinderleistungssport in pädagogischer Sicht. Resümee und Aufarbeitung einer kontroversen Diskussion // Sportunterricht. – N 11. – S. 409-419.
87. Herron R., Sutton-Smith Brian (1971). Child's Play. – New York: John Wiley.
88. Hoch P. (1972). Rip off the big game. – Anchor, Garden City, New York: Doubleday.
89. Kamii C., DeVries R. (1980). Group games in early education. – Washington, DC: National Association for the Education of Young Children.
90. Kenzie G., Cicero L., Ray T. (1988). A physical education dilemma: team sports or physical fitness // The Physical Educator. – N. 2. – P. 60-79.
91. Kew F.C. (1978). Values in competitive games // Quest. – N. 29. – P. 109-113.
92. Kinder und Jugendliche im Leistungssport: Beiträge des internationalen, interdisziplinären Symposiums "KinderLeistungen" vom 7. bis 10. November 1996 in Saarbrücken. – Verlag Karl Hofman, Schorndorf, 1998.
93. Klein Michael (1984). «New Games» – auch ein Weg politischer Bildung? // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 231-243.
94. Leonard W. (1980). Sport and Social Deviance // Sociological Perspectives of Sport. – P.113-136.
95. Meakin D.C. (1986). The moral status of competition // Journal of the Philosophy of Education. – N. 20, vol. 1. – P. 59-67.
96. Orlick Terry (1978). The Cooperative Sports & Games Book. Challenge Without Competition. – New York: Pantheon Books.
97. Perry L.R. (1975). Competition and co-operation // British Journal of Educational Studies. – XXIII, 2, June.
98. Pruvulovich Z.R. (1982). In defence of competition // Journal of Philosophy of Education. – N. 16. – P. 77-88.
99. Ryle G. (1975). Can virtue be taught? // Dearden R.F., Hirst P.H., and Peters R.S. (Eds). Education and Reason. – London: Routledge and Kegan Paul.
100. Schwier J. (1993). Childhood, Game, and Social Change // Int. Journal of Physical Education. – vol. XXX. Issue 4. – P. 9-14.
101. Sherif Carolyn W. (1973). Intergroup Conflict and Competition // Sportwissenschaft. – vol.3. N. 2. – P. 138-153.
102. Sherif Carolyn (1976). The social context of competition // Social Problems in Athletics /Ed. D.M.Landers. – Urbana: University of Illinois Press. – P. 18-36.
103. Sherif Muzafer (1958). Superordinate goals in the reduction of intergroup conflict // American Journal of Sociology. – N. 63. – P. 349-356.
104. Silance Luc (1985). Legal Status and Violence // IOA. Report of the 23<sup>rd</sup> Session of the IOA. – Lausanne. – P. 160-174.
105. Simon R.L. (1985). Sports and Social Values. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
106. Thompson K. (1975). The point of an activity // Cambridge Journal of Education. – vol.5. N. 3.
107. „Vom Wettkampfsport zum Gesundheitssport!? Ziele – Vermittlung – Controlling" Internationales Sportwissenschaftliches Symposium vom 18. bis 20. Juni 1999 in Erlangen // Sportwissenschaft. – 2000. N 1. – S. 102-104.
108. Warnock M. (1977). Schools of Thought. – London: Faber and Faber.
109. Weiss Paul (1969). Sport: A Philosophic Inquiry. – Carbondale: Southern Illinois University Press.
110. White J.P. (1982). The Aims of Education Restated. – London: Routledge and Kegan Paul.

## Раздел VI

# СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПОРТА И ПОЛИТИКИ

Данный раздел посвящен философскому анализу одной из важнейших проблем гуманистической теории спорта – проблемы взаимоотношения спорта и политики.

### Глава 20. Постановка проблемы и методология ее решения

Проблема взаимоотношения спорта и политики – одна из наиболее сложных, дискуссионных, а вместе с тем важных социально-философских проблем гуманистической теории спорта. Она давно является предметом специального изучения таких наук, как социальная философия, политология и социология, философия и социология спорта, история спорта. Затрагивается данная проблема и в некоторых других научных дисциплинах, например в общей теории спорта. Обосновывается необходимость развития и особой науки – политологии спорта, политической науки о спорте, которая ставит своей задачей глубокий и всесторонний анализ проблемы взаимоотношения спорта и политики [Brohm, 1976 a; Güldenpfennig, 2000; Güldenpfennig, Schulke, 1980].

Эта проблема, как правило, входит в программу международных конгрессов, конференций, посвященных социальным проблемам спорта. Проведен ряд научных конференций, специально ей посвященных. Так, в июле 1999 г. в Будапеште (Венгрия) состоялся международный конгресс на тему «Спорт и политика» [Gounot, Hofmann, 2000].

Особенно пристальное внимание ученых привлекает вопрос о связи спорта и политики применительно к олимпийскому движению. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что уже на первом официальном олимпийском научном конгрессе в Юджине /США/ в 1964 г. работала специальная секция «Спорт и политика» [Aggression/Violence... 1984], а 35-я сессия Международной олимпийской академии (1995 г.) была посвящена обсуждению темы «Спорт, олимпизм и политика» [Conclusions... 1997; Stolyarov, 1997 d].

Интерес к обсуждаемой проблеме обусловлен не только ее теоретическим, но и практическим значением. Нередко она возникает перед спортсменами, тренерами, организаторами спортивных соревнований в связи с необходимостью принять решение об участии или отказе от участия в них по каким-то политическим соображениям. Например, в ходе дискуссий относительно участия или неучастия в Олимпийских играх в Москве (1980) и в Лос-Анджелесе (1984) на первом плане в связи с этим были вопросы о том, относится ли спорт к сфере политики, какие отношения существуют между спортом и политикой, насколько спорт свободен и может противостоять требованиям, которые ему предъявляет политика, и т.д. Тем или иным ответом на данный вопрос обосновывалось и соответствующее решение об участии в Олимпийских играх.

Анализу взаимоотношения спорта и политики посвящено множество научных работ – индивидуальные и коллективные монографии, сборники, диссертации, статьи. Однако, как справедливо замечает известный специалист по данной проблеме Свен Гюльденпфенниг, «до сих пор существует нехватка систематических и глубоких исследований спортивной политики не только на государственном, но и на международном уровне... Большая часть публикаций входит в так называемую «серую зону», т.е. решение затронутых в них проблем по стилю находится между научной и журналистской манерой. В наше время имеется очень мало работ, затрагивающих вопросы спортивной политики и пользующихся при этом обоснованной методологией. Кроме этого, внесен незначительный вклад в теоретическое толкование политических аспектов в спорте, на который может сослаться будущее поколение ученых в области политической науки о спорте, когда они будут соревноваться с другими направлениями спортивной науки» [Güldenpfennig, 2000, p. 127–128].

К числу наиболее значимых публикаций по проблеме можно отнести монографии: Дж. Мейно «Спорт и политика» [Meunaud, 1966], А. Крюгер «Спорт и политика» [Krüger, 1975], Р. Эспи «Политика Олимпийских игр» [Espy, 1979], В. Глоде «Спорт – неизвестная величина в политической игре» [Gloed, 1980], К. Кроков «Спорт-Общество – Политика» [Krockow, 1980], С. Гюльденпфенниг «Международные спортивные отношения между разрядкой и конфронтацией» [Güldenpfennig, 1981], П.С. Степовой «Спорт – политика – идеология» [Степовой, 1984], В.М. Починкин «Спорт и идеологическая борьба в совре-

менном мире» [Починкин, 1985], В. Ванге «Спорт под давлением политики» [Wange, 1988], М. Винокур «Больше, чем игра. Спорт и политика» [Vinocour, 1988], С. Гюльденпфенниг «Политический дискурс спорта» [Güldenpfennig, 1992], С. Гюльденпфенниг «Спорт – автономия и кризис» [Güldenpfennig, 1996 b], С.И. Гуськов «Государство и спорт» [Гуськов, 1996 а], А.А. Исаев «Спортивная политика России» [Исаев, 2002].

Следует отметить также сборники: «Политика и спорт прежде и теперь» [Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart, 1980]; «Политика спорта» [The Politics of Sport, 1986]; «Национальная спортивная политика» [National... 1996]; «Спортивная политика» [Sportpolitik, 1996]; сборник «Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма», изданный Гуманитарным центром «СпАрт» РГУФК в 2005 г. [Гуманистика соревнования, 2005. Вып. 3].

В указанных работах содержится большой фактический материал и сформулированы важные теоретические положения по проблеме взаимоотношения спорта и политики.

Собственная позиция автора по данной проблеме наиболее полно изложена в его работе «Взаимоотношение спорта и политики (социально-философский и методологический анализ)» [Столяров, 2005 в]. Под его руководством выполнена диссертация А.В. Хлопкова «Социально-педагогические аспекты концепции взаимоотношения спорта и политики» [Хлопков, 2003]. В данной книге используются материалы этих работ.

### 20.1. Дискуссии по проблеме

По вопросу о взаимоотношении спорта и политики высказываются различные мнения, которые колеблются между двумя противоположными полюсами: либо считают, что спорт не должен иметь ничего общего с политикой («*спорт – вне политики*») и любую его связь с политикой следует рассматривать как искажение истинной природы спорта, либо полагают, что спорт по своей сути *насквозь политичен*.

Концепция «спорт – вне политики» подвергается критике со стороны многих ученых и общественных деятелей [Киселев, 1978; Кыласов 2010 а; Люшен, 1979; Починкин, 1985; Сараф, 1980; Степовой, 1972, 1984; Столяров, 2005 в, 2010 м; Томпсон, 1979; Фомин, 1986, 1988, 1993; Хлопков, 2003 и др.]. Ссылаясь на различные факты и аргументы, они обосновывают тесную связь спорта и политики. Так, например, А.В. Кыласов характеризует современный спорт как «непременный атрибут политики» и пишет: «Спорт существует и развивается по распоряжениям политиков. Спорт представляет собой социальное явление и входит составной частью во внутреннюю и внешнюю политику стран. Глобальная сеть организаций олимпийского движения обслуживает геополитические амбиции государств–наций, исполняя при этом одну из ключевых функций в популяризации власти» [Кыласов, 2010 а, с. 16].

Неоднозначны и оценки *связи* спорта и политики.

Иногда ее оценивают *негативно*, ссылаясь на факты использования спорта для узкокорыстных политических целей, для разжигания национализма, шовинизма, использования спорта в узкокорыстных целях или указывая на то, что она искажает суть спорта.

Резкой критике в связи с этим подвергается и политизация олимпийского движения, с наибольшей остротой проявляющая себя на Олимпийских играх. При этом отмечается, что ни одно государство и ни один город уже не берутся проводить Олимпийские игры только из идеальных и спортивных соображений. Теперь Игры служат для демонстрации престижа страны, идеологической системы, политического режима. Олимпийские состязания стали поводом для политических демонстраций, местом столкновения пропаганды различных направлений, трибуной шовинизма. В настоящее время уже не сами спортсмены, а посланники разных наций, облеченные политическими полномочиями, соревнуются во имя славы своих стран и социальных режимов, пропагандируя преимущества своей идеологии. Национальная униформа стала значить больше, чем спортсмен, который ее носит; национальные флаги и гимны пробуждают расовые предрассудки, идеологические и религиозные предубеждения. Ссылаются и на такие формы «олимпийского паразитизма», как бойкоты, терроризм и т.д.

В других случаях дается *позитивная* оценка взаимосвязи спорта и политики. При этом ссылаются, например, на важную роль спорта в укреплении мира и дружбы между народами. Отмечается и тот факт, что растущий нажим политики на спорт обусловлен далеко не одним только стремлением политиков к расширению своей власти. Он объясняется и тем, что политики начинают «отдавать себе отчет в том, что речь идет не просто о



«самом важном в мире второстепенном деле», а об огромных задачах в области общественной жизни, охраны здоровья и гигиены, обеспечения совместной жизни и даже в значительной степени, о выживании человека в нашем все более технизирующемся мире. Кроме того, речь идет еще и о потребностях развивающихся стран, которые не в состоянии своими собственными силами проложить себе дорогу в большой спорт» [Кёх, 1981, с. 16].

Встречается и *противоречивая* характеристика связи спорта и политики.

Так, английский социолог Питер Макинтош в середине своей книги «Спорт и общество» [McIntosh, 1963] пишет, что «спорт по своей природе обречен на связь с политикой больше, чем любой иной род человеческой деятельности», а в конце утверждает: «Спорт, рассматриваемый как самоцель, может принести человеку немалые блага, но если спорт будет рассматриваться... как клинический, социальный или политический инструмент для достижения этих же благ, то достигнуть их не удастся» [цит. по: Коротков, 1974, с. 7].

Противоречивость в трактовке связи спорта и политики проявляется и в том, что по одним конъюнктурным соображениям на передний план выдвигалась и выдвигается концепция «спорт – вне политики», а по другим – прямо противоположная концепция.

Известный американский обозреватель Д. Джилберт после XX летних Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене по этому поводу написал в журнале «Спорт Иллюстрейтед»: «Американское отношение к проблеме политики и спорта всегда было двусмысленным и бесчестным. Когда мы выигрывали, мы начинали кричать, что наши победы символизируют преимущество представителей демократии, свободного предпринимательства и спортивных стипендий над всеми другими видами общественного устройства. Когда мы проигрывали, мы неизменно жаловались, что противная сторона привносит в спорт политику» [цит. по: Гуськов, 1979, с. 55].

Наличие столь острых дискуссий по проблеме требует уточнения методологических принципов ее обсуждения.

## 20.2. Методологические принципы разрешения проблемы

В основе большинства указанных выше взглядов на взаимоотношение спорта и политики лежит *ошибочная методология* рассмотрения взаимоотношения спорта и политики. Основная особенность этой методологии – отсутствие *всесторонности* рассмотрения и *комплексного* подхода, как того требует *диалектический метод* исследования. Не учитывая требований этого метода, как правило, выделяют и весьма произвольно выхватывают лишь *отдельные аспекты* данной проблемы, которые при этом нередко смешиваются, недостаточно четко отличаются друг от друга. За счет этого упрощается действительное положение дел.

На самом деле взаимоотношение спорта и политики является крайне сложным, *многосторонним* и не может быть в полной мере выражено какими-то *односторонними* мнениями и оценками. Это не только мнение автора данной книги. На эту сторону дела обращают внимание многие исследователи. Французский социолог Рене Мустар еще в 1975 г. писал: «Ошибочно считать, как это делают левацкие теоретики, что спорт является "по своему существу буржуазным" и что чемпионы являются "рупорами крупного капитала", равно как и утверждать, как это делает граф де Бомон и др., что спорт якобы является "миром чистоты"» [Moustard, 1975, p. 219]. Кристиан граф фон Кроков – профессор политологии университетов в Геттингене, Саарбрюккене и Франкфурте на Майне (Германия), автор многих работ на тему «Спорт и политика», анализируя обсуждаемую проблему, подчеркивает, что «речь идет о сложном положении вещей, которое не удовлетворяется простыми формулами за и против. В известном отношении тезис о политичности спорта убедителен в той же мере, как в других отношениях – тезис о внеполитичности спорта» [Krockow, 1984, s. 24]. Известный политолог спорта из Германии Свен Гюльденпфенниг указывает на то, что «при обсуждении политических вопросов, касающихся спорта, до настоящего времени доминировало отсутствие научной проницательности и неточное использование терминов и языка, например, в двух полярных банальных утверждениях: "в спорте нет ничего общего с политикой", и "спорт не может быть отделен от политики"». По его мнению, «оба эти утверждения неправильны и не дают точного описания истинных отношений между спортом и политикой» [Güldenpfennig, 2000, p. 233]. М.Я. Сараф в связи с анализом обсуждаемого вопроса пишет: «Я думаю, всем уже понятно, что получившие в свое время широкое хождение лозунги вроде "спорт есть один из инструментов

политики” или “спорт вне политики” выражали и выражают крайние и весьма лукавые позиции, потому что запускаются в дело в зависимости от состояния политической погоды, от состояния политической конъюнктуры» [Сараф, 2002, с. 191].

С позиций *диалектического метода*, который необходим при анализе философских проблем спорта, в том числе проблемы его взаимоотношения спорта с политикой, важно учитывать *все многообразные факты*, характеризующие это взаимоотношение, выделять и четко дифференцировать *разные аспекты* этой проблемы, в первую очередь следующие:

- является ли спортивная деятельность политической;
- существует ли связь спорта и политики;
- каков характер и формы этой связи;
- влияет ли объективно (стихийно) спорт на политику;
- используются ли сознательно спортивные контакты в политических целях и в каких именно;
- должен ли спорт использоваться в этих целях и для чего конкретно;
- должны ли спортсмены и тренеры оставаться в стороне от любого политического использования спорта и т.д. [Столяров, 2005 в, 2010 м].

Различные аспекты взаимоотношения спорта и политики, естественно, требуют и различной оценки.

В теоретико-методологическом плане важное значение имеет и используемый понятийный аппарат.

### 20.3. Понятийный аппарат

Основные понятия при решении обсуждаемой проблемы – понятия «спорт» и «политика». Понятие *спорта* было охарактеризовано выше. Поэтому основное внимание уделим понятию «*политика*» и системе связанных с ним других понятий.

Как отмечают В.Н. Лавриненко, А.С. Гречин и другие авторы учебника для вузов «Политология», до сих пор нет общепризнанного определения понятия политики, можно встретить десятки различных вариантов трактовки этого понятия [Политология, 1999, с. 9].

Нередко встречается очень широкое, а потому недостаточно четкое понимание политики. Так, древнегреческий философ Платон понимал ее как «искусство жить вместе». По тем же причинам следует признать неудовлетворительными и такие определения политики, когда ее понимают как «явление, возникающее в общественном сосуществовании людей и придающее общественному бытию людей определенное направление», или как «теорию и практику управления общественными делами» [цит. по: Politik und Sport in Geschichte, 1980, s. 5], или как «цели и задачи, а также средства, при помощи которых правительства, партии и общественные организации отстаивают свои интересы в национальном и международном масштабе» [Солаков, 1977, с. 28].

Более точным является истолкование политики, когда ее понимают как отношения между классами, нациями, другими социальными группами по поводу завоевания, удержания, использования власти: «Политика – это сфера деятельных отношений партий, классов и государства в их борьбе за власть. Можно выделить три основных признака политики: политика – это массовое, масштабное, историческое, а не частное, индивидуальное, личностное явление; политика – это деятельность трех ее основных субъектов: партий, классов и государств; политика – это борьба за власть» [Владимиров, Зеленов, с. 87]; «Политика (древнегреч. politika) означает государственные и общественные дела, сферу деятельности, связанную с властными отношениями между людьми, социальными группами, классами, партиями, нациями и государствами» [Политология, 1999, с. 9]; «политика... прежде всего и более всего связана с властными отношениями – с точки зрения и господства одного слоя людей над другими, и борьбы за власть между различными группами населения, и взаимоотношений между различными объединениями между собой. Наконец, политика – это характер отношений между такими наиболее крупными социумами, которые называются государствами» [Общественные перемены... 1999, с. 44].

При таком подходе стержневым понятием политики является понятие *власти*. Наиболее распространенным считается определение власти, сформулированное М. Вебером. Под властью он понимает способность одного субъекта влиять (побуждать) на поведение другого субъекта. Как отмечают авторы учебного пособия «Введение в политологию», такое понимание власти нуждается в некотором уточнении, чтобы избежать чрез-

мерной психологической трактовки власти, при которой она смешивается с такими понятиями, как страх, гипноз, авторитет и т.п. Власть – отношения господства и подчинения, возникающие на основе психологических влияний, но не сводящиеся к ним. Властные отношения предусматривают «приказ» как специфическую общественную форму влияния одного субъекта на другого, которая основана на определенных общественных нормах, а также санкциях, способах принуждения того, кому приказ отдается [Введение в политологию, 1994, с. 20–21].

Часто политику сводят только к отношениям между классами, нациями, другими социальными группами по поводу завоевания, удержания, использования *государственной* власти. А в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля она вообще характеризуется как «...наука государственного управления» [Даль, 1955, с. 261]. Авторы учебного пособия по политологии для вузов физической культуры справедливо указывают на некоторую узость, ограниченность такого понимания политики. В частности, при таком подходе политическая власть отождествляется с государственной властью, что выводит за пределы политики партии, всевозможные политические движения и организации, группы давления и т.п. Кроме того, не принимается во внимание наличие у субъектов политической деятельности задач, связанных с защитой общего блага, общих интересов, что было и есть в обществе любого типа и любого устройства (например, охрана границ и защита целостности страны, поддержание порядка и охрана безопасности граждан и др.) [Введение в политологию, 1991, с. 13–14]. А.А. Исаев также считает, что политика характеризует «сферу жизнедеятельности людей, связанную с властными отношениями, государством, политическими партиями, общественно-политическими движениями, организациями, отдельными гражданами, действия которых призваны гарантировать жизнедеятельность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей» [Исаев, 2002, с. 359].

В связи с этим более обоснованной нам представляется концепция политики, которую обосновали Н.М. Блинов, Ю.П. Ожегов и Ф.Э. Шереги в работе «Политическая культура и молодежь». По их мнению, к сфере политики относятся: взаимоотношения между классами, нациями, другими социальными группами по поводу государственной власти; направление, средства и методы деятельности государства, партий и других политических организаций; характер и формы участия различных социальных слоев в делах государства с целью осуществления своих интересов; внешнеполитические отношения государства, взаимодействие политических сил на международной арене и т.д. [Блинов, Ожегов, Шереги, 1982, с. 7–8].

Эти *собственно политические явления* следует отличать от других социальных явлений, так или иначе связанных с политикой, испытывающих на себе влияние политики [Марченко, 1987]. Это различие имеет важное значение при анализе взаимоотношения спорта и политики.

*Субъекты политики* – это все те, кто в той или иной форме осуществляет деятельность, связанную с политикой.

*Индивидуальные субъекты политики* – политические лидеры, руководители политических партий, президенты, руководители законодательных, исполнительных и судебных ветвей власти и т.п.

*Коллективные субъекты политики* – партии, классы, нации, союзы, объединения, парламенты, думы, советы и т.д. Значит, в политической жизни общества принимают участие различные субъекты – от индивида до больших социальных общностей, крупных общественных групп. К числу последних относятся такие исторически сложившиеся устойчивые общности, как род, племя, народность, этнос, нация, которые образуют этнические общественные группы в отличие от социально-политических или социально-экономических общностей вроде партий или классов.

Важно учитывать три формы (разновидности) национально-этнических позиций субъектов политики:

а) *национализм*, проявлением которого является абсолютизация достоинств своей нации, своего этноса и пренебрежительное отношение к другим народам («любовь к себе и ненависть к другим»);

б) *космополитизм*, выражающийся в абсолютизации ценностей, достоинств других народов и пренебрежительном отношении к своей нации, к своему этносу («любовь к другим и ненависть к себе»);

в) *патриотизм* и *интернационализм* как две формы преодоления национализма (патриотизм) и космополитизма (интернационализм): любовь к себе и уважение других народов, стремление к общению с другими и самоуважение [Владимиров, Зеленов, 1999, с. 105, 111, 112].

*Политическая деятельность (активность)* субъектов политики может проявляться в разных формах, в том числе в таких, как:

– *реакция* (позитивная или негативная) на инициативы институтов или представителей политической системы;

– *участие* в политических действиях, связанных с *делегированием полномочий*; *электоральное* поведение (например, участие в голосовании на выборах); *деятельность* политических партий;

– *непосредственные политические действия* (демонстрации, митинги, забастовки и т.д.) [Сидельников, Темников, Шарагин, 1999, с. 154].

Противоположностью политической активности является *политическая иммобильность* (бездействие), или *абсентеизм* (неучастие в выборах).

К числу показателей политической активности, степени ее зрелости относят: факт деятельности, ее временные характеристики, степень сложности осуществляемых политических функций, масштаб деятельности, удовлетворенность самим фактом действия, мотивы деятельности и т.д. [Коган, 1970].

Определенные организационные формы политической деятельности субъектов политики выступают как *политические институты (организации)*. К числу таковых относятся: государство и его учреждения, партии, союзы, общественные объединения и движения, профсоюзные объединения, церковь и другие социальные институты, преследующие политические цели.

Совокупность способов, приемов, методов осуществления политической власти характеризует определенный *политический режим*. Различают тоталитарный, авторитарный и демократический режимы. *Тоталитаризм* – политический режим, осуществляющий всеобъемлющий контроль со стороны власти над обществом и личностью и опирающийся на систематическое применение насилия или его угрозу. *Авторитарный политический режим* – режим, при котором монополия на власть принадлежит одному лицу, партии, органу при отсутствии политической оппозиции, но при этом допускаются определенные права и свободы граждан во внеполитических сферах. *Демократизм* – политический режим, основанный на признании народа источником власти, на равноправии граждан, подчинении меньшинства большинству при принятии решений и их выполнении, выборности основных органов государства. При демократическом режиме соблюдаются права и свободы граждан, допускается многопартийность и плюрализм в духовной и практической жизни общества [Владимиров, Зеленов, 1999, с. 130–131; Введение в политологию, 1994, с. 27–30].

К числу важных понятий, характеризующих сферу политики, относится понятие *социальной политики*. Широко распространенный «Словарь социальной работы» Р. Бакера дает следующее определение этой политики: «Социальная политика – деятельность и принцип общества, формирующие способ, при помощи которого оно вмешивается и регулирует отношения между индивидами, группами, общинами, социальными учреждениями. Эти принципы и действия являются результатом обычаев и ценностей общества и в большой степени определяют распределение ресурсов и уровень благосостояния его людей» [Бакер, 1994, с. 38].

В «Политологическом словаре» социальная политика характеризуется как «совокупность политических установок, принципов, решений и действий, направленных на обеспечение оптимального для данного общества функционирования и развития социальных общностей (наций, народностей, социальных слоев, групп), а также отдельных индивидов» [Политологический словарь, 1995, с. 114].

Цели и задачи социальной политики ориентированы на все стороны и сферы жизни людей: их здоровье, трудовую деятельность, экономику, досуг, образование, культуру и т.д. Эти цели и задачи крайне разнообразны. Их характер, направленность, ориентация зависит от состояния экономики и тех политических сил, которые находятся у власти, от приверженности этих политических сил той или иной идеологии.

В политической системе, которая ориентирована на *гуманистические* идеалы и ценности, целью социальной политики является гармонизация общественных и личных инте-

ресов, интересов социальных групп, классов, наций, народностей и других общностей людей, усиление их единства и сплоченности, создание условий для лучшего удовлетворения материальных и духовных потребностей. Конкретные задачи такой политики: обеспеченность работой, питанием, жильем, товарами широкого потребления, медицинской помощью, реальные возможности пользования благами культуры и т.п.

Значит, *гуманистически ориентированная социальная политика* – это «такое направление политического руководства обществом, которое включает в себя формирование и реализацию с помощью мер курса на повышение благосостояния, культуры, быта классов, наций и народностей, социальных групп, коллективов и личностей, демократизацию, развитие социальной справедливости» [Введение в политологию, 1991, с. 148]. Центральным принципом этой социальной политики является принцип *социальной справедливости* [Холостова, 2001, с. 23]. Социальная справедливость наряду с миром и свободой является общепризнанной ценностью современного демократического общественного сознания, что отражено в основополагающих документах мирового сообщества.

Важно различать социальную политику *вообще* и те конкретные *формы*, в которых она может выступать и которые зависят от того, на какие идеалы, ценности ориентируются субъекты данной политики. Это важно подчеркнуть, ибо в литературе довольно часто под социальной политикой понимают именно *гуманистически ориентированную социальную политику*, не дифференцируя ее от социальной политики вообще [см. например: Исаев, 2002].

Государство, направляющее свою деятельность на реализацию именно гуманистически ориентированной социальной политики, как правило, называют «*социальным государством*» или «государством всеобщего благосостояния», «процветающим государством» (Welfare state), «народным домом» (Volksheim). Оно выступает как конституционно-правовое оформление социальной политики [Исаев, 2002, с. 365].

Таковы основные понятия, отображающие сферу политики, содержание которых важно учитывать при характеристике взаимоотношения спорта и политики.

## Литература к гл. 20

1. Бакер Р. (1994). Словарь социальной работы / Пер. с англ. – М.
2. Блинов Н.М., Ожегов Ю.П., Шереги Ф.Э. (1982). Политическая культура и молодежь. – М.: Молодая гвардия.
3. Введение в политологию/Под ред. В.Л.Калашникова. – М.: МОГИФК, 1991.
4. Введение в политологию: Учеб. пособие/Под ред. проф. Л.А. Зеленова. – Н. Новгород: НГАСА, 1994.
5. Владимиров А.А., Зеленов Л.А. (1999). Основы социологии и политологии: Учеб. пос. для средних профессиональных учебных заведений. – Н. Новгород.
6. Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2005.
7. Гуськов С.И. (1979). Усиление роли международных неправительственных спортивных организаций в борьбе за мир // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 54-56.
8. Гуськов С.И. (1996а). Государство и спорт: О государственной политике зарубежных стран в области физического воспитания и спорта. – М.
9. Даль В.И. (1955). Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. – М.
10. Исаев А.А. (2002). Спортивная политика России. – М.: Сов. спорт.
11. Кёх Арнольд (1981). Пагубна ли зависимость между спортом и политикой? // Проблемы междунар. спортивного движения: Тематическая подборка. № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 12-19.
12. Киселев Р.М. (1978). США: спорт и общество. – М.: ФиС.
13. Коган Л.Н. (1970). Общественно-политическая активность трудящихся. – Свердловск.
14. Коротков В.И. (1974). О связи политики и спорта в современном буржуазном обществе // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 7-10.
15. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
16. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.
17. Марченко М.Н. (1987). Политическая организация общества // Вопросы философии. – № 12.
18. Общественные перемены и Культура Мира. Парадигмы согласия. (Второе, расширенное издание). – М.: Международный институт перспективных проблем социокультурного и политического развития (МИПП), Изд-во «Весь мир», 1999. – 396 с.

19. Политологический словарь / Под ред. В.Ф. Халипова. – М., 1995.
20. Политология. Курс лекций: Учебное пособие/ Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Изд-во МГУ, 1993.
21. Починкин В.М. (1985). Спорт и идеологическая борьба в современном мире. – М.: ФиС. – 192 с.
22. Сараф М.Я. (1980). Критика буржуазных концепций взаимоотношения спорта и общества. – М.: ГЦОЛИФК.
23. Сараф Михаил (2002). Спорт как свобода // II Международный форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». 15–18 июня 2002 г., г. Москва. XI Конференция «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 190-193.
24. Сидельников Т.Т., Темников Д.А., Шарагин И.А. (1999). Политология. – М.: Владос.
25. Солаков Ангел (1977). МОК, государство, ЮНЕСКО // Информационный вестник ВНИИФК. – № 19. – С. 27-38.
26. Степовой П.С. (1972). Спорт и общество: Некоторые методологические и социальные проблемы. – Тарту. – 224 с.
27. Степовой П.С. (1984). Спорт – политика – идеология. – М.: ФиС. – 128 с.
28. Столяров В.И. (2005в). Взаимоотношение спорта и политики (социально–философский и методологический анализ) // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартаанской культуры. – С. 5–123.
29. Столяров В.И. (2010м). Проблема взаимоотношения спорта и политики // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 29–45.
30. Томпсон Р. (1979). Спорт и идеология в современном обществе // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 152-163.
31. Фомин Ю.А. (1986). Взаимосвязь спорта с политикой // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. по философ. и социальным проблемам физ. культуры и спорта, 16-18 мая 1986 г., г.Москва. – М. – С. 99-100.
32. Фомин Ю.А. (1988). Концепция «спорт – вне политики» и ее место в современной идеологической борьбе // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта: Сб. научных трудов. – Малаховка. – С. 73-82.
33. Фомин Ю.А. (1993). Спорт высших достижений: состояние, актуальные проблемы и перспективы развития (социологический анализ): Дис. ... докт. социол. наук. – М.
34. Хлопков А.В. (2003). Социально-педагогические аспекты концепции взаимоотношения спорта и политики: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
35. Холостова Е.И. (2001). Социальная политика: Учеб. пособие. – М.
36. Aggression/Violence – Aesthetics and Elite Athletes – Sport and Politics. Scientific Program Abstracts. 1984 Olympic Scientific Congress. July 19-26, University of Oregon, Eugene, Oregon. – 66 p.
37. Brohm J.M. (1976a). Sociologie politique du sport. – Paris.
38. Conclusions of the second cycle of group discussions. Group 1 // IOA. Report of the 35<sup>th</sup> Session, 5<sup>th</sup> July – 18<sup>th</sup> July 1995. Ancient Olympia. – International Olympic Committee, 1997. – P.204-223
39. Espy R. (1979). The Politics of the Olympic Games. – Berkley, Los Angeles: University of California Press. – 212 p.
40. Gloede Walter (1980). Sport – die unbekannte Grosse im politischen Spiel. – München: Wilhelm Goldmann Verlag.
41. Gounot Andre, Hofmann Annette (2000). Sport and Politics. 6. ISHPES-Kongress vom 14. bis 19. Juli 1999 in Budapest // Sportwissenschaft. – N. 3. – S. 363-366.
42. Güldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
43. Güldenpfennig S. (1992). Der politische Diskurs des Sports. – Aachen: Meyer & Meyer Verlag.
44. Güldenpfennig S. (1996b). Sport – Autonomie und Krise. – Sankt Augustin: Academia Verlag.
45. Güldenpfennig Sven (2000). Political Science of Sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2<sup>nd</sup> Edition. – P. 123-136.
46. Güldenpfennig Sven, Schulke Hans-Jurgen (1980). The Need for Politological Research on Sport and Its Relation to the Sociology of Sport // Int. Review of Sport Sociology. – vol. 1 (15). – P. 127-140.
47. Krockow Chr. von (1980). Sport – Gesellschaft – Politik. – München.
48. Krockow Christian Graf von (1984). Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 24-33.
49. Krüger A. (1975). Sport und Politik. – Hannover: Fackeltrager Verlag.
50. McIntosh P. (1963). Sport and Society. – London, C.A.Watts.
51. Meynaud J. (1966). Sport et Politique. – Paris.

52. Moustard Rene (1975). Sport et ideologie // Sport et développement humain. – Paris: Editions Sociales. – P. 211-235.
53. National Sport Politics/ L.Chalip (Ed.), 1996.
54. Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart. – Wurzburg: Verlag Platz Freiburg, 1980. – 139 p.
55. Sportpolitik/G. Lüschen, A. Rütten (ed.). – Stuttgart: Nagelschmidt-Verlag, 1996.
56. Stolyarov Vladislav (1997d). The world political evolution and its consequences for the Olympic movement. Can the Olympic movement influence political changes through Olympic education? // IOA. Report of the 35–th Session, 5th July – 18th July 1995. Ancient Olympia. – International Olympic Committee. – P. 76–89.
57. The Politics of Sport/L. Allison (Ed.). – Manchester: Manchester University Press, 1986.
58. Vinocour M.B. (1988). More than a Game. Sport and Politics. – New York.
59. Wange W. (1988). Der Sport im Griff der Politik. – Köln: Bund-Verlag.

## Глава 21. Изначальные проблемы социально-философской концепции взаимоотношений спорта и политики

При анализе взаимоотношений спорта и политики возникает ряд проблем, которые можно обозначить как «*изначальные*» («*исходные*»), так как с обсуждения именно этих проблем целесообразно начать формулирование и обоснование основных положений соответствующей социально-философской концепции.

К числу таких проблем прежде всего относится вопрос о том, можно ли спортивную деятельность рассматривать как *политическую*.

### 21.1. Является ли спортивная деятельность политической?

Иногда в научных публикациях встречается положительный ответ на данный вопрос: *спортивная деятельность оценивается как политическая* [Джонсон, 1984; Драгунов, 2000; Kidane, 1999]. Так, например, председатель Немецкого спортивного союза Вилли Вайер, выступая 6 декабря 1975 г. на заседании Союза по поводу его 25-летия, сказал: «Спортивные организации участвуют во всех политических изменениях. Они полагают, что спорт укладывается в политику, что, больше того, он сам есть политическая деятельность». Президент НОК ФРГ Вилли Дауме заявил в своем выступлении 23 сентября 1981 г. по поводу открытия XI Олимпийского конгресса и 84-й сессии МОК в Баден-Бадене: «Очевидно, что олимпийский спорт является частью политики». А ученый и публицист из Германии Вальтер Енс, выступая на «спортивно-политическом» съезде в Бад Болле (1979) высказал мнение о том, что «спорт был и будет политикой» [Politik und Sport in Geschichte, 1980, s. 67, 89]. Известный английский социолог спорта П. Макинтош считал, что «спорт по самой своей природе обречен на связь с политикой больше, чем любой иной род человеческой деятельности» [McIntosh, 1963]. В некоторых публикациях [Джонсон, 1984; Драгунов, 2000] олимпийский спорт и Олимпийские игры также рассматриваются как политика. Иногда не спорт в целом, а некоторые его виды оценивают как политические. Так, по мнению Ф. Кидане, «футбол по своей сути является политическим» [Kidane, 1999, p. 51].

Однако целый ряд соображений побуждает критически отнестись к такого рода утверждениям.

Прежде всего нетрудно заметить, что правила спортивных соревнований, особенности техники и тактики тех или иных видов спорта, закономерности тренировочного процесса, методика выполнения физических упражнений *не являются политическими*. Как отмечает немецкий политолог Кристиан Кроков, не существует «немецкого», «капиталистического» или «социалистического» прыжка в длину (так же как не существует, например, «немецкой» физики), а есть просто спортивный прыжок. Прыжок века Боба Бимона в Мехико в 1968 г. не свидетельствует ни в пользу США, ни против них, ничего не говорит и о дискриминации или равноправии цветных в США. Именно это и объясняет, указывает К. Кроков, «почему спорт так распространен во всем мире и почему он сумел преодолеть все национальные, культурные, общественные, идеологические и политические границы» [Krockow, 1984, s. 31].

Охарактеризованные выше исходные цели и задачи спортивной деятельности, ее культурное предназначение, система внутренне присущих спорту ценностей также не относятся к сфере политики. Согласен с этим и С. Гюльденпфенниг: «Участие в спорте осуществляется в рамках культурной системы... которая следует примеру автономного неполитического образца» [Güldenpfennig, 2000, p. 133].

Об относительной независимости спорта от политики свидетельствует и тот факт, что спортивные организации, направляющие свои усилия на развитие физкультурно-спортивной деятельности, на решение связанных с ней социально-педагогических и культурных задач, *не являются политическими организациями*. Например, «МОК не является и не может быть чисто политической организацией. Он не является выразителем политики определенного класса, партии, страны или блока стран. В этом смысле он не проводит классовой, партийной, национальной политики. Это орган олимпийского движения, которое по своей природе является широким общественно-культурным движением» [Солаков, 1977, с. 28].



Спортивные организации (в том числе олимпийские), объединяют людей, которые стоят на различных идейных позициях, разделяют различные политические взгляды. Конечно, они могут и должны заниматься политическими проблемами, но *лишь в той мере, в какой эти проблемы касаются непосредственно спорта и олимпийского движения, их целей, задач, идеалов и ценностей, условий их успешной реализации*. Эти организации должны активно участвовать в борьбе за сохранение и укрепление мира, против расизма, национализма, шовинизма, религиозной нетерпимости, поскольку и спорт, и олимпийское движение могут успешно развиваться и решать свои задачи только в мирных условиях, при отсутствии какой-либо расовой или религиозной дискриминации. Так, например, «МОКу нет нужды вступать в политические дискуссии или политические соглашения с кем бы то ни было по вопросам, выходящим за рамки его политической позиции; но если какие-то политические вопросы имеют касательство к олимпийскому движению, МОК не может оставаться в стороне и должен решительно действовать, исходя из принципов, составляющих сущность движения и зафиксированных в его уставе» [Солаков, 1977, с. 30].

Президент МОК лорд Килланин, отстаивая такой подход МОК к участию в решении политических проблем, сказал в своем выступлении перед спортивными администраторами из развивающихся стран: «Плохо информированные критики хотят, чтобы МОК занимался такими делами, которыми должны заниматься только правительства. Мы не интересуемся образом правления страны при условии, что НОК этой страны имеет возможность выполнять наши требования. В отношении ЮАР мы приняли меры именно потому, что ее НОК такой возможности не имел... Я не защищаю и не критикую никакого образа правления: это не дело нейтрального президента МОК. У меня, как и у каждого из вас, есть свои политические и религиозные взгляды, но к олимпийскому движению это отношения не имеет. Об этом должно быть сказано с полной ясностью, чтобы правительства не пытались нас использовать для того, чего не могут сделать сами... МОК занимает в вопросе об апартеиде абсолютно ясную позицию. Мы от этой позиции не отклоняемся, потому что она соответствует нашему уставу. Обеспечение отсутствия дискриминации по признаку национальности, вероисповедания, политических убеждений или цвета кожи – прямая задача МОК и международных федераций» [Выступление президента... 1979, с. 6, 8].

О необходимости именно такого подхода спортивных организаций к участию в решении политических вопросов пишет и английский философ Дж. Пэрри в своей статье «Ценности олимпизма и спортивного воспитания для будущего»: «Рассмотрим пример Южной Африки. Известно, что в этой стране существует расовая дискриминация. Если вы против, вы должны противостоять. К чести МОК, именно так он и поступил. Но он не заявил: «Нам не нравится ваша политика, а людей, чья политика нам не нравится, мы не допускаем на Игры». (Если бы все так поступали, Олимпийских игр вообще бы не было.) Вместо этого было сказано: невозможно заниматься спортом с людьми, которые делают это неправильно, поскольку не соблюдается равенство возможностей» [Parry, 1998, p. 10].

В связи с обсуждаемым вопросом представляет интерес различие, которое С. Гюльденпфенниг (ссылаясь также и на позицию Г. Шульке) проводит между *«спортивно-политической»* и *«общеполитической»* плоскостями спорта как сферы и предмета политики» [Güldenpfehnig, 1981, s. 34].

К *спортивно-политической* «плоскости» спорта он относит все политические события, решения и мероприятия, которые *прямо и непосредственно* влияют на сохранение и развитие спорта в целом или каких-то отдельных его элементов. Они затрагивают, следовательно, вопросы создания, ликвидации, сохранения или изменения его задач, направлений деятельности, организационно-управленческого аппарата, которые занимаются этой деятельностью. Как спортивно-политические при этом могут быть охарактеризованы лишь такие события, решения и мероприятия, которые оказывают существенное (а не какое-то незначительное) влияние на социальное значение спорта, его место в общественной жизни. За всеми такими спортивно-политическими событиями, решениями и мероприятиями, как правило, стоят различные общественные силы, интересы, тенденции и программы. Но при этом С. Гюльденпфенниг, отстаивая положение о том, что спорт и сам по себе имеет политический характер, выступает против позиции тех исследователей (к их числу, по его мнению, относятся, например, Hannes Eulerling и Karlheinz Gieseler), которые считают, что «внутренние условия спорта представляют собой политическую нейтральность, и эта политически нейтральная спортивная система является лишь *предметом* политических решений».

К *общеполитической* плоскости спорта С. Гюльденпфенниг относит все политические события, решения и мероприятия, которые лишь *косвенно* влияют на сохранение и развитие спорта, его целей и задач. Они охватывают, следовательно, политические события, решения и мероприятия, оказывающие влияние на социальные процессы, значение которых выходит за пределы спорта, но которые вместе с тем имеют некоторое значение и для ситуации в спорте» [Güldenpfennig, 1981, s. 34–35].

В связи с этим различием С. Гюльденпфенниг формулирует положение о «*политической автономии спортивного движения*», которое он относит к числу основных положений концепции взаимоотношения спорта и политики. Его суть состоит в том, что спортивное движение должно принимать политические решения исходя из собственных соображений и автономно, т.е. без опеки и прямого воздействия государства и других общественных сил. Оно должно связывать эти решения непосредственно с буквой и духом системы спортивных правил, принципов и законов. Как отмечает С. Гюльденпфенниг, данное основное положение взаимоотношений спорта и политики нарушают, к примеру, сторонники бойкота Олимпийских игр, поскольку свое решение относительно бойкота они принимают единственно на основе общеполитических причин и только на основе решений государственных институтов [Güldenpfennig, 1981, s. 40].

Положение о политической автономии спортивного движения поддерживают и формулируют в той или иной редакции и с определенными поправками и другие ученые и общественные деятели. Так, например, президент «Немецкого спортивного союза» Вилли Вайер в своем выступлении в 1975 г. на заседании, посвященном 25-летию этого союза, так сформулировал это положение: «Спорт, как партнер государства постепенно обретает политический смысл, постепенно отходит от устаревшего комплекса аполитичности. В настоящее время немецкое спортивное движение политически независимо от любых политических партий и в состоянии политически самостоятельно выступать согласно собственному мнению» [Цит. по: Lauermanová, 1983, s. 85].

Карл Кёнен, характеризуя связь спорта с политикой, также подчеркивает, что речь «идет не о том, что спорт следует в фарватере той или иной политической партии. В уставах спортивных обществ и федераций содержится положение, гласящее, что спорт должен сохранять нейтралитет по отношению к политическим партиям. Однако это не освобождает нас от необходимости ориентироваться в политической обстановке и вкладывать в наши действия политическое содержание. Ведь, всем известно, что спорт выполняет важные общественные, оздоровительные и социально-политические функции». При этом К. Кёнен приводит ту характеристику связи спорта и политики, которую дал президент ДСБ Вилли Вайер: «Сегодня спорт уже не обособлен от государства; спорт действует в союзе с государством, пытаясь обогатить жизнь граждан новыми ценностями. Он делает это как равноправный партнер государства. Современный западногерманский спорт нейтрален по отношению к политическим партиям и вместе с тем политически активен; ему присущи самостоятельность политического мышления и свобода действий» [Кёнен, 1981, с. 19].

Аналогичную позицию применительно к трактовке взаимоотношения Олимпийских игр и политики занимает Г. Ленк. В своей работе «К философской антропологии олимпийского атлета» он пишет, в частности: «Прежний президент МОК был не прав, когда утверждал, что политические вопросы его организацию не интересуют. Напротив, на более высоком уровне МОК фактически должен действовать политически, сделать Игры относительно свободными от специфической политической торговли и внести справедливость в олимпийскую миссию. В ироническом плане Олимпийские игры, возможно, являются аполитичными, наднациональными и международными. Но они постоянно играют важную политическую роль как одно из многих явлений, которые дают возможность для политических демонстраций и борьбы за национальные интересы. Они должны быть защищены *политически*, чтобы сделать их относительно свободными от приверженцев политики» [Lenk, 1982 с, р. 7].

Хотя спортивные организации не являются политическими организациями в собственном смысле этого слова, но это не освобождает их от обязанности политического воспитания спортсменов (подробнее см. ниже). Приведем в связи с этим слова члена легкоатлетической сборной ФРГ, прыгуна с шестом Гюнтера Лоре, который подверг резкой критике западногерманские спортивные организации, уклоняющиеся от политических проблем: «Они действуют так, словно эти проблемы их не касаются, и предоставляют каждому отдельному спортсмену самому выбирать свою гражданскую позицию. А ведь

они несут ответственность за воспитание своих подопечных, за воспитание политическое и демократическое, которое дало бы возможность спортсменкам размышлять не только на чисто спортивные темы. Но от этого вся верхушка нашей спортивной структуры уклоняется; тем более важно, чтобы воспитательная работа такого рода велась на низовом уровне – в клубах и секциях. Я никогда не перестану к этому призывать» [Цит. по: Общественная активность спортсменов ФРГ, 1982, с. 2].

Таким образом, культурный смысл и предназначение спорта, связанная с этим система внутренне присущих спорту ценностей определяют его относительную независимость от политики и социально-политических условий [см.: Столяров, 1979, 1980 ж, 2005 з; McIntosh, 1984 b]. В определенной степени он выступает как «независимая сфера жизни, функционирующая на основе своих собственных условий, как автономный остров в обществе, способный сохранять себя вне и независимо от политических и экономических конфликтов» [Вуолле, 1998, с. 131].

Значит, в определенной степени рассматриваемый сам по себе или как феномен культуры спорт выступает как *относительно независимое от политики* социальное явление. Эта особенность спорта не учитывалась сторонниками той точки зрения, широко распространенной, например, в нашей стране в 20-е г. прошлого столетия, когда спорт – в отличие от физкультуры – рассматривался как чисто «буржуазное» социальное явление.

Относительная независимость спорта от политики не означает также, что между ними вообще нет и не может быть какой-либо связи.

Проблема связи спорта и политики имеет ряд аспектов. Исходным из них является вопрос о том, существует ли вообще такая связь.

### 21.2. Существует ли связь спорта с политикой?

В течение длительного времени господствовала концепция, согласно которой спорт – полностью *независимая от политики*, автономная сфера жизни и развития человека.

В 1980 г. было проведено международное социологическое исследование с целью выяснить мнение различных спортивных организаций о взаимоотношении спорта и политики. В международные спортивные федерации, национальные федерации и олимпийские комитеты, а также в правительственные спортивные администрации различных стран было послано 1364 анкеты с вопросами по данной теме. Респондентов данного социологического опроса спрашивали, является ли международная деятельность их организаций отражением политических обязательств.

Как отмечают руководители этого исследования, результаты анализа ответов показали, что спортивные организации осознают свою роль и профиль как *не-политические*. Другими словами, они верят в истинность тезиса о свободе ("Freiraumthese") неполитического спорта и полагают, что спорт – вне политики. Только 20 национальных ассоциаций из 364 ответили, что у них есть политические обязательства их деятельности. Политические обязательства были отражены в их позициях по отношению к апартеиду в Южно-Африканской Республике и расизму в целом. 15 из этих 20 организаций указали на то, что они борются с апартеидом. 12 ответов пришли от спортивных организаций, которые не желали или не могли участвовать в соревнованиях с Южной Африкой. Две южно-африканские организации ответили, что они против политики апартеида. Одна южно-африканская федерация признала, что деятельность ее федерации была политической. Что касается других видов политических обязательств, то три спортивных организации сослались на "глобальные принципы и принципы ООН". В двух случаях были указаны политические обязательства, связанные с Тайванем вместе с Южной Африкой. Одна японская ассоциация, в свою очередь, признала, что неучастие в московской Олимпиаде было исключением из неполитического профиля. Четыре упоминания были сделаны о государственном финансировании и его политической причастности. Ассоциации из Австралии и Новой Зеландии сообщили, что не могут использовать государственные деньги на соревнования с Южной Африкой. Кроме того, по мнению французской спортивной организации, зависимость от правительственного финансирования практически является политическими обязательствами. Однако большинство спортивных организаций не делали такого вывода, хотя почти все они получают правительственную поддержку. Исходя из результатов этого международного исследования, его авторы сделали следующий вывод: «Несмотря на то что спорт стал более социальным и, возможно, более политическим,

наибольшее количество спортивных организаций воспринимают свою роль и деятельность как не-политическую» [Hietanen, Varis, 1984, p. 212–230].

В теоретическом плане сторонники концепции «спорт – вне политики» нередко опирались и опираются на положение о «самоцельности» (*Selbstzweck, Zweckfreiheit*) спорта. Человек якобы реализует в спорте свое истинно природное и подлинно гуманистическое начало, которое политика, вмешиваясь в спорт и нарушая его автономность, неизбежно извращает, и спорт может служить человеку только при том условии, если «соблюдается принцип политической экстерриториальности и нейтралитета». «Спорт является спортом лишь тогда, когда он имеет смысл в самом себе без каких бы то ни было политических или экономических целей» – писал, например, Карл Дим [цит. по: Коротков, 1974, с. 7]. По мнению генерального секретаря ГАИИСФ Ч. Палмера (Великобритания), «использование спорта в целях политики приведет к дискриминации и в конечном счете к разрушению спорта как воспитательной силы, действующей в целях мира».

Такая аргументация в защиту тезиса «спорт – вне политики» использовалась даже тогда, когда речь шла о борьбе с апартеидом в спорте, которая началась в послевоенные годы. С 1966 г. основную тяжесть этой борьбы взял на себя Высший совет африканского спорта /КССА/, добившийся исключения ЮАР из олимпийского движения. Это произошло на 69-й сессии МОК в Амстердаме. Год спустя Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию с призывом ко всем спортивным союзам и организациям бороться с расовой сегрегацией. ЮАР была изгнана из всех крупнейших международных соревнований. И тем не менее против включения спортивных организаций в эту борьбу с апартеидом высказывался следующий аргумент: «Если мы однажды согласимся на использование спорта в качестве средства решения внеспортивных задач, то возникнет прецедент, с которым впоследствии нельзя будет не считаться» [О возможности бойкота... 1981, с. 10].

Возникновению и развитию концепции «спорт – вне политики», несомненно, способствовал и такой подход, когда, как отмечено выше, социальную сущность, социальные функции и социальную значимость спорта ошибочно анализировали исходя из абстрактных рассуждений об извечной «природе» спорта и не учитывая конкретно-исторические условия, в которых он развивается, особенности той социальной системы, в рамках которой он функционирует, характер, цели и задачи его использования.

Однако чаще всего обращение к концепции «спорт – вне политики» вызывалось чисто практическими, конъюнктурными соображениями как повод для оправдания тех или иных действий, принятия определенных решений. Так, когда в феврале 1984 г. законодательное собрание штата Калифорния отменило свое решение о запрете въезда на территорию штата на период XXIII Олимпийских игр советской спортивной делегации и советских туристов, принятое 16 сентября 1983 г. после инцидента с южно-корейским самолетом, вторгшимся в воздушное пространство СССР, то в качестве обоснования отмены первоначального решения был использован аргумент о том, что спорт должен быть вне политики. Когда администрация США развязала кампанию бойкота Олимпийских игр 1980 г. в Москве, спортсмены и спортивные организации капиталистических стран использовали данный лозунг для обоснования своего участия в играх XXII Олимпиады. «Спорт не является средством для решения политических проблем», – заявил, например, в интервью австрийскому радио президент Национального олимпийского комитета К. Хеллер. Он подчеркнул, что НОК Швеции, Финляндии, Ирландии, Бельгии уже окончательно решили участвовать в Олимпиаде в Москве» [см.: «Советский спорт», 29 марта 1980 г.].

Инициаторы олимпийского спорта обращались к концепции «спорт – вне политики» из тактических соображений: чтобы олимпийское движение стало широким международным социальным явлением, необходимо было остаться в стороне от политических амбиций правительств тех или иных государств, нужно было отстаивать и последовательно придерживаться тезиса о нейтральности спорта независимо от складывающейся политической ситуации.

Аполитичный лозунг «спорт – вне политики» использовался некоторыми политическими силами и в целях введения в заблуждение общественного мнения относительно своих подлинных интересов. К нему неоднократно прибегала Южно-Африканская Республика, пытаясь вернуться в олимпийское движение, из которого она была исключена на 69-й сессии МОК в 1970 г. в связи с проводимой в этой стране политики расовой дискриминации в спорте.

Существенную лепту в становление и развитие концепции «спорт – вне политики» внес основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен. Его позиция в вопросе о взаимоотношении спорта и политики весьма *противоречива*.

С одной стороны, он учитывал наличие связи спорта и политики. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие его слова: «Любой институт, любое творение, как бы живы они ни были, развиваются в соответствии с обычаями и страстями текущего момента. Сегодня политика находится в центре любой проблемы. Как может спорт, мускулизм да и сам олимпизм избежать этого? Но разрушительные действия, вызываемые политикой, находятся только на поверхности. В действительности институты почти всегда развиваются по двум сценариям: внешнее проявление и внутреннее, душа организации. Первый ориентируется на моду и меняется вслед за ее новыми веяниями, второй остается стабильным, поскольку стабильны принципы, на которых основан данный институт; он трансформируется медленно и безболезненно в соответствии с законами человеческой природы. Олимпизм принадлежит к последней категории» [Kidane, 1999, p. 48]. Кубертен признавал и возможность использования спорта для решения ряда важных политических проблем (см. ниже).

Вместе с тем он считал, что *должно быть устранено всякое политическое влияние (в первую очередь влияние государства) на олимпийское движение*. Это движение должно стремиться сохранять свою самостоятельность и независимость от политики, а политика не должна вмешиваться в олимпийское движение. О таком подходе Кубертена к обсуждаемому вопросу свидетельствуют сами принципы организации и деятельности созданного в 1894 г. Международного олимпийского комитета /МОК/, органа руководства олимпийским движением. Для обретения и укрепления самостоятельности МОК его члены, согласно сформулированному Кубертенем правилу, должны быть независимы от своих правительств, избираться из единомышленников самим МОКом, выплачивать членские взносы из собственных средств. Принцип самопополнения призван обеспечить МОКу полную независимость. С формальной точки зрения член МОК не является представителем своей страны или своего НОКа, а выступает как «посол МОК» в своей стране. Кубертен считал, что таким образом олимпийская идея будет защищена от нажима со стороны государственного аппарата, а национальные интересы будут подчинены общим принципиальным установкам.

Кроме того, в Олимпийской хартии, основы которой, предложенные Кубертенем, были приняты в 1894 г. Международным атлетическим конгрессом, указывается на то, что «Олимпийские игры являются соревнованиями между спортсменами в индивидуальных или командных видах, а не между странами. Они объединяют спортсменов, которых НОК отобранили для этой цели, заявки которых были приняты МОК, и выступающих под техническим руководством соответствующей МСФ». В Хартии отмечается также, что «на олимпийских объектах запрещается любая политическая, религиозная или расовая пропаганда» [Олимпийская хартия, 2007, с. 14, 80].

Политическое влияние страны, в которой находится место организации Олимпийских игр, ограничивается тем, что Игры передаются городу, а не стране в целом, протокол и правила Игр характеризуются известной неприкосновенностью и власти соответствующего государства лишаются права вмешательства. По тем же соображениям Кубертен выступал против того, чтобы Олимпийские игры проводились постоянно в каком-то одном месте (в одной стране). Он считал, что «странствующие Игры» должны способствовать улучшению взаимопонимания между народами, давать новые импульсы развитию спорта в стране-организаторе, воплощать универсальный характер олимпизма и охранять независимость олимпийского движения.

И в своей практической деятельности МОК в течение длительного времени демонстративно стремился представить олимпийский спорт в качестве движения, чуждого политике. Вот лишь несколько иллюстраций такой позиции. На 53-й сессии МОК в 1957 г. в Софии член МОК от КНР Йитун Су сделал в своем выступлении несколько замечаний политического характера. Председательствующий на сессии тогдашний президент МОК Эвери Брендедж сразу же призывает его «к порядку». Когда госсекретарь США Сайрус Вэнс попытался использовать протокольное открытие 82 сессии МОК в Лейк-Плэсиде в 1980 г. для выпадов против Советского Союза, в ответ он встретил полное молчание членов МОК, которое означало неодобрение нарушения С. Вэнсом запрета политических речей на заседаниях сессий МОК. Когда в 1935 г. в связи с протестами многих стран против

проведения Олимпийских игр в Германии решался вопрос о том, проводить их в этой стране или не проводить, Э. Брендедж, убежденный сторонник идеи «раздельного существования» политики и спорта, говорил: «Честно говоря, я думаю, что нам не стоит вмешиваться в этот вопрос. Мы – спортивная группа, призванная пропагандировать чистую спортивную борьбу и спортивное мастерство. Когда мы позволяем политике, национальным, религиозным и социальным вопросам фигурировать в нашей деятельности, мы наживаем себе множество бед» [Цит. по: Kass, 1976, p. 229]. После ухода с Олимпийских игр 1956 г. спортсменов шести государств Э. Брендедж заявил: «Своим решением эти страны показали, что они не знакомы с нашим основным принципом, а именно с тем, что спорт совершенно не связан с политикой» [Цит. по: Natan, 1969, p. 204].

Однако на деле МОКу не удалось обойти стороной политические проблемы. Как показывает анализ, существует ряд политических факторов, оказывающих существенное влияние на олимпийское движение и выдвигающих перед ним определенные политические проблемы. Так, *политические и идеологические разногласия*, возникающие между странами – участниками Олимпийских игр и их Национальными олимпийскими комитетами, приводят к тому, что, во-первых, эти Игры выступают для них как арена, на которой они вступают между собой в противоборство, а во-вторых, они стремятся всемерно использовать их в качестве орудия пропаганды своих политических программ.

К числу важных политических факторов, оказывающих влияние на олимпийское движение, относятся *национальные интересы* стран – участниц этого движения. Теоретически структура олимпийского движения создавалась как обособленная и наднациональная. Но с целью развития олимпийского движения и практической организации Олимпийских игр Кубертен разработал основополагающую систему *национальных* олимпийских комитетов, предусмотрев их исключительное право национального представительства на этих Играх. Тем самым возникла возможность использовать Олимпийские игры как соревнования спортсменов, объединенных в национальные команды под эгидой национальных олимпийских комитетов, для пропаганды идей национализма и даже шовинизма, что расценивается как «основное зло» современных Олимпийских игр [Партия зеленых... 1984; Проблемы национализма... 1984 и др.].

*Внутренняя политика страны*, где проводятся Олимпийские игры, может препятствовать или содействовать проведению Игр, придавать им тот или иной характер. В частности, строительство необходимых сооружений и оборудования для проведения Олимпиады требует значительных государственных расходов, что может себе позволить далеко не каждая страна как с финансовой, так и с политической точек зрения. Недостаток гражданской поддержки проведения Игр чреват неурядицами и даже отменой проведения Олимпиады [Lenskyj, 2008].

Примером того, как внутривнутриполитические события едва не привели к срыву Олимпийских игр, может служить их проведение в Мехико в 1968 г. Мексика была выбрана для проведения очередной Олимпиады, несмотря на тот факт, что эта страна не являлась существенной политической фигурой на международной арене и вообще не была влиятельной страной в мире. Большинство населения Мексики было уверено в том, что инвестиции значительных денежных средств во имя спорта были крайне ошибочными и неоправданными и что их можно было бы вложить в строительство жилья и социальное обеспечение. За несколько месяцев до начала Игр обострились студенческие акции протеста по этому поводу, поэтому власти были вынуждены выставить танки вдоль дороги от университета напротив олимпийского стадиона. 2 октября, за 10 дней до церемонии открытия, произошли наиболее активные акции антиолимпийского протеста, в которых приняли участие около 10 тыс. человек. Военные окружили площадь, на которой собрались демонстранты, и открыли по ним огонь. В результате этого более 260 участников акции протеста были убиты и более 1200 ранены. Президент Мексики призвал к спокойствию и порядку, чтобы предотвратить дальнейшую эскалацию насилия. Благодаря предпринятым мерам Игры все же состоялись.

Проблема влияния политики страны, где проводятся Игры, на их характер и направленность актуальна и в настоящее время. Так, результатом создания Комитета Атланты по Олимпийским играм (1996), который сформировал свой Олимпийский фонд главным образом на средства частного капитала, стала коммерциализация Олимпийских игр.

Организаторы современных Олимпийских игр неоднократно сталкивались также и должны были решать проблему отношения олимпийского движения к войнам и воюющим

странам. О характере принимаемых в связи с этим решений свидетельствуют хотя бы следующие факты. Уже в 1896 г. спортсмены соревновались в стране, которая находилась на пороге войны, разразившейся сразу же после окончания соревнований (Крит воевал с Турцией). В 1900 г. Британия принимала участие в англо-бурской войне, а французские войска оккупировали Нигер. Перед началом Олимпийских игр 1904 г. США развязали войну в Колумбии за отделение северных территорий и преобразование их в государство Панама, которое сразу же было признано Соединенными Штатами Америки. Во время Олимпийских игр 1904 г. войска США все еще находились в Панаме, а германские войска – в Камеруне. В 1912 г. Страны – участницы Олимпийских игр сражались в Балканской войне. Перечень войн, проходивших непосредственно перед Олимпийскими играми или в период их проведения, даже если ограничиться периодом, когда президентом МОК был Кубертен, слишком длинен, чтобы можно было привести его полностью. И перемирие в этих и более поздних военных действиях на время проведения Олимпийских игр не объявлялось.

В связи с обсуждаемой проблемой весьма показательна и ситуация, связанная с организацией Олимпийских игр 1940 г. В 1938 г. после отказа Японии проводить летние Олимпийские игры столицей олимпиады был выбран Хельсинки, а в 1939 г. было решено провести зимние Игры в Германии, учитывая то обстоятельство, что только страна-организатор предыдущих Игр смогла бы подготовиться к новым Играм за такой короткий период времени. Это решение было принято уже после аннексии Чехословакии Германией. МОК встал перед выбором между отменой Олимпийских игр и проведением их в стране, которая готовилась к войне, уже захватила соседние страны и угрожала другим. При первом голосовании за указанное решение было подано 2 голоса, а 27 голосов – против; после второго голосования местом проведения Игр была названа Германия.

Через две недели после начала Второй мировой войны президент МОК граф Байе-Латур поставил на голосование перед членами исполкома МОК вопрос о том, какую позицию должен занять МОК в условиях начавшейся войны. И прежде всего встал вопрос: могут ли Олимпийские игры проводиться в стране, которая находится в состоянии войны? «Да», – проголосовали члены исполкома (четверо против троих). Следующий вопрос: следует ли отстранить воюющие страны от участия в Играх? «Нет», – проголосовали единогласно. На рассмотрение международным спортивным федерациям был передан вопрос о самой возможности организации Олимпийских игр. Вопрос был решен положительно подавляющим большинством голосов. Все члены исполкома МОК ответили «да» и на вопрос о том, смогут ли спортсмены воюющих стран соревноваться друг с другом в спорте [Крюгер, 1987, с. 10].

В связи с указанным вопросом можно указать и на такие политические акции МОК, как недопущение Германии – виновника Первой мировой войны и стран, выступавших на ее стороне – Австрии, Болгарии, Венгрии, Турции – на Олимпийские игры 1920 г., а также спортсменов Германии и Японии на XIV олимпийские игры 1948 г. в Лондоне как представителей стран, развязавших Вторую мировую войну.

Актуальные политические проблемы возникали перед МОК и в связи с признанием НОКа той или иной страны, так как такое признание по существу означает ее международное политическое признание, хотя МОК и не обладает формальным дипломатическим статусом. «Страна, принявшая участие в Олимпийских играх, де-факто получает международное признание, хотя ее присоединение к олимпийской системе осуществляется не по государственной линии» [Espy, 1979, p. 29].

Особенно острой эта политическая проблема стала в послевоенный период, в частности, в связи с решением вопроса о признании Олимпийских комитетов ФРГ и ГДР. Здесь МОК столкнулся и с юридической дилеммой, поскольку согласно его правилам страну мог представлять лишь один Национальный олимпийский комитет. В силу этого одновременное признание Олимпийских комитетов ГДР и ФРГ легализовало хотя бы и на уровне МОК существование ГДР как самостоятельного государства. На сессии МОК в Вене (май 1951 г.) советский представитель выступил за признание реальности двух германских государств и соответственно легализацию двух Национальных олимпийских комитетов. Западные делегаты настаивали на создании объединенной германской команды. Несмотря на то что «германский вопрос» обсуждался на пяти сессиях МОК, согласованного решения по нему принято не было, и в Хельсинки выступала только команда от ФРГ.

Ситуация аналогичная германской, возникла и в отношении Олимпийского комитета Китая, поскольку на этот титул стал претендовать режим, обосновавшийся на острове Тайвань, несмотря на то что в КНР уже был создан Олимпийский комитет. Финляндия, страна – устроитель Олимпиады 1952 г., признала только КНР, а Хельсинский организационный комитет направил приглашение только в Пекин. Пытаясь развязать «китайский узел», МОК принял компромиссное решение – позволить обоим Китайским олимпийским комитетам участвовать в Хельсинских играх, но лишь по тем видам спорта, по которым эти комитеты были признаны международными спортивными федерациями. Это решение МОК было подвергнуто критике на Западе, а вице-президент МОК Э. Брендедж, представлявший США, «подвергся резкому осуждению в американской прессе» [Espy, 1979, p. 37].

Особенностью Олимпийских игр 1952 г. стало участие советской команды. С этого момента Олимпийские игры стала отягощать атмосфера политического соперничества между США и Советским Союзом, которое стало постоянным фактором, сопровождающим организацию и проведение этих Игр.

Канун Олимпийских игр 1956 г. в Мельбурне ознаменовался венгерскими событиями и англо-франко-израильской агрессией против Египта, что создало накаленную атмосферу на Мельбурнской олимпиаде. Э. Брендедж, осудив «советское вмешательство» в Венгрии, заявил, что оно «не должно быть причиной ликвидации центра международного сотрудничества... Олимпийские игры являются местом соревнования между индивидуумами, а не между нациями. Если в этом несовершенном мире участие в спортивных соревнованиях будет блокироваться каждый раз, когда политики нарушают законы гуманности, то международным состязаниям никогда не найдется места» [Espy, 1979, p. 40].

Еще одной важной политической проблемой, с необходимостью решения которой столкнулось олимпийское движение, был вопрос об исключении из него ЮАР. Впервые он был поставлен в 1955 г. Международной федерацией бокса и до 1959 г. находился под сукном, пока в 1959 г. член МОК от Советского Союза вновь не поднял этот вопрос. После длительных проволочек было принято решение отменить приглашение ЮАР на Олимпийские игры 1964 г., если Олимпийский комитет ЮАР не заявит открыто о своей оппозиции сегрегационной политике правительства в спорте. Поскольку этого не произошло, команда ЮАР не была допущена к участию в токийской Олимпиаде. Вопрос об участии ЮАР в олимпийском движении продолжал быть острым и в период XVIII Олимпиады (1964–1968). Нерешительность МОК в решении данного вопроса во многом определялась взглядами его президента, который считал, что апартеид, будучи политической проблемой, не имеет ничего общего со спортом.

На сессии МОК в феврале 1966 г. МОК принял решение допустить команду ЮАР для участия в Олимпийских играх в Мексике. Это решение вызвало взрыв негодования и отказ многих стран от участия в Олимпийских играх. Под давлением мирового общественного мнения на исполкоме МОК в апреле 1968 г. было принято единогласное решение, что вследствие неблагоприятной международной ситуации Исполнительный комитет пришел к мнению о нецелесообразности участия ЮАР в Олимпийских играх. Вопрос об участии Родезии, против чего также выступало большинство Национальных олимпийских комитетов афро-азиатских стран, был решен проще, поскольку незадолго до этого принятая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН рекомендовала членам ООН не допускать на свою территорию лиц, имеющих родезийские паспорта. «Это еще один пример того, – заявил тогда Э. Брендедж, – когда олимпийское движение оказывается в центре международных противоречий, которые имеют политический, а не спортивный характер» [Espy, 1979, p. 103].

Острые политические проблемы возникли перед МОК и в связи с тем, что весной 1963 г. президент Индонезии Сукарно предложил организовать Игры новых нарождающихся сил (ИННС). Эта акция была ответом на временное исключение из МОК Олимпийского комитета Индонезии (февраль 1963 г.) за то, что тот не опротестовал действия своего правительства, не выдавшего виз спортсменам Тайваня и Израиля для участия в 4-х Азиатских играх. За инициативой Сукарно, по-видимому, стояла КНР, которая еще в 1962 г. выдвигала идею отдельных Игр для азиатских и африканских стран. В дальнейшем КНР оплатила все транспортные расходы участников ИННС и предоставила Индонезии 18 млн. долларов для их проведения. Создание ИННС явилось явной попыткой составить конкуренцию Олимпийским играм и их принципу разделения спорта и политики, поскольку



устроители ИННС открыто провозглашали и политические цели. В первых ИННС участвовало 50 государств, включая СССР и Францию. Уход президента Сукарно с политической арены в 1965 г., культурная революция в Китае, а также индийско-китайская вражда подорвали организационные и финансовые основы Игр новых нарождающихся сил, которые являлись серьезной угрозой МОК, особенно в третьем мире. В 1967 г. ИННС прекратили свое существование.

В настоящее время важные политические проблемы возникают в связи с новыми политическими тенденциями в развитии Европы, которые способны затронуть нации, а значит, и национальные спортивные организации и структуры. На эти тенденции и связанные с ними политические проблемы указал, в частности, генеральный директор МОК Ф. Каррар в статье «Нации и олимпийское движение. Новые задачи», опубликованной в 1991 г. в газете «Шпорт интерн» (ее перевод напечатан в газете «Советский спорт», 22 окт. 1991). Первая тенденция – возникновение новых концепций «супернациональностей». Типичным примером может служить европейское сообщество.

В связи с этим, по мнению автора статьи, возникает ряд вопросов, которые требуют творческого подхода и серьезного размышления:

– Если Европа когда-либо придет к созданию единой нации, смогут ли сохраниться существующие национальные спортивные структуры? С другой стороны, следует ли заранее подготавливать почву для создания нового единого европейского НОКа, когда национальные европейские команды стали бы выступать в качестве соперников других основных команд, например команды США? В таком случае какова будет судьба «аутсайдеров», не входящих в состав единого европейского НОКа?

– Какое влияние в конечном итоге окажет новый порядок в европейском сообществе на свободное передвижение граждан? Приведет ли это к исчезновению традиционных спортивных наций? Например, возможно ли, что в будущем европейские страны по-прежнему будут иметь «национальные» команды, но они будут формироваться по территориальному принципу, а не по национальному? Возможно ли, например, что национальная итальянская футбольная команда будет состоять, скажем, из четырех итальянцев, трех немцев, двух англичан, одного испанца и одного француза? И какова будет реакция общественного мнения, если такой команде придется встретиться с немецкой национальной командой, состоящей, скажем, из четырех немцев, трех итальянцев, двух греков, одного голландца и одного бельгийца? Как будут реагировать болельщики на стадионах? Будут ли подобные команды по-прежнему расцениваться в качестве «национальных» на Олимпийских играх?

Вторую тенденцию Ф. Каррар характеризует как стремление к полному «восстановлению» бывших суверенных государств, ассоциирующихся с населяющими их нациями. В качестве типичного примера могут служить три прибалтийские республики. В этой связи возникают следующие вопросы:

– Возможно ли, чтобы спортивное сообщество и олимпийское движение признали спортивные организации таких наций без одобрения уже существующих официально признанных спортивных организаций более крупных государств, в состав которых они входят?

– Если такое согласие было бы дано, означало бы признание национальных организаций, что отныне на территориях этих новых государств полностью теряют свои полномочия спортивные организации более крупных государств?

– С другой стороны, возможно ли разделение полномочий между новыми национальными организациями и прежними (этот вопрос правомерен и для европейского сообщества)?

Помимо этого, возникает и вопрос об отношении спортивного сообщества и олимпийского движения к желанию, например, таких крупных штатов США, как Техас и Калифорния, иметь свои собственные официально признанные «национальные» организации [см.: «Советский спорт», 22 окт. 1991 г.].

Таким образом, олимпийское движение с самого начала и до наших дней тесно связано с политикой. Президент МОК лорд Килланин заявил по этому поводу в своем выступлении перед спортивными администраторами развивающихся стран: «Политика присутствует в олимпийском движении с 1896 г., с первых Игр нового времени. Тогда некоторые части Австро-Венгрии хотели выступать самостоятельно, Ирландия желала выступать отдельно от Великобритании, Финляндия – отдельно от Российской империи. Поли-

тические вопросы всегда вставали на Играх, так же как и вопрос о стоимости Игр» [Выступление президента МОК... 1979, с. 9].

Причем связь олимпийского движения с политикой не ослабевала, а, напротив, усиливалась. В связи с этим менялась и доктрина руководителей олимпийского движения. Так, бывший президент МОК Эвери Брендедж, как уже отмечалось, был убежденным сторонником идеи «раздельного существования» политики и спорта. Он любил повторять: «Наша организация существует не для того, чтобы менять государственный строй в какой бы то ни было стране». Его преемник лорд Килланин ограничивался уже только туманным утверждением, что спорт не следует использовать в политических целях [О возможности бойкота... 1981, с. 12]. А вот несколько высказываний по данному вопросу Х.А. Самаранча: «В мире, в котором мы живем, мире разделенном, с различными политическими системами, в спорте проявляются те же различия и те же противоречия, что и в политике, хотя, разумеется, в ином масштабе» [«Новости зарубежного спорта», ТАСС, № 13/747, 11.02.1983]; «Можно, конечно, говорить, что политика не имеет ничего общего со спортом, но вместе с тем должен заметить: происходящее на политической сцене отражается и на спорте» [«Советский спорт», 22 авг. 1990 г.].

В зависимости от тех или иных аспектов связи Олимпийских игр с политикой меняется и их оценка. Встречаются самые противоречивые оценки: от таких как «Олимпийские игры – замечательное мирное собрание молодежи мира» до таких: «Олимпийские игры – это сборища, на которых процветают шовинизм, политические бойни, это место, где человек становится роботом».

В 1980-е гг. концепция, согласно которой «спорт не может быть отделен от политики», стала преобладающей. Приведем несколько высказываний сторонников признания тесной связи спорта и политики.

- «Политика является неразрывной частью развития спорта во всем мире» – такое мнение высказал главный редактор журнала и генеральный секретарь Международной ассоциации спортивной прессы (АИПС) Бобби Найду в статье «Почему спорт является существенной частью африканской политики» [Спорт и политика в Африке, 1976, с. 5].

- «Политизация международных спортивных состязаний является не альтернативой, а свершившимся фактом» (Ж.Ф. Равель, 1980 г.) [цит. по: Landry, 1980].

- «Спорт, безусловно, не аполитичен, и политика не свободна от взаимоотношения со спортом» [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 288].

- «Спорт не может быть "вне политики" уже по одному тому, что он во всех своих акциях тесно связан с обществом, с общественными интересами и явлениями. С другой стороны, спорт слишком часто есть продолжение "политики другими средствами"... Это относится преимущественно к большому спорту на международном уровне, но с недавних пор – и к "массовому спорту", и к так называемому "соревновательному спорту"... Множество примеров из истории спорта в прошлом и в настоящем показывают, что в разных регионах и странах на нашей планете нет "аполитичного", "нейтрального" спорта. Это справедливо как в отношении народного, массового спорта, спорта для инвалидов, школьников, так и в отношении большого спорта международного класса. Отрицательно ли, положительно ли, но политика всегда влияла на спорт» [Politik und Sport in Geschichte, 1980, p. 3, 87].

- Старший тренер олимпийской сборной США по баскетболу Р. Найт в одном из интервью так сказал по поводу взаимоотношения спорта с политикой: «Многие люди считают, что нельзя смешивать спорт с политикой, которая якобы не должна вторгаться в Олимпийские игры. Но это же полнейшая чушь! Олимпийское движение давно политизировано, как, впрочем, и весь любительский спорт».

- К. Боудэн в выступлении на международном симпозиуме «Мир и взаимопонимание посредством спорта», организованном в 1988 г. Институтом международного спорта, отметила, что, по ее мнению, «спорт – неотъемлемая и нераздельная составляющая политики и культуры» [Bowden, 1989, p. 88].

Сторонники концепции, согласно которой существует неразрывная связь спорта и политики, при ее обосновании опираются на факты, свидетельствующие об использовании спорта в политических целях, а также о многочисленных инцидентах в спорте, которые имели политическую окраску [см., например: Goodhart, Chataway, 1968; Petrie, 1975]. Отмечается существенная зависимость организации спортивного движения от государственной политики и идеологии [см., например: Кейвенаф, 1989]. Ссылаются и на то, что

спортсмены (например, футболисты), «принося своей стране международные победы, выполняют не только спортивную, но и государственную миссию», поскольку способствуют укреплению государственного престижа, демонстрируют национальные возможности [Бабич, 1999, с. 68]. Отмечают также, что «идентификация населения с атлетами и общее стремление к победе во имя национальной славы имеет политическое значение, т.к. объединяет граждан независимо от социального класса, расы и региональных различий» [Eitzen, 1980, p. 350–351]. Указывается и на то, что спортивная терминология не только проникает в обиходную речь, но и активно используется в политическом лексиконе. Например, уже отмечалось, что в США президент именуется «квоторбеком» (ключевой игрок в «американском футболе»), придерживавшимся со своей «командой» намеченного «игрового плана», чтобы «достичь линии ворот», т.е. целей политического курса. Приводятся также другие факты и аргументы, о которых речь пойдет ниже.

Отмечается ряд *причин*, которые определяют связь между политикой и спортом. Так, по мнению Р. Эспи [Espy, 1979], эти причины следующие. Во-первых, спортсмены обычно представляют собой организацию, соревнующуюся с аналогичной структурой. Во-вторых, использование ритуала подчеркивает преданность организации. В-третьих, правительства государств непосредственно принимают участие в организации и финансировании Игр и подготовке элитных спортсменов. В-четвертых, в силу институциональной природы и характера руководства спортивных организаций политический фактор присутствует как внутри этих организаций, так и между ее субъектами.

Значит, отмечая независимость спорта от политики, вместе с тем важно учитывать, что она является *не абсолютной, а относительной*: при определенных условиях, в силу определенных причин и в определенных формах имеет место связь спорта и политики: «Повсюду видны взаимосвязи политики и спорта, будь то во временном, историческом измерении, будь то в измерении пространственном, географическом, государственном. И то и другое суть составные части общественного процесса. И то и другое заставляет людей, группы людей, народы подчиняться политическому развитию, политическим решениям. Политический нейтралитет спорта, которого часто требуют, о котором отвлеченно мечтают, – не существует. Нейтралитет сам по себе есть совершенно политическое понятие. Он подразумевает соответствующие политические отношения и действия. Сам принцип субсидиарности, который во многих странах господствует в отношениях между государством и спортивными организациями, спортом, есть изъявление политической воли, проявление заботы во имя спортивных занятий граждан. Он способствует сотрудничеству государственных организаций и свободных спортивных объединений» [Politik und Sport in Geschichte, 1980, p. 3].

Связь спорта и политики характерна для *всех видов и разновидностей* спорта. Однако в некоторых из них она проявляется наиболее ярко. Из видов спорта к числу таковых в первую очередь, пожалуй, следует отнести футбол, который иногда оценивается как «главный политический спорт XX в.» [Бабич, 1999; Самусенков, Столяров, 2000; Сулейманян, 1999; Футбол как интегрирующая сила в обществе, 2000; Штемме, 1981; Kidane, 1999; Sugden, Tomlinson, 1998; Vinnai, 1970 и др.]. Что касается разновидностей спорта, то наиболее ярко связь спорта и политики проявляется в спорте высших достижений, и особенно в той его форме, в которой он выступает в олимпийском движении.

### **21.3. Можно ли избежать негативного влияния политики на спорт и олимпийское движение?**

Ученые и общественные деятели давно обсуждают вопрос о том, возможно ли каким-то образом избежать негативного влияния политики на спорт, Олимпийские игры и олимпийское движение.

Этот вопрос анализирует, например, Р. Эспи в упомянутой выше книге «Политика и Олимпийские игры». Он отмечает, что к настоящему времени (книга написана в 1979 г.) Олимпийские игры во многом утратили свои первоначальные цели и идеалы. В настоящее время «атлеты, спортивная молодежь играют второстепенную роль в Олимпийских играх, которые превратились в инструмент достижения скрытых политических целей» Олимпийская система была сформирована в те времена, когда спорт был праздным времяпрепровождением и когда международные отношения не были так сложны. Теперь, когда ситуация изменилась, «олимпийским идеалам XIX в. нет больше места в веке XX» [Espy, 1979, p. 163].

Важнейшим недостатком олимпийской системы, как считает Р. Эспи, является тот факт, что спортсмены идентифицируются с государством, гражданами которого они являются, и таким образом представляют не себя, а государство. Тот факт, что успех того или иного атлета отмечается звуками национального гимна, пишет он, открывает широкое поле для политизации Игр. Сама структура Олимпийского спорта с делением по государственному признаку создает обширные возможности для разжигания национализма, а Олимпийские игры способствуют росту национального соперничества и нагнетанию напряженности. В силу этого политика является не посторонним элементом в международном спорте, олимпийских играх и олимпийском движении, как утверждает МОК, а их неотъемлемой частью. Осознание этого необходимо для понимания того, почему Олимпиады и международный спорт используются в качестве инструмента внешней политики.

В силу отмеченного выше единственным способом отделить политику от международного спорта является, считает Р. Эспи, изменение организационной структуры олимпийского спорта. В настоящее время он как в зеркале отражает динамику международных отношений и главным образом развитие конфликта между Востоком и Западом. Олимпийская система является не только объектом, но и активным субъектом международных отношений, несмотря на якобы нейтральную функцию спорта. Эту ситуацию, по мнению Р. Эспи, был вынужден признать президент МОК Килланин, который в отличие от своего предшественника открыто признал, что спорт и политика тесно взаимосвязаны [Esru, 1979, p. 205–212].

С целью снизить «политизацию» Олимпийских игр и олимпийского движения вносятся и другие предложения:

- проводить олимпийские соревнования сразу в нескольких странах (например, соревнования по горнолыжному спорту в Чилийских Андах, фигурному катанию – в Токио, легкой атлетике – в Москве, плаванию и прыжкам в воду – в Пекине, хоккею с шайбой – в Монреале, гимнастике – в Найроби);

- доверить организацию Олимпийских игр не отдельному городу, не одному государству, а целой географической зоне;

- проводить Олимпийские игры в виде организуемых в разных странах состязаний по отдельным видам спорта;

- проводить Олимпийские игры в каком-нибудь постоянном месте (например, в Швейцарии или Греции).

Партия зеленых в Германии разработала программу по изменению принципов подготовки и проведения Олимпийских игр, в которой выдвинула требование о прекращении государственного финансирования спорта высших достижений до тех пор, пока МОК не разработает новую концепцию Олимпийских игр. Под этим зеленые подразумевали «...спортивное соревнование и общение между людьми в более скромных и приемлемых с экологической точки зрения условиях, которые бы вновь наполнили реальным содержанием идею мирного соревнования, не зависящего ни от интересов коммерции, ни от политико-идеологических противоречий между различными системами» [Партия зеленых... 1984, с. 5].

Многие ученые и общественные деятели для достижения указанной цели предлагали отказаться от национальных флагов и гимнов во время проведения Олимпийских игр. Как отмечено выше, к этому призывал, например, Р. Юнгк.

А впервые с таким предложением выступил бывший вице-президент МОК (в период с 1970 по 1974 г.) Жан де Бомон. Его предложение включало в себя следующие основные пункты:

- отмена национальных гимнов и флагов. Вместо них на официальных церемониях вручения медалей должен звучать олимпийский гимн и подниматься флаг с пятью олимпийскими кольцами;

- торжественное шествие национальных делегаций следует заменить шествием представителей видов спорта (легкая атлетика, гребля и т.д.). Спортсмены разных стран будут при этом шествовать вместе;

- национальные флаги всех стран, представленных на Играх, могут находиться в центре стадиона в произвольном порядке, держать их должны люди, не имеющие отношения к национальным командам;

➤ торжественную формулу открытия Игр должен произносить президент МОК, а не глава государства, организующего Игры;

➤ спортсмены должны участвовать в соревнованиях в форме своих клубов или университетов, на этой форме может быть помещена символическая эмблема страны (например, петух у французов);

➤ следует изыскать возможность заключения с органами информации договора, запрещающего произвольную публикацию международной классификации медалей» [Предложения Жана де Бомона, 1980, с. 8].

За отмену национальных флагов и гимнов, а также против подсчета медалей и очков на Олимпийских играх неоднократно выступал президент МОК в период с 1952 по 1972 г. Эвери Брендедж [см.: Проблемы национализма... 1984, с. 10]. Президент МОК в период с 1972 по 1980 г. Майкл Килланин так высказывался по данному вопросу: «Я против гимнов и флагов, ибо они стимулируют националистические эмоции. Олимпиады должны быть соперничеством отдельных спортсменов, а не государств» [цит. по: Пшеглэнд спортивные... 1981, с. 10]. Ряд спортивных деятелей, ученых и журналистов на Олимпийских конгрессах в Баден-Бадене и в Варне отстаивали мнение о том, что подчеркивание национальной принадлежности участников Игр при помощи флагов, гимнов, гербов, надписей и т.п. возбуждает националистические страсти, и предлагали отказаться от такой практики. В 1980 г. Швейцарская радио- и телекомпания (СНУ) провела опрос населения (было опрошено 1025 человек), в ходе которого, в частности, задавался такой вопрос: «Было внесено предложение рассматривать Олимпийские игры между отдельными спортсменами, а не между странами. В таком случае их можно было бы проводить без гимнов и флагов. Одобряете ли вы это предложение?» 53,7% респондентов ответили «Одобряю» [Итоги опроса... 1980, с. 6–8].

По мнению некоторых специалистов, предпосылкой к ослаблению национализма и шовинизма – основного зла Олимпийских игр – мог бы быть интернациональный состав игровых и эстафетных команд. В качестве примера ссылаются на совместное выступление в легкоатлетической эстафете Кубка мира 1981 г. бегунов из Швеции, Бельгии, ФРГ и Голландии. Американский спортивный журналист А. Гаттмэн отмечает, что в 1896 г. одна из золотых наград по теннису была завоевана парой, в которую входили англичанин и немец. «Это было истинным проявлением верности идеалам олимпизма» [Проблемы национализма... 1984, с. 10].

Вопрос об интернационализации состава команд международных (включая олимпийские) соревнований поднимается и в связи с новыми политическими тенденциями в Европе. Так, например, страны Европейского сообщества пришли к соглашению по ряду ключевых вопросов, которые в ближайшее время будут определять характер взаимоотношений между ними: учреждение Европейской Ассамблеи, ввод в обращение единой денежной единицы экю, открытие границы, упразднение всех торговых и таможенных барьеров и т.д. В связи с этим возникает и вопрос о создании объединенной команды, которая бы представляла страны ЕС под единым флагом на Олимпийских играх [Эрдем, 1992; Heinemann, 1998].

Авторы предложения об «интернациональном» подходе к составу команд международных спортивных соревнований считали, что при таком подходе «нет места национальным флагам и гимнам. Это послужило бы импульсом для соревнований по отдельным видам спорта, откуда также должны исчезнуть флаги и гимны... Если бы вместо государственной принадлежности объявлялась принадлежность победителя к клубу, это осложнило бы распределение мест в запрещенном МОКом шовинистском по своему духу неофициальном командном зачете». Как полагали авторы предложений такого рода, «интернационализация Игр сделала бы «олимпийский дух» духом времени. Если американец, русский, финн и кениец выступают в эстафете единой командой, это лишает почвы идеологическую борьбу противоположных систем. Если Игры не будут приносить славу нации, политики потеряют к ним интерес, перестанут содействовать им и использовать их для разжигания национализма» [Партия зеленых... 1984, с. 8–10].

С целью снизить «политизацию» Олимпийских игр и олимпийского движения вносились и другие предложения. Но ни одно из них не было принято. В перспективе также вряд ли можно ожидать каких-либо существенных изменений в этом плане, поскольку олимпийское движение, как движение международное, не может не испытывать воздействия со стороны происходящих в мире процессов и существовать в отрыве от них.

Поэтому скорее всего иллюзорной является часто повторяемая (в том числе самими политиками) фраза о том, что «Олимпийские игры должны существовать вне политики».

### Литература к гл. 21

1. Бабич Дмитрий (1999). Игры века: большой футбол и политика // Культ личностей. – март, апрель. – С. 65-68.
2. Вуолле Паули (1998). Социальные параметры спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 131-136.
3. Выступление президента МОК перед спортивными администраторами из развивающихся стран (1979) // Информационный вестник ВНИИФК. – № 3-4. – С. 1-12.
4. Джонсон Уильям (1984). Будет ли продолжаться жизнь после Лос-Анджелеса // Междунар. спортивное движение. Экспресс-информация. – Вып. 15. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С.3-6.
5. Драгунов Леонид (2000). Олимпийский спорт как политика // IV Міжнародний науковий конгрес "Олімпійський спорт і спорт для всіх", 16-19 травня 2000 р., Київ, Україна: Тез. докладов. – Київ: "Олімпійська література". – С. 186.
6. Итоги опроса общественного мнения в Швейцарии // Проблемы международного спортивного движения. – 1980. Тематич. подборка № 5. – С. 6-8.
7. Кейвенаф Р.П. (1989). Зависимость организации спортивного движения в Канаде от государственной политики и идеологии // Организация и управление физической культурой и спортом в зарубежных странах. Тематич. подборка. – Вып. 10. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С. 3-11.
8. Кёнен Карл (1981). Спорт и политика в ФРГ // Проблемы междунар. спортивного движения. – Тематич. подборка № 20. – М.: ВНИИФК. – С. 19-25.
9. Коротков В.И. (1974). О связи политики и спорта в современном буржуазном обществе // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 7-10.
10. Крюгер А. (1987). Кубертен и Олимпийские игры как символ мира // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. – Вып. 12. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С. 9-12.
11. «Новости зарубежного спорта», ТАСС, № 13/747, 11.2.83
12. Общественная активность спортсменов ФРГ // Проблемы международного спортивного движения. – 1982. Тематич. подборка № 1. – С. 1-2.
13. О возможности бойкота Олимпийских игр 1984 года // Проблемы международного спортивного движения. – 1981. Тематическая подборка № 22. – М.: ВНИИФК. – С. 10-13.
14. Олимпийская хартия (в действии с 7 июля 2007 года). На русском языке. Did-WeDo S.a.r.l. – Лозанна, Швейцария, 2007.
15. Партия зеленых (ФРГ) о проблемах современных Олимпийских игр // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – 1984. вып. 20. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С. 5-10.
16. Предложения Жана де Бомона // Проблемы международного спортивного движения. – 1980. Тематич. подборка № 3-4. – С. 6-10.
17. Проблемы национализма и будущее олимпийского движения // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – 1984. вып. 20. – М.: ЦООНТИ-ФИС, 1984. – С. 10-12.
18. Пшеглэнд спортовыи об итогах олимпийского конгресса // Проблемы международного спортивного движения. – 1981. Тематич. подборка № 21. – С. 8-13.
19. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 3-134.
20. Советский спорт, 29 марта 1980 г.
21. Советский спорт, 22 авг. 1990 г.
22. Советский спорт, 22 окт. 1991 г.
23. Солаков Ангел (1977). МОК, государство, ЮНЕСКО // Информационный вестник ВНИИФК. – № 19. – С. 27-38.
24. Спорт и политика в Африке // Информационный вестник ВНИИФК. – 1976. № 7. С. 5-9.
25. Столяров В.И. (1979). Методологические проблемы исследования физической культуры и спорта как элементов образа жизни // Спорт и образ жизни: Сб. ст. – М. – С. 4-22.
26. Столяров В.И. (1980ж). Спорт и образ жизни // Общественные науки. – №3. – С. 21-30.
27. Столяров В.И. (2005в). Взаимоотношение спорта и политики (социально-философский и методологический анализ) // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры. – С. 5-123.
28. Сулейманиян Андраник (1999). Любите ли футбол? // Мир за неделю. – № 15. – С. 1, 13.
29. Футбол как интегрирующая сила в обществе // Международный и зарубежный спорт: новости, политика, менеджмент, маркетинг. – 2000. № 2. – М.: ВНИИФК. – С. 1-3.
30. Штемме Фриц (1981). Футбол и общество // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 19-34.

31. Эрдём С. (1992). Олимпийские игры и новый мировой порядок // *Международ. спортивное и олимпийское движение*. Вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 14-23.
32. Bowden Cynthia L. (1989). *Peace In International Sport // Peace and Understanding Through Sport* / (Ed.) Greta L. Cohen. Institute for International Sport. – vol. 2, N. 1. – P. 88-89.
33. Eitzen D. (1980). *Social problems*. – Boston: Allyn and Bacon.
34. Espy R. (1979). *The Politics of the Olympic Games*. – Berkley, Los Angeles: University of California Press. – 212 p.
35. Goodhart P., Chataway C. (1968). *War Without Weapons*. – London: W.H. Allen.
36. G ldenpfennig Sven (1981). *Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980*. – K ln: Pahl-Rugenstein Verlag.
37. Heinemann Klaus (1998). *Sport in post-modern society // Sport in the process of European Integration. International Symposium. Warsaw, 9-12 December*. – Warsaw. – P. 27-38.
38. Hietanen A., Varis T. (1984). *Sport and International Understanding: A Survey of the Structure and Trends of International Sport Co-operation // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 212-230.
39. Kass D. (1976). *The Issue of Racism at the 1936 Olympics // Journal of Sports History*. – N.3 (Spring). – P. 223-235.
40. Kidane F krou (1999). *Sport and Politics. Diplomacy of an Olympic Truce // Olympic Review*. – vol. XXVI. N. 28. – P. 48-52.
41. Krockow Christian Graf von (1984). *Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beitr ge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale f r politische Bildung. Band 206*. – Bonn. – S. 24-33.
42. Landry Fernand (1980). *Olympism, Politics and Education // Report of the 20<sup>th</sup> Session of the IOA*. – Athens. – P. 131-149.
43. Lauermanov  E. (1983). *Projevy antikomunismu ve sportu v NSR ( PT ) // Sbornik z celostatniho semin re „Ideologick  boj a antikomunismus ve sportu“*. – P. 83-89.
44. Lenk H. (1982c). *Towards a Philosophical Anthropology of the Olympic Athlete: Paper presented at of the 22<sup>nd</sup> Session of the IOA (11<sup>th</sup> – 25<sup>th</sup> July 1982)*.
45. Lenskyj Helen Jefferson (2008). *Olympic Industry Resistance. Challenging Olympic Power and Propaganda*. – State University of New York Press, Albany. – 165 p.
46. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). *Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature*. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
47. McIntosh P. (1963). *Sport and Society*. – London, C.A.Watts.
48. McIntosh P. (1984b). *Systems of Value and International Sport // Contribution of sociology to the study of sport*. – Jyv skyl , University of Jyv skyl . – P. 69-83.
49. Natan Alex (1969). *Sport and Politics // Loy J.W., Kenyon G.S. (eds.). Sport, culture and society*. – Macmillan, New York. – P. 203-210.
50. Parry Jim (1998). *The Values of Olympism and Sports Education for Tomorrow: Paper presented at the 4<sup>th</sup> Joint International Session for Directors of NOAs, Members and Staff of NOCs and IFs (7-14 May, 1998, IOA, Ancient Olympia, Greece)*.
51. Petrie Brian M. (1975). *Sport and politics // D.W. Ball, J.W. Loy (eds.). Sport and Social Order*. – Reading, Mass.: Addiso-Wesley. – P. 189-237.
52. *Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart*. – Wurzburg: Verlag Platz Freiburg, 1980. – 139 p.
53. Sugden John, Tomlinson Alan (1998). *Power and resistance in the governance of world football. Theorizing FIFA's Transnational Impact // Journal of Sport & Social Issues*. – Vol. 22. Issue 3. – P. 299–316.
54. Vinnai G. (1970). *Fussballsport als Ideologie*. – Europ ische Verlagsanstalt, Frankfurt.

## Глава 22. Типология форм связи спорта и политики

Сторонники признания связи спорта и политики основное внимание, как правило, обращают на доказательство наличия этой связи. Но в методологическом плане важно учитывать не только *связь* спорта и политики, но самое главное – *различные формы* этой связи, четко различать и не смешивать их друг с другом. Эта сторона дела обычно упускается из виду. Поэтому уделим особое внимание данному вопросу.

Связь спорта и политики проявляется прежде всего в использовании спорта для политических целей.

### 22.1. Использование спорта в политических целях

Относительная независимость спорта от политики, его «нейтральный характер» создают условия для его использования в тех или иных политических целях. «Соревновательный элемент в спорте, – пишет по этому поводу Р. Эспи, – схож с конкуренцией в политике или других сферах. Однако в силу нейтральной сущности спорта эта соревновательность не обязательно влечет за собой соответствующую политическую значимость. Спорт несет в себе лишь тот элемент политизации, который в него сознательно вкладывают, и в силу этого он может являться достаточно гибким инструментом внешней политики – в зависимости от намерения соревнующихся сторон» [Espey, 1979, p. 5].

При анализе данной проблемы должен быть рассмотрен ряд вопросов: *в каких именно* политических целях может быть использован и реально используется спорт, *кто* (какие политические силы) стремятся использовать и действительно используют его в политических целях, каковы *причины*, побуждающие их к этому, и т.д.

Остановимся прежде всего на первом вопросе: о возможности использования спорта в политических целях и действительном использовании его в этом плане.

В спорте заключены возможности для его использования в самых различных политических целях. Но при всем разнообразии этих целей их можно подразделить на две группы: *позитивные*, соответствующие идеалам и ценностям гуманизма, и *негативные*, противоречащие этим идеалам и ценностям. В связи с этим Р. Мустар обращал внимание на то, что во взаимосвязи спорта и политики важно различать два аспекта: «1. Накопление ценностей прогресса (благодаря творческим усилиям), отражающих через спорт то, что является действительно человеческим в человеке. 2. Использование этих ценностей, этих результатов, этой способности к творческой деятельности существующими классами в соответствии с их интересами. На этом уровне сталкиваются две главные линии: а) линия, которая вытекает из постоянной погони за максимальной прибылью со всеми последствиями идеологического характера, с тем чтобы убедить массы, что это нормальное явление, и чтобы отвлечь их от борьбы в защиту своих подлинных интересов; б) линия, которая исходит из стремления удовлетворять потребности человека, обогащать его, развивать его способности, делать его счастливее и лучше и, следовательно, понимать этот особый аспект человеческой деятельности, каким является спорт, как элемент, неразрывно связанный с общей культурой...» [Moustard, 1975, p. 219].

Как показано выше, потенциал спорта как гуманной модели соревновательных ситуаций реальной жизни позволяет эффективно использовать его для реализации широкого круга гуманистически ориентированных целей социальной политики государства: в целях становления и стабилизации гражданского общества, снижения социальной напряженности, духовного и физического оздоровления детей и молодежи, их социализации, профилактики девиантного поведения, развития культуры, образования, экономики и т.д. Он может быть использован и в таких позитивных (с точки зрения идеалов и ценностей гуманизма) политических целях, как укрепление мира, дружбы, международного взаимопонимания различных наций, народов, стран, государств, установление контактов между странами, которые находятся в определенном конфликте, в состоянии войны, а также для формирования и развития национального самосознания, национальной гордости, а тем самым и для единения нации.

Возможность использования спорта для решения важных политических задач гуманистической ориентации подчеркивал еще основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен. По его мнению, спорт, развитый не только в национальном, но и в международном масштабе, может способствовать утверждению мирных отношений между государствами, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, их куль-



турному сотрудничеству, “прекращению споров, разногласий и недоразумений”, преодолению националистических предрассудков, улучшению политических отношений между народами, принадлежащими к разным культурам. Кубертен считал, что «вместе со спортом растет новая и мощная опора делу мира» [Цит. по: Нидерман, 1986, с. 29]. «Олимпийские игры... соберут представителей народов мира, и мы вправе считать, что эти соревнования... станут наилучшим проявлением интернационализма» [Цит. по: Лотц, 1983, с. 17]. «Истинная демократия, а также мудрый и миролюбивый интернационализм придут на обновленный стадион, чтобы поддерживать на нем культ чести и бескорыстия, который позволит атлетизму осуществить духовное совершенствование и социальный мир одновременно с телесным развитием». Поэтому «нужно, чтобы каждые четыре года возрожденные Олимпийские игры давали возможность молодежи всего мира встречаться в счастливой и братской атмосфере, когда понемногу стирается взаимная неприязнь и непонимание между народами, которая приводит к ненависти, недопониманию, а иногда и к варварской, беспощадной борьбе» [Coubertin, 1986 a, p. 370]. «Давайте гонке вооружений, – призывал Кубертен, – противопоставим гонку гребцов... И пусть это будет острая и бескомпромиссная борьба, но борьба мирная» [Цит. по: Петушкова, 1988, с. 169]. Эти идеи занимают важное место в кубертеновской концепции *принципов мира и создания международной организации государств* [см.: Арская, 1996].

Свою идею использовать спортивные соревнования в борьбе за мир и с милитаризмом Кубертен высказал еще в 1896 г.: «Атлетизм будет возвеличен и облагорожен, и международная молодежь будет черпать в нем любовь к миру и уважение к жизни» [Цит. по: Петров, 1980, с. 18].

Кубертен реалистично оценивал миротворческую роль спорта, связывая ее с решением педагогической задачи – воспитания чувства уважения на основе создания возможности для людей лучше узнать друг о друге. В 1935 г., характеризуя «философские основы олимпийского движения», он сказал: «Требовать от народов, чтобы они любили друг друга, является одним из видов ребячества. Требовать от них уважения друг к другу не является ни в коем случае утопией: но чтобы уважать друг друга, необходимо сначала познакомиться друг с другом» [Цит. по: Ленк, 1981, с. 21]. И существенную роль в решении этой проблемы он отводил спорту.

Спорт, ориентированный в рамках олимпийского движения на гуманистические идеалы и ценности, полагал Кубертен, может внести существенный вклад в формирование и передачу *демократических ценностей*. Прежде всего это связано с тем, что спорт оказывает позитивное влияние на *сотрудничество* людей. «...Спорт, – писал Кубертен, – это, пожалуй, единственная опытная площадка, позволяющая быстро научиться сотрудничеству, одновременно осваивая и новые элементы общественной жизни. Яркий пример сотрудничества в спорте – футбольная команда. Это объединение единомышленников, пример добровольного сотрудничества, лишенного каких-либо привилегий и санкций, основанного на бескорыстии...» [Coubertin, 1919, p. 139–140].

Вместе с тем Кубертен подчеркивал, что в реальной жизни важное значение имеет не только взаимопомощь и сотрудничество, но и конкуренция. Нужна гармония этих противоположных сторон взаимоотношения людей. Демократическое государство не может жить и процветать без сочетания взаимопомощи и конкуренции. Чуть меньше взаимопомощи, и все сведется к жесткому индивидуализму, который затем может привести к анархии; меньше конкуренции – и ослабеет энергия общественных связей, что приведет к общественному застою и безразличию. И в этом отношении спорт, по мнению Кубертена, обладает огромными возможностями: «...вся история демократии состоит из поиска и потерь этого необходимого равновесия, столь же насущно необходимого, сколько нестабильного. Но, если обратиться к педагогике, какое общественное устройство способно готовить к этому? Ответ напрасно пытаются найти вне спорта...» [Coubertin, 1919, p. 140].

Для Кубертена в спорте воплощаются демократические принципы, поскольку в спортивном состязании каждый имеет равные стартовые условия и одинаковые возможности, а лучшие вырываются вперед. Аристократические или какие-либо другие титулы здесь равным счетом ничего не добавляют к спортивной значимости того или иного спортсмена. Ничего не значат и различия, установленные общественным устройством: «Уважение, на которое вы имеете право на спортивной площадке, не зависит ни от ваших предков, ни от наличия у вас тысячефранковых купюр. Оно измеряется силой ваших мышц, вашей физической энергией, мощностью ваших усилий» [цит. по: Сиджански, 1987, с.

13]; «...ни в одном другом проявлении общественной жизни мы не найдем такого полного отрицания неравенства различных социальных слоев. Законы равенства здесь устанавливает сама природа. Это очень важный урок, над которым стоит поразмыслить...» [Coubertin, 1919, p. 140–141].

Важное значение Кубертен придавал демократизации самого спорта на основе придания ему массового характера. На основании каких аристократических привилегий, писал он в 1919 г., усматривается связь физической красоты, силы, выносливости, воли к победе молодого человека с его родословной и содержанием кошелька? Олимпийское движение должно добиваться того, чтобы спорт и физические упражнения были доступны пролетарской молодежи. «Все виды спорта для всех – так гласит новая, вовсе не утопическая идея, к осуществлению которой мы должны стремиться и приложить все свои силы», – провозглашал Кубертен и проводил историческую аналогию: «Античный спорт исключал рабов. Так разве же современный спорт должен существовать лишь для богатых? Недостаточно, что элита каждые четыре года с блеском проводит Олимпийские игры. Насколько важнее, чтобы каждый человек без различий в сословиях, принадлежности, пользовался благами олимпийской культуры в скромности и монотонности повседневной жизни» [Coubertin, 1919].

Еще одна политическая проблема, в решении которой, по мнению Кубертена, спорт в рамках олимпийского движения может сыграть свою определенную позитивную роль, – это «разрядка социальной напряженности» между различными классами. Почему, задает вопрос Кубертен, так часто спортивные общества, состоящие из представителей рабочего класса, отказываются соревноваться с буржуа? По его мнению, здесь важно вовсе не материальное неравенство богатых и бедных, а отсутствие точек духовного соприкосновения. «Спорт как раз и может послужить одной из точек такого соприкосновения, потому что дает радость движения и физической активности всем независимо от происхождения и социального положения. И пусть буржуазная и пролетарская молодежь встречаются на спортивных площадках и получают этот заряд радости одновременно. Такое сближение способствует формированию положительного общественного настроения, который является необходимым условием для разрешения общественных проблем» [Coubertin, 1919, p. 145].

И в других своих работах Кубертен указывал на то, что спортивное сотрудничество способно уменьшить социальные различия, устранить противоречия и умиротворить людей. Он призывал к тому, чтобы и буржуазная, и рабочая молодежь черпали силы из одного и того же источника физического удовольствия – из спорта. «Этот источник, – указывал он, – если его не замутит червь профессионализации, восстановит дружбу и хорошие отношения между представителями обоих классов». В 1925 г. Кубертен писал: «Несмотря на некоторое разочарование, я все еще верю в примирительные и моральные добродетели спорта. На спортивном поле нет ни политических, ни социальных друзей или врагов, остаются лишь люди, занимающиеся спортом» [см.: Vialar, 1962 b, p. 88]. Спорт мыслился основателем современного олимпийского движения «как форма деятельности по самому характеру своему абсолютно нейтральная, бескорыстная, вненациональная и внеклассовая, не несущая на себе какого-либо специфического «клейма» и тем самым наиболее подходящая в качестве общей почвы, на которой могли бы объединиться решительно все, невзирая на социально-классовые и национально-культурные различия» [Гельперин, 1977, с. 5].

Кубертен высказывал (1936) мнение о том, что спорт как «приданое всех рас» [Цит. по: Ленк, 1981, с. 79] способен внести существенный вклад и в преодоление расовых барьеров.

Таким образом, по мнению Кубертена, социально-политическая роль спорта, развиваемого в рамках олимпийского движения, состоит в том, что «истинная демократия, а также мудрый и миролюбивый интернационализм придут на обновленный стадион, чтобы поддерживать на нем культ чести и бескорыстия, который позволит атлетизму осуществить духовное совершенствование и социальный мир одновременно с телесным развитием» [Coubertin, 1986 a, p. 370].

Кубертен понимал, что спорт не может непосредственно разрешать политические конфликты. Но вместе с тем им была развита и обоснована идея о том, что молодежь со всего света должна встречаться на Олимпийских играх в мирной борьбе, несмотря на все конфликты или даже из-за них, вопреки всем раздорам, характеризующим наш мир. Это возможно только в том случае, если на соревнованиях придерживаться исключительно

олимпийских правил и правил данного вида спорта, не знающих различий рас, происхождения, политического убеждения, власти или богатства.

Важно отметить, что в настоящее время данная функция олимпийского движения гораздо более важна, чем в те времена, когда ее предложил Кубертен: «В условиях прочного мира, всеобщих гармонии и единства Олимпийские игры почти не были нужны – в лучшем случае в качестве особого захватывающего вида развлечения. В условиях глубоких конфликтов и всеобщей напряженности, разлитого по всему миру разлада и раздора Олимпийские игры намного больше, чем просто символ; они признак того, что человек не теряет надежду на то, что должно было бы быть, но не претворено в жизнь» [Krockow, 1981, p. 10].

Отмеченные выше факты реальной истории развития спорта свидетельствуют о том, что спорт действительно выполнял важные *позитивные* (с точки зрения идеалов и ценностей гуманизма) политические функции:

- выступал как «посол мира», помогающий перебросить мост взаимопонимания, сотрудничества и доброй воли, установить или поддержать культурные и политические связи, дружественные отношения между различными странами и народами в условиях общей конфронтации;

- активно содействовал формированию и развитию национального сознания, национальной гордости, доказательству их жизнеспособности;

Но потенциал спорта таков, что он может быть использован и использовался в *негативных* политических целях.

Прежде всего наблюдается активное стремление государства, различных политических сил (в том числе реакционных: милитаристских, националистических, шовинистических и т.д.), а также отдельных политиков использовать спортивные соревнования и тот огромный интерес, который к ним проявляют миллионы людей, в своих корыстных политических, идеологических целях: для укрепления политической власти, пропаганды политического и экономического строя, господствующих в той или иной стране духовных ценностей, для сглаживания или сохранения существующих социальных конфликтов, для обоснования и оправдания политики государства в целом и его конкретных политических акций, для воспитания населения в духе доминирующих в обществе политических идей и т.д. [Починкин, 1985; Степовой, 1984; Adam, 1975 и др.].

Такой подход к спорту особенно проявляется на международном уровне, что объясняется рядом причин: национальные правительства вовлечены в процесс организации и руководства спортом; спортсмены используются государством как символы государственной мощи; спорт считается одним из способов распространения национальной политики и идеологии среди населения; он является эффективным средством выражения несогласия (посредством бойкотов или отказа от участия в соревнованиях) с политикой (например, расовой политикой) своего или другого национального правительства [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 287–288].

Классическим примером того, как спорт может эксплуатироваться в политических интересах, является организованное Израилем в 1980 г. массовое спортивное мероприятие – звездный пробег, конечный пункт которого находился в Иерусалиме [Këx, 1981]. Другой пример: когда Гитлер приказал включить на чемпионат мира 1938 г. по футболу в состав команды Германии игроков сборной Австрии, аннексированной германским рейхом, то он не только хотел усилить команду Германии игроками известного на весь мир «Вундертима» (так болельщики называли сборную Австрии), но и представить Германию в ее новых границах.

Отметим и постоянное стремление стран, где проводятся Олимпийские игры, использовать их организацию для решения своих внутренних и внешнеполитических задач. Ярким примером в этом плане могут служить игры XXIV Олимпиады в Сеуле. К концу 1970-х гг. диктаторский режим в Южной Корее испытывал большие политические трудности. Внутри страны нарастали антиправительственные выступления. Весьма невысоким был престиж южно-корейского режима и на международной арене. В этих условиях необходимо было найти средства, способные поднять престиж правительства на мировой арене, упрочить его положение внутри страны. И сеульский режим все сделал для того, чтобы заполучить Олимпийские игры в Сеул и, насколько это возможно, использовать их в своих политических интересах [подробнее см.: Козловский, 1999; Ратнер, 1998; Родиченко, 1998, 1999].

К числу наиболее ярко выраженных негативных политических целей использования спорта относится пропаганда идей *национализма* и *шовинизма* [Lenskyj, 2008; Moorhouse, 1986; Nationalismus und Sport, 1971; Peace and Understanding... 1989; Rodriguez, 2003; Sport and International Relations, 1978; Sport and International Understanding, 1984; Toohey, Warning, 1981; Väyrynen, 1984 и др.]. Характеризуя возможность «применения спорта в качестве политического инструмента», К.Л. Стивенсон и Джон Э. Никсон отмечают, что, с одной стороны, он может использоваться для создания «национального чувства идентификации и национального престижа», а с другой стороны – «как политическое средство для признания или непризнания других наций» [Стивенсон, Никсон, 1977].

Для пропаганды идей национализма и шовинизма неоднократно использовались и Олимпийские игры. «Национализм, – пишет по этому поводу финский социолог П. Сеппянен, – никогда не был чужд олимпизму. В то время как адвокаты олимпизма декларировали кредо универсального участия для лучших представителей человечества, страны мира интерпретировали участие в Играх как возможность для выражения своих национальных чувств и национального отождествления. Они не отвергали идеалы Игр, но преобразовали их в язык совершенно иного практического применения. Игры использовались не столько для демонстрации международной *fair play*, мира и взаимопонимания, сколько для удовлетворения национального интереса и национальной гордости» [Seppänen, 1984 b, p. 23].

Р. Эспи в книге «Политика и Олимпийские игры» отмечает, что современные Олимпийские игры являются ярким примером противоречия между общечеловеческими идеалами и реальностями окружающего мира. Нынешние Олимпийские игры во многом утратили те идеалы «честной игры», которые пытался возродить их основатель барон Пьер де Кубертен, и нередко используются «для удовлетворения национальных интересов и амбиций» [Esry, 1979, p. VII]. Брукс Джонсон, тренер женской сборной команды США по легкой атлетике, подметил очень существенный момент: «Олимпийские игры перестали быть спортивным событием. Они превратились в националистические демонстрации. Вы только подумайте: самые дорогие билеты на Олимпиаде – на церемонии открытия и закрытия Игр, а не на спортивные соревнования» [Джонсон, 1984, С. 5].

Использование достижений спортсменов в националистических целях началось с победы, которую одержал Луис Спирс из Греции в марафонском беге на Играх в Афинах в 1896 г. [MacAloon, 1981; Seppänen, 1984 b]. Аналогичным образом были использованы и победы, которых добилась лыжница из Финляндии Марья-Лииса Хямялайнен на зимних Играх в Сараево в 1984 г. Однако не только Греция и Финляндия использовали победы как средство обоснования национального превосходства и гордости: «Множество других наций – больших и маленьких, старых и новых, богатых и бедных, демократических и тоталитарных – делали то же самое и может быть даже еще чаще» [Seppänen, 1984 b, p. 11].

Как отмечает Ф. Ландри, еще на Играх 1900 г. любительская федерация легкой атлетики США вынашивала проект построить в Париже огромный спортивный клуб, чтобы показать всей Европе превосходство американской системы тренировок. Газета «Нью-Йорк Таймс» от 23 июля 1900 г. охарактеризовала Олимпийские игры в Париже как «всемирный любительский чемпионат» и объявляла ни больше ни меньше, что США его «выиграли». Уже с 1906 г. американская пресса установила систему подсчета баллов на Олимпийских играх по национальному признаку, что стало общепринятой практикой, и не надо удивляться, что государства с различными или противоборствующими политическими режимами позднее сознательно использовали эту систему в противоречии с духом и буквой п. 8 и п. 44 Олимпийского устава и правил [Landry, 1980].

Первые симптомы острого национального соперничества проявились на Олимпийских играх в Лондоне в 1908 г. в серии незначительных склок между США и Великобританией. Поскольку британские спортсмены набрали больше очков, нежели американцы, Лондон весьма гордился этим национальным успехом. Американцам было весьма трудно скрыть разочарование и в то же время утрату престижа самой спортивной державы. Они стали ссылаться на несправедливые решения английских судей [Voxborough, 1969, p. 40; Seppänen, 1984 b, p. 11–12]. Вспоминая об этих Играх, Кубертен писал: «В соревнованиях по легкой атлетике разгорелась настоящая битва между англичанами и американцами, обе команды были настолько нацелены на победу, что казалось, будто ожили все предыдущие споры между ними и что на карту поставлена честь нации... Когда сильно разгораются страсти, неминуемо возникают инциденты. Стороны обвиняли друг друга в нечестном ве-

дении спортивной борьбы. По возвращении американцев домой победителей торжественно встречали у здания муниципалитета Нью-Йорка, а они шествовали, держа на привязи... британского льва в цепях! Это чуть не привело к дипломатическому скандалу» [Кубертен, 1997, с. 84–85].

В 1912 г. член МОК У. Слоун (США) писал о том, что девиз Кубертена «*Ludus pro Patria*» («Игра во славу Родины») овладел всей континентальной Европой (особенно там, где патриотизм был высоко развит) по причине своей сравнительной новизны или потому, что какой-то стране угрожала внутренняя или внешняя опасность [Киселев, 1984, с. 34].

Но, пожалуй, наиболее ярким примером использования Олимпийских игр для демонстрации превосходства определенной нации являются Олимпийские игры 1936 г., которые нацисты попытались использовать для того, чтобы показать, что немцы счастливы и процветают при нацистской системе, и тем самым отвлечь внимание общественности от таких сторон нацистской политики, как кампания травли евреев, а также продемонстрировать всему миру величие арийской расы [Гельперин, 1977; Франке, 2006; Kass, 1976; Seppänen, 1984 b]. Нацистская Германия настойчиво добивалась успеха на Олимпийских играх в Берлине. Была разработана программа интенсивной подготовки спортсменов. Гитлер приказал правительственным организациям выделить неограниченное время для тренировок всем работающим спортсменам высокого класса. И эти усилия были вознаграждены. Хотя героем Игр в Берлине стал американский негр, представитель «низшей расы», Джесси Оуэнс, чьи победы, бесспорно, стали моральным поражением нацистской идеологии, – все же эти Игры остались в истории как Игры, прошедшие под знаком свастики. Гитлеровская пропаганда выжала из них все, что только могла. Игры оказались успешными не только с точки зрения победы в политической пропаганде. Вместе с тем немецкие спортсмены завоевали и наибольшее число медалей и очков по сравнению со спортсменами других стран.

Проявлению национализма на Олимпийских играх в настоящее время содействует изменившийся подход к оценке выступлений спортсменов. Как отмечает А. Гаттмэн, когда Томас Бурк завоевал в 1896 г. золотую медаль в беге на 100 м, он представлял сам себя. А вот сегодня спортсмены США, участвующие в Олимпийских играх, представляют свою страну, равно как и другие страны [Проблемы национализма... 1984, с. 10]. Еще одну иллюстрацию такого подхода приводит Клаус Штрिटтматтер. Легкоатлет из Германии Вилли Вюльбек 9 августа 1983 г. стал чемпионом мира в беге на дистанцию свыше 800 м. Комментатор телевидения сказал по этому поводу: «В этот день Федеративная Республика Германии завоевала одну золотую и две серебряных медали», хотя телезрители могли увидеть, что на медали, полученной Вюльбеком, выгравировано его имя [Strittmatter, 1984, s. 221].

Проявлению национализма содействуют и некоторые процедуры, официально включенные в программу проведения Олимпийских игр – например, когда на церемонии открытия Игр спортсмены входят на территорию стадиона нация за нацией или когда на церемонии вручения олимпийских медалей звучит национальный гимн страны-победителя и поднимается ее государственный флаг. Наряду с этим необходимо учитывать и «неофициальный» подсчет завоеванных странами медалей для определения звания «нации-победителя» летних или зимних Олимпийских игр. В результате этого большинство зрителей воспринимают эти Игры не как состязания между отдельными спортсменами, как об этом говорится в Олимпийской хартии, а как состязания между странами. Об этом свидетельствуют и результаты социологических опросов [см., например: Опрос... 1984, с. 12]. Подчеркиванию национального превосходства на основании результатов выступления спортсменов на Олимпийских играх содействуют и средства массовой информации, акцентируя внимание на национальном соперничестве.

Т.М. Абсалямов считает, что те кардинальные изменения, которые произошли в мире за последние годы, «если не полностью, то в значительной мере сняли остроту политического противостояния ведущих мировых держав и соответственно степень “политической” заинтересованности в результатах, показанных на спортивной арене» [Абсалямов, 1999, с. 33]. Однако даже если это и соответствует действительности (а в пользу справедливости этого утверждения можно привести ряд соображений), тем не менее нельзя отрицать тот факт, что и в настоящее время продолжается использование спорта в политических и пропагандистских целях. Практически все страны продолжают подсчитывать медали и места, завоеванные их спортсменами на Олимпийских играх, и использовать до-

стигнутые успехи для повышения престижа и усиления влияния страны на мировой арене, для доказательства «превосходства данного образа жизни или большей жизненной силы, присущей данному народу».

Ряд вопросов, связанных с проблемой проявления национализма в спорте и олимпийском движении, требует дополнительного анализа. Известны, к примеру, непрекращающиеся жалобы в таких видах спорта, как прыжки в воду, фигурное катание и гимнастика, основывающиеся на том, что результат международных соревнований во многом зависит от субъективной оценки судей, которая связана с их национальностью. Был проведен ряд исследований с целью изучить данный вопрос. Так, Д. Болл [Ball, 1972] изучил материалы по четырем мировым чемпионатам по фигурному катанию с 1967 по 1971 гг. с целью определить, была ли связь между национальностью судьи и его оценкой выступлений. Он обнаружил, что в большинстве случаев наблюдалось единство взглядов у судей и отсутствие связи между их национальностью и выставляемыми ими оценками. Единственным отклонением была тенденция завышать оценки своим соотечественникам по сравнению со средним баллом других судей. Но, несмотря на это, поступали жалобы от официальных лиц, представляющих гимнастику и фигурное катание на последних Олимпийских играх. Из этого следует, что требуются дополнительные исследования в этой области для ответа на вопрос, оказывают ли влияние на виды спорта с субъективной оценкой выступлений политические и национальные предубеждения судей [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 289].

Государственные, политические деятели довольно быстро хорошо осознали тот факт, что спорт, спортсмены и спортивные победы могут стать важным каналом поднятия престижа страны, а также личной популярности самих политиков. Об этом свидетельствуют, в частности, их многочисленные высказывания по данному поводу. Так, бывший президент США Джеральд Форд заявил, что «при нынешнем состоянии системы массовых коммуникаций спортивный триумф является не менее эффективным способом поднять дух наций, чем, скажем, победа на поле сражения» [цит. по: Прохоров, 1978, с. 4]. Один из ведущих политиков США на встрече с олимпийской командой в 1984 г. сказал: «Современный спорт – это та область человеческой деятельности, в которой одна страна может доказать свое превосходство над другой, не проливая при этом крови» [Абсалимов, 1996, с. 33]. А вот мнение по этому поводу президента Белоруссии А. Лукашенко: «Я глубоко убежден, что главные дипломаты нашей страны сидят не в министерстве иностранных дел. Они на хоккейной площадке, в бассейне, на футбольном поле и т.д. Миллионы людей на планете наблюдают за человеком в форме Беларуси на дорожке стадиона, а если он еще и выигрывает – поднимается флаг, играет гимн – страна заявляет о себе на весь мир» [цит. по: Исаев, 2002, с. 317].

Исходя из этого, победы на международных спортивных соревнованиях часто рассматриваются «как свидетельства превосходства данного образа жизни или большей жизненной силы, присущей данному народу», а от спортсменов, как отмечал П. Макинтош в своей работе «Спорт в обществе» [McIntosh, 1963], требуют, «чтобы они прославляли идеологию своей страны... и мало на свете правительств, которые бы не признавали политического значения успехов в международном спорте» [цит. по: Семотюк, 1981, с. 15]. Кристиан Кроков указывает на то, что «престижность большого спорта в соревнованиях наций и политических систем превращает победы и поражения в символы государств, наций и систем, к которым относятся спортсмены. При этом трудно говорить о миролюбивой функции спорта, напротив: спортивное соревнование кажется продолжением общей политической борьбы, но другими средствами» [Kroscow, 1984, s. 30].

Для иллюстрации упомянем два факта. Итальянский диктатор Бенито Муссолини, осознавая политическое значение победы футболистов в международных матчах, приходил на футбольный стадион в римском плаще и восседал на трибуне в окружении всего правительства подобно античному императору. Победу на чемпионатах мира 1934 и 1938 гг., которые проходили в Италии, Муссолини объявил вопросом жизни и смерти для всей нации. Хассан Хомейни, внук знаменитого «отца иранской революции» аятоллы Хомейни, провожая иранскую сборную на чемпионат во Францию, заявил: «Вы – посланцы Ирана и должны победить сборную большого сатаны – Соединенных Штатов. Именно потому, что спорт сейчас находится в руках обезумевшей западной цивилизации, ваша задача является особенно важной» [Бабич, 1999, с. 66, 68].

Мнение о том, что спортивная победа на Олимпийских играх является свидетельством превосходства определенного общественно-политического строя, образа жизни, разделяли не только политики, но и многие тренеры. Так, например, тренер американской хоккейной команды на зимних Играх в Лейк-Плейсиде после победы над командой СССР в финальном матче заявил, что эта победа свидетельствует о превосходстве американского образа жизни.

Со времени проведения олимпийского конгресса в Сорбонне и до настоящего времени без всякого перерыва страны с оппозиционными политическими идеологиями старались использовать Олимпийские игры и как орудие борьбы со своими политическими оппонентами. Ф. Хэтфилд писал по этому поводу: «Страны мира со времени зарождения современных Олимпийских игр распознали политические и идеологические выгоды от победы своих атлетов на Играх. Соответственно они осознали и социальную невыгодность быть среди аутсайдеров. Много международной враждебности непосредственно связано с такими взглядами» [Hatfield, 1976, Р. 39]. На это обращает внимание и Ф. Ландри (Канада): «Нет никакой уверенности, что Национальные олимпийские комитеты и страны, участвующие в олимпийском движении, руководствуются единственно преданностью идеалам Пьера де Кубертена. Очевидно, что олимпийский успех используется как эффективное средство для обеспечения престижа и влияния отдельных стран на мировой арене. Можно отметить, что Олимпийские игры использовались и как средство пропаганды или защиты той или иной идеологии» [Ландри, 1988, с. 23].

Американский историк Д. Кэнин в 1978 г. писал о том, что «государственное представительство обусловило интерес государства. Спортсмены становились политическим придатком государства... Американцы были первыми, кто ввел строгую систему тренировок, которая заставляла спортсменов затрачивать на спорт столько же времени, сколько и на работу. В то время как европейские спортсмены-джентльмены рассматривали свои тренировки как досуг и рекреацию, американцы *работали* под руководством требовательных тренеров... США стали первой страной в современной политико-спортивной системе, которая использовала свои успехи для саморекламы... Использование спорта американцами стало примером для других стран» [цит. по: Киселев, 1984, с. 35]. Отметим также, что именно американская пресса первой среди других стран ввела в 1906 г. в международную практику общекомандный зачет и подсчет медалей по странам.

Особенно важную роль в политической борьбе великих держав Олимпийские игры стали играть после Второй мировой войны, которая кардинально изменила соотношение политических сил на мировой арене. Олимпийский дебют спортсменов СССР на Играх в Хельсинки в 1952 г. был потрясающим. Команда советских спортсменов (295 человек) была самой большой на Играх, и она выиграла больше медалей, а также имела больше очков в неофициальном зачете, нежели команда какой-либо другой страны. Было нарушено традиционное господство США в олимпийском спорте, и «борьба за превосходство в спорте стала главным символом политической борьбы сверхдержав и одновременно основных политических лагерей мира» [Seppänen, 1984 b, p. 12]. Как отмечает Т.М. Абсаямов, «с вхождением СССР в олимпийское движение спортивные состязания, особенно на Олимпийских играх, все больше и больше становятся частью большой политики. Советская команда дважды – в 1956 г. в Мельбурне и в 1960 г. в Риме – обходит команду США по количеству завоеванных медалей. Вся социалистическая пресса взалхлеб шумит о том, что победы в спорте – лучшее подтверждение преимуществ государственного строя. Обиженные американцы, которые раньше относились к Олимпийским играм как к развлечению, все серьезнее и серьезнее задумываются о том, как одолеть русских в спорте» [Абсаямов, 1999, с. 11].

В течение последних десятилетий XX столетия спорт в значительной мере рассматривался как часть противостояния двух мировых общественно-политических систем. В 1971 г. в ФРГ вышел сборник «Спорт в эпоху позднего капитализма», в котором, в частности, утверждалось: «Если в неофициальном командном зачете ФРГ займет плохое место, т.е. опять после ГДР, это может пробудить сомнения в эффективности западногерманского капитализма и, следовательно, ослабить позиции господствующих классов внутри страны и в известной степени подорвать их авторитет за рубежом» [цит. по: Леванова, 1980, с. 211]. Аналогичным образом в социалистических странах победу спортсменов, например, СССР или ГДР над соперниками из США или ФРГ на Олимпийских играх считали необходимой для доказательства превосходства социализма над капитализмом,

социалистической идеологии над капиталистической. Д.И. Прохоров писал, например, о том, что «работа спортивных организаций социалистических стран в области международного спортивного движения есть неотъемлемая часть идеологической борьбы на международной арене» [Прохоров, 1978, с. 98].

В той же мере, в какой направление спортивных делегаций в ту или иную страну может стать предпосылкой завязывания или укрепления с ней дипломатических отношений, отмена намечаемого визита спортивной команды нередко используется для выражения неодобрения политики данной страны. В 1966 г. советское руководство «отменило», например, двухсторонний легкоатлетический матч СССР – США, осуждая таким образом «агрессивную политику США по отношению к свободолюбивой Кубе». Еще через год спортсмены СССР не поехали на отборочные игры чемпионата мира по футболу в Чили. В 1968 г. советские спортивные организации бойкотировали шахматную Олимпиаду в Хайфе (Израиль). В 1976 г. Советский Союз решил выразить свой протест против оккупации Израилем арабских территорий неучастием в шахматной Олимпиаде в Тель-Авиве. Южной Корее «не повезло» дважды: в 1978 г. спортсмены СССР не участвовали в чемпионате мира по стрельбе, а в 1979 г. баскетболисток Советского Союза не увидели на мировом первенстве в Сеуле.

Как средство для наказания правительств других стран за их политические воззрения и идеологию неоднократно использовались государственными властями той или иной страны и Олимпийские игры – их *бойкот* или *попытка бойкота*. Большинство Олимпийских игр современности было сопряжено либо с угрозой бойкота или осуществленным бойкотом, либо с отстранением от участия некоторых НОКов (т.е. некоторых стран), либо с планируемым или фактическим неучастием по политическим мотивам, либо с дебатами по поводу прав на спортивное представительство тех или иных НОКов (например, случай с Западным Берлином).

Как отмечает А. Гаттмэн, Олимпийские игры современности и начались, по существу, с бойкота. Когда Кубертен собрал первое заседание МОК, он пригласил также и немцев для участия в заседании и в Олимпийских играх. Это было сделано с искренним намерением стереть из памяти людей воспоминания о франко-прусской войне 1870-1881 гг. Но, к сожалению, приглашение, посланное немцам, не было ими получено. Весть об Играх долетела до немцев, которые были обижены тем, что их проигнорировали, и руководство самой значительной в то время спортивной организации Германии «Дойче Турнершафт» приняло решение о неучастии в любом спортивном мероприятии, организуемом Францией. Более того, «Дойче Турнершафт» пригрозила исключением из членов организации всем тем, кто осмелится поехать в Афины. Но, несмотря на все угрозы, группа немецких спортсменов все же отважилась поехать в Грецию на первые Олимпийские игры. Правительство Германии сочло возможным закрыть глаза на этот факт потому, что оно не относилось серьезно к олимпийскому движению [Проблемы национализма... 1984, с. 10].

А вот другие примеры такого рода акций. 23 ноября 1933 г. Любительский легкоатлетический союз США голосует за бойкот Олимпийских игр 1936 г. в знак протеста против подъема национализма нации. В 1935 г. национальное движение, развернутое в США Комитетом за честную борьбу в спорте, проводило кампанию за бойкот Игр 1936 г. под лозунгом: «Нет американскому участию в Олимпийских играх под нацистским покровительством». Во многих странах Европы, одной из которых была Франция, левые и антирасистские организации были враждебны Олимпийским играм 1936 г. В 1948 г. новое государство Израиль, независимость которого была провозглашена 14 мая 1948 г., не участвовало в Олимпийских играх в Лондоне, вероятно, под угрозой некоторых арабских стран бойкотировать Игры. В конце концов Израиль присоединился к Олимпийской семье в 1952 г., тогда как Сирия, Ливан и Ирак вступили в нее соответственно в год Игр, т.е. в 1948 г., а Иран был принят в 1947 г. В 1956 г. Игры в Мельбурне, состоявшиеся вскоре после советского вторжения в Будапешт и франко-британской экспедиции в Суэц, демонстрируют начало эры решительных бойкотов. Под разными предлогами Египет, Ирак, Голландия, Испания, Швейцария, Панама, Гватемала, Мальта, Кот-де-Ивуар, Ливан и КНР устранились от участия в Играх. В 1968 г. незадолго до Игр в Мехико СССР осуществил военную интервенцию в Чехословакию. Во многих странах мира призывали к запрету СССР участвовать в Олимпийских играх. В самом Мехико открытие Игр висело на волоске. 2 октября 1968 г. силы порядка открыли огонь по манифестантам-студентам, в резуль-



тате чего сотни человек были убиты. Исходя из этого, известные философы Б. Рассел и Ж.-П. Сартр призывали к бойкоту Игр [Landry, 1980]. Олимпийские игры в Монреале в 1976 г. бойкотировали 26 стран черной Африки в знак протеста против политики апартеида, проводимой правительством ЮАР.

В 1928 г. ФИФА назвала наших футболистов агентами советского режима и специальным решением запретила им участвовать в международных соревнованиях. Блокаду удавалось прорывать лишь изредка. В 1937 г., например, в Москву из Испании приехала сборная басков, которая легко обыграла столичное «Динамо» (арбитр матча Владимир Стрепихеев был немедленно отправлен в тюрьму). Впервые советские футболисты приняли участие в настоящих международных соревнованиях лишь в 1952 г. на Олимпийских играх в Финляндии [см.: Бабич, 1999].

Многие западные страны пытались организовать бойкот команд СССР на Олимпийских играх 1956 и 1968 гг. Наиболее масштабную кампанию они организовали по бойкоту Олимпийских игр 1980 г. в Москве. В свою очередь, советские спортивные организации также использовали бойкот Олимпийских игр в политико-идеологических целях. НОК СССР в своем заявлении от 8 мая 1984 г. отказался направить команду советских спортсменов на Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Эти Олимпийские игры прошли без участия советских спортсменов, спортсменов ГДР, Венгрии, Болгарии, Кубы, Польши и ряда других стран.

Причем, как справедливо отмечает Н.Н. Бугров, «вмешательство политических сил в функционирование олимпийского движения происходило на фоне их полного согласия с целями олимпийского движения, зафиксированными в Хартии. Образовался конфликт между гуманистическим вербальным (целями, указанными в Хартии) и реальным (действиями по осуществлению этих целей) компонентами» [Бугров, 1990, с. 19].

Политическая конфронтация стран с различной идеологией и ее перенесение на Олимпийские игры, бойкоты последних, естественно, способствовали не снижению, а повышению международной напряженности. Не случайно в ходе опроса общественного мнения граждан США на вопрос о том, снижают или повышают международную напряженность Олимпийские игры, 33% респондентов заявили, что повышают [Опрос... 1984].

Бойкоты Олимпийских игр противоречат и основным принципам их проведения. Ведь Олимпийские игры представляют собой соревнования между отдельными лицами, а не между странами. Участие того или иного спортсмена в Олимпийских играх отнюдь не означает поддержки им ни определенной политической идеологии, ни действий страны, один из городов которой организует Игры. Право проведения Олимпийских игр принадлежит МОК, а не стране их проведения. Вопрос об их проведении в том или ином городе решается с учетом только его способности их организовать, а отнюдь не из политических соображений. Об этом было сказано, в частности, в Заявлении МОК, которое было сделано на исполкоме Комитета в связи с проведением Олимпийских игр в Москве и их бойкотом [Заявление МОК... 1980].

Политизированный подход к Олимпийским играм сказывается и на спортивной стороне Игр, а также на интересе к ним. Для примера приведем слова диктора на Олимпийском стадионе Лос-Анджелеса 13 августа 1984 г. во время церемонии закрытия XXIII Олимпиады, которую Советский Союз бойкотировал: «Спасибо вам, товарищ Черненко, за то, что вы завоевали для США больше золотых медалей, чем любой спортсмен за всю историю». Опрос общественного мнения граждан США, проведенный на второй день после отказа СССР от участия в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе, показал, что для 64% респондентов в результате этого Игры станут менее интересными [Опрос... 1984].

Олимпийские игры использовались не только политиками, но и самими спортсменами для тех или иных политических акций. Первый пример подобного использования имел место в 1968 г. на Олимпийских играх в Мексике. 15 октября Томми Смит и Джон Карлос в финале соревнований в беге на 200 м заняли соответственно первое и третье места. В процессе церемонии награждения Т. Смит надел черную перчатку на правую руку и обмотал шею черным шарфом, а Д. Карлос надел черную перчатку на левую руку и черные бусы на шею. Когда зазвучал американский гимн, Т. Смит и Д. Карлос подняли вверх руки в перчатках и отказались смотреть на поднятый американский флаг. Этим они демонстрировали свой протест против неуважительного отношения к черным спортсменам в Америке.

Крайне негативным политическим использованием Олимпийских игр являются террористические акты, имеющие целью привлечь к себе внимания и пропаганду своих взглядов.

Наиболее яркой иллюстрацией этой формы политического использования Олимпийских игр является трагический случай на Олимпийских играх в Мюнхене (1972 г.), когда палестинские террористы из группировки под названием «Черный Сентябрь» взяли в заложники 10 израильских спортсменов. При попытке их освобождения спецслужбами все спортсмены и ряд должностных лиц погибли. Во время религиозной службы в их честь президент МОКа Э. Брендедж заявил: «Грустно, что в этом далеко не совершенном мире Олимпийские игры, приобретая все большую известность и значимость, становятся открытыми политическим, а теперь уже и криминальным давлению» [Groussard, 1975, p. 422]. На Играх 1996 г. в Атланте выявилась новая форма терроризма (взрыв бомб), направленная уже не на спортсменов, а на зрителей.

Спорт используется и для расширения политического влияния той или иной страны на другие. Так, в ноябре 1970 г. в США в качестве одного из подразделений «Корпуса мира» был создан «Корпус спорта», официальной задачей которого было оказание помощи в физкультурно-спортивной работе с населением и подготовке спортсменов высокого класса в развивающихся странах, а неофициальной – идеологическое проникновение в эти страны и пропаганда в них американского образа жизни.

Множество фактов свидетельствуют также об использовании спорта не для укрепления мира и международного взаимопонимания, а в *военно-политических* целях. Как отмечают авторы книги «Спорт и социальные системы», еще в глубокой древности правительства городов-государств в Греции использовали спорт для подготовки своих граждан к войне и для показа превосходства одного государства над другим посредством спортивных состязаний. Успешное выступление спортсменов всячески поощрялось, так как оно поднимало престиж города. Во времена Римской империи спорт также использовался при подготовке к войне [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 287].

Такое использование спорта имеет место и в более поздние периоды развития общества. Так, перед началом Первой мировой войны гимнастическое движение в Германии стало сосредоточием самой активной военной пропаганды [Wohl, 1986, p. 8]. Немецкое «гимнастическое движение» (“Turnbewegung”) было важным и активным элементом в ходе подготовки к национальной борьбе за освобождение и сопротивлению агрессии Наполеона в 1812–1815 гг. [см.: Seppänen, 1984 b]. Во время вооруженных столкновений в буржуазной революции 1848–1849 гг. в Германии оно использовалось сторонниками национального и конституционного движения прогрессивной буржуазии [см.: Güldenpfennig, 1984b; Ueberhorst, 1980]. В СССР сразу после Октябрьской революции физкультура и спорт активно использовались для подготовки людей к защите страны. Немецкие национал-социалисты после 1933 г. создавали так называемые спортивные группы защиты (Wehrsport), используя их в качестве средства тренировки своих террористических групп [см.: Güldenpfennig, 1984 b]. Во всех армиях мира спорт составляет важный и регулярный компонент военного обучения.

Спортивные соревнования могут приводить и к обострению отношений между странами вплоть до их вооруженных столкновений. Примером могут служить две «футбольные войны». Первая – на границе Аргентины и Уругвая после завершения чемпионата мира по футболу 1950 г., выигранного уругвайцами. Вторая – «футбольная война» 1969 г. между Сальвадором и Гондурасом.

Весьма распространенным является использование спорта в качестве средства предвыборной борьбы, поднятия престижа той или иной политической партии или политического деятеля. Политики стараются посещать спортивные соревнования, многие из них охотно фотографируются с чемпионами. Такой интерес к спорту политики впервые начали проявлять, по-видимому, в США в 1960–1970-е гг. Как отмечает канадский социолог Б. Петри, демонстрация любви к спорту «стала неотъемлемой частью американской политической жизни»: «имидж» каждого политического деятеля осязательно включает роль спортсмена либо болельщика [Petrie, 1975, с. 194].

И это не является случайностью. Как известно, спорт в США называют «второй религией». По данным опроса журнала «Спортс иллюстрейтед», проведенного в 1988 г., 74% американцев прямо или косвенно связаны со спортом, 54 % ежедневно слушают спортивные новости по радио и телевидению, 39 % покупают ежедневные газеты, чтобы

прочитать спортивные страницы, 17 % ежедневно смотрят спортивные телепередачи, около 350 млн. зрителей ежегодно посещают спортивные соревнования. Вот эту любовь американцев к спорту и стали использовать в своих предвыборных кампаниях кандидаты. Политический обозреватель Дж. Рестон в 1971 г. подчеркивал, что из-за роста популярности спорта политики в борьбе за голоса избирателей даже свою «преданность религии» изменили на «близость к спорту».

Еще Д. Эйзенхауэр в предвыборное время стал подчеркивать свое увлечение гольфом. Но особенно активно использовали спорт и популярных в США спортсменов и тренеров в своих политических целях президенты Р. Никсон, Дж. Форд, Дж. Картер и Р. Рейган. Будучи кандидатами, они во время предвыборных кампаний широко и умело использовали «суперзвезд» для своей рекламы. Так, в 1972 г. Р. Никсона активно поддерживали ведущие профессиональные спортсмены У. Чемберлен, Дж. Браун и легендарный легкоатлет Дж. Оуэнс. В кампании 1976 г. Дж. Форд использовал услуги олимпийских чемпионов Донны де Вероны и П. Флемминг, теннисистки К. Эверт, тренеров Б. Мартина, П. Браунта, У. Хайса и др. Его противник Дж. Картер в своей «команде» имел таких известных спортсменов, как М. Али, Т. Нобис, Х. Аарон, А. Эш и др. Широко был разрекламирован факт занятий Р. Никсоном в студенческие годы американским футболом. Во время президентства Дж. Форда США охватил горнолыжный бум, и президент старался подчеркивать свою привязанность к горным лыжам [Гуськов, 1988; Киселев, 1978].

Спорт и спортсмены активно используются во время предвыборных кампаний и в нашей стране, а также в других бывших социалистических странах (примером могут служить выборные кампании в президентскую и в Государственную думу Российской Федерации 1996, 1999, 2000, президентскую и в Верховную раду Украины 1998, 1999, 2002).

Среди различных форм такого использования можно выделить привлечение олимпийских звезд в первые тройки или пятерки предвыборных списков политических партий и блоков. В качестве иллюстраций можно указать участие В. Борзова и О. Блохина, а также коллективное представительство футболистов киевского «Динамо» в социал-демократической партии Украины на выборах в Верховную раду 1998 г., участие Ю. Власова в президентской кампании 1996 г., А. Карелина – в создании партийного блока «Единство» («Медведь») на парламентских выборах в России 1999 г. [Олейник, Ашанин, Кудиненко, Эпштейн, Родригес, 2001, с. 19].

Конечно, следует учитывать, что не только спорт помогает политическим деятелям. Когда известные политические деятели подчеркивают свою увлеченность спортом, свое внимание к спорту, это, безусловно, содействует пропаганде самого спорта. В этом также проявляется взаимосвязь спорта и политики.

Влияние политических элит на спорт проявляется даже в характере спортивных сооружений. Как справедливо отмечает Л.В. Аристова, многие современные спортивные сооружения представляют собой архитектурное и философское наследие правящих в определенный исторический период политических элит (например, помпезность спортивных сооружений сталинского ампира, невзрачность типового строительства) [Аристова, 1999, с. 4].

К числу форм политического использования спорта и спортсменов относится и так называемое *спортивное лобби*. Термин «*лоббизм*» происходит от английского слова “*lobby*” (коридор, кулуары). Лоббистами называют лиц, которые, защищая интересы определенных социальных групп и отдельных предпринимателей, вступают в прямые контакты с должностными чиновниками, с тем чтобы добиться принятия выгодных для этих групп и бизнесменов решений, законопроектов и т.п. [Серебряков, Пономарев, 1979, с. 54].

Главная цель спортивных лоббистов – воздействовать на законодательные, юридические и правительственные органы страны, с тем чтобы добиться принятия или отклонения законопроектов (а также административных актов), отвечающих или не отвечающих интересам тех или иных групп индустрии спорта. Приемы лоббирования успешно применяют административные органы городов и штатов, борющихся за приобретение права на размещение профессионального клуба или проведение популярных спортивных соревнований, что оказывает косвенное влияние на авторитет властей, популярность города или штата, сулит прибыли местным предпринимателям. Наиболее широкое распространение спортивное лобби получило в США, где оно является значительной политической силой, регламентирующей развитие и функционирование американского спорта [Серебряков, Пономарев, 1979].

Таким образом, возможные политические функции спорта, формы, направления и причины его использования в политических целях весьма многообразны. Авторы книги «Спорт и социальные системы» замечают по этому поводу, что целью «вмешательства» политики в спорт может быть:

- поднятие международного престижа посредством завоеванных спортсменами на чемпионатах медалей, которые как бы символизируют собой национальную мощь;
- использование спортивных успехов для пропаганды данной страны среди ее населения и за рубежом;
- развитие и совершенствование структуры спорта в государстве;
- установление общественного контроля над определенными видами спорта (такими, например, как бокс, хоккей);
- применение санкций против других государств и народов, проводящих нежелательную национальную политику (например, апартеид в Южной Африке);
- военная подготовка граждан;
- достижение политиками личных целей (политические деятели в странах Северной Америки всегда появляются на основных спортивных состязаниях либо в качестве зрителей, либо участвуя в церемониях открытия или закрытия соревнований);
- повышение сплочения, единства, политического сознания нации;
- выражение взглядов той или иной небольшой социальной группы (например, «Черной силы» на Олимпийских играх в Мехико в 1968 г.);
- попытка демократизировать спорт, устраняя этнические, экономические и расовые барьеры для тех, кто вовлечен в спорт;
- усиление социальной дифференциации в спорте (напр., апартеид в Южной Африке) [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 288, 289].

П. Сеппянен [Seppänen, 1984 b] указывает три основные формы использования Олимпийских игр и олимпийской системы в качестве инструмента международной политики:

- 1) подключение олимпийских спортсменов к пропагандистским кампаниям государств или политических систем;
- 2) использование Олимпийских игр в качестве инструмента для выражения негативного отношения к другой государственной или политической системе путем бойкотов, протестов и т. п.;
- 3) оказание более или менее прямого политического давления на принятие решений МОК и Национальными олимпийскими комитетами.

Использование спорта в политических целях, противоречащих гуманистическим идеалам и ценностям, ставит под угрозу само существование спорта. Еще в 1976 г. известный в США писатель и общественный деятель Дж. Миченер писал по этому поводу: «Наши политические лидеры стимулируют развитие трех не соответствующих спорту функций, и если эта тенденция сохранится, то спорт будет похоронен. Они, во-первых, требуют, чтобы спорт служил средством пропаганды для поддержки определенных политических партий, во-вторых, используют спорт как базу для реализации военных целей и, в-третьих, для раздувания неоправданного, пустого патриотизма» [Michener, 1976].

Как отмечено выше, еще в 1906 г. Кубертен предупреждал о негативных явлениях использования Олимпийских игр в политических целях. В 1935 г., возвращаясь к этому вопросу, он писал: «Народы должны осознать все возможности спорта, а не относиться к нему как к чему-то отвлекающему от повседневности, как приятному времяпровождению... Спорт должен занимать достойное место в социальной доктрине народов. Политика должна искать в спорте надежное подспорье для решения проблем, а не использовать его для поддержки в избирательных кампаниях» [Цит. по: Брендедж, 1991, с. 30].

Рассматривая вопрос об использовании спорта в политических целях, следует иметь в виду не только то, *в каких* политических целях может быть использован и реально используется спорт, но и то, *кто* (какие политические силы) стремится использовать и действительно используют его в политических целях, каковы *причины*, побуждающие их к этому, и т.д.

## 22.2. Спортивная политика.

### Спорт как сфера деятельности субъектов политики.

В документах и материалах ООН, Совета Европы, государственных актах ряда стран

мира и во многих научных работах широко применяется понятие «*спортивная политика*». В изданном в Германии «Словаре спортивных терминов» оно разъясняется, например, следующим образом: «Содержанием спортивной политики являются такие процессы планирования и принятия решений во внутренне- и внешнеполитических областях, которые в широком смысле имеют отношение к делам спорта. При этом имеются в виду мероприятия как союзов, земель и общин (руководство спортом со стороны общества), так и общественных объединений и учреждений (спортивное самоуправление), которые охватывают задачи, функции и цели свободного, организованного и индустриализированного спорта. Тем самым спорт определяется в тех рамках, которые ему задает политика. Спорт не есть автономная, независимая от общества в целом область деятельности. Он взаимодействует с политикой» [Цит. по: Politik und Sport in Geschichte, 1980, s. 7]. В отечественной научной литературе, как отмечает А.А. Исаев [Исаев, 2002], термин «спортивная политика» появился в конце 1980-х гг., в процессе так называемой перестройки. Однако он не получил широкого распространения, и его разъяснение отсутствует в российских энциклопедиях и словарях.

Понятие «спортивная политика» следует рассматривать в одном ряду с такими широко распространенными понятиями, как «*техническая политика*», «*экономическая политика*», «*культурная политика*» и т.п. При введении этих понятий исходят из того, что существуют различные сферы (области) общественной жизни: экономическая, техническая, сферы культуры, образования, досуга и др. Каждая из них в рамках социальной системы занимает определенное место, выполняет определенные функции, ставит определенные цели, решает определенные задачи. Связанную с этим деятельность тех или иных социальных сил и рассматривают как соответствующую политику – экономическую, техническую, культурную и т.д. По отношению к такой сфере общества, как спорт, речь идет о *спортивной политике*.

Значит, основанием для выделения спортивной политики в относительно самостоятельное направление политики в первую очередь является то, что в XX столетии спорт сформировался как относительно самостоятельный социальный институт со своими собственными правилами, организационной системой, принципами и задачами деятельности.

Спортивная политика выступает как «политика в сфере спорте, по отношению к спорту и использующая спорт как институциональную систему». В этом плане она может иметь три основные цели: формирование и сохранение условий для относительной социальной самостоятельности спорта; создание предпосылок для основанного на этом дальнейшего развития его социальной роли и значения; формирование его возможностей как политического фактора вне сферы самого спорта [Güldenpfennig, 1981, s. 36].

Чтобы избежать ошибок в трактовке самого понятия «спортивная политика», важно учитывать два момента:

1. Различные *политические* организации – государство, партии, социально-политические объединения, союзы и т.д. – стремятся направить деятельность сферы спорта в нужное политическое русло, соответствующее своим интересам, идеологии, повлиять на технические, экономические, образовательные, культурные и прочие цели и программы исходя из своих политических целей и программ. Но в реализации (а иногда и в разработке) целей и задач политики в сфере спорта, как правило, активное участие принимают и различные *неполитические* организации, носящие сугубо профессиональный характер, соответствующий профилю данной сферы – прежде всего спортивные организации, фирмы и другие коммерческие организации, общеобразовательные учреждения и др. Значит, субъектами спортивной политики являются (по крайней мере могут быть) как политические, так и неполитические организации.

2. Связанная со спортом деятельность политических и неполитических сил, ее цели, задачи, средства и т.д. может иметь *политический характер и направленность*, если она ориентирована на использование спорта в политических целях, а может иметь иное содержание (например, она может иметь своей целью содействовать полноценной и эффективной реализации собственных, непосредственных функций спорта, связанных с ним социокультурных задач и т.п.).

В связи с указанным выше само понятие «спортивная политика» (равно как и другие аналогичные понятия – «экономическая политика», «культурная политика» и т.п.) можно понимать по-разному.

С одной стороны, его можно трактовать как деятельность («политику») именно по-

литических организаций – государства, политических партий, классов и т.д., а также отдельных политиков, связанную с такой сферой жизни общества, как спорт (речь идет, следовательно, о спорте как сфере, объекте, поле деятельности *субъектов политики*), и направленную на решение *политических* задач.

Но спортивную политику можно рассматривать и в *более широком плане*, понимая ее как деятельность («политику») – ее основные направления, цели, задачи, средства, технологию («механизм») их использования и т.д. – *не только политических*, но и всех *других* организаций, социальных групп и отдельных лиц, связанную с такой сферой жизни общества, как спорт, с реализацией ее социальных функций, с использованием ее для определенных целей, для решения определенных задач, носящих не только политический, но и иной характер.

К сожалению, эти два существенно отличающихся друг от друга понимания спортивной политики обычно не учитываются при введении и использовании понятия «спортивная политика».

Существуют два варианта избежать такой ошибки:

1) понимать спортивную политику только в первом из указанных выше смыслов, т.е. связывать ее с деятельностью только политических сил и с решением только политических задач в сфере спорта;

2) такой вариант истолкования спортивной политики называть пониманием ее в *узком и строгом смысле слова*, отличая от другого ее истолкования, когда она понимается в *более широком* (указанном выше) плане.

Ниже в тексте используется второй вариант.

Такова самая общая характеристика спортивной политики. В связи с введением данного понятия нуждается в уточнении и сама формулировка обсуждаемой проблемы. Она выступает не как вопрос «спорт и политика», а как «политика в спорте и *по отношению к спорту*». При этом особо важное значение приобретает вопрос о том, какой должна быть эта политика, какими должны быть ее содержание, основные направления, цели, задачи, средства и методы [ср.: Güldenpfennig, 1981, s. 22].

Кроме того, для более конкретной, полной, всесторонней, системной характеристики спортивной политики, с нашей точки зрения, должны быть также охарактеризованы:

- *уровни* спортивной политики;
- *субъекты* спортивной политики (какие социальные силы принимают участие в ее разработке и реализации);
- *мотивы* их участия в спортивной политике, а также *содержание, ориентация, основные направления, цели, задачи, средства и методы* этой их деятельности;
- специфическое содержание и связанные с ним особые формы, средства и методы спортивной политики в *различных областях жизни общества*, а также применительно к *разным социальным группам* населения;
- особенности спортивной политики на *различных этапах развития* спорта и общества;
- особенности современной спортивной политики *различных стран*;
- особенности спортивной политики по отношению к различным видам спорта и его разновидностям (например, к спорту для всех и спорту высших достижений), к социальным движениям, связанным со спортом (например, к олимпийскому движению) и т.д.

В трактовке *содержания, основных направлений, целей, задач, средств и методов* спортивной политики, их *ориентации* прежде всего важно учитывать, что, как было отмечено выше, связанные со спортом основные направления деятельности («политики»), ее цели, задачи, средства, технология («механизм») их использования и т.д. (а значит, и сама спортивная политика) могут *носить политический характер*, если они ориентированы на использование спорта в политических целях, а могут *не иметь политической направленности* (например, они могут иметь культурную ориентацию).

Кроме того, спортивная политика может иметь различную направленность и с точки зрения ее гуманистической или какой-то иной ориентации. Если в основе спортивной политики лежит ориентация на идеи и идеалы, принципы гуманистической педагогики, демократические ценности общества, она органично включается в число важных направлений гуманистически ориентированной *социальной политики*.

Основные положения спортивной политики как элемента социальной политики яв-

ляются предметом острых споров и дискуссий.

К числу наиболее дискуссионных относится вопрос о приоритете в спортивной политике спорта высших достижений или спорта для всех, а также тех целей и задач, на которые ориентируется их развитие. В этом плане важно отметить все усиливающееся в настоящее время беспокойство многих ученых и общественных деятелей относительно стремительного развития профессионально-коммерческого спорта, отодвигающего на второй план спорт для всех, а также ослабление социально-педагогических и культурных основ спорта в целом, девальвация в этой сфере духовно-нравственных ценностей.

С учетом этой ситуации чаще всего высказывается мнение о том, что основными ориентирами спортивной политики должны быть: никаких манипуляций спортсменами для достижения политических целей; усиление значения спорта в воспитании детей и молодежи; всемерная поддержка «спорта для всех».

Важную роль в практической реализации такой спортивной политики играет *Совет Европы* – старейшая и крупнейшая из европейских межправительственных организаций. Она была образована в 1949 г. десятью государствами. Ее состав уже к началу XXI в. насчитывал 42 государства-члена. Если НАТО занимается военными вопросами, а Европейский союз – вопросами экономики, то Совет Европы в основном специализируется на проблемах прав человека.

Группа планирования Совета Европы, собравшаяся в 1968 г. для конкретизации идеи «спорта для всех», так сформулировала главную цель этого спорта: «создание условий – мужчинам и женщинам, представителям всех возрастных групп – для поддержания физического и психического уровня развития, необходимого для жизни, а также защита человечества от вырождения». На I-й конференции министров спорта европейских государств в Брюсселе в 1975 г. был принят документ под названием «Европейская хартия по спорту для всех», который создал «основу для правительственной политики в сфере спорта» [Спортивная хартия Европы, 1996, с. 14]. В Хартии были сформулированы основные «принципы политики спорта для всех». Они гласят: право на участие в спортивной жизни; гуманистическое и социокультурное развитие; сотрудничество официальных лиц и общественников-добровольцев; самозащита спорта от эксплуатации; доступность спортивных сооружений для рекреационных целей; необходимость подготовки квалифицированных кадров на всех уровнях.

Основные принципы спортивной политики были уточнены и детализированы в «Спортивной хартии Европы» и в «политической декларации» по поводу этой новой Хартии, принятые на 7-й конференции министров по спорту европейских стран (Страсбург, 1992 г.) [см.: Спортивная хартия Европы, 1996]. Некоторые направления спортивной политики указываются в таких документах Совета Европы, как Конвенция по борьбе с насилием на стадионах (1985), Антидопинговая конвенция (1989), Кодекс этики в спорте (1992) и др. На одном из совещаний (Лиссабон, 1995 г.) министров спорта европейских стран, которые проводятся в рамках Совета Европы, принята Декларация «Молодые люди и спорт» – важный документ по защите прав детей, подростков и молодежи при занятиях спортом. Во всех указанных документах в качестве приоритетного направления спортивной политики рассматривается спорт для всех и использование спорта в целях физического и духовного оздоровления детей и молодежи, решения других важных социально-педагогических и культурных задач [Европейский манифест... 1996].

Первоначально спорт для всех был задуман как средство понижения порога для участия в большом спорте и как один из элементов складывающегося плюралистического ландшафта спортивной жизни, включающего в себя как спорт высших достижений, так и рекреационный спорт. Но вскоре он стал рассматриваться и как альтернатива высоко стандартизированному и коммерциализированному спорту высших достижений [Рэнсон, 1999]. В спорте для всех, который завоевывает все большую популярность во всех странах среди различных групп населения, как достаточно подробно обосновано во многих научных работах, заключены огромные возможности для позитивного воздействия не только на здоровье, физическое совершенство, но и на духовный мир, на культуру человека – на его мироощущение, эмоции, моральные принципы, эстетические вкусы и т.п. [Виноградов, Гончаров, Жолдак, 2003; Виноградов, Савин, 1999; Sport for All... 1991].

С 1978 г. работает CDDS – Комитет по развитию спорта Совета Европы. В соответствии с Европейской конвенцией о культуре в части, касающейся спорта, этот Комитет призван: стимулировать и обеспечивать координацию спортивной политики в го-

сударствах – членах Совета Европы; проводить по возможности единую европейскую политику по вопросам международного спорта; крепить сотрудничество с правительственными и неправительственными спортивными организациями; готовить и принимать проект программы своей деятельности и обеспечивать ее выполнение с учетом средств Спортивного фонда и, главным образом, субсидий, предоставляемых Комитетом министров, и управлять Спортивным фондом в соответствии с его уставом; готовить конференции министров спорта Европы и обеспечивать выполнение их резолюций; отвечать за выполнение Спортивной хартии Европы и Кодекса спортивной этики.

Комитет по развитию спорта Совета Европы значительное внимание уделяет разработке программ и рекомендаций по этическим и законодательным вопросам в спорте, по борьбе с проявлениями расизма, нетерпимости, с допингом и с бесчинством зрителей на стадионах, по социальной интеграции через спорт с включением в нее пожилых людей и людей с физическими недостатками, детей, женщин, иммигрантов, заключенных, маргиналов и т.д. В 1991 г. комитет разработал программу взаимопомощи стран Центральной и Восточной Европы под названием «СПРИНТ» (спортивная реформа, инновация, подготовка). Реализация данной программы – важнейший элемент деятельности Совета Европы в области спортивного сотрудничества. Сотрудничество по программе «СПРИНТ» началось в 1989 г. с Венгрией и Польшей, в 1990 г. – с Чехословакией, в 1991 г. – с Болгарией, Румынией и СССР, в 1992 г. к программе присоединились Балтийские государства, в 1993 г. – Албания, Хорватия и Словения и в 1994 г. – Белоруссия, Молдавия и Украина. Ключевые темы совместных действий: «Управление», «Роль местных органов власти», «Финансирование», «Допинг», «Инвалиды» и «Информация». По этим темам проводятся парламентские слушания, многосторонние семинары, мобильные семинары, курсы. Комитет по развитию спорта выделяет на эту программу более половины всех своих ресурсов.

Помимо Совета Европы концепцию развития спорта для всех поддерживают и в той или иной мере стремятся реализовать и многие другие общественные и необщественные организации и течения, в том числе МОК, ЮНЕСКО, Международная федерация физического воспитания (СИЕПС), Международный совет по здоровью, физическому воспитанию, рекреации, спорту и танцам (ICHPER-SD), Международная ассоциация Спорт для всех (TAFISA) и др.е [Виноградов, Гончаров, Жолдак, 2003; Виноградов, Дивина, Жолдак, 1997; Кыласов, 2010 а].

При характеристике *субъектов* спортивной политики следует учитывать, что таковыми являются (по крайней мере могут быть), как было отмечено выше, и политические, и неполитические организации.

Важным является и вопрос о том, *какие именно* политические силы являются субъектами спортивной политики. Весьма сложной в этом плане является проблема *«государство и спорт»*.

В теоретическом плане прежде всего можно выделить *две модели отношения государства к спорту*. Одна из них основана на принципе *«невмешательства»*, а другая – на принципе *«вмешательства»* государства в сферу спорта.

По данной проблеме велись и ведутся многочисленные дискуссии. Так, например, участниками II Европейской спортивной конференции, состоявшейся весной 1975 г. в Дрездене, высказывались два противоположных мнения. Согласно одному из них, спорт должен по возможности держаться в стороне от государства; согласно другому, спорт должен стремиться к более тесной связи с государством [Шульке, 1976].

На практике в течение длительного время спорт был сферой, к которой государство не проявляло особого интереса. Господствовала точка зрения, согласно которой спорт – частное дело, он является личным делом каждого и должен оставаться таковым. Это послужило основой для мнения о том, что государство вообще не должно вмешиваться в дела спорта. Негативную роль в вопросе взаимоотношений государства и спорта играла и продолжает играть запись в Олимпийской хартии об автономии и независимом характере деятельности НОК. Именно эта запись нередко служит основанием для широко распространенного мнения о «спорте вне политики» и о «независимости спорта от государства».

Такая позиция характерна для некоторых стран и в настоящее время. В государствах, где ориентируются на принцип «невмешательства», спортивная активность хотя и считается социально значимой, но тем не менее она рассматривается как выражение свободной и автономной инициативы самих граждан страны, т.е. стимулирование и развитие спорта



относятся к компетенции спортивного движения. Ярким примером этой модели являются США, которые не оказывают спорту прямой финансовой поддержки со стороны федерального правительства.

Для большинства стран ситуация существенно изменилась в XX столетии, особенно в 70–80-е гг., когда спорт, как отмечено выше, стал неотъемлемой составной частью жизни современного общества.

Спорт превратился в социальный институт, имеющий важное значение для улучшения здоровья нации, снижения риска заболеваемости, уменьшения социальной напряженности в обществе, поднятия международного престижа страны и т.д. Как заявил в 1974 г. Дж. Форд, «для любой страны, независимо от национального характера и уровня образованности общества, немного существует более важных факторов роста и благосостояния, чем соревновательный спорт» [цит. по: Гуськов, 1996 а, с. 7].

Все более очевидным стал и тот факт, что «потребности прогрессивного развития физического воспитания и спорта намного превышают возможности общественных спортивных организаций и делают необходимым участие специализированного государственного органа... Без помощи современного государства, без помощи правительства невозможна никакая сколько-нибудь серьезная спортивная деятельность». Как может, например, общественная, самостоятельная спортивная организация осуществить огромные финансовые расходы, необходимые для развития массового спорта, который не приносит больших доходов? Может ли какая бы то ни было спортивная организация без помощи государства подготовить тысячи специалистов с высшим и средним образованием? Какая спортивная организация способна построить и оборудовать тысячи стадионов, спортивных залов, плавательных бассейнов и других спортивных сооружений? [Солаков, 1977, с. 30–31]. Это осознал еще Кубертен, формулируя цели и задачи олимпийского движения. «Главная цель олимпийского движения, – писал он, – состоит в том, чтобы с помощью элиты привлечь интерес общественного мнения народов и правительств; чтобы побудить их предоставить необходимые средства и возможности для участия всего населения в спортивной деятельности» [Цит. по: Солаков, 1977, с. 31].

В этой ситуации все в большей степени стало складываться мнение о том, что спорт как важное социальное явление не может оставаться вне сферы интересов и деятельности государства. «Правительства большинства стран Европы признали социальный аспект спорта и сочли своим долгом принять участие в его развитии» – отмечает президент НОК Бельгии Р. Молле [Цит. по: Гуськов, 1996а, с. 157]. В 1998 г. перед заключительным туром президентских выборов кандидаты в президенты Франции Ф. Миттеран и Ж. Ширак в интервью газете «Экип» затронули вопрос об отношении спорта и государства. Ж. Ширак отметил, что он является противником огосударствления спорта, а вместе с тем указал на необходимость сотрудничества между государством и спортивным движением, так как у них общие цели. По мнению Ф. Миттерана, спортивная деятельность должна стать одним из ключевых элементов государственной политики [Гуськов, 1996 а, с. 7].

Начиная с середины 80-х гг. руководители международных спортивных организаций, включая и МОК, начали признавать необходимость тесных контактов НОК с правительствами своих стран. Бывший президент МОК лорд Килланин в интервью французской газете сказал: «Мой предшественник Эвери Брендедж отказывался вести переговоры с правительствами. Он хотел соприкасаться только с представителями спортивного движения. Такая позиция сегодня уже неосуществима. Ведь правительства все больше и больше интересуются спортом высших достижений, и поэтому необходимо начать с ними диалог и попытаться склонить их на нашу сторону, иначе они перестанут принимать во внимание мнение МОКа, хранителя олимпийской доктрины и «владельца» Олимпийских игр» [см.: «Информационный вестник», № 1, 1976, с. 5]. А вот мнение по данному вопросу президента международной федерации футбола Ж. Авеланжа: «Слишком за многие важные факторы несет непосредственную ответственность государство. Ни одна международная спортивная федерация, какой бы мощной она ни была, не в состоянии осуществить задачи, лежащие на плечи государства» [Цит. по: Гуськов, 1996 а, с. 157].

В указанный период меняется и отношение МОК к проблеме «государство и спорт». «Ничто не может заменить роль, которую каждое правительство играет в области строительства спортсооружений, физического воспитания и подготовки кадров. Еще раз хочу особо подчеркнуть, как важно, чтобы каждый из вас поддерживал тесные контакты с правительствами ваших стран и чтобы правительства, со своей стороны, признавали нашу

независимость», – отмечал в своей речи на открытии Генеральной ассамблеи НОКов в апреле 1986 г. в Сеуле президент МОК Х.А. Самаранч [Цит. по: Гуськов, 1996 а, с. 157–158].

Особо следует подчеркнуть, что речь идет не только о том, что государство должно проявлять определенный интерес к спортивной сфере жизни общества. Эта сфера занимает все более важное место в социальной системе, поскольку спорт способен выполнять комплекс разнообразных социокультурных, педагогических, экономических, политических функций. Поэтому, учитывая значение спорта для решения таких важнейших вопросов социальной политики, как здоровье населения, воспитание детей и молодежи, профилактика их девиантного поведения, социальная интеграция лиц с ограниченными возможностями и др., спортивная политика должна оцениваться как *приоритетное* направление социальной политики государства [Рожков, 2000, 2001, 2002].

Конкретные мотивы вовлечения государства в дела спорта довольно разнообразны и зависят от множества факторов – таких, например, как тип государства, его исторические традиции, политические и социально-экономические условия, система общественных и культурных ценностей, демографические и образовательные характеристики, проповедующая религия и т.д. Например, вовлечение американского правительства в спорт, начиная с 1950-х гг., по мнению американских социологов, диктовалось в основном двумя причинами: низкой физической подготовленностью молодежи и необходимостью укрепления национального престижа путем более лучшего выступления спортсменов на международной арене. У правительства СССР таких основных причин было три: доказать превосходство социалистической системы, повышение производительности труда и укрепление обороноспособности страны. Многие советские исследователи, анализируя функции вовлечения западных правительств, и прежде всего США, в спорт, всегда называли еще и функцию отвлечения населения от реальных проблем общества. Бесспорно, что эта важная функция была характерна не только для бывшего СССР, но и для правительств всех стран [Гуськов, 1996 а, с. 11]. Факты свидетельствуют и о том, что многие правительства использовали и продолжают использовать спорт как средство формирования у молодого поколения определенного политического мировоззрения. Ювенты в Римской империи, движение «Сокол» в Чехословакии, турнирство в Германии XIX в., деятельность молодежных групп в нацистской Германии, в Италии, развитие спорта в бывшем СССР и КНР в нынешнем столетии служат тому подтверждением.

Французский социолог Дж. Мейно в работе «Спорт и политика» выявил три главных причины вмешательства государства в дела спорта: забота о поддержании общественного порядка, забота о здоровье населения и забота об утверждении национального престижа [Meunaud, 1966].

М. Дарвин Семотюк в статье «О роли правительств в развитии физической культуры и спорта» показывает, что те задачи, которые применительно к спорту может ставить государство, более разнообразны. К их числу он относит: обеспечение потребностей индивида, поддержание здоровья и хорошего самочувствия, развитие личности; социализация личности, адаптация человека к принятым в данное обществе социальным нормам и моделям; повышение производительности труда; воспитание в духе определенной политической идеологии; подготовка людей к защите отечества; извлечение прибыли; совершенствование законодательства; укрепление национального престижа; развитие международного сотрудничества и взаимопонимания [Семотюк, 1985, с. 39–44].

С.И. Гуськов на основе изучения литературы, относящейся к изучению истории обсуждаемого вопроса, и официальных документов выделяет следующие мотивы, стоящие за правительственной поддержкой спорта:

- функция обеспечения потребностей индивидуума (поддержка здоровья нации);
- функция укрепления национального престижа;
- социализирующая функция (поддержания общественного порядка);
- экономическая и трудовая функция;
- законодательная функция (поддержка общественного порядка законодательным путем);
- функция улучшения международных отношений;
- военная функция (защита отечества);
- функция политического воспитания в духе господствующей идеологии [Гуськов, 1996 а, с. 10].

*Объектом* государственной спортивной политики является спорт как социальный институт. Эта политика осуществляется с помощью специально организованной системы деятельности на основе правового регулирования отношений спортивного движения и государства\*. Она должна иметь системный, комплексный характер, охватывать основные сферы функционирования спорта в обществе. Государство должно соблюдать суверенитет спортивного движения и создавать условия для наиболее полной реализации его целей, задач, а также прав участников этого движения. В январе 1978 г. в Тунисе состоялось заседание трехсторонней комиссии МОК, НОКов и международных спортивных федераций. На этом заседании представитель Туниса Мохаммед Мзали очертил границы, соблюдение которых, по его мнению, обязательно для успешного партнерства спорта и государства: политические силы должны обеспечить возможности для массовой спортивной деятельности; они должны содействовать развитию спорта во всех звеньях системы образования; они должны оказывать помощь спортивной организации, если она не располагает достаточными собственными средствами для выполнения той или иной задачи. Государство не имеет права вмешиваться в дела спортивной организации (вносить изменения в систему соревнований или в статус спортивных обществ). Необходимо сохранять в неприкосновенности принцип добровольности и принцип участия в работе на общественных началах как гарантию прогресса [Леванова, 1980, с. 41].

Такая спортивная политика выводит спорт и государство на принципиально новый уровень отношений: 1) спорту предоставляется качественно новый статус, реальные права, государственные гарантии, необходимые для его развития; 2) спортивная политика осуществляется с помощью специально организованной системы деятельности на основе правового и программного регулирования отношений спорта и государства; 3) спортивная политика приобретает системный, комплексный характер, охватывая основные сферы функционирования спорта в обществе; 4) государство создает условия для повышения социального статуса работников сферы спорта, укрепляет роль спорта как субъекта социальных отношений... При этом государство не должно быть монополистом в области спортивной политики. Оно должно учитывать права, ответственность, условия деятельности и других субъектов этой политики, в том числе общественных и благотворительных организаций, коммерческих структур. Оно призвано стимулировать их деятельность [Исаев, 2002, с. 14, 379].

Диапазон принятых в современном мире подходов государства к спортивной политике достаточно широк [см.: О государственной политике... 1996]. В этом отношении, как отмечает А.А. Исаев, можно выделить три группы государств: 1) принявшие широкий подход в области спортивной политики, ориентированный в целом на укрепление спорта как социального института; 2) выделяющие в своей политике отдельные аспекты жизнедеятельности спорта; 3) вообще не сформулировавшие политики в отношении спорта [Исаев, 2002, с. 372–373].

В рамках государственной спортивной политики важная роль принадлежит *местным органам власти*, т.е. муниципальной спортивной политике [Митусова, Передельский, 2010; Передельский, 2008; Соколов, 1998 а, б]. В разных странах эта проблема решается по-разному [Гуськов, 1996 а, с. 111–124].

Иногда из всех политических сил к числу субъектов спортивной политики относят только *государство* и его органы. Как отмечает А.А. Исаев, в отечественной литературе при характеристике спортивной политики чаще всего ее идентифицируют с понятием «государственная политика в области физического воспитания и спорта» [Исаев, 2002, с. 359–360]. Он и сам придерживается такого же понимания спортивной политики и ее субъектов. «Спортивная политика, — пишет он, — определяется нами как самостоятельное направление социальной политики, система комплексной деятельности государства». По его мнению, не может быть «негосударственной спортивной политики»; спортивная политика — это «составная часть политики государства, направленная на сохранение или изменение отношений индивидов, социальных групп и социальных классов к условиям их жизни и делающая их идентичными... спортивная политика есть прерогатива государства, его атрибут, функция» [Исаев, 2002, с. 14, 361].

Такое понимание спортивной политики, когда спорт рассматривается как сфера

---

\* Проблемы развития законодательной базы в области спорта анализируются в работах Р.Г. Гостева, С.И. Гуськова, П.А. Виноградова, В.В. Кузина, П.А. Рожкова, Т.В. Холщевниковой и др.

(объект, поле) деятельности лишь одного субъекта политики – государства, представляется нам неоправданно узким. Как отмечалось выше, интерес к спорту, стремление использовать его для решения определенных политических задач, а также содействовать выполнению им социокультурных функций проявляет не только государство, но и все другие субъекты политики – политические партии, классы, общественно-политические организации и т.д. Ведь и сам А.А. Исаев отмечает, что «в качестве субъекта спортивной политики выступают также профсоюзные, детские, молодежные и иные общественные организации, включая политические партии и общественные движения» [Исаев, 2002, с. 375].

Поэтому при характеристике спортивной политики применительно к той или иной стране в определенных конкретно-исторических условиях важное внимание должно быть уделено участию в разработке и реализации спортивной политики не только государства, но и других политических сил, в первую очередь *политических партий*. Последние способны и действительно оказывают существенное влияние на все аспекты спортивной политики. Ведь их представители присутствуют на всех уровнях политической власти (федеральном, местном и т.д.) и потому принимают участие в принятии решений по всем вопросам спортивной политики – будь то вопросы государственной поддержки спортивного движения или разработка планов, одобрение соответствующих мероприятий, оказание помощи спортивным организациям в их работе и т.д.

Различные *политические* организации – государство, партии, социально-политические объединения, союзы и т.д. – стремятся направить деятельность сферы спорта в нужное политическое русло, соответствующее своим интересам, идеологии, повлиять на технические, экономические, образовательные, культурные и прочие цели и программы, исходя из своих политических целей и программ.

Существенное влияние политических партий на спортивную политику облегчается и тем, что в ряде стран (в частности, в Германии и США) партийные политики становятся руководящими спортивными деятелями и даже министрами спорта (как это было, например, во Франции и СССР).

Для многих политических партий и общественно-политических организаций спортивная политика является важным элементом их общей политической деятельности. Об этом можно судить по тому, что в программу своей деятельности они включают характеристику основных направлений, целей и задач своей спортивной политики. Существует ряд публикаций, позволяющих судить о сходстве и различии в подходе к основным вопросам спортивной политики различных политических партий в таких странах, как Германия, Франция, США, Канада и др. [см., например: Жолифф, 1979; Кёнен, 1981; Млодзиковский, 1978; Позиции политических партий Франции... 1978; Brohm, 1976 а, с; Politik und Sport in Geschichte, 1980; Sportpolitische Konzeptionen der Parteien, 1974]. К сожалению, отсутствует информация о программных заявлениях *российских партий и движений* о политике в области физической культуры и спорта. Об этом писал С.И. Гуськов в 1999 г. [Гуськов, 1999, с. 52], и с тех пор ситуация не изменилась.

В реализации (а иногда и в разработке) целей и задач политики в сфере спорта, как правило, активное участие принимают и различные *неполитические организации* – прежде всего спортивные организации, фирмы и другие коммерческие организации, общеобразовательные учреждения и др.

Важную роль в разработке и реализации основных направлений, целей и задач спортивной политики призваны играть также *профсоюзы* – и не только с точки зрения создания оптимальной и гуманной ситуации в сфере трудовой деятельности спортсменов-профессионалов, но и в плане роли спорта в разумной и гуманистически ориентированной организации досуга [Strittmatter, 1984].

*Средства массовой информации* способны оказывать и оказывают существенное влияние на формирование и развитие общественного мнения по основным направлениям, целям и задачам спортивной политики. Особенно важную роль в этом плане играет *телевидение* [Гуськов, Хуссам, 1998].

В последние годы все большую активность в сфере спортивной политики проявляет *церковь* [Кулинкович, 1981; Тумаларьян, 2003; Щеулов, Кайтмазова, 1965; Enz, 1977; Rösch, 1979; Strittmatter, 1984]. Исходя из своих целей, задач и возможностей, она предлагает спортивные программы, главным образом по работе с детьми и молодежью, а вместе с тем все больше обращаясь к людям взрослого и пожилого возраста. Так, в одном из документов евангелической церкви Германии по этому поводу говорится: «Спортивная дея-

тельность может быть средством достижения равноценности тела и духа, соответствующей библейско-христианскому пониманию человека.... Библейское назначение человека быть преданным земле относится в равной степени как к телесным, так и к духовным достижениям человека. Оно касается не только формирования окружающего человека мира, но и способности человека испытывать и использовать свои собственные духовные и физические возможности, а также управлять ими. Ныне это относится также и к области игры. Евангелическое предвозвещение искупления как свободной милости бога в отношении человека освобождает его от необходимости достигать искупления за счет собственных усилий. По этой причине жизнь человека не должна ограничиваться только трудовой деятельностью, она может осуществляться и в игре. Там, где человек реализует свое бытие в широком горизонте дарованной ему жизни, для него приобретают значение доброго божественного дара наряду с необходимыми трудами и заботами о жизни также празднество, радость и игра» [Цит. по: Strittmatter, 1984, s. 226].

Важную роль в разработке и реализации спортивной политики играют *международные организации*. В их числе упомянутый выше Совет Европы, МОК, ЮНЕСКО, Международная федерация физического воспитания (СИЕПС), Международный совет по здоровью, физическому воспитанию, рекреации, спорту и танцам (ICHPER-SD), Международная ассоциация Спорт для всех (TAFISA) и др. [Виноградов, Гончаров, Жолдак, 2003; Виноградов, Дивина, Жолдак, 1997; Кыласов, 2010].

Мотивы вовлечения государства и других субъектов политики в дела спорта, формы, методы и средства этого вовлечения могут в чем-то различаться, а могут и совпадать между собой. Вот что пишет об этом немецкий журналист М. Херман: «Нетрудно выделить основные общественные институты, которые оказывают воздействие на развитие и структуру спорта высших достижений. Это государство, спортивные федерации и бизнес. Государство мотивирует свое участие в делах спорта его социальной значимостью. Федерации – необходимостью представлять и защищать интересы спортсменов, бизнес – возможностью получения прибыли на новом рынке, которым стала всеобщая потребность в двигательной деятельности. Что касается спорта высших достижений, то здесь все эти три общественных института действуют заодно» [Цит. по: Гуськов, 1996 а, с. 12].

Несовпадение целей и задач государства и других субъектов спортивной политики может приводить к острым противоречиям, конфликтам, проблемам. Примером может служить вопрос о взаимоотношении государства и Национальных олимпийских комитетов [о данной проблеме и путях ее решения в разных странах см.: Гуськов, 1996 а, с. 125–136].

В различных странах по-разному решается проблема сочетания и соединения в рамках спортивной политики усилий государства, а также различных общественных и частных организаций, учреждений, институтов. Конкретное решение этой проблемы во многом зависит от концепции роли государства в жизнедеятельности общества [Виноградов, Гончаров, Жолдак, 2003, с. 66–110; Гуськов, 1996а, с. 29–34; Исаев, 2002, с. 286–290].

В ряде стран (Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Япония и др.) за государством закрепляется исключительная роль в оказании спорту материальной поддержки, необходимой для развития спорта, помогая спортивному движению функционировать автономно. В некоторых странах (например, во Франции, Италии, Бельгии и Люксембурге) национальный олимпийский комитет является, помимо того, ассоциацией национальных спортивных федераций (как по олимпийским, так и по другим видам спорта). В других странах (в Великобритании, Испании и Португалии) национальные спортивные федерации по видам спорта являются вершиной спортивного движения из-за отсутствия в этих странах конфедерации и ввиду того, что связь с НОК олимпийских федераций ограничивается лишь их участием в Олимпийских играх.

Модель «вмешательства» государства в спортивную сферу в разных странах осуществляется по-разному на центральном и периферийном уровнях. На *центральной* уровне ответственность за спорт может быть поручена специальным министерствам по спорту, советам или комитетам с функциями, сходными функциям министерств, или различным министерствам, курирующим спорт в разных аспектах. Так, в 14 европейских странах функционируют спортивные министерства, комитеты или управления. В Испании Высший совет по спорту имеет функции, сходные с функциями министерства в рамках ответственности государства в сфере спорта. В других странах (Бельгии, Греции, Португалии, Норвегии, Финляндии, Эстонии, Литве, Латвии) спорт находится под контролем ми-

нистерств по образованию, культуре или других министерств, в которых существует специальный отдел, выполняющий функции правительственного органа в этой сфере. На *периферийном* уровне структуры, отвечающие за спорт, варьируются в соответствии с типом децентрализации, проводимой государством. В отдельных странах можно обнаружить самые разные системы.

Задачи и программы по спорту государственные органы, отвечающие за спорт, согласовывают со спортивными организациями. Такое партнерство между государством и спортивным движением приводит на практике к формированию общего курса национальной спортивной политики, разрабатываемого с помощью специально созданных органов, в которых имеются представители властей и руководители спортивных организаций. Это, например, высшие советы по спорту в Великобритании и Испании, комиссии по спорту в Австралии и Бельгии и т.д.

В странах, где государство не вмешивается в дела спорта, оно все же выдвигает свои инициативы в целях оказания поддержки деятельности спортивных клубов, федераций и в целом спортивного движения. На практике эти инициативы выражаются в виде финансовой помощи (для создания организационных структур и проведения спортивной работы) и в виде создания инфраструктур и служб (строительство спортивных сооружений, обучение кадров, проведение научных исследований, информационной деятельности) или в виде обоих видов поддержки.

Указанные две модели спортивного регулирования (государственная и негосударственная) имеют ряд общих принципов: в частности, спортивные ассоциации (федерации) и клубы считаются основой для развития спорта, признается структурная автономия спортивного движения и т.д.

Таким образом, в большинстве стран ответственность за развитие физического воспитания и спорта несут государственные органы. К таким странам относятся, например, Австрия, Великобритания, Испания, Италия, Кипр, Финляндия, Франция и др. К ним относится и подавляющее большинство развивающихся государств, стран Восточной Европы и бывшего СССР. В других странах, где нет министерств по спорту, часто за его развитие отвечают другие государственные органы (в ФРГ и Швейцарии – министерство внутренних дел, в Швеции – министерство финансов, в Японии – министерство образования, науки и культуры и т.д.).

Заслуживает внимания и вопрос о том, *когда оправданно вмешательство государства в спортивную область*. Экономисты считают, что, например, в условиях рыночной экономики такое вмешательство необходимо в основном только при наличии «банкротства рынка», т.е. когда рынок оказывается неспособным обеспечить снабжение определенными товарами или услугами. При этом возможны два случая.

*Первый* – когда удовлетворение спроса вне государственного сектора невозможно (например, предложение товара в виде парков и других общественных мест на лоне природы, которые дают возможность людям посвящать свое время рекреационной деятельности, в том числе занятиям физкультурой и спортом).

*Второй* случай – когда вмешательство государства позволяет дополнить и скорректировать услуги рынка (например, спортивные сооружения чаще всего являются негосударственным имуществом и государственное финансирование – хотя бы частичное – дает возможность всем слоям общества принять участие в занятиях физкультурой и спортом). При этом степень государственного вмешательства в экономику неодинакова в разных странах с рыночным хозяйством. Так, в Норвегии, Германии и Голландии государство намного активнее влияет на экономические процессы, чем, например, в США. Государства с «сильной государственной рукой» считают, что, несмотря на все свои саморегулирующие функции, рынок не может быть полностью эффективным, так как все-таки не обеспечиваются услугами те члены общества, которые слишком бедны, чтобы оплачивать предоставляемые на рынке услуги (именно здесь должна проявляться озабоченность государства последствиями неравенства доходов). Ни один человек, невзирая на свой доход, не должен лишаться возможности получения минимального стандарта (уровня) физкультурно-спортивных услуг [Аристова, 1999, с. 5, 6].

Важным принципом, определяющим направления государственной спортивной политики во многих странах, является *принцип субсидиарности* (от латинского «*субсидиум*» – помощь, поддержка).

Этот принцип, ориентированный на защиту достоинства и свободы человеческой

личности, действует во многих отраслях общественной и политической деятельности. Он рекомендует определенный характер (стиль) взаимоотношения общества и его составляющих (социальных групп, организаций, отдельных индивидов), а именно:

- общество должно предоставить на усмотрение социальных групп, организаций, отдельных индивидов те дела, с которыми те могут справиться самостоятельно;
- если личность, социальная группа, союз или объединение не в состоянии собственными силами решить возникающие перед ними проблемы, трудности, общество обязано оказать им в этом плане помощь.

Таким образом, самостоятельность социальных групп, организаций, отдельных индивидов не должна ни подменяться, ни отменяться. Принцип субсидиарности оправдал себя и в сфере спорта, хотя в конкретной реализации здесь этого принципа возникают существенные трудности (иногда достаточно сложно разграничить случаи, когда помощь спортивным организациям нужна и когда она как бы навязывается). В соответствии с этим принципом признается, что спорт должен быть относительно самостоятелен и независим, но вместе с тем в определенных аспектах, вопросах он должен получать помощь и поддержку со стороны государства. Так, например, государственные дотации в первую очередь должны быть предназначены для строительства спортивных сооружений, для усиление социальной роли спорта, для спорта для инвалидов, для оплаты труда тренеров и преподавателей физического воспитания и т.д. Но они не должны идти на развитие профессионального спорта, на поддержку тех или иных частных спортивных фирм и т.п.

Важно учитывать *формы вовлечения* государства в спортивную жизнь общества, их участия в спортивной политике. Они различны в разных странах и зависят прежде всего от тех целей, которые ставит перед спортом общество и правительство. Но, как показывает анализ, эти формы не отличаются особым многообразием. Применительно к современному этапу можно выделить две основные формы вовлечения государства в дела спорта.

Первая форма – принятие законодательных актов и осуществление спортивных реформ. В 70–90-е гг. многие страны – Швейцария (1972), Греция (1975), США (1978), Финляндия (1980), Франция (1975, 1984, 1992), Италия (1984), Испания (1988, 1990) и др. приняли законы о спорте. Эти законы имеют большое значение: во-первых, это рассматривается как официальное признание государством значения и роли спорта для общества и, во-вторых, государство гарантирует всем гражданам право на занятия спортом; общественные организации следят за тем, чтобы это право претворялось в жизнь. Известны две основные *модели спортивного законодательства*: «интервент» и «неинтервент». «*Интервент*» – модель законодательства, «которая содержит определенное законодательство относительно структуры и мандата существенной части спортивного движения». Все другие спортивные модели законодательства выступают как «неинтервентные». Страны в северных и западных частях Европы в основном используют модель законодательства спорта «неинтервента», а страны на востоке и на юге Европы – модель законодательства спорта «интервента» [сравнительный анализ законодательств 19 европейских стран в области физической культуры и спорта см.: Исаев, 2002, с. 291–292].

Вторая форма государственной спортивной политики – участие правительства и местных органов власти в развитии и финансировании спорта, строительстве и содержании спортивных сооружений, оздоровительных центров, спортивных клубов, подготовке спортсменов высокого класса и их социальной защите, подготовке кадров спортивных специалистов, осуществлении научно-исследовательской и информационной деятельности, организации массовых спортивно-оздоровительных движений, проведении в национальном масштабе спортивных просветительских и пропагандистских кампаний [анализ форм участия государства в делах спорта см.: Гуськов, 1996 а, с. 13–110; Исаев, 2002, с. 288–314].

Что касается *финансирования* спорта, то в мире существуют две модели решения этой проблемы – американская и европейская, к которой также тяготеют многие азиатские и латиноамериканские страны.

Для первой характерно отсутствие прямой финансовой поддержки спорта из федерального бюджета и отдание большого спорта, не говоря уже о профессиональном спорте, на откуп частному сектору, наличие огромного количества налоговых льгот.

Для второй характерно смешанное финансирование с преобладанием в ряде стран средств из государственного бюджета. Общим для обеих моделей является значительное участие в финансировании спортивного движения местных органов власти [анализ про-

блемы финансирования спорта и различных форм участия правительств зарубежных стран в этом процессе см.: Гуськов, 1996 а, с. 72–110; Кыласов, 2010, с. 220–222].

Важная роль в разработке и реализации спортивной политики принадлежит, разумеется, и самим *спортивным организациям*. По своей организационной структуре они также очень схожи в различных странах мира. Их организационная структура, как правило, имеет форму пирамиды, в основании которой спортивно-оздоровительные клубы, входящие в различные ассоциации и федерации, которые в свою очередь, входят в национальный спортивный или олимпийский комитеты. В ряде стран – например, во Франции, в Дании, Нидерландах и Норвегии – эти комитеты объединены.

Обычно в тех странах, где имеется министерство, создаются центральные спортивные комитеты или советы (Великобритания, Франция и т.д.), функции которых заключаются в том, чтобы обеспечить взаимодействие всех спортивных ведомств и организаций – от клуба до министерства – в разработке и реализации всех аспектов и направлений спортивной политики [анализ организации и управления спортивным движением в различных странах мира см.: Виноградов, Гончаров, Жолдак, 2003, с. 66–110; Гуськов, 1996 а, с. 34–71].

Существенную роль в разработке и реализации спортивной политики играют международные неправительственные спортивные организации: Международный совет физического воспитания и спорта (СИЕПС), созданный в 1958 г., Генеральная ассоциация Международных спортивных федераций (ГАИСФ, 1967 г.), Генеральная ассамблея национальных олимпийских комитетов (ГА НОК, 1968 г.) и одно из старейших международных спортивных объединений – Международная ассоциация спортивной прессы (АИПС, 1924 г.).

Особенно важными являются вопросы об *основных направлениях* спортивной политики ее различных субъектов, о тех *целях и задачах*, которые они ставят и пытаются решить на разных уровнях этой политики, а также о тех *средствах и методах*, которые при этом используют.

При обсуждении этих вопросов важно иметь в виду, что деятельность субъектов политики по отношению к тем или иным сферам общественной жизни, в том числе и к спорту, может носить не только *политический*, но и *неполитический* характер, т.е. она может быть не связанной с властью, политическими целями и задачами и т.д. Поэтому, когда речь идет о спортивной политике в узком и непосредственном смысле – как о связанной со спортом деятельности («политике») государства, политических партий, классов и т.д., а также отдельных политиков, то в этой деятельности нужно различать два аспекта: во-первых, ее *политические* цели: стремление использовать спорт для решения каких-то политических задач (например, для укрепления своих позиций, для прихода к власти и т.д.) и, во-вторых, *неполитические* цели данной деятельности (политики): стремление содействовать полноценной и эффективной реализации собственных, непосредственных функций спорта, связанных с ним социокультурных задач и т.п.

Следует учитывать далее «специфическое содержание спортивной политики в различных областях жизни общества: в экономической сфере это учет институциональных интересов спорта в процессе разработки и реализации экономических программ, формирование экономической активности спортивного движения, развитие отрасли спортивной экономики и производства, меры государственной помощи спортивным объединениям в образовательных учреждениях и по месту жительства, стимулирование благотворительности в интересах спорта; в области здравоохранения – активизация роли спорта по охране здоровья граждан, реализация принципов партнерских отношений спортивных организаций и медицинских учреждений, внедрение «спортивного принципа» в здравоохранительных мероприятиях, создание института спортивных врачей; в области образования – обеспечение условий для спортивного воспитания детей, определение стратегии взаимодействия спортивных организаций и школы» [Исаев, 2002, с. 378].

При определении основных направлений, целей и задач спортивной политики в первую очередь, как правило, учитываются культурные, социально-педагогические и другие функции спорта. Так, например, в «Хартии немецкого спорта» принятой 15 октября 1966 г. по этому поводу говорится: «В современном обществе спорт выполняет важные биологические, педагогические и социальные функции. Немецкое гимнастическое и спортивное движение должно постоянно пересматривать значение и задачи спорта и физического воспитания с целью правильного определения их места в области культуры. Спорт и



физическое воспитание укрепляют здоровье каждого отдельного человека и повышают жизненную силу народа, они способствуют развитию личности и являются незаменимыми факторами образования; благодаря многообразию форм упражнения и общения они активно способствуют совместной жизни с другими людьми, обеспечивают возможность разумного и приятного использования возросшего свободного времени. Гимнастическое и спортивное движение считает своей задачей в равной степени содействовать развитию физического воспитания в школе, массового спорта и спорта высокого класса, исходя из современного представления о человеке, давать этим устремлениям новые импульсы, опираясь на новые достижения науки» [Charta... 1982, s. 62].

Поскольку спорт способен выполнять разнообразные социокультурные, педагогические, экономические, политические функции и для их реализации необходимы разнообразные по своему характеру действия, постольку спортивная политика может включать в себя комплекс различных задач и мероприятий: организационные, правовые, социальные, экономические, финансовые, экологические, демографические, идеологические, пропагандистские, социокультурные. В этом смысле она выступает как «комплекс многих политик, взаимосвязанных и взаимообусловленных, где интегрируются социальные, экономические, образовательные, медицинские, культурные, правоохранительные, оборонные, внешнеполитические цели проведения политики государства в отношении спорта» [Исаев, 2002, с. 363].

Значит, необходимо различать чисто спортивные, социальные, экономические, образовательные, медицинские, культурные, правоохранительные, оборонные, внутриполитические, внешнеполитические, молодежные, семейные и другие аспекты спортивной политики и деятельности ее субъектов (в том числе спортивных организаций). Кроме того, при характеристике всех целей, задач и мероприятий – как политических, так и неполитических, которые ставят и пытаются достигнуть (решить, провести) субъекты спортивной политики, важно выяснить их ориентацию (гуманистическую или какую-то иную).

Спортивная политика модифицируется и в различных сферах самого спорта – в том числе применительно к спорту для всех, спорту высших достижений, коммерческому и профессиональному спорту и т.д.

Важным в этом плане является вопрос о спортивной политике в олимпийском движении, которую проводит ее главный орган – МОК. Он создавался как самоизбирающая и саморегулируемая организация, которая до 1981 г. состояла только из лиц мужского пола. Даже в настоящее время в структуру управления МОКа в основном избираются представители западных наций. Руководитель МОКа обычно всегда выбирался из людей, которые обладают профессионализмом, являются представителями знатного рода, богачей или сочетают в себе все эти три критерия. Находясь на вершине олимпийской иерархии, президент МОКа обладает высочайшим влиянием в мире спорта.

Основная задача политики МОК как важного элемента общей спортивной политики в первую очередь, естественно, состоит в том, чтобы всемерно содействовать развитию спорта, спортивных контактов, особенно на международном уровне, отбору и подготовке в разных странах перспективных спортсменов, которые способны выступить на Олимпийских играх и показать там высочайшие достижения, а также укреплению и развитию олимпийского движения. Яркой иллюстрацией такого подхода к основным направлениям политики МОК может служить решение 85-й сессии МОК в 1982 г. в Риме о принятии «Декларации об охране Олимпийских игр», являющейся, по замыслу МОК, проектом резолюции ООН по защите Олимпийских игр как культурного достояния всего человечества. Декларация предусматривала: юридическое признание Олимпийских игр международным сообществом, обеспечение свободного доступа в города – организаторы Игр для спортсменов и официальных лиц, отказ от любых действий, которые противоречат целям и идеалам олимпийского движения. Данная декларация – акт важной политической инициативы, попытка политическими средствами обеспечить нормальное проведение Олимпийских игр и развитие олимпийского движения.

Важным элементом спортивной политики МОК является также, как уже отмечено выше, поощрение дружбы и сотрудничества между спортсменами всех континентов без какой-либо политической, расовой или религиозной дискриминации, борьба за сохранение и укрепление мира, против расизма, национализма, шовинизма, религиозной нетерпимости.

Все эти направления спортивной политики МОК указаны в 11-м правиле Олимпийской хартии (в редакции 1979 г., МОК, Лозанна). Там написано: «Международный олимпийский комитет, основанный в 1894 г. 23 числа июня месяца Парижским конгрессом есть международное объединение, являющееся юридическим лицом. Длительность его существования не ограничивается. Свои цели он видит – и бескорыстно – в следующем: организация и развитие спорта и спортивных состязаний; направление и укрепление спорта в соответствии с олимпийскими идеалами, поощрение и укрепление дружбы между спортсменами всех стран; соблюдение регулярного проведения Олимпийских игр; достойное проведение Олимпийских игр, соответствующее их славной истории и благородным идеалам, которые придали им барон де Кубертен и его сотрудники с самого начала» (немецкий текст проф. д-ра Н. Мюллера, Майнцский университет).

Спортивная политика МОК существенно влияет на характер олимпийского движения, на те цели и задачи, которые оно ставит перед собой, на политический климат самих Олимпийских игр. В ходе выработки основных направлений этой политики и по самым различным связанным с ней вопросам внутри МОК нередко возникают внутренние противоречия. Иллюстрацией этого может служить эпизод с созданием в 1951 г. по предложению представителя СССР и Франции Олимпийской комиссии помощи для продвижения идеалов олимпийского движения в Африку и другие районы мира. Однако энтузиазм советского представителя в МОК Андрианова в отношении этого начинания был воспринят с большим подозрением другими членами МОК, которые увидели в этом стремлении СССР попытку использовать МОК для распространения своего влияния в Африке. На сессии МОК в Баден-Бадене летом 1963 г. олимпийская комиссия помощи была ликвидирована, так и не начав свою деятельность [Espy, 1979, p. 88].

Свою лепту в характер и остроту внутренних противоречий МОК вносит и его состав. Один из историографов Международного олимпийского комитета, западногерманский публицист Карл Адольф Шерер, рисуя портрет МОК, назвал его собранием индивидуальностей, объединенных общей идеей, но разделенных внутренними противоречиями: «История олимпийского движения, а тем самым и Международного олимпийского комитета, является хроникой человеческих страстей и величия. В то же время это скандальная хроника, рапорт о красивых принципах и идеях, представляющие мировой клубок интриг и компромиссов... В движении принимали участие вырождающиеся идеалисты, хладнокровные комбинаторы, бесполезные высокомерные личности и надутые бездельники, фашистские генералы, страстные республиканцы, многодетные отцы и лодыри плей-бои, разносторонние поэты и узкие технократы, взбешенные шовинисты и либеральные космополиты» [Цит. по: Исаев, 1990, с. 26].

В связи с обсуждением вопроса о политике МОК и олимпийского движения в целом особенно важной и дискуссионной является оценка того нового курса этой политики, который провозгласил и практически проводил в жизнь бывший президент МОК Х.А. Самаранч и который проводится и в настоящее время. Наибольшие споры в связи с этим вызывают процессы *коммерциализации* и *профессионализации* спорта в олимпийском спорте и олимпийском движении в целом. Позиция автора по данному вопросу изложена в выше (см. главу 16) \*.

Такова самая общая характеристика спортивной политики.

При более детальном ее анализе следует учитывать:

- различные *уровни* спортивной политики (это может быть международная, государственная, региональная, муниципальная, отраслевая спортивная политика, спортивная политика на предприятии, в организации, учреждении и т.д.) [подробнее см.: Исаев, 2002, с. 383–397];

- специфическое содержание, особые формы и средства в *различных областях жизни общества* особые и применительно к разным *социальным группам* населения, например, по отношению к детям [Исаев, 2002; Столяров, 1998 г; Сысоев, Германов, 2002], к женщинам [Lenskyj, 1986, 2003; Willis, 1982], к лицам с ограниченными возможностями (инвалидам) [Губарева, 2000; Спортивная политика для инвалидов, 2001] и др.

- особенности спортивной политики на *различных этапах развития* спорта и общества [Кербер, 2006; Politik und Sport in Geschichte, 1980; Trenter, 1998];

---

\* Резкую критику этой политики см. также в: Кыласов, 2010; Михайлин, 2006; Посьелло, 2006; Франке, 2006; Lenskyj, 2000, 2002, 2008.

- особенности спортивной политики *различных стран и социально-политических систем* [Башкирова, Дынникова, Жарова и др., 1990; Гуськов, 1996 б, 1999; Змажлик, 1978; Исаев, 2002, с. 294–314; Кейвенаф, 1989; Кёнен, 1981; Кноп, 1993; Кудиненко, Олейник, Родригес, 2000; Кулинкович, 1998; Макинтайр, 1985; Михайлов, 1998, 1999; Михайлов, Быховская, 1997; Мичуда, 2002; Олейник, Ашанин, Кудиненко, Эпштейн, Родригес, 2001, 2002; Рожков, 2000–2002; Спортивная структура и законодательство Швейцарии, 2003; Спорт и политика в Азии, 1975; Спорт и политика в Африке, 1976; Ade, 1982; Böhme, Gadow, Güldenpfennig, Jensen, Pfister, 1974; Brohm, 1976 а, с; Jung, 1974; Kregel, 1974; Olin, 1981; Philosophic... 1995; Politik und Sport in Geschichte, 1980; Seppänen, 1984 а и др.];

- особенности спортивной политики по отношению к различным *видам спорта и его разновидностям* (например, к спорту для всех и спорту высших достижений), а также к *социальным движениям*, связанным со спортом (например, к олимпийскому движению) и т.д.

Все эти вопросы требуют, однако, специального рассмотрения.

По всем указанным выше вопросам, касающимся различных аспектов спортивной политики: относительно понятия спортивной политики, субъектов этой политической деятельности, ее основных направлений, целей, задач, средств и т.д., как правило, ведутся острые проблемы и дискуссии. Во многом это определяется различным пониманием самой политики, места спорта и его основных функций в социальной системе, значимости тех или иных его разновидностей (в первую очередь спорта высших достижений и спорта для всех), роли государства как субъекта спортивной политики и т.д.

Так, в нашей стране в 1920-е гг. предметом острых разногласий был вопрос о том, следует ли при социализме развивать спорт высших достижений. Широкое распространение в это время получили взгляды, согласно которым соревнования ведущих спортсменов и их рекорды рассматривались как пережиток буржуазной культуры, тормозящий развитие физкультуры истинно массовой, пролетарской [см., например: Зикмунд, 1926].

В 1950-е гг. ставилась под сомнение необходимость специализации учреждений физической культуры и спорта, создания спортивных школ. Так, в передовой статье одного из номеров журнала «Теория и практика физической культуры» за 1955 г. опубликовано следующее: «Практика проведения городских соревнований для сборных команд спортивных обществ повлекла за собой организацию так называемых городских центральных секций по большинству видов спорта, заменивших во многих случаях существование спортивных секций в коллективах физкультуры по таким массовым видам спорта, как легкая атлетика, лыжи...» Далее говорится о том, что большинство советов спортивных обществ уделяют основное внимание узкому кругу спортсменов, порождая тем самым кастовость. В связи с этим предлагалось ликвидировать спортивные секции ДСО, а всю спортивно-физкультурную работу организовывать в коллективах физкультуры на предприятиях и т.д. В те же годы под лозунгом. «Основным стимулом для государственного вмешательства является забота об аспектах общественного здоровья» физическую культуру и спорт слили со здравоохранением. С начала 1980-х гг. начались бурные дискуссии о коммерциализации и профессионализации спорта [Аристова, 1999, с. 3–4].

Проявлением связи спорта и политики является и *политическая активность спортсменов*.

### 22.3. Политическая активность спортсменов

Как уже отмечалось выше, спорт перестал быть только активным досугом, источником здоровья, приятным и полезным препровождением времени. В настоящее время он выступает как катализатор многих страстей и идей, в том числе политических. При этом спорт – обоюдоострая сила. С одной стороны, он помогает сближать народы, а вместе с тем – в недобросовестных руках – он способен их и разъединить. Об этом свидетельствует разгул связанных со спортом националистических страстей, горевшие стадионы, упомянутая выше настоящая война двух государств Центральной Америки, которую окрестили «Футбольной».

В связи с этим спортсмен *независимо от своей воли и желания* то и дело из состязателя, игрока, рекордсмена превращается в представителя своего общества в целом или каких-то его кругов, т.е. *приобретает статус политической фигуры, действия которой помимо прочего имеют и политическое значение*. В определенной степени это относится

и к другим субъектам спортивной деятельности – тренерам, организаторам спортивных соревнований, работникам средств массовой информации и даже зрителям.

Но это – лишь одна сторона обсуждаемой проблемы.

Другая сторона той же проблемы – вопрос о **сознательной политической активности** спортсменов, тренеров и других субъектов спортивной деятельности, об их участии в политике, политических акциях.

**Политическое участие граждан** – это действия с целью оказать влияние на властные структуры, политические партии и фракции, на политических лидеров, а также другие формы политической деятельности. Она может быть стихийной, неорганизованной или организованной, эпизодической или постоянной, законной или незаконной, автономной или мобилизационной. Автономное политическое участие – это сознательная, самостоятельная, внутренне мотивированная политическая активность, выражающаяся в политической самостоятельности граждан (самостоятельность – это свободная деятельность). Самостоятельная политическая активность основана прежде всего на осознании своих политических интересов, целей, ориентации, т.е. на внутренней мотивации, которая отражает объективное социальное положение личности. Такая активность не обязательно основана на соответствующей политической культуре – знаниях в области политики и умениях политически грамотно действовать, хотя именно политическая культура граждан обеспечивает эффективность их политического участия. Мобилизованное участие – это результат внешнего, стороннего побуждения к политическому действию. Здесь уже главным является не внутренняя мотивация, а внешнее долженствование, стимулирование, которое может быть и политическим («ты член партии, движения, союза») и не политическим (страх, подкуп, угроза). В этом случае политически активный гражданин лишь по форме является субъектом политики, а фактически он объект политического манипулирования.

Главные каналы участия граждан в политической жизни:

- использование личных связей для реализации политических целей;
- непосредственное участие в законодательных, исполнительных, судебных органах власти на любом уровне для продвижения и реализации своих идей и программ;
- участие в общественных движениях, ассоциациях, фондах, юридически оформленных в структуре общества;
- использование многочисленных средств массовой информации для декларации и пропаганды своих политических интересов и целей;
- активное участие в деятельности политических партий;
- практическое участие в политической жизни в индивидуальной или коллективной форме – голодовки, самосожжения, протесты, демонстрации, манифестации и т.д. [Владимиров, Зеленев, 1999, с. 164–166].

Каждый человек живет в обществе, в социальной системе, а значит, имеет прямое или косвенное отношение к политической жизни. Как минимум он является объектом политической жизни, даже если не желает того: политическая деятельность партий, классов, государств всегда обращена на него (например, его призывают к каким-то действиям или отказу от последних, давят на его сознание, взывают к его мнению, о нем заботятся, его обманывают и т.д.). В этом плане *каждый человек связан с политикой*. Некогда великий француз Вольтер с присущим ему скрытым сарказмом заметил: «Я не занимаюсь политикой. Политика – это не мое дело». А более чем через добрую сотню лет его соотечественник граф де Монталамбер, также писатель, публицист и политический деятель, как бы полемизируя со знаменитым памфлетистом и драматургом, остроумно парирует это высказывание: «Можно сколько угодно заявлять, что вы не занимаетесь политикой. Политика сама занимается вами».

С точки зрения отношения человека к политике, к политической жизни можно выделить три типа личностей:

а) **политические конформисты** (от греч. – кон – такой же, форма – вид), т.е. люди, пассивно воспринимающие политическую информацию, приспособленцы, не имеющие собственного мнения, конъюнктурщики, люди без политических убеждений. Они в первую очередь являются объектами манипулирования со стороны политиков;

б) **политические нонконформисты** (от греч. нон – не), т.е. люди, которые нигилистически, безразлично относятся к политике («спорт вне политики», «искусство вне политики», «наука вне политики» и т.д.). Это тоже хороший объект для политического манипулирования, особенно в сфере спорта, искусства и науки;

в) *политические деятели* (личности), *субъекты* политической жизни, т.е. люди, активно участвующие в ней, имеющие свои собственные политические позиции, основанные как на историческом, так и на личном опыте [Владимиров, Зеленов, 1999, с. 119].

В данном отношении важно, чтобы каждый человек стал *субъектом, активным участником* политической жизни.

Влияет ли спортивная деятельность на политическую активность спортсменов и тренеров, и если влияет, то каким образом?

Долгое время существовало мнение о том, что спортсмены и тренеры в основном консервативны и аполитичны. Основанием для этого служили и результаты некоторых социологических исследований. Так, например, изучение политических взглядов и поведения спортсменов и тренеров, которое началось в США во время студенческих волнений в конце 60-х гг. [Norton, 1971; Petrie, 1975, 1977; Rehberg, Cohen, 1976; Sage, 1974, 1980], показало, что, несмотря на то что студенческие волнения приводили к большей политической и социальной осведомленности среди спортсменов, тем не менее лица, занятые в спорте, оказались более консервативны, чем неспортсмены. Однако, как справедливо отмечают авторы коллективного труда «Спорт и социальные системы», «нет никаких особых оснований предполагать, почему спортсмены должны отличаться по их политическим взглядам или поведению от остальных граждан» [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 290].

С этим следует согласиться хотя бы потому, что другие исследования и факты [см., например: Общественная активность спортсменов ФРГ, 1982] опровергают мнение о консерватизме и аполитичности спортсменов и тренеров. Х.-Ю. Шульке в статье, помещенной в журнале «Олимпише Югенд» (ФРГ), пишет по этому поводу: «Самым стойким заблуждением в спорте является представление об аполитичности спортсмена высокого класса, который не проявляет ни социальной активности, ни идеологических убеждений, поскольку на это ему не оставляет ни времени, ни сил тренировка и участие в соревнованиях. А уж если спортсмен высказывает политическое суждение, то оно, конечно же, насквозь консервативно. События недавнего времени показывают, что подобные представления абсолютно ложны – даже относительно высокооплачиваемых профессиональных спортсменов». Для обоснования этого утверждения он приводит ряд фактов, касающихся политического сознания немецких спортсменов и тренеров:

- левый крайний клуба Федеральной лиги «Боруссия Менхен-гладбах» Эвальд Линен обратился с письмом к своим коллегам, в котором попросил их подписать призыв к демонстрации против запрета на профессии в ФРГ, и многие игроки Федеральной лиги незамедлительно дали свое согласие и выразили убеждение в необходимости что-то предпринять против запрета на профессии и слежки за неблагонадежными;

- команда ФК «Бавария Мюнхен» предприняла успешную попытку восстания против своего президента;

- 50 ведущих легкоатлетов не удовлетворились отрицательными ответами руководства их федерации на вопрос относительно участия в универсиаде и приняли резолюцию с требованием к Немецкой федерации легкой атлетики отменить принятое ею решение, обосновав это требование большим интересом к универсиаде, а также своей солидарностью с Немецкой федерацией университетского спорта.

Как отмечает Х.-Ю. Шульке, эти примеры, опровергающие концепцию «аполитичности спортсменов высокого класса», нельзя отнести к разряду случайностей. Ведь спортсмены не только спортсмены, но в то же время граждане, трудящиеся, избиратели. «Процесс политизации спортивного движения и профессионализации спорта высших достижений имеет неизбежным следствием выступление на первый план политически активных спортсменов. Спортсмены высшей квалификации хотят участвовать в принятии решений и, занимая видное положение в обществе, стремятся выразить свое отношение к проблемам общеполитического характера» [Шульке, 1979, с. 19–21].

Разумеется, нужно учитывать, что конкретные условия социально-политической, экономической и культурной жизни той или иной страны накладывают существенный отпечаток на отношение спортсменов и тренеров к политической жизни, содействуют их политической активности или пассивности. Один из популярнейших футболистов мира Рууд Гуллит активно участвовал в политической деятельности. Когда в 1987 г. его признали лучшим футболистом Европы, он посвятил этот титул Нельсону Манделе, чтобы тем самым привлечь внимание мира к бесчеловечной системе, царящей в ЮАР. Помимо этого, он выступил с речью в Осло на митинге против апартеида, в Нидерландах был чле-

ном Фонда имени Анны Франк – организации, защищающей права национальных меньшинств, и т.д. Во время пресс-конференции, отвечая на вопрос одного из журналистов относительно политической активности спортсменов высокого класса, он сказал, что в ФРГ многие профессиональные участвуют в политической жизни страны. Иная ситуация в Италии. Здесь профессионалы побаиваются говорить о политике, так как подобная активность игроков не нравится президентам клубов. Кроме того, спортсмену нелегко высказаться критически, так как в этом случае на него ополчается пресса. Он напомнил о том, что в той же Западной Германии журналисты в свое время навесили на Пауля Брайтнера ярлык коммуниста [см.: Гуллит, 1988]. В ряде стран, прежде всего в США, многие спортсмены по окончании своей карьеры успешно используют былую славу и популярность в борьбе за политические посты [подробнее см.: Серебряков, Пономарев, 1979, 1987].

Но следует ли *поощрять* политическую активность спортсменов, тренеров, организаторов спортивных соревнований? Возможно ли использование спорта *в политических целях* спортсменами, тренерами, другими субъектами спортивной деятельности?

Эти вопросы заслуживают особого внимания, ибо до сих пор среди спортсменов и тренеров широко распространено мнение о том, что их непосредственное дело – заниматься спортом, а не использовать его в политических целях. Это якобы дело политиков.

При ответе на поставленные вопросы прежде всего необходимо учитывать *цели* политической активности, их соответствие идеям гуманизма. Любая политическая активность, независимо от того, кто является субъектом этой активности – спортсмены, тренеры или другие граждане, представители других профессий, заслуживает высокой оценки и поощрения, *если она направлена на реализацию гуманистических идеалов и ценностей*.

И, конечно, субъекты спортивной деятельности, как уже отмечено выше, не могут уклоняться от участия в решении таких политических вопросов, которые *прямо и непосредственно затрагивают спорт*. К числу таких вопросов относится, например, вопрос о войне и мире, так как наиболее благоприятные условия для развития спорта и олимпийского движения складываются лишь при наличии мирных отношений между государствами.

Проблема политической активности спортсменов и других субъектов спортивной политики предполагает анализ и ряда других вопросов, в том числе: какое влияние эта активность оказывает на их профессиональную деятельность и личностные качества; существует ли взаимосвязь политической активности субъектов спортивной деятельности и их личностных качеств; каковы особенности личностных черт и мотивационных характеристик тех из них, кто стал активным участником политической жизни, и др. Однако эти вопросы должны составить предмет специального рассмотрения.

Вопрос о политической активности спортсменов и других субъектов спортивной деятельности как формы связи спорта и политики тесно связан с вопросом об их политическом воспитании и роли спорта в этой педагогической деятельности.

#### **22.4. Политическое воспитание спортсменов и роль спорта в этом воспитании**

Как отмечалось выше, в настоящее время ряд факторов определяет важную роль политического воспитания в общей системе воспитания детей и молодежи, включая спортсменов. Но применительно к последним, а также к другим субъектам спортивной деятельности значимость политического воспитания связана и с тем, что спорт (особенно спорт высших достижений и олимпийский спорт) как важный социальный феномен все чаще выполняет определенные политические функции, используются в тех или иных политических целях.

Вот почему те страны, в которых спорт высших достижений и олимпийский спорт занимают важное место в системе социальной политики, значительное внимание должны уделять и уделяют политическому воспитанию спортсменов, а также других субъектов спортивной деятельности.

Ярким примером в этом плане может служить система политического образования и воспитания спортсменов в Советском Союзе, которая была ориентирована на приобщение спортивной молодежи к идеалам и ценностям коммунистической идеологии [Кудренко, 1982; Кудрявцева, Неминуший, 1989; Массовая физическая культура и спорт... 1989; Починкин, 1985, 1988; Степовой, 1972, 1984; Witt, Baumann, 1984 и др.].

Несколько иной подход к проблеме политического воспитания молодежи в спорте пропагандировался в ФРГ. Вопросами этого воспитания в стране специально занималась комиссия по политике в отношении молодежи организации «Немецкая спортивная молодежь». В изложении председателя этой комиссии Петера Брааш концепция политического воспитания молодежи в спорте выглядит следующим образом. Спорт как средство формирования личности немыслим без политического воспитания. Политическое воспитание в спорте рассматривается как «самая важная второстепенная вещь».

Это воспитание должно осуществляться на трех уровнях.

1. Политическое воспитание как способ формирования поведения молодежи. Оно преследует следующие цели: подготовить молодежь к активному и эффективному участию в повседневной жизни; воспитать самостоятельность мышления, т.е. сделать молодежь как можно более независимой от различного рода влияний; научить распознавать направленность политических сил и сохранять независимость в личной и общественной жизни; научить отстаивать собственную инициативу и подавлять неправомерные притязания на господствующее положение.

2. Политическое воспитание как «чрезвычайная мера». Средством этого воспитания являются мероприятия, посвященные тому или иному событию.

3. Политика в отношении молодежи как защита ее интересов [см.: Клее, 1977].

Возможная тематика политического воспитания спортивной молодежи, по мнению П. Брааш, следующая:

- общественный строй страны – организатора соревнований и выводы относительно собственного поведения; спорт высших достижений и национальное представительство;

- кого спортсмены представляют за рубежом; каково отношение к спортсмену высокого класса за рубежом и в ФРГ;

- как комментируют соревнования пресса и радио; делаются ли попытки использовать международные спортивные соревнования в интересах политики и коммерции; кому и чему служат спортивные достижения;

- как относится «общество успеха» к спорту высших достижений; смысл и бессмысленность спорта высших достижений;

- роль спорта высших достижений в различных социальных системах; какое содействие оказывается спорту в ФРГ;

- кто строит и содержит спортивные сооружения; спорт и реклама; следует ли ожидать усиления коммерциализации спорта; в каких условиях окружающей среды мы занимаемся спортом [Клее, 1977].

Близкие к этому взгляды на основные направления, цели и задачи политического воспитания спортсменов изложены в статье К. Штриттматтера «К вопросу о дидактике спорта в политическом образовании» [Strittmatter, 1984]. Он отмечает, что члены и ответственные работники Немецкого спортивного союза – головной и крупнейшей организации в области спорта в стране – всегда были едины во мнении, что «только занятие спортом» не может быть единственной задачей их организации. Вместе с входящими в него организациями, такими как Немецкая спортивная молодежь, Академия руководящих и административных кадров, а также учебными заведениями по повышению квалификации союз включал в свою программу внешкольного образования темы и проблемы, имеющие социальную и социально-политическую направленность. Это, к примеру, такие темы, как воспитание личности, спорт и политика, спорт и мир, спорт и экология, спорт и безработица и др.

К. Штриттматтер приводит ряд других связанных со спортом тем и вопросов, которые могут обсуждаться в процессе политического воспитания и ориентированы на различные социальные группы.

1-я тема: Спорт и общество

Дидактические рамки:

- Является ли спорт интегрирующим моментом, или он ведет к общественно-политическим изменениям?

Целевые группы/области: спорт, партии, церковь, профсоюзы, промышленность.

- Содействие (ре)интеграции с помощью спорта: иностранные сограждане, лица, освобожденные из заключения, инвалиды, пожилые люди с трудом сохраняют или устанавливают групповые контакты. Темы или проблематика должны разрабатываться раздельно, в соответствии с целевыми группами.

Целевые группы/области: спорт и спортивная молодежь, благотворительные и диатонические учреждения, представители иностранных групп, министерства юстиции и социальных вопросов, общества призерства и инвалидов, политические партии.

- Идеализм и материализм – значение почетной должности для нашего общества; связаны ли гонорар и заработная плата с зависимостью? Соответствует ли работа на общественных началах свободному общественному строю? Только ли то имеет ценность, что оплачивается?

Целевые группы/области: спорт, церковь, социологи, исследователи культуры, благотворительные и диатонические учреждения, политические партии.

- Агрессивность в спорте и посредством спорта – является ли корректная игра утопией?

Целевые группы/области: спорт, психологи, спортивные клубы, полиция, средства массовой информации.

- Место спорта в нашей культуре; спорт в литературе, живописи, музыке и кино.

Целевые группы/области: представители различных областей культуры, ученые в области спорта, политологи.

- Спорт и политика; осуществление политики с помощью спорта?

Целевые группы/области: спорт, представители правительства, политики, средства массовой информации, промышленность, организации по правам человека, церковь.

2-я тема: Спорт в трудовой жизни и в свободное время.

Дидактические рамки:

- Новые ценности благодаря спорту в свободное время; будущее рабочего времени и досуга; уровень здоровья или заболеваемости в результате неправильно организованного досуга.

Целевые группы/области: организации, занимающиеся вопросами спорта и досуга, органы городского планирования, профсоюзы, здравоохранение, психологи, средства массовой информации, теологи.

3-я тема: Спорт и окружающая среда.

Дидактические рамки:

- Ответственность за сохранность окружающей среды, спорт в условиях экологического кризиса; спорт как фактор охраны окружающей среды; строительство спортивных сооружений, роль спорта в промышленности, выпускающей товары для отдыха и спорт как популярный вид туризма.

Целевые группы/области: спортивные, лечебные и транспортные объединения, специалисты в области планирования ландшафта, судебные органы, политические партии, органы здравоохранения, специалисты в области городского планирования, туристические фирмы, организаторы проведения отпусков, специалисты в области охраны окружающей среды.

4-я тема: Международное спортивное движение.

Дидактические рамки:

- Олимпийские игры или мировые чемпионаты, вклады в международную дискуссию по вопросам мира? В какой мере встречи между преподавателями спорта, должностными лицами, учеными, заинтересованными представителями экономики, журналистами и зрителями могут способствовать осуществлению стремления к миру?

Целевые группы/области: международные и национальные союзы, Международный и Национальные олимпийские комитеты, организации по правам человека, церковь, религиозные корпорации, представители экономических конгрессов, политические партии, представители правительственных органов, средства массовой информации.

5-я тема: Спорт и новые средства массовой информации.

Дидактические рамки:

- Влияние новых технологий в области средств массовой информации на спорт; способствуют или мешают занятиям спортом среди населения средства массовой информации? Какое влияние оказывают сообщения на спортивные темы с точки зрения его места в системе общественных ценностей?

Целевые группы/области: спорт, ученые – специалисты в области коммуникации, общественно – правовые и частные организации, педагоги, специалисты по рекламе.

6-я тема: Спорт для всех – всякий вид спорта для каждого?



Дидактические рамки:

- Служит ли спорт человеку? В большом спорте цель оправдывает любые средства. Необходимо ли в определенных случаях производить изменения в генетическом аппарате, если человек по своим нынешним способностям и свойством уже не справляется с новыми задачами? Ограничивается ли равенство шансов в спорте – если к нему вообще стремятся – только спортивными снарядами?

Целевые группы/области: спорт, наука о спорте, органы здравоохранения, педагогика, этика, заинтересованные круги, политические партии, промышленность, союз охраны детей, церковь, средства массовой информации.

- Какие виды спорта подходят для отдельных людей? Для каких слоев общества должны быть выработаны новые мотивы? Где и для каких групп людей существуют естественные, социологические и, возможно, территориальные границы?

Целевые группы/области: представители спортивных кругов, специалисты в области науки о спорте, психологи, педагоги, промышленность по выпуску спортивных товаров и принадлежностей, представители женских союзов, теологи [Strittmatter, 1984].

Таким образом, в рамках изложенной выше концепции, на которую ориентировалась система политического воспитания молодежи в спорте в ФРГ, это воспитание не идентично изучению партийной политики. Ему придается более широкое толкование, притом настолько широкое, что оно, на наш взгляд, утрачивает свою *специфику* политического воспитания.

В настоящее время главная цель политического воспитания спортсменов – формирование у них не только *общеполитической*, но и *спортивно-политической культуры* гуманистической ориентации. Основу этой культуры личности составляет позитивное ценностное отношение человека к взаимосвязи спорта и политики (с позиций гуманизма), предполагающее наличие у него соответствующих знаний, умений, интересов, потребностей, ценностных ориентаций и т. д. [Столяров, 2005в; Столяров, Хлопков, 2003 в; Хлопков, 2003 ].

Особенно важным, но, к сожалению, слабо разработанным, является вопрос *о роли самого спорта и методике его использования в целях политического воспитания спортсменов*. Как уже отмечалось выше, спорт может быть использован для воспитания миролюбия, поведения в духе демократических ценностей, формирования и развития *культуры мира*.

Самое трудное при анализе и характеристике взаимосвязи спорта и политики *объяснить*, определить почему (под влиянием каких *факторов*, воздействием каких *причин*) имеют место те или иные формы, направления и мотивы использования спорта политическими силами, те или иные варианты спортивной политики и политической активности субъектов спортивной деятельности.

Важнейшее значение для такого объяснения имеет *конкретно-исторический анализ* взаимосвязи спорта и политики на *различных этапах развития* спорта и общества в целом, *в различных социокультурных условиях, в различных социально-политических системах, в различных странах и регионах*.

При этом выясняется одна из основных форм проявления связи спорта и политики – влияние социально-политической структуры общества на спорт и спортивную политику.

## **22.5. Влияние социально-политической структуры общества на спорт и спортивную политику**

Если при обсуждении вопроса о соотношении спорта и политики ограничиваться рассмотрением правил спортивных соревнований, особенностей техники и тактики, закономерностей тренировочного процесса, методики выполнения физических упражнений, создается иллюзия полной автономности, абсолютной независимости спорта от политики и от социальных условий вообще. Однако подобная иллюзия исчезает, как только мы принимаем во внимание другие важнейшие особенности спорта, прежде всего систему организации и социальных функций спорта, его использование и назначение в той или иной социальной системе, в тех или иных конкретных социально-политических условиях. При таком подходе выясняется, что *спорт приобретает то или иное содержание, характер, направленность, ценность в зависимости от конкретных исторических, социально-политических условий, структуры общества, в рамках которого он развивается* [Столяров, 1989 в, с. 29]. Становится возможным выявить явную зависимость спорта от социаль-

но-политических условий и заметить, что он «является зеркалом, которое в соответствии со своими целями и активностью отражает основные ценности общества», а вместе с тем «может быть связующей силой общества, которая активно поддерживает социальный порядок и его ценности, а также структуры власти, в рамках которых он функционирует», что он «охотно предоставляет себя в качестве орудия для власти, которая чувствует, что социальный порядок находится в опасности» и «легко может быть использован для реализации целей социальной власти» [Вуолле, 1998, с. 132].

Например, в авторитарных режимах политическая элита стремится полностью подчинить спорт своей власти, использовать его в своих политических и идеологических целях. Так, в Спарте спорт использовался прежде всего как средство подготовки находящейся у власти военной элиты, позволяющее воспитать не только силу, но и дисциплинированность, выносливость, способность к самопожертвованию. Национал-социализм пытался использовать спорт для улучшения расы, бывшей основой режима, а также для подготовки граждан к войне [Михайлов, 1999; Сиджански, 1987; *Politik und Sport in Geschichte*, 1980].

Напротив, в демократических странах спорт включен в структуру, в которой государство, занимая центральное место в системе субъектов спортивной политики и стремясь оказать определенное влияние на спорт, все же оставляет широкое поле для свободной деятельности спортивных организаций. Они обладают определенной независимостью. Вмешательство государства в их работу осуществляется как в форме регламентации, так и в форме финансовой помощи, а частный сектор использует их с целью рекламы, предоставляя им в обмен покровительство и поддержку. Значит, они испытывают двойное давление – государства и денег, а потому могут использоваться в политических и коммерческих целях. Однако идеологический плюрализм препятствует тому, чтобы такое использование спорта было постоянным и преобладающим [Сиджански, 1987, с. 17].

Положение о зависимости спорта от конкретно-исторических условий и социально-политической структуры общества формулируется и обосновывается во многих работах отечественных и зарубежных авторов [Вуолле, 1998; Гуськов, 1996, 1999; Кербер, 2006; Киселев, 1978; Михайлин, 2006; Михайлов, 1998, 1999; Михайлов, Быховская, 1997; Пономарев, 1974 в; Починкин, 1985; Серебряков, Пономарев, 1979, 1987; Степовой, 1972, 1984; Столяров, 1978 а, 1979, 1980 а, е, ж; Фомин, 1986, 1988, 1993; *Stolyarov*, 1978 е, 1979 b, 1980 а, b, d и др.].

Данное положение конкретизируется на основе *исторического анализа* взаимосвязи спорта и политики, анализа спортивной политики *в различных странах и регионах*, например, сравнения ее особенностей в *социалистических и капиталистических странах*.

Всесторонний исторический анализ (вплоть до 80-х гг. XX столетия) указанной зависимости дан, например, в работе «Политика и спорт в истории в настоящее время» [*Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart*, 1980], опубликованной в Германии в 1980 г. В этой работе анализируется взаимосвязь спорта и политики в Древней Греции, в Древнем Риме, в Средние века, в эпоху Возрождения и Просвещения, во второй половине XIX в., после окончания Первой мировой войны в нацистской Германии, после Второй мировой войны.

Анализ современной спортивной политики в различных странах и регионах содержится и в других работах [Башкирова, Дынникова, Жарова, 1990; Гуськов, 1996, 1999; Змажлик, 1978; Исаев, 2002, с. 294–314; Кейвенаф, 1989; Кёнен, 1981; Кноп, 1993; Кудиненко, Олейник, Родригес, 2000; Кулинкович, 1998; Макинтайр, 1985; Михайлов, 1998, 1999; Михайлов, Быховская, 1997; Мичуда, 2002; Олейник, Ашанин, Кудиненко, Эпштейн, Родригес, 2001, 2002; Рожков, 2000–2002; Спортивная структура и законодательство Швейцарии, 2003; Спорт и политика в Азии, 1975; Спорт и политика в Африке, 1976; Ade, 1982; Böhme, Gadow, Guldenpfenning S., Jensen, Pfister, 1974; Brohm, 1976 а, с; Jung, 1974; Kregel, 1974; Olin, 1981; *Politik und Sport in Geschichte*, 1980; Seppänen, 1984 а и др.].

Многие работы отечественных ученых (особенно написанные в советский период) посвящены сравнительному анализу спортивной политики социалистических и капиталистических стран [Киселев, 1978; Михайлов, 1998, 1999; Михайлов, Быховская, 1997; Починкин, 1985; Серебряков, Пономарев, 1979, 1987; Степовой, 1972, 1984; Фомин, 1986, 1988, 1993; Pfetsch F. et al., 1975 и др.]. Хотя в работах, написанных в советский период, имеются определенные искажения и преувеличения, вызванные идеологическими сооб-

ражениями, в них содержится достаточно богатый фактический материал, характеризующий указанную зависимость спорта от конкретно-исторических условий и социально-политической структуры общества.

В некоторых работах обсуждаются проблемы спортивной политики стран СНГ [Кудиненко, Олейник, Родригес, 2000; Кулинкович, 1998; Мичуда, 2002; Олейник, Ашанин, Камаев и др., 2001; Олейник, Ашанин, Кудиненко и др., 2002].

В последние годы усилилось внимание к вопросам спортивной политики России.

Обсуждаются вопросы спортивной политики в *дореволюционной* России [Исаев, 2002; Мельникова, Мягкова, Трескин, 1999; Перевозников, 1999; Суник, 2001; Чубукова, 1991 и др.].

Выделены и проанализированы основные особенности спортивного движения и спортивной политики *советской эпохи* [Егоров, 1996 а; Исаев, 2002; Михайлов, 1999; Паначев, 2000; Переверзин, 1993; Перевозников, 1999; Суник, 2001 и др.]. В этих работах отмечается, что в советский период Россия оказалась питательной средой для культивирования спорта. Исторические перспективы, открывшиеся в начале XX в., вызванный революциями духовный и эмоциональный подъем, разгромом фашизма, надежды и возможности создать новое и справедливое общество, новый тип личности – все это послужило мощным стимулом для формирования и развития спортивного движения. Но цели и задачи этого движения определялись исключительно политическими и идеологическими целями. Физическая культура и спорт рассматривались как важный инструмент формирования «новой общности людей – советского народа», доказательства преимущества социалистического общественного строя перед капиталистическим, подготовки советских людей к трудовой деятельности и защите Отечества, а также их приобщения к коммунистической идеологии.

В связи с этим, начиная с 30–50-х гг., стремительно развивается процесс огосударствления спорта. Как отмечает А.А. Исаев, в этом процессе было много положительного, ибо тем самым спортивное движение получило мощную материальную поддержку и базу, социальную программу развития, организационные возможности самого широкого масштаба. Государство стремилось создавать возможности для обеспечения в сфере физической культуры и спорта социальной справедливости, определенных гарантий физического воспитания и развития всех граждан, возможности для выявления и совершенствования наиболее одаренных. Проведение целенаправленной государственной политики в области физической культуры в немалой степени способствовало тому, что в короткое время спорт стал приобретать большое значение в образе жизни населения [Исаев, 2002, с. 237].

Однако огосударствление социального института спорта, приобретшее к 60-м гг. устойчивый характер, делало его инструментом государственной политики, которая, к сожалению, далеко не всегда соответствовала действительным интересам народа и гуманистическим идеалам. Так, жесткая классовая конфронтация 20–30-х гг. противопоставила «буржуазный» и «пролетарский» спорт, что в значительной мере ограничило возможности спорта как явления общечеловеческой культуры [Кудрявцев, Кудрявцева, 1987]. А самое главное – спорт, как уже отмечалось выше, все чаще стал использоваться в политическом противоборстве СССР с США и другими капиталистическими странами.

Большие надежды возлагались на спорт и в плане нравственного совершенствования советских людей. При этом исходили из того, что дружеская расположенность участников соревнований, бескорыстность борьбы и ее благородные правила будут все в большей и большей мере определять спортивные отношения, а через них распространяться в качестве общечеловеческих ценностей и норм общения, помогая решать многие проблемы социального, этического и, главное, идеологического плана. Однако уже к середине 70-х гг. эта картина начала деформироваться. Спорт высших достижений стал довлеть над массовым, и тем самым стала рушиться добротная и, казалось бы, надежная система физкультурно-спортивного движения, основу которой составлял постулат, что массовость спорта служит надежной базой и условием высокого спортивного мастерства. При этом сами спортсмены все чаще стали рассматриваться как инструмент добывания побед и медалей. Нарастало отчуждение между спортсменами и социумом. Атлеты, бывшие ранее всеобщими любимцами, «своими» героями, стали элитой, отделенной закрытыми базами, сборами, рекламными клипами. Они стали героями заранее срежиссированных спортивных зрелищ. И уже не только азарт и красота соревнований и спортивного духа стала привлекать в эту сферу новых талантливых людей, а куда больше интерес чисто практиче-

ский. Все более очевидным становилось и положение о том, что соревновательный спорт, особенно спорт высших достижений, не только не гарантирует высокую нравственность, здоровье и физическое совершенство, но нередко негативно влияет на эти важнейшие качества человека. Спорт заставляет работать человека на износ, приносит его в жертву медалям и рекордам. Так, например, средний возраст жизни олимпийцев Пермской области составляет... 47,3 года! [Паначев, 2000].

Особенно важными представляются анализ, оценка и характеристика спортивной политики в нашей стране *на современном этапе ее развития* в связи с теми огромными изменениями, которые здесь произошли и происходят в экономической, социальной и культурной политике.

Данный вопрос активно обсуждается в последние годы [Аристова, 1999; Балахничев, 2003; Бальсевич, 2002 а; Виноградов, 1995, 1998, 1999; Виноградов, Столов, Душанин, 1999; Гостев, Гуськов, 2000; Григорьянц, 2005; Гуськов, 1996, 1999; Исаев, 2002; Кузин, 1996, 2001; Митусова, Передельский, 2010; Передельский, 2008; Пилоян, 1990; Рожков, 2000–2002; Рыбаков, Куликов, 2002; Холщевникова, 1997, 2000; Чепик, 1995 и др.].

Конституция определяет Российскую Федерацию как *социальное государство*, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный размер минимальной оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [Конституция РФ, 1993, гл. 1, ст. 7].

Многочисленные документы, принятые в последние годы, свидетельствуют о том, что в соответствии с общемировой тенденцией вопросы развития физической культуры и спорта приобретают важный статус в системе социальной политики в нашей стране. Усиливается понимание значимости института спорта для социально-экономического развития страны, повышения уровня здоровья населения, профилактики асоциального поведения детей и молодежи.

Вот некоторые факты, подтверждающие это:

- в Конституцию вошли положения, определяющие ответственность государства за поддержку развития физической культуры и спорта (ст. 41 и 72);

- в Плане действий Правительства РФ в области социальной политики и модернизации экономики на 2000–2001 гг., утвержденном 26 июля 2000 г. № 1072-р, развитие массовой физической культуры и спорта отнесено к стратегическим целям социальной политики государства;

- в Федеральной целевой программе «Молодежь России (2001–2005 гг.)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации № 1015 от 27.12.2000 г., развитие массового молодежного спорта рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной молодежной политики;

- в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (№ 80-ФЗ от 29.04.1999 г.) спорт рассматривается как одно из средств профилактики заболеваний, укрепления здоровья, поддержания высокой работоспособности человека, а также воспитания патриотизма граждан, подготовки их к защите Родины, развития и укрепления дружбы между народами;

- в Концепции охраны здоровья населения Российской Федерации на период до 2005 г., одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1202-р от 31 августа 2000 г., в числе первоочередных мер, направленных на охрану здоровья, определено создание условий и вовлечение различных групп населения в активные занятия физической культурой и спортом;

- в национальной доктрине образования в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации № 751 от 4 октября 2000 г., в качестве одной из основных целей определено формирование здорового образа жизни, развитие детского и юношеского спорта;

- Государственный комитет Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму в проекте Концепции развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2005 г. наметил спортивную политику как «важную составную часть государственной социально-экономической политики» [Концепция... 2001, с. 2-8].

Объектом социальной политики в области спорта является практически все население страны. Для проведения такой политики существуют федеральные структуры законодательной и исполнительной власти. Правом законодательной инициативы в соответствии с Конституцией Российской Федерации обладает Правительство Российской Федерации, которое разрабатывает и вносит на утверждение Государственной думы значительное число важнейших законопроектов по социальной сфере. Основными звеньями управления социальным развитием в области спорта являются Государственный комитет по физической культуре и спорту и Министерство образования в части физического воспитания учащихся. Отдельные вопросы данной сферы находятся в ведении Министерства здравоохранения и Министерства по труду и социальному развитию.

В последние годы предприняты определенные меры в целях социальной поддержки государством спортивного движения. Вопросы развития спорта рассмотрены на заседании Правительства России 16 декабря 1999 г. и на Государственном совете России 30 января 2002 г. Принято решение Госсовета РФ о реализации мер по укреплению статуса физической культуры и спорта в Российской Федерации. 15 августа 2002 года был подписан Указ о создании Совета по физической культуре и спорту – консультативного органа при Президенте РФ.

В настоящее время созданы и другие новые организационные формы управления физической культурой и спортом: Общественно-государственное физкультурно-спортивное объединение «Юность России»; Общероссийская общественная организация «Всероссийское добровольное общество «Спортивная Россия»; Общественные советы по физической культуре и спорту при полномочных представителях президента Российской Федерации в федеральных округах; Всероссийская спортивная конфедерация профессионального спорта.

Подкомитетом по спорту Комитета Госдумы РФ по здравоохранению и спорту совместно с Госкомспортом России разработаны меры по укреплению роли спорта в обществе, основанные на новой идеологии взаимоотношений спорта и государства в рамках формирующейся новой социально-экономической и политической среды. Меры предполагают новый статус спортивной политики в системе социальной политики, преодоление ее дискриминации, равноправие по отношению к другим направлениям государственной политики.

Введена в действие президентская программа «Дети России», включающая ряд целевых программ, в т.ч. по спорту. Ведется работа по формированию политики в отношении спорта для женщин, инвалидов, людей пожилого возраста, молодежи, подверженной наркотической зависимости.

Важное место в разработке и реализации социальной политики в области спорта отводится субъектам Российской Федерации и федеральным округам. Субъекты РФ имеют право на собственное законотворчество. В регионах имеются специальные структуры, ответственные за реализацию государственных социальных норм и стандартов, в том числе в области физической культуры и спорта, и дополняющие их за счет собственных средств. Идет процесс законодательного закрепления и разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере спорта.

Региональная социальная политика в области спорта по своей структуре и содержанию сочетает в себе общегосударственные начала и региональные особенности. Индикатором процесса институализации социальной политики в области спорта на региональном уровне выступает законодательство субъектов Федерации по вопросам социальной защиты населения. Более чем в половине субъектов РФ приняты законы о физической культуре и спорте.

Таким образом, налицо некоторые позитивные сдвиги в спортивной политике.

Вместе с тем в многочисленных публикациях указывается на то, что спортивная политика нашей страны имеет комплекс нерешенных проблем и существенных недостатков.

➤ Государство недостаточно финансирует сферу физической культуры и спорта. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие цифры. В СССР развитие ФКиС финансировалось за счет как государственного бюджета, так и средств профсоюзов и «Спортлото». Так, в 1990 г. на развитие ФКиС было направлено: из государственного бюджета (в том числе по статье «Народное образование») – 1550 млн. руб.; из профсоюзного бюджета – 1100 млн. руб.; из средств общественных спортивных организаций – 96 млн. руб.; из средств «Спортлото» – 256 млн. руб., или около 11 руб. на человека (без уче-

та косвенных расходов, связанных со строительством ФКиС и выпуском товаров спортивно-физкультурного назначения). А в настоящее время, по экспертным оценкам, на душу населения расходуется примерно 7,0 руб. (1998 г.). С учетом изменения цен (примерно в 20-22 раза) – это в 30 раз меньше, чем в 1990 г. [Аристова, 1999, с. 4].

➤ В результате этого практически прекратилось строительство новых спортивных объектов (например, в стране на один бассейн приходится 250 тыс. человек), а также производство отечественного спортивного оборудования и инвентаря. Происходит отток тренерских кадров в другие сферы деятельности. Жалкое существование влечет спортивная наука. Снижается число занимающихся спортом. На «круглом столе», состоявшемся в Госдуме РФ 16 октября 1997 г., были приведены, например, следующие данные Госстатистики по наиболее массовым игровым видам спорта (число занимающихся в тыс. человек – данные 1987, 1993 и 1996 годов): баскетбол 1423 – 810 – 985; волейбол 2061 – 1030 – 967; гандбол 124 – 57 – 45; настольный теннис 890 – 457 – 382; футбол 1557 – 959 – 942; хоккей с шайбой 459 – 249 – 174; шахматы 1182 – 421 – 380; шашки 632 – 232 – 189. Как следствие – снижение уровня физической подготовленности детей и молодежи, ухудшение состояния их здоровья.

➤ Имеет место слишком сильная зависимость спортивной политики нашей страны от МОК, приводящая к тому, что, несмотря на многочисленные декларации (в том числе в указанных выше документах), как государство, так и сами спортивные организации основной акцент в спортивной политике продолжают делать на развитии спорта высших достижений в ущерб массовому спорту (спорту для всех), на победах в спортивных соревнованиях (прежде всего на Олимпийских играх), а не на решении посредством спорта оздоровительных и воспитательных задач.

Продолжает господствовать представление о том, что мерилom развития спортивного движения в стране, его народности и доступности является количество рекордов, медалей и очков на Олимпийских играх и чемпионатах мира, а не повышение уровня здоровья граждан.

➤ Разработке и реализации спортивной политики вредят постоянные реорганизации Госкомспорта, смена его председателей, а также острые, никак не стихающие противоречия между ним и Олимпийским комитетом страны, в основе которых нередко лежат чисто личные амбиции.

➤ Существенные недостатки в нормативно-правовой базе спортивной политики, особенно в отношении спорта для всех. В «Основах законодательства РФ о физической культуре и спорте» (1993 г.) были четко определены роль государственно-федерального органа управления физической культуры и спорта, место Национального олимпийского комитета в этой системе управления и, что очень важно, принцип распределения бюджетных средств на цели массового и большого спорта в процентном соотношении 70 к 30 в пользу первого. Однако из-за блокирующей политики ОКР, дополнявшейся кризисом экономики, ни одно из положений этого закона практически не было осуществлено в полной мере. В апреле 1999 г. принят Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», регулирующий правовые отношения между участниками спортивного движения. Однако он имеет многочисленные пробелы и, в частности, противоречит таким законодательным актам, как Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, Таможенный кодекс и целому ряду других правовых актов России, а кроме того, вновь установлен приоритет Олимпийского комитета России в развитии российского спорта и отменен контролируемый государством баланс в распределении бюджетных средств, позволяющий спорту высших достижений черпать средства из госказны без оглядки на интересы спорта для всех.

➤ У основных политических партий страны отсутствуют программы спортивной политики, отвечающие современным требованиям, и т.д.

Ниже приводится мнение ряда исследователей по данной проблеме.

А.А. Исаев считает, что «хроническими недостатками существующих в нашей стране подходов к определению сущности спортивной политики... являются:

– непоследовательность в определении приоритета развития между спортом для всех и спортом высших достижений, сознательное смешение проблем массового спорта со специфическими проблемами спорта высших достижений, что практически приводит к дискриминации идеи спорта для всех;

– недооценка правоспособности спортивного движения (иметь права и нести обязан-

ности), необходимости наделения спорта для всех полноценным социальным статусом, обеспечения правового регулирования его отношений с государством и его институтами;

- ориентация не на спортивное объединение как социальную единицу и субъект права, а лишь на индивидуума и его полноценное физическое, интеллектуальное и нравственное развитие;

- методологическая неразработанность предмета спортивной политики, неумение выделить ее специфическое содержание на современном этапе развития России, проявляющееся в необоснованном его ограничении, например, вопросами олимпийской подготовки или, напротив, в расширительном толковании содержания спортивной политики, включении в него значительного комплекса проблематики, построенной на постулатах физической культуры марксистского толка;

- некритическая подмена принципов спортивной политики России принципами политики МОК, отражающими скорее не общечеловеческие ценности и адекватную им политику, а тенденцию к взвинчиванию спортивного противостояния и соответствующую ему губительную для здоровья спортсменов гонку за результатами;

- в целом декларативный характер многих положений, содержащихся в концепциях и других документах, подготовленных в спортивной сфере, неразработанность конкретных механизмов, способных включить функции спортивной политики в деятельность органов власти и управления;

- отсутствие на всех уровнях достаточной гибкости, сценарного прогнозирования и системного анализа социальных последствий принимаемых решений;

- противоречия между федеральным органом управления спортом и национальным олимпийским комитетом» [Исаев, 2002, с. 469].

А.А. Исаев указывает и на то, что принятая в 1975 г. резолюция Совета Европы (76) 41 о «Принципах политики “Спорта для всех”» создала основу для такой правительственной политики в сфере спорта, в которой акцент сделан на развитии «спорта для всех». Таким образом, Совет Европы предложил для сферы российского спорта целостную идеологию, не конфронтирующую с олимпизмом, но опирающуюся на его изначальные гуманистические постулаты, заложенные основателем современного олимпийского движения Кубертенем. Однако спортивная идеология Совета Европы пока в должной мере не востребована российским спортом [Исаев, 2002, с. 400–401].

П.А. Рожков обращает внимание на то, что «государство в последние десять лет резко ограничило свое влияние на политику укрепления здоровья граждан и формирование их поведенческих устремлений к занятиям физической культурой и спортом. Если в советское время эта социальная сфера имела жесткое государственное регулирование и контроль, что обеспечивало СССР лидирующие позиции в физическом воспитании граждан и в спорте высших достижений, то за годы реформ она, по сути дела, была брошена на произвол судьбы. Достаточно сказать, что за это время было несколько реорганизаций высших органов, отвечающих за развитие сферы, и сменилось шесть руководителей федерального органа управления» [Рожков, 2002, с. 5–6].

Эксперты Российской академии образования (С.В. Дармодехин, А.А. Деркач, З.А. Малькова) к существенным недостаткам политики в отношении развития спорта для всех относят торможение с вводом в действие общенациональной программы, основанной на целостной системе воспитания подрастающих поколений в массовом детско-юношеском спорте.

В.В. Кузин отмечает существенные недостатки в нормативно-правовых аспектах спортивной политики нашей страны [Кузин, 2001].

П.А. Виноградов указывает на то, что в настоящее время до 95% всех затрат на подготовку спортсменов к Олимпийским играм покрывается федеральным бюджетом, а 80–90% бюджетов регионов, предусмотренных на цели физической культуры, тратится на спорт высших достижений [Виноградов, 1999, с. 6]. Актуальной, по его мнению, является и проблема выезда из страны выдающихся российских спортсменов, тренеров, ученых и других специалистов. В гимнастике, фехтовании, плавании, велоспорте, хоккее, баскетболе, гандболе, конькобежном спорте и т.д. наши тренеры готовят за рубежом очень сильных соперников для наших же национальных команд. Выезд тренеров и спортсменов сегодня слабо регулируется как в системе нормативно-правового обеспечения (т.е. речь идет об уплате компенсаций клубам и спортивным школам, сформировавшим спортивные таланты), так и в системе этических категорий. С помощью российских ученых во многих

зарубежных странах воспроизводится современная система научно-методического обеспечения, впервые разработанная и реализованная в нашей стране, за счет колоссальных финансовых вливаний. «Россия сегодня с удивляющей весь спортивный мир щедростью, граничащей с абсурдом, делится своим уникальным опытом и высокопрофессиональными кадрами со всем спортивным миром. Она превратилась в самого крупного филантропа международного спорта» [Виноградов, 1998, с. 19].

К числу существенных недостатков спортивной политики России авторы некоторых публикаций относят ее слишком сильную зависимость от политики МОК и других международных спортивных организаций [Аршуруни, 2001; Васин, 1999; Виноградов, 1998, 1999; Исаев, 2002; Холщевникова, 1997 и др.]. Независимой социологической службой «Кассандра» был проведен опрос специалистов физической культуры и спорта. Было опрошено более 100 экспертов, из которых 87% имели научные и спортивные звания. По мнению каждого четвертого эксперта, сегодня значимость видов спорта, их развитие во многом определяет МОК, и это практически не зависит от усилий и действий той или иной страны. В связи с этим каждый четвертый эксперт опасается, что мы все больше в развитии российского спорта зависим от МОК, который навязывает свои идеи развития того или иного вида спорта в ущерб интересам России. Экспертам был задан вопрос: можно ли утверждать, что российская физкультурно-спортивная отрасль сегодня начинает работать все в большей мере на зрелищную индустрию зарубежных стран в связи с уже отлаженной системой долгосрочных выездов российских спортсменов, тренеров и специалистов спорта за рубеж. 83% экспертов ответили положительно. Исходя из этого, 70% экспертов в целом подтвердили, что у нас плохо осуществляется государственная спортивная политика. По мнению 66% экспертов, в России приоритетное финансирование осуществляется в спорт высших достижений и профессиональный спорт в ущерб спорту оздоровительному [Виноградов, 1998, с. 19].

В некоторых публикациях дается еще более резкая оценка современной спортивной политики в Российской Федерации. Так, например, в интервью журналу «Спорт для всех» президент Федерации русской лапты В. Борисов высказал следующее мнение по данному вопросу: «Сегодня спортивной политики как таковой в России нет. Раньше такая политика вырабатывалась самими спортивными организациями. Она поддерживалась партийными и правительственными структурами... А какая может быть политика, когда десятками закрываются детские спортшколы! На нас обрушилась наркомания, а спорт уходит из школы и со двора. Если что-то хорошее появляется в массовом спорте, то не благодаря, а вопреки системе. Дело в том, что наше правительство за последний десяток лет никак не дозреет до понимания, что спорт – важнейшая сфера работы по профилактике асоциального поведения детей и молодежи» [Борисов, 2001, с. 27].

Изложенные выше теоретические положения социально-философской оценки современной спортивной политики России, разумеется, должны быть дополнены анализом *конкретных предложений и программ* совершенствования этой политики, исправления основных недостатков в ее реализации. Этот анализ относится к сфере *прикладной* философии спорта и телесности человека, изложению которой будет посвящена вторая книга данной монографии. Поэтому ограничимся ссылкой на публикации автора [Столяров, 1988 б, 1991 а, 1993 г, 1998 и, 2005 в, 2009 а, 2010 е и др.], другие публикации и материалы [Аристова, 1999; Балахничев, 2003; Бальсевич, 2002 а; Васин, 1999; Виноградов, 1995, 1998, 1999; Виноградов, Столов, Душанин, 1999; Гостев, Гуськов, 2000; Гуськов, 1996, 1999; Исаев, 2002; Киль, 2001; Ким, Латыпов, Линькова, Хам, 2001; Кузин, 1996, 2001; Литвиненко, 2005, 2006; Материалы заседания... 2002; Материалы к заседанию... 2002; Митусова, Передельский, 2010; Передельский, 2008; Пилюян, 1990; Рожков, 2000, 2002; Рыбаков, Куликов, 2002; Соколов, 1998 а, б; Спортивно-патриотическое воспитание... 2010; Холщевникова, 1997, 2000; Чепик, 1995 и др.], в которых изложены предложения и программы совершенствования современной политики России.

Итак, кратко подведем **итоги** социально-философского и методологического анализа взаимоотношений спорта и политики.

Прежде всего были обоснованы как *относительная самостоятельность, независимость* спорта в его отношении к политике, так и возникновение – при определенных условиях и под воздействием определенных причин – *тесной связи* между этими социальными явлениями.



Эти положения признают и некоторые другие исследователи. «Занятия спортом сами по себе абсолютно аполитичны. Некоторые усматривают в "самоцельности" характерную особенность спорта. Но в силу обстоятельств распространение организованного спорта с неизбежностью становится процессом политическим» [Кёх, с. 14–15]. Поэтому важнейшая задача анализа взаимоотношения спорта и политики – «внести чёткую ясность, как спорт становится политическим» [Güldenpfennig, 2000, p. 129].

Отмеченные положения показывают ошибочность и концепции «спорт вне политики», и точки зрения, придающей спорту исходный, связанный с его сущностью, «природой», статус политической деятельности. На это обращает внимание и немецкий ученый Свен Гюльденпфенниг. В своей книге «Международные спортивные отношения между разрядкой и конфронтацией» (1981) он рассматривает спорт не только как «принципиально социальное, но и как принципиально политическое явление» и не только как «особое социальное, но и как особое политическое явление» [Güldenpfennig, 1981, s. 22, 23]. Но при этом он не соглашается не только с теми, кто отрицает политический характер спорта, но и с теми, кто приписывает ему неограниченный политический характер. С. Гюльденпфенниг выступает за признание «ограниченного политического характера спорта».

В аргументации своей позиции важное значение он придает различению спорта как *системы деятельности* (активности) и как *институциональной системы*.

Для спорта как системы деятельности, отличающейся по своему характеру от других видов деятельности, по его мнению, характерны следующие элементы:

а) спорт – это физическое движение;

б) спорт связан с достижениями в следующем специфическом отношении: поводом для спортивного действия всегда служит решение определенных конфликтов (борьба с противником, индивидуальное стремление преодолеть границы ранее показанного собственного достижения, преодоление естественных препятствий), которые искусственно строятся или целенаправленно ищутся единственно с целью их преодоления;

в) спорт – социальное регулирование, осуществляемое особым образом: на основе специфической структуры спортивных правил, непосредственно относящихся к искусственно созданным конфликтам, а с реальной жизнью связанных лишь символически;

г) спорт является непродуктивным в том смысле, что спортивная деятельность не производит никакого вне нее находящегося материального продукта; она производит лишь движения и символические, регулируемые специфическими, свойственными для спорта правилами конфликты (равно как театр производит фиктивные явления, музыка – звуки и изобразительное искусство – образы), которые, например, зрители могут “потреблять” в своем непосредственном восприятии».

Таковы, считает С. Гюльденпфенниг, общие признаки спорта как особой деятельности, позволяющие отличать спортивную деятельность от других ее видов. На основе этого общего понятия спорта он выделяет «модели» спорта – спорт высших достижений, массовый спорт, медицинский инструментализированный спорт и др.

Таким образом, по мнению С. Гюльденпфеннига, спорт как особая система деятельности – это «непосредственно наблюдаемая практическая спортивная деятельность, которая осуществляется на специальных спортивных площадках и в спортивных сооружениях и которая ориентируется на специальные цели и соответствующую особую систему правил».

Что касается спорта как *институциональной системы*, то, по характеристике С. Гюльденпфеннига, он «подразумевает целую область общественных носителей спорта, спортивного движения, включая его организационный аппарат, его связи с другими общественными учреждениями и т.д.». Данное различение, считает С. Гюльденпфенниг, имеет важное значение для обсуждаемой проблемы взаимоотношения спорта и политики. Спорт как особая деятельность, по указанным выше признакам отличающаяся от других ее видов (например, от трудовой деятельности), не имеет политического характера, а спорт как институциональная система выступает как область и как предмет политического влияния [Güldenpfennig, 1981, s. 23, 25–29; 1984a, s. 47–48].

Как обосновано выше, важно не только учитывать *возможность* связи спорта и политики, ее *реальное существование*, но вместе с тем четко различать, не смешивать друг с другом, учитывать *различные формы* этой связи, к числу которых как минимум можно отнести следующие:

- использование спорта в политических целях,

- спорт как сфера деятельности субъектов политики, проводимая ими спортивная политика,
- спортсменов как политическая фигура, его политическая активность,
- политическое воспитание спортсменов, роль спорта в этом воспитании,
- влияние социально-политической структуры общества на спорт и спортивную политику.

С. Гюльденпфенниг при анализе данной проблемы выделяет четыре формы связи спорта и политики, исходя из того, что спорт может выступать: «как политический символ», «как объект политической акции», «как поле политической акции» и «как средство политики» [Güldenpfennig, 2000, p. 125–126].

С учетом многообразия форм связи спорта и политики не может быть однозначной и их оценка, поощрение всех этих форм или их полное неприятие, как это нередко делается. Так, американский спортивный журналист А. Гаттмэн высказывал мнение о том, что «для сохранения олимпийского движения... необходимо вести неустанную борьбу против проникновения политики в дела спорта» [Проблемы национализма... 1984, с. 12]. По мнению немецкого философа Г. Ленка, «Олимпийские игры не являются ни политическим, ни моральным оружием, с помощью которого должны решаться мировые проблемы, осуществляться мирная или агрессивная политика, политика капиталистического, империалистического или социалистического толка» [Цит. по: Партия зеленых... 1984, с. 10].

Здесь в одну кучу смешаны такие противоположные формы связи спорта и политики, как использование Олимпийских игр в целях решения нравственных проблем, сохранения и укрепления мира, с одной стороны, и их использование в целях агрессивной политики, для реализации капиталистической или социалистической политики, с другой стороны.

И в этом плане совершенно прав С. Гюльденпфенниг, когда он пишет: «Спорт вполне пригоден для того, чтобы быть средством политики, но не любой и не инструментального плана. Он может иметь политическое значение как средство, как символ совместной работы и понимания в современном разнородном мире и как символический мост над общими конфликтными ситуациями. Но он непригоден как инструмент политической борьбы» [Güldenpfennig, 1981, s. 40]. Следует согласиться и с мнением Арнольда Кёха о том, что существенное влияние на позитивную или негативную роль взаимосвязи спорта и политики оказывает наличие или отсутствие партнерства в отношениях между политическими и спортивными организациями. «Между политической и спортивной властью, между политической и спортивной организацией, – пишет он, – должны существовать, именно по причине их взаимозависимости, отношения партнерства. Вероятно, наличие или отсутствие такого партнерства может служить критерием того, является ли связь спорта с политикой порочной связью» [Кёх, 1981, с. 16].

При всем многообразии связей спорта и политики в основном все-таки речь идет о влиянии политики и политиков на спорт, об использовании спорта в политических целях, о спортивной политике по отношению к спорту и в меньшей степени о влиянии самого спорта на политику. В этом плане справедливы замечания С.И. Гуськова о том, что «политические факторы обычно в большей мере влияют на спортивную систему, чем последняя влияет на изменения в политике» [Гуськов, 1996, с. 9] и французского социолога Дж. Мейно о том, что спорт в большей степени является орудием в руках политики, нежели сам оказывает влияние на нее [Meunaud, 1966].

Но при этом все же следует постоянно иметь в виду, что определенные спортивные контакты или отказ от них, как было показано выше, могут иметь и часто реально имеют важные политические последствия, даже если спортсмены, тренеры, организаторы спортивных соревнований не ставят перед собой каких-то политических целей. Напомним в связи с этим слова, которые в интервью французской газете сказал бывший президент МОК лорд Килланин, затрагивая вопрос о связи Олимпийских игр с политикой: «Игры имеют такой резонанс, что спортивные действия становятся действиями политическими» [«Информационный вестник», 1976, с. 5].

## Литература к гл. 22

1. Абсалямов Т.М. (1996). Спорт высших достижений как один из путей изучения предельных возможностей человеческого организма // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сент., 25-27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 32-37.

2. Абсаямов Т.М. (1999). Биорекорды ГДР // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3. – С. 11-17.
3. Аристова Л.В. (1999). Государственная политика в сфере физической культуры и спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 2-8.
4. Арская Л.П. (1996). Гуманисты. – М. – 119 с.
5. Аршурин Алексей (2001). Олимпийские боссы не достали Путина? // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 15-17.
6. Бабич Дмитрий (1999). Игры века: большой футбол и политика // Культ личностей. – март, апрель. – С. 65-68.
7. Балахничев В.В. (2003). Государственная политика по развитию физической культуры и спорта в Российской Федерации // Пути повышения социальной значимости физической культуры и спорта: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Казань, 15–16 окт. 2002 г. – Казань: РЦИМ. – С. 11–14.
8. Бальсевич В.К. (2002а). Основные положения концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 2-4.
9. Башкирова М.М., Дынникова Л.А., Жарова Л.Б. и др. (1990). Организация и управление физкультурно-оздоровительной работой в зарубежных странах: Обзорная информация. – М.: ВНИИФК.
10. Борисов В. (2001). На нас обрушилась наркомания, а спорт уходит из школы и со двора // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 27-28.
11. Брендедж Э. (1991). Речь на 61-й сессии МОК // Междунар. спортивное и олимпийское движение. Тематич. подборка. № 3. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 29-33.
12. Бугров Н.Н. (1990). Новое мышление, олимпизм и гуманистические ценности // Новое мышление и олимпийское движение: Сб. ст. – М.: Знание. – С. 3-22.
13. Васин Владимир (1999). Влияние международных спортивных организаций на развитие российского спорта // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всерос. научно-практ. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всерос. совещ. «Практика олимпийского образования». – М. – С. 37-40.
14. Виноградов П.А. (1995). Актуальные проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни населения России // Физическая культура – основа здорового образа жизни: Доклады, тезисы, материалы. – М. – С. 4-33.
15. Виноградов П.А. (1998). Щедрость, граничащая с абсурдом // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 2-4. – С. 18-19.
16. Виноградов П.А. (1999). «Грабли» для Путина // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 5-7.
17. Виноградов П.А., Гончаров В.И., Жолдак В.И. (2003). Спорт для всех и формирование здорового образа жизни. Зарубежный опыт. – Томск: Томский гос. университет.
18. Виноградов П.А., Дивина Г.В., Жолдак В.И. (1997). Концепция массового развития спорта: Европейский опыт // Современные проблемы и концепции развития физической культуры и спорта. Часть I/Сост. В.И.Жолдак, В.Г.Камалетдинов. – Челябинск. – С. 138-177.
19. Виноградов П.А., Савин В.А. (1999). «Спорт для всех» на пороге XXI века // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 57-60.
20. Виноградов П.А., Столов И.И., Душанин А.П. (1999). Физическая культура и спорт в России в преддверии XXI века (проблемы и опыт). – Красноярск.
21. Владимиров А.А., Зеленов Л.А. (1999). Основы социологии и политологии: Учеб. пос. для средних профессиональных учебных заведений. – Н. Новгород.
22. Вуолле Паули (1998). Социальные параметры спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 131-136.
23. Гельперин Ю.М. (1977). Социально-идеологическая функция олимпийского движения в современном мире: Обзор. – М.: ВНИИФК. – 24 с.
24. Гостев Р.Г., Гуськов С.И. (2000). Физическая культура и спорт в России: состояние и перспективы // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 14-38.
25. Григорьянц А.Э. (2005). Трансформация российского спорта в эпоху глобализации (социологический анализ): Дис. ...канд. социол. наук. – М.: МГУ. – 24 с.
26. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
27. Гуллит Рууд (1988). Не люблю, когда меня называют богом // Сов. спорт, 13 ноября.
28. Гуськов С. (1988). В погоне за голосами: спортивное хобби президентов // Советский спорт. – 8 апреля.
29. Гуськов С.И. (1996а). Государство и спорт: О государственной политике зарубежных стран

- в области физического воспитания и спорта. – М.
30. Гуськов С.И. (1996б). О некоторых тенденциях развития международного спортивного движения и российского спорта в XXI веке // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Часть I. – Краснодар. – С. 37-42.
  31. Гуськов Сергей И. (1999). Социальные процессы, значимость спорта и его развитие в России // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы» и V Всеросс. совещ. «Практика олимпийского образования». – М. – С. 49-53.
  32. Гуськов С.И., Хуссам М. (1998). Телевидение и спортивная политика // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 12-15.
  33. Джонсон Уильям (1984). Будет ли продолжаться жизнь после Лос-Анджелеса // Международное спортивное движение. Экспресс-информация. – Вып. 15. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С. 3-6.
  34. Европейский Манифест «Молодые люди и спорт» // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-1. – С. 18-19.
  35. Егоров А.Г. (1996а). Олимпизм и провинциальная природа российского прогрессизма // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы V Всеросс. научно-практич. конф. – М. – С. 30-32.
  36. Жолифф Ж. ле (1979). Мнение ФСЖТ о большом спорте // Инф. вестник ВНИИФК. – №2. – С. 14-17.
  37. Заявление МОК // Советский спорт. – 25 апр. 1980.
  38. Зикмунд А.А. (1926). Основы советской системы физкультуры. – М.: Новая Москва.
  39. Змажлик Ежи (1978). Роль государства в спортивной жизни на Западе // Инф. вестник ВНИИФК. – № 19. – С. 2-5.
  40. «Информационный вестник». – 1976. № 1.
  41. Исаев Анатолий (1990). Возможен ли гуманизм в современном спорте! (Заочный диалог с генеральным директором ЮНЕСКО, Федерико Майором Сарагосой) // Олимпийский глобус: Сб./ Сост. А.А. Исаев, Н.Б. Лопатенко. – М.: Физкультура и спорт. – С. 18-31.
  42. Исаев А.А. (2002). Спортивная политика России. – М.: Сов. спорт.
  43. Кейвенаф Р.П. (1989). Зависимость организации спортивного движения в Канаде от государственной политики и идеологии // Организация и управление физической культурой и спортом в зарубежных странах. Тематич. подборка. – Вып. 10. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С. 3-11.
  44. Кёнен Карл (1981). Спорт и политика в ФРГ // Проблемы междунар. спортивного движения. – Тематич. подборка № 20. – М.: ВНИИФК. – С. 19-25.
  45. Кербер Николай (2006). Нил Трентер. Спорт, экономика и общество в Великобритании (1750–1914) // Отечественные записки. – № 6. – С. 42–53.
  46. Кёх Арнольд (1981). Пагубна ли зависимость между спортом и политикой? // Проблемы междунар. спортивного движения: Тематическая подборка. № 4. – М.: ВНИИФК. – С. 12-19.
  47. Киль А.Н. (2001). Спортивно-патриотическое воспитание как одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере физической культуры и спорта Российской Федерации // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 62-63.
  48. Ким В.В., Латыпов М.М., Линькова Н.А., Хам Г.С. (2001). О разделении спорта и оздоровительной физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 17–21.
  49. Киселев Р.М. (1978). США: спорт и общество. – М.: ФИС.
  50. Киселев Р.М. (1984). Использование империализмом олимпийского движения и международного спорта в политико-идеологических целях // Роль, функции и актуальные проблемы олимпийского движения. – М. – С. 33–45.
  51. Клее Херберт (1977). О политическом воспитании в спорте // Инф. вестник ВНИИФК. – № 15. – С. 10-15.
  52. Кноп де П. (1993). Политика молодежного спорта во Фламандских спортивных клубах (Бельгия) // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях за рубежом. – № 3. – М.: ЦООНТИ-ФИС. – С. 48-54.
  53. Козловский А.А. (1999). Социально-педагогические аспекты преодоления кризиса мирового олимпийского движения в период подготовки и проведения Игр XXII Олимпиады в г. Москве: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
  54. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
  55. Концепция развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2005 года // Теория и практика физической культуры. – 2001. № 4. – С. 2-8.
  56. Кубертен Пьер де (1997). Олимпийские мемуары. – Киев: Олимпийская литература. – 179 с.
  57. Кудиненко Владимир, Олейник Николай, Родригес Роберт Д. (2000). Спорт в политическом процессе стран СНГ (вопросы информационно-пропагандистского обеспечения) // IV Міжнародний науковий конгрес "Олімпійський спорт і спорт для всіх", 16-19 травня 2000 р., Київ, Україна: Тезиси докладов. – Київ: "Олімпійська література". – С. 207.

58. Кудренко А.Р. (1982). Анализ и обоснование эффективных форм и методов идейно-политического воспитания спортсменов высокой квалификации (на материалах сборных команд республики): Автореф. дис... канд. пед. наук. – Киев.
59. Кудрявцев В.Г., Кудрявцева Ж.В. (1987). Спорт мира и мир спорта. – М.: Молодая гвардия.
60. Кудрявцева Т.В., Неминуший В.П. (1989). Возрастание значения политического и нравственного воспитания молодежи в условиях перестройки // Нравственный потенциал современного спорта. – М.: Сов. спорт. – С. 72-74.
61. Кузин В.В. (1996). Современное состояние и перспективы развития физической культуры и спорта в России // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 55-58.
62. Кузин В.В. (2001). О нормотворчестве в области физической культуры и спорта: итоги и перспективы деятельности подкомитета по физической культуре и спорту Комитета Госдумы по охране здоровья и спорту. Спортивная Россия: Организации и персоны: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. В.В. Кузина. – М.: Физкультура и спорт.
63. Куликович Евгений (1998). Олимпийский спорт и политические амбиции // Междунар. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм» 14–18 июля 1998 г., г. Москва: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 134-135.
64. Куликович К.А. (1981). Спорт и религия // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 43-45.
65. Кыласов А.В. (2010а). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. – М.: АИРО–XXI. – 328 с.
66. Ландри Ф. (1988). Рост монополизации успеха на Олимпийских играх: Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 22-32.
67. Леванова Е.М. (1980). Справка об основных тенденциях в развитии современного олимпийского движения и Олимпийских игр (по материалам зарубежной печати). – М.: ВНИИФК. – 45 с.
68. Ленк Г. (1981). Большим быть, чем казаться // Bulletin № 8 du 11 Congress olympic de Baden-Baden. – P. 18-21, 73-81.
69. Литвиненко С.Н. (2005). Спорт для всех: социально-педагогические технологии. – М.: Изд. «Теория и практика физической культуры». – 368 с.
70. Литвиненко С.Н. (2006). Педагогическая система управления развитием спорта для всех: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – Санкт-Петербург. – 45 с.
71. Лотц Франц (1983). Наука и олимпийское движение // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация, вып. 19. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 14-20.
72. Макинтайр Томас Д. (1985). Социально-политические аспекты спорта в ГДР и КНР // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 27-32.
73. Массовая физическая культура и спорт. Идеино-политическое и нравственное воспитание физкультурников и спортсменов: Сб. материалов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С.137-144.
74. Материалы заседания Государственного совета РФ по вопросу “О повышении роли физической культуры и спорта в формировании здорового образа жизни россиян” 30 янв. 2002 г. // Сб. официальных документов и материалов. – 2002. № 2. – Государственный комитет РФ по физической культуре, спорту и туризму.
75. Материалы к заседанию Государственного Совета Российской Федерации по вопросу «О повышении роли физической культуры и спорта в формировании здорового образа жизни россиян»: Доклад. – М.: Сов. спорт, 2002.
76. Мельникова Н., Мягкова С., Трескин А. (1999). Россия у истоков олимпийского движения (Исторический очерк). – М.: Физкультура и спорт.
77. Митусова Е.Д., Передельский А.А. (2010). Правовые основы и образовательная политика в сфере физической культуры и спорта. – Москва. – 144 с.
78. Михайлин Вадим (2006). CITISSIME, ALTISSIMO, FORTISSIMO. Несколько эпизодов из истории европейской состязательной атлетики // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 6–30.
79. Михайлов В.В. (1998). Социокультурные потенциалы развития физической культуры и спорта в различных политических системах // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК. Том 4. – М.: “Физкультура, образование и наука”. – С. 91-96.
80. Михайлов В.В. (1999). Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М.
81. Михайлов В.В., Быховская И.М. (1997). Физическая культура и спорт как объекты социокультурной политики // Материалы итоговой научной конференции студентов и молодых ученых. – М.
82. Мичуда Ю.П. (2002). Экономические основы государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Украине // Physical Education and Sport. Quarterly. – Vol. 46, N.1. – Warsaw: PWN. – P. 17–18.

83. Млодзиковский Гжегож (1978). Политические группировки и спорт (на примере отдельных капиталистических стран Европы) // Информационный вестник. – № 1. – М.: ВНИИФК. – С. 35-40.
84. Нидерман Э. (1986). Может ли спорт способствовать взаимопониманию между народами? // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 8. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 24-30.
85. Общественная активность спортсменов ФРГ // Проблемы международного спортивного движения. – 1982. Тематич. подборка № 1. – С. 1-2.
86. О государственной политике ведущих зарубежных стран в области физического воспитания и спорта. – М., 1996.
87. Олейник Николай, Ашанин Владимир, Камаев Олег и др. (2001). Спорт и политика: социологический анализ взаимодействия в странах СНГ // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 13-14.
88. Олейник Н., Ашанин В., Кудиненко В., Эпштейн Л., Родригес Р.Д. (2002). Большой спорт в политическом процессе на постсоветском пространстве (политологические и социологические аспекты) // Physical Education and Sport. Quarterly. Vol. 46, N. 1. Part 2. Sixth International Scientific Congress "Modern Olympic Sport and Sport for all" (Warsaw, June 6-9, 2002). – Warsaw: Scientific Publishers PWN. – P. 19-20.
89. Опрос общественного мнения граждан США // Междунар. спортивное движение: Экспресс-инф., вып. 15. – М.: ЦООНТИ-ФиС, 1984. – С. 10-12.
90. Паначев В.Д. (2000). Спорт как социальный институт в развитии личности: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Пермь.
91. Партия зеленых (ФРГ) о проблемах современных Олимпийских игр // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – 1984. вып. 20. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 5-10.
92. Переверзин И.И. (1993). Спорт в России: постижение смысла истории и взгляд в будущее // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 7-10.
93. Перевозников А.А. (1999). Социально-педагогические аспекты деятельности спортивных клубов в России в процессе их становления и развития: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М.
94. Передельский А.А. (2008а). Физическая культура и спорт в муниципальном образовании. – М.
95. Петров Райко (1980). Идеино-этическое наследие Пьера де Кубертена // Актуальные проблемы международного олимпийского движения/ Сост. Ангел Солаков. – София Пресс. – С.7-27.
96. Петушкова Е.В. (1988). Новое мышление и новые аспекты роли спорта в борьбе за мир // Спорт и перестройка: Сб. науч. тр. по материалам Всесоюзной научно-практич. конф. «Государство, спорт и мир». – М. – С. 169-178.
97. Пилюян Р.А. (1990). Физкультура и спорт: пути перестройки. – М.
98. Позиции политических партий Франции по вопросам физического воспитания и спорта (1978) // Информационный вестник ВНИИФК. – 1978. № 6. – С. 1-29.
99. Пономарев Н.И. (1974в). Социальные функции физической культуры и спорта. – М.: ФиС.
100. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54-66.
101. Починкин В.М. (1985). Спорт и идеологическая борьба в современном мире. – М.: ФиС. – 192 с.
102. Починкин В.М. (1988). Воспитание спортсменов: формирование политической культуры и организация контрпропаганды // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта: Сб. научных трудов. – Малаховка. – С. 41-46.
103. Проблемы национализма и будущее олимпийского движения // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. – 1984. вып. 20. – М.: ЦООНТИ-ФиС, 1984. – С. 10-12.
104. Прохоров Д.И. (1978). Интеграция в спорте. – М.: ФиС. – 102 с.
105. Ратнер А.Б. (1998). Социально-педагогические аспекты деятельности Международного Олимпийского комитета на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
106. Родиченко В.С. (1998). Олимпийское движение в канун III тысячелетия: гармонизация интересов // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 95-101.
107. Родиченко Владимир (1999). Олимпийское движение: исторические истины и политические технологии (эмоциональный аспект) // Олимпийское движение и социальные процессы: IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы», V Всероссийское совещ. «Практика олимпийского образования»: Материалы. – М. – С. 229-233.
108. Рожков П.А. (2000а). Новые аспекты и подходы в развитии физической культуры и спорта в России // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 3-13.
109. Рожков П.А. (2000б). Усиление государственной политики в сфере физической культуры и спорта // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 4-10.

110. Рожков П.А. (2001). От великой спортивной державы – к здоровой России // Теория и практика физич. культуры. – № 1. – С. 2-7.
111. Рожков П.А. (2002а). Развитие физической культуры и спорта – приоритетное направление социальной политики государства // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 2-8.
112. Рожков П.А. (2002б). О реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в 2001 г.: Доклад на расширенном заседании коллегии Госкомспорта России 15 марта 2002 г. – М.: Советский спорт.
113. Рыбаков В.В., Куликов Л.М. (2002). К проблеме формирования национальной спортивной доктрины (аналитический обзор) // Теория и практика физической культуры. – № 3. – С. 5-10.
114. Рэнсон Ролланд (1999). Спорт для всех: новые и старые формы культуры движения // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 21-23.
115. Семотюк Дарвин М. (1981). Мотивы интереса правительств к спорту // Проблемы междунар. спортивного движения. – № 12. – М.: ВНИИФК. – С. 10-18.
116. Семотюк Дарвин М. (1985). О роли правительств в развитии физической культуры и спорта // Международное спортивное движение: Экспресс-инф. Вып. 9. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 35-44.
117. Серебряков А.В., Пономарев Н.И. (1979). Лоббизм в политике спортивных объединений США // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 34-56.
118. Серебряков А.В., Пономарев Н.И. (1987). Социология спорта США на службе капитализма. – М.: ФиС.
119. Сиджански Д. (1987). Спорт и политика по Пьеру де Кубертену // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 5. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 12-17.
120. Соколов А.С. (1998а). О муниципальной спортивной политике // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1. – С. 36-38.
121. Соколов А.С. (1998б). Основные направления деятельности местных органов власти в развитии физической культуры и спорта в зарубежных странах и в России: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М.
122. Солаков Ангел (1977). МОК, государство, ЮНЕСКО // Информационный вестник ВНИИФК. – № 19. – С. 27-38.
123. Спортивная политика для инвалидов (2001) // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 2011. № 3-4. – С. 42-43.
124. Спортивная структура и законодательство Швейцарии (2003) // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 2003. № 1. – С. 26-34.
125. Спортивная Хартия Европы // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-1. – С. 14-17.
126. Спортивно-патриотическое воспитание и адаптивная физкультура для детей и подростков: Сб. статей и докладов. Методические материалы. – М.: ООО «СТК», 2010. – 144 с.
127. Спорт и политика в Азии // Информац. вестник ВНИИФК. – 1975. №23. – С. 24-27.
128. Спорт и политика в Африке // Информац. вестник ВНИИФК. – 1976. № 7. – С. 5-9.
129. Степовой П.С. (1972). Спорт и общество: Некоторые методологические и социальные проблемы. – Тарту. – 224 с.
130. Степовой П.С. (1984). Спорт – политика – идеология. – М.: ФиС. – 128 с.
131. Стивенсон Кристофер Л., Никсон Джон Э. (1977). Концептуальная схема социальных функций спорта // Инф. вестник ВНИИФК. – № 21. – С. 21-36.
132. Столяров В.И. (1978а). К вопросу о марксистской концепции спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 5-7.
133. Столяров В.И. (1979). Методологические проблемы исследования физической культуры и спорта как элементов образа жизни // Спорт и образ жизни: Сб. ст. – М. – С. 4-22.
134. Столяров В.И. (1980а). Актуальные проблемы философии и социологии спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 7-10.
135. Столяров В.И. (1980б). Социальные проблемы спорта // Философские науки. – № 4. – С. 3-13.
136. Столяров В.И. (1980ж). Спорт и образ жизни // Общественные науки. №3. – С. 21-30.
137. Столяров В.И. (1988б). Гуманистическая ориентация перестройки в области спорта // Спорт и перестройка: Сб. науч. трудов по материалам Всесоюз. научно-практич. конф. «Государство, спорт и мир», Москва, 20-22 апр. 1988 г., Москва. – М. – С. 37-45.
138. Столяров В.И. (1989в). Олимпийское движение и воспитание молодежи: Методич. разработки для аспирантов и слушателей ВШТ. – М.: ГЦОЛИФК. – 33 с.
139. Столяров В.И. (1991а). Почему люди не занимаются физкультурой и спортом? (социологический анализ причин физкультурно-спортивной пассивности населения) // Актуальные проблемы пропаганды физической культуры и спорта, вып. первый. – М.: Знание. – С. 15-25.

140. Столяров В.И. (1993г). Проект "СпАрт" и новая комплексная система физкультурно-спортивной работы с целью духовного и физического оздоровления населения России (основные идеи и первые итоги реализации) // Теория и практика физической культуры. – № 4. – С.10–14.
141. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.
142. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–263.
143. Столяров В.И. (2005в). Взаимоотношение спорта и политики (социально-философский и методологический анализ) // Гуманистика соревнования. Вып. 3: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры. – С. 5–123.
144. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
145. Столяров В.И. (2010е). Инновационные проекты и программы повышения воспитательной роли детско-юношеского спорта: отечественный и зарубежный опыт // Спортивно-патриотическое воспитание и адаптивная физкультура для детей и подростков: Сб. статей и докладов. Методич. материалы. – М.: ООО «СТК». – С. 49–74.
146. Столяров В.И., Хлопков А.В. (2003в). Теоретическая концепция спортивно-политической культуры // VII Межд. научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 1. – М.: СпортАкадемПресс. – С. 182–183.
147. Суник А.Б. (2001). Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX-XX веков. – М.: Сов. спорт.
148. Сысоев В.И., Германов Г.Н. (2002). Государственное управление юношеским спортом и его поддержка – залог успешного выступления сборных команд России на международной арене // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 12–15.
149. Тумаларьян В.М. (2003). Религии и физическая культура человека // VII Междунар. научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 1. – М.: «СпортАкадемПресс». – С. 180.
150. Фомин Ю.А. (1986). Взаимосвязь спорта с политикой // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. по философским и социальным проблемам физической культуры и спорта, 16-18 мая 1986 г., г.Москва. – М. – С. 99-100.
151. Фомин Ю.А. (1988). Концепция «спорт – вне политики» и ее место в современной идеологической борьбе // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта: Сб. научных трудов. – Малаховка. – С. 73-82.
152. Фомин Ю.А. (1993). Спорт высших достижений: состояние, актуальные проблемы и перспективы развития (социологический анализ): Дис. ... докт. социол. наук. – М.
153. Франке Эльк (2006). Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. – № 33(6). – С. 67–81.
154. Хлопков А.В. (2003). Социально-педагогические аспекты концепции взаимоотношения спорта и политики: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
155. Холщевникова Татьяна (1997). Камо грядеши?.. // Межд. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3-4. – С. 54-57.
156. Холщевникова Татьяна (2000). Интеллектуальная слабость российского спорта // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 13-16.
157. Чепик В.Д. (1995). Физическая культура в социальных процессах. – М. – 169 с.
158. Чубукова Ю.А. (1991). Роль физического воспитания в политических и культурных преобразованиях Петра I // Введение в политологию: уч. пос. для вузов физической культуры. – М.: МОГИФК. – С. 254-265.
159. Шульке Х.Ю. (1976). Спорт, государство – государственный спорт // Информационный вестник ВНИИФК. – № 1. – С. 15-19.
160. Шульке Х.Ю. (1979). О политическом сознании западногерманских спортсменов // Информационный вестник. – № 15-16. – С. 19-21.
161. Щеулов И.В., Кайтмазова Е.Н. (1965). Церковь и физическая культура // Критика буржуазной «социологии спорта»/ред. А.А. Френкин. – М.: ФиС. – С. 125-147.
162. Adam Y. (1975). Le sport, objet de luttes idéologiques et politiques // Sport et développement humain. – Paris : Éditions sociales. – P. 277-296.
163. Ade J. (1982). Sport and physical education in developing countries // Review. International Council of Sports and Physical Education. – vol. 5, N. 1. – P. 17-24.



164. Ball D. (1972). The scalling of gaming // *Pacific Sociological Review*. – N. 15 (July). – P.277-293.
165. Böhme J.O., Gadow J., Güldenpfenning S., Jensen J., Pfister R. (1974). Sport im Spätkapitalismus. – Limpert, Frankfurt a.M.
166. Boxborough Henry (1969). Canada at the Olympics. – Ryerson Press, Toronto.
167. Brohm J.M. (1976a). Sociologie politique du sport. – Paris.
168. Brohm Jean-Marie (1976c). Une politique ouvrière: le PCF et la collaboration de classe // Sport, culture et répression. – Paris. – P. 141-169.
169. Charta des Deutschen Sports // Deutscher Sportbund 1978-1982. – Frankfurt a. M., 1982.
170. Coubertin Pierre de (1919). Pédagogie sportive. Nouvelle Edition. – Lausanne: Bureau International de Pédagogie sportive. – 158 p.
171. Coubertin Pierre de (1986a). Discours à Athènes (16 nov. 1894) // Pierre de Coubertin. Textes choisis. Tome II. – Zurich-Hildesheim-New York : Weidmann. – P. 364-375.
172. Enz F. (1977). Die Kirche und die Idee des Friedens im Sport // Sport – Dienst an der Gesellschaft, hrsq. P.Jakobi & H.E.Rosch. – Mainz. – S. 20-44.
173. Espy R. (1979). The Politics of the Olympic Games. – Berkley, Los Angeles: University of California Press. – 212 p.
174. Groussard S. (1975). The Blood of Israel. – New York: William Morrow.
175. Güldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.
176. Güldenpfennig Sven (1984b). Philosophy of the relations between sport and peace // *Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly*. – Vol. XI, N. 1. – P. 43-57.
177. Güldenpfennig Sven (2000). Political Science of Sport // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2<sup>nd</sup> Edition. – P. 123-136.
178. Hatfield F.C. (1976). Ethnocentrism and conflict. – vol. 1. – P. 32-44.
179. Jung Kurt (1974). Normen, Ziele, Prioritäten der Sportpolitik in der Bundesrepublik // Tutzing Studien. Texte und Dokumente zur politischen Bildung. – Evangelische Akademie Tutzing. – S. 48–56.
180. Kass D. (1976). The Issue of Racism at the 1936 Olympics // *Journal of Sports History*. – N.3 (Spring). – P. 223-235.
181. Kregel Wilhelm (1974). Sportpolitik in der Sicht des Deutschen Sportbundes // Tutzing Studien. Texte und Dokumente zur politischen Bildung. – Evangelische Akademie Tutzing. – S. 57–67.
182. Krockow Christian Graf von (1981). Sport et jeux... malgre et a cause des conflits = Sport and games ... despite and because of conflicts = Спорт и игры ... несмотря на конфликты, из-за конфликтов // Bulletin «Le sport comme organization – L'organization du sport» (11-e Congres olympique. Baden-Baden 1981), N. 2. – P. 6-10.
183. Krockow Christian Graf von (1984). Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beitrage einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 24-33.
184. Landry Fernand (1980). Olympism, Politics and Education // Report of the 20<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 131-149.
185. Lenskyj H. (1986). Out of Bounds: Women, Sport, and Sexuality. – Toronto: Women's Press.
186. Lenskyj H. (2000). Inside the Olympic industry: power, politics and activism. – Albany: State University of New York Press.
187. Lenskyj H. (2002). The best Olympics ever? Social impacts of Sydney 2000. – Albany: State University of New York Press.
188. Lenskyj H. (2003). Out on the field: Gender, sport and sexualities. – Toronto: Women's Press.
189. Lenskyj Helen Jefferson (2008). Olympic Industry Resistance. Challenging Olympic Power and Propaganda. – State University of New York Press, Albany. – 165 p.
190. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
191. MacAloon John (1981). This Great Symbol. Pierre de Coubertin and the Origins of the Modern Olympic Games. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 359 p.
192. McIntosh P. (1963). Sport and Society. – London, C.A.Watts.
193. Meynaud J. (1966). Sport et Politique. – Paris.
194. Michener J. (1976). Sports in America. – Random House.
195. Moorhouse H.F. (1986). Repressed Nationalism and Professional Football: Scotland versus England // Mangan, J.A., and Small, R.B. (eds.), Sport, culture, society: international, historical, and sociological perspectives: proceedings of the VIII Commonwealth and Int. Conference. – London: E. & F.N. Spon. – P. 52-59.
196. Moustard Rene (1975). Sport et ideologie // Sport et developpement humain. – Paris: Editions Sociales. – P. 211-235.
197. Nationalismus und Sport: Eine Dokumentation über den beabsichtigten Mißbrauch der Spiele der XX. Olympiade 1972 in München für nationalistisches Prestigestreben durch die herrschenden Kreise der BRD. – Gesellschaft zur Förderung des olympischen Gedankens in der DDR. – Berlin, 1971.
198. Norton D. (1971). A comparison of political attitudes and political participation of athletes and nonathletes: Masters thesis, University of Oregon.

199. Olin Kalevi (1981). Structure of Sport Policy in Finland // *International Review of Sport Sociology*. – vol. 3 (16). – P. 87–96.
200. Peace and Understanding Through Sport / (Ed.) Greta L. Cohen. // *Institute for International Sport*. – 1989. vol. 2, N. 1. – 93 p.
201. Petrie Brian M. (1975). Sport and politics // D.W. Ball, J.W. Loy (eds.). *Sport and Social Order*. – Reading, Mass.: Addison-Wesley. – P. 189–237.
202. Petrie Brian M. (1977). Examination of a Stereotype: Athletes as Conservatives // *Int. Review of Sport Sociology*. – vol. 3 (12). – P. 51–62.
203. Pfetsch F. et al. (1975). *Leistungssport und Gesellschaftssystem. Ein internationaler Vergleich*. – Schorndorf: K. Hofmann Verlag.
204. *Philosophic inquiry in sport (Second Edition)* / William J. Morgan, Klaus V. Meier (Eds.). – Human Kinetics, 1995. – 456 p.
205. *Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart*. – Würzburg: Verlag Platz Freiburg, 1980. – 139 p.
206. Rehberg R., Cohen M. (1976). Political attitudes and participation in extracurricular activities // D. Landers (ed.). *Social Problems in Athletics*. – Urbana: University of Illinois Press. – P. 201–216.
207. Rodriguez R.G. (2003). Nationalism and Sport: The Case of the 1978 World Cup // VII Международный научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 1. – М.: «СпортАкадемПресс». – С. 195–196.
208. Rösch H.E. (1979). Olympism and Religion // *IOA Proceedings*. – P. 192–205.
209. Sage G.H. (1974). Value orientations of American college coaches compared to those of male college students and business men // G. Sage (ed.). *Sport and American Society*. 2<sup>nd</sup> ed. – Reading, Mass.: Addison-Wesley. – P. 207–228.
210. Sage G.H. (1980). *Sociology of Physical Educator/Coaches: Personal Attributes Controversy* // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – Vol. 51, N. 1. – P. 110–121.
211. Seppänen P. (1984a). The Idealistic and Factual Role of Sport in International Understanding // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7–10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 57–63.
212. Seppänen P. (1984b). *The Olympics: A Sociological Perspective*. – University of Helsinki, Department of Sociology. – N. 33. – 27 p.
213. *Sport and International Relations*. Ed. by Benjamin Love, David B. Konin, Andrew Strenk. – Stipes Publishing Company, Champaign, Illinois, 1978. – 627 p.
214. *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7–10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag, 1984. – 372 p.
215. *Sport for all: Proceedings of the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3–7 June 1990*. – Amsterdam. New York. Oxford: Elsevier Science Publishers, 1991. – 681 p.
216. *Sportpolitische Konzeptionen der Parteien (1974)* // *Tutzingen Studien. Texte und Dokumente zur politischen Bildung*. – Evangelische Akademie Tutzing. – S. 18–47.
217. Stolyarov V.I. (1978e). The humanistic value of sport // *Philosophy, theology and history of sport and of physical activity. The International Congress of Physical Activity Sciences, book 8. Quebec, Symposia Specialists*. – P. 87–97.
218. Stolyarov V.I. (1980a). Die Erforschung des Sports als sozialen Phänomenes // *Gesellschaftswissenschaften*. – N 2. – S. 59–67.
219. Stolyarov V.I. (1980b). Sport and way of life (methodological aspects) // *The USSR: sport and way of life. «Social sciences today»*. Editorial Board USSR Academy of Sciences. M. – P. 55–69.
220. Stolyarov V.I. (1980d). The methodology of research into sport as a social phenomenon // *Social sciences*. – v. XI, N 2. – P. 39–47.
221. Strittmatter K. (1984). Zur Didaktik des Sports in der politischen Bildung // *Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung*. Band 206. Bonn. – S. 221–230.
222. Toohey D.P., Warning K. (1981). Nationalism: inevitable and incurable // Segrave J., Chu D. (eds.). *Olympism*. – Stipes, Champaign, III. – P. 118–126.
223. Trenter Neil (1998). *Sport, economy and society in Britain. 1750–1914*. – Cambridge: Cambridge University Press.
224. Ueberhorst Horst (1980). *Geschichte der Leibesübungen*. – Berlin.
225. Väyrynen R. (1984). Nationalism and Internationalism in Sports // *Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7–10, 1982*. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 64–71.
226. Vialar Paul (1962b). Pierre de Coubertin (II): The Man and His Work // *Report of the 2<sup>nd</sup> Summer Session of the IOA*. – Athens. – P. 72–88.
227. Willis P. (1982). Women in sport in ideology // Hargreaves, J. (ed.), *Sport, culture and ideology*, London: Routledge & Kegan Paul. – P. 117–135.
228. Witt Günter, Baumann Rainer и др. (1984). *Geistig-kulturelles Leben im DTSB der DDR: Ein Handbuch für Funktionäre, Trainer und Übungsleiter* // *Theorie und Praxis der Körperkultur*. – Beiheft 2.
229. Wohl A. (1986). Wychowanie fizyczne dla wojny czy dla pokoju // *Kultura fizyczne*. – N. 7–8. – P. 6–10.

## Раздел VII. СПОРТ И КУЛЬТУРА

Философская проблема взаимоотношения спорта и культуры – одна из важнейших проблем гуманистической теории спорта.

### Глава 23. Постановка проблемы

Данная проблема служила и до сих пор является предметом острых споров и дискуссий среди ученых – философов, социологов, культурологов, педагогов, психологов и т.д. Уже в 1910 г. вышла книга «Спорт и культура» [Steinitzer, 1910]. В последующем проблеме взаимоотношения спорта и культуры посвящены не только многочисленные статьи, но также монографические исследования [Баринов, 2009 б, 2010; Сараф, 1994, 2004; Столяров, 1988 д, 1997г, 1998 б; Хейзинга, 1992; Grupe, 1987; Jarvie, 2006; Krawczyk, 1970, 1984 d; Ortega y Gasset, 1955; Volkwein-Caplan, 2004 b], диссертации [Кыласов, 2010б; Лебедев, 2006; Леонтьук, 1996] и коллективные труды [Вишневский, Столяров, Федосов, 2007; Столяров, Баринов, 2009 б, в, 2011; Столяров, Самусенкова, 1996; Axiological Dimensions... 2004; Loy, Kenyon, McPherson, 1981; Neue Sportkultur... 1995; Sport, Culture and Society, 2005; Sport i Kultura, 1981; Sport in the Sociocultural... 1972; Sport und Kulturwandel... 1978]. В 1996–2007 гг. автором подготовлены и изданы Гуманитарным Центром «СпАрт» ГЦОЛИФК пять сборников статей ученых разных стран на тему: «Духовность. Спорт. Культура» и девять сборников на тему «Спорт, духовные ценности, культура».

Проблема взаимоотношения спорта и культуры обсуждалась на многих научных конгрессах, конференциях, симпозиумах и т.д. Некоторые из них, в том числе международные, например, семинары в Варшаве [Спорт и культура... 1979; Kulturowe wartosci sportu, 1981], международная конференция в Глазго [Sport, Culture, Society, 1986] и др. специально были посвящены данной проблеме.

Проблема взаимоотношения спорта и культуры имеет ряд аспектов:

- является ли спорт (те или иные его формы, разновидности) элементом культуры;
- если спорт относится к сфере культуры, то что представляет собой «спортивная культура», какие культурные ценности связаны с ней;
- какое место спортивная культура занимает в мире культуры, какое значение она имеет;
- как ценности спортивной культуры связаны с другими культурными ценностями общества, например, с эстетическими и этическими;
- какое влияние спорт оказывает на «внешнюю» по отношению к нему культуру, содействует ли формированию связанных с ней ценностей, каких именно и т.д.

Некоторые из этих вопросов (например, роль спорта в формировании и развитии эстетической культуры и культуры мира) рассмотрены выше. В данном разделе дополнительно рассматривается еще ряд аспектов проблемы взаимоотношения спорта и культуры – и прежде всего это комплекс вопросов, касающихся *спортивной культуры*.

Практически все исследователи признают, что «спорт представляет собой... систему репрезентаций и ценностей, снабжающую наше общество определенным видением мира и определенными способами поведения» [Fairchild, 1978, p. 60]. Но подход к решению обсуждаемой проблемы с разных теоретико-методологических позиций, естественно, приводит к различной и даже противоположной оценке взаимоотношения спорта с культурой, его культурного статуса.

#### 23.1. Различия и противоречия

##### в оценке взаимоотношения спорта и культуры

Как бы точкой отсчета во всех этих дискуссиях являются взгляды по обсуждаемой проблеме основателя современного олимпийского движения Пьера де Кубертена. В его работах, как отмечено выше, обоснован высокий социально-культурный статус спорта: высказано глубокое убеждение в том, что спорт имеет огромный гуманистический культурный потенциал, способен выполнять многообразные социокультурные функции.

В ходе последующих дискуссий высказываются различные и даже противоположные точки зрения и относительно этих взглядов Кубертена, и по самой обсуждаемой проблеме.

Чаще всего, учитывая отмеченное выше гуманистическое значение спорта, его относят к числу наиболее важных, значимых социальных явлений, входящих в сферу современной культуры, по крайней мере европейской. Так, Ф. Майор, генеральный директор ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), отметил в своем выступлении на открытии второй Международной конференции министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт (Москва, 21 ноября 1988 г.), что «спорт стал самой распространенной формой современной культуры, и он способствует обогащению личности в той же мере, как искусство и поэзия, история и творчество» [Выступление Генерального директора... 1988, с. 4]. С точки зрения П. Макинтоша, «ценности спорта получили такое всеобщее признание, которого не добивалась ни одна из величайших религиозных или политических систем в истории человечества» [McIntosh, 1984 b, p. 77]. Главный дизайнер Олимпийских игр в Мюнхене О. Эйхер, анализируя в докладе на 26-й сессии МОА аргументы за и против отнесения спорта к миру культурных ценностей, оценивает его как важный культурный феномен [Aicher, 1986]. Немецкий философ О. Групе отмечает, что спорт уже давно выступает как культурный феномен и что с ним связан широкий круг культурных ценностей [см.: Групе, 1987]. По мнению английского философа Дж. Пэрри, «спорт является видом культурной деятельности первостепенного значения» [Parry, 1995]. А вот еще одно мнение по этому вопросу: «...авторы, пишущие о спорте, перешли от нормативных или идеологических оценок к историческому, социологическому и антропологическому осмыслению спорта как важнейшего феномена современности. Отныне и те, кто относится к нему как к изобретению совсем недавнему, и те, кто считает это явление весьма древним, единодушно признают, что спорт сделался одной из основ современной культуры. Он стал «всеобъемлющим социальным явлением» (Марсель Мосс), поскольку способен оказывать воздействие на все общество в целом и на все общественные установления; он имеет отношение ко всем сторонам общественной жизни – политическим, экономическим, культурным, социальным, технологическим – и в то же самое время влияет на повседневную жизнь индивидов, составляющих современное общество [Fairchild, 1978, p. 58].

Ссылаясь на гуманистическое значение олимпийского движения, его также относят к миру культуры. Бывший президент МОК Х.А. Самаранч неоднократно отмечал важное место спорта и олимпийского движения в системе явлений современной культуры [см., например: Самаранч, 1997; Samaranch, 1999]. Выступая перед участниками 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, специально посвященной обсуждению олимпийских идеалов, он, в частности, сказал: «Спорт стал важным компонентом современной культуры потому, что он учит людей отказываться от насилия и экстремизма, дает наглядные уроки самопознания и взаимопонимания» [Президент МОК на трибуне ООН, 1996, с. 7]. По мнению С. Гюльденпфеннига, с XIX столетия наблюдается все ускоряющаяся дифференциация спорта «как относительно самостоятельного образца культуры», а «олимпийское движение оказалось устойчивой и утверждающей себя силой мирового развития культуры» [Güldenpfennig, 1981, s. 51, 54]. В. Шрёдер оценку олимпизма как социокультурного феномена выразил уже в самом названии своей статьи: «Олимпизм – составная часть мировой культуры» [Шрёдер, 1985]. Кристиан Посьелло, характеризуя спорт как «всеобъемлющее социальное явление», замечает, что «и те, кто относится к нему (спорту. – В.С.) как к изобретению совсем недавнему, и те, кто считает это явление весьма древним, единодушно признают, что спорт сделался одной из основ современной культуры»; «спорт представляет собой еще и систему репрезентаций и ценностей, снабжающую наше общество определенным видением мира и определенными способами поведения» [Посьелло, 2006, с. 58, 60].

Спорт относится к числу важных явлений современной культуры и во многих официальных документах. Так, например, в «Манифесте о спорте», подготовленном СИЕПС в сотрудничестве с ЮНЕСКО, отмечается, что «спорт все более прочно утверждается как существенный элемент культуры», который «воздействует на сферу этики, на образ жизни, на моральное поведение», «вносит новый вклад в самопознание человека» и т.д. [Манифест о спорте, 1971, С.16].

При обосновании отнесения спорта к миру культуры приводятся различные аргументы.

Б. Малиновский рассматривал спорт как культурную реакцию на потребность человека в движении [Malinowski, 1944]. Испанский философ Ортега-и-Гассет в работе «О

спортивно-праздничном смысле жизни» обосновывал положение о том, что именно спорт является основой культуры и цивилизации. По его мнению, спорт как одна из форм игровой деятельности – наряду с искусством – спасает современного человека «от серьезности жизни и пробуждает в нем мальчишество»: «За короткое время мы увидели, насколько поднялась на страницах газет волна спортивных развлечений, потопив почти все корабли серьезности... Торжество спорта означает победу юношеских ценностей над ценностями старости». «Труду, – писал он, – противоположен другой тип усилия, рождающийся не по долгу, а как свободный и щедрый порыв жизненной потенции: спорт» [Ortega Y. Gasset, 1955, p. 411–413]. Р. Мэйо, обосновывая культурный статус спорта, указывает на его связь с игрой, на тесный контакт спорта с искусством и т.д. [Маһео, 1970]. Французский философ Б. Жё указывает пять оснований для отнесения спорта к миру культуры: ритуальное происхождение спорта, его отображение в искусстве (прежде всего в литературе и живописи), а также его роль как источника вдохновения для искусства, эстетические ценности спорта и относительная автономия спорта как социального института [Же, 1994]. Отмечается, что спорт в своем историческом генезисе является продуктом и активным элементом осуществления культурного и общественного цивилизационного процесса в смысле уменьшения насилия благодаря общественной институционализации поведения, регулирующего насилие [Elias, 1947, 1971; Elias, Dunning, 1986]. Приводятся и другие аргументы [Кравчик, 2005 б; Csikszentmihalyi, 1981; Druon, 1982 и др.].

Наряду с высокой оценкой культурного статуса спорта широкое распространение имеет *скептический* взгляд на культурную ценность спорта. Как отмечает А. Жемильски, в основе такой его скептической оценки лежат следующие основные мотивы: осуждается «культ тела» во имя духовных ценностей, которые считаются главными для человека; спорту приписывается «вырождающийся инстинкт борьбы»; он рассматривается всего лишь как инструмент демагогических манипуляций сильных мира сего, спекулирующих на «низменных инстинктах толпы»; усматривают в триумфальном развитии спорта знамение всеобщего упадка, характерного для культуры Запада XIX–XX вв. [Жемильски, 1979, С. 102].

Иногда дается и *негативная* оценка спорта как социокультурного феномена: он исключается из мира культуры, рассматривается как проявление «упадка в культуре» и т.д.

Как известно, еще Шпенглер относил спорт к парадигмам цивилизации, а не культуры. Известный голландский ученый Й. Хёйзинга занимал сходную позицию в оценке современного спорта, который, по его мнению, стоит «в стороне от ...культурного процесса»: «...шумно пропагандируемые соревнования между странами не в состоянии поднять спорт до активной силы, создающей стиль и культуру. Несмотря на свое значение для участников и зрителей, он остается стерильной функцией, в которой древний игровой фактор по большей части уже успел отмереть. Такое понимание идет вразрез с ходячим мнением, для которого спорт является игровым элементом нашей культуры. В действительности он утратил лучшее из своего игрового содержания... О благородном *diagoge* в том смысле, который придавал этому слову Аристотель, здесь едва ли можно говорить: совершенно бесплодное умение, которое... не обогащает душу» [Цит. по: Аверинцев, 1969, с. 173].

Чаще всего при обосновании такой негативной оценки с позиций гуманизма культурного статуса спорта имеют в виду его *современную* разновидность и комплекс связанных с ней дисфункциональных проявлений. Обычно ссылаются на присущую современному спорту технократическую тенденцию, для которой характерен перенос цели деятельности с человека, его собственного развития на результат. Используется также марксистская концепция отчуждения человека и такие ее проявления в спорте, как специализация, гипертрофированное физическое развитие за счет интеллектуального, духовного, готовность прибегнуть к любым средствам (допинг, жестокость и т.п.) ради победы и др. (см. выше 7.1). При отказе спорту в культурном статусе ссылаются и на то, что «спорт включен в социально-экономическую сферу, и это отделяет его от сферы культуры, в которой самореализация выступает в качестве приоритетной цели» [Sadler, 1977, p. 88].

По мнению Г. Ленка, «спорт обладает лишь незначительной культурной ценностью. Скорее он представляет собой гиперкультурную, легко усваиваемую, по крайней мере функциональную и формальную, связанную с западной культурой и ее (несомненно сомнительным, но постоянно дискутируемым) триумфальным шествием ориентацию поня-

тий, как например, соперничество, победа-поражение, драматическая конфронтация и т.д.» [Ленк, 1981, с. 20].

Иногда спорт включают в сферу культуры, но лишь в ее «низший слой», относя его к явлениям не «подлинной», а лишь *массовой* («популярной») культуры [подробнее см.: Adorno, 1963; Jankowski, 1981]. Американские социологи Элтон Снайдер и Элмер Спрайтцер (Боулингский университет, США) указывают на традиции западного философского мышления рассматривать «спорт как низшую форму культуры, не соответствующую высшим проявлениям человеческой природы» [Snyder, Spreitzer, 1978, p. 5].

Важное значение для научно обоснованного решения обсуждаемой проблемы имеют указанные выше *принципы диалектического метода*, требующие конкретно-исторического подхода, всестороннего учета всех фактов, четкого определения понятий и т.д. С учетом этих принципов прежде всего уточним понятие культуры.

### 23.2. Понятие культуры

Данное понятие является сложным и дискуссионным. Латинско-русский словарь выделяет три основных значения слова “cultura”: 1) возделывание, обрабатывание, разведение, уход, 2) воспитание, образование, развитие; 3) поклонение, почитание.

Однако не только в обыденном словоупотреблении, но и среди ученых существуют самые различные трактовки, интерпретации данного понятия [их обзор см. в: Святославский, 2005]. Одно из первых определений культуры дал английский этнограф Э. Тейлор в 1871 г.: «Культура... – это некоторое сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества» [Tylor, 1958, p. 1]. В последующие годы в научный оборот введено множество других определений понятия «культура». А. Крёбер и К. Клакхон в 1952 г. насчитали более 300 научных определений культуры [см.: Kroeber, Kluckhohn, 1952], А. Моль в начале 70-х гг. – 250 [Моль, 1973], а отечественный теоретик культуры Л.Е. Кертман – уже свыше 400 [Кертман, 1987, с. 1].

Систематизируя различные взгляды на культуру, Е.А. Александрова и И.М. Быховская выделяют восемь основных подходов к ее истолкованию, согласно которым под культурой понимается:

- совокупность искусственно созданных человеком предметов, его знаний и т.п., образующих “вторую природу” человеческого мира, отличающегося от мира “первой” природы, от всего того, что дано человеку естественным образом;
- специфическая для человека система адаптации к среде, прежде всего – как система технологий, создаваемых человеком для удовлетворения своих многообразных потребностей;
- особая сфера общественной жизни и совокупность специфических культурных видов социальной деятельности, к которым относят в первую очередь “высокие”, творческие виды практики (прежде всего, художественное творчество), в том числе соответствующие институциональные формы ее организации и распространения результатов – музеи, театры, библиотеки и т.д.;
- высший уровень проявления развития человеческой цивилизации как своего рода собрание лучших творений, созданных человечеством в различных отраслях творческой деятельности;
- социальная деятельность (представленная во всех ее формах), имеющая определенный “знак качества”: положительную направленность и прогрессивный смысл, т.е. деятельность и ее результаты, ориентированные на гуманистические ценности и идеалы;
- особый, специфический лишь для человеческой практики (в отличие от биологической активности) ценностный “срез” различных форм деятельности – экономической, политической, художественной и т.д. и символические смыслы, придаваемые действиям человека и его результатам в рамках этих форм, что и позволяет выделять не только эти формы социальной деятельности, но также экономическую, политическую, художественную, религиозную и другие виды культуры;
- совокупность норм, ценностей, идеалов, которые существуют вне пределов не только природного, но и социального мира и образуют внешнюю по отношению к социальной практике, но регулирующую и во многом предопределяющую ее характер и направленность “третью реальность”;

- уровень развития самого человека, его знаний, умений, способностей [Александрова, Быховская, 1996, с. 24–25].

С.Э. Крапивенский указывает три подхода в понимании культуры: 1. Эмпирический (описательный), согласно которому культура – сумма, результат всей деятельности человека, совокупность предметов и ценностей, из которых она складывается. 2. Оценочный (аксиологический) подход, при котором «культурность» и «некультурность», а также степень культурности определяются путем соотнесения оцениваемого с тем, что избрано в качестве эталона. 3. Деятельностный подход – культура рассматривается как внебиологический, специфически человеческий способ деятельности [Крапивенский, 1998, с. 358–360].

Наличие столь различных подходов в понимании культуры объясняется в первую очередь сложностью самого познаваемого объекта. Культура имеет множество различных аспектов, которые и фиксируются в ее различных определениях. Кроме того, понятие «культура» вводится для решения различных исследовательских задач.

Несмотря на разногласия, практически все исследователи в понимании культуры опираются на ряд общих исходных положений. Общепринято связывать культуру не с природной, естественной, биологически заданной реальностью, а с социальной реальностью, созданной человеком: «Культура – это все искусственное, все общественное, все социальное, все созданное человеком» [Зеленов, Дахин, Ананьев, Кутырев, 1993, с. 3]. Признается также, что социальная, искусственно созданная реальность, относящаяся к сфере культуры, и природные, естественно возникшие явления не отделены друг от друга пропастью, находятся в неразрывной связи друг с другом: культура есть «природное, продолженное и преобразованное человеческой деятельностью» [Давидович, Жданов, 1979, с. 111]. Общепринято также связывать культуру с активной деятельностью человека, причем не только с ее результатами, но и с ее социально выработанными средствами, способами и т.д.

В данной работе – с учетом решаемых задач и системы используемых понятий – понятие культуры вводится в связи с анализом *ценностного отношения* субъекта (индивида, социальной группы, общества в целом). Уточним некоторые особенности и аспекты этого отношения.

Ценностное отношение выступает прежде всего как *оценка* субъектом определенных объектов с точки зрения их значимости, важности, полезности.

Формами проявления оценки какого-либо объекта и соответствующего ценностного отношения являются:

- различные компоненты *сознания* человека (например: мнения, выражаемые в определенных высказываниях, суждениях о данном объекте; связанные с ним различные эмоциональные реакции; наличие или отсутствие интереса к нему, ориентации на него, потребности в нем и т.д.);

- *реальные действия, поступки, поведение*, которые являются индикаторами, объективными интегральными показателями реальной (а не просто декларируемой) оценки человеком явлений окружающей его действительности.

Субъективная оценка каких-либо объектов и соответствующее отношение к ним могут быть различными. Некоторые объекты человек оценивает *позитивно*, рассматривает как значимые, важные, полезные, привлекательные; они вызывают у него положительные эмоциональные реакции. Поэтому и в своей практической деятельности человек проявляет к ним положительное отношение. Определенные объекты он оценивает *негативно*, так как, по его мнению, они не имеют для него существенного значения, вызывают у него негативные эмоциональные реакции и т.д. Поэтому в своей практической деятельности он старается избежать данных объектов, воспрепятствовать их распространению и т.д. В оценке некоторых объектов человек испытывает затруднения или признает их как позитивное, так и негативное значение. В связи с этим в своем отношении к ним он *безразличен, индифферентен, нейтрален*.

*Конкретное содержание* той или иной оценки объекта (т.е. как, каким образом он оценивается) зависит:

- от его реальных особенностей и реального значения,
- от тех свойств (сторон) данного объекта, тех аспектов его реального значения, которые субъект учитывает при оценке, опираясь на имеющиеся у него знания,
- от того основания (критерия), из которого он при этом исходит.

Поэтому ценностное отношение, рассматриваемое в полном объеме, включает в себя не только *оценку* (позитивную или негативную) объекта, но и ее *осмысление* (*обоснование, объяснение* [ср.: Каган, 1997, с. 52]).

В *содержательном* плане важно четко различать, не смешивать *субъективную оценку* значимости какого-либо объекта и его *реальное значение* для субъекта [Бронский, 2001; Столович, 1999]. Они могут совпадать друг с другом, если субъект позитивно (негативно) оценивает объект, значение которого носит именно такой характер. Но возможно и их несовпадение, если субъект позитивно оценивает такой объект, который, напротив, реально имеет негативное значение, или, наоборот, негативно оценивает объект, имеющий позитивное значение. Такое совпадение или несовпадение в первую очередь зависит от того, насколько имеющиеся у субъекта знания дают достоверную информацию об оцениваемом объекте.

А в *терминологическом* плане на основе указанного различия возможно двоякое употребление термина «ценности».

Л.А. Зеленов и М.В. Бронский за основу использования данного термина берут *реальную значимость* объектов для субъекта: «те явления, действия, которые обладают позитивным значением (для человека, ибо человек – мера всех вещей), являются ценностью» [Бронский, 2001, с. 46; см. также: Зеленов, 1971, 1985, 1999].

Другие исследователи, в том числе автор данной работы, в основу применения термина «ценности» кладут *субъективную оценку* значимости какого-либо объекта. А именно принимается положение о том, что социальные явления, которые субъект (индивид, социальная группа или общество в целом) оценивает позитивно, рассматривает как значимые, важные, полезные, привлекательные, а потому поддерживает, сохраняет, передает из поколения в поколение, выступают для него как *ценности*. «Ценность – особый тип мировоззренческой ориентации людей, сложившееся в той или иной культуре представление об идеале, нравственных эталонах поведения. Факты, явления, события, происходящие в природе, обществе, жизни индивида, воспринимаются человеком не только посредством логической системы знания, но и через призму его отношения к миру, его гуманистических мерок, нравственных и эстетических норм. Человек соизмеряет свое поведение с идеалом, целью, которая выступает для него в качестве образца... Ценность – это то, что человек считает значимым лично для себя» [Гуревич, 1988 а, с. 1]. «Ценности суть те явления (или стороны, свойства явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям исторически определенного общества или класса в качестве действительности, цели или идеала» [Проблема ценностей... 1966, с. 15–16]. В ценностях зафиксированы «те критерии социально признанного (данным обществом и социальной группой), на основе которых разворачиваются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие общественные институты и сами целенаправленные действия людей – как индивидуальные, так и коллективные» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 765].

В качестве ценности может выступать любой объект – материальный, духовный, художественный; реальный и воображаемый, природный и рукотворный; вещь, действие или событие, – если только он позитивно оценивается субъектом. «Мы будем называть *ценностью* любой предмет, материальный или идеальный, идею или институт, предмет действительный или воображаемый, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость» [Щепаньский, 1969, с. 51].

Ценности выступают для людей как *принципы, цели* или *средства* деятельности, как «*образцы*» и *модели* поведения, которым они стремятся подражать, как идеалы, на которые они ориентируются в своей деятельности, и т.д. Особенно важное место в системе компонентов сознания социального субъекта, определяющих его субъективное отношение к тому или иному явлению, занимают такие тесно связанные друг с другом состояния готовности личности к определенному способу действий, для обозначения которых в социологии используют термины «*жизненная позиция*», «*направленность интересов*», «*социальная установка*», «*доминирующая мотивация*», «*ориентация*» и т.п. Согласно концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности, которую разработал В.А. Ядов, все эти субъективные состояния суть «*диспозиции личности* – фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятель-



ности, а также действовать в этих условиях определенным образом» [Саморегуляция... 1979, с. 3].

Ориентации (установки) людей на определенные ценности называют **ценностными ориентациями**: «Ценностные ориентации личности (франц. orientation: установка) – разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей и в силу этого приобретающие функцию важнейших регуляторов социального поведения индивидов» [Краткий словарь... 1989, с. 443]. Эти ориентации, господствующие в той или иной социально-культурной системе, не всегда осознаются ее членами и нередко проявляются лишь как предрасположения. Они оказывают огромное влияние на социальное поведение людей, обеспечивают наиболее высокий уровень регуляции этого поведения.

Ценности, которыми может быть «наделен» объект, связанные с ними ценностные ориентации, а также уровни ценностного отношения многообразны. Например, в зависимости от того какие социальные явления (политические, экономические, эстетические, нравственные и т.д.) оцениваются, выделяются соответствующие политические, экономические, эстетические, нравственные ценности. В рамках ценностного отношения может оцениваться утилитарная польза тех или иных явлений, а также их символическое значение. С этим связано различие утилитарных и символических ценностей.

Предлагаются и другие классификации ценностей и ценностных ориентаций [Маецкий, 1988; Шилов, 1992 и др.]. Известна, например, классификация Рожича –Ядова. При анализе диспозиционной структуры личности они различают ценности-цели (терминальные ценностные ориентации) и ценности-средства, способы достижения цели (инструментальные ценностные ориентации). К числу первых указанные авторы относят: активную деятельную жизнь, жизненную мудрость, интересную работу, красоту природы и искусства, любовь, материальную обеспеченную жизнь, наличие хороших и верных друзей, обстановку в стране (мир во всем мире), общественное признание, познание, равенство, самостоятельность, свободу, счастливую семейную жизнь, творчество, уверенность в себе, здоровье. В инструментальные ценности они включают: аккуратность, воспитанность, высокие запросы, жизнерадостность, исполнительность, независимость, непримиримость к недостаткам в себе и в других, образованность, ответственность, рационализм, самоконтроль, смелость в отстаивании мнения, воля, терпимость, широту взглядов, честность, трудолюбие, чуткость [Саморегуляция... 1979].

Особенно важно различать три вида ценностных ориентаций (и соответственно три уровня ценностного отношения):

- 1) *декларативные*, о которых можно судить по высказываемым суждениям, мнениям, отзывам, характеристикам и т.п. (*когнитивный* уровень ценностного отношения);
- 2) *эмоционально-мотивационные*, показателями которых являются чувства, переживания, положительные или отрицательные эмоции, интерес, потребности или отсутствие таковых (*эмоционально-мотивационный* уровень ценностного отношения);
- 3) *реальные*, индикатор которых – реальное поведение, реальные поступки (*поведенческий* уровень ценностного отношения).

С учетом отмеченных выше особенностей и аспектов ценностного отношения уточним понятие культуры.

В системе понятий, используемых в данной книге, **понятие культуры** характеризует *процесс, средства и результаты деятельности субъекта (индивида, социальной группы или общества в целом) по созданию и сохранению тех социальных явлений, которые он, ориентируясь на определенные социальные идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности*.

В основу этого понимания культуры положена указанная выше интерпретация ценностей, при которой они связываются с *субъективной оценкой* значимости какого-либо объекта.

Но, как отмечено, иногда встречается другой подход, когда за основу понимания ценностей берут *реальную значимость* объектов для субъекта. В соответствии с этим меняется и понимание культуры: «Те явления, действия, которые обладают позитивным значением (для человека, ибо человек – мера всех вещей), является ценностью. Они и образуют своим субстанциональным (носитель) и функциональным (значение) включением в

общественную жизнь культуру» [Бронский, 2001, с. 46; см. также: Зеленов, 1971, 1985, 1999].

Еще раз подчеркнем, что самое важное в обсуждаемом вопросе состоит в том, чтобы в содержательном плане четко различать субъективную оценку значимости какого-либо объекта и его реальное значение для субъекта, учитывая это различие в системе используемых понятий, в том числе понятий «ценности» и «культура».

Исходя из этого, автор в *системе понятий*, используемых в данной книге, учитывает возможность двоякой интерпретации ценностей и культуры, основанной на различении субъективной оценки значимости какого-либо объекта и его реального значения для субъекта. В соответствии с этим предполагается, что, приобщаясь к миру культуры, социальный объект приобретает культурный статус. Характеристика *культурного статуса* какого-либо социального объекта предполагает указание на следующие его аспекты:

- оценивает ли его субъект как *ценность*;
- способен ли данный объект в принципе по своему потенциалу обеспечивать процесс производства, потребления, сохранения и развития тех или иных ценностей (вопрос о его *культурном потенциале*);
- насколько этот потенциал реализуется, какую роль данный социальный объект действительно играет в указанном процессе (вопрос о *реальной культурной значимости* объекта).

Социальные явления, выступающие как ценности (а значит, имеющие культурный статус) для одного социального субъекта, могут не представлять ценности (и потому не входить в набор ценностей культуры) другого социального субъекта [Гуревич, 1988 а, б]. С течением времени ценностное отношение субъекта к какому-либо явлению может измениться, и явление, относившееся к миру культуры, утрачивает свой культурный статус – для определенного индивида, группы или даже общества в целом. «Поскольку... сам набор ценностей, образцов, смыслов, символов как составляющих культурного пространства, как известно, не является универсальным, носит конкретно-исторический и конкретно-социальный характер, будучи сопряжен с теми или иными группами интересов, потребностей (экономических, профессиональных, гендерных, этнических, конфессиональных и т.д.), то, естественно, и возникающая на пересечении этих факторов с конкретными типами и формами деятельности культура – хозяйственная, политическая, профессиональная, бытовая и т.д. – будет иметь различное наполнение в разные эпохи и в разных социальных слоях, в различных геополитических пространствах и этнических сообществах, в различных профессиональных видах деятельности и процессах социокультурной идентификации личности» [Александрова, Быховская, 1996, с. 30]. Например, в американской культуре одна из наиболее значимых ценностей – физическое здоровье, что характерно для всех молодых культур. В старых же культурах, например в индийской, наоборот, одно из наиболее важных мест в системе ценностей занимает смерть [Люшен, 1979, с. 40].

Однако «одни и те же ценностные основания, ориентации, смыслы могут быть “упакованы” в совершенно различные на первый взгляд формы и символы, иметь различную феноменологическую представленность, что, тем не менее, позволяет говорить в этом случае об определенных универсалиях культуры при ее многоликости и разножанровости» [Александрова, Быховская, 1996, с. 30]. Для характеристики того набора культурных характеристик, который присутствует во всех культурах, обычно используется понятие «*панкультура*» [Морфология культуры, 1994, с. 5].

Социальный механизм освоения индивидом ценностей культуры всесторонне и глубоко проанализирован в научной литературе [Александрова, Быховская, 1996; Библер, 1992; Зеленов, Дахин, Ананьев, Кутырев, 1993; Леви-Строс, 1983; Образование в пространстве... 2005; Основы культурологии, 2005; Розин, 1994 а и др.]. Обосновано положение о том, что это происходит в процессе *социализации*.

Для обозначения процесса приобщения человека к культуре, к системе составляющих ее ценностей, который происходит в ходе социализации, чаще всего используют термины «*инкультурация*», «*культурация*» и «*окультуривание*» [Александрова, Быховская, 1996; Каган, 1997; Пономарев Н.И., 1994; Степашко, 1999 и др.]. В ходе этого процесса индивид трансформирует ценности культуры в содержание своего внутреннего мира. Поэтому в культурно-исторической теории Л.С. Выготского инкультурация выступает как интериоризация, в процессе которой происходит усвоение индивидом ценностей культу-

ры, формируется его внутренний мир в его когнитивных компонентах (значения) и аффективно-мотивационных компонентах (смыслы).

Инкультурация охватывает все процессы взаимоотношений человека с миром культуры. В этом процессе можно выделить следующие аспекты: *институциональный* (семья, образовательные учреждения, социальные институты государственного и негосударственного характера); *субъектный* (дети, взрослые, родители, сверстники, учителя, воспитатели и т.д.); *объектный* (все виды и типы ценностей культуры); *процессуальный* (все механизмы, способы, приемы, методики, технологии инкультурации).

Положение о связи культуры с ценностным отношением и ценностями широко представлен и обоснован в научной литературе. Данное положение лежит в основе многих первых научных теорий культуры. П.А. Сорокин – крупнейший русский социолог и культуролог – обосновывал положение о том, что именно ценности служат основой и фундаментом всякой культуры [Сорокин, 1994]. Г. Риккерт считал, что под культурой следует понимать «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и делаемых ради этих ценностей», и что «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком» [Риккерт, 1911, с. 53, 62].

Понимание культуры связывается с миром ценностей и во многих других, в том числе современных, концепциях культуры. Так, в работе Е.Я.Александровой и И.М. Быховской обосновывается подход к культуре, «основанный на выделении в качестве специфически культурных составляющих социального пространства его аксиологического, нормативного, идеационного “среза” и семиотической системы, обеспечивающей явленность этого контекста». Под культурой понимаются регулятивные основания жизнедеятельности человека, определяющие характер и направленность всех форм и областей социальной практики, общественных отношений, конкретных видов деятельности, в которых и находит свое выражение та или иная система ценностей и образцов, норм и идеалов, символов и смыслов [Александрова, Быховская, с. 30].

Г. Люшен понимает под культурой «духовные нормы и идеальные абстракции, которые лежат в основе поведения или являются его результатами», и на основе этого включает в понятие культуры «ценности, нормы, верования и знаки, а именно символы вербальной и невербальной коммуникации» [Люшен, 1979, с. 36; Lüschen, Sage, 1981, p. 93].

Вот несколько других примеров. «Культура – это совокупность позитивных, положительных образований, система ценностей» [Зеленов, Дахин, Ананьев, Кутырев, 1993, с. 5]. «Культура является системой ценностей, норм и санкций» [Loy, McPherson, Kenyon, 1978, p. 30].

Признавая неразрывную связь культуры с ценностями, вместе с тем, как отмечал Н.З. Чавчавадзе, важно учитывать, что «с культурой мы имеем дело только тогда, когда идеально-духовные ценности, в самом прямом смысле этих слов реализуются, материализуются, облекаются плотью, обретают временно-пространственно-протяженное тело...» [Цит. по: Розин, 1994 а, с. 17]. Поэтому следует различать две подсистемы культуры: «*нормативно-семиотическую*» (систему норм, правил, идеалов, символов и т.п.) и «*материально-денотативную*» (материальное воплощение символических форм культуры) [Розин, 1994 а, с. 16].

В зависимости от того о культуре какого социального субъекта идет речь, имеет место соответственно культура отдельной *личности*, социальной *группы* или *общества в целом*.

В соответствии с изложенным выше пониманием культуры она включает в себя разнообразные социальные явления: качества и способности человека; определенные формы деятельности; ее средства и результаты; определенные типы поведения и связанные с ними нормы, правила, санкции; эмоциональные реакции, знания, интересы, потребности; социальные институты, отношения, процессы и др. Все эти явления относятся к культуре лишь в той мере, в какой они включены в деятельность социального субъекта (индивида, социальной группы или общества в целом) по созданию и сохранению признаваемых им ценностей (соответствующих идеалов, эталонов, норм поведения) и характеризуют результаты этой его деятельности.

Те социальные явления, которые социальный субъект оценивает негативно, образуют для него сферу *контркультуры*.

Для характеристики набора ценностей отдельного индивида или социальной группы, отличающихся от ценностей, разделяемых и поддерживаемых той более широкой социальной системой, в которую входят эти индивиды (социальные группы), в социологии используют понятие «*субкультура*». Немецкий ученый Р. Швендтер, один из основоположников теории субкультур, так определяет это понятие: «Субкультура – часть конкретного общества, которая своими институтами, обычаями, нормами, системой ценностей, преимуществами и т.д. в значительной мере отличается от господствующих установок существующего общественного устройства» [Schwendter, 1976, s. 11]. М. Брэйк, английский исследователь молодежной субкультуры, рассматривает ее как определенную форму организации носителей определенного сочетания ценностей, поведения, действия, которые отличаются от господствующей системы норм [Brake, 1980, h. 9].

Субкультуру характеризуют также как «совокупность убеждений, ценностей, норм и обычаев, связанных с определенной социальной подсистемой... существующих внутри большей по размеру социальной системы или культуры» [Fisher, 1975], как «предмет (тема) культуры, субэтос или набор ценностей, отличных от существующей в общей культуре» [Wolfgang, Ferracuti, 1967] и т.д.

### Литература к гл. 23

1. Аверинцев С.С. (1969). Культурология Йохана Хейзинги // Вопросы философии. – № 3.
2. Александрова Е.А., Быховская И.М. (1996). Культурологические опыты. – М. – 115 с.
3. Баринев С.Ю. (2009б). Педагогические основы формирования спортивной культуры личности: Монография. – М.: Анкил. – 210 с.
4. Баринев С.Ю. (2010). Диагностика спортивной культуры личности: Монография. – М.: Издательство «КДУ». – 96 с.
5. Библер В.С. (1992). Школа диалога культур: основы программы. – Кемерово: Алеф. – 93 с.
6. Бронский М.В. (2001). Философский анализ научного статуса аксиологии: Монография. – Н. Новгород. – 140 с.
7. Вишневецкий В.И., Столяров В.И., Федосов В.Г. (2007). Современный спорт как социально-культурное явление и его гуманистическая ценность: Учеб. пособие. – М.: МАДИ (ГТУ). – 72 с.
8. Выступление генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора на открытии конференции // Междунар. спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 10. – М.: ЦООНТИ-ФиС, 1988. – С. 4-8.
9. Гуревич П. (1988 а). Человек и его ценности // Человек и его ценности: Сб. тез. советских философов, ч. I. – М. – С. 1-15.
10. Гуревич П.С. (1988б). Ценность и культура // Культурные ценности: прошлое и современность (Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному философскому конгрессу «Философское понимание человека». Великобритания, Брайтон, 21-27 августа 1988 г.). – М. – С. 8-20.
11. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. (1979). Сущность культуры. – Ростов-на-Дону. – 264 с.
12. Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй. Ценности спорта и пути его гуманизации: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 187 с.
13. Духовность. Спорт. Культура. Вып. третий. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез?: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 180 с.
14. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 197 с.
15. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 195 с.
16. Жемильски А. (1979). Скептический взгляд на спорт // Спорт и образ жизни: Сб. статей. / Сост. В.И.Столяров, З. Кравчик. – М., ФиС. – С. 101-112.
17. Зеленов Л.А., Дахин А.В., Ананьев Ю.В., Кутырев В.А. (1993). Культурология: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та. – 92 с.
18. Каган М.С. (1997). Философская теория ценности. – Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис». – 205 с.
19. Кертман Л.Е. (1987). История культуры стран Европы и Америки. – М.: Политиздат.
20. Кравчик З. (2005б). Спорт и современные образцы культуры // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. Ч. 2. – С. 42-48.
21. Крапивенский С.Э. (1998). Социальная философия: Учебник для студентов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 416 с.

22. Краткий словарь по социологии/Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.
23. Кыласов А.В. (2010б). Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Автореф. дис. кандидата культурологии. – М. – 32 с.
24. Лебедев А.С. (2006). Гуманистическая сущность и социокультурные функции спорта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 21 с.
25. Леви-Стросс К. (1983). Структурная антропология: пер. с франц. – М.: Наука. – 536 с.
26. Ленк Г. (1981). Большим быть, чем казаться // Bulletin № 8 du 11 Congress olympic de Baden-Baden. – P. 18-21, 73-81.
27. Леонтьев А.М. (1996). Спорт как социокультурный феномен: Дис. ... канд. филос. наук. – СПб. – 23 с.
28. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.
29. Маецкий Здислав (1988). Диалектика общественных и личностных ценностей: Автореф. дис... докт. филос. наук. – Л. – 32 с.
30. Манифест о спорте (подготовленный СИЕПС в сотрудничестве с ЮНЕСКО после консультаций с правительствами). – М., 1971. – 35 с.
31. Моль Абраам (1973). Социодинамика культуры. – М.: Прогресс. – 406 с.
32. Морфология культуры. Структура и динамика/Г.А.Аванесова, В.Г.Бабаков, Э.В.Быкова и др. Учеб. пособие для вузов. – М.: Наука, 1994. – 415 с.
33. Образование в пространстве культуры: Сб. науч. ст. Вып. 2 / Федеральное агентство по культуре и кинематографии; Рос. ин-т культурологии. – М.: РИК, 2005. – 493 с.
34. Основы культурологии: Учебное пособие / Отв. ред. И. М. Быховская. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 496 с.
35. Пономарев Н.И. (1994). Культура физическая, а также спорт: проблемы и перспективы // Олимпийское движение и социальные процессы: Сб. материалов Международной. конф. – СПб. – С. 34-37.
36. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54–66.
37. Президент МОК на трибуне ООН // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-2. – С. 6-7.
38. Проблема ценностей в философии. – М., 1966. – 226 с.
39. Риккерт Г. (1911). Науки о природе и науки о культуре. – СПб.
40. Розин В.М. (1994а). Введение в культурологию. – М.: Междунар. педагогическая академия. – 104 с.
41. Самаранч Х.А. (1997). Спорт, культура и искусство // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 9-11.
42. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л., 1979. – 264 с.
43. Сараф М.Я. (1994). Спорт в системе культуры. – Голицыно. – 72 с.
44. Сараф М.Я. (2004). Спорт в системе культуры. – Голицыно.
45. Святославский А.В. (2005). E pluribus unum. О семантическом единстве понятия культура в связи с понятием образования // Образование в пространстве культуры: Сб. науч. ст. Вып. 2/Федеральное агентство по культуре и кинематографии; Рос. ин-т культурологии. – М.: РИК. – С. 38–43.
46. Сорокин П.А. (1994). Общедоступный учебник социологии. – М.
47. СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, А.Г.Егоров, В.Н.Костюченков. – Москва-Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия, 1996. – 134 с.
48. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997. – 210 с.
49. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 316 с.
50. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 349 с.
51. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 280 с.
52. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 266 с.
53. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб.ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 285 с.

54. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой. Детский спорт (концепции, программы, технологии): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 319 с.
55. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 255 с.
56. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый. Обобщающий анализ проблемы (итоги и перспективы): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 216 с.
57. Спорт и культура: Резюме докладов межд. сем. социологов спорта. Варшава, авг. 20-24 1979. – Варшава-Яблонна, 1979. – 64 с.
58. Степашко Л.А. (1999). Философия и история образования: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта. – 272 с.
59. Столович Л.Н. (1999). Философия. Эстетика. Смех. – СПб.,-Тарту. – 384 с.
60. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
61. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84-209.
62. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
63. Столяров В.И., Баринов С.Ю. (2009б). Спортивная культура личности: Учебное пособие для студентов. – М.: Издательство «Университетская книга». – 128 с.
64. Столяров В.И., Баринов С.Ю. (2009в). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. – М.: Анкил. – 216 с.
65. Столяров В.И., Баринов С.Ю. (2011). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. 2-е изд. перераб. и дополн. – М.: Издательство «Университетская книга». – 234 с.
66. Столяров В.И., Самусенкова В.И. (1996). Современный спорт как феномен культуры и пути его интеграции с искусством (теория, методологические подходы, программы) // Духовность. Спорт. Культура. Вып. 3: Сб. ст. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 49-178.
67. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.
68. Хейзинга Йохан (1992). Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Изд. группа «прогресс», «Прогресс-Академия». – С. 5-240.
69. Чавчавадзе Н.З. (1980). О ценностном аспекте понятия нации // Философские проблемы культуры. – Тбилиси.
70. Шилов В.Н. (1992). Социальные ценности: философско-социологический анализ: Автореф. дис. ...докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 39 с.
71. Шрёдер В. (1985). Олимпизм – составная часть мировой культуры // Спорт за рубежом. – № 3. – С. 4-5.
72. Щепаньский Я. (1969). Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс.
73. Adorno Th.W. (1963). Prismen, Kulturkritik und Gesellschaft. – München.
74. Aicher Otl (1987). Sport and Consciousness of Modern Culture // IOA. Report of the Twenty-sixth Session. – Lausanne. – P. 163-170.
75. Axiological Dimensions of Sport – Practical Aspects/eds. Kosiewicz Jerzy, Obodyński Kazimierz. Rzeszow, 2004. – 175 p.
76. Brake M. (1980). The Sociology of Youth Culture and Youth Subcultures. – London.
77. Csikszentmihalyi Mihaly (1981). The Value of Sports: Paper presented at the Fifth World Sport Psychology Congress. – Ottawa, Canada, August 26-31, 1981.
78. Druon M. (1982). The value of competition and its contribution to European culture // Report of the 21<sup>st</sup> Session of the I.O.A. – Athens. – P. 168-179.
79. Elias N. (1947). Sport and Violence // Actes Recherche Science Sociales. – № 6. – P. 2-20.
80. Elias N. (1971). The Genesis of Sport as a Sociological Problem // Dunning E. (ed.). The sociology of sport. – London. – P. 88-115.
81. Elias N., Dunning E. (1986). Quest for Excitement. Sport and Leisure in the Civilizing Process. – Basil Blackwell, Oxford.
82. Fairchild David L. (1978). Creative Sports: Antidote to Alienation // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. V. – P. 57-62.
83. Fisher C. (1975). Toward a subcultural theory of urbanism // American Journal of Sociology. – v. 80 (May). – P. 1319–1341.
84. Grupe Ommo (1987). Sport als Kultur. – Zurich: Edition Interfrom.
85. Guldenpfennig Sven (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.

86. Jankowski K. (1981). Sport a kultura masowa // Sport i kultura/Praca zbiorowa pod red. Z.Krawczyka. – Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe. – P. 227-240.
87. Jarvie Grant (2006). Sport Culture and Society: An Introduction. – London.
88. Jeu Bernard (1994). Sport, a Social and Cultural Phenomenon // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 1–4.
89. Krawczyk Zbigniew (1970). Natura, kultura, sport. – PNN, Warszawa. – 387 p.
90. Krawczyk Z. (1984d). Sport, Kultur, Gesellschaft. Sozialphilosophische Beiträge. – Verlag Karl Hofmann: Schorndorf. – 125 p.
91. Kroeber A.L., Kluckhohn C. (1952). Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions // Papers of Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harvard University. 47(1). – Cambridge, Mass. – P. 1–223.
92. Kulturowe wartosci sportu: Materiały VI Międzynarodowego sympozium socjologii sportu, cz. I, II, III. Warszawa, 1981.
93. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
94. Lüschen G., Sage G. (Eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes Publishing Comp.
95. Maheo R. (1970). Sport and Culture // Introduction to Physical Education. Ed. by H.S.Slusher and A.S.Lockhart. – Springfield. – P. 186-197.
96. Malinowski B. (1944). A Scientific Theory of Culture and Other Essays. – University of North Carolina Press, Chapel Hill.
97. McIntosh P. (1984b). Systems of Value and International Sport // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 69-83.
98. Neue Sportkultur. Neue Wege in Sport, Spiel, Tanz und Theater. Von der Alternativen Bewegungskultur zur Neuen Sportkultur/Rainer Pawelke /Hrsg./. – Ein Handbuch Lichtenau: AOL-Verlag, 1995. – 495 S.
99. Ortega y Gasset J. (1955). Über des Lebens sportlich-festlichen Sinn. – Frankfurt/M.
100. Parry Jim (1995). The Moral and Cultural Dimensions of Olympism and their Educational Application // IOA. Report of the 34<sup>th</sup> Session. – IOC. – P. 181–195.
101. Sadler William A. Jr. (1977). Alienated Youth and Creative Sports Experience // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. IV. – P. 83-95.
102. Samaranch Juan Antonio (1999). The Olympic Culture in Favour Of Peace // Olympic Review. – vol. XXVI. N. 28. – P. 35-38.
103. Schwendter R. (1976). Theorie der Subkultur. – Frankfurt am Main.
104. Sport and Humanism: Proceedings of the International Workshop of Sport Sociology in Japan. – Gotenba, 1988.
105. Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk/Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw, 2005. – 432 p.
106. Sport, Culture, Society. International, Historical and Sociological Perspectives: Proceedings of the VIII Commonwealth and Int. Conference on Sport, Physical Education, Dance, Recreation and Health, Conference '86 Glasgow, 18-23 July. – London, New York: E.&F.N.Spon, 1986.
107. Sport i Kultura/red. Krawczyk Z. – Warszawa: Panstwowe Wydownictwo naukowe, 1981. – 240 p.
108. Sport in the Sociocultural Process. Third Edition / Hart V., Birrell S. /Eds./. – Wm. C. Brown Company Publishers, Dubuque, Iowa, 1972.
109. Sport und Kulturwandel/Tetsch E.J. (Hrsg.). – Stuttgart, 1978.
110. Steinitzer H. (1910). Sport und Kultur. – München.
111. Tylor E.B. (1958). Primitive culture. – N.Y.
112. Volkwein-Caplan Karin A.E. (2004b). Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – 240 p.
113. Wolfgang M., Ferracuti F. (1967). The Subculture of Violence. – London: Tavistock.

## Глава 24. Спортивная культура и ее разновидности

Изложенная выше характеристика культуры позволяет при анализе взаимоотношения спорта и культуры выделить и различить следующие аспекты этого отношения:

1) **культурный потенциал спорта** – заключенные в нем возможности для формирования и реализации определенных ценностей и связанных с ними идеалов, норм, образцов поведения и т.п.;

2) **реальное культурное значение спорта** – его реальная значимость для формирования и реализации определенных ценностей и связанных с ними идеалов, норм, образцов поведения и т.п.;

3) **спортивную культуру** как особую сферу культуры; в ее основе лежит деятельность, ее средства и результаты по осмыслению, сохранению и развитию тех разновидностей, сторон, функций, компонентов спорта, которые субъект, ориентируясь на определенные социальные идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности и потому стремится поддерживать, развивать.

При анализе гуманистической ценности спорта в разделе IV было обосновано положение о диалектически-противоречивом *культурном потенциале* и *реальном культурном значении* спорта.

Теперь обсудим третий аспект взаимоотношения спорта и культуры – проблему *спортивной культуры*.

### 24.1. Понятие и структура спортивной культуры

Понятие «спортивная культура» все чаще используется в научных публикациях. Причем ему дают различные интерпретации.

Так, например, румынская комиссия по терминологии, включив это понятие в систему понятий, связанных со спортом, дала ему такое определение: «Составная часть (область) мировой культуры, синтезирующая категории, закономерности, учреждения и материальные блага, созданные для интенсивного использования физического упражнения в рамках соревнования, которое преследует идею первенства или рекорда вследствие биологического и духовного совершенствования человека» [Определение... 1971].

Л.И. Лубышева следующим образом характеризует спортивную культуру: «Спортивная культура – составная часть общей культуры, объединяющая категории, закономерности. Учреждения и блага, созданные для интенсивного использования физического упражнения в рамках соревновательной деятельности, которая преследует цель первенства и рекорда вследствие физического и духовного совершенствования человека» [Лубышева, 2001, с. 30, 235]. По ее мнению, «спортивная культура – это нарабатанные в обществе и передающиеся из поколения в поколение ценности, социальные процессы и отношения, складывающиеся в ходе соревнований и спортивной подготовки к ним. Участие в соревнованиях преследует цель достижения первенства или рекорда посредством физического и духовного совершенствования человека» [Лубышева, 2009, С. 205].

В научной литературе встречаются и другие характеристики спортивной культуры [Бальсевич, 2006, 2007; Баринов, 2009 б, 2010; Паначев, 2006, 2007; Столяров, 1997 г, 1998 б, 2000 е, 2002 е, 2004 д, 2009 а; Столяров, Баринов, 2009 а, б, в, 2011; Столяров, Козырева, 2002; Шабанска, 1970; Grupe, 1990, 1991; Jarvie, 2006; Leist, 1995, 2001; Liebau, 1989; Neue Sportkultur, 1995 и др.]. Однако во всех случаях она рассматривается как *элемент культуры, связанный со спортом*. Опираясь на изложенное выше понимание культуры и спорта, разясним и уточним эту ее характеристику.

В краткой форме может быть дано следующее определение спортивной культуры.

**Спортивная культура** – исторически изменяющееся позитивное ценностное отношение субъекта (индивида, социальной группы или общества в целом) к спорту: деятельность, ее средства и результаты по осмыслению, сохранению и развитию тех разновидностей, сторон, функций, компонентов спорта, которые субъект, ориентируясь на определенные социальные идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности.



В соответствии с таким пониманием спортивная культура включает в себя различные социальные явления, связанные со спортом:

- качества и способности человека;
- эмоциональные реакции;
- знания, убеждения, интересы, потребности;
- разнообразные формы деятельности;
- ее средства, механизмы и результаты;
- определенные типы поведения и связанные с ними идеалы, нормы, правила, санкции;
- социальные институты, отношения, процессы и др.

Спортивная культура, как и культура вообще, – это культура определенного субъекта, которым, как отмечено выше, может быть отдельный человек (индивид), социальная группа или общество в целом. В зависимости от этого правомерно говорить соответственно о спортивной культуре отдельной *личности*, какой-то *социальной группы* или *общества* в целом.

Основу спортивной культуры *личности* составляет такое позитивное ценностное отношение к спорту, в рамках которого эталоны, ценности и нормы культуры, связанные со спортом, интериоризованы индивидом, стали достоянием его собственного внутреннего мира.

**Спортивная культура личности** – позитивное ценностное отношение индивида к спортивной деятельности, компонентами которого являются:

- знания, умения, навыки, необходимые для занятий спортом;
- идеалы, нормы, образцы поведения, на основе которых он оценивает (в суждениях, мнениях, эмоциях, реальных действиях и т.п.) определенные компоненты, виды и разновидности спорта, их функции как значимые, важные, т.е. как ценности, обосновывает (объясняет) эту оценку, включается в спортивную деятельность, в ходе нее ставит и решает определенные задачи;
- результаты этой спортивной деятельности.

Спортивная культура имеет сложную структуру, включает в себя комплекс взаимосвязанных «блоков» (элементов).

Предпосылочный (исходный) блок. Необходимым *условием (предпосылкой)* для формирования у субъекта позитивного ценностного отношения к спорту является наличие у него *исходных (предпосылочных) знаний, умений, навыков*. К их числу относятся:

➤ *знания* о том, что такое спорт, его компоненты (спортивная тренировка, спортивные соревнования и др.) и разновидности (массовый спорт, спорт высших достижений и т.д.) как особые социальные феномены, отличающиеся от других, о, их сущности, структуре, специфике, т.е. *понятия*, которые необходимы для того, чтобы можно было выделять (отличать от множества других явлений) и характеризовать спорт, его компоненты, разновидности и т.д.;

➤ *фактологические знания* – знания о конкретных *фактах* спортивной деятельности, тех или иных ее видов, разновидностей в настоящее время и в процессе развития;

➤ *знания, умения и навыки*, необходимые человеку для того, чтобы он мог включаться в те или иные виды спортивной деятельности (спортивную тренировку, спортивные соревнования и т.д.) в соответствии с принятыми правилами, нормами и образцами поведения.

Все эти знания, умения, навыки, формируемые в процессе социализации (стихийно в ходе жизненного опыта, под воздействием окружающей социальной среды, средств массовой информации и т.д., а также сознательно, целенаправленно в процессе образования, обучения, воспитания), образуют *предпосылочный (исходный) блок* спортивной культуры. Они обеспечивают возможность правильной ориентации в мире спорта, в различных его аспектах (выполняют *ориентировочную функцию*), а также реального участия в спортивной деятельности (*информационно-операциональную подготовленность* к этой деятельности).

Оценочные компоненты. Спортивная культура предполагает *позитивную оценку спорта*: субъект оценивает спорт, те или иные его компоненты, виды, формы, разновидности как значимые, важные, полезные, т.е. как ценность (комплекс ценностей).

Основными проявлениями и показателями такой оценки спорта и различных его аспектов (назовем их «*оценочными компонентами*» спортивной культуры) являются:

- позитивное мнение в виде соответствующих высказываний, суждений, отзывов о спорте, о различных формах и аспектах спортивной активности – *рациональный (когнитивный)* компонент;

- связанные со спортом положительные эмоциональные реакции (чувство удовольствия, восторга от занятий спортом, участия в спортивных соревнованиях, наблюдения за ними и т.п.) – *эмоциональный (аффективный)* компонент;

- интерес к спорту, к тем или иным видам спортивной деятельности (таким, например, как спортивные тренировки и соревнования, посещение спортивных мероприятий, просмотр телевизионных спортивных передач, чтение спортивных газет и журналов, коллекционирование спортивных значков, марок и т.п.), стремление (желание) участвовать в них и т.д., т.е. мотивационная готовность индивида к такого рода деятельности, – *мотивационный* компонент;

- реальные формы деятельности, связанные со спортом (участие в спортивных тренировках и соревнованиях, посещение спортивных мероприятий, просмотр спортивных телевизионных передач, чтение спортивных газет и журналов; усвоение знаний, умений, правил, норм поведения, социальных ролей, позволяющих участвовать в этих видах деятельности, и т.д.)? – *деятельностный* компонент.

Рефлексивно-аналитический компонент. Ценностное отношение, рассматриваемое в полном объеме, включает в себя, как указано выше, не только *оценку* объекта, но и *осмысление (обоснование)* этой оценки.

Поэтому важным «блоком» позитивного ценностного отношения субъекта к спорту, его спортивной культуры, является *рефлексивно-аналитический компонент* – обоснование (осмысление, объяснение) оценки спорта.

Обоснование (осмысление объяснение) субъектом позитивной оценки спорта предусматривает решение следующих задач:

- выбор критерия для оценки спорта, его видов, разновидностей, компонентов (спортивной тренировки, соревнований, поведения спортсмена, болельщиков и т.д.): с каких позиций, на основе каких идеалов, норм, культурных образцов и т.д. они будут оцениваться;

- определение тех сторон, аспектов, функций спорта, его видов, разновидностей, компонентов, которые позволяют на основе избранного критерия дать ему позитивную оценку, приписать определенные ценности, придать социальный и/или личностный смысл;

- учет тех факторов, от которых зависит реальная значимость спорта.

При обосновании (осмыслении, объяснении) позитивной оценки спорта могут быть использованы: практический опыт; традиции, нормы, идеалы, ценностные стереотипы, доминирующие в окружающей социальной среде, и т.д.

Результирующий компонент. Еще один компонент («блок») ценностного отношения к спорту, а значит, спортивной культуры – *результирующий*.

Дело в том, что включение человека в спортивную деятельность (спортивные тренировки, соревнования и т.д.) может оказывать и, как правило, оказывает существенное влияние на различные его качества и способности (уровень физической подготовленности, физические качества, двигательные умения и навыки; спортивное мастерство; состояние здоровья; психические качества; творческие способности и др.), компоненты культуры личности (физическую, психическую, нравственную, эстетическую культуру, культуру общения и др.), его знания, интересы, потребности, поведение, социальные роли, стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми и т.д.

Результирующий компонент спортивной культуры как раз и характеризует *результаты* включения человека в спортивную деятельность и решения поставленных им в этой деятельности задач на основе определенных знаний, идеалов, эталонов, норм, образцов поведения и т.д.

Эти результаты зависят прежде всего от следующих факторов:

- от качеств и способностей спортсмена: его физического состояния, волевых качеств, интеллекта, образованности, творческих способностей, дисциплинированности и др.;

– от характера и организации спортивных соревнований, а также подготовки к ним (тренировочного процесса);

– от тех ценностей, которые спортсмен, а также тренер и другие организаторы спортивной деятельности связывают с ней, что для них является в этой деятельности наиболее важным, значимым, и соответственно от тех целей и задач, которые они ставят перед собой в спорте [Столяров, Баринов, 2009, 2011].

## **24.2. Разновидности спортивной культуры (общая характеристика)**

Спорт, как показано выше, может выполнять разнообразные функции, использоваться для решения различных социально и личностно значимых задач. Так, например, он позволяет сознательно, целенаправленно и эффективно укреплять и сохранять здоровье, позитивно воздействовать на физические, психические, духовные качества и способности людей, формировать их эстетическую, нравственную, интеллектуальную культуру, культуру общения, двигательную культуру, экологическую культуру и т.д. Вместе с тем спорт может использоваться для достижения материальных благ, славы, для демонстрации превосходства одного человека над другим, одной нации (страны) над другой, т.е. для определенных экономических, политических, националистических и других целей.

В научных публикациях выделяются, характеризуются и систематизируются различные социальные функции спорта и его разновидностей – спорта высших достижений, «спорта для всех», международного спорта, олимпийского спорта и др. [Брянкин, 1983; Буэ, 1979; Виноградов, Жолдак, Чеботкевич, 1995; Воннебергер, 1979; Жолдак, 1992; Лубышева, 2001; Нива, 1979; Пономарев Н.И., 1974 в; Пономарев, Столяров, 1983; Посьелло, 2006; Рибель, 1983; Спорт в современном обществе, 1980; Coakley, 1988; Gesellschaftliche Funktionen... 1984; Heinemann, 1980 а; Jeu, 1994; Karwacki, 1997; Krockow, 1984; Loy, McPherson, Kenyon, 1978; McPherson, Curtis, Loy, 1989; Model, 1955; Oblicza sportu, 1990; Ponomaryov, 1978; Rittner, Breuer, 2000; Seppänen, 1972, 1984 с; Spinrad, 1981; Sport for all, 1991; Suits, 1988b; Wohl, 1970, 1975, 1981 b, 1987 и др.].

Так как спорт может выполнять различные функции, в качестве ценностей для субъекта могут выступать различные стороны, аспекты спортивной деятельности. Она может привлекать людей для реализации различных целей, удовлетворения различных потребностей. Это может быть «радость от физического усилия», стремление к победе, любовь к спорту, спортивный азарт, стремление к славе и общественному признанию, к материальной выгоде, демонстрация своих выдающихся физических способностей, мужских качеств, агрессивности и т.д.

Предлагаются различные варианты классификации ценностей спорта, спортивной деятельности.

Так, М.А. Арвисто подразделяет их на две группы. В *первую* группу он включает ценности, связанные с функциональным содержанием спорта (в этом случае в качестве ценности выступает сама деятельность с ее эмоциональными моментами). Ко *второй* группе он относит все те ценности, средством достижения которых служит спорт. К ним он относит следующие ценности: общение (иметь друзей, быть среди других); красота (наслаждаться красотой зрелищ, спортивной борьбы); физическое «Я» (биологические ценности спорта: здоровье, телосложение, физические качества); материальные ценности (разные льготы со стороны общества); знания; социальное признание; авторитет; секс (быть привлекательным для противоположного пола посредством спорта); самоактуализация (испытание своих сил, стремление к использованию своих способностей); сила воли и смелость; чувство долга (перед коллективом, Родиной и т.п.); полезность другим (чувство своей необходимости для других) [Арвисто, 1975].

В.К. Бальсевич и Л.И. Лубышева подразделяют ценности спорта на *интеллектуальные, двигательные, технологические, интенционные, мобилизационные и валеологические* ценности, а также на *общественные и личностные* [Бальсевич, Лубышева, 1995; Лубышева, 1997 б, 2001].

М.Я. Виленский выделяет следующие ценности спорта. *Ценности-цели* раскрывают значение и смысл индивидуальных целей включения в занятия спортом, достижения посредством их культурной стратегии и тактики жизнедеятельности, успешности реализации профессиональных планов и намерений психического и физического благополучия, сохранения и укрепления здоровья. *Ценности-знания* определяют систему теоретико-

методологических, научно-практических (философских, психолого-педагогических, социологических, медико-биологических) и специальных знаний, касающихся природы спортивной деятельности и умения ее использовать. *Ценности-средства* создают основу для достижения ценностей-целей: овладение закономерностями, принципами, средствами, формами, методами, приемами и условиями их использования в спортивной деятельности для развития творческой индивидуальности в самоизменении, самообучении, самовоспитании, свободном самоопределении в рекреативно-восстановительных мероприятиях, в достижении необходимого психоэмоционального состояния, культуры межличностного общения. *Ценности-отношения* характеризуют отношение субъектов спортивной деятельности к самим себе, к природной и социальной среде, в которой она осуществляется. *Ценности-качества* раскрывают значение и смысл развития и коррекции качеств и свойств личности, обеспечивающих ей полноценное самовыражение и самореализацию в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах на основе включения в занятия спортом [Виленский, 1996].

М.Е. Кутепов среди ценностей спортивной деятельности выделяет: *ценности-объекты*, *ценности-средства* и *ценности-условия*. К числу первых он относит: социальное благо (двигательная деятельность с ее эмоциональными моментами; общение с людьми; самоактуализация; полезность другим; обеспечение отдыха и т.д.); моральное добро (социальное признание, авторитет, волевые качества, полезность другим); эстетические характеристики (воспитание чувства прекрасного). Ценности-средства включают в себя культурное наследие прошлого (культивируемые виды спорта, формы и методы занятий, комплекс знаний о спортивной деятельности), а ценности-условия – наличие и рациональное использование свободного времени, спортивного инвентаря и т.д. [Кутепов, 1977].

З. Кравчик считает, что «современный спорт, находящий свое наиболее полное выражение в неолимпизме, отражает, по-видимому, позиции, сформированные современными образцами индивидуальной и групповой культуры». В связи с этим основные ценности спорта он связывает с решением 6 групп социальных проблем: «1. Сражение, соперничество, соревнование. 2. Отношение равноправия, и прежде всего равных возможностей. 3. Аскетическая позиция, ориентация на долг, дисциплину и постоянные усилия для достижения цели. 4. Стремление к рационализации и институционализации активности. 5. Склонность к достижению автономии, обособленности, а также положения «звезды». 6. Процесс перехода от роли человека как средства истории к его роли субъекта и творца» [Кравчик, 2005 б, с. 42].

К. Хайнеман выделяет шесть групп ценностей спорта, выступающих в качестве мотивов включения индивида в занятия спортом: 1) *эмоции, переживания*, касающиеся тела и физического состояния («испытать радость от красивых движений», «лучше почувствовать свое тело», «вступить в контакт с телом другого человека»); 2) *функциональное совершенствование тела и физического состояния* («здоровье», «физическая подготовленность», «стать более сильным», «сохранить свой вес», «стать более гибким» и т.п.); 3) *психические переживания* («получить удовольствие», «снять стресс», «почувствовать себя снова молодым», «улучшить самочувствие» и т.п.); 4) *социальные мотивы* («быть вместе с интересными людьми», «заниматься спортом вместе с друзьями и семьей», «повысить общественную активность»); 5) *мотивы повышения спортивных результатов и победы в соревнованиях* («добиться победы над другими», «благодаря напряженной тренировке повысить свое спортивное мастерство», «сравнить себя с другими» и т.п.); 6) *экстрафункциональные ценности*, не связанные прямо и непосредственно с мотивами, касающимися спорта («вырваться из четырех стен», «заполнить чем-то свободное время» и т.п.) [Heinemann, 1978, 1980 a].

Д. Курц также подразделяет ценности («смысловые образцы») спорта на шесть групп: 1) телесность, физическая подготовленность, здоровье; 2) эмоции, впечатления; 3) эстетика; 4) активность, самосознание; 4) разрядка, драматизм, приключения; 5) сотрудничество, общность и общение [Kurz, 1979].

С. Жуковска, опираясь на типологию ценностей, которую предложила А. Фолькьерска [Folkierska, 1979], выделяет девять групп ценностей спорта: интеллектуальные, эстетические, социоцентрические (оценка объекта с позиций социальной системы или группы), аллоцентрические (оценка объекта с индивидуальных, а не групповых позиций), престижные, материальные, эмоциональные, а также ценности, связанные с удовольствием и совершенствованием [Żukowska, 1983].

К. Стивенсон и Д. Никсон, характеризуя ценности спорта, отмечают пять его основных функций: социоэмоциональную, интегративную, политическую, функцию социализации и функцию социальной мобильности [Стивенсон, 1979; Стивенсон, Никсон, 1977].

Во многих работах подчеркиваются *символические* и *мифические* ценности (функции) спорта [Кравчик, 2005 б; Ленк, 1997; Ashworth, 1979; Bouet, 1977; Durántez, 1994 а; Duret, Wolff, 1994; Gebauer, 1987, 1996; Krawczyk, 1996; Lenk, 1982 а; Magnane, 1964; Maheo, 1970; McIntosh, 1984 а; Saraf, 1977; Silanse, 1986; Swierczewski, 1981; Symbolique... 1985; Tatano, 1981; Tyszka, 1985; Urbankowski, 1981; Weiss, 1969].

Классификация ценностей спорта существенно зависит от теоретико-методологической концепции культуры, которая при этом используется. А такие концепции многообразны. З. Кравчик выделяет, к примеру, следующие возможные интерпретации культуры при анализе ценностей спорта: экзистенциально-аксиологическую, психоаналитическую, антропологическую и культурологическую, семиотическую, структурально-функциональную и диалектическую [Krawczyk, 2005].

Множество и разнообразие выделяемых исследователями ценностей спорта связано прежде всего с тем, что они фиксируют внимание на его *инструментальных* ценностях – способности выполнять определенные функции, содействовать достижению каких-то целей. Поскольку спорт, как показано выше, может выполнять разнообразные функции, содействовать достижению различных целей, то ему может быть приписано огромное множество ценностей. Их список может быть практически бесконечным, если их рассматривать применительно к разным людям, социальным группам, этапам развития общества и т.д.

Но наряду с разнообразием инструментальных ценностей спорта следует учитывать (особенно при анализе спортивной культуры и ее различных форм) фундаментальные, *имманентные* ценности спортивной деятельности. К числу таковых относятся внутренне присущие спорту особенности, элементы его структуры, которые сами по себе, независимо от выполняемых ими функций выступают для субъекта как ценности. Прежде всего это *спортивные соревнования* как особый вид соперничества и спортивная *тренировка* (подготовка к соревнованиям), а значит и *спортивная деятельность в целом* как особая разновидность деятельности. Вместе с тем следует иметь в виду, что в качестве ценностей для субъекта могут выступать лишь некоторые *элементы* спорта (например, только тренировка), некоторые его *виды* (например, только футбол) и *разновидности* (например, только массовый спорт – «спорт для всех»). Важная внутренняя особенность и имманентная ценность спортивного соревнования и спортивной тренировки – ориентация человека на *достижения*. Огромное личностное и социальное значение такой ориентации, а, значит, и спорта, как отмечено выше, обосновано в работах Г. Ленка.

Типология ценностей спорта свидетельствует о том, насколько разнообразны и даже противоречивы по своему характеру те его стороны, аспекты, функции, которые могут привлекать субъекта, лежать в основе его позитивного ценностного отношения к спорту.

*Данное отношение всегда носит не общий, а совершенно конкретный характер: подразумевает не спорт вообще, а те или иные его аспекты, стороны, компоненты, функции, виды, разновидности и т.д.*

Поэтому спортивная культура у разных лиц и социальных групп может иметь *разное* содержание, *разный* характер, *разную* направленность, *различные* особенности в зависимости от того, в чем субъект усматривает ценность спорта, те или иные его виды, формы, разновидности, чем спортивная деятельность и связанные с ней спортивные соревнования, тренировки и т.д. привлекательны для него. На различных этапах общественного развития, в различных социально-экономических и культурных условиях спортивная культура также может существенно видоизменяться, модифицироваться, приобретать разнообразные формы, т.е. имеет *конкретно-исторический характер*. Так, спортивная культура в Древней Греции в отличие от современного общества была тесно связана с религиозными ценностями. Определенный отпечаток на нее накладывали ценности социалистического или буржуазного общества.

Значит, важно учитывать различные специфические *формы (разновидности) спортивной культуры*. В публикациях, посвященных спортивной культуре, на эту ее важную особенность, как правило, не обращается внимание: рассуждения ведутся о спортивной культуре *вообще*; не выделяются ее *разнообразные формы*.

На выбор тех или иных аспектов, компонентов, функций, видов, разновидностей при оценке спорта, на постановку и решение соответствующих задач существенное влияние оказывают ценностные ориентации, установки субъекта (индивида (социальной группы, общества в целом): те *идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения*, на которые он ориентируется в своей жизнедеятельности. Вместе с тем, включение субъекта в спортивную деятельность может приводить к формированию *новых* или к определенной *модификации* имеющихся у него ценностных ориентаций, установок: идеалов, смыслов, символов, норм, образцов поведения и т.д. Влияние различных форм физкультурно-спортивной активности на формирование ценностных ориентаций личности показано в работах М.А. Арвисто, В.А. Винник, А.Г. Егоров [Арвисто, 1972, 1975, 1976; Винник, 1991; Егоров, 1991] и других авторов. Как отмечено выше, особенно важное значение в этом плане имеет используемый в спортивных соревнованиях способ организации игрового соперничества и сотрудничества [Столяров, 1997 б, в, 1998 б, з, н, 2004 и др.].

Значит, *конкретное содержание, специфическую направленность, особенности* той или иной формы спортивной культуры субъекта (индивида (социальной группы, общества в целом) определяют его ценностные ориентации, установки: идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, на основе которых он оценивает спорт, приписывает спортивной деятельности те или иные ценности (определяет ее наиболее важные, значимые стороны, компоненты, функции, виды, разновидности и т.д.), ставит и решает те или иные задачи и т.д., а также те новые (или модифицированные старые) идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, которые формируются под влиянием его спортивной активности.

Одна из форм спортивной культуры – ***спортивно-прагматическая культура***. Эту разновидность спортивной культуры характеризует ее ярко выраженная утилитарная, прагматическая направленность. Имеется в виду, что наиболее важными, значимыми в спорте для человека являются сугубо утилитарные, технологические, прагматические ценности. Наиболее ярким примером в этом плане является такая ценность, как возможность на спорте зарабатывать деньги, приобретать материальные блага и т.д. Именно такая ценностная ориентация на спорт характерна, например, для спортсменов в профессиональном спорте. К числу прагматических ценностей спортивной деятельности, безусловно, относится и то, что она ориентирует участников этой деятельности на постоянные достижения, успех. Утилитарность спортивной культуры личности может проявляться также в ориентации человека на формирование и совершенствование с помощью занятий спортом не целостного развития личности, а лишь каких-то ее отдельных качеств и способностей (например, воли или других психических способностей, силы или других физических качеств и т.д.) в изолированности от других качеств и способностей.

### ***Спортивно-прагматическая культура***

| <i>Ценности</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                     | <i>Идеалы, нормы, образцы поведения</i>                                                                                                                                         | <i>Девизы, высказывания</i>                                                                                                   |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Утилитарные, технологические, прагматические ценности: <ul style="list-style-type: none"> <li>▪ спортивные достижения, рекорды, победы;</li> <li>▪ возможность на спорте зарабатывать деньги, приобретать иные материальные блага и т.п.;</li> <li>▪ формирование и совершенствование с помощью занятий спортом не целостного развития личности, а лишь каких-то ее отдельных качеств и способностей (напр., физических или психических)</li> </ul> | Спортсмен, обладающий высокими физическими кондициями, спортивным мастерством и на основе этого добивающийся успеха в спортивных соревнованиях, славы, материальных благ и т.д. | «Победа – не самое главное, победа – единственное, ради чего стоит бороться»<br><i>(футбольный тренер из США В. Ломбарди)</i> |

Спорт может привлекать человека, выступать для него как ценность на основе того, что дает возможность продемонстрировать свое превосходство над другими, реализовать

свои националистические идеи, некоторым образом проявить свою агрессивность и т.п. В этом случае спортивная культура личности включает в себя нормы и ценности, не совпадающие с общекультурными ценностями гуманистической ориентации, вследствие чего выступает как спортивная культура *негуманной (антигуманной) направленности – негуманная (антигуманная) спортивная культура.*

#### *Негуманная (антигуманная) спортивная культура*

| <i>Ценности</i>                                                                                                                                                                                                                      | <i>Идеалы, нормы, образцы поведения</i>                                                                                                                                                                                                                                         | <i>Девизы, высказывания</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Негуманные (антигуманные) ценности:<br>• победа любой ценой в спортивном соревновании;<br>• возможность в спортивном соревновании проявить свою агрессию, показать свое превосходство (превосходство своей нации) над другими и т.п. | Идеал – спортсмен, любой ценой (даже за счет обмана, нарушения правил, во вред здоровью и т.д.) добивающийся победы в спортивном соперничестве.<br>Использование спорта для пропаганды идей национализма, шовинизма, решения военных, узкокорыстных политических проблем и т.п. | «Я играю в футбол лишь потому, что только на поле я могу избить кого-нибудь и уйти безнаказанным» (американский спортсмен <i>Майк Кертис</i> );<br>«Спорт – это выражение ненависти друг к другу... Это последняя возможность, которую наша цивилизация предоставляет двум людям для физической агрессии. Спорт – наиболее близкая к войне область человеческой деятельности» ( <i>Рейган</i> ) |

Наиболее важное значение в современных условиях имеет *спортивно-гуманистическая* культура. Поэтому рассмотрим более подробно эту культуру и ее разновидности.

#### **24.3. Понятие, структура и значение спортивно-гуманистической культуры**

Основу этой разновидности спортивной культуры составляет позитивное ценностное отношение к спорту, к различным его компонентам (спортивной тренировке, спортивным соревнованиям и др.), видам, разновидностям, их аспектам, функциям и т.д. с позиций *гуманизма*, с точки зрения его идеалов и ценностей – целостного развития личности и гуманных отношений к другим людям, нациям, культурам, верованиям.

#### *Спортивно-гуманистическая культура*

| <i>Ценности</i>                                                                                                      | <i>Идеалы, нормы, образцы поведения</i>                                                                                       | <i>Девизы, высказывания</i>                                                                                                           |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Способность спорта содействовать целостному развитию личности, формированию и развитию гуманных социальных отношений | Целостное развитие личности спортсмена.<br>Поведение в спортивном соперничестве, адекватное нормам нравственности и эстетики. | «За гуманизм в спорте и посредством спорта!» ( <i>В.И. Столяров</i> – автор «Манифеста спортивно-гуманистического движения», 1990 г.) |

Значит, *спортивно-гуманистическая культура* – это гуманистическое ценностное отношение к спорту (к спортивной тренировке и спортивным соревнованиям): *процесс, средства и результаты деятельности субъекта по осмыслению, сохранению и развитию тех разновидностей, сторон, функций, компонентов спорта, которые он, ориентируясь на гуманистические идеи, идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности.*

**Спортивно-гуманистическая культура личности** – гуманистическое ценностное отношение индивида к спортивной деятельности, компонентами которого являются:

- знания, умения, навыки, необходимые для включения в занятия спортом;
- гуманистические идеи, идеалы, нормы, образцы поведения, на основе которых человек оценивает (в суждениях, мнениях, эмоциях, реальных действиях и т.п.), определенные компоненты, виды и разновидности спорта, их функции как значимые, важные, т.е. как ценности, обосновывает (объясняет) эту оценку, включается в спортивную деятельность, в ходе нее ставит и решает определенные задачи;
- результаты этой спортивной деятельности.

К числу основных особенностей спортивно-гуманистической культуры относятся следующие:

- знание, понимание и позитивная оценка концепции гуманизма, его идеалов и ценностей, их роли и значения в современном обществе, в том числе в сфере спорта, умение обосновать эту оценку;
- знание, понимание и позитивная оценка гуманистического значения спортивной деятельности, умение обосновать эту оценку;
- знание тех факторов, от которых зависит это значение спорта;
- стремление (желание) ориентироваться в спортивной деятельности на гуманистические идеалы и ценности;
- качества и способности (умения и навыки), которые позволяют эффективно действовать в спорте в соответствии с такой ориентацией;
- реальное участие в спортивной деятельности с целью использовать ее для целостного развития личности, содействия реализации гуманистических идеалов и ценностей;
- результаты спортивно-гуманистической активности: сформированные в результате участия в спортивной деятельности качества и способности, характеризующие целостное развитие личности; нравственное поведение в спорте; адекватный гуманистическим идеалам стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми; негативное отношение к лицам, поведение которых противоречит идеалам гуманизма.

Исходным элементом **структуры** спортивно-гуманистической культуры является субъективная *гуманистическая предрасположенность* (диспозиция, ценностная установка) к спорту, т.е. он *позитивно оценивается* (рассматривается как важный, значимый, полезный) именно с гуманистической точки зрения, а не с каких-то других позиций, во внимание принимается его роль как средства целостного развития личности, гуманных социальных отношений, а не какие-то другие присущие ему аспекты, функции.

Основными проявлениями и показателями позитивной гуманистической оценки спорта, т.е. *оценочными компонентами* спортивно-гуманистической культуры, являются:

- *позитивное мнение* (в виде соответствующих высказываний, суждений, отзывов и т.п.) о гуманистических аспектах, функциях спорта, его видов, разновидностей, компонентов (спортивной тренировки, спортивных соревнований и т.д.) и негативное мнение о тех аспектах и функциях, которые противоречат идеалам и ценностям гуманизма – *рациональный (когнитивный)* компонент;
- *интерес* к гуманистическим аспектам, функциям спорта (его видов, разновидностей, компонентов), одобряемые *нормы, образцы поведения*, которые определяют, как следует вести себя на спортивных тренировках, соревнованиях, трибунах стадиона и т.п. в соответствии с идеалами и ценностями гуманизма, *стремление (желание)* ориентироваться на них во всей своей спортивной активности, т.е. мотивационная готовность к гуманистически ориентированной спортивной деятельности, – *мотивационный* компонент;
- положительные *эмоции*, связанные с гуманистическими аспектами спортивной деятельности (чувство удовольствия от формирования посредством занятий спортом качеств и способностей, характеризующих целостное развитие, возможности проявления в спортивной деятельности гуманных отношений к другим людям, от наблюдения за проявлением таких качеств, способностей и гуманных отношений на спортивных соревнованиях и т.п.) и негативные эмоциональные реакции на явления спортивной деятельности, противоречащие гуманистическим идеалам и ценностям – *эмоциональный (аффективный)* компонент;
- различные формы *реального участия* в тех или иных формах и видах спортивной активности с гуманистическими целями и задачами, усвоение *знаний*, позволяющих правильно понимать и ставить эти цели и задачи, а также соответствующих *умений и навыков*



использования данной активности в целях своего целостного самосовершенствования – *деятельностный* компонент.

Важным компонентом спортивно-гуманистической культуры является также *обоснование* (осмысление, объяснение) позитивной гуманистической оценки спорта (тех или иных его видов, разновидностей, компонентов и т.д.) – *рефлексивно-аналитический* компонент этой культуры.

Такое осмысление (обоснование, объяснение) предполагает:

- понимание важного значения идей, идеалов и ценностей гуманизма не только в общесоциальном, но и в личностном плане;
- определение тех сторон, аспектов, функций спорта (какого-то его вида, компонента и т.д.), которые служат основанием для его позитивной оценки как явления, которое по своему гуманистическому потенциалу имеет ценность, социальный и/или личностный смысл;
- учет тех факторов, от которых зависит реальная гуманистическая значимость спорта.

При обосновании (осмыслении, объяснении) позитивной оценки спорта с акцентом на его гуманистические аспекты и функции субъектом могут быть использованы: практический опыт; традиции, нормы, идеалы, ценностные стереотипы, доминирующие в окружающей социальной среде, и т.д.

Необходимым *условием* (*предпосылкой*) для формирования у субъекта позитивного ценностного отношения к гуманистическим аспектам и функциям спорта является наличие у него *исходных* (*предпосылочных*) *знаний, умений, навыков*.

К их числу относятся:

- *знания* и соответствующие *понятия* (о том, что такое гуманизм, каковы его основные идеи, идеалы, ценности, в чем их специфика и т.д.), необходимые для гуманистической оценки спорта (его видов, разновидностей, компонентов);
- *знания* и соответствующие *понятия*, характеризующие гуманистические аспекты и функции спорта (различных его видов, разновидностей, компонентов), их специфику, а также те факторы, от которых зависит гуманистическая ценность спорта;
- *фактологические знания* – знания о конкретных фактах современного состояния и истории проявления в спорте (в различных его видах, разновидностях, компонентах) его гуманистических аспектов и функций;
- *знания, умения и навыки*, необходимые для того, чтобы можно включаться в те или иные виды спортивной деятельности (спортивную тренировку, спортивные соревнования и др.), ориентируясь при постановке связанных с ними целей и задач на идеалы и ценности гуманизма.

Все эти знания, умения, навыки образуют *предпосылочный* (*исходный*) блок знаний, умений, навыков спортивно-гуманистической культуры. В структуре этой культуры они выполняют две основные функции. Во-первых, позволяют человеку ориентироваться в различных аспектах, функциях спорта и при этом отличать гуманистические аспекты и функции от множества других (*ориентировочная* функция). Во-вторых, обеспечивают его *информацией*, которая необходима для того, чтобы он мог с позиций гуманизма оценивать спорт (различные его виды, компоненты и т.д.), обосновывать свою оценку, а также включаться в те или иные формы спортивной деятельности (спортивную тренировку, спортивные соревнования и др.), ориентируясь при постановке связанных с ними целей и задач на идеалы и ценности гуманизма.

Значит, исходные знания, умения, навыки характеризуют:

- *базовую спортивно-гуманистическую образованность* субъекта, позволяющую ему с позиций гуманизма ориентироваться в мире спорта,
- его *информационно-операциональную готовность* к спортивно-гуманистической деятельности.

Еще один компонент («блок») гуманистически ориентированного ценностного отношения к спорту, а значит, спортивно-гуманистической культуры – *результатирующий*: проявляемые в спорте и в других сферах жизни качества и способности человека, его поведение, социальные роли, стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми, являющиеся *результатом* его включения в спортивную деятельность и решения поставленных в этой деятельности задач на основе гуманистических знаний, идеалов, эталонов, норм, образцов поведения.

К числу таких результатов относятся:

- спортивные достижения;
- качества и способности, характеризующие целостное развитие личности;
- образ (стиль) жизни и взаимоотношений с другими людьми, адекватные гуманистическим идеалам и ценностям;
- осознание достигнутых результатов и обоснование их значения.

Особенно важное значение имеет *гуманистически ориентированное поведение* в спортивных соревнованиях и в других видах соперничества, которое как минимум предусматривает проявление мужества, воли, настойчивости для того, чтобы показать максимально возможный результат, одержать победу, но при этом отказ от желания победить любой ценой, за счет своего здоровья или причинения ущерба здоровью соперникам, посредством обмана, насилия, нечестного судейства и других антигуманных действий.

Указанные выше компоненты спортивно-гуманистической культуры личности, находящиеся в тесной связи с друг с другом, составляют структуру этой культуры [Столяров, Баринев, 2009, 2011].

Как отмечено выше, *спортивно-гуманистическая* культура имеет наиболее важное значение в современных условиях.

Значимость этой культуры определяется в первую очередь повышением роли гуманистических идеалов и ценностей в современном обществе. В настоящее время наблюдается все более ясное осознание того, что если человечество хочет выжить, оно должно в современной системе ценностных координат на первый план выдвинуть общечеловеческие гуманистические ценности. Конечно, социальная организация разных государств, поведение многих людей, групп, наций в весьма неодинаковой мере воплощают гуманистические ценности. Однако крепнет убеждение в том, что любое современное общество должно с максимальной последовательностью направлять свои усилия на их реализацию, если оно хочет обеспечить более высокую степень динамизма и стабильности своего развития, более высокий уровень благосостояния и благоустроенности жизни большинства своих членов, сделать их отношения более цивилизованными, а их самих более здоровыми и физически и нравственно.

Значение спортивно-гуманистической культуры определяется и ситуацией в современном спорте. Как показано выше, огромный гуманистический культурный потенциал спорта используется в настоящее время недостаточно полно и эффективно (особенно это касается роли спорта в реализации духовно-нравственных и других связанных с ними ценностей). Более того, нередко духовные ценности вообще отступают на задний план. Наблюдается девальвация нравственных и других духовных ценностей в спорте, особенно в спорте высших достижений. На первый план выходят ценности, связанные с достижением материальных благ, славы, превосходства одного человека над другим, одной нации (страны) над другой и т.п. Отмечается возрастание физического насилия, жестокости, грубой игры в спорте. Все большее число стран сталкивается с волной насилия, грубости, агрессивности в спорте, с побоищами между болельщиками во время и после футбольных, хоккейных и других матчей. Имеется немало фактов негативного влияния спорта на социальные отношения различных стран и народов, использования его в качестве средства разжигания межнациональных конфликтов, решения узкокорыстных политических целей, для доказательства превосходства (иногда к тому же мнимого) одной страны, одного общественного строя и т.д. над другими. Преодоление этих негативных явлений в современном спорте во многом зависит от позиции по отношению к ним всех субъектов спортивной деятельности, а эта позиция определяется содержанием и направленностью их спортивной культуры: ориентирована она на реализацию в спорте и посредством спорта гуманистических или каких-то иных ценностей.

Вот почему в Декларации «Молодые люди и спорт», принятой на 8-й Конференции министров спорта европейских стран, подчеркивается, что занятия спортом должны рассматриваться с позиций гуманизма. В соответствии с этим специалисты, организующие эти занятия, должны направлять свои усилия на: развитие у молодежи психических и физических качеств; обучение этическим ценностям, справедливости и дисциплинированности; воспитание уважения к себе и другим людям, в том числе и к группам меньшинства; обучение терпимости и ответственности как предпосылки жизни в демократическом обществе; воспитание способности самоконтроля и развитие положительных качеств личности; пропаганду здорового образа жизни [Европейский манифест... 1996].

Спортивно-гуманистическая культура личности может выступать в разной форме в зависимости от того, каким образом конкретизируются те общие гуманистические идеалы и ценности, на которые она ориентирована. Ниже дается характеристика двух возможных форм спортивно-гуманистической культуры – *олимпийской* и *спартианской*.

#### 24.4. Понятие, структура и значение олимпийской культуры

Специфика этой разновидности спортивно-гуманистической культуры определяется тем, что спорт оценивается с учетом указанных выше олимпийских идеалов.

Один из основных олимпийских идеалов – идеал *гармонично развитой личности*, у которой полноценно и пропорционально развиты как телесные (физические), так и духовные (нравственно-эстетические) качества. Особенно важное значение при этом придается поведению спортсмена в духе *принципов Фэйр Плэй (честной игры)*. Именно эти идеалы и ценности лежат в основе **олимпийской спортивно-гуманистической культуры** как одной из возможных форм спортивно-гуманистической культуры.

Для обозначения олимпийской разновидности спортивно-гуманистической культуры можно использовать более краткий термин «**олимпийская культура**», который уже используется в публикациях, посвященной проблемам олимпизма, олимпийского движения, олимпийского образования и воспитания [Бальсевич, 2002 б; Баринов, 2009; Лубышева, 1997 а, 1998, 1999, 2001; Столяров, 1998 а, 1999 б, в, г, 2002 г, е, 2004 д, 2009 а, 2011; Столяров, Баринов, 2009 а, б, в, 2011; Столяров, Максимов, 2008; Столяров, Фатин, 2003 б; Puisiene, 1998; Samaranch, 1999].

#### *Олимпийская разновидность спортивно-гуманистической культуры (олимпийская культура)*

| <i>Ценности</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                              | <i>Идеалы, нормы, образцы поведения</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                    | <i>Девизы, высказывания</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                       |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>Высокие спортивные достижения, рекорды, победы.</p> <p>Формирование и совершенствование с помощью занятий спортом качеств и способностей (здоровье, физические и духовно-нравственные качества), характеризующих гармоничное развитие личности, а также гуманных социальных отношений, предполагающих мир, дружбу, взаимное уважение.</p> | <p>Олимпийские идеалы:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>➤ гармонично развитая личность, у которой полноценно и пропорционально развиты как телесные (физические), так и духовные (нравственные) качества;</li> <li>➤ гуманные социальные отношения, предполагающие мир, дружбу, взаимное уважение.</li> </ul> <p>Поведение спортсмена в духе принципов Фэйр Плэй («честной игры»), которые предполагают:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• честность, добросовестность, решительное и достойное поведение в ситуациях, когда другие ведут себя нечестно;</li> <li>• уважение к партнеру;</li> <li>• уважение к сопернику независимо от того, является он победителем или побежденным, осознание того, что соперничество – неременное условие соревновательного спорта и что соперник – необходимый партнер в спорте;</li> <li>• уважение к судье, причем уважение позитивное, выражающееся в постоянном стремлении к сотрудничеству с ним в любой ситуации;</li> <li>• умение оставаться скромным после победы и спокойно принимать поражение. Отказ спортсменов от использования допинга.</li> </ul> | <p>Девизы и высказывания Кубертена:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>➤ "Mens fervida in corpore lacertoso!" («Возвышенный дух в развитом теле!»).</li> <li>➤ «Главное в жизни не триумф, а битва; важнее храбро сражаться, чем победить!»;</li> <li>➤ «Трижды сладостна победа, одержанная в благородной, честной борьбе»;</li> <li>➤ «Бесчестие не в том, что ты будешь побежден, а в том, что ты отказываешься от борьбы».</li> <li>➤ «Обязанность и сущность атлета – познать самого себя, контролировать себя и превзойти себя» – «Athletae Proprium Est Se Ipsum Noscere, Ducere et Vincere» (девиз Кубертена на медали для участников Африканских игр)</li> </ul> |

Значит, **олимпийская культура** – это олимпийское ценностное отношение к спорту (к спортивной тренировке и спортивным соревнованиям) и олимпийскому движению: *процесс, средства и результаты деятельности субъекта по осмыслению, сохранению и развитию тех разновидностей, сторон, функций, компонентов спорта, которые он, ориентируясь на олимпийские идеи, идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности.*

**Олимпийская культура личности** – олимпийское ценностное отношение индивида к спортивной деятельности, компонентами которого являются:

- знания, умения, навыки, необходимые для включения в занятия спортом;
- олимпийские идеи, идеалы, нормы, образцы поведения, на основе которых человек оценивает (в суждениях, мнениях, эмоциях, реальных действиях и т.п.) определенные компоненты, виды и разновидности спорта, их функции как значимые, важные, т.е. как ценности, обосновывает (объясняет) эту оценку, включается в спортивную деятельность, в ходе нее ставит и решает определенные задачи;
- результаты этой спортивной деятельности.

Олимпийская культура предусматривает:

- участие в олимпийском движении, другие формы спортивной деятельности, ориентированные в целях и задачах на олимпийские идеалы и ценности;
- различные формы (рациональную, мотивационную, эмоциональную, деятельностную) позитивной олимпийской оценки спорта;
- ее обоснование (осмысление и объяснение);
- результаты всей этой социальной активности – сформированные качества личности и образа (стиля) жизни, правила поведения, социальные роли, нормы и образцы взаимоотношений с другими людьми и т.п., адекватные идеалам и ценностям олимпизма.

К числу основных особенностей олимпийской культуры относятся:

- наличие олимпийской образованности (знаний об истории Олимпийских игр и олимпийском движении, о его целях и задачах, об идеалах и ценностях олимпизма и т.д.);
- позитивная оценка олимпийского спорта и движения, идеалов и ценностей олимпизма, их роли и значения в современном спорте и обществе в целом;
- умение обосновать и объяснить эту оценку;
- стремление (желание) ориентироваться в спортивной деятельности на идеалы и ценности олимпизма, активно участвовать в олимпийском движении, содействовать реализации его целей;
- знания, качества и способности (умения и навыки), которые позволяют успешно участвовать в олимпийском спорте и движении (в качестве спортсмена, тренера, пропагандиста олимпийских идей и т.д.);
- реальная ориентация в спорте и олимпийском движении на идеалы олимпизма, проявляющаяся в качествах гармонично развитой личности, (физическое совершенство, высокие спортивные достижения, поведение на спортивных соревнованиях, соответствующее принципам «честной игры», эстетическая культура) и соответствующем стиле (образе) жизни, характере взаимоотношений с другими людьми;
- негативное отношение к лицам, поведение которых противоречит олимпийским идеалам и ценностям.

**Структура** олимпийской культуры также включает в себя комплекс взаимосвязанных элементов.

Исходным элементом структуры этой спортивной культуры является субъективная *олимпийская предрасположенность* (диспозиция, ценностная установка) к спорту, т.е. он *позитивно оценивается* (рассматривается как важный, значимый, полезный) именно с точки зрения идеалов и ценностей олимпизма, а не с каких-то других позиций, во внимание принимается его роль как средства гармоничного развития личности, гуманных социальных отношений, а не какие-то другие присущие ему аспекты, функции.

Основными проявлениями и показателями позитивной оценки олимпийского спорта и движения, т.е. **оценочными** компонентами олимпийской культуры, являются:

- *позитивное мнение* (в виде соответствующих высказываний, суждений, отзывов и т.п.) об олимпийском спорте и движении, о всех явлениях в сфере спорта, которые адекватны идеалам и ценностям олимпизма, и негативное мнение о тех явлениях этой сферы,

которые противоречат этим идеалам и ценностям, – *рациональный (когнитивный)* компонент;

- *интерес* к олимпийскому спорту и движению, ко всем явлениям в сфере спорта, которые адекватны идеалам и ценностям олимпизма, одобряемые *нормы, образцы поведения*, которые определяют, как следует вести себя на спортивных тренировках, соревнованиях, трибунах стадиона и т.п. в соответствии с этими идеалами и ценностями, *стремление (желание)* ориентироваться на них во всей своей спортивной активности, т.е. мотивационная готовность к такой спортивной деятельности, – *мотивационный* компонент;

- *положительные эмоциональные реакции*, связанные с различными аспектами олимпийского спорта и движения (чувство удовольствия от формирования посредством занятий спортом качеств и способностей, характеризующих гармоничное развитие личности, возможности проявления в спортивной деятельности гуманных отношений к другим людям, от наблюдения за проявлением таких качеств, способностей и гуманных отношений на спортивных соревнованиях, от участия в Олимпийских играх и других олимпийских акциях, наблюдения за ними и т.п.), а вместе с тем *негативные эмоциональные реакции* (например, психические состояния негодования) на все аспекты спортивной деятельности, противоречащие идеалам и ценностям олимпизма – *эмоциональный (аффективный)* компонент;

- различные формы *реального участия* в олимпийском спорте и движении, постановка *целей и задач* по реализации идеалов и ценностей олимпизма, усвоению олимпийских *знаний*, а также *умений и навыков*, позволяющих участвовать в олимпийских акциях и использовать их в целях своего гармоничного (физического и духовного) совершенствования – *деятельностный* компонент.

Важным компонентом олимпийской разновидности спортивно-гуманистической культуры является также *обоснование (осмысление, объяснение)* позитивной оценки спорта и олимпийского движения – *рефлексивно-аналитический* компонент этой культуры.

Он предполагает субъективное понимание:

- важного значения идей, идеалов и ценностей олимпизма не только в общесоциальном плане, но и лично для себя;

- значения олимпийского спорта и олимпийского движения для формирования гармонично развитой личности и гуманных социальных отношений;

- тех факторов, от которых зависит реализация этой ценности олимпийского спорта и движения.

При этом могут быть использованы: практический опыт; традиции, нормы, идеалы, ценностные стереотипы, которые доминируют в окружающей социальной среде, и т.д.

Необходимым *условием (предпосылкой)* для формирования позитивного ценностного отношения к олимпийскому спорту и движению являются исходные олимпийские знания, умения, навыки – *базовая олимпийская образованность*.

К числу таких знаний, умений, навыков относятся:

- *знания* и соответствующие *понятия*, которые характеризуют олимпийский спорт и олимпийское движение как особые социальные феномены, их сущность, компоненты, функции, идеалы и ценности;

- *фактологические знания* – знания о конкретных фактах современного состояния и истории олимпийского спорта и движения (например, знания о том, когда возникли Олимпийские игры – античные и современные, где они проходили, какова была их программа, каковы результаты выступления спортсменов различных стран на этих Играх, кто является основателем современного олимпийского движения и т.д.);

- *знания, умения и навыки*, необходимые для того, чтобы можно было включаться в те или иные виды спортивной деятельности (спортивную тренировку, спортивные соревнования и др.), ориентируясь при постановке связанных с ними целей и задач на идеалы и ценности олимпизма.

Все эти знания, умения, навыки образуют *предпосылочный (исходный)* блок олимпийской культуры. В структуре этой культуры они выполняют две основные функции. Во-первых, позволяют ориентироваться в различных аспектах, функциях, компонентах олимпийского спорта и движения, при этом отличать их от других видов (разновидностей) спорта и социальных движений (*ориентировочная* функция). Во-вторых, обеспечивают *информацией*, которая необходима для того, чтобы с позиций олимпизма можно было оценивать спорт (различные его виды, компоненты и т.д.), обосновывать эту оценку, а

также включаться в те или иные формы спортивной деятельности (спортивную тренировку, спортивные соревнования и др.), ориентируясь при постановке связанных с ними целей и задач на олимпийские идеалы и ценности.

Значит, исходные знания, умения, навыки характеризуют *базовую олимпийскую образованность*, позволяющую с позиций олимпизма ориентироваться в мире спорта, и *информационно-операциональную готовность* к олимпийской активности.

Еще один компонент («блок») ценностного отношения к олимпийскому спорту и движению, а значит, олимпийской спортивно-гуманистической культуры – *результатирующий*: проявляемые в спорте и в других сферах жизни качества и способности человека, его поведение, социальные роли, стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми, являющиеся *результатом* его включения в спортивную деятельность и решения поставленных в этой деятельности задач на основе олимпийских знаний, идеалов, эталонов, норм, образцов поведения.

К числу таких результатов относятся:

- спортивные достижения;
- качества и способности, характеризующие гармоничное развитие личности;
- образ (стиль) жизни и взаимоотношений с другими людьми, адекватные олимпийским идеалам и ценностям;
- осознание достигнутых результатов и обоснование их значения.

В этом плане особенно важное значение имеет поведение спортсмена, адекватное указанным выше олимпийским принципам Фэйр Плэй. Ориентация (не только декларативная, но и реальная) на эти принципы – один из наиболее важных аспектов олимпийской культуры.

Отмеченные выше компоненты в их взаимосвязи составляют структуру олимпийской культуры.

Формирование у детей и молодежи олимпийской культуры имеет *важное значение* в настоящее время для практической реализации в спорте идей, идеалов и ценностей гуманизма, для формирования и повышения ориентации всех субъектов спортивной деятельности на эти идеалы и ценности. Ее значимость определяется прежде всего тем, что она ориентирует на нравственное поведение в спортивном соперничестве, содействует снижению дисфункционального влияния в этой сфере такого фактора, как культ успеха, победы, высоких достижений в спорте и т.д.

Важное значение культуры личности, ориентированной на идеалы и ценности олимпизма охарактеризовал в своем выступлении в Международной олимпийской академии директор Института спортивных наук университета в Вюрцбурге проф. Ф. Лотц (Германия). Свою лекцию он начал с характеристики тех фундаментальных изменений, которые происходят в современном обществе, затрагивая все сферы общественной жизни, меняя систему ценностей и сам «ход мышления». В частности, как отметил Ф. Лотц, «мы переживаем период полного перехода от производительного общества к обществу, ориентированному на предоставление услуг. Эта тенденция означает, что будет все меньше и меньше людей, занятых в сфере производства, и все больше тех, кто занимается организацией, руководством и управлением» [Lotz, 1980, p. 102]. Вместе с тем эти изменения приводят к тому, что «люди начинают опять понимать ценность и важность высоких идей, которые выходят за рамки материальных ценностей», «понимать, что именно молодые люди нуждаются в ясных идеях о гуманности, о концепции мира и политике как в стимуле и движущей силе для всестороннего развития и приобретения знаний и опыта, необходимых для подготовки к своей будущей деятельности». Все это отражается и на ситуации в области образования: «Неприязнь к чисто прагматическому и утилитарному мышлению и возвращение к идее воспитания совершенной личности привели к формированию системы образования, при которой все большее внимание уделяется развитию всех возможностей человека». «Все больше и больше становится очевидным, что человечеству нужны идеи и цели, которые облагораживают человека и приближают его к своим целям» [Lotz, 1980, p. 105, 106]. Именно такие идеи и цели как раз и представляет олимпийское движение: «Олимпийские игры предлагают человеку широкую область свободы, удаленную от напряжения повседневной и профессиональной деятельности, без какого-либо политического или идеологического давления, но также и без принуждения к тому, чтобы побеждать любой ценой, – область, где можно мобилизовать и показать личные способности, область для самоутверждения с возможностью выиграть, но также и с опытом неудач»

[Lotz, 1980, p. 107]. Тем самым значение олимпийской идеи «выходит за рамки вопроса об Олимпийских играх». Ее следует рассматривать «как послание, в котором содержится призыв ко всем людям отказаться от всех негативных моментов жизни во имя поддержания ценностей свободы, общности людей и мира» [Lotz, 1980, p. 108–109].

Формирование у детей и молодежи олимпийской культуры, в основе которой лежат идеалы и ценности олимпизма, ориентированные на общечеловеческие, гуманистические духовно-нравственные ценности, связанные со спортом, особенно важно в современных условиях нашей страны – с учетом разрушения прежних идеологических стереотипов, а также принимая во внимание охватившие часть молодежи чрезмерный прагматизм, нигилизм и безразличие к духовным ценностям [Родиченко, 2004; Родиченко, Столяров, 1996; 1998 з; Столяров, Баринов, 2011].

Однако формирование у детей и молодежи олимпийской культуры личности, для которой характерны качества и способности гармонично развитой личности, стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми в соответствии с идеалами и ценностями олимпизма, наталкивается на многочисленные проблемы и трудности [Баринов, 2009 б; Королев, 2009; Котомина, Майорова, Столяров, 2005; Столяров, 1993 в; 1998 з; 2009 а; Столяров, Максимов, 2008; Столяров, Стопникова, Баринова и др., 1993; Тернавский, 2008 и др.]. Как подробно обосновано выше, новый курс олимпийского движения, ориентация его на коммерциализацию и профессионализацию не содействуют их разрешению и преодолению.

Завершая характеристику олимпийской культуры, следует отметить, что само по себе позитивное отношение человека к олимпийскому спорту и движению, участие в олимпийских соревнованиях не обязательно характеризует его олимпийскую культуру как разновидность *спортивно-гуманистической* культуры. Ведь олимпийский спорт и олимпийское движение (а тем более спорт в целом), активное участие в них он может оценивать с разных позиций, опираясь не только на гуманистические идеалы олимпизма, но и на другую систему ценностей. Так, основная ценность участия в олимпийских акциях может усматриваться в возможности заработать деньги, приобрести другие материальные блага, славу, продемонстрировать свое превосходство над другими и т.д. При такой ориентации спортивная культура, как отмечено выше, является не *спортивно-гуманистической*, а *спортивно-прагматической* или даже *антигуманной*.

Другой формой (разновидностью) *спортивно-гуманистической* культуры является *спартианская* спортивно-гуманистическая культура личности.

#### 24.4. Понятие, структура и значение спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры

Под *спартианской спортивно-гуманистической культурой* в данной работе понимается такая ее разновидность, в основе которой лежит позитивное отношение к спорту в соответствии со *спартианскими* идеалами и ценностями. Эти идеалы и ценности формулирует и обосновывает разработанная автором *спартианская философская концепция универсализма* [Столяров, 2011 г].

Философские положения этой концепции, как и другие положения такого рода, направлены на рефлексию (осознание и осмысление) предельных (последних, конечных) оснований жизнедеятельности человека, его культуры, поведения и т.д. Такими основаниями, как отмечено выше, являются те ценности, идеалы, смыслы, целевые установки и т.п., которые лежат в основе жизнедеятельности человека, его культуры, поведения, определяют их характер и содержание.

Термин «*спартианская*» в словосочетании «спартианская философская концепция универсализма» связан с новым гуманистическим проектом под названием «СПАРТ» («SpArt»). Данное название расшифровывается двояко:

- как аббревиатура из слогов трех английских слов: **Spirituality** – духовность, «**Sport**» – спорт и «**Art**» – искусство;
- как сокращение, составленное из первых букв русских слов: «Союз Поклонников Активного Разностороннего Творчества».

В проекте впервые изложены и основные концептуальные положения спартианской философской концепции универсализма, хотя там для их обозначения это словосочетание не использовалось.

**Проект «СпАрт»** разработан автором в 1990 г. [Столяров, 1990 е]. Как видно из самого названия проекта, он предусматривает *гуманизацию* (повышение *духовно-нравственной* ориентации) *спорта*, его *интеграцию с искусством*. Но автор проекта рассматривает эту гуманизацию и интеграцию *не как самоцель*, а как *средство* реализации в системе воспитания, оздоровления и организации досуга различных групп населения определенной системы ценностей культуры и образа жизни личности. В проекте предпринята попытка определить и осмыслить эти ценности.

К их числу прежде всего отнесен *спартианский идеал личности*.

**Спартианский идеал личности.** Спартианский идеал личности тесно связан с ее гуманистическим идеалом. Последний, как отмечено выше, ориентирован на такую личность, для которой характерно *целостное* и *гармоничное*, т.е. *разностороннее* и *пропорциональное*, развитие определенных качеств и способностей.

Вместе с тем важно учитывать, что в разных гуманистических концепциях дается определенная интерпретация целостного (разностороннего) развития личности и на передний план выдвигаются те или иные его аспекты. Такой конкретизацией данного общего гуманистического идеала личности являются, например, следующие концептуальные идеи и принципы:

- идея Платона, а позднее Ницше и других мыслителей о необходимости для каждого человека постоянного самосовершенствования, самопреодоления;

- высказанная великими гуманистами прошлого идея о необходимости гармонии духовных и физических способностей человека, его внешних и внутренних качеств (древнегреческий идеал калокагатии, древнекитайский принцип «сан мэи» и т.п.);

- продолжающая эту идею олимпийская концепция личности Кубертена, выраженная в его девизе «Возвышенный дух в развитом теле»;

- модель здорового, полноценного, самоактуализирующегося человека и концепция «полноценно функционирующей» личности, разработанные представителями гуманистической психологии (А. Маслоу и К. Роджерс);

- идея К. Маркса о том, что «призвание, назначение, задача всякого человека – все-сторонне развивать все свои способности»;

- идея Николая и Святослава Рериха о том, что смысл человеческой жизни в достижении красоты, гармонии, в самовыражении, в стремлении к возвышенному, к совершенству, к «возвращению добра в себе»;

- идеи экзистенциализма об ответственности человека за свои действия и о том, что человек является главным архитектором своего поведения и жизненного опыта;

- идеи известного немецкого философа и олимпийского чемпиона Г. Ленка о человеке как действующем существе, о необходимости его ориентации на достижения и т.д.

По разному могут пониматься и те качества (способности) человека, которые, согласно гуманистической концепции, должны быть у него целостно (разносторонне) развиты. В зависимости от этого по-разному трактуется и гармоничность личности как пропорциональное развитие данных качеств (способностей).

Как отмечено выше, наиболее широко в гуманистической философии представлено такое понимание целостного (и соответственно гармоничного) развития личности, которое формулируется в связи с обсуждением вопроса о соотношении *телесных (физических)* и *духовных (нравственно-эстетических)* качеств человека. При таком подходе *односторонность* в развитии личности связывают с тем, что у человека в основном развиты только первые или только вторые из указанных качеств (или они развиты не пропорционально), а к числу особенностей *целостно (многосторонне)* развитой личности относят полноценное и пропорциональное развитие как телесных (физических), так и духовных (нравственно-эстетических) качеств. Такое развитие личности чаще всего обозначают термином «**гармоничное развитие**», имея при этом в виду как целостное (полноценное, разностороннее), так и пропорциональное развитие указанных качеств [Божович, 1981; Гармонический человек, 1965; Кузнецова, 1988; Прядченко, 2005; Штайнер, 1995; Шумакова, 2006 и др.].

Гармоничное развитие личности понимается по-разному: узко – как гармония *физического* и *умственного* развития [Президент МОК... 1996, с. 7; Черняев, 2003, с. 274] или более широко – как гармоничное соотношение *телесного (физического)*, *душевного (психического)* и *духовного (нравственного)* в развитии личности [Кузин, Никитюк, 1997, с. 8].



По-разному понимается и значимость этих качеств личности. В одних случаях они оцениваются как равноценные (принцип «душевно-духовного-телесного равновесия»). В других случаях приоритет отдается духовным качествам. Будда по этому поводу выразился в следующей стихотворной форме.

Телесное лишь есть причина смерти,  
Исходит сила только из ума,  
Коль ум из поведенья удалим мы,  
Телесное деянье есть лишь гниль...  
Так должно упорядочить наш разум,  
И тело будет правильно идти [Цит. по: Авиценна, 1994, с. 8].

Иногда, напротив, развитие телесно-физического в человеке рассматривается как основа формирования его духовности [см., например: Штайнер, 1995].

В гуманистической концепции проблема целостного развития личности включает в себя не только вопрос о соотношении *телесных (физических) и духовных (нравственно-эстетических) качеств человека*, но также вопрос о *соотношении узкой специализации и универсальной реализации способностей человека*.

В такой форме данная проблема целостного развития личности наиболее четко сформулирована в работах К. Маркса. Позиции узкой специализации, «*профессионального кренинизма*», по его выражению, он противопоставляет концепцию, согласно которой «*призвание, назначение, задача всякого человека – всесторонне развивать все свои способности*». Идеал развития личности для К. Маркса – «*абсолютное выявление творческих дарований человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу*» [Маркс, Энгельс, т. 46, часть 1, с. 476].

Ф. Энгельс вслед за К. Марсом указывал на необходимость воспитания «людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства», а В.И. Ленин – «всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать».

Проблема всестороннего (универсального) развития личности была предметом острых дискуссий в марксистской литературе [Волков, 1984; Зеленов, 1988 а, б; Зеленов, Кеда, 1966; Ильенков, 1983; Кветной, 1970; Красин, 1981; Лазоренко, 1985; Научно-технический прогресс... 1983; Репина, 1989; Сеилерова, 1988; Соколова, 1992; Струков, 1963; Mihály, 1988 и др.].

Критика марксистской философии содействовала уменьшению интереса к этой проблеме. Однако она не утратила своей актуальности и в настоящее время. Как будет показано ниже, идея необходимости всестороннего (универсального) развития личности поддерживается многими современными учеными и философами. Например, один из них – известный немецкий философ и олимпийский чемпион Г. Ленк пишет: «Творческая активность одного вида должна у индивида сочетаться с другими ее формами. Приходит на ум древнегреческий гуманистический идеал всесторонне развитой личности. Несмотря на необходимую специализацию целью не является воспитание специализированных идиотов!» [Lenk, 1985 с, р. 16].

*Такую личность, для которой характерно не только гармоничное – полноценное и пропорциональное – развитие телесных (физических), психических и духовных (нравственно-эстетических) качеств, но также способность эффективно выполнять те или иные функции во многих видах деятельности, будем называть универсально развитой личностью.*

Спартианское гуманистическое понимание личности ориентировано именно на такое ее универсальное развитие. Но эта концепция универсального (гармоничного и разностороннего) развития личности имеет ряд важных особенностей.

Сначала отметим особенности спартианского понимания *гармонично развитой личности*.

Согласно спартианской концепции, которая учитывает, критически оценивает и вносит определенную коррекцию в предшествующие интерпретации гармоничного развития

личности, это развитие помимо полноценного и пропорционального развития телесности, психических способностей и духовных качеств предполагает и ряд других особенностей.

Спартианское понимание  
гармонично развитой личности

➤ Гармоничное (полноценное и пропорциональное) развитие в человеке *телесности* (физических качеств, двигательных способностей, телосложения, физического здоровья), *психических* способностей (воли, интеллекта, внимания и т.п.), *духовных* качеств (нравственности, эстетических способностей, мужества, патриотизма и т.д.). Просоциальное (гуманное, духовно-нравственное) поведение человека органично дополняет развитые физические качества и психические способности (волю, интеллект, эмоции и др.), адекватные его индивидуальному потенциалу и возрастным особенностям.

➤ *Приоритет духовно-нравственных качеств* в иерархии разнообразных качеств и способностей личности.

➤ *Гармония индивида в отношениях* с другими людьми, с природой и с самим собой.

➤ *Свобода, творчество* во всех деяниях и поступках, ориентация на *самосовершенствование, самореализацию, самоутверждение*, а вместе с тем на *самотрансценденцию* (стремление к установлению гармоничных отношений с другими людьми и с природой).

➤ *Приоритет человечности, нравственных ценностей* в отношениях с другими людьми в соответствии с такими гуманистическими ценностями, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение представителей различных культур и верований, толерантность, отказ от насилия, сотрудничество и поведение по законам красоты и благородства в ситуациях соперничества (борьбы), даже если это не позволяет одержать победу.

➤ Богатство, полнота и соответствующее друг другу развитие всех «подсистем» структуры личности: *информационной* (комплекс знаний и убеждений); *мотивационной* (интересы, потребности, установки, ценностные ориентации); *эмоциональной* (чувства, эмоции); *операциональной* (качества и способности человека, его умения и навыки осуществлять определенную деятельность, выполнять определенные функции); *практически-деятельностной* (реальная деятельность по выполнению этих функций).

К числу особенно важных положений спартианской философии относится положение о том, что целостное развитие личности предусматривает не только *гармоничность*, но также *разносторонность* развития, т.е. ее *универсальное* развитие.

Спартианская концепция универсального развития личности:

универсальное развитие личности =  
*гармоничность + разносторонность* ее развития

Концепция *разностороннего (всестороннего)* развития личности является предметом обсуждения философов, культурологов, педагогов и других ученых. В ходе этого обсуждения высказываются различные точки зрения [см.: Соколова, 1992]. Под разносторонне развитой личностью понимают умение человека участвовать в разных видах деятельности, выполнять разнообразные функции и даже умение «все делать». А иногда речь идет просто о замене термина «гармоничность» на термин «разносторонность», т.е. разностороннее (многостороннее) развитие личности *отождествляется* с ее гармоничным развитием (гармонией телесного и духовного в человеке).

В спартианской философии (как и в некоторых других гуманистических концепциях), речь идет не о такой замене одного термина на другой, а о новом аспекте проблемы целостного развития личности – о соотношении *узкой специализации и разносторонней (всесторонней, универсальной) реализации способностей человека*. При этом дается особая интерпретация разностороннего развития личности.

**Спартианское** понимание такого развития личности включает в себя следующие основные положения.

1. Под *разносторонним* развитием личности понимается не только гармония телесного, психического и духовного в человеке (его гармоничное развитие), но и развитость у него качеств и способностей, связанных с участием во *многих* видах деятельности, выполнением *разнообразных* функций. Такое развитие личности противопоставляется од-

носторонности, узкой специализации в ее развитии – развитости у человека качеств и способностей, связанных только с *одним* видом деятельности, с выполнением *одной* функции.

2. Предпосылкой и обязательными условиями разностороннего развития личности являются:

- наличие у человека *разнообразных* интересов, увлечений, а также знаний, способностей (интеллектуальных, художественных, физических и др.);

- умение *творчески и эффективно* (успешно) применять эти знания и способности для постановки и решения задач, выполнения определенных функций, т.е. *творческие достижения* в той или иной деятельности;

- соблюдение при этом норм и принципов *эстетики*, законов красоты, а также *нравственных* правил, *моральных* норм, в том числе в процессе соревнования, соперничества;

- способность к четкому *планированию, организации* своих действий.

3. Разностороннее (многостороннее) развитие личности может проявляться *по-разному*.

Одно из его проявлений состоит в том, что человек способен в *одной* деятельности успешно выполнять *разные функции* (например, в футбольной команде может быть и защитником, и нападающим, и вратарем и т.п.). Другое проявление многосторонности – способность добиваться позитивных результатов *в разных видах и формах* определенной деятельности. Например, человек может добиваться успеха в различных видах спорта или демонстрировать мастерство в разных формах искусства.

Многосторонность развития личности может выступать и в таких других формах, как, например: владение разными видами специальностей, профессий; наличие комплекса знаний в разных областях или разнообразных способностей (интеллектуальных, художественных, физических и т.д.), обеспечивающих активное участие и достижения в различных видах деятельности; проявление интереса к ним и т.д.

4. Специфической формой проявления разносторонности (многосторонности) в развитии личности является *всесторонне (универсально)* развитая личность.

Иногда под всесторонне развитым понимается человек, «способности, потребности которого успешно развиваются и реализуются во всех видах социально полезной деятельности» [Гуцаленко, 1988, с. 168], а иногда более того – человек, который должен «уметь все делать» – в смысле участвовать во всех видах деятельности, владеть всеми профессиями, специальностями и т.д. Но в современных условиях такая развитость человека просто невозможна.

Всестороннее (универсальное) развитие человека – это сформированность у него таких многосторонних интересов, увлечений, знаний, способностей, которые позволяют активно участвовать, добиваться определенных успехов, понимать их смысл и значение, эффективно выполнять функции, связанные с *основными (фундаментальными, «родовыми»)* видами социальной деятельности. Поэтому наличие таких интересов, увлечений, знаний, способностей необходимо *каждому* человеку независимо от того, какую профессию он собирается выбрать или уже выбрал, в какой сфере собирается трудиться или уже трудится и т.д.

Необходимость всесторонности (универсальности) развития личности как сформированности у человека способностей, которые связаны с основными (фундаментальными, «родовыми») видами социальной деятельности, признают многие философы. Вот лишь несколько иллюстраций. «Каждый живой человек может и должен быть развит в отношении всех всеобщих («универсальных») способностей, которые делают его Человеком (а не химиком, токарем)» [Ильенков, 1968, с. 148]. «Всестороннее развитие личности означает не овладение всеми профессиями или специальностями, а овладение основными родами деятельности в той или иной их форме или родовыми функциями общества» [Зеленов, 1988б, С. 20]. «Всестороннее развитие личности есть целостное и полноценное развитие всех ее сущностных сил, способностей и дарований, возможное и реально осуществимое в данных конкретно-исторических условиях» [Лихачев, 1985, с. 274].

Предметом дискуссий являются, однако, вопросы о том, *какая деятельность* относится к числу основных, универсальных, родовых, *сколько* таких видов деятельности существует и соответственно *какими способностями* должен обладать универсально (всесторонне) развитый человек. Ответ на эти вопросы помимо теоретического имеет и важное прикладное значение, в частности, для определения способностей, знаний, связанных

с определенными видами деятельности, которые должны составлять фундамент образования современного человека.

По указанным вопросам высказываются различные мнения.

Л.Н. Коган, например, выделяет три основных (родовых) вида деятельности: 1) материально-преобразующую, 2) социально-преобразующую (общественно-политическую) и 3) духовно-преобразующую. «В первую входят материально-производственная, материально-бытовая и физкультурно-спортивная деятельность. Социально-преобразующая деятельность включает в себя как политическую борьбу против существующих общественных отношений, так и деятельность по организации социального управления. В структуру духовно-преобразующей деятельности, видимо, следует включать научно-познавательную, педагогическую, художественную. Каждый из этих основных видов деятельности в свою очередь содержит целый спектр конкретных занятий, позволяющих индивиду максимально проявлять и совершенствовать свои способности и дарования» [Коган, 1984, с. 59]. М.С. Каган к числу основных относит пять видов деятельности: преобразовательную, коммуникативную, познавательную, ценностно-ориентационную и художественную деятельность [Каган, 1974, с. 307]. По мнению Э. Струкова, под всесторонним развитием личности «следует понимать развитие всех сторон, способностей и дарований личности во многих сферах деятельности – общественной, духовной, нравственной, физической. Оно должно осуществляться в тесном единстве и на основе трудовой деятельности» [Струков, 1963, с. 25].

Широкую известность получила изложенная в работах Л.А. Зеленова концепция всестороннего развития личности, согласно которой оно «означает в общем виде преодоление узкой специализации, т.е. пожизненного закрепления человека за каким-то определенным ограниченным видом деятельности» [Зеленов, 1988а, с. 19]. «Всесторонне развитый человек – это человек, овладевший основными родами деятельности, родовыми функциями общества, а не видами, не профессиями, не специальностями, не специализациями... всестороннее развитие личности – это... есть развитие всех универсальных родовых сущностных сил (способностей) человека, которые исторически развернуты в основных родах деятельности общества» [Зеленов, 1988, с. 19, 20]. При выделении родовых функций, родов деятельности общества Л.А. Зеленов опирается на положение о том, что вся общественная деятельность поляризуется на производство *вещей*, которое может осуществляться или в *натуральной* или в *знаковой* форме, и общественное производство *человека*, связанное «с производством его *биологического* субстрата и его как *социального* существа» [Зеленов, 1988 а, с. 20]. Исходя из этого Л.А. Зеленов выделяет *восемь основных родов деятельности* (родовых функций общества): экономическую, экологическую, научную, художественную, медицинскую, физкультурную, педагогическую и управленческую. С ними связаны соответствующие родовые *сущностные силы (потребности и способности)*, а также *социальные отношения, социальные институты и сферы общественной жизни* [Зеленов, 1988 а, б, 1991; Зеленов, Кеда, 1966].

Положение о тех основных (родовых) форм деятельности, которые лежат в основе спартианской концепции всестороннего развития личности, автор сформулировал ранее в нескольких работах [Столяров, 1988 в, 2006 ж, 2008 г, 2011 г; Столяров, Баринев, 2011]. Ниже эта концепция излагается с некоторыми уточнениями и дополнениями.

#### Основные (родовые) формы деятельности (спартианская концепция):

- *материально-производственная* – деятельность по производству материальных благ и использованию их для удовлетворения потребностей людей;
- *экономическая* – деятельность по распределению и обмену материальных благ;
- *социально-политическая* – деятельность, связанную с взаимоотношением между классами, нациями, другими социальными группами по поводу государственной власти; участие в делах государства, определение, форм, задач, содержания его деятельности; выполнение тех или иных функций на государственной службе; участие в организации международных отношений; социальная активность (на основе личной инициативы), направленную на создание и эффективное функционирование гражданского общества, содействие в решении определенных социальных проблем;
- *социально-педагогическая* – деятельность образования, обучения, воспитания (самовоспитания), организации досуга;

▪ *семейная* – деятельность по созданию семьи, обеспечению ее благополучия и эффективного выполнения возложенных на нее функций (рождение детей, их воспитание и т.п.);

▪ *медицинская* – деятельность, направленная на предупреждение и лечение болезней;

▪ *научное познание (исследовательская)* – деятельность, имеющая целью получение научно обоснованных знаний;

▪ *эстетическая* – деятельность «по законам красоты», по созданию эстетически совершенных (красивых) предметов (эстетическое оформление садов, парков, автомобилей, аранжировка цветов и т.п.);

▪ *художественная* – деятельность (живопись, театр, балет и т.п.) по отображению действительности в художественных образах;

▪ *деятельность в системе средств массовой информации и коммуникации* – по сбору, обработке и распространению (через печать, радио, телевидению, кино и др.) социально-полезной информации, а также межличностного взаимодействия;

▪ *физкультурная* – особые формы двигательной деятельности, которые используются для сохранения и оптимизации физического состояния человека, а также для решения других задач физиологического, педагогического, психологического, эстетического или нравственного воздействия на индивида, включенного в эту деятельность;

▪ *спортивная* – деятельность, предполагающая участие в спортивных соревнованиях (их особенность состоит в том, что они проходят не в обычных, а в искусственно созданных ситуациях, которые предполагают: соблюдение определенных правил, в том числе правил-запретов, призванных обезопасить здоровье и достоинство личности участников соревнования, т.е. придать соперничеству гуманный характер; создание для соперников равных условий, чтобы обеспечить возможность унифицированного сравнения, объективной оценки их качеств и способностей; наличие людей (судей), способных осуществить такую оценку), а также подготовку к ним;

▪ *обеспечение безопасной жизнедеятельности* – деятельность по эффективному противодействию реальному или воображаемому сопернику в силовом или психическом поединке (с применением оружия или без него) с целью защиты самого себя и других (семьи, близких, социальной группы, страны);

▪ *общение* – деятельность, направленная на установление контактов между людьми, в ходе которых они обмениваются информацией, опытом и т.п., выясняют отношения, устраняют существующие разногласия, конфликты и т.п.;

▪ *экологическая деятельность* – деятельность, регулирующая отношения человека с природой;

▪ *игровая деятельность* – деятельность, осуществляемая в искусственно созданных ситуациях ради приятных для человека чувств и переживаний, которые вызывает сам процесс этой деятельности.

Всестороннее развитие личности характеризует сформированность у человека способностей, которые позволяют ему эффективно выполнять функции, связанные именно с указанными выше видами деятельности человека и общества.

При отнесении этих видов деятельности к числу наиболее важных (основных, фундаментальных) предполагается следующее:

➤ они оцениваются таким образом применительно к *современному* этапу общественного развития;

➤ имеются в виду не какие-то частные, узко специализированные, а *крупные, целостные* (в этом смысле *фундаментальные*) виды деятельности, каждая из которых предусматривает выполнение разнообразных социальных функций и включает в свою структуру комплекс взаимосвязанных более частных форм деятельности.

Таким образом, спартианская концепция разностороннего развития личности выделяет несколько его *этапов* (и соответствующих форм).

Первый (начальный, исходный) этап – человек способен творчески и успешно выполнять *разные функции* в рамках одной деятельности (например, в футбольной команде он может быть и защитником, и нападающим, и вратарем и т.п.).

Второй этап – способность к творческим достижениям в *разных видах* определенной деятельности (например, человек может успешно выступать в различных видах спорта или демонстрировать мастерство в разных формах искусства).

Третий этап – творческие достижения в нескольких *разных видах деятельности*, которые на данном этапе развития общества имеют наиболее важное значение, т.е. относятся к числу *основных (фундаментальных)*.

Четвертый этап – проявление творческих способностей и определенные достижения во всех указанных *основных (фундаментальных) видах деятельности*. Этот этап (и эта форма) разностороннего развития личности характеризует ее *всесторонность (универсальность)* развития.

Важно подчеркнуть, что согласно спартианской философии, разностороннее, в том числе и всестороннее развитие личности, *не исключают «специализацию»*: каждый человек свободно и осознанно выбирает сферу деятельности, которая ему больше всего нравится, в наибольшей степени соответствует его индивидуальным интересам, потребностям, а потому в которой он с наибольшей отдачей может проявить свои способности, добиться самореализации, самоактуализации, обеспечить максимальное развитие своей индивидуальности. Этой деятельности человек уделяет основное внимание. К другим видам деятельности он обращается в основном в свое *свободное время*.

Таким образом, согласно спартианской философии, личность, которая должна служить образцом для современной системы воспитания, характеризуют не только *гармоничность*, но и *разносторонность* развития, понимаемые указанным выше образом. Гармоничность и разносторонность развития – два специфических, взаимно дополняющих друг друга аспекта универсально развитой личности.

Многие из указанных выше «спартианских» характеристик универсально развитой личности предполагались и в ранее существовавших (особенно в античности и в эпоху Возрождения) представлениях о гуманистическом идеале человека. Это, например, пафос гармонии духовного и физического, единства нравственного и эстетического, необходимость удовлетворения человеческой потребности в восприятии красоты, в непосредственных человеческих связях, реализации потребности в творческой деятельности, полного и разностороннего выражения в этой деятельности своей индивидуальности, непосредственного ощущения своего вклада от замысла до его осуществления, т.е. достижение успеха, и т.д. Не только возникновению этих представлений, но и их непосредственному воплощению в жизнь содействовали соответствующие условия. Так, например, апофеозу красоты содействовал расцвет искусств и эстетической культуры в эпоху Возрождения, для которой художественная культура была столь же повсеместной атмосферой существования, какой для человека наших дней стали наука и техника. Эта же эпоха своей заявкой на самовыражение нескованной человеческой индивидуальности дала мощный импульс представлению о необходимости разностороннего раскрытия и приложения человеческих дарований, сил и интересов был дан [Алпатов, 1949; Тавризян, 1983].

Вместе с тем некоторые указанные выше качества универсально развитой личности – и прежде всего спартиански понимаемая *разносторонность* ее развития, высшим этапом (высшей формой) которого является *всестороннее (универсальное)* развитие личности, – впервые рассматриваются как важный и необходимый элемент идеала, на который должна ориентироваться гуманистическая система воспитания и организации досуга детей и молодежи.

Обосновываемое в спартианской концепции положение о необходимости *универсального* развития личности позволяет оценить ее как разновидность гуманистической философии **универсализма** и объясняет само ее название **«спартианская философская концепция универсализма»**.

Философия универсализма имеет давние традиции, восходящие к античной философии (досократики, Платон, неоплатоники, пифагорейцы). В настоящее время концептуальные положения и принципы этой философии применяются для анализа научного знания, культуры, морали и т.д., о чем свидетельствует, в частности, введение таких понятий, как «универсалии науки» (работы В.С. Степина и др.), «универсалии культуры», «смысловые универсалии культуры» (Ю.М. Лотман и др.), «универсалии морали» (И.Я. Лойфман и др.), «универсальный эволюционизм» (Н.Н. Моисеев и др.) [Гарпушкин, 2002; Дахин, 1995 и др.]. Концептуальные положения и принципы спартианской философской концепции универсализма применяются, как и в некоторых других философских концепциях, для выработки определенного понимания целостного и гармоничного развития личности.

**Спартианский идеал социальных отношений.** Применительно к социальным отношениям спартианская концепция предполагает ориентацию на гуманистические ценности *культуры мира*.

Как отмечено выше, к числу основных ценностей культуры мира относятся такие ценности, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение представителей различных культур и верований, толерантность, отказ от насилия, сотрудничество и т.п. [Культура Мира и Демократии, 1997; Общественные перемены... 1999; Чубарьян, 1997].

Часто культуру мира связывают с отказом от *соперничества* и конфронтации в пользу *сотрудничества*: «культура мира предполагает преобразование антагонистического соперничества и конфронтации в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях, и в совместные усилия конфликтующих сторон для решения задач, отвечающих общим интересам» [Тангян, 1999, с. 285]; «ключом к культуре мира является превращение жестокой конкуренции в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях» [Культура мира. Документы, 1999, с. 8–9].

В такое понимание ценностей культуры мира в спартианской концепции вносится уточнение: к числу важных ценностей этой культуры относится не отказ от соперничества, а гуманистически ориентированная *культура соперничества*, связанные с ней *специфические формы, средства и методы поведения* человека в ходе соперничества. Справедливо замечание Йогана Галтунга о том, что «культура мира не сводится к набору мирных, ненасильственных представлений о реальности» и что главный ее показатель – *поведение человека* в конфликте: «Скажи мне, как ты ведешь себя в конфликте, и я скажу, как много в тебе есть культуры мира» [Галтунг, 1997, с. 93]. *Гуманистическая культура соперничества* предусматривает ориентацию на нравственные нормы поведения в ходе соперничества и отказ от таких насильственных действий, которые могут нанести ущерб здоровью соперников или унизить достоинство их личности. Именно в таком смысле, согласно спартианскому уточнению, гуманистическая культура соперничества составляет важный компонент культуры мира.

**Интеграция спорта с искусством.** В спартианской философии помимо целостного (гармоничного и всестороннего) развития личности и ценностей культуры мира как важная ценность рассматривается также *интеграция (синтез) спорта с искусством* [Столяров, 1991в, 1998 д, н, о, 2006 б, 2011 в].

Как отмечено выше, синтез спорта и искусства Кубертен рассматривал как важную ценность олимпийского движения. В настоящее время предпринимаются многочисленные попытки разработать и реализовать программу укрепления интеграции (синтеза) спорта с искусством.

При разработке спартианской программы ставилась задача учесть уже имеющиеся теоретические разработки и накопленный практический опыт такой интеграции, чтобы максимально использовать их позитивное содержание и «не изобретать велосипед». Была сделана попытка *скоординировать* и *объединить* различные частные, разрозненные программы интеграции спорта с искусством, ориентированные на какие-то отдельные, узкие аспекты этой интеграции, в широкую, единую, целостную программу (естественно, при этом осознавалось, что в рамках одной программы практически невозможно охватить все многообразие программ такого рода). Вместе с тем акцент был сделан на поиск и практическое использование *новых, нетрадиционных направлений, форм, методов интеграции* спорта и искусства. Все это определяет уникальный характер спартианской программы, отличие от других программ такого рода.

Во-первых, она имеет строгое *научное обоснование*. В ее основе лежит глубокий и всесторонний анализ особенностей спорта и искусства, их социокультурного значения, необходимости укрепления связи между ними.

Во-вторых, спартианская программа имеет ярко выраженный *комплексный* характер. Эта комплексность проявляется прежде всего в том, что, с одной стороны, она предусматривает *сближение* спорта с искусством, «сглаживание» различий между ними в первую очередь за счет повышения эстетического и духовно-нравственного потенциала спорта, а также включения соревновательного начала в сферу художественного творчества, а с другой стороны, ставит своей целью всемерное укрепление связи, союза спорта и искусства. Кроме того, предусматривается разнообразие *форм и методов* интеграции спорта с искусством. Основное внимание уделяется поиску и практическому использованию *новых, нетрадиционных направлений, форм, методов интеграции* спорта и искусства.

К их числу относятся:

- организацию и проведение Спартианских игр;
- создание Спартианских клубов, школ, игротек, игровых оздоровительных лагерей;
- разработку и внедрение в практику духовно-нравственного кодекса поведения, а также специальной системы призов и наград;
- использование новых форм и методов в просветительской, разъяснительной, пропагандистской работе;
- изменение содержания, форм и методов в подготовке специалистов в области спорта и т.д.

Вместе с тем программа не отбрасывает, а предполагает использование *традиционных* форм и методов интеграции спорта с искусством (например, организацию культурной программы во время спортивных соревнований, встреч спортсменов с деятелями искусства, проведение спортивных соревнований артистов, выставок произведений искусства на спортивную тематику и др.). Значит, спартианская программа ориентирована на использование *максимально полного набора* форм и методов интеграции спорта и искусства.

Комплексность программы состоит и в разнообразии тех *задач* по интеграции спорта и искусства, на решение которых она нацелена. В программе ставится задача объединить спорт и искусство при организации соревнований, турниров, фестивалей, в процессе образования и воспитания, во время досуга, в работе клубов, в деятельности нового гуманистического движения и т.д.

В-третьих, программа предназначена не для какой-то узкой группы, а для людей разного возраста, пола, разных профессий, разного уровня духовного и физического развития, в том числе для лиц с ограниченными возможностями (инвалидов). Она призвана содействовать гармоничному сочетанию спорта и искусства в жизни каждого человека, а также постоянному общению спортсменов с теми, кто занимается творчеством в сфере искусства (художниками, музыкантами, актерами и др.), науки, техники, с коллекционерами и другими лицами, близкими к сфере искусства, и т.д.

В-четвертых, в спартианской программе – в отличие от многих других аналогичных программ – интеграция спорта с искусством рассматривается не как средство создать красивое, эстетически зрелищное шоу, заработать на этом деньги и т.п., а как средство (одно из средств) решения важных социокультурных и педагогических задач – в первую очередь для преодоления все увеличивающегося разрыва между физическим и духовным развитием человека.

Следовательно, спартианская программа выступает не просто как объединение, «сумма» других, уже известных программ и связанных с ними традиционных направлений, форм и методов интеграции спорта с искусством, но и как *уникальная* программа этой интеграции [Столяров, 1991 в, 1998 д, н, о, 2006 б, 2011 в].

Изложенное выше позволяет ввести понятие спартианской спортивно-гуманистической культуры.

**Понятие спартианской спортивно-гуманистической культуры.** Спартианскую разновидность спортивно-гуманистической культуры отличает позитивное отношение субъекта (индивида, социальной группы, общества в целом) к спорту, основанное на изложенных выше *спартианских* идеалах и ценностях. В соответствии с этим в данном отношении на первый план выходит субъективная ориентация на роль и значение спорта как важного средства *универсального* развития личности (в спартианском его понимании).

Это значит, что спорт оценивается как один из основных (фундаментальных) видов деятельности, участие в которых необходимо как для гармоничного, так и для разностороннего развития личности.

Такая оценка спорта основана на учете важной роли спортивной деятельности:

- *во-первых*, в восстановлении, сохранении, формировании и совершенствовании телесности, физического состояния человека, его психических и духовных – нравственных, эстетических и пр. – качеств и способностей, соответствующих умений, навыков, знаний, потребностей, чувств, эмоций и т.д.;

- *во-вторых*, в формировании культуры соперничества.

Но, согласно спартианской концепции, не всякий спорт может иметь такое гуманистическое значение. Решающую роль в этом плане играет используемый в спорте *способ (форма, модель) организации соперничества* – принципы подхода к формированию про-



граммы соревнования и способа его проведения, состава участников, системы выявления и поощрения победителей (см. главу 17).

Наиболее адекватен спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры тот способ, который используется на Спартианских играх [Столяров, 1997 б, в, з, 1998 н, 2006 ж, 2008 г, 2009 ж; Столяров, Фирсин, 2011].

Спартианская разновидность спортивно-гуманистической культуры предполагает также, что человек не ограничивается занятиями спортом, а включается и в *другие* – прежде всего основные (фундаментальные) виды деятельности, чтобы содействовать разностороннему (всестороннему, универсальному) развитию, избежать «*профессионального кретинизма*» (выражение К. Маркса), не принадлежать к числу «*специализированных идиотов*» (выражение известного философа и олимпийского чемпиона Г. Ленка).

Еще одна важная особенность спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры личности – ориентация (не только декларативная, но и реальная) поведения человека в соревнованиях на *спартианские принципы игрового соперничества*.

Согласно этим принципам необходимо:

- Активно участвовать в соревновании, проявлять мужество, волю, настойчивость, прикладывать все силы и способности, чтобы показать максимально возможный результат, выкладываться «до конца» для победы.

- Добиваться ее не для того, чтобы завоевать приз, награду, другие почести, одержать победу над противником, а прежде всего для того, чтобы преодолеть самого себя, одержать победу над самим собой, показывая более высокие достижения, нежели это удавалось делать раньше.

- Точно и строго соблюдать правила соревнований даже в сложных ситуациях.

- Ориентируясь на спартианский девиз: «Красота действий и поступков дороже успеха!», не стремиться победить любой ценой, за счет своего здоровья или причинения ущерба здоровью соперникам, посредством обмана, насилия, нечестного судейства и других антигуманных действий; признавать ценность победы над соперником лишь в том случае, если она достигнута при соблюдении не только правил, но и норм нравственности; действовать по законам красоты и благородства, даже если это не позволяет одержать победу; во всех своих поступках придерживаться спартианского девиза: «Быть Добру!».

- Беспрекословно выполнять судейские решения, в том числе те, с которыми участник игрового соперничества не согласен.

- Доброжелательно и уважительно относиться к судьям и другим официальным лицам, к зрителям, а также к соперникам (независимо от того, являются они победителями или побежденными): приветствовать; поздравлять с хорошим выступлением, победой, высоким результатом; не проявлять даже элементов грубой игры; не допускать насмешек над соперником, унижающих его достоинство.

- Не подчеркивать своего превосходства в случае победы, сохранять спокойствие и скромность; признаки несовершенства искать прежде всего в себе, а не в других; достойно переносить поражение (критически относиться к своему выступлению, признавать ошибки).

- Стремиться к красоте, эстетике не только в действиях, но и в одежде.

- Проявляя творчество и юмор, не нарушать требования эстетики и нравственности.

- Бережно относиться к окружающей среде, природе, инвентарю.

Не только лично демонстрировать красоту действий и поступков, но и активно побуждать к этому других.

Значит, *спартианская спортивно-гуманистическая культура* – это спартианское ценностное отношение к спорту (к спортивной тренировке и спортивным соревнованиям): *процесс, средства и результаты деятельности субъекта по осмыслению, сохранению и развитию тех разновидностей, сторон, функций, компонентов спорта, которые он, ориентируясь на спартианские идеи, идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности.*

Ниже представлен комплекс ценностей, идеалов, норм, образов поведения и соответствующих им девизов, характеризующих спартианскую разновидность спортивно-гуманистической культуры.

**Спартианская разновидность  
спортивно-гуманистической культуры**

| <i>Ценности</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                           | <i>Идеалы, нормы,<br/>образцы<br/>поведения</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                 | <i>Девизы,<br/>высказывания</i>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                        |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>Спорт как один из основных (фундаментальных) видов деятельности, участие в которых необходимо не только для гармоничного, но и для разностороннего развития личности.</p> <p>При этом учитывается важная роль спортивной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>▪ в восстановлении, сохранении, формировании и совершенствовании телесности, физического состояния человека, его психических и духовных – нравственных, эстетических и пр. – качеств и способностей, соответствующих умений, навыков, знаний, потребностей, чувств, эмоций и т.д.</li> <li>▪ в формировании культуры соперничества.</li> </ul> <p>Достижения в спортивной деятельности как одной из основных видов деятельности, в которых человек может проявить свои творческие способности.</p> <p>Позитивная роль спорта в формировании и реализации таких ценностей культуры мира, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение представителей различных культур и верований, толерантность, отказ от насилия, сотрудничество и т.п.</p> | <p>Универсальное (гармоничное и разностороннее) развитие личности в спартианском понимании такого развития (см. выше).</p> <p>Поведение в спортивных и других соревнованиях в соответствии со спартианскими принципами игрового соперничества (см. выше).</p> <p>Ориентация на гуманистические ценности культуры мира: мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение представителей различных культур и верований, толерантность, отказ от насилия, сотрудничество и т.п.</p> | <ul style="list-style-type: none"> <li>▪ «Стань спартианцем – разносторонне развитой личностью и патриотом своей Родины!» (В.И. Столяров)</li> <li>▪ «Творческая активность одного вида должна у индивида сочетаться с другими ее формами. Приходит на ум древнегреческий гуманистический идеал всесторонне развитой личности. Несмотря на необходимую специализацию целью не является воспитание специализированных идиотов!» (Г. Ленк – олимпийский чемпион и философ).</li> <li>▪ «Мне нравится побеждать в соревнованиях, но я не делаю из этого культа» (Франческо Панетта, легкоатлет, чемпион мира).</li> <li>▪ «Призвание, назначение, задача всякого человека – всесторонне развивать все свои способности» (К. Маркс)</li> <li>▪ «Храни вас Бог от односторонности» (Гоголь)</li> <li>▪ «Настоящий талант проявляется всегда в нескольких областях сразу!» (акад. А.П.Александров)</li> <li>▪ «Я понял, что человек может с успехом сочетать самые разные увлечения» (А. Арканов)</li> </ul> |

**Спартианская спортивно-гуманистическая культура личности** – спартианское ценностное отношение индивида к спортивной деятельности, компонентами которого являются:

- знания, умения, навыки, необходимые для включения в занятия спортом;
- спартианские идеи, идеалы, нормы, образцы поведения, на основе которых человек оценивает (в суждениях, мнениях, эмоциях, реальных действиях и т.п.), определенные компоненты, виды и разновидности спорта, их функции как значимые, важные, т.е. как ценности, обосновывает (объясняет) эту оценку, включается в спортивную деятельность, в ходе нее ставит и решает определенные задачи;
- результаты этой спортивной деятельности.

Сравнение спартианских идеалов и ценностей с олимпийскими выявляет наличие у них как общих, так и особых, специфических черт. Это определяет не только сходство, но и различие олимпийской и спартианской разновидностей спортивно-гуманистической культуры [подробнее см.: Столяров, 1998 е, з, 2006 ж, 2008 г, 2009 з].

К числу основных *особенностей* спартианской спортивно-гуманистической культуры относятся:

- знание, понимание и позитивная оценка спартианских идеалов и ценностей, их роли и значения в современном обществе, в том числе в сфере спорта, умение обосновать эту оценку;

- знание, понимание и позитивная оценка гуманистического значения спорта, в том числе для реализации спартианских идеалов и ценностей, умение обосновать эту оценку;

- знание тех факторов, от которых зависит это значение спорта;

- знание, понимание и позитивная оценка спартианского движения, а также комплекса связанных с ним акций, ориентированных на интеграцию спорта с искусством, умение обосновать эту оценку;

- стремление (желание) ориентироваться в спортивной деятельности спартианские идеалы и ценности, активно участвовать в спартианском движении, содействовать реализации его целей;

- знания, качества и способности (умения и навыки), которые позволяют успешно участвовать в спорте, в Спартианских играх и других акциях спартианского движения (в качестве спортсмена, организатора, пропагандиста спартианских идей и т.д.);

- реальная ориентация в спорте и спартианском движении на идеал гармонично и всесторонне развитой личности, ценности культуры мира, и как результат – сформированные у личности качества и способности такой личности, а также адекватный спартианским идеалам стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми;

- негативное отношение к лицам, поведение которых противоречит спартианским идеалам и ценностям.

Спартианская разновидность спортивно-гуманистической культуры предусматривает:

- участие в спартианском движении, а также другие формы спортивной деятельности личности, ориентированные в целях и задачах на спартианские идеалы и ценности;

- различные формы (рациональную, мотивационную, эмоциональную, деятельностную) позитивной оценки этих форм деятельности с точки зрения спартианских идеалов и ценностей;

- обоснование (осмысление и объяснение) этой оценки;

- результаты всей этой социальной активности личности – сформированные качества личности и образа (стиля) жизни, правила поведения, социальные роли, нормы и образцы взаимоотношений с другими людьми и т.п., адекватные спартианским идеалам и ценностям.

**Структура спартианской спортивно-гуманистической культуры.** Позитивное ценностное отношение субъекта к спорту и спартианскому движению, характеризующее его спартианскую спортивно-гуманистическую культуру, – это прежде всего *позитивная оценка* этих социальных явлений с точки зрения спартианских идеалов и ценностей.

Основными проявлениями и показателями этой оценки, т.е. *оценочными компонентами* спартианской спортивно-гуманистической культуры являются:

- *позитивное мнение* (в виде соответствующих высказываний, суждений, отзывов и т.п.) о спартианском движении, а также о тех аспектах и функциях спорта, которые адекватны спартианским идеалам и ценностям, и негативное мнение о тех его явлениях, которые противоречат этим идеалам и ценностям – *рациональный (когнитивный)* компонент;

- *интерес* к спартианскому движению, ко всем явлениям в сфере спорта, которые адекватны спартианским идеалам и ценностям, одобряемые *нормы, образцы поведения*, которые определяют, как следует вести себя на спортивных тренировках, соревнованиях, трибунах стадиона и т.п. в соответствии с этими идеалами и ценностями, *стремление (желание)* ориентироваться на них во всей своей спортивной активности, т.е. мотивационная готовность к такой спортивной деятельности, – *мотивационный* компонент;

- *положительные эмоциональные реакции*, связанные с теми аспектами и функциями спортивной деятельности, которые адекватны спартианским идеалам и ценностям, а также со спартианским движением (например, чувство удовольствия от участия в Спартианских играх и других акциях спартианского движения, от возможности проявления в спортивной деятельности гуманных отношений к другим людям, от наблюдения за поведением спортсменов в соответствии с принципами спартианской культуры игрового соперничества, а также гуманных отношений на спортивных соревнованиях и т.п.), а вместе

с тем *негативные эмоциональные реакции* (например, психические состояния негодования) на все аспекты спортивной деятельности, противоречащие спартианским идеалам и ценностям – *эмоциональный (аффективный) компонент*;

■ различные формы участия в спартианском движении и спорте, постановка *целей и задач*, ориентированных на реализацию спартианских идеалов и ценностей, усвоение *знаний* о содержании, целях, задачах, функциях, особенностях, истории спартианского движения, о тех аспектах спорта, которые адекватны спартианским идеалам и ценностям, а также соответствующих *умений и навыков*, необходимых студенту для участия в спортивных и спартианских акциях, использования их в целях своего целостного (гармоничного и разностороннего) развития – *деятельностный компонент*.

Важным компонентом спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры является также *рефлексивно-аналитический компонент* данной культуры – *обоснование (осмысление, объяснение)* позитивной оценки спартианского движения и спорта с точки зрения спартианских идеалов и ценностей, а также негативной оценки тех аспектов и функций спортивной деятельности, которые противоречат этим идеалам и ценностям.

Такое обоснование предполагает понимание:

➤ важного значения спартианских идей, идеалов и ценностей не только в общесоциальном плане, но и лично для себя;

➤ роли спорта и спартианского движения в формировании целостной (гармонично и разносторонне развитой) личности и гуманных социальных отношений;

➤ тех факторов, от которых зависит реализация спартианских идеалов и ценностей в спорте и в других сферах жизни.

При обосновании (осмыслении, объяснении) позитивной оценки спорта и спартианского движения под углом зрения спартианских идеалов и ценностей индивид могут быть использованы: практический опыт; традиции, нормы, идеалы, ценностные стереотипы окружающей его социальной среды и т.д.

Необходимым *условием (предпосылкой)* для формирования позитивного ценностного отношения к спартианскому движению, а также к тем аспектам и функциям спорта, которые адекватны спартианским идеалам и ценностям, являются исходные спартианские знания, умения, навыки – *базовая спартианская образованность*. К числу таких знаний, умений, навыков относятся:

➤ *знания* и соответствующие *понятия*, которые характеризуют спартианские идеалы и ценности, а также реализующее их спартианское движение как особое социальное движение, ориентированное на интеграцию спорта с искусством, его сущность, компоненты, функции и т.д.;

➤ *фактологические знания* – знания о конкретных фактах современного состояния и истории спартианского движения (например, знания о том, когда возникли Спартианские игры, где они проходили, какова была их программа, кто является основателем этих Игр и спартианского движения и т.д.).

➤ *знания, умения и навыки*, необходимые для того, чтобы можно включаться в те или иные виды спортивной деятельности (спортивную тренировку, спортивные соревнования и др.), ориентируясь при постановке связанных с ними целей и задач на спартианские идеалы и ценности.

Все эти знания, умения, навыки образуют *предпосылочный (исходный)* блок спартианской спортивно-гуманистической культуры. В структуре этой культуры они выполняют две основные функции.

Во-первых, позволяют ориентироваться в различных аспектах, функциях, компонентах спартианского движения, при этом отличать его от других социальных движений (*ориентировочная функция*).

Во-вторых, обеспечивают *информацией*, которая необходима для того, чтобы можно было давать спартианскую оценку спорту (различным его видам, компонентам и т.д.), обосновывать ее и включаться в спортивную деятельность (спортивную тренировку, спортивные соревнования и др.), ориентируясь при постановке связанных с ними целей и задач на спартианские идеалы и ценности.

Значит, исходные знания, умения, навыки характеризуют *базовую спартианскую образованность* субъекта, позволяющую ему ориентироваться в мире спорта с точки зрения спартианских идеалов и ценностей, и его *информационно-операциональную готовность* к тем или иным формам спартианской активности.

Еще один компонент («блок») субъективного отношения к спартианскому движению и спорту, а значит, спартианской спортивно-гуманистической культуры – **результативный**: проявляемые в спорте и в других сферах жизни качества и способности человека, его поведение, социальные роли, стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми, являющиеся *результатом* его включения в спортивную деятельность и решения поставленных в этой деятельности задач на основе спартианских знаний, идеалов, эталонов, норм, образцов поведения.

К числу таких результатов относятся:

- спортивные достижения;
- качества и способности, характеризующие целостное (гармоничное и разностороннее) развитие личности;
- образ (стиль) жизни и взаимоотношений с другими людьми, адекватные спартианским идеалам и ценностям;
- осознание достигнутых результатов и обоснование их значения.

Особенно важное значение в этом плане имеет поведение личности в спортивных и других соревнованиях в соответствии со *спартианскими принципами игрового соперничества* (см. выше).

Таковы наиболее важные особенности спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры.

**Значение спартианской спортивно-гуманистической культуры.** В спартианской философской концепции универсализма, как показано выше, формулируется и обосновывается идеал универсально (гармонично и разносторонне развитой) личности как важная ценность культуры и образа жизни современного человека.

В связи с этим правомерно поставить вопросы о том, *нужен* ли такой идеал, в чем его *необходимость*, какое *значение* он имеет и *реализуем* ли он в современных условиях.

Отвечая на первый вопрос, следует отметить, что спартианский идеал универсально развитой личности имеет особенно важное значение в современных условиях нашей страны, которая встала на путь коренных социально-политических и экономических изменений общества, духовного возрождения и решения сложных экономических проблем. Страна, решившая идти по пути таких изменений, в первую очередь должна заботиться о соответствующем воспитании молодого поколения, обеспечивая тем самым социальную базу для реализации намеченных реформ [Культурные миры... 2000; Лисовский, 2000].

Следует учитывать также, что если раньше дети и молодежь опирались на опыт предшествующих поколений, то сейчас, в процессе перехода страны к новому типу экономических отношений, эти ориентиры лишаются привлекательности, новые имеют нечеткие очертания, а значительную часть подрастающего поколения охватил чрезмерный прагматизм, нигилизм и безразличие к духовным ценностям [Багиров, Генин, Попов, Руденкин, 1993; Вишневский, 1997; Досовский, 2000; Ковалева, 1996; Лихачев, 1997; Порус, 2005; Фаустова, 1995; Федотова, 2005 и др.]. По данным социологов и психологов, нестабильность общества и отсутствие четких нравственных ориентиров содействовали тому, что «произошла интенсивная примитивизация сознания людей и, прежде всего, молодежи. Отмечается рост цинизма, грубости, жестокости, агрессивности» [Фельдштейн, 1992, с. 45]. «У личности подростков 90–х годов стереотипные нравственные установки разрушены, а новые находятся в стадии становления. Ее отличают не только прогрессирующая отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность, но и цинизм, жестокость, агрессивность. Ей присущи психопатические черты характера» [Корниенко, 1992, с. 31]. Главными для большинства молодых людей сегодня являются те ценностные ориентиры, которые стимулируются нынешними жесткими и жестокими условиями «дикого криминализованно-коррупцированного рынка» [Лихачев, 1997, с. 56-77]. На первый план вышли такие ценности, как жажда обогащения, культ денег, успех, карьера любой ценой. «Идеализация рынка, стремление к благосостоянию, во что бы то ни стало, являются сегодня своеобразным социально-психологическим феноменом молодежного сознания, приобретающего черты своего рода утопии, в основе которой – обогащение и жизненный успех, достигаемый любой ценой» [Козина, 2007, с. 12].

В процессе реформирования социально-политической и экономической жизни России, учитывая отмеченные выше особенности сознания детей, подростков и молодежи, необходимо решить два принципиальных вопроса: «на какие ментальные конструкты оправданно опираться, модернизируя социальную жизнь, и насколько те или иные реформа-

торские начинания будут успешны ввиду объективного наличия как устойчивых ментальных конструкций, так и инновационных компонентов в массовом сознании» [Наумова, 2001, с. 75].

При ответе на вопрос, каким «ментальным конструктам» должно быть отдано предпочтение в процессе реформирования социальной жизни, прежде всего следует учитывать все более ясное осознание того, что если человечество хочет выжить, оно должно в современной системе ценностных координат на первый план выдвинуть общечеловеческие гуманистические ценности, к числу которых относится и идеал целостной личности [Гуманизм на рубеже... 1997; Моисеев, 1994; Наука и гуманизм, 2000; Раймерс, 1992 и др.].

Реализация этих ценностей необходима и России [Субетто, 1999]. Проведенный группой известных специалистов – социологов, экономистов и др. – анализ путей преодоления Россией тех трудностей и проблем, с которыми она сталкивается в настоящее время, привел к выводу о том, что именно «реализация возможностей гуманистического развития... является составной частью стратегического ответа России на вызовы нового века... Именно гуманизация позволяет вдохнуть в общество силы, способные осуществить назревшие перемены. ... Важен вектор перемен, его ориентиры и очередность решаемых задач... Таким вектором служит гуманизация развития, активизация человеческого потенциала» [Гуманистические ориентиры... 2002, с. 385]. В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. указывается, что «школа – в широком смысле – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности». В настоящее время фактически общепризнано, что и система воспитания, адекватная современным условиям, должна быть ориентирована на идеалы и ценности гуманизма [Концепция... 2002]. Тем самым, «в нашей стране идея гуманизма заявлена в качестве основы обучения и воспитания, как важнейшая духовная составляющая и системы образования, и общественной атмосферы в целом» [Кувакин, 2003, с. 3].

Но при выборе идеалов и ценностей гуманизма в качестве тех «ментальных конструкций», на которые «оправданно опираться, модернизируя социальную жизнь», следует учитывать, что, как отмечено выше, возможны различные трактовки этих идеалов и ценностей, в том числе и гуманистического идеала личности.

Общепринятым в настоящее время является положение о необходимости и значении для современного человека такого аспекта этой личности как ее *гармоничное* развитие – полноценное и пропорциональное развитие телесных (физических), психических и духовных (нравственно-эстетических) качеств. Для достижения поставленных целей и преодоления трудностей нашей стране нужны не только огромные материальные ресурсы. Требуются активные, творчески одаренные, здоровые и физически развитые люди, выдвигающие на передний план духовно-нравственные ценности в своем отношении к другим людям, к природе и к самим себе. Особенно важное значение имеет формирование в молодежной среде таких *идеалов, культурных образцов, эталонов*, которые мотивируют на достижения, успех в жизни, в профессиональной карьере, но не любыми средствами, а на основе нравственного, культурного, научного, интеллектуального и физического совершенствования.

Однако спартианская концепция в качестве важного и необходимого элемента системы ценностей культуры и образа жизни рассматривает не только гармоничность, но также понимаемую указанным выше образом *разносторонность (всесторонность)* развития личности. Правоммерно ли это? Насколько актуальна, значима в современных условиях эта ценность спартианской культуры личности?

Бытует мнение, что разносторонность (и даже всесторонность) развития личности имела важное значение в прошлом, но вряд ли значима в настоящее время. По мнению не только автора, но и многих других философов, социологов, педагогов и психологов, такое мнение ошибочно. Задача реализации гуманистического идеала универсального развития человека, предусматривающего не только гармоничность, но также всесторонность его развития, является актуальной, имеет важное значение и *в настоящее время* [Готсдинер, 1998; Зеленов, 1988 а, б; Зеленов, Кеда, 1966; Ильенков, 1968; Научно-технический прогресс... 1983; Столяров, 1988 в, 2006 ж, 2008 г; Lenk, 1985 с и др.].

В 1968 г. был создан Римский клуб – международная общественная организация, которая включает в свой состав около ста известных ученых, деятелей культуры, политических деятелей, бизнесменов из более чем 30 стран. Деятели этого Клуба ставят перед со-

бой цель донести до человечества тревогу относительно той критической ситуации, которая сложилась в мире в связи с ограниченностью ресурсов Земли, бурным ростом производства и потребления – этими «принципиальными пределами роста», а также подсказать обществу, какие меры оно должно предпринять, чтобы «разумно вести дела» и достичь «глобального равновесия» [Социология, 2003, с. 859]. В книге, принадлежащей перу президента Римского клуба А. Печчеи, «Человеческие качества» указывается, что для преодоления кризиса современной цивилизации все стратегии, политические программы и перспективные планы развития в национальных и глобальных масштабах должны быть подчинены цели формирования «человеческих качеств», полного и всестороннего развития возможностей и способностей всех людей планеты. По мнению автора этой книги, «наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества» [Печчеи, 1980, с. 45, 205].

Известная писательница И. Грекова (литературный псевдоним математика, доктора физико-математических наук Е.С. Вентцель) написала в одной из своих статей: «Когда-то, в очень далекие времена, существовал тип ученого-универсала, одновременно философа, геометра, художника, литератора, изобретателя. В дальнейшем история культуры пошла в направлении все более узкой специализации, четкого разграничения различных отраслей. По-видимому, сегодня мы возвращаемся (разумеется, на другом уровне) к некой синтетической культуре, объединяющей и сплавливающей ранее разобщенные ветви». Авторы работы «Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке», которая разработана и принята на заседании Международного круглого стола «Принципы и механизмы устойчивого развития мирового сообщества в XXI веке», приводят данное высказывание и замечают по этому поводу: «Думается, что синтетизм, о котором говорит И. Грекова, имеет все основания стать доминирующей особенностью образования при переходе к информационной цивилизации» [Культура и устойчивое развитие... 2002, с. 61].

Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов (этот центр включает в себя ведущих экспертов в области высшего образования нашей страны) на основе анализа данных проблем пришел к аналогичному выводу: «Образование становится образовательно-педагогическим производством “человека–цели” – всестороннего, гармонично развитого человека, готового взять на себя ответственность за будущее социоприродного развития. На смену образованию как производству образовательных услуг, как производству “человека–средства” для хозяйства, производства, экономики, приходит образование как производство социального человека, человека–творца, универсального человека, способного адекватно реагировать на изменения в быстро меняющемся мире» [Новое качество... 1995, с. 49].

Важно отметить, что ориентация современного человека на спартианский идеал разносторонне (всесторонне) развитой личности оправдана не только с *гуманистической* точки зрения, но и в *прагматическом* отношении. Необходимость такого развития личности определяют процессы, происходящие в настоящее время в науке, производстве, общественной жизни. Происходит быстрая смена технологий, вызывающая моральное старение производственных мощностей за 7-10 лет. Это требует от специалиста хорошей фундаментальной подготовки и способности быстро осваивать новые технологии, что недоступно узким специалистам, страдающим «профессиональным кретинизмом». На первый план выходят науки (биофизика, молекулярная генетика, физическая химия и т.п.), в которых исследование ведется на стыке различных научных дисциплин. Успехов в такой работе можно достигнуть лишь при наличии обширных, разносторонних фундаментальных знаний. В докладе экспертов Всемирного банка «Россия: образование в переходный период» (1994) отмечалось, что в условиях новой экономики главными качествами необходимо считать способность решать проблемы и профессиональный универсализм. Становление и развитие гражданского общества, основанного на инициативной и ответственной деятельности граждан, их способности к сотрудничеству, повышает значимость этих важных качеств всесторонне развитой личности. В силу ряда отмеченных выше причин особенно возрастает ценность духовно-нравственного, эстетического и экологического компонентов ее структуры.

Ректор Московского гуманитарного университета И.М. Ильинский подвергает критике существующую систему образования, в рамках которой во многом утрачен смысл образования. Лучшим объявляется то знание, которое приносит быструю и наиболее ощутимую практическую пользу. Современное образование ориентировано лишь на то, чтобы

дать учащимся как можно больше «полезных знаний». Оно менее всего озабочено тем, чтобы развить личностные задатки, раскрыть огромный потенциал творчества, связать знание с нравственным ростом. Идеалом такого образования оказывается узкий специалист, страдающий, если воспользоваться выражением К. Маркса, «профессиональным кренинизмом». По мнению И.М. Ильинского необходимо возродить идеал подлинного образования, связанного не с подготовкой специалистов, а с развитием личности, ее целостности и неисчерпаемого творческого потенциала. Нынешней России, полагает он, нужен именно интеллектуальный капитал, творчески разносторонние люди [Ильинский, 2004].

Аналогичного мнения придерживаются другие ученые и педагоги. Ю.Н. Афанасьев считает, что сферу массового производства узких специалистов вообще нельзя называть образованием в полном смысле этого слова [Афанасьев, 2000]. Не только философы, но и ряд представителей технической интеллигенции причиной кризисных явлений в современном образовании и в современной цивилизации в целом, считают подготовку узких специалистов, имеющих ограниченный кругозор, страдающих от дефицита целостной системы знаний и в силу этого принимающих решения которые, хотя и обладают высокой локальной эффективностью (здесь и теперь), в долгосрочной перспективе развития являются не оптимальными и зачастую опасными [Паронджанов, 1997]. Можно упомянуть и тот факт, что в Дубне, в Центре ядерных исследований, всегда ценили людей с многосторонними способностями. Как однажды выразился акад. А.П. Александров, настоящий талант проявляется всегда в нескольких областях сразу. Известный психолог Б.М. Теплов, также считает – вопреки традиционным представлениям об односторонности таланта –, что «талант как таковой многосторонен» [Теплов, 2000].

В научных публикациях [Готсдинер, 1998; Зеленев, Кеда, 1966; Ильенков, 1968 и др.] приводятся и другие аргументы в пользу признания важного значения разностороннего (и даже всестороннего) развития личности для современного человека В.Е. Гарпушкин например, пишет по этому поводу: «Согласно данным современной науки, человек использует не больше 10% возможностей своего мозга... Существует много видов деятельности, которыми способен и желает заниматься средний человек, но обычно он всю трудовую жизнь прикован к одной профессии, и это делает его односторонним, «частичным человеком» (Маркс). Поэтому реальный идеал человека – человек всесторонне развитый и деятельный, то есть целостный, «тотальный» (Маркс, актуально универсальный» [Гарпушкин, 2002, с. 108]

Все отмеченное выше дает основание для вывода о том, что система ценностей культуры и образа жизни личности, обосновываемая в спартианской философской концепции универсализма и связанная с идеалом универсального (гармоничного и разностороннего) развития личности, не только имеет под собой реальные основания, но также в полной мере отвечает потребностям и современной цивилизации и современной России. Она ориентирована на реалии современного общества и перспективы его будущего развития.

Теперь попытаемся ответить на вопрос о том, насколько *практически реализуемо* такое развитие личности, которое предполагает не только ее гармоничное, но также разностороннее и даже всестороннее развитие. Может быть такое спартианское представление об универсально развитой личности для реального человека является лишь *идеалом*, который характеризует мыслимое, воображаемое совершенство, существующее в сознании в качестве проекта его творческой деятельности?

Во-первых, понятие «*идеал*» не следует отождествлять с понятием «*утопия*», как это нередко делается особенно в массовом сознании. Их различие, как отмечает Е.А. Ямбург, состоит в следующем: «*Идеал* недостижим, но даже несовершенное его осуществление приближает к нему действительность, поднимает ее на высшую ступень. Стремление к идеалу облагораживает душу, дает ей силу подняться после падений. Служащий идеалу стремится распространить свою веру, но делает это путем проповеди и личного примера. *Утопия* также недостижима, ее осуществление есть всегда насилие над жизнью. Фиктивное осуществление утопии возможно лишь посредством террора. Стремление к утопии приводит к нетерпимости, одержимости, фанатизму, утере нравственных критериев. Одержимый утопией подменяет проповедь – пропагандой, вдохновение – подстрекательством, стремится заразить других своим фанатизмом» [Ямбург, 2004, с. 48].

Во-вторых, воплощение идеала разносторонне развитой личности в реальных людях, в том числе в исторических фигурах, показывает жизненность, *реальную достижимость* (по крайней мере в определенной степени) этого идеала. История человеческой мысли по-



казывает, что наиболее известные деятели искусства, культуры науки, техники обладали *многосторонними* способностями, добивались успеха *не в какой-то одной, а во многих* видах творческой деятельности.

Так, *Ибн Сина (Авиценна)* – философ, врач, естествоиспытатель, поэт, автор трактата по теории музыки. *А.С. Грибоедов* – дипломат, драматург, поэт, композитор. *П. Швейцер* – философ, теолог, миссионер, врач, музыковед и органист, лауреат Нобелевской премии мира. У *А.П. Бородин* научная деятельность в области химии сочеталась с деятельностью композитора; у зоолога *Н.А. Холодковского* – с деятельностью поэта-переводчика; у *Д.И. Менделеева* – с работой по истории живописи. Известно, что разносторонними способностями обладали такие гении, как *Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Рафаэль Санти, И. Ньютон, И.В. Гёте, М.В. Ломоносов, Г. Галилей, Р. Декарт, А. Дюрер, Ж.Л. Д’Аламбер, Г.В. Лейбниц*. Из современных ученых можно назвать: выдающегося советского физика *Я.И. Френкеля*, профессионально владевшего скрипкой; американского физика *Ф. Хойла*, автора литературных произведений; канадского нейрофизиолога и писателя *У. Пенфилда*; гениального физика и любителя-музыканта *А. Эйнштейна*.

Множество исторических фактов свидетельствует о возможности совмещения активных и успешных занятий спортом с творчеством в сфере науки, искусства и т.д. Древнегреческий философ, математик, религиозный и политический деятель *Пифагор* был победителем на Олимпийских играх и тренером. Древнегреческий философ *Платон* успешно выступал в соревнованиях борцов на Истмийских играх, а *Милон* – наиболее известный атлет древности написал философский трактат о природе. Первым победителем современных Олимпийских игр 1896 г. был американец *Джеймс Коннолли*. Он выиграл турнир прыгунов тройным – 13 м 71 см, был вторым в прыжках в высоту и третьим – в длину, а вместе с тем стал знаменитым журналистом, военным корреспондентом, написал 25 романов. *Winaus* (США) в 1900 и 1908 гг. был олимпийским чемпионом по стрельбе, а в 1912 г. выиграл золотую медаль в одном из художественных конкурсов. *Альфред Хайош* (Венгрия) в 1896 г. был олимпийским чемпионом по плаванию, а в 1924 г. получил серебряную медаль за архитектурный проект стадиона. На художественной тематической выставке, посвященной спорту, в Париже в 1957 г. из 100 известных художников и скульпторов, представивших свои работы на эту выставку, 25 активно занимались спортом, а большинство других участвовали в спортивных соревнованиях.

Нельзя не отметить уникальную гармоничность и разносторонность личности основателя современного олимпийского движения *Пьера де Кубертена*. Активно пропагандируя те ценности, в которые он верил: гармоничное развитие личности, «брачный союз» духа и тела, эвритмия, спорт как школа воли, соединение спорта и искусства, стремление к совершенству, Кубертен и практически следовал этим ценностям в своей личной жизни. Еще молодым человеком он пришел к выводу о том, что если тишина читального зала открывает перспективы интеллектуального богатства, умственной работы, эстетического наслаждения, то спорт помогает выявить скрытые возможности организма. Поэтому где бы ни находился Кубертен, всё своё свободное время он отдавал занятиям спортом. Кубертен был одним из первых членов Французского туристического клуба, написал трактат о фехтовании в конном строю, сам ездил верхом, увлекался греблей. Он играл на фортепиано, прекрасно рисовал. Это подтверждается зарисовками, сделанными в его путешествиях, а также рисунками, которые он делал для своих работ. Кубертена можно было встретить в Альпах собирающим растения для гербария. Поразительно разнообразна сфера научных интересов Пьера де Кубертена: педагогика, психология, искусство, спортивное воспитание, история, астрономия и др.

Таким образом, хотя разносторонне развитая личность – это гуманистический *идеал*, характеризующий «*идеальные*» черты личности, но их воплощение в реальных людях, в том числе в таких исторических фигурах, которые упомянуты выше, показывает *жизненность, реальную достижимость* этого идеала.

Вот почему ученые, писатели и другие деятели культуры прошлого предостерегали против одностороннего развития человека и подчеркивали необходимость его всестороннего развития.

Вот лишь две иллюстрации:

– «Призвание, назначение, задача всякого человека – всесторонне развивать все свои способности» (*Маркс*);

– «Друг мой, храни вас Бог от односторонности: с нею всюду человек произведет зло – в литературе, на службе, в семье, в свете, словом – везде. Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок; односторонний человек всех вооружит против себя. Односторонний человек ни в чем не может найти середины. Односторонний человек не может быть истинным христианином: он может быть только фанатиком... Словом, храни вас Бог от односторонности!» (Гоголь).

В настоящее время, однако, широко распространено мнение о том, что *в современных условиях* не только всестороннее, но даже разностороннее развитие личности, *невозможно*, что всякая попытка добиваться разносторонности способна якобы нанести лишь вред и мешает добиваться успеха.

Множество фактов опровергают это мнение и показывают *реальную возможность*, а также *значимость* разностороннего (всестороннего) развития личности в современных условиях.

Так, среди современных спортсменов (в том числе самого высокого класса) немало таких, кто активно занимается искусством, наукой, другими видами творческой деятельности и добивается больших успехов в этих видах деятельности. Яркой иллюстрацией может служить Ю. Власов – всемирно известный шпангист, писатель, политический деятель. Упомянутый выше известный современный немецкий философ Г. Ленк является олимпийским чемпионом в гребле. В. Брумелль – шестикратный рекордсмен мира по прыжкам в высоту, серебряный призер Олимпийских игр в Риме, чемпион Токийской Олимпиады. С 1961 по 1963 гг. он признавался лучшим спортсменом мира. В 1965 г., когда ему было 23 года, попал в автокатастрофу. В течение трех лет перенес более 30 операций и снова вышел в прыжковый сектор. Вместе с тем он написал книгу «Высота», пьесы «Доктор Назаров», «Олимпийская комедия», «Рев трибун», либретто к оперетте «Золотая каравелла», роман «Не измени себе» и т.д.

С другой стороны, среди музыкантов, певцов, художников, писателей и других людей мира искусства есть такие, кто активно и успешно занимается (занимался спортом). Это, например, известные певцы Иглесиас и Соткилава, а также один из наиболее известных актеров, изображающих гонконгских кинобоевиков – Джеки Чан. Кроме того, он ведет программу на ТВ Гонконга, выступает как певец, имеет свою фирму, которая выпускает одежду и т.д. По его словам, он сознательно стремится к такой многогранности: «Я все в жизни устроил так – если сорвется одно, у меня остается про запас что-то другое». К числу разносторонне развитых людей, безусловно, относится Андрей Анаков. О его разносторонности свидетельствуют такие факты: он самый известный в нашей стране умелец-ювелир; закончил физический факультет Ленинградского государственного университета; работал в театре актером и режиссером, а на заводе токарем; снимается в кино и т.д. Вот его мнение по обсуждаемому вопросу: «Я считаю себя человеком многогранным: романтик, идеалист, авантюрист, при этом прагматик и абсолютно деловой человек, способный как шахматист, просчитать комбинацию на шестнадцать ходов вперед. Ведь в природе встречается и простой стакан с 16 гранями, и редкий бриллиант, у которого более 200 граней. Так вот, чем больше граней у человека, тем он интереснее» [см.: Караван истории, 2006].

Выше для иллюстрации приведены некоторые примеры разносторонне развитых личностей. Реально, конечно, их намного больше. Часто о них просто никто не знает.

Разносторонне развитые личности появляются потому, что именно эта их разносторонность и помогает им добиваться творческих успехов, достижений. Они появляются несмотря на то, что в современном обществе в основном имеют место мощные реальные стимулы для *узкоспециализированного*, а не *разностороннего* развития личности. Средства массовой информации пишут и прославляют как «звезд», «героев» лишь тех, кто добился высоких достижений в какой-то одной узкой области – например, в спорте или в искусстве, в науке, в медицине и т.д. Только за эти достижения вручаются различного рода награды, в том числе самые высокие и престижные.

Поэтому более широкое воплощение в жизнь спартианского идеала личности во многом зависит от того, появятся ли в жизни современного человека какие-то другие (помимо указанного выше) стимулы для разностороннего развития.

Несколько вариантов решения этой проблемы предложен в проекте «СпАрт» и связанных с ним спартианских программах.

Прежде всего речь идет о создании указанных стимулов хотя бы в *игровой деятельности* детей, подростков и молодежи. Такая задача решается на Спартианских играх, программа которых требует от участников разносторонних способностей, а система наград и поощрений предусматривает, что наиболее престижные из них получают те участники, которые проявили свои творческие способности в разных видах деятельности [Столяров, 1997, 1998, 2003, 2006, 2008].

Еще одна спартианская программа (пока не реализованная) предусматривает создание международного клуба, членами которого являются разносторонне развитые люди – например, спортсмены высокого класса, проявляющие свои творческие способности и в других сферах – в искусстве, в науке, в политике и т.д.

Для повышения престижа разностороннего развития личности с 2011 года в экспериментальном порядке планируется ввести *спартианскую систему символических наград* под названием «*уни*» (сокращение от слова «*универсал*»), которое означает определенный уровень разностороннего развития личности. Эти награды имеют определенную иерархию – первое (начальное) уни, второе, третье и т.д. уни. То или иное уни присуждается за достижение соответствующего уровня разностороннего развития личности.

*Первое уни* – за уровень, характерный для первого этапа этого развития (человек способен успешно и творчески выполнять *разные функции* в рамках одной деятельности).

*Второе уни* – за уровень, характерный для третьего этапа разностороннего развития личности (способность к творческим достижениям *в разных видах и формах* определенной деятельности).

Применительно к *третьему* этапу разностороннего развития личности (творческие достижения в нескольких *основных, фундаментальных* видах деятельности) могут присуждаться различные уни – в зависимости от того, в скольких (двух, трех и т.д.) этих видов деятельности человек имеет достижения (например, *третье уни* – за творческие достижения в *двух* основных видах деятельности, *шестое уни* – за творческие достижения в *пяти* основных видах деятельности и т.д.). Самое престижное уни – за уровень, характерный для пятого этапа разностороннего развития личности, – творческие достижения во всех основных видах деятельности, т.е. за *всестороннее развитие*.

Предполагаются специальные знаки отличия и поощрения для тех лиц, кому присваивается определенный уни за соответствующий уровень разностороннего развития личности. Но внедрение такой системы символических наград, конечно, требует решения ряда сложных организационных и финансово-материальных проблем.

При обсуждении вопроса о возможности реализации спартианского идеала разностороннего развития личности следует учитывать также, что формирование такого ее развития у детей, подростков, молодежи в основном происходит *стихийно*, а не за счет *сознательных, целенаправленных, педагогических* усилий. В системе образования и воспитания вопреки лозунгам и призывам отдельных педагогов и ученых практически в основном реализуется идея *узкой специализации* в развитии личности. С раннего возраста детей, как правило, начинают готовить в «спортсменов» или «артистов», «инженеров» и т.д. На это направлены и планируемые в настоящее время преобразования в школьном образовании.

Поэтому для воплощения в жизнь спартианского идеала универсально развитой личности необходимо изменение такого подхода – создание такой гуманистической системы воспитания и социализации в целом, которая ориентирована на формирование гармоничного и разностороннего развития личности.

Определенный вариант такой системы гуманистического воспитания и организации досуга детей и молодежи предложен в проекте «СпАрт» и в связанных с ним спартианских программах и технологиях. Они предусматривают использование комплекса таких социально-педагогических форм и методов, как Спартианские игры, клубы, школы, игротеки, игровые оздоровительные лагеря и т.д.

Эти формы и методы призваны содействовать решению комплекса адекватных ценностям спартианского идеала личности социокультурных, педагогических задач.

Основные из них следующие:

- воспитание *жизнеспособной* личности, ориентированной на *самосовершенствование*, выявление, развитие и проявление своих *творческих* способностей;
- полноценное и пропорциональное развитие у человека телесных (физических), психических и духовных (нравственно-эстетических) качеств, т.е. его *гармоничное* развитие;

- воспитание *разносторонне (всесторонне)* развитой личности, проявляющей свои творческие способности в *разных* сферах деятельности;
- *патриотическое* воспитание, приобщение к *национальной культуре*, а вместе с тем воспитание *толерантности*: уважения к ценностям других культур, идеологий, верований;
- организация *активного, творческого отдыха и общения* различных групп населения;
- *профилактика* наркомании и других аспектов девиантного поведения детей и молодежи;
- социальная *реабилитация и интеграция* лиц с ограниченными возможностями (инвалидов).

На основе использования указанных спартианских форм и методов удается добиться некоторых успехов в решении этих задач. Об этом свидетельствует многолетний (с 1991 г.) опыт их использования в системе воспитания, оздоровления и организации досуга различных групп населения в 20 регионах нашей страны [Спартианское движение... 2005; Столяров, 1997, 1998, 2003, 2006, 2008; Столяров, Стопникова, 2008].

Вместе с тем этот опыт их применения в системе воспитания и организации досуга различных групп населения свидетельствует и о существенных трудностях в формировании у детей, подростков и молодежи ориентации на гармоничное и разностороннее развитие личности. И дело не только в указанных выше факторах, создающих эти трудности.

Следует учитывать и тот факт, что результат воспитательной деятельности зависит не только от усилий педагога и тех средств, которые он применяет. В.А. Сухомлинский писал по этому поводу: «воспитание человека происходит только в среде людей, и от того, насколько глубоко отражаются в этой среде моральные достижения человечества, мир человека, идеи общества и государства, зависит эффективность рассчитанных, предусмотренных, целенаправленных усилий воспитателя» [Сухомлинский, 1985, с. 199]. И в этом плане возможна такая ситуация, что общая система социальных ценностей, господствующая в обществе, *противодействует* воспитательным усилиям педагога.

На это обращает внимание и Н.Д. Никандров, который пишет: «Система образования, а в ней прежде всего школа – основной инструмент воспитания, в том числе и воспитания нравственности. Однако и в прошлом и в настоящем школа вынуждена действовать в условиях противоречия декларируемых ценностей (цель воспитания) и ценностей, которые в процессе социализации «прививает» жизнь. В этих условиях социализация, как правило, оказывается сильнее организованного воспитания. Например, ни в одной школе не учат воровать; но если жизнь показывает, что воровство быстро ведет к материальному благополучию и часто остается безнаказанным, последствия понятны. Здесь не всегда устоит взрослый; что касается детей, то для них проблема часто даже не возникает: раз так делают «все» (хотя, конечно, далеко не все, но, действительно, многие), – значит, это естественно...». «Традиционные и продолжающие сохранять свое значение средства (информирование, убеждение, включение в жизненные ситуации, приучение и пр.), – продолжает он, – конечно, работают. Но если они, как нередко бывает, входят в столкновение с системой поощрений и наказаний широкой социальной среды, высокой эффективности ждать не приходится. Можно ежедневно на всех занятиях убеждать, что высшей ценностью является человек. Но если при этом вокруг разгул преступности и насилия, нарушенная природная среда, неэффективная медицина, сокращающееся производство, низкая зарплата и т.д., призыв не достигнет цели» [Никандров, 1998, с. 8, 11].

Именно такая ситуация характерна для России на современном этапе ее развития. В современном российском обществе, в различных его сферах до сих пор господствует (не декларативно, а реально) ориентация не на гуманистические, духовно-нравственные ценности, а на сугубо прагматические, преобладает стремление к достижению успеха (карьеры) любой ценой, в том числе за счет одностороннего развития.

Естественно, это противодействует педагогическим усилиям, направленным на повышение у детей, подростков и молодежи ориентации на указанные спартианские ценности и на их проявление в различных сферах, в том числе в игровой деятельности, в спорте, в сфере досуга и т.д.

Поэтому для достижения этой цели необходимы существенные позитивные сдвиги в общей системе ценностей, господствующих в обществе. В связи с этим вновь уместно привести слова Н.Д. Никандрова: «... лишь по мере изменения всего уклада нашей жизни,

когда она на деле будет вознаграждать добро и отторгать зло, станет возможным и успех нравственного воспитания, воспитания ценностей» [Никандров, 1998, с. 12].

Отмечая эти трудности, следует одновременно подчеркнуть, что в настоящее время социально-педагогическая задача вовсе не состоит в том, чтобы приобщить *всех людей* к спартианскому идеалу универсально (гармонично, разносторонне и тем более всесторонне развитой) личности. Сначала предполагается это сделать хотя бы применительно к *некоторой* их части, которая будет служить *ориентиром* для других людей и способствовать изменению широко распространенного мнения о невозможности и ненужности в современных условиях разностороннего и гармоничного развития личности.

На основе проведенного выше анализа спортивной культуры и ее разновидностей можно уточнить структуру этой культуры, выделив два ее элемента: *базис* и *надстройку* [Столяров, Баринов, 2009, 2011].

#### 24.6. Базис и надстройка спортивной культуры

Различные формы (разновидности) спортивной культуры имеют нечто общее:

- а) наличие у субъекта указанных выше исходных (предпосылочных) знаний, умений, навыков относительно спорта;
- б) позитивное ценностное отношение к спорту, к спортивной деятельности, к тем или иным ее компонентам, видам, разновидностям и т.д.

Такого рода знания, умения, навыки и отношение, выступающие, следовательно, как основание (фундамент) всех специфических форм (разновидностей) спортивной культуры и определяющие их общее содержание, общую направленность, составляют *базис* этой культуры.

Характеризующие его знания, умения и навыки позволяют выделить спортивную культуру как особый элемент культуры – в отличие от физической, интеллектуальной, эстетической и др., и причислять все формы этой культуры именно к спортивной, а не к какой-то иной культуре.

Но каждая из разновидностей спортивной культуры имеет также свое *специфическое* содержание. Оно определяется тем, какие стороны, аспекты, функции спорта, его видов, разновидностей, компонентов учитываются при их оценке, на основе каких критериев (с каких позиций, на основе каких идеалов, норм, культурных образцов и т.д.) они оцениваются, к реализации каких из них стремятся при включении в спортивную деятельность и соответственно к формированию каких качеств и способностей, какого поведения, стиля (образа) жизни, характера взаимоотношений с другими людьми вся эта активность приводит.

Специфическое содержание той или иной формы (разновидности) спортивной культуры, складывающееся на основе определенного обоснования (осмысления, объяснения) индивидом позитивной оценки спорта, а также включения в спортивную деятельность, усвоения связанных с ней определенных идеалов, эталонов, норм, ценностей, составляет *надстройку* над базисом спортивной культуры.

В соответствии с изложенным выше структура спортивной культуры может быть представлена следующим образом.

## СТРУКТУРА СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

| <b>Базис</b><br>(общее содержание различных форм спортивной культуры)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                            |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                            |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p style="text-align: center;"><b>Предпосылочный блок</b><br/>(исходные знания, умения, навыки):</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>➤ <i>знания</i> о том, что такое спорт, его компоненты (спортивная тренировка, спортивные соревнования и др.) и разновидности (массовый спорт, спорт высших достижений и т.д.) как особые социальные феномены, отличающиеся от других, о их сущности, структуре, специфике, т.е. <i>понятия</i>, которые необходимы для того, чтобы можно было выделять (отличать от множества других явлений) и характеризовать спорт, его компоненты, разновидности и т.д.;</li> <li>➤ <i>фактологические знания</i> – знания о конкретных <i>фактах</i> спортивной деятельности, тех или иных ее видов, разновидностей в настоящее время и в процессе развития;</li> <li>➤ <i>знания, умения и навыки</i>, необходимые для включения в те или иные виды спортивной деятельности (например, спортивную тренировку, спортивные соревнования и т.д.) в соответствии с принятыми правилами, нормами и образцами поведения.</li> </ul> | <p style="text-align: center;"><b>Оценочные компоненты</b><br/>(основные показатели позитивной оценки спорта)</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>▪ позитивное мнение (в виде соответствующих высказываний, суждений, отзывов) о спорте, о тех или иных формах и аспектах спортивной активности – <i>рациональный (когнитивный)</i> компонент;</li> <li>▪ связанные со спортом положительные эмоциональные реакции – <i>эмоциональный (аффективный)</i> компонент;</li> <li>▪ интерес к спорту, к тем или иным видам связанной с ним деятельности, потребность участия в них и т.п. – <i>мотивационный</i> компонент;</li> <li>▪ реальные формы деятельности, связанные со спортом (например, участие в спортивных тренировках и соревнованиях, посещение спортивных мероприятий, просмотр спортивных телевизионных передач, чтение спортивных газет и журналов; усвоение знаний, умений, навыков, позволяющих участвовать в этих видах спортивной активности и т.д.) – <i>деятельностный</i> компонент.</li> </ul> |
| <b>Надстройкой над базисом</b><br>(специфическое содержание формы спортивной культуры личности)                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                  |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                            |
| <p style="text-align: center;"><b>Рефлексивно-аналитический компонент</b></p> <p>Обоснование (осмысление, объяснение) позитивной оценки спорта:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>➤ выбор определенного критерия для оценки спорта, его видов, разновидностей, компонентов (спортивной тренировки, соревнований, поведения спортсмена, болельщиков и т.д.): с каких позиций, на основе каких идеалов, норм, культурных образцов и т.д. они оцениваются;</li> <li>➤ определение тех сторон, аспектов, функций спорта, его видов, разновидностей, компонентов, которые позволяют на основе избранного критерия дать ему позитивную оценку, приписать определенные ценности, придать социальный и/или личностный смысл;</li> <li>➤ учет тех факторов, от которых зависит реальная значимость спорта.</li> </ul>                                                                                                                                                                                                                                            | <p style="text-align: center;"><b>Результирующий компонент</b></p> <p>Проявляемые в спорте и в других сферах жизни качества и способности человека, его поведение, социальные роли, стиль (образ) жизни, характер взаимоотношений с другими людьми, являющиеся результатом его включения в спортивную деятельность и решения поставленных в этой деятельности задач на основе определенных знаний, идеалов, эталонов, норм, образцов поведения.</p>                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                        |

### Литература к гл. 24

1. Авиценна (1994). Канон врачебной науки. Избранные разделы: в 3 ч. – М.: Мико. Коммерческий вестник; Ташкент: Фан. Ч. 1.
2. Алпатов М.В. (1949). Всеобщая история искусств, т. 2. – М.
3. Античная агонистика и олимпизм. Хрестоматия: для студентов ин-тов физ. культуры / сост. К. Н. Ефременков. – Смоленск, 2002. – 254 с.
4. Арвисто М.А. (1972). Конкретно-социологическое исследование некоторых субъективных аспектов участия в спортивной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук. – Тарту. – 202 с.

5. Арвисто М.А. (1975). Субъективный аспект отношения к спорту // Спорт и личность. – М. – С. 127-140.
6. Арвисто М.А. (1976). О роли и характере ценностных ориентаций в спортивной деятельности // Общество и спорт: Сб. научн. трудов. – М.: ГЦОЛИФК. – С. 6-14.
7. Афанасьев Ю.Н. (2000). Может ли образование быть негуманитарным // Вопросы философии. – № 7. – С. 37–42.
8. Багиров Б.Б., Генин Л.В., Попов В.Г., Руденкин В.Н. (1993). Молодежь в условиях российских реформ: эволюция экономических, политических и духовных ориентаций. – Екатеринбург: УрГУ. – 122 с.
9. Бальсевич В.К. (2002б). Перспективы модернизации современных образовательных систем физического воспитания на основе интеграции национальной физической и спортивной культуры: Актовая речь. – М.
10. Бальсевич В.К. (2006). Спортивный вектор физического воспитания в российской школе. – М.: НИЦ «Теория и практика физ. культуры и спорта». – 112 с.
11. Бальсевич В.К. (2007). Освоение ценностей спортивной культуры как стратегическая основа формирования здоровья населения Российской Федерации // Дети России образованны и здоровы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29-30 ноября 2007 г.). – М. – С. 10–14.
12. Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. (1995). Физическая культура: молодежь и современность // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 2-8.
13. Баринов С.Ю. (2009б). Педагогические основы формирования спортивной культуры личности: Монография. – М.: Анкил. – 210 с.
14. Баринов С.Ю. (2010). Диагностика спортивной культуры личности: Монография. – М.: Издательство «КДУ». – 96 с.
15. Баумгартен Ф. (2000). Эллинская культура. – Минск: Харвест, М.: АСТ. – 511 с.
16. Билинский Бронислав (1998). Древнегреческие агоны: превосходство телесности и воспитание интеллектом // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 317-339.
17. Божович Л.И. (1981). Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука. – С. 257-283.
18. Брендедж Э. (1991). Речь на 61-й сессии МОК // Междунар. спортивное и олимпийское движение. Тематич. подборка. № 3. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 29-33.
19. Бронский М.В. (2001). Философский анализ научного статуса аксиологии: Монография. – Н. Новгород. – 140 с.
20. Брянкин С.В. (1983). Структура и функции современного спорта. – М. – 71 с.
21. Буэ М. (1979). Функции спорта в человеческих отношениях // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 140-144.
22. Быховская И.М. (1998). Идея гармонии как ценности олимпизма // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвуз. сб. научных материалов. – Воронеж. – С. 6-13.
23. Валеева Р.А. (1997). Теория и практика гуманистического воспитания в европейской педагогике (первая половина XX в.): Монография. – Казань. Казан. пед. университет. – 172 с.
24. Веряскина В.П. (2004). Концепт «образцового человека» // Человек. – № 4. – С. 49–63.
25. Виленский М.Я. (1996). Физическая культура в гуманитарном образовательном пространстве вуза // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С.27-32.
26. Винник В.А. (1991). Эффективность различных форм физкультурно-спортивной активности в формировании ценностных ориентаций личности: автореф. дис.... канд. пед. наук. – М.: ВНИИФК. – 24 с.
27. Виноградов П.А., Жолдак В.И., Чеботкевич В.И. (1995). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т им В.Г. Белинского. – 347 с.
28. Вишневский Ю.Р. (1997). Ценностные и социокультурные ориентации молодежи // Социологическое обозрение (информационно-аналитический сборник). – Екатеринбург. – Вып. 1. – С. 35–39.
29. Волков Ю.Г. (1984). Социальный механизм формирования всесторонне и гармонически развитой личности. – М.
30. Волков Ю.Г. (1985). Целостная личность: сущность, пути формирования. – Ростов на Дону: Изд-во Ростовского ун-та. – 214 с.
31. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. (1998). Многомерность современного человека. – Ростов н/Д.
32. Воннебергер Г. (1979). Общественные функции большого спорта // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С. 144-152.

33. Галтунг Йоган (1997). Культурный мир: некоторые характеристики // Культура Мира и Демократии: Учеб. пособие. – М.: Международный Институт культуры мира и демократии. – С. 91–113.
34. Гармонический человек. Из истории идей о гармонически развитой личности. – М.: Искусство, 1965.
35. Гарпушкин В.Е. (2002). Философия универсализма и проблемы человека. – М.: «Прометей». – 128 с.
36. Готсдинер А.Л. (1998). К проблеме многосторонних способностей // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 41–45.
37. Гуманизм на рубеже тысячелетий: Идея, судьба, перспектива /Редколлегия: Бессонов Б.Н., Богатырев Т.Г., Шевченко В.Н. (отв. ред.). – М., 1997.
38. Гуманистические ориентиры России. – М.: Институт экономики РАН, 2002. – 392 с.
39. Гуревич П.С. (2004). Проблема целостности человека. – М. – 178 с.
40. Гуцаленко Л.А. (1988). Универсальное развитие человека: предпосылки и перспективы. – Минск: Университетское. – 208 с.
41. Дахин А.В. (1995). Феноменология универсальности в культуре. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета. – 148 с.
42. Досовский В. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб.
43. Европейский Манифест «Молодые люди и спорт» // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – 1996. № 1-1. – С. 18–19.
44. Егоров А.Г. (1991). Гуманизация, гуманитаризация и реалии спортивной субкультуры // Формирование гуманистического мировоззрения студентов / Сборник научных трудов. – Смоленск. – С. 3–8.
45. Жолдак В.И. (1992). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: МОГИФК. – 251 с.
46. Зеленов Л.А. (1971). Методологические проблемы эстетики. – Горький. – 79 с.
47. Зеленов Л.А. (1985). Система культуры личности // Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса: Тезисы докл. к XIII межзональн. симп. – Горький. – С. 4–15.
48. Зеленов Л.А. (1988а). Марксистско-ленинская концепция всестороннего развития личности // Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: тез. докл. на XVII межзон. симп. – Горький. – С. 4–22.
49. Зеленов Л.А. (1988б). Потенциал человека. – Горький. – 28 с.
50. Зеленов Л.А. (1991). Методология человековедения. – Н. Новгород. – 75 с.
51. Зеленов Л.А. (1999). Четыре лика философии: Учеб. пособие – Н. Новгород: НКИ. – 53 с.
52. Зеленов Л., Кеда Е. (1966). Все знать, все уметь. О всестороннем развитии человека. – Горький. – 95 с.
53. Ильенков Э.В. (1968). Об идолах и идеалах. – М. : Политиздат. – 319 с.
54. Ильинский И.М. (2004). Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. – 352 с.
55. Каган М.С. (1974). Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат. – 328 с.
56. Караван истории», июль 2006.
57. Кветной М.С. (1970). Быть всесторонне развитым человеком. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во.
58. Киященко Н.И. (1988). Смыслжизненное значение понятия «совершенный человек» // Гуманистические ценности современной культуры: Препринты докладов советских ученых к XVIII Всемирному философскому конгрессу «Философское понимание человека» (Великобритания, Брайтон, 21–27 августа 1988 г.). – М. – С. 30–36.
59. Ковалева Т.В. (1996). Российское студенчество в условиях переходного периода// Социол. исслед. – № 12. – С. 43–47.
60. Коган Л.Н. (1984). Цель и смысл жизни человека. – М. – 252 с.
61. Козина Г.Ю. (2007). Физкультурно-оздоровительная деятельность как социальный фактор формирования здоровья современной студенческой молодежи: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Пенза. – 21 с.
62. Концепция образования на период до 2010 г. – М.: Академия, 2002. – 24 с.
63. Корниенко Н.А. (1992). Эмоционально-нравственные основы развития личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. – Новосибирск. – 41 с.
64. Королев Р.И. (2009). Интерпретации идеала «совершенного» человека в концепциях современного олимпизма: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М. – 25 с.
65. Котомина А.А., Майорова Л.В., Столяров В.И. (2005). Реальное состояние культуры личности спортсмена-олимпийца в современных социокультурных условиях (по результатам социологического исследования) // Олимпийский бюллетень. – № 7. – М. – С.45–55.



66. Кравчик З. (2005б). Спорт и современные образцы культуры // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. Ч. 2. – С. 42-48.
67. Красин А.Н. (1981). Всестороннее и гармоничное развитие личности. – М. : Знание. – 64 с.
68. Кувакин В.А. (2003). Предисловие редактора // Гивишвили Г.В. Гуманизм и гражданское общество. – М.: Российское гуманистическое общество. – С. 3–6.
69. Кузин В.В., Никитюк Б.А. (1998). Природное и духовное: мозг – разум – дух в связи с физическим совершенствованием человека (к проблематике интегративной антропологии) // Физ. культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 2-9.
70. Кузнецова Л.В. (1988). Гармоничное развитие личности младшего школьника: книга для учителя. – М.: Просвещение. – 224 с.
71. Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке. – М.: Междунар. изд-во «Информациология», 2002. – 133 с.
72. Культура мира. Документы. Библиография. – М., 1999. – 125 с.
73. Культура Мира и Демократии: Учеб. пособие. – М.: Международный Институт культуры мира и демократии, 1997. – 419 с.
74. Культурные миры молодых россиян: три жизненных ситуации. – М., 2000.
75. Кутепов М.Е. (1977). Ценности в области физической культуры и спорта как предмет социологического анализа // III Всес. конф. по социологич. проблемам физ. культуры и спорта: Тезисы. – М. – С. 32-33.
76. Лазарев Ф.В., Брюс А. Литтл (2001). Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ. – 264 с.
77. Лазоренко Е.В. (1985). Всесторонне развитая личность. Социально-философский аспект: Автор. дис. ... докт. филос. наук. – Ереван.
78. Ленк Ганс (1997). Спорт как современный миф? // Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования. – М.: Изд-во «УРСС». – С. 156-179.
79. Лисовский В.Т. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб.
80. Лихачев Б.Т. (1985). Теория эстетического воспитания школьников. – М. – 317 с.
81. Лихачев Б.Т. (1997). Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX веках). – Самара: Изд-во СИУ. – 85 с.
82. Лосев А. (1960). Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. – Вып. 3.
83. Лубышева Л.И. (1997а). Олимпийская культура как основа содержания олимпийского образования // Современные проблемы и концепции развития физической культуры и спорта, ч. 2. – Челябинск. – С. 155-57.
84. Лубышева Л.И. (1997б). Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 10-15.
85. Лубышева Л.И. (1998). Ценности олимпийской культуры и воспитание юношества // Междунар. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм», 14–18 июля 1998 г., Москва: Материалы. – М.: Советский спорт. – С. 144-146.
86. Лубышева Л.И. (1999). Олимпийская культура и спорт в современном обществе // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 17-22.
87. Лубышева Л.И. (2001). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: Изд. центр «Академия». – 240 с.
88. Лубышева Л.И. (2009). Спортивная культура в современной системе физического воспитания школьников // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физ. культуры». – С. 203–211.
89. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
90. Многомерный образ человека: комплексное исследование человека.– М. : Наука, 2001. – 237 с.
91. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь : СОНАТ, 2001.
92. Моисеев Н.Н. (1994). Некоторые общие особенности цивилизации наступающего века. – М.
93. Наука и гуманизм – планетарные ценности третьего тысячелетия. – М.: РГО, 2000. – 160 с.
94. Наумова Т.В. (2001). Менталитет как базовая категория в объяснении особенностей ценностного сознания современной российской молодежи // Вестник Моск. ун-та. сер. 18. Социология и политология. – № 1. – С. 65–75.

95. Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: Тез. докл. на XVII межзон. симп. – Горький, 1983. – 221 с.
96. Нива Е. (1979). Функции спорта в современном обществе // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З.Кравчик. – М.: ФиС. – С.125-134.
97. Никандров Н.Д. (1998). Проблема ценностей в российском обществе и образовании // International Higher Education Research, vol. II./Ed. by Masanao Takeda. – Sapporo, Japan: Hokkaido University, March. – P. 7–14.
98. Новое качество высшего образования в современной России (содержание, механизмы реализации, долгосрочные и ближайшие перспективы). Концептуально-программный подход. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1995. – 199 с.
99. Общественные перемены и Культура Мира. Парадигмы согласия. (Второе, расширенное издание). – М.: Международный институт перспективных проблем социокультурного и политического развития (МИПП), Изд-во «Весь мир», 1999. – 396 с.
100. Огурцов А.П. (2001). Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. – № 3. – С. 5-17; № 4. – С. 18-27.
101. Определения основных терминов области «физического воспитания и спорта». – Бухарест: Международное бюро документации и информации, Румынская комиссия по терминологии, 1971.
102. Паначев В.Д. (2006). Развитие спортивной культуры личности студента в условиях вуза. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та. – 281 с.
103. Паначев В.Д. (2007). Социализация и развитие спортивной культуры студенческой молодежи России в процессе физкультурно-спортивной деятельности: монография. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та. – 335 с.
104. Паронджанов В. (1997). Возможна ли новая революция в образовании? // Высшее образование в России. – № 2. – С. 9–18.
105. Печчеи А. (1980). Человеческие качества: Пер. с англ. – М.: Прогресс. – 302 с.
106. Пономарев Н.И. (1974в). Социальные функции физической культуры и спорта. – М.: ФиС.
107. Пономарев Н.И., Столяров В.И. (1983). Социальное значение физической культуры и спорта // Физическое воспитание: учебник. – М.: Высшая школа. – С. 6-24.
108. Порус В.Н. (2005). Обжиг катастрофы. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. – № 11. – С. 24-36.
109. Посьелло Кристиан (2006). Спорт как всеобъемлющее социальное явление // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 54–66.
110. Президент МОК на трибуне ООН // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 6-7.
111. Прядченко В.Ф. (2005). Единство духа и тела: Монография. – Красноярск.
112. Раймерс Н.Ф. (1992). Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. – М.: Изд. центр «Россия молодая». – 367 с.
113. Репина Т.М. (1989). Проблема всестороннего развития личности (методологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 16 с.
114. Рибель Вернер (1983). Буржуазные понятия о функции спорта и кризис ценностей в спорте ФРГ // Международное спортивное движение: Экспресс-информация, № 2. – М.: ЦООНТИ-ФиС. – С. 1-19.
115. Родиченко Владимир (2004). Олимпийская идея для России (повторение пройденного). – М.: Сов. спорт. – 248 с.
116. Родиченко В.С., Столяров В.И. (1996). Идеология и олимпийское образование // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 2-7.
117. Рожанский И.Д. (1991). Античный человек. О человеческом в человеке. – М.: Политиздат. – С. 282–298.
118. Савицкая Э. (1990). Закономерности формирования «модели культурного человека» // Вопросы философии. – № 5. – С. 61-74.
119. Сеилерова Божена (1988). Философские аспекты проблемы всесторонне развитой личности: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М. – 56 с.
120. Селиванова Н.Л. (1998). Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня. – М.: Педагогическое общество России. – 336 с.
121. Совершенный Человек. Теология и философия образа. – М.: Валент, 1997.
122. Соколова Н.Л. (1992). Типологический анализ концепций всестороннего развития личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 21 с.
123. Социология: энциклопедия /Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

124. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. /Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры», 2005. – 194 с.
125. Спорт в современном обществе/Под общей ред. В.М. Выдрина. – М.: ФиС, 1980. – 272 с.
126. Станкевич Л.П. (1989). Социально-философская концепция целостности личности: автореферат дис. ... докт. филос. наук. – М. – 36 с.
127. Стивенсон К.Л. (1979). Спорт как современный социальный феномен: функциональный подход // Спорт и образ жизни: Сб. ст./ Сост. В.И. Столяров., З. Кравчик. – М.: ФиС. – С. 58-65.
128. Стивенсон Кристофер Л., Никсон Джон Э. (1977). Концептуальная схема социальных функций спорта // Инф. вестник ВНИИФК. – № 21. – С. 21-36.
129. Столяров В.И. (1988в). Еще раз о концепции всестороннего и гармоничного развития личности // Научно–технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: Тезисы докладов XVI межзон. симпозиума. – Горький. – С. 37–41.
130. Столяров В.И. (1990е). Проект «СпАрт» // Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы. – М. – С. 13-16.
131. Столяров В.И. (1991в). Синтеза спорта и уметности // Годишник университета у Београду. – № 2. – С. 103–105.
132. Столяров В.И. (1993в). Приобщение подрастающего поколения к идеалам и ценностям олимпизма (проблемы, трудности, пути их решения) // 2-я научно–практическая конференция "Физическая культура и олимпийское движение Урала". Тезисы докладов. – Пермь. – С. 5–8.
133. Столяров В.И. (1997б). «Спартианская» программа гуманизации спорта высших достижений // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-79.
134. Столяров В.И. (1997в). Спартианская система воспитания, образования и организации досуга // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-127.
135. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84-209.
136. Столяров В.И. (1997з). Спартианские игры и клубы в системе организации досуга, образования и воспитания детей и молодежи. – М.: РГАФК. – 141 с.
137. Столяров В.И. (1998а). Актуальные проблемы теории и практики олимпийского образования детей и молодежи // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 4. – С. 13–20.
138. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
139. Столяров В.И. (1998д). Олимпизм на пороге XXI века: от отдельных попыток к глобальной интеграции спорта с искусством // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвузовский сб. научных материалов. – Воронеж. – С.25–34.
140. Столяров В.И. (1998е). Олимпийский атлет и спартианец – две модели гармонично развитой личности // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 74–94.
141. Столяров В.И. (1998з). Олимпийское образование и спартианская система воспитания // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С.71–233.
142. Столяров В.И. (1998н). Спартианские игры – новая гуманистически ориентированная модель спорта в его интеграции с искусством // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54-279.
143. Столяров В.И. (1998о). Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 5: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 101-265.
144. Столяров В. (1999б). Олимпизм, олимпийская педагогика и теория олимпийской культуры // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всеросс. научно–практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы», посвящ. 10–летию Олимпийского комитета России, и V Всеросс. совещания «Практика олимпийского образования». – М. – С. 250–254.
145. Столяров В.И. (1999в). Олимпийская педагогика и теория олимпийской культуры как новые научные и учебные дисциплины // Теория и практика физической культуры. – № 10. – С. 47–52.

146. Столяров В.И. (1999г). Предмет и статус олимпийской педагогики и теории олимпийской культуры // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория, практика: Межвузовский сб. научных матер. – Воронеж. – С. 33–42.
147. Столяров В.И. (2000е). Теоретическая концепция спортивно–гуманистического воспитания детей и молодежи // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий: Сб. ст. – Москва–Сургут: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 21–79.
148. Столяров В.И. (2002г). Об актуальных проблемах и серьезных ошибках в теории и практике олимпийского образования // II Межд. форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». Конф. «Практика олимпийского образования». – Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 139–144.
149. Столяров В.И. (2002е). Спортивная культура как элемент культуры // Современность как предмет исследования социальных наук: Материалы Всеросс. научн. конф. – М.: МГАФК. – С. 28–33.
150. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
151. Столяров В.И. (2006б). Интеграция спорта и искусства // Большая олимпийская энциклопедия. В 2-томах, т. 1. – М.: Олимпия-Пресс. – С. 446–448.
152. Столяров В. И. (2006ж). Спартианская социально-педагогическая технология оздоровления, рекреации и целостного развития личности: Пособие для педагогов учреждений социальной защиты населения и организаторов досуга детей и молодежи. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – 247 с.
153. Столяров В.И. (2008г). Спартианские инновационные формы и методы воспитания и организации досуга детей и молодежи: пособие для педагогов и организаторов досуга детей и молодежи (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. второй). – М. – 231 с.
154. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
155. Столяров В.И. (2009ж). Спартианская педагогическая технология интегративного подхода к организации физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 126–183.
156. Столяров В.И. (2009з). Сравнительная характеристика идей, идеалов и ценностей современного олимпийского и спартианского движений // Олимпийский бюллетень. – №10. – М.: Физкультура и Спорт. – 112–122.
157. Столяров В.И. (2011а). Еще раз о концепции олимпийского образования (приглашение к дискуссии) // Олимпийский бюллетень. – № 12. – С. 330–341.
158. Столяров В.И. (2011в). Проблема интеграции спорта и искусства // Вестник Российского Философского Общества. – №1 (57). – С. 139–143.
159. Столяров В.И. (2011г). Спартианский универсализм: аксиология культуры, образа жизни и развития личности (Физическая культура и спорт в системе ценностей спартианской концепции универсализма) // Физическая культура и спорт в свете истории и философии науки: учебное пособие/под ред. А.А. Передельского. – М.: изд-во «Физическая культура». – С. 391–429.
160. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009а). Понятие и формы спортивной культуры личности // Вестник спортивной науки. – № 6. – С. 17–21.
161. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009б). Спортивная культура личности: Учебное пособие для студентов. – М.: Издательство «Университетская книга». – 128 с.
162. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009в). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. – М.: Анкил. – 216 с.
163. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2011). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. 2-е изд. перераб. и дополн. – М.: Издательство «Университетская книга». – 234 с.
164. Столяров В.И., Козырева О.В. (2002). Гуманистический подход к спортивному воспитанию и спортивной культуре: общая концепция и ее применение к дошкольникам // Гуманистика соревнования. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 3–226.
165. Столяров В.И., Максимов А.С. (2008). Олимпийское образование и воспитание спортсменов высокого класса // Теория и практика физ. культуры. – №5. – С. 53–56.
166. Столяров В.И., Стопникова Е.В. (2008). Программы и проекты Спартианских игр, клубов, школ, игротек, оздоровительных лагерей (1991–2008): Методическое пособие (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. третий). – М. Часть 1 – 174 с.; Часть 2 – 163 с.

167. Столяров В.И., Стопникова Е.В., Барина И.В. и др. (1993). Проблема приобщения подрастающего поколения к идеалам и ценностям олимпизма // Труды ученых ГЦОЛИФКа. Ежегодник. – М. – С. 10–23.
168. Столяров В.И., Фатин А.В. (2003б). Олимпийская образованность как элемент олимпийской культуры и ее показатели у юных спортсменов // Сборник научных трудов молодых ученых и студентов РГУФК. – М.: АстраПресс. – С. 138–141.
169. Столяров В.И., Фирсин С.А. (2011). Спартианские игры в гуманистической системе воспитания и организации досуга студентов: Пособие для педагогов и организаторов досуга студенческой молодежи. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука». – 176 с.
170. Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / Под ред. проф. И.А. Зимней. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. – 480 с.
171. Струков Э. (1963). Всестороннее и гармоническое развитие личности. – М. – 75 с.
172. Субетто А.И. (1999). Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия. – СПб: ПАНИ. – 827 с.
173. Сухомлинский В.А. (1985). О воспитании. – М.: Политиздат. – 262 с.
174. Тавризян Г.М. (1983). Проблема преемственности гуманистического идеала человека в условиях современной культуры // Вопросы философии. – № 1. – С. 73–82.
175. Танган С. (1999). Культура и педагога мира // Общественные перемены и Культура Мира. Парадигмы согласия. (Второе, расширенное издание). – М.: МИПП, Изд-во «Весь мир». – С. 275–294.
176. Теплов Б.М. (2000). Способность и одаренность // Психология индивидуальных различий / Под ред. Ю.Б. Гипенрейтер и В.Я. Романова. – М.: Черо. – С. 262–271.
177. Фаустова Э.Н. (1995). Доминирующие ценностные ориентации студентов // Вестн. МГУ. Сер 18. Социология и политология. – №4. – С. 96–102.
178. Федотова В.Г. (2005). Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. – №11. – С. 3–23.
179. Фельдштейн Д.И. (1992). Психология становления личности. – М.
180. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1. Зарубежная история. – Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2001. – 259 с.
181. Черняев В.В. (2003). Проектирование и конструирование гуманитарно ориентированного содержания образования по физической культуре в вузе: теория и методология. Монография. – Москва; Липецк. – 347 с.
182. Чубарьян А.О. (1997). Культура мира: учеб. пособие. – М.
183. Шабанска Теменуга (1970). Изследване върху спортната култура на студентите от Софийския университет // Социологически проблеми на физическата култура. – София. – С.155–164.
184. Штайнер Р. (1995). Здоровое развитие телесно–физического как основа проявления душевно–духовного. – Калуга: Духовное познание.
185. Шумакова Н.Ю. (2006). От современности к истокам античности – единству телесного и духовного в человеке // Детский тренер. – № 3. – С. 17–22.
186. Ямбург Е.А. (2004). Воспитание человека с позиции культурно–исторической педагогики // Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / Под ред. проф. И.А. Зимней. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Агентство «Издательский сервис». – С. 46–51.
187. Ashworth E.E. (1979). Sport als symbolischer Dialog // Hammerich K., Heinemann K. (Hrsg.). Texte zur Soziologie des Sports. 2 Auflage. – Schorndorf: Verlag Karl Hofmann. – S. 51–57.
188. Bouet M. (1977). The significance of the Olympic phenomenon: a preliminary attempt at systematic and semiotic analysis // Int. Review of Sport Sociology. – v.12, N. 3. – P. 5–22.
189. Coakley J.J. (1990). Sport in Society – Issues and Controversies. 4<sup>th</sup> edition – St. Louis: C.W. Mosby.
190. Durántez Conrado (1994a). Pierre de Coubertin. Social Concept and Symbolism of Sport and Olympism // Pierre de Coubertin an unrecognized genius... Committee International Pierre de Coubertin. – Lausanne-Suisse. – P. 12–19.
191. Duret Pascal, Wolff Marion (1994). The semiotics of sport heroism // Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 29, N. 2. – P. 135–149.
192. Folkierska A. (1979). Typy wartosci, ich miejsce i funkcjonowanie w kulturze // Młodzież a wartosci. Praca zbiorowa pod red. H.Swidy. – Warszawa. – s. 94–134.
193. Gebauer G. (1987). Die Masken und das Glück. Über Idole des Sports // P. Becker (ed.). Sport und Hochleistung. – Reinbeck, Rowohlt. – P. 105–122.
194. Gebauer G. (1996). Drama, Rituals, Sport – drei Weisen des Welterzeugniss // Bortschert B., Gebauer G. (Hg.). Texte und Spiele: Sprachspiele des Sports. – Sankt. Augustin. – S. 185–196.
195. Gesellschaftliche Funktionen des Sports. Beiträge einer Fachtagung. Bonn, 1984. – 278 S.
196. Grupe O. (1990). Sportkultur zwischen Bildungsgut und Körperkultur // Ommo Grupe (Hrsg.). Kulturgut oder Körperkult? Sport und Sportwissenschaft im Wandel. – Tübingen. – S. 87–111.

197. Grupe Ommo (1991). The Sport Culture and the Sportization of Culture: Identity, Legitimacy, Sense, and Nonsense of Modern Sport as a Cultural Phenomenon // Landry, F. (ed.) et al. Sport...The third millennium. Proceedings of the Int. Symp., Quebec City, Canada, Presses de l'Universite Laval. – P. 134-145.
198. Heinemann Klaus (1978). Social Determinants of Engagement in Sports // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 1. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 345-356.
199. Heinemann K. (1980a). Einführung in die Soziologie des Sports. – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
200. Jarvie Grant (2006). Sport Culture and Society: An Introduction. – London.
201. Jeu Bernard (1994). Sport, a Social and Cultural Phenomenon // For a Humanism of a Sport. – Paris. – P. 1–4.
202. Karwacki A. (1997). Social and cultural values of record-seeking sport // Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996/Svatopluk Horak (Ed.). – Olomouc. – P. 91-97.
203. Krawczyk Zbigniew (1996). Sport as Symbol // International Review for the Sociology of Sport. – vol. 31, N. 4. – P. 429-438.
204. Krockow Christian Graf von (1984). Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 24-33.
205. Kurz D. (1979). Elemente des Schulsports. Grundlagen einer pragmatischen Fachdidaktik. – Schorndorf.
206. Leist K.H. (1995). Freiheitliche Bewegung-, Spiel-, Sportkultur: Grundlagen und Verfassung des Neuen Sportlehrplans für Bayern // Tělesná kultura: Sborník prací kateder tělesné výchovy a tělovýchovného lékařství, svazek 26. – Olomouc. – s. 99-117.
207. Leist K.H. (2001). Sport and Culture on the sense and value scenario of human movement // Physical Culture as a Component of Culture/ Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc: Publishing House HANEX. – P. 109–130.
208. Lenk Hans (1982a). Presidential Address – 1981. Tasks of the Philosophy of Sport: Between Publicity and Anthropology // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. IX. – P. 94-106.
209. Lenk Hans (1985c). Genuinely Personal Achievement, Sport, Educational Program and Beyond // International Journal of Physical Education. – Nr. 22. – P. 9-17.
210. Liebau Eckart (1989). “In-Form-Sein” als Erziehungsziel? Pädagogische Überlegungen zur Sportkultur // Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 139-153.
211. Lotz Franz (1980). The Realization of the Olympic Idea // Report of the International Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia. – HOC, Athens. – P. 279-286.
212. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
213. Magnane Georges (1964). Sociologie du sport. Situation du loisir sportif dans la culture contemporaine. – Paris: Gallimard.
214. Maheo R. (1970). Sport and Culture // Introduction to Physical Education. Ed. by H.S.Slusher and A.S.Lockhart. – Springfield. – P. 186-197.
215. McIntosh P.C. (1984a). International Communication, Sport and International Understanding // Sport and International Understanding: Proceedings of the Congress held in Helsinki, Finland, July 7-10, 1982. – Berlin, Heidelberg, N.Y., Tokyo: Springer-Verlag. – P. 276-284.
216. McPherson Barry, Curtis James, Loy John (1989). The Social Significance of Sport: An Introduction to the Sociology of Sport. – Champaign, IL: Human Kinetics Press.
217. Mihály Ottó (1988). The Marxian ideal of the “whole man” and the Olympic Human ideal // Review of the Hungarian University of Physical Education. – P. 63-74.
218. Model O. (1955). Funktionen und Bedeutung des Sports in ökonomischer und soziologischer Sicht. – Winterthur.
219. Neue Sportkultur. Neue Wege in Sport, Spiel, Tanz und Theater. Von der Alternativen Bewegungskultur zur Neuen Sportkultur/Rainer Pawelke /Hrsg./. – Ein Handbuch Lichtenau: AOL-Verlag, 1995. – 495 S.
220. Oblicza sportu. Praca zbiorowa pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa, 1990. – 135 p.
221. Paleologos Cleanthis (1977). The Olympic Idea in the Antiquity and Today // Report of 16<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 41-48.
222. Paleologos Cleanthis. Heracles (Hercules), the Ideal Olympic Personality // IOA. Report of the 22<sup>nd</sup> Session. – Lausanne. – P. 54–71.
223. Ponomaryov N.I. (1978). About System Analysis of Sport // International Review of Sport Sociology. – vol. 1 (13). – P. 7-27.
224. Puisiene Elena (1998). Olympic Culture Aspects of Future Physical Education Specialist // Sport science, Vilnius. – N. 4. – P. 34-37.

225. Rittner Volker, Breuer Christoph (2000). Soziale Bedeutung und Gemeinwohlorientierung des Sports. Bundesinstitut für Sportwissenschaft. Wissenschaftliche Berichte und Materialien. Band 13. – 1. Auflage SPORT und BUCH Strauß. – 257 S.
226. Samaranch Juan Antonio (1999). The Olympic Culture in Favour Of Peace // Olympic Review. – vol. XXVI. N. 28. – P. 35-38.
227. Saraf M.J. (1977). Semiotic Signs in Sports Activity // Int. Review of Sport Sociology. – v. 2. – P. 89-101.
228. Seppänen P. (1972). Die Rolle des Leistungssports in den Gesellschaften der Welt // Sportwissenschaft. – N. 2. – P. 133-155.
229. Seppänen Paavo (1984c). Sport Organizations and Politics in Finland // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä: University of Jyväskylä. – P. 117-130.
230. Silanse Luc (1986a). Symbolism in Olympism – Symbolism in Art // IOA. The Report of the 26<sup>th</sup> session, Ancient Olympia. – Lausanne. – P. 116-129.
231. Spinrad W. (1981). The function of spectator sports // Luschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois. – P. 354-365.
232. Sport for all: Proceedings of the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3-7 June 1990. – Amsterdam. New York. Oxford: Elsevier Science Publishers, 1991. – 681 p.
233. Steinhaus Arthur H. (1961). Plato's Charioteer. The Whole Man, Science and Physical Education // Olympic Academy Report 1961. – Athens: IOA. – P. 28-36.
234. Suits Bernard (1988b). The Elements of Sport // W.J. Morgan/K. Meier (Ed.). Philosophy Inquiry In Sport. – Campaign. – P. 39-48.
235. Swierczewski R. (1981). Rozwoj zagadnien symbolizmu i jego implikacje dla analizy sportu // Sport i kultura/Praca zbiorowa pod red. Z.Krawczyka. – Warszawa: PWN. – P. 77-109.
236. Symbolique du sport // De la vraie nature du sport. Essai de deduction generale des categories sportives. – Paris: Editions Vigot, 1985. – P. 40-45.
237. Szymiczek Otto (1972). The Olympic Philosophy in Antiquity and in Our Times // Report of the 12<sup>th</sup> Session of the IOA. – Athens. – P. 44-54.
238. Tatano Hideo (1981). A model-construction of sport as a culture // International Review of Sport Sociology. – v. 1, N. 16. – P. 5-29.
239. Tyszka A. (1985). Komunikacja symboliczna jako jedna z funkcji sportu // Kultura fizyczna i sport w ujeciu sociologicznym. Wybor testow/Pod red. Haliny Sekuly-Kwasniewicz. – Krakow. – P. 215-224.
240. Urbankowski B. (1981). Etyka i mitologia sportu // Sport i kultura / Praca zbiorowa pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe. – P. 129-144.
241. Weiss Paul (1969). Sport: A Philosophic Inquiry. – Carbondale: Southern Illinois University Press.
242. Wohl A. (1970). Competitive Sport and its Social Functions // International Review of Sport Sociology. – vol. 5. – P. 117-130.
243. Wohl A. (1975). Der Leistungssport und seine sozialen Funktionen // Sportwissenschaft. – N. 1. – S. 56-68.
244. Wohl A. (1981b). Soziologie des Sports. Allgemeine theoretische Grundlagen. – Köln: Pahl-Rugenstein. – 207 S.
245. Wohl A. (1987). Controversies as to the role of sport and its significance for contemporary civilization // Scientific Yearbook: Studies in the Theory of Physical Education and Sport. Vol. 1. – Polish Scientific Publishers. – P. 97-115.
246. Young D.C. (2005). Mens Sana in Corpore Sano? Body and Mind in Ancient Greece // The International Journal of the History of Sport. – vol. 22, nr 1. – P. 22-41.
247. Żukowska Z. (1983). Wartości wychowawcze współczesnego sportu // Sport w kształtowaniu kultury i osobowości: Raport końcowy w badan zrealizowanych w latach 1975-1980. – Warszawa. – P. 228-249.

## Раздел VIII. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Данный раздел посвящен обсуждению комплекса проблем социально-философского анализа процесса социализации, «окультуривания», социокультурной модификации тела человека, т.е. его телесности как социокультурного феномена.

### Глава 26. Телесность человека и «физическая культура» как объекты философского исследования

Прежде чем переходить к анализу указанных философских проблем целесообразно сначала уточнить те используемые исследователями понятия, которые характеризуют специфические и существенные свойства тела человека и тем самым позволяют выделить его как особый объект изучения.

#### 26.1. Тело человека

Прежде чем переходить к анализу указанных философских проблем целесообразно сначала указать те используемые исследователями понятия, которые характеризуют специфические и существенные свойства тела человека и тем самым позволяют выделить его как особый объект изучения.

В марксистской философии было обосновано положение о том, что применительно к человеку необходимо различать его *органическое* и *неорганическое* тело.

*Органическое тело* человека – это его естественное, природное тело, для характеристики которого в биологии, анатомии, физиологии человека, в теории физического и других науках используются понятия «*организм*», «*физическое состояние*», «*состояние морфофункционального развития*» человека и т.п.

Данное тело (физическое состояние, состояние морфофункционального развития) человека обладает множеством разнообразных качеств, свойств, параметров.

При его характеристике обычно указывается *конституция* организма (его строение), его морфофизиология и моторика. К числу признаков, характеризующих конституцию организма, относят, прежде всего, *телосложение*. Показателями последнего являются, в частности, рост, вес тела, окружность груди и др. Среди разнообразных функций человеческого организма особо выделяют *двигательную функцию* – на основе двигательной активности, *двигательная деятельности*, под которой понимают «движения, организованные в систему активных мышечно-двигательных действий» [Введение... 1983, с. 9]. С двигательной деятельностью человека связаны разнообразные *физические качества*: «врожденные (унаследованные генетически) морфофункциональные качества, благодаря которым возможна физическая (материально выраженная) активность человека, получающая свое полное проявление в целесообразной двигательной деятельности» и относят к ним такие качества, как мышечная сила, быстрота, выносливость и т. п. [Матвеев, 1991, с. 15]. В двигательной деятельности они проявляются как *двигательные способности, умения и навыки* человека [Матвеев, 2002, С. 20-21].

Тело (физическое состояние) человека изучается многими науками (например, биологией, анатомией, физиологией человека и др.). «Спортивная наука» при анализе тела (физического состояния) человека выделяет специфические объекты с учетом процесса его *социализации* под влиянием социальной среды.

Это воздействие включает в себя два взаимосвязанных компонента – *стихийное* (влияние условий труда, быта, всей окружающей обстановки и т. п.) и *сознательное, целенаправленное* с использованием разнообразных средств. Процесс такого влияния на тело (физическое состояние) человека, основанный на применении педагогических средств\* (прежде всего определенных форм двигательной деятельности), чаще всего обозначается термином «*физическое воспитание*» и является одним из основных объектов исследования «спортивной науки».

Физическое воспитание призвано внести определенные изменения в естественное тело (физическое состояние) человека, сформировать (скорректировать) такие его соци-

---

\* Эти средства уточняются и конкретизируются в педагогике применительно к определенным историческим условиям воспитательной деятельности.



ально значимые качества (параметры), которые необходимы для выполнения им той или иной социальной функции.

Таким особенно важным параметром физического состояния человека является *физическое (соматическое) здоровье*. Оно характеризует соответствие показателей морфофункционального развития норме и степень устойчивости организма к неблагоприятным внешним воздействиям, т. е. такой уровень развития физического состояния, который обеспечивает оптимальную адаптацию организма к факторам внешней среды, в первую очередь к социуму. Основным показателем здорового человеческого организма является универсальный характер развития всех его систем: динамичность функций, их взаимная дополняемость и заменяемость, наиболее высокая эффективность затрат психических, нервных и сенсорных ресурсов организма. В этом плане физическое (соматическое) здоровье характеризует «позитивное» состояние организма человека, противоположное болезни, физическим дефектам и т.п. [подробнее см.: Бальсевич, 2000; Розин, 2000; Сайко, 2000; Сахно, 1984; Телесность человека... 1993; Филиппова, Лебедев и др., 2000; Freund, McGuire, 1991].

К числу важных социально значимых качеств физического состояния человека относится *физическая подготовленность* – уровень развития физических качеств, двигательных умений и навыков, требующихся в избранной деятельности и обуславливающих ее эффективность [Матвеев, 2002, с. 22-23].

В последнее время для характеристики определенных параметров физического состояния человека используется также понятие «*фитнес*» [Борилкевич, 2003; Лисицкая, 2002; Чистякова, 2006; Gabbard, 1988; Gober, Franks, 1988]. В физическом плане фитнес предполагает эффективность сердечной деятельности и легких, способность суставов двигаться свободно, хорошо развитую мускулатуру, силу, гибкость, аэробную выносливость, отсутствие лишнего веса [Борилкевич, 2003; Лисицкая, 2002]. Однако понятию «фитнес» придается и более широкое значение. Так, в «Оксфордском энциклопедическом словаре по спорту и спортивной медицине» (1994), переведенном на многие языки мира, понятие «фитнес» (“fitness”) включает в себя не только хорошую физическую кондицию, но и интеллектуальное, эмоциональное, социальное и духовное начала [Лисицкая, 2002, с. 6]. Согласно определению, одобренному Всемирной организацией здравоохранения, фитнес (fitness) – способность решать повседневные задачи, энергично и проворно, не утомляясь, активно проводить свое свободное время и спокойно переносить неприятности.

Еще одна важная характеристика физического состояния человека – *физическое совершенство*, т. е. такое разностороннее и гармоничное развитие в человеке анатомической и физиологической систем (как по отдельности, так и в отношении друг друга), которое обеспечивает оптимальное функционирование организма, позволяет ему эффективно выполнять социальные функции применительно к тем или иным конкретным условиям его деятельности [Боген, 1997; Лебедев, 1984; Лебедев, Филиппова, 1992а; Матвеев, 2002; Пономарчук, Подольский, 1984].

Хотя указанные параметры тела (физического состояния) человека связаны с его психическими, нравственными, эстетическими и другими качествами, однако существенно отличаются от них и обладают относительной самостоятельностью. Это служит основанием для их выделения с помощью абстрагирования от других свойств и характеристик человека.

Физическое состояние человека и разнообразные его свойства, параметры не остаются неизменными. Под воздействием разнообразных факторов – как биологических, так и социальных – они постоянно изменяются. Эти изменения характеризуют процесс *физического развития* человека – «процесс формирования, становления и последующего изменения на протяжении индивидуальной жизни естественных морфофункциональных свойств человеческого организма (имеющих генетическую основу) и обусловленных ими так называемых физических качеств и способностей индивида» [Матвеев, 2002, с. 10].

Помимо естественного, органического, тела у человека (в отличие от других живых организмов) складывается и интенсивно развивается другое тело, которое К. Маркс образно характеризовал как «*неорганическое тело человека*». К *неорганическому телу человека* относится все многообразие искусственно созданного человеком предметного мира (второй природы), которое функционально служит своеобразным продолжением и дополнением человеческого тела: орудия и средства, применяемые в производственной деятельности (станки, машины, компьютерные системы и т.д.), разнообразные предметы бы-

товой техники от простейших (стол, стул, посуда) до самых сложных, возникших на современном этапе развития цивилизации (телевизор, холодильник и др.), заводы, дороги, транспортные средства и т.д.

Такая характеристика второго тела человека – не просто метафора. «Она выражает понимание человека как существа, бытие которого определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его “неорганическое тело”» [Степин, 1992, с. 6].

Опираясь на введенные понятия и разграничения, перейдем к анализу философских проблем социокультурной модификации тела человека.

## **26.2. Социальные функции и социокультурная модификация тела человека**

Исходный пункт этого философского анализа – выяснение вопроса о том, относится ли, в какой мере и какими своими параметрами тело человека к социуму, к миру социальных явлений.

Вопрос о социальной природе *неорганического* тела человека не вызывает особых затруднений. Вполне логично относить его к миру социальных явлений. Против этого трудно что-либо возразить, ибо технические устройства и другие аналогичные явления, составляющие неорганическое тело человека, – сугубо социальные образования, значительно расширяющие возможности и способности человека, его «сущностные силы».

Более сложным является вопрос о социальной природе *органического* тела, которое ниже будем называть просто «*телом*» человека. Организм человека, особенно его морфофизиологию и моторику – в отличие от психических, нравственных, эстетических и других явлений духовного мира человека, которые носят ярко выраженный социальный характер, – чаще всего относят к сфере «чистой» биологии. При этом, как правило, рассуждают примерно таким образом: «Изменение животных или растений происходит путем перестройки его морфофизиологии, то есть через переделку его органического тела. У человека дело обстоит иначе; его развитие происходит не в форме изменения данного ему от природы тела или физиологических механизмов жизнедеятельности этого тела, а в результате изменения способов его предметно-практической деятельности, т.е. путем преобразования мира культуры... Мир культуры можно по аналогии с телом животного назвать телом человека, только особенным... Такое тело К. Маркс и назвал очень точно неорганическим телом человека» [Философско-психологические проблемы... 1981, с. 23].

Конечно, тело человека, рассматриваемое само по себе и в той мере, в какой оно биологически детерминировано, дано ему от природы, не принадлежит к миру социальных явлений. В случае изоляции человека от общества, как показывают случаи «диких детей», тело человека так и остается «чистым организмом», биологическим феноменом.

Совсем иначе обстоит дело, когда человек включается в систему социальных отношений, в социальную жизнедеятельность.

Во-первых, тело человека начинает выполнять определенные **социальные функции** в жизни людей: «Тело человека отличается от животного не просто своими внешними признаками, а прежде всего своей социальной функциональной характеристикой, тем, что оно стало биологическим органом функционирования социального организма» [Батенин, 1971, с. 190]. Особенно важную роль в этом плане играет *двигательная деятельность* человека. Эта деятельность очень разнообразна, поскольку она возникает, функционирует и развивается, будучи включена в различные виды человеческой деятельности и приспособлена к решению тех особых задач, которые с ними связаны. Так, ее основная функция в процессе труда – изменение и преобразование предметов внешней среды с целью создания материальных благ. В этой функции она выступает как *физический труд*. В связи с естественным функционированием человеческого организма и удовлетворением биологических потребностей человека (еда, питье, передвижение в окружающей среде и т. д.) возникают *бытовые формы* двигательной деятельности. Определенные формы двигательной деятельности возникают и используются, прежде всего, и главным образом для *воздействия на человека*. Они весьма разнообразны, поскольку возникают и функционируют в рамках разных форм деятельности и преследуют разные цели. Это может быть, например, *физическое* воздействие на человека (например, специализированные движения хирурга – в рамках лечебной деятельности, движения боксера в рамках игровой и спортивной деятельности, двигательная деятельность людей во время боя – в рамках военной деятельности и т. д.). Двигательная деятельность может быть вплетена в информационную деятель-

ность, связанную с передачей информации от одного человека к другому, или в деятельность актера, художника, скульптора и т. д., будучи направлена на отображение действительности в художественных образах. В этих случаях ее функция – *информационное* и *эстетическое* воздействие движений (например, движений губ или рук в процессе речи, движений артистов театра, балета и т. п.), на людей, наблюдающих за этими движениями. Возникают и такие социально-ориентированные формы двигательной деятельности, как *физические упражнения* и *физкультурная двигательная* деятельность, о которых речь шла выше.

Во-вторых, включение «человека телесного» в социокультурное пространство влечет за собой существенные последствия для его тела. Под воздействием социальной среды – как стихийного, так и сознательного, целенаправленного (в соответствии с определенными образцами, нормами, традициями, идеалами, на основе использования специально выработанных для этой цели средств и т.д.) происходит ***социокультурная модификация тела человека и отношения к нему***.

Речь идет о том, что в дополнение к своим природным атрибутам тело человека приобретает свойства и «окраску» не только *социального*, но и *культурного* толка – как объективного характера (телесно-двигательные атрибуты), так и субъективного, проявляющегося в придаваемых телу смыслах, значениях, его символизации и т.п. [Быховская, 1996 б, с. 24]. Ницше писал, что каждая великая культурная эпоха не ограничивается освоением природы людьми – преобразованием природных ресурсов согласно имеющимся у них представлениям – это также эпоха освоения людьми собственной природы и её преобразования в соответствии с имеющимися идеалами. Гегель указывал на то, что свою собственную природную форму человек «не оставляет такой, какой он ее находит, а намеренно изменяет. В этом причина всех украшений и уборов, всех мод, какими бы варварскими и безвкусными они ни были... как, например, крошечные ножки китаянок или прокалывание ушей и губ».

Социокультурная модификация затрагивает *все параметры* тела человека. «Даже такие процессы, как дыхание, пищеварение, сон, реакция на солнце, ветер и погоду у людей, – писал Б. Малиновский, – никогда не подчиняются только врожденным физиологическим рефлексам, а модифицируются под действием культурных факторов» [цит. по: Wohl, 1981 b, s. 78]. На это обращает внимание и Г. Ленк. «Даже биологические потребности, – пишет он, – ангажируются культурными ритуалами и привычками, которые окультуривают как сами потребности, так и способ их удовлетворения. Человек стремится к тому, чтобы реализовать культурные и идеальные цели, живет с оглядкой на некоторые принятые ценности и следует нормативным конвенциональным правилам, чтобы достигнуть самоопределения и самоосуществления, самодифференциации и самоутверждения» [Ленк, 1997, с. 168]. Как отмечает К. Хайнеман, «ни обращение с телом, управление и контроль за его функциями, ни наше отношение к нему не являются "естественными", универсальными и постоянными. Более того, разные общества делают из тела как физической структуры совершенно различные вещи. А именно, потребность есть и пить, способность плакать и смеяться, необходимость переносить боль и болезни остаются постоянными, однако их биологические предпосылки в различных культурах окрашены различным социальным оттенком. Идеалы красоты, оценки интеллектуальной и физической силы, чувство стыда и стеснения, разделение физических и умственных состояний на здоровые или нездоровые, контроль состояния аффекта – все это не "основные признаки" человека, а лишь некоторые примеры высокой социальной изменчивости отношения к телу» [Heinemann, 1980 a, p. 69].

Самые элементарные двигательные акты также существенно модифицируются под влиянием той социально-культурной среды, в которой находится человек. Люди разных культур, профессий и поколений ходят по-разному. Они по-разному воспринимают физическую сторону своего существа, разными способами контролируют и используют тело, по-разному обращаются с ним. Г. Люшен, иллюстрируя это положение, указывает на то, что «даже такой элементарный вид моторной деятельности, как ходьба, есть нечто большее, чем простая совокупность органических процессов, происходящих в индивиде» и определяется культурной и социальной системами. Он ссылается на особенности походки израильтян йеменского происхождения. Так как в Йемене израильтяне находились на положении изгнанников, и каждый коренной житель мог безнаказанно их ударить, они передвигались быстро. В конце концов, такой тип передвижения стал составной частью их

культуры. И хотя теперь в Израиле они живут в совершенно иной обстановке, у них сохранилась стремительная походка как составная часть их общей культуры [Люшен, 1979, с. 35-36].

Гаульхофер на основе исследования истории «положений ноги» показал связь этой казалось бы чисто «натуральной» и заданной естественными (анатомическими) параметрами характеристики с особенностями представлений общества о правильном и красивом в облике человека, о формах его достойного и недостойного поведения в обществе: «Идеальные положения... также отвечают стилю какого-то времени, как и одежда, танцы, музыка, стихосложение, живопись и архитектура» [Featherstone, Hepworth, Sturmer, 1993, p. 94]. М. Мосс на основе сравнительного анализа того, как люди различных национальностей используют свое тело в силу определенных культурных традиций, показал, в частности, что люди разных профессий, поколений и культур ходят по-разному, по-разному держат руки во время и после еды и т.д. [Mauss, 1973, p. 533–649].

Каждая культура создает определенные нормы «контроля за телом», которые выступают как регуляторы поведения человека. Социально принятые нормы указывают, например, как сидеть за столом, как держать руки во время и после еды и определяют, какие манеры поведения являются «хорошими», а какие – «плохими». В этих нормах учитываются пол, возраст и социальное положение людей. Например, что разрешено для мальчиков, запрещено или с трудом может быть допустимо для девочек. В системе культурных норм «контроля за телом» одни положения тела считаются приличными, а другие не должны демонстрироваться. Определяется «порог стыдливости», т.е. ситуации, когда тело может быть обнаженным и когда, наоборот, оно должно быть скрыто от взора. Устанавливаются точные правила, когда, в каких ситуациях разрешены определенные рефлексии или спонтанные движения, такие, как чихание, кашель, вздох, смех или слезы. Считается важным и то расстояние, которое должно быть между двумя людьми. Это свидетельствует об их отношениях и их интимности. Уточняются приемлемые и неприемлемые способы поведения, связанные даже с тем, как люди должны смотреть друг на друга. В некоторых случаях рекомендуется смотреть человеку прямо в лицо, когда мы говорим с ним, в других наоборот – человек должен опускать глаза. Есть бесчисленное множество средств и путей ухода за телом для того, чтобы сделать его более красивым. Имеются в виду такие естественные способы, как загар (пребывание на солнце), а также искусственные средства. Прическа, припудривание, макияж лица, бровей, использование губной помады, особый уход за руками и ногами, элегантная или неряшливая одежда полностью покрывающая тело или соблазнительно показывающая особо красивые части тела и наконец полная нагота – все это относительно строго регулируется определенными условностями и зависит от традиций, от отношения к телу, от определенных установленных норм и прежде всего от возраста, пола и различных обстоятельств. Проблема контроля тела проявляется с особой остротой при определении состояния здоровья, болезней, необходимых профилактических действий, в половом (сексуальном) поведении, а также при решении вопросов об интенсивности рождаемости, плотности населения и т.д.

Отношение к человеку в обществе, его *социальный престиж* во многом также определяются тем, в какой мере его тело позволяет наиболее полно реализовать ту культурную модель телесности, которая принята данным обществом.

В социокультурном пространстве тело человека выполняет определенные *символические функции*. Особо важную роль в этом плане играет язык жестов и взглядов. Для того, чтобы понять и истолковать определенным образом жесты и взгляды требуется знание определенного кода, который является частью данного типа культуры. Данная функция жестов и взглядов находит яркое выражение в таких видах искусства, как театр, пантомима, балет, танцы или фигурное катание.

В научных публикациях описываются и другие аспекты такой модификации тела человека в соответствии с определенными идеалами, нормами, символическими ценностями, в результате которой оно приобретает культурный статус (характер), становится элементом мира культуры [Буракова, 2001; Быховская, 1993 а, б, 1994, 1996 а, б, 1997, 2000; Жаров, 1988, 2003; Кон, 2001; Косевич, 1992; Косаяк, 2002; Никитин, 2006; Станковская, 2010; Bernard, 1980; Douglas, 1984; Featherstone, Hepworth, Sturmer, 1993; Freund, 1982; Freund, McGuire, 1991; Heinemann, 1980 а, b; Krawczyk, 1984 а, b, с, 1995 а; Mauss, 1973; O'Neill, 1985; Shilling, 1993; The body, 1993; Travaillo, 1998; Turner, 1984; Źmuda-Ziólek, 1997, 2001 и др.].

Значит, тело человека, включаясь в систему социальных отношений, в мир ценностей, смыслов, значений, символики определенной культуры, становится не только *социальным* по своему содержанию, характеру и значению, но и приобретает статус определенного *феномена культуры*. «Оно является выражением общественных ситуаций, – пишет К. Хайнеман, – которые определяют, как мы воспринимаем физическую сторону нашего тела и контролируем ее, как мы используем тело в качестве экспрессивного средства выражения, как мы обращаемся с телом и владем им, как мы пользуемся нашим телом, располагаем им и относимся к нему». Он выделяет четыре аспекта тела, рассматриваемого как «социальная структура» и «социокультурный факт»: 1) «*техника тела*» – способы осуществления разнообразных движений (бег, ходьба, прыжки, плавание и т. д.); 2) «*экспрессивные движения тела*» – положение тела, жесты, выражение лица и т. д., которые служат средством символического выражения, самовыражения и коммуникации, т. е. «языка тела»; 3) «*этнос (этика) тела*» – отношение к телу, представление о нем, связанное с чувствами стыдливости, стеснения, идеалом красоты и т. п.; 4) *контроль* инстинктов и потребностей [Heinemann, 1980 а, р. 69, 70].

Для обозначения тела человека как социального и культурного феномена в отличие от естественного, биологически заданного тела необходимы определенные *термины*. П. Фройнд такое тело называет «*цивилизованным телом*» («civilized body»). Иногда для этих целей используют термины «*социальный (социокультурный факт)*», «*социальная структура*» («soziales Gebilde») [Douglas, 1984; Heinemann, 1980 а, b; Krawczyk, 1984 а, b, с, 1995 а]. Но при таком подходе не учитываются указанные выше разнообразные воздействия социокультурной среды на тело человека.

В работах И.М. Быховской и автора предлагается следующее решение этой проблемы. Прежде всего, вводятся понятия «тело» (или «природное тело») и «телесность». Понятие «**тело**» («природное тело») характеризует природную «сому» человека как такую, «биологическое тело индивида, подчиняющееся законам существования, функционирования, развития живого организма», а «**телесность**» – «очеловеченное» тело, «приобретшее в дополнение к своим изначально данным, естественным характеристикам те свойства и качества, которые порождены спецификой человеческой, социокультурной среды, определяющей условия существования, характер осмысления, принципы использования и преобразования свойств и качеств человеческого тела». Ряд понятий вводится для учета разнообразных воздействий социокультурной среды на тело человека. «**Социальное тело**» – «результат взаимодействия естественно-данного человеческого организма (природного тела) с социальной средой: с одной стороны, это проявление ее объективных, спонтанных явлений, стимулирующих реактивные и адаптивные «ответы» тела; с другой – оно производно от целенаправленных воздействий на него, от сознательной адаптации к целям социального функционирования, инструментального использования в различных видах деятельности». «**Культурное тело**» – «продукт культуросообразного формирования и использования телесного начала человека. «Культурное тело» как бы «снимает» характеристики двух других уровней телесного бытия; оно является своего рода квинтэссенцией, завершением процесса перехода от «безличных», природно-телесных предпосылок к собственно человеческому, не только социально-функциональному, но и личностно-означенному бытию телесности». Для отличия социальной модификации естественно-данного человеческого организма (природного тела) в результате *стихийного* воздействия на него социальной среды от его модификации в результате *сознательного*, целенаправленного воздействия с ориентацией на определенные идеалы, нормы и т. д. вводятся понятия «**стихийно сформированное социальное тело**» и «**сознательно сформированное социальное тело**» [Быховская, 1993 а, 1996 б; Столяров, 1988 д, м, 2002 д].

Заметим, что понятие *телесности* как культурно сконструированной реальности в его сопоставлении с понятием «тело» все шире применяется в философии [Жаров, 1988; Уманская, 1988; Kato, 1981; Shipperges, 1985], а также в современной психологии, где с телесностью связываются «психические процессы, понимаемые в культурно-семиотическом и психотехническом залоге» [Подорога, 1995; Розин, 1994б; Тхостов, 2002; Шкуратов, 1998] и т. д.

С точки зрения логико-методологических принципов определения понятий, главное состоит в том, чтобы в содержательном плане четко различать естественное, природное тело человека и те его модификации, которые происходят под воздействием социокуль-

турных факторов. А термины, в которых фиксируются эти различия, в той или иной системе понятий могут быть разными.

### 26.3. Проблемная ситуация философского анализа «физической культуры»

Процесс формирования «культурного тела» в результате социокультурной модификации тела человека приводит к появлению особого элемента культуры, который в отечественных и некоторых зарубежных публикациях в отличие от *спорта* называют «*физической культурой*» («*физкультурой*», «*физкультурной деятельностью*» и т.п.).

Философский анализ так называемой «физической культуры» в своем исходном пункте требует использования соответствующего понятия. Однако понятие физической культуры относится к числу *наиболее неопределенных и дискуссионных* понятий.

Данное понятие было предметом обсуждения на многих конференциях и симпозиумах [см., например: Боген, 1976; Доклады... 2007; Материалы... 1974; Семинар... 1982; Теоретико-методологические вопросы... 1991; Philosophy of Physical Culture, 1997 и др.]. В 1985 г. по инициативе автора [Столяров, 1985 б, в] на страницах журнала «Теория и практика физической культуры» была организована специальная дискуссия по теории физической культуры и центральному понятию этой теории.

Введению и уточнению понятия «физическая культура» в рамках соответствующей теории посвящено множество не только статей, но также монографических исследований, коллективных трудов и диссертаций [Абзалов, 2002; Бальсевич, 1992; Беляев, Игнатьев, Лотоненко, 1991; Быховская, 1993 а, 1997, 2000; Введение... 1983; Визитей, 1986, 1989, 2009; Вучева, 1998; Выдрин, 1979, 1988; Выдрин, Зыков, Лотоненко, 1991; Гендин, Майер, Сергеев, Столяров, Фалалеев, 1985; Головных, 1989; Гончаров, 1994, 1995, 1997; Деминский, 1996, 1997; Джумаев, 1991; Дюперрон, 1925; Игнатьев, 1925; Лебедев, 1984, 1993; Лубышева, 1992 а, б, 2001; Лубышева, Лотоненко, Игнатьев, 2000; Лукьяненко, 2001, 2008; Матвеев, 1991, 1998, 2002; Молчанов, 1991; Наталов, 1976; Николаев, 1976, 1998 а, 2010; Определения... 1971; Основные определения... 1969; Основные понятия... 1991; Очерки... 1984; Петрова, 1988; Пономарев, 1976, 1982, 1986, 1998; Пономарчук, 1988, 1994 а; Пономарчук, Аяшев, 1991; Романенко, 1988; Русанова, 2006; Сайганова, 1982; Смирнов, 1995; Столяров, 1984 а, г, 1988 д, 1998 м, 1999 д, 2002 д, 2004 д; Сулейманов, 1999; Филимонова, 2004; Философско-социологические исследования... 1988; Царик, 1989; Чувилкин, 1999; Щелкина, 1988; Filozofia i socjologia... 1974; Filozofia kultury... 1990; Kosiewicz, 1986, 2000 b; Krawczyk, 1978 с, 1983 а; Kultura fizyczna... 1976, 1985, 1989; Kunicki, 1986; Philosophy of Physical Culture, 1997; Physical Culture... 1987, 2001; Wohl, 1979, 1981 а и др.].

Основной акцент в этих публикациях, в ходе дискуссий и обсуждений часто делается на *терминологической* стороне, подчеркивается необходимость «терминологического обеспечения развития физической культуры в современном обществе» [Лукьяненко, 2008; Яхонтов, 2006]. Иногда все сводится к замене термина «физическая культура» на какой-то другой термин, что, естественно, не решает проблемы, так как «главным в определениях с точки зрения их роли в познании социальных объектов является не нахождение слова для обозначения выбранного объекта, а процесс выбора объекта и выделения его признаков, которые указываются в определяющей части определения. От того, какие именно объекты исследователь выбирает и какие именно признаки в них выделяет, зависит успех исследования в целом» [Зиновьев, 2000, с. 48].

Наиболее распространен такой подход к решению обсуждаемой проблемы, когда исследователь старается из многочисленных определений понятия «физическая культура» выбрать «наиболее правильное», «точное», «адекватное», «соответствующее реальности» и т.д., оценивая все другие как «неправильные», «ошибочные» и т.д. Но это только порождает новые дискуссии. Проблемная ситуация сохраняется: несмотря на все усилия мнения ученых о физической культуре существенно расходятся.

Какой же *выход* из этой проблемной ситуации? Нельзя же просто *без всякого обоснования* использовать то или иное понятие физической культуры. Такой подход приводит к полному *произволу*, что недопустимо в научном исследовании.

На первый взгляд, проблему можно решить, задав «*по определению*» содержание понятия физической культуры. Но при таком подходе не исключается возможность того, что

разные авторы будут по-разному интерпретировать понятие «физическая культура», а потому и по-разному решать вопрос о ее месте в системе явлений культуры.

Еще один вариант разрешения обсуждаемой проблемной ситуации – использование особой логической операции под названием «*экспликация понятий*». Как отмечено выше (см. 5.1.), она изобретена в логике для преодоления трудностей, связанных с неопределенностью и многосмысленностью языковых выражений, а с термином «физическая культура» связана именно такая проблема. Снова приведем ту характеристику логической операции «экспликации понятий», которую дает А.А. Зиновьев «Суть этой операции заключается в том, что вместо языковых выражений, характеризующихся упомянутыми неопределенностью и многосмысленностью, исследователь для своих строго определенных целей вводит своего рода заместителей или дубликаты этих выражений. Он определяет эти дубликаты достаточно строго и однозначно, явным образом выражает их логическую структуру. И в рамках своего исследования он оперирует такого рода дубликатами или заместителями выражений, циркулирующих в языке, можно сказать – оперирует экспликатами привычных слов». Следует иметь в виду, подчеркивает А.А. Зиновьев, что «задача экспликации состоит не в том, чтобы перечислить, в каких различных смыслах (значениях) употребляется то или иное языковое выражение, и не в том, чтобы выбрать одно какое-то из этих употреблений как наилучшее (т.е. подобрать объект для слова), а в том, чтобы выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина». Причем, «вводимый термин является не абсолютно новым языковым изобретением, а словом, уже существующим и привычно функционирующим в языке именно в качестве многосмысленного и аморфного по смыслу выражения» [Зиновьев, 2000, с. 49-50].

Использование логической операции «экспликации понятий» при определении понятия «физическая культура» в некоторой степени действительно помогает разрешению обсуждаемой проблемной ситуации с этим понятием. Но, как и в случае с его введением «по определению», не исключается возможность того, что разные авторы будут выделять **разные** интересующие их объекты из некоторого более обширного множества объектов, закрепляя это выделение путем введения подходящего термина. Это значит, что они будут по-разному интерпретировать понятие физической культуры, а потому и по-разному решать вопрос о ее месте в системе явлений культуры.

Из вышеизложенного не следует, что проведение философско-культурологического анализа «физической культуры» (название данного социального явления ставим в кавычки, ибо дискуссионным является вопрос о том, что оно представляет собой) надо вообще отложить до тех пор, пока не будет найдено общепринятое истолкование соответствующего понятия.

Выход из сложившейся ситуации подсказывает **логико-методологическая «технология» введения дискуссионных понятий**, которая была разработана и изложена автором в ряде работ, опубликованных в 1984-1988 гг. [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м]. Она реализована в этих, а также последующих публикациях [Столяров, 1997 г, 1999 д, 2002 д, 2004 д, 2010 а и др.]. В данной книге она изложена выше (см. главу 5) и уже применялась при введении ряда понятий, например, понятия «спорт».

Применительно к понятию «физическая культура» данная логико-методологическая процедура предусматривает, что сначала должен быть проведен его *содержательный*, а не *терминологический* анализ. В первую очередь следует выявить по возможности все те социальные явления, которые указываются разными авторами при характеристике физической культуры (в разных определениях понятия «физическая культура»). При этом обнаруживается довольно широкий круг разнообразных явлений, ибо одни авторы связывают эту культуру с определенными параметрами тела человека, с его физическими качествами и способностями, другие – со средствами и результатами процесса физического воспитания, третьи понимают под физической культурой занятия физическими упражнениями, четвертые причисляют к ней и такие явления, как спорт, туризм и т.д.

С содержательной точки зрения самое важное состоит в том, чтобы в *системе соответствующих понятий* отобразить **все** эти явления, которые существенно отличаются друг от друга и в силу этого занимают различное место в культуре, чтобы четко их различить, не смешивать друг с другом.

Естественно, для этого должен быть использован и комплекс соответствующих терминов, в том числе термин «физическая культура». Но для обозначения какого социального явления он будет использован и какие другие термины будут применяться для обозначения тех или иных явлений, выделенных в ходе содержательного анализа, – это вопрос *второстепенный*. У каждого исследователя здесь есть *определенная свобода* выбора термина для сокращения того, что говорится в определяющей части определения (т.е. для краткого обозначения объекта, выделенного определением). Конечно, здесь не должно быть полного *произвола*. С учетом рекомендаций логики и методологии науки должен быть решен вопрос о *целесообразности* использования термина «физическая культура», как и всех других терминов [Столяров, 1984 г, 1986 а, 1997 г, 2005 д, 2007 д].

Такая логико-методологическая «технология» позволяет проводить философско-культурологическое исследование физической культуры, не дожидаясь выработки общепринятого определения соответствующего понятия, дает возможность сопоставлять результаты такого исследования, проводимого разными авторами (на основе различного истолкования понятия «физическая культура»), и предохраняет от бесплодных терминологических дискуссий относительно того, что называть физической культурой [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м].

### Литература к гл. 26

1. Абзалов Р.А. (2002). Теория физической культуры (курс лекций): Учеб. пособие. – Казань: Дом печати. – 216 с.
2. Бальсевич В.К. (1992). Физическая культура человека: состояние, проблемы и стратегия развития на перспективу (актовая речь). – М.: ГЦОЛИФК. – 41 с.
3. Бальсевич В.К. (2000). Онтокинезиология человека. – М.: Теория и практика физической культуры. – 275 с.
4. Батенин С.С. (1971). Социализация в антропогенезе // Социальная психология и философия. – Л.
5. Беляев И.Д., Игнатьев А.С., Лотоненко А.В. (1991). Физическая культура – составная часть культуры общечеловеческой: Учебн. пос. – Воронеж: ВГПИ.
6. Боген М.М. (1976). Всесоюзная дискуссия по проблемам развития теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. С. 71–73.
7. Боген М.М. (1997). Физическое совершенство как основное понятие теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 18–22.
8. Борилкевич В.Е. (2003). Об идентификации понятия «фитнесс» // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 45.
9. Буракова М.В. (2001). Интерпретация маскулинности/фемининности внешнего облика женщины (на примере прически): Автореф. ... дис. канд. психол. наук. – Ростов–на Дону.
10. Быховская И.М. (1993а). Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М. – 180 с.
11. Быховская И.М. (1993б). «Быть телом» – «иметь тело» – «творить тело»: три уровня бытия «Номо somatis» и проблемы физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2–5.
12. Быховская И.М. (1994). Физическая (соматическая) культура // Морфология культуры. Структура и динамика/Г.А.Аванесова, В.Г.Бабаков и др. Учеб. пособие для вузов. – М.: Наука. – С. 305–323.
13. Быховская И.М. (1996а). Теоретико-методологические основания социокультурного анализа телесности человека // Социокультурные аспекты физической культуры и здорового образа жизни. – М.: Советский спорт. – С. 8–14.
14. Быховская И.М. (1996б). Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – №2. – С. 19–27.
15. Быховская И.М. (1997). «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). – М. – 209 с.
16. Быховская И.М. (2000). «Номо Somatikos»: Аксиология человеческого тела. – М.
17. Введение в теорию физической культуры: Учеб. пособие для ин-тов физ. культ./Под ред. Л.П. Матвеева. – М.: Физкультура и спорт.
18. Визитей Н.Н. (1986). Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки. – Кишнев: Штиинца. – 164 с.
19. Визитей Н.Н. (1989). Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты). Кишнев: Штиинца. – 110 с.
20. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к корректровке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.



21. Вучева В.В. (1998). Научно-методические основы формирования гуманистически ориентированной физической культуры студенток педагогических специальностей: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
22. Выдрин В.М. (1979). Советская физическая культура как феномен культурной революции в СССР: Дис... докт. пед. наук. – Л. – 41 с.
23. Выдрин В.М. (1988). Теория физической культуры (культуроведческий аспект): Учеб. пос. – Л.: ГДОИФК им. П.Ф. Лесгафта. – 45 с.
24. Выдрин В.М., Зыков Б.К., Лотоненко А.В. (1991). Физическая культура студентов вузов: Учебн. пос. – Воронеж: ВГУ.
25. Гегель. Соч., т. 12.
26. Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И., Столяров В.И., Фалалеев А.Н. (1985). Физическая культура в жизни детей дошкольного возраста (методология и методика исследования). Ч. I, II, III. – М.: ИСИ.
27. Головных Г.Я. (1989). Физическая культура как социальное явление. – Смоленск: СГИФК.
28. Гончаров В.Д. (1994). Физическая культура человека: традиции и современность (социологический анализ). – СПб.
29. Гончаров В.Д. (1995). Физическая культура в системе социальной деятельности: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – СПб. – 37 с.
30. Гончаров В.Д. (1997). Физическая культура человека: традиции и современность (социологический анализ). – СПб.
31. Деминский А.Ц. (1996). Основы теории физической культуры. – Донецк. – 328 с.
32. Деминский А.Ц. (1997). Бытие физической культуры. – Донецк. – 232 с.
33. Джумаев А.Д. (1991). Теоретические основы физической рекреации как составной части физической культуры: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Л. – 23 с.
34. Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – 428 с.
35. Дюперрон Г. (1925). Теория физической культуры. – Л.: Время.
36. Жаров Л.В. (1988). Человеческая телесность: философский анализ. – Изд-во Ростовского университета.
37. Жаров Л.В. (2003). Представления о детском теле в истории культуры // Человек. – №2. – С. 107–119.
38. Зиновьев А.А. (2000). Методологический очерк // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф. – С. 24–103.
39. Игнатъев В.Е. (1925). Основы физической культуры. 2-е изд. – М.: Работник просвещения.
40. Кон И.С. (2001). Человеческие сексуальности на рубеже XXI в. // Вопросы философии. – №8. – С. 29–41.
41. Косевич Е. (1992). Человек и его тело в свете Ветхого и Нового завета // Философские науки. – № 2. – С. 49–61.
42. Косяк В.А. (2002). Эпистемология человеческой телесности. – Сумы: ИТД «Университетская книга». – 362 с.
43. Лебедев Ю.А. (1984). Физическая культура общества и физическое совершенство личности в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Горький. – 24 с.
44. Лебедев Ю.А. (1993). Философские основы теории и практики физической культуры: Автореф. дис... докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 38 с.
45. Лебедев Ю.А., Филишова Л.В. (1992а). Гуманизация физкультурно-спортивной деятельности. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та. – 122 с.
46. Ленк Ганс (1997). Спорт как современный миф? // Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования. – М.: Изд-во «УРСС». – С. 156–179.
47. Лисицкая Т.С. (2002). Принципы оздоровительной тренировки // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 6–14.
48. Лубышева Л.И. (1992а). Концепция формирования физической культуры человека. – М.: ГЦОЛИФК.
49. Лубышева Л.И. (1992б). Теоретико-методологические и организационные основы формирования физической культуры студентов: Автореф. дис... докт. пед. наук. – М.: ГЦОЛИФК. – 58 с.
50. Лубышева Л.И. (2001). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: Изд. центр «Академия». – 240 с.
51. Лубышева Л.И., Лотоненко А.В., Игнатъев А.С. (2000). Физическая культура и молодежь: Учеб. пособие. – М.: ТиПФК. – 182 с.
52. Лукьяненко В.П. (2001). Физическая культура: основы знаний: Учеб. пос. – Ставрополь: Изд-во СГУ.
53. Лукьяненко В.П. (2008). Терминологическое обеспечение развития физической культуры в современном обществе: монография. – М.: Советский спорт. – 168 с.

54. Люшен Г. (1979). Взаимозависимость между спортом и культурой // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. – М.: ФиС. – С. 35-51.
55. Матвеев Л.П. (1991). Теория и методика физической культуры: Учебник для ИФК. – М.: ФиС. – 543 с.
56. Матвеев Л.П. (1998). Введение в теорию физической культуры. – М.: Физкультура и спорт.
57. Матвеев Л.П. (2002). Теория и методика физической культуры. (Часть 1. Введение в общую теорию физической культуры). Учебник для высших специальных физкультурных учебных заведений. – М., РГАФК. – 176 с.
58. Материалы Всесоюзного симпозиума «Проблемы унификации основных понятий в физической культуре и спорте». – Минск. – 48 с.
59. Молчанов С.В. (1991). Триада физической культуры. – Минск. – 141 с.
60. Наталов Г.Г. (1976). Физическая культура и спорт в жизни человека. – Алма-Ата. – 26 с.
61. Никитин В.Н. (2006). Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. – М.: Когито-центр.
62. Николаев Ю.М. (1976). Физическая культура как составная часть социалистической культуры: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Л. – 23 с.
63. Николаев Ю.М. (1998а). Теоретико-методологические основы физической культуры в преддверии XXI века. – СПб. – 217 с.
64. Николаев Ю.М. (2010). Теория физической культуры: современные подходы: Учебно-методическое пособие. – СПб: Олимп-СПб. – 120 с.
65. Определения основных терминов области «физического воспитания и спорта». – Бухарест: Международное бюро документации и информации, Румынская комиссия по терминологии, 1971.
66. Основные определения терминов в области физической культуры. – Бухарест: Международное бюро документации и информации, Румынская комиссия по терминологии, 1969.
67. Основные понятия теории физкультурно-спортивной деятельности: Учебное пособие. Л.: ГДОИФК им. П.Ф. Лесгафта, 1991.
68. Очерки по теории физической культуры: Труды ученых социалистических стран. М.: ФиС, 1984. – 247 с.
69. Петрова Т.А. (1988). Физическая культура как элемент культуры социалистического общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л. – 23 с.
70. Подорога Валерий (1995). Семиозис тела // Подорога Валерий. Выражение и смысл. – М.: Ad Marginem. – С. 166-209.
71. Пономарев Н.А. (1976). Основы социологии физической культуры (Цикл лекций). – Л. – 129 с.
72. Пономарев Н.А. (1982). Философские основы физической культуры: Методич. указания по подготовке к семин. занятиям. – Л. – 72 с.
73. Пономарев Н.А. (1986). Актуальные проблемы теории физической культуры как учебной дисциплины. – Л.: ГДОИФК.
74. Пономарев Н.А. (1998). Социология физической культуры. – СПб.
75. Пономарчук В.А. (1988). Физическая культура, спорт, личность. – М.: Знание РСФСР. – 37 с.
76. Пономарчук В.А. (1994а). Физическая культура и становление личности (социально-философский подход): Дис. в форме научного доклада... докт. филос. наук. – М. – 45 с.
77. Пономарчук В.А., Аяшев О.А. (1991). Физическая культура и становление личности. – М.: ФиС.
78. Пономарчук В.А., Подольский В.Г. (1984). Физическое совершенство и индивидуальная физическая культура // Физическая культура и современные проблемы физического совершенствования человека: Материалы Всес. науч. конф. Ереван, май 1984. – М. – С. 23–35.
79. Розин В.М. (1994б). Психология и культурное развитие человека: Учеб. пособие. – М.
80. Розин В.М. (2000). Здоровье как философская и социально-психологическая проблема // Мир психологии. – № 1 (21). – С. 12-31.
81. Романенко Н.В. (1988). Физическая культура воина социалистической армии как объект философско-социологического анализа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М.
82. Русанова С.Н. (2006). Физическая культура в структуре представлений о здоровом образе жизни: Автореф. ... канд. социол. наук. – Саратов. – 17 с.
83. Сайганова С.С. (1982). Физическая культура как социологическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск.
84. Сайко Э.В. (2000). Здоровье как явление социального бытия и основание действенной силы человека в его эволюции // Мир психологии. – № 1 (21). – С. 3-11.
85. Сахно А.В. (1984). Социология медицины и общественное здоровье. – М.
86. Семинар по вопросам понятий и терминологии физической культуры с международным участием, Прага, 13 – 17 ноября 1972 г. – Прага, 1972. – 244 с.

87. Смирнов Н.Г. (1995). Физическая культура как фактор социального развития личности в современном Российском обществе: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. – СПб. – 23 с.
88. Станковская Е.Б. (2010). Культурогенез отношения женщины к своему телу // Мир психологии. – 2010. № 4 (64). – Москва–Воронеж. – С. 142–152.
89. Степин В.С. (1992). Философская антропология и философия науки. – М: Высшая школа. – 190 с.
90. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско–социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
91. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
92. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
93. Столяров В.И. (1985в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 45–49.
94. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально–педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.
95. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
96. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр. – М. – С. 126–142.
97. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – № 4. – С. 78–92.
98. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84–209.
99. Столяров В.И. (1998м). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть I. Объекты исследования социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 124 с.
100. Столяров В.И. (1999д). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть II. Предмет, значение и история развития социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 203 с.
101. Столяров В.И. (2002д). Социология физической культуры и спорта (введение в проблематику и новая концепция): Науч.-методич. пособие. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – 346 с.
102. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
103. Столяров В.И. (2010а). Введение в философию физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. Ч. IV. – М.: Физическая культура. – 76 с.
104. Сулейманов И.И. (1999). Система основных понятий теории физической культуры: Учеб. пос. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук». – 16 с.
105. Телесность человека: междисциплинарные исследования. – М.: ФО СССР. НПО «Психотехника». – М.
106. Теоретико-методологические вопросы понятийного аппарата в сфере физического воспитания и спорта: Тез. Всесоюз. симпоз. – МОГИФК. – Малаховка, 1991.
107. Тхостов А.Ш. (2002). Психология телесности. – М.: Смысл. – 278 с.
108. Уманская Т.А. (1988). Телесность как философская проблема: к постановке вопроса в западной патристике // Философия человека: диалог с традицией и перспективы. – М. – С. 7–22.
109. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
110. Филиппова Л.В., Лебедев Ю.А. и др. (2000). Здоровье как основание детства. – Н. Новгород: ННГАСУ. – 79 с.
111. Философско-психологические проблемы развития образования. – М.: Педагогика.
112. Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Выпуск первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М.: Сов. спорт, 1988. – 228 с.
113. Царик А.В. (1989). О культуре физической и духовной. – М.: Знание. – 96 с.
114. Чистякова Л.М. (2006). Понятие «фитнесс» в адаптивной физической культуре // Первый международный конгресс «Термины и понятия в сфере физической культуры». 20–22 декабря 2006 г., Санкт–Петербург: Материалы конгресса. – СПб. – С. 252–253.
115. Чувилкин Д.Ю. (1999). Ценности физической культуры молодежи как объект социологического исследования: Дис. ... канд. социол. наук. – Саратов.

116. Шкуратов Владимир (1998). Историческая психология. – М.
117. Щелкина Л.В. (1988). Человек в сфере физической культуры (философско-культурологические и сравнительно-исторические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л. – 23 с.
118. Яхонтов Е.Р. (2006). Методологические ориентиры формирования терминологических систем в спорте // Первый международный конгресс «Термины и понятия в сфере физической культуры». 20–22 декабря 2006 г., Санкт-Петербург: Материалы конгресса. – СПб. – С. 270–271.
119. Bernard Michel (1980). *Der menschliche Körper und seine gesellschaftliche Bedeutung. Phänomen, Phantasia. Mythos.* – Limper.
120. Douglas M. (1984). *Ritual, Tabu und Körpersymbolik – Sozialanthropologische Studien // Industriegesellschaft und Stammeskultur.* – Frankfurt.
121. Featherstone Mike, Hepworth Mike, Sturmer Bryan /eds./ (1993). *The Body: Social Process and Cultural Theory.* – London etc.: Sage Publications.
122. *Filozofia i socjologia kultury fizycznej. Wybór tekstów /Pod. red. Z.Krawczyk.* – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 552 p.
123. *Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Wybór tekstów i opracowanie naukowe* Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa, 1990. Том I. – 310 p.; Том II. – 307 p.
124. Freund P. (1982). *The Civilized Body: Social Domination, Control and Health.* – Philadelphia, Pa: Temple University Press.
125. Freund P., McGuire M. (1991). *Health, Illness and the Social Body.* – Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall.
126. Gabbard Carl (1988). *Early Childhood Physical Education. The Essential Elements // JOPERD*, September 1988. – P. 65-69.
127. Gober Billy E., Franks Don B. (1988). *Physical and Fitness Education of Young Children // JOPERD*, September 1988. – P. 57-61.
128. Heinemann K. (1980a). *Einführung in die Soziologie des Sports.* – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
129. Heinemann K. (1980b). *Sport and the Sociology of the Body // Int. Review of Sport Sociology.* – v. 3-4 (15). – P. 41-57.
130. Kato S. (1981). *Skisse einer Theorie der Leiblichkeit // Perspektiven der Philosophie.* Bd. 7. – Hildesheim, Amsterdam. – S. 223-243.
131. Kosiewicz J. (1986). *Kultura fizyczna, osobowosc, wycowanie. Zagadnienia metodologiczne.* – Warszawa.
132. Kosiewicz Jerzy (2000b). *Kultura fizyczna i sport w perspektywie filozofii: Warszawa.* – 234 p.
133. Krawczyk Z. (1978c). *Studia z filozofii i sociologii kultury fizycznej.* – Warszawa. – 180 p.
134. Krawczyk Z. (1983a). *O kulturze fizycznej. Studia i szkice.* – Warszawa. – 153 p.
135. Krawczyk Z. (1984a). *The Human Body as a Value // Contribution of sociology to the study of sport.* – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 101-117.
136. Krawczyk Z. (1984b). *The Human Body in the Socio-Cultural Perspective: Paper presented at the 1984 Olympic Scientific Congress, July 19-26, University of Oregon, Eugene, Oregon.* – 26 p.
137. Krawczyk Z. (1984c). *The ontology of the body: a study in philosophical and cultural antropology // Dialectics and Humanism.* – v. XI, N. 1. – P. 59-75.
138. Krawczyk Z. (1995a). *Ciało jako fakt społeczno-kulturowy // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka.* – Warszawa. – P. 93-111.
139. *Kultura fizyczna i społeczeństwo. Studia teoretyczno-metodologiczne.* – Warszawa, 1976. – 347 p.
140. *Kultura fizyczna i sport w ujęciu sociologicznym: Wybór tekstów.* – Krakow, 1985.
141. *Kultura fizyczna w kategoriach wartosci/Praca zbiorowa pod red. Z. Krawczyka.* – Warszawa, 1989. – 131 p.
142. Kunicki Bogdan J. (1986). *Kultura fizyczna – ewolucja ideologii.* – Gorzow. – 60 p.
143. Mauss M. (1973). *Pojecie sposobow poslugiwania sie ciałem // Sociologia i antropologia.* – Warsaw: Polish Scientific Publishers.
144. O'Neill J. (1985). *Five Bodies: The Human Shape of Modern Society.* – Ithaca, NY: Cornell University Press.
145. *Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the Int. Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996.* – Olomouc, 1997. – 151 p.
146. *Physical Culture and Sports in the Way of Life of the Young Generation: ICSS Symposium Prague August 27-30, 1985.* – Praha, 1987.
147. *Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.).* – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX, 2001. – 237 p.
148. Schulz N., Allmer H. (1988). *Fitness-Studios: Anspruch und Wirklichkeit // Brennpunkte der Sportwissenschaft.* – N. 2. – S. 126–229.
149. Shilling Chris (1993). *The Body and Social Theory.* – London: Sage Publications. – 232 p.

150. Shipperges H. (1985). Das Konzept der Leiblichkeit bei Friedrich Nietssche // Perspektiven der Philosophie. – Paderborn. – S. 133-147.
151. The body. Social Process and Cultural Theory / Ed. by Mike Featherstone, Mike Hepworth and Bryan S. Turner. – London: Sage Publications, 1993.
152. Travaillot I. (1998). Sociologie des pratiques d'entretien du corps // Presses universitaires de France. – Paris. – 235 p.
153. Turner B.S. (1984). The Body and Society. – Oxford: Basil Blackwell.
154. Volkwein Karin A.E. (1994c). Fitness development in postmodern societies – a crosscultural comparison between the USA and Germany: The paper presented at the ISA – XIII World Congress of Sociology, Bielefeld, Germany, July 1994. – 10 p.
155. Wohl A. (1979). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. I. – Warszawa.
156. Wohl A. (1981a). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. II. – Warszawa.
157. Wohl A. (1981b). Soziologie des Sports. Allgemeine theoretische Grundlagen. – Köln: Pahl-Rugenstein. – 207 S.
158. Żmuda-Ziółek L. (1997). The somatic ideal according to young people // Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996 / Svatopluk Horak (Ed.). – Olomouc. – P. 129-132.
159. Żmuda-Ziółek Ligia (2001). The body as the source and expression of aesthetic reflection // Physical Culture as a Component of Culture/Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc: Publishing House HANEX. – P.169-174.

## Глава 27. Физкультурная двигательная деятельность как объект философского анализа

Анализ различных концепций физической культуры и определений понятия «физическая культура» показывает, что традиционно чаще всего данное понятие используется для характеристики *определенной формы двигательной активности человека*. Для ее обозначения помимо термина «*физическая культура*» используют также термины «*физкультурная деятельность*», «*физкультурная двигательная деятельность*», «*занятия физкультурой*».

Л.П. Матвеев, например, характеризует физическую культуру как «специфический социальный фактор целесообразного воздействия на процесс физического развития человека, позволяющий обеспечить направленное развитие его жизненно важных физических качеств и способностей» и указывает, что «основу ее специфического содержания составляет рациональное использование человеком двигательной деятельности в качестве фактора физической подготовки к жизненной практике, оптимизации своего физического состояния и развития» [Введение... 1983, с. 8, 12, 16; Матвеев, 1984, с. 65, 70]. Вот еще примеры такого понимания физической культуры. «Цель физической культуры – всестороннее и всестороннее развитие физических и духовных способностей человека в аспекте формирования физической культуры личности – самореализации человека в развитии своих духовных, и физических способностей посредством физкультурной деятельности, освоения им других ценностей физической культуры. При этом основное средство физической культуры – физкультурная деятельность, в которой физические упражнения составляют ее главный элемент» [Лубышева, 2007, с. 229]; «Физическая культура есть рационально организованная двигательная деятельность, направленная на оптимизацию физического и духовного в человеке» [Решетнева, 2007, с. 333].

Учитывая такую наиболее часто встречающуюся интерпретацию понятия «физическая культура», сопрягающую его содержание с физкультурной двигательной деятельностью, прежде всего выделим для анализа именно это социальное явление и используемое для его характеристики соответствующее понятие.

### 27.1. Физкультурная деятельность как особая форма двигательной активности человека

Как отмечено, понятие «физкультурная деятельность» характеризует определенную форму *двигательной активности* человека. Но для конкретизации данного понятия важно уточнить *специфику, особенности* этой формы двигательной активности.

Попытки решения этой проблемы наталкиваются на существенные трудности. Для иллюстрации этих трудностей обратимся к работам известных ученых – Л.П. Матвеева и А. Воля [Введение... 1983; Матвеев, 1984, 1991, 2002, 2003; Wohl, 1973 b, 1979], в которых предпринята одна из редких попыток выяснить особенности «*физкультурной двигательной деятельности*». Важно заметить, что для обозначения этой разновидности двигательной деятельности они используют и термин «*физическая культура*», т.е. не различают два указанных понятия.

В работах Л.П. Матвеева и А. Воля дается неоднозначная характеристика физкультурной двигательной деятельности.

С одной стороны, она рассматривается как такая двигательная деятельность, которая используется для целенаправленного воздействия на *физическое развитие* человека. Так, по мнению А. Воля, к «физической культуре» следует относить те многообразные средства и в первую очередь двигательные действия, которые формируются в ходе эволюции человеческой культуры с целью воздействия «на физическое развитие людей, развитие их двигательного аппарата» и приспособление «этого аппарата к всесторонним потребностям человеческой личности в данных условиях развития общественной жизни» [Wohl, 1979, p. 167]. Л.П. Матвеев также характеризует физическую культуру («физкультурную двигательную деятельность») как «специфический социальный фактор целесообразного воздействия на процесс физического развития человека, позволяющий обеспечить направленное развитие его жизненно важных физических качеств и способностей» и указывает, что «основу ее специфического содержания составляет рациональное использование человеком двигательной деятельности в качестве фактора физической подготовки к жизненной практике, оптимизации своего физического состояния и развития» [Введение... 1983, с. 8, 12, 16; Матвеев, 1984, с. 65, 70]. В более поздней работе он указывает на то, что «к

физической культуре относится не всякая физическая активность индивида, а только те ее формы и режимы, которые преобразованы или специально сконструированы так, чтобы обеспечивать направленное формирование рационально усовершенствованных двигательных умений и навыков, нужных в жизненной практике, осуществлять развивающие воздействия на деятельностные физические качества и сопряженные с ними способности индивида, противодействовать влиянию неблагоприятных факторов, грозящих нарушениями здоровья, удовлетворять те или иные потребности, вытекающие из необходимости благотворно воздействовать на физическое состояние и развитие человека» [Матвеев, 2002, с. 13].

Вместе с тем оба этих автора развивают и совершенно иной подход к физической культуре (недостаточно четко отличая его при этом от первого), при котором учитывается *более широкая* социальная значимость двигательной активности. Развивая этот подход, А. Воль отмечает, например, что различные формы двигательной деятельности могут быть использованы за пределами не только физического воспитания – целенаправленного воздействия на *физическое состояние* человека, – но и *воспитательного процесса* вообще. Кроме того, по его мнению, надо учитывать «*вневоспитательное* значение» различных форм двигательной деятельности, их более широкое культурное значение, в том числе их роль, связанную с *развлечением, отдыхом* и т.д. Именно с этим связана, указывает он, необходимость введения понятия «*физическая культура*» наряду с понятием «*физическое воспитание*». А. Воль пишет: «Одни и те же формы двигательных упражнений в одних случаях, когда они выступают как составные элементы воспитательной системы, могут быть охвачены понятием “физическое воспитание”, а в других, когда целью их является зрелищность или они выполняют функции, связанные с отдыхом или развлекательными мероприятиями, втискивать их в это понятие было бы необоснованным. В таких случаях мы можем говорить о тех или иных проявлениях физической культуры, но ни в коем случае не о физическом воспитании. Таким образом, понятием, охватывающим все явление в целом в его самом полном и широком смысле, может быть только понятие “физическая культура”, в то время как понятие “физическое воспитание” является более узким понятием». «Физическая культура является культурой, не только формирующей наш организм, но и участвующей в создании духовных ценностей» [Wohl, 1979, p. 167, 171–172].

Л.П. Матвеев также характеризует «физкультурную двигательную деятельность» как «культуру оптимизации физического состояния и развития человека – оптимизации, осуществляемой на основе адекватно отлаженной в данном отношении двигательной деятельности, а вместе с тем как культуру содействия на этой основе *психическому развитию личности* (выделено нами – В.С.) в соответствии с запросами общества» [Матвеев, 2003, с. 7]. Аналогичным образом он характеризует и физическую культуру: «Физическая культура представляет собою один из основных видов собственно человеческой культуры, специфика которого заключается главным образом в том, что этот вид культуры профилирован в направлении, приводящем к оптимизации физического состояния и развития индивида *в единстве с его психическим развитием* (выделено нами – В.С.) на основе рационализации эффективного использования его собственной двигательной активности в сочетании с другими культурными ценностями» [Матвеев, 2002, с. 12]. В других работах Л.П. Матвеев дает еще более широкую характеристику физкультурной двигательной деятельности (физической культуры). Как и А. Воль, он указывает на то, что «физическая культура существует не только в форме физического воспитания». Она входит в целостную систему воспитания не только «в качестве основного фактора формирования разнообразных двигательных умений и навыков, необходимых как для реализации, так и для увеличения деятельностных возможностей человека, разностороннего воспитания физических способностей», но также «в качестве одного из действенных средств интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания». Более того, он считает, что ее следует понимать «как совокупность эффективных средств и методов реализации образовательных, воспитательных, оздоровительных и других задач, существенных для общества и личности» [Введение... 1983, с. 8, 10, 18; Матвеев, 2002, с. 15].

Все это свидетельствует о том, что и А. Воль, и Л.П. Матвеев *недостаточно четко различают два различных понимания физической культуры*. В одном случае к ней относят многообразные средства и в первую очередь двигательную активность «в сочетании с другими культурными ценностями», которые формируются в ходе эволюции человеческой культуры с целью воздействия на физическое состояние человека в целях его опти-

мизации, в другом – только двигательную деятельность, но применяемую для решения более широкого круга социально значимых задач.

Казалось бы на это можно возразить, что *реально* двигательная деятельность используется для решения многих социально значимых задач, в том числе и для воздействия на физическое развитие человека. Но это возражение несостоятельно. Речь идет не просто о реальных явлениях, а об определенных *понятиях*, введение которых осуществляется на основе определенных *абстракций*. А последние в двух указанных случаях различны.

Но и в рамках каждого из двух указанных подходов Л.П. Матвеев неоднозначно характеризуют физкультурную двигательную деятельность (физическую культуру). Рассматривая физкультурную двигательную деятельность (физическую культуру) как деятельность, используемую для целенаправленного воздействия на физическое развитие человека, он дает ей разные, несовпадающие друг с другом характеристики. Сначала Л.П. Матвеев выдвигает положение о том, что основу специфического содержания физической культуры составляет не любое, а лишь *«рациональное использование человеком двигательной деятельности в качестве фактора физической подготовки к жизненной практике, оптимизации своего физического состояния и развития»*. При этом не указывается четкий критерий *«рационального»* использования человеком двигательной деятельности. Затем формулируется положение, согласно которому физическая культура представлена не любыми, а лишь *«рациональными формами двигательной деятельности»* (что это такое, также не разъясняется) и, далее, что *«в физическую культуру входят не всякие, а лишь такие формы рациональной двигательной деятельности, которые позволяют в принципе наилучшим образом сформировать нужные в жизни двигательные умения и навыки, обеспечить направленное развитие жизненно важных физических способностей, оптимизировать состояние здоровья и работоспособности»* [Введение... 1983, с. 9, 12, 16; подч. нами – В.С.]. Поскольку никаких дополнительных разъяснений Л.П. Матвеев не дает, остается непонятным, что же является *специфическим* признаком физической культуры: *«рациональное использование»* самых различных форм двигательной деятельности для целенаправленного воздействия на физическое развитие человека, *«целесообразно выработанные формы»* такого рода деятельности, какие-то особые *«рациональные формы двигательной деятельности»* или же, наконец, какие-то *специфические «формы рациональной двигательной деятельности»*. Неясно также, скрываются ли за этими различными формулировками какие-то содержательные различия или только терминологические.

Значительные трудности обнаруживаются у А. Воля и Л.П. Матвеева и в ходе реализации того подхода к пониманию физкультурной двигательной деятельности (физической культуры), при котором в нее включается двигательная деятельность, используемая не только для физического совершенствования человека, но для решения более широкого круга социально значимых задач. Так, А. Воля, включает в физическую культуру лишь *«культурные»*, или, как еще он их называет, *«неутилитарные»* формы двигательной деятельности. К числу таковых он относит, например, различные виды физических упражнений, подвижные игры, спорт и некоторые другие. Эти формы двигательной деятельности он противопоставляет *«утилитарным»* ее формам, к которым он причисляет прежде всего физический труд [Wohl, 1973 b, p. 23-24; 1979, p. 115-123]. Физический труд, безусловно, нужно отличать от других форм двигательной активности, которые указывает А. Воля, – от физических упражнений, спорта и т.д. Вряд ли правомерно, однако, исключать из сферы культуры физический труд и другие *«утилитарные»* формы двигательной активности человека.

Более правильным в этом плане представляется подход к уточнению специфики *«физкультурной двигательной деятельности»* (*«физической культуры»*), предлагаемый Л.П. Матвеевым. Он указывает на то, что эта форма двигательной деятельности воздействует *«не на предметы внешней природы, а на жизненно важные качества, возможности и способности человека»* и подчеркивает, что речь идет о таких видах (формах, способах) деятельности, которые *«специально направлены на совершенствование человеком самого себя, на “преобразование” своей собственной природы»* [Введение... 1983, с. 7]. В другой работе, развивая эту мысль, Л.П. Матвеев, различает две разновидности двигательной деятельности (равно как и культуры вообще). Одна из них (имеется в виду, например, физический труд) *«непосредственно воздействует на внешнюю (по отношению к человеку) природу, строясь по объективным закономерностям получения результатов такого воздействия»*, а другая *«развертывается по закономерностям оптимизирующего воздействия на*



природу самого человека, обеспечивая оптимизацию состояния и развития его собственных качеств, свойств, способностей» [Матвеев, 2003, с. 7].

Эти формулировки более точно характеризуют специфику физкультурной двигательной деятельности, хотя тоже требуют определенного уточнения. С одной стороны, подвижные игры, активно-двигательные виды спорта и некоторые другие формы физкультурной двигательной деятельности специально сформированы и используются в настоящее время не только для совершенствования и преобразования человека, «оптимизации и развития человека», но и для решения гораздо более широкого круга задач, в частности, для отдыха и развлечения. С другой стороны, существуют такие формы двигательной активности, например, те, которые выполняют функцию передачи информации, и тем самым также содействуют развитию человека.

Мы подробно остановились на трактовке физкультурной двигательной деятельности в работах Л.П. Матвеева и А. Воля не столько для того, чтобы показать допускаемые в этих работах теоретико-методологические ошибки, сколько для того, чтобы дать читателю представление о *сложных проблемах*, возникающих при попытке выделить специфику обсуждаемой формы двигательной деятельности, и *трудностях* на пути решения данной задачи.

Именно этими трудностями объясняется, по-видимому, тот факт, что другие исследователи, как правило, даже не пытаются определить *особенности* тех форм двигательной деятельности, для характеристики которых вводится понятие «физическая культура» («физкультура», «физкультурная деятельность») или ограничиваются крайне общими характеристиками. При таком подходе теория физической культуры (физкультурной деятельности) отождествляется с теорией двигательной деятельности вообще [см., например: Андреев, 1978, Бальсевич, 2000]. Так, Р. Абзалов и Ф. Ситдилов в статье «Физкультурология – наука о природе двигательной деятельности», указывают, что «в целом физическая культура представляет собой конкретный, то есть двигательный вид деятельности общества, а именно сферу двигательной деятельности человека» [Абзалов, Ситдилов, 2002, с. 16]. На основе такого понимания физической культуры теорию физической культуры и «физкультурологию» авторы фактически отождествляют с теорией двигательной деятельности вообще. На это указывает название статьи и некоторые формулировки в самом ее тексте, например: «Нами рекомендуется следующее определение науки о физической культуре: “Физкультурология есть наука о природе двигательной деятельности человека”»; «Как наука физкультурология изучает объективные закономерности двигательной деятельности, систематизирует объективные знания о действительности (природе) двигательной деятельности... Объектом науки “физкультурология”, по нашему мнению, является *природа двигательных способностей человека*, а предметом – закономерности развития двигательных способностей человека в процессе его двигательной деятельности» [Абзалов, Ситдилов, 2002, с. 15, 16]. В данной статье дается и несколько иная характеристика предмета этой науки. Авторы различают «внешние» и «внутренние» формы двигательной деятельности человека: «*внешние формы* двигательной деятельности человека обеспечиваются действиями опорно-двигательного аппарата в процессе перемещения тела и частей тела в пространстве – это так называемая видимая часть двигательной деятельности человека», а «*внутренние*» движения – это «движения сердца и сосудов, дыхательного аппарата, моторика желудочно-кишечного тракта, движение клеток мозга». На основе этого предмет указанных наук уточняется следующим образом: «Физкультурология как наука, а также теория и дидактика физической культуры как учебная дисциплина изучают закономерности проявления внешних форм двигательной деятельности, которые в основном используются для физического совершенствования людей» [Абзалов, Ситдилов, 2002, с. 14].

Такой подход в теоретико-методологическом и содержательном плане вряд ли целесообразен, поскольку не учитывает всего *многообразия* форм двигательной (физической) активности человека (в том числе «внешних форм двигательной деятельности») и *специфики* тех форм двигательной активности, которые изучает теория физической культуры и «спортивная наука» в целом. Во-первых, к «внешним» формам двигательной деятельности относятся и такие ее формы, как физический труд, двигательная деятельность в искусстве, в познавательной деятельности и т.д.; во-вторых, физкультурная двигательная деятельность используется не только «для физического совершенствования людей».

В публикациях автора данной книги [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д, 2009 а, г, 2010 ж; Stolyarov, 1985 с, 1990 b и др.] предложен

определенный вариант решения обсуждаемой сложной и дискуссионной проблемы. Кратко он излагается ниже.

Двигательная активность человека, как уже отмечено выше, выполняет разнообразные функции и выступает в различных формах. Это разнообразие видов и форм двигательной деятельности человека связано прежде всего с тем, что она может быть включена в структуру различных видов человеческой деятельности, будучи приспособлена к решению тех задач, которые с ними связаны. Особые задачи требуют и специфической двигательной деятельности. Так, в связи с потребностями *трудовой* деятельности возникает особая разновидность двигательной деятельности – *физический труд*, который направлен прежде всего и главным образом на изменение и преобразование предметов внешней среды с целью создания материальных благ. Определенные формы двигательной деятельности вплетены в деятельность актера, художника, скульптора и т.д., направленную на отображение действительности в *художественных образах*, а также в информационную деятельность, связанную с передачей *информации* от одного человека к другому. Некоторые из них приспособлены к потребностям и рассчитаны на решение специфических задач в *познавательной, игровой и спортивной* деятельности. Двигательная деятельность используется человеком также в процессе удовлетворения элементарных *биологических потребностей* и *бытового самообслуживания* (двигательная деятельность в процессе еды и т.п.).

Каждая «специализированная» форма двигательной деятельности человека имеет особую структуру действий (в нее входят не только общие, но и специфические двигательные действия, связанные между собой определенным образом), которая в первую очередь определяется тем, в какую деятельность она входит и для каких целей предназначена. Конечно, та или иная специализированная форма двигательной деятельности может использоваться и вне рамок той деятельности, внутри которой она возникает, для решения иных, не связанных с ней задач. Например, физический труд может использоваться и как средство физического воспитания, отдыха и т.д. Но такое использование форм двигательной деятельности, специально приспособленных для решения определенных задач, в «не свойственной» им функции для решения иных задач дает, разумеется, меньший эффект.

На определенном этапе развития человеческого общества возникают и получают все более широкое распространение такие формы двигательной деятельности человека, которые используются в первую очередь и главным образом *для воздействия на человека, который непосредственно осуществляет эту деятельность*.

Такое воздействие может преследовать разные цели и задачи:

- сформировать, изменить, сохранить или восстановить у человека определенные физические, психические, нравственные, эстетические и другие качества и способности;
- сохранить или укрепить его здоровье;
- удовлетворить его познавательные интересы;
- вызвать у него приятные эмоции, чувства и переживания (и тем самым способствовать его отдыху и развлечению);
- побудить человека к общению и создать ему условия для этого и т.д.

Для обозначения этих особых форм двигательной деятельности, которые связаны с задачей сохранения и оптимизации физического состояния человека, а также с другими направлениями физиологического, педагогического, психологического, эстетического или нравственного воздействия на человека, включенного в эту деятельность, целесообразно использовать термин *«физические упражнения»*, который в этом значении давно употребляется в литературе.

Данные формы и виды двигательной деятельности по своему функциональному назначению существенно отличаются от тех, которые используются в первую очередь и главным образом для решения других задач:

- изменения и преобразования предметов внешней среды с целью создания материальных благ (*«физический труд»* – двигательная активность в процессе труда);
- создания художественных образов (*танец, балет, пантомима* – двигательная активность как элемент художественной деятельности);
- передачи информации (*речь, жестикуляция*);
- получения знаний (как элемент *познавательной* деятельности);
- бытового обслуживания (двигательная деятельность в процессе *еды, бритья, использования косметических средств* и т.п.) и др.

Разумеется, существуют и определенные «*промежуточные*» (между двумя указанными группами) формы двигательной активности, к числу которых относятся, например, туризм и танцы.

Нередко понятие «*физкультурной деятельности*» («*занятия физкультурой*») отождествляется с понятием «*занятия физическими упражнениями*». Они действительно близки по своему содержанию. Но, наверное, целесообразно, чтобы они не дублировали друг друга (если это имеет место, одно из них просто лишнее).

Исходя из этих соображений предлагается следующий вариант их различения.

**Физкультурная двигательная деятельность (занятия физкультурой)** – это *оздоровительно-рекреационная* двигательная деятельность, т.е. деятельность, связанная с выполнением различных физических упражнений *за исключением* тех из них, которые используются для подготовки человека к спортивным соревнованиям (эта разновидность занятий физическими упражнениями охватывается понятием «*спортивная тренировка*», а значит, относится к содержанию понятия «*спорт*»).

Физкультурная двигательная деятельность выступает в *различных формах*. В зависимости от того, *где* проводятся занятия физкультурой (на производстве, в быту, в рамках учебного процесса и т.д.), какие *функции* она выполняет, какие задачи решает имеет место **производственная, бытовая, учебная, лечебная физкультура, физкультурная рекреация, физкультурная реабилитация** и т.д. В игровой деятельности эта двигательная активность выступает как «*подвижные игры*».

Система понятий, необходимых для отображения всей системы форм и видов физкультурной двигательной деятельности, в случае необходимости более детального анализа этой деятельности, разумеется, может (и должна) быть дополнена рядом других понятий. Но не только этот аспект проблемы интерпретации физкультурной двигательной деятельности, но и вся эта проблема в целом (особенно вопрос о специфике данной двигательной активности), в силу ее сложности, безусловно, требует дальнейшего обсуждения.

## 27.2. Социокультурное значение физкультурной двигательной деятельности

В теории физического воспитания, физиологии и других естественнонаучных дисциплинах, изучающих физкультурную двигательную деятельность, основное внимание уделяется анализу воздействия этой деятельности на функционирование организма человека, на его физическое состояние. *Философский анализ* физкультурной двигательной деятельности акцентирует внимание на других проблемах. Он предполагает не только логико-методологический анализ *понятия* этой деятельности, но также комплекс проблем, затрагивающих ее *предельные основания*.

Ряд публикаций посвящен, например, изучению тех познавательных, проектно-смысловых, эмоционально-оценочных механизмов данной двигательной деятельности, как и человеческой деятельности в целом, которые определяют ее «чисто человеческую» природу, придают ей личностный характер и т.д. [Визитей, 2009; Гагин, Дмитриев, 2000; Дмитриев, 1997, 1998, 1999 а, б, 2005, 2011; Дмитриев, Донской, 1993; Дмитриев, Скитневский, 1997; Донской, Дмитриев, 1997].

Важный аспект философского анализа физкультурной двигательной деятельности – постановка и решение комплекса проблем, связанных с местом и ролью этой деятельности в процессе социализации и воспитания:

- каков *социализирующий и воспитательный потенциал* физкультурной двигательной деятельности, каковы ее возможности для решения задач социализации и воспитания личности: в какой мере она может содействовать *социализации* личности, ее приобщению к социальным ролям, функциям, нормам, культурным ценностям, формированию всех тех качеств, которые необходимы личности для включения в систему общественной жизни, для активной, творческой социальной деятельности в обществе; может ли и в какой мере эта деятельность использоваться для решения комплекса задач *воспитания* личности и для каких именно задач;

- какие *социокультурные функции* на основе этого потенциала способна выполнять физкультурная двигательная деятельность;

- от каких *факторов* зависит характер и степень ее воздействия на указанные параметры личности и социальных групп;

• *какое реальное влияние оказывает физкультурная двигательная деятельность на социальные параметры личности и социальных групп, включенных в эту деятельность: на их поведение, стиль и образ жизни, социальную карьеру, социальный облик, нравственные, эстетические и т.п. качества, культуру, мировоззрение, ценностные ориентации, идеалы, социальные роли и социальный статус и т.д.*

Учитывая связь социализации личности и воспитания с физкультурной деятельностью, можно ввести понятия *«физкультурная социализация»* и *«физкультурное воспитание»*.

Для правильного понимания содержания, роли и значения физкультурной социализации и физкультурного воспитания важно учитывать два характеризующих их направления (два аспекта, две целевых установки).

Первое направление – *приобщение индивида к физкультурной деятельности*, к ее эталонам, ценностям и нормам: содействие в формировании позитивного отношения к данной деятельности, тех знаний, умений, интересов, потребностей, норм поведения, которые необходимы для включения в занятия физкультурой, и реальном включении в эти занятия. Данное направление социализации и воспитания, которое является актуальным в связи с необходимостью приобщения все более широких групп населения к активным, регулярным занятиям физкультурой, обозначим термином *«социализация (воспитание) к физкультуре»*.

Вместе с тем важно учитывать, что в физкультурной деятельности как оздоровительно-рекреационной двигательной деятельности заключены огромные возможности для решения широкого круга задач социализации и воспитания, затрагивающих все направления личностного развития (телесно-физическое, когнитивное, эмоциональное, психосоциальное, нравственное и др.), а также социальные отношения. Эта двигательная деятельность (в ее различных формах и разновидностях), как отмечено выше, возникает для решения комплекса социально-педагогических задач по формированию, изменению, сохранению и восстановлению у человека определенных параметров физического состояния, психических качеств и способностей, удовлетворению его познавательных интересов, организации отдыха, развлечения, общения и т.п. Такое предназначение физкультурной двигательной деятельности определяет многообразие связанных с ней ценностей, ее огромный социально-педагогический потенциал, способность выполнять разнообразные социокультурные функции [Абзалов, 2002; Александров, 1990; Арвисто, 1982; Бальсевич, 1981, 1988, 1992; Барышева, 1997; Барышева, Виноградов, Жолдак, 1997; Бережков, 1993; Виленский, 1996; Виноградов, Душанин, Жолдак, 1996; Виноградов, Жолдак, Моченов, Паршикова, 2003; Виноградов, Жолдак, Чеботкевич, 1995; Выдрин, 1988; Головных, 1989; Гончаров, 1995, 1997; Деминский, 1996, 1997; Жолдак, 1979, 1982, 1991, 1992; Жолдак, Гончаров, 2002; Жолдак, Коротаяева, 1994; Локалова, 1989; Лубышева, 1997б, 1998а, 2000, 2001; Лукьяненко, 2001; Матвеев А.П., Непопалов, 1994; Матвеев Л.П., 1991, 1998, 2002; Мергаутова, 1978; Мергаутова, Йоахимсталер, 1974; Очерки... 1984; Пономарев Н.А., 1976, 1998; Пономарев Н.И., 1974 в; Пономарев, Столяров, 1983; Пономарчук, 1994; Пономарчук, Аяшев, 1991; Столяров, 1984 а, 1985 а, 1986 в, 1988 д, л, м, 1991 а, 1999 д, 2002 д, 2004 д; Чепик, 1995; Чувилкин, 1999; Wohl, 1973 б, 1979 и др.]. Кроме того, важной является задача формирования у индивида определенного поведения в физкультурной деятельности, правильного осмысления ее социального смысла, роли и значения в обществе и т.д.

С этим связано второе направление процесса социализации и воспитания, сопряженное с физкультурной деятельностью: решение применительно к физкультурной деятельности и посредством этой деятельности («через физкультуру») задач социализации и воспитания затрагивающих все направления личностного развития (телесно-физическое, когнитивное, эмоциональное, психосоциальное, нравственное и др.), а также социальные отношения. Это направление обозначим термином *«социализация (воспитание) в физкультурной деятельности и посредством этой деятельности»*.

Понятие «физкультурное воспитание» используют и другие исследователи [см., например: Бальсевич, 2002а; Лубышева, 1996а]. Однако при этом не проводится различие между физической культурой и физкультурной деятельностью, что не позволяет отличить физкультурное воспитание от физического воспитания, а кроме того, не учитывается двоякая интерпретация понятия «физкультурное воспитание» (два указанных выше направления воспитания, связанные с физкультурной деятельностью).

Отмеченный выше потенциал физкультурной двигательной деятельности в процессе социализации и воспитания *не реализуется автоматически*. Для его полноценной и эффективной реализации необходимо использование на занятиях физкультурой таких форм двигательной активности и такая организация этих занятий, которые адекватны социокультурным задачам, решаемым на основе этих занятий.

Уже давно разнообразные формы физкультурной двигательной активности – гимнастические упражнения, дозированный бег, ходьба и т.п. – используются для целенаправленного воздействия на различные параметры *физического* состояния человека с целью его оптимизации, физического совершенствования, сохранения и укрепления здоровья. Ведется активный поиск новых, нетрадиционных форм физкультурной двигательной активности, в том числе физических упражнений с использованием разнообразных тренажеров, а также организации этой активности, позволяющих эффективно решать задачи физического совершенствования и оздоровления [Бальсевич, 2000, 2006; Башкирова, Дынникова, Жарова и др., 1990; Бойко, Виноградов, 1994; Гуськов, Зотов, 2002; Дегтярева, 1998; Жарова, 1985; Инновационные преобразования... 2010; Кудрявцева, 1996; Лебедев, Столяров, Филиппова, 1997; Лебедев, Филиппова, 1992а; Моченов, 1994; Переверзин, Кутепов и др., 1985; Рэнсон, 1999; Столяров, 1993 г, 2003 б, 2009 а; Столяров, Кудрявцева, 1997; Столяров, Попов, 2003; Фудзии, 1998; Чепик, 1995 и др.].

В последние десятилетия все большую популярность получают *оздоровительно-профилактические фитнес-программы* [Лисицкая, 2002; Моченов, 2005, 2009; Кислухина, Трушкова, 1995; Попова, 2006; Смелкова, 2004, 2007; Столяров, Стопникова, 2009; Хоули, Дон, 2000; Liebau, 1989; Maguire, Mansfield, 1998; Mitchell, Volkwein, Ray, 2004; Rymarczyk, 2005; Volkwein, 1994, 2004a,c]. Привлекательность и эффективность этих программ определяется их комплексным характером. Они опираются не только на знания и технологии тренировки, накопленные в спорте высших достижений, на методики лечебной физкультуры, но также на методы телесной и пластика-когнитивной терапии [Никитин, 2000; Хоули, Дон, 2000] и на достижения науки и практики в области оздоровительных систем различных народов: йоги, китайской гимнастики ушу [см.: Харьков, Гройсман, 1999] и др. Особой популярностью в фитнес-программах пользуется *оздоровительная аэробика* – за разнообразие и постоянное обновление логически выстроенных программ, высокий эмоциональный фон занятий. Как отмечает Т.С. Лисицкая, в настоящее время сформировалось 4 основных направления оздоровительной аэробики: гимнастическо-атлетическое (классическая аэробика, степ-аэробика); танцевальной направленности (джаз-аэробика, сальса-аэробика и др.); циклического характера, например сайклинг; направление «восток–запад», соединившее европейскую и восточную культуры в сфере фитнеса: аква-аэробика [Лисицкая, 2002].

Помимо задач улучшения здоровья и телосложения значительное внимание фитнес-программы уделяют эстетике движений. Для этих целей используется – особенно в классической и степ-аэробике стройная система средств из области танцев, гимнастики и других видов спорта. Занятия аэробикой проводятся с музыкальным сопровождением. Музыка на этих занятиях – это не только фон, создающий эмоциональный настрой занятия, но и средство формирования умения выполнять движения в соответствии с ритмом, динамикой, характером музыкального произведения. Из разнообразных видов танцевальной хореографии наибольшее применение в аэробике получили современные танцы (фанк, хип-хоп, джаз-танец, брейк-данс и др.), простейшие движения классического танца (фантаз-аэробика), латиноамериканские танцы (салса, меренго, мамбо, самба и др.), африканские танцы, некоторые историко-бытовые (вальс рок-н-ролл и пр.). С элементами танцевальной хореографии органично сочетаются многие элементы фитнес-гимнастики, или, как ее часто называют, кондиционной гимнастики (общеразвивающие упражнения в упорах, седах, стойках на лопатках, упражнений для рук, туловища и ног в положении сидя, лежа на спине, животе). Они включаются в уроки аэробики как на суше, так и в воде. Используются и такие средства массовой оздоровительной гимнастики, как упражнения с палками, набивными мячами, со скакалкой (короткой и длинной), а также такие давно забытые гимнастические системы, как система Пилатеса. Нестационарный (комнатный) велосипед, музыкальное сопровождение занятий, различные движения руками, туловищем и даже мимические элементы создали один из популярных видов аэробики – сайклинг. В аква-аэробике широко применяются плавание, танцевальные движения, аква-джоггинг, силовые тренировки под музыку в системе Non stop [Аэробика, 2002; Крючек, 2001; Лисицкая,

1994, 2002; Лоуренс, 2000]. В последние годы предпринимаются попытки использовать этот богатый арсенал оздоровительных фитнес-программ в образовательных учреждениях [Левченкова, 2007; Смелкова, 2007; Соболева, 2005; Шипунов, 2007].

В практике физкультурной работы применяются разные варианты психогимнастики, которые содействуют формированию и развитию не только физических, но и разнообразных *психических* качеств личности [Вербовская, 1997; Локалова, 1989; Чистякова, 1990].

Найдены формы организации физкультурной деятельности – художественное (выразительное) движение, пластическая (пластико-ритмическая) гимнастика, эвритмические упражнения, спонтанный танец, театр движения и пантомимы, творческие подвижные игры, методика, основанная на творческом выполнении заданий преподавателя физкультуры и др., – которые содействуют формированию и развитию *эстетической* культуры, *творческих* способностей и других параметров *целостной* личности [Бейлин, Бейлина, 1998; Бурцева, 1930; Вербова, 1967; Вербовская, Большев, Лебедев, Силкин, Филиппова, 2001; Кулагина, 1993; Лебедев, Столяров, Филиппова, 1997; Лисицкая, 1984, 1987, 1988, 1994; Миллер, 1990; Мотылянская, Каплан, 1989; Мотылянская, Якубовская, 1991; Назаренко, 2004; Пахомова, 1990; Рубаненко, 2001; Столяров, 2003 б; Филиппова, Рубаненко, 2001; Шумакова, 2010; Bernd, 1988; Biermann, Wiskow, 1983; Metzenthin, 1983; Rosenberg, 1990; Sladek, 1985; Tiedt, 1995].

Все большее внимание ученых и специалистов-практиков привлекает поиск таких форм организации физкультурной двигательной активности, которые позволяют эффективно решать проблемы *отдыха, развлечения, общения, физической рекреации и физической реабилитации* различных групп населения, *социальной интеграции и реабилитации* инвалидов, а также *профилактики* наркомании и других форм девиантного поведения детей, подростков, молодежи [Бердус, 2001; Виноградов Г.П., 1998; Виноградов П.А., Жолдак, Моченов, Паршикова, 2003; Джумаев, 1991; Дмитриев В.С., 2003; Евсеев, 1998; Евсеев, Шапкова, 2000; Жбиковский, 1994; Калинин, Матов, 1990; Моченов, 1999, 2001; Ощепков Г.Г., Ощепков П.Г., 2000; Пиотровски, 1980; Рыжкин, 2001, 2002; Социальная адаптация... 1998; Спорт, духовные ценности, культура, 1998 ж; Физическая культура и спорт в профилактике... 2000 и др.].

Как показал опыт, оптимальной формой организации физкультурной двигательной активности, имеющей целью решение проблемы не только физического, но и *духовного оздоровления* человека, создания условий для неформального («человеческого») общения, являются *физкультурно-оздоровительные клубы*. Важное значение для решения этой задачи имеют *подвижные игры*, особенно те из них, которые ориентированы на сотрудничество, юмор, творчество. К их числу относятся так называемые «*игры сотрудничества*» (иногда для их обозначения используются другие термины – «новые игры», «творческие игры», «игры доверия», "Playfair" и т.д.), получившие в последние десятилетия широкое распространение в США, Канаде, Германии и других странах [Fluegelman, 1981; Orlick, 1978; The New Games Book... 1976].

Исследователи выделяют ряд факторов, определяющих *возрастание роли* физкультурной двигательной деятельности (занятий физкультурой) в настоящее время.

➤ Систематическое сокращение подвижности и физических нагрузок в повседневной жизни людей. Поскольку такие нагрузки необходимы для нормального развития и функционирования организма, их отсутствие ведет к дефектам осанки, снижению физической подготовленности и торможению физического развития.

➤ Далеко идущая специализация и интенсификация труда, создающая потребность в разнообразной компенсации, в частности, – в психофизическом восстановлении, противодействии перенапряжению, избыточным нагрузкам и стрессовым состояниям.

➤ Угроза окружающей среде, включающей в себя в качестве основного элемента самого человека. Эта угроза создает новые потребности в области охраны здоровья, особенно в области профилактики «болезней цивилизации»: заболеваний сердечно-сосудистой системы, ожирения, диабета, неврозов и т.д.

➤ Быстро прогрессирующий – несмотря на значительные трудности – процесс индустриализации и урбанизации, а следовательно, стирания граней между городом и деревней. Это создает возможность большей, чем до сих пор унификации жизненного и культурного уровня людей.

➤ Возможность обеспечения всему населению Земли условий жизни, отвечающих нормам так называемого «социального минимума». Эту цель ставят себе многие обще-

ства, руководствующиеся идеей прогресса цивилизации и социального равенства. Осу­ществление на практике концепции социального минимума равнозначно обеспечению минимума двигательной активности и минимальных условий, благоприятствующих под­держанию и укреплению здоровья, поскольку именно здоровье является условием полно­го развития личности.

➤ Увеличение объема свободного времени как в пределах целой жизни человека, так и в пределах меньших отрезков времени (год, неделя, день). Тем самым создаются усло­вия для сокращения сферы обязательной деятельности, связанной с той социальной ро­лью, которая принята на себя индивидом, и расширяются возможности для свободной де­ятельности по выбору.

➤ Общий рост образовательного уровня, создающий основу для более рационально­го образа жизни и более целенаправленного самоформирования личности. Принцип «не­прерывного образования» диктует необходимость разработки и практического внедрения моделей физической подготовленности не только для молодых лет, но и для каждого воз­раста человеческой жизни [Кравчик, 1981; Лубышева, 2001; Мергаутова, 1978 и др.].

Важной особенностью физкультурной деятельности на современном этапе ее разви­тия является то, что в XX столетии она превратилась в самостоятельную отрасль социаль­ной жизни и в настоящее время представляет собой особый *социальный институт*, кото­рый выполняет важные социальные функции, имеет свою развитую инфраструктуру, ма­териальную базу (залы, стадионы, бассейны, специальные учебные заведения и т.д.), ведет подготовку собственных профессиональных кадров (преподавателей физкультуры).

В связи с повышением роли и значения физкультурной деятельности в современ­ных условиях все более важной становится задача приобщения людей разного пола и воз­раста, в первую очередь детей и молодежи, к активным занятиям физкультурой, особенно в свободное время, когда человек сам выбирает те или иные формы деятельности. Однако исследования, проведенные в разных странах, показывают, что значительная часть насе­ления, в том числе детей и молодежи, остается не приобщенной к этим занятиям. Акту­альной эта проблема является для нашей страны.

По данным ряда исследований, число молодых людей, активно занимающихся физ­культурой, составляет в школе около 40%, в техникумах – около 25%, в вузах – чуть более 15% [Рубчевский, 1986, с. 55; Соколов, 1987, с. 10]. Так, среди восьмиклассников в Крас­ноярском крае постоянно занимаются физкультурой 40,3%, от случая к случаю – 35,3%, совсем не занимаются 24,4%. У десятиклассников эти показатели выглядят так: постоянно занимаются 39,9%, от случая к случаю – 41,2, совсем не занимаются 18,9%. Оздорови­тельным бегом, велосипедными прогулками, катанием на коньках не занимается около 80% школьников. Зимой 59,3% юношей и 55,4% девушек выходят на лыжную лишь от 1 до 5 раз, а 69,9% юношей и 93,5% девушек вообще не катаются на коньках [Виноградов, 1990, с. 48-49; Физкультура в режиме... 1986, с. 9]. По данным Ю.Г. Кинкадзе, 30,5% опрошенной учащейся молодежи Грузии более или менее систематически используют различные формы двигательной активности (бег, плавание и др.), а 55,7% – лишь от слу­чая к случаю [Кинкадзе, 1990, с. 49]. В Москве, где потенциальные возможности для ак­тивных занятий физкультурой особенно велики, в эти занятия включено не более 12% подростков и юношей 12-17 лет, а юниоров и молодых взрослых их еще меньше [Колы­чев, 1998]. На уроках физкультуры учащиеся занимаются непосредственно физическими упражнениями лишь 12 минут. Два урока физкультуры в неделю компенсируют, по раз­ным источникам, от 2-3% до 10-15% необходимого школьнику объема двигательной ак­тивности [Авраменко, 1990, с. 31]. По данным ряда исследований [см. например: Бонда­ревский, Кадетова, 1987], среднесуточные показатели двигательной активности школьни­ков на 40-45% ниже уровня возрастной потребности в движениях; с поступлением в шко­лу двигательная активность детей по сравнению с дошкольниками падает на 50%, а у старшекласников – на 75%. Только 26,5% студентов из числа опрошенных в ходе иссле­дования «Здоровый образ жизни и физическая культура студенческой молодежи», указали на то, что они более или менее систематически занимаются физкультурой в свое свобод­ное время [Стопникова, 1992, с. 66]. По данным международного социологического ис­следования ученых России и Финляндии, только 16% мужчин и 19% женщин в Москве (в Хельсинки соответствующие Цифры 20% и 18%) ежедневно занимаются физическими упражнениями; причем, 35% мужчин и 41% женщин в Москве вообще не занимаются физкультурой [Палосуо, Журавлева, Уутела, Лакомова, Шилова, 1998, с. 45].

В связи с данной ситуацией одна из важных задач философии физкультурной двигательной деятельности – *объяснить* такое ценностное отношение современного человека к этой деятельности, низкий уровень участия людей в занятиях физкультурой. Для этого необходимо выяснить *факторы*, оказывающие влияние на физкультурно-двигательную активность, *причины* низкого уровня этой активности, определить *социальные барьеры*, препятствующие ее повышению.

### 27.3. Социальные барьеры физкультурно-двигательной активности (философско-социологический анализ)

Эффективное решение указанной задачи возможно лишь на пути *интеграции философской рефлексии с социологическим анализом физкультурно-двигательной активности*.

Поэтому ниже при анализе обсуждаемой проблемы будет использована информация, полученная на основе конкретно-социологических исследований. В первую очередь имеются в виду результаты проведенного по программе и под руководством автора в 1983-1992 гг. международного исследования на тему «Показатели и компоненты здорового образа жизни и физической культуры различных групп населения». В нашей стране по единой программе и методике было опрошено более 10 тыс. человек, в том числе 4180 студентов 24 вузов (опрос проводился под руководством Б.И. Новикова), 2,6 тыс. учащихся 7-10 классов (опрос проведен под руководством М.И. Сергеева) и 945 учащихся ПТУ (опрос проведен А.Б. Скоробогатовым). Главная цель опросов – получить социологическую информацию об отношении различных групп населения (школьников, учащихся профессионально-технических училищ, студентов и др.) к своему физическому состоянию, здоровью, а в связи с этим – к физкультурно-спортивной деятельности, ее социальному и личностному значению, а также о факторах, влияющих на данное отношение, на социокультурный эффект занятий физкультурой и спортом и т.д. [см.: Здоровье студентов... 1990; Скоробогатов, Молчанов, Столяров, 1989; Столяров, 1984 а, 1990, 1991 а; Столяров, Бакашвили, Сегал, 1988 и др.].

Приводимые ниже цифровые данные относятся к результатам именно этого исследования – разумеется, если отсутствует ссылка на какие-то другие источники. В ходе анализа использованы результаты и некоторых других международных социологических исследований, в том числе опроса 3 тыс. жителей Будапешта, Таллина и Варшавы, который в 1983-1984 гг. провели З. Кравчик, Т. Фельдеши и М. Арвисто [Krawczyk, 1989] и опроса 1174 жителей ФРГ, который в 1987 г. провел К. Хайнеман [Heinemann, 1988]. Использованы и результаты социологического исследования на тему «Отслеживание степени удовлетворенности обучающихся в образовательных учреждениях уровнем организации занятий физической культурой», проведенного группой ученых (В.И. Столяров, В.К. Бальсевич, В.П. Моченов и Л.И. Лубышева) в 2007 г. [см.: Столяров, Бальсевич, Моченов, Лубышева, 2009]. Было опрошено 2085 школьников различных регионов нашей страны. Из них: 69 чел. (3,3%) – учащиеся 4-5 классов, 695 (33,3%) – 6-7 классов, 740 (35,5%) – 8-9 классов и 579 (27,8%) – 10–11 классов. 1000 (48,0%) респондентов – мужского пола и 1085 (52,0%) – женского.

Аналізу причин низкой физкультурной активности населения посвящены многие работы отечественных и зарубежных ученых [Арвисто, 1982; Бальсевич, 1988; Бойко, Виноградов, 1994; Болдов, 2006; Виленский, 1991, 1994, 1996; Виноградов Г.П., 1998; Виноградов П.А., 1990, 1995, 1996; Кардялис, 1989; Кардялис, Батулис, 2002; Кардялис, Зузиене, 1999; Кравчик, 1979; Кутепов, 1980; Лотоненко, Стеблецов, 1997; Окуньков, 1996; Пономарчук, Аяшев, 1991; Сергеев и др., 1990; Скоробогатов, Молчанов, Столяров, 1989; Соколов, 1987, 1991; Столяров, 1984 а, 1985 а, 1986 в, 1991 а, 2004, 1999 д, 2002 д, 2004 д, 2009 а; Столяров, Бакашвили, Сегал, 1988; Столяров, Барин, 2011; Столяров, Кудрявцева, 1998; Стопникова, 1992; Фельдеши, 1988; Филимонова, 2004; Collis, 1980; Figley, 1985; Filozofia kultury... 1990; Heinemann, 1972, 1980, 1988; Kis, 1986; Krawczyk, 1989; Krawczyk, Földesi, 1985; Kunicki, 1984, 1985; Loy, McPherson, Kenyon, 1978; Seppänen, 1978; Vuolle, 1987; Wagner, 2000 и др.].

Ценностное отношение человека к какой-либо деятельности, в том числе физкультурной, наиболее ярко проявляется в свободное время, когда он по своему выбору участвует или не участвует в тех или иных видах деятельности.



В ходе социологических опросов подавляющее большинство респондентов в качестве основных причин своей физкультурной пассивности в свободное время (основного показателя и низкого интереса к занятиям физкультурой) указывает *отсутствие свободного времени и условий* для занятий. На основе этого многие исследователи делают вывод о том, что именно эти причины являются основными барьерами на пути включения населения в активные занятия физкультурой в свое свободное время.

Такой вывод, как справедливо отмечается в ряде работ [Столяров, 1984 а, 1991 а, 2004 д; Столяров, Баринов, 2011; Столяров, Кудрявцева, 1998; Стопникова, 1992; Heinemann, 1972, 1980, 1988; Kunicki, 1984, 1985 и др.] является ошибочным. Конечно, для занятий физкультурой в свободное время нужно его иметь. Столь же очевидно, что для занятия некоторыми видами физкультурной активности нужны определенные условия (трудно представить, например, как можно заниматься плаванием, не имея бассейна или какого-то водоема). Но вместе с тем не следует и преувеличивать роль указанных факторов. И дело даже не в том, что свободное время имеют практически все люди и что для занятия некоторыми видами физкультурной деятельности (например, чтобы делать зарядку) не нужны какие-то особые условия. Важно учесть другое. Главную роль в выборе человеком тех или иных видов занятий в свободное время играет сформированность *сильной мотивации* на эти занятия.

При выборе в свободное время тех или иных занятий (по расчетам социологов, у жителей крупных городов на выбор есть как минимум сто занятий) он в первую очередь исходит из своих интересов, потребностей, из сложившейся у него системы ценностных ориентаций. Реальные факты свидетельствуют о том, что даже при крайнем дефиците времени и отсутствии надлежащих условий человек будет заниматься теми видами деятельности, которые считает *наиболее интересными и важными* для себя, от которых он ожидает наиболее значимых результатов, положительных эмоций и т.д. И наоборот, даже при наличии времени и условий он не будет заниматься теми видами деятельности, которые не представляют для него интерес, которые он не оценивает как значимые для себя, которые вызывают у него не столько положительные, сколько отрицательные эмоции и т.д. Те люди, которые ссылаются на нехватку времени для занятий физкультурой, находят время для того, чтобы в свое свободное время заниматься другими видами деятельности, например, смотреть телевизор, слушать музыкальные записи, ходить в кино, на танцы и т.д. Так, по данным указанного международного исследования, 39,8% опрошенных студентов регулярно и 41,4% часто читают газеты и журналы, 43,7% – регулярно и 37,3% часто смотрят телевизионные передачи и видеозаписи, 53,8% старшеклассников-юношей и 64,1% девушек регулярно читают книги, газеты, журналы и т.д. Выбор человеком именно этих видов деятельности, а не занятий физкультурой, свидетельствует об отсутствии не времени для этих занятий, а в первую очередь – *сильной мотивации* по отношению к ним, о том, что данные занятия для него *не столь привлекательны*, как другие формы проведения досуга.

Вряд ли эту ситуацию можно объяснить физкультурная двигательная деятельность объективно имеет низкое социальное и личностное значение. Как отмечалось выше, эта деятельность обладает очень высоким уровнем значимости для личности и социальных отношений.

Чтобы выяснить подлинные причины низкой мотивации личности на физкультурную двигательную деятельность, понять, почему человек не проявляет сильного интереса к ней, не дает ей высокую позитивную оценку (с точки зрения значимости для себя лично), не участвует в ней, надо учесть комплекс факторов.

К. Хайнеман при анализе факторов, детерминирующих участие или неучастие в спорте (спорт понимается им в широком смысле, включая и физкультурную двигательную активность, т.е. как физкультурно-спортивная деятельность), исходит из того, что «спорт в качестве социальной системы организует нормативно узаконенные, т.е. независимые от каждого отдельного индивидуума, формы обращения с телом, предъявляет требования к способностям, навыкам и знаниям каждого индивидуума; каждый отдельный индивидуум должен одобрить особые формы полномочий спорта, принять его разграничение от других сфер социальной жизни и т.д. Одновременно эти объективно заданные институционализированные структуры требований должны интерпретироваться каждым индивидуумом в зависимости от ситуации, использоваться им и приводиться в соответствие с его “личной культурой”. Таким образом, для способности и готовности заниматься спортом вообще

или его отдельным видом важной предпосылкой является то, в какой степени каждый индивидум готов и в состоянии соответствовать этим различным требованиям» [Heinemann, 1980, s. 51]. Исходя из этого, К. Хайнеман подразделяет факторы, определяющие участие или неучастие в спорте, на три группы: 1) требования, которые предъявляются к отдельному индивидуму в спорте и касаются его знаний, способностей, мотивации и т.д.; 2) соответствие качеств индивида этим требованиям и 3) привлекательность спорта для индивида, соответствие тем ожиданиям, которые последний связывает со спортом [Heinemann, 1980, s. 48]. Поэтому, если человек считает, что он не соответствует тем требованиям, которые физкультурно-спортивная деятельность «предъявляет» к ее участникам, не обладает теми качествами и способностями, которые необходимо для участия в ней, или действительно их не имеет (например, в силу слабого здоровья, наличия инвалидности и т.д.), то у него не появится интерес к данной деятельности, будет отсутствовать мотивация на участие в ней.

Иногда человек в принципе может, но не согласен выполнять те действия, которые требует участие в спортивной деятельности, – например, «если в спорте он должен применять физическую силу и агрессию, которые в обычной жизни не приняты; если в спорте он должен вести себя согласно принципу равенства по отношению к членам других социальных слоев, других этнических групп и другого пола, что в других сферах общества отвергается или является нежелательным; если "обращение" с телом в спорте противоречит этике тела; если в спорте он должен придерживаться законоположений, которые противостоят собственной ценности и идентичности» [Heinemann, 1980, s. 48].

Такое отношение к необходимым действиям в физкультурно-спортивной деятельности характерно для многих людей. Не все из них готовы также придерживаться дисциплины, строгого выполнения принятых в этой деятельности правил и норм, а также проявлять волевые усилия, необходимые для постоянных и регулярных тренировок.

Наличие и характер интереса, а также других компонентов мотивации по отношению к занятиям физкультурой, существенным образом зависят от того, каким образом он оценивает *значение* этих занятий. Особенно важно в этом плане, что человек *ожидает лично для себя* от участия в этой деятельности, какую ценность (значимость) этого участия признает применительно к *самому себе*. Чем более высокую ценность (значимость) для себя он усматривает в физкультурной деятельности, тем более привлекательней она является для него, тем более сильный интерес вызывает у него.

По данным проведенного в 2007 г. социологического опроса школьников большинство из них (92,8%, 1884 чел.) признают значимость занятий физкультурой. Только 3,3% (68 чел.) считают, что эти занятия «не представляют ценности, по крайней мере существенной». Подавляющее большинство респондентов (93,2%, 1927 чел.) признает и личное значение занятий физкультурой. Только 3,9% (81 чел.) полагают, что эти занятия им «совсем не нужны». Однако конкретизация субъективного мнения школьников, признающих ценность физкультурной деятельности показывает, что значительная их часть хотя и признает эту ценность, но *не считает ее очень большой*. 23,5% (478 чел.) полагают, что занятия физкультурой «имеют значение, но не очень большое». Еще больше школьников занимает такую позицию в отношении личного значения занятий физкультурой. 37,1% (767 чел.) считают, что эти занятия «имеют для них некоторое значение, но не очень важное». О низкой значимости занятий физкультурой для большинства школьников свидетельствуют и их ответы на вопрос о том, какие черты, по их мнению, особенно важны для культурного человека. «Систематические занятия физическими упражнениями отнесли к числу таких качеств только 27,1% школьников, а «умение плавать» – лишь 26%. Анализ реального участия школьников в физкультурной деятельности показывает, что их позитивное мнение о ней во многом является *декларативным*. Ярким показателем этого является отношение школьников к утренней зарядке. Только 37,4% (756 чел.) указали на то, что они делают эту зарядку; 62,6% (1267 чел.) – не делают.

Как показывают социологические опросы, в настоящее время большинство людей признает важное значение занятий физкультурой для сохранения и укрепления здоровья, а также для *физического совершенствования*, повышения уровня *физической подготовленности*. Вместе с тем значительная их часть сомневается в возможности позитивного воздействия занятий физкультурой на *духовное* (интеллектуальное, нравственное, эстетическое и т.п.) развитие человека или даже отрицает это.

Так, по данным указанного международного социологического исследования, большинство студентов (82,5%), старшеклассников (93,7%) и юных спортсменов (95%) признает возможность существенного позитивного воздействия занятий физкультурой на физическое развитие человека, на его физические качества и двигательные способности. 87,5% юных спортсменов включают систематическое использование физических упражнений в число важнейших средств, которые необходимы для сохранения и укрепления здоровья. 94% юных спортсменов придерживаются мнения, что нельзя в течение длительного времени сохранять хорошую физическую форму, самочувствие и здоровье, не занимаясь физкультурой. Такого же мнения придерживаются 64,9% юношей и 58,8% девушек из числа опрошенных школьников.

Из числа опрошенных студентов только 6,6% считает, что для сохранения хорошего физического состояния и здоровья в течение длительного времени необязательно заниматься физкультурой. Лишь 9,5% придерживается мнения о том, что эти занятия не нужны тем людям, которые получают существенную физическую нагрузку на производстве или в домашних условиях. 87,5% опрошенных студентов включают систематическое использование физических упражнений и занятий спортом в число важнейших средств, которые необходимы для сохранения и укрепления здоровья. Большинство студентов (82,5%) признает возможность существенного позитивного воздействия занятий физическими упражнениями и спортом на физическое развитие человека, на его физические качества и двигательные способности.

Совсем иначе молодые люди оценивают возможности этих занятий в плане их воздействия на духовное (интеллектуальное, нравственное, эстетическое и т.п.) развитие человека. Лишь одна четвертая часть опрошенных студентов признает возможность интеллектуального и нравственного совершенствования личности на основе занятий физкультурой и спортом. Одна треть – не уверена в возможности развития интеллектуальных способностей человека, а одна пятая – в совершенствовании его нравственных качеств с помощью этих занятий. 13,5% считает это невозможным применительно к интеллектуальным способностям, а 23% – к нравственным качествам.

По данным социологического опроса 2007 года, 1493 (87,4%) опрошенных школьников значение активных занятий физкультурой усматривает в их позитивном влиянии на *физическое состояние* человека. При этом 940 чел. (55,0%) полагают, что эти занятия содействуют «укреплению здоровья», 279 чел. (16,3%) – «физической форме», 117 чел. (6,8%) – «силе», 61 чел. (3,6%) – выносливости, 41 чел. (2,4%) – «укреплению иммунитета», 22 чел. (1,3%) – «фигуре», 20 чел. (1,2%) – «общему тону», 13 чел. (0,8%) – «красоте тела». Вместе с тем, крайне мало респондентов (всего 71 чел., 4,1%) признает позитивное влияние данных занятий на *психические и духовно-нравственные качества* человека. Так, только 1,1% (18 чел.) признают их позитивное влияние на «настроение», 0,9% (16 чел.) – на «уверенность», 0,9% (15 чел.) – на «развитие человека», 0,5% (9 чел.) – на «характер», 0,5% (9 чел.) – на «волю», 0,1% (2 чел.) – на «развитие умственных способностей» и 0,1% (2 чел.) – на «культуру».

Столь ошибочное представление о значимости физкультурно-двигательной активности определяется рядом причин: низким уровнем физкультурной грамотности; ошибками в пропаганде ценности занятий физкультурой, когда подчеркивается лишь их роль в физическом совершенствовании человека; включением физкультурной двигательной деятельности в структуру только физической культуры, как это делается в большинстве научных работ; недостатками в организации физкультурно-спортивной работы и т.д.

Самое главное в связи с обсуждаемой проблемой состоит, однако, в том, что указанный сильно укоренившийся в сознании людей стереотип оказывает существенное негативное влияние на их ценностное отношение к физкультурной деятельности. Под влиянием ряда факторов у тех людей, которые придерживаются указанного представления о ее значимости, вряд ли появится сильная мотивация на занятия физкультурой.

Прежде всего следует иметь в виду, что *многие люди переоценивают состояние своего здоровья и физического развития*.

Так, по данным международного социологического исследования (1983–1992 гг.), только 16% опрошенных рабочих и ИТР считают свое здоровье слабым, 66% оценивают его как нормальное для своего возраста. 91% молодых рабочих считают свое здоровье хорошим и отличным. 59% студентов оценили свое здоровье как хорошее и отличное, 24,5% – как удовлетворительное и только 3,2% – как неудовлетворительное, а 1,8% – как совсем

плохое. Примерно таким же образом они оценили уровень развития своего телосложения. своих физических качеств и свою физическую подготовленность к избранной профессии. Только 7,1% (3,8%), 6,4% (3,9%), 3,6% (1,9%) студентов оценили их соответственно как неудовлетворительное или совсем плохое. Из числа опрошенных учащихся ПТУ 22% оценили состояния своего здоровья как отличное; 49,6% – как хорошее, 18,3% – как удовлетворительное и только 2% – как неудовлетворительное (7,5% отказались от оценки). Из 2,6 тыс. опрошенных школьников только 166 оценили состояние своего здоровья ниже среднего, 841 – выше среднего, остальные – как среднее. По данным социологического опроса студенческой молодежи г. Пензы в 2006-2007 гг. только 46,9% респондентов оценили свое здоровье как «удовлетворительное» а как «плохое» – всего 2,8% [Козина, 2007, с. 16].

По данным международного социологического исследования ученых Финляндии и России, только 7% мужчин и 7,4% женщин г. Хельсинки оценили свое здоровье как плохое (в Москве – 17% мужчин и 34% женщин) [Палосуо, Журавлева, Уутела, Лакомова, Шилова, 1998, с. 32]. Данные самооценки подростками своего здоровья в рамках международного исследования в России, Финляндии и Эстонии, показывают, что в России только 1,7%, в Финляндии – 0,5% и в Эстонии – 0,4% подростков оценили свое здоровье как плохое [Журавлева, 2002, с. 48].

В ходе проведенного в 2007 г. социологического исследования большинство школьников высоко оценивают свое здоровье, физическое развитие и физическую подготовленность. Так, достаточно высокую оценку своему здоровью дали 88,8% (1836 чел.), причем 35,7% (738 чел.) оценили его как «хорошее», а 53,1% (1098 чел.) – как «неплохое»; низкую оценку поставили лишь 6,1% (126 чел.): 4,4% (91 чел.) оценили его как «неважное», а 1,7% (35 чел.) – как «плохое». Свое физическое развитие большинство 88,8% (1836 чел.) в целом оценили также позитивно: 35,7% (738 чел.) – как «хорошее», а, по мнению других, оно имеет лишь некоторые недостатки: 39,2% считает, что им «надо развить некоторые физические качества», а 13,9% (287 чел.) – «надо исправить фигуру». Только 1,7% (35 чел.) оценили свое физическое развитие как «плохое». Большинство (76,2, 1544 чел.) высоко оценивает и свою физическую подготовленность. 10,6% (214 чел.) оценили ее уровень как «высокий», а 65,6% (1330 чел.) – как «средний». Как «низкий» этот уровень оценили 11,6% (236 чел.).

Субъективная оценка респондентами состояния своего здоровья и физического развития часто *не соответствует объективным* показателям, поскольку при ответе на дополнительные вопросы выясняется, что они часто болеют и недостаточно физически подготовлены.

Так, около половины опрошенных студентов, судя по их ответам, ежегодно болеют (43% студентов болели в течение года до 2 недель, 16% – от 2 недель до 1 месяца, а 4% – до 1,5 месяца; 22,3% студентов довольно часто имеют головные боли). Среди тех учащихся ПТУ, кто оценил свое здоровье как «в общем хорошее», 71,3% относятся к основной, 20,6% – к дополнительной и 6,5% – к специальной группе; среди тех, кто оценил его как «удовлетворительное», 56,7% относятся к основной, 31,7% – к дополнительной, 6,7% – к специальной и 4,8% – вообще освобождены от занятий; среди тех, кто оценил свое здоровье как «не могу похвастаться», 48,1% относятся к основной, 28,8% – к дополнительной, 11,5% – к специальной группе и 11,5% – освобождены от занятий физкультурой. Каждый второй учащийся пропускал занятия в училище по болезни. Из них около половины – меньше недели, четвертая часть – до 2 недель, 10% – около месяца и остальные – 2 и более месяца. Причем, даже из тех, кто оценил состояние своего здоровья как «вполне хорошее», только 66,9% не пропустили ни одного дня по состоянию здоровья; 21,9% – пропустили менее недели; 8,5% – около 2 недель; 1,2% – около месяца и 1,5% – 2 и более месяца. Соответствующие показатели у тех, кто оценил свое здоровье как «в общем хорошее»: 42,1%, 33,9%, 17,6%, 4,5% и 1,9%.

Анализ заболеваемости студентов г. Пензы, опрошенных в ходе указанного социологического исследования, показал, что 58,6% из них имеют различные заболевания. Достаточно высока доля заболеваний органов пищеварения (28,3% студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья), глаз (28,1 %), сердечнососудистой системы (23,5%), костно-мышечной системы (13,1 %), органов дыхания (12,7%) и нервной системы (11,3 %). Кроме того, каждый третий студент (27,8%) имеет 2-3 заболевания [Козина, 2007, с. 16–17].

По данным международного исследования подростков России, Финляндии и Эстонии, почти треть российских школьников имеют отклонения в здоровье («удовлетворительное» + «очень плохое») [Журавлева, 2002, с. 50].

Результаты последних научных исследований свидетельствуют о том, что более 50% подростков в нашей стране страдают хроническими заболеваниями. В их структуре заболевания нервной системы и органов чувств составляют 29,5%, болезни органов кровообращения – 26,5%, костно-мышечной системы – 18,2%, дыхания – 11,3%, психические расстройства – 7,1% [Журавлева, 2002, с. 33]. В рамках международного социологического исследования ученых России и Финляндии 60% женщин и 46% мужчин Москвы сообщили о наличии у них как минимум одного хронического заболевания (в Хельсинки соответствующие цифры – 56% и 52%) [Палосуо, Журавлева, Уутела, Лакомова, Шилова, 1998, с. 34]. По данным опроса школьников в 2007 года, только 7,2% (147 чел.) отметили, что из-за болезней они не пропускают занятий, так как вообще не болеют, а 29,1% (593 чел.) – что они очень редко болеют и из-за болезней пропускают занятия не чаще, чем один раз в год.

Завышенная оценка респондентами состояния здоровья и физического развития обусловлена не только психологическими причинами, но и тем, что многие из них имеют *низкие знания* о своем организме, даже о простейших показателях своего физического состояния.

Так, только 3/4 опрошенных учащихся ПТУ знали свой рост и вес и только 1/3 – пульс в покое. Среди студентов пульс в покое знают только 37,1%, артериальное давление еще меньше – 30,5%. 56,5% студентов указали на то, что они не в состоянии определить уровень физической подготовленности человека. Большинство респондентов отметило, что они не получают от медиков и специалистов в области физического воспитания точной и регулярной информации о состоянии своего здоровья и физического развития. Кроме того, как известно, среди самих специалистов существуют серьезные разногласия о критериях и показателях здоровья. Опрос школьников в 2007 г. показал, что значительная их часть не располагает теми знаниями, которые позволяют им более или менее точно и объективно оценить свое здоровье и физическую подготовленность. Так, 54,4% (1074 чел.) не знает свой пульс в покое, а 22,6% (447 чел.) знает это лишь приблизительно; 65,2% (1285 чел.) не знает свое артериальное давление, а 18,4% (362 чел.) знает его лишь приблизительно; 27,3% (547 чел.) не знает, сколько раз они могут подтянуться на перекладине, 48,5% (972 чел.) знает это лишь приблизительно; 38,1% (758 чел.) не знает, какой вес они могут поднять двумя руками, а 29,2% (580 чел.) знает это лишь приблизительно; 44,6% (874 чел.) не знает, какое расстояние они могут пройти за один дневной переход, а 29,0% (569 чел.) знает это лишь приблизительно; 30,7% (607 чел.) не знает, какую дистанцию они могут пробежать легким бегом, а 33,0% (653 чел.) знают это лишь приблизительно; 46,8% (920 чел.) не знает, какое расстояние они могут проплыть без отдыха, а 25,2% (494 чел.) знает это лишь приблизительно. Даже свой вес не знает 5,9% (118 чел.), а свой рост – 6,9% (138 чел.); лишь приблизительно знает свой вес 12,0% (240 чел.), а свой рост 15,3% (307 чел.).

Самое важное в связи с обсуждаемой проблемой состоит в том, что, поскольку многие люди довольно высоко оценивают состояние своего здоровья и физического развития, а от занятий физкультурой ожидают главным образом (или только) укрепления здоровья и физического совершенствования, эти занятия вряд ли будут для них достаточно привлекательными и значимыми. У них нет оснований для заботы о своем здоровье и физическом совершенствовании, а, значит, и для включения в занятия физкультурой.

Но и для тех лиц, кто *скептически* оценивает состояние своего здоровья и физического развития, признает существенные *изъяны* в своем физическом состоянии, эти занятия в силу ряда причин не будут достаточно важными, привлекательными и значимыми.

1. Определенная (хотя в настоящее время и небольшая) часть людей считает, что сам человек вряд ли что может изменить в состоянии своего здоровья и физического развития. Такие взгляды основаны прежде всего на ошибочном, но широко распространенном мнении о том, что состояние здоровья человека зависит не столько от его собственных усилий – и, в частности, от его двигательной активности, – сколько от других факторов: генетических, экологических и др. Например, 15,4% учащихся ПТУ сомневаются в возможности такого изменения, а 7,1% не уверены в том, что их попытка изменить что-либо в этом направлении принесет пользу, а не вред.

Такие взгляды основаны прежде всего на ошибочном, но широко распространенном мнении о том, что состояние здоровья человека зависит не столько от его собственных усилий – и, в частности, от его двигательной активности, – сколько от других факторов: генетических, экологических и др. Например, 71,5% студентов к числу наиболее вредных и опасных для здоровья человека факторов отнесли злоупотребление алкоголем, 66,1% – курение, 34,8% – загрязнение окружающей среды, 35,2% – неправильное питание и только 35,1% – недостаток двигательной активности. Только 48,3% студентов отнесли регулярное использование физических упражнений к числу тех средств, которые, наиболее важны для сохранения и укрепления здоровья.

Некоторые люди сомневаются в возможности путем занятий физкультурой преодолеть негативное влияние других факторов на состояние здоровья. Среди старшеклассников, например, таких было 13,8%. 10% студентов придерживаются мнения о том, что никакая забота о своем здоровье, в том числе и занятия физкультурой, не гарантируют хорошего здоровья. Такого рода сомнения особенно характерны для девушек.

Сомнения и неуверенность респондентов в оздоровительном эффекте занятий физкультурой во многом также определяются низким уровнем их физкультурной грамотности. Так, около половины учащихся ПТУ и 20% студентов не в состоянии, по их собственному признанию, составить простейший комплекс утренней гимнастики; 31,6% студентов не могут осуществлять самоконтроль во время занятий физическими упражнениями и т.д.

2. Следует учитывать уверенность достаточно большой группы людей в наличии *других средств* воздействия на здоровье и физическое развитие, к числу которых они относят пассивный отдых, лекарства (особенно гомеопатические), средства народной медицины, кофе, физическую работу (на производстве и дома) и др. Причем, они считают, что эти средства с точки зрения своей *надежности, эффективности и простоты использования* (не требуют каких-то условий, волевых усилий и т.д.) *не уступают занятиям физкультурой*, а по мнению некоторых, даже превосходят их.

В ходе социологических исследований, проведенных ВНИИФК в 1986-1988 гг. в 12 регионах страны (на основе специальных анкет, в том числе входящих в международный исследовательский проект «Показатели и компоненты здорового образа жизни и физической культуры различных групп населения»), было опрошено более 4 тысяч человек, представляющих все основные группы населения. Выявлено, что к лекарствам для поддержания здоровья прибегают 22% респондентов, оценивших здоровье как «хорошее» и 53% отметивших позицию «здоровье плохое». 12,5% старшеклассников в ходе опроса высказали сомнение в том, что занятия физкультурой и спортом нужны тем людям, которые получают существенную физическую нагрузку на производстве и дома. При ответе на вопрос: «Каким средством Вы воспользовались бы, почувствовав усталость, головную боль?» 58,1% указали прогулки, 30,3% – пассивный отдых, 16,8% – сон, 10,6% – лекарства, 8,9% – кофе или чай, 8,6% – физическую работу и физические упражнения, 7,4% – курение и 5,5% – алкоголь. Причем, была обнаружена следующая зависимость: чем ниже учащиеся оценивают состояние своего здоровья, тем уменьшается число тех, кто предпочел бы использовать для воздействия на свое физическое состояние физические упражнения и увеличивается число тех, кто использовал бы другие средства: лекарства, средства народной медицины, курение и др. [Скоробогатов, Молчанов, Столяров, 1989, с. 37-38].

Опрос 1 тыс. респондентов, представляющих самые разные группы населения Польши, показал, что лишь около четверти из них полагают, что нельзя быть здоровым без регулярных занятий физическими упражнениями. 61% респондентов отрицал существование непосредственной связи между этими явлениями. Точнее, по их мнению, физическая активность способствует улучшению состояния здоровья, но не является непременным условием этого [Krawczyk Z., 1983, p. 309].

3. Значительное влияние на отношение к физкультурной деятельности тех людей, которые ожидают от нее оздоровительного эффекта, оказывает и то обстоятельство, что для достижения данного эффекта необходимы *длительные, регулярные и систематические* занятия физкультурой, четкое соблюдение режима дня, отказ от многих вредных привычек.

Для многих людей это неприемлемо (из-за того, что у них иная установка на жизнь) и невыполнимо (из-за болезней и других причин, в силу которых они вынуждены хотя бы временно прерывать свои занятия).

4. К числу факторов, негативно влияющих на ценностное отношение к занятиям физкультурой тех людей, у которых наблюдаются существенные недостатки в состоянии здоровья, следует отнести низкий уровень (или даже отсутствие) *ответственности* за свое здоровье. Это интегральное качество личности характеризуется осознанием социальной ценности мотивов здоровьесбережения и адекватным восприятием личного здоровья, правильной оценкой собственных жизненных ресурсов и возможностей, способностью управлять своим поведением и собственной деятельностью по сохранению и укреплению здоровья, эмоциональным отношением к этой деятельности [Болдов, 2006; Савосина, 2005].

5. Еще одна важная причина слабой ориентации значительной части лиц в своем реальном поведении на физкультурную деятельность как средство оздоровления и физического совершенствования – *низкий статус здоровья и физической подготовленности в общей системе их ценностных ориентаций*.

При этом важно различать *декларируемые* ценности (они только провозглашаются) и ценности *реальные*, на которые человек ориентируется в своем реальном поведении и которые затрагивают его основные, наиболее важные интересы, потребности, стимулируемые принятой в обществе (той или иной социальной группой) системой норм, правил поведения, культурных традиций, обычаев, моральных и материальных стимулов.

В системе *декларируемых* ценностей различные показатели физического состояния – определенные физические качества и способности, телосложение, двигательная культура и особенно здоровье занимают высокое место. Ценность здоровья, как правило, относится к высшим ценностям. В системе жизненных ценностей индивида здоровье как базовая ценность занимает, согласно многим отечественным и зарубежным исследованиям, 3–4-е место после «семьи», «работы», а иногда ставится на 1–2-е место. Значительно более низкое место здоровье и физическая подготовленность занимают в системе *реальных* ценностей современного человека. Это проявляется прежде всего в том, что в своем реальном поведении люди не заботятся об этих параметрах своего физического состояния.

По данным опроса студентов, о таком показателе своего физического состояния как вес, заботится только 42%, а о развитии силы – всего лишь 35,5%. В ходе опроса учащихся ПТУ при ответе на вопрос «Заботаешься ли ты о своем физическом состоянии и его различных показателях (указывались такие показатели, как здоровье, мускулатура, осанка, вес и др.)» от 17,6% до 29,0% (в зависимости от показателей) ответили «трудно сказать», а от 5,4 до 24% – «нет» [Скоробогатов и др., 1989, с. 29–30]. По данным опроса школьников, 64% из них заботится о своем здоровье, почти 70% – о развитии мускулатуры (в основном это юноши; девушек среди них всего 6%), 58% – о развитии силы, быстроты, координации движений (девушек здесь снова в 2 раза меньше, чем юношей). 42,2% девушек и 16,6% юношей заботятся о своем весе, а 55,4% девушек и 20,5% юношей – о красоте и выразительности движений [Сергеев и др., 1990, с. 66].

Лишь незначительная часть респондентов (например, среди студентов только 26%) готовы всю свою жизнь, все свои привычки подчинить интересам сохранения и укрепления здоровья, высокой физической работоспособности. Многие (среди студентов – 20%) предпочитают жить в свое удовольствие, делать то, что хочется в данный момент, даже если это может повредить их здоровью, предпринимают такие действия, которые наносят вред их здоровью – курят, употребляют спиртные напитки, а в последние годы – и наркотики. Так, каждый второй из опрошенных учащихся ПТУ с той или иной частотой употребляет алкоголь, 1/3 – курит, причем, 1/5 часть – курила и до поступления в ПТУ, во время учебы в школе [Скоробогатов, Молчанов, Столяров, 1989, с. 24–26]. Каждый третий из опрошенных студентов г. Пензы курит, каждый второй употребляет алкогольные напитки, каждый третий не имеет постоянного сексуального партнера, каждый шестой пробовал наркотики [Козина, 2007, с. 17]. По данным исследования, проведенного в ряде бывших социалистических стран, в возрасте 13 лет уже 7,2% школьников курят, а к 16 годам распространенность курения достигает 41,2% [Виноградов, 1990, с. 42].

Вообще детское и подростковое курение характерно для всех стран мира в большей или меньшей степени. По данным исследования ВОЗ «Здоровье школьников и их поведение в сфере здоровья», в 28 странах доля 15-летних ежедневно курящих подростков колеблется у мальчиков – от 29% до 13%, у девочек – от 25% до 6%. Среди российских респондентов постоянно курят 20% мальчиков и 14% девочек в возрасте 15 лет. Во всех странах отмечено увеличение приобщения к табаку у школьников обоих полов всех воз-

растных групп по сравнению с данными аналогичного исследования 1993–1994 гг. [Журавлева, 2002, с. 92]. Что касается взрослого населения, то, например, по данным международного социологического исследования ученых России и Финляндии, 46% московских мужчин и 16% женщин ежедневно курят (в Хельсинки соответствующие цифры – 35% и 25%). Большинство респондентов как в Москве, так и в Хельсинки сообщили, что они употребляли алкоголь в течение последнего года [Палосуо, Журавлева, Уутела, Лаконова, Шилова, 1998, с. 46, 55].

Еще один факт, свидетельствующий о низком статусе здоровья и физического развития в системе реальных ценностей респондентов: 21% студентов дали утвердительный ответ на вопрос о том, можно ли считать культурным человеком того, кто не заботится о своем физическом состоянии и в силу этого слабо физически развит, не умеет плавать, часто болеет. При этом те, кто таким образом ответил на данный вопрос, согласились с таким аргументом в пользу занятой ими позиции, что большинство известных им культурных людей не особенно заботится о своем физическом совершенствовании и не отличается отменным здоровьем, физической силой, грацией, осанкой и т.п. 31% студентов затруднились ответить на указанный вопрос. По данным опроса школьников и студентов Грузии, проведенного в рамках упомянутого международного исследования, значительная часть (29,5%) респондентов совсем не волнует, какую оценку окружающие дают их физическому развитию и здоровью; 45,1% это в какой-то мере интересует, но не очень сильно [Кинкадзе, 1990].

Слабая реальная ориентация людей на свое здоровье и физическое развитие выявлена и в ходе других социологических опросов. Так, согласно данным опроса, проведенного в СССР, Венгрии, Польше, Чехословакии и на Кубе (было опрошено более 4 тыс. жителей крупных городов этих стран, в том числе и молодые люди), 61% респондентов не заботятся о здоровье до тех пор, пока не почувствуют себя больными. Среди жителей Будапешта, например, таких оказалось 94% [Krawczyk, 1989].

Результаты социологического опроса школьников в 2007 г. также свидетельствуют о том, что большинство из них отводит здоровью и физической подготовленности не очень высокое место в общей системе своих жизненных ориентаций, в иерархии тех ценностей, на которые они ориентируются в своем поведении, образе жизни. Об этом можно судить по ответам респондентов прежде всего на вопрос «Что Вы предпочитаете в жизни?» Респондентам предлагались три варианта ответов на этот вопрос: 1) «жить в свое удовольствие, делать то, что хочется в данный момент (даже если это может повредить здоровью и физическому развитию)»; 2) « всю свою жизнь, все привычки подчинить интересам своего здоровья и физического развития » и 3) «затрудняюсь ответить». Из 1970 респондентов, давших ответы на этот вопрос, только 28,8% (568 чел.) – выбрали второй вариант: « всю свою жизнь, все привычки подчинить интересам своего здоровья и физического развития ». 37,5% (739 чел.) выбрали первый вариант: «жить в свое удовольствие, делать то, что хочется в данный момент (даже если это может повредить здоровью и физическому развитию)», а 33,7% (663 чел.) – третий вариант «затрудняюсь ответить».

Подтверждением того, что здоровье и физическая подготовленность занимают не очень высокое мнение в иерархии ценностей большинства опрошенных школьников, являются и их ответы на вопрос «Волнует ли Вас то, как окружающие оценивают Ваше физическое развитие и здоровье». Только 21,5% (426 чел.) выбрали вариант ответа «очень волнует». 47,4% (938 чел.) предпочли вариант – «немного волнует», а 31% (613 чел.) – «мне это безразлично». С точки зрения того места, которое они отводят здоровью и физической подготовленности в иерархии своих ценностей, показательны и их ответы на вопрос «Какие черты, по Вашему мнению, особенно важны для культурного человека?» Отличное физическое состояние отнесла к числу таких качеств примерно только половина (50,3%) респондентов, а хорошее здоровье – чуть больше половины (56,9%) респондентов. Другие респонденты, по-видимому, считают эти качества не столь важными для человека высокой культуры. Вместе с тем, к особенно важным для такого человека они причисляют «умственные способности» (на это указали 74,7% респондентов), «увлеченность музыкой, литературой» (34,9%), «знание новинок кино, театра» (28,7%), «рациональное питание» (25,2%); «знания в области техники» (19,5%).

Низкий статус здоровья и физического развития в системе реальных ценностей многих людей проявляется и в том, что, как показывают данные социологических исследований и просто наблюдения за их поведением в повседневной жизни, у них всегда



находятся вещи – зарабатывание денег, учеба, подготовка к будущей профессии, развитие культуры, интеллектуальных, творческих, эстетических способностей и др., которые для них имеют более важное значение. Примечательно, что характеризуя значение здоровья в жизни человека, респонденты часто отвечают следующим образом: «Здоровье – это, конечно, важно, но иногда можно и забыть об этом ради дополнительного заработка, развлечений и т. п.» [Журавлева, 2002, с. 56].

Такое ценностное отношение к здоровью и другим аспектам физического состояния человека, как показывает философско-социологический анализ, определяется рядом факторов.

Прежде всего следует учитывать наличие у человека, как отмечено выше, не только естественного, биологически заданного, но и *социально формируемого (неорганического) тела*. На основе достижений науки, техники, медицины и т.д. оно играет все более важную роль для человека и позволяет все в большей степени устранять появляющиеся у людей изъяны в их физическом состоянии.

Важную роль играет общая система *культурных ценностей*. В этом плане ценности западной культуры в меньшей степени, нежели восточной культуры, ориентируют на заботу о телесных аспектах жизнедеятельности человека.

На низкий уровень реальной заботы человека о своем здоровье и физическом развитии существенное влияние оказывают и такие *социальные условия* жизнедеятельности, при которых отсутствуют достаточно существенные моральные и материальные стимулы, подталкивающих его к заботе об этих аспектах своей телесности.

Так, например, по данным опроса студентов в указанном международном социологическом исследовании, какие-то существенные затруднения, неудобства из-за недостатков в своей физической подготовленности и состоянии здоровья за время учебы в вузе имели только 5% студентов, во время службы в армии – 2,3%, во время отдыха, на досуге – 4%, при создании семьи 4,4%, в семейной жизни – 3,9%. Аналогичные данные получены и в ходе опроса 3984 респондентов, проведенного ВНИИФК. Состояние здоровья и физической подготовленности послужили препятствием при создании семьи соответственно лишь у 2% (1,2%), при выборе профессии – у 5,6% (2,9%), при поступлении на работу, в учебное заведение – у 4% (1,8%), а при продвижении по службе только у 2% (1%) [Пономарчук, 1988].

При этом следует учитывать, что эти данные получены в ходе социологического опроса студентов в советский период развития нашей страны, когда рыночные отношения практически отсутствовали.

В современный период, когда господствует рыночная экономика, повысились требования к здоровью и физической подготовленности специалистов. Проблемы трудоустройства для людей со слабым здоровьем, существенно возросшие цены на лекарство и т.д. привели к тому, что теперь стало невыгодно болеть. Вместе с тем низкий уровень стипендий для студентов и заработной платы многих специалистов породили стремление заработать деньги любой ценой, в том числе за счет собственного здоровья. К тому же до сих у многих студентов сохраняется убеждение в том, что лишь некоторые профессии (например, такие, как военный, милиционер, актер, пожарник, летчик, учитель физвоспитания и т.п.) в обязательном порядке предусматривают высокий уровень физической подготовленности, который требует систематических занятий физическими упражнениями и спортом. А все остальные профессии и специальности, якобы, не требуют специальных усилий, направленных на совершенствование физической формы.

Такова краткая характеристика результатов философско-социологического анализа социальных барьеров физкультурно-двигательной активности.\*

### Литература к главе 27

1. Абзалов Р.А. (2002). Теория физической культуры (курс лекций): Учеб. пос. – Казань: Дом печати. – 216 с.
2. Абзалов Ринат, Сигдиков Фарид (2002). Физкультурология – наука о природе двигательной деятельности // II Междунар. форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». 15–18 июня 2002 г., г. Москва. XI Конференция «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Советский спорт. – С. 13-18.

---

\* Заметим, что такого рода социальные барьеры касаются и участия различных групп людей в спортивной деятельности.

3. Авраменко В.А. (1990). Урок физической культуры и формирование здорового образа жизни школьников // Физическая культура и здоровый образ жизни: Матер. Всес. научно-практич. конф. (Севастополь, 16-21 февр. 1990 г.). – М. – С. 3-7.
4. Александров С.Е. (1990). Социальные функции физической культуры как составной части общей культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 11. – С. 51-55.
5. Андреев Ю.М. (1978). Двигательная деятельность как объект системного анализа теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – №11. – С. 52-56.
6. Арвисто М.А. (1982). Мотивация физкультурно-спортивной деятельности // Физическая культура и советский образ жизни. – М.: ФиС. – С. 169-180.
7. Аэробика. Теория и методика проведения занятий: Учеб. пос. для студентов вузов физической культуры/ Под ред. Е.Б. Мякинченко и М.П. Шестакова. – М.: СпортАкадемПресс, 2002. – 304 с.
8. Бальсевич В.К. (1981). Феномен физической активности человека как социально-биологическая проблема // Вопросы философии. – № 8. – С. 78-89.
9. Бальсевич В.К. (1988). Физическая культура для всех и для каждого. – М.: ФиС. – 208 с.
10. Бальсевич В.К. (1992). Физическая культура человека: состояние, проблемы и стратегия развития на перспективу (актовая речь). – М.: ГЦОЛИФК. – 41 с.
11. Бальсевич В.К. (2000). Онтокинезиология человека. – М.: Теория и практика физической культуры. – 275 с.
12. Бальсевич В.К. (2002а). Основные положения концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 2-4.
13. Бальсевич В.К. (2006). Спортивный вектор физического воспитания в российской школе. – М.: НИЦ «Теория и практика физ. культуры и спорта». – 112 с.
14. Барышева Н.В. (1997). Организационно-педагогическая система развития физической культуры личности: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – Казань. – 40 с.
15. Барышева Н.В., Виноградов П.А., Жолдак В.И. (1997). Физическая культура и здоровый образ жизни: Учеб. пособие. – Самара. – 256 с.
16. Башкирова М.М., Дынникова Л.А., Жарова Л.Б. и др. (1990). Организация и управление физкультурно-оздоровительной работой в зарубежных странах: Обзорная информация. – М.: ВНИИФК.
17. Бейлин В.Р., Бейлина А.А. (1998). Эвритмические упражнения // Физическая культура в школе. – № 2. – С. 34-37.
18. Бердус М.Г. (2000). Формирование теории физической рекреации в контексте основ ее метатеории: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Малаховка. – 30 с.
19. Бережков Л.Ф. (1993). Человек, здоровье, физическая культура в изменяющемся мире. – Коломна. – 13 с.
20. Бойко А.Ф., Виноградов П.А. (1994). Какими будут наши внуки. – М.: Вагриус. – 352 с.
21. Болдов А.С. (2006). Формирование интереса к физкультурно-спортивной деятельности у студентов специальных медицинских групп: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
22. Бондаревский Е.Я., Кадетова А.В. (1987). О школьных программах по физической культуре // Физическая культура в школе. – № 3. – С.31-34; № 4. – С. 32-35.
23. Бурцева М.Е. (1930). Художественное движение/Под ред. В. Михельса. – М.-Л.: Физкультура и туризм.
24. Введение в теорию физической культуры: Учеб. пособие для ин-тов физ. культ./Под ред. Л.П.Матвеева. – М.: Физкультура и спорт, 1983.
25. Вербова З. (1967). Искусство произвольных упражнений. – М.: ФиС.
26. Вербовская Е.В. (1997). Методическое пособие по детской психогимнастике для воспитателей дошкольных учреждений. – Н. Новгород. – 54 с.
27. Вербовская Е.В., Большев А.С., Лебедев Ю.А., Силкин Ю.Р., Филиппова Л.В. (2001). Психомоторное и эмоциональное развитие шестилетнего ребенка средствами выразительного движения: Учеб. пособие. – Москва–Нижний Новгород.
28. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к коррективке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.
29. Виленский М.Я. (1991). Физическая культура в профессионально-ценностных ориентациях студентов и процесс их формирования: методология и теория // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 27-30.
30. Виленский М.Я. (1994). Социально-психологические детерминанты формирования здорового образа жизни // Теория и практика физической культуры. – № 9. – С. 9-11.
31. Виленский М.Я. (1996). Физическая культура в гуманитарном образовательном пространстве вуза // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 27-32.
32. Виноградов Г.П. (1998). Теоретические и методические основы физической рекреации: Дис...докт. пед. наук. – СПб.

33. Виноградов П.А. (1990). Физическая культура и здоровый образ жизни (проблемы и перспективы использования средств массовой информации в их пропаганде). – М.: Мысль. – 287 с.
34. Виноградов П.А. (1995). Актуальные проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни населения России // Физическая культура – основа здорового образа жизни: Доклады, тезисы, материалы. – М. – С. 4-33.
35. Виноградов П.А. (1996). Социокультурные аспекты пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и олимпизма // Социокультурные аспекты здорового образа жизни. – М. – С. 21-32.
36. Виноградов П.А., Душанин А.П., Жолдак В.И. (1996). Основы физической культуры и здорового образа жизни. – М.: Сов. спорт.
37. Виноградов П.А., Жолдак В.И., Моченов В.П., Паршикова Н.В. (2003). Бой за будущее: физическая культура и спорт в профилактике наркомании среди молодежи. – М.: Сов. спорт. – 184 с.
38. Виноградов П.А., Жолдак В.И., Чеботкевич В.И. (1995). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пос. – Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т им В.Г. Белинского. – 347 с.
39. Выдрин В.М. (1988). Теория физической культуры (культуроведческий аспект): Учеб. пос. – Л.: ГДОИФК им. П.Ф. Лесгафта. – 45 с.
40. Гагин Ю.А., Дмитриев С.В. (2000). Духовный акмеизм биомеханики. – СПб.: Изд-во Балт. пед. академии. – 308 с.
41. Головных Г.Я. (1989). Физическая культура как социальное явление. – Смоленск: СГИФК.
42. Гончаров В.Д. (1995). Физическая культура в системе социальной деятельности: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – СПб. – 37 с.
43. Гончаров В.Д. (1997). Физическая культура человека: традиции и современность (социологический анализ). – СПб.
44. Гуськов С.И., Зотов А.П. (2002). Физическое воспитание и спорт в школах зарубежных стран. – М.: Полиграф сервис. – 217 с.
45. Дегтярева Е.И. (1998). Новые виды и формы физической активности среди женщин в зарубежных странах и в России: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М.: ВНИИФК.
46. Деминский А.Ц. (1996). Основы теории физической культуры. – Донецк. – 328 с.
47. Деминский А.Ц. (1997). Бытие физической культуры. – Донецк. – 232 с.
48. Джумаев А.Д. (1991). Теоретические основы физической рекреации как составной части физической культуры: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Л. – 23 с.
49. Дмитриев В.С. (2003). Адаптивная физическая реабилитация: структура и содержание: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – М.
50. Дмитриев С.В. (1997). Магия духовного мира в двигательных действиях человека // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 44-50.
51. Дмитриев С.В. (1998). Двигательное действие спортсмена как объект социокультурных исследований // Тез. докл. Международного конгресса “Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы”. Том 2. – М.: “Физкультура, образование и наука”. – С. 454-456.
52. Дмитриев С.В. (1999а). Биомеханика: в поисках новой парадигмы. – Н.Новгород. – 179 с.
53. Дмитриев С.В. (1999б). От технократической биомеханики к социокультурной теории двигательных действий: Монография. – Н. Новгород. – 246 с.
54. Дмитриев С.В. (2005). От праксиса к логосу: междисциплинарные исследования в сфере биомеханики спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 11. – С. 45–60.
55. Дмитриев С.В. (2011). Образовательное пространство и объектно-предметная область физической культуры и АФК-технологий // Теория и практика физ. культуры. – № 91. – С. 37–42.
56. Дмитриев С.В., Донской Д.Д. (1993). Категориальный контекст теории антропоцентрической биомеханики. Проблемы и решения. – Н. Новгород. – 49 с.
57. Дмитриев С.В., Скитневский В.Л. (1997). Ценностно-смысловое проектирование двигательных действий спортсмена // Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания в теории деятельности и двигательных действий. – Н. Новгород: НГПУ. — С. 78-93.
58. Донской Д.Д., Дмитриев С.В. (1997). Антропоцентрическая биомеханика: истоки, тенденции и перспективы развития // Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания в теории деятельности и двигательных действий. – Н. Новгород: НГПУ. – С. 58-67.
59. Евсеев С.П. (1998). Адаптивная физическая культура (цель, содержание, место в системе знаний о человеке) // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 2-7.
60. Евсеев С.П., Шапкова Л.В. (2000). Адаптивная физическая культура. – М.: Советский спорт. – 240 с.
61. Жарова Л.Б. (1985). Физкультурно-оздоровительная работа в США (по материалам американской печати): Научный обзор. – М.: ЦООНТИ-Фис.
62. Жбиковский Я. (1994). Физкультура и спорт как средство социальной интеграции и адаптации инвалидов: Автореферат дис... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
63. Жолдак В.И. (1979). Социальное значение физической культуры. – М.

64. Жолдак В.И. (1982). Труд и физическая культура. – М.: Знание.
65. Жолдак В.И. (1992). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: МОГИФК. – 251 с.
66. Жолдак В.И., Гончаров В.И. (2002). Физическая культура и здоровый образ жизни молодежи. – Томск.
67. Жолдак В.И., Коротаева Н.В. (1994). Социология физической культуры и спорта. Учеб. пособие. – Малаховка, МОГИФК. – 295 с.
68. Журавлева И.В. (2002). Здоровье подростков: социологический анализ. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН. – 240 с.
69. Здоровье студентов. Вып. 1: Здоровый образ жизни и физическая культура студентов (социологические аспекты)/Под ред. В.М. Лабскира и В.И. Столярова. – Москва-Харьков. – 103 с.
70. Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма. Научные труды XIII Международной научно-практической конференции (п. Новомихайловский, 27 сент.–4 окт. 2010 г.). – Ростов-на-Дону, 2010. Том 1. – 440 с., Том 2. – 352 с.
71. Калинин Л.А., Матов В.В. (1990). Физкультурно-рекреационная стратегия развития современного общества // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 8-11.
72. Кардялис К.К. (1989). Педагогические основы информационного воздействия на отношение школьников к физкультурно-спортивной деятельности: Дис. ... докт. пед. наук. – Каунас. – 365 с.
73. Кардялис Кястутис, Батулис Олегас (2002). Особенности отношения школьников к занятиям физической культурой и спортом // II Международный форум «Молодежь–Наука–Олимпизм». 15-18 июня 2002 г., г. Москва. Конференция «Юношеский спорт XXI века»: Материалы – М.: Сов. спорт. – С. 99-103.
74. Кардялис К.К., Зуозиене И.Ю. (1999). Влияние знаний о физической культуре и здоровом образе жизни на отношение школьников к физической активности // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 3-4. – С. 11-15.
75. Кинкадзе Ю.В. (1990). Социально-педагогические аспекты формирования здорового образа жизни и физической культуры (на примере учащейся молодежи Грузии): Дис... канд. пед. наук. – Тбилиси. – 160 с.
76. Кислухина И.И., Трушкова М.П. (1995). Аэробика и аэрофитнесс – новое направление в оздоровительной гимнастике // Физкультурное образование Сибири. – № 2. – С. 51-53.
77. Козина Г.Ю. (2007). Физкультурно-оздоровительная деятельность как социальный фактор формирования здоровья современной студенческой молодежи: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Пенза. – 21 с.
78. Колычев В.А. (1998). Физическая культура и социальное здоровье населения. – М.: Советский спорт. – 130 с.
79. Кравчик З. (1979). Проблема участия молодежи в культуре, физической культуре и спорте // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. – М., ФиС. – С. 181-192.
80. Кравчик З. (1981). Физическая культура в Польше на пороге 80-х годов (попытка диагноза) // Проблемы междунар. спортивного движения. Тематич. подборка 18. – М.: ВНИИФК. – С.11-24.
81. Крючек Е.С. (2001). Аэробика: содержание и методика оздоровительных занятий: Учеб.-методич. пос. – М.: Терра-Спорт, Олимпия-Пресс. – 64 с.
82. Кудрявцева Н.В. (1996). Новые формы физкультурно-спортивной работы с детьми и молодежью: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
83. Кулагина И.Е. (1993). Художественное движение (метод Л.Н.Алексеевой). – Н.Новгород, Москва: Исследовательский Центр эстетического воспитания института развития личности РАО.
84. Кутепов М.Е. (1980). Структура потребностей и интересов школьников и трудящихся в занятиях физическими упражнениями и спортом: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 21 с.
85. Лебедев Ю.А., Столяров В.И., Филиппова Л.В. (1997). Технология целостного гуманистического воздействия физкультурно-спортивной деятельности на личность школьника и студента // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I): Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 128-163.
86. Лебедев Ю.А., Филиппова Л.В. (1992). Гуманизация физкультурно-спортивной деятельности. – Пермь: Изд-во Пермского университета. – 122 с.
87. Левченкова Т.В. (2007). Тенденции развития детского фитнеса в России // Дети России образованны и здоровы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, г. Воскресенск, 7–8 декабря 2006 г. – М. – С. 78–80.
88. Лисицкая Т.С. (1984). Хореография в гимнастике. – М.: ФиС.
89. Лисицкая Т.С. (1987). Ритм + пластика. – М.: ФиС.
90. Лисицкая Т.С. (1988). Гимнастика и танец. – М.: Сов. спорт.
91. Лисицкая Т. (1994). Аэробика на все вкусы. – М.: Просвещение. – 130 с.
92. Лисицкая Т.С. (2002). Принципы оздоровительной тренировки // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 6–14.

93. Локалова Н.Р. (1989). Зачем нужна школьная физкультура: точка зрения психолога // Вопросы психологии. – № 3. – С. 106-111.
94. Лотоненко А.В., Стеблецов Е.А. (1997). Молодежь и физическая культура. – М.: Физкультура, образование, наука. – 319 с.
95. Лоуренс Д. (2000). Аквааэробика. Упражнения в воде. – М.: ФАИР-ПРЕСС. – 256 с.
96. Лубышева Л.И. (1996а). Концепция физкультурного воспитания: методология развития и технология реализации // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 11-17.
97. Лубышева Л.И. (1997б). Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 10-15.
98. Лубышева Л.И. (1998а). Введение в социологию физической культуры и спорта (курс лекций). – М. – 120 с.
99. Лубышева Л.И. (2000). Десять лекций по социологии физической культуры и спорта. – М.: Теория и практика физ. культуры. – 151 с.
100. Лубышева Л.И. (2001). Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: Изд. центр «Академия». – 240 с.
101. Лубышева Л.И. (2007). Физическая и спортивная культура: понятия, функции, технологии // Доклады первого межд. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 229–232.
102. Лубышева Л.И., Лотоненко А.В., Игнатъев А.С. (2000). Физическая культура и молодежь: Учеб. пособие. – М.: ТиПФК. – 182 с.
103. Лукьяненко В.П. (2001). Физическая культура: основы знаний: Учеб. пос. – Ставрополь: Изд-во СГУ.
104. Матвеев А.П., Непопалов В.Н. (1994). Физическая культура: физкультура или развитие человека // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 2-7.
105. Матвеев Л.П. (1984). К уточнению центральной категории теории физической культуры // Очерки по теории физической культуры. – М.: ФиС. – С. 63-74.
106. Матвеев Л.П. (1991). Теория и методика физической культуры: Учебник для ИФК. – М.: ФиС. – 543 с.
107. Матвеев Л.П. (1998). Введение в теорию физической культуры. – М.: Физкультура и спорт.
108. Матвеев Л.П. (2002). Теория и методика физической культуры. (Часть 1. Введение в общую теорию физической культуры). Учебник для высших специальных физкультурных учебных заведений. – М., РГАФК. – 176 с.
109. Матвеев Л.П. (2003). Интегративная тенденция в современном физкультуроведении // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 5-11.
110. Мергаутова Я. (1978). Функции физической культуры, обусловленные изменениями содержания труда и жизненной среды в условиях научно-технической революции: Автореф. дис... докт. пед. наук. – М. – 39 с.
111. Мергаутова Я., Йоахимсталер Ф. (1984). Физическая культура в структуре общества и жизнедеятельности человека // Очерки по теории физической культуры: Труды ученых соц. стран. – М.: ФиС. – С. 117-142.
112. Миллер Лариса (1990). Гимнастика, подобная танцу // Физ. культура и спорт. – № 4. – С. 13-15.
113. Мотылянская Р.Е., Каплан Э.Я. (1989). Методологические аспекты использования пластической гимнастики как одной из форм оздоровительной физкультуры // Теория и практика физ. культуры. – № 3. – С. 17-20.
114. Мотылянская Р.Е., Якубовская А.Р. (1991). Антистрессовая пластическая гимнастика (медико-биологическое и психологическое обоснование) // Теория и практика физ. культуры. – № 5. С. 10-15.
115. Моченов В.П. (1994). Социально-педагогические аспекты использования нетрадиционных форм и средств физической культуры в практике физкультурно-оздоровительной работы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.
116. Моченов В.П. (1999). Спорт против наркотиков // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 3-4. – С. 61-63.
117. Моченов В.П. (2001). Физическая культура и спорт в профилактике наркомании и преступности среди молодежи // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 60-62.
118. Моченов В.П. (2005). Социологический анализ современных тенденций развития физической культуры в Российской Федерации // Материалы докл. научно-практич. конф. «Социология физической культуры и спорта в системе социологического знания и физкультурного образования: состояние и перспективы» (г. Москва, РГУФК, 28 янв. 2005 г.). – М.: «Спортивная книга». – С. 26-30.

119. Моченов В.П. (2009). Соматический вектор развития современной культуры // Материалы Международной научной конференции: Спорт, спартианское движение и культур мира (23–25 мая 2007 года)/РГУФКСиТ. – М.: Светотон. – С. 9–16.
120. Назаренко Л.Д. (2004). Эстетика физических упражнений. – М. – 249 с.
121. Никитин В.Н. (2000). Энциклопедия тела: психология, психотерапия, педагогика, театр, танец, спорт, менеджмент. – М.: Алетейа. – 624 с.
122. Окуньков Ю.В. (1996). Формирование потребностей подрастающего поколения в здоровом образе жизни, в регулярных занятиях физическими упражнениями // Социокультурные аспекты здорового образа жизни. – М.: Сов. спорт. – С. 86-95.
123. Очерки по теории физической культуры: Труды ученых социалистических стран. М.: ФиС, 1984. – 247 с.
124. Ощепков Г.Г., Ощепков П.Г. (2000). Мини-слалом: от игры и отдыха – к слалому высших достижений и к спортивно-гуманитарному движению «Мир – детям Европы XXI века» // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 24-26, 39-40.
125. Палосуо Х., Журавлева И., Уутела А., Лакомова Н., Шилова Л. (1998). Восприятие здоровья и связанных с ним привычек и установок (сравнительное исследование взрослого населения в Хельсинки и Москве). – М.: Изд-во Института социологии РАН. – 158 с.
126. Пахомова Г.В. (1990). Пластико-ритмическая гимнастика: Методические рекомендации. – М.: Российский Республ. Совет ВДФСО профсоюзов.
127. Переверзин И.И., Кутепов М.Е. и др. (1985). Организация массовой физкультурно-оздоровительной работы в зарубежных странах: Методич. разработки. – М.: ГЦОЛИФК.
128. Пиотровски Л.М. (1980). Физическая рекреация как часть физической культуры: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
129. Пономарев Н.А. (1976). Основы социологии физической культуры (Цикл лекций). – Л. – 129 с.
130. Пономарев Н.А. (1998). Социология физической культуры. – СПб.
131. Пономарев Н.И. (1974в). Социальные функции физической культуры и спорта. – М.: ФиС.
132. Пономарев Н.И., Столяров В.И. (1983). Социальное значение физической культуры и спорта // Физическое воспитание: учебник. – М.: Высшая школа. – С. 6-24.
133. Пономарчук В.А. (1988). Физическая культура, спорт, личность. – М.: Знание РСФСР. – 37 с.
134. Пономарчук В.А. (1994). Физическая культура и становление личности (социально-философский подход): Дис. в форме научного доклада... докт. филос. наук. – М. – 45 с.
135. Пономарчук В.А., Аяшев О.А. (1991). Физическая культура и становление личности. – М.: ФиС.
136. Попова Т.А. (2006). Восток и Запад. Тенденция вовлечения человечества в систему фитнеса // Физическое воспитание учащейся молодежи: традиции и инновации. Межвузовский сборник научных трудов. – Владимир. – С. 53–61.
137. Решетнева Г.А. (2007). Проблема совершенствования основных понятий теории физической культуры // Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 332–334.
138. Рубаненко А.М. (2001). Социокультурный потенциал спонтанного танца: Автореф. дис... канд. филос. наук. – Н. Новгород.
139. Рубчевский В.П. (1986). Физкультурно-спортивная активность учащихся общеобразовательной школы // Научные основы физкультурно-оздоровительной работы среди населения. – М.: ВНИИФК.
140. Рыжкин Ю.Е. (2001). К вопросу о понятии феномена «физическая рекреация» // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 55–57.
141. Рыжкин Ю.Е. (2002). Физическая рекреация в сфере досуга человека // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 17–19.
142. Рэнсон Ролланд (1999). Спорт для всех: новые и старые формы культуры движения // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1-2. – С. 21-23.
143. Савосина М.Н. (2005). Активизация физкультурной деятельности студентов на основе формирования ответственности за личное здоровье: Автореф. ...дис. канд. пед. наук. – Чебоксары. – 21 с.
144. Сергеев М.И. и др. (1990). Отчет о НИР «Состояние и факторы развития физической культуры и здорового образа жизни учащихся общеобразовательной школы» /итоговый/. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т. – 210 с.
145. Скоробогатов А.Б., Молчанов С.В., Столяров В.И. (1989). Формирование здорового образа жизни учащихся профессионально-технических училищ. – Москва-Минск. – 73 с.
146. Смелкова Е.В. (2004). Фитнес-клубы и их место в массовой физической культуре // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 44.

147. Смелкова Е.В. (2007). Фитнес – современная форма оздоровительной работы в образовательных учреждениях // Дети России образованны и здоровы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29-30 ноября 2007 г.). – М. – С. 206–208.
148. Соболева В.В. (2005). Фитнес в школьных программах: «В каждую школу – спорт с настроением» // Дети России образованны и здоровы: Материалы III научно-практич. конф. г. Москва, 28-29 окт. 2005 г. – М. – С. 62–64.
149. Соколов В.А. (1987). Источники физкультурно-спортивной активности молодежи. – Минск: Полымя. – 104 с.
150. Соколов В.А. (1991). Сущность, структура и содержание социально-педагогических факторов, детерминирующих физкультурную активность студенческой молодежи: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 51 с.
151. Социальная адаптация и комплексная реабилитация инвалидов средствами физической культуры и спорта: Сб. материалов Межд. научно-практической конференции (Москва, 19-20 мая 1998 г.). – М., 1998.
152. Спорт, духовные ценности, культура (1998ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр “СпАрт” РГАФК, 1998. – 255 с.
153. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско–социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
154. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
155. Столяров В.И. (1985а). Задачи пропаганды физкультурно-спортивной деятельности, вытекающие из учета ее реальной культурно-воспитательной ценности и ее субъективной оценки различными группами населения // Проблемы организации и пропаганды массовых форм физкультурно-оздоровительных занятий: Тез. докладов Всесоюзной научн. конф. Ч. I. – Таллин. – С. 106–108.
156. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
157. Столяров В.И. (1985в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 45–49.
158. Столяров В.И. (1986в). Субъективные факторы, определяющие пассивное отношение населения к физкультурной деятельности (социологический анализ) // Тез. Всесоюзной научно-практич. конф. “Научные основы физкультурно-оздоровительной работы среди населения”. – М. – С. 78–80.
159. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально–педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.
160. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
161. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр. – М. – С. 126–142.
162. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – № 4. – С. 78–92.
163. Столяров В.И. (1990). Программа международного социологического исследования здорового образа жизни и физической культуры студентов // Здоровье студентов. Вып. 1: Здоровый образ жизни и физическая культура студентов (социологические аспекты). – Москва-Харьков. – С. 3–10.
164. Столяров В.И. (1991а). Почему люди не занимаются физкультурой и спортом? (социологический анализ причин физкультурно-спортивной пассивности населения) // Актуальные проблемы пропаганды физической культуры и спорта, вып. первый. – М.: Знание. – С. 15–25.
165. Столяров В.И. (1993г). Проект «СпАрт» и новая комплексная система физкультурно-спортивной работы с целью духовного и физического оздоровления населения России (основные идеи и первые итоги реализации) // Теория и практика физ. культуры. № 4. – С. 10–14.
166. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 84–209.
167. Столяров В.И. (1998м). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть I. Объекты исследования социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 124 с.

168. Столяров В.И. (1999д). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть II. Предмет, значение и история развития социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 203 с.
169. Столяров В.И. (2002д). Социология физической культуры и спорта (введение в проблематику и новая концепция): Науч.-методич. пос. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – 346 с.
170. Столяров В.И. (2003б). Инновационная спартианская технология духовного и физического оздоровления детей и молодежи: Пособие. – М.: Госкомспорт РФ по физической культуре и спорту, Центр развития спартианской культуры. – 335 с.
171. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
172. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
173. Столяров В.И. (2009г). Методологическая проблема объектной области «наук о физической культуре и спорте» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Методологические проблемы общей и спортивной педагогики (28-30 октября 2009 года)». – М.: Светотон. – С 68–74.
174. Столяров В.И. (2010ж). Культурологические проблемы физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 69–88.
175. Столяров В.И., Бакашвили В.Г., Сегал Ю.П. (1988). Философско-социологическое обоснование путей формирования здорового образа жизни и физической культуры детей // Информационные материалы ФО СССР. – № 5. – М. – С. 32–40.
176. Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. (2009). Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе /под общ. ред. докт. филос. наук, проф. В.И. Столярова. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – 320 с.
177. Столяров В.И., Баринов С.Ю. (2011). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. 2-е изд. – М.: Издательство «Университетская книга». – 234 с.
178. Столяров В.И., Кудрявцева Н.В. (1998). Физкультурно-спортивная работа с населением на пороге XXI столетия: проблемы и пути их решения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 94–216.
179. Столяров В.И., Попов Г.В. (2004). Педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Методич. пос. – Щадринск: Изд-во Щадринского пед. института. – 47 с.
180. Столяров В.И., Стопникова Е.В. (2009). Социокультурные основания фитнес-движения // Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28-29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. – М.: Параллели. – С. 45–46.
181. Стопникова Е.В. (1992). Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 21 с.
182. Фельдеш Д. (1988). Место физической культуры и спорта в системе ценностей учащихся профессиональных училищ ВНР и ПНР // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта. Вып. I. Спорт. Культура. Воспитание. – М. – С. 122–131.
183. Физическая культура и спорт в профилактике наркомании и преступности среди молодежи: Материалы Всерос. научно-практич. конф. (21-23 июня, 2000, Смоленск). – М.: Изд-во дом РИГ-издат, 2000.
184. Физкультура в режиме продленного дня школы. – М., 1986.
185. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
186. Филиппова Л.В., Рубаненко А.М. (2001). Спонтанный танец как вид телесной культуры. Монография. – Н.Новгород: ННГАСУ. – 120 с.
187. Фудзии Хидэеси (1998). Формирование человека и новые виды спорта и физической культуры // International Higher Education Research, vol. II./Ed. by Masanao Takeda. – Sapporo, Japan: Hokkaido University. – P. 15–16.
188. Харькин В., Гройсман А. (1999). Тренинги самооздоровления и самосозидания. – М.: Магистр. – 240 с.
189. Хоули Эдвард Т., Дон Френке Б. (2000). Оздоровительный фитнес. – Киев: Олимпийская литература. – 367 с.
190. Чепик В.Д. (1995). Физическая культура в социальных процессах. – М. – 169 с.
191. Чистякова М.И. (1990). Психогимнастика. – М.



192. Чувишкин Д.Ю. (1999). Ценности физической культуры молодежи как объект социологического исследования: Дис. ... канд. социол. наук. – Саратов.
193. Шипунов Д.В. (2007). Особенности формирования двигательных способностей школьников в условиях фитнеса-клуба // Дети России образованны и здоровы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29-30 ноября 2007 г.). – М. – С. 262–264.
194. Шумакова Н.Ю. (2010). Артпедагогика: гуманизация образования в области физической культуры: монография. – Ставрополь «Илекса». – 308 с.
195. Bernd C. (1988). Bewegung und Theater. Lernen und Verkörpern. – Frankfurt und Griedel.
196. Biermann K.F., Wiskow M. (1983). Bewegungstheater für Anfänger // Sportpädagogik. –Hf. 3. – S. 25-30.
197. Collis M.Z. (1980). Changing fitness related behaviour // Fitness motivation. – Toronto: Orcol Pub. – P. 63-68.
198. Figley B.E. (1985). Determinants of attitudes toward physical education // Journal of teaching in physical education. – N. 4. – P. 229-240.
199. Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy. Wybór tekstów i opracowanie naukowe Z.Krawczyk, J.Kosiewicz. – Warszawa, 1990. Том I. – 310 p.
200. Fluegelman Andrew (1981). More New Games! ... and Playful Ideas from the New Games Foundation. – New York: Dolphin Books. – 191 p.
201. Heinemann Klaus (1978). Social Determinants of Engagement in Sports // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 1. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 345-356.
202. Heinemann K. (1980). Einführung in die Soziologie des Sports. – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
203. Heinemann K. (1988). Die Nachfrage nach Sport und ihre Determinanten. Ergebnisse einer Befragung von Vereinsmitgliedern und Kunden gewerblichen Sportanbieter. – Hamburg: Institut für Freizeit und Sport. – 93 S.
204. Kis J. (1986). Methodological considerations on the formation and development of interest in sports // Review of the Hungarian University of Physical Education. – Budapest. – P. 39-55.
205. Krawczyk Z. (1983). Kultura fizyczna a sposób i styl życia // Sport w kształtowaniu kultury i osobowości. – Warszawa. – P. 296-310.
206. Krawczyk Z. [red.] (1989). Kultura fizyczna w kategoriach wartości/praca zbiorowa. – Warszawa. – 131 p.
207. Krawczyk Z., Földesi T. (1985). Physical Culture in Social Consciousness // Int. Review for the Sociology of Sport. – v. 20, N. 4. – P. 321-335.
208. Kunicki Bogdan J. (1984). Społeczne bariery rekreacji fizycznej. – Warszawa. – 367 p.
209. Kunicki Bogdan J. (1985). Social Barriers in Physical Recreation // International Review for the Sociology of Sport. – Warszawa. – P. 167-177.
210. Liebau Eckart (1989). “In-Form-Sein” als Erziehungsziel? Pädagogische Überlegungen zur Sportkultur // Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 139-153.
211. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald (1978). Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison-Wesley Publishing Company. – 447 p.
212. Maguire Joseph, Mansfield Louise (1998). “No-Body’s Perfect”: Women, Aerobics, and the Body Beautiful // Sociology of Sport Journal. – vol. 15, N. 2. – P. 109–137.
213. Metzenthin R. (1983). Schöpferisch Spielen und Bewegen. – Ottersweier.
214. Mitchell Michelle, Volkwein-Caplan Karin, Ray Judith (2004). Beaty or Beast – The Making of the Modern Body // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 205-222.
215. Orlick Terry (1978). The Cooperative Sports & Games Book. Challenge Without Competition. – New York: Pantheon Books.
216. Rosenberg C. (1990). Bewegungstheater. – Aachen.
217. Rymarczyk Piotr (2005). From the performance principle to the fitness principle – the human body in the contemporary Western culture // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 323-327.
218. Seppänen Paavo (1978). Sociocultural Obstacles and the Prevention of Sports Involvement // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 395–403.
219. Sladek V. (1985). Pantomimentheater. – Köln.
220. Stolyarov V.I. (1985c). Telesna kultura a socialisticky zpusob zivota // Sociologicky casopis. – c. 3. – P. 239–250.
221. Stolyarov V. (1990b). Problemy teorii kultury fizycznej. Analiza metodologiczna // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, b. I. – Warszawa. – P. 302-308.
222. The New Games Book. – New York: a Headlands Press Book, 1976.

223. Tiedt W. (1995). Bewegungstheater, Bewegung als Theater, Theater mit Bewegung // Sportpädagogik. – N 2. – S. 15-24.
224. Volkwein Karin A.E. (1994). Fitness development in postmodern societies – a crosscultural comparison between the USA and Germany: The paper presented at the ISA – XIII World Congress of Sociology, Bielefeld, Germany, July 1994. – 10 p.
225. Volkwein-Caplan Karin (2004a). Body Image and Physical Activity // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 182-204.
226. Volkwein-Caplan Karin (2004c). Fitness – The Global Sport for All? // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 46-53.
227. Vuolle Pauli (1987). Reasons for non-interest in physical activity among Finns and measures to remove them: Paper presented at the International Congress “Making the Inactive Active” in Oslo 21–25 June 1987. – 11 p.
228. Wagner Petra (2000). Aussteigen oder dabeibleiben? Determinanten der Aufrechterhaltung sportlicher Aktivität in gesundheits-orientierten Sportprogrammen. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 298 S.
229. Wohl A. (1979). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. I. – Warszawa.

## Глава 28. Телесная культура как объект философского исследования

Анализ различных концепций физической культуры показывает, что понятие «*физическая культура*» используется для характеристики не только охарактеризованного выше социального явления – *определенных (оздоровительно-рекреационных) форм двигательной активности человека, используемых для решения важных социокультурных задач*, но и другого (хотя и связанного с первым) социального явления – *процесса, средств и его результатов, связанных с социокультурной модификацией тела человека*.

Данная глава посвящена анализу социально-философских проблем, связанных с этим социокультурным явлением.

### 28.1. Понятие и структура телесной культуры

В связи с необходимостью различить два тесно связанных, но все же различных социальных явления, для характеристики которых используется понятие «физическая культура», автор еще в прежних своих публикациях [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д, 2009 а, г, 2010 а, ж; Stolyarov, 1985 с, 1990 b и др.] подчеркивал необходимость его *дифференциации на два понятия*.

Но в связи с этим возникла терминологическая проблема: какой второй термин (помимо термина «физкультурная двигательная деятельность») использовать для обозначения второго выделенного социального явления.

Традиционный термин «физическая культура» не совсем удачен для этой цели хотя бы потому, что большинство исследователей, как показано выше, использует его для обозначения физкультурной двигательной деятельности. Можно отметить и другие его недостатки [Быховская, 1996 а, б; Жаров, 1987; Столяров, 1984 г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 2002 д, 2004 д; Krawczyk, 1987]. Не случайно в зарубежных публикациях данный термин используется редко.

Поэтому вместо термина «физическая культура» (или как его синоним, дополнение) автор и некоторые другие исследователи предпочитают термины «*телесная культура*», «*культура тела*», «*соматическая культура*» [Александрова, Быховская, 1996; Быховская, 1994, 1996 а, б; Голубев, 1968; Гориневский, 1927; Жаров, 1987; Пивоваров, Пугачева, 1995; Столяров, 1984 г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д; Токач, 1990; Филиппова, Рубаненко, 2001; Kosiewicz, 2001 b; Krawczyk, 1986, 1990 а; Laberge, 1984; Merhautova, Čechak, 1987; Merhautova, Ioachimsthaler, 1981; Rittner, 1985; Schulte, 1928; Seppänen, 1991; Wachter, 1984 и др.]. С.С. Батенин для обозначения той сферы культуры, «главным параметром измерения» которой является «отношение общества к физическому состоянию, к телу человека», использовал термин «*биологическая культура*» [Батенин, 1976]. Однако этот термин явно неудачен, ибо всякая культура, в том числе и та, которая связана с телесным бытием человека, относится к социальной, а не биологической сфере.

В данной книге автор в качестве основного использует термин и соответствующее понятие «*телесная культура*». Оно вводится для характеристики такого элемента культуры, основу которого составляет процесс, средства и результаты социокультурной модификации тела человека.

**Телесная культура** – исторически изменяющееся *позитивное ценностное отношение субъекта (индивида, социальной группы или общества в целом) к телесности человека: деятельность, ее средства и результаты по осмыслению, сохранению и развитию тех сторон, компонентов, функций телесности, которые субъект, ориентируясь на определенные социальные идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения, оценивает как наиболее важные, значимые, т.е. рассматривает как ценности*.

Использование термина «телесная культура» для обозначения этого социокультурного феномена вызвано отнюдь не тем, что данный термин «лучше» термина «физическая культура». У него (равно как и у термина «соматическая культура») также можно найти определенные недостатки [Матвеев, 2002, с. 19; Kosiewicz, 2001 b, p. 149].\*

---

\* Один из них состоит в том, что в некоторых языках (например, в немецком) для обозначения как физической, так и телесной, культуры используется один и тот же термин.

Необходимость использования термина «телесная культура» (в принципе могут быть использованы также термины «культура тела», «соматическая культура» и т.п.) в первую очередь вызвана тем, что термин «физическая культура», как отмечено выше, обычно используется для обозначения *не только* интересующего нас в данном случае процесса и результата социокультурной модификации тела человека, но и *другого* социального явления – определенных форм двигательной деятельности человека, используемой для решения важных социокультурных задач. Поэтому главная причина, побудившая автора использовать в качестве основного термин «телесная культура», а не «физическая культура», – *содержательного* плана: стремление избежать смешения различных социокультурных явлений.

Но, *чтобы не нарушать терминологическую традицию* для обозначения этого социокультурного феномена, наряду с термином «телесная культура» автор использует термин **«телесная (физическая) культура»**. При этом термин «физическая культура» рассматривается как *синоним* термина «телесная культура» и в такой его интерпретации имеет *не много значений*, как в традиционном его применении, а строго *однозначное*. Как и термин «телесная культура», он также используется для обозначения *только* того социального явления, которое связано с процессом социокультурной модификации тела человека. Поэтому в отличие от традиционного применения термина «физическая культура» его нельзя рассматривать как синоним терминов «физкультурная деятельность», «физкультура», «занятий физкультурой», которые в системе понятий, используемых в данной книге, обозначают совсем другое социальное явление.

Подробное обоснование указанного понимания телесной (физической) культуры содержится в ряде публикаций автора данной книги [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д, 2009 а, г, 2010 а, ж; Stolyarov, 1985 с, 199 b и др.].

Указывая на связь телесной (физической) культуры с телом человека и его социокультурной коррекцией, важно иметь в виду следующее.

1. Тело человека характеризует телесную культуру *лишь в той мере и в том отношении*, в какой оно вплетено в систему социальных отношений, в сферу культурной деятельности, выполняет здесь определенные социокультурные функции, а, значит, модифицировано определенным образом в результате стихийного влияния социальной среды, а также сознательных, целенаправленных действий в соответствии с ориентацией социального субъекта (индивида, социальной группы, общества в целом) на те или иные идеалы, нормы, символы.

2. Включение тела человека в мир социума и культуры, процесс социализации и окультуривания (культурации) телесного бытия (физического состояния) человека происходит уже под *стихийным* воздействием социальной среды (условий труда, отдыха, быта и т. д.). Это воздействие существенно модифицирует телесное начало человека и превращает его из природно-данного феномена в социокультурное явление. Но по мере развития общества все более важное значение приобретает *сознательная, целенаправленная деятельность*, которая имеет целью изменение физического состояния человека в нужном (обществу и личности) направлении и использует для достижения этой цели разнообразные средства: педагогические, гигиенические, медицинские и др.

Важным элементом этой деятельности является сознательная, целенаправленная деятельность по изменению физического состояния человека в соответствии с определенными социальными идеалами, нормами и т. д. на основе использования форм двигательной активности, рационального режима труда и отдыха, а также естественных сил природы. Обычно ее называют *«физическим воспитанием»*. Физическое воспитание отличается как от стихийного воздействия социальной среды на телесность человека (от процесса ее социализации), так и от сознательного, целенаправленного воздействия на нее, но связанного с использованием иных средств, допустим, хирургических, средств генной инженерии и т. д.

Понятие **«социокультурная модификация тела человека»** характеризует изменение телесности человека под воздействием всех указанных факторов социума и культуры.

3. Вряд ли правомерно сводить физическую культуру только к физическим кондициям, как это иногда делается. Вот лишь один пример: «Следовательно, физическая культура понимается как природа физических, творческих сил и двигательных способностей человека, исторический уровень развития физических способностей человека» [Абзалов, Ситдииков, 2002, с. 16]. Процесс социокультурной модификации тела (телесности, телесно-

го бытия) человека предполагает определенное *отношение* человека, социальных групп, общества в целом к телу, к физическому состоянию, использование особых *средств* для изменения их в нужном направлении, формирование соответствующих *интересов, потребностей, ценностных ориентаций, норм и правил поведения* и т.п. На определенном этапе развития общества появляются также специальные *социальные институты*, которые направляют свои усилия на то, чтобы обеспечить функционирование и развитие человеческой телесности, физических качеств человека в соответствии с общественными и личными запросами. В ходе этой деятельности между ее участниками складываются определенные *социальные отношения*.

Значит, определенные, подвергшиеся социокультурной модификации параметры телесности человека – важный, но *не единственный* элемент телесной культуры. Она имеет сложную структуру, включает в себя не только социально сформированные и позитивно оцениваемые физические кондиции человека, но и другие элементы социальной реальности (средства деятельности, знания, нормы и правила поведения, интересы, ценностные ориентации, социальные институты и отношения и т.п.). Однако речь идет лишь о тех из них, которые содействуют (обеспечивают) социокультурную коррекцию, приспособление к общественным и личным нуждам тела (физического состояния) человека.

На основе этого в структуре телесной культуры можно выделить следующие ее «блоки» (компоненты):

- *социальные средства* (педагогические, гигиенические, хирургические, медикаментозные, генной инженерии и др.), которые применяются в ходе сознательного, целенаправленного воздействия на тело (физическое состояние) человека;

- *способности, умения и навыки*, которые требуются для этой деятельности;

- *знания*, на которые опираются в ходе формирования, коррекции, совершенствования физического состояния человека;

- *результаты* данной деятельности (социально сформированные физические качества и другие параметры физического состояния человека);

- *мотивационную (аксиологическую) подсистему* определенных идеалов, норм и образцов поведения, интересов, потребностей, ценностных ориентаций, которые стимулируют, вызывают эту деятельность;

- *социальные институты*, осуществляющие деятельность по сохранению и развитию ценностей телесной культуры;

- *социальные отношения*, связанные с данной сферой культуры.

Телесная культура, как и культура вообще, – это культура определенного субъекта, которым, как отмечено выше, может быть отдельный человек (индивид), социальная группа или общество в целом. В зависимости от этого правомерно говорить соответственно о телесной культуре отдельной *личности*, какой-то *социальной группы* или *общества* в целом. Основу телесной культуры *личности* составляет такое позитивное ценностное отношение к телесности, в рамках которого связанные с ней эталоны, ценности и нормы культуры, интериоризованы индивидом, стали достоянием его собственного внутреннего мира.

**Телесная культура личности** – позитивное ценностное отношение индивида к телесности, компонентами которого являются:

- интересы, потребности и т.п., побуждающие его к заботе о телесности;
- знания, умения, навыки, необходимые для этой деятельности;
- идеалы, нормы, образцы поведения, на основе которых индивид оценивает (в суждениях, мнениях, эмоциях, реальных действиях и т.п.) определенные стороны, компоненты, функции телесности как значимые, важные, т.е. как ценности, обосновывает (объясняет) эту оценку, начинает заботиться о телесности, ставит и решает при этом определенные задачи;

- результаты этой деятельности.

Основными показателями и компонентами телесной культуры личности являются:

- отношение человека к своему телу как к ценности;
- характер этого отношения (только декларативное или также и реальное отношение, забота о своем физическом состоянии, предполагающая сознательную, целенаправленную деятельность с целью поддержания в норме и совершенствования различных его параметров – здоровья, телосложения, физических качеств и двигательных способностей);
- степень ориентации на эту заботу;

- уровень знаний об организме, о физическом состоянии, о средствах воздействия на него и методике их применения;
- характер ценностей, которые индивид связывает с телом, одобряемые и реализуемые им на практике идеалы, нормы, образцы поведения, связанные с заботой о физическом состоянии;
- многообразие используемых средств поддержания в норме и совершенствования физического состояния, различных его параметров – здоровья, телосложения, физических качеств и двигательных способностей;
- умение эффективно применять эти средства;
- результаты деятельности по поддержанию в норме и совершенствованию физического состояния (уровень физической подготовленности, здоровья, телосложения, физических качеств и двигательных способностей);
- стремление оказать помощь и реальное содействие другим людям в их оздоровлении, физическом совершенствовании, а также наличие соответствующих знаний, умений, ценностных ориентаций и т. д.

Значит, телесная культура личности включает в себя не только *социально сформированные физические качества и двигательные способности*. Человек с высоким уровнем развития телесной культуры должен хорошо *знать* закономерности функционирования и развития организма, пути, механизмы и средства воздействия на него. У такого человека должна быть выработана *потребность* в систематическом воздействии на свое физическое состояние с целью изменения его в нужном направлении. Он должен обладать *умениями и навыками* правильно, в соответствии с принятыми в обществе нормами и образцами использовать наиболее эффективные средства такого воздействия и применять эти умения и навыки в своем *реальном поведении*.

**Телесная культура социальной группы и общества** включает в себя также социальные институты, которые обеспечивают социальную модификацию в нужном направлении телесного бытия людей, отношения их к своему физическому состоянию и соответствующей системы знаний.

С учетом основных социально и культурно формируемых параметров тела человека могут быть выделены *элементы структуры* телесной культуры: *культура здоровья\**, *культура движений* и *культура телосложения*.

Понятие «*культуры здоровья*» относительно недавно введено в научный оборот и трактуется неоднозначно [Аллакаева, 2004; Ахвердова, Магин, 2002; Багнетова, Талтыгина, 2003; Бальсевич, 1990; Бацина, 2007; Быховская, 2005; Журавлева, 2002; Мальцева, Рудакова, 1985; Педагогика и психология здоровья, 2003; Смирнов Н.К., 2002; Столяров, 1984 г, 2004 б, д, е, 2006 ж, 2008 г, 2009 а; Столяров, Аллакаева, 2002; Столяров, Аллакаева, Измайлова, Шарипова, 2003; Филиппова, Лебедев и др., 2000; Щелкина, 1988; Wanat, 1997 и др.].

В соответствии с изложенной выше концепцией культуры и телесной культуры под **культурой здоровья** понимается позитивное ценностное отношение субъекта к здоровью, характеризующееся тем, что он осознает личностную и социальную значимость здоровья, рассматривает его как ценность и в соответствии с этим проявляет к нему интерес, испытывает потребность в его сохранении и укреплении, ведет соответствующий образ жизни.

Понимаемая таким образом культура здоровья включает в себя комплекс связанных со здоровьем социокультурных качеств человека: способность выделить здоровье и оздоровительную деятельность из множества других социальных явлений; признание личностной и социальной значимости здоровья и оздоровительной деятельности, т.е. рассмотрение их как ценности; связанные с оздоровительной деятельностью формы, методы и результаты: знания, убеждения, интересы, потребности, эмоциональные реакции, типы, нормы, правила поведения, образ жизни, определенные показатели физического состояния человека и т.п.

В этом плане заслуживает внимания та характеристика культуры здоровья, которую дает И.М. Быховская: «*Культура здоровья как полноправная, социально значимая составляющая культуры общества и личности, как один из жизнеобеспечивающих компонентов существования человека культурного, может быть определена:*

---

\* В данном случае имеется в виду *физический* компонент здоровья человека, т.е. *физическое* здоровье.

- как совокупность знаний, ценностей, норм, идеалов, связанных с представлениями о здоровье/нездоровье, *выражающих отношение* к нему как к ценности (или, напротив, неценности) определенного ранга;
- как система установок, выполняющих *регулятивно-ориентирующие* функции в отношении тех *видов деятельности*, которые обеспечивают формирование, поддержание и укрепление здоровья (или же, напротив, его разрушение);
- как совокупность *результатов* этой деятельности, включая следствия *непосредственного* характера (объективное состояние здоровья) и *опосредованного, символического* толка – например, «здоровый» или «нездоровый» вид как свидетельство определенного образа жизни и т. п.» [Быховская, 2005, с. 443].

Все многообразие этих качеств можно подразделить на пять основных «блоков» структуры культуры здоровья.

Первый «блок» – *информационно-ориентировочный*. Он включает в себя *знания* о здоровье, о различных его аспектах, функциях, о факторах, от которых оно зависит, о путях и средствах оздоровления и т.п. К числу этих знаний относится и используемый понятийный аппарат, с помощью которого фиксируются те или иные явления, связанные со здоровьем. Все эти знания и понятия в структуре культуры здоровья выполняют две основные функции: 1) *ориентировочная* – давать возможность выделять здоровье и его различные стороны, аспекты, функции из множества других явлений, не смешивать, четко дифференцировать их; 2) *информационная* – обеспечивать информацией, которая необходима для того, чтобы вести здоровый образ жизни, заботиться о здоровье, использовать те или иные средства, содействующие сохранению и укреплению здоровья. Значит, этот компонент культуры здоровья характеризует способность человека *ориентироваться* в мире здоровья, *грамотность* в вопросах здоровья, т.е. *информационную готовность* к оздоровительной деятельности.

Второй «блок» культуры здоровья – *мотивационный*. Он включает в себя связанные со здоровьем интересы, потребности, ценностные ориентации и оценки. Оценка может быть рационально-логической (способность сформулировать, разъяснить и обосновать социальное и личностное значение здоровья, оздоровительной деятельности и здорового образа жизни) и эмоционально-чувственной (психические состояния негодования или восторга, адекватные рационально-логической оценке). В этом «блоке» культуры здоровья особое значение имеет ценностное отношение человека к *собственному* здоровью. Речь идет о том, является ли и в какой мере собственное здоровье ценностью для человека, сформировано ли у него чувство ответственности за свое здоровье, потребность в заботе о нем, действенная мотивация на ведение здорового образа жизни.

Ценностное отношение человека к собственному здоровью имеет особенно важное значение в системе его культуры здоровья. Ведь здоровье человека, по данным ВОЗ, на 70-80% определяется его собственным отношением или возможностью влиять на факторы, имеющие отношение к здоровью. Мотивационный «блок» культуры здоровья личности характеризует ее *мотивационную готовность* к деятельности по сохранению и укреплению здоровья – наличие интереса к здоровью, здоровому образу жизни, сформированность потребности в заботе о здоровье.

Третий «блок» культуры здоровья – *операциональный*. В него входят умения, навыки, способности, позволяющие человеку самостоятельно заботиться о сохранении и укреплении как своего здоровья, так и здоровья других людей, а также осознание (рефлексия) и обоснование этих умений, навыков, способностей. Значит, этот компонент культуры здоровья характеризует *операциональную готовность* человека к оздоровительной деятельности.

Четвертый «блок» культуры здоровья – *праксиологический* – включает в себя типы, образцы, модели реального поведения, средства, влияющие на сохранение и укрепление здоровья. Речь идет, следовательно, о том, в какой мере для человека характерны, с одной стороны, здоровый образ (стиль) жизни, различные элементы самосохранительного поведения (правильная организация труда и отдыха, сбалансированное питание, регулярные занятия физическими упражнениями и спортом и т.д.), а, с другой стороны, те или иные аспекты поведения, наносящего вред здоровью, в том числе вредные привычки, связанные с курением, употреблением алкоголя, наркотиков и т.п. Важное место в структуре этого «блока» занимает сексуальное поведение, которое существенно влияет на состояние здоровья, особенно репродуктивное здоровье.

Указанные выше компоненты культуры здоровья характеризуют информационную, мотивационную и операциональную готовность человека к заботе о здоровье, а также его включенность в эту оздоровительную деятельность, использование ее различных средств и методов. Уровень этих форм готовности к оздоровительной деятельности, характер и степень ее реального осуществления (образ его жизни), помощь и содействие в сохранении и укреплении здоровья со стороны педагогов, медиков, родителей и других лиц, а также стихийное воздействие социальных факторов (окружающая среда и т.п.) находят свое отображение, имеют своим следствием реальное состояние *здоровья* человека. Рассматриваемое в этом аспекте, как следствие воздействия указанных выше социокультурных (а не просто природных, биологических, наследственных) факторов, т.е. как результат «культивирования», здоровье, безусловно, должно быть отнесено к важным компонентам культуры здоровья. Это – **пятый** компонент данной культуры, ее *результатирующий* «блок».

Важный компонент культуры здоровья (а, значит, телесной культуры) – **здоровый образ и стиль жизни**. *Образ жизни* – это комплекс взаимосвязанных элементов жизнедеятельности социального субъекта, а *стиль жизни* – специфичные способы самовыражения представителей различных социокультурных групп, проявляющиеся в их повседневной жизни: в деятельности, поведении, отношениях. «Содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем заняты, какие виды деятельности и взаимодействия друг с другом заполняют их жизнь... Показателями стиля жизни являются особенности индивидуальной организации приемов и навыков трудовой деятельности, выбор круга и форм общения, характерные способы самовыражения (включая демонстративные черты поведения), специфика структуры и содержания потребления товаров и услуг, а также организации непосредственной социокультурной среды и свободного времени. Это понятие тесно связано с общекультурным понятием моды» [см.: Морфология культуры, 1994]. Особенность здорового образа и стиля жизни состоит в том, что они ориентированы на формирование, сохранение и улучшение здоровья социального субъекта (личности, социальной группы, общества в целом).

**Культура движений** (*двигательная культура*) – элемент физической (соматической) культуры человека, связанный с его двигательными способностями, способностями выполнять определенные движения, используя такие физические качества, как мышечная сила, быстрота, гибкость, выносливость, координация движений и др. [Голубев, 1968; Колесов, 1983; Коренберг, 1972, 2008; Косяк, 2002; Кузнецов, 1986; Наталов, 1993, 1994; Уткин, 1984; Crum, 1989, 1996; Funke, 1989; Leist, 1995, 2001].

Согласно концепции автора, основу культуры движений (двигательной культуры) составляет процесс и результаты социокультурной модификации двигательных способностей человека. Имеется в виду позитивное ценностное отношение к ним социального субъекта (индивида, социальной группы, общества в целом) и связанная с этим отношением деятельность и ее результаты по развитию и сохранению тех качеств (параметров) двигательных способностей, которые признаются в качестве идеалов, эталонов, норм, ценностей [Столяров, 1984 а, г, 1988 г, д, л, м, 2002 д, 2004 д, 2006 ж, 2008 г].

Основные показатели и элементы культуры движений:

1) *знания* о том, что такое двигательные способности человека, о путях, средствах, методике их формирования и совершенствования (у себя и других) в соответствии с определенными культурными образцами этих способностей;

2) *понимание и обоснование значимости* двигательных способностей, необходимости их формирования и совершенствования в соответствии с определенными культурными образцами и нормами;

3) *стремление (желание)* человека определить уровень развития своих двигательных способностей и добиться его повышения в соответствии с определенными культурными;

4) *реальная деятельность* человека, направленная на выявление уровня развития своих двигательных способностей, разработку и реализацию программы их совершенствования, *средства и методы*, которые он использует, *культурные образцы и нормы*, которые служат для него ориентирами, *эмоции*, которые он проявляет в этой деятельности;

5) *результаты* данной деятельности, *уровень двигательно-пластической подготовки*:

■ широта, размах, амплитуда, разнообразие двигательных способностей (и связанных с ними физических качеств);



- технически совершенное выполнение двигательных действий, легкость непринужденность выполнения, точность и законченность движений;
- уровень развития физических качеств (высокий, средний, низкий);
- чувство музыки и ритма в движениях;
- красота и пластика «одухотворенного» движения, способность в движениях, жестах, мимике, позах, походке выражать чувства и переживания (например, горделивость, уверенность, лиричность), вызванные музыкой, картинами природы, ситуацией, обстановкой и т.д.;
- способность в движениях создавать художественные образы;
- творчество, фантазия, изобретательность в демонстрации (проявлении) двигательных способностей и др.\*

*Культуру движений (двигательную культуру) не следует отождествлять с физкультурной двигательной деятельностью.* Хотя и первая и вторая связаны с двигательной активностью человека, но они отличаются друг от друга. Физкультурная двигательная деятельность (занятия физкультурой) – двигательная активность, используемая в качестве средства социализации и инкультурации личности, а культура движений – та форма двигательных способностей человека, которую они приобретают под воздействием социокультурных факторов. В принципе их можно рассматривать как элементы культуры движений, понимаемой в *широком смысле слова* и охватывающей двигательную деятельность как средство социализации и инкультурации личности и как результат этого процесса, касающийся ее двигательных способностей.

**Культура телосложения** характеризуют определенные знания, интересы, потребности, связанные с телосложением человека, реальная деятельность, направленная на его коррекцию в соответствии с культурными нормами, и результаты этой деятельности.

## 28.2. Проблематика философско-культурологического исследования телесной культуры (общая характеристика)

Как отмечено выше, основной смысл и главное значение сформулированного выше понятия телесной культуры состоит вовсе не в замене термина «физическая культура» на термин «телесная культура», а в том, что *это понятие позволяет выделить новый (по сравнению с физкультурной двигательной деятельностью) объект исследования, с изучением которого связана и новая важная как в теоретическом, так практическом отношениях проблематика.*

Дадим краткую общую характеристику содержания и специфики проблематики **философско-культурологического** исследования телесной культуры. Из изложенного выше следует, что речь идет о проблемах, касающихся *содержания и факторов социокультурной модификации тела человека, а также особенностей его социального восприятия, оценки и использования субъектом (индивидом, социальной группой, обществом в целом).*

Данный аспект философского исследования прежде всего связан с осознанием того, что активная позиция субъекта в отношении тела может конкретизироваться в различных типах ценностных ориентаций и поведения. Человек может ухаживать за телом сознательно и целенаправленно или предоставить его естественному функционированию, может заботиться о стройности его линий посредством, например, многообразных способов лечения ожирения или целенаправленного «растрачивания» чрезмерного количества калорий, а может предпочитать округлые в тучные фигуры. Известны разные способы проявления заботы о силе и выносливости человека, начиная с греческих гимнасий и рыцарских упражнений и кончая сегодняшними видами спорта. В традиции культуры имеются образцы аскетического «бичевания» и «умерщвления» плоти. Некоторые люди много труда вкладывают в то, чтобы сохранить тело в изоляции от воздействий природных средств – воздуха, солнца, воды и движения (иногда для этих целей затворяются в холодных, сырых и темных помещениях), а, с другой стороны, многих привлекает вид рослых, крепких и закалённых тел. Согласно некоторым социальным идеалам, физическая подготовленность является неотъемлемым «партнером» умственной работоспособности, согласно другим она не имеет существенного значения. Есть культуры, в которых телесное здоровье

---

\* О показателях двигательной-пластической подготовки см.: Бакшева, 2004; Назаренко, 1999; Назаренко, Игнатъева, 2000; Самойлова, 1985; Сляднева, 2002; Струнина, 2004.

оказывается ценностью лишь тогда, когда индивид его теряет, но бывает и так (например, в наше время), когда в действие приводятся сложные средства и способы для сохранения и укрепления здоровья.

Значит, телесность может формироваться социальным субъектом на основе различных ценностных ориентиров, идеалов, символов, выполнять различные социальные функции, может иметь для него различную значимость. Поэтому одно из наиболее важных направлений философского исследования телесности человека – *анализ возможных и реальных ценностных ориентиров, типов поведения субъекта (личности, различных социальных групп и общества в целом) по отношению к телу человека, связанных с этим разновидностей социального восприятия, оценки и использовании телесности, (форм, моделей) телесной культуры, их эволюции, особенностей в рамках современной культуры и в ближайшем будущем.*

Еще М. М. Бахтин обращал внимание на необходимость анализа «тела как ценности» и решения в связи с этим проблемы, которая «строго отграничивается от естественнонаучной точки зрения: от биологической проблемы организма, психофизиологической проблемы отношения психологического и телесного и от соответствующих натурфилософских проблем...» [Бахтин, 1979, с. 44].

З. Кравчик указывает на важное значение «теоретического анализа тела в аксиологических категориях» и к числу наиболее важных проблем этого философского анализа относит следующие:

- строение тела и социоэкологическая структура,
- способы (техника) использования тела,
- контроль тела,
- тело как символ
- человеческое тело и религиозные культы [Krawczyk, 1984 b].

По мнению И.М. Быховской основными проблемами философско-культурологического анализа телесности человека являются:

■ характер и особенности *объективных* социальных воздействий на телесность человека (телесность в системе экологических факторов; телесность и особенности образа жизни, социально-экономического уклада отдельных социальных групп; система социальных институтов и телесность);

■ характер и особенности *соматической социализации и инкультурации* как целенаправленного процесса трансляции, освоения и развития ценностей, знаний и навыков, связанных с телесным бытием человека;

■ характер и особенности *деятельно-практического отношения* к телесности человека, которое выступает в таких формах как: контроль, ограничение, «дисциплинирование» тела человека в социальной практике; инструментальное и экспрессивное использование соматических и двигательных характеристик человека; преобразование и целенаправленное формирование телесности на основе принятых ценностей, норм, идеалов, образцов и т.д.

■ *образы «человека телесного»* в структуре обывденных представлений и специализированных систем знания, в том числе научных [Александрова, Быховская, 1996, с. 86-88; Быховская, 1996 б, с. 24-25].

Изложенная выше концепция телесной культуры позволяет не только поставить комплекс *новых проблем*, но также выделить новые аспекты в *традиционных* философских проблемах.

В связи с анализом телесной культуры по-новому выступает, например, философская проблема соотношения социального и биологического. Обычно она ставилась в виде вопроса о соотношении *телесного (физического) бытия* человека и комплекса его *социальных* качеств, свойств, способностей, отношений [Брушлинский, 1974; Дубинин, 1972; Смирнов И.Н., 1984; Соотношение... 1981 и др.]. Философская концепция телесной культуры позволяет увидеть такой новый аспект этой проблемы, как соотношение *социального и биологического в физическом* развитии человека, в его телесном бытии, в физической культуре [Анцыферова, 1982; Бака, Бойко, Гуревич, Муравьев, 1983; Бальсевич, 1981, 2000; Бальсевич, Запорожанов, 1987; Батенин, 1971, 1976; Карсаевская, 1970; Лубышева, 1996 в; Никитюк, 1974; Социально-биологические проблемы... 1983; Тарасов, Черненко, 1979; Тышковская, 1989; Kerger, 1984].

Важными, актуальными являются вопросы о соотношении *стихийного* и *сознательного* социального воздействия на физическое состояние человека, а также о *взаимоотношении различных средств такого воздействия* – педагогических, гигиенических, медицинских и др., их роли в целенаправленном формировании физического облика человека на различных этапах развития общества, в том числе в современный период. Социально-философский анализ этих проблем выявляет возрастание значимости средств *сознательного* воздействия на физическое состояние человека для его коррекции и совершенствования. Прежде всего это связано с интенсивным развитием техники, которая уже не требует столь активных физических усилий, как ручной физический труд. По данным ученых, только 1% продуктивных усилий в развитых обществах в наше время требует работы мускулатуры, а оставшиеся 99% выполняются машинами. В то же время механизированная работа требует очень интенсивного внимания и высокой работоспособности нервной системы [Krawczyk, 1984 b, p. 3]. Вместе с тем, быстрый прогресс техники нередко является причиной почти полного исчезновения или загрязнения естественного окружения человека, что также оказывает негативное влияние на физическое состояние человека и в первую очередь на его здоровье.

Среди разнообразных средств сознательного воздействия на физическое состояние человека в течение длительного времени преобладали – особенно в странах европейской культуры – разнообразные *медицинские* средства. Во многом такая ситуация сохраняется и в настоящее время. Однако все более осознается тот факт, что такой подход не позволяет достаточно эффективно решить сложные и актуальные проблемы физического совершенствования человека, сохранения и укрепления его здоровья. Для этого в первую очередь нужны *искусственно создаваемые формы двигательной активности* человека – разнообразные формы *физкультурной и спортивной* деятельности. Не исключена возможность того, что дальнейшее развитие науки поможет открыть новые, более эффективные средства воздействия (в соответствии с общественными и индивидуальными потребностями) на тело человека, на его физические качества и двигательные способности. Возможно, они будут связаны с *генной инженерией*. Правда, многие ученые уже сейчас выражают опасения относительно серьезных негативных последствий, к которым может привести вмешательство в организм человека на основе этих средств [Рогозкин, 2002].

Завершая краткую общую характеристику философско-культурологической проблематики исследования телесной культуры, отметим два важных момента.

*Во-первых*, еще раз обратим внимание на то важное обстоятельство, что указанные выше философские проблемы, анализ которых становится возможным на основе понятия телесной культуры, принципиально отличаются от тех, которые могут быть поставлены на основе понятия физкультурной двигательной деятельности (см. выше).

*Во-вторых*, данный философско-культурологический анализ помимо теоретического имеет и важное практическое значение для определения приоритетных направлений, форм и методов современной социальной политики в отношении физического воспитания различных групп населения, организации с ними физкультурно-спортивной работы.

Именно поэтому философско-культурологические проблемы телесности человека вызывают все больший интерес у исследователей [Александрова, Быховская, 1996; Буракова, 2001; Быховская, 1993 а, б, 1994, 1996, 1997, 2000; Визитей, 1989, 2009; Жаров, 1988, 2003; Кон, 2001; Косевич, 1992; Косяк, 2002; Круткин, 1993; Мразек, 1998; Мразек, Быховская, Фиалова, 1998; Никитин, 2000, 2006; Подорога, 1995; Проблема телесности... 2000; Розин, 1994б; Свободное тело, 2001; Супиков, 2004; Телесность как феномен... 2003; Телесность человека, 1993; Тхостов, 2002; Чернявичюте, 1988; Bednarek, 1985; Beranová, 2001; Berg, 1952; Bernard, 1980; Bette, 1989; Brohm, 1976b; Csikszentmihalyi, 1978; Douglas, 1984; Featherstone, Hepworth, Sturmer, 1991; Feher, Naddaff, Tazi, 1989; Frank, 1991; Freund, 1982; Freund, McGuire, 1991; Gerber, 1972; Guttmann, 1989; Heinemann, 1980 а, b; Jirásek, 2001; Kato, 1981; Kleinman, 1978; Kolnes, 1994; Krawczyk, 1984 а, b, c, 1986, 1990 а, 1995 а, b, e; Laberge, 1984 а, b; Maguire, Mansfield, 1998; Maňaková, 2001; Mauss, 1973; O'Neill, 1985; Powolny, 1997; Przyłuska-Fischer, 2001; Schulte, 1928; Schulz, Allmer, 1988; Shilling, 1993; The body, 1993; Travaillot, 1998; Turner, 1984; Urbankowski, 1975; Volkwein, 2004a; Wachter, 1988; Weiss, 1988; Willis, 1978; Żmuda-Ziółek, 1997, 2001]. Характеристику подходов в зарубежной философии и социологии к изучению телесности читатель может найти в книге К. Шиллинга «Тело и социальная теория» [Shilling, 1993] и в аналитическом обзоре А. Франка [Frank, 1991].

Опираясь на данную выше общую характеристику философско-культурологических проблем телесной культуры, конкретизируем некоторые из них.

### 28.3. Типология социокультурных ценностей тела человека и сфер их реализации

Социокультурные ценности тела человека могут быть определенным образом сгруппированы, систематизированы, классифицированы. Критерий такой классификации: какие социальные функции выполняет тело человека, на основе каких ценностных ориентиров оно формируется и используется, какие «образцы поведения» с ним связаны.

Одну из первых попыток такого рода предпринял (более ста лет назад) Ф.Знанецкий в своей работе «Социология воспитания». Он указывал на то, что одна из задач, решаемых в процессе физического воспитания, состоит в формировании и развитии у человека таких физических черт, которые желательны, устраняя или предотвращая появление нежелательных черт, а значит, «в формировании физических типов в соответствии с социальными требованиями». Ф. Знанецкий отметил два основных направления такого формирования. Одно из них связано с таким воздействием на человека, при котором не учитываются его интересы, потребности, желания. Второе, напротив, связано с тем, что человек сам осуществляет данный процесс, ориентируясь на определенные культурные образцы.

Ф. Знанецкий выделил также несколько «физических типов» применительно к определенной социальной группе: *гигиенический*, связанный с заботой о здоровье и жизни индивида; *генеоматический* (групповые образцы, гарантирующие естественный прирост данной популяции); *моральный* и *эстетический* (относящийся к манерам и внешней эстетической внешности членов группы); *гедонистический* (тело как центр приятных ощущений группы); *утилитарный* (связанный с развитием материальных основ жизни группы); спортивный [Znaniecki, 1973].

О культурных ценностях тела писал также М. Демель, который дал такую дефиницию понятия физической культуры: «Физическая культура включает в себя все те ценности, которые связаны с физической формой и физическим функционированием человека, как в его собственном субъективном ощущении, так и в общественно объективированном образе. Эти ценности – говоря наиболее обобщенно – относятся к здоровью, строению и осанке тела, устойчивости, физической работоспособности, функциональности, красоте. Аналогично другим культурным ценностям они носят динамичный характер, формируют человеческие взгляды и позиции» [Demel, 1972].

К вопросу о типологии культурных ценностей тела обращаются в своих работах и современные исследователи [Александрова, Быховская, 1996; Быховская, 1993, 1994, 1996, 1997, 2000; Кравчик, 2005а; Столяров, 1988 г, д, 2002 д, 2004 д; Beranova, 2001; Bernard, 1980; Heinemann, 1980 a, b; Krawczyk, 1978 c, 1984 a, b, c, 1986, 1990 a, 1995 a; *Kultura fizyczna...* 1989; Turner, 1984 и др.].

В типологии социокультурных ценностей тела человека особенно важно учитывать ту основную цель, которой подчинена его забота о теле, «культивирование» тела: рассматривается ли такое поведение как *инструмент* достижения внетелесных ценностей или же оно осуществляется во имя совершенствования тела как ценности *самой по себе*. В первом случае речь идет об «*инструментальных*» ценностях тела, во втором – о его имманентных ценностях (З. Кравчик называет их «*автотелическими*», а И.М. Быховская – «*терминальными*»).

К числу *инструментальных ценностей* тела относится, прежде всего, *физическая подготовленность* человека, позволяющая выполнять разнообразные социальные функции в процессе труда.

Ценность тела как «инструмента труда» особенно важную роль играла на первых этапах развития человеческой цивилизации. С разделением труда и появлением «праздных классов» происходит снижение этой ценности в глазах определенных социальных групп населения, которые ориентируются на образцы развлекательной жизни как единственно «достойной». Снижению ценности тела как инструмента труда содействовал и католический этос жизни, в котором труд считался наказанием за несовершенство человека как телесного существа. И лишь система ценностей, провозглашенная протестантизмом, в определенной мере вернула телу человека эту его ценность. Как отмечено выше, существенное влияние на указанную ценность тела человека оказывает и научно-технический прогресс.

Второй, столь же древней, инструментальной ценностью тела человека является использование его как инструмента *борьбы с противником* (например, с врагом на поле брани). Эта ценность тела человека, сохранявшая высокое значение на всех этапах развития общества, несколько утрачивает свое значение в связи с развитием военной техники и гуманистической идеологии, отвергающей трактовку солдат как «пушечного мяса».

С возникновением спорта связана такая инструментальная функция тела как его *способность служить достижению высоких спортивных результатов*.

Особо важная инструментальная ценность человека связана с таким компонентом телесности человека как *физическое здоровье* и наличием связи между физическим и духовным (прежде всего психическим) здоровьем человека. Положение об этой зависимости, установленное еще в античной культуре, ожило с новой силой в современном обществе, и находит свое выражение в известном часто упрощаемом на практике лозунге: «в здоровом теле – здоровый дух». Здоровье обеспечивает человеку возможность полноценной жизни, эффективного выполнения самых разнообразных социальных функций, проявления своих сил и способностей. Хотя чаще всего здоровье рассматривается как высшее благо («*Valetudo bonum optimum*»), однако, в силу разных причин оно может отходить на задний план как для отдельного человека, так и в более широком социальном плане. Так, с появлением международных спортивных соревнований престиж страны стал мериться не здоровьем ее населения, а количеством завоеванных медалей в этих соревнованиях.

Начиная с XX столетия инструментальные ценности тела, связанные с физической подготовленностью, спортом и здоровьем, приобретают особую значимость и по политическим соображениям. Первоначально дело касалось реализации на основе физической подготовленности населения и развития институтов, ее обеспечивающих, политических программ: классовых, национальных или же государственных. Даже физическое здоровье должно было явиться свидетельством силы народа, общественного класса или государства и как таковое обретало значение не с точки зрения его имманентных ценностей, а, прежде всего как инструмент достижения приоритетных политических целей. После второй мировой войны политическая функция телесности тесно переплелась с усиливающимися процессами соперничества между общественными и государственными системами и в то же время с сотрудничеством мирного характера. Физические успехи не столько народов и государств, сколько их представителей (речь идет о спортсменах), определяемые количеством очков и медалей, завоеванных в спортивных соревнованиях, все чаще создают или укрепляют международную позицию и престиж отдельных стран.

Как было отмечено, тело может иметь ценность не только как средство достижения каких-то иных целей, но и само по себе – как то, без чего человек перестает быть человеком (прекращает свое существование), как сфера проявления гармонии, красоты, совершенства и других эстетических ценностей, а также разнообразных телесных ощущений (вкусовых, сексуальных, кинетических и др.). С этим связаны **имманентные** (автотелические, терминальные) ценности тела: экзистенциальные, гедонические и эстетические. Первоначально в наибольшей степени акцент на эти функции телесности имел место в аристократических классах: античных и нового времени. В настоящее время указанные ценности тела привлекают внимание более широких масс населения.

Однако при этом возникает важная социальная проблема: *повышенная ориентация на телесность с акцентом на физическую красоту (эстетику) приводит к некоторой дискриминации тех, кто в этом плане имеет определенные недостатки, и в первую очередь инвалидов* [ср.: Hahn, 1984].

Следует иметь в виду также, что каждая культура имеет свои интеллектуальные, эстетические и нравственные установки, в соответствии с которыми она создает для себя определённый идеал телесной красоты. «Свои физические идеалы и у йога, у и пышно-гривого жителя африканской саванны, и у гибкого, как змея, индейца майя в уборе из перьев, и у жителя Олимпии времён Перикла, и у самурая, и у воина с острова Бали» [Lingis, 1986, p. 18].

Плюрализм различных моделей красоты тела наблюдается и в настоящее время, вследствие чего нередко стирается различие между красотой и полезностью в отношении телесности. Пропорционально и гармонично развитое тело, которое считалось необходимым по эстетическим канонам античности и Возрождения, хотя и оценивается положительно, но уже не считается абсолютной необходимостью. А кроме того, люди, не обладающие красотой тела, имеют в своем распоряжении большое количество «искусствен-

ных» средств его коррекции и совершенствования – причем, не только таких, которые действительно помогают сделать тело более красивым (гимнастика, массаж, лечение в салонах красоты, телесная хирургия красоты и т. п.), но и таких, которые за счет определенной одежды создают лишь видимость этого. Все это способствует быстрым переменам в том, что раньше считалось образцом красоты, и создает новые типы этих образцов. В XX столетии широкое развитие получают и такие разнообразные формы «утилизации» телесной привлекательности, как открытая и скрытая проституция, стриптиз, развлечения под именем «зрелищный секс», порнография и т. д. В рамках такого применения человеческого тела, его нагота превращаются в предмет купли и продажи, деградируют до роли товара [Krawczyk, 1984 b, p. 2–4].

Важное место среди культурных ценностей тела занимают его *символические ценности*. Особенности тела человека, или даже тело в целом, могут служить символом его принадлежности к какой-то социальной группе, стране и т. д., символизировать верность определенным идеям и т. д. Значимые культурные ценности тела связаны с возможностями использования его в процессе коммуникации (язык жестов), а также для создания в движениях художественных образов (театр, балет, танцы, пантомима и т. д.).

Наряду с отмеченными выше инструментальными и имманентными ценностями тела человека могут выделяться и некоторые другие их ценности.

Так, З. Кравчик помимо этих ценностей выделяет *бытовые* и *общественные* ценности физической культуры, а также проводит различие между *декларируемыми* и *реализуемыми* ее ценностями [Kultura fizyczna... 1989, s. 12-16].

Е.А. Александрова и И.М. Быховская наряду с инструментальными и терминальными ценностями тела указывают *экзистенциальные*, *социальные* и *символические* ценности телесности. *Экзистенциальные* ценности лежат в основе тех видов деятельности, которые связаны с обеспечением необходимых условий для человеческого существования как такового (физическое здоровье, работоспособность, адаптивность). К *социальным* ценностям Е.А. Александрова и И.М. Быховская причисляют ценности, имеющие «отношение к функционированию телесности, формированию и использованию физического имиджа в пространстве социального взаимодействия индивидов» (использование физических, двигательных характеристик в структуре социальных ролей личности, в ее коммуникативном пространстве и т. д.). Наконец, в третью группу они включают символические смыслы телесности, двигательной деятельности человека [Александрова, Быховская, 1996, с. 99].

Б. Тернер в рамках разработанной им социологической теории тела выделяет четыре основных функции, на основе которых тело связывается с социальным пространством, проявляет себя в нем и отвечает на формулируемые социумом задачи, проблемы: «репродукция» населения во времени; «регуляция» поведения и проявления тела в пространстве; «обуздание» («ограничение») внутренних побуждений тела посредством внешнего, социального регулирования; «репрезентация» внешнего тела в социальном пространстве [Turner, 1984, p. 8].

Важное направление философско-культурологического анализа ценностей человеческого тела – изучение *основных сфер* их реализации.

З. Кравчик предложил следующую типологию этих сфер.

1. *Сфера бытовых условий*. Сюда относятся технические условия труда (сидячая и умственная работа; работа, требующая некоторых физических и двигательных усилий; работа, требующая большой сноровки и силы; выполняемая в условиях естественной среды и на свежем воздухе или в технической среде и закрытом помещении и т.д.). Далее существенную роль в этой сфере играет вид жилья (в городе или деревне, большая или малая жилплощадь в пересчете на одного жильца, наличие или отсутствие удобств и т.п.). И, наконец, возможность активного в физическом отношении использования досуга (ежедневно, в субботние и воскресные дни, во время отпуска). Эти условия жизни и труда человека как таковые не включаются в физическую культуру. Речь идет о соматических результатах этих условий, т.е. о степени их влияния на физическую форму человека. То же касается и других аналогичных факторов, таких как характер питания, гигиена жизни, характер одежды, «искусственные» формы ухода за телом, регуляция функции размножения, профилактические и лечебные процедуры, климатическое воздействие и т.д.

2. *Сфера целенаправленной двигательной активности, имеющая своей целью «нормальное» развитие, физическую полноценность и здоровье человека, как инструментального, так и самодовлеющего характера*. К ней принадлежат разные формы физического

воспитания детей и молодежи, работа над физической формой взрослых и ее восстановлением, приобретение хотя бы минимальной физической формы инвалидами, специальные физические упражнения, связанные с некоторыми профессиями, требующими особых физических навыков и т.д.

3. *Сфера направленной, превышающей нормальную, двигательной активности*, реализуемой в таких формах, как балет, рекордный спорт и цирковое искусство [Krawczyk, 1983 b, s. 297-298].

В более поздней работе З. Кравчик уточняет данную типологию и выделяет следующие сферы.

➤ *Сфера инфраструктуры*. Сюда принадлежат материальные объекты и инструменты, служащие удовлетворению физико-функциональных потребностей человека и не имеющие символического характера: стадионы и спортивные залы, бассейны, бани с современными саунами, кабинеты красоты и биологического обновления, лыжные канатные дороги и подвесные кресла, а также инвентарь для разнообразных физических упражнений и приборы для измерения их эффективности.

➤ *Сфера «непосредственной» культуры*. Сюда относятся все те действия в области совершенствования человеческого тела и манипулирования этим телом, которые ничего не сообщают (не являются знаками), а оказывают сугубо физический и косвенно – психо-социальный эффект: воздействия на организм с помощью гигиенических, профилактических или диетических средств; различные косметические процедуры; гимнастические или спортивные упражнения, применяемые в качестве инструмента физического развития и повышения физической работоспособности человека, отдыха, восстановления физических сил и т. п.; различные виды туризма, предпринимаемого по гигиеническим, здравоохранительным, рекреационным или гедоническим соображениям.

➤ *Сфера символической культуры*. Речь идет о том, что одни и те же в физическом смысле действия могут обретать дополнительное значение или дополнительный смысл. Так, белизна «алебастрового» тела дам из аристократических домов воспринималась как знак принадлежности к нетрудовому классу, в то время как румяный цвет кожи и загар свидетельствовали о том, что мы имеем дело с представительницей трудового класса. Марширующая в походе колонна здоровых, атлетически развитых молодых ладей должна символизировать физическую силу народа, да и не только физическую. Место национальной сборной, завоеванное на Олимпийских играх, истолковывается не только как выражение физического совершенства данной команды, но и как свидетельство высокого социального статуса данного народа и государства.

➤ *Сфера сакральности (sacrum)* – сфера торжественных, праздничных ценностей. Прежде всего, они связаны с миром религии, мифа, искусства, ритуального сакрального или полусакрального зрелища. Проявление такого рода ценностей мы находим в античных Олимпийских играх, посвященных богам. В средние века эти ценности конкретизировались в мифе рыцаря, защищавшего веру и церковь и служившего императору. Современные олимпийские зрелища подчинены ценностям народа и государства, а, кроме того, дружбы, братства и мира. Важным свойством сакральных поведений физического типа является сопутствующий им ритуал, а также атмосфера праздника. Известны из древности факты приостановления войн на время Олимпийских игр. Это было свидетельством необычайности, своеобразного ритуала Игр. Это настроение праздника, возвышенных намерений сохранили также современные спортивные праздники и сопутствующие им символы: олимпийский огонь, национальные флаги и костюмы, оформление стадиона, торжественная музыка, речь и шествия, наконец, последняя фаза встреч – радость юности и забавы. Наконец, третьим элементом двигательного поведения, принадлежащего к сакральной сфере, является присутствие зрителей, которое характеризуется своеобразным общением между ними и героями встреч. Наряду со спортом к двигательным действиям, наиболее поддающимся сакрализации, принадлежит танец [Krawczyk, 1990 a, s. 115-118].

## 28.4. Основные формы (модели) телесной культуры

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что *культурные ценности тела человека не только разнообразны для различных групп населения, но изменяются в ходе исторического развития общества.*

Исходя из этого правомерно поставить вопрос о философско-культурологическом анализе *разновидностей (форм, моделей) телесной культуры.*

Для каждой из них характерна особая ценность тела (или набор, комплекс этих ценностей) как ориентир (идеал) для субъекта (индивида, социальной группы, общества в целом), определяющий его отношение к телу, его поведение и даже стиль (образ) жизни.

Один из первых проблему различных моделей физической (соматической) культуры попытался поставить и решить З. Кравчик. Он выделяет несколько таких моделей, называя их «нормативными моделями»: 1) эстетическую, 2) гедонистическую, 3) аскетическую, 4) гигиеническую, 5) конкурентно-состязательную и 6) модель физической подготовленности.

В первой (эстетической) модели ориентиром для социального субъекта служат такие эстетические ценности как красота, гармония и др., во второй (гедонистической) – ценности, связанные с гедонистическими телесными ощущениями (вкусовыми, сексуальными и кинетическими); в третьей (аскетической) – ценность «презрения к телу». В рамках четвертой (гигиенической) модели З. Кравчик выделяет два ее типа – *экзистенциальный* и *утилитарный*. Первый тип связан с борьбой человека с болезнью и смертью, а второй – с борьбой с отрицательными последствиями в области здоровья интенсивной и продолжительной работы в промышленности и т. п. *Конкурентно-состязательную модель* физической культуры З. Кравчик связывает с физической подготовкой для успешного выступления в спортивных соревнованиях, а модель *физической подготовленности* – с физической подготовкой для производственных и военных целей [Кравчик, 1990; Wartości i wzory... 1997].

На наш взгляд, прежде всего, важно различать две основные ценностные модели телесной культуры.

**1. Инструментальная модель телесной культуры.** В этой модели основным ориентиром для социального субъекта (личности, социальной группы, общества в целом), определяющим его отношение к телу, его деятельность, направленную на формирование и совершенствование определенных физических кондиций, служат *инструментальные* ценности тела.

Можно выделить разновидности инструментальной модели телесной культуры, исходя из того, что ориентацией для социального субъекта в рамках этой модели могут быть:

- специальная физическая подготовка к избранной профессиональной деятельности – *профессионально-прикладная* телесная (физическая) культура;
- оптимальная подготовка к потребностям *воинской службы* или к самообороне;
- оптимальная *спортивная* подготовка, успешное выступление в спортивных соревнованиях, достижение наивысших спортивных результатов;
- сохранение и укрепление *здоровья*;
- *восстановление* (или *компенсацию*) нарушенных функций организма;
- максимальное развитие *выразительности движений* в художественной деятельности;
- развитие *мускулатуры* («культуризм») и т. д.

**2. Гуманистически ориентированная модель телесной культуры.** Эту модель отличают следующие основные особенности:

а) направленность субъекта на достижение физического совершенства, которое предполагает:

- «комплексное развитие качеств, определяющих индивидуальную физическую кондицию» человека, создающее универсальные предпосылки его готовности к самым разнообразным видам двигательной деятельности [Матвеев, Полянский, 1996, С. 43];
  - формирование всех компонентов телесной культуры: культуры здоровья, культуры телосложения и двигательной культуры;
  - свободное и искусное владение индивидом своим телом в различных жизненных ситуациях, приносящее ему не только желаемые результаты, но также наслаждение и радость;
  - соответствие физического развития критериям гармонии и красоты (о таком «гармоническом всестороннем развитии деятельности человеческого организма» как о важной цели физического воспитания писал П.Ф. Лесгафт [Лесгафт, 1951-1954, с. 284];
- б) ориентация субъекта на постоянное физическое самосовершенствование, прогресс



в физическом совершенствовании с учетом возможностей индивида, группы, общества в целом на данном этапе его исторического развития;

в) стремление субъекта к органичному дополнению физического совершенствования развитием психических способностей (интеллекта, памяти, внимания, творческих способностей и т. д.) и духовным совершенствованием, развитием духовной культуры во всех ее формах (нравственной, эстетической, экологической культуры, культуры общения и т. д.).

Определенные разновидности (модели) телесной культуры могут быть выделены и на основе учета того, какие **средства** (педагогические, гигиенические, медицинские, генной инженерии и т. д.) используются для целенаправленного воздействия на естественную телесность человека. Гуманистически ориентированная модель телесной культуры предполагает, например, использование лишь таких средств, которые содействуют достижению физического совершенства и не оказывают негативного влияния на психическое и духовное развитие личности.

Наибольший научный интерес представляет **комплексная типология** моделей телесной культуры, которая учитывает как ценности, связанные с телом человека, так и средства, используемые для его коррекции, а также другие социокультурные факторы.

При этом важное значение имеет **исторический подход** к анализу телесной культуры: изучение эволюции и особенностей ее моделей в структуре различных социокультурных систем и на различных этапах социально-экономического и культурного развития общества.

### 28.5. Исторический подход к анализу телесной культуры

Отметим некоторые попытки реализации такого подхода в философско-культурологическом исследовании телесной культуры.

Отдельные аспекты ее эволюции затронуты в упомянутых выше публикациях З. Кравчика.

По мнению Н.А. Бердяева можно установить три эпохи в истории человечества, создающие окультуренные различными способами тело человека, разные тела, тела окультуренные: природно-органически, духовно (религиозно) и организационно [Бердяев, 1994, с. 504-505].

В работе И. Травайо «Социология телесных практик» [Travaillot, 1998] показано изменение отношения к человеческому телу во французском обществе на протяжении последних десятилетий.

С точки зрения осмысления эволюции социальных средств формирования телесной культуры представляет интерес статья Вальтера Боргерса «От тренажерной двигательной машины к фитнес-центрам» [Borgers, 1988], в которой прослеживается история воздействия на человеческое тело посредством тренажерных аппаратов с 18-ого века до наших дней. В статье затрагиваются и некоторые другие аспекты отношения к телесности в данный исторический период. В частности, отмечается, что «"Забота о внешнем виде" – таково название работы В.В. Гебхардта (Wilhelm Walter Gebhardt, 1902) – включала заботу о фигуре (сегодня это называлось бы боди-шейпингом), гимнастику для глаз и развитие других видов тренировки тела» [Borgers, 1988, s. 133]. Как указывает автор статьи, первые конкурсы призов за самые красивые тела были организованы в Берлине в 1907 году под названием «Конкурс физических форм». О их социальной значимости свидетельствует тот факт, что на этих ранних «Посейдонах» в жюри сидели художники и историки искусства, такие, как скульптор Макс Крузе, Ганс Магнуссен, Бр. Майер и Макс Кох [Borgers, 1988, s. 149].

Философски-культурологический анализ процесса перестройки «телесного канона» в начале нового времени (XVI-XVIII вв.) содержится в работах М.М. Бахтина. Он показывает, в частности, что в противоположность средневековому образу человека, верхним полюсом которого был бесплотный иконописный «лик», а нижним – плотоядное, слитное с природой, бесстыдно распахнутое «гротескное тело». Возрождение культивирует «совершенно готовое, завершенное, строго отграниченное, замкнутое, показанное извне, несмешанное и индивидуально-выразительное тело» [Бахтин, 1965, с. 346]. Как отмечает И. Кон, современная культура сохраняет этот принцип индивидуальности, но вместе с тем постепенно отказывается от некоторых табу и запретов (достаточно вспомнить эволюцию купальных костюмов, других видов одежды). Такое изменение отношения к телу связано с изменением отношения к эмоциям. В противовес викторианской установке на подавление

последних, современная культура подчеркивает не только необходимость самоконтроля, подчинения чувства разуму, но и ценность эмоционального самораскрытия, умения выражать свои чувства, слушаться велений сердца и т. п. [Кон, 1978, с. 209-211].

В работе И.М. Быховской «Человеческая телесность в социокультурном измерении» дан анализ *историко-культурных типов отношения к телу* – от аскетизма до гедонизма, включая их теоретические основания и практическую деятельность, а также влияние современных тенденций социального развития на реабилитацию телесности как общественной и индивидуальной ценности дан [Быховская, 1993 а].

Генетический анализ физической культуры содержится в работе Богдана Куницкого «Физическая культура – эволюция идеологии». Под «идеологией» физической культуры он понимает связанную с этой культурой определенную, относительно единую, систематизированную структуру «ценностей и идей, описывающих и оценивающих ее, обозначающих главные цели и функции, а также методы и средства их реализации». В указанной работе предпринята попытка проанализировать эволюцию этой структуры «ценностей и идей» физической культуры, рассмотреть ее особенности в условиях античного общества, феодализма, капитализма и социализма [Kunicki, 1986]. Но в ходе этого анализа понимание физической культуры как культуры, связанной с телесным бытием человека, недостаточно четко отграничивается от других подходов к ее пониманию.

Статья Е.Б. Станковской «Культурогенез отношения женщины к своему телу» [Станковская, 2010] посвящена характеристике изменений в ценностных ориентациях женщин в отношении к своему телу в эпохи Античности, Средних веков, Ренессанса, Нового времени и современности.

Отдельные аспекты эволюции телесной (физической) культуры затрагиваются и в других работах [Жаров, 2003; Истягина-Елисеева, 1998; Мягкова, 2003; Тимофеев, 2007; Уманская, 1988; Чернявичюте, 1988].

Результаты указанных выше и других исследований показывают, что отношение человека к телесности, к тем или иным ее социокультурным модификациям зависит от особенностей культурных традиций того общества, в котором он живет. Существенное влияние на все культурные образцы, связанные с телесностью, оказывает религия [Косевич, 1992; Никифоров, 2003; Benisz, 1999].

Выделение разновидностей (форм, моделей) телесной культуры и учет ее эволюции позволяют преодолеть нередко встречающийся *антиисторизм* в понимании этой культуры, а вместе с тем ориентируют на изучение особенностей ценностного отношения *современного* человека к телесности. Такой анализ особенно актуален, так как многие исследователи полагают, что в настоящее время речь идет о кардинальных изменениях (и даже о «революции») в отношении современного человека к своей телесности [Быховская, 1993 а, б, 1994, 1996 а, б, 1997, 2000; Косяк, 2002; Кравчик, 1979, 1981, 1982, 1988, 2005 а, б; Круткин, 1993; Кыласов, 2010б; Международная научно-практическая конференция... 2009; Моченов, 2009; Подорога, 1995; Станковская, 2010; Столяров, 1984 а, 1985 г, 1988 г, д, л, м, 1998 м, 1999 д, 2002 д, 2004 д; Столяров, Баринов, 2009, 2011; Столяров, Стопникова, 2009; Супиков, 2004; Хайдарова, 2007; Шемуратов, Гайков, 2001; Beckers, 1988; Borgers, 1988; Brennpunkte der Sportwissenschaft, 1988; Heinemann, 1980b; Krawczyk, 1974, 1978 b, 1981, 1983 а, 1984 а, b, с 1986, 1988 а, 1990 а; Kultura fizyczna... 1989; Liebau, 1989; Rymarczyk, 2005; Shilling, 1993; Turner, 1984; Volkwein, 1994, 2004 а, с и др.].

В первую очередь имеется в виду повышение интереса людей и общества в целом к здоровью, физической подготовленности, внешнему виду и другим параметрам телесности. Как отмечает В.П. Моченов, «этот интерес проявляется в многообразных формах. В одном случае, речь идет о стремительном росте популярности спорта как состязания людей в силе, ловкости, быстроте, выносливости, тактическом игровом мышлении и других способностях человека. В другом – все заметнее растут масштабы борьбы с табакокурением, алкоголизмом, наркоманией, реализуются стратегии повышения качества питания, становятся популярными различные диеты и рецепты похудения, растет число пластических операций, входит в моду пирсинг и тату, становятся массовыми увлечения бодибилдингом, физической активностью и здоровым образом жизни». На развитие этого «соматического сознания» существенно повлияли достижения современной научной медицины. «Помимо “невинных” манипуляций с телом либо в целях омоложения, либо в целях лучшего трудоустройства, вполне доступными становятся операции по изменению пола и цвета кожи, замены внутренних органов, существенно меняющие личностное восприятие

мира и образ жизни». Все это дает основание исследователям говорить о «*спортизации жизни*», о «*бодицентризме*», о «*соматическом* (от гр. soma – «тело»), *телесном векторе развития современной культуры*» и т.д. [Моченов, 2009, с. 9–10, 14].

Одним из важных показателей изменения ценностного отношения современного человека к телесности является появление во многих странах огромного числа фитнес-центров и развитие фитнес-движения.

### **28.7. Развитие фитнес-движения как показатель изменения отношения современного человека к телесности**

В начале XXI века фитнес и связанное с ним социальное движение зарекомендовали себя как важный феномен современного мира, что, естественно, вызвало интерес к ним со стороны философов, социологов, педагогов и т.д. [Борилкевич, 2003; Левченкова, 2007; Лисицкая, 2002; Моченов, 1994, 2005, 2009; Попова, 2006; Смелкова, 2004, 2007; Соболева, 2005; Хоули, Дон, 2000; Шемуратов, Гайков, 2001; Шипунов, 2007; Balton, Champion, Champion et al., 1998; Bednarek, 1984, 1985, 1986; Brennpunkte der Sportwissenschaft, 1988; Convention Guide... 2000; Gabbard, 1988; Gober, Franks, 1988; Hoffmann, 1984; Honer, 1985; Klein, 1984; Laberge, 1984; Liebau, 1989; Lingis, 1986; Maguire, Mansfield, 1998; Mitchell, Volkwein-Caplan, Ray, 2004; Palm, 1988; Personal Trainer Manual... 1994; Rittner, Mrazek, 1986; Rymarczyk, 2005; Stephens, 1983; Volkwein, 1994, 2004 a, b, c; Wachter, 1984; Würzburg, 1987 и др.].

Еще в 60-е гг. XX века спортивные общества были почти единственной формой организации занятий спортом. В последующий период у них появляются разные конкуренты, среди которых все более значимую роль играют фитнес-центры. Статистические данные свидетельствуют о постоянном расширении числа фитнес-центров и все более широком развитии фитнес-движения во многих странах.

Уже в 1988 г. в ФРГ было 3500 фитнес-центров, которые посещали около 4 млн. человек [Mickler, Moser, 1988, s. 204]. В настоящее время, по данным ряда исследователей, в США фитнесом занимается около 14% жителей (39 млн. человек), в Британии – 6% (3,5 млн. человек). Интенсивно фитнес-движение развивается и в России [Левченкова, 2007; Моченов, 2009; Попова, 2006].

Не составляет особого труда выяснить некоторые важные причины данного феномена. Одна из них состоит, например, в том, что коммерческие предприниматели в области фитнеса значительно лучше организаторов традиционного спорта учитывают индивидуальные желания и запросы людей. «При помощи многообразных и комфортабельных тренажерных залов “тотальный фитнес” предлагает и обещает индивидуально дозированный тренинг почти “круглые сутки”. В качестве сопутствующих и дополнительных мероприятий предлагаются – в зависимости от размеров фитнес-центров – такие связанные с фитнесом тренировочные программы и направленные на собственную “работу с телом”, как то: солярий, сауна, паровая баня, подводный массаж, мышечный массаж, косметические услуги (включая парикмахера), еда, напитки и т.д. “Телесный рай”, “Центры универсальной формы”, “Академия фитнеса и здоровья”, “Красота 2000” – это звучные наименования смешанного концепта для похудения» [Brennpunkte der Sportwissenschaft, 1988, s. 128].

Значительно более сложной является *философская рефлексия* фитнес-движения, предполагающая осмысление предельных оснований этого движения и прежде всего ответ на вопросы о том, каков его *социальный смысл*, какие новые *культурные ценности* лежат в его основе. По этим вопросам высказываются различные мнения.

Популярным, является, например, такой подход к оценке социокультурного смысла фитнес-движения, при котором оно рассматривается как ответ личности на ожидания и потери модернистской культуры, связанные с характером и пониманием спорта. Традиционный спорт, акцентирующий внимание на соревновательность и достижение результатов, в условиях этой культуры уже не может удовлетворять новые потребности личности. Все больше культивируются новые, альтернативные формы спортивных отношений, которые «не нацелены на успех и на сравнение успехов, а учитывают самые разнообразные желания и потребности: в free-climbing испытываются телесные (и духовные) пограничные ощущения; внутреннего познания и самопознания ожидают от йоги и медитативного бега; тоска по определенным телесным (физическим) идеалам заставляет браться за железные гантели; желание быть в хорошей физической форме приводит на курсы аэробики;

полного удовольствия ищут на игровых соревнованиях (праздниках) и т.д.» [Brennpunkte der Sportwissenschaft, 1988, s. 126]. В этом плане полагают, что фитнес-движение с его приоритетами на здоровье, отдых и общее наполнение жизни может содействовать повышению общего психофизического уровня жизни современного человека и тем самым претендует на роль «спорта для всех», а в будущем и глобального спорта [Volkwein-Caplan, 2004 с].

Однако в связи с обсуждаемой темой наибольший интерес представляют различные оценки социокультурного содержания фитнес-движения как индикатора определенных изменений в отношении современного человека к телесности.

В этом плане можно выделить, например, такие оценки:

- фитнес-движение свидетельствует об изменившихся идеалах тела, об усилении стремления справиться с собственным телом, связанных с реакцией на «эрозию сверхиндивидуальных чувственных инстанций», рационализацию окружающего мира и постоянные экологические шоки;

- фитнес-движение исходит из стремления к неограниченной технической манипуляции с телом, его совершенствованию и освобождению;

- фитнес-движение – «возвращение тела», символизирующее протест против общественно-культурного нормирования, делающий возможными индивидуальные поиски его смысла;

- в рамках этого движения тело формируется по нормативным образцам и служит символом статуса, демонстрации трудоспособности;

- фитнес ориентирует на компенсацию определенных дефектов телесности, но не благодаря развитию других способностей, а посредством «стремления к определенной, идеально воспринимаемой форме тела»; тело выступает здесь не только как символ смысла жизни, но скорее само поднимается до смысла жизни и т.д.

Хорошее представление о различных подходах к философской оценке социокультурного содержания фитнес-движения в указанном аспекте дают статьи, помещенные в одном из сборников серии «Актуальные проблемы спортивной науки» [Brennpunkte der Sportwissenschaft, 1988], который издан Кельнской Высшей спортивной школой и специально посвящен анализу этого движения.

Составители сборника – Норберт Шульц и Хенниг Аллмер – во вступительной статье «Фитнес-центры: претензии и реальность» указывают на то, что соревновательность и высокие достижения как традиционные «ценности классической модели спорта все больше утрачивают свою убедительность, оттесняются и вытесняются новыми требованиями к спорту и движению. Собственное тело выдвигается в центр внимания, спрос имеет “body styling”». При этом, подчеркивают Н. Шульц и Х. Аллмер, «актуальная потребность в фитнесе – хорошей физической форме – не исчерпывается желанием высоких спортивных (для физического тела) достижений. Как социально принятый знак, фитнес служит скорее для утверждения широкого индивидуального суверенитета; “при помощи фитнеса выполняется определенное условие для земного счастья” (Rittner, 1988); “с его помощью любой может продемонстрировать свою жизнеспособность”» [Schulz, Allmer, 1988, s. 127–128].

Помещенная в сборнике и уже упомянутая выше статья Вальтера Боргерса «От тренажерной двигательной машины к фитнес-центрам» [Borgers, 1988] – первая попытка дать целостную характеристику всего комплекса тренажерных аппаратов, используемых для воздействия на человеческое тело с 18-ого века до наших дней.

Попытка осмыслить идеологию фитнеса предпринята в статье Эдгара Беккерса «Внешний вид тела идеология фитнеса» [Beckers, 1988]. Характеризуя претензии фитнеса на решение проблем телесности человека, автор статьи пишет: «Еще никогда не было в истории спорта фазы, в которой так неприкрыто на общественном рынке были бы представлены тщеславие, надежда, идеал, бизнес, а также обман. Назойливый идеал фитнеса привлек к телу внимание, что после столетий цивилизованного угнетения влияет на его предполагаемую реставрацию. Фитнес олицетворяет и обещает непрерывную радость жизни, он предписывает мифическое омоложение, которое отличается яркой экстравагантной модой, а старческие морщины должны быть заретушированы броскими, модными аксессуарами. Моложавое тело становится товаром широкого потребления, которого можно достичь при помощи финансовых средств – чем дальше идеал от собственного тела, тем выше цена» [Beckers, 1988, s. 154].

В связи с этим, подчеркивает Э. Беккерс, возникает главный вопрос: «Что же является стимулом для фитнес-движения – возрождение (осуществляемое по каким бы то ни было причинам) старых идеалов гуманизма или же презентация телесных оболочек, которые сформированы по идеалу определенных для сегодняшнего дня критериев успеха?» [Beckers, 1988, s. 154]. Речь идет, следовательно, о философской рефлексии фитнес-движения. Необходим именно такой подход к анализу этого движения, так как пропагандируемый им идеал не только олицетворяет индивидуальные представления о жизни, но также тесно связан с социокультурными ценностями обхождения с телом. «В связи с этим, – пишет Э. Беккерс, – речь идет не о критическом исследовании “фитнеса”, а скорее о критическом исследовании представлений о ценностях, которые в нашей конкретной ситуации концентрируются вокруг понятия “фитнес”» [Beckers, 1988, s. 155].

По вопросу о том, что такое фитнес, что он означает, какое значение имеет, отмечает автор статьи, ведутся споры. Имеются многочисленные как сторонники, так и критики фитнес-движения. Его пропагандисты не только ссылаются на тесную связь фитнеса со здоровьем, работоспособностью, самочувствием, удовольствием, но часто отождествляют эти во многом разнородные явления, имеющие свою шкалу ценностей.

Как отмечает Э. Беккерс, прежде всего важно правильно сформулировать саму проблему. По его мнению, вопрос не в том, чувствует ли себя человек, занимающийся фитнесом, лучше и даже намного лучше по сравнению с тем человеком, который «только» посетил концерт. Прежде всего следует учитывать то обстоятельство, что пропагандируемые в фитнес-движении «формы обращения/обхождения с телом находят все большее распространение, влияют на тип телесного идеала в повседневной жизни и в моде, а также начинают формировать социальные ценностные ориентиры». Поэтому, полагает Э. Беккерс [Beckers, 1988, s. 158–159, главными являются вопросы: «происходит ли в оздоровительном фитнес-движении восстановление целостности, формы и состояния физического тела, которые были растеряны в результате мнимого или действительного принудительного процесса цивилизации, или же фитнес-движение преобразует последние остатки индивидуальной телесной формы и ловко на этом зарабатывает деньги, выдвигая на передний план индивидуальное (хорошее) самочувствие, что, в конечном счете, есть не что иное, как чувство вознаграждения за выполнение предписанных норм»? «Действительно ли идеология фитнеса подкрепляет телесный протест против односторонности, функционализации и бездуховности жизни, помогает ли это движение заново осознавать “личностное тело” в противоположность “телу социальному”» [Klein, 1984, s. 9]? Или же здесь мы наблюдаем лишь такую «скрытую политику принуждения человеческой природы», которая последовательно объединяет протестантскую этику с учреждениями индустриального производства и, наконец, с фитнес-центрами? [Hoffmann, 1984, s. 15].

Обсуждая эти вопросы, Э. Беккерс указывает на то, что в данной ситуации имеет место казалось бы явный анахронизм: технизация повседневной жизни во многом широко заменила использование мышечной силы, а теперь благодаря научному подходу в фитнес-движении к планированию тренинга в целом «неиспользуемые мускульные массы продуцируются почти в необозримом объеме». Значит, делает вывод автор статьи, «*функция мускулов заключается в их презентации, а не в применении в жизни*». В связи с этим он ставит ряд вопросов: можно ли такой подход к телу человека рассматривать как протест против техники? Или речь идет о полном подчинении тела технике? И главное – «какой образ человека здесь продается и, по всей вероятности, исключительно успешно в коммерческом отношении?» [Beckers, 1988, s. 159].

Э. Беккерс приводит диалог двух бодибилдеров (культуристов) на тренажерах. Один из них на обычный будничный вопрос другого: «Как дела? (Чего тебе не хватает?)» – дает «ошарашивающе-конкретный, но логичный ответ: “7 см. груди и 4 см. икроножных мышц”». Однако на поставленный выше вопрос об образе человека, пишет Э. Беккерс, «уже не отвечают так же коротко и ясно, во всяком случае не так весело. Идеология фитнеса, которая распространяется в многочисленных специальных журналах, довольно быстро устраняет склонность к иронии или сарказму». По его мнению, в ней «вновь просматриваются установки, опасность которых уже подтвердила история». С одной стороны, многие исторические события (например, Возрождения, эпохи Просвещения, начала XX в.) показывают, что «концентрация внимания на теле нередко была выражением протеста против чрезмерного принуждения, опеки светских и духовных властей, а также выражением стремления к индивидуальности и субъективности». Вместе с тем, история сви-

детельствует о том, что «пропаганда физической силы, вкупе с обесцениванием критической рациональности, ни в коей мере не стоит на службе гуманности; поэтому нужно остерегаться того, чтобы только из факта внимания к телу делать выводы о возрождении гуманного человеческого индивидуализма». Это важно иметь в виду при оценке современного фитнес-движения. Здесь «тело служит прежде всего символом, атрибутом публично афишируемого успеха. Посредством тела можно продемонстрировать, что ты “принадлежишь к определенному кругу лиц” и обладаешь не только необходимыми средствами, но также дисциплиной и волей для того, чтобы приблизиться к идеалу тела-мечты». Значит, сформированное посредством фитнеса тело содействует индивиду в формировании определенного имиджа, «оно демонстрирует принадлежность к определенной касте». Поэтому фактически «речь идет не о развитии индивидуальной физической формы, а о том, что тело становится инструментом» [Beckers, 1988, s. 160–162].

Э. Беккерс обращает внимание на то, что фитнес-движение апеллирует в первую очередь к таким качествам личности, как чувство неполноценности, недостаток мужественности, или к нарцисстическим тенденциям. В публикациях Дж. Беднарека [Bednarek, 1986, s. 131] и Г. Вюрцберга [Würzberg, 1987, s. 74] показано, что фитнес особенно привлекателен для людей с «заниженной самооценкой личности». Причем, предполагаемые дефициты своей телесной конституции они стремятся компенсировать не путем развития других способностей, а посредством «стремления к определенной, идеально воспринимаемой форме тела». Тем самым данное стремление к идеальной форме приводит к тому, что тело человека «поднимается до смысла жизни». Физическое тело, оцениваемое как смысл жизни, требует повседневной заботы, тщательного строительства, возведенного в ритуал [Beckers, 1988, s. 162–163]. Как указывает Д. Хоффманн, культурист, используя различные тренажеры, отнимает у своего тела те скудные остатки природного естества, которые еще не полностью отобраны цивилизацией. Необработанное тело является сырьем, незстетичным, неполноценным объектом; идеальное тело требует обработки, оно является художественным произведением [Hoffmann, 1984, p. 73, 78].

Для объяснения популярности фитнес-движения Э. Беккерс много внимания уделяет взаимоотношению фитнеса и коммерции. Он детально обосновывает положение о том, что в данном случае «мы сталкиваемся с парадоксальным явлением: фитнес – это не только предпосылка для экономической жизнеспособности общества, но он сам становится теперь производным товаром; фитнес продается с использованием всех коммерческих стратегий рекламы» [Beckers, 1988, s. 155]. Успех в этой деятельности во многом объясняется объединением индивидуального идеала здоровья (очень популярного, хотя и весьма неопределенного) с социальным словом «фитнес» (имеющего также не очень ясное значение).

Но из вышеизложенного вытекает, что фитнес-движение имеет не только коммерческий смысл, давая возможность получения огромной прибыли. Вместе с товаром «фитнес», отмечает Э. Беккерс в резюме к статье, продаются также ценностные представления. Пропагандируется концепция формирования тела, расхваленная названиями «здоровье», «хорошее самочувствие», «целостность» и т.д. Вопрос заключается, однако, в том, насколько данная концепция «помогает заново открыть “личное тело” или же совершенствовать функциональность тела. На первый взгляд, фитнес-движение предполагает “возвращение тела”, которое как протест против общественно-культурного нормирования делает возможными индивидуальные поиски смысла. В действительности же тело формируется по нормативным образцам и служит символом статуса, для демонстрации успеха и трудоспособности» [Beckers, 1988, s. 153]. А завершает свою статью Э. Беккерс словами: «Мне кажется, что фитнес-движение выходит на тот самый уровень, когда может осуществиться идеал целостного человека без головы и без сердца» [Beckers, 1988, s. 175].

Йоахим Мразек в статье «Фитнес-центры и спортивные общества как конкурирующие модели» [Mrzek, 1988] использует данные эмпирического исследования для сравнения спортивных обществ, фитнес-центров и спортивных организаций в образовательных учреждениях. Выявляются системные различия в социально-демографических признаках членов или посетителей этих организаций, а также в их ожиданиях от занятий спортом.

В статье подчеркивается существенное изменение в *мотивах* занятий спортом. В традиционном спорте на всех его уровнях доминировали одинаковые основные мотивы – такие как работоспособность, соревновательность и успех. «Современная ситуация, напротив, характеризуется дифференциацией спортивного ландшафта на несколько па-

параллельно сосуществующих и частично конкурирующих друг с другом спортивных моделей. Наряду с все еще ярко выраженным профессиональным спортом появился спорт для здоровья с превентивными и реабилитационными вариантами, а также спорт, ориентированный на удовольствие и спортивный досуг». «Хотя границы между этими моделями являются зыбкими, и мотивы – успех, здоровье и удовольствие – нельзя приписать исключительно одной какой-то модели, однако эти модели, – отмечает Й. Мразек, – все более отчетливо выкристаллизовываются как идеальные типы разных спортивных миров». В этой связи особое значение приобретает то обстоятельство, что для занимающихся спортом уже больше нет единой ценностной ориентации: «тот, кто занимается спортом для здоровья, часто не хочет никаких соревнований и нередко избегает ориентацию на успех, доминирующую в спортивных обществах». Такое изменение ценностных ориентаций в спорте приводит к тому, что включение в активные занятия спортом не обязательно связано с детским и юношеским возрастом, как это было раньше. Спортсменом может начать заниматься любой человек в любом возрасте [Mrazek, 1988, s. 190].

Таким образом, указывается в статье, «если раньше в спорте на переднем плане стояли работоспособность, соревновательность и ориентация на успех, то в настоящее время доминируют удовольствие, здоровье, хорошее самочувствие, хороший внешний вид и фитнес (хорошая форма) (Mrazek, 1986; Rittner, 1986). При этом фитнес является собирательным понятием для физической работоспособности, равно как и для других вышеперечисленных мотивов». В таком обобщенном значении он выходит за рамки физической культуры и спорта, оценивается как синоним успеха и общественной значимости, и тем самым в определенной степени характеризует новый идеал современного общества [Mrazek, 1988, s. 191].

В фитнес-центрах, отмечает Й. Мразек, почти отсутствует игровой момент. Основное внимание уделяется работе над собственным телом. Эта особенность фитнес-центров, подчеркивает он, характеризует общие особенности изменений не только в спорте, но и в обществе в целом: «Индивидуализация и одновременная тематизация тела в наше время, когда традиционные чувства теряют свое значение и в сфере здоровья становится все труднее сохранять собственную идентичность, является попыткой гарантировать эту идентичность за счет своего собственного тела. *Работа над собственным телом и есть работа над собственной идентичностью*» [Mrazek, 1988, s. 199-200].

Современные модели спорта предоставляют различные варианты обеспечения идентичности. Занятия традиционным спортом дают возможность решить эту проблему на основе формирования физической работоспособности; «определенную роль играет и игровой момент». Участие в некоторых формах спортивной деятельности позволяет обеспечить свою идентичность путем обеспечения здоровья. А для того, кто предпочитает фитнес-центр, «лучшей гарантией идентичности является оптимально стилизованное тело». «Высокого социального признания, – пишет Й. Мразек, – можно добиться всеми этими путями: успех, здоровье и хороший внешний вид являются главными ценностями в нашем обществе, и даже попытка заботиться о них гарантирует признание. Ориентация на хорошую физическую форму в нашем десятилетии убедительно доказывает это. Быть в хорошей форме – это значит быть современным, работоспособным (как физически, так и психически и социально), здоровым и хорошо выглядеть. Быть в хорошей форме – это значит также постоянно и активно стремиться к данной цели» [Mrazek, 1988, s. 200].

Вернер Миклер и Томас Мозер в статье «Почему фитнес-центры привлекательны? (мотивационно-психологический анализ)» [Mickler, Moser, 1988], пытаются ответить на вопрос, включенный в название данной статьи. При этом они ссылаются на мнение по данному вопросу и других исследователей.

В большинстве публикаций, отмечается в статье, дается такая информация о фитнес-центрах, которая, по всей видимости, содействует высокой мотивации на включение в фитнес, «в результате “суггестивно-духовной” направленности воспринимаемых общественных норм и ценностей, таких, например, как красота, здоровье, физическая форма, спортивность, хорошее самочувствие» [Mickler, Moser, 1988, s. 204]. Но имеются и некоторые различия в ответах на указанный вопрос.

Так, У. Праманн [Pramann, 1988, s. 77] на первый план при объяснении привлекательности фитнес-центров выдвигают соблазны, создаваемые «окружающей средой» в этих центрах. Фитнес-центры характеризуются ими как «храмы красоты», где посетители приводят свои тела в соответствие со своим «Я» и своим идеалом в духе своего времени.

«Самое дорогое оборудование, роскошные помещения, соблазнительные обещания образуют фон, на котором каждый тренируется в “своем установленном ритме”: “Бегать трусцой, растягивать свои мышцы, стонать – и в конце быть приятно возбужденным, причем достигнутая релаксация... точно так же важна, как работа с машинами и тяжестями: круговой сервис во имя хорошего самочувствия”» [цит. по: Mickler, Moser, 1988, s. 204].

А. Хонер [Honer, 1985] в основу привлекательности бодибилдинга кладет «систему чувств», связанных с такими его аспектами, как: 1) работа, 2) спорт, 3) искусство, а также 4) эротические 5) религиозные и 6) «антропологические» аспекты. По его мнению, из «субъективных представлений о ценностях типа здоровье, хорошая форма, красота, спортивность, повышение статуса и т.п.», возникают чувственные связи, «которые структурируют, упорядочивают практические действия» в сфере бодибилдинга [Honer, 1985, s. 167].

Дж. Пальм [Palm, 1988] в качестве главной причины привлекательности фитнес-центров указывает удовлетворение потребности достаточно большой группы населения при помощи набора услуг, которые считаются «привлекательными, соответствующими духу времени и современным тенденциям».

Он характеризует фитнес-центр как «... помещение с определенным оборудованием и соответствующими услугами», выделяя следующие их позитивные стороны:

- индивидуально устанавливаемые тренажеры для тренировки мускулатуры;
- их применимость для любого уровня ее развития;
- четкие целевые установки для формирования тела и тренировки силы;
- особая внешняя экипировка;
- личностные отношения;
- индивидуализированное и фиксированное планирование тренировок;
- их использование по выбору в зависимости от наличия свободного времени;
- с долгосрочной финансовой связью;
- без долгосрочной социальной связи [Palm, 1988, s. 38].

Й. Беднарек [Bednarek, 1984] исходит из внешних условий фитнес-центров: «...окружение из блестящего хромированного дизайна тренажеров между стенами, одетыми в зеркала и дерево...» и указывает на то, что фитнес как феномен досуга «вырос из бывшего теневого существования темных сводчатых подвалов...». Кроме того, он отмечает положительные аспекты социального общения в фитнес-центре. Дж. Беднарек различает две группы мотивационных предпосылок фитнес активности: 1) «опосредованный» (функциональный) способ оценки физического тела – забота о нем для поддержки работоспособности, хорошей формы, снятия стресса и т. п.; 2) «непосредственное» обращение к фитнес активности для изменения внешней формы тела, т. е. внешнего вида.

В. Риттнер и Дж. Мразек [Rittner, Mrazek, 1986] на основе опроса более тысячи посетителей фитнес-центров делают вывод о том, что привлекательности фитнес-центров способствуют три комплекса мотивов, связанных с ориентацией на изменение тела, индивидуальную автономию и улучшение индивидуального здоровья. По их мнению, на основе ускорения социальных изменений в развитых индустриальных странах наряду со здоровьем, внешним видом и самочувствием в качестве новой ценности спортивной жизни выступает удовольствие. Согласно результатам опроса, с точки зрения субъективного восприятия фитнес-центра, он оценивается респондентами как очень современный и дорогой; они обращают внимание на то, что в центрах нет обязательного посещения, учитываются индивидуальные пожелания и царит непринужденная атмосфера. Игровая деятельность, по мнению респондентов, не играет никакой роли в фитнес-центре.

В. Риттнер отмечает также важное значение окружающей среды в фитнес-центре. По его мнению, «...чуткое восприятие конкретной психики и потребностей людей... требует новых помещений и мест для индивидуального самовыражения». Оформление места для этого самовыражения должно ориентироваться на становящиеся все более осознанным стремление к хорошему самочувствию. В более ранней статье В. Риттнер успехи фитнес-центров связывает именно с этими специфическими особенностями окружающей среды, при помощи которых эти коммерческие центры пытаются активно соответствовать потребностям в индивидуализации спортивной жизни и заинтересованности человека в развитии своего тела, улучшении здоровья и хорошей физической форме. При этом «...большое внимание уделяется стремлению к раскованности, к свободному общению, в том числе и при помощи специального оформления помещений, облегчающего социальные контакты, которые кроме того позволяют реализовать многочисленные потребности».



В заключение В. Риттнер констатирует, что «при помощи... инсценировки блеска и комфортных условий, ковровых покрытий и цвета, хрома и лака, зеркал, воплощения самоотражения, ...осуществляется реакция на нарциссические потребности разнообразных форм опыта самовосприятия» [Rittner, 1984].

К. Хайнеман [Heinemann, 1988] провел сравнительный анализ посетителей фитнес-центров и спортивных обществ. По данным проведенного им исследования, посетители центров в большей степени, чем члены спортивных обществ, учитывают обстановку помещения и оснащенность тренажерами, санитарные условия, персональное консультирование, учет индивидуальных пожеланий, а также доступность услуг. Набор функций (в смысле «набор услуг») коммерческих центров оценивается их посетителями более положительно, чем набор предлагаемых услуг спортивных обществ их членами.

К. Хайнеман предложил респондентам 36 мотивирующих формулировок, которые можно обобщить в 6-ти сводных мотивировках: восприятие собственного тела (телесный опыт), формирование тела, психический опыт, социальный опыт, ориентация на успех и соревновательность, а также внешние факторы.

Мотив «сделать что-нибудь для здоровья» получил наивысшую оценку (67%). На втором месте отмечены мотивы «хорошее физическое самочувствие и удовольствие». Подобную оценку получили также мотивы «стать физически работоспособнее» и «держат свое тело под контролем». Традиционную модель спорта посетители фитнес-центров оценили как не имеющую особого значения.

Потребности, которые ориентированы на собственное тело и взаимосвязаны с улучшением самочувствия, получили у них оценку на 20% выше, чем у членов спортобществ. К. Хайнеман считает, что эта ориентация на собственное тело отражает «мотив удовольствия» [Heinemann, 1988, s. 63].

В указанных выше исследованиях, как отмечают В. Миклер и Т. Мозер, посетители фитнес-центров объединены в гомогенную группу. Следует учитывать, однако, что они занимаются различными видами деятельности (например бодибилдинг, джаз-данс и т. п.). Поэтому В. Миклер и Т. Мозер считают целесообразным исследовать эти различные группы посетителей фитнес-центров отдельно, чтобы, по возможности, установить наличие у них различных мотивационных установок. Под их руководством был проведен такой сравнительный анализ, в ходе которого сопоставлялась мотивация двух групп респондентов: одна из них включала 20 человек (8 женщин и 12 мужчин), занимающихся бодибилдингом, другая – 20 человек (17 женщин и 3 мужчин), которые ориентированы на джаз-данс. В качестве метода исследования был избран метод полустандартизированного интервью, что позволяло охватить как можно более широкий спектр существенной в мотивационном отношении информации. Как отмечают В. Миклер и Т. Мозер, возможность относительно свободных высказываний, в том числе посредством целенаправленных дополнительных вопросов, обуславливает получение более обширной и детальной информации. При оценке результатов интервью были выработаны категории и все ответы опрошенных были соотнесены с этими критериями.

Отметим некоторые полученные исследователями результаты. Проведенный ими анализ ответов на вопрос «Почему и для чего Вы лично занимаетесь бодибилдингом или джаз-дансом?» показал, что наибольшее число ответов (34), данных респондентами обеих групп, относится к категории «фитнес» = «хорошая физическая форма» («...чтобы держать себя в хорошей физической форме»). С этим понятием связаны также мотивации «повышение работоспособности» и «предотвратить снижение работоспособности». Ссылаясь на Риттнера, по мнению которого «понятие фитнес = хорошая физическая форма, т. е. тренировкой физической активности и усердия в виде крепкого тела ... люди закладывают базу для здоровья, счастья и социального успеха», авторы статьи делают вывод о том, что тренировка тела, по-видимому, тесно связана с такими аспектами жизнедеятельности человека, как успех, внешний вид и признание как в профессиональной, так и в личной жизни [Mickler, Moser, 1988, s. 210].

Следующим важным пунктом мотиваций респондентов, указывают В. Миклер и Т. Мозер, является категория «эмоциональный опыт» («...потому что мне это просто доставляет удовольствие»). «В этом нет ничего удивительного, – пишут они, – т. к. любой человек занимается определенным видом спорта только тогда, когда это ему доставляет удовольствие и радость» [Mickler, Moser, 1988, s. 211]. Среди наиболее часто называемых респондентами находится также категория «хорошее психофизическое самочувствие»: «хо-

рошее физическое самочувствие», «релаксация», а также «повышение самооценки». Эта цель играет большую роль для тех, кто занимается бодибилдингом. Для тех, кто ориентирован на джаз-данс, самой важной причиной для этих занятий является «физическая форма» (в особенности повышение работоспособности). Занимающиеся бодибилдингом в качестве важной причины вместе с «внешним видом» (в особенности имеется в виду структура мышц) и «хорошей физической формой» указывают также «хорошее психофизическое самочувствие». В статье обсуждаются и другие полученные результаты указанного исследования.

Подводя итоги анализа вопроса о причинах привлекательности фитнес-центров, мотивации посетителей этих центров, В. Миклер и Т. Мозер подчеркивают, что для решения этой исследовательской задачи важно, во-первых, обязательно учитывать три детерминанты деятельности: личность – окружающая среда – задача и, во-вторых, «интегрировать результаты социологических, психологических и философских исследований» [Mickler, Moser, 1988, s. 213, 216].

Социологические исследования действительно играют важное значение для философского осмысления отношения современного человека к телесности. К такому выводу в свое время пришел и автор данной книги. Полученные им результаты теоретического философского анализа физической (телесной) культуры были использованы для разработки программы международного социологического исследования на тему «Показатели, компоненты и факторы физической культуры и здорового образа жизни различных групп населения». Основная цель исследования – получение информации о современных формах (моделях) телесной культуры применительно к различным группам населения, об их ценностном отношении к собственному телу:

- представляет ли оно и различные его параметры (телосложение, здоровье, физические качества и двигательные способности) ценность для них;
- как они оценивают свое физическое состояние и его различные параметры;
- проявляют ли заботу о них и какие средства используют;
- на какие культурные образцы, нормы и правила поведения ориентируются;
- каков уровень их знаний о своей телесности, социальных средствах воздействия на него, методике их применения и т. д.

Для получения такой информации в 1983-1992 гг. по указанной программе и под руководством автора была проведена серия конкретно-социологических исследований (в том числе международных) [о результатах этих исследований см.: Бакашвили, 1990; Васильева, 1988; Гендин, Майер, Сергеев, Столяров, 1989; Гендин, Майер, Сергеев, Столяров, Фалалеев, 1985; Гендин, Сергеев, Столяров, 1986а,б, 1988; Здоровье студентов, 1990; Кадом, 1986; Кинкадзе, 1990; Лебедев, 1984; Новиков, 1988, 1989; Пути формирования... 1986; Сергеев и др., 1990; Скоробогатов, 1991; Скоробогатов, Молчанов, Столяров, 1989; Столяров, 1984 а, 1985 а, 1986 в, 1990 б, г, з, 1991 а, 1997 а; Столяров, Бакашвили, Сегал, 1988; Столяров, Кудрявцева, 1997; Столяров, Новиков, Вишневский, 1990; Столяров, Новиков, Лабскир, 1988; Стопникова, 1992; Физическая культура и спорт... 1987; Философско-социологические исследования... 1988; Gendin, Sergeev, Stolyarov, 1987 а, b, 1988; Physical Culture and Sports... 1987; Sport a valtozo vilagbau, 1985; Stolyarov, 1989 а, 1990 а; Stolyarov, Gendin etc., 1985; Stolyarov, Merhautova, Joachimsthaler, 1987; Telesna kultura... 1989 и др.]. Эти исследования были продолжены и в последующем [см., например: Аллакаева, 2004; Болдов, 2006; Вучева, 1998; Гендин, Дроздов, Сергеев, Бордуков, Майер, 2003 б; Гендин, Сергеев, Усаков, Шабунин, 2004; Столяров, Аллакаева, 2002, 2003 и др.].

На получение информации об отношении различных групп населения к телесности, к физическому состоянию ориентированы и некоторые другие социологические исследования:

➤ эмпирическое социологическое исследование отношения различных групп населения к наготы в различных формах и при различных обстоятельствах, которое проведено в 1979–1980 гг. под руководством и по программе польского ученого З. Кравчика [Krawczyk, 1984 а];

➤ международное социологическое исследование на тему «Физическая культура в общественном сознании», которое проведено в 1983-1984 гг. под руководством и по программе того же ученого [Кравчик, 1988; Krawczyk, Földesi, 1985; Kultura fizyczna... 1989];

➤ проведенное в 90-е годы международное социологическое исследование ученых Финляндии и России для получения сравнительных данных, касающихся субъективных

показателей здоровья, образа жизни, отношения к здоровью и восприятия процесса старения, по полу, возрасту и социально-экономическим группам населения этих стран [Палосуо, Журавлева, Уутела, Лакомова, Шилова, 1998];

➤ международное сравнительное социологическое исследование с участием ученых Германии, России и Чехии [Быховская, Мразек, Фиалова, 1998; Мразек, 1998; Мразек, Быховская, Фиалова, 1998].

Результаты проведенных социологических исследований, а также изложенные выше теоретические материалы, свидетельствуют о том, что в ценностном отношении *современного* человека к телесности действительно происходят существенные изменения.

Как отмечают философы и социологи [Быховская, 1993 б; Кравчик, 2005 а, б; Фромм, 1990; Strittmatter, 1984; Weiss O., 1988 и др.], наиболее важное значение имеет пересмотр положения о том, что человек «*имеет тело*», замена его положением «*человек есть тело*»: «человек не только имеет тело, но он и сам является телом и несет за него ответственность перед собой, своим ближним и перед богом, своим творцом» [Strittmatter, 1984, s. 222].

В последнее время люди действительно все большее внимание начинают уделять своему физическому имиджу, стараясь иметь хороший внешний вид и устранить внешние признаки несовершенства, т.е. проявляют стремление к совершенствованию собственного тела. Об этом свидетельствует увеличение числа людей, недовольных своим физическим обликом и прибегающих к различным способам его модификации. Формируется настоящий культ тела. Б.В. Дубин в своей работе «Состязательность и солидарность» характеризует этот процесс как достижение идеального антропологического образа, которому может соответствовать любой посредством регулярных посещений фитнес-клуба. Причем коллективный, публичный характер этих действий выступает как для участников, так и для зрителей символом соответствия современности и делает их социально притягательными [Дубин, 2006].

Результаты проведенных социологических исследований показывают, что в современном обществе на представления человека о своей телесности, о том, какой она должна быть, существенное влияние оказывает не только пол, возраст, профессия, но и вид физкультурно-спортивной деятельности, в которую включен индивид [Bednarek, 1985; Guttman, 1989; Kolnes, 1994; Laberge, 1984; Maguire, Mansfield, 1998; Wachter, 1988; Żmuda-Ziółek, 1997 и др.].

Особенно важную роль в этом плане играет *фитнес-движение*. Выдвигая тело человека в самостоятельный и центральный пункт своей деятельности, оно ставит своей целью сформировать у людей телесную культуру: заботу о своей телесности, прежде всего о внешнем виде, здоровье, самочувствии, что позволяет индивиду быть «быть эффективным, успешным», «способным решать жизненно важные проблемы». Фитнес-технологии играют немалую роль в том, что «телесность для человека перестает быть просто природной данностью. Она все чаще выступает в качестве поддающегося управлению феномена, включенного в контекст изменяемой “окружающей среды” нашего сознания. И если, наблюдая за спортивными состязаниями в ожидании новых рекордов, миллионы людей убеждаются в безграничных возможностях человека как бы отстраненно, абстрактно, то, активно участвуя в фитнес-движении, человек сам участвует в преобразовании своего тела: увеличивая свою работоспособность, освобождаясь от стрессов, повышая свои функциональные возможности, отодвигая границы своей биологической природы. Посетители фитнес-клубов проявляют высокую степень осмысленного отношения к занятиям. По данным исследований среди них высок процент людей, стремящихся сознательно контролировать уровень и состояние своего здоровья» [Моченов, 2009, с. 14].

Эти аспекты фитнес-движения, безусловно, дают основание его позитивной оценки.

*Диалектический подход* выявляет, однако, и другую сторону идеологии, а вместе с тем и практической деятельности фитнес-движения. Его идеологи подвергают критике картезианское разделение тела и духа, а также механический способ рассмотрения тела и чисто функционального обращения с ним в традиционном спорте. Провозглашается претензия фитнес-движения на смену этой парадигмы, возрождение *целостного* подхода в отношении человека и его телесности. Однако, в действительности, как убедительно показано в приведенных выше материалах, для фитнес-движения характерна *абсолютизация* позитивного отношения людей к своей телесности, забвение *других* важных аспектов целостного человека. На самом деле «именно это движение радикально ограничивает физи-

ческое тело его мышечной формой и тем самым ведет его к деградации в виде машины». Тем самым пропагандируемое «освобождение тела» завершается его полной инструментализацией, а установка на природу человека, на идеал целостности и естественности в конечном итоге приводит к тому, чтобы «расчленил» тело и подчинить его требованиям функциональной механики?» [Beckers, 1988, s. 164–165]. Как отмечает В.П. Моченов, в идеологии фитнес-движения «скрыта философия “технологизма”, технологического, инструментального подхода к жизни». Это проявляется даже в самом понятии «фитнес»: «Ведь понятие фитнес (*fitness* – англ. – годность, пригодность, соответствие) отражает прикладность и целевую направленность двигательной активности» [Моченов, 2009, с. 13].

Эти аспекты идеологии фитнес-движения, а также подчинение всей его практической деятельности коммерческим интересам, безусловно, *противоречат идеям гуманизма*, в том числе идеалам и ценностям *олимпизма*, ориентирующим на *гармоничное* развитие телесных и духовно-нравственных качеств человека, и тем более *спартианским* идеалам и ценностям *универсального* (гармоничного и разностороннего) развития личности. Как отмечено выше, спарт-центры (спартианские клубы) также стремятся побудить людей к заботе о своей телесности, о своем здоровье, самочувствии, внешнем виде, оказывают им содействие в этом. Но в отличие от фитнес-центров на первом плане для них – *универсальное* (гармоничное и разностороннее) развитие личности. Поэтому для спарт-центров (спартианских клубов) формирование телесной культуры личности – это лишь один важный аспект деятельности, органично связанный с такими другими ее аспектами, как формирование у человека психической, нравственной, эстетической, экологической культуры, культуры мира и т.д. При таком подходе новое «соматическое сознание», ориентация человека на совершенствование своей телесности органично вписывается в общую гармоничную систему ценностных ориентаций, позволяющую ему чувствовать себя не машиной, подчиненной «требованиям функциональной механики», а Человеком в полном смысле этого слова, удовлетворенным своей жизнью и понимающим ее смысл. Автор солидарен с мнением о том, что это является необходимым условием и полноценного здоровья человека: «Без понимания человеком высших аспектов бытия (смысла жизни, ее целей, путей самореализации, согласия со своей совестью и т.д.) и разрешения проблем с этих позиций невозможно приближение к оптимальному состоянию здоровья, так как неудовлетворенность (часто неосознаваемая) своей жизнью всегда порождает напряжение, может привести к различного рода заболеваниям» [Попова, 2006, с. 59].

В последние годы двойственный – оптимистичный и пессимистический – взгляд на увлечение занятиями в фитнес-центре можно встретить в публикациях не только философов, социологов и других исследователей, но и журналистов [см., например: Легко ли быть... 2004].

## **28.7. Взаимоотношение телесной культуры с другими элементами культуры**

К числу важных культурологических проблем телесной (физической) культуры относится и вопрос о ее *взаимоотношении с другими элементами культуры*. Выскажем некоторые соображения по данному вопросу.

Прежде всего *телесную (физическую)* культуру следует отличать от *психической* культуры, которая связана не с телесностью человека, а с его интеллектом, волей, памятью, вниманием и другими психическими качествами и способностями человека. Вместе с тем важно учитывать взаимосвязь телесной (физической) культуры с психической в рамках такого элемента культуры, который можно назвать «*психифизической культурой*» [Родионов, 1996].

Телесная культура связана также с *эстетической* и *нравственной* культурой, культурой *поведения, общения* и другими элементами культуры. Но эта связь предполагает их различие, а не тождество, которое, как отмечено выше (см. 3.4.), им приписывает Н.Н. Визитей.

Требуют пересмотра попытки различения и даже противопоставления *телесной* (физической) и *духовной* культуры [см. например: Маркарян, 1983, с. 75]. При таком подходе телесная (физическая) культура лишается своего духовного содержания и сводится только к физическому, телесному, материальному. Но ведь телесное, физическое, как уже отмечалось, становится элементом культуры лишь в той мере, в какой оно

подвергается процессу социализации и «окультуривания», а эти процессы осуществляются на основе определенных установок, ценностных ориентаций и других компонентов *духовного мира* человека. В связи с этим снова сошлемся на Гегеля, который, рассматривая разнообразные примеры сознательного изменения человеком своего тела, подчеркивал, что «у действительно культурных людей изменение фигуры, способа держать себя и всякого рода внешних проявлений имеет своим источником высокую *духовную культуру*» [Гегель, с. 34]. На неразрывную связь духовной культуры и культуры тела (телесности) обращает внимание и известный психолог П.П. Зинченко: «... вовлечение живого движения, действия, деятельности, поступка в сферу анализа духовного организма представляет собой учет в этом организме и человеческой телесности, выступающей в своих облагороженных духом, культурных, а не только в природных формах» [Зинченко, 1991, с. 144]. И.М. Быховская справедливо подчеркивает, что «физическая культура – это не область непосредственной “работы с телом”, хотя именно телесно-двигательные качества человека являются предметом интереса в этой области. Как и всякая сфера культуры, культура физическая – это прежде всего работа с духом человека, его внутренним, а не внешним миром...» [Быховская, 1996 а, с. 14].

От телесной культуры отличается *не духовная*, а, как отмечено выше, *психическая* культура. И когда телесную (физическую) культуру противопоставляют духовной культуре, то при этом смешивают последнюю с психической культурой.

Телесную культуру ошибочно относить и только к сфере *материальной* культуры или, напротив, только к области *духовной*, равно как и рассматривать ее в качестве некоего вида культуры, отличного от таких ее форм, как материальная и духовная культура, как это делается в некоторых работах [см., например: Давидович, Жданов, 1979, с. 196-197; Каган, 1974, с. 201; Коган, 1984, с. 199, 207; Спорт, молодежь, воспитание, 1985, с. 37; Тощенко, 1983, с. 121].

## **28.8. Особенности авторской концепции «физической культуры»**

Не только в данной книге, но и во многих прежних публикациях автора обоснована необходимость разработки концепции (теории) «физической культуры», связывающей ее с социокультурным преобразованием тела человека, его физического состояния, а также поставлены и частично проанализированы основанные на этой концепции философско-культурологические проблемы исследования телесной культуры [Столяров, 1984 а, г, 1985 б, в, 1988 г, д, л, м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д, 2009 а, г, 2010 а, ж; Столяров, Баринев, 2009, 2011; Столяров, Быховская, Лубышева, 1998; Столяров, Неверкович, 2011; Stolyarov, 1985 с, 1990 б и др.].

Но если отвлечься от тех различий, которые носят *терминологический* или *стилистический* характер, и учитывать в первую очередь *содержательный* аспект предлагаемых характеристик телесной (физической) культуры, то аналогичная ее интерпретация дается (естественно, в разном стилистическом оформлении) в научных публикациях и других авторов.

Вот несколько иллюстраций.

М.С. Каган отмечает, что «физическая культура по праву называется культурой, поскольку она является способом и результатом преобразования человеком его собственной природной данности» [Каган, 1974, с. 201]. Л.Н. Коган выделяет физическую культуру как особую форму культуры, направленную на преобразование физического облика человека, в отличие от материально преобразующей, духовно преобразующей и общественно преобразующей форм культуры [см.: Социализм и личность, 1979, с. 136].

В.М. Выдрин и Ю.М. Николаев формулируют положение о том, что физическая культура – «это творческая деятельность по освоению и созданию ценностей в сфере физического совершенствования народа и ее социально-значимые результаты» [Выдрин, Николаев, 1974, 1979]. По сути дела таким же образом (с некоторыми уточнениями и дополнениями) они характеризуют физическую культуру и в других своих работах [Выдрин, 1979, 1980б, 1984, 1986, 1988; Выдрин, Курамшин, Николаев, 1996; Николаев, 1976, 1997, 1998 а, б, 2001, 2002, 2003, 2004, 2007, 2010].

Н.А. Пономарев рассматривает физическую культуру как «социально организуемую и сознательно управляемую деятельность по формированию и поддержанию общественно необходимых физических возможностей людей, классов, населения в целом» и отличает

этот элемент культуры «от стихийного формирования и поддержания физических качеств людей в процессе бытовой и трудовой физической деятельности, как и от других видов культуры» [Пономарев Н.А., 1976, 1978, 1979, 1982, 1986, 1998]. В более поздней работе он так характеризует физическую культуру: «физическая культура – система средств и способов сознательно организуемого и управляемого формирования и поддержания телесности, двигательных качеств и двигательных умений людей» [Пономарев, 2006, с. 182].

Ю.А. Фомин полагает, что «физическая культура – это базирующаяся на системе актуального знания в области физического совершенствования человека и гигиены его тела совокупность умений и навыков в области двигательной деятельности человека, достигнутых результатов физической дееспособности и морфологических характеристик, неугилицитарных средств, методов, методик и форм физического совершенствования, деятельность по их созданию, развитию, усвоению и использованию» [Фомин, 2006, с. 241-242; см. также: Фомин, 1996].

В работах известного польского философа и социолога спорта З. Кравчика физическая (соматическая, телесная) культура характеризуется как «социально обусловленная и социально регулируемая система спонтанной и направленной деятельности, целью которой является совершенство и экспрессия человеческого тела в соответствии с принятыми образцами», как «относительно интегрированная и закреплённая система поведения, связанного с заботой о физическом развитии, двигательной функциональности, красоте, физическом совершенстве и экспрессии человека, и осуществляемого по принятым образцам, а также результаты данного поведения» [Krawczyk, 1990a, s. 114; см. также: Кравчик, 1970, 1979, 1981, 1982, 1984, 1988, 1990; Krawczyk, 1974, 1978 a, c, 1981, 1983 a, b, 1986, 1988 a, 1995 a, b, c, d, e, f].

По мнению И.М. Быховской, физическая (телесная, соматическая) культура может быть определена как «область культуры, регулирующая деятельность человека (ее направленность, способы, результаты), связанную с формированием, сохранением и использованием телесно-двигательных качеств человека на основе представлений о нормах и идеалах их функциональности, коммуникативности, экспрессивности и красоты» [Быховская, 1993 a, б, 1994, 1996 a, б, 1997, 2000].

Однако концептуальный подход автора данной книги к физической (телесной) культуре и интерпретации соответствующего понятия имеет ряд особенностей. Отметим основные из них.

1. *Главная особенность состоит в том, что в авторской концепции устраняется присущее большинству других концепций физической культуры смешение, отождествление двух различных интерпретаций понятия «физическая культура»: в одной из них в основу содержания данного понятия кладется процесс социокультурной модификации тела (физического состояния) человека, в другой – оздоровительно-рекреационная двигательная активность человека («физкультурная двигательная деятельность»), которая используется не только в целях физического совершенствования, но и для других целей – формирования нравственной и эстетической культуры, культуры общения, отдыха, развлечения и т.д.*

Внимательный анализ выявляет не только некоторое *сходство*, но и *принципиальное различие* этих двух интерпретаций физической культуры, так как они вводятся на основе различных абстракций.

В первом случае речь идет о формировании и коррекции определенных параметров лишь тела (физического состояния) человека – в отвлечении от других качеств личности (психических, нравственных, эстетических и др.). При этом в качестве средств целенаправленного воздействия на тело (физическое состояние) человека рассматриваются не только определенные формы двигательной деятельности, но и другие средства (использование естественных сил природы, гигиенические средства и др.).

Во втором случае речь идет лишь об определенных формах двигательной деятельности человека (в отвлечении от других форм и других компонентов физического состояния человека – например, телосложения), используемых как для физического совершенствования, так и для других социально-значимых целей (формирование и развитие психических, нравственных, эстетических способностей человека, его отдыха, развлечения и т.д.).

Выше в качестве примера показано смешение этих двух взаимосвязанных, но различных интерпретаций физической культуры в работах А. Воля и Л.П.Матвеева.

Автору приходилось неоднократно обращать внимание на эту теоретико-методологическую ошибку в трактовке понятия «физическая культура» [см., например: Столяров, 1984 а, 1988 м, 1997 г, 1998 м, 2002 д, 2004 д, 2009 а и др.]. Однако в большинстве работ (как давно опубликованных, так и совсем недавно), посвященных анализу данного понятия и концепции физической культуры в целом, две указанные интерпретации физической культуры четко не различают, смешивают, отождествляют [см., например: Бельский, Сыманович, Руденик, 2007, с. 33–35; Бойченко, Бельский, 2002; Введение в теорию... 1983, с. 8, 10, 12, 16, 18; Выдрин, 1979, с. 133, 195–196, 231, 235–259, 288; Глотов, Игнатъев, Лотоненко, 1996, с. 4–5; Гончаров, 1995, с. 3, 13, 18; Конеева, Веланская, Астафьев, 2007, с. 172–175; Курамшин, 2007, с. 219–220; Лубышева, 2007, с. 229–232; Лукьяненко, 2007, с. 232–235; Николаев, 1997, с. 4–6; Пономарев Н.А., 1976, с. 3, 121, 127; Пономарев Н.И., 1974 б, с. 49–53; Пономарчук, Аяшев, 1991, с. 34, 59–61; Решетнева, 2007, с. 332–334; Сайганова, 1982, с. 45, 66–67; Филимонова, 2004; Щетинина, 2007, с. 416–419; Wohl, 1979, р. 167, 171–172 и др.].

В авторской концепции для устранения неоднозначности традиционного понимания физической культуры вводится несколько понятий: «занятия физическими упражнениями», «физкультурная двигательная деятельность» и «телесная (физическая) культура», которые характеризуют различные, хотя и тесно связанные между собой, социальные явления. Тем самым на основе использования логического приема «экспликации понятия» (см. выше 5.1.) преодолевается присущее традиционной концепции физической культуры смешение, отождествление различных социальных явлений.

2. Чаще всего физическую культуру связывают только с сознательным (а нередко даже лишь с воспитательным) воздействием на тело (физическое состояние) человека. Автор согласен с точкой зрения Э.С. Маркаряна, который считает, что преднамеренность, осознанная запрограммированность не являются обязательным условием появления феномена культуры. При этом он ссылается на такие фундаментальные компоненты культуры, как естественные языки или же системы морали, которые не являются преднамеренно созданными продуктами [Маркарян, 1983, с. 273–274.].

В соответствии с этим, как уже отмечено выше, в физическую (телесную) культуру, понимаемую *в широком смысле слова*, целесообразно включать не только те параметры физического состояния человека, которые являются результатом *сознательного* (в том числе воспитательного) воздействия социальной среды, но и те, которые *стихийно* сформированы воздействием социальных факторов. Такой подход позволяет учесть весьма сложную и многоплановую природу социально и культурно модифицируемого процесса физического развития человека.

Вместе с тем целесообразно ввести и *понятие физической (телесной) культуры в узком смысле*, которое охватывает не все социально формируемые особенности тела человека, его физического состояния, а лишь те из них, которые являются результатом деятельности человека, направленной на их *сознательное* изменение в нужном направлении.

3. Важно отметить, что к сфере телесной (физической) культуры автор данной книги относит не только педагогические и гигиенические средства воздействия на тело человека (физические упражнения, использование естественных сил природы, рациональный режим труда и отдыха и др.), но и другие социально выработанные средства такого рода – например, *хирургические, медикаментозные, генной инженерии*.

Аналогичное мнение высказывают и некоторые другие исследователи:

- «Физическая культура включает в себя спорт и медицинскую практику (цель которой состоит не только в исправлении “брака” самой природы и травм, получаемых человеком в ходе его жизни, но и в усовершенствовании, в подлинном культивировании дарованных человеку природой анатомо-физических качеств)» [Каган, 1974, с. 201–202];

- «Физическая культура на специализированном уровне представлена в основном медициной и спортом. Основные функции медицинской культуры – поддержание здоровья людей силами специально подготовленных для этого профессионалов» [Морфология культуры, 1994, с. 30].

Указанное расширенное (по сравнению с обычным) понимание телесной (физической) культуры, предполагающее включение в нее наряду с педагогическими и гигиеническими средствами воздействия на тело (физическое состояние) человека и других, в том числе хирургических, медикаментозных и т.д., кажущееся на первый взгляд непривычным и даже парадоксальным, имеет под собой веские основания.

Данное понимание:

➤ является *прямым логическим следствием* рассматриваемой концепции телесной (физической) культуры как сферы культуры, связанной с деятельностью социального субъекта (и используемыми при этом средствами) по целенаправленному формированию телесности человека;

➤ придает смысл, делает оправданным введение самого понятия «телесная (физическая) культура», ибо в противном случае оно просто *дублирует* понятие «физическое воспитание»;

➤ позволяет учесть, выделить, не смешивать и рассмотреть *разнообразные средства* социально-культурной модификации телесного бытия человека, выяснить их *место* в рамках телесной (физической) культуры отдельного человека, той или иной социальной группы или общества в целом на различных этапах исторического и культурного развития, а значит, и проследить *изменение их роли и значения* в ходе общественной эволюции;

➤ имеет важное *практическое* значение, поскольку ориентирует на сотрудничество, кооперацию, *координацию* усилий всех тех лиц, кто стремится оказать сознательное, целенаправленное воздействие на телесность человека – педагогов, медиков, диетологов, валеологов, экологов и т.д. Если обратиться к истории, то еще Платон в одном из своих диалогов вложил в уста Сократа такие слова: «... в общем служении телу я усматриваю две части: гимнастику и медицину. Они постоянно находятся во взаимном общении, хотя и отличаются одна от другой».

4. К числу наиболее важных особенностей авторской концепции телесной (физической) культуры относится *исторический* подход к пониманию этой культуры, что соответствует требованиям диалектического метода.

На это следует обратить особое внимание, ибо в понимании телесной (физической) культуры господствует *антиисторический подход*.

Этот подход проявляется, например, в том, что к числу основных и специфических признаков данной культуры относят ориентацию индивида (социальной группы, общества в целом) на такие ценности, как всестороннее физическое развитие людей, физическое совершенство, красота, выразительность движений и т.п. [см., например: Евстафьев, 1985; Николаев, 1997; Пономарчук, Аяшев, 1991]. Так, ее характеризуют как область культуры, «связанную с формированием, сохранением и использованием телесно-двигательных качеств человека на основе представлений о нормах и идеалах их функциональности, коммуникативности, экспрессивности и красоты» [Быховская, 1993 а, б; Морфология культуры, 1994]. Польский философ и социолог спорт З. Кравчик в своих публикациях указывает на некоторые аспекты эволюции телесной (соматической) культуры, но не в полной мере учитывает это в определении данной культуры. Напомним, что, по его мнению, телесная (физическая, соматическая) культура – это «социально обусловленная и социально регулируемая система спонтанной и направленной деятельности, целью которой является совершенство и экспрессия человеческого тела в соответствии с принятыми образцами», как «относительно интегрированная и закрепленная система поведения, связанного с заботой о физическом развитии, двигательной функциональности, красоте, физическом совершенстве и экспрессии человека, и осуществляемого по принятым образцам, а также результаты данного поведения» [Krawczyk, 1990 a, s. 114].

Указанная в этих характеристиках телесной (физической) культуры ориентация на физическое совершенство, красоту, выразительность движений и т.п., возможна и действительно имеет место, но лишь *в определенных исторических условиях, на определенных этапах исторического развития* и, как правило, лишь применительно к определенным группам людей. Кроме того, она вовсе не исчерпывает других возможных ориентаций социального субъекта по отношению к телесности (см. главу 24).

5. Особенность развиваемой в данной книге концепции физической (телесной) культуры состоит и в положении о том, что физическая культура охватывает как *позитивное*, так и *негативное* (применительно к определенным социальным условиям) воздействие социальной среды на тело (физическое состояние) человека. Другое дело, что в зависимости от характера этих воздействий сама физическая культура приобретает позитивное или негативное социальное значение. Аналогичным образом в настоящее время оцениваются и другие явления культуры. Общепринято, например, отмечать противоречивый характер



культуры в современных условиях, наличие в ней и прогрессивных, и реакционных элементов.

6. В авторской концепции оценивается как ошибочное широко распространенное представление о культурном статусе физкультурной двигательной деятельности, когда ее рассматривают как элемент *только телесной (физической) культуры*.\*

Физкультурная двигательная активность неразрывно связана с телесной (физической) культурой и включается в нее, *но лишь в той мере*, в какой для нее характерны социально сформированные умения и навыки выполнять соответствующие движения и она выступает как средство физического совершенствования человека, укрепления и сохранения его здоровья, а также формирования и развития соответствующих знаний, потребностей и т.д. Но в этой деятельности – при определенной ее организации – проявляются не только двигательные умения и навыки, но и широкий круг других качеств (способностей) человека: его интеллектуальные качества, эстетические способности, нравственные нормы поведения, навыки общения и др. Занятия физкультурой используются для формирования и развития не только физической, но также эстетической, нравственной, экологической культуры, культуры общения и т.д. *В той мере, в какой с физкультурной двигательной активностью связаны психические, нравственные, эстетические, коммуникативные и другие ценности, она проявляет себя как феномен не только физической, но также психической, нравственной, эстетической, коммуникативной и других сфер культуры*.

Отнесение занятий физкультурой лишь к сфере физической (телесной) культуры не только ошибочно в теоретическом плане, но и приводит к серьезным негативным практическим последствиям, поскольку *существенно снижает привлекательность этих занятий* в глазах тех людей, которые в первую очередь ориентируются на ценности таких сфер культуры, как нравственная, коммуникативная и т.д. [Столяров, 1985 а, 1986 в, 1990 б, 1991 а; Stolyarov, 1989 а, 1990 а].

#### Литература к гл. 28

1. Абзалов Ринат, Ситдилов Фарид (2002). Физкультурология – наука о природе двигательной деятельности // II Междунар. форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». 15–18 июня 2002 г., г. Москва. XI Конференция «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 13-18.
2. Александрова Е.А., Быховская И.М. (1996). Культурологические опыты. – М. – 115 с.
3. Аллакаева Л.М. (2004). Педагогические основы формирования культуры здоровья школьников: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Н. Новгород. – 23 с.
4. Анцыферова Л.И. (1982). Общественно-исторический характер телесного бытия человека // Биология человека и социальный прогресс: Межвуз. сб. научн. трудов. – Пермский ун-т. – С. 89-96.
5. Ахвердова О.А., В.А. Магин (2002). К исследованию феномена «культура здоровья» в области профессионального физкультурного образования // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 5-7.
6. Багнетова Е.А., Талтыгина А.Ф. (2003). Культура здоровья и адаптация студентов педагогического вуза // Педагогика и психология здоровья: Сборник работ сотрудников кафедры психолого-педагогических технологий охраны и укрепления здоровья. – М.: АПКИПРО. – С. 88-90.
7. Бака М.М., Бойко В.С., Гуревич С.С., Муравьев И.В. (1983). Социально-биологические проблемы физической культуры и спорта. – Киев. – 247 с.
8. Бакашвили В.Г. (1990). Влияние семьи на физическое воспитание детей дошкольного возраста в условиях Грузинской ССР: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
9. Бакшева Т.В. (2004). Двигательно-пластическая подготовка специалистов в области физической культуры: Дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп.
10. Бальсевич В.К. (1981). Феномен физической активности человека как социально-биологическая проблема // Вопросы философии. – № 8. – С. 78-89.
11. Бальсевич В.К. (1990). Физическая подготовка в системе воспитания культуры здорового образа жизни человека (методологический, экологический и организационный аспекты) // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 22-26.

---

\* К такому пониманию культурного значения занятий физическими упражнениями и физкультурной двигательной активности подталкивают термины, которые используются для их обозначения – «физические» упражнения, «физкультура» (это слово обычно рассматривается как сокращение слова «физическая культура»). Поэтому эти термины не совсем удачны и необходим поиск других терминов для их обозначения.

12. Бальсевич В.К. (2000). Онтокинезиология человека. – М.: Теория и практика физической культуры. – 275 с.
13. Бальсевич В.К., Запорожанов В.А. (1987). Физическая активность человека. Киев: Здоровье. – 223 с.
14. Батенин С.С. (1971). Социализация в антропогенезе // Социальная психология и философия. – Л.
15. Батенин С.С. (1976). Человек в его истории. – Л.: ЛГУ.
16. Бахтин М.М. (1965). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература.
17. Бахтин М.М. (1979). Эстетика словесного творчества. – М. – 424 с.
18. Бацина О.Н. (2007). Формирование культуры здоровья девушек-старшеклассниц в системе физического воспитания: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.: МОГАФК. – 23 с.
19. Бельский И.В., Сыманович П.Г., Руденик В.В. (2007). Основные термины физической культуры в образовательном пространстве высшего учебного заведения // Докл. первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 33–35.
20. Бердяев Е.А. (1994). Человек и машина // Н. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. Т.1. – М.
21. Бойченко С.Д., Бельский И.В. (2002). Классическая теория физической культуры. Введение. Методология. Следствия. – Мн.: Лазурок. – 312 с.
22. Болдов А.С. (2006). Формирование интереса к физкультурно-спортивной деятельности у студентов специальных медицинских групп: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
23. Борилкевич В.Е. (2003). Об идентификации понятия «фитнесс» // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 45.
24. Брушлинский А.Б. (1974). О соотношении биологического и социального в развитии личности // Теоретические проблемы психологии личности. – М.: Мысль. – С. 83-122.
25. Буракова М.В. (2001). Интерпретация маскулинности/фемининности внешнего облика женщины (на примере прически): Автореф. ... дис. канд. психол. наук. – Ростов-на Дону.
26. Быховская И.М. (1993а). Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М. – 180 с.
27. Быховская И.М. (1993б). «Быть телом» – «иметь тело» – «творить тело»: три уровня бытия «Homo somatis» и проблемы физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2-5.
28. Быховская И.М. (1994). Физическая (соматическая) культура // Морфология культуры. Структура и динамика/Г.А.Аванесова, В.Г.Бабаков и др. Учеб. пособие для вузов. – М.: Наука. – С. 305-323.
29. Быховская И.М. (1996а). Теоретико-методологические основания социокультурного анализа телесности человека // Социокультурные аспекты физической культуры и здорового образа жизни. – М.: Советский спорт. – С. 8-14.
30. Быховская И.М. (1996б). Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – №2. – С. 19-27.
31. Быховская И.М. (1997). «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). – М. – 209 с.
32. Быховская И.М. (2000). «Homo Somatikos»: Аксиология человеческого тела. – М.
33. Быховская И.М. (2005) Здоровье и здоровьеориентированные практики в культурологическом измерении // Основы культурологии: Учебное пособие / Отв. ред. И. М. Быховская. – М.: Едиториал УРСС. – С. 438–456.
34. Быховская И.М. (2005). Образование и культура здоровья // Дети России образованны и здоровы: Материалы III научно-практич. конф. г. Москва, 28-29 окт. 2005 г. – М. – С. 28-32.
35. Быховская И., Мразек Й., Фиалова Л. (1998). Здоровье в системе ценностей студентов ИФК: кросс-европейский анализ // Тез. докладов Междунар. конгресса «Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы» Том 1. – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 187-188.
36. Васильева Н.А. (1988). Философско-социологический анализ физической культуры и ее функций в образе жизни молодежи (на материалах социологических исследований в Казахстане): Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Алма-Ата. – 26 с.
37. Визитей Н.Н. (1989). Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты). – Кишинев: Штиинца. – 110 с.
38. Визитей Н.Н. (2009). Теория физической культуры: к корректровке базовых представлений. Философские очерки. – М.: Советский спорт. – 184 с.

39. Вучева В.В. (1998). Научно-методические основы формирования гуманистически ориентированной физической культуры студенток педагогических специальностей: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
40. Выдрин В.М. (1979). Советская физическая культура как феномен культурной революции в СССР: Дис... докт. пед. наук. – Л. – 41 с.
41. Выдрин В.М. (1980б). Культура, физическая культура, спорт // Спорт в современном обществе. – М.: ФиС. – С. 3-45.
42. Выдрин В.М. (1984). Методологические проблемы теории физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 5-6.
43. Выдрин В.М. (1986). Физическая культура и ее теория // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 24-27.
44. Выдрин В.М. (1988). Теория физической культуры (культуроведческий аспект): Учеб. пос. Л.: ГДОИФК им. П.Ф. Лесгафта. – 45 с.
45. Выдрин В.М., Курамшин Ю.Ф., Николаев Ю.М. (1996). Осмысление интегративной сущности физической культуры – магистральный путь формирования ее теории // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 59-62.
46. Выдрин В.М., Николаев Ю.М. (1974). Содержание, объем и структура понятия «физическая культура» // Теория и практика физ. культуры. – № 9. – С. 8-10.
47. Выдрин В.М., Николаев Ю.М. (1979). О ценностном аспекте физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 5-8.
48. Гегель. Соч., т. 12.
49. Гендин А.М., Дроздов Н.И., Бордуков М.И., Майер Р.А., Сергеев М.И. (2003а). Условия и факторы формирования здорового образа жизни будущих учителей. – Красноярск: РИО КГПУ. – 296 с.
50. Гендин А.М., Дроздов Н.И., Сергеев М.И., Бордуков М.И., Майер Р.А. (2003б). Формирование здорового образа жизни студентов (социокультурный анализ). – Красноярск: РИО КГПУ. – 316 с.
51. Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И., Столяров В.И. (1989). Состояние и факторы развития физической культуры и здорового образа жизни школьников (методология и методика социологического исследования). – Новосибирск-Красноярск. – 216 с.
52. Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И., Столяров В.И., Фалалеев А.Н. (1985). Физическая культура в жизни детей дошкольного возраста (методология и методика исследования). Ч. I, II, III. – М.: ИСИ.
53. Гендин А.М., Сергеев М.И., Столяров В.И. (1986а). Отношение женщины-матери к физическому воспитанию и физкультурно-спортивной активности детей дошкольного возраста // Пути формирования активного отношения женщин к физической культуре и спорту в условиях социализма: Семинар соцстран, 3-5 июня 1986 г., Нойбранденбург. – Берлин. – С. 73-94.
54. Гендин А.М., Сергеев М.И., Столяров В.И. (1986б). Комплексное социологическое исследование физической культуры, физического воспитания и двигательной активности дошкольников // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всесоюз. научно-практич. конференции. – М. – С. 35-39.
55. Гендин А.М., Сергеев М.И., Столяров В.И. (1988). Физическое воспитание детей дошкольного возраста (социологический анализ) // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Выпуск первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М.: Сов. спорт. – С. 80-99.
56. Гендин А.М., Сергеев М.И., Усаков В.И., Шабунин В.В. (2004). Условия и факторы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи в современных условиях. – Красноярск: РИО КГПУ. – 228 с.
57. Глотов Н.К., Игнатъев А.С., Лотоненко А.В. (1996). Философско-культурологический анализ физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 4-6.
58. Голубев А.Д. (1968). Формула красоты. Очерк о культуре человеческого тела. – М.: Сов. Россия.
59. Гончаров В.Д. (1995). Физическая культура в системе социальной деятельности: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – СПб. – 37 с.
60. Гориневский В.В. (1928). Культура тела. – М.: изд-во Наркомздрава.
61. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. (1979). Сущность культуры. – Ростов-на-Дону. – 264 с.
62. Дубин Б.В. (2006). Состязательность и солидарность. Рождение спорта из духа общества // Отечественные записки. – № 33 (6). Спортивный комплекс. – С. 100–119.
63. Дубинин Н.П. (1972). Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии. – № 10. – С. 46-57.
64. Евстафьев Б.В. (1985). Анализ основных понятий в теории физической культуры. – Л. – 133 с.

65. Жаров Л.В. (1987). К специфике телесной культуры человека // Вопросы философии. – № 6. – С.145-148.
66. Жаров Л.В. (1988). Человеческая телесность: философский анализ. – Изд-во Ростовского университета.
67. Жаров Л.В. (2003). Представления о детском теле в истории культуры // Человек. – №2. – С. 107–119.
68. Журавлева И.В. (2002). Здоровье подростков: социологический анализ. – М.: Изд-во Ин-та социол. РАН. – 240 с.
69. Здоровье студентов. Вып. 1. Здоровый образ жизни и физическая культура студентов: социологические аспекты / Под ред. В.М. Лабскира и В.И. Столярова. – Москва-Харьков. – 103 с.
70. Зинченко П.П. (1991). К 100-летию О.Мандельштама // Вопросы психологии. – № 5.
71. Истягина-Елисеева Е.А. (1998). Физический имидж женщины в эпоху допетровской Руси // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. Том II. М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 72-75.
72. Каган М.С. (1974). Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат. – 328 с.
73. Кадом Ахмед Джавад (1986). Социально-педагогические аспекты физкультурно-спортивной деятельности студентов в вузах Ирака: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 22 с.
74. Карсаевская Г.В. (1970). Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. – Л.: Медицина. – 269 с.
75. Кинкадзе Ю.В. (1990). Социально-педагогические аспекты формирования здорового образа жизни и физической культуры (на примере учащейся молодежи Грузии): Дис... канд. пед. наук. – Тбилиси. – 160 с.
76. Коган Л.Н. (1984). Цель и смысл жизни человека. – М. – 252 с.
77. Колесов Д.В. (1983). Культура движений // Д.В. Колесов. Физическое воспитание и здоровье школьников. – М.: Знание. – С. 24-30.
78. Кон И. (1978). Открытие «Я». – М.: Политиздат. – 367 с.
79. Кон И.С. (2001). Человеческие сексуальности на рубеже XXI в. // Вопросы философии. – №8. – С. 29-41.
80. Конеева Е.В., Веланская Е.А., Астафьев В.С. (2007). Феномен физической культуры личности // Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 172–175.
81. Коренберг В.Б. (1972). Заметки о культуре движений // Гимнастика. – М.: ФиС, вып. 2. – С. 14-18.
82. Коренберг В.Б. (2008). О некоторых базовых понятиях в нашей сфере // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 9-13.
83. Косевич Е. (1992). Человек и его тело в свете Ветхого и Нового завета // Философские науки. – № 2. – С. 49–61.
84. Косяк В.А. (2002). Эпистемология человеческой телесности. – Сумы: ИТД «Университетская книга». – 362 с.
85. Кравчик З. (1970). Концепцията за човека и неговото отношение към физкултурата // Социологически проблеми на физическата култура. – София. – С. 41-46.
86. Кравчик З. (1979). Проблема участия молодежи в культуре, физической культуре и спорте // Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И.Столяров, З. Кравчик. – М., ФиС. – С. 181-192.
87. Кравчик З. (1981). Физическая культура в Польше на пороге 80-х годов (попытка диагноза) // Проблемы междунар. спортивного движения. Тематич. подборка 18. – М.: ВНИИФК. – С.11-24.
88. Кравчик З. (1982). Физическата култура като ценност на обществената система (аксиология на тялото) // Физическата култура и социалистическият начин на живот: Методически материали. – София. – С. 17-31.
89. Кравчик З. (1984). О формировании теории физической культуры в системе наук // Очерки по теории физической культуры: Труды ученых социалистических стран. – М.: ФиС. – С. 82-89.
90. Кравчик З. (1988). Физическая культура в общественном сознании и образе жизни городского населения социалистических стран (сравнительный анализ) // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М.: Сов. спорт. – С. 139-144.
91. Кравчик З. (1990). Нормативные модели физической культуры молодежи // Социальные проблемы физической культуры и здорового образа жизни детей. – Красноярск. – С. 21-30.
92. Кравчик З. (2005а). Аксиология тела // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. Часть 1. – С. 168-175.
93. Кравчик З. (2005б). Спорт и современные образцы культуры // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. Ч. 2. – С. 42-48.
94. Круткин В.П. (1993). Онтология человеческой телесности. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та.

95. Кузнецов В.В. (1986). Интегративная функция моторики человека (философско-методологический аспект). – М.: Наука. – 202 с.
96. Курамшин Ю.Ф. (2007). О значении и смысле понятия «физическая культура» в контексте ее теории // Доклады первого межд. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 219–220.
97. Кыласов А.В. (2010б). Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации: Автореф. дис. кандидата культурологии. – М. – 32 с.
98. Лебедев Ю.А. (1984). Физическая культура общества и физическое совершенство личности в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Горький. – 24 с.
99. Левченкова Т.В. (2007). Тенденции развития детского фитнеса в России // Дети России образованны и здоровы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, г. Воскресенск, 7–8 декабря 2006 г. – М. – С. 78–80.
100. Легко ли быть листиком салата. Два взгляда на повальное увлечение фитнесом // Российская газета, 8 окт. 2004 г.
101. Лесгафт П.Ф. (1951–1954). Педагогические сочинения. Т. 5. – М.
102. Лисицкая Т.С. (2002). Принципы оздоровительной тренировки // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С. 6–14.
103. Лубышева Л.И. (1996в). Социальное и биологическое в физической культуре человека в аспекте методологического анализа // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 2–4.
104. Лубышева Л.И. (2007). Физическая и спортивная культура: понятия, функции, технологии // Доклады первого межд. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 229–232.
105. Лукьяненко В.П. (2007). Сущность понятия «воспитание» и особенности его интерпретации применительно к педагогической деятельности в сфере физической культуры // Докл. первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. С. 232–235.
106. Мальцева Л.П., Рудакова Г.А. (1985). Культура здоровья в общей культуре социалистической личности // Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса: Тез. докл. к XIII межзональн. симп. – Горький. – С. 149–151.
107. Маркарян Э.С. (1983). Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль. – 284 с.
108. Матвеев Л.П. (2002). Теория и методика физической культуры. (Часть 1. Введение в общую теорию физической культуры). Учебник для высших специальных физкультурных учебных заведений. – М., РГАФК. – 176 с.
109. Матвеев Л.П., Полянский В.П. (1996). Прикладность физической культуры: понятийные основы и их конкретизация в современных условиях // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 42–47.
110. Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28–29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. – М.: Параллели, 2009. – 152 с.
111. Морфология культуры. Структура и динамика/Г.А.Аванесова, В.Г.Бабаков, Э.В.Быкова и др. Учеб. пособие для вузов. – М.: Наука, 1994. – 415 с.
112. Моченов В.П. (1994). Социально-педагогические аспекты использования нетрадиционных форм и средств физической культуры в практике физкультурно-оздоровительной работы: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
113. Моченов В.П. (2005). Интеграция культур в современной практике образования // Образование в пространстве культуры: Сборник научных статей. Вып. 2 / И.М. Быховская (отв.ред.) и др. – М.: РИК. – С. 302–311.
114. Моченов В.П. (2009). Соматический вектор развития современной культуры // Материалы Международной научной конференции «Спорт, спартианское движение и культура мира» (23–25 мая 2007 года)/РГУФКСиТ. – М.: Светотон. – С. 9–16.
115. Мразек Й. (1998). Спорт, здоровье и концепция тела: социологический подход // Тез. докл. Междунар. конгресса «Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы». Том 1. – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 7–8.
116. Мразек Й., Быховская И., Фялова Л. (1998). Спорт, здоровье и представления о телесности в Центральной и Восточной Европе // Тез. докл. Международного конгресса «Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы». Том 1. – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 191–192.
117. Мягкова С.Н. (2003). Физическая культура женщин – от античных времен до начала XX века. – М.: «Спортивная книга». – 142 с.
118. Назаренко Л.Д. (1999). Пластичность как двигательльно-координационное качество // Теория и практика физ. культуры. – № 8. – С.48–53.
119. Назаренко Л.Д., Игнатьева Ж.А. (2000). Теоретическое обоснование и методика развития ритмичности // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 45–50.

120. Наталов Г.Г. (1993). Спорт как социальный институт формирования культуры двигательной деятельности // Олимпийское движение и социальные процессы: Сб. матер. Междунар. конф. СПб. – С. 52-59.
121. Наталов Г.Г. (1994). Спорт как система ценностей культуры двигательной деятельности и социальный институт ее развития, распространения и освоения // Олимпийский бюллетень. – № 1. – М. – С. 26-35.
122. Никитин В.Н. (2000). Энциклопедия тела: психология, психотерапия, педагогика, театр, танец, спорт, менеджмент. – М.: Алетейа. – 624 с.
123. Никитин В.Н. (2006). Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. – М.: Когито-центр.
124. Никитюк Б.А. (1974). Генетическая и социальная обусловленность развития движений и двигательной активности // Соотношение биологического и социального в развитии человека. – М.
125. Никифоров Ю.Б. (2003). Будь крепок духом и телом. Православный взгляд на физическую культуру. – М.: Изд-во Душепопечительского Центра св. прав. Иоанна Кронштадтского. – 320 с.
126. Николаев Ю.М. (1997). О культуре физической, ее теории и системе физкультурной деятельности // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 4-6.
127. Новиков Б.И. (1988). Здоровье и физическое состояние в системе ценностей молодежи // Физкультура и здоровье студентов: Сб. – М. – С. 27-33.
128. Новиков Б.И. (1989). Физическая культура личности: сущность, структура, пути формирования // Физическая культура личности студента: Тез. докладов научной конф. – М. – С. 5-12.
129. Палосуо Х., Журавлева И., Уутела А., Лакомова Н., Шилова Л. (1998). Восприятие здоровья и связанных с ним привычек и установок (сравнительное исследование взрослого населения в Хельсинки и Москве). Пер. с англ. Т.Н.Сорокиной, Р.В.Дроздовой. Отв. Ред. И.В.Журавлева / Институт социологии РАН. – М.: Изд-во Института социологии РАН.
130. Педагогика и психология здоровья: Сборник работ сотрудников кафедры психолого-педагогических технологий охраны и укрепления здоровья. – М.: АПКИПРО, 2003.
131. Пивоваров Г.А., Пугачева Ж.И. (1995). К вопросу о концепции телесной культуры // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы VI Всеросс. научно-практич. конф. Омск. – С. 26-28.
132. Подорога Валерий (1995). Семиозис тела // Подорога Валерий. Выражение и смысл. – М.: Ad Marginem. – С. 166-209.
133. Пономарев Н.А. (1976). Основы социологии физической культуры (Цикл лекций). – Л. – 129 с.
134. Пономарев Н.А. (1978). Методологические основы наук о физической культуре. – Л. – 47 с.
135. Пономарев Н.А. (1979). Проблема системообразующего фактора физической культуры // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 5-7.
136. Пономарев Н.А. (1982). Философские основы физической культуры: Методич. указания по подготовке к семин. занятиям. – Л. – 72 с.
137. Пономарев Н.А. (1986). Актуальные проблемы теории физической культуры как учебной дисциплины. – Л.: ГДОИФК.
138. Пономарев Н.А. (1998). Социология физической культуры. – СПб.
139. Пономарев Н.А. (2006). Потребности в физической культуре и спорте: проблемы исследования // Первый международный конгресс «Термины и понятия в сфере физической культуры». 20–22 дек. 2006 г., Санкт-Петербург: Материалы конгресса. – СПб. – С. 181–183.
140. Пономарев Н.И. (1974б). О теории физической культуры как науке // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 49-53.
141. Пономарчук В.А., Аяшев О.А. (1991). Физическая культура и становление личности. – М.: ФиС.
142. Попова Т.А. (2006). Восток и запад. Тенденция вовлечения человечества в систему фитнеса // Физическое воспитание учащейся молодежи: традиции и инновации. Межвузовский сб. научных трудов. – Владимир. – С. 53–61.
143. Проблема телесности в современной социологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. – 2000. № 4. – М.: РЖРАН. ИНИОН. Центр социальных науч. информац. исслед. – С. 5-54.
144. Пути формирования активного отношения женщин к физической культуре и спорту в условиях социализма. Семинар соц. стран с 3 по 5 июня 1986 г., г. Нойбранденбург, ГДР. – Берлин, 1986.
145. Решетнева Г.А. (2007). Проблема совершенствования основных понятий теории физической культуры // Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 332–334.

146. Рогозкин Виктор (2002). Перспективы использования достижений генетики в олимпийском движении // II Междунар. форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». 15–18 июня 2002 г., г. Москва. XI Конф. «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 177–181.
147. Родионов А.В. (1996). Психолого-педагогические проблемы физической культуры и спорта на рубеже веков // Олимпийское движение и социальные процессы. Материалы VII Всеросс. научно-практич. конф. Сент., 25–27, 1996. Часть I. – Краснодар. – С. 112–117.
148. Розин В.М. (1994б). Психология и культурное развитие человека: Учеб. пособие. – М.
149. Сайганова С.С. (1982). Физическая культура как социологическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск.
150. Самойлова Н.А. (1985). Возрастные изменения чувства ритма и методика его воспитания у школьников на уроках физической культуры. Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
151. Свободное тело: Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике. – М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. – 224 с.
152. Сергеев М.И. и др. (1990). Отчет о НИР «Состояние и факторы развития физической культуры и здорового образа жизни учащихся общеобразовательной школы» /итоговый/. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т. – 210 с.
153. Скоробогатов А.Б. (1991). Социально-педагогические аспекты формирования здорового образа жизни и физической культуры учащихся ПТУ (на примере БССР): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
154. Скоробогатов А.Б., Молчанов С.В., Столяров В.И. (1989). Формирование здорового образа жизни учащихся профессионально-технических училищ. – Москва-Минск. – 73 с.
155. Сляднева Л.Н. (2002). Основы познания двигательной пластики. – Ставрополь: СФРВИРВ. – 124 с.
156. Смелкова Е.В. (2004). Фитнес-клубы и их место в массовой физической культуре // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 44.
157. Смелкова Е.В. (2007). Фитнес – современная форма оздоровительной работы в образовательных учреждениях // Дети России образованны и здоровы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29–30 ноября 2007 г.). – М. – С. 206–208.
158. Смирнов И.Н. (1984). Диалектика взаимосвязи социального и биологического. – М.: Знание. – 64 с.
159. Смирнов Н.К. (2002). Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. – М. – 121 с.
160. Соболева В.В. (2005). Фитнес в школьных программах: «В каждую школу – спорт с настроением» // Дети России образованны и здоровы: Материалы III научно-практич. конф. г. Москва, 28–29 окт. 2005 г. – М. – С. 62–64.
161. Соотношение биологического и социального: Межвуз. сб. научных трудов. – Пермский ун-т, 1981. – 176 с.
162. Социализм и личность. – М.: Мысль, 1979. – 357 с.
163. Социально-биологические проблемы физической культуры и спорта/Бака М.М. и др. – Киев: Здоров'я, 1983. – 248 с.
164. Спорт, молодежь, воспитание. – Минск, 1985.
165. Станковская Е.Б. (2010). Культурогенез отношения женщины к своему телу // Мир психологии. – 2010. № 4 (64). – Москва–Воронеж. – С. 142–152.
166. Столяров В.И. (1974). Ценностный аспект изучения физической культуры и спорта: Тез. II Всесоюзной конф. по социологическим проблемам физической культуры и спорта. – М. – С. 32–35.
167. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско–социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
168. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
169. Столяров В.И. (1985а). Задачи пропаганды физкультурно-спортивной деятельности, вытекающие из учета ее реальной культурно-воспитательной ценности и ее субъективной оценки различными группами населения // Проблемы организации и пропаганды массовых форм физкультурно-оздоровительных занятий: Тез. докл. Всесоюзной научн. конф. Ч. I. – Таллин. – С. 106–108.
170. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39–44.
171. Столяров В.И. (1985в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 45–49.
172. Столяров В.И. (1985г). Понятия физической и телесной культуры личности // Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса: Тез. докл. к XIII межзон. симп. – Горький. – С. 151–156.

173. Столяров В.И. (1986в). Субъективные факторы, определяющие пассивное отношение населения к физкультурной деятельности (социологический анализ) // Тез. Всес. научно-практич. конф. «Научные основы физкультурно-оздоровительной работы среди населения». – М. – С. 78-80.
174. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр. – Малаховка. – С. 46–54.
175. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
176. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр. – М. – С. 126-142.
177. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – № 4. – С. 78–92.
178. Столяров В.И. (1990б). Парадокс отношения населения к «спорту для всех» и пути его решения // Материалы Всесоюз. научно-практич. конф. «Физическая культура и здоровый образ жизни». – М. – С. 82-94.
179. Столяров В.И. (1990г). Программа международного социологического исследования здорового образа жизни и физической культуры студентов // Здоровье студентов. Вып. 1: Здоровый образ жизни и физическая культура студентов (социологические аспекты). – Москва-Харьков. – С. 3-10.
180. Столяров В.И. (1990з). Физическая культура и здоровый образ жизни человека как социальные феномены (системный философско-социологический анализ) // Тез. Всесоюзной научно-практич. конф. «Физическая культура и здоровый образ жизни» Севастополь, 16-21 февр. 1990 г. – М. – С. 148-149.
181. Столяров В.И. (1991а). Почему люди не занимаются физкультурой и спортом? (социологический анализ причин физкультурно-спортивной пассивности населения) // Актуальные проблемы пропаганды физической культуры и спорта, вып. первый. – М.: Знание. – С. 15-25.
182. Столяров В.И. (1997а). Инновационный вклад Академии в реализацию, сохранение и развитие духовных ценностей спорта на основе новой гуманистической программы: Актовая речь. – М.: РГАФК. – 72 с.
183. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84-209.
184. Столяров В.И. (1998м). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть I. Объекты исследования социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 124 с.
185. Столяров В.И. (1999д). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть II. Предмет, значение и история развития социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 203 с.
186. Столяров В.И. (2002д). Социология физической культуры и спорта (введение в проблематику и новая концепция): Науч.-методич. пос. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – 346 с.
187. Столяров В.И. (2004б). Культура здоровья: понятие и структура // Формирование здорового образа жизни студентов средних специальных учебных заведений: Тематич. сб.: М.: Ин-т проблем развития среднего проф. образования Мин-ва образования РФ. – С. 5-19.
188. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
189. Столяров В.И. (2004е). Теоретическая концепция культуры здоровья // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке: Материалы межд. конгресса, 12-14 мая 2004 г., Москва. Ч. 3. – М.: ГУ Научный Центр здоровья детей РАМН. – С. 172-174.
190. Столяров В. И. (2006ж). Спартианская социально-педагогическая технология оздоровления, рекреации и целостного развития личности: Пособие для педагогов учреждений социальной защиты населения и организаторов досуга детей и молодежи. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – 247 с.
191. Столяров В.И. (2008г). Спартианские инновационные формы и методы воспитания и организации досуга детей и молодежи: пособие для педагогов и организаторов досуга детей и молодежи (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра»). Вып. второй). – М. – 231 с.
192. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
193. Столяров В.И. (2009г). Методологическая проблема объектной области «наук о физической культуре и спорте» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Методо-



- логические проблемы общей и спортивной педагогики (28-30 октября 2009 года)». – М.: Светотон. – С 68–74.
194. Столяров В.И. (2010а). Введение в философию физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. Ч. IV. – М.: Физическая культура. – 76 с.
195. Столяров В.И. (2010ж). Культурологические проблемы физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 69–88.
196. Столяров В.И., Аллакаева Л.М. (2002). Комплексная программа воспитания здорового образа жизни в системе школьного образования: Методич. пособие / Башкирский ин-т развития образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – Уфа. – 59 с.
197. Столяров В.И., Аллакаева Л.М., Измайлова Е.Н., Шарипова С.М. (2003). Комплексная программа воспитания культуры здорового образа жизни школьников Кировского района г. Уфы. – Уфа: Гуманитарный Центр «СпАрт», Муниципальное образование г. Уфы. – 115 с.
198. Столяров В.И., Бакашвили В.Г., Сегал Ю.П. (1988). Философско-социологическое обоснование путей формирования здорового образа жизни и физической культуры детей // Информационные материалы ФО СССР, № 5, 1987. – М. – С. 32–40.
199. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009). Проблема формирования телесности студентов в соответствии с ценностями гуманистической культуры // Междунар. научно-практич. конф. «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28-29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. – М.: Параллели. – С. 17–19.
200. Столяров В.И., Быховская И.М., Лубышева Л.И. (1998). Концепция физической культуры и физкультурного воспитания (инновационный подход) // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 11–15.
201. Столяров В.И., Кудрявцева Н.В. (1998). Физкультурно-спортивная работа с населением на пороге XXI столетия: проблемы и пути их решения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 94–216.
202. Столяров В.И., Неверкович С.Д. (2011). Претенциозная, но неудачная попытка переосмысления базовых основ теории физической культуры (критические заметки) // Теория и практика физ. культуры. – № 1. С. 32–36.
203. Столяров В.И., Новиков Б.И., Вишневский В.И. (1990). Показатели, компоненты и факторы физической культуры и здорового образа жизни молодежи (социологический анализ) // Тезисы Всесоюз. научно-практич. конф. «Физическая культура и здоровый образ жизни», Севастополь, 16–21 февр. 1990 г. – М. – С. 149–150.
204. Столяров В.И., Новиков Б.И., Лабский В.М. (1988). Международное социологическое исследование здорового образа жизни и физической культуры студенческой молодежи (пакет социологических анкет). – Харьков. – 22 с.
205. Столяров В.И., Стопникова Е.В. (2009). Социокультурные основания фитнес-движения // Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28-29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. – М.: Параллели. – С. 45–46.
206. Стопникова Е.В. (1992). Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 23 с.
207. Струнина Е.Н. (2004). Пластичность как форма реализации культуры личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 32 с.
208. Супиков В.Н. (2004). Институт спорта: проблемы регионального управления / Под ред. В.А.Пономарчука. – Минск. – 412 с.
209. Тарасов К.Е., Черненко Е.К. (1979). Социальная детерминированность биологии человека. – М.
210. Телесность как феномен физической культуры в практике школьного образования // Научные исследования: информация, анализ, прогноз. Монография. Кн. 1. – Воронеж, 2003. – С. 197–204.
211. Телесность человека: междисциплинарные исследования. – М.: ФО СССР. НПО «Психотехника». – М., 1993.
212. Тимофеев А.И. (2007). Истолкование телесности в гуманитарной мысли нового времени // Доклады первого между. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 дек. 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 389–393.
213. Токач М. (1990). Социологический подход к образу жизни и культуре тела // Социальные проблемы физической культуры и здорового образа жизни детей. – Красноярск. – С. 31–34.
214. Тощенко Ж.Т. (1983). Идеология и жизнь. Социологический очерк. М.: Советская Россия. – 193 с.
215. Тхостов А.Ш. (2002). Психология телесности. – М.: Смысл. – 278 с.

216. Тышковская И.Г. (1989). Диалектика социального и биологического в построении общей теории физической культуры: Дис... канд. филос. наук. – Киев. – 24 с.
217. Уманская Т.А. (1988). Телесность как философская проблема: к постановке вопроса в западной патристике // *Философия человека: диалог с традицией и перспективы*. – М. – С. 7-22.
218. Уткин В.Л. (1984). Культура движений (основы оптимизации). – М. – 59 с.
219. Физическая культура и спорт в жизнедеятельности дошкольников и учащейся молодежи // *Межвуз. сб. научн. тр.* – Красноярск: КГПИ, 1987. – 160 с.
220. Физическая культура и спорт как элементы образа жизни и культуры детей в условиях социализма: Тез. докл. Всес. научн. конф., 22-25 июня 1987 г, п. Шушенское. – Красноярск, 1987. – 139 с.
221. Филимонова С.И. (2004). Физическая культура и спорт – пространство, формирующее самореализацию личности. – М.: Изд-во «Теория и практика физической культуры». – 316 с.
222. Филиппова Л.В., Лебедев Ю.А. и др. (2000). Здоровье как основание детства. – Н. Новгород: ННГАСУ. – 79 с.
223. Филиппова Л.В., Рубаненко А.М. (2001). Спонтанный танец как вид телесной культуры. Монография. – Н.Новгород: ННГАСУ. – 120 с.
224. Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Выпуск первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М.: Сов. спорт, 1988. – 228 с.
225. Фомин Ю.А. (1996). Понятие физической культуры и спорта: обоснование определений // *Научные труды ВНИИФК за 1995 г., т. III*. – М. – С. 97-109.
226. Фомин Ю.А. (2007). Проблема определения понятий «физическая культура» и «спорт» // *Первый международный конгресс «Термины и понятия в сфере физической культуры»*. 20–22 дек. 2006 г., Санкт–Петербург: Материалы конгресса. – СПб. – С. 241–242.
227. Фромм Э. (1990). Иметь или быть? 2–е изд., дополн. – М.: Прогресс. – 238 с.
228. Хайдарова Г.Р. (2007). О пользе понятия «перформативности» в дискурсе философии спорта // *Доклады первого межд. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры»*, 20–22 дек. 2006 г., Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 395–396.
229. Хоули Эдвард Т., Дон Френке Б. (2000). Оздоровительный фитнес. – Киев: Олимпийская литература. – 367 с.
230. Чернявичюте Ю.Ю. (1988). Эстетическая функция жеста в культуре: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. – Л. – 16 с.
231. Шемуратов Ф.А., Гайков А.В. (2001). Философия бодибилдинга: предвкушение инновационного прорыва // *Теория и практика физ. культуры*. – № 4. – С. 52-54.
232. Шипунов Д.В. (2007). Особенности формирования двигательных способностей школьников в условиях фитнеса-клуба // *Дети России образованны и здоровы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29-30 ноября 2007 г.)*. – М. – С. 262–264.
233. Щелкина Л.В. (1988). Человек в сфере физической культуры (философско-культурологические и сравнительно-исторические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л. – 23 с.
234. Щетинина С.Ю. (2007). К проблеме определения понятий «физическая культура», «физическое воспитание», «физкультурное образование» в системе общего образования // *Доклады первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры»*, 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 416–419.
235. Balton A., Champion L., Champion N. et al. (1998). *The Fitness Leader's Handbook*. Forth edition. – F1SAF, Kangaroo Press. – 177 p.
236. Beckers Edgar (1988). Körperfassaden und Fitness-Ideologie. Wiederkehr des Körpers in der Fitness-Bewegung? // *Brennpunkte der Sportwissenschaft*. – N. 2. – S. 153-175.
237. Bednarek Joachim (1984). Bodybuiding als Freizeitaktivität // Klein M. (Hrsg.). *Sport und Körperkultur*. – Reinbek: Rowohlt. – S. 50-64.
238. Bednarek Joachim (1985). Body image differences in bodybuilders and fitness-oriented weight-trainers: Paper prepared for presentation at the Int. Committee for Sociology of Sport Symposium on August 28-31, 1985, Prague. – 20 p.
239. Bednarek Joachim (1986). Verschiedene Formen von Körperbewußtsein im Bodybuiding // Klein M. (Red.). *Sport, Gesundheit und die “neue” Bewegungs- und Körperkultur*. вмы-protokolle Nr.2w, Clausthal-Zellerfeld. – S. 130-149.
240. Benisz Henryk (1999). Significance of corporalities in the christian anthropology // *Kultura Fizyczna*. – N. 7-8. – s. 25-29.
241. Beranová Věra (2001). The body as the source and expression of aesthetic reflection // *Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.)*. – Olomouc: Publishing House HANEX. – P. 169-174.
242. Berg J.H. (1952). Van Den. The Human Body and the Significance of Human Movement // *Philosophy and Phenomenological Research*. – XIII. – P. 159-183.

243. Bernard Michel (1980). Der menschliche Körper und seine gesellschaftliche Bedeutung. Phänomen, Phantasia. Mythos. – Limper.
244. Bette Karl-Heinrich (1989). Körperspuren: Zur Semantik und Paradoxie moderner Körperlichkeit. – Berlin / New York: Walter de Gruyter.
245. Borgers Walter (1988). Von der Motionsmaschine zum Fitness-Studio. Aspekte des apparativen Zugriffs auf den Körper // Brennpunkte der Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 130-152.
246. Brennpunkte der Sportwissenschaft. Herausgegeben von der Deutschen Sporthochschule Köln. – 1988. N. 2. – S. 126–229.
247. Brohm Jean-Marie (1976b). La civilisation du corps: sublimation et désublimation répressive // Sport, culture et répression. – Paris. – P. 61-91.
248. Convention Guide. The Fitness Event of the Century. IDEA, 2000. – 450 p.
249. Crum B.J. (1989). Zwischen Anpassung und Kritik – über das Verhältnis der Schule zur Bewegungskultur // H. Binnewies, J. Dessau & B. Thieme (Hrsg.), Freizeit und Breitensport '88. – Ahrensburg: Czwalina. – P. 375-393.
250. Crum B.J. (1996). Changes in Movement Culture: A Challenge for Sport Pedagogy // G. Doll-Teppe & W.D. Brettschneider (Hrsg.), Physical Education and Sport; Changes and Challenges. – Aachen: Meyer. – P. 114-131.
251. Csikszentmihalyi Mihaly (1978). Body and Behaviour: A New Look at the Mind-Body Problem // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being, book 1. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 283-302.
252. Demel M. (1972). System wychowania fizycznego w szkole polskiej // Stan obecny i zalozenia dalszego rozwoju kultury fizycznej. – Warszawa.
253. Douglas M. (1984). Ritual, Tabu und Körpersymbolik – Sozialanthropologische Studien // Industriegesellschaft und Stammeskultur. – Frankfurt.
254. Featherstone Mike, Hepworth Mike, Sturmer Bryan /eds./ (1993). The Body: Social Process and Cultural Theory. – London etc.: Sage Publications.
255. Feher M., Naddaff R., Tazi N. (1989). Fragments for a History of the Human Body, Part I, II, III. – New York: Zone.
256. Frank A. (1991). For a Sociology of the Body: An Analytical Review // Featherstone M., Hepworth M., Sturmer B. (eds.). The Body: Social Process and Cultural Theory. – London: Sage Publications.
257. Freund P. (1982). The Civilized Body: Social Domination, Control and Health. – Philadelphia, Pa: Temple University Press.
258. Freund P., McGuire M. (1991). Health, Illness and the Social Body. – Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall.
259. Funke J. (1989). Bewegungskunst – Ein wiederentdecktes Thema menschlicher Bewegung // Dietrich K., Heinemann K. (Hrsg.). Der nicht-sportliche Sport. – Schorndorf. – S. 72-83.
260. Gabbard Carl (1988). Early Childhood Physical Education. The Essential Elements // JOPERD, September 1988. – P. 65-69.
261. Gendin A.M., Sergeev M.I., Stolyarov V.I. (1987a). Funkce zdravi a telesneho zdokonalovani v systemu hodnotovych orientaci ruznych skupin mladeze // Theorie a praxe telesne vychovy. – № 9, rocnik 35. – P. 564-569.
262. Gendin A.M., Sergeev M.I., Stolyarov V.I. (1987b). The status of health and physical culture in a system of value orientation of different groups of young people // Sport science review. – P. 50-55.
263. Gendin A.M., Sergeev M.I., Stolyarov V.I. (1988). The Role of the Family in the Physical Education of Preschool Children // Int. Review for the Sociology of Sport. vol. 23, N. 2. – P. 153-167.
264. Gerber E. (ed.) (1972). Sport and the Body: A Philosophical Symposium. – Philadelphia: Lea and Febiger.
265. Guber Billy E., Franks Don B. (1988). Physical and Fitness Education of Young Children // JOPERD, September 1988. – P. 57-61.
266. Guttmann A. (1989). Body Image and Sports Participation of the Intellectual Elite // Int. Review for the Sociology of Sport. – vol. 24, N. 4. – P. 335-344.
267. Hahn Harlan (1984). Sports and the Political Movement of Disabled Persons: Examining Non-disabled Social Values // The Review. Arena. – vol. 8, N. 1. – P. 1–15.
268. Heinemann K. (1980a). Einführung in die Soziologie des Sports. – Schorndorf: Hoffman-Verlag. – 242 S.
269. Heinemann K. (1980b). Sport and the Sociology of the Body // Int. Review of Sport Sociology. – v. 3-4 (15). – P. 41-57.
270. Heinemann K. (1988). Die Nachfrage nach Sport und ihre Determinanten. Ergebnisse einer Befragung von Vereinsmitgliedern und Kunden gewerblichen Sportanbieter. – Hamburg: Institut für Freizeit und Sport. – 93 S.
271. Hoffmann D. (1984). Leibes-Übung. Eine Streitbuch über die neuen Moden in der Körperkultur. – Darmstadt: Luchterhand.

272. Honer A. (1985). Bodybuilding als Sinnsystem. Elemente, Aspekte und Strukturen // Sportwissenschaft. – N 15. – S. 155-169.
273. Jirásek Ivo (2001). Body in cultural contexts // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 50–70.
274. Kato S. (1981). Skisse einer Theorie der Leiblichkeit // Perspektiven der Philosophie. Bd. 7. – Hildesheim, Amsterdam. – S. 223-243.
275. Kerger H. (1984). Das Verhältnis von Biotischen und Sozialen im Körperkultur // Theorie und Praxis der Körperkultur. – N. 10. – S. 773-777.
276. Klein M. (1984). "Social body", persönlicher Leib und der Körper im Sport // Klein M. (Hrsg.). Sport und Körperkultur. – Reinbek: Rowohlt. – S. 7-20.
277. Kleinman Seymour (1978). The Old Creation, the New Creation and the Rediscovery of the Body // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-Being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 753–757.
278. Kolnes L.J. (1994). Kvinner og toppidrett: om kjønn, kropp, seksualitet og relasjoner i toppidretten. (Женщины и элитный спорт: пол, телесность, сексуальность и социальные отношения в элитном спорте). – Oslo, Norway: Norges Idrettshogskole. – 267 p.
279. Kosiewicz Jerzy (2001b). On the concept and methodology of physical culture // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 145-157.
280. Krawczyk Zbigniew (1974). Philosophie und allgemeine Theorie der Körperkultur in Polen // Sportwissenschaft. – N. 4. – S. 372-383.
281. Krawczyk Z. (1978a). Difficulties and Chances of the General Theory of Physical Culture // Physical activity and Human Well-being. The International Congress of Physical Activity Sciences, book 2. – Quebec, Symposia Specialists. – P. 663-679.
282. Krawczyk Z. (1978b). Humanistyczne wartości sportu // Humanistyczne wartości sportu: Materiały z seminarium polsko-radzieckiego Warszawa 5-7 kwietnia 1976. – Warszawa: AWF. – P. 14-23.
283. Krawczyk Z. (1978c). Studia z filozofii i socjologii kultury fizycznej. – Warszawa. – 180 p.
284. Krawczyk Z. (1981). Kultura fizyczna – ciągłość i zmiana // Sport i kultura. – Warszawa: PWN. – P. 23-39.
285. Krawczyk Z. (1983a). O kulturze fizycznej. Studia i szkice. – Warszawa. – 153 p.
286. Krawczyk Z. (1983b). Kultura fizyczna a sposób i styl życia // Sport w kształtowaniu kultury i osobowości. – Warszawa. – P. 296-310.
287. Krawczyk Z. (1984a). The Human Body as a Value // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä, University of Jyväskylä. – P. 101-117.
288. Krawczyk Z. (1984b). The Human Body in the Socio-Cultural Perspective: Paper presented at the 1984 Olympic Scientific Congress, July 19-26, University of Oregon, Eugene, Oregon. – 26 p.
289. Krawczyk Z. (1984c). The ontology of the body: a study in philosophical and cultural anthropology // Dialectics and Humanism. – v. XI, N. 1. – P. 59-75.
290. Krawczyk Z. (1986). Wzory kultury somatycznej // Humanistyczne wartości kultury fizycznej: Raport syntetyczny. – Warszawa. – s. 16-23.
291. Krawczyk Z. (1987). The Taking Shape of the Theory of Physical Culture in Poland // Scientific Yearbook: Studies in the Theory of Physical Education and Sport. Vol. 1. – Polish Scientific Publishers. – P. 19–30.
292. Krawczyk Z. (1988a). Physical Culture from the Perspective of Values – a General and Selective approach to Physical Culture // International Review for the Sociology of Sport. – vol. 23, N° 2. – P. 97-107.
293. Krawczyk Z. (1990a). Aksjologia ciała. Narodziny i rozwój aksjologii jako nauki // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, b.I, Warszawa. – P. 99-122.
294. Krawczyk Z. (1995a). Ciało jako fakt społeczno-kulturowy // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa. – P. 93-111.
295. Krawczyk Z. (1995b). Kultura globalna a kultura fizyczna // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa. – P. 49-62.
296. Krawczyk Z. (1995c). Narodowe i etniczne uwarunkowania kultury fizycznej // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa. – P. 153-165.
297. Krawczyk Z. (1995d). Powstanie i rozwój socjologii kultury fizycznej // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa. – P. 11-25.
298. Krawczyk Z. (1995e). Procesy profesjonalizacji kultury fizycznej // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa. – P. 214-226.
299. Krawczyk Z. (1995f). Teoretyczne orientacje w socjologii kultury fizycznej // Socjologia kultury fizycznej: Podręcznik dla studentów pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa. – P. 26-36. –
300. Krawczyk Z., Földesi T. (1985). Physical Culture in Social Consciousness // Int. Review for the Sociology of Sport. – v. 20, N. 4. – P. 321-335.
301. Kultura fizyczna w kategoriach wartości/Praca zbiorowa pod red. Z. Krawczyka. – Warszawa, 1989. – 131 p.

302. Kunicki Bogdan J. (1986). Kultura fizyczna – ewolucja ideologii. – Gorzów. – 60 p.
303. Laberge Suzanne (1984a). Body perception as experienced through fitness programs: Paper presented at the Olympic Scientific Congress, 19-26 July 1984, University of Oregon, Eugene, Oregon. – 12 p.
304. Laberge S. (1984b). Somatic culture and perception of one's own body as illustrated by fitness programs // "Sport History – Sport Pedagogy and Sport Philosophy – Sport Sociology": Scientific Program Abstracts, 1984 Olympic Scientific Congress, University of Oregon, Eugene, Oregon. – P. 88.
305. Leist K.H. (1995). Freiheitliche Bewegung-, Spiel-, Sportkultur: Grundlagen und Verfassung des Neuen Sportlehrplans für Bayern // Tělesná kultura: Sborník prací kateder tělesné výchovy a tělovýchovného lékařství, svazek 26. – Olomouc. – s. 99-117.
306. Leist K.H. (2001). Sport and Culture on the sense and value scenario of human movement // Physical Culture as a Component of Culture/ Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc: Publishing House HANEX. – P. 109–130.
307. Liebau Eckart (1989). "In-Form-Sein" als Erziehungsziel? Pädagogische Überlegungen zur Sportkultur // Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 139-153.
308. Lingis Alphonso (1986). Orchids and Muscles // Philosophic Inquiry in Sport. Edited by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 125-136.
309. Maguire Joseph, Mansfield Louise (1998). "No-Body's Perfect": Women, Aerobics, and the Body Beautiful // Sociology of Sport Journal. – vol. 15, N. 2. – P. 109–137.
310. Maňaková Radka (2001). Physis – culture – authenticity // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 92–95.
311. Mauss M. (1973). Pojecie sposobow poslugiwania sie ciałem // Sociologia i antropologia. – Warsaw: Polish Scientific Publishers.
312. Merhautova J., Čechak V. (1987). Telesna kultura a zdravi. – Praha.
313. Merhautova J., Ioachimsthaler F. (1981). Telesna kultura – socialni fenomen a jeho teoreticka reflexe // Sborník k 25. výročí založení FTVS Univerzity Karlovy, Univerzita Karlova, Praha. – P. 425-435.
314. Mickler Werner, Moser Thomas (1988). Warum Fitness-Studios attraktiv sind. Eine motivationspsychologische Analyse // Brennpunkte der Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 204-218.
315. Mitchell Michelle, Volkwein-Caplan Karin, Ray Judith (2004). Beaty or Beast – The Making of the Modern Body // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 205-222.
316. Mrazek Joachim (1988). Fitness-Studio und Sportverein als konkurrierende Modelle // Brennpunkte der Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 189-203.
317. O'Neill J. (1985). Five Bodies: The Human Shape of Modern Society. – Ithaca, NY: Cornell University Press.
318. Palm J. (1988). Was macht das Fitness-Studio attraktiv aus der Sicht des Sports für alle // Ilker H.G, Ramme M. (Hrsg.). Gesundheitsbezogener Vereinssport. Dokumentation einer Informations- und Weiterbildungsveranstaltung bei der Hamburger Turnerschaft von 1816 am 21. November 1987. – Ahrensburg: Czwalina. – S. 38-44.
319. Personal Trainer Manual. The Resource for Fitness Instructors. Editor Mitchell Study. -ACE, Reebok University Press, 1994. – 529 p.
320. Physical Culture and Sports in the Way of Life of the Young Generation: ICSS Symposium Prague August 27-30, 1985. – Praha, 1987.
321. Powolny L. (1997). Body and movement as categories of physical culture – an attempt of hierarchization // Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the Int. Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996 / Svatopluk Horak (Ed.). – Olomouc. – P. 16-18.
322. Pramann U. (1988). Die Lust an der Last // Sports. – N.1. - S. 76-88.
323. Przyłuska-Fiszler A. (2001). Ethics and the limits of the instrumental treatment of the body // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – P. 137–144.
324. Rittner V. (1984). Die Individualisierung des Sporterlebens. Anmerkungen zum Sport der Zukunft // Olympische Jugend. – N 29 (8). – S. 4-7.
325. Rittner V. (1986). Sportvereine und gewandelte Bedürfnisse // Pilz G.A. (Hrsg.). Sport und Verein. - Reinbek: Rowohlt. - S. 43-55.
326. Rittner V., Mrazek J. (1986). Sport, Fitness und Aussehen. Forschungsbericht. – Köln: Deutsche Sporthochschule.
327. Rymarczyk Piotr (2005). From the performance principle to the fitness principle – the human body in the contemporary Western culture // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 323-327.
328. Schulte R.W. (1928). Körper-Kultur. Versuch einer Philosophie der Leibesübungen. – München.
329. Schulz N., Allmer H. (1988). Fitness-Studios: Anspruch und Wirklichkeit // Brennpunkte der Sportwissenschaft. – N. 2. – S. 126–229.

330. Seppänen P. (1991). Values in sport for all // Sport for all. Proceedings of the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3-7 June 1990. – Amsterdam. New York. Oxford: Elsevier Science Publishers. – P. 21-32.
331. Shilling Chris (1993). The Body and Social Theory. – London: Sage Publications. – 232 p.
332. Sport a valtozo vilagbau (Спорт и образ жизни): Сб. ст. – Budapest, 1985.
333. Stephens Thomas (1983). Fitness and lifestyle in Canada. – Ottawa. – 53 p.
334. Stolyarov V.I. (1985c). Telesna kultura a socialisticky zpusob zivota // Sociologicky casopis. – c. 3. – P. 239–250.
335. Stolyarov V.I. (1989a). Paradoxes, contradictions and values of the modern sport (social and philosophical analysis). Paper presented at the Jyväskylä Congress: "Movement and sport – a challenge for life–long learning", June 17–22, 1989. Jyväskylä, Finland.
336. Stolyarov V.I. (1990a). Attitude paradox of the population to the "sport for all" and ways of its solution // Reports of the National scientific and practical Conference "Physical culture and healthy life style". – Moscow. – P. 92–105.
337. Stolyarov V. (1990b). Problemy teorii kultury fizycznej. Analiza metodologiczna // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, b. I. – Warszawa. – P. 302-308.
338. Stolyarov V.I., Gendin A.M., Sergeev M.I., Falaleev A.N. (1985). The place of health, physical culture and sport activity in the life and value orientation of Soviet school students // International Review for Sociology of Sport. – v.20, N1. – P. 63–73.
339. Stolyarov V.I., Merhautova J., Joachimsthaler F. (1987). Theoretical and methodological problems concerning studies of the position of physical culture and sport in the life style of the young generation // Physical culture and sports in the way of life of the young generation. ICSS Symposium. Prague, August 27–30, 1985. – Prague. – S. 11–27.
340. Strittmatter K. (1984). Zur Didaktik des Sports in der politischen Bildung // Gesellschaftliche Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. – Bonn. – S. 221-230.
341. Tělesná kultura ve zpusobu zivota deti predskolniho veku/red. Merhautova J., Joachimsthaler F., CSSR, Sergejev M.I., Stolyarov V.I., SSSR. – Praha, 1989.
342. The body. Social Process and Cultural Theory / Ed. by Mike Featherstone, Mike Hepworth and Bryan S. Turner. – London: Sage Publications, 1993.
343. Travaillot I. (1998). Sociologie des pratiques d'entretien du corps // Presses universitaires de France. – Paris. – 235 p.
344. Turner B.S. (1984). The Body and Society. – Oxford: Basil Blackwell.
345. Urbankowski Bohdan (1975). Metafizyka ciała – krytyka i inspiracja // Studia Filozoficzne. – Nr 2 (111). – s. 99-121.
346. Volkwein Karin A.E. (1994). Fitness development in postmodern societies – a crosscultural comparison between the USA and Germany: The paper presented at the ISA – XIII World Congress of Sociology, Bielefeld, Germany, July 1994. – 10 p.
347. Volkwein-Caplan Karin (2004a). Body Image and Physical Activity // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 182-204.
348. Volkwein-Caplan Karin A.E. (2004). Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – 240 p.
349. Volkwein-Caplan Karin (2004c). Fitness – The Global Sport for All? // Volkwein-Caplan Karin A.E. Culture, Sport and Physical Activity. – Oxford: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd. – P. 46-53.
350. Wachter Frans de (1984). The Symbolism of the Healthy Body: a Philosophical Analysis of the Sportive Imagery of Health: Paper presented at the Olympic Scientific Congress, 19-26 July 1984, University of Oregon, Eugene, Oregon. – 13 p.
351. Wachter Frans de (1988). The Symbolism of the Healthy Body: a Philosophical Analysis of the Sportive Imagery of Health // Philosophic Inquiry in Sport. Ed. by William J. Morgan and Klaus V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics. – P. 119-124.
352. Wanat S. (1997). Health culture and dexterity of young people // Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996 / Svatopluk Horak (Ed.). – Olomouc. – P. 108-114.
353. Wartości i wzory kultury fizycznej młodzieży: Badania porównawcze: Praca zbiorowa por red. Krzysztofa W. Jankowskiego i Zbigniewa Krawczyka. – Warszawa, 1997. – 108 p.
354. Weiss Otmar (1988). Being a Body and Having a Body: An Anthropological Perspective of Sport and Sport Spectators. – 17 p.
355. Willis Ray (1978). New (and Old) Concepts of the Human Body // The Int. Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-being. Book 1. – Symposia Specialists, Miami, Florida. – P. 303-312.
356. Wohl A. (1979). Socjologia kultury fizycznej. Zarys problematyki, t. I. – Warszawa.
357. Wohl A. (1981b). Soziologie des Sports. Allgemeine theoretische Grundlagen. – Köln: Pahl-Rugenstein. – 207 S.

358. Würzberg G. (1987). *Muskelmänner in der Maschinenhallen der neuen Körperkultur*. – Reinbek: Rowohlt.
359. Żmuda-Ziólek L. (1997). The somatic ideal according to young people // *Philosophy of Physical Culture: Proceedings of the International Conference held in Olomouc, Czech Republic, September 1-3, 1996* / Svatopluk Horak (Ed.). – Olomouc. – P. 129-132.
360. Żmuda-Ziólek Ligia (2001). The body as the source and expression of aesthetic reflection // *Physical Culture as a Component of Culture*/Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc: Publishing House HANEX. – P.169-174.
361. Znaniecki F. (1973). *Sport and Its Genesis* // Znaniecki F. *The Sociology of Education*. vol. II. – Polish Scientific Publishers. – Warsaw.

## Вместо Заключения: Авторская школа философского анализа спорта и телесности человека

Итак, не претендуя на систематическое и полное изложение философии спорта и телесности человека, автор попытался ввести читателя в мир данной философской дисциплины, познакомить с ее наиболее важными, а вместе с тем сложными, проблемами, показать значение предлагаемых на основе решения этих проблем философских концепций, а также как можно более полно представить взгляды различных философов, чтобы информировать читателей об огромной палитре разнообразных мнений, подходов, концепций по обсуждаемым сложным и дискуссионным философским проблемам спорта и телесности человека.

Вместе с тем, еще раз хотелось бы напомнить, что в основе данной книги – многолетняя (с 1959 г.) разработка автором и его учениками логико-методологических и других проблем общей философии, а также философских проблем спорта (физкультурно-спортивной деятельности), телесности человека, телесной (физической) культуры.

Особенно важное значение для этой исследовательской деятельности имело то обстоятельство, что с 1972 по 1990 гг. автору пришлось выполнять функции руководителя международной группы философов и социологов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР, Чехословакии.

Главной темой совместного международного исследования была избрана тема: «Спорт, образ жизни, культура», которая включает в себя широкий круг важных и сложных философско-социологических проблем физической культуры и спорта:

- что представляют собой эти социальные феномены;
- какое место они занимают и должны занимать в общей системе форм жизнедеятельности, какие социальные функции выполняют в образе жизни людей;
- насколько это место и социальные функции соответствуют гуманистическим идеалам и ценностям;
- относится ли спорт к сфере культуры;
- какие культурные ценности складываются в спорте, в каком отношении они находятся с другими культурными ценностями;
- каково общественное мнение различных групп населения относительно социокультурной ценности спорта и его разновидностей – «спорта для всех» и спорта высших достижений и т.д. [Столяров, 1982 и].

Данная проблематика была выбрана потому, что она имеет важное теоретическое и практическое значение, а вместе с тем является дискуссионной. Результаты ее разработки на основе международного сотрудничества философов и социологов отражены в многочисленных публикациях. Изданы и совместные коллективные труды [Здоровье студентов, 1990; Пути формирования активного отношения женщин... 1986; Спорт и образ жизни, 1979; Физическая культура... 1982; Физическая культура и спорт в жизнедеятельности дошкольников... 1987; Физическая культура и спорт как элементы образа жизни и культуры детей... 1987; Философско-социологические исследования физической культуры и спорта, 1988; Krawczyk, 1989; Physical Culture and Sports in the Way of Life of the Young Generation, 1987; Sport a valtozo vilagbau, 1985; Telesna kultura ve zpusobu... 1989; и др.].

Результаты многолетней исследовательской философской деятельности автора отражены в его диссертациях (кандидатской и докторской) [Столяров, 1964 б, 1971 б] и в более 700 научных публикациях (монографиях, статьях и т.д.). Анализу философских проблем физкультурно-спортивной деятельности и физической культуры посвящены также публикации и диссертации (кандидатские и докторские) его учеников: Аксенова Г.М., Аллакаевой Д.М., Баринова С.Ю., Бариновой И.В., Баюрова В.И., Богдановой Л.В., Болдова А.С., Варюшиной М.В., Вишневого В.И., Вучевой В.В., Губаревой Т.И., Гутина А.Т., Дремовой Г.В., Жбиковского Я., Ипатова Д.И., Кадом А., Кинкадзе Ю.В., Козыревой О.В., Королева И.В., Королева Р.И., Королевой С.А., Кудрявцевой Н.В., Курило С.И., Лубышева Е.А., Новиковой С.С., Ольховой Т.Г., Орешкина М.М., Паршикова А.Т., Перевозникова А.А., Передельского А.А., Петлеваного Г.Ф., Поликарповой Г.М., Попова Г.В., Прокопчук Ю.А., Сагалакова Д.А., Самусенкова О.И., Самусенковой В.И., Сегал Ю.П., Скоробогатова А.Б., Стопниковой Е.В., Тернавского А.В., Хлопкова А.В., Черевач И.В. и др.



Исходя из вышеизложенного, автор, завершая данную книгу, хотел бы сугубо в *предварительном порядке* подвести некоторые **итоги** всей этой многолетней исследовательской деятельности.

Как представляется автору и его ученикам, к числу *наиболее важных результатов*, полученных ими в ходе разработки философии спорта и телесности человека, могут быть отнесены следующие:

1) в отношении метатеории данной философской дисциплины:

- определена ее объектная область на основе анализа понятий «спорт», «физкультурная деятельность», «телесная (физическая) культура» и др.;
- дана характеристика комплекса взаимосвязанных проблем, составляющих предмет философии спорта и телесности человека;
- обоснованы теоретико-методологические основания анализа этих проблем;
- уточнена структура философии спорта и телесности человека, определен комплекс составляющих ее взаимосвязанных, но относительно самостоятельных дисциплин;
- обосновано важное значение философии спорта и телесности человека, определено ее место в системе философских дисциплин и наук о спорте, а также взаимоотношение с ними [Столяров, 1980 а, 1981 б, 1982 а, 1984 а, в, 1985 г, 1986 г, м, 1987 б, 1988 а, з, 1997 г, 1998 м, 1999 б, 2000 з, 2002 а, 2003 д, 2004 в, 2008 б, 2009 г, 2010 а, б; Столяров, Попов, 2008; Stolyarov, 1983 а];

2) в отношении философской гуманистической теории спорта:

- обоснованы необходимость и значение разработки этой философской дисциплины, определены ее объектная область (на основе введения таких понятий, как «спортивное соревнование», «спорт», «спортивное воспитание», «спортивная культура», «спортивно-гуманистическое движение», «спортивно-гуманистическое воспитание» и др.), предмет, цели, задачи, методология построения [Столяров, 1980 а, е, 1981 б, 1982 а, 1984 а, в, 1985 г, 1986 в, 1988 д, ж, з, 1997 г, 1998 м, п, 1999 а, б, 2000 б, е, 2001 а, 2002 а, 2003 в, д, 2004 а, 2005 в, 2006, 2007 в, 2008 б, 2009 б, 2010 а, б, у; Столяров, Баринов, 2009, 2011; Stolyarov, 1998 ф];
- обоснована необходимость разработки не только гуманистической теории спорта, но также общей гуманистической теории соперничества [Столяров, 200 д, е, ж, 2003 в, 2004 а, ж, 2005 а, г; Stolyarov, 2002 b, 2004 b, 2005, 2006];
- разработана методология решения проблемы гуманистической ценности спорта; на основе этой методологии определены возможности для реализации в спорте и посредством спорта гуманистических идеалов и ценностей, а также возможности для негативно-го влияния на личность и социальные отношения; показано, что гуманистический потенциал спорта реализуется лишь при определенных условиях; на основе изучения конкретных факторов показан диалектически-противоречивый характер современного спорта, его роли и значения; дан анализ состояния и перспектив развития спортивно-гуманистического движения; определены факторы, влияющие на гуманистическую ценность спорта; впервые обосновано положение о том, что важное место среди этих факторов занимает способ (форма, модель) организации игрового соперничества: принципы подхода к формированию программы соревнования, состава участников, системы выявления и поощрения победителей; выявлены не только положительные стороны, но и существенные недостатки того способа организации игрового соперничества, который чаще всего используется при организации спортивных соревнований [Вишневский, Столяров, Федосов, 2007; Столяров, 1978 а, 1980 ж, 1982 в, и, 1988 а, б, г, д, к, л, 1989 а, б, 1996 а, 1997 а, 1998 б, 1999 д, 2001 а, 2002 б, д, 2003 а, е, 2004 д, 2006 г; Столяров, Баринов, 2010; Столяров, Кузин, Чесноков, 1998; Stolyarov, 1976 с, 1977 с, d, 1978 d, е, 1983 а, 1989 а; Stolyarov, Skirstad, Sulzbacher, Frey et al, 1995];
- с позиций гуманизма дана оценка значения спорта высших достижений [1988 б, и, 1989 а], спорта для всех [Stolyarov, 1990 е], детского спорта [Козырева, 2002 а, б; Столяров, 1998 в, г, 2000 в, 2006 а, 2007 в, к, 2010 е, о; Столяров, Вишневский, 2011; Столяров, Козырева, 2002], школьного спорта [Вишневский, 1987, 1988; Вишневский, Столяров, 2007, 2009, 2010; Столяров, 2003 г, 2009 а, в, д, 2011; Столяров, Аллакаева, 2001; Столяров, Бальсевич, Моченов, Лубышева, 2009; Столяров, Вишневский, 2007, 2009 а, б, в; Столяров, Попов, 2004], студенческого спорта [Королева, 2009; Ольхова, 2000; Прокопчук, 1998; Столяров, 2000 г; Stolyarov, 1997 с, 2009], международного спорта [Курило, 2000 а,

б; Курило, Столяров, 2000; Орешкин, 2010; Столяров, Баринов, Орешкин], футбола и других игровых видов спорта [Михалевский, Передельский, 2010; Самусенков, 2001; Самусенков, Столяров, 2000], спортивных единоборств и боевых искусств [Передельский, 1993, 2008 и др.); спорта лиц с ограниченными возможностями (инвалидов) [Губарева, 2000, 2001; Губарева, Столяров, 1997 а, б];

- дан анализ влияния процесса глобализации на спорт, места и роли спорта в этом процессе [Столяров, 2003 д, 2004 г; Столяров, Курило, 2003];

- охарактеризовано взаимоотношение спорта и культуры на основе предварительно разработанной методологии решения этой проблемы [Столяров, 1982 и, 1988 г, д, л, 1997 г, м, 2003 ж, 2009 е, 2010 ж], а также разработана инновационная концепция спортивной культуры и ее разновидностей [Столяров, 2002 д е, 2010 д, л; Столяров, Баринов, 2009 а, б, в, 2010 д, 2011];

- впервые разработана целостная концепция роли спорта в формировании и развитии культуры мира [Варюшина, 2005; Материалы... 2009; Сагалаков, 2005; Спорт. Спартианское движение. Культура мира, 2007; Столяров, 2005 з, 2010 т, 2011; Столяров, Сагалаков, 2005, 2007; Stolyarov, 1984 d];

- дан целостный анализ эстетических проблем спорта, взаимоотношения спорта с искусством [Самусенкова, 1996; Сараф, Столяров, 1984; Столяров, 1991 в, 1998 д, о, 2006 б; Столяров, Басин, 1989; Столяров, Лазарев, Самусенкова, 1996; Столяров, Самусенкова, 1996; Столяров, Сараф, 1982, 1984 б, в; Stolyarov, 1984 b, 1985 a, b, 1991 c, d, 1993];

- всесторонне проанализировано взаимоотношение спорта и политики [Столяров, 2004 д, 2005 в, 2010 м; Хлопков, 2003; Stolyarov, 1997 d);

3) в отношении философской гуманистической теории *современного олимпийского движения*:

- уточнена философская концепция современного олимпийского движения с учетом идей Кубертена, основных положений его спортивной и олимпийской педагогики, их современного значения, а также последователей Кубертена;

- на основе этой концепции обоснована необходимость разработки теории олимпийской культуры как разновидности спортивно-гуманистической культуры;

- обоснована возможность интерпретации олимпийского идеала как идеала «совершенного» человека»;

- с позиций гуманизма дана оценка современного олимпийского движения;

- дан анализ влияния процесса глобализации на олимпийское движение, места и роли этого движения в данном процессе;

- дана целостная характеристика Европейского движения Фэйр Плэй: содержания, основных направлений деятельности, акций в различных странах, роли в повышении духовно-нравственной ценности спорта [Аксенов, 2003; Королев И.В., 2005; Королев Р., 2009; Котомина, Майорова, Столяров, 2005; Столяров, 1981 в, 1984 а, б, 1989 в, 1990 в, 1996 б, 1998 б, е, ж, к, 1999 б, в, г, д, 2000 д, 2002 д, 2003 а, 2004 г, д, 2005 е, 2009 з, 2010 к, у; Столяров, Баринов, 1997 а; Столяров, Королев, 2009; Столяров, Сагалаков, 2005; Stolyarov, 1983 b, 1984 a, 1985 d, 1997d];

4) в отношении философской гуманистической теории *телесности человека*: выделены, разграничены и разработаны два тесно связанных между собой, но относительно самостоятельных, ее раздела – теория физкультурной двигательной деятельности и теория телесной (физической) культуры.

4.1. В отношении философской гуманистической теории *физкультурной двигательной деятельности*:

- уточнено, обосновано понятие «физкультурная двигательная деятельность», определено его место в системе понятий, характеризующих объектную область философии физкультурно-спортивной деятельности и телесной культуры;

- на основе этого определен предмет, цели, задачи, методология построения философии физкультурной *двигательной* деятельности;

- определено место физкультурной *двигательной* деятельности в системе ценностей современной культуры и образе жизни современного человека [Гендин, Сергеев, Столяров, 1990; Жбиковский, 1994; Кадом, 1986; Кинкадзе, 1990; Скоробогатов, 1991; Скоробогатов, Молчанов, Столяров, 1991; Столяров, 1984 а, 1988 г, д, л, м, 1990 б, 1991 а, 1999 д, 2002 д, 2004 д; Столяров, Быховская, Лубышева, 1998; Столяров, Гендин, Майер, Серге-

ев, 1989; Столяров, Гендин, Майер, Сергеев, Фалалеев, 1985; Stolyarov, 1985 с, 1986 b, 1990 b];

4.2. В отношении философской гуманистической теории *телесной (физической) культуры*:

- выявлен комплекс философских проблем телесной (физической) культуры, обоснована их актуальность и необходимость анализа при разработке философии спорта и телесности человека;

- уточнено, обосновано понятие «телесная (физическая, соматическая) культура», определено его место в системе понятий, характеризующих объектную область философии физкультурно-спортивной деятельности и телесности человека;

- обоснована необходимость четкого различения физкультурной двигательной деятельности и телесной (физической) культуры, которые, как правило, смешиваются, отождествляются друг с другом;

- на основе этого обоснованы необходимость и значение социально-философского анализа телесной (физической) культуры человека в отличие от социально-философского анализа физкультурной двигательной деятельности, определен комплекс проблем этого анализа;

- проделан культурологический анализ телесной (физической) культуры, определено ее место в системе явлений культуры;

- обоснована характеристика исторического подхода к анализу телесной культуры и выделен ряд ее форм (моделей);

- определены особенности гуманистически ориентированной телесной культуры [Вучева, 1998; Гендин, Сергеев, Столяров, 1990; Столяров, 1974, 1978 г, 1984 а, 1985 б, в, г, 1988 г, д, л, м, 1990 г, з, 1999 д, 2002 д, 2004 д; Столяров, Быховская, Лубышева, 1998; Столяров, Гендин, Майер, Сергеев, 1989; Столяров, Гендин, Майер, Сергеев, Фалалеев, 1985; Stolyarov, 1986 с, 1990 b];

5) в отношении *гносеологии, логики и методологии научного исследования спорта и телесности человека*:

- выявлен комплекс логико-методологических и гносеологических проблем научного исследования спорта и телесности человека, обоснована их актуальность и необходимость анализа при разработке философии спорта и телесности человека [Столяров, 1975 б, 1976 а, 1977, 1979, 1984 а, в, 2010 в, г; Столяров, Неверкович, 2011; Stolyarov, 1979 b, 1980 a, b, c, d, 1990b; Stolyarov, Merhautova, Joachimsthaler, 1987];

- разработаны и обоснованы логико-методологические принципы введения, оценки и унификации понятий в ходе научного исследования спорта и телесности человека [Столяров, 1984 г, 1986 а, 1997 г, 2004 в, 2005 д, 2007 д, е, 2010 з; Stolyarov, 1987];

- дана характеристика таких важных компонентов диалектического метода исследования спорта и телесности человека, как системный подход, логический и исторический методы [Столяров, 1987 д, 2010 н; Stolyarov, 1971, 1975, 1976 d];

- обоснована необходимость гносеологического и логико-методологического анализа различных форм дифференциации и интеграции научного знания в процессе исследования спорта и телесности человека, дана характеристика ряда этих форм [Столяров, 1984 а, 1985 в, 1986 б, 2010 и].

На основе этих **теоретических** исследований философских проблем спорта и телесности человека разработан и успешно реализуется комплекс гуманистических проектов, программ, технологий **прикладной** философии спорта и телесности человека.

Впервые разработана целостная теория *гуманизации* современного спорта [Столяров, 1997 б, 1998 и, 2002 а; Столяров, Ипатов, 1996; Stolyarov, 1991 b, 1996 b]. Помимо общей концепции решения данной проблемы она включает в себя программы и технологии гуманизации таких разновидностей спорта, как спорт высших достижений [Самусенков, 2001; Столяров, 1997 б; Тернавский, 2008; Тернавский, Столяров, 2008, 2009], международный спорт [Курило, 2000 а, б; Курило, Столяров, 2000], детско-юношеский спорт [Ипатов, 1995; Козырева, 2002 а, б; Попов, 2004; Столяров, 2010 е, о, п, ], студенческий спорт [Королева, 2009; Ольхова, 2000; Прокопчук, 1998; Stolyarov, 1997 с, 2009], спорт инвалидов [Губарева, 2000, 2001; Губарева, Столяров, 1997 а, б; Столяров, 1993 д], игровые виды спорта, включая футбол [Самусенков, 2001; Самусенков, Столяров, 2000] и др.

В 1988 г. разработаны концепция и Манифест *спортивно-гуманистического движения* дан анализ состояния и перспектив развития этого движения [Спортивно-гуманистическое движение, 1990; Столяров, 1988 е, 1989 б, 1990 д, ж, 2008 в; Stolyarov, 1988, 1990 с, f]. Эти вопросы были предметом обсуждения на Всесоюзной научно-практической конференции (1990) [Спортивно-гуманистическое движение... 1990] и на международных конгрессах – в Сеуле (1988 г.) [Stolyarov, 1988] и в Мадриде (1990 г.) [Stolyarov, 1990 с]. 26 апреля 1990 г. был проведен Учредительный съезд, избран Координационный комитет и намечена программа деятельности спортивно-гуманистического движения СССР [Спортивно-гуманистическое движение... 1990]. Известные политические события помешали реализации этих планов.

Важными элементами теории гуманизации современного спорта являются теория, программа и технология *спортивно-гуманистического воспитания* [Столяров, 1984 а, 1988 ж, з, 1990 а, 2000 е; Stolyarov, 1978 с, 1988 с, 1989 б] и их разделы, касающиеся детей дошкольного возраста [Козырева, 2000], школьников [Ипатов, 1994; Попов, 2004; Столяров, Попов, 2004], студентов [Баринов, 2009, 2010; Ольхова, 2000; Стопникова, 1994], юных спортсменов, учащихся ДЮСШ, спортсменов высокого класса и т.д. [Самусенков, 1989; Тернавский, 2008; Тернавский, Столяров, 2008].

Разработаны теория, программы и технологии *олимпийского воспитания* как разновидности спортивно-гуманистического воспитания [Столяров, 1984 а, б, 1987 з, 1988 з, 1989 в, 1992 г, 1998 а, з, 2002 г, 2007 г; Столяров, Максимов, 2008; Столяров, Сухинин, Логунов, 2011; Столяров, Петлеванный, 1997; Stolyarov, 1997 d, 1998 d, 1999 а].

Разработку данных проблем автор впервые в нашей стране начал в 1981 г. На основе теоретического анализа, изучения зарубежного опыта были уточнены содержание, цели, задачи и методы олимпийского образования и воспитания. Была разработана комплексная целевая программа «Воспитание детей и молодежи на основе использования идеалов и ценностей олимпизма». В 1988–1994 гг. проведено международное социологическое исследование на тему «Олимпийское и спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи» [Столяров, 1990 а]. Все это послужило основой для разработки автором и его учениками первых программ олимпийского образования (воспитания) – для учащихся ДЮСШ, юных футболистов, школьников, студентов и т.д. [Гутин, 1984; Самусенков, 1989; Сегал, 1990; Стопникова, 1992 и др.]. Эта работа продолжена и в последующее время [Баринов, 1999; Баринова, 1994; Болдырева, 1999; Ольхова, 2000; Петлеванный, 1997; Поликарпова, 2002, 2003; Попов, 2004; Прокопчук, 1998; Столяров, Петлеванный, 1997; Старовойтова, 2005; Столяров, Максимов, 2008; Черевач, 1998 и др.]. Разработана концепция и программа использования в системе олимпийского образования информационных технологий [Баюров, 2004]. Обоснована необходимость разработки теории олимпийской педагогики [Столяров, 1998 б, в, г; Столяров, Аксенов, 2000]. Автор принимал участие в разработке программы «Основы олимпийских знаний» учащихся общеобразовательных школ, а также входит в авторский коллектив учебника по олимпийскому образованию для школьников «Твой олимпийский учебник», «Олимпийского учебника студента» и «Книги олимпийских знаний». В 2010 г. по заданию Департамента образования Оргкомитет «Сочи 2014» он участвовал в разработке концепции и методических материалов научно обоснованной *системы олимпийского образования «Сочи-2014»*.

На основе теоретического анализа проблемы взаимоотношения спорта с искусством разработана *целостная, комплексная* программа и технология *интеграции спорта с искусством* [Самусенкова, 1996; Столяров, 1991 в, 1998 д, о, 2006 б; Столяров, Самусенкова, 1996; Stolyarov, 1984 b, 1985 a, 1991 с, d, 1998 н].

В ходе поиска и внедрения в практику спорта новых форм организации соперничества в 1990 г. были разработаны: *новый гуманистический проект под названием «СпАрт»* [Столяров, 1990 е, 1991 б, 1993 г, 1994 б; Stolyarov, 1993, 1994, 1995 а] и *олимпийский проект «СпАрт»* [Столяров, 1993 а, 1995 б, 1996 в]. На этих проектах основана комплексная *спартианская программа оздоровления, воспитания, целостного развития личности и организации досуга различных групп населения*.

Важный элемент этой программы – инновационная модель организации игрового соперничества под названием «*Спартианские игры*». Она принципиально отличается от других способов организации соперничества своей программой, системой определения победителей, составом участников и т.д. Первые Спартианские игры с активным участием детей и подростков были проведены в 1991 г. в г. Анапа. В них приняли участие 400

школьников из 17 городов нашей страны. В настоящее время Спартианские игры помимо Москвы проводятся в Республике Башкортостан, Краснодарском и Красноярском краях, Кемеровской, Курской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Смоленской, Томской, Тюменской и Ульяновской областях, республиках Саха (Якутия), Хакасия и др. Так, в Саратовской области в них ежегодно принимает участие около 15 тыс. школьников, около 50 летних оздоровительных лагерей работают по спартианской программе. В Нижегородской области в 2001-2007 гг. в Спартианских играх ежегодно участвует более 5 тысяч учащихся 87 учреждений начального и среднего профессионального образования.

Дополнением Спартианских игр являются *спартианские клубы, школы, игротеки, игровые спартианские лагеря, спартианское движение*, которые в комплексе составляют На основе многолетней реализации спартианской программы целостного развития личности, воспитания, оздоровления и организации досуга показана эффективность ее использования в работе с разными группами населения (школьниками, студентами, детьми дошкольного возраста, родителями с детьми, инвалидами) для решения важных социокультурных задач: гармоничного и всестороннего развития личности; формирования гуманных социальных отношений, реализации ценностей культуры мира; наполнения сферы досуга видами деятельности, которые обеспечивают увлекательный отдых, развлечение, а также содействуют физическому, психическому и духовному совершенствованию личности; профилактики наркомании и других негативных явлений в поведении детей и молодежи; преодоления социального отчуждения лиц с ограниченными возможностями (инвалидов), детей-сирот и т.д. [Герасимова, 2009; Губарева, Столяров, 1997 а, б; Дремова, Соколов, Столяров, 1998; Лубышев, 1999; Новикова, 1994; Спартианское движение... 2005; Старовойтова, 2005; Столяров, 1994 а, 1997 в, з, 1998 з, и, н, 2002 в, 2003 б, 2005 ж, 2006 ж, 2008 г, 2009 ж, з, 2010 р, с; Столяров, Губарева, Лубышев, 1998; Столяров, Козырева, 1997; Столяров, Логинов, Барин, 2003; Столяров, Стопникова, 2008; Столяров, Фирсин, 2011; Фирсин, 2008; Stolyarov, 1991 с, d, 1993, 1994].

Спартианская программа получила одобрение и поддержку со стороны Госкомспорта РФ, Олимпийского комитета России, Министерства образования РФ, других государственных и общественных организаций. Государственный комитет по делам молодежи в 1997 г. присудил ей первое место в конкурсе инновационных программ работы с молодежью. В 2002 г. спартианская социально-педагогическая технология стала победителем проведенного Государственным комитетом по физической культуре и спорту открытого конкурса инновационных оздоровительных и физкультурно-спортивных технологий для внедрения в образовательных учреждениях г. Москвы. По результатам НИР, которая по заданию Федерального агентства по образованию была проведена в 2006 г. на тему «Разработка и апробация моделей оптимизации нагрузки обучающихся общеобразовательных учреждений за счет повышения вариативности образования на основе возможностей дополнительного образования детей и подростков», рекомендовано внедрение спартианской системы в учреждения дополнительного образования детей. В 2003 г. автор спартианской программы отмечен высшей наградой Российского движения Фэйр Плэй, а в 2008 г. – наградой Международного комитета Фэйр Плэй.

Помимо указанных выше гуманистически ориентированных проектов, программ, технологий разработаны также:

- программа модернизации *физического воспитания*, формирования физической (телесной) культуры, здорового образа жизни, культуры здоровья [Аллакаева, 2004; Герасимова, 2009; Столяров, 2009 а, 2011; Столяров, Аллакаева, 2002; Столяров, Аллакаева и др., 2003; Столяров, Бакашвили, Сегал, 1988; Столяров, Бальсевич, Моченов, Лубышева, 2009; Столяров, Вишневский, 2007; Столяров, Скоробогатов, Молчанов, 1989];

- программа и технология *спортивного воспитания*, формирования *спортивной культуры* [Барин, 2009 а, б, 2010, 2011; Варюшина, 2005; Козырева, 2002 а, б; Паршиков, 2003, 2004; Столяров, 2000 е; Столяров, Барин, Варюшина, 2007; Столяров, Козырева, 2002];

- программа и технология повышения *физкультурно-спортивной активности населения* [Болдов, 2006; Кудрявцева, 1996; Столяров, 1990 б, 1991 а, 2004; Столяров, Кудрявцева, 1998; Фирсин, 2008; Stolyarov, 1990 а];

- программы гуманистически ориентированной подготовки специалистов в области физической культуры и спорта [Богданова, 1999; Вучева, 1998; Кормазева, Передельский, 2010; Орешкин, 2010; Передельский, 2009; Черевач, 1998] и др.

Все изложенное выше дает основание для вывода о том, что под руководством автора в России создана **инновационная школа философского анализа спорта и телесности человека с позиций гуманизма и на основе диалектической методологии**. Эта школа ставит своей целью научное обоснование значимости гуманистических идей в современном мире, реализацию в сфере спорта, олимпийского движения, телесной (физической) культуры, рекреации, организации досуга, воспитания детей и молодежи идеалов и ценностей гуманизма. Для достижения этой цели используется комплекс разработанных социально-педагогических проектов, программ и технологий [Столяров, 2007 а, 2009 б].

Важную роль в создании и развитии указанной школы сыграл созданный по инициативе автора в ГЦОЛИФК в 1994 г. *Гуманитарный Центр "СпАрт"*. В 1996–2007 гг. Центром изданы сборники: тематической серии «Духовность. Спорт. Культура», тематической серии «Спорт, духовные ценности, культура», тематической серии «Гуманистическая теория и практика спорта», тематической серии «Гуманистика соревнования: теория и практика гуманизации соперничества», тематической серии «Спартианская библиотека».

В 2007 г. Гуманистический Центр «СпАрт» преобразован в *Спартианский Гуманистический Центр*. Основная его задача – изучение, предварительная экспертиза и пропаганда отечественных и зарубежных инновационных проектов и программ гуманистической организации соперничества и сотрудничества, спортивно-гуманистического воспитания и олимпийского образования, использования спорта для формирования и развития культуры мира, других инновационных гуманистических проектов и программ, а также их внедрение в подготовку студентов, магистрантов, аспирантов. Центр ставит своей задачей также установление связей и контактов с организациями российского и мирового гуманистического движения – Международным гуманистическим и этическим союзом, Международной академией гуманизма, Российским Гуманистическим обществом, Гуманистическим Центром МГУ [см.: Столяров, 2007 а].

Такими **сам автор** видит **наиболее важные результаты** многолетней разработки им и его учениками философии спорта и телесности человека. Но, разумеется, **в полной мере эти итоги могут оценить только другие исследователи и специалисты-практики**.

Достигнутые результаты и положения, формулируемые в данной книге, автор не рассматривает как единственно возможные, окончательные. Они, безусловно, требуют дальнейшего обсуждения. Автор с благодарностью воспримет критические суждения, а также конструктивные замечания и пожелания всех читателей.

Вместе с тем он надеется, что «Мактуб» (т.е. «нечто написанное»\*) в данной книге, поможет другим авторам написать что-то более мудрое и значимое.

#### Литература к ЗаклЮчению

1. Аксенов Г.М. (2003). Педагогические идеи Кубертена и их современное значение: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
2. Аллакаева Л.М. (2004). Педагогические основы формирования культуры здоровья школьников: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Н. Новгород. – 23 с.
3. Баринов С.Ю. (1999). Проблемы олимпийского образования в деятельности Международной олимпийской академии: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 31 с.
4. Баринов С.Ю. (2009а). Инновационная система спортивного воспитания студентов: Методическое пособие для преподавателей. – М.: Изд-во «Университетская книга». – 182 с.
5. Баринов С.Ю. (2009б). Педагогические основы формирования спортивной культуры личности: Монография. – М.: Анкил. – 210 с.
6. Баринов С.Ю. (2010). Диагностика спортивной культуры личности: Монография. – М.: Издательство «КДУ». – 96 с.
7. Баринова И.В. (1994). Состояние и пути совершенствования олимпийского образования и воспитания учащейся молодежи: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 26 с.
8. Баюров В.И. (2004). Информационные технологии в системе олимпийского образования студенческой молодежи: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.
9. Богданова Л.В. (1999). Формирование культуры профессионального общения у специалистов в области физической культуры и спорта: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
10. Болдов А.С. (2006). Формирование интереса к физкультурно-спортивной деятельности у студентов специальных медицинских групп: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.

---

\* «Мактуб» – по арабски значит «нечто написанное» [Коэльо, 2010, с. 23].

11. Болдырева В.А. (1999). Научно-методические основы организации олимпийского образования школьников в период педагогической практики студентов физкультурных вузов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 27 с.
12. Варюшина М.В. (2005). Формирование культуры мира в процессе спортивного воспитания студентов гуманитарных вузов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
13. Вишневский В.И. (1987). Социально-воспитательные аспекты массовых спортивных соревнований школьников в СССР: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
14. Вишневский В.И. (1988). Воспитательный эффект детско-юношеских спортивных соревнований и пути его повышения (социально-педагогический анализ) // Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М. – С. 175-192.
15. Вишневский В.И., Столяров В.И. (2009). Система массовых спортивных соревнований школьников («Команда-класс») по игровым видам спорта: Научно-методич. рекомендации. – М.: АНО «Учебный Центр информационных и образовательных технологий». – 131 с.
16. Вишневский В.И., Столяров В.И. (2010). Роль массовых спортивных соревнований в формировании культуры здорового образа жизни школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 25–26 февраля 2010 г. – М. – С. 37–40.
17. Вишневский В.И., Столяров В.И., Федосов В.Г. (2007). Современный спорт как социально-культурное явление и его гуманистическая ценность: Учеб. пособие. – М.: МАДИ (ГТУ). – 72 с.
18. Вучева В.В. (1998). Научно-методические основы формирования гуманистически ориентированной физической культуры студенток педагогических специальностей: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
19. Гендин А.М., Сергеев М.И., Столяров В.И. (1990). Содержание основных понятий, используемых в сопоставительных (социологических) исследованиях физической культуры и здорового образа жизни // Социальные проблемы физической культуры и здорового образа жизни детей. – Новосибирск-Красноярск. – С. 3-21.
20. Герасимова И.Г. (2009). Физическое воспитание подростков с девиантным поведением на основе Спартианских игр (в условиях социально-реабилитационного центра): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Набережные Челны. – 24 с.
21. Губарева Т.И. (2000). Спорт лиц с ограниченными возможностями в системе гуманистически ориентированной социальной политики. – М.: ФОН. – 192 с.
22. Губарева Т.И. (2001). Гуманистически ориентированная педагогическая технология культурно-спортивной работы с инвалидами: Автореф. дис... д.п.н. – М. – 45 с.
23. Губарева Т.И., В.И. Столяров (1997а). Комплексная «спартианская» программа культурно-спортивной работы с инвалидами // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, ч. II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 106-195.
24. Губарева Т.И., Столяров В.И. (1997б). Новые формы культурно-спортивной работы с инвалидами на основе проекта «СпАрт»: Учебно-методическое пособие для студентов и слушателей РГАФК. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – 122 с.
25. Гуманистика соревнования. Вып. 2. Соревнование и спорт в системе гуманистического воспитания детей: Сб. ст. М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, 2002.
26. Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК.
27. Гуманистика соревнования. Вып. 6. Спорт и СПАРТ в системе оздоровления, воспитания и организации досуга студентов: Сб. статей/Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова, И.А. Логинов. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2003. – 196 с.
28. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000. – 302 с.
29. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. второй. Футбол как объект гуманистического исследования: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.
30. Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий. Спортивно-гуманистическое воспитание детей и молодежи: Сб. ст. – Москва-Сургут: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2000.
31. Гутин А.Т. (1984). Идеалы и ценности олимпизма в воспитании юных спортсменов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 18 с.
32. Дремова Г.В. (1996). Социальная интеграция и реабилитация лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата на основе иппотерапии: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 21 с.

33. Дремова Г.В., Соколов П.Л., Столяров В.И. (1998). Комплексное использование ипшотерапии и спартианской программы в целях социальной реабилитации и интеграции инвалидов с ДЦП // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. восьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – С. 130-173.
34. Духовность. Спорт. Культура. Вып. второй. Ценности спорта и пути его гуманизации: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 187 с.
35. Духовность. Спорт. Культура. Вып. третий. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез?: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1996. – 180 с.
36. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 197 с.
37. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II. Проекты, программы, технологии: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров и А.Г.Егоров. – М.: РОА, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997. – 195 с.
38. Жбиковский Я. (1994). Физкультура и спорт как средство социальной интеграции и адаптации инвалидов: Автореферат дис... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
39. Здоровье студентов. Вып. 1. Здоровый образ жизни и физическая культура студентов: социологические аспекты / Под ред. В.М. Лабскура и В.И. Столярова. – Москва-Харьков, 1990. – 103 с.
40. Ипатов Д.И. (1995). Основные направления гуманизации спортивных игр и соревнований в работе со школьниками: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 28 с.
41. Кадом Ахмед Джавад (1986). Социально-педагогические аспекты физкультурно-спортивной деятельности студентов в вузах Ирака: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 22 с.
42. Книга олимпийских знаний / В.С. Родиченко и др. – М.: Сов. спорт, 2004. – 128 с.
43. Козырева О. (2002а). Спортивное воспитание детей дошкольного возраста (концепция и методика): Монография. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК: Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
44. Козырева О.В. (2002б). Спортивное воспитание детей дошкольного возраста в системе их гуманистического воспитания: Автореф. дис... докт. пед. наук. – М. – 50 с.
45. Кормазева И.Б., Передельский А.А. (2010). Гуманистические философско-педагогические основания подготовки специалистов в сфере единоборств. – М.: ООО ВНИПР. – 100 с.
46. Королев И.В. (2005). Европейское движение Фэйр Плэй и его роль в повышении духовно-нравственной ценности спорта: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
47. Королев Р.И. (2009). Интерпретации идеала «совершенного» человека в концепциях современного олимпизма: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М. – 25 с.
48. Королев Р.И., Столяров В.И. (2009). Олимпийский идеал культуры личности: содержание и современное значение // Сборник трудов молодых ученых и студентов РГУФКСиТ: Материалы научной конференции молодых ученых и студентов РГУФКСиТ (3-5 апреля, 25-27 апреля 2007 г.). – М.: Светотон. – С. 77–83.
49. Королев Р.И., Столяров В.И. (2009). Целостное развитие личности как культурный образец гуманистической системы воспитания // Сборник трудов молодых ученых и студентов РГУФКСиТ: Материалы научной конференции молодых ученых и студентов РГУФКСиТ (19–21 марта, 22-25 апреля 2008 года). – М.: Светотон. – С.116–120.
50. Королева С.А. (2004). Игровые модели соперничества и сотрудничества в физкультурно-спортивной работе со студентами: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
51. Котомина А.А., Майорова Л.В., Столяров В.И. (2005). Реальное состояние культуры личности спортсмена-олимпийца в современных социокультурных условиях (по результатам социологического исследования) // Олимпийский бюллетень. – № 7. – М. – С. 45–55.
52. Козьмо П. (2010). Мактуб. – М.: АСТ: Астрель. – 254 с.
53. Кудрявцева Н.В. (1996). Новые формы физкультурно-спортивной работы с детьми и молодежью: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
54. Курило С.И. (2000а). Социально-философская концепция международного спорта: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Н. Новгород. – 46 с..
55. Курило С.И. (2000б). Философские основы теории и практики международного спорта. – М.: Теория и практика физ. культуры. – 250 с.
56. Курило С.И., Столяров В.И. (2000). Международный спорт с позиций гуманистической теории спорта // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 16-176.
57. Лубышев Е.А. (1999). Спартианская модель культурно-спортивной работы с детьми-инвалидами на базе детского реабилитационного центра: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 23 с.



58. Максимов А.С., Столяров В.И. (2008). Основные направления, цели и задачи педагогической деятельности тренера по формированию олимпийской культуры фигуристов высокого класса // XII Междунар. научный конгресс «Современный олимпийский и паралимпийский спорт и спорт для всех: материалы конф. Т. 1. – М.: Физическая культура. – С. 51–52.
59. Материалы Международной научной конференции: Спорт, спартианское движение и культура мира (23–25 мая 2007 года)/РГУФКСиТ. – М.: Светотон, 2009. – 228 с.
60. Михалевский В.И., Передельский А.А. (2010). Зрелищность – основной фактор развития футбола. – М.
61. Новикова С.С. (1994). Педагогические факторы повышения культурной ценности туризма: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.
62. Олимпийский учебник студента: Пособие для формирования системы олимпийского образования в нефизкультурных вузах /В.С. Родиченко и др. – М. – Сов. спорт, 2003. – 128 с.
63. Ольхова Т.Г. (2000). Интегративный подход к спортивно-гуманистическому воспитанию студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
64. Орешкин М.М. (2010). Теория спорта и олимпийского движения в содержании высшего профессионального образования специалистов в области международных отношений: Дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
65. Паршиков А.Т. (2003). Спортивная школа как социально-педагогическая система: социальное проектирование. Монография. – М.: Сов. спорт.
66. Паршиков А.Т. (2004). Спортивная школа как социально-педагогическая система: социально-педагогическое проектирование: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – Санкт-Петербург. – 54 с.
67. Перевозников А.А. (1999). Социально-педагогические аспекты деятельности спортивных клубов в России в процессе их становления и развития: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 27 с.
68. Передельский А.А. (1993). Философия воинских искусств // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. – № 1. – С. 27-36.
69. Передельский А.А. (2008). Философия, педагогика и психология единоборств: монография. – М.: Физическая культура. – 168 с.
70. Петлеваний Г.Ф. (1997). Система олимпийского образования в многопрофильной школе-комплексе физкультурно-эстетического направления: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. М. – 28 с.
71. Поликарпова Г.М. (2002). Философско-педагогические основы олимпийского образования учащейся молодежи. – СПб. – 80 с.
72. Поликарпова Г.М. (2003). Олимпийское образование и воспитание как предмет педагогического исследования: Автореф. ... дис. докт. пед. наук. – Великий Новгород. – 45 с.
73. Попов Г.В. (2004). Концепция и педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 24 с.
74. Прокопчук Ю.А. (1998). Модель олимпийского образования студенческой молодежи на основе Спартианских игр: Автореф. дис... канд. пед. наук. – Краснодар, 1998. – 25 с.
75. Пути формирования активного отношения женщин к физической культуре и спорту в условиях социализма. Семинар соц. стран с 3 по 5 июня 1986 г., г. Нойбранденбург, ГДР. – Берлин, 1986.
76. Сагалаков Д.А. (2005). Педагогическая ценность спорта для формирования и развития культуры мира: Автореф. ...канд. пед. наук. – М. – 24 с.
77. Сагалаков Д.А., Стопникова Е.В., (2011). Спартианские игры – игровая модель интеграции спорта с искусством // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 760–780.
78. Самусенков О.И. (1989). Спортивно-гуманистическое воспитание учащихся спортшкол (на примере футбола): Автореф. дис... канд. пед. наук. – Малаховка. – 24 с.
79. Самусенков О.И. (2001). Педагогическая технология реализации социально-культурного потенциала игровых видов спорта в работе с юными спортсменами (на примере футбола): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М. – 45 с.
80. Самусенков О.И., Столяров В.И. (2000). Футбол с позиций гуманистической теории спорта и феноменологии // Гуманистическая теория и практика спорта. Выпуск второй: Сб. ст. – Москва: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 3–134.
81. Самусенкова В.И. (1996). Интеграция спорта и искусства как социально-педагогическая проблема: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 27 с.
82. Сараф М.Я., Столяров В.И. (1984). Введение в эстетику спорта: Учеб. пособ. для ИФК. – М.: ФиС. – 103 с.
83. Сегал Ю.П. (1990). Идеалы и ценности олимпизма как средство повышения эффективности работы по коммунистическому воспитанию школьников старших классов: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 23 с.

84. Скоробогатов А.Б. (1991). Социально-педагогические аспекты формирования здорового образа жизни и физической культуры учащихся ПТУ (на примере БССР): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М. – 23 с.
85. Скоробогатов А.Б, Молчанов С.В., Столяров В.И. (1989). Формирование здорового образа жизни учащихся профессионально-технических училищ. – Москва-Минск. – 73 с.
86. СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, А.Г.Егоров, В.Н.Костюченков. – Москва-Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия, 1996. – 134 с.
87. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. /Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры», 2005. – 194 с.
88. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997. – 210 с.
89. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 316 с.
90. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий. Перспективы и пути повышения гуманистической ценности современного спорта и олимпийского движения: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 349 с.
91. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 280 с.
92. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 266 с.
93. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб.ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 285 с.
94. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой. Детский спорт (концепции, программы, технологии): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 319 с.
95. Спорт, духовные ценности, культура (1998 ж). Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно-спортивной работы с инвалидами: Сб. – М.: Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 255 с.
96. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый. Обобщающий анализ проблемы (итоги и перспективы): Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – 216 с.
97. Спортивно-гуманистическое движение и воспитание детей и молодежи в условиях перестройки советского общества // Социально-экономические проблемы воспитания спортсменов в условиях перестройки советского общества: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф., 1-4 июня 1990 г., г. Минск. – М., 1990. – С. 64-140.
98. Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы. – М., 1990.
99. Спорт и образ жизни: Сб. ст./Сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. – М.: Физкультура и спорт, 1979. – 278 с.
100. Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сборник (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. первый)/ сост. и ред. В.И. Столяров, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура, 2007. – 326 с.
101. Старовойтова О.Л. (2005). Спартианская модель олимпийского образования в школах-интернатах: Автореф. дис. канд. пед. наук. – Смоленск. – 24 с.
102. Столяров В.И. (1964б). Процесс изменения и закономерности его познания (очерк методологических проблем): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М. – 16 с.
103. Столяров В.И. (1971б). Проблемы разработки материалистической диалектики как логики, теории познания и методологии науки: Автореф. дис... докт. филос. наук. – М.
104. Столяров В.И. (1974). Ценностный аспект изучения физической культуры и спорта: Тез. II Всесоюзной конф. по социологическим проблемам физической культуры и спорта. – М. – С. 32-35.
105. Столяров В.И. (1975б). Проблема системно-комплексного исследования советской системы физического воспитания // Дальнейшее совершенствование научных основ советской системы физического воспитания: Сб. научных трудов. – М.: ГЦОЛИФК. – С. 3-14.
106. Столяров В.И. (1976 а). Исторический метод в науках о физической культуре и спорте // Общество и спорт: Сборник научных трудов. – М. – С. 75-85.
107. Столяров В.И. (1977). Системный подход к разработке методологии физкультурного образования // Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров по физической культуре и спорту: Сб. науч. тр. – М.: ГЦОЛИФК. – С. 9-12.
108. Столяров В.И. (1978а). К вопросу о марксистской концепции спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 4. – С. 5-7.
109. Столяров В.И. (1978г). Ценностный аспект изучения спорта // Сб. науч. материалов Всемирного науч. конгресса «Спорт в современном обществе». – М.: ФиС. – С. 62-65.

110. Столяров В.И. (1979). Методологические проблемы исследования физической культуры и спорта как элементов образа жизни // Спорт и образ жизни: Сб. ст. – М. – С. 4-22.
111. Столяров В.И. (1980а). Актуальные проблемы философии и социологии спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 7-10.
112. Столяров В.И. (1980е). Социальные проблемы спорта // Философские науки. – № 4. – С. 3-13.
113. Столяров В.И. (1980ж). Спорт и образ жизни // Общественные науки. №3. – С. 21-30.
114. Столяров В.И. (1981б). Философские и социологические проблемы физической культуры и спорта // Вопросы философии. – № 2. – С. 168-173.
115. Столяров В.И. (1981в). Основные понятия и положения марксистской теории (философии) олимпийского движения // Всесоюзный симпозиум «Проблемы истории физической культуры и олимпийского спорта», 21-22 мая 1981 г., г. Львов. – М. – С. 112-114.
116. Столяров В.И. (1982а). Актуальные проблемы философии и социологии спорта // Сб. итог. научн. матер. Всемирного научн. конгр. «Спорт в соврем. обществе». Тбилиси, 10-15 июля 1980 г. – М.: ФиС. – С. 23-27.
117. Столяров В.И. (1982в). Спортът и начинът на живот (методологически аспекти на проблема) // Физическата култура и социалистическият начин на живот. Методически материали. – София. – С. 3-17.
118. Столяров В.И. (1982и). Спорт, образ жизни, культура (опыт сотрудничества социологов спорта социалистических стран) // Тезисы докладов научно-практич. конференции (12-14 окт. 1982 г., г. Красноярск). – Красноярск. – С. 9-12.
119. Столяров В.И. (1984а). Актуальные проблемы истории и философско-социологической теории физической культуры и спорта: Актовая речь. – М.: ГЦОЛИФК. – 103 с.
120. Столяров В.И. (1984б). К вопросу об идеалах и целях современного олимпийского движения // Роль, функции и актуальные проблемы олимпийского движения. – М., ВНИИФК. – С. 22-33.
121. Столяров В.И. (1984в). Методологические вопросы разработки теории спорта // Всесоюз. науч. конф. «Спорт – науке, наука – спорту», 20-24 авг. 1984 г., г. Новосибирск: Тезисы докл., ч. 2. – Новосибирск. – С. 2-5.
122. Столяров В.И. (1984г). Методологические принципы определения понятий в процессе научного исследования физической культуры и спорта: Учеб. пос. для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФКа. – М. – 99 с.
123. Столяров В.И. (1985б). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 2. – С. 39-44.
124. Столяров В.И. (1985в). К вопросу о теории физической культуры (методологический анализ) // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 45-49.
125. Столяров В.И. (1985 г). Понятия физической и телесной культуры личности // Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса: Тез. докл. к XIII межзон. симп. – Горький. – С. 151-156.
126. Столяров В.И. (1986а). Логико-методологические принципы унификации понятий в современной науке // Логика научного познания: Матер. IX Всесоюз. совещания по логике, методологии и философии науки. – Москва-Киев. – С. 56-58.
127. Столяров В.И. (1986б). Основные формы и пути интеграции наук в процессе познания физической культуры и спорта // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. по философским и социальным проблемам физ. культуры и спорта, 16-18 мая 1986 г., г. Москва. – М. – С. 168-173.
128. Столяров В.И. (1986в). Субъективные факторы, определяющие пассивное отношение населения к физкультурной деятельности (социологический анализ) // Тез. Всес. научно-практич. конф. «Научные основы физкультурно-оздоровительной работы среди населения». – М. – С. 78-80.
129. Столяров В.И. (1986г). Философско-социологические исследования физической культуры и спорта // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 11-14.
130. Столяров В.И. (1986м). Философско-социологическое исследование физической культуры и спорта (итоги и перспективы) // Философско-социологическая теория физической культуры и спорта: Тез. докл. Всесоюз. научно-практич. конф. по философским и социальным проблемам физ. культуры и спорта, 16-18 мая 1986 г., г. Москва. – М. – С. 10-19.
131. Столяров В.И. (1987б). Методические разработки по спецкурсу «Философско-социологические проблемы физической культуры и спорта» для аспирантов и соискателей ГЦОЛИФК. – М.: ГЦОЛИФК.
132. Столяров В.И. (1987д). О диалектическом принципе единства логического и исторического // Философские науки. – № 11. – С. 65-76.
133. Столяров В.И. (1987з). Содержание и значение олимпийского воспитания детей в условиях социализма (теоретический анализ) // Физическая культура и спорт в жизнедеятельности дошкольников и учащейся молодежи. – Красноярск. – С. 145-159.

134. Столяров В.И. (1988а). Актуальные теоретические и практические проблемы реализации в спорте и с помощью спорта общечеловеческих гуманистических ценностей (социальный и философский анализ) // *Философия: история и современность*. – М. – С. 64–72.
135. Столяров В.И. (1988б). Гуманистическая ориентация перестройки в области спорта // *Спорт и перестройка: Сб. науч. тр. по материалам Всесоюз. научно-практич. конф. «Государство, спорт и мир»*, Москва, 20–22 апр. 1988 г., Москва. – М. – С. 37–45.
136. Столяров В.И. (1988г). Культурологическое исследование физической культуры и спорта (теоретико-методологические проблемы) // *Социально-педагогические проблемы физической культуры и спорта. Сб. науч. тр.* – Малаховка. – С. 46–54.
137. Столяров В.И. (1988д). Место физической культуры и спорта в системе явлений культуры: Методич. разработка для аспирантов и слушателей Высшей школы тренеров ГЦОЛИФКа. – М.: ГЦОЛИФК. – 27 с.
138. Столяров В.И. (1988е). Состояние и перспективы спортивно-гуманистического движения в современном мире // *Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. «Государство, спорт и мир»*. – М. – С. 45–46.
139. Столяров В.И. (1988ж). Спортивно-гуманистическое воспитание как фактор всестороннего и гармоничного развития личности // *Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона: Тез. докл. XVI межзон. симп.* – Горький. – С. 197–199.
140. Столяров В.И. (1988з). Спортивно-гуманистическое и олимпийское воспитание детей и молодежи в условиях социализма // *Философско-социологические исследования физической культуры и спорта. Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание*. – М. – С. 151–169.
141. Столяров В.И. (1988и). Спортивные рекорды – смысл и значение: Методич. разработка для студентов и слушателей ВШТ ГЦОЛИФКа. – М. – 19 с.
142. Столяров В.И. (1988к). Спорт, культура, гуманизм // *Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Вып. первый. Спорт. Культура. Воспитание*. – М. – С. 11–27.
143. Столяров В.И. (1988л). Физическая культура и спорт как элементы культуры // *Культурная среда и ее освоение: Материалы сов. ученых к XVIII Всемирному филос. конгр.* – М. – С. 126–142.
144. Столяров В.И. (1988м). Философско-культурологический анализ физической культуры // *Вопросы философии*. – № 4. – С. 78–92.
145. Столяров В.И. (1989а). Гуманистический потенциал современного спорта в свете нового мышления и перестройки (социально-философский анализ) // *Ежегодник Философского общества СССР: Философия и перестройка*. – М.: Наука. – С. 205–230.
146. Столяров В.И. (1989б). За гуманизм в спорте и посредством спорта // *Теория и практика физической культуры*. – № 7. – С. 13–18.
147. Столяров В.И. (1989в). Олимпийское движение и воспитание молодежи: Методич. разработки для аспирантов и слушателей ВШТ. – М.: ГЦОЛИФК. – 33 с.
148. Столяров В.И. (1990а). Исследовательский проект // *Рабочая программа проведения социологического исследования «Спортивно-гуманистическое и олимпийское воспитание студенческой молодежи»*. – Харьков. – С. 3–11.
149. Столяров В.И. (1990 б). Парадокс отношения населения к «спорту для всех» и пути его решения // *Материалы Всесоюз. научно-практич. конф. "Физическая культура и здоровый образ жизни"*. – М. – С. 82–94.
150. Столяров В.И. (1990в). Перспективы реализации гуманистических ценностей спорта в рамках олимпийского движения // *Новое мышление и олимпийское движение: Материалы Всесоюз. научного симпозиума «Международное олимпийское движение: проблемы и тенденции развития на современном этапе»*, Рига, 11–13 мая 1989. – М.: Знание. – С. 36–45.
151. Столяров В.И. (1990г). Программа международного социологического исследования здорового образа жизни и физической культуры студентов // *Здоровье студентов. Вып. 1: Здоровый образ жизни и физическая культура студентов (социологические аспекты)*. – Москва-Харьков. – С. 3–10.
152. Столяров В.И. (1990д). Программа спортивно-гуманистического движения СССР // *Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы*. – М. – С. 6–12.
153. Столяров В.И. (1990е). Проект «СпАрт» // *Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы*. – М. – С. 13–16.
154. Столяров В.И. (1990ж). Спортивно-гуманистическое движение СССР (проект программного документа) // *Социально-экономические проблемы воспитания спортсменов в условиях перестройки советского общества: Тез. докл. Всес. научно-практич. конф. 1–4 июня 1990 г.*, Минск. – М. – С. 114–121.
155. Столяров В.И. (1990д). Физическая культура и здоровый образ жизни человека как социальные феномены (системный философско-социологический анализ) // *Тез. Всес. научно-*

- практич. конф. "Физическая культура и здоровый образ жизни", Севастополь, 16-21 февр. 1990 г. – М. – С. 148-149.
156. Столяров В.И. (1991а). Почему люди не занимаются физкультурой и спортом? (социологический анализ причин физкультурно-спортивной пассивности населения) // Актуальные проблемы пропаганды физической культуры и спорта, вып. первый. – М.: Знание. – С. 15-25.
157. Столяров В.И. (1991б). Проект «СпАрт». – М. – 69 с.
158. Столяров В.И. (1991в). Синтеза спорта и уметности // Годишник университета у Београду. – № 2. – С. 103–105.
159. Столяров В.И. (1992г). Олимпийское воспитание молодежи // Возвращение к олимпийским идеалам. – Харьков. – С. 29–32.
160. Столяров В.И. (1993а). Олимпийский проект "СпАрт" (основные идеи и первые итоги реализации) // Ежегодник. Труды ученых ГЦОЛИФК. – М. – С. 36–49.
161. Столяров В.И. (1993г). Проект "СпАрт" и новая комплексная система физкультурно-спортивной работы с целью духовного и физического оздоровления населения России (основные идеи и первые итоги реализации) // Теория и практика физ. культуры. № 4.–С.10–14.
162. Столяров В.И. (1993д). Решение проблемы социальной реабилитации инвалидов на основе проекта "СпАрт" // Сборник материалов к лекциям по физической культуре и спорту инвалидов, т. 1. – Малаховка. – С.128–138.
163. Столяров В.И. (1994а). Новое массовое культурно-спортивное движение "СпАрт" (Духовность. Спорт. Искусство): Методич. разработка для работников сферы физической культуры и спорта и организаторов досуга. – М.: Комитет по физической культуре РФ, Центр "СпАрт". – 64 с.
164. Столяров В.И. (1994б). Проект "СпАрт": Духовность. Спорт. Искусство (основные идеи и первые итоги реализации в России): Методич. материалы для работников сферы физической культуры и спорта и организаторов досуга. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГАФК. – 99 с.
165. Столяров В.И. (1995б). Первые итоги реализации олимпийского проекта «СпАрт» в России // Олимпийский бюллетень. № 2. – М.: РГАФК, Центральная Олимпийская Академия. – С. 6–14.
166. Столяров В.И. (1996а). Гуманистический потенциал спорта и его реализация в современных условиях // СпАрт (Духовность. Спорт. Искусство). Вып. первый. От идей Кубертена к модели спорта XXI века: Сб./Сост. и ред. В.И.Столяров, А.Г.Егоров, В.Н.Костюченков. – Москва–Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская Олимпийская Академия. – С. 42–56.
167. Столяров В.И. (1996б). Кубертеновский идеал олимпийца и его реализация в современных условиях // Олимпийское движение и социальные процесс: Материалы V Всеросс. научно-практич. конф., посвящ. 100-летию МОК. – М. – С. 8–18.
168. Столяров В.И. (1996в). «Спартианская» программа реализации кубертеновского идеала олимпийского атлета // Теория и практика физ. культуры. – № 10. – С. 16–22.
169. Столяров В.И. (1996г). Спартианские игры – новая модель спорта для всех // Междунар. журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 1–2. – С. 23–24.
170. Столяров В.И. (1996д). Формирование гуманистически ориентированной модели спорта XXI века // Олимпийское движение и социальные процессы. Матер. VII Всеросс. научно-практич. конф. Ч. I. – Краснодар. – С. 9-20.
171. Столяров В.И. (1997а). Инновационный вклад Академии в реализацию, сохранение и развитие духовных ценностей спорта на основе новой гуманистической программы: Актовая речь. – М.: РГАФК. – 72 с.
172. Столяров В.И. (1997б). «Спартианская» программа гуманизации спорта высших достижений // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть II): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-79.
173. Столяров В.И. (1997в). Спартианская система воспитания, образования и организации досуга // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, часть I): Сб. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 9-127.
174. Столяров В.И. (1997г). Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. первый: Сб. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 84-209.
175. Столяров В.И. (1997з). Спартианские игры и клубы в системе организации досуга, образования и воспитания детей и молодежи. – М.: РГАФК. – 141 с.
176. Столяров В.И. (1997м). Спорт и современная культура: методологический аспект // Теория и практика физ. культуры. – № 7. – С. 2–5.
177. Столяров В.И. (1998а). Актуальные проблемы теории и практики олимпийского образования детей и молодежи // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 4. – С. 13–20.

178. Столяров В.И. (1998б). Гуманистическая культурная ценность современного спорта и олимпийского движения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 141-314.
179. Столяров В.И. (1998в). Детское спартианское движение России: за духовное и физическое оздоровление подрастающего поколения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 204-226.
180. Столяров В.И. (1998г). «Неклассическая» (гуманистическая) теория, программа и модель детско-юношеского спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. седьмой: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 17-130.
181. Столяров В.И. (1998д). Олимпизм на пороге XXI века: от отдельных попыток к глобальной интеграции спорта с искусством // Олимпийское и международное спортивное движение: история, теория, практика: Межвузовский сб. научных материалов. – Воронеж. – С. 25–34.
182. Столяров В.И. (1998е). Олимпийский атлет и спартианец – две модели гармонично развитой личности // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. второй. Гуманистические идеалы, идеи олимпизма и мир современного спорта: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. – С. 74–94.
183. Столяров В.И. (1998ж). Олимпийское движение на пороге XXI века: перспективы переориентации на новые модели и новую «идеологию» спорта // Спорт, олимпизм, гуманизм: Межвуз. сб. науч. трудов/СГИФК, СОА. Вып. 2. – Смоленск. – С. 114–130.
184. Столяров В.И. (1998з). Олимпийское образование и спартианская система воспитания // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 6. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 71–233.
185. Столяров В.И. (1998и). Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. третий: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54–263.
186. Столяров В.И. (1998к). Проблема «новой философии» современного олимпийского движения на пороге XXI столетия // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 3–4. – С. 23–24.
187. Столяров В.И. (1998м). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть I. Объекты исследования социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 124 с.
188. Столяров В.И. (1998н). Спартианские игры – новая гуманистически ориентированная модель спорта в его интеграции с искусством // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 54-279.
189. Столяров В.И. (1998о). Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 5: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 101-265.
190. Столяров В.И. (1998п). Философские и концептуальные основы неклассической теории спорта // Тез. докл. Междунар. конгр. «Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы». Том 1. – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 13–14.
191. Столяров В.И. (1999а). Гуманистическая теория спорта и проблема ее практического использования в спортивном и олимпийском движении // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». – № 4. – С. 9–12.
192. Столяров В. (1999б). Олимпизм, олимпийская педагогика и теория олимпийской культуры // Олимпийское движение и социальные процессы: Материалы IX Всеросс. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы», посвящ. 10-летию Олимпийского комитета России, и V Всеросс. совещания «Практика олимпийского образования». – М. – С. 250–254.
193. Столяров В.И. (1999в). Олимпийская педагогика и теория олимпийской культуры как новые научные и учебные дисциплины // Теория и практика физ. культуры. – № 10. – С.47–52.
194. Столяров В.И. (1999г). Предмет и статус олимпийской педагогики и теории олимпийской культуры // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория, практика: Межвузовский сб. научных матер. – Воронеж. – С. 33–42.
195. Столяров В.И. (1999д). Социология физической культуры и спорта (основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть II. Предмет, значение и история развития социологии физической культуры и спорта: Учеб. пособие. – М.: РАО, РГАФК. – 203 с.
196. Столяров В.И. (2000б). Гуманистическая теория спорта // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ, 2000. – С. 3–15.
197. Столяров В.И. (2000в). Детско-юношеский спорт и современное олимпийское движение (по результатам социологического опроса участников международного Форума) // Сборник трудов ученых РГАФК (16–18 февраля 2000 г.). – М.: «Физкультура, образование и наука». – С. 125–130.

198. Столяров В.И. (2000г). Модели молодежного спорта XXI века // Физическая культура и спорт в Российской Федерации: Сб. научных статей. – Воронеж: Издательско-полиграфич. фирма «Воронеж». – С. 112–120.
199. Столяров В.И. (2000д). Олимпизм как гуманистическая философская концепция // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. первый. Международный спорт и олимпийское движение с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 195–230.
200. Столяров В.И. (2000е). Теоретическая концепция спортивно-гуманистического воспитания детей и молодежи // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. третий: Сб. ст. – Москва–Сургут: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ. – С. 21–79.
201. Столяров В.И. (2000з). Философия и социология спорта в XXI веке // Теория и практика физ. культуры. – № 6. – С. 46–47, 55.
202. Столяров В.И. (2001а). Гуманистическая теория спорта и теория спартианской модели соревнования как разделы новой науки – агонологии // *Sportas ir visuomenė amžius sandūroje*. – Kaunas: LKKA. – s. 25–26.
203. Столяров В.И. (2001в). Концепция спартианского движения // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – № 1. – С. 4–11.
204. Столяров В.И. (2001д). Проблема социальной трансформации современных форм соперничества // Социальные трансформации: Материалы международного коллоквиума (23 ноября 2001 г.). – Смоленск: СГПУ. – С. 93–96.
205. Столяров В.И. (2001е). Теория гуманистической организации соревнования как новая наука и ее значение для спортивного и олимпийского движения // Олимпийское движение и социальные процессы: X Юбилейная Всерос. научно-практич. конф. «Олимпийское движение и социальные процессы»: Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 149–152.
206. Столяров В.И. (2001ж). Теория гуманистической организации соревнования: опыт разработки // Материалы совместной научно-практической конференции РГАФК, МГАФК и ВНИИФК. – М.: Физкультура, образование и наука. – С. 184–187.
207. Столяров В.И. (2002а). Гуманистическая теория спорта и теория гуманизации соревнования: современное состояние и перспективы развития // *Physical Education and Sport. Quarterly*. Vol. 46, N. 1. Part 2. Sixth International Scientific Congress “Modern Olympic Sport and Sport for all” (Warsaw, June 6–9, 2002). – Warsaw: Scientific Publishers PWN. – P. 79–80.
208. Столяров В.И. (2002б). Игровая модель соперничества и ее разновидности // Спортивные игры в физическом воспитании и спорте: Материалы международной научно-практической конференции (Смоленск, 24–26 декабря 2002 г.). – Смоленск. – С. 14–20.
209. Столяров Владислав (2002в). Концепция спартианского движения и 10-летний опыт ее реализации в России // II Междунар. форум «Молодежь–Наука–Олимпизм». 15–18 июня 2002 г., г. Москва. Конференция «Юношеский спорт XXI века»: Материалы – М.: Сов. спорт. – С. 223–228.
210. Столяров В.И. (2002г). Об актуальных проблемах и серьезных ошибках в теории и практике олимпийского образования // II Межд. форум «Молодежь – Наука – Олимпизм». Конф. «Практика олимпийского образования». – Материалы. – М.: Сов. спорт. – С. 139–144.
211. Столяров В.И. (2002д). Социология физической культуры и спорта (введение в проблематику и новая концепция): Науч.-методич. пособие. – М.: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК. – 346 с.
212. Столяров В.И. (2002е). Спортивная культура как элемент культуры // Современность как предмет исследования социальных наук: Материалы Всерос. научн. конф. – М.: МГАФК. – С. 28–33.
213. Столяров В.И. (2003а). Гуманистические параметры спорта и олимпийского движения: новые философские концепции и методологические подходы // VII Междунар. научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 1. – М.: СпортАкадемПресс. – С. 48–49.
214. Столяров В.И. (2003б). Инновационная спартианская технология духовного и физического оздоровления детей и молодежи: Пособие. – М.: Госкомспорт РФ по физической культуре и спорту, Центр развития спартианской культуры. – 335 с.
215. Столяров В.И. (2003в). От гуманистической теории спорта к теории гуманизации соперничества // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 13–15.
216. Столяров В.И. (2003г). Спартианская модель школьного спорта // Инновационные программы и методики школьного спорта. Вып. первый: Сб. ст. – Москва–Уфа: Гуманитарный Центр «СпАрт», Муниципальное образование Кировский район г. Уфы. – С. 13–93.
217. Столяров В.И. (2003д). Спорт // Глобалистика: Энциклопедия. – М.: ОАО Издательство «Радуга». – С. 949–953.
218. Столяров В.И. (2003е). Спорт в современном обществе // Олимпийский учебник студента: Пособие для формирования олимпийского образования в нефизкультурных высших учебных заведениях / В.С. Родиченко и др. – М.: Сов. спорт. – С. 114–125.

219. Столяров В.И. (2003ж). Феномен спорта в современной культуре // Проект Россия. – № 1. – С. 6–7.
220. Столяров В.И. (2004а). Актуальные проблемы гуманистической теории спорта и теории гуманизации соперничества // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту: Зб. наук. пр. за ред. Ермакова С.С. – Харків-Донецьк: ХДАДМ (ХХІІІ). – № 18. – С. 195–211.
221. Столяров В.И. (2004б). Культура здоровья: понятие и структура // Формирование здорового образа жизни студентов средних специальных учебных заведений: Тематич. сб.: М.: Ин-т проблем развития среднего проф. образования Мин-ва образования РФ. – С. 5–19.
222. Столяров В.И. (2004в). Методологические принципы определения понятий в спортивной педагогике // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Методология современной общей и спортивной педагогики». – М. – С. 14–21.
223. Столяров В.И. (2004г). Олимпийский спорт и процесс глобализации // VII Международный научный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Том 4. – М. – С. 47–49.
224. Столяров В.И. (2004д). Социология физической культуры и спорта: Учебник. – М.: Физическая культура. – 400 с.
225. Столяров В.И. (2004е). Теоретическая концепция культуры здоровья // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке: Материалы межд. конгресса, 12–14 мая 2004 г., Москва. Ч. 3. – М.: ГУ Научный Центр здоровья детей РАМН. – С.172–174.
226. Столяров В.И. (2004ж). Философские проблемы агонистики и гуманистики соперничества // Вестник Российского Философского общества. – № 2. – С. 156–160.
227. Столяров В.И. (2005а). Агонистика и гуманистика соперничества как новые философские дисциплины // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докл. и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. М.: Современные тетради. – С. 615–616.
228. Столяров В.И. (2005в). Взаимоотношение спорта и политики (социально–философский и методологический анализ) // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры. – С. 5–123.
229. Столяров В.И. (2005г). Гуманистика соревнования как новая комплексная научная теория // Проблемы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи и детей дошкольного возраста: материалы республиканской научно-практич. конф. г. Красноярск, 17 ноября 2005 г. – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск. – С. 21–40.
230. Столяров В.И. (2005д). Логико-методологические принципы определения понятий в социологии ФКС // Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта /Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопникова. – М.: Физическая культура. – Часть 1. – С. 85–100.
231. Столяров В.И. (2005е). Олимпийская концепция Пьера де Кубертена и современность // Олимпийский бюллетень. № 7: Сб. науч. материалов, посвящ. 90-летию заслуженного проф. РГУФК В.В. Столбова. – М. – С. 84–94.
232. Столяров В.И. (2005ж). Спартианское движение и спартианская технология оздоровления, воспитания и организации досуга детей и молодежи // Спартианская библиотека. Вып. 1. Спартианское движение – детище России и международное достояние: Сб. ст. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – С. 5–128.
233. Столяров В.И. (2005з). Спорт и культура мира // Проблемы формирования здорового образа жизни учащейся молодежи и детей дошкольного возраста: материалы республиканской научно-практич. конф. г. Красноярск, 17 ноября 2005 г. – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск. – С. 3–21.
234. Столяров В.И. (2006а). Дискуссии о гуманистическом значении детского спорта // Детский тренер. – № 4. – С. 10–31.
235. Столяров В.И. (2006б). Интеграция спорта и искусства // Большая олимпийская энциклопедия. В 2-томах, т. 1. – М.: Олимпия-Пресс. – С. 446–448.
236. Столяров В. И. (2006г). Проблема научного исследования и практического использования различных форм гуманистической организации соревнования // Физическое воспитание учащейся молодежи: традиции и инновации. Межвузовский сборник научных трудов. – Владимир. – С. 8–20.
237. Столяров В. И. (2006ж). Спартианская социально-педагогическая технология оздоровления, рекреации и целостного развития личности: Пособие для педагогов учреждений социальной защиты населения и организаторов досуга детей и молодежи. – М.: АНО «Центр развития спартианской культуры». – 247 с.
238. Столяров В.И. (2007а). Инновационная гуманистическая школа и Спартианский Гуманистический Центр // Вестник Российского Философского Общества. – № 2 (42). – С.119–122.
239. Столяров В.И. (2007в). Комплексная оценка гуманистического значения детского спорта // Детский тренер. – № 1. – С. 54–69.



240. Столяров Владислав (2007г). Концепция олимпийского образования (многолетний опыт разработки и внедрения в практику) // Наука в олимпийском спорте. Междунар. научно-теоретический журнал. – № 2. – С. 30–35.
241. Столяров В.И. (2007д). Методология введения, оценки и унификации понятий // «Вестник Московского Университета. Серия 7, Философия». – № 1. – С. 9–23.
242. Столяров В.И. (2007е). Понятийный кризис в науках о физической культуре и спорте: показатели, причины и пути преодоления // Теория и практика физ. культуры. – № 12. – С. 59–62.
243. Столяров В.И. (2007к). Пути повышения гуманистической ценности детского спорта // Детский тренер. – № 4. – С. 10–36.
244. Столяров В.И. (2008б). Актуальные проблемы философии и социологии физической культуры и спорта // XII Международный научный конгресс «Современный олимпийский и паралимпийский спорт и спорт для всех: материалы конференции. Т. 1. – М.: Физическая культура. – С. 142–143.
245. Столяров В.И. (2008в). Инновационное спортивно-гуманистическое движение // Олимпийский бюллетень № 9. – М.: Физкультура и спорт. – С. 74–86.
246. Столяров В.И. (2008г). Спартианские инновационные формы и методы воспитания и организации досуга детей и молодежи: пособие для педагогов и организаторов досуга детей и молодежи (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра». Вып. второй). – М. – 231 с.
247. Столяров В.И. (2009а). Аналитический обзор основных направлений модернизации физического воспитания и физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 11–125.
248. Столяров В.И. (2009б). Инновационная гуманистическая школа // Теория и практика физ. культуры. – № 1. – С. 7–10.
249. Столяров В.И. (2009в). Комплексная спартианская программа повышения гуманистической ценности школьного спорта // Современные аспекты физкультурной и спортивной работы с учащейся молодежью: Материалы международной конференции. – Пенза. – С. 7– 11.
250. Столяров В.И. (2009г). Методологическая проблема объектной области «наук о физической культуре и спорте» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Методологические проблемы общей и спортивной педагогики (28-30 октября 2009 года)». – М.: Светотон. – С. 68–74.
251. Столяров В.И. (2009д). Основные направления, формы и методы гуманизации школьного спорта // Современные аспекты физкультурной и спортивной работы с учащейся молодежью: Материалы международной конференции. – Пенза. – С. 3–7.
252. Столяров В.И. (2009е). Роль спорта и спартианской модели игрового соперничества в формировании и развитии культуры мира // Материалы Международной научной конференции: Спорт, спартианское движение и культура мира (23–25 мая 2007 года)/РГУФКСИТ. – М.: Светотон. – С. 24–33.
253. Столяров В.И. (2009ж). Спартианская педагогическая технология интегративного подхода к организации физкультурно-спортивной работы в школе // Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – С. 126–183.
254. Столяров В.И. (2009з). Сравнительная характеристика идей, идеалов и ценностей современного олимпийского и спартианского движений // Олимпийский бюллетень. №10. – М.: Физкультура и Спорт. – 112–122.
255. Столяров В.И. (2009и). Спартианская инновационная модель организации игрового соперничества // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма. Научные труды XII Международной научно-практической конференции (п. Новомихайловский, 2009 г.). Том 1. – Ростов-на-Дону. – С. 15–20.
256. Столяров В.И. (2009к). Теоретическое значение изучения феномена телесности для концепции физической культуры // Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28-29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. – М.: Параллели. – С. 43–44.
257. Столяров В.И. (2010а). Введение в философию физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV. – М.: Физическая культура. – 76 с.
258. Столяров В.И. (2010б). Введение в философию физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение). – М.: Физическая культура. – 88 с.
259. Столяров В.И. (2010в). Гносеологические, логико-методологические и онтологические проблемы физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 35–74.

260. Столяров В.И. (2010г). Значение гносеологии и методологии научного познания для специалистов в области физической культуры и спорта // Материалы VIII научно-практической конференции г. Москва, 1-3 апреля 2010 г. – М. – С. 137–142.
261. Столяров В.И. (2010д). Инновационная теоретическая концепция спортивной культуры // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма. Научные труды XIII Международной научно-практической конференции (п. Новомихайловский, 27 сент. – 4 окт. 2010 г.). Том 1. – Ростов-на-Дону. – С. 186–191.
262. Столяров В.И. (2010е). Инновационные проекты и программы повышения воспитательной роли детско-юношеского спорта: отечественный и зарубежный опыт // Спортивно-патриотическое воспитание и адаптивная физкультура для детей и подростков: Сб. статей и докладов. Методич. материалы. – М.: ООО «СТК». – С. 49–74.
263. Столяров В.И. (2010ж). Культурологические проблемы физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 69–88.
264. Столяров В.И. (2010з). Логико-методологические проблемы введения, оценки и унификации понятий в процессе научного познания физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 40–50.
265. Столяров В.И. (2010и). Методологические проблемы дифференциации и интеграции наук о физической культуре и спорте // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 67–74.
266. Столяров В.И. (2010к). Олимпийский идеал личности: содержание, значение и пути реализации в современных условиях // Сборник докладов первого международного спортивного Форума «Россия – спортивная держава!» (Москва, 29 июля–2 авг. 2010 г.). – М. – С. 280–282.
267. Столяров В.И. (2010л). О спортивной культуре юных спортсменов // Детский тренер. – №3. – С. 4–16.
268. Столяров В.И. (2010м). Проблема взаимоотношения спорта и политики // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 29–45.
269. Столяров В.И. (2010н). Проблема единства логического и исторического в процессе научного исследования физической культуры и спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 50–67.
270. Столяров В.И. (2010о). Проблема социального смысла и значения детского спорта // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 6–29.
271. Столяров В.И. (2010п). Проекты и программы повышения социокультурного значения детско-юношеского спорта // Дети России образованны и здоровы: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конф., г. Санкт-Петербург, 25–26 февраля 2010 г. – М. – С. 163–166.
272. Столяров В.И. (2010р). Спартианская гуманистическая система оздоровления, рекреации и целостного развития личности // Актуальные проблемы фундаментальных и гуманитарных наук. Приложение к «Вестнику Российской Академии Естественных Наук». – №6. – С. 40–53.
273. Столяров В.И. (2010с). Спартианская система воспитания и организации досуга детей и молодежи: 20-летний опыт реализации // Спортивно-патриотическое воспитание и адаптивная физкультура для детей и подростков: Сб. статей и докладов. Методические материалы. – М.: ООО «СТК». – С. 75–98.
274. Столяров В.И. (2010т). Спорт и культура мира // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 85–88.
275. Столяров В.И. (2010у). Теория спортивной культуры личности // XIV Міжнародний науковий конгрес «Олімпійський спорт і спорт для всіх» (5–8 жовтня 2010, Київ, Україна). – Київ. – С. 30.
276. Столяров В.И. (2010ф). Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV.: Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – 76 с.
277. Столяров В.И. (2010х). Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV.: Введение в философию физической культуры и спорта (продолжение). – М.: Физическая культура. – 88 с.
278. Столяров В.И. (2010ц). Философская концепция олимпийского движения // Философия науки: методические материалы для аспирантов. – Ч. IV (продолжение): Введение в философию физической культуры и спорта. – М.: Физическая культура. – С. 45–68.
279. Столяров В.И. (2011а). Еще раз о концепции олимпийского образования (приглашение к дискуссии) // Олимпийский бюллетень. – № 12. – С. 330–341.

280. Столяров В.И. (2011б). Инновационные подходы к организации спортивной деятельности в процессе модернизации физического воспитания школьников // Материалы 2-й научно-практической конференции «Инновационные технологии в физическом воспитании подрастающего поколения (февраль 2011 года). – М.: МГПУ. – С. 23–30.
281. Столяров В.И. (2011в). Проблема интеграции спорта и искусства // Вестник Российского философского общества. – №1(57). – С. 139–143.
282. Столяров В.И. (2011г). Спартианский универсализм: аксиология культуры, образа жизни и развития личности (Физическая культура и спорт в системе ценностей спартианской концепции универсализма) // Физическая культура и спорт в свете истории и философии науки: учебное пособие/под ред. А.А. Передельского. – М.: изд-во «Физическая культура». – С. 391–429.
283. Столяров В.И. (2011д). Спорт, устойчивое развитие и культура мира // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 22–67.
284. Столяров В.И., Аксенов Г.М. (2000). Олимпийская педагогика как наука и учебная дисциплина // Гуманистическая теория и практика спорта. Выпуск третий: Сб. ст. – Москва–Сургут: Гуманитарный центр «СпАрт» РГАФК, МГИУ, 2000. – С. 159–168.
285. Столяров В.И., Аллакаева Л.М. (2001). Спартианская модель школьного спорта: Методическое пособие. – Уфа. – 80 с.
286. Столяров В.И., Аллакаева Л.М. (2002). Комплексная программа воспитания здорового образа жизни в системе школьного образования: Методич. пособие / Башкирский ин-т развития образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – Уфа. – 59 с.
287. Столяров В.И., Аллакаева Л.М., Измайлова Е.Н., Шарипова С.М. (2003). Комплексная программа воспитания культуры здорового образа жизни школьников Кировского района г. Уфы. – Уфа: Гуманитарный Центр «СпАрт», Муниципальное образование г. Уфы. – 115 с.
288. Столяров В.И., Бакашвили В.Г., Сегал Ю.П. (1988). Философско-социологическое обоснование путей формирования здорового образа жизни и физической культуры детей // Информационные материалы ФО СССР. – № 5. – М. – С. 32–40.
289. Столяров В.И., Бальсевич В.К., Моченов В.П., Лубышева Л.И. (2009). Модернизация физического воспитания в общеобразовательной школе /под общ. ред. докт. филос. наук, проф. В.И. Столярова. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры». – 320 с.
290. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (1997а). Место принципов «Фэйр Плэй» в концепции олимпизма и системе олимпийского образования // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сб./Сост. и ред. В.В.Кузин, В.И.Столяров, Н.Н.Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 254–278.
291. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009а). Понятие и формы спортивной культуры личности // Вестник спортивной науки. – № 6. – С. 17–21.
292. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009б). Спортивная культура личности: Учебное пособие для студентов. – М.: Издательство «Университетская книга». – 128 с.
293. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2009в). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. – М.: Анкил. – 216 с.
294. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2010а). Концепция и реалии альтернативного спорта // XIV Міжнародний науковий конгрес «Олімпійський спорт і спорт для всіх» (5–8 жовтня 2010, Київ, Україна). – Київ. – С. 31.
295. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2010б). Опыт разработки и реализации альтернативных моделей спорта // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма. Научные труды XIII Междунар. научно-практической конф. (п. Новомихайловский, 27 сент.–4 окт. 2010 г.). Том 1. – Ростов-на-Дону. – С. 191–196.
296. Столяров В.И., Баринев С.Ю. (2011). Теоретические основы спортивной культуры студентов: Монография. 2-е изд. перераб. и дополн.– М.: Издательство «Университетская книга». – 234 с.
297. Столяров В.И., Баринев С.Ю., Варюшина М.В. (2007). Проблема формирования культуры мира в процессе спортивного воспитания детей и молодежи // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сб.– М.: Физическая культура. – С. 233–290.
298. Столяров В.И., Баринев С.Ю., Орешкин М.М. (2009). Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений: Учебное пособие. – М.: «Анкил». – 256 с.
299. Столяров В.И., Басин А.Е. (1989). Спорт и эстетическое воспитание // Пути и средства эстетического воспитания. – М.: Наука. – С. 163–179.
300. Столяров В.И., Быховская И.М., Лубышева Л.И. (1998). Концепция физической культуры и физкультурного воспитания (инновационный подход) // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 11-15.

301. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2007). Модели организации образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях, интегрирующих учебную деятельность и дополнительное образование: Методические рекомендации. – М.: Среднее профессиональное образование. – 271 с.
302. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2009а). Инновационный проект организации массовых спортивных соревнований школьников // Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма. Научные труды XII Междунар. научно-практической конференции (п. Новомихайловский, 2009 г.). Том 1. – Ростов-на-Дону. – С. 139–143 и т. 2. – С. 168–173.
303. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2009б). Комплексный анализ массовых спортивных соревнований школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 16–17 апреля 2009 г.). – М. – С. 40–47.
304. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2009в). Концепция инновационной системы массовых спортивных соревнований школьников // Дети России образованны и здоровы: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 16–17 апреля 2009 г.). – М. – С. 164–168.
305. Столяров В.И., Вишневский В.И. (2011). Детский спорт: проблема гуманизации // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения (Sport Science. Encyclopedia of life support systems)/Редактор В.И. Столяров. – М.: Издательство ЮНЕСКО, Издательство EOLSS, Издательский Дом МАГИСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 492–516.
306. Столяров В.И., Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И. (1989). Состояние и факторы развития физической культуры и здорового образа жизни школьников (методология и методика социологического исследования). – Новосибирск–Красноярск. – 117 с.
307. Столяров В.И., Гендин А.М., Майер Р.А., Сергеев М.И., Фалалеев А.Н. (1985). Физическая культура в жизни детей дошкольного возраста (методология и методика исследования). Ч. I. – М.: ИСИ. – 60 с.; ч. II – 113 с.; ч. III – 162 с.
308. Столяров В.И., Губарева Т.И., Лубышев Е.А. (1998). Спартианская программа социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. восьмой. Гуманистически ориентированные формы физкультурно–спортивной работы с инвалидами: Сб. ст. – М: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 11–129.
309. Столяров В.И., Ипатов Д.И. (1996). Проблема гуманизации современного спорта и пути ее решения // Ценности спорта и пути его гуманизации (Духовность. Спорт. Культура. Выпуск второй): Сборник/Сост. и редактор В.И.Столяров. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 49–180.
310. Столяров В.И., Козырева О.В. (1997). «Спартианская» программа целостного гуманистического воздействия на личность дошкольника // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. (Духовность. Спорт. Культура. Выпуск пятый, часть II): Сборник. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия. – С. 80–105.
311. Столяров В.И., Козырева О.В. (2002). Гуманистический подход к спортивному воспитанию и спортивной культуре: общая концепция и ее применение к дошкольникам // Гуманистика соревнования. Вып. второй: Сб. – М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С.3–226.
312. Столяров В.И., Королев Р.И. (2009). Идеальный образ олимпийца как культурный образец педагогической системы воспитания // Олимпийский бюллетень. – № 10. – С. 43–53.
313. Столяров В.И., Кудрявцева Н.В. (1998). Физкультурно-спортивная работа с населением на пороге XXI столетия: проблемы и пути их решения // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 9: Сб. ст. М.: Гуманитарный Центр “СпАрт” РГАФК. – С. 94–216.
314. Столяров В.И., Кузин В.В., Чесноков Н.Н. (1998). Теоретический и практический вклад Академии в решение проблемы повышения культурной, духовно–нравственной ценности современного спорта // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. девятый. Обобщающий анализ проблемы (итоги и перспективы): Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 6–93.
315. Столяров В.И., Курило С.И. (2003). Международный спорт // Глобалистика: Энциклопедия. – М.: ОАО Издательство «Радуга». – С. 575–576.
316. Столяров В.И., Лазарев П.В., Самусенкова В.И. (1996). Спорт, эстетическая культура и искусство // От идей Кубертена к модели спорта XXI века (Духовность. Спорт. Культура. Вып. 1). Сб. – Москва–Смоленск: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, СОА. – С. 84–102.
317. Столяров В.И., Логинов И.А. Баринов С.Ю. (2003). Спартианская технология оздоровления, воспитания и организации досуга студенческой молодежи // Гуманистика соревнования. Выпуск 6. Спорт и СПАРТ в системе оздоровления, воспитания и организации досуга студентов: Сб. ст. – М.: Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК. – С. 5–151.
318. Столяров В.И., Сухинин В.П., Логунов В.И. (2011). Олимпийский урок «Час здоровья». Общая концепция олимпийского образования школьников. Учебно-методическое пособие / под общ. ред. докт. филос. наук, проф. В.И. Столярова. – М.: УЦ Перспектива, 2011. – 236 с.

319. Столяров В.И., Максимов А.С. (2008). Олимпийское образование и воспитание спортсменов высокого класса // Теория и практика физ. культуры. – № 5. – С. 53–56.
320. Столяров В.И., Максимов А.С. (2011). Олимпийское образование спортсменов высокого класса в системе олимпийского образования «СОЧИ–2014» // Олимпийский бюллетень. – № 12. – С. 371–380.
321. Столяров В.И., Мильштейн О.А. (1984). Программа курса «Философские и социальные проблемы физической культуры и спорта» для студентов. – М.: ГЦОЛИФК, 1984.
322. Столяров В.И., Неверкович С.Д. (2011). Претенциозная, но неудачная попытка переосмысления базовых основ теории физической культуры (критические заметки) // Теория и практика физ. культуры. – № 1. С. 32–36.
323. Столяров В.И., Петлеваний Г.Ф. (1997). «Спартианская» программа олимпийского воспитания, образования и обучения // Олимпийское образование в школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений физической культуры. – Смоленск. – С. 57–138.
324. Столяров В.И., Попов Г.В. (2004). Педагогические условия реализации гуманистического подхода к физкультурно-спортивной работе с младшими школьниками: Методич. пос. – Шадринск: Изд-во Шадринского педагогического института. – 47 с.
325. Столяров В.И., Попов Г.И. (2008). Глоссарий инновационной образовательной и научно-исследовательской деятельности. – М.: Физическая культура. – 68 с.
326. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2005). Миротворческая роль спорта и олимпийского движения: идеал и реальность // Гуманистика соревнования. Вып. 3. Взаимоотношение спорта и политики с позиций гуманизма: Сб. ст. – М.: Центр развития спартианской культуры, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГУФК, Проблемный Совет РАО по физической культуре и спорту, Фонд спорта и культуры мира. – С. 164–256.
327. Столяров В.И., Сагалаков Д.А. (2007). Роль спорта и спартианской модели игрового соперничества в формировании и развитии культуры мира // Спорт. Спартианское движение. Культура мира: сборник // Библиотека Спартианского Гуманистического Центра. – М.: Физическая культура. – С. 20–221.
328. Столяров В.И., Самусенкова В.И. (1996). Современный спорт как феномен культуры и пути его интеграции с искусством (теория, методологические подходы, программы) // Духовность. Спорт. Культура. Вып. 3: Сб. ст. – М.: РАО, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 49–178.
329. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1982). Эстетические проблемы спорта: учеб. пособие для студентов ИФК и слушателей ВШТ. – М. – 67 с.
330. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1984б). Комментарии // Лоу Б. Красота спорта/ Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Стоярова. – М.: Радуга. – С. 242–255.
331. Столяров В.И., Сараф М.Я. (1984в). Послесловие // Лоу Б. Красота спорта/ Пер. с англ. Под общ. ред. проф. В.И. Стоярова. – М.: Радуга. – С. 216–241.
332. Столяров В.И., Скоробогатов А.Б., Молчанов С.В. (1989). Формирование здорового образа жизни учащихся профессионально-технических училищ. – Москва–Минск. – 74 с.
333. Столяров В.И., Стопникова Е.В. (2008). Программы и проекты Спартианских игр, клубов, школ, игротек, оздоровительных лагерей (1991–2008): Методическое пособие (серия «Библиотека Спартианского Гуманистического Центра»). Вып. третий). – М. Часть 1 – 174 с.; Часть 2 – 163 с.
334. Столяров В.И., Стопникова Е.В. (2009). Социокультурные основания фитнес-движения // Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28–29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. – М.: Параллели. – С. 45–46.
335. Столяров В.И., Фирсин С.А. (2011). Спартианские игры в гуманистической системе воспитания и организации досуга студентов: Пособие для педагогов и организаторов досуга студенческой молодежи. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука». – 176 с.
336. Стопникова Е.В. (1992). Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород. – 23 с.
337. Твой олимпийский учебник. Рекомендован Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для учреждений образования России /В.С. Родиченко и др. – М.: Сов. спорт, Физкультура и спорт, 1996. – 136 с.
338. Тернавский А.В. (2008). Педагогические условия реализации гуманистической направленности подготовки хоккеистов в спорте высших достижений: Автореф. ... канд. пед. наук. – М. – 25 с.
339. Тернавский А.В., Столяров В.И. (2008). Теоретическая концепция гуманистической направленности тренера в работе со спортсменами высокого класса // Олимпийский бюллетень № 9. – М.: Физическая культура и спорт. – С. 64–73.
340. Тернавский А.В., Столяров В.И. (2009). Возможность и педагогические условия реализации гуманистической направленности деятельности тренера в спорте высших достижений //

Сборник трудов молодых ученых и студентов РГУФКСиТ: Материалы научной конференции молодых ученых и студентов РГУФКСиТ (3-5 апреля, 25-27 апреля 2007 г.). – М.: Светотон. – С. 142–146.

341. Физическата култура и социалистическият начин на живот: Методически материали. – София, 1982. – 136 с.

342. Физическая культура и спорт в жизнедеятельности дошкольников и учащейся молодежи // Межвуз. сб. научн. трудов. – Красноярск: КГПИ, 1987. – 160 с.

343. Физическая культура и спорт как элементы образа жизни и культуры детей в условиях социализма: Тез. докладов. Всес. научн. конф., 22-25 июня 1987 г, п. Шушенское. – Красноярск, 1987. – 139 с.

344. Философско-социологические исследования физической культуры и спорта (ежегодник). Выпуск первый. Спорт. Культура. Воспитание. – М.: Сов. спорт, 1988. – 228 с.

345. Фирсин С.А. (2008). Спартианские игры как средство формирования устойчивого интереса школьников к занятиям физической культурой: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Саратов. – 22 с.

346. Хлопков А.В. (2003). Социально-педагогические аспекты концепции взаимоотношения спорта и политики: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М. – 23 с.

347. Черевач И.В. (1998). Олимпийское движение и педагогическая деятельность тренера: Автореф. дис... канд. пед. наук. – М. – 24 с.

348. Sport a valtozo vilagbau (Спорт и образ жизни)/Сб. – Budapest, 1985.

349. Stolyarov V.I. (1971). Historische Methode und ihre Funktionen in der gegenwärtigen Wissenschaft // Abstracts. IV International Congress for Logic, Methodology and Philosophy of Science. – Bucharest – P. 121.

350. Stolyarov V.I. (1975). The system approach to physical education methodology // The eighteenth International Congress of the Intern. Council of Health. Physical education and Recreation. – Rotterdam, August 18–22, 1975. – Rotterdam. – P. 407–409.

351. Stolyarov V.I. (1976c). Sports, free time and mode of life // Review of sport and leisure. – v. 1. – P. 157–166.

352. Stolyarov V.I. (1976d). The historical method in the sociology of sport // International Review of Sport Sociology. – v. 3. – P. 103–112.

353. Stolyarov V.I. (1977c). On a humanistic value of sport // International review of sport sociology. – v. 3. – P. 75–85.

354. Stolyarov V.I. (1977d). Urgent issues of the development and scientific research on mass sports // VII-th International seminar «Sport and leisure». – Warsaw. – P. 58–75.

355. Stolyarov V. (1978c). Sport activity and sport-humanistic upbringing of the youth (philosophical and sociological aspects) // Philosophy, theology and history of sport and of physical activity: The International Congress of Physical Activity Sciences, book 8. – Quebec: Symposia Specialists. – P. 87–97.

356. Stolyarov V.I. (1978d). Sport, volný čas a rodina // Theorie a praxe tělesné výchovy. – ročník 26, N 3. – S. 138–142.

357. Stolyarov V.I. (1978e). The humanistic value of sport // Philosophy, theology and history of sport and of physical activity. The International Congress of Physical Activity Sciences, book 8. Quebec, Symposia Specialists. – P. 87–97.

358. Stolyarov V.I. (1979b). Methodologische Probleme der Erforschung der Körperkultur und des Sports als Elemente der Lebensweise // Theorie und Praxis der Körperkultur. – Hft. 10. – S. 818–825.

359. Stolyarov V.I. (1980a). Die Erforschung des Sports als sozialen Phänomenes // Gesellschaftswissenschaften. N 2. – S. 59–67.

360. Stolyarov V.I. (1980b). Sport and way of life (methodological aspects) // The USSR: sport and way of life. «Social sciences today». Editorial Board USSR Academy of Sciences. – М. – P. 55–69.

361. Stolyarov V.I. (1980c). Teoretyczne i metodologiczne problemy badan kultury fizycznej jako elementu sposobu zycia // Kultura fizyczna. – N11–12. – P. 2–3.

362. Stolyarov V.I. (1980d). The methodology of research into sport as a social phenomenon // Social sciences. – v. XI, N 2. – P. 39–47.

363. Stolyarov V.I. (1983a). Aktuelle Probleme der Sportphilosophie und Sportsoziologie // Theorie und Praxis der Körperkultur. – Heft 5. – S. 352–358.

364. Stolyarov V.I. (1983b). The social essence of the Olympic spirit // Bulletin Bulgarian Olympic Committee. – N 183. – P. 65–72.

365. Stolyarov V.I. (1984a). Social essence and value of the Olympic idea // Dialectics and Humanism. – N1. – P. 33–43.

366. Stolyarov V.I. (1984 b). The Aesthetic Value of Sport // Contribution of sociology to the study of sport. – Jyväskylä: University of Jyväskylä. – P. 83–99.

367. Stolyarov V.I. (1984d). The role of international sporting ties in strengthening peace and understanding between nations // Sport and International Understanding. Proceedings of the Congress held

- in Helsinki, Finland, July 7–10, 1982. Berlin, Heidelberg, New York, Tokyo. – Springer-Verlag. – P. 38–47.
368. Stolyarov V.I. (1985a). A sport mint az ifjúság esztetikai kultúrájának egyik tényezője // Sport a változó világban. – Budapest. – P. 105–119.
369. Stolyarov V.I. (1985b). Sport as an element of developing an aesthetic culture among the youth // Review. Sport science periodical. International Council of Sport Science and Physical Education. – P. 36–41.
370. Stolyarov V.I. (1985c). Telesna kultura a socialisticky zpusob zivota // Sociologicky casopis. – c. 3. – P. 239–250.
371. Stolyarov V.I. (1985d). The social nature and values of Olympism // International Olympic Academy twenty-second session, 11<sup>th</sup>–25<sup>th</sup> July 1982. – IOC, Lausanne. – P. 216–221.
372. Stolyarov V.I. (1986b). Kultura fizyczna i socjalistyczny sposob zycia // Spoleczne wartosci kultury fizycznej. Miedzynarodowa konferencja naukowa. Warszawa, 15–17 maj, 1984. – Warszawa. – P. 89–102.
373. Stolyarov V.I. (1986c). Wokol problemu teorii kultury fizycznej // Sport wyczynowy, rok XXIV. N 10. – P. 43–47.
374. Stolyarov V.I. (1987). Logico-methodological principles of notion unification in modern science // Abstracts. VIII International congress of logic, methodology and philosophy of science. Moscow, USSR, 17–22 august, 1987. – Moscow. – P. 27–29.
375. Stolyarov V.I. (1988). Sport-humanistic Movement in Modern World // Abstracts. New Horizons of human movement. 1988 Seoul Olympic scientific congress, September 9–15. – Dankook University, B.II. – P. 80.
376. Stolyarov V.I. (1989a). Paradoxes, contradictions and values of the modern sport (social and philosophical analysis). Paper presented at the Jyväskylä Congress: "Movement and sport – a challenge for life-long learning", June 17–22, 1989. Jyväskylä, Finland.
377. Stolyarov V.I. (1989b). Sport activity and sport-humanistic upbringing of the youth (philosophical and sociological aspects) // Abstracts. Jyväskylä congress: Movement and sport – a challenge for life-long learning. June 17–22, 1989. Jyväskylä, Finland. – Jyväskylä: The Press of the University. – P. 117.
378. Stolyarov V.I. (1990a). Attitude paradox of the population to the "sport for all" and ways of its solution // Reports of the National scientific and practical Conference "Physical culture and healthy life style". – Moscow. – P. 92–105.
379. Stolyarov V. (1990b). Problemy teorii kultury fizycznej. Analiza metodologiczna // Filozofia kultury fizycznej. Koncepcje i problemy, b. I. – Warszawa. – P. 302–308.
380. Stolyarov V.I. (1990c). Sport-humanistic Movement in the Modern World: State and Perspectives // Sociological Abstracts. XII-th World Congress of Sociology. 9–13 July 1990, Madrid. – Madrid. – P. 127.
381. Stolyarov V.I. (1990e). Sport for all as a reflection of humanism: the paper presented at the World Congress on Sport for All, held in Tampere, Finland, on 3–7 June 1990. – 27 p.
382. Stolyarov V.I. (1991b). The humanistic value of modern sport and how to increase it // ICSS Seminar "Sport: Social chance and social process", Tallinn, 28 to 29 June 1991. – Tallinn, 1991. – P. 20–21.
383. Stolyarov V.I. (1991c). The International Project "SpArt" – a programme of rising the spiritual and cultural potential of modern sport, based on closer connection of sport and art // USSR Scientific Conference on Olympic Sports Problems according to the program of the Second IOC World Congress on Sport Sciences, Chelyabinsk, 23–26.05.91. – Moscow: Sovetsky sport. – P. 94–103.
384. Stolyarov V.I. (1991d). The International Project "SpArt" – a program of increasing spiritual–and–cultural potential of modern sport on the basis of strengthening its connection with art // Second IOC World Congress on Sport Sciences, Barcelona, 26 to 31 October 1991. – Barcelona. – P. 341–342.
385. Stolyarov V. (1993). The "SpArt" Olympic Project the program of realization and further development in present-day conditions the Coubertin' ideas about personality of an Olympian, unity sport and art: Paper presented at the 1<sup>st</sup> Joint International Session for Educators and Responsibles of Higher Institutes of Physical Education, International Olympic Academy, 24–31 July 1993. – Olympia. – 30 p.
386. Stolyarov V.I. (1994). The Spartan games – a new model of a "sport for all": Paper presented at the XIII-th World Congress of Sociology, Bielefeld. – 26 p.
387. Stolyarov V. (1995a). Project «SpArt» // Final report ESC working group «Integration into Society Through Sports». XII European Sports Conference, Vienna – Budapest, September 25 – 29, 1995. – Oslo. – P. 13.
388. Stolyarov V. (1996b). The new program of humanization of sport (main ideas and first results of realization). Paper presented at the International Pre-Olympic Scientific Congress, 10–14 July, 1996, Dallas, Texas, USA. – 7 p.

389. Stolyarov V. (1997c). The Spartian Program of Humanization of Youth Sport (main ideas and the first results of realization): Paper presented at the Third International Symposium «Sport of the young», October 7–10, 1997, Bled, Slovenia. – 15 p.
390. Stolyarov Vladislav (1997d). The world political evolution and its consequences for the Olympic movement. Can the Olympic movement influence political changes through Olympic education? // IOA. Report of the 35–th Session, 5th July – 18th July 1995. Ancient Olympia. – International Olympic Committee. – P. 76–89.
391. Stolyarov V. (1998d). Topical problems of theory and practice in Olympic education of children and youth // Sport science, Vilnius. – N. 4. – P. 8–13.
392. Stolyarov V. (1998f). Unclassical Theory of Sports and the Experience of its Practical Realization in Russia as the Factor of Integration // Sport in the process of European Integration. Int. Symposium. – Warsaw, 9–12 December. – P. 72–75.
393. Stolyarov V. (1999a). The System of Olympic education and its Role in the Modern Society's Process of Humanization // Proceedings of the 3rd International Scientific Congress "Modern Olympic Sport". – Warszawa: Wydawnictwa Naukowe PWN. – s. 391.
394. Stolyarov V. (2002b). Humanization of competition as a new scientific theory // Education. Physical training. Sport. – N. 1. – P. 58–64.
395. Stolyarov V.I. (2004b). Competição humanística – uma nova teoria científica e seu papel no desenvolvimento do esporte para todos (sport for all) [Гуманистика соревнования как новая научная теория и ее роль в развитии «спорта для всех»] // Fórum Internacional de Qualidade de Vida e Saúde, 21–24 de Abril de 2004, Brasil. Revista Científica JOPEF. – vol. 1, n. 1. – P. 7–8.
396. Stolyarov, Vladislav (2005). Humane content of competition as a new scientific theory // Sport, Culture and Society. In Honour of Prof. Zbigniew Krawczyk / Ed. by J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 357–362.
397. Stolyarov. Vladislav (2006). Humane content of competition as a new scientific theory // Sport, culture, społeczeństwo / Red. J. Kosiewicz. – Warsaw. – P. 515–522.
398. Stolyarov V.I. (2009). Modernisation of contemporary university sports // FISU Conference 25th Universiade "The role of University sports in education and society – a platform for change" (Belgrade, July 2nd–5th, 2009). Book of Abstracts. – Faculty of sport and physical education University of Belgrade, Serbia. – P. 62–71.
399. Stolyarov V.I., Merhautova J., Joachimsthaler F. (1987). Theoretical and methodological problems concerning studies of the position of physical culture and sport in the life style of the young generation // Physical culture and sports in the way of life of the young generation. ICSS Symposium. Prague, August 27–30, 1985. – Prague. – S. 11–27.
400. Stolyarov V. (Russia), Skirstad B. (Norway), Sulzbacher M. (Austria), Frey P. (Netherlands) etc. (1995). Final report ESC working group «Integration into Society Through Sports». XII European Sports Conference, Vienna – Budapest, September 25–29, 1995. – Oslo. – 26 p.
401. Telesna kultura ve způsobu života dětí předškolního věku/red. Merhautova J., Joachimsthaler F., CSSR, Sergejev M.I., Stolyarov V.I., SSSR. – Praha.



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аакен Э. фон (*Aaken E. van*) – 211, 215, 300, 324  
Аарон Х. – 515  
Абеляр П. – 50  
Абзалов Р.А. – 113, 165, 622, 633, 636, 660  
Абрамовский Э. (*Abramowski E.*) – 33  
Абсалямов Т.М. – 316, 317, 352, 509, 510, 511  
Августин Блаженный – 50, 101  
Авеланж Ж. – 212, 521  
Аверинцев С. – 169, 174, 557  
Авиценна – 50, 585  
Авраменко В.А. – 639  
Агеевец В.У. – 289  
Адам И. (*Adam Y.*) – 239, 507  
Адам К. (*Adam K.*) – 335  
Адашкявичене Э.И. – 458  
Адорно Т. (*Adorno Th. W.*) – 251, 278, 308, 330, 558  
Айтцен Д. (*Eitzen D. Stanley*) – 342, 454, 499  
Айхберг Х. (*Eichberg Henning*) – 183, 387, 388  
Айхлер Г. (*Eichler Gerd*) – 209, 210  
Акпере Х. – 330  
Аксенов Г.М. – 233, 384, 704, 706, 708  
Алабин В.Г. – 127, 445  
Албинсон Дж.Г. (*Albinson J.G.*) – 424  
Алгозин К. (*Algozin Keith*) – 32  
Александров А.П. – 594, 600  
Александров С.Е. – 636  
Александрова Е.А. – 16, 558, 559, 562, 563, 659, 667, 668, 670  
Али М. – 515  
Аллакаева Л.М. – 662, 682, 704, 705, 709  
Аллмер Г. (*Allmer H.*) – 187, 667, 676  
Алпатов М.В. – 590  
Ал-Токи (*Al-Tauqi M.*) – 387, 388  
Альмонд Л. (*Almond L.*) – 343  
Анаков А. – 602  
Анаксагор – 50  
Анаксимандр – 50  
Анаксимен – 50  
Ананьев Ю.В. – 71, 559, 562, 563  
Андервуд Дж. (*Underwood J.*) – 346  
Андреев А.Л. – 216, 219  
Андреев Ю.М. – 113, 633  
Андреева Г.М. – 80, 81, 286  
Андрекс Г. (*Andrecs Hermann*) – 257  
Андрефф В. – 429  
Андрианов К.А. – 530  
Анисимов С.Ф. – 26, 298  
Ансельм Кентерберийский – 50  
Антипова Е. – 343  
Антипова М. – 343  
Антонович М.А. – 12  
Анцыферова Л.И. – 70, 666  
Апанасенко Г.Л. – 340  
Арвисто М.А. – 571, 574, 636, 640  
Аргуэль М. (*Arguel Mireille*) – 211, 215

Аристова Л.В. – 515, 526, 531, 540, 542, 544  
 Аристотель – 10, 39, 44, 50, 65, 99, 101, 130, 134, 171, 176, 234, 329, 557  
 Арканов А. – 594  
 Армстронг Г. (*Armstrong G.*) – 345  
 Арнольд П. (*Arnold Peter J.*) – 47, 187, 211, 213, 215, 218, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471  
 Арнольд Т. (*Arnold Thomas*) – 235, 236, 452  
 Арская Л.П. – 233, 505  
 Арсланов В.Г. – 15  
 Аршуруни А. – 270, 403, 544  
 Асимов М.С. – 162  
 Астафьев В.С. – 687  
 Астахова П. – 220  
 Атанасов Ж. – 296  
 Аубергер А. (*Auberger André*) – 300, 324, 325  
 Афанасьев Ю.Н. – 600  
 Ахвердова О.А. – 662  
 Ашанин В. – 515, 531, 538, 539  
 Аяшев О.А. – 622, 636, 640, 687, 688

**Ба**  
 Бабич Д. – 499, 510, 513  
 Бавин П. – 385  
 Багиров Б.Б. – 597  
 Багнетова Е.А. – 662  
 Базунов Б. – 382  
 Байе-Латур Анри де – 495  
 Байссер А. (*Beisser A.*) – 328  
 Бака М.М. – 666  
 Бакашвили В.Г. – 640, 682, 709  
 Бакер Р. – 484  
 Бакшева Т.В. – 665  
 Балахничев В.В. – 540, 544  
 Балашов Л. – 72  
 Балке С. (*Bahlke Steffen*) – 343  
 Балтон А. (*Balton A.*) – 675  
 Бальсевич В.К. – 316, 445, 455, 463, 473, 540, 544, 568, 571, 579, 617, 622, 633, 636, 637, 640, 662, 666, 705, 709  
 Балякина А.В. – 305, 458  
 Бандура А. – 305  
 Баннистер Р. (*Bannister R.*) – 280, 431  
 Банчулеску В. (*Banciulescu Victor*) – 429  
 Баринов С.Ю. – 300, 325, 337, 340, 419, 428, 555, 568, 571, 578, 579, 583, 588, 605, 640, 641, 674, 704, 705, 706, 708, 709  
 Баринова И.В. – 343, 384, 428, 583, 704, 708  
 Барлас В. – 279  
 Барретт Н. – 207  
 Барт Р. – 83  
 Барышева Н.В. – 636  
 Басин А.Е. – 25, 211, 213, 215, 223, 320, 423, 706  
 Батенин С.С. – 70, 619, 659, 666  
 Батулис О. – 640  
 Бауманн Г. (*Baumann H.*) – 446  
 Бауманн Р. (*Baumann Rainer*) – 534  
 Баумгартен Ф. – 234, 729  
 Бауэр В.Г. – 342, 445, 459  
 Бахтин М.М. – 171, 176, 666, 673  
 Бащина О.Н. – 662

Башкирова М.М. – 399, 531, 538, 637  
 Баюров В.И. – 704, 708  
 Беарзот Э. – 212  
 Беднарек Й. (*Bednarek Joachim*) – 667, 675, 678, 680, 683  
 Безмодин Л.Н. – 219  
 Бейлин В.Р. – 638  
 Бейлина А.А. – 638  
 Бек Д. (*Beck Jerzy*) – 324  
 Бекарев А.М. – 71  
 Беккенбауэр – 349  
 Беккер П. (*Becker P.*) – 345  
 Беккерс Э. (*Beckers Edgar*) – 674, 676, 677, 678, 683, 684  
 Белл Дж. У. (*Bell J.W.*) – 211  
 Белла Р. – 248  
 Беллиотти Р. А. (*Belliotti Raymond A.*) – 32, 47  
 Белорусова В.В. – 298, 424, 425, 452  
 Бельский И.В. – 165, 687  
 Беляев И.Д. – 622  
 Бёме Дж.О. (*Böhme J.O.*) – 351, 531, 538  
 Бензенрты К. – 387, 388  
 Бениш Х. (*Benisz Henryk*) – 83, 674  
 Беннет Б.Л. (*Bennett Bruce L.*) – 421  
 Бенгам И. – 50, 101  
 Беранова В. (*Beranová Věra*) – 667, 668  
 Берг – 567  
 Берг Дж. Г. (*Berg J.H.*) – 667  
 Бергер П.Л. (*Berger Peter L.*) – 199  
 Бергсон А. – 50, 82, 101  
 Бердус М.Г. – 638  
 Бердяев Н.А. – 68, 69, 75, 82, 673  
 Бережков Л.Ф. – 636  
 Берг – 239  
 Бёрк Р.Дж. (*Burke Richard J.*) – 32  
 Беркли Дж. – 50  
 Берлиу М. – 406  
 Бернард М. (*Bernard Michel*) – 620, 667, 668  
 Бернд К. (*Bernd C.*) – 638  
 Бернштейн Н.А. – 289, 320  
 Берри Э. (*Berry Elmer*) – 102, 104  
 Бест Д. (*Best David*) – 33, 47, 104, 211, 213, 218, 223  
 Бестужев-Лада И.В. – 386  
 Бетте К-Х. (*Bette Karl-Heinrich*) – 667  
 Библер В.С. – 562  
 Биерманн К.Ф. (*Biermann K.F.*) – 638  
 Билинский Б. (*Bilinski Bronislaw*) – 70, 169, 170, 174, 234, 452  
 Бимиш Р. (*Beamish Rob*) – 278  
 Бимон Боб – 488  
 Биндер Д. (*Binder Deanna*) – 401, 402  
 Блинов Н.М. – 483  
 Блохин О. – 515  
 Блэйр П.П. (*Blair P.P.*) – 446  
 Блэнчард К. (*Blanchard Kendall*) – 99  
 Блюм Р. – 459  
 Богданова Л.В. – 704, 709  
 Боген М.М. – 193, 194, 617, 622  
 Бодрийар Ж. – 83  
 Божович Л.И. – 584

Бойко А.Ф. – 637, 640  
 Бойко В.С. – 666  
 Бойксадеос М. (*Boixadeós M.*) – 343  
 Бойл Р.Х. (*Boyle R.H.*) – 268  
 Бойченко С.Д. – 165, 687  
 Бок В. (*Bok Vladimir*) – 291  
 Бокковен Дж. (*Bockoven Jerry*) – 402  
 Бократ Ф. (*Bockrath Franz*) – 343  
 Боксборуф Г. (*Boxborough Henry*) – 508  
 Боксилл Дж. (*Boxill Jan M.*) – 33  
 Боланаки А.К. (*Bolanaki Angelo C.*) – 389  
 Болдов А.С. – 640, 647, 682, 704, 709  
 Болдырева В.А. – 343, 708  
 Болл Д. (*Ball D.*) – 510  
 Болтон Э. (*Balton A.*) – 675  
 Большев А.С. – 638  
 Бомберг М. – 345  
 Бомон Ж. де – 481, 500, 501  
 Бона И. (*Bona Imke*) – 446  
 Бондаревский Е.Я. – 639  
 Бор Н. – 35  
 Боргерс В. (*Borgers Walter*) – 673, 674, 676  
 Боргман А. – 45  
 Бордуков М.И. – 682  
 Борев Ю. – 216, 219  
 Борзаковский Ю. – 455  
 Борзенко И.М. – 68, 75  
 Борзов В. – 22, 515  
 Борилкевич В.Е. – 137, 617, 675  
 Борисов В. – 544  
 Бородин А.П. – 601  
 Боромянский Э.И. – 130  
 Боротра Ж. – 391  
 Ботвинник М.М. – 212  
 Боудэн К.Л. (*Bowden Cynthia L.*) – 498  
 Боуэн У.П. (*Bowen Wilbur P.*) – 99  
 Брааш П. – 535  
 Брайанта К. (*Bryant Kobe*) – 394  
 Брайтбиш Ч.К. (*Brightbill Charles K.*) – 101  
 Брайтнер П. – 533  
 Браун В.М. (*Brown W.M.*) – 47  
 Браун Дж. С. (*Brown George S.*) – 296, 515  
 Браун У. – 515  
 Браутигам М. (*Brautigam M.*) – 446  
 Браянт П. – 515  
 Бредемайер Б.Дж. (*Bredemeier Brenda Jo*) – 343, 345, 402, 420  
 Брейн Л. – 458  
 Брендедж Э. (*Brundage Avery*) – 235, 236, 252, 253, 383, 493, 494, 496, 498, 514, 516, 521, 730  
 Бреттшнайдер В.Д. (*Brettschneider W.D.*) – 446  
 Бржозовский С. (*Brzozowski S.*) – 33  
 Бриджмен П.У. (*Bridgmen P.W.*) – 131  
 Бриль М.С. – 445  
 Бриссон Ж.Ф. (*Brisson Jean-François*) – 391, 429  
 Бриттэйн И. (*Brittain Ian*) – 395, 396  
 Бройер К. (*Breuer Christoph*) – 571  
 Бром Ж.М. (*Brohm Jean-Marie*) – 87, 109, 249, 480, 524, 531, 538, 667

Бронский М.В. – 16, 560, 562  
 Брукс В.П. (*Brookes Villiam Penny*) – 269  
 Брукс Х. – 330  
 Брумель В. – 602  
 Брундтланд Г.Х. – 76  
 Бруне Ф. (*Brunet François*) – 300, 324, 325  
 Брунер Дж. – 70  
 Бруно Дж. – 50  
 Брушлинский А.Б. – 70, 666  
 Брэйк М. (*Brake M.*) – 564  
 Брэйстед П. (*Braisted P.*) – 68, 74  
 Брэнд С. – 456  
 Брюс А.Л. – 71  
 Брякин С.В. – 181, 187, 571  
 Бубер М. – 82, 101  
 Бугреев А.Н. – 102, 342, 383  
 Бугров Н.Н. – 332, 513  
 Будда – 50, 585  
 Буйтендейк Ф.Я.Я. (*Buytendijk F.J.J.*) – 268, 324  
 Булатович – 289  
 Булгакова Н.Ж. – 445  
 Булонь Ив. П. – 233  
 Булонье П. (*Boulongne Pierre*) – 232, 406  
 Буракова М.В. – 620, 667  
 Бурк Т. – 509  
 Бурхардт Я. (*Burchardt Jacob*) – 173  
 Бурцева М.Е. – 638  
 Бутрос-Бутрос Гали – 321  
 Бутченко Л.А. – 127  
 Буэ М. (*Bouet M.*) – 83, 302, 571, 573  
 Буэн Ж. – 331  
 Быховская И.М. – 16, 24, 69, 86, 89, 102, 234, 385, 531, 538, 558, 559, 562, 563, 619, 620, 621, 622, 659, 662, 666, 667, 668, 670, 674, 683, 685, 686, 688, 706, 707  
 Бэйл Дж. (*Bale J.*) – 387, 388  
 Бэйли К. (*Bailey C.*) – 468, 469  
 Бэкон Ф. – 10, 50, 101, 292

**Вагнер П.** (*Wagner Petra*) – 640  
 Вайер В. – 488, 490  
 Вайс К. (*Weis K.*) – 248, 345, 346  
 Вайс М.Р. (*Weiss Maureen R.*) – 343, 402, 446  
 Вайс О. (*Weiss Otmar*) – 83, 102, 429, 667, 683  
 Вайс П. (*Weiss Paul*) – 31, 83, 101, 102, 103, 104, 317, 330, 335, 469, 573  
 Вайт Дж.Р. (*White J.P.*) – 466  
 Валеева Р.А. – 235  
 Валигора Е. (*Waligora J.*) – 36  
 Вальднер У. – 322  
 Вальенте Л. (*Valiente Lourdes*) – 343  
 Ванат С. (*Wanat Stanislaw*) – 346, 662  
 Ванге В. (*Wange W.*) – 480  
 Вандер В.Л. (*Vander Velden L.*) – 343  
 Вандерцвааг Г.Дж. (*Vanderzwaag Harold J.*) – 102, 104  
 Варис Т. (*Varis T.*) – 492  
 Варюшина М.В. – 300, 337, 340, 704, 706, 709  
 Васильева Н.Б. – 269, 270, 279, 682  
 Васин В. – 270, 544  
 Ватсон Г.Г. (*Watson G.G.*) – 446

Вахтер Франс де (*Wachter Frans de*) – 31, 78, 270, 329, 329, 330, 337, 420, 659, 667, 675, 683  
 Ващекин Н.П. – 76  
 Вебер А.Б. – 76  
 Вебер М. – 99, 199, 247, 482  
 Веблен Е. (*Veblen Th.*) – 251, 278  
 Вебстер Р.У. (*Webster Randolph W.*) – 104  
 Вевер В. (*Wewer W.*) – 436  
 Веланская Е.А. – 687  
 Вентцель Е.С. (Грекова И.) – 599  
 Венц П.С. (*Wenz Peter S.*) – 32  
 Вербова З. – 220, 638  
 Вербовская Е.В. – 638  
 Верона Донна де – 515  
 Верофф Дж. (*Veroff J.*) – 172  
 Верц С.К. (*Wertz Spencer K.*) – 33, 211  
 Веряскина В.П. – 70  
 Вехмэн П. (*Wehman P.*) – 396  
 Виалар П. (*Vialar Paul*) – 232, 236, 237, 242, 252, 506  
 Визитей Н.Н. – 24, 25, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 102, 110, 156, 164, 170, 171, 172, 181, 182, 187, 188, 189, 207, 210, 294, 295, 296, 299, 301, 320, 421, 622, 635, 667, 684  
 Викелас Д. – 240  
 Виктория (*Victoria*) – 202  
 Виленский М.Я. – 20, 133, 571, 572, 636, 640  
 Вилсон Г. – 78  
 Вим Д.Х. (*Wim De Heer*) – 418  
 Виндельбанд В. – 11, 14  
 Винник В.А. – 343, 344, 425, 574  
 Виннэй Г. (*Vinnai G.*) – 211, 278, 499  
 Виноградов Г.П. – 638, 640  
 Виноградов П.А. – 270, 324, 381, 401, 429, 519, 520, 523, 525, 528, 540, 543, 544, 571, 636, 637, 638, 639, 640, 647  
 Винокур М.Б. (*Vinocour M.B.*) – 480  
 Висков М. (*Wiskow M.*) – 638  
 Виггенштейн Л. – 50, 81, 99, 134  
 Витт Г. (*Witt Günter*) – 25, 102, 211, 213, 223, 291, 292, 294, 319, 534  
 Вишманн Б. (*Wischmann B.*) – 289, 315, 330  
 Вишневецкий В.И. – 343, 447, 555, 682, 704, 705, 709  
 Вишневецкий Ю.Р. – 597  
 Владимиров А.А. – 482, 483, 484, 532, 533  
 Власов Ю.П. – 214, 317, 318, 515, 602  
 Воланский Е. (*Wolanski J.*) – 35  
 Волков А. – 330  
 Волков В.М. – 445  
 Волков Ю.Г. – 68, 71, 585  
 Волошин С. (*Wołoszyn Stefan*) – 380  
 Воль А. (*Wohl A.*) – 33, 36, 102, 186, 189, 207, 210, 300, 301, 325, 330, 352, 418, 514, 571, 619, 622, 630, 631, 632, 633, 636, 686, 687  
 Вольтер – 248, 532  
 Вольф М. (*Wolff Marion*) – 83, 293, 302, 573  
 Вольф Х. (*Wolff Ch.*) – 10, 35  
 Вольфганг М. (*Wolfgang M.*) – 564  
 Воннебергер Г. – 571  
 Ворд П.М. (*Ward P.M.*) – 211, 213  
 Ворнинг К. (*Warning K.*) – 330, 351, 508  
 Ворнок М. (*Warnock M.*) – 471  
 Воронин А.А. – 190  
 Вуд Дж. (*Wood J.*) – 489

Вуолле П. (*Vuolle Pauli*) – 491, 538, 640  
 Вучева В.В. – 622, 682, 704, 707, 709  
 Выготский Л.С. – 146, 154, 208, 562  
 Выдрин В.М. – 23, 127, 133, 164, 186, 189, 289, 622, 636, 685, 687  
 Вэддингтон Дж. (*Waddington I.*) – 345  
 Вэймэн Э. (*Wayman Agnes*) – 101, 104  
 Вэнс С. – 493  
 Вюльбек В. – 509  
 Вюрцберг Г. (*Würzburg G.*) – 675, 678  
 Вяйринен Р. (*Väyrynen R.*) – 330, 351, 352, 508  
  
 Габбар К. (*Gabbard Carl*) – 617, 675  
 Габлер Х. (*Gabler H.*) – 343, 345  
 Гавердовский Ю.К. – 220  
 Гаврон С.Дж. (*Gavron S.J.*) – 324  
 Гагаева Г.М. – 294, 319  
 Гагин Ю.А. – 88, 793,  
 Гадамер Х.Г. – 65, 81, 208, 332  
 Гадоу Дж. (*Gadow J.*) – 351, 531, 538  
 Гайков А.В. – 108, 674, 675  
 Гайрингер Э. (*Geiringer E.*) – 458  
 Галилей Г. – 601  
 Галлье У.В. (*Gallie W.B.*) – 128  
 Галтунг Дж. (*Galtung J.*) – 387, 590  
 Ганюшкин А.Д. – 305  
 Гарднер Р. (*Gardner R.*) – 37, 47  
 Гарпушкин В.Е. – 71, 590, 600  
 Гарринча – 292  
 Гартман Н. (*Hartmann N.*) – 10  
 Гатри Ш.Р. (*Guthrie Sharon R.*) – 324  
 Гаттмэн А. (*Guttman A.*) – 7, 197, 198, 199, 278, 329, 501, 509, 512, 546, 667, 683  
 Гаульхофер – 620  
 Гебауэр Г. (*Gebauer G.*) – 336, 461, 462, 573  
 Гебхардт В.В. (*Gebhardt Wilhelm Walter*) – 673  
 Гегель Г.В.Ф. – 10, 12, 15, 35, 50, 65, 101, 108, 151, 181, 318, 684, 685  
 Гейзенберг В. – 35  
 Гейнер Д. (*Gayner Donald*) – 295  
 Гейрингер Э. (*Geiringer E.*) – 316, 458  
 Гексли А. (*Huxley A.*) – 431  
 Гелен А. (*Gehlen A.*) – 44  
 Гельвеций К.А. – 35  
 Гельперин Ю.М. – 247, 248, 506, 509  
 Гемпель К. – 81  
 Гендин А.М. – 127, 622, 682, 706, 707  
 Генин Л.В. – 597  
 Георгиадис К. (*Georgiadis Kostas*) – 232, 236  
 Геракл – 730  
 Гераклит – 50  
 Герасимова И.Г. – 709  
 Гербарт И.Ф. – 50  
 Гербер Э. (*Gerber E.*) – 667  
 Герберт Г. – 457  
 Гердер И.Г. – 44  
 Геркулес – 730  
 Германов Г.Н. – 530  
 Гессен С. (*Hessen S.*) – 33, 35  
 Гёте И.В. – 10, 151, 601

Гибинк М.П. (*Giebink M.P.*) – 420  
 Гивишвили Г.В. – 68, 72  
 Гизелер К. (*Gieseler Karlheinz*) – 489  
 Гилевич З. (*Gilewicz Z.*) – 27  
 Гиссен Л. – 318  
 Гитлер – 507, 509  
 Гиттер В. (*Gitter W.*) – 429  
 Гладков В.Н. – 340, 341  
 Глакмэн М. (*Gluckman M.*) – 329  
 Глассфорд Г. (*Glassford G.*) – 182  
 Глоде В. (*Gloede Walter*) – 354, 480  
 Глотов Н.К. – 687  
 Гоббс Т. – 35, 50, 72, 181  
 Гобер Б.Э. (*Gober Billy E.*) – 617, 675  
 Гоголь – 594, 602  
 Голашевска М. (*Golaszewska M.*) – 35  
 Голейзовский К.Я. – 211, 212  
 Головных Г.Я. – 178, 181, 207, 622, 636  
 Голубев А.Д. – 659, 664  
 Гольбах П.А. – 35  
 Гомельский А.Я. – 330  
 Гомер – 169  
 Гонсалвес К.А. (*Goncalves Carlos Alberto*) – 343  
 Гончаров В.Д. – 127, 133, 519, 520, 525, 528, 622, 636, 687  
 Горбунов А. – 349  
 Гориневский В.В. – 25, 318, 659  
 Горский Д.П. – 130, 131, 132, 134, 135, 136  
 Гостев А.Г. – 474  
 Гостев Р.Г. – 523, 540, 544  
 Готсдинер А.Л. – 598, 600  
 Гоулд Д. (*Gould Daniel*) – 446  
 Гоулднер А.У. (*Gouldner A.W.*) – 173  
 Гоффар С. (*Goffard S.*) – 354, 391  
 Гоффман Э. (*Goffman E.*) – 200  
 Грегг Дж.Р. (*Gregg J.R.*) – 104  
 Грефцер – 348  
 Гречин А.С. – 482  
 Грибоедов А.С. – 601  
 Григлевич А. (*Gryglewicz A.*) – 36  
 Григорьянц А.Э. – 190, 193, 540  
 Григорьянц И.А. – 341  
 Грин Дж. (*Green Georfrey*) – 213  
 Грин Т.Х. (*Green T.H.*) – 50  
 Гринберг П. Дж. (*Greenberg P.J.*) – 173  
 Гринфельд О.М. – 268  
 Гришин В.Г. – 207  
 Гройсман А. – 637  
 Гролл Г. (*Groll H.*) – 446  
 Грубба А. – 322  
 Групе О. (*Grupe Ommo*) – 23, 69, 83, 102, 379, 380, 446, 458, 460, 461, 462, 555, 556, 568  
 Груссар С. (*Groussard S.*) – 514  
 Грушин Б.А. – 67, 147  
 Губарева Т.И. – 300, 324, 394, 396, 399, 434, 447, 530, 704, 706, 707, 709  
 Губин В. – 15, 71  
 Гуде У. (*Goode W.J.*) – 200, 201  
 Гуджер Дж. (*Goodger John*) – 186  
 Гудмен Н. – 81



Гудхарт П. (*Goodhart P.*) – 354, 498  
 Гуликк Л.Х. (*Gulick Luther Halsey*) – 101  
 Гуллит Р. – 533, 534  
 Гулыга А.В. – 146  
 Гумбольдт В. – 151  
 Гуно А. (*Gounot Andre*) – 480  
 Гуревич П.С. – 15, 71, 72, 560, 562  
 Гуревич С.С. – 666  
 Гурьянова М.П. – 455  
 Гуссерль Э. – 50, 81, 82  
 Гуськов С.И. – 270, 330, 380, 382, 383, 429, 437, 452, 480, 481, 515, 521, 522, 523, 524, 527, 528, 531, 538, 538, 540, 544, 546, 637  
 Гуськов С.С. – 531, 543, 596,  
 Гутин А.Т. – 343, 384, 428, 704, 708  
 Гуцаленко Л.А. – 71, 587  
 Гэлли У.Б. (*Gallie W.B.*) – 128, 187  
 Гэрретт Р. (*Garrett Ronald*) – 108, 330  
 Гюльденфенниг С. (*Güldenpfennig Sven*) – 102, 109, 279, 302, 304, 308, 325, 331, 333, 351, 352, 354, 355, 356, 357, 404, 419, 422, 424, 436, 480, 481, 488, 489, 490, 514, 517, 518, 531, 538, 545, 546, 556  
  
 Давидович В.Е. – 559, 684  
 Д'Агостино Ф. (*D'Agostino F.*) – 31, 46  
 Д'Аламбер Ж.Л. – 601  
 Даль В. – 215, 483  
 Данилов–Данильян В.И. – 76  
 Данилов Р.С. – 102, 170  
 Данкан М.С. (*Duncan M.C.*) – 47, 324  
 Данлоп Ф. (*Dunlop F.*) – 468  
 Даннинг Э. (*Dunning Eric*) – 192, 193, 328, 345, 386, 557  
 Дарвин Ч. – 11  
 Дармодехин С.В. – 543  
 Даугс Р. – 446  
 Дауме В. (*Daume Willi*) – 241, 296, 352, 391, 488  
 Дахин А.В. – 16, 559, 562, 563, 590  
 Де-Ври Р. (*DeVries R.*) – 453  
 Дегтярева Е.И. – 637  
 Декарт Р. – 10, 35, 50, 99, 131, 151, 601  
 Де-Кноп П. (*De-Knop Paul*) – 446  
 Делатре Э. (*Delattre Edwin J.*) – 32, 47, 469  
 Делез Ж. – 83  
 Демель М. (*Demel M.*) – 33, 668  
 Демидов А. – 347  
 Демин В.А. – 127, 193, 194  
 Деминский А.Ц. – 622, 636  
 Демокрит – 50, 69, 134  
 Денкер Р. (*Denker R.*) – 329, 345  
 ДеПау К.П. (*DePauw K.P.*) – 324, 396  
 Дерваль Ю. – 348  
 Деркач А.А. – 420, 543  
 Деррида Ж. – 83  
 ДеСенси Дж.Т. (*DeSensi Joy T.*) – 101  
 Дефрантц А. (*Defrantz A.*) – 377  
 Дехтярев Ю. – 341  
 Джемс У. – 50, 82, 289  
 Джентиле Дж. – 101  
 Джилберт Д. – 481

Джирасик И. (*Jirásek Ivo*) – 667  
 Джонс Дж.Э. (*Jones J.A.*) – 324  
 Джонс К. (*Jones Carwyn*) – 300, 324  
 Джонс Мэрион – 341  
 Джонс Р.У. (*Jones R.W.*) – 419, 423, 437  
 Джонсон Б. – 508  
 Джонсон У. – 488, 508  
 Джордан Г. (*Jordan H.*) – 33, 35  
 Джуилианотти Р. (*Guilianotti Richard*) – 345, 385  
 Джумаев А.Д. – 622, 638  
 Диарден Р.Ф. (*Dearden R.F.*) – 465, 466, 469  
 Дивина Г.В. – 520, 525  
 Дидон Г. – 241, 242  
 Диксон Н. (*Dixon N.*) – 47  
 Дильтей В. – 35, 81, 82  
 Дим К. (*Diem Carl*) – 232, 354, 492  
 Диоген Лаэртий – 65  
 Дитрих К. (*Dietrich Knut*) – 457  
 Дмитриев В.С. – 324, 638  
 Дмитриев С.В. – 88, 635  
 Довер Р. (*Dover Robert*) – 268  
 Дойзер Э. – 340  
 Дойтш К.В. (*Deutsch K.W.*) – 330, 351  
 Долгополов Н. (*Dolgoplov Nickolai*) – 429  
 Дон Ф.Б. – 637, 675  
 Доннели П. (*Donnelly Peter*) – 193  
 Донской Д.Д. – 88, 793,  
 Д'Обиньи Т.А. (*D'Aubigné Théodore Agrippa*) – 460  
 Досовский В. – 597  
 Доспехов А. – 342  
 Доци Т. – 201  
 Драгунов Л. – 488  
 Дремова Г.В. – 704, 709  
 Дробницкий О.Г. – 26  
 Дроздов Н.И. – 682  
 Дрюон М. (*Druon M.*) – 170, 557  
 Дубин Б.В. – 683  
 Дубинин Н.П. – 70, 666  
 Дубровский Д.И. – 85, 147  
 Дуглас М. (*Douglas M.*) – 620, 621, 667  
 Дуда Дж. (*Duda Joan*) – 346  
 Дудкина О.А. – 220  
 Дунс Скот – 40  
 Дупона М. (*Doupona Mojca*) – 457, 458, 460  
 Душанин А.П. – 540, 544, 636  
 Дынникова Л.А. – 531, 538, 637  
 Дьюберке Г. (*Dubberke Harald*) – 387  
 Дьюи Дж. (*Dewey John*) – 75, 82, 101  
 Дьюранте К. (*Duránte Conrado*) – 232, 235, 250, 302, 573  
 Дьюре П. (*Duret Pascal*) – 83, 293, 302, 573  
 Дьюри Ж. (*Durry Jean*) – 232, 233, 242, 243, 245, 249  
 Дэвис Л.Дж. (*Davis L.J.*) – 395  
 Дэвис Э.К. (*Davis E.Craig*) – 101, 104  
 Дэм Г. (*Damm H.*) – 99  
 Дюперрон Г. – 622  
 Дюрер А. – 601

Евсеев С.П. – 300, 324, 325, 394, 396, 399, 638  
Евстафьев Б.В. – 127, 133, 186, 688  
Егоров А.Г. – 21, 27, 102, 248, 257, 270, 336, 343, 350, 474, 539, 574  
Енс В. – 488  
Енц Ф. (*Enz F.*) – 524  
Ереги́на С.В. – 161  
Ернберг С. – 316  
Ермак Н.Р. – 188, 193, 194, 406  
Ефременков К. – 343

Жан-Мишель А. – 322  
Жаров Л.В. – 102, 620, 621, 659, 667, 674  
Жарова Л.Б. – 531, 538, 637  
Жбиковский Я. – 638, 704, 706  
Жданов Ю.А. – 559, 684  
Жё Б. (*Jeu Bernard*) – 102, 212, 294, 330, 345, 557, 571  
Железняк Ю.Д. – 127, 445  
Жемильски А. – 557  
Жириновский В. – 330  
Жмуда-Зиолек Л. (*Żmuda-Ziólek Ligia*) – 620, 667, 683  
Жолдак В.И. – 210, 324, 343, 425, 519, 520, 525, 528, 571, 636, 638  
Жолифф Ж. ле – 524  
Жуков Е.М. – 147  
Жуковска С. (*Żukowska Zofia*) – 343, 572  
Журавлева И. – 639, 644, 645, 648, 649, 662, 683

Зависло М. (*Zawislo M.*) – 35  
Зайцев А.И. – 169, 174  
Зан Т. (*Zahn T.*) – 446  
Зандл И. – 400  
Запорожанов В.А. – 666  
Заруский М. (*Zaruski M.*) – 33  
Захаров М.А. – 27, 343, 384  
Зациорский В.М. – 127  
Звегинцев – 11  
Зейфарт Х. (*Seifart Seifart*) – 380  
Зеленов Л.А. – 71, 164, 216, 218, 482, 483, 484, 532, 533, 559, 560, 562, 563, 585, 587, 588, 598, 600  
Зенгерле Д. – 380  
Зенон Элейский – 50  
Зиглер Д. – 286  
Зикмунд А.А. – 531  
Зиммель Г. – 99, 304  
Синовьев А.А. – 63, 64, 65, 66, 67, 129, 130, 135, 622, 623  
Зинченко П.П. – 685  
Зифф П. (*Ziff P.*) – 46, 127  
Змажлик Е. – 531, 538  
Знаменская Е.Г. – 345  
Знанецкий Ф. (*Znaniński F.*) – 33, 35, 99, 668  
Зотов А.П. – 201  
Зотов А.Ф. – 103, 637  
Зуев В. – 457  
Зуозиене И.Ю. – 640  
Зухора К. (*Zuchora Krzysztof*) – 33, 211, 235  
Зыков Б.К. – 622  
Зюганов Г.А. – 330

**Ибн Сина** – 601  
**Ибрагимов М.М.** – 20, 29, 83, 85, 190  
**Ибрахим Х. (*Ibrahim X.*)** – 190  
**Иванов Г.М.** – 147  
**Иванов О.И.** – 161  
**Ивин А.А.** – 130, 132  
**Иво К. (*Jwo C.*)** – 446  
**Игель Х.** – 446  
**Иглесиас Х.** – 602  
**Игнатъев А.С.** – 622, 687  
**Игнатъев В.Е.** – 622  
**Игнатъева Ж.А.** – 665  
**Идальго М.** – 349  
**Измайлова Е.Н.** – 662  
**Ильенков Э.В.** – 71, 216, 585, 587, 598, 600  
**Ильинский И.М.** – 455, 599, 600  
**Инглиш Дж. (*English Jane*)** – 32, 47  
**Ингхэм А.** – 302, 345  
**Ингхэм Р. (*Ingham Roger*)** – 427  
**Иоанн Павел II** – 33  
**Иоахимсталер Ф. (*Ioachimsthaler F.*)** – 127, 636, 659, 682, 707  
**Ипатов Д.И.** – 343, 384, 447, 704, 707, 708  
**Ирихойен Х.Ф.П.** – 406  
**Исаев А.А.** – 270, 381, 382, 401, 420, 481, 480, 483, 485, 510, 517, 523, 524, 525, 527, 528, 529, 530, 531, 538, 539, 540, 542, 543, 544  
**Исмаилов А.И.** – 207, 210  
**Исо-Ахола (*Iso-Ahola Seppo*)** – 299  
**Истягина-Елисеева Е.А.** – 674  
  
**Йенсен Дж. (*Jensen J.*)** – 351, 531, 538  
**Йокль Э. (*Jokl Ernst*)** – 214  
  
**Каган М.С.** – 216, 217, 560, 562, 588, 684, 685, 687  
**Кадетова А.В.** – 639  
**Кадом А.Д.** – 682, 704, 706  
**Казначеев В.П.** – 268  
**Кайлла М. (*Caillat M.*)** – 249  
**Кайлле А. (*Caille Alain*)** – 254  
**Кайтмазова Е.Н.** – 524  
**Кайуа Р. (*Caillois Roger*)** – 31, 174, 190, 194, 207, 209, 306, 468  
**Калин С. (*Culin S.*)** – 99  
**Картис Дж. (*Curtis James*)** – 571  
**Калинкин Л.А.** – 638  
**Камаев О.** – 539  
**Камий К. (*Kamii C.*)** – 453  
**Камински Г. (*Kaminski G.*)** – 446  
**Кампанелла Т.** – 50  
**Камю А.** – 50, 82  
**Кант И.** – 10, 35, 50, 69, 101, 151, 153, 236, 288, 462  
**Канюк Р. (*Kaniuk R.*)** – 429  
**Капдевила Л. (*Capdevila Lluís*)** – 343  
**Каплиан Э.Я.** – 638  
**Капустин П.** – 456  
**Карвацкий А. (*Karwacki A.*)** – 343, 571  
**Каргин Н.Н.** – 127, 453, 455, 462  
**Кардялис К.** – 343, 640

Карелин А. – 515  
 Карлос Д. – 513  
 Кармикаэль Д.Л. (*Carmichael D. Larry*) – 396  
 Карнап Р. – 11, 81, 134  
 Карпов С.Д. – 216  
 Карпович В.Н. – 137  
 Каррар Ф. – 497  
 Карсаевская Г.В. – 666  
 Картер Дж. – 515  
 Кас Д. (*Kass D.*) – 494, 509  
 Кассирер Э. – 35, 44  
 Кастелнуово Ш. (*Castelnuovo Shirley*) – 324  
 Кастро Ф. – 388  
 Като С. (*Kato S.*) – 621, 667  
 Хахигал Х.М. – 233, 247, 260, 391  
 Кветной М.С. – 71, 585  
 Кеда Е. – 71, 585, 588, 598, 600  
 Кедров Б.М. – 161  
 Кейвенаф Р.П. – 498, 531, 538  
 Келлер – 44  
 Келли Дж. – 286  
 Кёнен К. – 490, 524, 531, 538  
 Кензи Г. (*Kenzie G.*) – 457, 458  
 Кеннеди-Шрайвер Ю. – 325  
 Кеньон Дж. (*Kenyon Gerald*) – 100, 180, 181, 186, 189, 202, 207, 208, 209, 329, 498, 507, 510, 514, 515, 533, 555, 563, 571, 640  
 Кербер Н. – 202, 530, 538  
 Кергер Г. (*Kerger H.*) – 666  
 Кертис М. – 345, 574  
 Кертман Л.Е. – 558  
 Кеттинг Х. О. – 322  
 Кёх А. – 330, 331, 481, 507, 545, 546  
 Кивисто К. (*Kivisto K.*) – 436  
 Кидане Ф. (*Kidane Fékrou*) – 321, 375, 389, 488, 493, 499  
 Киинэн Ф.У. (*Keenan Francis W.*) – 211, 212, 214, 215  
 Килланин М.М. – 383, 489, 497, 498, 500, 501, 521, 546  
 Киль А.Н. – 544  
 Ким В.В. – 342, 381, 459, 544  
 Кинг Р. (*King R.*) – 47  
 Кинкадзе Ю.В. – 639, 648, 682, 704, 706  
 Кирш А. (*Kirsh A.*) – 429  
 Кис Дж. (*Kis J.*) – 640  
 Киселев Р.М. – 192, 480, 509, 511, 515, 538  
 Киселева Е.В. – 108  
 Кислухина И.И. – 637  
 Китинг Дж. У. (*Keating James W.*) – 32, 41, 47, 196  
 Киященко Н.И. – 70, 216  
 Клакхон К. (*Kluckhohn C.*) – 558  
 Кларк С.Дж. (*Clark S.J.*) – 174, 179, 180,  
 Клее Х. – 535  
 Клеобул – 72  
 Клисак К. (*Klisak K.*) – 35  
 Кляйбер Д. (*Kleiber D.*) – 420  
 Кляйн М. (*Klein Michael*) – 456, 675, 677  
 Кляйнман С. (*Kleinman Seymour*) – 667  
 Кнабе Г.С. – 147  
 Кнауст М. (*Knaust M.*) – 345

Кноп П. де. – 531, 538  
 Кобб Р.А. (*Cobb Robert A.*) – 105  
 Ковалева Т.В. – 597  
 Коваленко Ю.А. – 341  
 Ковальчик С. (*Kowalczyk Stanislaw*) – 34, 35  
 Кович М. (*Kovich Maureen*) – 211, 212, 215, 296  
 Коган Л.Н. – 484, 588, 684  
 Коган О.С. – 340  
 Коген М. (*Cohen M.*) – 533  
 Коджаспиров Ю.Г. – 339  
 Козина Г.Ю. – 597, 644, 647  
 Козлова В.С. – 175, 182, 202, 299, 320, 345  
 Козловский А.А. – 378, 382, 383, 507  
 Козырева О.В. – 428, 447, 568, 704, 705, 707, 708, 709  
 Кокман М. (*Cockman Michael*) – 343, 446  
 Колесов Д.В. – 664  
 Колехмайен Х. – 331  
 Коллис М.З. (*Collis M.Z.*) – 640  
 Коллис Р. (*Collis R.*) – 446  
 Колнес Л. Дж. (*Kolnes L.J.*) – 667, 683  
 Коломиец В.И. – 219  
 Колорис К. (*Koulouris Kimon*) – 345  
 Колычев В.А. – 639  
 Комуку Г. (*Komuku H.*) – 446  
 Кон И.С. – 286, 620, 667, 673, 674  
 Кондаков Н.И. – 90, 132, 133  
 Конеева Е.В. – 687  
 Коннер Б. – 376  
 Коннолли Х. (*Connolly Harold*) – 395, 396, 601  
 Конрад Н.И. – 70  
 Конт О. – 81  
 Конте Виктор – 422  
 Конфуций – 50, 72  
 Копп Б. (*Kopp B.*) – 295  
 Корбюзье Ш.Э. – 292, 318  
 Корднер К. (*Cordner C.*) – 47  
 Коренберг В.Б. – 86, 220, 664  
 Кормазева И.Б. – 68, 709  
 Корниенко Н.А. – 597  
 Королев И.В. – 704, 706  
 Королев Р.И. – 70, 201, 258, 260, 384, 583, 704, 706  
 Королева С.А. – 343, 704, 705, 707  
 Коротаева Н.В. – 636  
 Коротков В.И. – 481, 492  
 Корх А.Я. – 420  
 Коршунов А.М. – 147  
 Косевич Е. (*Kosiewicz Jerzy*) – 23, 33, 34, 35, 36, 83, 102, 103, 105, 137, 620, 622, 659, 667, 674  
 Коселл Х. (*Cosell Howard*) – 345  
 Космина И.П. – 127  
 Косыгин Ю.А. – 138  
 Косяк В.А. – 24, 102, 104, 428, 620, 664, 667, 674  
 Котарбиньский Т. – 26, 364  
 Котомина А.А. – 384, 583, 706  
 Коукли Дж. (*Coakley Jay J.*) – 278, 345, 417, 420, 571  
 Коутс Дж. – 400  
 Коуэлл Ч.К. (*Cowell Charles C.*) – 101, 104

Кофман Л.Б. – 452  
 Кох М. – 673  
 Коэльо П. – 710  
 Кравченко И. – 201  
 Кравчик З. (*Krawczyk Zbigniew*) – 23, 24, 33, 34, 35, 36, 65, 69, 72, 83, 86, 102, 103, 104, 161, 164, 202, 210, 211, 213, 249, 278, 279, 302, 303, 335, 336, 555, 557, 572, 573, 620, 621, 622, 639, 640, 646, 648, 659, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 674, 682, 683, 686, 688, 704  
 Краева О.Л. – 71  
 Краевский В.В. – 288  
 Крапивенский С.Э. – 15, 559  
 Крапъец М.А. (*Krapiec M.A.*) – 35  
 Красин А.Н. – 585  
 Красненков А. – 341  
 Красников А.А. – 181, 187, 188  
 Крёбер А. (*Kroeber A.L.*) – 558  
 Крегель В. (*Kregel Wilhelm*) – 531  
 Кретти Б.Дж. – 305  
 Кретчмар Р.С. (*Kretchmar R. Scott*) – 9, 23, 32, 46, 50, 102, 104, 105, 127, 177, 189, 225  
 Кривцун О.А. – 216  
 Крикеберг У. (*Krickeberg W.*) – 99  
 Крикос И. – 383  
 Крисостомос А.С. (*Chrysostomos A. Sofianos*) – 256  
 Кроков К. Г. (*Krockow Christian Graf von*) – 104, 191, 334, 335, 480, 481, 488, 507, 510, 571  
 Кролл У. (*Kroll W.*) – 343  
 Крон А. – 22  
 Кроти М.Л. (*Krotee M.L.*) – 446  
 Кроче Б. (*Croce B.*) – 35, 50, 101  
 Круглов А.Н. – 99, 108, 191, 192, 299  
 Кружков Д.А. – 382  
 Круз Дж. (*Cruz Jaume*) – 343  
 Крузе М. – 673  
 Круифф – 349  
 Крум М. – 460, 664  
 Круткин В.П. – 102, 667, 674  
 Крюгер А. (*Krüger A.*) – 302, 480, 495  
 Крючек Е.С. – 637  
 Куайн У. – 81  
 Кубертен П. де (*Coubertin Pierre de*) – 36, 197, 211, 232, 233, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 260, 267, 268, 289, 296, 297, 302, 334, 351, 375, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 387, 389, 390, 391, 397, 401, 402, 403, 404, 406, 431, 437, 457, 493, 494, 495, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 511, 512, 516, 521, 530, 555, 579, 584, 601, 706  
 Кувакин В.А. – 68, 71, 72, 74, 75, 598  
 Кудин В.О. (*Kudin B.O.*) – 295  
 Кудиненко В. – 515, 531, 538, 539  
 Кудишина А.А. – 68, 75  
 Кудренко А.Р. – 534  
 Кудрявцев В.Г. – 539  
 Кудрявцева Ж.В. – 534  
 Кудрявцева Н.В. – 343, 447, 637, 640, 641, 682, 704, 709  
 Кудрявцева Т.В. – 539  
 Кузин В.В. – 405, 523, 540, 543, 544, 584, 705  
 Кузнецов Б. – 318  
 Кузнецов В.В. – 102, 108, 316, 317, 664  
 Кузнецова З.М. – 234  
 Кузнецова Л.В. – 584  
 Кузьменко Г.А. – 21

Кук К. (*Cook C.*) – 446  
 Кулагина И.Е. – 638  
 Кулаков А.М. – 385  
 Куликов Г.И. – 216  
 Куликов Л.М. – 540, 544  
 Кулинкович Е.К. – 382, 383, 524, 531, 539  
 Кун Л. – 379  
 Кун Т. – 63, 83, 162  
 Куницкий Б.Й. (*Kunicki Bogdan J.*) – 622, 640, 641, 674  
 Кунц П.Г. (*Kuntz Paul G.*) – 211, 212  
 Купер Б.Э.Б. (*Cooper Bruce A.B.*) – 343, 402  
 Купфер Дж.Н. (*Kupfer Joseph N.*) – 33, 47  
 Курамшин Ю.Ф. – 102, 108, 685, 687  
 Курило С.И. – 102, 325, 343, 419, 426, 704, 705, 707  
 Курт Ю. (*Court Jürgen*) – 7, 446, 462, 472  
 Куртц П. – 76  
 Курц Д. (*Kurz D.*) – 572  
 Кутепов М.Е. – 572, 637, 640  
 Куторжевский Г.А. – 181  
 Кутырев В.А. – 71, 559, 562, 563  
 Кучевский В.Б. – 187  
 Кучинский Е. (*Kuczynski J.*) – 35, 336  
 Кыласов А.В. – 102, 108, 200, 236, 238, 240, 242, 248, 249, 260, 268, 269, 328, 334, 380, 381, 386, 387, 389, 390, 401, 406, 456, 480, 520, 525, 528, 530, 555, 674  
 Кьеркегор С. – 50  
 Кью Ф.К. (*Kew F.C.*) – 470, 471  
 Кэнин Д. – 511  
 Кэрролл Р. (*Carroll R.*) – 345

Лаберге С. (*Laberge Suzanne*) – 659, 667, 675, 683  
 Лабский В.М. – 682  
 Лавин М. (*Lavin M.*) – 47  
 Лавриненко В.Н. – 482  
 Лазарев М.Л. – 455, 457  
 Лазарев П.В. – 25, 211, 213, 215, 223, 706  
 Лазарев Ф.В. – 71, 136  
 Лазоренко Е.В. – 585  
 Лайнз Дж. (*Lines G.*) – 393  
 Лайтинен А. (*Laitinen A.*) – 325, 331  
 Лакатос И. – 162  
 Лакомова Н. – 639, 644, 645, 648, 683  
 Лалауй Б. (*Lalaoui Belkacem*) – 387  
 Ламарк Ж.Б. – 11  
 Ламетри Ж.О. де – 35  
 Ламмер М. (*Lammer Manfred*) – 328, 329  
 Лампкин А. (*Lumpkin Angela*) – 11, 31, 63  
 Ландри Ф. (*Landry Fernand*) – 212, 213, 232, 243, 252, 260, 345, 352, 387, 388, 401, 428, 498, 508, 511, 638,  
 Лановский Й. (*Lanowski J.*) – 386  
 Лао-цзы – 50  
 Лаплас П.С. – 153  
 Латынина Л. – 212, 220  
 Латыпов М.М. – 342, 381, 459, 544  
 Лаурманова Е. (*Lauermanová E.*) – 490  
 Лаш К. (*Lasch Christopher*) – 32  
 Лебедев А.С. – 102, 555  
 Лебедев Ю.А. – 102, 164, 617, 617, 622, 637, 638, 662, 682



Лебедь Ф. – 209  
 Левада Ю.А. – 208  
 Леванова Е.М. – 511, 523  
 Леви-Строс К. (*Levi-Strauss C.*) – 35, 44, 562  
 Левкипп – 50  
 Левченкова Т.В. – 638, 675  
 Лейбниц Г.В. – 50, 601  
 Лейзеров Н.Л. – 216  
 Лекарска Н. – 232, 345  
 Лекторский В.А. – 73, 74, 75  
 Леммер М. (*Lammer Manfred*) – 328  
 Ленин В.И. – 585  
 Ленк Г. (*Lenk Hans*) – 7, 32, 42, 43, 44, 45, 46, 102, 103, 104, 111, 162, 210, 214, 232, 254, 255, 260, 278, 288, 289, 301, 302, 315, 321, 329, 331, 334, 335, 380, 391, 406, 490, 505, 506, 546, 557, 558, 573, 573, 584, 585, 594, 598, 602, 619  
 Ленкевич Т.Г. – 13  
 Леннон Дж.Х. (*Lennon Joseph X.*) – 345  
 Ленски Е.Д. (*Lenskyj Helen Jefferson*) – 392, 393, 394, 406, 494, 508, 530  
 Леонард У. (*Leonard W.*) – 458  
 Леонардо да Винчи – 601  
 Леонтьев А.Н. – 87, 207, 208, 209  
 Леонтьук А.М. – 102, 555  
 Лепли П.М. (*Lepley Paul M.*) – 105  
 Лерой Т.У. – 404  
 Лесгафт П.Ф. – 25, 457, 462, 672  
 Ли М.Дж. (*Lee Martin J.*) – 343, 446  
 Лиебау Э. (*Liebau Eckart*) – 568, 637, 674, 675  
 Лиман О. (*Leaman Oliver*) – 32, 46, 47  
 Лингис А. (*Lingis Alphonso*) – 31, 669, 675  
 Линен Э. – 533  
 Линней К. – 11  
 Линнеманн Л. (*Linnemann L.*) – 345  
 Линькова Н.А. – 342, 381, 459, 544  
 Липонский В. (*Liponsky W.*) – 211  
 Липсайт Р. – 437  
 Липьец Й. (*Lipiec Józef*) – 27, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 70, 100, 102, 104, 109, 193, 209, 254, 256, 384, 385, 391  
 Лисицкая Т.С. – 220, 617, 637, 638, 675  
 Лисовский В.Т. – 747,  
 Литвиненко С.Н. – 201, 544  
 Лихачев Б.Т. – 235, 587, 597  
 Лобановский В. – 348, 350  
 Лобжанидзе М.М. – 25, 102, 220, 299, 320  
 Логинов В. – 457  
 Логинов И.А. – 709  
 Логунов В.И. – 708  
 Лой Дж.У. (*Loy John W.*) – 100, 173, 174, 175, 179, 180, 181, 186, 189, 200, 202, 207, 208, 209, 302, 329, 498, 507, 510, 514, 515, 533, 555, 563, 571, 640  
 Лойфман И.Я. – 590  
 Локалова Н.Р. – 636, 638  
 Локк Д. – 50, 72, 101, 134, 248  
 Лоланд С. (*Loland S.*) – 27, 249, 340  
 Ломбарди В. – 241, 574  
 Ломоносов М.В. – 601  
 Лоре Г. – 490  
 Лоренц К. – 328  
 Лосев А.Ф. – 70, 75, 234, 296

Лосев К.С. – 76  
Лотман Ю.М. – 208, 209, 224, 590  
Лотоненко А.В. – 622, 640, 687  
Лотц Ф. (*Lotz Franz*) – 232, 240, 246, 505, 582, 583  
Лоу Б. (*Lowe B.*) – 25, 211, 212, 218, 291  
Лоуренс Д. – 638  
Лубышев Е.А. – 434, 704, 709  
Лубышева Л.И. – 279, 455, 473, 568, 571, 579, 622, 630, 636, 639, 640, 666, 685, 687, 705, 706, 707, 709  
Лукэс Дж. (*Lucas John*) – 232  
Лукашенко А. – 510  
Лукин Ю.А. – 216, 218  
Луксбахер Дж. А. (*Luxbacher Joseph A.*) – 345  
Лукьяненко В.П. – 102, 127, 165, 622, 636, 687  
Луманн – 44  
Лун Ф.В. (*Loon F.Van*) – 429  
Лутслон – 326  
Лэнгер (*Langer*) – 44  
Лэндерс Д.М. (*Landers D.M.*) – 172  
Люгарр А. – 192  
Люкевич У.П. – 27, 102  
Люшен Г. (*Lüschen Günther*) – 190, 193, 207, 304, 416, 417, 447, 453, 480, 562, 563, 619, 620  
Ляйпер Дж. М. (*Leiper Jean M.*) – 390, 406  
Ляйст К.Х. (*Leist K.H.*) – 568, 664  
Лях В. – 446

Магвайер Дж. (*Maguire Joseph*) – 637, 667, 675, 683  
Магилл Р. (*Magill Richard*) – 446  
Магин В.А. – 455, 662  
Магнуссен Г. – 673  
Маер М.Л. (*Maehr M.L.*) – 172  
Маецкий З. – 560  
Майер Б. – 673  
Майер К.В. (*Meier Klaus V.*) – 31, 32, 46, 186, 200  
Майер Р.А. – 127, 622, 682, 706, 707  
Майер Х. – 302, 333, 353, 354, 419, 422, 424  
Майнберг Э. (*Meinberg E.*) – 27, 186, 446  
Майор Ф. – 77, 375, 377, 556  
Майорова Л.В. – 384, 583, 706  
МакАлун Дж. (*MacAloon J.*) – 46, 83, 128, 232, 248, 508  
МакБрайд Ф. (*McBride Frank*) – 31, 104  
МакГрегор Э.М. (*McGregor E.M.*) – 429  
МакГуайе М. (*McGuire M.*) – 617, 620, 667  
МакКензи Р.Т. (*McKenzie R. Teit*) – 391  
МакКензи Т.Л. (*McKenzie T.L.*) – 420  
Макинтайр Т.Д. – 531, 672,  
Макинтош П. – 27, 102, 182, 241, 242, 272, 302, 354, 429, 481, 488, 491, 510, 556, 573  
Макклафлин К. – 78  
МакКлой Ч. Г. (*McCloy Charles H.*) – 101, 104  
МакКэн К. (*McCann C.*) – 300, 324, 396  
МакНили С.А. (*McNeely Simon A.*) – 252, 253  
МакНэми М.Дж. (*McNamee M.J.*) – 27, 179  
Маковский Н.А. – 162  
Максименко Г.Н. – 445  
Максимов А.С. – 579, 583, 708  
Максимова М.Н. – 220  
МакФерсон В.Д. (*McPherson Barry D.*) – 100, 180, 181, 186, 189, 202, 207, 208, 209, 329,

498, 507, 510, 514, 516, 533, 555, 563, 571, 640  
 Малиновский Б. (*Malinowski B.*) – 556, 619  
 Малькова З.А. – 543  
 Мальцева Л.П. – 662  
 Мамардашвили М.К. – 13  
 Мамчур Е.А. – 147  
 Манакова Р. (*Maňakovà Radka*) – 667  
 Мандела Н. – 533  
 Манолиу Лиа – 455  
 Маньян Ж. (*Magnane Georges*) – 307, 323, 324, 335, 573  
 Мареев С.Н. – 15, 82, 83  
 Мареева Е.В. – 15  
 Маритен Ж. (*Maritain J.*) – 35, 68, 71  
 Маркарян Э.С. – 161, 684, 687  
 Марков Б.В. – 15, 71  
 Марков К.К. – 420  
 Марков Л.Н. – 342, 569  
 Маркс К. – 44, 50, 65, 71, 151, 154, 156, 157, 158, 190, 233, 296, 318, 322, 427, 584, 585, 594, 600, 601, 617, 618  
 Маркуад (*Marquard*) – 44  
 Маркузе Г. (*Marcuse H.*) – 35, 70, 278  
 Марсель Г.О. – 50, 82, 99, 101  
 Мартенс Р. – 171, 172, 173, 177, 178, 305  
 Мартин Б. – 515  
 Мартиросов Э.Т. – 127  
 Марченко М.Н. – 483  
 Маршан Ж. – 429, 430  
 Масальгин Н.А. – 127  
 Маслаков И.А. – 320  
 Маслоу А.Х. (*Maslow A.H.*) – 286, 287, 288, 584  
 Мастерсон Д.У. (*Masterson D.W.*) – 211, 214  
 Матвеев А.П. – 636  
 Матвеев Л.П. – 90, 133, 137, 161, 164, 165, 193, 195, 196, 271, 272, 316, 445, 616, 617, 622, 630, 631, 632, 633, 636, 659, 672, 686  
 Матвеева Е.Б. – 345  
 Матов В.В. – 638  
 Маттиас Э. (*Matthias Eugen*) – 101  
 Матулявичюс В.Ю. – 216  
 Мацумура К. (*Matsumura K.*) – 446  
 М'Боу Амаду-Махтара – 253  
 Медоуз Д.Г. (*Meadows D.H.*) – 76  
 Медоуз Д.Л. (*Meadows D.L.*) – 76  
 Мей Р. – 286  
 Мейно Дж. (*Meynaud J.*) – 480, 522, 546  
 Мекин Д.К. (*Meakin D.C.*) – 466, 470, 471  
 Мелсен А.Г. (*Melsen A.G.*) – 35  
 Мельникова Н.Ю. – 539  
 Менделеев Д.И. – 601  
 Менднер Д. (*Mendner D.*) – 99  
 Мервик – 11  
 Мергаутова Я. (*Merhautova J.*) – 127, 636, 639, 659, 682, 707  
 Меркуриали И. (*Mercuriale Geronimo*) – 456  
 Мерло-Понти М. – 50, 82, 101  
 Мёрфи П. (*Murphy P.*) – 345  
 Месснер М. (*Messner M.*) – 47  
 Метени Э. (*Metheny Eleanor*) – 88, 101, 102  
 Метценгин Р. (*Metzenthin R.*) – 638

Мзали М. (*Mzali Mohamed*) – 232, 243, 253, 329, 341, 345, 406, 431, 523  
 Мид Дж. Г. – 82  
 Мид М. (*Mead M.*) – 173, 182, 183  
 Мието Ю. – 316  
 Микеланджело Б. – 601  
 Миклер В. (*Mickler Werner*) – 675, 679, 680, 681, 682  
 Милтеев С.В. – 25, 102, 211  
 Мишке Р. (*Mielke Rosemarie*) – 343  
 Миллер Д.М. (*Miller Donna Mae*) – 104, 212, 215  
 Миллер Д. (*Miller David*) – 383, 400, 402  
 Миллер Л. – 638  
 Мишль Д.С. – 50, 81, 101  
 Милюн – 601  
 Мильштейн О.А. – 103, 279, 429  
 Милянич М. – 346, 347, 348  
 Мимбреро Дж. (*Mimbrero J.*) – 343  
 Миронов В.В. – 13  
 Мисуно А.В. – 71  
 Мисьюна Б. (*Misiuna B.*) – 27, 36, 41  
 Миттеран Ф. – 521  
 Мигусова Е.Д. – 523, 540, 544  
 Митчелл М. (*Mitchell Michelle*) – 637, 675  
 Митчелл Р. (*Mitchell Robin*) – 377  
 Митчелл Э.Д. (*Mitchell Elmer D.*) – 99  
 Михайлин В. – 249, 250, 251, 381, 530, 538  
 Михайлов В.В. – 531, 538, 539  
 Михалевский В.И. – 706  
 Михали О. (*Mihály Ottó*) – 585  
 Михалич Дж. К. (*Mihalich J.C.*) – 105  
 Михаэлидис Д. (*Michaelidis Dinos*) – 446  
 Миченер Дж. (*Michener J.*) – 516  
 Мичуда Ю.П. – 531, 539  
 Мишатин Б.А. – 325  
 Млодзиковский Г. – 524  
 Модель О. (*Model O.*) – 571  
 Мозер С. (*Moser S.*) – 207  
 Мозер Т. (*Moser Thomas*) – 675, 679, 680, 681, 682  
 Моисеев Н.Н. – 73, 74, 80, 268, 590, 598  
 Молле Р. – 521  
 Молнье Т. – 391  
 Молчанов С.В. – 133, 279, 299, 429, 622, 640, 646, 647, 682, 706, 709  
 Мошь А. – 558  
 Момов В. – 26, 286  
 Монтагю А. (*Montagu A.*) – 329  
 Монталамбер – 664  
 Монтескье – 248  
 Монгессори М. – 456  
 Морган У.Дж. (*Morgan William J.*) – 20, 31, 32, 46, 47, 83, 99, 101, 102, 127  
 Морель Ф. – 220  
 Моро К. (*Moreau C.*) – 346  
 Морозов Ю. – 348  
 Моррис Д. (*Morris D.*) – 193  
 Моррис Дж. (*Morris J.*) – 395  
 Мортон Д. (*Morton D.*) – 329  
 Морфи П. (*Murphy P.*) – 345  
 Морфорд У.Р. (*Morford W.R.*) – 174, 179, 180, 249  
 Мосс М. (*Mauss M.*) – 693, 620, 667

Мотылянская Р.Е. – 445, 638  
 Моурин Р.В. (*Maureen R. Weiss*) – 402  
 Моченов В.П. – 102, 127, 324, 636, 637, 638, 640, 674, 675, 683, 684, 705, 709  
 Моцарт – 460  
 Мош Я. (*Mosz J.*) – 34, 36  
 Мразек Й. (*Mrazek J.*) – 667, 675, 678, 679, 680, 683  
 Мудрагей В.И. – 162  
 Мунтян М.А. – 76  
 Муньо Д. (*Mugno D.*) – 343  
 Мур Д.Э. – 50, 81  
 Муравьев И.В. – 666  
 Мурхаус Х.Ф. (*Moorhouse H.F.*) – 345, 508  
 Муссолини Б. – 510  
 Мустар Р. (*Moustard Rene*) – 481, 504  
 Мухаметлатыпова Ф.У. – 71  
 Мылик М. (*Mylik Mirosław*) – 83, 84, 102, 104  
 Мэджорс Р. (*Majors R.*) – 393  
 Мэйер Р.А. (*Mayer R.*) – 446  
 Мэйо Р. (*Maheo Rene*) – 217, 218, 297, 298, 557, 573  
 Мэндел Р.К. (*Mandel R.C.*) – 343  
 Мэнсфилд Л. (*Mansfield Louise*) – 637, 667, 675, 683  
 Мюллер Герд – 349  
 Мюллер Н. (*Müller Norbert*) – 232, 233, 249, 260, 378, 530  
 Мягкова С.Н. – 539, 674

**Набатникова М.Я.** – 445  
 Наддаф Р. (*Naddaff R.*) – 667  
 Надирашвили Ш.Ю. – 181  
 Назаренко Л.Д. – 25, 102, 638, 665  
 Найду Б. – 498  
 Найн А.Я. – 473, 474  
 Найт Р. – 498  
 Наталов Г.Г. – 186, 189, 622, 664  
 Натан А. (*Natan Alex*) – 352, 354, 494  
 Науль Р. (*Naul Roland*) – 343, 446  
 Наумова Т.В. – 597  
 Неверкович С.Д. – 90, 102, 108, 127, 156, 161, 685, 707  
 Незвецкий Р.Ф. – 27, 102  
 Нейрат О. – 11  
 Некрасова Е. – 15, 71  
 Неминуций В.П. – 534  
 Непопалов В.Н. – 636  
 Нива Е. – 571  
 Нидерман Э. – 27, 281, 301, 327, 505  
 Никандров Н.Д. – 604, 605  
 Никитин В.Н. – 620, 667  
 Никитин Е.П. – 351  
 Никитушкин В.Г. – 445  
 Никитюк Б.А. – 405, 584, 666  
 Никифоров А.Л. – 131, 132, 136, 137  
 Никифоров Ю.Б. – 83, 457, 674  
 Никишин Д.В. – 102, 247, 354  
 Николаев Ю.М. – 102, 127, 133, 161, 164, 165, 622, 685, 687, 688  
 Николау Л.У. (*Nikolaou Lambis W.*) – 70  
 Никсон Г. (*Nixon H.*) – 343, 344  
 Никсон Дж. Э. – 508, 515, 573  
 Никсон Р. – 326

Ниссиотис Н. (*Nissiotis Nikolaos*) – 21, 102, 104, 211, 212, 232, 243, 257, 258, 329, 346, 401  
 Ницше Ф. – 50, 82, 99, 101, 171, 176, 584  
 Нобис Т. – 515  
 Новак Э. (*Novak Andrew*) – 248, 324, 400  
 Новиков А.Д. – 162, 207  
 Новиков Б.И. – 640, 682  
 Новикова Л.И. – 219  
 Новикова С.С. – 704, 709  
 Нонев Б. – 345  
 Нортон Д. (*Norton D.*) – 533  
 Носов И.А. – 343, 344, 459  
 Нугаев Р.М. – 147  
 Нумминен П. (*Numminen P.*) – 446  
 Нурми П. (*Nurmi Paavo*) – 307  
 Ньютон И. – 241, 601  
 Ньюхаус Г.У. (*Neuhaus H.W.*) – 446

**О**  
 Овчинников А. – 83, 457  
 Огден Д. (*Ogden D.*) – 393  
 Огурцов А.П. – 70  
 Оетингер Ф. (*Oetinger F.*) – 336  
 Ожегов Ю.П. – 483  
 Ойкономакос Г. (*Oikonomakos Grigorios*) – 256  
 Ойлеринг Г. (*Eulering Hannes*) – 489  
 Ойгтинен А. (*Oittinen Anu*) – 340  
 Оккам У. – 50  
 Окуньков Ю.В. – 640  
 Олейник Н. – 515, 531, 538, 539  
 Олин К. (*Olin Kalevi*) – 531  
 Олпорт Г.У. – 286  
 Оль П. – 354  
 Ольхова Т.Г. – 343, 384, 704, 705, 707, 708  
 Ольшанский Т. – 402, 403  
 Омельченко Е.И. – 380  
 О'Нилл Дж. (*O'Neill J.*) – 620, 667  
 Орвелл Г. (*Orwell G.*) – 354, 402  
 Ордоневид Ф. – 322  
 Орелав Ф. (*Orelove F.*) – 396  
 Орешкин М.М. – 300, 325, 343, 419, 704, 705, 706, 709  
 Орлик Т. (*Orlick Terry*) – 458, 638  
 Оробинский М.Д. – 102  
 Опп Р.Э. (*Orr R.E.*) – 396  
 Ортега-и-Гассет Х. (*Ortega y Gasset Jose*) – 23, 32, 555, 556, 557  
 Освальд Д. (*Oswald Denis*) – 321, 325  
 Осмольский В. (*Osmolski W.*) – 33, 35  
 Остерхаудт Р.Г. (*Osterhoudt Robert G.*) – 8, 11, 20, 21, 30, 31, 47, 48, 49, 50, 65, 101, 102, 103, 104, 105  
 Остин Дж. – 81  
 Оуэн М. – 350  
 Оуэнс Дж. – 326, 509, 515  
 Ощепков Г.Г. – 638  
 Ощепков П.Г. – 638

**П**  
 Павлов А. – 322  
 Павлов С.О. – 382  
 Павлуцкий А. (*Pawlucki A.*) – 33  
 Палеологос К. (*Paleologos Cleanthis*) – 70, 102, 234, 235

Палмер К. – 492  
 Палосуо Х. – 639, 644, 645, 648, 683  
 Пальм Дж. (*Palm J.*) – 675, 680  
 Паначев В.Д. – 341, 539, 540, 568  
 Панвиц Р. – 82  
 Панетта Ф. – 594  
 Панченко А. – 169  
 Папп Г. (*Papp Gabor*) – 343  
 Парк Р.Дж. (*Park R.J.*) – 104  
 Парменид – 50  
 Паронджанов В. – 600  
 Парсонс Т. – 199  
 Паршиков А.Т. – 426, 428, 447, 704, 709  
 Паршикова Н.В. – 324, 636, 638  
 Парыгин Б.Д. – 286  
 Парьенте Р. (*Parienté R.*) – 383, 429  
 Пауэл Дж. (*Powell John*) – 346, 459, 460  
 Паскаль Б. – 131, 134, 460  
 Пахомова Г.В. – 638  
 Пац-Помарнацкий А. – 429  
 Пашен К. – 460  
 Певцевич Я. – 382, 391, 430  
 Пегов В.А. – 334  
 Педдик Р. – 261  
 Пейкер И. (*Peyker Ingo*) – 346  
 Пеле – 348, 349, 350, 423  
 Пелл К. (*Pell Claiborne*) – 355  
 Пенфилд А. – 601  
 Переверзин И.И. – 539, 637  
 Перевозников А.А. – 539, 704  
 Передельский А.А. – 68, 84, 102, 108, 127, 523, 540, 544, 704, 706, 709  
 Перикл – 835  
 Перкинс П. (*Perkins P.*) – 35  
 Перри К. (*Perry Clifton*) – 47  
 Перри Л.Р. (*Perry L.R.*) – 467  
 Першин В.Б. – 162  
 Петлеванный Г.Ф. – 343, 384, 428, 447, 704, 708  
 Петри Б.М. (*Petrie Brian M.*) – 268, 514, 533  
 Петришак Н. (*Petryszak Nicholas*) – 193, 346  
 Петров А.Н. – 459  
 Петров В.П. – 127  
 Петров П.К. – 127  
 Петров Р. – 236, 505  
 Петров Ю.А. – 131, 132, 136, 137  
 Петров Ю.В. – 147  
 Петрова Н. – 236  
 Петрова Т.А. – 102, 622  
 Петрович К. (*Petrovic Kresimir*) – 458, 460  
 Петрухин В.Г. – 156  
 Петушкова Е.В. – 331, 380, 391, 505  
 Печерский Н.В. – 233  
 Печчеи А. – 70, 71, 74, 599  
 Пешков А.И. – 20, 103  
 Пиаже Ж. – 209  
 Пивоваров Г.А. – 822  
 Пилюян Р.А. – 102, 127, 194, 406, 540, 544  
 Пильц Г. (*Pilz Günter*) – 183, 327, 343, 345, 346, 355, 386, 436

Пинтер С. (*Pinter Stanislav*) – 300, 324  
 Пиотровски Л.М. – 638  
 Пирожников Р.А. – 343, 384  
 Пиррон – 50  
 Пирс Ч.С. – 11, 82  
 Пирсон К. (*Pearson Kathleen*) – 32, 47  
 Пистун Н.В. – 382  
 Питер Дж.И. (*Peter J.I.*) – 345  
 Пивоваров Г.А. – 659  
 Пигтак – 72  
 Пифагор – 50, 601  
 Платон – 10, 35, 39, 44, 50, 65, 71, 99, 101, 130, 134, 234, 235, 296, 460, 482, 584, 590, 601, 688  
 Платонов В.Н. – 342, 382, 383  
 Платонов С.И. – 345  
 Плеснер Г. (*Plessner H.*) – 44, 207, 210  
 Плеханов Г.В. – 210  
 Плотин – 50  
 Плэк А. (*Plack A.*) – 211  
 Поволны Л. (*Powolny L.*) – 667  
 Подкорытов Г.А. – 153  
 Подольский В.Г. – 298, 617  
 Подорога В. – 102, 621, 667, 674  
 Полетаева Н.Н. – 25, 102, 211, 213  
 Поликарпов В.С. – 71  
 Поликарпова Г.М. – 704, 708  
 Полонский Д. – 300  
 Полянский В.П. – 672  
 Пономарев Н.А. – 102, 127, 164, 622, 636, 685, 686, 687  
 Пономарев Н.И. – 102, 127, 133, 164, 190, 207, 210, 301, 386, 515, 534, 538, 562, 571, 636, 687  
 Пономарчук В.А. – 102, 175, 182, 202, 299, 343, 344, 617, 622, 636, 640, 649, 687, 688  
 Попов В.Г. – 597  
 Попов Г.В. – 343, 447, 637, 704, 705, 707, 708  
 Попов Г.И. – 16  
 Попов Н. – 102  
 Попова Т.А. – 637, 675, 684  
 Поппер К. – 128  
 Портман – 44  
 Портных Ю.И. – 209  
 Порус В.Н. – 597  
 Посошков И.Д. – 299  
 Постой Б.К. (*Postow Betsy C.*) – 32  
 Посьелло К. (*Pociello Christian*) – 102, 248, 268, 322, 401, 530, 556, 571  
 Поташов А. – 322  
 Починкин А.М. – 384  
 Починкин В.М. – 102, 178, 181, 431, 480, 507, 534, 538  
 Праздников Г.Л. – 25, 211, 317  
 Прайс Б. (*Price Bob*) – 397, 398  
 Праманн У. (*Pramann U.*) – 679  
 Прейсинг В. (*Preising W.*) – 429  
 Приставкина М.В. – 305  
 Приштока Г. (*Prisztóka Gyöngyvér*) – 343  
 Прокопчук Ю.А. – 343, 384, 704, 705, 707, 708  
 Прокофьев А.В. – 68  
 Протагор – 44, 50, 69  
 Прохазка К. – 301, 326, 419  
 Прохоров Д.И. – 301, 332, 352, 510, 511



Прохорова М.В. – 368  
 Прувулович З.Р. (*Pruvulovich Z.R.*) – 317, 465  
 Прядеин А. – 212  
 Прядченко В.Ф. – 234, 584  
 Пугачева Ж.И. – 659  
 Пуйсиене Е. (*Puisiene Elena*) – 579  
 Пуре А. (*Pouret Henry*) – 211, 212, 213, 232, 245, 327  
 Пусе У. (*Puhse U.*) – 446  
 Пустовалов З.М. – 452  
 Пфетш Ф. (*Pfetsch F.*) – 538  
 Пфистер Р. (*Pfister R.*) – 351, 531, 538  
 Пшилуска-Фишер А. (*Przyluska-Fischer A.*) – 27, 34, 36, 41, 667  
 Пылева О. – 341  
 Пьерон М. (*Pieron M.*) – 343  
 Пэрри Дж. (*Parry Jim*) – 211, 213, 215, 223, 248, 249, 256, 257, 328, 401, 406, 467, 489, 556  
 Пэрри С. (*Parry S.*) – 32  
 Пэциорек М.Дж. (*Paciorek M.J.*) – 324  
 Пясецкий Э. (*Piasecki E.*) – 33

Равель Ж.Ф. – 498  
 Радугин А.А. – 199  
 Радугин К.А. – 199  
 Райл Г. (*Ryle G.*) – 81, 471  
 Раймерс Н.Ф. – 74, 268, 598  
 Ракигов А.И. – 11, 13, 103, 147  
 Ранья М. Вакес – 406  
 Раскин Х. (*Ruskin Hillel*) – 277, 321, 322, 346  
 Рассел Б. (*Russell B.*) – 50, 134, 512  
 Рассел К.Р. (*Russell Kathryn R.E.*) – 212, 215  
 Расторгуев В.Н. – 385, 386, 388  
 Ратнер А.Б. – 270, 375, 376, 378, 381, 382, 383, 405, 507  
 Ратнер Я.В. – 296  
 Рафаэль Санти – 214, 601  
 Реан А.А. – 287, 288  
 Реберг Р. (*Rehberg R.*) – 533  
 Резников Ю.А. – 220  
 Рейган Р. – 354, 515, 574  
 Рейд Л.А. (*Reid Louis Arnaud*) – 211  
 Рейхенбах Х. (*Reichenbach H.*) – 11, 130, 131  
 Рен Х. (*Ren Hai*) – 393  
 Реньер Г. (*Regnier Guy*) – 343  
 Решина Т.М. – 71, 585  
 Рерих Н.К. – 93, 326, 584  
 Рерих С. – 74, 268, 584  
 Рестон Дж. – 515  
 Рехберг Р. (*Rehberg R.*) – 542  
 Речек В. – 260  
 Рёш Г.Е. (*Rösch H.E.*) – 524  
 Решетнева Г.А. – 127, 630, 687  
 Решетников Г. – 318  
 Рибель В. – 571  
 Риган Т. (*Regan T.*) – 47  
 Ригауэр Б. (*Rigauer Bero*) – 42, 55, 207, 210, 211, 278  
 Ридер Г. (*Rieder Hermann*) – 324  
 Рис К.Р. (*Rees C.R.*) – 343, 344  
 Рийсдорп К. (*Rijsdorp Klaas*) – 88

Риккерт Г. – 563  
 Рикс Д.М. (*Reeks Daniel M.*) – 192, 346  
 Риксон Р. – 641  
 Риокс Дж (*Rioux Georges*) – 233  
 Риттнер Ф. (*Rittner Volker*) – 571, 659, 675, 676, 679, 680, 681  
 Рихтер Х.Э. (*Richter H.E.*) – 328, 329  
 Ричардс Д. (*Richards D.A.J.*) – 26  
 Робберт Н.Ф. (*Robbert Nils F.*) – 207  
 Робертс Г. (*Roberts G.*) – 420  
 Робертс Т. Дж. (*Roberts Terence J.*) – 33, 47, 211, 218  
 Робинс Д. (*Robins D.*) – 345  
 Робинсон Р. (*Robinson R.*) – 130, 132  
 Рогге Ж. – 400, 405  
 Рогозкин В. – 667  
 Роджерс К. (*Rogers C.R.*) – 286, 287, 584  
 Родионов А.В. – 320, 684  
 Родиченко В.С. – 27, 102, 201, 211, 213, 214, 223, 258, 260, 270, 322, 378, 382, 383, 389, 404, 436, 507, 583  
 Родосский А. – 21  
 Родригез Р.Г. (*Rodriguez R.G.*) – 508  
 Родригес Р.Д. – 515, 531, 538, 539  
 Рожанский И.Д. – 70, 71, 234  
 Рожков П.А. – 522, 523, 531, 538, 540, 543, 544  
 Розенберг К. (*Rosenberg C.*) – 638  
 Розин В.М. – 16, 562, 563, 617, 621, 667  
 Розов М.А. – 136, 147  
 Розов Н.С. – 78  
 Ройс Дж. – 101  
 Романенко Н.В. – 102, 622  
 Романин А.Н. – 345  
 Ромэнс Т.Дж. (*Romance Thomas J.*) – 402  
 Рорти Р. (*Rorty R.*) – 47  
 Рост Ю. – 319  
 Роуз Д.А. – 391  
 Рубаненко А.М. – 638, 659  
 Рубчевский В.П. – 639  
 Рудакова Г.А. – 662  
 Руденик В.В. – 687  
 Руденкин В.Н. – 597  
 Рудзинский С. (*Rudzinski S.*) – 36  
 Рузавин Г.И. – 136  
 Рузвельт – 192  
 Руофф Б.А. (*Ruoff B.A.*) – 446  
 Русанова С.Н. – 622  
 Руссо Ж.Ж. – 35, 50, 101, 296  
 Рыбаков В.В. – 540, 544  
 Рыжкин Ю.Е. – 638  
 Рымарчик П. (*Rymarczyk Piotr*) – 637, 674, 675  
 Рыхтецки А. (*Rychtecky A.*) – 343  
 Рэй Т. (*Ray T.*) – 457, 458  
 Рэй Ю. (*Ray Judith*) – 637, 675  
 Рэндерс Дж. (*Randers J.*) – 76  
 Рэнсон Р. – 519, 637  
 Рэпп-Вагнер Р. (*Rapp-Wagner R.*) – 73  
  
 Савин В.А. – 519  
 Савицкая Э. – 70

Савосина М.Н. – 647  
 Сагалаков Д.А. – 278, 300, 325, 337, 340, 704, 706  
 Сагден Дж. (*Sugden John*) – 499  
 Сайганова С.С. – 622, 687  
 Сайко Э.В. – 617  
 Сайлэнс Л. (*Silanse Luc*) – 302, 346, 453, 573  
 Саймон Б. (*Simon Bob*) – 8, 50, 101  
 Саймон Р.Л. (*Simon Robert L.*) – 47  
 Сала Г. (*Sala Georges*) – 253  
 Салариа Д. – 207  
 Самаранч Х.А. (*Samaranch Juan Antonio*) – 252, 253, 269, 296, 337, 355, 375, 376, 377, 378, 381, 382, 383, 403, 405, 406, 498, 522, 530, 556, 579  
 Самойлов А. – 452  
 Самойлова Н.А. – 665  
 Самусенков О.И. – 83, 272, 299, 339, 343, 346, 384, 419, 425, 426, 428, 444, 447, 499, 704, 706, 707, 708  
 Самусенкова В.И. – 25, 211, 213, 215, 223, 555, 704, 706, 708  
 Сантаяна Дж. (*Santayana G.*) – 35, 50, 99, 101, 354  
 Сарам П.А. (*Saram P.A.*) – 304  
 Сараф М.Я. – 23, 25, 83, 102, 211, 213, 213, 215, 218, 222, 223, 270, 291, 292, 293, 295, 296, 299, 302, 318, 320, 339, 423, 436, 437, 462, 474, 480, 481, 555, 573, 706  
 Саркисова Л.С. – 219  
 Сартр Ж.П. (*Sartre Jean-Paul*) – 31, 32, 44, 50, 82, 99, 101, 286, 512  
 Саттон-Смит Б. (*Sutton-Smith B.*) – 99, 453  
 Сахаров А. – 75  
 Сахно А.В. – 617  
 Сверчевский Р. (*Swierczewski R.*) – 293, 302, 336, 573  
 Свищёв И.Д. – 127, 161  
 Святославский А.В. – 558  
 Севидов А.А. – 349  
 Сегал Ю.П. – 339, 343, 640, 682, 704, 708, 709  
 Сегрэйв Дж.О. (*Segrave J.O.*) – 249, 346  
 Седов А.В. – 429  
 Сеилерова Б. – 71, 585  
 Сейфарт Х. (*Seifart Horst*) – 357  
 Селиванова Н.Л. – 235  
 Селуянов В.Н. – 127  
 Семенов А.Г. – 299  
 Семенов В.Г. – 127  
 Семотюк Д.М. – 352, 418, 510, 522  
 Сенека Л.А. – 50  
 Сен-Пьер Бернарде де – 456  
 Сеппянен Р. (*Seppänen P.*) – 249, 273, 327, 351, 352, 380, 401, 417, 418, 508, 508, 509, 511, 514, 516, 531, 538, 571, 640, 659  
 Сербус Л. (*Serbus Ladislav*) – 291  
 Сергеев В.Н. – 343, 384  
 Сергеев М.И. – 127, 622, 640, 647, 682, , 706, 707  
 Серебряков А.В. – 515, 534, 538  
 Сидельников Т.Т. – 484  
 Сиджански Д. – 506, 538  
 Сидханга Н.К. (*Sidhanta N.K.*) – 179  
 Силва Дж.М. (*Silva J.M.*) – 343  
 Силкин Ю.Р. – 796  
 Симон Б. (*Simon Bob*) – 8, 47, 103  
 Симон Р.Л. (*Simon R.L.*) – 466  
 Симонович Л. – 341, 342  
 Сингер П. (*Singer P.*) – 47

Сингер Р.Н. (*Singer Robert N.*) – 346  
 Сироткина Б.А. – 455, 462  
 Сигдиков Ф. – 633, 660  
 Сичивица О.М. – 162, 164  
 Скаторщиков В.К. – 216, 218  
 Скенлен Т.К. – 458  
 Скирстад Б. (*Skirstad Berit*) – 446, 705  
 Скитневский В.Л. – 793  
 Скоробогатов А. – 640, 646, 647, 682, 704, 706, 709  
 Скрипко А.Д. – 102, 108  
 Сладек В. (*Sladek V.*) – 638  
 Слашер Г.С. (*Slusher H.S.*) – 83, 102, 212  
 Слипка Т. (*Slipko T.*) – 35  
 Слоун У. – 509  
 Сляднева Л.Н. – 665  
 Смелзер Н. (*Smelser N.J.*) – 199, 329  
 Смелкова Е.В. – 637, 638, 675  
 Смирнов В.А. – 181  
 Смирнов И.Н. – 70, 161, 666  
 Смирнов Н.Г. – 102, 622  
 Смирнов Н.К. – 662  
 Смирнов Ю.И. – 220, 221  
 Смирнова Е.О. – 456  
 Смит Г.Дж. (*Smith Garry J.*) – 429  
 Смит М.Д. (*Smith Michael D.*) – 346  
 Смит Т. – 513  
 Смолевский В.М. – 220  
 Сморду М. (*Smrdu Maja*) – 300, 324  
 Снيدر Э.Э. (*Snyder Eldon E.*) – 212, 215, 277, 294, 324, 558  
 Снядецкий Е. (*Śniadecki J.*) – 33  
 Соболева В.В. – 638, 675  
 Соьер – 11  
 Соколов А.С. – 523, 544  
 Соколов В.А. – 639, 640  
 Соколов К.Н. – 210  
 Соколов П.Л. – 709  
 Соколова Н.Л. – 71, 253, 585, 586  
 Сократ – 50, 65, 69, 82, 131, 292, 688  
 Сократес – 350  
 Солаков А. – 391, 482, 488, 489, 521  
 Солар А. (*Solar Ales*) – 300, 324  
 Соловьев Г.М. – 133  
 Сорокин П.А. – 563  
 Соткилава З. – 602  
 Спайкер С.Ф. (*Spiker Stuart F.*) – 24, 104  
 Спенсер Г. – 50, 81, 99, 101, 235  
 Спиваковская А.С. – 464  
 Спиноза Б. – 50  
 Спинрад В. (*Spinrad W.*) – 320, 329, 571  
 Спирос Л. – 508  
 Спок Б. – 458  
 Спрайтцер Э.А. (*Spreitzer Elmer A.*) – 212, 215, 277, 558  
 Спренгер Дж. (*Sprenger J.*) – 346  
 Станкевич Л.П. – 71  
 Станковская Е.Б. – 620, 674  
 Старовойтова О.Л. – 708, 709  
 Старт Б. – 463, 464

Старшинов В.И. – 298  
 Стеблецов Е.А. – 640  
 Степашко Л.А. – 235, 562  
 Степин В.С. – 15, 16, 71, 74, 78, 80, 136, 147, 590, 617  
 Степовой П.С. – 102, 127, 480, 507, 534, 538  
 Стефенс Т. (*Stephens Thomas*) – 675  
 Стивенсон К.Л. (*Stevenson C.L.*) – 508, 573  
 Стил М. (*Steel M.*) – 46, 127  
 Стоддарт Б. – 387  
 Стойкович С. – 460  
 Столбов В.В. – 233, 326, 327  
 Столленверк Г.Дж. (*Stollenwerk H.J.*) – 345  
 Столнитц Дж. (*Stolnitz J.*) – 219  
 Столов И.И. – 540, 544  
 Столович Л.Н. – 560  
 Столяров В. (*Stolyarov Vitali*) – 71  
 Стопникова Е.В. – 339, 343, 384, 428, 583, 604, 637, 639, 640, 641, 674, 682, 704, 708, 709  
 Стренк А. (*Strenk A.*) – 351  
 Стрепихеев В. – 513  
 Строусон П. – 81  
 Струков Э. – 585, 588  
 Струнина Е.Н. – 665  
 Стурнер Б. (*Sturner Bryan*) – 620, 667  
 Стэвин А. – 347  
 Стэдворд Р. (*Steadword Robert*) – 324, 325  
 Стюарт Э. (*Stewart Evan*) – 346  
 Су Й. – 493  
 Субетто А.И. – 74, 80, 268, 598  
 Сукарно (*Sukarno*) – 496, 497  
 Сулейманов И.И. – 133, 622  
 Сулейманян А. – 352, 499  
 Сульцбахер М. (*Sulzbacher M.*) – 705  
 Суник А.Б. – 233, 383, 406, 438, 539  
 Супиков В.Н. – 202, 667, 674  
 Суслов Ф.П. – 445  
 Сутер К. – 289,  
 Сухинин В.П. – 708  
 Суходольский Б. – 289, 304  
 Сухомлинский В.А. – 604  
 Сучилин А.А. – 233  
 Сушков М.П. – 423  
 Сыманович П.Г. – 687  
 Сысоев В. – 403, 404, 530  
 Съюненс Л. (*Suenens L.*) – 302, 328, 336  
 Сьютс Б. (*Suits Bernard*) – 31, 46, 571  
 Сэдлер У. А. (*Sadler William A. Jr.*) – 111, 278, 557  
 Сэйдж Х.Г. (*Sage H. George*) – 454, 533, 563  
 Сэкмэри Б.Д. (*Sackmary B.Д.*) – 100  
  
 Тавризян Г.М. – 71, 72, 590  
 Тазиев Р.В. – 341  
 Такач Ф. (*Takacz F.*) – 25, 102, 211, 213, 223, 291, 294, 319, 391  
 Талалаев Ю.А. – 301, 302  
 Талтыгина А.Ф. – 662  
 Тальбот Э. – 242  
 Тангян С. – 590  
 Тарабыкин А.В. – 325

Тарасов К.Е. – 70, 666  
 Тарпищев Ш.А. – 401  
 Татано Х. (*Tatano Hideo*) – 573  
 Таци Н. (*Tazi N.*) – 667  
 Тейлор Э. (*Tylor E.B.*) – 558  
 Телама Р. (*Telama R.*) – 343, 446  
 Темников Д.А., – 484  
 Тененбаум Г. (*Tenenbaum Gershon*) – 346  
 Теодораки Э. (*Theodoraki E.*) – 387, 388  
 Теплов Б.М. – 600  
 Тервилл П.Г. (*Turvill P.G.*) – 179  
 Терентьев О.Ю. – 341  
 Тернавский А.В. – 384, 420, 426, 428, 583, 704, 707, 708  
 Тернер Б.С. (*Turner B.S.*) – 24, 620, 667, 668, 670, 674  
 Тер-Ованесян А.А. – 452  
 Тер-Ованесян И.А. – 452  
 Тертуллиан – 50  
 Тетш Е. (*Tetsch E.*) – 183  
 Тидт В. (*Tiedt W.*) – 638  
 Тилман Р. – 71  
 Тимирязев К.А. – 153  
 Тимофеев А.И. – 20, 21, 674  
 Тищенко Н. – 293  
 Тойнби А. (*Toynbe A.*) – 35  
 Токач М. – 659  
 Толстой А.Н. – 217  
 Толстой Л.Н. – 456  
 Толстых В.И. – 216  
 Томас К.Э. (*Thomas Carolyn E.*) – 102, 104  
 Томилов В.Н. – 345  
 Томлинсон А. (*Tomlinson Alan*) – 499  
 Томпсон К. (*Thompson K.*) – 468  
 Томпсон П.Б. (*Thompson Paul B.*) – 47  
 Томпсон Р. – 268, 480  
 Томсон Э. – 382  
 Торрегроса М. (*Torregrosa M.*) – 343  
 Тощенко Ж.Т. – 684  
 Травайю И. (*Travaillot I.*) – 620, 667,  
 Травин Ю.Г. – 445  
 Трёгер В. (*Tröger Walther*) – 389  
 Трентер Н. (*Treter Neil*) – 202, 530  
 Трескин А. – 539  
 Третьяк В. – 293  
 Трушкова М.П. – 637  
 Тумаларьян В.М. – 524  
 Тумин М. (*Tumin M.*) – 175  
 Турсунов А. – 162  
 Тухей Д.П. (*Toohy D.P.*) – 330, 351, 508  
 Тхостов А.Ш. – 621, 667  
 Тымовски Г. (*Tymowski Gabriela*) – 446  
 Тышка А. (*Tyszka A.*) – 302, 320, 573  
 Тышковская И.Г. – 102, 666  
 Тэйлор И. (*Taylor I.*) – 346  
 Тэн – 241  
 Тюленков С.Ю. – 453

Уайтинг Г.Т. (*Whiting H.T.*) – 211, 214  
 Уайтхед А.Н. (*Whitehead A.N.*) – 50, 101, 134  
 Уиллис П. (*Willis P.*) – 530  
 Уиллис Р. (*Willis Ray*) – 667  
 Уильямс Дж. (*Williams J.*) – 345  
 Улатовский Т. (*Ulatowski T.*) – 65  
 Уманская Т.А. – 621, 674  
 Урбанковский Б. (*Urbankowski B.*) – 34, 36, 302, 573, 667  
 Урсул А.Д. – 76  
 Урукова Г.М. – 330  
 Усаков В.И. – 682  
 Устиненко В.И. – 188, 194, 207  
 Уткин В.Л. – 291, 664  
 Уутела А. – 639, 644, 645, 648, 683

Фавре С. (*Favre Sisto*) – 232  
 Файгенбаум Э. – 459  
 Файнбург З.И. – 288, 315  
 Фалалеев А.Н. – 127, 622, 682, 706, 707  
 Фалес – 50, 72, 169  
 Фамэй-Лэмон А. (*Famaey-Lamon A.*) – 429  
 Фанагорская Т.П. – 421  
 Фатин А.В. – 579  
 Фауре Р. (*Faure Roland*) – 429  
 Фаустова Э.Н. – 597  
 Федосов В.Г. – 555, 705  
 Федотова В.Г. – 597  
 Фезерстоун М. (*Featherstone Mike*) – 620, 667  
 Фейерабенд П. – 83, 128, 162  
 Фейербах Л. – 82  
 Феллоуз Д. – 232  
 Фелтц Д. (*Feltz D.*) – 343  
 Фельдеши Г.Ш. (*Földesi Gyöngyi Szabó*) – 343, 344, 345, 640  
 Фельдеши Т. (*Földesi Tomas.*) – 279, 436, 682  
 Фельдштейн Д.И. – 464, 597  
 Ферракути Ф. (*Ferracuti F.*) – 564  
 Ферран Ж. (*Ferran Jacques*) – 429  
 Ферс Р. (*Firth R.*) – 99  
 Фестингер Л.А. (*Festinger L.A.*) – 172  
 Феськов А.А. – 289  
 Фетисов В.А. – 346  
 Фетисова С.Л. – 209  
 Феттерс Дж. (*Fetters J.*) – 291  
 Фехер М. (*Feher M.*) – 667  
 Фешбах С. (*Feshbach S.*) – 305  
 Фиалова Л. – 667, 683  
 Фигли Б.Э. (*Figley B.E.*) – 640  
 Физелл Р.М. (*Feezell Randolph M.*) – 32, 47, 393, 394  
 Филдинг М. (*Fielding M.*) – 187, 457, 458, 465, 466, 467  
 Филева В. – 327  
 Филимонова С.А. – 102, 187, 188, 189, 288, 315, 622, 640, 687  
 Филин В.П. – 127, 445, 452, 455, 462  
 Филиппик Т. (*Filipic Tjasa*) – 300, 324  
 Филиппова Л.В. – 617, 637, 638, 659, 662  
 Филон Александрийский – 50  
 Финк Э. (*Fink Eugen*) – 32  
 Фирсин С.А. – 593, 709

Фихте И.Г. – 50, 101  
 Фишер К. (*Fisher C.*) – 564  
 Фишер С. (*Fisher Sigmar*) – 327, 345, 355, 386  
 Флеминг Л. (*Fleming L.*) – 431  
 Флемминг П. – 515  
 Флюгельман Э. (*Fluegelman Andrew*) – 638  
 Фоллоуз Д. – 286, 406  
 Фолькамер Х. (*Volkamer H.*) – 304, 329  
 Фольквейн-Каплан К.А.Е. (*Volkwein-Caplan Karin A.E.*) – 8, 23, 50, 101, 102, 103, 342, 401, 404, 474, 555, 637, 667, 674, 675, 676  
 Фолькьерска А. (*Folkierska A.*) – 572  
 Фольтц У.Дж. (*Foltz W.J.*) – 351  
 Фома Аквинский – 50, 84, 101  
 Фомин В.С. – 127  
 Фомин Ю.А. – 133, 164, 480, 538, 686  
 Форд Дж. – 352, 510, 515, 521  
 Фралеи У.П. (*Fraleigh Warren P.*) – 32, 41, 47, 469  
 Франк А. (*Frank A.*) – 667  
 Франк С.Л. – 73  
 Франк Ф. – 81, 131  
 Франке Э. (*Franke Elk*) – 102, 102, 238, 247, 248, 249, 251, 278, 302, 308, 334, 343, 401, 446, 509, 530  
 Франкис Л.П. (*Francis Leslie Pickering*) – 47, 300, 324  
 Франкл В. (*Frankl V.E.*) – 83, 286, 287, 329  
 Франклин Б. – 44  
 Франкс Д.Б. (*Franks Don B.*) – 617, 675  
 Франс У. Л. (*France Wellman L.*) – 101, 104  
 Франциско М.Т. (*Francisco Marius Theodule*) – 387  
 Французова Н.П. – 147  
 Фрей П. (*Frey P.*) – 705  
 Фрейд З. (*Freud S.*) – 35  
 Френкель Я.И. – 601  
 Френкин А.А. – 25, 102, 211, 212, 219, 220, 253, 291, 296, 320, 321  
 Фриденберг Э. – 212  
 Фройнд П. (*Freund P.*) – 617, 620, 621, 667  
 Фролов И.Т. – 68  
 Фролов С.С. – 199  
 Фромм Э. – 68, 71, 286, 287, 289, 352, 683  
 Фроньер Э. (*Frogner E.*) – 343  
 Фрэйссинэ П. (*Frayssinet Paul*) – 211, 212, 215  
 Фудзии Х. – 637  
 Фуко М. – 83  
 Функе Дж. (*Funke J.*) – 664  
 Фурье Ф. – 235, 730  
 Фьют И.С. (*Fiut I.S.*) – 35  
 Фэчайлд Д.Л. (*Fairchild David L.*) – 278, 436, 437, 555, 556

Хааг Герберт (*Haag Herbert*) – 104  
 Хабермас Ю. (*Habermas J.*) – 42, 211, 278  
 Хайдарова Г.Р. – 674  
 Хайдеггер М. – 44, 50, 68, 71, 73, 75, 81, 82, 99  
 Хай-Керкдал (*Hye-Kerkdal*) – 99  
 Хаймерл Б. (*Haimerl B.*) – 446  
 Хайнеманн К. (*Heinemann Klaus*) – 24, 137, 161, 190, 202, 210, 457, 501, 571, 572, 619, 620, 621, 640, 641, 642, 667, 668, 674, 681  
 Хайнрих И. (*Heinrich Ignace*) – 253, 391  
 Хайош А. (*Hajos Alfred*) – 601



Хайс У. – 515  
 Хайтмейер В. (*Heitmeyer W.*) – 345  
 Хаккер Ф. – 386  
 Хам Г.С. – 342, 381, 459, 544  
 Хан Э. (*Hahn Erwin*) – 345, 446  
 Хан Х. (*Hahn Harlan*) – 669  
 Харгривс Дж. (*Hargreaves J.*) – 42, 278  
 Хардмэн К. (*Hardman K.*) – 446  
 Харламенкова Н.Е. – 351  
 Харпер У.А. (*Harper W.A.*) – 104  
 Харрис Р. (*Harris R.*) – 345  
 Хартман Б. (*Hartmann B.*) – 83  
 Харькин В. – 637  
 Хачатрян М.М. – 71  
 Хезерингтон К. У. (*Hetherington Clark W.*) – 101  
 Хёйзинга Й. (*Huizinga J.*) – 31, 44, 99, 102, 169, 173, 177, 178, 179, 180, 207, 210, 555, 557  
 Хейнила К. (*Heinilä K.*) – 27, 102, 278, 297, 298, 307, 308, 329, 331, 343, 344, 346, 354, 391, 417, 418, 419, 421, 423, 424, 427, 429, 437  
 Хекхаузен Х. (*Heckhausen H.*) – 173  
 Хеланко Р. (*Helanko Rafael*) – 209  
 Хеллер М. (*Heller M.*) – 35  
 Хеллер К. – 492  
 Хён Э. – 240, 243, 245, 246, 247  
 Хенри И. (*Henry I.*) – 387, 388  
 Хепуорс М. (*Hepworth Mike*) – 620, 667  
 Херман М. – 525  
 Херрон Р. (*Herron R.*) – 453  
 Хескет Г.Л. (*Hesketh Graham L.*) – 173, 174, 175, 179, 180, 200  
 Хиетанен А. (*Hietanen A.*) – 326, 492  
 Хиланд Д.А. (*Hyland Drew A.*) – 32, 47, 104, 177, 181  
 Хилел – 72  
 Хилт М. (*Hilt M.*) – 393  
 Хлопков А.В. – 480, 537, 704, 706  
 Хоббс Д. (*Hobbs D.*) – 345  
 Хоберман Дж. М. (*Hoberman John M.*) – 32, 340, 401, 402  
 Ходан Б. (*Hodan B.*) – 102  
 Хойл Ф. – 601  
 Холер В. (*Hohler Vilem*) – 291  
 Холодковский Н.А. – 601  
 Холостова Е.И. – 484  
 Холщевникова Т. – 270, 523, 540, 544  
 Хомейни Х. – 510  
 Хонер Э. (*Honer A.*) – 675, 680  
 Хоркхаймер М. (*Horkheimer Max*) – 32  
 Хортледер Г. (*Hortleder G.*) – 336  
 Хоу П.Д. (*Howe P. David*) – 300, 324  
 Хоули Э.Т. – 637, 675  
 Хоуэлд Г. (*Howald H.*) – 446  
 Хофман А. (*Hofmann Annette*) – 480  
 Хоффман Д. (*Hoffmann D.*) – 675, 676, 678  
 Хох П. (*Hoch P.*) – 278, 458  
 Хохлова В.В. – 456  
 Христенсен М. (*Christensen M.*) – 387, 388  
 Хуссам М. – 524  
 Хьелл Л. – 286  
 Хьюс Р.Г. (*Hughes Robert H.*) – 345  
 Хэгстром У. – 178, 181

Хэкфорс Дж. (Hackforth J.) – 429  
Хэлстер Л. Дж. (Huelster Laura J.) – 421  
Хэн Х. (Hahn Harlan) – 835  
Хэстэд Д. (Hastad D.) – 346  
Хэтфилд Ф. (Hatfield Frederick) – 345, 352, 427, 511  
Хямялайнен Марья–Лииса – 508

Цан Т. (Zahn T.) – 554  
Царик А.В. – 622  
Цейглер Э.Ф. (Zeigler Earle F.) – 14, 41, 85, 101, 102, 105, 421  
Цейс К. (Zeiss C.) – 83  
Цинарский В.Е. (Cynarski Wojciech J.) – 34  
Цирик Б.Я. – 346  
Цицеро Л. (Cicero L.) – 457, 458  
Цицерон М.Т. – 50, 70  
Цыган Р.Е. (Cygan Rev. J.) – 36  
Цьупак З. (Ciupak Z.) – 294

Чавчавадзе Н.З. – 563  
Чан Д. – 602  
Чарльтон Б. – 350  
Чарновский С. – 415  
Чеботкевич В.И. – 571, 636  
Чемберлен У. – 515  
Чемпион Л. (Champion L.) – 675  
Чемпион Н. (Champion N.) – 675  
Чепик В.Д. – 156, 540, 544, 636, 637  
Черевач И.В. – 384, 402, 426, 428, 704, 708, 709  
Черкесов В.И. – 66  
Черненко Е.К. – 70, 666  
Черненко К.У. – 513  
Черникова О.А. – 295  
Чернов К.Л. – 181, 187  
Черны Й. (Černý J.) – 83, 102, 215, 290, 291, 292, 294, 299, 306, 320, 323  
Чернышевский Н.Г. – 12  
Чернявичюте Ю.Ю. – 667, 674  
Черняев В.В. – 584  
Черч Р.М. (Church R.M.) – 171  
Ческа Э.Т. (Cheska Alyce Taylor) – 299, 320  
Чесноков Н.Н. – 426, 428, 705  
Четэвэй К. (Chataway C.) – 354, 498  
Чехак В. (Čechak V.) – 659  
Чикшентмихалий М. (Csikszentmihalyi Mihaly) – 557, 667  
Чирков Б. – 300  
Чистякова Л.М. – 617, 638  
Чубарьян А.О. – 76, 590  
Чубукова Ю.А. – 539  
Чувилкин Д.Ю. – 622, 636  
Чумаков А.Н. – 11  
Чэтцифстэтью Д. (Chatziefstathiou D.) – 387, 388

Шабанска Т. – 568  
Шабунин В.В. – 682  
Шаддад К.Х. (Shaddad Kamal Hamid) – 256, 391  
Шадриков В.Д. – 70  
Шалманов А.А. – 127  
Шанц О. (Schantz Otto) – 232, 300, 324, 325

Шапкова Л.В. – 300, 324, 325, 394, 399, 638  
 Шарабарова И.Н. – 220  
 Шарагин И.А. – 484  
 Шарипова С.М. – 662  
 Швейцер П. – 601  
 Швендтер Р. (*Schwendter R.*) – 564  
 Швиер Й. (*Schwieb J.*) – 453, 454  
 Швырев В.С. – 136  
 Шегрен Д.Д. (*Sjogren D.D.*) – 172  
 Шелер М. – 7, 15, 50, 82, 99  
 Шеллинг Ф.В. – 35, 50, 108  
 Шемуратов Ф.А. – 108, 674, 675  
 Шереги Ф.Э. – 483  
 Шерер Д. (*Scherer D.*) – 47  
 Шерер К.А. (*Scherer K.A.*) – 530  
 Шериф К.У. (*Sherif Carolyn W.*) – 173, 304, 329, 458  
 Шериф М. (*Sherif Muzafer*) – 172, 178, 304, 329, 458  
 Шеррил К. (*Sherrill Claudine*) – 300, 324  
 Шестаков В.П. – 99, 108  
 Шестаков М.П. – 127  
 Шестов Л. – 82  
 Шиверс Дж. (*Shivers Jay*) – 345, 345,  
 Шилдс Д.Л. (*Shields David L.*) – 343, 345, 402, 420  
 Шиллер Ф. – 99, 101  
 Шиллинг Г. (*Schilling Guido*) – 346  
 Шиллинг К. (*Shilling Chris*) – 24, 620, 667, 674  
 Шилов В.Н. – 560  
 Шилова Л. – 639, 644, 645, 648, 683  
 Шимин Н.Д. – 71  
 Шимичек О. (*Szymiczek Otto*) – 70, 232, 234, 252  
 Шинник Ф.К. (*Shinnick Philip K.*) – 387  
 Шиппергес Г. (*Shipperges H.*) – 621  
 Шипунов Д.В. – 638, 675  
 Ширак Ж. – 521  
 Шкуратов В. – 621  
 Шлейермахер Ф. – 50, 81, 462  
 Шмидт Г.Д. (*Schmidt H.D.*) – 351  
 Шмидт Т. (*Schmidt Th.*) – 183  
 Шмитц К.Л. (*Shmitz Kenneth L.*) – 31, 35, 207, 336  
 Шопенгауэр А. – 10, 50, 82  
 Шпенглер О. – 35, 557  
 Шрёдер В. – 327, 328, 556  
 Штайнер Р. – 234, 584, 585  
 Штайнитцер Г. (*Steinitzer H.*) – 23, 555  
 Штейнхаус А.Г. (*Steinhaus Arthur H.*) – 70, 234  
 Штемме Ф. – 192, 308, 332, 434, 435, 499  
 Штрийтматтер К. (*Strittmatter K.*) – 509, 524, 525, 535, 536, 537, 683  
 Штроемeyer Г. (*Strohmeyer H.*) – 446  
 Шукис С. – 343  
 Шульке Х.Ю. (*Schulke Hans-Jurgen*) – 109, 331, 480, 520, 533  
 Шульте Р.В. (*Schulte R.W.*) – 104, 659, 667  
 Шульц Н. (*Schulz N.*) – 187, 667, 676  
 Шумакова Н.Ю. – 25, 234, 584, 638  
 Шуц А. (*Schütz A.*) – 44  
  
 Щелкина Л.В. – 102, 622, 662  
 Щепаньский Я. – 560

Щетинина С.Ю. – 687  
Щеулов И.В. – 524

Эбберли П. (*Abberley P.*) – 395  
Эбер Жорж – 187, 339, 431, 456, 462  
Эверт К. – 515  
Эдвардс Г. (*Edwards H.*) – 345, 438  
Эдуард VII – 202  
Эйд Дж. (*Ade J.*) – 531, 538  
Эйдфоуп Х. (*Adefope H.E.O.*) – 330  
Эйзенхауэр Д. – 515  
Эйнштейн А. – 35, 131, 601  
Эйсебио – 349  
Эйткен Б.У. (*Aitken Brian W.W.*) – 83  
Эйхер О. (*Aicher Otl*) – 556  
Экхарт И. – 50  
Элвуд К.Д. (*Elwood Craig D.*) – 104  
Элиас Н. (*Elias N.*) – 192, 193, 328, 345, 557  
Эллиот Р.К. (*Elliot R.K.*) – 193, 291  
Эллиссон М.Т. (*Allisson M.T.*) – 72, 74, 111, 182, 343, 399  
Элфелдт Л. (*Ellfeldt Lois*) – 88  
Эльконин Д.Б. – 209  
Эмпедокл – 50  
Эмрих Э. – 446  
Энгельс Ф. – 149, 151, 154, 156, 157, 158, 233, 296, 585  
Энгстром Л.М. (*Engström Lars Magnus*) – 446  
Энкор Р. (*Anchor R.*) – 180  
Энгжес П. – 220  
Энтони Д. (*Anthony Don*) – 233, 239, 382  
Эпикур – 50  
Эпштейн Л. – 515, 531, 538  
Эрдем С. – 382, 501  
Эриугена – 50  
Эспи Р. (*Espy R.*) – 480, 495, 496, 499, 500, 504  
Эспозито Дж. (*Esposito Joseph*) – 32  
Эш А. – 515  
Эшворс Э.Э. (*Ashworth E.E.*) – 302, 573

Юберхорст Х. (*Ueberhorst Horst*) – 514  
Ювенал – 240  
Юм Д. – 50  
Юнг К. (*Jung Kurt*) – 531  
Юнгк Роберт – 391, 392, 500

Явлинский Г.А. – 330  
Яворский З. (*Jaworski Z.*) – 65  
Ядов В.А. – 560  
Яков I – 268  
Якубовская А.Р. – 638  
Ялурис Н. (*Yalouris N.*) – 395  
Ямбург Е.А. – 600  
Янг Д.К. (*Young D.C.*) – 70, 234, 249  
Янг И.М. (*Young Iris Marion*) – 32, 47  
Янг К.М. (*Young Kevin M.*) – 193, 346  
Янковский К. (*Jankowski K.*) – 558  
Ярви Г. (*Jarvie Grant*) – 555, 568  
Ясперс К. – 35, 44, 50, 82, 99, 101

Яхонтов Е.Р. – 127, 133, 622  
Яшин Л. – 293